Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Филологический факультет
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики

Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект

Москва
«Буки Веди»
2017

УДК 811.512.145
ББК 81.632.3

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ)
проект № 16-18-02081

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Рецензенты:
чл.-корр. РАН А.В. Дыбо, ак. РАН В.А. Плунгян

Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект / Ред. С.Г. Татевосов, А.Г. Пазельская, Д.Ш. Сулейманов — М.: «Буки Веди», 2017. — xxviii + 764 с. — ISBN 978-5-4465-1693-3

В монографии описываются базовые характеристики мишарского диалекта татарского языка на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и дискурсивном уровнях. Книга охватывает широкий спектр грамматических и семантических явлений, от актантно-деривационной морфологии до вариативного маркирования прямого дополнения и семантики будущих времен, которые описываются и анализируются с применением функционально-типологических, формально-синтаксических и теоретико-модельных приемов исследования естественного языка. Грамматическое описание сопровождается коллекцией текстов разных жанров с поморфемным и литературным переводами. Издание рассчитано на читателей, которые интересуются проблемами синтаксиса, семантики и лингвистической типологии, тюркологов и всех, кто интересуется татарским языком и его диалектами.

ISBN 978-5-4465-1693-3 © Коллектив авторов, 2017

Памяти Александра Евгеньевича Кибрика

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Об истории этого издания

Эта книга продолжает две неразделимые линии исследования. Одна из них — магистральная. Это работа по описанию языков народов России и СССР на Отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, начало которой положил А.Е. Кибрик в 1967 году экспедицией в дагестанский аул Хурхи. К 50-летнему юбилею экспедиции в работу оказались вовлечены десятки языков, относящихся почти ко всем расположенным на территории России генетическим и ареальным общностям, — алтайские, абхазо-адыгские, иранские, картвельские, северокавказские, уральские, чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские.

Магистральная линия дает ответвление — серию полевых исследований тюркских языков, которые стали регулярными с 1999 года, но начались намного раньше — экспедицией в Туву в 1986 году. Тюркских экспедиций, проведенных Отделением, к моменту подписания этой книги в печать было десять. Кроме тувинского, они исследовали алтайский язык (тубаларский, или тубинский диалект, 2006), чувашский (2001), карачаево-балкарский (2002, 2004, 2013) и, самое главное, мишарский диалект татарского языка (1999–2000, 2011–2012). Результатом стали монография, посвященная карачаево-балкарской глагольной системе (Лютикова и др. 2006), сборник статей о синтаксисе и семантике мишарского диалекта (Лютикова и др. (ред.) 2007) и сборник статей о тубаларском диалекте (Татевосов (ред.) 2009). Эта книга — четвертое издание в библиотечке полевой тюркологии Отделения теоретической и прикладной лингвистики.

2. О мишарском диалекте

Мишарский диалект занимает в тюркологической истории Отделения и в личной истории редакторов этой книги особое место. Первая поездка состоялась в 1999 году в с. Татарский Елтан Чистопольского района Татарстана по инициативе одного из редакторов, который убедил А.Е. Кибрика, что для занятий татарским языком и его диалектами созрели все предпосылки. Для другого редактора это была первая в жизни экспедиция, а для еще одного — первая экспедиция, которую ему выпало возглавлять. Через год все повторилось на том же месте практически в том же составе, и повторилось успешно.

По результатам исследования чистопольского говора вышел упомянутый выше сборник из десяти статей, посвященных самым разнообразным синтаксическим и семантическим сюжетам. Книга заново открыла жанр экспедиционного сборника: знаменитые теперь Тестелец (ред.) 2009 и Сай и др. (2009) готовились и вышли в свет позже.

На новом историческом этапе Отделение вернулось к мишарскому диалекту после 10-летнего перерыва — в 2011 году. Если не считать руководителей, состав экспедиции полностью обновился, но новая команда продолжила изучение диалекта с прежним воодушевлением. После возвращения на год в Чистопольский район, с. Кулушкино (Яуширма), экспедиция решила, что нуждается в опыте другого говора, расположенного на некотором удалении, — и отправилась в с. Большое Рыбушкино Краснооктябрьского района Нижегородской области. Две экспедиции 10-х годов позволили не только узнать о диалекте много нового, но и посмотреть свежим взглядом на результаты, полученные десятилетием раньше. Таким образом, проект охватил три идиома, принадлежащие двум говорам по классификации Л.Т. Махмутовой (Махмутова 1978) — чистопольскому (с. Татарский Елтан и Кутлушкино (Яуширма)) и сергачскому (с. Большое Рыбушкино).

Исследование мишарского диалекта получило новый импульс благодаря Российскому научному фонду, сделавшись составной частью проекта «Четыре грамматических описания языков России как многоязычного государства» (грант 16-18-02081, выполняемый в МГУ имени М.В. Ломоносова). Именно работа над проектом РНФ позволила подготовить и издать эту книгу, соединив достижения по изучению диалекта, которых удалось добиться усилиями примерно 30 человек, работавших на протяжении 17 лет.

Впрочем, общее мнение авторов и редакторов книги состоит в том, что работа над мишарским диалектом не заканчивается. Хотя, как кажется, уже есть определенные наработки, намного больше еще только предстоит узнать.

3. О жанровом своеобразии

Жанр этого издания — «Элементы языка в типологическом освещении» — имеет прямой прообраз: книгу о цахурском языке Кибрик (ред.) 1999.

«Элементы» — это не грамматика в классическом понимании. Во-первых, в отличие от грамматики, «Элементы» не претендуют на исчерпывающую полноту описания. Для такого языка, как татарский, этого не требуется. Базовые факты как литературного языка, так и его диалектов подробнейше описаны нашими предшественниками, выдающимися отечественными исследователями-татароведами — М.З. Закиевым, Ф.А. Ганиевым, Г.Х. Ахатовым, К.З. Зиннатуллиной, крупнейшими зарубежными тюркологами, в первую очередь Л. Юхансоном и К. Шенигом и многими их коллегами и последователями. Практически все уровни языковой системы татарского языка были предметом пристального рассмотрения в работах самой различной направленности — описательных, теоретических, сопоставительных. Библиография по татарскому языкознанию огромна — см., в частности, Якупова 1988, в которой охвачены сочинения с конца XVIII века по 80-е годы прошлого века. За последние 30 лет интерес исследователей к татарскому языку только возрос — об этом свидетельствует хотя бы весьма значительное количество кандидатских и докторских диссертаций, защищенных в самых разных научных организациях.

Участники и информанты-переводчики экспедиции 1999 года.

Не претендуя на полноту, укажем лишь некоторые, наиболее, на наш взгляд, значительные работы наших предшественников-тюркологов. Общие вопросы татарского языкознания освещаются в Газизов 1966, Ропре 1968, СТЛЯ 1969, ВТЯ 1971, Тумашева, Хаков (ред.) 1977, Закиев, Зиннатуллина (ред.) 1980, Тумашева и др. (ред.) 1982, Махмутова (ред.) 1984, Закиев (ред.) 1986, Курбатов и др. (ред.) 1986, и, самое главное, в фундаментальной «Татарской грамматике» (ТГ 1992, ТГ 1993, ТГ 1995), которая стала результатом кропотливой исследовательской деятельности большого коллектива ученых. Работы по общему и сравнительному синтаксису включают, в частности, Закиев 1963, Асылгараев 1968, Тугушева 1969, Сибагатов 1970, Хисамова 1970, Ковальчук 1974, Сафиуллина 1976, Закиев, Сафиуллина 1977, Сафиуллина 1978, Ирисов 1983, Юсупов 1985. Морфология и морфонология татарского языка охарактеризованы в Исхакова 1972, Валиуллина 1983, Галямов 1983, Салихова 1986, Ахунзянов 1987, Гарифуллин 1990, Баширова 1994, Ахметзянова 1997, Ганиев 1973, 1974, 1976, 1977, 1980, 1982, 1985. Наконец, общая, лексическая и грамматическая семантика освещаются в Зиннатуллина 1968, 1969, Гарданов 1969, Мардиева 1974, Ибрагимова 1975, Салехова 1975, 1984, Красногор 1979, Шайхайдарова 1980, Тумашева (ред.) 1984, Тумашева 1986, Закамулина 1987, 1999, Абдуллина 1988, Валеева 1988, Волкова 1988, Фатхутдинова 1988, Юсупов 1988, Гарифуллин 1990, Аминова 1993, 1995.

Обстоятельному изучению подвергся не только татарский литературный язык, но и его диалекты. Проблемы татарской диалектологии подробно освещаются в Арсланов 1966,

Участники и информанты-переводчики экспедиции 2000 года.

Рамазанова 1970, Ахатов 1977, 1979, Махмутова 1978, Махмутова (ред.) 1979, Юсупов 1985, Баязитова 1986, Рамазанова, Закиев (ред.) 1990, Закиев 1995, Закиев, Гарипова (ред.) 1998. Мишарский диалект, которому посвящена настоящая монография, был предметом специального рассмотрения в Бурганова, Махмутова 1963, Махмутова 1962, 1966, 1976, 1978, 1989, Ахатов 1980, Баязитова 2003.

Огромная работа, проделанная нашими предшественниками, позволяет считать задачу таксономического описания фонетики, фонологии и морфологии как татарского литературного языка, так и мишарского диалекта успешно решенной; значительный объем сведений накоплен также в области синтаксиса и семантики. С учетом этого, в задачи книги не входит даль полное описание мишарского диалекта, чем и мотивирован выбор жанра «Элементов».

Другая особенность жанра — возможность уделить некоторым сегментам системы языка существенно большее внимание, чем это обычно принято в описательных грамматиках. Авторы книги сосредоточились на нескольких фрагментах грамматики мишарского диалекта, которые не были предметом специального рассмотрения, но представляют типологический интерес и нуждаются в теоретическом анализе и осмыслении. Именно в этом измерении особый вес приобретает второй компонент названия — «в типологическом освещении».

Следуя А.Е. Кибрику, мы исходим из того, что предложить фактам языка типологическое освещение означает рассмотреть их не изолированно и даже не в отношении к близкородственным языкам, а в более широком контексте — в контексте того, что известно современной лингвистике о возможном естественном языке. Это позволяет уяснить, какие черты грамматики исследуемого языка составляют его типологическое своеобразие, а какие, напротив, относятся к числу стабильных, регулярно воспроизводящихся от языка к языку. В конечном итоге типологически-ориентированный подход дает возможность выявить универсальные ограничения на языковую структуру и наметить пути их объяснения. Мы убеждены, что значимость фактов индивидуального языка, их предсказуемость и ожидаемость раскрывается только в контексте строгой и эксплицитной теории, которая делает предсказания о том, что возможно и что невозможно в конкретном языке или в естественном языке вообще.

Наконец, еще одно существенное преимущество жанра «Элементов» состоит в том, что он допускает описательное и теоретическое разнообразие. Описание мишарского диалекта, как и другие полевые проекты Отделения теоретической и прикладной лингвистики, предполагает жесткие и ненарушаемые стандарты в области сбора и представления данных. Весь текст этой книги опирается на единый формат подачи материала, единые соглашения в области анализа морфологии, единые правила оформления примеров и единый справочный аппарат. Однако участники проекта пользуются полной свободой в осмыслении и анализе данных, в выборе теоретической парадигмы и даже в отказе от этого выбора. Отсутствие ограничений, связанных с теоретическим самоопределением авторов, — принципиальная позиция редакторов этой книги.

4. О содержании книги

Непосредственно за настоящим введением следуют руководство пользователя, в котором собрана техническая информация, обеспечивающая читателя навигацией по материалу книги, и шесть глав, составляющих ее основное содержание.

С учетом законов описанного выше жанра, изложение выстроено по смешанному принципу: оно стремится сочетать более теоретически ориентированные и более описательные фрагменты. Большинство глав этой книги организовано по единому шаблону: после теоретически нейтрального введения в проблематику и общего обзора наблюдаемых возможностей происходит переход к более узкой проблеме или явлению, которой предлагается более глубокое и всестороннее объяснение.

В главе 1 «Фонология и морфология» предлагается обзор фонологии и морфологии мишарского диалекта. Помимо инвентаря фонем и словоизменительных парадигм, в этой главе читатель может найти сведения, которые ранее не приводились не только для диалекта, но даже для литературного языка. В первую очередь это информация о глагольных аналитических парадигмах и о морфологических характеристиках актантно-деривационной морфологии, а также о словоизменительных особенностях послелогов.

Глава 2 «Система глагольных категорий» целиком посвящена видо-временным, акциональным и эвиденциальным характеристикам глагола и предикации. Помимо общего

Участники экспедиции 2011 года.

обзора системы, в этой главе предлагается углубленное исследование трех семантических сюжетов — значения форм будущего времени, акциональности и акциональной композиции, категорий со значением косвенной засвидетельствованности и адмиративности.

Глава 3 «Актантная структура и актантные преобразования» складывается из четырех разделов — общего и трех специальных. Открывающий главу раздел дает сжатую характеристику всем доступным в диалекте актантным деривациям — каузативу, пассиву, ассистиву и депациентиву. Последующие теоретически-ориентированные разделы сосредоточиваются на трех более частных темах, которые в прежних описаниях не получили достаточного освещения. Это синтаксис и семантика ассистива, значение и дистрибуция трех типов каузативной конструкции, а также структура отыменных глаголов.

Глава 4 «Синтаксис именной группы» также содержит четыре раздела. В первом предлагается сумма наблюдений об основных компонентах именной группы и их линейном взаиморасположении. Второй исследует дистрибуцию именных модификаторов вершины, образующих так называемые изафетные конструкции. В третьем, центральном разделе главы вводится и обосновывается синтаксический анализ именной группы и ее элементов. Наконец, четвертый раздел посвящен частному, но важному для понимания структуры именной группы сюжету — фокусному выделению ее составляющих.

Глава 5 «Синтаксис предикации» открывается обзором основных синтаксических характеристик клаузы в мишарском диалекте, которые в общих чертах повторяют свойства не только литературного татарского, но и многих других тюркских языков. В трех других разделах предлагается подробный анализ ключевых синтаксических явлений. Первое — это вариативное маркирование прямого дополнения, при котором имеется выбор между винительным падежом и его отсутствием. В этом разделе предлагается новый анализ, объясняющий дистрибуцию аккузативных и немаркированных именных групп. Следующий раздел посвящен так называемым конструкциям со вспомогательными

Участники экспедиции 2012 года.

глаголами, или сериализованным конструкциям, в которых смысловой глагол представлен деепричастием, а в качестве вспомогательного выбирается элемент закрытого списка (‘приходить’, ‘выходить’, ‘стоять’, ‘давать’, ‘смотреть’ и т.п.). Заключительный раздел предлагает теоретико-модельный анализ сравнительных конструкций.

Глава 6 «Синтаксис сложного предложения», самая значительная по объему, отличается и разнообразием обсуждаемых сюжетов. Во-первых, это обстоятельственные предложения, возглавляемые как специализированными, так и семантически недоспецифицированными деепричастиями. Во-вторых, относительные предложения, которые впервые освещаются на широком типологическом фоне. В-третьих, актантные предложения, где основной упор сделан на финитные актантные конструкции с союзным средством *di(je)p*, примечательные в двух отношениях — аккузативным маркированием субъекта и явлением индексикального сдвига. В-четвертых, это номинализации, характеризующиеся исключительным морфосинтаксическим разнообразием и нетривиальностью ограничений на дистрибуцию. В-пятых, это анафорические отношения в сложных предложениях, поддерживаемые с помощью разнообразных местоименных средств. Наконец, это проблема сочинения и подчинения, которая возникает при анализе целого ряда полипредикативных конфигураций.

Далее следует коллекция из 18 текстов различной жанровой принадлежности, записанных в 1999-2000 годах с носителями чистопольского говора. Заключают книгу библиография и предметный указатель.

Подчеркнем, что предлагаемое ниже описание мишарского диалекта призвано отразить реальное его функционирование в речи носителей двух идиомов чистопольского говора (с. Татарский Елтан и Кутлушкино (Яуширма)) и одного идиома сергачского говора (с. Большое Рыбушкино). Авторы не ставили перед собой специальной цели во всех случаях указать на расхождение наблюдаемых фактов исследуемых говоров с лите-

ратурным татарским и друг с другом, однако там, где это релевантно, проводится эксплицитное описание и анализ внутридиалектного варьирования. Информация об источнике данных, на которые опирается изложение, приводится во введении к каждой главе.

5. Об авторах и редакторах

В написании этой книги принимал участие следующий коллектив авторов.
А.Е. Аксенова — 4.4. Фокусное выделение в именной группе (с. П.А. Ковалем; кроме 4.4.1)
А.А. Бонч-Осмоловская — 3.1. Аргументная структура и актантные деривации (кроме 3.1.2.10)
Е.Г. Былинина — 5.4. Сравнительные конструкции
М.Д. Васильева — 6.4. Номинализация на *-и*
П.В. Гращенков — 4.1. Базовая структура именной группы; 4.2. Существительное в функции приименного модификатора; 5.3. Конструкции со вспомогательными глаголами
М.Б. Ермолаева — 6.1. Обстоятельственные предложения (в соавторстве)
А.Н. Закирова — 2.3.4. Адмиратив в контекстах снятой утвердительности
А.А. Ионова — 6.2. Относительное предложение (кроме 6.2.4; последний — с С.Г. Татевосовым)
П.А. Коваль — 4.4. Фокусное выделение в именной группе (с А.Е. Аксеновой; кроме 4.4.1)
Е.А. Лютикова — 4.3. Иерархическая структура мишарской ИГ; 5.2. Вариативное маркирование объекта и проблемы падежа
А.Г. Пазельская — 6.1. Обстоятельственные предложения (в соавторстве); 6.3.1. Общая характеристика сентенциальных дополнений (с С.Г. Татевосовым); 6.6. Проблема сочинения и подчинения
А.В. Подобряев — 5.1. Синтаксис простого предложения; 6.3.2. Финитные сентенциальные дополнения
Д.К. Привознов — 3.2. Синтаксис и семантика ассистива
С.Г. Татевосов — 1. Фонология и морфология; 2.1. Глагольная система, вид, время; 2.2. Акциональность; 2.3. Перфект, эвиденциальность и адмиратив (кроме 2.3.4); 3.1.2.10. Вариативное маркирование каузируемого; 3.3. Одинарный, двойной и фальшивый каузатив; 3.4. Событийная структура некоторых отыменных глаголов; 4.4.1. Фокусные частицы и фокусируемые составляющие; 6.2.4. Безвершинные относительные предложения и корреляционные конструкции (с А.А. Ионовой); 6.3.1. Общая характеристика сентенциальных дополнений (с А.Г. Пазельской);
А.Б. Шлуинский — 6.1. Обстоятельственные предложения (в соавторстве); 6.5. Анафорические отношения в сложном предложении;

Редактирование текста в целом и отдельных разделов проводили С.Г. Татевосов, А.Г. Пазельская и Д.Ш. Сулейманов. Неоценимую помощь в составлении предметного указателя оказали Е.В. Деликанова и П.А. Останина. Непосредственной подготовкой текста к печати занимались С.Г. Татевосов, А.Г. Пазельская, Е.В. Моргунова и Кс.П. Семёнова.

Сергей Татевосов

БЛАГОДАРНОСТИ

В разные годы исследованиям мишарского диалекта помогали многие люди и организации, которым, пользуясь приятной возможностью, хотелось бы выразить глубокую и искреннюю признательность.

Это К.М. Миннуллин, в 1999-2000 гг. — главный референт секретариата, заместитель премьер-министра Республики Татарстан, М.З. Закиев, академик АН РТ, А.Ш. Юсупова, профессор института филологии и межкультурной коммуникации Казанского университета, Р.М. Валеев, профессор исторического факультета Казанского университета, и сотрудники отдела диалектологии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, которые прочитали предварительные варианты некоторых разделов этой монографии и высказали целый ряд существенных замечаний, учтенных в дальнейшей работе.

Это Р.А. Ахметов, в 1999-2000 гг. председатель комитета культуры администрации г. Чистополя и Чистопольского района Татарстана, Д.А. Иванов, в 2011 году руководитель исполкома Чистопольского муниципального района.

Это директор средней школы с. Татарский Елтан В.Т. Галиуллина, директор Кутлушкинского детского сада А.Л. Галеева, директор средней школы с. Большое Рыбушкино Р.А. Билялов. а также сотрудники и руководство поселковой администрации с. Татарский Елтан, с. Кутлушкино и с. Большое Рыбушкино.

Это информанты-переводчики, которые терпеливо учили участников экспедиции своему языку. В экспедиции 1999-2000 годов с нами работали Г.Ф. Ахмадиева, Р.И. Галеева, А.Р. Галимова, Г.Р. Галимов, Л.Ш. Галимова, Э.Р. Галимова, В.Т. Галиуллина, Д.М. Галиуллина, З.К. Галиуллина, Л.И. Закирова, Г.Р. Массарова, Р.Р. Массарова, Р.Р. Нагимова, К.З. Рахматуллин, Л.Р. Рахматуллина, А.М. Хуснуллина, Р.Р. Хуснуллина, Э.Р. Хуснуллина, Л.Г. Шамсеева, в экспедиции 2011 — Р.Г. Губайдуллина, Ф.Р. Губайдуллина, Л.М. Зарипова, А.Р. Ибрагимова, Р.М. Ибрагимова, Г.Р. Махмутова, Р.Ю. Смурыгина, Л.М. Фасхетдинова, З.Д. Шарафутдинова, Г.М. Яруллина; в экспедиции 2012 года — Л.М. Билялова, Р.Р. Жамалетдинова, Н.А. Закирова, К.И. Макутина, А.Х. Мухаметжанова, Н.Н. Мухаметжанова, Ф.С. Ситдикова, Н.Ш. Халилуллина.

Это Российский научный фонд, при финансовой поддержке которого осуществляется проект «Четыре грамматических описания языков России как многоязычного государства» (грант 16-18-02081), составная часть которого — подготовка и издание этой монографии.

Авторы и редакторы хотели бы выразить особую благодарность филологическому факультету МГУ им. М.В.Ломоносова за многолетнюю поддержку полевых исследований языков народов России, проводимых на кафедре теоретической и прикладной лингвистики.

Эта книга написана пятнадцатью авторами. Коллектив, который работал над изучением мишарского диалекта, однако, намного больше. Это сотрудники, аспиранты и студенты филологического факультета МГУ, а также лингвисты из ряда других научных учреждений, которые принимали участие в экспедициях МГУ в 1999-2000 и 2011-2012 годах. Состав этих четырех экспедиций приводится ниже.

Экспедиция 1999 года: Н.А. Антонова, М.М. Богданкевич, А.А. Бонч-Осмоловская, Н.В. Влодавская, П.К. Воляк, Д.С. Ганенков, П.В. Гращенков, Ю.В. Дараган, О.В. Драгой, Д.О. Иванов, А.Э. Измайлова, К.И. Казенин, Д.С. Кашницкий, А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, Е.А. Лютикова, А.Г. Пазельская, Е.О. Саночкина, Ю.Н. Сироткина, А.Н. Скобелкин, Т.Б. Сосенская, С.Г. Татевосов, О.В. Федорова, О.В. Ханина, Е.А. Чувилина, А.Б. Шлуинский.

Экспедиция 2000 года: Н.А. Антонова, М.М. Богданкевич, А.А. Бонч-Осмоловская, Н.В. Влодавская, П.К. Воляк, Д.С. Ганенков, П.В. Гращенков, Л.Э. Григорян, М.А. Даниэль, С.А. Джакупова, Н.Р. Добрушина, О.В. Драгой, Д.О. Иванов, А.Э. Измайлова, К.И. Казенин, Д.С. Кашницкий, А.Е. Кибрик, Т.А. Майсак, А.Г. Пазельская, Ю.Н. Сироткина, А.Н. Скобелкин, С.Г. Татевосов, О.В. Ханина, А.Б. Шлуинский, Ц. Монтолиу-Гарсиа.

Экспедиция 2011 года: И.Л. Азеркович, А.В. Богданов, Е.Г. Былинина, М.Д. Васильева, А.Р. Гарейшина, Н.В. Ивлиева, М.И. Ионов, Л.М. Кирпо, П.А. Коваль, М.И. Кудринский, Е.А. Лютикова, С.А. Малютина, А.П. Печеный, А.В. Подобряев, Ю.Д. Потанина, Д.К. Привознов, Д.С. Сердюк, А.И. Смирнова, С.Г. Татевосов, Л.В. Тупикина;

Экспедиция 2012 года: А.Е. Аксенова, М.Д. Васильева, А.Р. Гарейшина, П.В. Гращенков, М.Б. Ермолаева, Н.В. Ивлиева, А.А. Иванова (Ионова), М.И. Ионов, Л.М. Кирпо, П.А. Коваль, Е.А. Лютикова, А.В. Подобряев, Д.К. Привознов, С.Г. Татевосов, Л.В. Тупикина, Ф.Г. Шушурин.

Слаженные усилия всей экспедиции позволили накопить такой объем информации, сбор которого не под силу одному исследователю. Появление этой книги — общая заслуга всех, кто принимал участие в описании мишарского диалекта.

РУКОВОДСТВО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ

1. Компоненты книги

Как и любое грамматическое описание, эта книга без остатка раскладывается на два компонента — языковые данные и комментарии к ним.

Комментарии даются на русском языке. При необходимости привлекается метаязык той теории, с которой работает автор главы или раздела. В синтаксических разделах читатель может столкнуться с изложением на метаязыке различных версий генеративной грамматики; в семантических — с теоретико-модельными построениями. За введением в эти теоретические системы мы рекомендуем обратиться к соответствующей литературе.

Комментарии организованы в разделы и главы. Основной композиционной единицей книги выступает глава. В пределах главы принята сплошная нумерация разделов, примеров, схем, таблиц, рисунков и сносок. Номер примера, схемы, таблицы и рисунка приводится после номера главы и отделяется от него точкой (например, Схема 3.17, Таблица 2.4).

Для выделения в тексте (например, для привлечения внимания читателя к новым терминам и понятиям) используется разрядка.

Способы подачи языковых данных следуют в основном изданию Лютикова и др. (ред.). 2007, а также более ранним публикациям Кибрик (ред.) 1999 и Кибрик (ред.) 2001. Более подробно они излагаются в последующих разделах этого руководства.

2. Представление примеров

Основной единицей представления данных является языковой пример. Для записи примеров из мишарского диалекта используется латинизированная транскрипция, основанная на разработанной Международной фонетической ассоциацией универсальной системе символов для записи произвольных языковых данных и принятая в качестве стандарта подавляющим большинством типологов и теоретических лингвистов. Эта транскрипция отличается и от стандартной кириллической татарской графики, и от графики на основе латиницы, внедрение которой широко обсуждалось в 1990-е и 2000-е годы.

Таблица 0.1 содержит основные соответствия между записью, принятой для литературного татарского языка, и транскрипцией мишарского диалекта в настоящей монографии. В нетривиальных случаях приводятся примеры. В примечаниях отмечены мишарские диалектные особенности.

Таблица 0.1. Соответствия между графикой литературного татарского языка и транскрипционной записью мишарского диалекта

Литературный татарский		Мишарский диалект		Перевод примера	Примечания
сегмент	пример	сегмент	пример		
а	*тап*	a	*tap*	пятно	
б	*балта*	b	*balta*	топор	
в	*ваза* *авыл*	v, w	*vaza* *awɤl*	ваза деревня	*v* встречается только в заимствованиях в начале слова
г	*горур*	g	*gɤrur*	гордый	
д	*дару*	d	*daru*	лекарство	
е	*сер* *мае* *егет*	e jɤ je	*ser* *majɤ* *jeget*	тайна его жир парень	Из-за особенностей татарской кириллической орфографии символ *е* фонетически неоднозначен
ж	*жакет*	ž	*žaket*	жакет	Только в заимствованиях
з	*зур*	z	*zur*	большой	
и	*ишек*	i	*išek*	дверь	
й	*йөрәк*	j	*jeräk*	сердце	
йт	*кайта*	t_j	*kaťa*	возвращается	Соответствие нерегулярно
к	*кабан*	k	*kaban*	кабан	
л	*лаек*	l	*lajɤk*	достойный	
м	*май*	m	*maj*	масло	
н	*нинди*	n	*nindi*	какой	
о	*кош*	ɤ	*kɤš*	птица	в мишарском диалекте *о* встречается только в русских заимствованиях под ударением
п	*пычак*	p	*pɤčak*	нож	
р	*рас*	r	*ras*	верный, правильный	
с	*саз*	s	*saz*	болото	
т	*таш*	t	*taš*	камень	
у	*туй*	u	*tuj*	свадьба, праздник	
ф	*фикер*	f	*fiker*	мысль	в начале слова — преимущественно в заимствованиях
х	*хат*	x	*xat*	письмо	
ц	*цитрус*	c	*citrus*	цитрус	в начале слова — преимущественно в заимствованиях
ч	*чал*	č	*čal*	седой	
ш	*шат*	š	*šat*	радостный	
щ	*щит*	$š_j$	*šjit*	щит	только в русских заимствованиях
ъ	*мәгънә* *кулъяулык*	–	*mägnä* *kuljau-lɤk*	смысл носовой платок	ъ после *к* и *г* указывает на увулярность, а перед *е*, *ю*, *я* — на наличие [j] после твердого согласного перед соответствующими гласными.
ы	*кыш*	ɤ	*kɤš*	зима	
ый	*бармый*	ɤj	*barmɤj*	не уходит	
	яшь		*jäš*	молодой	ь обозначает передний ряд гласного в

Литературный татарский		Мишарский диалект		Перевод примера	Примечания
сегмент	пример	сегмент	пример		
ь	*король* *көньяк*	–	*karolʲ* *kenjak*	король юг	предшествующем слоге, если возникает неоднозначность; мягкость предшествующего согласного в заимствованиях из русского языка; перед *е, ю, я* — наличие [j] после мягкого согласного перед соответствующими гласными.
э	*эш*	e	*eš*	работа	
ю	*юл* *бию*	ju, jü	*jul* *bijü*	дорога танец	Выбор ряда гласного зависит от ряда гласных в прочих слогах
я	*аяк* *яшел*	ja, jä	*ajak* *jäšel*	нога зеленый	Выбор ряда гласного зависит от ряда гласных в прочих слогах
ә		ä			
әй	*әйтә*	ä	*ä(j)tä*	говорит	Соответствие нерегулярно
ө	*көн*	e	*ken*	день	
ү	*үз*	ü	*üz*	сам	
җ	*җыр*	ǯ j	*ǯɤr* *jɤr*	песня	
ң	*аның*	ŋ	*anɤŋ*	его	
h	*һәм*	x	*xäm*	и	

В мишарском диалекте литературному [ǯ] в начале слова во многих формах соответствует [j], как, например, в лит. *җылыта* ‘нагревает’ и миш. *jɤlɤta*. Имеется также замещение аффрикаты [č] аффрикатой [c] («цоканье»), ср. лит. *акча* ‘деньги’ и миш. *akca*. Оба процесса факультативны и варьируют по идиомам и отдельным носителям. При записи соответствующих мишарских форм мы придерживаемся следующего соглашения. Если словоформа представлена конкретным словоупотреблением (то есть извлечена из корпуса текстов или получена от носителя языка в составе цитируемого предложения), она приводится в том варианте, в котором записана. Если речь идет об обобщенном словоупотреблении (например, когда форма приводится в составе парадигмы), запись унифицирована в пользу *č* и *ǯ*. Более подробные сведения о фонологии мишарского диалекта приводятся в разделе 1.1.

Примеры из литературного татарского языка даются в стандартной кириллической орфографии. В примерах из других языков используется стандартные для этих языков способы записи.

3. Структура примеров

Примеры бывают двух основных типов — внутритекстовые и нумерованные. Во всех типах примеров используются единые принципы фонетической записи, описанные выше.

Внутритекстовые примеры даются курсивом, справа от примера, как правило, приводится его толкование, заключенное в одинарные («марровские») кавычки (« ‘ ’ »). Пример внутритекстового примера: «Автор принимает к рассмотрению отглагольные имена на *-u*, например, *jasa-u* ‘рисование’, а также формы на *-gan*, которые в большинстве употреблений имеют причастную дистрибуцию». Разбиение на морфемы многоморфемных форм во внутритекстовом примере факультативно.

Формой цитации глаголов, если не оговорено иное, вступает Презенс третьего лица единственного числа, например, *bara* ‘идти’. Форма цитации существительных — непритяжательная форма именительного падежа единственного числа, например, *alma* ‘яблоко’. В качестве формы цитации отдельных морфем, имеющих варианты, которые определяются гармонией гласных, всегда используется вариант с гласным заднего ряда. Показатели с вариативными согласными представлены вариантами со звонким неназальным согласным.

Нумерованные примеры содержат следующие четыре элемента:

- ситуационный контекст;
- фонетическая транскрипционная запись;
- подстрочный поморфемный перевод («глосса»);
- литературный перевод на русский язык и дополнительные толкования.

Эти элементы иллюстрируются предложением (0.1):

(0.1) Контекст: X: — Где твой топор? Y: — Я не знаю. Даут вроде собирался рубить дрова…
??daut balta-nɤ **al-gan**.
Даут топор-ACC **брать-PFCT**
{**Должно быть**,} *Даут **взял** топор!*

Структура и содержание каждого из элементов описаны в разделах 4-6 этого руководства.

В пределах главы примеры снабжены сплошной нумерацией. Номер примера складывается из числа, соответствующего главе, и порядкового номера примера внутри главы, отделенного точкой.

Примеры, образующие синтаксическую парадигму, помещаются под одним номером и различаются с помощью буквенных обозначений.

(0.2) a. min **tabip** ezl-i-m.
я **доктор** искать-ST.IPFV-1SG
*Я ищу (любого || какого-нибудь) **доктора**.*

b. min **tabip-ne** ezl-i-m.
я **доктор-ACC** искать-ST.IPFV-1SG
*Я ищу (конкретного) **доктора**.*

Если переводы предложений с одним и тем же номером совпадают, перевод дается только для первого из них; после перевода помещается указание на совпадение смысла предложений, например, {a=b}:

(0.3) a. marat bala-ga tiz **jaŋa** **kitap-(nɤ)** uk-ɤ-dɤ.
Марат ребенок-DAT быстро **новый** **книга-ACC** читать-ST-PST
*Марат быстро прочитал ребенку **новую книгу**.* {a=b=c=d}

b. marat bala-ga **jaŋa** **kitap-*(nɤ)** tiz uk-ɤ-dɤ.
Марат ребенок-DAT **новый** **книга-ACC** быстро читать-ST-PST

c. marat tiz **jaŋa** **kitap-*(nɤ)** bala-ga uk-ɤ-dɤ.
Марат быстро **новый** **книга-ACC** ребенок-DAT читать-ST-PST

d. bala-ga **jaŋa** **kitap-*(nʏ)** marat uk-ʏ-dʏ.
ребенок-DAT **новый** **книга-ACC** Марат читать-ST-PST

Для выделения в нумерованных примерах (например, тех словоформ, которые иллюстрируют обсуждаемое явление) используется полужирный шрифт. Выделение распространяется, если это возможно, на фонетическую запись, глоссы и перевод:

(0.4) kičä sin **kaja** bul-dʏ-ŋ?
вчера ты **где** AUX2-PST-2SG
***Где** ты вчера был?*

Если выделяемому компоненту не соответствует в русском переводе отельной словоформы, выделение распространяется только на фонетическую запись и глоссы:

(0.5) *malaj sägät-nе-**me** tezet-ä-me?
мальчик час-ACC-**Q** чинить-ST.IPFV-Q
Чинит ли мальчик часы?

Если транскрипционная запись или сопутствующий ей поморфемный перевод не помещаются в одну строку, пример распространяется на две (и более) строки. Строка поморфемного перевода при этом также разделяется на две или более строки.

4. Ситуационный контекст

Ситуационный контекст — факультативный элемент примера. Он содержит информацию о коммуникативной ситуации, в которой возникает языковое выражение, составляющее основной содержание примера:

(0.6) Контекст$_1$: Говорящий некоторое время ищет топор, а затем видит Даута с топором в руке.
Контекст$_2$: Говорящий встретил друзей, которые сообщили ему, что Даут взял топор.
daut balta-nʏ **al-gan**.
Даут топор-ACC **брать-PFCT**
1. {**Я вижу**,} *Даут **взял** топор.*
2. {**Мне сказали**, **что**} *Даут **взял** топор.*

Ситуационный контекст дается петитом. Он вводится словом «Контекст». При наличии более одного возможного контекста они различаются с помощью нижнего индекса.

5. Фонологическая транскрипционная запись

Языковые выражения приводятся в фонологической транскрипционной записи с обязательным разбиением на морфемы.

(0.7) **ber-närsä** **dä** esl-i bel-m-i.
INDEF-что **EMPH** работать-ST.IPFV знать-NEG-ST.IPFV
*(Она) **ничего** не умела делать.*

Морфемы разделяются дефисом. В общем случае в записи отражаются только ненулевые морфемы; нулевые элементы обозначаются лишь при необходимости. Компоненты сложных слов разделяются коротким тире:

(0.8) ar-u–tal-u-dan
уставать-NMN–утомляться-NMN-ABL
от усталости

Круглыми скобками в строке фонологической записи (и только в ней) обозначается факультативный элемент:

(0.9) bez dus(-lar)-**ɤbɤz**
мы друг-PL-**1PL**
Мы друзья.

Строка фонологической записи предваряется пометами, обозначающими грамматический статус выражения. Помета «*» обозначает, что выражение неграмматично. Помета «$^{??}$» сообщает, что выражение близко к неграмматичному или признается приемлемым меньшинством носителей. Помета «$^{?}$» используется, если выражение находится на грани приемлемости или отвергается частью носителей. Помета «$^{\#}$» обозначает грамматичное выражение, которое, однако, имеет интерпретацию отличную от ожидаемой. Отсутствие помет сигнализирует, что выражение приемлемо для всех носителей и имеет ожидаемую интерпретацию.

В некоторых случаях пометы, характеризующие грамматический статус, помещаются не в начале строки транскрипционный записи, а внутри языкового выражения. В этом случае они используются только в сочетании с круглыми скобками.

Употребление пометы внутри скобок обозначает грамматический статус записанного в примере выражения при добавлении заключенного в скобки элемента. Например, в (0.10) появление выражения *bar* в предложении *marat ukɤtučɤ* ‘Марат — учитель’ делает его неграмматичным.

(0.10) marat ukɤtučɤ (***bar**).
Марат учитель **быть**
Марат — учитель.

Использование пометы, характеризующей грамматический статус, снаружи скобок имеет противоположный смысл: оно обозначает грамматический статус записанного в примере выражения при удалении заключенного в скобки элемента. В (0.11) удаление элемент *-nɤ* из предложения *marat a-lar-*(nɤ) kür-de* ‘Марат их видел’ приводит к неграмматичности.

(0.11) marat **a-lar-*(nɤ)** kür-de.
Марат **он-PL-ACC** видеть-PST
*Марат **их** видел.*

В строке транскрипционной записи возможны элементы метаязыка. Во-первых, это квадратные скобки, обозначающие границы синтаксических составляющих, которые при необходимости снабжены категориальными ярлыками. Категориальный ярлык записывается как нижний индекс, помещаемый справа от открывающей скобки:

(0.12) marat [$_{NumP}$ **mašina-lar**] sat-ɤ-p al-dɤ.
Марат **машина-ACC** покупать-ST-CONV брать-PST
*Марат купил **машины**.*

Квадратными скобками также помечаются фокусные составляющие. В этом случае символ «$_F$», записанный как нижний индекс, помещается справа от закрывающей скобки.

(0.13) [malaj sägät-ne tezet-ä]$_F$-**me**?
мальчик час-ACC чинить-ST.IPFV-**Q**
Чинит ли мальчик часы?

Кроме того, в строке транскрипционной записи могут использоваться субскриптные референциальные индексы $_{i, j}$ и т.д., которые записываются справа от именного выражения. Одинаковые индексы указывают на кореферентность двух выражений.

(0.14) rišat$_i$ **üz-e-n$_i$** jarat-a.
Ришат **сам-3-OBL.ACC** любить-ST.IPFV
*Ришат$_i$ любит **себя$_i$**.*

Наконец, в строке транскрипционной записи при необходимости приводятся нулевые синтаксические элементы *pro*, PRO или, когда их точная идентификация неважна, ∅:

(0.15) [***pro*** sestra-m] **mine** kür-de.
1SG сестра-1SG **я.ACC** видеть-PST
***Моя** сестра **меня** видела.*

(0.16) awɤl-da [**PRO** pečän čab-a-r-ga] wakɤt ǯit-ä.
деревня-LOC сено косить-ST-POT-INF время достигать-ST.IPFV
В деревне пришло время косить сено.

(0.17) ilnur$_i$ [∅$_i$ **üz** **üz-e-n$_i$** aš-a-r-ga] tel-i.
Ильнур **сам** **сам-3-OBL.ACC** есть-ST-POT-INF хотеть-ST.IPFV
*Ильнур$_i$ хочет съесть **самого себя$_i$**.*

6. Подстрочный поморфемный перевод

Подстрочный поморфемный перевод, или строка глоссирования, состоит из слов (глосс), по одному на каждое слово транскрипционной записи. Каждая глосса состоит из отдельных обозначений лексического или грамматического значения. Лексическое значение дается на русском языке строчными буквами. Лексическое значение глаголов выражается формой инфинитива несовершенного вида; существительных — формой именительного падежа единственного числа, прилагательных — формой именительного падежа единственного числа мужского рода. Грамматические значения обозначаются категориальными ярлыками, которые записываются латинскими заглавными буквами. Список категориальных ярлыков, используемых в глоссах для

примеров из мишарского диалекта приводятся в Таблице 0.2. Категориальные ярлыки, встречающиеся в примерах из других языков и не представленные в Таблице 0.2, собраны в Таблице 0.3.

Между обозначениями морфем, входящих в одно и то же слово, как и в транскрипционной записи, ставится дефис. В (0.18) в качестве примера представлены утвердительная и отрицательная формы деепричастия глагола *bara* ‘идти’, а в (0.19) — притяжательные формы датива второго лица множественного числа существительных *bala* ‘ребенок’ и *täräz* ‘окно’:

(0.18) bar-ɤ-p
идти-ST-CONV
идя

bar-m-ɤj-ča
идти-NEG-ST-CONV
не идя

(0.19) bala-lar-ɤbɤz-ga
ребенок-PL-1PL-DAT
нашим детям

täräz-lär-ebez-gä
окно-PL-1PL-DAT
нашим окнам

Если более одного значения выражено одной морфемой, обозначения этих двух значений в строке глоссирования разделяются точкой. Например, не поддающаяся сегментации форма *aŋa* (датив местоимения *ul* ‘он’) переводится как он.DAT, а косвенная основа того же местоимения *anar-* — как он.OBL (см. 1.2).

Точкой отделяются и обозначения морфем, имеющих нулевое выражение, которые глоссируются только при необходимости, а именно, обозначения номинатива (NOM) и единственного числа (SG):

(0.20) rišat kɤz-nɤ alsu di-gän.
Ришат.NOM девочка-ACC Алсу.NOM называть-PFCT
Ришат назвал девочку Алсу.

Точка также используется, если в качестве лексического эквивалента мишарской корневой морфемы выступает более одной русской лексемы:

(0.21) atlan-ɤ-p čenki xakɤnda
садиться.на.лошадь-ST-CONV потому.что из.за
сев на лошадь *потому что* *из-за*

Выделение деривационных морфем при анализе факультативно. Например, для деепричастия глагола *küčerä* ‘двигать’, которое представляет собой каузатив от *küčä* ‘двигаться’, допускаются две записи:

(0.22) küčer-e-p küč-e-r-e-p
двигать-ST-CONV двигаться-ST-CAUS-ST-CONV
двигая *двигая*

Компоненты сложных слов, как и в строке фонетической записи, разделяются коротким тире:

(0.23) ar-u–tal-u-dan
уставать-NMN–утомляться-NMN-ABL
от усталости

Таблица 0.2. Категориальные ярлыки для мишарского диалекта

Категориальный ярлык	Показатель	Расшифровка категориального ярлыка
1PL	*(ɤ)bɤz, k*	Первое лицо множественного числа
1SG	*(ɤ)m, mɤn*	Первое лицо единственного числа
2PL	*(ɤ)gɤz, sɤz*	Второе лицо множественного числа
2SG	*(ɤ)ŋ, sɤŋ*	Второе лицо единственного числа
3	*(s)ɤ*	Третье лицо
ABL	*dan*	Аблатив
ACC	*nɤ*	Аккузатив
ADV	*ča*	Адвербиализатор
ANT	*gač*	Предшествование
ATR	*gɤ, lɤ*	Атрибутивизация
AUX1	*i*	Вспомогательный глагол 1
AUX2	*bul*	Вспомогательный глагол 2
CAR	*sɤz*	Каритив
CAUS	*t, dɤr, r, z, sät, kɤr*	Каузатив
CAUSE	*ga*	Причина
CMP	*daj*	Сравнение
COMP	*rak*	Сравнительная степень
COND	*sa*	Кондиционалис
CONV	*p, ča*	Деепричастие
DAT	*ga, a*	Датив
DEPAT	*n*	Депациентив
DESID	*mak*	Дезидератив
DYR	*dɤr*	Модальный показатель
EMPH	*da*	Эмфатическая выделительная частица
FOC	*gɤna*	Фокусная частица
FUT	*(j)ačak*	Будущее время
GEN	*nɤŋ*	Генитив
HORT	*ɤj*	Гортатив
IMP	—	Императив
INDEF	*ällä, ber*	Неопределенность (у местоимений)
INF	*ga*	Инфинитив
INF2	*ma*	Инфинитив 2
IPFV	—	Имперфектив
JUSS	*sɤn*	Юссив
LOC	*da*	Локатив
MEŠ	*meš*	Исторический перфект
NEG	*m*	Отрицание
NMN	*u*	Имя действия
NMN2	*š*	Имя действия 2
NOM	∅	Номинатив
NOMIN	*lɤk*	Номинализация
OBG	*sɤ*	Облигатив

Категориальный ярлык	Показатель	Расшифровка категориального ярлыка
OBL	*n*	Косвенная основа
ORD	*(ɤ)nčɤ*	Порядковое числительное
PART	*čɤ*	Причастие
PASS	*l, n*	Пассив
PFCT	*gan*	Перфект
PL	*lar*	Множественное число
POST	*čɤ*	Следование
POT	*r, s*	Потенциалис
PST	*dɤ*	Претерит
Q	*mɤ*	Вопрос
REC	*š*	Реципрок
RED	—	Редупликация
SIM	*da*	Одновременность
SUB	*dip*	Союзное слово
ST	*a, ɤ, ɤj*	Производная основа
VRB	*la*	Вербализатор

Примечание. Гласный, который выступает только в тех вариантах показателей, которые присоединяются к консонантным основам, заключен в скобки. Аналогично показаны согласные в тех вариантах показателей, которые выступают только после вокалических основ. Разные аффиксы, выражающие одно и то же грамматическое значение, приводятся через запятую.

Таблица 0.3. Категориальные ярлыки для других языков, отличные от соответствующих ярлыков мишарского диалекта

Категориальный ярлык	Расшифровка	Категориальный ярлык	Расшифровка
2SGO	2-е лицо единственного числа объекта	NONFIRSTH	Косвенная засвидетельствованность
AGR	Согласование	OM	Показатель объекта
AOR	Аорист	PERF	Перфект
APPL	Аппликатив	PF	Перфектив
CIE	Номинализация на *-cie*	PP	Пассивное причастие
COMP	Сентенциальный комплемент	PROG	Прогрессив
COORD	Сочинение	PRON	Прономинальный элемент
DEF	Определенность	PRS	Презенс
DFT	Определенность	PRT	Причастие
DUR	Дуратив	RAN	Форма на *-кап*
FV	Конечный гласный	RECIP	Реципрок
IMPF	Имперфектив	RENARR	Ренарратив
INS	Инструменталис	TOP	Топик
INT	Интенциональность	VN	Глагольное существительное
INTR	Непереходное спряжение		

7. Литературный перевод и толкование

Каждый пример сопровождается эквивалентным по смыслу переводом на современный русский язык.

В строке перевода используются следующие условные обозначения:

(0.24) *(Текст в круглых скобках)* — слова, не представленные, но подразумевающиеся в мишарском оригинале

kɤz-nɤŋ	ätä-lär-e	bel-m-i.
девушка-GEN	отец-PL-3	знать-NEG-ST.IPFV

Родители девушки не знали (об этом).

(0.25) [Текст в квадратных скобках] — слова, избыточные с точки зрения русского языка, но имеющиеся в оригинале

sez-gä	nästä	bir-i-m,	nindi	büläk	bir-i-m	di.
вы-DAT	что	давать-HORT-1SG	какой	подарок	давать-HORT-1SG	говорить.IPFV

«Что вам дать, что подарить?»[— говорит.]

(0.26) [= Текст в квадратных скобках со знаком равенства] — буквальный перевод, эквивалентный литературному

rišat$_i$	**min**$_i$	kil-e-r-men	dip	vägdä	bir-ä.
Ришат	я	приходить-ST-POT-1SG	SUB	обещание	давать-ST.IPFV

Ришат обещает, что он придет [= я приду].

(0.27) {Текст в фигурных скобках} — пояснение смысла оригинала

jul-da	kɤz-ga	tege	ket-ü-če-lär	ɤčr-ɤj.
дорога-LOC	девочка-DAT	тот	пасти-NMN-PART-PL	встречаться-ST.IPFV

По дороге девочке (опять) встречаются те {которые раньше ей встречались} *пастухи.*

В фигурных скобках перед переводом или после него в случае необходимости помещаются левый контекст {ЛК: } или правый контекст {ПК: }, т.е. перевод предложения, непосредственно предшествующего рассматриваемому или непосредственно следующего за ним.

Если предложение допускает более одной интерпретации, ему приписывается несколько русских переводов. Переводы нумеруются арабскими цифрами:

(0.28)

trener	**tiz**	marat-nɤ	**jeger-t-te**.
тренер	быстро	Марат-ABL	бегать-CAUS-PST

*1. Тренер **заставил** Марата **бегать**, и все это произошло **быстро**.*
*2. Тренер **заставил** Марата **быстро бегать**.*
*3. Тренер **быстро заставил** Марата **бегать**.*

В примерах, имеющих более одного перевода, допускаются те же грамматические пометы, что и в строке транскрипционной записи:

(0.29)

pič	tenä	buj-ɤ	**jan-ɤ-p**	**tɤr-m-a-dɤ**.
печь	ночь	длина-3	**гореть-ST-CONV**	**стоять-NEG-ST-PST**

*1. *Печь не **горела** всю ночь.*
*2. Печь **горела не** всю ночь.*

Грамматические пометы в строке перевода отражают приемлемость помеченного перевода для выражения, представленного в примере. В (0.29) помета «*» сообщает, что перевод ‘Печь не горела всю ночь’ невозможен для предложения (0.29).

Для примеров, извлеченных из коллекции текстов, в строке перевода приводится ссылка на источник. Она дается в круглых скобках в виде указания на порядковый номер текста и номер предложения в этом тексте. Если цитируемый пример совпадает или почти совпадает с предложением в тексте, перед ссылкой размещается знак равенства. Например, ссылка вида (=T4:12) сообщает, что пример представляет собой предложение 12 из Текста 4. Если пример представляет собой небольшой фрагмент предложения из текста, он предваряется символом «←», например, (←T5:11).

В переводе могут присутствовать элементы семантического метаязыка, уточняющие и конкретизирующие смысловые особенности примера.

(0.30) marat alsu-nɤŋ **ber** **fɤtɤgrafijä-se-*(n)** dä it-m-ä-dɛ.
Марат Алсу-GEN **один** **фотография-3-ACC** EMPH делать-NEG-ST-PST
*Марат не сделал **ни одной фотографии** Алсу.*
1. Neg > ∃ {т.е. нет ни одной фотографии Алсу, которую сделал Марат }
*2. *∃ > Neg* {т.е. имеются такие фотографии Алсу, которых Марат не сделал}

В (0.30) обозначения «Neg > ∃» и «∃ > Neg» показывают сферы действия отрицания («Neg») относительно неопределенной именной группы («∃»).

Наконец, при необходимости в строке перевода допускается использование референциальных индексов и нулевых синтаксических элементов, как и в строке транскрипционной записи.

8. Список условных обозначений и орфографические соглашения

В основном тексте книги используется *курсив*, р а з р я д к а и шрифт МАЛЫЕ ПРОПИСНЫЕ. Курсивом записываются любые внутритекстовые примеры. Разрядка применяется для выделения. Малые прописные используется для записи акциональных ярлыков (см. 3.3).

В языковых примерах *курсив* применяется для записи перевода, исключая поясняющие элементы перевода, заключенные в фигурные или квадратные скобки. Выделения делаются **полужирным** шрифтом, в особых случаях в комбинации с курсивом. Шрифтом МАЛЫЕ ПРОПИСНЫЕ записываются акциональные ярлыки и фокусные составляющие (только в строке перевода). Р а з р я д к а не используется.

Прочие условные обозначения перечислены ниже.

*	—	грамматически неправильная форма или предложение
?	—	форма или предложение на грани грамматической правильности или признаваемая не всеми носителями
??	—	форма, близкая к недопустимой или признаваемая незначительным количеством носителей
#	—	грамматичная форма, имеющая интерпретацию, отличную от ожидаемой
i, j, k	—	(нижние индексы в строках транскрипционной записи и в ряде случаев в строке перевода) кореферентность

‘...’ — толкование
<...> — 1. Модель управления;
2. Акциональная характеристика
∅ — элемент с пустым планом выражения
‖ — варианты грамматических форм
≈ — примерное смысловое соответствие
— абсолютный конец слова
__ — пробел на месте сокращенного элемента
. — слоговая граница
> — 1. Отношение ‘располагаться выше в иерархии’;
2. Отношение ‘иметь более широкую сферу действия’
[] — 1. В транскрипционной записи: границы синтаксических составляющих;
2. В строке перевода примера: буквальный перевод;
3. Фонетическая запись
{} — информация, имеющая поясняющий и вспомогательный характер (в строке перевода)

Глава 1

ФОНОЛОГИЯ И МОРФОЛОГИЯ

ГЛАВА 1. ФОНОЛОГИЯ И МОРФОЛОГИЯ

Глава 1 содержит базовые сведения о фонологии и морфологии мишарского диалекта.

Раздел 1.1 «Фонология» рассказывает о фонематическом составе, о вокалической и консонантной системах, о структуре слога и ударении, о поведении энклитик.

В разделе 1.2 «Морфология» приводятся сведения об именной и глагольной морфологии, а также о составе и словоизменении послелогов. В разделе, посвященном глагольной морфологии, рассматриваются структура глагольной словоформы, словоизменительные классы глаголов, типы глагольных основ, состав и структура парадигмы, устройство отрицательных форм, лично-числовое согласование, система аналитических форм, глагольная деривация. Раздел именной морфологии включает в себя парадигмы беспритяжательного и притяжательного склонения существительных, сведения о словоизменении местоимений и минимальную информацию о морфологии прилагательных. В разделе о послелогах приводится список и семантика наиболее частотных неизменяемых послелогов, а также список, лично-числовая парадигма и семантика самых распространенных изменяемых послелогов.

В главу 1 инкорпорирован переработанный и существенно дополненный материал из Иванов и др. 2007, собранный и систематизированный Д.О. Ивановым, А.Г. Пазельской, С.Г. Татевосовым, О.В. Ханиной и А.Б. Шлуинским. Она опирается преимущественно на данные чистопольского говора (идиом с. Татарский Елтан).

Дополнения, уточнения и окончательная редакция подготовлены С.Г. Татевосовым.

1.1. Фонология[1]

В этот раздел включены краткие сведения о фонологической системе мишарского диалекта и ее основных отличиях от системы литературного языка. Подробное описание фонетики и фонологии литературного татарского языка представлено в ТГ 1995: 54-188; дополнительные данные по мишарскому диалекту можно найти в Махмутова 1978 и Ахатов 1980.

1.1.1. Гласные

Вокалическая система мишарского диалекта состоит из восьми элементов, представленных в Таблице 1.1. Для сравнения в Таблице 1.2 показана система литературного татарского

[1] Приводимые ниже фонетические данные опираются на полевые материалы С.В. Кодзасова, собранные в 1999 году.

языка. Как видно из таблиц, основная особенность мишарского диалекта — отсутствие контраста по огубленности у гласных среднего подъема («делабиализация»). Литературным [ö] и [o] в мишарском диалекте соответствуют [ɛ] и [ɤ]. Гласный [o] встречается лишь в недавних и фонетически неадаптированных русских заимствованиях, например, в *uborka* ‘уборка урожая, жатва’. Впрочем, согласно Л.Т. Махмутовой (Махмутова 1978: 37-38), эта особенность характеризует лишь часть говоров мишарского диалекта. Фонетическая реализация гласных фонем в мишарском диалекте также имеет некоторые особенности по сравнению с литературной системой. Например, [a] в целом характеризуется значительно меньшей фонетической лабиализованностью (ср. Махмутова 1978: 31), чем в литературном татарском, хотя и это свойство, насколько можно судить, варьирует по говорам.

Таблица 1.1. Вокалическая система мишарского диалекта

	Передний ряд		Задний ряд	
	Неогубленные	Огубленные	Неогубленные	Огубленные
Верхний подъем	i	ü	ɤj	u
Средний подъем	ɛ		ɤ	
Нижний подъем	ä		a	

Таблица 1.2. Вокалическая система литературного татарского языка[2]

	Передний ряд		Задний ряд	
	Неогубленные	Огубленные	Неогубленные	Огубленные
Верхний подъем	и	ү	ый	у
Средний подъем	е	ө	ы	о
Нижний подъем	ә		а	

В мишарском диалекте, как и в большинстве тюркских языков (включая литературный татарский), наблюдается явление гармонии гласных, или сингармонизма, которое иллюстрируется в (1.1).

(1.1) bala-**lar-ɤbɤz-ga** täräz-**lär-ebez-gä**
ребенок-**PL-1PL-DAT** окно-**PL-1PL-DAT**
нашим детям *нашим окнам*

Как видно из (1.1), гласные аффиксов лишены собственного признака ряда; признак ряда представляет собой автосегмент и распространяется слева направо на все гласные в пределах одного фонетического слова.

У гласного [i], как и в литературном языке, в роли сингармонической пары выступает дифтонгическое сочетание [ɤj], как видно из (1.2), где представлены формы Презенса и гортатива, однако фонетический и фонологический статус этого сочетания до конца не прояснен.

(1.2) a. jɤl-**ɤj** ešl-**i**
плакать-**ST.IPFV** делать-**ST.IPFV**
(он) плачет *(он) делает*

[2] Более полное описание вокалической системы литературного татарского см. в ТГ 1995: 88-91.

b. bar-**ɤj**-m — ešl-**i**-m
идти-**HORT**-1SG — делать-**HORT**-1SG
пойду-ка я — *сделаю-ка я*

Как и в большинстве других тюркских языков, отсутствие гармонии по ряду наблюдается только в корнях, в подавляющем большинстве случаев — в заимствованиях, например, в *kitap* ‘книга’. Отсутствие гармонии, по всей видимости, подчиняется ограничению, сформулированному в Kirchner 1993 для турецкого языка: любые дисгармоничные корни могут содержать только гласные из набора {a, i, u, e}, но не из {ä, ü, ɤ}.

В татарском литературном языке, помимо гармонии по ряду, представлена и губная гармония, причем только у гласных неверхнего подъема, например, в *йолдыз* [joldoz] ‘звезда’ и *көне* [könö] ‘его день’. Однако поскольку огубленные гласные неверхнего подъема [o] и [ö] в мишарском диалекте отсутствуют, в нем нет и губной гармонии, ср. *jɤldɤz* ‘звезда’ и *kene* ‘его день’.

1.1.2. Согласные

Система согласных мишарского диалекта мало отличается от системы литературного татарского языка. Она представлена в Таблице 1.3.

Таблица 1.3. Консонантная система мишарского диалекта

				Заднеязычные		
	Губные	Зубные	Передненебные	Велярные	Увулярные	Фарингальный
Взрывные	p b	t d	t_j	k g	(q) (ʁ)	
Носовые	m	n	n_j	ŋ		
Дрожащие	r					
Щелевые	(f v)	s z	š (ž)	x		(h)
Аффрикаты	(c)	č ǯ				
Глайды	w		j			
Боковые		l				

Согласные [f], [v], [ž], [c] и [h] встречаются только в заимствованиях. Литературный [h] за редким исключением соответствует мишарскому [x]. В исследованных говорах заднеязычные реализуются как велярные [k] и [g] в словах переднего ряда и как увулярные [q] и [ʁ] в словах заднего ряда. В отличие от них, [ŋ] и [x] не имеют увулярной реализации. Как и в целом ряде других тюркских языков, таким образом, заднеязычные [k] и [g] участвуют в распространении признака, который у гласных реализуется как ряд. В этом отношении наши данные расходятся, например, с материалами Л.Т. Махмутовой (Махмутова 1978: 66-67), которая описывает мишарский диалект как полностью лишенный увулярных согласных.

Палатализация, которая в принятой в этой книге транскрипции обозначается знаком «ʲ», представлена главным образом в заимствованиях (*ijulʲ* ‘июль’, *najaberʲ* ‘ноябрь’, *načalʲnik* ‘начальник’, *kulʲasa* ‘колесо’, *nikʲax*[3] ‘никах’).

[3] Также возможен вариант *nikax*.

В собственно мишарских словах палатализованные согласные представляют собой, в частности, результат монофтонгизации некоторых дифтонгов с [j], в первую очередь [aj]. Например, литературной форме *кайта* ‘возвращается’ соответствует мишарская *katʲa*, *кайнады* ‘закипел, кипел’ — *kanʲadɤ*. В исследованных говорах этот процесс, по-видимому, ограничен дентальными [t_j] и [n_j], а для слов с [n_j] к тому же факультативен (*kanʲadɤ*, например, сосуществует с литературной формой *kajnadɤ*). На прочие дентальные, вопреки обобщениям Л.Т. Махмутовой (Махмутова 1978: 52-53), монофтонгизация, по нашим данным, не распространяется, ср. лит. *сайлады* ‘выбрал’ и миш. *sajladɤ* || *??salʲadɤ*, *кайсы* ‘который’ и *kajsɤ* || *??kasʲɤ* и т.п. Дистрибуция палатализованных в других фонологических контекстах, по-видимому, лексически ограничена, ср. [n_j] в словах *anʲa* ‘вон’ (лит. *әпә* [änä]) и *munʲ* ‘шея’ (лит. *муен* [mujɤn]).

Во многих словах литературному [ǯ] в начале слова соответствует [j], однако это чередование нерегулярно и распределено по носителям, ср. лит. *җылыта* ‘нагревать’ и миш. *jɤlɤta* ‘нагревать’. Варианты одной лексемы, различающиеся на [ǯ] и [j], широко представлены в спонтанных текстах, ср. (1.3)-(1.4) с глаголом ‘достигать’, где разновидности глагола *ǯitä* ‖ *jitä* ‘достигать’ использованы одним и тем же рассказчиком:

(1.3) kɤz un-ike un-eč jäš-kä **jit**-kän.
девочка десять-два десять-три год-DAT **достигать**-PFCT
Девочка выросла до 12-13 лет. (←T13:3)

(1.4) kič **ǯit**-ä bašl-ɤj.
вечер **достигать**-ST.IPFV начинаться-ST.IPFV
Наступил вечер. (←T13:19)

По-видимому, формы с [j] — это собственно мишарская особенность (точнее, даже особенность исследованных мишарских говоров), тогда как формы с [ǯ] существуют благодаря влиянию литературной нормы.

Так же факультативно замещение аффрикаты [č] аффрикатой [c] («цоканье»), ср. лит. *ачты* ‘открыл’ и миш. *actɤ* || *ačtɤ*, *акча* ‘деньги’ и *akca* || *akča*, *чыгар* ‘выйдет’ и *cɤgar* || *čɤgar*. Цоканье ожидаемо представлено не только в корневых морфемах, но и в аффиксах. (1.5) показывает несколько возможностей из области глагольной словоизменительной морфологии (о соответствующих формах см. 1.2.1.3):

(1.5) Футурум 2	Деепричастие следования	Отрицательное деепричастие
bar-**acak** ‖ bar-**ačak**	bar-gan-**cɤ** || bar-gan-**čɤ**	bar-m-ɤj-**ca** ‖ bar-m-ɤj-**ča**
идти-FUT	идти-PFCT-POST	идти-NEG-ST-CONV
пойдет	*до того, как пошел*	*не пойдя*

Из трех исследованных идиомов, на которые опирается описание в этой монографии, цоканье наиболее систематически представлено в сергачском говоре (идиом с. Большое Рыбушкино). В обоих идиомах чистопольского говора цоканье существенно менее распространено: достаточно сказать, что в корпусе текстов, записанных исключительно с носителями этого говора, потенциально вариативные формы практически всегда представлены нецокающими разновидностями.

Фонологические ограничения на охарктеризованные выше процессы *j* || *ǯ* и *c* || *č* требуют специального исследования, ср. обсуждение цоканья в (Махмутова 1978: 64-66). Здесь и далее мы придерживаемся следующего соглашения. Если словоформа пред-

ставлена конкретным словоупотреблением (то есть извлечена из корпуса текстов или получена от носителя языка в составе цитируемого предложения), она приводится в том варианте, в котором записана. Если речь идет об обобщенном словоупотреблении (например, когда форма приводится в составе парадигмы), запись унифицирована: мы систематически приводим варианты с *č* и *ǰ*, а не с *c* и *j*. Случаи, где различия релевантны для обсуждаемого сюжета, специально оговариваются.

Как и в литературном татарском и ряде других тюркских языков, звонкие смычные оглушаются в конце слога. В (1.6) показаны две возможности — позиция перед аффиксами, начинающимися с согласных, и конец слова; точкой помечена слоговая граница:

(1.6)	ki.ta.**b**-ɤ	ki.ta**p**	ki.ta**p.**-lar	ki.ta**p.**-ka
	книга-3	книга	книга-PL	книга-DAT
	его книга	*книга*	*книги*	*книге*

Ряд ассимилятивных процессов происходит с начальными взрывными согласными аффиксов. Как и в литературном татарском, после сонорных и звонких шумных согласных и после гласных аффиксы с начальными взрывными согласными (показатели датива, локатива и аблатива, а также ряд глагольных показателей) выступают в варианте со звонким согласным:

(1.7)	bala-**g**a	jul-**g**a	san-a-**g**an	kal-**g**an
	ребенок-DAT	дорога-DAT	считать-ST-PFCT	оставаться-PFCT
	ребенку	*(к) дороге*	*(он) посчитал*	*(он) остался*
	kʏz-**g**a	kʏz-**d**a	kʏz-**d**an	sal-**g**an
	девочка-DAT	девочка-LOC	девочка-ABL	лить-PFCT
	девочке	*на девочке*	*от девочки*	*(он) налил*

После глухих шумных согласных такие аффиксы выступают в варианте с начальным глухим согласным:

(1.8)	kitap-**k**a	kitap-**t**a	kitap-**t**an	kat$_j$-**k**an
	книга-DAT	книга-LOC	книга-ABL	приходить-PFCT
	книге	*в книге*	*от книги*	*(он) пришел*

В показателях аблатива и множественного числа начальный зубной или сонорный согласный назализуется и переходит в [n] после назальных [n], [m], [ŋ].

(1.9)	kʏz-**d**an	urʏn-**n**an	kʏz-**l**ar	urʏn-**n**ar
	девочка-ABL	место-ABL	девочка-PL	место-PL
	от девочки	*от места*	*девочки*	*места*

1.1.3. Структура слога и ударение

Слово в мишарском диалекте состоит из одного или нескольких слогов и оформляется экспираторно-длительным ударением[4] на последнем слоге (за исключением недавних заимствований). При добавлении аффиксов ударение перемещается на последний слог:

[4] Более подробный анализ татарского ударения см. в ТГ 1995: 96–102. См. также Закиев 1997: 360.

(1.10)	balа́	bala-lа́r	bala-lar-ɤbɤ́z	bala-lar-ɤbɤz-gа́
	ребенок	ребенок-PL	ребенок-PL-1PL	ребенок-PL-1PL-DAT
	ребенок	*дети*	*наши дети*	*нашим детям*

Возможные структуры слога в мишарском диалекте таковы (C — любой согласный, V — любой гласный, R — сонорные согласные [r] или [l]):

(1.11)	V	CV	VC	CVC	VRC	CVRC
	ü	di	aj	kɤz	art	kɤrt
	дом	говорить.IPFV	месяц	девочка	зад	червь
	дом	*говорит*	*месяц*	*девочка*	*зад*	*червь*

Сложная кода слога для мишарского диалекта, как и для татарского литературного языка, нехарактерна; в коде допускаются только сочетания вида «сонорный — шумный». Неприкрытые слоги возможны только в начале слова (см. (1.11)); следствием этого ограничения является запрет на сочетание двух гласных («зияние») (см. также Закиев 1997: 360). Зияния, возникающие при присоединении морфем, начинающихся с неприкрытого слога, к морфемам, заканчивающимся открытым слогом, снимаются различными приемами, см. ТГ 1995: 67-68. В глагольном словоизменении, например, зияние создается при образовании имени действия (показатель *-u*) от основ на гласный. В этом случае гласный показателя преобразуется в глайд, как, например, в *barma-u* [barmaw], отрицательном имени действия от глагола *bara* ‘идти’, или в *barma-u-ɤ* [barmawɤ], притяжательной форме третьего лица единственного числа этого же имени действия.

В фонетически неадаптированных или слабоадаптированных заимствованиях могут наблюдаться и более сложные слоговые структуры, в частности, структуры со сложным приступом CCV(C), как в ***krɤsl****.ca* ‘крыльцо’. В старых заимствованиях нехарактерные для тюркских языков консонантные кластеры в приступе снимаются при помощи эпентезы [ɤ] в словах заднего ряда и [e] в словах переднего ряда, например, ***e****stäl* ‘стол’, *k****e****läščä* ‘клещи’. Подробнее о разных видах эпентезы и наблюдающихся в этой сфере закономерностях см. ТГ 1995: 82-83.

Как и в литературном татарском языке, в мишарском диалекте наблюдаются ограничения на просодически минимальную основу у главных лексических категорий — существительных, прилагательных и глаголов:

(1.12) Просодически минимальная основа представляет собой стопу.

Учитывая, что стопа должна содержать минимум две моры (см., например, McCarthy, Prince 1998), а моры создаются только за счет ядра и коды, минимальная основа — это тяжелый (закрытый) слог. По всей видимости, это правило не имеет или почти не имеет исключений[5]: любая мишарская односложная основа имеет слоговую коду. Основы типа *su* ‘вода’, как будет показано ниже, в 1.2.2.1, содержат в исходе глайд *w*, а значит, также представляют собой закрытый слог. Просодические ограничения, по всей видимости, дают о себе знать и при образовании каузатива (см. ниже).

[5] Один из кандидатов в исключения — дефектный глагол *di* ‘говорить’ (см. 6.3), основа которого представляет собой, по крайней мере поверхностно, открытый слог. Возможно, впрочем, что даже эта основа содержит глайд и имеет вид *dij*, а поверхностные словоформы образуются в результате нерегулярного фонологического преобразования. На правдоподобность этого сценария указывают вариативные формы деепричастия *di-p* || *dij-e-p*.

1.1.4. Энклитики

Энклитики в мишарском диалекте выделяются в особую группу морфем. Их дистрибуция определяется синтаксическими правилами, однако при этом они обнаруживают определенные свойства связанных морфем. Главное из них состоит в том, что ряд гласного в энклитике определяется рядом гласного в предшествующем фонетическом слове. Эта гармония по ряду наблюдается, например, в (1.12)-(1.13), которые содержат эмфатическую и сочинительную энклитику *da* ‘и, также’:

(1.13) a. a-nɤŋ kɤz-ga küz-e teš-ˈä **dä**
он-GEN девушка-DAT глаз-3 падать-ST.IPFV **EMPH**

ɤrl-a-p kajt-ɤ-r-ga ǯɤj-ɤ-n-a.
красть-ST-CONV возвращаться-ST-POT-INF собирать-ST-DEPAT-ST.IPFV

Ему понравилась [= его глаз упал] *девушка,* ***и*** *он захотел ее украсть.* (=T10:2)

b. abzunijä apa belän kara märjäm ber kɤz
Абзуния тетя с Черная Марьям один девушка

tab-a- ˈlar **da** mɤnar-ga dimn-i-lär.
находить-ST.IPFV-PL **EMPH** этот.OBL-DAT сватать-ST.IPFV-PL

Абзуния-апа и Черная Марьям нашли одну девушку ***и*** *засватали ему.* (=T9:4)

Так же ведет себя, например, и энклитика *gɤna* ‘только’ (см. о ней 4.4.2).

1.2. Морфология

В этом разделе приводятся основные сведения о морфологии мишарского диалекта. Раздел 1.2.1 содержит информацию о глагольной морфологии, раздел 1.2.2 — об именной морфологии, раздел 1.2.3 — об основных послелогах. Предлагаемый здесь морфологический анализ в ряде случаев отличается от анализа, принятого в ТГ 1993, а также от морфологических моделей, применяемых для грамматической аннотации корпусов татарского языка (см., в частности, Suleymanov *et al.* 2013). Кроме того, есть и некоторые фактические отличия морфологии мишарского диалекта от морфологии татарского литературного языка (см. также Махмутова 1978). Дополнительные сведения о деривационной и словоизменительной системе татарского языка можно найти в Сулейманов 1997, Сулейманов, Гатиатуллин 2003, Сулейманов и др. 2013, Сулейманов и др. 2017. Следует также подчеркнуть, что в этом разделе обсуждается почти ислючительно формальная сторона мишарского морфологии. Семантическая интерпретация некоторых категорий освещается в главах 2-3, см. также Suleymanov 2010, Сулейманов, Гатиатуллин 2012b.

1.2.1. Глагольная морфология и парадигмы[6]

1.2.1.1. Структура глагольной словоформы

Глагольная словоформа состоит из исходной основы (в состав которой могут входить деривационные показатели и показатель отрицания), показателя производной основы и

[6] Этот раздел опирается на полевые материалы Н.А. Антоновой.

показателей времени / вида / наклонения и / или причастия или деепричастия. Финитные словоформы имеют в исходе личный показатель.

На Схеме 1.1 представлен порядок присоединения деривационных глагольных аффиксов, показателей глагольной основы и словоизменительных показателей.

Схема 1.1. Образование глагольных форм

1.2.1.2. Классы глаголов

С точки зрения образования производной основы глаголы в мишарском диалекте делятся на два класса. В первый («консонантный») класс попадают глаголы с исходной основой на согласный и на гласный *u*, которые, по-видимому, фонологически интерпретируются как содержащие в исходе глайд *w*, который не имеет фонетической реализации перед согласными (ср. аналогичное наблюдение об именных основах на *u* в 1.2.2.1). Об исходной

[7] Только у односложных непроизводных основ.
[8] Для одной подгруппы глаголов с консонантной исходной основой — от ПО2 (см. 1.2.1.3).
[9] Кроме односложных непроизводных основ.
[10] Для одной подгруппы глаголов с консонантной исходной основой — от ПО2 (см. 1.2.1.3).

и производных основах см. 1.2.1.3. Глаголы первого класса делятся на два подкласса, членство в которых определяется способом образования Футурума 1 и инфинитива.

Ко второму («вокалическому») классу относятся основы на прочие гласные, в первую очередь глаголы на *-a*. Глаголы с другими гласными в исходе основы относительно немногочисленны; это, в частности, глаголы на *-ɤ*. Гласный у глаголов второго класса анализируется как показатель основы:

(1.14) Исходная основа

Глаголы консонантного класса		Глаголы вокалического класса	
bar	ju [juw]	ešl-ä	uk-ɤ
идти	мыть	работать-ST	читать-ST

1.2.1.3. Глагольные основы и глагольные формы

У мишарского глагола выделяются три основы: исходная и две производных.

Исходная основа, которая показана в (1.15), совпадает с императивом:

(1.15) Императив

bar	ju [juw]	ešl-ä	uk-ɤ
идти.IMP	мыть.IMP	работать-ST.IMP	читать-ST.IMP
Иди!	*Мой!*	*Работай!*	*Читай!*

Как видно из Схемы 1.1, от исходной основы образуется большая группа форм. Это, в частности, финитные видовременные формы Претерита (показатель *-dɤ*), Футурума 2 (показатель *-(j)ačak*, в цокающих говорах *-(j)acak*) и Перфекта (показатель *-gan*). Перфект служит морфологическим источником ряда деепричастий, а именно: деепричастия причины (показатель *-ga*), сравнения (*-daj*), следования (*-čɤ*) и одновременности (*-da*). Эти финитные формы, а также деепричастие одновременности иллюстрируются в (1.16)-(1.19):

(1.16) Претерит

bar-**dɤ**	ju-**dɤ**	ešl-ä-**de**	uk-ɤ-**dɤ**
идти-**PST**	мыть-**PST**	работать-ST-**PST**	читать-ST-**PST**
(по)шел	*(по)мыл*	*(по)работал*	*(про)читал*

(1.17) Футурум 2

bar-**ačak**	ju-**ačak** [juw-**ačak**]	ešl-ä-**jäčäk**	uk-ɤ-**jačak**
идти-**FUT**	мыть-**FUT**	работать-ST-**FUT**	читать-ST-**FUT**
пойдет	*помоет*	*будет работать*	*прочитает*

(1.18) Перфект

bar-**gan**	ju-**gan** [juʁan]	ešl-ä-**gän**	
идти-**PFCT**	мыть-**PFCT**	работать-ST-**PFCT**	
оказывается, шел	*оказывается, (по)мыл*	*оказывается, работал*	

uk-ɤ-**gan**
читать-ST-**PFCT**
оказывается, (про)читал

(1.19) Деепричастие одновременности

bar-gan-**da**	ju-gan-**da** [juʁanda]	ešl-ä-gän-**dä**
идти-PFCT-**SIM**	мыть-PFCT-**SIM**	работать-ST-PFCT-**SIM**
когда шел	*когда мыл*	*когда работал*

uk-ɤ-gan-**da**
читать-ST-PFCT-**SIM**
когда читал

В этом ряду следует отметить дистрибуцию показателя Футурума 2. По-видимому, это единственный показатель в морфологической системе языка, имеющий алломорфмы с начальным *j* и без него. Как видно из (1.17), с основами консонантного класса выбирается вариант *-ačak* || *-acak*, а с основами вокалического — *-jačak* || *-(j)acak*.

Отглагольное существительное («имя действия») образуется присоединением к исходной основе показателя *-u*. Оно иллюстрируется в (1.20):

(1.20) bar-**u**	ju-**u** [juwu]	ešl-ä-**u** [ešläw]	uk-**u**
идти-**NMN**	мыть-**NMN**	работать-ST-**NMN**	читать-ST-**NMN**
приход	*мытье*	*работа*	*чтение*

Присоединяясь к глаголам консонантного класса, показатель имени действия создает производные существительные с основой на *-u*. Как и любые основы на *-u*, основы отглагольных существительных оказываются фонологически консонантными за счет глайда *w*, который реализуется у них в исходе. Это проявляется, в частности, в выборе алломорфов показателей посессивности, характерном для консонантных именных основ:

(1.21) bar-u-ɤ [baruwɤ]	|| *bar-u-**sɤ**	ju-u-ɤ [juwuwɤ]	|| *ju-u-**sɤ**
идти-NMN-**3**	идти-NMN-**3**	мыть-NMN-**3**	мыть-NMN-**3**

При присоединении к основам на гласный, кроме *-ɤ*||*-e*, показатель *-u* реализуется как глайд: *sana* + *u* → [sanaw] || *[sanu] || *[sanau] || *[sanauw]. Это очевидно благодаря простому обобщению: в мишарском диалекте, как и в литературном языке, невозможен неприкрытый слог, создающий вокалический кластер, или «зияние». Соответственно, вокалические кластеры, возникающие при присоединении морфемы, начинающейся с гласного, к вокалической основе, тем или иным образом устраняются (см. 1.1.3). Поскольку в форме *sanau* этого не происходит, следует признать, что *-u* не реализуется как гласный ни на каком этапе деривации. Однако, следуя главным образом традиции, на которую опирается татарская орфография, мы не отражаем эти особенности реализации *-u* в нашей записи.

Отглагольные существительные от основ на *-ɤ* представляют особый интерес. Их поверхностная форма (например, *uku* в (1.22)) в принципе оставляет открытыми две возможности. Во-первых, можно предположить, что, участвуя в образовании отглагольного существительного, этот глагол ведет себя как глагол с консонантной основой, и *-u* присоединяется непосредственно к *uk-*. Это показано в (1.22a). При таком анализе Схему 1.1 для глаголов на *-ɤ* придется существенно видоизменить. У таких глаголов имя действия будет образовываться не от исходной основы, как у других, а от специальной основы, характеризующейся отсутствием гласного в исходе.

Во-вторых, возможно, что глагол ведет себя регулярным образом, и *u* присоединяется к исходной основе. Однако возникающая на этом этапе последовательность *ɤw* затем обрабатывается специальным правилом, преобразующим *ɤw* в *u*, как в (1.22b):

(1.22) a. uk + -u → uk-u
b. ukɤ + -u → ukɤu [ukɤw] → uku

Многое указывает на то, что верен второй анализ. Во-первых, сочетания гласных верхнего подъема, таких как *ɤ,* с *w* в мишарском диалекте (как и в татарском литературном языке) не встречается ни в лексических основах, ни в морфологически производных контекстах. Во-вторых, имеются факты, указывающие на активность в фонологической системе татарского языка параллельного правила, обрабатывающего сочетание гласных среднего подъема с *w*. Это правило дает о себе знать при редупликации, иллюстрируемой в (1.23) (примеры из Ганиев 1973):

(1.23) a. *шабыр-шобыр* ‘звукоподр. частому и дробному стуку дождя’ (a → o)
b. *шак-шок* ‘тук-тук’ (a → o)
c. *шау-шу* ‘шумиха, ссора, возня’ (от *шау* ‘шум’) (a → o; ow → u)

(1.23a-b) показывают, что во втором редупликанте происходит замена *a* на *o*. В (1.23c) вместо **шоу* [šow] мы получаем *шу*, что объясняется, очевидно, действием правила, преобразующего [ow] в [u].

Как видно из Схемы 1.1, от исходной основы образуются также формы с модальной семантикой: гортатив (показатель *-ɤj*), кондиционалис (показатель *-sa*), юссив (показатель *-sɤn*), формы инфинитива 2 (показатель *-ma*), дезидератива (показатель *-makčɤ*) и дезидератива 2 (показатель *-gɤ*, идентичный атрибутивному показателю, см. 1.2.2.1). Кроме того, исходная основа присоединяет деривационные показатели, создавая новые основы, которые с точки зрения дальнейшей морфологической деривации ведут себя как исходные. Это отрицательная основа (*-ma*), основы каузативов с показателями *-t*, *-dɤr*, *-sät*, *-gɤz*, *-gɤr* и *-gar*. Эти формы подробнее обсуждаются ниже.

Все производные основы образуются от исходной присоединением показателей производной основы.

Производная основа 1 создается с помощью аффикса *-ɤ* для глаголов консонантного класса и совпадает с исходной основой для глаголов вокалического класса. Это показано в (1.24):

(1.24) Производная основа 1

bar-**ɤ-**	ju-**ɤ-** [juwɤ]	ešl-**ä-**	uk-**ɤ-**
идти-**ST**	мыть-**ST**	работать-**ST**	читать-**ST**

От этой основы образуются форма деепричастия (показатель *-p*) и, у большинства глаголов, форма Футурума 1 (показатель *-r* в утвердительных формах и *-s* в отрицательных, см. ниже). От формы Футурума 1 далее образуется инфинитив (показатель *-ga*). В (1.25) показано образование деепричастия. Образование Футурума 1 для всех глаголов вокалического класса и значительного большинства глаголов консонантного класса иллюстрируется в (1.26).

(1.25) Деепричастие

bar-ɤ-**p**	ju-ɤ-**p** [juwɤp]	ešl-ä-**p**	uk-ɤ-**p**
идти-ST-**CONV**	мыть-ST-**CONV**	работать-ST-**CONV**	читать-ST-**CONV**
пойдя, идя	*помыв, моя*	*работая*	*прочитав, читая*

(1.26) Футурум 1

bar-ɤ-**r**	ešl-ä-**r**	uk-ɤ-**r**
идти-ST-**POT**	работать-ST-**POT**	читать-ST-**POT**
пойдет	*будет работать*	*прочитает*

Глаголы консонантного класса, которые образуют Футурум 1 и инфинитив так, как показано в (1.26) для *bara* ‘идти’, — это, однако, лишь один подтип консонантных глаголов. Именно их морфологическую структуру отражает Схема 1.1. Ко второму подтипу консонантного класса относятся глаголы, у которых Футурум 1 и инфинитив строятся от производной основы 2, описанной ниже. К этому подтипу относится, в частности, глагол *jua* ‘мыть’ (как и другие известные нам глаголы с основой на *-u*, например, *bua* ‘душить, давить’ и *kua* ‘гнать’). Однако этот подтип консонантного класса глаголами на *-u* не ограничивается[11].

Показатель Футурума 1 имеет два аллоформа, распределение которых обусловлено морфологически: вариант *-r* используется в утвердительных формах, а *-s* — в отрицательных (об образовании отрицательных форм см. ниже):

(1.27)

bar-ɤ-**r**	bar-m-a-**s**
идти-ST-**POT**	идти-NEG-ST-**POT**
пойдет	*не пойдет*

Также от производной основы 1 образуются основы каузативных глаголов с показателями *-t*, *-r* и *-z*, депациентива (*-n*), пассива (*-l*) и реципрока (*-š*), охарактеризованные ниже.

Производная основа 2 образуется от исходной присоединением показателя *-a* для глаголов консонантного класса и *-ɤj* для вокалического класса:

(1.28) Производная основа 2

bar-**a-**	ju-**a-** [juwa]	ešl-**i-**	uk-**ɤj-**
идти-**ST**	мыть-**ST**	работать-**ST**	читать-**ST**

С этой основой совпадает форма Презенса. С помощью показателя *-sa* от нее образуется форма, которую мы называем облигатив. Редупликация производной основы 2 дает форму имперфективного деепричастия (см. о нем 6.1.2.2).

[11] Л.Т. Махмутова (Махмутова 1978: 144) отмечает выпадение показателя *-r* в Футуруме 1 от основ на *-r*. В нашем материале это явление также спорадически представлено. (i) иллюстрирует Футурум 1 от глагола *bara* ‘идти’:

(i)

ɤzba-dan	ester-ä-p	čɤg-a-r-sɤŋ,	art-ɤm-a
изба-ABL	тащить-ST-CONV	выходить-ST-POT-2SG	за-1SG-DAT
tib-ä-tib-ä		a-p	**bar-ɤ-sɤŋ**…
пинать-ST.IPFV-пинать-ST.IPFV		брать-CONV	**идти-ST.POT-2SG**

Из избы вытащишь [=таща, выведешь], сзади пиная, поведешь… (←T13:44)

У глаголов второго подтипа консонантного класса от этой основы образуются Футурум 1 и инфинитив:

(1.29) Футурум 1 глаголов консонантного класса второго подтипа

čɤg-**a**-r ‖ ʔčɤg-**ɤ**-r	kuj-**a**-r ‖ ʔkuj-**ɤ**-r	čab-**a**-r ‖ ʔčab-**ɤ**-r
выходить-**ST**-POT	ставить-**ST**-POT	косить-**ST**-POT
бросит	*поставит*	*скосит*

Глаголы второго подтипа консонантного класса, судя по всему, менее распространены в мишарском диалекте, чем в литературном татарском языке. Значительная часть глаголов, относящихся к этому подтипу в литературном татарском, в мишарском диалекте проявляет свойства первого, более регулярного подтипа. Литературному *язар* ‘напишет’ соответствует мишарское *jazɤr*, литературному *юар* ‘помоет’ — мишарское *juɤr*. Эти возможности, однако, нерегулярны и варьируют по говорам и по носителям. Вариативность отмечает и Л.Т. Махмутова: «К значительному числу глагольных основ могут присоединяться варианты аффиксов как с широким, так и с узким гласным, например, *ач-ар* / *ач-ыр, сат-ар* / *сат-ыр, эч-әр* / *эч-ер, кит-әр* / *кит-ер*» (Махмутова 1978: 144). В общем случае членство глагола в первом или втором подтипе представляется невыводимым из других характеристик глагольной основы.

От этой же основы, произведенной от отрицательной исходной основы, образуется отрицательное деепричастие. В (1.30) приводятся варианты с нецокающим вариантом показателя деепричастия *-ča*. В цокающих говорах ему соответствует *-ca*.

(1.30) Отрицательное деепричастие

bar-m-ɤj-**ča**	ju-m-ɤj-**ča**	ešl-ä-m-i-**čä**
идти-NEG-ST-**CONV**	мыть-NEG-ST-**CONV**	работать-ST-NEG-ST-**CONV**
не идя	*не моя*	*не работая*

uk-ɤ-m-ɤj-**ča**
читать-ST-NEG-ST-**CONV**
не читая

Описанная выше система допускает немногочисленные лексические исключения. Одно из таких — глагол *di* ‘говорить’. В чистопольском говоре (с. Татарский Елтан) все все его зафиксированные формы образуются от одной и той же основы *di-*: *di* (Презенс), *dide* (Претерит), *digän* (Перфект), *dip* (деепричастие) и т.д. В сергачском говоре, напротив, предпочитается основа с *j* в исходе, например, *dijep* (деепричастие) и т.д.

1.2.1.4. Образование отрицательных форм

При образовании отрицательных форм используется отрицательная основа. Последняя образуется от исходной основы при помощи показателя *-ma.* Поскольку аффикс имеет вокалический исход, отрицательная основа имеет все свойства непроизводных основ вокалического класса. Соответственно, на нее распространяются все обсуждавшиеся выше правила и ограничения, характерные для утвердительных форм. (1.31) иллюстрирует образование отрицательной формы Презенса от глагола *küčä* ‘двигаться, переходить’, который сам относится к консонантному классу.

(1.31) Исходная основа ⟶ Отрицательная основа ⟶ Производная основа 2 (= Презенс)

küč	+ -ma	küč-mä	+ -ɤj	küč-m-i
не переходит				

Система отрицательных форм организована в соответствии со Схемой 1.1, с той поправкой, что некоторые утвердительные формы, представленные на схеме, не имеют отрицательных аналогов. Это:

- основы с деривационными показателями, которые не могут присоединяться после отрицания (каузативы, депациентив, реципрок и пассив), см. 3.1;
- деепричастие следования (о деепричастиях и деепричастных клаузах см. подробнее 6.1);
- деепричастие на *-p* (см. также 6.1.2);
- облигатив;
- инфинитив 2
- дезидеративы 1 и 2 (об облигативе, инфинитиве 2 и дезидеративах см. 6.3.1.5).

Система отрицательных форм представлена на Схеме 1.2.

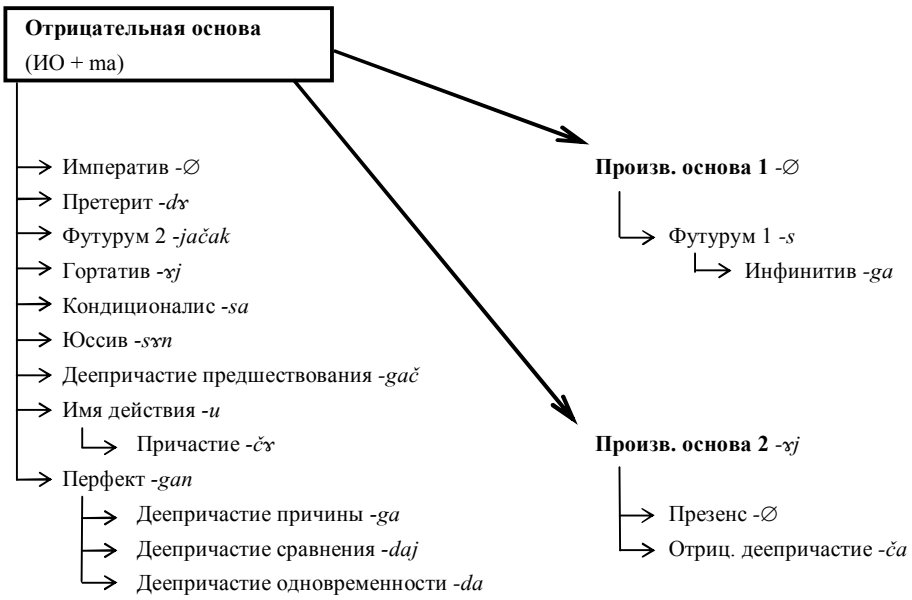

Схема 1.2. Образование отрицательных форм

Примеры отрицательных форм Претерита, Презенса и Футурума 1 показаны в (1.32)-(1.34):

(1.32) Отрицательный Претерит

bar-**m**-a-dɤ	ju-**m**-a-dɤ	ešl-ä-**m**-ä-de	uk-ɤ-**m**-a-dɤ
идти-**NEG**-ST-PST	мыть-**NEG**-ST-PST	работать-ST-**NEG**-ST-PST	читать-ST-**NEG**-ST-PST
не пошел	*не (по)мыл*	*не работал*	*не (про)читал*

(1.33) Отрицательный Презенс

bar-**m**-ɤj	ju-**m**-ɤj	esl-ä-**m**-i	uk-ɤ-**m**-ɤj
идти-**NEG**-ST	мыть-**NEG**-ST	работать-ST-**NEG**-ST	читать-ST-**NEG**-ST
не идет	*не моет*	*не работает*	*не читает*

(1.34) Отрицательный Футурум 1

bar-**m**-a-s	ju-**m**-a-s	esl-ä-**m**-ä-s	uk-ɤ-**m**-a-s
идти-**NEG**-ST-POT	мыть-**NEG**-ST-POT	работать-ST-**NEG**-ST-POT	читать-ST-**NEG**-ST-POT
не пойдет	*не помоет*	*не будет работать*	*не прочитает*

Кроме того, только от отрицательной основы (вернее, от производной основы 2, образованной от отрицательной основы) образуется отрицательное деепричастие на *-ča* (см. 6.1.2.2). Его можно рассматривать как отрицательный коррелят для деепричастия на *-p* и деепричастия, представляющего собой редуплицированную производную основу 2.

1.2.1.5. Лично-числовые показатели

Глагольные формы Презенса, Перфекта, Претерита, Футурума 1, Футурума 2, императива, гортатива, юссива и кондиционалиса присоединяют лично-числовые показатели, выбор которых определяется лицом и числом подлежащего. В мишарском диалекте выделяются две серии личных показателей, различающиеся в первом и втором лице единственного и множественного числа. Одна из серий, называемая полной, употребляется в Перфекте, Презенсе, Футуруме 1 и Футуруме 2, а также в форме императива множественного числа. Вторая, усеченная, употребляется в Претерите, кондиционалисе и гортативе[12].

В Таблице 1.4 представлена парадигма лично-числового словоизменения глаголов *bara* ‘идти’ и *ešli* ‘работать’ в Презенсе (с полной серией личных показателей) и Претерите (с усеченной серией).

Таблица 1.4. Личные глагольные показатели

ПОЛНАЯ СЕРИЯ			
единственное число			
1 лицо	*-mɤn* ‖ *-m*	*bar-a-mɤn* ‖ *bar-a-m* идти-ST.IPFV-1SG идти-ST.IPFV-1SG	*ešl-i-men* ‖ *ešl-i-m* работать-ST.IPFV-1SG работать-ST.IPFV-1SG
2 лицо	*-sɤŋ*	*bar-a-sɤŋ* идти-ST.IPFV-2SG	*ešl-i-seŋ* работать-ST.IPFV-2SG
3 лицо	—	*bar-a* идти-ST.IPFV	*ešl-i* работать-ST.IPFV
множественное число			
1 лицо	*-bɤz*	*bar-a-bɤz* идти-ST.IPFV-1PL	*ešl-i-bez* работать-ST.IPFV-1PL
2 лицо	*-sɤz*	*bar-a-sɤz* идти-ST.IPFV-2PL	*ešl-i-sez* работать-ST.IPFV-2PL
3 лицо	-(*lar*)	*bar-a*-(*lar*) идти-ST.IPFV-PL	*ešl-i*-(*lär*) работать-ST.IPFV-PL

[12] Форма юссива употребляется только в третьем лице, поэтому для юссива это различие нерелевантно.

УСЕЧЕННАЯ СЕРИЯ			
единственное число			
1 лицо	*-m*	*bar-dɤ-m* идти-PST-1SG	*ešl-ä-de-m* работать-PST-1SG
2 лицо	*-ŋ*	*bar-dɤ-ŋ* идти-PST-2SG	*ešl-ä-de-ŋ* работать-PST-2SG
3 лицо	—	*bar-dɤ* идти-PST	*ešl-ä-de* работать-PST
множественное число			
1 лицо	*-k*	*bar-dɤ-k* идти-PST-1PL	*ešl-ä-de-k* работать-PST-1PL
2 лицо	*-gɤz*	*bar-dɤ-gɤz* идти-PST-2PL	*ešl-ä-de-gez* работать-PST-2PL
3 лицо	-(*lar*)	*bar-dɤ*-(*lar*) идти-PST-PL	*ešl-ä-de*-(*lär*) работать-PST-PL

В Презенсе наблюдается экспансия показателя усеченной серии в первом лице единственного числа.

Формы третьего лица имеют нулевой показатель. Упоминаемый Л.Т. Махмутовой (Махмутова 1978: 138-141) показатель третьего лица полной серии *-dɤr* в исследуемых говорах не отмечен. (Впрочем, и сама Л.Т. Махмутова говорит о «параллельном и даже преимущественном употреблении варианта без *-дыр*» (Махмутова 1978: 141), связанном, по ее оценке, с влиянием литературного языка.)

Согласование по множественному числу с помощью показателя *-lar* факультативно, ср. одинаково грамматичные предложения (1.35a) и (1.35b):

(1.35) a. a-lar bar-a.
он-PL идти-ST.IPFV
Они идут. {a=b}

b. a-lar bar-a-**lar**.
он-PL идти-ST.IPFV-**PL**

Отглагольные именные категории — имена действия и причастия — проявляют ожидаемые именные свойства, в частности, в определенных синтаксических конфигурациях присоединяют показатели притяжательности, числа и падежа (см. раздел 1.2.2.1). Например, в (1.36a) представлено имя действия от глагола *belä* ‘знать’, возглавляющее сентенциальный актант при глаголе *kelä* ‘смеяться’. Имя, как того требует управление вершинного глагола, стоит в аблативе и при этом имеет именной притяжательный показатель третьего лица, согласующийся с генитивной именной группой *paškɤ-nɤŋ*. В (1.36b) фигурирует еще одна номинализованная клауза, возглавляемая перфективным причастием на *-gan*, которое морфологически идентично финитной форме Перфекта. Эта клауза выступает прямым дополнением глагола *ujla* ‘думать’ и имеет форму аккузатива притяжательного склонения 3-го лица. Подробнее структура номинализаций обсуждается в 6.4.

(1.36) a. paškɤ-nɤŋ … traktɤr ser-e-n bel-m-ä-ü-**e-n-nän**
Пашка-GEN трактор тайна-3-OBL.ACC знать-NEG-ST-NMN-**3-OBL-ABL**
kel-ä-lär.
смеяться-ST.IPFV-PL
Они смеялись над тем, что Пашка … не знал тайну трактора. (=T7:15)

b. ez-lär kal-gan-**ɤ-n** bez-neŋ baš-ɤbɤz ujl-a-m-a-gan…
след-PL оставаться-PFCT-**3-OBL.ACC** мы-GEN голова-1PL думать-ST-NEG-ST-PFCT
Наша голова не подумала о том, что остались следы… (ср. T4:15)

Именное согласование обнаруживается и у формы Дезидератива 2:

(1.37) a-lar-nɤŋ täräzä teb-e-n-ä bar-gɤ-**lar-ɤ** kel-i.
он-PL-GEN окно под-3-OBL-DAT идти-ATR-**PL-3** хотеть-ST.IPFV
Им захотелось пойти послушать (шорох) под окном. (ср. T9:6)

1.2.1.6. Парадигма синтетических личных форм, причастий и деепричастий

В Таблице 1.5 приводятся синтетические утвердительные формы глаголов *bara* ‘идти’ (основа на согласный) и *ešli* ‘работать’ (основа на гласный *-ä*), а в Таблице 1.6 — соответствующие отрицательные формы. Все глагольные формы, способные употребляться с лично-числовыми показателями, приводятся в форме третьего лица единственного числа; дополнительно указана соответствующая серия личных показателей (см. раздел 1.2.1.5).

Важную роль в грамматической системе мишарского диалекта играет глагол *i-* ‘быть’, который используется в качестве вершины глагольной группы в именных предложениях и как вспомогательный глагол в составе аналитических глагольных форм[13]. Он имеет дефектную парадигму, в которой представлен ограниченный набор форм, часть которых образуется не по регулярным правилам. Парадигма дана в Таблице 1.7.

i- ‘быть’ — единственный глагол, который присоединяет морфему *-mɤš*, показатель перфекта, широко представленный в огузской ветви тюркской семьи (турецкий, азербайджанский, гагаузский). Языки кыпчакской ветви (алтайский, башкирский, казахский, узбекский, ногайский и др.) используют как показатель Перфекта форму на *-gan*. Многие исследователи рассматривают *-mɤš* как диахронически первичный показатель, который был утрачен кыпчакскими языками, но сохранился в огузских. Если это так, то *i-meš* в татарском — своего рода грамматический реликт, отражающий предыдущую стадию эволюции системы.

Отметим также нерегулярную форму перфекта на *-gan* от глагола *i-* ‘быть’: вместо ожидаемой звонкой реализации первого согласного морфемы в интервокальной позиции (**i-gän*) наблюдается глухая.

1.2.1.7. Неоднозначность синтаксического класса

Значительная часть синтетических форм, парадигма которых представлена в Таблицах 1.5-1.6, характеризуется синтаксической неоднозначностью. Такие формы допускаются в синтаксических конфигурациях, характерных не только для финитного глагола, но и для адъективов, адвербиалов или субстантивов. Каждая из конфигураций характеризуется узнаваемым набором свойств. Типичный финитный глагол представляет собой вершину глагольной группы, создающей независимое предложение, соединяется с глагольными словоизменительными показателями, демонстрирует глагольное согласование и т.д. Для адъективов характерна роль модификатора именной вершины;

[13] В первом качестве в подстрочном поморфемном переводе глагол обозначается как *быть*, во втором — как AUX1.

Таблица 1.5. Утвердительные формы

	bara ‘идти’	*ešli* ‘работать’	Лично-числовые показатели
Презенс	*bar-a* идти-ST.IPFV	*ešl-i* работать-ST.IPFV	ПОЛНЫЕ (возможно УСЕЧЕННОЕ в форме 1 л. ед.ч)
Перфект	*bar-gan* идти-PFCT	*ešl-ä-gän* работать-ST-PFCT	ПОЛНЫЕ
Претерит	*bar-dɤ* идти-PST	*ešl-ä-de* работать-ST-PST	УСЕЧЕННЫЕ
Футурум 1	*bar-ɤ-r* идти-ST-POT	*ešl-ä-r* работать-ST-POT	ПОЛНЫЕ
Футурум 2	*bar-ačak* идти-FUT	*ešl-ä-jäčäk* работать-ST-FUT	ПОЛНЫЕ
Императив	*bar* идти.IMP	*ešl-ä* работать-ST.IMP	Во множественном числе — *-sɤz* (= 2PL полной серии)
Гортатив	*bar-ɤj-m* идти-HORT-1SG	*ešl-i-m* работать-HORT-1SG	УСЕЧЕННЫЕ (первого лица)
Юссив	*bar-sɤn* идти-JUSS	*ešl-ä-sen* работать-ST-JUSS	Во множественном числе — *-lar*
Кондиционалис	*bar-sa* идти-COND	*ešl-ä-sä* работать-ST-COND	УСЕЧЕННЫЕ
Инфинитив 2	*bar-ma* идти-INF2	*ešl-ä-mä* работать-ST-INF2	—
Дезидератив	*bar-mak-čɤ* идти-DESID-PART	*ešl-ä-mäk-če* работать-ST-DESID-PART	—
Дезидератив 2	*bar-gɤ* идти-ATR	*ešl-ä-ge* работать-ST-ATR	ИМЕННЫЕ
Облигатив	*bar-a-sɤ* идти-ST-OBG	*ešl-i-se* работать-ST-OBG	—
Имя действия	*bar-u* идти-NMN	*ešl-ä-ü* работать-ST-NMN	ИМЕННЫЕ
Причастие	*bar-u-čɤ* идти-NMN-PART	*ešl-ä-ü-če* работать-ST-NMN-PART	ИМЕННЫЕ
Инфинитив	*bar-ɤ-r-ga* идти-ST-POT-INF	*ešl-ä-r-gä* работать-ST-POT-INF	—
Деепричастие	*bar-ɤ-p* идти-ST-CONV	*ešl-ä-p* работать-ST-CONV	—
Деепричастие предшествования	*bar-gač* идти-ANT	*ešl-ä-gäč* работать-ST-ANT	—
Деепричастие одновременности	*bar-gan-da* идти-PFCT-SIM	*ešl-ä-gän-dä* работать-ST-PFCT-SIM	—
Деепричастие следования	*bar-gan-čɤ* идти-PFCT-POST	*ešl-ä-gän-če* работать-ST-PFCT-POST	—
Деепричастие сравнения	*bar-gan-daj* идти-PFCT-CMP	*ešl-ä-gän-däj* работать-ST-PFCT-CMP	—
Деепричастие причины	*bar-gan-ga* идти-PFCT-CAUSE	*ešl-ä-gän-gä* работать-ST-PFCT-CAUSE	—

Таблица 1.6. Отрицательные формы

	bara ‘идти’	*ešli* ‘работать’	Личные показатели
Презенс	*bar-m-ɤj* идти-NEG-ST.IPFV	*ešl-ä-m-i* работать-ST-NEG-ST.IPFV	ПОЛНЫЕ (возможно УСЕЧЕННОЕ в форме 1 л. ед.ч)
Перфект	*bar-m-a-gan* идти-NEG- ST-PFCT	*ešl-ä-m-ä-gän* работать-ST-NEG-ST-PFCT	ПОЛНЫЕ
Претерит	*bar-m-a-dɤ* идти-NEG-ST-PST	*ešl-ä-m-ä-de* работать-ST-NEG-ST-PST	УСЕЧЕННЫЕ
Футурум 1	*bar-m-a-s* идти-NEG-ST-POT	*ešl-ä-m-ä-s* работать-ST-NEG-ST-POT	ПОЛНЫЕ
Футурум 2	*bar-m-a-jačak* идти-NEG-ST-FUT	*ešl-ä-m-ä-jäčäk* работать-ST-NEG-ST-FUT	ПОЛНЫЕ
Императив	*bar-m-a* идти-NEG-ST.IMP	*ešl-ä-m-ä* работать-ST-NEG-ST.IMP	Во множественном числе — *-sɤz* (= 2PL полной серии)
Гортатив	*bar-m-ɤj-m* идти-NEG-HORT-1SG	*ešl-ä-m-i-m* работать-ST-NEG-HORT-1SG	УСЕЧЕННЫЕ (первого лица)
Юссив	*bar-m-a-sɤn* идти-NEG-ST-JUSS	*ešl-ä-m-ä-sen* работать-ST-NEG-ST-JUSS	Во множественном числе — *-lar*
Кондиционалис	*bar-m-a-sa* идти-NEG-ST-COND	*ešl-ä-m-ä-sä* работать-ST-NEG-ST-COND	УСЕЧЕННЫЕ
Имя действия	*bar-m-a-u* идти-NEG-ST-NMN	*ešl-ä-m-ä-ü* работать-ST-NEG-ST-NMN	ИМЕННЫЕ
Причастие	*bar-m-a-u-čɤ* идти-NEG-ST-NMN-PART	*ešl-ä-m-ä-ü-če* работать-ST-NEG-ST-NMN-PART	ИМЕННЫЕ
Инфинитив	*bar-m-a-s-ka* идти-NEG-ST-POT-INF	*ešl-ä-m-ä-s-kä* работать-ST-NEG-ST-POT-INF	—
Отрицательное деепричастие	*bar-m-ɤj-ča* идти-NEG-ST-CONV	*ešl-ä-m-i-čä* работать-ST-NEG-ST-CONV	—
Деепричастие предшествования	*bar-m-a-gač* идти-NEG-ST-ANT	*ešl-ä-m-ä-gäč* работать-ST-NEG-ST-ANT	—
Деепричастие одновременности	*bar-m-a-gan-da* идти-NEG-ST-PFCT-SIM	*ešl-ä-m-ä-gän-dä* работать-ST-NEG-ST-PFCT-SIM	—
Деепричастие следования	*bar-m-a-gan-čɤ* идти-NEG-ST-PFCT-POST	*ešl-ä-m-ä-gän-če* работать-ST-NEG-ST-PFCT-POST	—
Деепричастие сравнения	*bar-m-a-gan-daj* идти-NEG-ST-PFCT-CMP	*ešl-ä-m-ä-gän-däj* работать-ST-NEG-ST-PFCT-CMP	—
Деепричастие причины	*bar-m-a-gan-ga* идти-NEG-ST-PFCT-CAUSE	*ešl-ä-m-ä-gän-gä* работать-ST-NEG-ST-PFCT-CAUSE	—

Таблица 1.7. Парадигма глагола *i-* ‘быть’

Название	Претерит	Перфект	Перфект 2	Кондиционалис
Форма	*i-de* быть-PST	*i-kän* быть-PFCT	*i-meš* быть-MEŠ	*i-sä* быть-COND

следуя традиции, в этой книге мы называем адъективы глагольного происхождения причастиями. (О причастиях в составе относительных предложений см. 6.2.) Адвербиалы, или отглагольные наречия, или деепричастия, выполняют роль разнообразных адъюнктов в глагольной группе или клаузе. (О сентенциальных адъюнктах см. 6.1.) Субстантивы занимают позицию вершины именной группы и в ее составе заполняют синтаксические позиции, характерные для имен, — позиции актантов глагола, аргументов послелогов и т.д. (Об отглагольных субстантивах см. 6.4.) Субстантивам присущи яркие морфологические особенности — склонение («изменение по падежам») и именное согласование (о склонении и именном согласовании см. 1.2.2.1).

В Таблице 1.8 отобраны те формы, которые могут функционировать как финитная вершина предикации. Их названия в финитном обличье приводятся во второй колонке. Третья и следующие колонки содержат информацию о том, доступны ли эти формы в отглагольных конфигурациях. Если нет, в соответствующей клетке стоит прочерк, в противном случае приводится название формы.

Таблица 1.8. Синтаксическая дистрибуция основных глагольных форм (глагол *bara* ‘идти’)

Форма	Глагольное употребление	Адъективное употребление	Адвербиальное употребление	Субстантивное употребление
bar-dɤ идти-PST	Претерит	—	—	—
bar-a идти-ST.IPFV	Презенс	—	Имперфективное деепричастие[14]	—
bar-gan идти-PFCT	Перфект	Перфективное причастие	—	Номинализация на *-gan*
bar-ɤ-r идти-ST-POT	Футурум 1	Футуральное причастие 1	—	(Номинализация на *-r*)
bar-ačak идти-FUT	Футурум 2	Футуральное причастие 2	—	Номинализация на *-ačak*

Формы, представленные в таблице, — ядерные формы глагольной парадигмы (см. 2.1.1). Тем не менее лишь одна из них, Претерит, — глагольная форма в строгом смысле: она допускается только в качестве финитной вершины независимой предикации. (1.38a-d) иллюстрируют четыре возможности, из которых доступна одна:

(1.38) a. Глагольная конфигурация
malaj **kil-de**.
мальчик **приходить-PST**
*Мальчик **пришел.***

b. Адъективная конфигурация
***kil-de** malaj
приходить-PST мальчик
***пришедший** мальчик*

c. Адвербиальная конфигурация
*malaj **kil-de** aš-a-dɤ.
мальчик **приходить-PST** есть-ST-PST
*Мальчик, **придя**, поел.*

d. Субстантивная конфигурация
*malaj-nɤŋ **kil-de-se**
мальчик-GEN **приходить-PST-3**
***приход** мальчика*

[14] В качестве имперфективного деепричастия предпочитается редуплицированная форма, такая как *bara-bara* ‘идя’. Подробнее об этих деепричастиях см. 6.1.2.2.

Презенс, в отличие от Претерита, может функционировать в качестве имперфективного деепричастия, однако в этом случае предпочтительна редупликация. Ни адъективная, ни субстантивная его реализации невозможны.

(1.39) a. Глагольная конфигурация
marat **ešl-i**.
Марат **работать-ST.IPFV**
*Марат **работает**.*

b. Адъективная конфигурация
***ešl-i** malaj
работать-ST.IPFV мальчик
***работающий** мальчик*

c. Адвербиальная конфигурация
marat **ešl-i-ešl-i**
Марат **работать-ST.IPFV$_{RED}$**
radio tɤŋl-ɤj.
радио слушать-ST.IPFV-1SG
*Марат, **работая**, слушает радио.*

d. Субстантивная конфигурация
*malaj-nɤŋ **ešl-i-se**
мальчик-GEN **работать-ST.IPFV-3**
***работа** мальчика*

Оставшиеся три формы из Таблицы 1.8 имеют схожие синтаксические свойства: кроме финитных употреблений, они функционируют как причастия и как отглагольные имена. Единственная недоступная им функция — деепричастная. Соответствующие синтаксические парадигмы иллюстрируются в (1.40)-(1.42):

(1.40) a. Глагольная конфигурация
malaj **kil-gän**.
мальчик **приходить-PFCT**
*Мальчик **пришел**.*

b. Адъективная конфигурация
kil-gän malaj
приходить-PFCT мальчик
***пришедший** мальчик*

c. Адвербиальная конфигурация
*malaj **kil-gän** aš-a-dɤ.
мальчик **приходить-PFCT** есть-ST-PST
*Мальчик, **придя**, поел.*

d. Субстантивная конфигурация
malaj-nɤŋ **kil-gän-e**
мальчик-GEN **приходить-PFCT-3**
***приход** мальчика*

(1.41) a. Глагольная конфигурация
malaj **kil-äčäk**.
мальчик **приходить-FUT**
*Мальчик **придет**.*

b. Адъективная конфигурация
kil-äčäk malaj
приходить-FUT мальчик
*мальчик, который **придет***

c. Адвербиальная конфигурация
*malaj **kil-äčäk** aš-a-jačak.
мальчик **приходить-FUT** есть-ST-FUT
*Мальчик, **когда придет**, поест.*

d. Субстантивная конфигурация
malaj-nɤŋ **kil-äčäg-e**
мальчик-GEN **приходить-FUT-3**
***предстоящий приход** мальчика*

(1.42) a. Глагольная конфигурация
malaj **kil-e-r**.
мальчик **приходить-ST-POT**
*Мальчик **придет**.*

b. Адъективная конфигурация
kil-e-r malaj
приходить-ST-POT мальчик
*мальчик, **который придет***

c. Адвербиальная конфигурация
*malaj **kil-e-r** aš-a-r.
мальчик **приходить-ST-POT** есть-ST-POT
*Мальчик, **когда придет**, поест.*

d. Субстантивная конфигурация
??malaj-nɤŋ **kil-e-r-e**.
мальчик-GEN **приходить-ST-POT-3**
***предстоящий приход** мальчика*

Следует отметить, что номинализация на *-r* в (1.42d) имеет, по-видимому, более ограниченную дистрибуцию, чем другие номинализации. В этом качестве она понимается носителями мишарского диалекта, однако не отмечена ни в спонтанном дискурсе, ни в переводах русского стимульного материала. По замечаниям носителей, эта форма воспринимается как элемент литературного диалекта (в ТГ 1993 в самом деле упомянуто ее употребление в качестве «имени действия»). Единственное замеченное нами исключение — позиция комплемента послелога *ečen* ‘ради’, где номинализация на *-r* ощущается намного более естественно, см. 6.1.1.4.2.

1.2.1.8. Аналитические формы

Любая из перечисленных в предыдущем разделе форм, имеющих причастные или деепричастные употребления, способна участвовать в образовании аналитических форм. Это имперфективное деепричастие, перфективное причастие и два футуральных причастия.

Чтобы получить аналитическую форму первого уровня, одну из таких нефинитных форм смыслового глагола следует соединить с любой синтетической финитной формой одного из вспомогательных глаголов. В мишарском диалекте два базовых вспомогательных глагола — *i-* ‘быть’ и *bula* ‘быть’. Первый имеет нестандартную парадигму, которая показана в Таблице 1.7. Второй — глагол с регулярной словоизменительной парадигмой.

Аналитические формы первого уровня, образованные от глагола *bara* ‘идти’ с помощью вспомогательного глагола *i-* ‘быть’, показаны в Таблице 1.9.

Таблица 1.9. Финитные аналитические формы первого уровня со вспомогательным глаголом *i-* ‘быть’ (смысловой глагол *bara* ‘идти’)

Форма смыслового глагола	Форма вспомогательного глагола		
	Претерит *i-de* AUX1-PST	Перфект *i-kän* AUX1-PFCT	Перфект 2 *i-meš* AUX1-MEŠ
Имперфективное деепричастие *bar-a* идти-ST.IPFV	Имперфект *bar-a i-de*	Адмиратив в настоящем *bar-a i-kän*	Репортатив в настоящем *bar-a i-meš*
Перфективное причастие *bar-gan* идти-PFCT	Плюсквамперфект *bar-gan i-de*	Адмиратив в прошедшем *bar-gan i-kän*	Репортатив в прошедшем *bar-gan i-meš*
Футуральное причастие 1 *bar-ɤ-r* идти-ST-POT	Будущее в прошедшем *bar-ɤ-r i-de*	Адмиратив в будущем *bar-ɤ-r i-kän*	Репортатив в будущем *bar-ɤ-r i-meš*
Футуральное причастие 2 *bar-ačak* идти-FUT	*bar-ačak i-de*	*bar-ačak i-kän*	*bar-ačak i-meš*

Формы, которые входят в ядро системы мишарских глагольных категорий, снабжены в Таблице 1.9 категориальными ярлыками (Имперфект, Адмиратив в будущем и т.д.). Их дистрибуции и семантике посвящены, в частности, разделы 2.1.1 и 2.3. Формы от футурального причастия 2 имеют периферийный характер и обходятся без отдельного ярлыка. Некоторые сведения о таких формах приводятся в 2.1.3.2.4.

Если вместо *i-* ‘быть’ в качестве вспомогательного использовать глагол *bula* ‘быть’, образуется другая серия финитных аналитических форм первого уровня. В них представлены все финитные формы глагола *bula* ‘быть’, то есть Претерит, Презенс, Перфект, Футурум 1 и Футурум 2 (см. также ТГ 1993: 128 *et seq.*). Эта аналитическая парадигма показана в Таблице 1.10.

Носители признают допустимыми все формы, представленные в Таблице 1.10. Некоторые из них, однако, интуитивно воспринимаются как более естественные и интерпретируются с меньшим усилием, чем другие. Такие формы приводятся в таблице без скобок. Формы в скобках, напротив, явно оказываются более семантически маркированными. Таковы, в частности, все формы от футуральных причастий, кроме комбинации с Претеритом вспомогательного глагола *bul-dɤ*. Таковы же все формы, образованные с участием Футурума 2 вспомогательного глагола *bul-ačak*. Избегаются и формы *bar-a bul-dɤ* и *bar-gan bul-dɤ*, морфологически параллельные Имперфекту *bar-a idɤ* и Плюсквамперфекту *bar-gan ide*, возможно, за счет блокирующего воздействия последних.

В этом отношении мишарский диалект, по-видимому, не отличается от литературного татарского языка (см. обсуждение в ТГ 1993: 128 *et seq.* Сулейманов, Гатиатуллин 2012а). Литературные аналоги форм из Таблицы 1.10 обнаруживаются в «Письменном корпусе татарского языка» (corpus.tatar), однако частотность их заметно различается. Формы в скобках представлены в корпусе в количестве, не превышающем 100-200 токенов, тогда как объем всех прочих, оставаясь относительно невысоким, в абсолютных величинах может достигать нескольких тысяч. Как бы то ни было, формы с глаголом *bula* ‘быть’ очевидно выражают периферийные видо-временные и модальные значения, и в Таблице 1.10 остаются без категориальных ярлыков.

Таблица 1.10. Финитные аналитические формы первого уровня со вспомогательным глаголом *bula* ‘быть’ (смысловой глагол *bara* ‘идти’)

Форма смыслового глагола	Форма вспомогательного глагола				
	Претерит *bul-dɤ* AUX2-PST	Перфект *bul-gan* AUX2-PFCT	Презенс 2 *bul-a* AUX2-ST.IPFV	Футурум 1 *bul-ɤ-r* AUX2-ST-POT	Футурум 2 *bul-ačak* AUX2-FUT
Имперфективное деепричастие *bar-a* идти-ST.IPFV	(*bar-a* *bul-dɤ*)	*bar-a* *bul-gan*	*bar-a* *bul-a*	*bar-a* *bul-ɤ-r*	(*bar-a* *bul-ačak*)
Перфективное причастие *bar-gan* идти-PFCT	(*bar-gan* *bul-dɤ*)	*bar-gan* *bul-gan*	*bar-gan* *bul-a*	*bar-gan* *bul-ɤ-r*	(*bar-gan* *bul-ačak*)
Футуральное причастие 1 *bar-ɤ-r* идти-ST-POT	*bar-ɤ-r* *bul-dɤ*	(*bar-ɤ-r* *bul-gan*)	(*bar-ɤ-r* *bul-a*)	(*bar-ɤ-r* *bul-ɤ-r*)	(*bar-ɤ-r* *bul-ačak*)
Футуральное причастие 2 *bar-ačak* идти-FUT	*bar-ačak* *bul-dɤ*	(*bar-ačak* *bul-gan*)	(*bar-ačak* *bul-a*)	(*bar-ačak* *bul-ɤ-r*)	(*bar-ačak* *bul-ačak*)

В мишарском диалекте есть и аналитические формы второго уровня. Они образуются на основе тех же четырех нефинитных форм смыслового глагола, которые мы видим в Таблицах 1.9-1.10, и любой аналитической формы вспомогательного глагола *bula* ‘быть’. Как уже было отмечено, *bula* ‘быть’ — глагол с регулярной парадигмой, и от него образуются все аналитические формы, перечисленные в Таблицах 1.9-1.10; общим количеством 32. Исходя из этого, ожидаемое количество форм второго порядка можно оценить в 32*4 = 128.

Некоторые из них показаны в Таблице 1.11. Формы, эмпирическая реальность которых вызывает сомнения, в частности, те, которые носители признают недопустимыми в изолированном предложении, помечены зачеркиванием.

Можно заметить, что формы второго уровня, в образовании которых участвуют ядерные аналитические формы вспомогательного глагола (такие, как Имперфект и Плюсквамперфект из Таблицы 1.9), в основном допускаются, а формы, где вспомогательный глагол задействован в одном из вариантов, перечисленных в Таблице 1.10, в основном нет. Граница возможного, очевидно, проходит где-то посередине, однако установить ее с желаемой точностью по имеющемуся материалу затруднительно.

1.2.1.9. Сериализованные предикаты, или конструкции со вспомогательными глаголами

Важный элемент мишарской глагольной системы, который она разделяет не только с литературным татарским, но и с огромным множеством других тюркских языков, — сериализованные предикаты, или конструкции со вспомогательными глаголами (КВГ).

Как и аналитические глагольные формы, КВГ состоят из двух компонентов — смыслового и вспомогательного глагола, или глагола-сериализатора. КВГ с сериализатором *čɤga* ‘выходить’ иллюстрируется в (1.43):

(1.43) arba-nɤ tart-ɤ-p čɤg-a-r-a…
телега-ACC тянуть-ST-CONV выходить-ST-CAUS-ST.IPFV
(Он) вытаскивает телегу… (←T2:34)

Важнейшая морфологическая особенность конструкций такого типа состоит в том, что смысловой глагол в них допускается ровно в двух нефинитных формах — деепричастия на *-p*, как в (1.43), и имперфективного деепричастия. Невозможность образовать КВГ от причастий — важнейшее их отличие от аналитических глагольных форм, обсуждавшихся в 1.2.1.8.

КВГ с деепричастием на *-p* показано, в частности, в (1.43). В (1.44a-b) представлена минимальная пара, содержащая один и тот же глагол-сериализатор *ala* ‘брать’, который в одном случае соединяется с деепричастием на *-p*, а в другом — с имперфективным деепричастием, которое морфологически идентично форме Презенса (см. об их образовании 1.2.1.7).

(1.44) a. xäm menä a-lar bu ǯir-ne **tab-ɤ-p** **al-gan-nar**.
и вот он-PL этот земля-ACC **находить-ST-CONV** **брать-PFCT-PL**
*И вот они **нашли** эту землю.* (=T2:11)

Таблица 1.11. Аналитические формы второго порядка (глагол *bara* ‘идти’)

Форма смыслового глагола	Форма вспомогательного глагола											
	Имперфект *bula ide*	Плюсквам-перфект *bulgan ide*	Будущее в прошедшем *bulɤr ide*	…	Адмиратив в прошедшем *bulgan ikän*	…	Репортатив в прошедшем *bulgan imeš*	Репортатив в настоящем *bula imeš*	…	*bula bulgan*	…	*bulgan bulɤr*	…
Имперфективное деепричастие *bara*	~~*bara bula ide*~~	*bara bulgan ide*	*bara bulɤr ide*	…	*bara bulgan ikän*	…	~~*bara bulgan imeš*~~	~~*bara bula imeš*~~	…	~~*bara bula bulgan*~~	…	*bara bulgan bulɤr*	…
Перфективное причастие *bargan*	*bargan bula ide*	*bargan bulgan ide*	*bargan bulɤr ide*	…	*bargan bulgan ikän*	…	*bargan bulgan imeš*	~~*bargan bula imeš*~~	…	~~*bargan bula bulgan*~~	…	*bargan bulgan bulɤr*	…
Футуральное причастие 1 *barɤr*	*barɤr bula ide*	*barɤr bulgan ide*	*barɤr bulɤr ide*	…	*barɤr bulgan ikän*	…	*barɤr bulgan imeš*	~~*barɤr bula imeš*~~	…	*barɤr bula bulgan*	…	*barɤr bulgan bulɤr*	…
Футуральное причастие 2 *baračak*	~~*baračak bula ide*~~	~~*baračak bulgan ide*~~	~~*baračak bulɤr ide*~~	…	*baračak bulgan ikän*	…	~~*baračak bulgan imeš*~~	~~*baračak bula imeš*~~	…	~~*baračak bula bulgan*~~	…	*baračak bulgan bulɤr*	…

b. ber-se-n ber-se **ǯiŋ-ä** **al-m-a-gan-nar**.
один-3-OBL.ACC один-3 **побеждать-ST.IPFV** **брать-NEG-ST-PFCT-PL**
*(Они) друг друга **победить не смогли**.* (=T2:25)

Как показывают эти примеры, выбор формы смыслового глагола имеет последствия для интерпретации. (1.44b) имеет модальное прочтение (‘возможность’), тогда как в (1.44a) семантический вклад комбинации деепричастия на *-p* и глагола *ala* ‘брать’ характеризуется в аспектуальных терминах (см. подробнее 2.2.3).

Список основных глаголов-сериализаторов, участвующих в образовании КВГ, представлен в (1.45):

(1.45) *ala* ‘брать’, *baga* ‘смотреть’, *birä* ‘давать’, *čɤga* ‘выходить’, *jata* ‘лежать’, *kala* ‘оставаться’, *kitä* ‘уходить’, *kuja* ‘ставить’, *tɤra* ‘стоять’, *tešä* ‘спускаться’, *ǯibärä* ‘посылать’.

При образовании КВГ происходят разнообразные операции с акциональными, аспектуальными и аргументными свойствами исходной глагольной основы, причем с этой точки зрения КВГ не образуют естественный класс: каждая имеет собственный семантико-синтаксический профиль. Именно поэтому КВГ отличаются от аналитических глагольных форм значительным количеством лексических ограничений. По-видимому, ни один лексический глагол не имеет полной парадигмы КВГ — группы форм, где деепричастие комбинируется со всеми возможными вспомогательными глаголами. Более подробно структура и интерпретация КВГ обсуждаются в разделе 5.3; здесь мы ограничимся лишь минимальными морфологическими сведениями.

В большинстве КВГ форма глагола-сериализатора не фиксирована: он имеет полный набор синтетических и аналитических форм. Таким образом, парадигма КВГ потенциально достигает очень внушительного объема; часть ее показана в Таблице 1.12 для одной из самых продуктивных КВГ с глаголом-сериализатором *tɤra* ‘стоять’.

Таблица 1.12. Частичная парадигма КВГ
(смысловой глагол *bara* ‘идти’; вспомогательный глагол *tɤra* ‘стоять’)

Смысловой глагол / Вспомогательный глагол	Деепричастие на *-p* *barɤp*	Имперфективное деепричастие *bara*
Претерит *tɤrdɤ*	*barɤp tɤrdɤ*	*bara tɤrdɤ*
Перфект *tɤrgan*	*barɤp tɤrgan*	*bara tɤrgan*
Презенс *tɤra*	*barɤp tɤra*	*bara tɤra*
Футурум 1 *tɤrɤr*	*barɤp tɤrɤr*	*bara tɤrɤr*
Футурум 2 *tɤračak*	*barɤp tɤračak*	*bara tɤračak*
Имперфект *tɤra ide*	*barɤp tɤra ide*	*bara tɤra ide*
Плюсквамперфект *tɤrgan ide*	*barɤp tɤrgan ide*	*bara tɤrgan ide*
Будущее в прошедшем *tɤrɤr ide*	*barɤp tɤrɤr ide*	*bara tɤrɤr ide*
…	…	…

Смысловой глагол / Вспомогательный глагол	Деепричастие на *-p* *barɤp*	Имперфективное деепричастие *bara*
Адмиратив в прошедшем *tɤrgan ikän*	*barɤp tɤrgan ikän*	*bara tɤrgan ikän*
…	…	…
tɤrgan bulɤr	*barɤp tɤrgan bulɤr*	*bara tɤrgan bulɤr*
…	…	…
tɤrɤr buldɤ	*barɤp tɤrɤr buldɤ*	(*bara tɤrɤr buldɤ*)
…	…	…
tɤrgan bulɤr ide	*barɤp tɤrgan bulɤr ide*	(*bara tɤrgan bulɤr ide*)
…	…	…

В описаниях литературного татарского языка одной из клеток этой парадигмы (выделена подчеркиванием) отводится особый статус: это форма, образуемая имперфективным деепричастием смыслового глагола (например, *bara*) и Плюсквамперфектом глагола *tɤra* ‘стоять’ — *tɤrgan ide*. В ТГ 1993 и многих других описаниях, вплоть до школьных грамматик, она рассматривается как элемент основной аналитической парадигмы глагола и обозначается как прошедшее многократное. Такой подход, по-видимому, обосновывается интуитивными представлениями о ней как о более семантически регулярной, более частотной и менее подверженной лексическим ограничениям, чем остальные элементы парадигмы КВГ, то есть в конечном итоге более грамматикализованной.

Если использовать частотность формы как критерий степени ее грамматикализации, это решение начинает выглядеть уязвимым. У нас нет данных по мишарскому диалекту, однако «Письменный корпус татарского языка» позволяет составить предварительное суждение по поводу литературного языка (ср. исследование корпусной дистрибуции некоторых грамматических категорий в Galieva *et al.* 2015). Выясняется, что форма «прошедшего многократного» значительно (на порядок) проигрывает в частотности аналитическим формам, которые относятся к ядру глагольной парадигмы, таким как, например, Имперфект. С другой стороны, имеются формы из парадигмы КВГ с глаголом *tɤra* ‘стоять’, которые не слишком отличаются от «прошедшего многократного» по частотности, но которые тем не менее не получили в описаниях статуса одной из основных аналитических форм. Эти данные показаны в Таблице 1.13.

Таблица 1.13. Некоторые аналитические формы и КВГ по данным корпуса

Форма	Количество токенов	Пример
Плюсквамперфект	84 878	*bargan ide*
Имперфект	70 305	*bara ide*
Будущее в прошедшем	40 867	*barɤr ide*
«Прошедшее многократное»	3183	*bara tɤrgan ide*
Имперфективное деепричастие смыслового глагола + Презенс от *tɤra* ‘стоять’	2665	*bara tɤra*
Деепричастие на *-p* смыслового глагола + Имперфект от *tɤra* ‘стоять’	2468	*barɤp tɤra ide*

Имея в виду материал Таблицы 1.13, мы не склонны относить форму «прошедшего многократного» к ядру аналитической глагольной парадигмы.

1.2.1.10. Прочие аналитические образования

В мишарском диалекте, как и в литературном татарском языке, имеется значительное количество конструкций, в образовании которых принимают участие бытийные глаголы *i-* ‘быть’ и *bula* ‘быть’ или связки, характерные для именных предикаций, такие как *bar* ‘есть’ или *juk* ‘нет’ (минимальные сведения об именных предикациях приводятся в 5.1.2). Лексический глагол в таких конструкциях представлен в формах инфинитива, облигатива или дезидератива. Последняя форма не слишком частотна, хотя и зафиксирована в спонтанных текстах. Некоторые носители, впрочем, интуитивно воспринимают ее как элемент «литературного стиля». Мы не приводим здесь полных парадигм и в порядке иллюстрации ограничимся текстовыми примерами (1.46)-(1.49):

(1.46) (ul) kil-m-ä-gäč üz-em **jaz-ɤ-r-ga** **bul-dɤ-m**.
оно приходить-NEG-ST-ANT сам-1SG **писать-ST-POT-INF** **AUX2-PST-1SG**
Когда оно {т.е. твое письмо} *не пришло, я **решила написать** сама.* (=T17:3)

(1.47) ǯäj-neŋ räxät-leg-e-n **sel-ä-p**
лето-GEN наслаждение-NOMIN-3-OBL.ACC **говорить-ST-CONV**
tɤr-a-sɤ da **juk** inde.
вставать-ST-OBG EMPH **нет** уже
*О том, как хорошо летом, и **не расскажешь*** [уже]. (=T6:3)

(1.48) jeget a-nɤ šɤrpɤ al-ɤ-p **kabɤz-mak-čɤ** **i-de**.
парень этот-ACC спичка брать-MS1-CONV **зажигать-DESID-PART** **AUX1-PST**
*Парень, взяв спичку, **хотел** ее* {т.е. сигарету} ***зажечь**.*

(1.49) kürše-lär-gä a-p kat$_j$-a-lar da nik$_j$ax
сосед-PL-DAT брать-CONV возвращаться-ST.IPFV-PL EMPH никах
uk-ɤ-t-mak-čɤ **bul-a-lar**.
читать-ST-CAUS-DESID-PART **AUX2-ST.IPFV-PL**
*(Ее) привезли к соседям и **собирались прочитать** никах.* (=T10:4)

Мы не склонны относить конструкции такого рода к парадигме аналитических форм.

(1.47) с облигативом, вероятнее всего, представляет собой именную предикацию, как показано в (1.50); в противном случае трудно объяснить присутствие в ней именной связки *juk* ‘нет’. Это исключает ее анализ как аналитической глагольной формы.

(1.50) [$_{NP}$ ... [$_{FP}$ ... [$_{VP}$ ǯäj-neŋ räxät-leg-e-n sel-ä-p] ... tɤr-a]-sɤ] da juk inde.

Минимальные дополнительные сведения о конструкциях с облигативом приводятся в 6.3.1.5.

Структура предикаций вида (1.46) и (1.48)-(1.49) требует дополнительного изучения. Априори нельзя исключить, что верный анализ таких конструкций должен рассматривать их как особую подгруппу аналитических форм, где роль бытийного глагола — выражение некоторого грамматического значения из модальной семантической области.

В этом случае его грамматический статус не отличается принципиальным образом от статуса вспомогательных глаголов в обсуждавшихся выше аналитических формах. Однако есть и другая возможность: бытийный глагол в действительности выступает как лексический и возглавляет собственную глагольную группу, а его комплементом становятся инфинитив и дезидератив. Если верен такой анализ, то перед нами не аналитические глагольные формы, а полипредикативные конструкции, где представлены по меньшей мере две глагольные группы — лексического и бытийного глагола. Эти возможности показаны в (1.51a-b), которые представляют два варианта анализа предложения (1.46):

(1.51) a. [$_{CP}$ … [$_{FP}$ … [$_{vP}$ üz-em jaz-ɤ-r-ga] … bul-dɤ-m] …].
b. [$_{CP}$ … [$_{vP}$ … [$_{vP}$ üz-em jaz-ɤ-r-ga] … bul-dɤ-m] …].

В пределах этого описания мы оставляем теоретическую дилемму в (1.51a-b) неразрешенной.

1.2.1.11. Деривационные показатели

Продуктивная деривация глаголов от глаголов в мишарском диалекте, как и в литературном языке, представлена главным образом различными видами актантной деривации (см. 3.1). Имеются показатели для депациентива *-n*, реципрока *-š* и пассива *-l*, а также ряд каузативных показателей — *-t, -dɤr, -sät , -gɤz, -gɤr, -gar, -r* и *-z*. Поскольку их присоединение, как правило, не освещается подробно в имеющихся описаниях, в этом разделе мы остановимся на них несколько подробнее.

При присоединении деривационных показателей к основе возникает новая основа на согласный, которая в качестве исходной используется для образования форм нового производного глагола.

Показатели *-n, -š, -l*, и *-z* присоединяются к производной основе 1. Это иллюстрируется в (1.52)-(1.55) для разных типов основ; во всех примерах показана форма деепричастия на *-p*:

(1.52) Образование депациентива

tɤt-ɤ-**n**-ɤ-p	ju-ɤ-**n**-ɤ-p [juwɤnɤp]
держать-ST-**DEPAT**-ST-CONV	мыть-ST-**DEPAT**-ST-CONV
опираясь	*моясь*
kar-a-**n**-ɤ-p	uk-ɤ-**n**-ɤ-p
смотреть-ST-**DEPAT**-ST-CONV	читать-ST-**DEPAT**-ST-CONV
оглядываясь	*читая про себя*

(1.53) Образование реципрока

tɤt-ɤ-**š**-ɤ-p	ju-ɤ-**š**-ɤ-p [juwɤšɤp]
держать-ST-**REC**-ST-CONV	мыть-ST-**REC**-ST-CONV
помогая держать	*помогая мыть*
kar-a-**š**-ɤ-p	uk-ɤ-**š**-ɤ-p
смотреть-ST-**REC**-ST-CONV	читать-ST-**REC**-ST-CONV
переглядываясь	*помогая читать*

(1.54) Образование пассива

tɤt-ɤ-**l**-ɤ-p	ju-ɤ-**l**-ɤ-p [juwɤlɤp]
держать-ST-**PASS**-ST-CONV	мыть-ST-**PASS**-ST-CONV
будучи пойманным	*будучи мытым*
kar-a-**l**-ɤ-p	uk-ɤ-**l**-ɤ-p
смотреть-ST-**PASS**-ST-CONV	читать-ST-**PASS**-ST-CONV
рассматриваясь	*читаясь*

(1.55) Образование каузатива на *-z* [15]

kab-ɤ-**z**-ɤ-p
загораться-ST-**CAUS**-ST-CONV
поджигая

Каузативы на *-sät, -gɤz, -gɤr*, *-gar* непродуктивны. Они образуются от исходной основы и иллюстрируются в (1.56):

(1.56)

Каузатив на *-sät*	Каузатив на *-gɤz*	Каузатив на *-gɤr*
kür-**sät**-e-p	tɤr-**gɤz**-ɤ-p	jat-**kɤr**-ɤ-p
видеть-**CAUS**-ST-CONV	стоять-**CAUS**-ST-CONV	лежать-**CAUS**-ST-CONV
показав	*подняв*	*уложив*

Каузатив на *-gar*
üt-**kär**-e-p
проходить-**CAUS**-ST-CONV
проведя

Показатели *-t*, *-dɤr* — продуктивные каузативные показатели. Их распределение в большой степени обусловлено типом исходной основы и представлено на Схеме 1.3 (ср. ТГ 1993: 181).

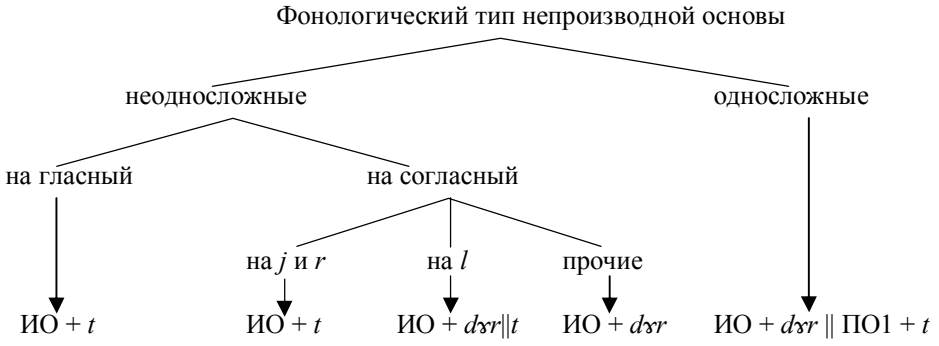

Схема 1.3. Дистрибуция каузативных покателей *-t* и *-dɤr*

[15] Каузативы на *-z* непродуктивны. Два самых частотных глагола, образующих этот каузатив, — *kaba* ‘загораться’ и *tama* ‘капать’. В наших мишарских данных отсутствуют каузативы этого типа от основ на гласный и основ на *-ɤ*.

Образование каузативов от неодносложных основ показано в (1.57) и (1.59).

(1.57) Каузатив на *-t* от неодносложных основ

Основа на гласный	Основа на *-j*	Основа на *-r*
aš-a-**t**-ɤ-p	turaj-**t**-ɤ-p	utʁr-**t**-ɤ-p
есть-ST-**CAUS**-ST-CONV	выпрямляться-**CAUS**-ST-CONV	садиться-**CAUS**-ST-CONV
накормив	*выпрямив*	*усадив*

Основа на *-l*
jugal-**t**-ɤ-p
теряться-**CAUS**-ST-CONV
потеряв

Примеры в (1.57) иллюстрируют следующую просодическую закономерность:

(1.58) Каузатив на *-t* с готовностью образуется от тех неодносложных основ, которые позволяют построить производную основу с той же просодической структурой.

(1.58) выполняется, если после присоединения *-t* не меняется количество слогов. В частности, основы в (1.57) после каузативизации, как и до нее, представляют собой двусложную стопу. Такова, например, исходная основа глагола *a.ša* ‘есть’; также двусложна и производная основа *a.ša-t-* ‘кормить’. Соответственно, для непроизводной основы на согласный критически важно, чтобы *t* в комбинации с этим согласным образовывал приемлемую коду слога: только так возможно не увеличивать количество слогов. Это соблюдается для непроизводных основ на *-j* и *-r*, а также до известной степени *-l*, которые иллюстрируются в (1.57). К неодносложным основам на шумные согласные и *-n* показатель *-t* не присоединяется (возможно, за единичными лексическими исключениями). Для каузативизации таких основ используется показатель *-dʁr*, который иллюстрируется в (1.59). Легко убедиться, что попытка соединить, например, основу *eläk* ‘цепляться’ в (1.59) с показателем *-t* вместо *-dʁr* привела бы к появлению основы *e.läkt* с малоприемлемой кодой второго слога *kt*.

Показатель *-dʁr* не отмечен в комбинации с основами на гласный, *-j* и *-r*, которые находятся в исключительном ведении показателя *-t*. Основы на *-l* — единственный, по-видимому, тип основ, где дистрибуция *-t* и *-dʁr* пересекается, ср. *jugalta* ‘терять’ в (1.57) и *čagʁldʁra* ‘создавать отражение’ в (1.59). Показатели, впрочем, распределены по глаголам: нам не известны случаи, когда основа могла бы соединяться с обоими.

(1.59) Каузатив на *-dʁr* от неодносложных основ

Основа на *-l*	Основа на звонкий	Основа на глухой смычный
čagʁl-**dʁr**-ɤ-p	šatlan-**dʁr**-ɤ-p	eläk-**ter**-e-p
отражаться-**CAUS**-ST-CONV	радоваться-**CAUS**-ST-CONV	цепляться-**CAUS**-ST-CONV
отразив	*обрадовав*	*захватив*

Основа на глухой фрикативный
urnaš-**tʁr**-ɤ-p
располагаться-**CAUS**-ST-CONV
расположив

Таким образом, в случае с неодносложными основами показатель *-t* избегается, когда его присоединение увеличивает количество слогов. Основы из (1.59), в частности, после каузативизации утрачивают структуру двусложной стопы. Если основа односложна, присоединение *-t* имеет симметричный эффект: основа приобретает структуру двусложной стопы. (Как указывается в 1.1.3, ввиду требований просодической минимальности, односложная основа всегда представляет собой закрытый слог.) Поскольку моноконсонантный показатель *-t* сам по себе не способен обеспечить приращение слога к основе, это достигается за счет его присоединения к производной основе 1[16]. В результате в новой основе кода непроизводной основы становится приступом второго слога. Кодой второго слога оказывается сам показатель каузатива. Образование каузативов показано в (1.60), а просодическая структура их основ — отдельно в (1.61):

(1.60) Каузативы на *-t* от односложных основ

Основа на *-r*	Основа на звонкий смычный	
kɤr-ɤ-**t**-ɤ-p	tan-ɤ-**t**-ɤ-p	ǯeb-e-**t**-e-p
засыхать-ST-**CAUS**-ST-CONV	узнавать-ST-**CAUS**-ST-CONV	мокнуть-ST-**CAUS**-ST-CONV
засушив	*рассказав*	*намочив*

Основа на звонкий фрикативный	Основа на глухой фрикативный
tez-e-**t**-e-p	sas-ɤ-**t**-ɤ-p
строить-ST-**CAUS**-ST-CONV	протухать-ST-**CAUS**-ST-CONV
заставив построить	*сгноив*

(1.61) Просодическая структура основ каузатива на *-t*

kɤ.rɤt ta.nɤt ǯe.bet te.zet sa.sɤt

Поскольку исходный согласный непроизводной основы оказывается в приступе второго слога, его свойства предсказуемым образом никак не ограничивают присоединение показателя *-t*. Мы обнаруживаем каузативы на *-t* от любых имеющихся в языке односложных непроизводных глаголов.

Каузативы на *-dɤr* также засвидетельствованы в комбинации с любыми типами односложных основ. Разные возможности иллюстрируются в (1.62). По-видимому, распределение *-t* и *-dɤr* для таких основ следует признать словарным.

(1.62) Каузативы на *-dɤr* от односложных основ

Основа на *-j*	Основа на *-l*	Основа на *-r*
ij-**der**-e-p	kal-**dɤr**-ɤ-p	kɤr-**dɤr**-ɤ-p
гнуть-**CAUS**-ST-CONV	оставаться-**CAUS**-ST-CONV	скрести-**CAUS**-ST-CONV
склонив	*заставив остаться*	*заставив скрести*

[16] Нам известно одно лексическое исключение из этого правила — глагол *kerä* ‘заходить’ с односложной основой на *-r*. У него показатель *-t* присоединяется непосредственно к исходной основе, а стопа остается односложной:

(i) ker-**t**-e-p
заходить-**CAUS**-ST-CONV
заведя

Основа на *-w*
ju-**dɤr**-ɤ-p
мыть-**CAUS**-ST-CONV
заставив вымыть

Основа на звонкий смычный
tɤn-**dɤr**-ɤ-p
отстаиваться-**CAUS**-ST-CONV
дав отстояться

Основа на звонкий фрикативный
jaz-**dɤr**-ɤ-p
писать-**CAUS**-ST-CONV
заставив написать

Основа на глухой фрикативный
kɤs-**tɤr**-ɤ-p
жать-**CAUS**-ST-CONV
прищемив

Основа на глухой смычный
kip-**ter**-e-p
сохнуть-**CAUS**-ST-CONV
высушив

Примечательная закономерность наблюдается в образовании каузатива с помощью аффикса *-r*. Присоединение этого аффикса подчиняется тому же ограничению, что и присоединение другого показателя *-r* — того, который задействован в образовании будущего времени и инфинитива, см. 1.2.1.3.

Если каузатив на *-r* образуется от консонантной основы первого подтипа, используется производная основа 1. Если исходная основа относится к консонантному классу второго подтипа, в ход идет производная основа 2. (1.63)-(1.64) иллюстрируют образование Презенса, Футурума 1, каузативной основы, а также Презенса и Футурума 1 от каузативной основы для глагола первого подтипа *kitä* ‘уходить’ и глагола второго подтипа *čɤga* ‘выходить’:

(1.63) Исходный глагол *küčä* ‘передвигаться’ и каузатив *küčerä* ‘переставлять, передвигать’

küč-ä
передвигаться-ST.IPFV
передвигается

küč-e-**r**
передвигаться-ST-**POT**
передвинется

küč-e-**r**
передвигаться-ST-**CAUS**.IMP
переставь!

küč-e-**r**-ä
передвигаться-ST-**CAUS**-ST.IPFV
переставляет

küč-e-**r**-e-**r**
передвигаться-ST-**CAUS**-ST-**POT**
переставит

(1.64) Исходный глагол *čɤga* ‘выходить’ и каузатив *čɤgara* ‘выводить’

čɤg-a
выходить-ST.IPFV
выходит

čɤg-a-**r**
выходить-ST-**POT**
выйдет

čɤg-a-**r**
выходить-ST-**CAUS**
выводи!

čɤg-a-**r**-a
выходить-ST-**CAUS**-ST.IPFV
выводит

čɤg-a-**r**-ɤ-**r**
выходить-ST-**CAUS**-ST-**POT**
выведет

Интересная дескриптивная проблема анализа пассива — наличие у показателя этой деривации двух алломорфов — *-l* и *-n*, при этом последний фонологически идентичен показателю депациентивной деривации. В Зиннатуллина 1969: 126-127 приводятся следующие условия, при которых выбирается алломорф *-n*:

- основа на *l*;
- основа на *la*;
- двусложная основа с открытым вторым слогом, где в коде первого слога представлен *-l*.

Таким образом, рассматриваемая алломорфия выглядит как диссимиляция, наступающая, если показатель пассива находится от ближайшего слева сегмента *-l* на расстоянии в один слог или меньше.

1.2.1.12. Замечания о составе глагольной парадигмы

Л.Т. Махмутова (1978: 181 *et seq.*), описывая глагольные формы мишарского диалекта, упоминает целый ряд образований, в первую очередь деепричастных, которые мы не включили в состав глагольной парадигмы, структура которой показана на Схеме 1.1.

Это в частности, «деепричастия на …

3. … *гачтан*, …*гачыннан*, …,

5. …*мыйынча*, …

6. …*уwышлый*,… *ышлый*, …

7. … *уwынча*, …

8. … *мастан*, … », а также их довольно многочисленные фонетические варианты.

Кроме того, среди возможных способов образования других нефинитных форм Л.Т. Махмутова упоминает «инфинитив / форму на *-ма*» (с. 195, 201) и «инфинитив на *-мага*» (с. 196).

Комбинации типа *-gačtan*, *-gačɤnnan*, *-mastan* представляют собой, по крайней мере диахронически, падежные формы аблатива. Судя по данным Л.Т. Махмутовой, они образуются от деепричастия на *-gač*, а также от отрицательного Футурума 1 на *-mas*, причем в первом случае возможны формы как беспритяжательного (*-tan*), так и притяжательного склонений (*-(ɤ)nnan*).

Носители говоров, с которым мы работали, особенно среднего и старшего возраста, ограниченно допускают формы на *-mastan*, однако последовательно отклоняют формы на *-gačtan* и *-gačɤnnan.* Пример деепричастия на *-mastan* показан в (1.65):

(1.65) kɤz üz-e dä **siz-m-ä-s-tän** šul jɤmgak art-ɤ-n-nan
девочка сам-3 EMPH **чувствовать-NEG-ST-POT-ABL** этот клубок за-3-OBL-ABL

kit-ä.
уходить-ST.IPFV

Девочка невольно [= и сама **не чувствуя**] *идет за этим клубком.* (=T13:22)

Деепричастие в (1.65) используется, в терминах Л.Т. Махмутовой, как «отрицательная форма деепричастия на *-ып*» (Махмутова 1978: 189). По ее мнению, такое упоребление ограничено говорами Рязанской и Пензенской области. (1.65) — это, тем не менее, пример из текста, записанный с носителем чистопольского говора (с. Татарский Елтан).

Причина, по которой форма на *-mastan,* хотя и ограниченно, возможна, а формы на *-gačtan* и *-gačɤnnan* нет, думается, проста. Показатель аблатива — именной аффикс и нуждается в именной основе. Формы отрицательного будущего на *-mas* могут, хотя и ограниченно, использоваться в качестве причастия, как в (1.66), а значит, обладают достаточным потенциалом для присоединения именных показателей.

(1.66) ǯujɤl-m-a-s bäxet
исчезать-NEG-ST-POT счастье
счастье, которое не исчезнет

Деепричастия на *-gač* этой способности лишены и предсказуемым образом не могут соединяться с падежным аффиксом.

Кроме того, нам не удалось обнаружить в исследуемых говорах «инфинитив на *-мага*» (*-ga* — это, по-видимому, стандартный показатель инфинитива, охарактеризованный выше, см. (1.2.1.3).) Носители систематически отвергают формы на *-maga* в пользу регулярного инфинитива:

(1.67) marat aš-a-r-ga ‖ *aš-a-**ma-ga** kit-te.
Марат есть-ST-POT-INF есть-ST-**MA-INF** уходить-PST
*Марат ушел **есть**.*

Не удалось и убедиться в реальности форм на *-mɤjɤnča* и *-u*[*w*]*ɤnča*, а также их разновидностей, упомянутых в Махмутова 1978: 181 *et seq*. Ожидаемые формы от глагола *bar* ‘идти’ показаны в (1.68):

(1.68) *bar-**m-ɤj-ɤ-n-ča** *bar-**u[w]-ɤ-n-ča**
идти-**NEG-ST-3-OBL-CONV** идти-**NMN -3-OBL-CONV**

Как видно из (1.68), в обеих формах показатель *-ča* присоединяется, как если бы он был падежным — после аффиксов посессивности и косвенной основы, ср. формы локатива и аблатива притяжательного склонения — *-ɤ-n-da* и *-ɤ-n-nan*. Как представляется, причина невозможности форм в (1.68) состоит именно в этом: как отмечалось выше, дистрибуцию, характерную для падежных показателей, в исследуемых говорах имеют только аффиксы датива, локатива и аблатива.

Формы деепричастий на *-ywышлый*, *-ышлый* не обнаруживаются в спонтанных текстах, однако опознаются носителями при предъявлении стимульного материала. Два примера показаны в (1.68a-b):

(1.69) a. kibet-kä **bar-ɤšlɤj** klup-ka sug-ɤ-l!
магазин-DAT **идти-YSHLYJ** клуб-DAT ударять-ST-PASS.IMP
*Заскочи в клуб, **когда будешь идти** в магазин!*

b. kibet-tän **kajt-uɤšlɤj** klup-ka sug-ɤ-l!
магазин-ABL **возвращаться-UYSHLYJ** клуб-DAT ударять-ST-PASS.IMP
*Заскочи в клуб, **когда будешь возвращаться** из магазина!*

Насколько можно судить, интересующие нас формы в этих примерах морфологически представляют собой имперфективные деепричастия на гласный (см. 1.2.1.3, а также 6.1), совпадающие с ПО2 и с формой Презенса. Последовательность сегментов *-ɤšl-* в (1.69a) и *-uɤšl-* в (1.69b) в таком случае следует анализировать как комбинации деривационных показателей. Возможно, *-l* исторически представляет собой вербализатор (см. 3.4), а *-š* — морфему отглагольного имени (см. 6.4), следующую за показателем производной основы. Элемент *-u*, который представлен в составе деепричастия в (1.69b), но отсутствует в (1.69a), вероятнее всего, также представляет собой показатель номинализации.

Если этот сценарий правдоподобен, то формы в (1.69) последовательно проходят стадии номинализации и последующей вербализации. А если сегмент *-l* — это действительно вербализатор, мы получаем возможность объяснить выбор *-ɤj*, показателя ПО2: вербализатор создает глаголы на гласный, а *-ɤj* — показатель ПО2 именно для глаголов этого класса.

На синхронном уровне, однако, всю последовательность сегментов следует, скорее всего, интерпретировать как морфологически элементарный показатель, а не как конгломерат из нескольких морфем. В современном мишарском диалекте, очевидно, отсутствуют глаголы типа *barɤšlɤj* и *kajtuɤšlɤj* с полной словоизменительной парадигмой, а без этого анализировать формы в (1.69a-b) как деепричастия этих глаголов представляется затруднительным. Причиной превращения последовательностей *-ɤšlɤj* и *-uɤšlɤ* в неразложимые морфологические элементы могла стать утрата продуктивности показателем номинализации *-š* (см. 6.4). Как только это произошло, деривация, одним из этапов которой было присоединение *-š*, стала невозможна, и это подтолкнуло всю цепочку морфем *(u) + ɤ + š + l + a + ɤj* к реинтерпретации как единого показателя.

1.2.2. Именная морфология и парадигмы[17]

1.2.2.1. Имя существительное

Существительное присоединяет показатели числа, посессивности и падежа. Склонение существительных без показателя посессивности называется беспритяжательным, а склонение с показателем посессивности — притяжательным. Линейный порядок элементов именной словоформы показан в (1.70):

(1.70) Линейный порядок компонентов именной словоформы
ОСНОВА — (ЧИСЛО) — (ПОСЕССИВНОСТЬ) — ПАДЕЖ.

Вслед за ТГ 1993 мы выделяем в мишарском диалекте шесть падежей: номинатив (NOM), аккузатив (ACC), генитив (GEN), датив (DAT), локатив (LOC) и аблатив (ABL). Таким образом, целый ряд именных показателей (каритив *-sɤz*, атрибутивизаторы *-lɤ, -gɤ*, и др., см. о них 4.2.1) не получает статуса падежа. Для такого решения есть по меньшей мере три причины[18].

Во-первых, обилие падежных аффиксов, обслуживающих только одну синтаксическую позицию модификатора именной группы, представляется типологически неправдоподобным.

Во-вторых, атрибутивизаторы не могут рассматриваться как падежные показатели, поскольку они не комбинируются с показателями числа и посессивности[19]:

[17] Этот раздел опирается на полевые материалы Д.С. Ганенкова.

[18] Данная проблема в мишарском диалекте исследована П.В. Гращенковым. Ср. аргументацию и обсуждение в Сулейманов 1996a.

[19] Приемлемость (1.71b), где атрибутивизатор комбинируется только с показателем множественного числа, варьирует по носителям. (1.71a) и (1.71c) оцениваются как неграмматичные практически единодушно.

(1.71) a. ⁇ zur kʏlak-lar-ʏ-**lʏ** xajwan
большой ухо-PL-3-**ATR** зверь
зверь с большими ушами {a=b=c}

b. ? zur kʏlak-lar-**lʏ** xajwan
большой ухо-PL-**ATR** зверь

c. * zur kʏlag-ʏ-**lʏ** xajwan
большой ухо-3-**ATR** зверь

Неграмматичность (1.71a,c) и сомнительность (1.71b) делает дистрибуцию показателей типа *-lʏ* радикально отличной от дистрибуции обычных падежных показателей, которые не имеют такого ограничения.

В-третьих, некоторые из обсуждаемых морфем могут сочетаться со словоформами, уже содержащими в себе падежную флексию. В частности, без затруднений допускаются те сочетания, где значение атрибутивизатора совместимо со значением падежного показателя, как в (1.72):

(1.72) šaxär-dä-**ge** mäktäp
город-LOC-**ATR** школа
школа в городе

Более того, атрибутивизации могут подвергаться целые составляющие, как, например, послеложная группа в (1.73):

(1.73) [PP]jʏlga buj-ʏ-n-da]-**gʏ** ber ketülek-kä
река длина-3-OBL-LOC-ATR один пастбище-DAT

kil-e-p čʏg-a-lar.
прийти-ST-CONV выйти-ST.IPFV-PL
(Они) выходят к одному пастбищу у реки [= вдоль речному пастбищу]. (←T13:23)

В Таблице 1.14 представлены парадигмы существительных *bala* ‘ребенок’ и *set* ‘молоко’:

Таблица 1.14. Парадигмы существительных

	Основа на гласный		Основа на согласный	
	Единственное число	Множественное число	Единственное число	Множественное число
БЕСПРИТЯЖАТЕЛЬНОЕ СКЛОНЕНИЕ				
NOM	*bala* Ребенок	*bala-lar* ребенок-PL	*set* молоко	*set-lär* молоко-PL
ACC	*bala-nʏ* ребенок-ACC	*bala-lar-nʏ* ребенок-PL-ACC	*set-ne* молоко-ACC	*set-lär-ne* молоко-PL-ACC
GEN	*bala-nʏŋ* ребенок-GEN	*bala-lar-nʏŋ* ребенок-PL-GEN	*set-neŋ* молоко-GEN	*set-lär-neŋ* молоко-PL-GEN
DAT	*bala-ga* ребенок-DAT	*bala-lar-ga* ребенок-PL-DAT	*set-kä* молоко-DAT	*set-lär-gä* молоко-PL-DAT
LOC	*bala-da* ребенок-LOC	*bala-lar-da* ребенок-PL-LOC	*set-tä* молоко-LOC	*set-lär-dä* молоко-PL-LOC

	Основа на гласный		Основа на согласный	
	Единственное число	Множественное число	Единственное число	Множественное число
ABL	*bala-dan* ребенок-ABL	*bala-lar-dan* ребенок-PL-ABL	*set-tän* молоко-ABL	*set-lär-dän* молоко-PL-ABL
	ПРИТЯЖАТЕЛЬНОЕ СКЛОНЕНИЕ			
1 лицо единственного числа обладателя				
NOM	*bala-m* ребенок-1SG	*bala-lar-ɤm* ребенок-PL-1SG	*set-em* молоко-1SG	*set-lär-em* молоко-PL-1SG
ACC	*bala-m-nɤ* ребенок-1SG-ACC	*bala-lar-ɤm-nɤ* ребенок-PL-1SG-ACC	*set-em-ne* молоко-1SG-ACC	*set-lär-em-ne* молоко-PL-1SG-ACC
GEN	*bala-m-nɤŋ* ребенок-1SG-GEN	*bala-lar-ɤm-nɤŋ* ребенок-PL-1SG-GEN	*set-em-neŋ* молоко-1SG-GEN	*set-lär-em-neŋ* молоко-PL-1SG-GEN
DAT	*bala-m-a* ребенок-1SG-DAT	*bala-lar-ɤm-a* ребенок-PL-1SG-DAT	*set-em-ä* молоко-1SG-DAT	*set-lär-em-ä* молоко-PL-1SG-DAT
LOC	*bala-m-da* ребенок-1SG-LOC	*bala-lar-ɤm-da* ребенок-PL-1SG-LOC	*set-em-dä* молоко-1SG-LOC	*set-lär-em-dä* молоко-PL-1SG-LOC
ABL	*bala-m-nan* ребенок-1SG-ABL	*bala-lar-ɤm-nan* ребенок-PL-1SG-ABL	*set-em-nän* молоко-1SG-ABL	*set-lär-em-nän* молоко-PL-1SG-ABL
2 лицо единственного числа обладателя				
NOM	*bala-ŋ* ребенок-2SG	*bala-lar-ɤŋ* ребенок-PL-2SG	*set-eŋ* молоко-2SG	*set-lär-eŋ* молоко-PL-2SG
ACC	*bala-ŋ-nɤ* ребенок-2SG-ACC	*bala-lar-ɤŋ-nɤ* ребенок-PL-2SG-ACC	*set-eŋ-ne* молоко-2SG-ACC	*set-lär-eŋ-ne* молоко-PL-2SG-ACC
GEN	*bala-ŋ-nɤŋ* ребенок-2SG-GEN	*bala-lar-ɤŋ-nɤŋ* ребенок-PL-2SG-GEN	*set-eŋ-neŋ* молоко-2SG-GEN	*set-lär-eŋ-neŋ* молоко-PL-2SG-GEN
DAT	*bala-ŋ-a* ребенок-2SG-DAT	*bala-lar-ɤŋ-a* ребенок-PL-2SG-DAT	*set-eŋ-ä* молоко-2SG-DAT	*set-lär-eŋ-ä* молоко-PL-2SG-DAT
LOC	*bala-ŋ-da* ребенок-2SG-LOC	*bala-lar-ɤŋ-da* ребенок-PL-2SG-LOC	*set-eŋ-dä* молоко-2SG-LOC	*set-lär-eŋ-dä* молоко-PL-2SG-LOC
ABL	*bala-ŋ-nan* ребенок-2SG-ABL	*bala-lar-ɤŋ-nan* ребенок-PL-2SG-ABL	*set-eŋ-nän* молоко-2SG-ABL	*set-lär-eŋ-nän* молоко-PL-2SG-ABL
3 лицо обладателя				
NOM	*bala-sɤ* ребенок-3	*bala-lar-ɤ* ребенок-PL-3	*set-e* молоко-3	*set-lär-e* молоко-PL-3
ACC	*bala-sɤ-n* ребенок-3-OBL.ACC	*bala-lar-ɤ-n* ребенок-PL-3-OBL.ACC	*set-e-n* молоко-3-OBL.ACC	*set-lär-e-n* молоко-PL-3-OBL.ACC
GEN	*bala-sɤ-nɤŋ* ребенок-3-GEN	*bala-lar-ɤ-nɤŋ* ребенок-PL-3-GEN	*set-e-neŋ* молоко-3-GEN	*set-lär-e-neŋ* молоко-PL-3-GEN
DAT	*bala-sɤ-n-a* ребенок-3-OBL-DAT	*bala-lar-ɤ-n-a* ребенок-PL-3-OBL-DAT	*set-e-n-ä* молоко-3-OBL-DAT	*set-lär-e-n-ä* молоко-PL-3-OBL-DAT
LOC	*bala-sɤ-n-da* ребенок-3-OBL-LOC	*bala-lar-ɤ-n-da* ребенок-PL-3-OBL-LOC	*set-e-n-dä* молоко-3-OBL-LOC	*set-lär-e-n-dä* молоко-PL-3-OBL-LOC
ABL	*bala-sɤ-n-nan* ребенок-3-OBL-ABL	*bala-lar-ɤ-n-nan* ребенок-PL-3-OBL-ABL	*set-e-n-nän* молоко-3-OBL-ABL	*set-lär-e-n-nän* молоко-PL-3-OBL-ABL
1 лицо множественного числа обладателя				
NOM	*bala-bɤz* ребенок-1PL	*bala-lar-ɤbɤz* ребенок-PL-1PL	*set-ebez* молоко-1PL	*set-lär-ebez* молоко-PL-1PL
ACC	*bala-bɤz-nɤ* ребенок-1PL-ACC	*bala-lar-ɤbɤz-nɤ* ребенок-PL-1PL-ACC	*set-ebez-ne* молоко-1PL-ACC	*set-lär-ebez-ne* молоко-PL-1PL-ACC
GEN	*bala-bɤz-nɤŋ* ребенок-1PL-GEN	*bala-lar-ɤbɤz-nɤŋ* ребенок-PL-1PL-GEN	*set-ebez-neŋ* молоко-1PL-GEN	*set-lär-ebez-neŋ* молоко-PL-1PL-GEN

	Основа на гласный		Основа на согласный	
	Единственное число	Множественное число	Единственное число	Множественное число
DAT	*bala-bɤz-ga* ребенок-1PL-DAT	*bala-lar-ɤbɤz-ga* ребенок-PL-1PL-DAT	*set-ebez-gä* молоко-1PL-DAT	*set-lär-ebez-gä* молоко-PL-1PL-DAT
LOC	*bala-bɤz-da* ребенок-1PL-LOC	*bala-lar-ɤbɤz-da* ребенок-PL-1PL-LOC	*set-ebez-dä* молоко-1PL-LOC	*set-lär-ebez-dä* молоко-PL-1PL-LOC
ABL	*bala-bɤz-dan* ребенок-1PL-ABL	*bala-lar-ɤbɤz-dan* ребенок-PL-1PL-ABL	*set-ebez-dän* молоко-1PL-ABL	*set-lär-ebez-dän* молоко-PL-1PL-ABL
2 лицо множествнного числа обладателя				
NOM	*bala-gɤz* ребенок-2PL	*bala-lar-ɤgɤz* ребенок-PL-2PL	*set-egez* молоко-2PL	*set-lär-egez* молоко-PL-2PL
ACC	*bala-gɤz-nɤ* ребенок-2PL-ACC	*bala-lar-ɤgɤz-nɤ* ребенок-PL-2PL-ACC	*set-egez-ne* молоко-2PL-ACC	*set-lär-egez-ne* молоко-PL-2PL-ACC
GEN	*bala-gɤz-nɤŋ* ребенок-2PL-GEN	*bala-lar-ɤgɤz-nɤŋ* ребенок-PL-2PL-GEN	*set-egez-neŋ* молоко-2PL-GEN	*set-lär-egez-neŋ* молоко-PL-2PL-GEN
DAT	*bala-gɤz-ga* ребенок-2PL-DAT	*bala-lar-ɤgɤz-ga* ребенок-PL-2PL-DAT	*set-egez-gä* молоко-2PL-DAT	*set-lär-egez-gä* молоко-PL-2PL-DAT
LOC	*bala-gɤz-da* ребенок-2PL-LOC	*bala-lar-ɤgɤz-da* ребенок-PL-2PL-LOC	*set-egez-dä* молоко-2PL-LOC	*set-lär-egez-dä* молоко-PL-2PL-LOC
ABL	*bala-gɤz-dan* ребенок-2PL-ABL	*bala-lar-ɤgɤz-dan* ребенок-PL-2PL-ABL	*set-egez-dän* молоко-2PL-ABL	*set-lär-egez-dän* молоко-PL-2PL-ABL

Формы падежных показателей — это *-nɤŋ* (генитив), *-nɤ* (аккузатив), *-da* (локатив), *-dan* (аблатив). Варианты показателя датива имеют особую дистрибуцию: в притяжательном склонении в единственном числе посессора датив образуется с помощью аффикса *-a*, а во всех остальных случаях — *-ga*. Показатель аблатива *-dan* (но не показатель локатива *-da*) после носовых представлен вариантом с начальным дентальным носовым согласным — *-nan*.

Форма показателей притяжательности зависит от фонологического типа основы. Они реализуются алломорфами *-m, -ŋ, -sɤ, -bɤz* и *-gɤz,* когда присоединяются к вокалической основе (кроме основ на *u*), как в (1.74a). При присоединении к консонантной основе выбираются алломорфы *-ɤm, -ɤŋ, -ɤ, -ɤbɤz* и *-ɤgɤz*, как в (1.74b). Эти же алломорфы представлены и в комбинации с основам на *u,* что, видимо, объясняется наличием в исходе таких основ глайда [w], который получает фонетическую реализацию только перед гласным. Основа на *u* иллюстрируется в (1.74c).

(1.74) a. bala-**m** bala-**sɤ** b. set-**em** set-**e**
ребенок-**1SG** ребенок-**3** молоко-**1SG** молоко-**3**
мой ребенок *его ребенок* *мое молоко* *его молоко*

c. su [su] su-**ɤm** [su**wɤm**] su-**ɤ** [su**wɤ**] || *su-**sɤ**
вода вода-**1SG** вода-**3**
вода *моя вода* *его вода*

Форма притяжательности третьего лица употребляется как для единичного, так и для множественного посессора, как видно из (1.75a-b). Показатель множественного числа *-lar*, присоединенный к вершинному имени, может маркировать как множественное число этого имени, так и множественное число посессора, ср. два значения (1.75c). Сравнение (1.75b) и (1.75c.2) также показывает, что согласование вершинного имени с посессором по числу факультативно. Более подробно о структуре именной группы см. 4.1.1.

(1.75) a. bala-nɤŋ alma-**sɤ**
ребенок-GEN яблоко-**3**
яблоко ребенка

b. bala-lar-nɤŋ alma-**sɤ**
ребенок-PL-GEN яблоко-**3**
яблоко детей

c. bala-lar-nɤŋ alma-**lar-ɤ**
ребенок-PL-GEN яблоко-**PL-3**
1. яблоки детей
2. яблоко детей

Показатель множественного числа, который возникает посредством согласования, иллюстрируется также в текстовом примере (1.76). В (1.76) речь идет о единичном обладаемом (‘дочь’) и множественном обладателе (‘они’). В таком контексте, очевидно, морфема *-lar* на обладаемом не интерпретируется, а ее появление обусловлено исключительно свойствами обладателя.

(1.76) **a-lar**-nɤŋ ber-dän ber kɤz-**lar-ɤ** bul-gan.
он-PL-GEN один-ABL один дочь-**PL-3** быть-PFCT
*У **них** была единственная дочь.* (=T13:2)

В рамках морфемного анализа мишарских словоформ, представленного в Таблице 1.14, элемент *-n-* в аккузативе, дативе, локативе и аблативе притяжательного склонения третьего лица имен (а также в некоторых формах указательных местоимений, см. 1.2.2.2) рассматривается как показатель косвенной основы. Ему соответственно приписывается ярлык «косвенная основа» (OBL):

(1.77) a. bala-sɤ
ребенок-3
его ребенок

b. bala-sɤ-**n**
ребенок-3-**OBL**.ACC
его ребенка

c. bala-sɤ-**n**-a
ребенок-3-**OBL**-DAT
его ребенку

d. bala-sɤ-**n**-da
ребенок-3-**OBL**-LOC
на его ребенке

e. bala-sɤ-**n**-nan
ребенок-3-**OBL**-ABL
от его ребенка

В формах аккузатива, таких как (1.77b), собственно показатель падежа оказывается нулевым. Падеж, однако, отражается в подстрочном поморфемном переводе соответствующим ярлыком, следующим после точки. Формы генитива притяжательного склонения третьего лица образуются без участия этого показателя, см. Таблицу 1.14.

Как кажется, анализ, где *-n-* представляет собой самостоятельную морфему, лучше двух альтернативных — рассматривать его как часть падежного показателя или как часть показателя посессивности. Если, вслед за ТГ 1993, считать, что *-n-* — это часть падежных показателей, возникают очевидные затруднения с объяснением дистрибуции алломорфов типа *-da* (как в *bala-da* ‘ребенок-LOC’) и *-nda* (как в *bala-sɤ-nda* ‘ребенок-3-LOC’) и т.п. Кроме того, утрачивается интуитивно очевидное обобщение, что «показатели» датива, локатива и аблатива *-na, -nda, -nnan* явным образом членятся на *-n-* и основные варианты падежных флексий.

Если же считать, что *-n-* — часть посессивного показателя, возникнет аналогичная проблема: приходится постулировать дополнительные варианты посессивного показателя третьего лица *-sɤn* и *-ɤn* со всеми вытекающими последствиями. Кроме того, формы номинатива и аккузатива притяжательного склонения третьего лица (*bala-sɤ* ‘ребенок-3.NOM’ и *bala-sɤn* ‘ребенок-3.ACC’) будут обе иметь нулевой падежный показатель, и падежное маркирование будет определяться выбором варианта посессивного показателя. Такой анализ представляется крайне непривлекательным.

Анализировать *-n-* не как морфему, а как эпентетический согласный также вряд ли возможно. Во-первых, эпентетические сегменты необходимы для устранения недопустимой фонологической или просодической конфигурации. Однако в невозможной словоформе типа **balasɤda* ‘ребенок-3-LOC’, построенной без участия *-n-*, нет ничего, что нарушало бы известные нам фонологические или просодические ограничения (см. 1.1.3). Во-вторых, известные случаи эпентезы обусловлены фонологически, но не морфологически. Мы ожидаем, что эпентетический согласный возникает в определенном фонологическом контексте вне зависимости от морфологических характеристик языковой единицы. Однако, как легко убедиться с помощью Таблицы 1.14, *-n-* представлен только в определенных клетках парадигмы имени существительного и отсутствует в других.

1.2.2.2. Местоимение

1.2.2.2.1. Личные и указательные местоимения. Таблица 1.15 содержит парадигмы личных и основных указательных местоимений.

Таблица 1.15. Парадигмы личных и основных указательных местоимений

	‘я’	‘ты’	‘мы’	‘вы’	‘он, она, оно’	‘(э)тот, (э)та, (э)то’	
NOM	*min* я	*sin* ты	*bez* мы	*sez* вы	*ul* он	*bu* этот	*šul* этот
ACC	*mine* я.ACC	*sine* ты.ACC	*bez-ne* мы-ACC	*sez-ne* вы-ACC	*a-nɤ* он-ACC	*mɤ-nɤ* этот-ACC	*šɤ-nɤ* этот-ACC
GEN	*minem* я.GEN	*sineŋ* ты.GEN	*bez-neŋ* мы-GEN	*sez-neŋ* вы-GEN	*a-nɤŋ* он-GEN	*mɤ-nɤŋ* этот-GEN	*šɤ-nɤŋ* этот-GEN
DAT	*miŋa* я.DAT	*siŋa* ты.DAT	*bez-gä* мы-DAT	*sez-gä* вы-DAT	*aŋa* он.DAT *anar-ga* он.OBL-DAT	*mɤŋa* этот.DAT *mɤnar-ga* этот.OBL-DAT	*šɤŋa* этот.DAT *šɤnar-ga* этот.OBL-DAT
LOC	*min-dä* я-LOC	*sin-dä* ты-LOC	*bez-dä* мы-LOC	*sez-dä* вы-LOC	*a-n-da* он-OBL-LOC	*mɤ-n-da* этот-OBL-LOC	*šɤ-n-da* этот-OBL-LOC
ABL	*min-nän* я-ABL	*sin-nän* ты-ABL	*bez-dän* мы-ABL	*sez-dän* вы-ABL	*a-n-nan* он-OBL-ABL *anar-dan* он.OBL-ABL	*mɤ-n-nan* этот-OBL-ABL *mɤnar-dan* этот.OBL-ABL	*šɤ-n-nan* этот-OBL-ABL *šɤnar-dan* этот.OBL-ABL

В рамках представленного анализа морфемное членение имеют те формы, где можно выделить какой-то из имеющихся в падежной парадигме имен существительных вариантов падежного показателя, не постулируя при этом дополнительной основы соответствующего местоимения. Это возможно, например, для *min-dä* ‘я-LOC’, но невозможно для целого ряда других форм, которые, по всей видимости, представляют собой результат фонологических процессов, утративших активность в современной фонологической системе (**min-ne* → *mine*, **min-ga* → *miŋa* и т.д.). Соответственно, никакой анализ, где бы было предложено их морфемное членение (*mi-ne, min-e* и т. п.), не представляется удовлетворительным.

У местоимений *ul*, *bu* и *šul* формы номинатива ед. числа представляют собой особые супплетивные основы, а формы датива и аблатива ед. числа образуются как от исходной основы, так и от дополнительной основы на *-ar-*. Формы с сегментом *-ar-* и без него свободно варьируют. Сегмент *-ar-* анализируется как часть косвенной основы местоимения, а не как отдельная морфема. Показатель *-n-* анализируется в парадигме этих местоимений так же, как и в парадигме существительных: как показатель косвенной основы.

Формы множественного числа указательных местоимений *ul*, *bu* и *šul* образуются регулярно (так же, как у имен существительных) соответственно от основ *a-*, *bɤ-* и *šɤ-*: *a-lar*, *a-lar-nɤ*, *a-lar-nɤŋ*…, *bɤ-lar*, *bɤ-lar-nɤ*, *bɤ-lar-nɤŋ* … и *šɤ-lar*, *šɤ-lar-nɤ*, *šɤ-lar-nɤŋ* …

1.2.2.2.2. Вопросительные и неопределенные местоимения. Система вопросительных и неопределенных местоимений мишарского диалекта с морфологической точки зрения не имеет каких-либо примечательных особенностей по сравнению с системой татарского литературного языка. Как и в других языках, их инвентарь соответствует набору основных онтологических категорий — человек, вещь, свойство, место, время, количество, способ, причина. Основные вопросительные местоимения перечислены в (1.78):

(1.78) *kem* ‘кто’
nästä || *närsä* ‘что’
ni ‘какой, что’
nindi ‘какой’
kasɤ || *kajsɤ* ‘который’
kaj ‘какой, который’
kačan || *kajčan* ‘когда’
kaja ‘где, куда’
ničä ‘сколько’
niček ‘как’
nik ‘почему’

В исследованных нами говорах наряду с собственно мишарскими вариантами местоимений, такими как *nästä* ‘что’ или *kasɤ* ‘который’, широко используются также литературные *närsä* ‘что’ или *kajsɤ* ‘который’. Из особенностей системы местоимений в (1.78) можно также отметить интерпретацию местоимения *kaja*, которое имеет не только направительное (‘куда’), но и местное прочтение (‘где’). В литературных диалектах в этом случае предпочитается *kajda,* диахронически представляющее собой локатив от *kaj* ‘какой, который’.

Вопросительные местоимения принадлежат к разным синтаксическим категориям (субстантивам, адъективам, адвербиалам). Этим полностью определяется их словоизменительное поведение.

Парадигмы основных субстантивных местоимений *kem* ‘кто’ и *nästä* ‘что’ показаны в Таблицах 1.16-1.18; вариант *närsä* склоняется аналогично. Обращает на себя внимание то, что, как в литературном татарском, эти местоимения различают формы числа, а также имеют не только беспритяжательные, но и притяжательные формы, такие как *kemem* ‘кто мой, кто у меня’ или *nästäŋ* ‘что твое, что у тебя’. С учетом того, что вопросы типа ‘Что мое ты видел?’ возникают лишь в очень специфических контекстах, частотность этих форм ожидаемо невысока.

Основная функция вопросительных местоимений — построение частных вопросов, которые кратко охарактеризованы в 5.1.5. Кроме того, вопросительные местоимения используются при построении неопределенных местоимений.

Как и во многих других языках, неопределенные местоимения в мишарском диалекте, как и в литературном татарском, образуют серии, соответствующие разным онтологическим категориям. Они складываются из двух компонентов — основы, указывающей на онтологическую категорию, и показателя серии, общего для всех ее элементов. Основные показатели серии — *ällä, dɤr* и *ber* в сочетании с фокусной частицей *da* ‘и, даже’. Эти три типа неопределенных местоимений иллюстрируются текстовыми примерами (1.79)-(1.81):

(1.79) **kajsʏ-dʏr** xamidä kil-ä dip kʏčkʏr-dʏ.
который-DYR Хамида приходить-ST.IPFV SUB кричать-PST
Кто-то *крикнул: «Хамида идет».* (=T5:13)

(1.80) **ällä** **nindi** … ƺemlä-lär tez-e-t-ä-lär.
INDEF **какой** предложение-PL строить-ST-CAUS-ST.IPFV-PL
(Они) заставляют (нас) строить ***какие-то*** *предложения.* (=T18:9-10)

(1.81) **ber-närsä** **dä** ešl-i bel-m-i.
INDEF-что **EMPH** работать-ST.IPFV знать-NEG-ST.IPFV
(Она) ***ничего*** *не умела делать.* (=T13:8)

Показатели серии, представленные в этих местоимениях, типологически ожидаемы. Это морфема *ällä*, которая представляет собой показатель дизъюнкции (см. о ней ТГ 1993: 357), модальная частица *dʏr* (см. о ней ТГ 1993: 358), которая, присоединяясь к глаголу, маркирует эпистемическую возможность, а также семантически прозрачная комбинация *ber … da* ‘даже один’.

У субстантивных неопределенных местоимений словоизменительные категории реализуются на вопросительном компоненте. Соответственно, парадигмы в Таблицах 1.16-1.18 полностью предсказывают все формы таких местоимений.

Таблица 1.16. Парадигмы местоимений *kem* ‘кто’ и *nästä* ‘что’ в беспритяжательном склонении

	SG	PL	SG	PL
NOM	*kem* кто	*kem-när* кто-PL	*nästä* что	*nästä-lär* что-PL
ACC	*kem-ne* кто-ACC	*kem-när-ne* кто-PL-ACC	*nästä-ne* что-ACC	*nästä-lär-ne* что-PL-ACC
GEN	*kem-neŋ* кто-GEN	*kem-när-neŋ* кто-PL-GEN	*nästä-neŋ* что-GEN	*nästä-lär-neŋ* что-PL-GEN
DAT	*kem-gä* кто-DAT	*kem-när-gä* кто-PL-DAT	*nästä-gä* что-DAT	*nästä-lär-gä* что-PL-DAT
LOC	*kem-dä* кто-LOC	*kem-när-dä* кто-PL-LOC	*nästä-dä* что-LOC	*nästä-lär-dä* что-PL-LOC
ABL	*kem-dän* кто-ABL	*kem-när-dän* кто-PL-ABL	*nästä-dän* что-ABL	*nästä-lär-dän* что-PL-ABL

1.2.2.2.3. Возвратное местоимение. Возвратное местоимение *üz* ‘сам’ (*üz-em* ‘я сам’, *üz-eŋ* ‘ты сам’ и т.д.) с точки зрения лексического класса представляет собой существительное и склоняется по регулярным правилам.

Таблица 1.19. Парадигма местоимения *üz* ‘сам’

	1SG	2SG	3SG	1PL	2PL
NOM	*üz-em*	*üz-eŋ*	*üz-e*	*üz-ebez*	*üz-egez*
ACC	*üz-em-ne*	*üz-eŋ-ne*	*üz-e-n*	*üz-ebez-ne*	*üz-egez-ne*
GEN	*üz-em-neŋ*	*üz-eŋ-neŋ*	*üz-e-n-neŋ*	*üz-ebez-neŋ*	*üz-egez-neŋ*
DAT	*üz-em-ä*	*üz-eŋ-ä*	*üz-e-n-ä*	*üz-ebez-gä*	*üz-egez-gä*
LOC	*üz-em-dä*	*üz-eŋ-dä*	*üz-e-n-dä*	*üz-ebez-dä*	*üz-egez-dä*
ABL	*üz-em-nän*	*üz-eŋ-nän*	*üz-e-n-nän*	*üz-ebez-dän*	*üz-egez-dän*

Таблица 1.17. Парадигма вопросительного местоимения *kem* ‘кто’; притяжательное склонение

	Единственное число обладаемого				
	1SG	2SG	3	1PL	2PL
NOM	*kem-em* кто-1SG	*kem-eŋ* кто-2SG	*kem-e* кто-3	*kem-ebez* кто-1PL	*kem-egez* кто-2PL
ACC	*kem-em-ne* кто-1SG-ACC	*kem-eŋ-ne* кто-2SG-ACC	*kem-e-n* кто-3-OBL.ACC	*kem-ebez-ne* кто-1PL-ACC	*kem-egez-ne* кто-2PL-ACC
GEN	*kem-em-neŋ* кто-1SG-GEN	*kem-eŋ-neŋ* кто-2SG-GEN	*kem-e-neŋ* кто-3-GEN	*kem-ebez-neŋ* кто-1PL-GEN	*kem-egez-neŋ* кто-2PL-GEN
DAT	*kem-em-ä* кто-1SG-DAT	*kem-eŋ-ä* кто-2SG-DAT	*kem-e-n-ä* кто-3-OBL-DAT	*kem-ebez-gä* кто-1PL-DAT	*kem-egez-gä* кто-2PL-DAT
LOC	*kem-em-dä* кто-1SG-LOC	*kem-eŋ-dä* кто-2SG-LOC	*kem-e-n-dä* кто-3-OBL-LOC	*kem-ebez-dä* кто-1PL-LOC	*kem-egez-dä* кто-2PL-LOC
ABL	*kem-em-nän* кто-1SG-ABL	*kem-eŋ-nän* кто-2SG-ABL	*kem-e-n-nän* кто-3-OBL-ABL	*kem-ebez-dän* кто-1PL-ABL	*kem-egez-dän* кто-2PL-ABL
	Множественное число обладаемого				
	1SG	2SG	3	1PL	2PL
NOM	*kem-när-em* кто-PL-1SG	*kem-när-eŋ* кто-PL-2SG	*kem-när-e* кто-PL-3	*kem-när-ebez* кто-PL-1PL	*kem-när-egez* кто-PL-2PL
ACC	*kem-när-em-ne* кто-PL-1SG-ACC	*kem-när-eŋ-ne* кто-PL-2SG-ACC	*kem-när-e-n* кто-PL-3-OBL.ACC	*kem-när-ebez-ne* кто-PL-1PL-ACC	*kem-när-egez-ne* кто-PL-2PL-ACC
GEN	*kem-när-em-neŋ* кто-PL-1SG-GEN	*kem-när-eŋ-neŋ* кто-PL-2SG-GEN	*kem-när-e-neŋ* кто-PL-3-GEN	*kem-när-ebez-neŋ* кто-PL-1PL-GEN	*kem-när-egez-neŋ* кто-PL-2PL-GEN
DAT	*kem-när-em-ä* кто-PL-1SG-DAT	*kem-när-eŋ-ä* кто-PL-2SG-DAT	*kem-när-e-n-ä* кто-PL-3-OBL-DAT	*kem-när-ebez-gä* кто-PL-1PL-DAT	*kem-när-egez-gä* кто-PL-2PL-DAT
LOC	*kem-när-em-dä* кто-PL-1SG-LOC	*kem-när-eŋ-dä* кто-PL-2SG-LOC	*kem-när-e-n-dä* кто-PL-3-OBL-LOC	*kem-när-ebez-dä* кто-PL-1PL-LOC	*kem-när-egez-dä* кто-PL-2PL-LOC
ABL	*kem-när-em-nän* кто-PL-1SG-ABL	*kem-när-eŋ-nän* кто-PL-2SG-ABL	*kem-när-e-n-nän* кто-PL-3-OBL-ABL	*kem-när-ebez-dän* кто-PL-1PL-ABL	*kem-när-egez-dän* кто-PL-2PL-ABL

Таблица 1.18. Парадигма вопросительного местоимения *nästä* ‘что’

	Единственное число обладаемого				
	1SG	2SG	3	1PL	2PL
NOM	*nästä-m* что-1SG	*nästä-ŋ* что-2SG	*nästä-se* что-3	*nästä-bez* что-1PL	*nästä-gez* что-2PL
ACC	*nästä-m-ne* что-1SG-ACC	*nästä-ŋ-ne* что-2SG-ACC	*nästä-se-n* что-3-OBL.ACC	*nästä-bez-ne* что-1PL-ACC	*nästä-gez-ne* что-2PL-ACC
GEN	*nästä-m-neŋ* что-1SG-GEN	*nästä-ŋ-neŋ* что-2SG-GEN	*nästä-se-neŋ* что-3-GEN	*nästä-bez-neŋ* что-1PL-GEN	*nästä-gez-neŋ* что-2PL-GEN
DAT	*nästä-m-ä* что-1SG-DAT	*nästä-ŋ-ä* что-2SG-DAT	*nästä-se-n-ä* что-3-OBL-DAT	*nästä-bez-gä* что-1PL-DAT	*nästä-gez-gä* что-2PL-DAT
LOC	*nästä-m-dä* что-1SG-LOC	*nästä-ŋ-dä* что-2SG-LOC	*nästä-se-n-dä* что-3-OBL-LOC	*nästä-bez-dä* что-1PL-LOC	*nästä-gez-dä* что-2PL-LOC
ABL	*nästä-m-nän* что-1SG-ABL	*nästä-ŋ-nän* что-2SG-ABL	*nästä-se-n-nän* что-3-OBL-ABL	*nästä-bez-dän* что-1PL-ABL	*nästä-gez-dän* что-2PL-ABL
	Множественное число обладаемого				
	1SG	2SG	3	1PL	2PL
NOM	*nästä-lär-em* что-PL-1SG	*nästä-lär-eŋ* что-PL-2SG	*nästä-lär-e* что-PL-3	*nästä-lär-ebez* что-PL-1PL	*nästä-lär-egez* что-PL-2PL
ACC	*nästä-lär-em-ne* что-PL-1SG-ACC	*nästä-lär-eŋ-ne* что-PL-2SG-ACC	*nästä-lär-e-n* что-PL-3-OBL.ACC	*nästä-lär-ebez-ne* что-PL-1PL-ACC	*nästä-lär-egez-ne* что-PL-2PL-ACC
GEN	*nästä-lär-em-neŋ* что-PL-1SG-GEN	*nästä-lär-eŋ-neŋ* что-PL-2SG-GEN	*nästä-lär-e-neŋ* что-PL-3-GEN	*nästä-lär-ebez-neŋ* что-PL-1PL-GEN	*nästä-lär-egez-neŋ* что-PL-2PL-GEN
DAT	*nästä-lär-em-ä* что-PL-1SG-DAT	*nästä-lär-eŋ-ä* что-PL-2SG-DAT	*nästä-lär-e-n-ä* что-PL-3-OBL-DAT	*nästä-lär-ebez-gä* что-PL-1PL-DAT	*nästä-lär-egez-gä* что-PL-2PL-DAT
LOC	*nästä-lär-em-dä* что-PL-1SG-LOC	*nästä-lär-eŋ-dä* что-PL-2SG-LOC	*nästä-lär-e-n-dä* что-PL-3-OBL-LOC	*nästä-lär-ebez-dä* что-PL-1PL-LOC	*nästä-lär-egez-dä* что-PL-2PL-LOC
ABL	*nästä-lär-em-nän* что-PL-1SG-ABL	*nästä-lär-eŋ-nän* что-PL-2SG-ABL	*nästä-lär-e-n-nän* что-PL-3-OBL-ABL	*nästä-lär-ebez-dän* что-PL-1PL-ABL	*nästä-lär-egez-dän* что-PL-2PL-ABL

1.2.2.3. Имя прилагательное

Единственная словоизменительная категория имен прилагательных — сравнительная степень с показателем *-rak*:

(1.82) katɤ tawɤš
громкий звук
громкий звук

katɤ-rak tawɤš
громкий-COMP звук
более громкий звук

Информацию о дистрибуции этого показателя можно найти в разделе 5.4.

1.2.3. Послелог[20]

В Таблицах 1.20 и 1.21 перечислены основные послелоги мишарского диалекта, их подстрочные переводы и толкования.

Большинство послелогов управляет номинативом зависимых имен существительных (в том числе отглагольных имен действия) и генитивом местоимений, (1.83)-(1.84). При послелогах, управляющих другими падежами (дативом и аблативом как имен существительных, так и местоимений), в Таблице 1.21 указывается соответствующий падеж.

Некоторые послелоги, отыменные по происхождению, включают в себя показатели посессивности и падежа. Часть таких послелогов имеет очевидное морфемное членение: с одной стороны, они комбинируются с показателями датива, локатива и аблатива, а с другой стороны — всегда согласуются с зависимым именем существительным по лицу и числу, ср. (1.83). Эти послелоги представлены отдельно в Таблице 1.21.

(1.83) ü ast-**ɤ**-n-a (minem) ast-**ɤm**-a (sineŋ) ast-**ɤŋ**-a
дом под-**3**-OBL-DAT я.GEN под-**1SG**-DAT ты.GEN под-**2SG**-DAT
под дом *под меня* *под тебя*

ü ast-**ɤ**-n-da (minem) ast-**ɤm**-da (sineŋ) ast-**ɤŋ**-da
дом под-**3**-OBL-LOC я.GEN под-**1SG**-LOC ты.GEN под-**2SG**-LOC
под домом *подо мной* *под тобой*

ü ast-**ɤ**-n-nan (minem) ast-**ɤm**-nan (sineŋ) ast-**ɤŋ**-nan
дом под-**3**-OBL-ABL я.GEN под-**1SG**-ABL ты.GEN под-**2SG**-ABL
из-под дома *из-под меня* *из-под тебя*

Прочие отыменные послелоги не имеют падежной парадигмы, а содержат только застывший показатель падежа. Согласование этих послелогов по лицу и числу с зависимым именем существительным факультативно (ср. (1.84b-c)). Соответственно, для них не предлагается морфемного членения, а факультативное согласование по лицу и числу отмечается в подстрочном переводе после точки, как в (1.84c). Эти послелоги, наряду с прочими, приведены в Таблице 1.20.

[20] Этот раздел опирается на полевые материалы Д.С. Ганенкова.

(1.84) a. kɤčɤk arkasɤnda
собака из.за
из-за собаки

b. ? (minem) arkasɤnda[21]
я.GEN из.за
из-за меня

c. (minem) arkamda
я.GEN из.за.1SG
из-за меня

Таблица 1.20. Послелоги, не имеющие падежных форм

Послелог	Толкование
alɤp (ABL) начиная с	‘начиная со времени X[22]’
arkasɤnda из-за	‘по причине X’ возможно личное согласование: *arkamda* (из.за.1SG)
arkɤlɤ через	‘(двигаться) через X’
aša через	‘(двигаться) через X’
baška (ABL) кроме	‘кроме X’
bašlap (ABL) начиная с	‘начиная с X’
belän с	‘при помощи инструмента или средства X’, ‘совместно с X’
birle (ABL) начиная с	‘начиная со времени X’
bujɤnča согласно	‘(действовать) согласно X’
bujlap по	‘(двигаться) по X’, ‘(двигаться) вдоль X’
ečen ради	‘ради X’
kadär (DAT) до	‘(добраться) до X’
karaganda (DAT) по сравнению с	‘по сравнению с X’
sɤman как	‘подобно X’
sɤŋ (ABL) после	‘после X’
taba (DAT) к	‘(двигаться) по направлению к X’
tarafɤnnan со стороны	‘(делаться) агенсом X’
turɤnda о	‘(думать, говорить) о X’ возможно личное согласование: *turɤmda* (о.1SG)
urɤnɤna вместо	‘вместо X’ возможно личное согласование: *urɤnɤma* (вместо.1SG)
xakɤnda из-за	‘по причине X’ возможно личное согласование: *xakɤmda* (из.за.1SG)
xätle (DAT) до	‘(добраться) до X’, ‘(быть) равным X по размеру или количеству’

[21] Носители некоторых других говоров рассматривают (1.84b) как аномальное. Согласование послелога, как в (1.84c), в таких говорах обязательно.

[22] Символ X в толкованиях послелогов соответствует зависимому имени.

Таблица 1.21. Послелоги, имеющие падежные формы

Послелог	DAT	LOC	ABL
ald- перед	*ald-ɤ-n-a* перед-3-OBL-DAT ‘(двигаться) в пространство перед X’	*ald-ɤ-n-da* перед-3-OBL-LOC ‘(находиться) в пространстве перед X’	*ald-ɤ-n-nan* перед-3-OBL-ABL ‘(двигаться) из пространства перед X’, ‘(двигаться) по пространству перед X’
ara- между	*ara-sɤ-n-a* между-3-OBL-DAT ‘(двигаться) в пространство между предметами X’	*ara-sɤ-n-da* между-3-OBL-LOC ‘(находиться) в пространстве между X’, ‘(выбирать) из множества X’	*ara-sɤ-n-nan* между-3-OBL-ABL ‘(двигаться) из пространства между X’
art- за	*art-ɤ-n-a* за-3-OBL-DAT ‘(двигаться) в пространство за X’	*art-ɤ-n-da* за-3-OBL-LOC ‘(находиться) в пространстве за X’	*art-ɤ-n-nan* за-3-OBL-ABL ‘(двигаться) из пространства за X’, ‘(следовать во времени) за X’
ast- под	*ast-ɤ-n-a* под-3-OBL-DAT ‘(двигаться) в пространство под X’	*ast-ɤ-n-da* под-3-OBL-LOC ‘(находиться) в пространстве под X’	*ast-ɤ-n-nan* под-3-OBL-ABL ‘(двигаться) из пространства под X’
buj- около	*buj-ɤ-n-a* около-3-OBL-DAT ‘(двигаться) в пространство около X’	*buj-ɤ-n-da* около-3-OBL-LOC ‘(находиться) в контакте с X’	*buj-ɤ-n-nan* около-3-OBL-ABL ‘(двигаться) вдоль X’
eč- в	*eč-e-n-ä* в-3-OBL-DAT ‘(двигаться) внутрь X’	*eč-e-n-dä* в-3-OBL-LOC ‘(находиться) внутри X’	*eč-e-n-nän* в-3-OBL-ABL ‘(двигаться) изнутри X’
est- на	*est-e-n-ä* на-3-OBL-DAT ‘(двигаться) на поверхность X’, ‘ (двигаться) в пространство над X’	*est-e-n-dä* на-3-OBL-LOC ‘(находиться) на поверхности X’, ‘(находиться) в пространстве над X’	*est-e-n-nän* на-3-OBL-ABL ‘(двигаться) с поверхности X’, ‘(двигаться) из пространства над X’
jan- около	*jan-ɤ-n-a* около-3-OBL-DAT ‘(двигаться) в сторону X’	*jan-ɤ-n-da* около-3-OBL-LOC ‘(находиться) в пространстве около X’	*jan-ɤ-n-nan* около-3-OBL-ABL ‘(двигаться) из пространства около X’, ‘(двигаться) мимо X’

1.2.4. Другие лексические классы

Единицы других лексических классов (наречия, числительные, частицы и т.д.) лишены словоизменения. Насколько позволяют судить наши данные, они не имеют каких-либо существенных особенностей по сравнению с литературным татарским. Не останавливаясь на них здесь, мы отсылаем читателя к имеющейся литературе, в первую очередь ТГ 1993 и Махмутова 1978.

1.3. Сумма наблюдений

В этой главе изложены базовые сведения о фонологии и морфологии мишарского диалекта.

Наиболее яркая ф о н о л о г и ч е с к а я особенность мишарского диалекта по сравнению с татарским литературным языком — отсутствие контраста по огубленности

у гласных среднего подъема: литературным *о* и *ө* соответствуют мишарские *ъ* и *е*. Также для мишарского диалекта характерны палатальные согласные как результат монофтонгизации дифтонга в предшествующем слоге, начальный *j* на месте *ж̧* и факультативное «цоканье», то есть замещение *č* на *c*. Ударение в просодическом слове обычно расположено на последнем слоге, структура слога — (C)V(R)(C).

М о р ф о л о г и я мишарского диалекта также имеет ряд особенностей. Кроме того, в некоторых случаях в этой книге применяются описательные решения, отличные от принятых в традиционном татарском языкознании. В г л а г о л ь н о й словоформе вычленяется исходная основа (возможно, содержащая в себе деривационные показатели и показатель отрицания), маркер производной основы в комбинации с показателями времени / вида / наклонения или нефинитной формы (причастия, деепричастия, отглагольного имени, инфинитива). Финитные формы присоединяют лично-числовые показатели. Многие глагольные формы категориально неоднозначны, т.е. употребляются как в финитных, так и в адвербиальных, адъективных и субстантивных синтаксических конфигурациях. Мишарский глагол имеет разветвленную систему аналитических форм.

С у щ е с т в и т е л ь н ы е присоединяют показатели числа, посессивности и падежа. Показатель множественного числа может маркировать как множественность референтов существительного, так и множественность посессора. Аккузатив, датив и локатив при наличии согласовательного показателя третьего лица образуются от косвенной основы. Личные, возвратные, указательные и субстантивные вопросительные и неопределенные м е с т о и м е н и я склоняются как существительные. П р и л а г а т е л ь н ы е имеют единственную словоизменительную категорию — степень сравнения. П о с л е л о г и делятся на несклоняемые и склоняемые. Последние имеют формы посессивности и падежа.

Глава 2

СИСТЕМА ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

ГЛАВА 2. СИСТЕМА ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

Глава 2 посвящена описанию системы глагольных категорий и грамматически релевантных аспектов лексической сем антики глаголов мишарского диалекта.

Литература по глагольным категориям тюркских языков огромна — см., например, Насилов 1989 и библиографию к этой книге, охватывающую работы, опубликованные до середины 80-х годов. В этих работах были сформулированы и решены многие важнейшие проблемы, связанные с тюркским и, в частности, с татарским глаголом: описано значение отдельных видо-временных форм, обнаружены системные отношения между различными формами, образующими глагольную парадигму, выявлены структура и функции конструкций со вспомогательными глаголами (КВГ, см. 5.3), или модифицирующими глаголами (в терминах ТГ 1993: 195-199), отмечены сходства и различия таких конструкций и «стандартных» аналитических форм, образуемых при помощи вспомогательных глаголов типа ‘быть’, и многое другое. Помимо трудов отечественных тюркологов, огромную роль в описании аспектуальности в тюркских языках сыграли фундаментальные работы Л. Юхансона (в частности, Johanson 1971, 1996, 1999a, b, 2000a, 2001a, b), в которых впервые было отмечено и подробно охарактеризовано своеобразие тюркского вида по сравнению с более известными в аспектологии системами германских, романских и славянских языков.

Семантические и формальные особенности глагольных форм в татарском языке и его диалектах всесторонне охарактеризованы в фундаментальных работах Ганиев 1963, Газизов 1966, СТЛЯ 1969, Махмутова 1978, Ахатов 1980, Валиуллина 1983, Кормушин 1984, Тумашева (ред.) 1984, Schönig 1984, Тумашева 1986, ТГ 1993, Закамулина 1999, Хисамова 2005, Хисамова 2006 и в целом ряде других. Разделяя основные выводы и обобщения, сформулированные нашими предшественниками-тюркологами, в этом разделе мы планируем осветить проблемы, которые до сих пор не были предметом специального исследования в теоретико-типологическом ракурсе.

В разделе 2.1 «Глагольная система, вид, время» (С.Г. Татевосов) дается общий обзор системы мишарского глагола с учетом как синтетических, так и аналитических глагольных форм. Основные мишарские видовременные формы характеризуются с точки зрения их видовой интерпретации, а именно, способности к использованию в перфективных, прогрессивных и хабитуальных контекстах. Кроме того, предлагается описание их темпоральной семантики — возможности иметь временную референцию к прошлому, настоящему или будущему. Особый упор делается на формы, способные описывать ситуации в будущем, дистрибуция которых сильно пересекается, а семантические особенности с трудом поддаются идентификации.

Раздел 2.2 «Акциональность» (С.Г. Татевосов) посвящен акциональности как грамматически релевантному лексическому свойству глаголов, а также акциональной модификации и акциональной композиции. В разделе о лексической акциональности выявляются 12 основных лексических акциональных классов и нескольких глаголов с уникальными акциональными свойствами. В разделе об акциональной модификации рассматриваются возможности изменения исходного акционального класса глагола при помощи конструкции с глаголом *tʏra* ‘стоять, вставать’. В разделе об акциональной композиции исследуется взаимодействие глагольного предиката и неглагольных элементов предикации — инкрементальных актантов, выражений, обозначающих конечную точку перемещения или степень изменения параметрического свойства.

Раздел 2.3 «Перфект, эвиденциальность и адмиратив», в котором подразделы 2.3.1-2.3.3 написаны С.Г. Татевосовым, а раздел 2.3.4 — А.Н. Закировой, представляет анализ медиативных глагольных форм, то есть форм, выражающих косвенную засвидетельствованность или адмиративность. В мишарском диалекте это формы синтетического Перфекта, Адмиратива и Репортатива. Отдельно рассматривается адмиратив в контекстах снятой утвердительности: в вопросах, в антецеденте условных предложений, в оптативных высказываниях.

В этой главе не обсуждается семантика неиндикативных финитных глагольных форм — императивных и оптативных (об их морфологических характеристиках см. 1.2.1). Некоторые сведения об их употреблении можно найти в Махмутова 1978: 159-178; см. также Добрушина 2007a, b, где мишарские данные представлены на фоне других тюркских языков.

Весь материал для этой главы опирается на чистопольский говор (идиом с. Татарский Елтан); в разделе 2.2.4 используются также данные идиома с. Кутлушкино.

2.1. Глагольная система, вид, время

2.1.1. Ядро глагольной парадигмы

Ядро видо-временной системы мишарского диалекта образуют Презенс, Претерит, Имперфект, Плюсквамперфект, Футурум 1 и Футурум 2. Эти формы, образованные от глаголов с разными морфологическими и фонологическими типами основ (основа переднего ряда vs. основа заднего ряда; основа на гласную vs. основа на согласную), представлены в Таблице 2.1[1]. Как видно из таблицы, Презенс, Претерит, Футурум 1 и Футурум 2 — синтетические формы, которые образуются от глагольного корня с помощью

[1] В описаниях татарского языка, в первую очередь в ТГ 1993, для обозначения грамматических форм глагола принята иная система терминов. Претериту соответствует Прошедшее категорическое, Перфекту — Прошедшее результативное, Плюсквамперфекту — Преждепрошедшее, Имперфекту — Прошедшее незаконченное, Презенсу — Настоящее, Футуруму 1 — Будущее неопределенное и Футуруму 2 — Будущее категорическое. В настоящей главе мы приняли систему терминов, более характерную для типологической и теоретической литературы.

словоизменительных морфем (см. подробнее 1.2.1). Имперфект, Плюсквамперфект и Будущее в прошедшем — аналитические формы; в их формировании участвует вспомогательный глагол *i-* ‘быть’ в форме Претерита.

Таблица 2.1. Ядро глагольной системы мишарского диалекта

Основа	bar ‘идти’	bir ‘давать’	sana ‘считать’	ešlä ‘работать’
Претерит	*bar-dɤ*	*bir-de*	*sana-dɤ*	*ešlä-de*
Плюсквамперфект	*bar-gan i-de*	*bir-gän i-de*	*sana-gan i-de*	*ešlä-gän i-de*
Имперфект	*bar-a i-de*	*bir-ä i-de*	*san-ɤj i-de*	*ešl-i i-de*
Презенс	*bar-a*	*bir-ä*	*san-ɤj*	*ešl-i*
Футурум 1	*bar-ɤ-r*	*bir-e-r*	*sana-r*	*eslä-r*
Футурум 2	*bar-ačak*	*bir-äčäk*	*sana-jačak*	*eslä-jčäk*
Будущее в прошедшем	*bar-ɤ-r i-de*	*bir-e-r i-de*	*sana-r i-de*	*ešlä-r i-de*

Все формы из Таблицы 2.1, употребляясь как вершина независимого предложения, не маркированы с точки зрения медиативности. Кроме них, в мишарском диалекте, как и в татарском литературном языке, имеются формы, выражающие медиативные значения косвенной засвидетельствованности и адмиративности. Система медиативных форм складывается из синтетического Перфекта и двух серий аналитических форм.

Перфект образуется присоединением показателя *-gan*, например, *bar-gan* ‘оказывается, шел’, *bir-gän* ‘оказывается, дал’ и т.д. Дистрибуция и медиативные интерпретации Перфекта подробно обсуждаются в 2.3, в частности, в 2.3.1. Подпарадигма основных аналитических форм с медиативным значением приводится в Таблице 2.2. Как видно из таблицы, в зависимости от формы вспомогательного глагола *i-* ‘быть’ получается две серии аналитических образований. В одной из серий, которую мы обозначаем как адмиративную, *i-* ‘быть’ выступает в форме Перфекта на *-gan*. Во второй этот же вспомогательный глагол имеет форму Перфекта на *-meš*; образованные с помощью него формы мы называем (весьма, впрочем, условно) репортативными.

Таблица 2.2. Основные медиативные аналитические формы (глагол *bar* ‘идти’)

Форма лексического глагола	Вспомогательные глаголы	
	i-kän (Перфект на *-gan* от вспомогательного глагола *i*)	*i-meš* (Перфект на *-meš* от вспомогательного глагола *i*)
Перфективное причастие	Адмиратив в прошедшем *bar-gan i-kän*	Репортатив в прошедшем *bar-gan i-meš*
Имперфективное деепричастие	Адмиратив в настоящем *bar-a i-kän*	Репортатив в настоящем *bar-a i-meš*
Причастие будущего времени	Адмиратив в будущем *bar-ɤ-r i-kän*	Репортатив в будущем *bar-ɤ-r i-meš*

Адмиративная и репортативная серии структурно параллельны: каждой форме с *ikän* соответствует форма с *imeš* и обратно. Более подробно Адмиратив в прошедшем рассматривается в 2.3.2.2, Репортатив в прошедшем — в 2.3.2.3, а Адмиратив и Репортатив в настоящем и будущем — в 2.3.3.

В Таблицах 2.1-2.2 показано в общей сложности восемь аналитических форм, каждая из которых образована с помощью вспомогательного глагола *i-* ‘быть’. Полная система аналитических форм мишарского диалекта, однако, существенно больше (см. 1.2.1.8). Кроме *i-* ‘быть’, в их образовании могут участвовать глаголы *bula* ‘быть, стать’, а также, согласно описаниям литературного татарского языка, *tɤra* ‘стоять, вставать’ в различных комбинациях. Все они составляют значительную по объему парадигму, а их интерпретация в целом композициональна. Например, любая аналитическая форма с Перфектом вспомогательного глагола *bula* ‘быть, стать’ выражает значение косвенной засвидетельствованности, как, например, в *sukalɤj turačak bulgan* ‘говорят, собирался всё время спать’.

Грамматический статус форм такого рода, однако, довольно неочевиден. По-видимому, они слабо грамматикализованы, выражают периферийные видо-временные значения, отличаются низкой частотностью и практически не встречаются ни в спонтанном дискурсе, ни в переводах русских целевых предложений. Не имея возможности обсуждать семантику этих форм сколько-нибудь подробно, мы отсылаем читателя за дополнительными подробностями к ТГ 1993: 126-136. Здесь мы ограничимся лишь коротким комментарием по поводу двух форм, засвидетельствованных в некотором количестве в нашем корпусе текстов. Они показаны в (2.1)-(2.2):

(2.1) sufijä apa bik **kurk-kan** **bul-a**, tel-sez kal-a.
Суфия тетя очень **бояться-PFCT** **AUX2-ST.IPFV** язык-CAR оставаться-ST.IPFV

*Суфия-апа очень **испугалась**, (аж) онемела* [= осталась без языка]. (=T8:15)

(2.2) keše-lär patša-ga služit$_j$ it-kän-e ečen patša-dan ǯir
человек-PL царь-DAT служить делать-PFCT-3 ради царь-ABL земля

al-a **tɤr-gan** **bul-gan-nar**.
брать-ST.IPFV **вставать-PFCT** **AUX2-PFCT-PL**

*За то, что люди служили царю, (они) от царя **брали** землю.* (=T1:2)

В (2.1) используется форма, состоящая из перфективного причастия глагола ‘пугаться’ и Презенса вспомогательного глагола *bula* ‘быть’. Она засвидетельствована исключительно как элемент нарративной последовательности и, по всей видимости, представляет собой нарративный аналог Плюсквамперфекта.

Основное нарративное время в татарском языке — настоящее (о других способах оформления нарратива см. 2.3.2). При переходе к нарративному режиму любой глагольной форме с временной референцией к прошлому сопоставляется ее презентный аналог. Для Претерита, например, это Презенс, как показано в (2.3)-(2.4).

(2.3) Речевой режим
marat **kil-de**.
Марат **приходить-PST**

*Марат **пришел**.*

(2.4) Нарративный режим
marat **kil-ä**, …
Марат **приходить-ST.IPFV**

*Марат **пришел**, ….*

Для аналитических форм с вспомогательным глаголом *i-* ‘быть’ в Претерите нарративный аналог должен был бы содержать вспомогательный глагол в Презенсе. Глагол *i-* ‘быть’, однако, — это глагол с дефектной парадигмой, и Презенс от него не образуется. Отсутствующую морфологическую возможность и восполняет *bula* — форма Презенса другого вспомогательного глагола с похожей семантикой (в (2.5) несуществующая форма Презенса для *i-* ‘быть’ показана как **i-μ)*.

(2.5) Речевой режим Нарративный режим

bar-gan	i-de	bar-gan	*i-μ	‖ OK	bul-a
идти-PFCT	AUX1-PST	идти-PFCT	AUX1-ST.IPFV		AUX2-ST.IPFV

(2.2) иллюстрирует форму, состоящую из имперфективного деепричастия лексического глагола *ala* ‘брать’, перфективного причастия глагола *tʁra* ‘стоять, вставать’ и Перфекта вспомогательного глагола *bula* ‘быть’. Форма имеет хабитуальную семантику и, поскольку ее возглавляет вспомогательный глагол в форме Перфекта, относится к медиативной группе (об употреблении медиативных форм в нарративах см. 2.3.2).

Трехэлементные аналитические формы, или аналитические формы второго уровня, в которых задействовано имперфективное деепричастие, поверх которого присоединяется глагол *tʁra* ‘стоять, вставать’, а затем — еще один вспомогательный глагол, в традиционных описаниях фигурируют как прошедшее многократное (см., например, Хисамова 2005). (Правда, самый внешний вспомогательный глагол в прошедшем многократном — это *ide*, тогда как в (2.2) мы видим *bul-gan*, Перфект от *bula* ‘быть’.) С морфологической точки зрения такие формы — элемент парадигмы сериализаций с глаголом *tʁra* ‘стоять, вставать’ (см. 1.2.1.9, 2.2.3 и 5.3), фрагмент которой показан в Таблице 2.3 (форма «прошедшего многократного» выделена подчеркиванием):

Таблица 2.3. Сериализованные предикаты с глаголом *tʁra* ‘стоять, вставать’ (фрагмент)

Смысловой глагол / Вспомогательный глагол	Деепричастие на *-p* *barʁp*	Имперфективное деепричастие *bara*
Претерит *tʁrdʁ*	*barʁp tʁrdʁ*	*bara tʁrdʁ*
Перфект *tʁrgan*	*barʁp tʁrgan*	*bara tʁrgan*
Презенс *tʁra*	*barʁp tʁra*	*bara tʁra*
Имперфект *tʁra ide*	*barʁp tʁra ide*	*bara tʁra ide*
Плюсквамперфект *tʁrgan ide*	*barʁp tʁrgan ide*	*bara tʁrgan ide*
Футурум 2 *tʁračak*	*barʁp tʁračak*	*bara tʁračak*
…	…	…

По всей видимости, идея включить формы типа «прошедшего многократного» *bara tʁrgan ide* (как, вероятно, и его аналога в (2.2)) в состав ядерной глагольной парадигмы отражает интуицию об их большей семантической регулярности, меньшей подверженности лексическим ограничениям и несколько большей частотности, чем большинство других форм из Таблицы 2.3. Мы, однако, не видим серьезных поводов рассматривать формы такого типа как существенный элемент видо-временной системы и, соответственно, не включаем их в основной список, представленный в Таблице 2.1 (см. более подробно 1.2.1.9).

Каждая из форм в Таблице 2.1 может быть независимо охарактеризована по разным параметрам, важнейшие из которых — вид, время и медиативность — мы рассмотрим в последующих разделах.

2.1.2. Вид[2]

Обсуждая видовые характеристики мишарских глагольных форм, мы не возвращаемся к вопросу о статусе вида как грамматической категории в тюркских языках, который многократно поднимался в литературе по этой проблеме, начиная с первопроходческой статьи Б.А. Серебренникова (Серебренников 1958). Как представляется, к настоящему времени достигнуто общее согласие, что говорить об оппозиции совершенного и несовершенного вида в тюркских языках в том же смысле, в котором это принято для русского и родственных ему славянских языков, вряд ли возможно в пределах любой разумной системы допущений. В классических работах Dahl 1985 и Bybee, Dahl 1989 подробно аргументируется, что славянская оппозиция СВ:НСВ представляет собой отклонение от типологически преобладающих видо-временных систем и тот факт, что именно она была принята многими исследователями за эталон видовой системы, — не более чем историческое недоразумение. Принимая все это во внимание, ниже, употребляя термин «вид», мы будем иметь в виду не морфологическую категорию, выраженную в глагольной словоформе, а значение или значения словоформы, которые в современной грамматической семантике принято относить к видовым. Мы исходим из того, что любая глагольная форма может быть охарактеризована в видовых терминах, даже если в ней отсутствует морфологический носитель видового значения и даже если она не входит в оппозицию с какой-либо формой, обладающей отличной видовой характеристикой (см. подробнее Татевосов 2015).

2.1.2.1. Видовые интерпретации

Глагольная форма может иметь одно или более из трех основных видовых значений — актуально-длительное (известно также как прогрессивное и конкретно-процессное значение, см. Маслов 1984, Зализняк, Шмелев 2000), перфективное (другое название — конкретно-фактическое) и хабитуальное. В первых двух случаях предложение имеет эпизодическую интерпретацию — оно описывает единичную частную ситуацию, эпизод существования ее участников: *Вася строит дом, Вода замерзла, Книга немного полежит на столе*. Хабитуальное значение глагольной формы и, соответственно, хабитуальная интерпретация предложения (Krifka *et al*. 1995) вводит в рассмотрение не эпизод, частный случай, а обобщение — утверждение, характеризующее участника ситуации: *Вася знает английский язык, Вася курил, Вася каждый год будет ездить в морской круиз*. Система видовых значений представлена на Схеме 2.1.

[2] Этот раздел опирается на полевые материалы Ю.В. Сироткиной и М.М. Богданкевич, а также на наблюдения и обобщения из Татевосов 2007а, 2015.

Перфективное и актуально-длительное значения отличаются с точки зрения того, как временной интервал, на котором ситуация имеет место, или время ситуации, соотносится с фокусным временным интервалом, относительно которого делается утверждение в данном предложении, или фокусным временем (см. Klein 1994, 1995).

Схема 2.1. Система видовых значений

Актуально-длительное значение имеет место, если фокусное время (время наблюдения) вложено во время ситуации. Эта возможность иллюстрируется предложением (2.6) и Схемой 2.2.

(2.6) daut kil-gän-dä marat **jʏkl-ʏj** **i-de**.
Даут приходить-PFCT-SIM Марат **спать-ST.IPFV** **AUX1-PST**
*Когда Даут пришел, Марат **спал**.*

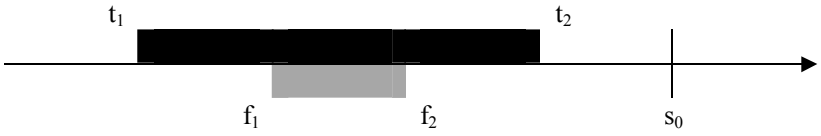

Схема 2.2. Значение прогрессива

Ситуация ‘Марат спит’ занимает в актуальном мире определенный промежуток времени — в некоторый момент t_1 она начинается, в другой момент t_2 завершается, а между t_1 и t_2 имеет место, как показано на схеме 2.2. Однако (2.6) содержит информацию о меньшем промежутке $[f_1, f_2]$, включающем, в частности, интервал, в течение которого осуществилась ситуация, описываемая временным зависимым предложением ‘Когда Даут пришел’. (2.6) сообщает, что в течение промежутка $[f_1, f_2]$ ситуация имеет место, а информация о ее реальных границах t_1 и t_2 в содержание сообщения не включается. Как фокусное время, так и время ситуации предшествуют моменту речи s_0, однако информация о том, как релевантные интервалы локализованы относительно момента речи, — это информация не о видовых свойствах, а о временной референции данной глагольной формы и данного предложения.

Аналогичную интерпретацию имеет предложение (2.7), содержащее форму Презенса сериализованного глагола ‘бежать к говорящему’, букв. ‘приходить бегом’:

(2.7) ber xajwan bu jak-ka taba **čab-ʏ-p** **kil-ä**.
один зверь этот сторона-DAT к **бежать-ST-CONV** **приходить-ST.IPFV**
*Сюда **бежит** какой-то зверь.* (=T14:13)

(2.7) не содержит указания на начало и окончание ситуации ‘Сюда бежит зверь’ и описывает не всю ситуацию целиком, а некоторый ее временной фрагмент. Единственное отличие (2.7) от (2.6) связано с временной референцией: в данном случае момент речи расположен внутри фокусного интервала.

Иначе обстоит дело, если фокусный интервал заключает в себя интервал, занимаемый описываемой ситуацией, как представлено на Схеме 2.3 и проиллюстрировано предложениями (2.8)–(2.9):

Схема 2.3. Перфективное значение

(2.8) minem kilen-em bez-gä mamadɤš jagɤn-nan **teš-te**.
я.GEN сноха-1SG мы-DAT Мамадыш край-ABL **спускаться-PST**
Моя сноха ***приехала*** [= спустилась] *к нам из Мамадышского района.* (=T11:1)

(2.9) beten ʒänlek-lär zur kerpe tiräli älän-e-p **bij-e-de-lär**.
все зверь-PL большой еж вокруг крутиться-ST-CONV **танцевать-ST-PST-PL**
Все звери [кружась] ***(по)танцевали*** *вокруг большого ежа*[3]. (=T15:7)

В (2.8) мы имеем дело с перфективным, или конкретно-фактическим значением: фокусное время [f_1, f_2], о котором идет речь в предложении, включает в себя начало (t_1), развитие и завершение (t_2) ситуации, которая, таким образом, вводится в рассмотрение как единое целое. (Ср. описание перфективного значения в Comrie 1976, которое опирается на идеи классической аспектологии и принято во многих последующих работах.) В (2.8) в момент t_1 сноха отправилась в путь, в момент t_2 прибыла в его конечную точку и в течение интервала [t_1, t_2] была в процессе переезда. В (2.9) момент t_2 — это момент окончания танца всех животных, а t_1 — момент, в который первый зверь начал танцевать вокруг ежа; соответственно, на интервале [t_1, t_2] звери проходили вокруг ежа в танце. Что существенно, и (2.8), и (2.9) включают в себя указание на границы описываемых ситуаций; в частности, сообщается, что точка t_2 достигнута, т.е. что в (2.8) участник ситуации прибыл в место назначения, а в (2.9) — что все звери описали не менее одного круга вокруг ежа и остановились.

Интуитивное различие между (2.8) и (2.9) связано не с видовым значением, которое в обоих случаях описывается в терминах Схемы 2.3, а с акциональным. В (2.8) перфективное значение накладывается на предельный глагольный предикат, и их комбинация

[3] В русском языке функция глаголов совершенного вида в абсолютном большинстве случаев ограничена описанием предельных ситуаций; исключение составляют делимитативы с приставкой *по-* и, с некоторыми оговорками, пердуративы с приставкой *про-* (ср. *постоял*, *простоял*). Именно поэтому мишарские примеры с Претеритом в перфективном значении, описывающие непредельную ситуацию, переводятся на русский язык или делимитативами с *по-*, когда это возможно, как в (2.9), или несовершенным видом.

описывает ситуацию, достигающую кульминации. (2.9) представляет собой соединение перфективного значения с непредельной событийной дескрипцией, и кульминации в этом случае не предполагается. Предельность и другие акциональные характеристики глаголов мишарского диалекта подробно обсуждаются в разделе 2.2.

Третье, хабитуальное, значение существенно отличается от первых двух. И актуально-длительная, и перфективная интерпретация описывает единичную ситуацию в актуальном мире; хабитуальные формы вводят в рассмотрение хабитуальные ситуации — ситуации, которые имеют место постоянно или регулярно, наличие которых рассматривается как характерное свойство некоторого периода времени (ср. Comrie 1976: 27-28) или некоторого индивида.

Одну из разновидностей хабитуального значения демонстрирует (2.10):

(2.10) **ju-a**, **ǯɤj-a**, **bäjl-i**, **čig-ä**, su
мыть-ST.IPFV **убирать-ST.IPFV** **вязать-ST.IPFV** **вышивать-ST.IPFV** вода

kit-e-r-ä, utɤn **taš-ɤj**, äbi-ne
уходить-ST-CAUS-ST.IPFV дрова **тащить-ST.IPFV** бабка-ACC

ju-ɤ-n-dɤr-a, čäč-lär-e-n tar-a-p
мыть-ST-DEPAT-CAUS-ST.IPFV волос-PL-3-OBL.ACC расчесывать-ST-CONV

ür-ä, beten ǯir-ne tärtip-kä **sal-a**.
сплетать-ST.IPFV весь земля-ACC порядок-DAT **класть-ST.IPFV**

{ЛК: Живя в доме бабушки, девочка делает всю работу.} ***Моет***, ***убирает***, ***вяжет***, ***вышивает***, ***ходит*** *за водой, дрова* ***таскает***, *бабушку* ***моет***, *волосы ей расчесывает и (в косичку)* ***заплетает***, *весь дом* [= землю] *в порядок* ***приводит***. (=T13:39)

(2.10) — это утверждение о постоянных свойствах ‘носить воду’, ‘таскать дрова’, ‘мыть бабушку’ и т.д. Это утверждение, далее, представляет собой обобщение, извлеченное из множества единичных ситуаций: если известно, что, например, ситуация ‘девочка принесла воду’ регулярно воспроизводится на неограниченном временном интервале, говорящий имеет все основания заключить, что (2.10) верно. Каждая единичная ситуация, далее, может быть описана этим же глаголом — и тогда мы имеем либо перфективное, либо актуально-длительное значение, охарактеризованные выше.

Другая разновидность хабитуального значения представлена в (2.11):

(2.11) ul čig-ä-r-gä, bäjl-ä-r-gä, teg-ä-r-gä **jarat-kan**.
он вышивать-ST-POT-INF вязать-ST-POT-INF шить-ST-POT-INF **любить-PFCT**

Она ***любила*** *вышивать, вязать, шить.* (=T13:4)

Хотя, как и в (2.10), в рассмотрение вводится постоянное свойство индивида — в данном случае ‘любить’, — мы имеем дело не с множеством ситуаций, а с единичной ситуацией, которая имеет место непрерывно. Утверждение, которое делается в (2.11), — это также обобщение, основанное на наблюдении частных проявлений любви к вышиванию, вязанию и шитью, однако в этом случае каждое из этих частных проявлений не может быть описано какой бы то ни было формой этого же глагола (— *Чем сейчас занята девочка? — *Она любит шить*.). Предикаты типа ‘носить воду’ мы, следуя установившейся традиции (см. Krifka *et al.* 1995, а также литературу, упоминаемую в этой статье),

называем предикатами стадиального уровня, а предикаты типа ‘любить’ — предикатами индивидного уровня. Предикаты стадиального уровня соотносятся с преходящими и претерпевающими изменения положениями вещей, которые не затрагивают идентичность индивида, — ‘быть расстроенным’, ‘сидеть’, ‘строить дом’ и т.д. Они могут описывать как единичные ситуации, так и обобщения, основанные на этих единичных ситуациях, то есть допускают различие между эпизодической и хабитуальной интерпретациями. Напротив, предикаты индивидного уровня описывают сущностные, стабильные свойства индивидов, изменение которых означает качественное изменение самого индивида — ‘быть добрым’, ‘знать английский язык’, ‘верить в существование призраков’ и т.д.; они имеют только хабитуальную интерпретацию и исключают соответствующую эпизодическую.

В славянской аспектологии важную роль играет также общефактическое значение. Под единым ярлыком общефактичности принято группировать весьма семантически разнородные употребления глаголов несовершенного вида — общефактическое результативное, как, например, *Я тебя предупреждал*, общефактическое двунаправленное *Я открывал окно, потому и холодно*, общефактическое нерезультативное — *Я умолял ее вернуться, но тщетно*, и общефактическое непредельное — *Эту девку я любил* (см., например, Зализняк, Шмелев 2000: 26). Выражение этих значений формой несовершенного вида прошедшего времени — частно-языковая особенность русского и нескольких родственных ему славянских языков. В языках, имеющих специализированные формы наподобие английского Перфекта, эти значения частично выражаются именно этими формами.

В татарском языке употребления такого рода закреплены преимущественно за Претеритом — перфективной глагольной формой с временной референцией к прошлому.

В частности, Претеритом выражаются общефактическое результативное и общефактическое двунаправленное значения; в последнем случае допускается также Плюсквамперфект. Рассмотрим (2.12):

(2.12) ul bu kitap-nɤ **uk-ɤ-dɤ**.
он этот книга-ACC **читать-ST-PST**

{ЛК: — Хочу дать твоему брату что-нибудь почитать, но не знаю что. Вот эту книгу он читал? — Да,} *эту книгу он* ***читал***. (TMAQ53[4])

В общефактических предложениях типа (2.12) сообщается, что описываемая ситуация имела место хотя бы однажды[5] на протяжении временного интервала, правой границей которого выступает момент речи, а левая или задается с помощью обстоятельства, или вычисляется контекстно (например, в (2.12) она очевидно не может находиться в прошлом дальше того момента, когда агенс научился читать). В (2.12) предполагается, что ситуация достигла предела, то есть что книга была прочитана, и в этом случае в мишарском диалекте используется не имперфективная форма, как в русском языке, а перфективная — Претерит.

[4] Данные анкеты Э. Даля (Tense-Mood-Aspect Questionnaire, TMAQ) по мишарскому диалекту, использованные в этом разделе, собраны М.М. Богданкевич и Ю.В. Сироткиной.

[5] Отсюда другое название этого значения — экзистенциальное, или экспериенциальное (Dahl 1985).

Похожим образом Претерит используется и в (2.13a):

(2.13) Контекст: А и В у закрытого окна.

a. min täräz-ne **ač-tɤ-m**.
я окно-ACC **открывать-PST-1SG**

{ЛК: — Почему так холодно? Ты открывал окно? — Да,} *я **открывал** окно.* (TMAQ62)

b. min täräz-ne **ač-kan** **i-de-m**.
я окно-ACC **открывать-PART.PFCT** **AUX1-PST-1SG**

{ЛК: — Почему так холодно? Ты открывал окно? — Да,} *я **открывал** окно.* (TMAQ62)

Отличие (2.13) от (2.12) состоит в том, что результат ситуации ‘окно открыто’ в момент речи уже аннулирован. В этом случае носители мишарского диалекта допускают две глагольные формы: Претерит в (2.13a) и Плюсквамперфект в (2.13b). Заметим, что контекст аннулированного результата представляет собой один из наиболее типичных контекстов для плюсквамперфекта в языках мира (см. 2.1.3.1), так что (2.13b) вполне соответствует типологическим ожиданиям.

Претерит употребляется и в контекстах, характерных для общефактического непредельного значения русского несовершенного вида:

(2.14) marat alsu-nɤ **jarat-tɤ**.
Марат Алсу-ACC **любить-PST**

{В молодости} *Марат **любил** Алсу.*

2.1.2.2. Аспектуальные значения основных видо-временных форм

Аспектуальные характеристики основных глагольных форм представлены в Таблице 2.4.

Таблица 2.4. Видовые значения основных глагольных форм мишарского диалекта

Значение / Глагольная форма	Перфективное	Хабитуальное	Актуально-длительное
Претерит	+	+	—
Плюсквамперфект	+	—	—
Имперфект	—	+	+
Презенс	—	+	+
Футурум 1	+	+	+
Футурум 2	+	+	+

Среди этих форм имеются две — Презенс и Имперфект, — которые совмещенно выражают хабитуальное и актуально-длительное значения. Такие формы принято называть и м п е р ф е к т и в н ы м и.

Актуально-длительное и хабитуальное употребления Презенса представлены соответственно в (2.7) и в (2.10). В обоих случаях Презенс описывает ситуации, локализованные в настоящем. Другая имперфективная форма — Имперфект — допускает эти же две интерпретации, иллюстрируемые в (2.15) и (2.16), однако имеет временную референцию к прошлому:

(2.15) ul xat **jaz-a** **i-de**.
он письмо **писать-ST.IPFV** **AUX1-PST**
{ЛК: — Вчера я был у моего брата. — И чем он в этот момент был занят?} — *Он **писал** письмо.* (TMAQ10)

(2.16) ul xat-lar **jaz-a** **i-de**.
он письмо-PL **писать-ST.IPFV** **AUX1-PST**
{ЛК: — Чем твой брат обычно занимался после обеда прошлым летом?} — *Он **писал** письма.* (TMAQ20)

О соответствующих формах татарского литературного языка см. ТГ 1993: 102-104 и 113-116.

Два значения — перфективное и хабитуальное — выражают и формы Претерита. Перфективное значение иллюстрируют предложения (2.8)-(2.9). Хабитуальное представлено в (2.17):

(2.17) marat kɤjar-lar-ga gel su **sip-te.**
Марат огурец-PL-DAT всегда вода **лить-PST**
*Марат огурцы всегда **поливал*** [= огурцам воду лил].

Перфективная интерпретация Претерита предпочтительна; в нулевом контексте, то есть в отсутствие кванторных обстоятельств или предшествующего отрезка дискурса, наводящего идею многократности или постоянности, хабитуальная интерпретация большинством носителей отвергается.

Невозможна для Претерита актуально-длительная интерпретация:

(2.18) marat kɤjar-lar-ga su **sip-te.**
Марат огурец-PL-DAT вода **лить-PST**
1. {ЛК: Когда Даут пришел,} *Марат **полил** огурцы.*
2. *{ЛК: Когда Даут пришел,} *Марат **поливал** огурцы.*

(2.18) допускает единственную интерпретацию — перфективную, при которой ситуация, описываемая главным предложением, начинается, развивается и достигает результата после осуществления ситуации, описываемой временным зависимым предложением. Актуально-длительная интерпретация, при которой зависимое предложение задает фокусный интервал, размещающийся внутри интервала, соотнесенного с главным предложением (‘когда пришел Даут, поливание уже началось, но еще не завершилось’), невозможна.

Плюсквамперфект, как и Претерит, допускает перфективную интерпретацию, иллюстрируемую в (2.19a), но, как показывает (2.19b), не допускает хабитуальную.

(2.19) a. min a-nɤ **ɤčrat-kan** **i-de-m**.
я он-ACC **встречать-PART.PFCT** **AUX1-PST-1SG**
{ЛК: — Ты был знаком с моим отцом? — Да,} *я его (однажды) **встретил**.* (TMAQ43)

b. *min a-nɤ gel **ɤčrat-kan** **i-de-m**.
я он-ACC всегда **встречать-PART.PFCT** **AUX1-PST-1SG**
{ЛК: — Ты был знаком с моим отцом? — Да,} *я его постоянно **встречал**.* (TMAQ44)

Формы будущего времени, Футурум 1 и Футурум 2, допускают все три видовые интерпретации и, тем самым, могут рассматриваться как нейтральные в видовом отношении. Эти возможности иллюстрируются в (2.20a-c) на примере Футурума 2 глагола *jaza* ‘писать’ (Футурум 1 в порядке сокращения опускаем):

(2.20) a. ul xat **jaz-ačak**.
он письмо **писать-FUT**

{ЛК: — Если вы с братом не встретитесь, как он с тобой свяжется?}
— *Он **напишет** письмо.* (TMAQ15)

b. ul xat-lar **jaz-ačak**.
он письмо-PL **писать-FUT**

{ЛК: — Мой брат получил новую работу, завтра первый день выходит. — И что он будет там делать?} — *Он **будет писать** письма.* (TMAQ27)

c. ul xat **jaz-ačak**.
он письмо **писать-FUT**

{ЛК: — Как ты думаешь, чем будет занят твой брат, когда мы придем?}
— *Он **будет писать** письмо.* (TMAQ17)

В (2.20a) представлено перфективное значение, когда в содержание сообщения включается время ситуации целиком, в (2.20b) — хабитуальное значение, и, наконец, в (2.20c) — актуально-длительное значение, предполагающее, что фокусное время представляет собой часть времени ситуации, то есть что в момент прихода говорящего и слушающего описываемая ситуация проходит одну из промежуточных фаз.

О видовых характеристиках медиативных форм см. раздел 2.3.1.

2.1.3. Время

Временные интерпретации основных глагольных форм показаны в Таблице 2.5.

Таблица 2.5. Временные интерпретации основных глагольных форм

Значение / Глагольная форма	Прошлое	Настоящее	Будущее
Претерит	+	—	—
Плюсквамперфект	+	—	—
Имперфект	+	—	—
Презенс	Настоящее нарративное	+	+
Футурум 1	—	(+)	+
Футурум 2	—	—	+

2.1.3.1. Прошлое и настоящее

Как видно из Таблицы 2.5, все формы с временной референцией к прошлому темпорально однозначны; ни одна из них не может интерпретироваться как обозначающая интервал, который содержит в себе момент речи или расположен после него. В (2.21) это иллюстрируется на примере Претерита; с точностью до видовой интерпретации так же ведет себя и Имперфект в (2.22).

(2.21) ul xat **jaz-dɤ**.
он письмо **писать-PST**
*Он **написал** || **пишет* || **напишет* письмо.* (TMAQ14)

(2.22) ul xat **jaz-a** **i-de**.
он письмо **писать-ST** **AUX1-PST**
*1. {Когда я позвонил,} он **писал** письмо.* (TMAQ12)
*2. *Он **пишет** письмо.*
*3. *{Когда я позвоню,} он **будет писать** письмо* [6].

Плюсквамперфекты (см. Pancheva, von Stechow 2004, von Stechow 2009) содержат дополнительный уровень темпоральной структуры, который сдвигает фокусное время на шаг в прошлое («ретроспективный сдвиг»). Так плюсквамперфекты приобретают свое самое известное свойство — описывать ситуации, осуществившиеся до момента или интервала в прошлом, который или задается временными обстоятельствами, или выводится из контекста. Мишарский Плюсквамперфект в этом отношении ведет себя в полном соответствии с типологическими ожиданиями. В (2.23) ситуация, описываемая матричным предложением, осуществляется до ситуации, вводимой временным придаточным.

(2.23) daut kil-gän-dä, marat xat **jaz-gan** **i-de** (inde).
Даут приходить-PFCT-SIM Марат письмо **писать-PFCT** **AUX1-PST** уже
*Когда пришел Даут, Марат (уже) **написал** письмо.*

Еще одно типологически ожидаемое употребление, семантически связанное с первым, иллюстрируется в (2.24):

(2.24) marat xat **jaz-gan** **i-de**.
Марат письмо **писать-PFCT** **AUX1-PST**
*Марат **написал было** письмо* {, а потом сжег}.

(2.24) предполагает, что результирующее состояние ситуации ‘письмо написано’ к моменту речи перестало существовать. Э. Даль (Dahl 1985: 146-148) анализирует употребления плюсквамперфектных категорий, подобные тому, которое мы наблюдаем в (2.24), в терминах закрытого временного интервала в прошлом (past temporal frame), не включающего момент речи (см. также аналогичный анализ в Squartini 1999: 55-58). Говоря неформально, предложения, подобные (2.24), противопоставляют актуальный временной план, включающий момент речи, и неактуальный — временной интервал с правой границей в прошлом, в котором заключена описываемая ситуация. Семантика аннулированного состояния возникает как импликатура. Опираясь на постулаты коммуникации, слушающий интерпретирует эксплицитное указание на то, что результирующее состояние имеет место на интервале, завершившемся в прошлом, как информацию, что оно не простирается за его пределы. Если бы говорящий не имел в виду сообщить что-то подобное, он не выбрал бы Плюсквамперфект, а выбрал бы какую-нибудь другую глагольную форму прошедшего времени, например, Претерит.

[6] Кроме того, Имперфект используется в аподосисе контрфактических условных предложений (‘Если бы не помешали, он написал бы письмо.’). О контрфактических условных предложениях см. 6.1.

В нарративных текстах Плюсквамперфект ожидаемо маркирует клаузы, вводящие фоновую и поясняющую информацию, а также клаузы основной нарративной линии, время которых сдвинуто в прошлое по отношению к основной временной последовательности. Пример последней возможности — предложение (2.25):

(2.25) nɤrlat-tan tawarnɤj wagon belän al-ɤ-p
Нурлатово-ABL товарный вагон с брать-ST-CONV

kit-te-lär, vʲerbofšʲik
уходить-PST-PL вербовщик

kil-gän **i-de**,… bez ik(e) atna
приходить-PFCT **AUX1-PST** мы два неделя

bar-dɤ-k, bar-ɤ-p ǯit-te-k.
идти-PST-1PL идти-ST-CONV достигать-PST-1PL

Из Нурлатова нас увезли в товарных вагонах, вербовщик-то (за этим) ***приезжал****, мы две недели ехали, (но) доехали* [= придя достигли]. (=T3:7)

Этот фрагмент состоит из четырех клауз — ‘из Нурлатова нас увезли в товарных вагонах’, ‘вербовщик-то (за этим) приезжал’, ‘мы две недели ехали’, ‘(но) (мы) доехали’. Первая, третья и четвертая образуют линию нарратива, в которой каждая следующая ситуация имеет место после предыдущей. Вторая клауза, однако, выбивается из этой последовательности (приезд вербовщика происходит до событий основной линии) и закономерно помечается Плюсквамперфектом.

Единственная глагольная форма, которая доступна, если клауза имеет временную референцию к настоящему, — Презенс. Как мы видели выше (см. (2.7), (2.10)), Презенс имеет и актуально-длительную, и хабитуальную аспектуальные интерпретации. Соответствующие примеры мы здесь не повторяем.

Презенс, кроме того, — это основная нарративная форма мишарского диалекта (как и татарского литературного языка). Если русское настоящее нарративное «порождает псевдоканоническую коммуникативную ситуацию, помещая адресата в непосредственный контакт с повествователем», а «вовлечение адресата порождает и тот элемент экспрессии, который отличает форму настоящего нарративного от прошедшего» (Падучева 1996: 289), то у татарского Презенса подобных эффектов не наблюдается. Презенс создает прагматически нейтральный нарратив, лишенный каких-либо стилистических особенностей. Характерный пример — фрагмент в (2.26)-(2.27), представляющий собой небольшое извлечение из волшебной сказки, в котором Презенс оформляет все без исключения финитные предложения.

(2.26) ǯäj-ge matur ber irtä-dä kɤz-ɤ-n-a kärzin
лето-ATR красивый один утро-LOC дочь-3-OBL-DAT корзина

tɤt-tɤr-a da urman-ga **kit-ä-lär**.
держать-CAUS-ST.IPFV EMPH лес-DAT **уходить-ST.IPFV-PL**

Одним прекрасным летним утром (отец) ***дал*** *дочке корзину, и они* ***отправились*** *в лес.* (=T13:11)

(2.27) kil-e-p **ǯit-ä-lär** ätä-se at-ɤ-n agač-ka
приходить-ST-CONV **достигать-ST.IPFV-PL** отец-3 конь-3-OBL.ACC дерево-DAT

bäjl-ä-p **kuj-a** da urman ečen-dä-ge
привязывать-ST-CONV **класть-ST.IPFV** EMPH лес внутри-LOC-ATR

alan-ga ker-e-p **kit-ä-lär**.
поляна-DAT входить-ST-CONV **уйти-ST.IPFV-PL**

Приехали [= придя, достигли], *отец* ***привязал*** [= привязав, положил] *коня к дереву, и (они)* ***зашли*** *на поляну, (находившуюся) среди леса.* (=T13:12)

2.1.3.2. Будущее

2.1.3.2.1. Три формы. Наибольший интерес представляют формы с временной референцией к будущему[7]. Таких форм в мишарском диалекте три — Презенс, Футурум 1 и Футурум 2. Они иллюстрируются примерами из TMAQ в (2.28)-(2.30).

(2.28) ul xat **jaz-a-r**.
он письмо **писать-ST-POT**

{ЛК: — Как ты считаешь, что сделает твой брат, если ты к нему не приедешь?}
— *Он* ***напишет*** *письмо.* (TMAQ15)

(2.29) ul xat-lar **jaz-ačak**.
он письмо-PL **писать-FUT**

{ЛК: — Мой брат устроился на работу. — И чем он будет заниматься?}
— *Он* ***будет писать*** *письма.* (TMAQ27)

(2.30) ul sumka-ga taš sal-sa-ŋ, **ezel-ä**.
этот сумка-DAT камень класть-COND-2SG **рваться-ST.IPFV**

Если положишь камень в эту сумку, (она) ***порвется****.* (TMAQ79)

Примеры (2.28)-(2.30) представляют собой первую реакцию носителей на стимульный материал. Это показывает, что в контекстах с временной референцией к будущему допускаются два Футурума и Презенс. Возникает, однако, вопрос о том, какова их дистрибуция и чем она обусловлена.

Л.Т. Махмутова (Махмутова 1978: 145) отмечает, что форма Футурума 2 («Будущее категорическое») для мишарского диалекта нехарактерна, однако делает исключения для сергачского и чистопольского говоров (то есть ровно тех, на которые опирается наше описание). В исследованных нами идиомах Футурум 2 действительно засвидетельствован, хотя, по всей видимости, и здесь можно говорить о его более низкой частотности, чем в среднем в татарском языке. По данным письменного корпуса татарского языка (http://corpus.tatar/), среди форм будущего времени на Футурум 1 («Будущее неопределенное») приходится 43% токенов, остальное — употребления Футурума 2. В нашем корпусе мишарских текстов Футурум 2 не встречается вовсе (Футурум 1 — 15 токенов), а в TMAQ соотношение составляет два Футурума 2 на семь Футурумов 1. Тем не менее Футурум 2 свободно понимается и спонтанно порождается носителями.

---

[7] Мы искренне признательны А.М. Галиевой за содержательное и глубокое обсуждение материала татарских будущих времен.

В описаниях татарского языка сформулированы определенные интуиции о семантических различиях Футурума 1 и Футурума 2. В.Н. Хисамова (Хисамова 2005), например, отмечает, что «Будущее неопределенное… выражает объективное действие в будущем», имеет «синтагматическое значение предположительности будущего действия» и «может выражать также оттенки модальных значений возможности и императивности». Напротив, «будущее категорическое время… языка выражает будущее действие с модальным значением категоричности» и «в зависимости от контекста может передавать значение долженствования». В ТГ 1993: 121-123 указывается, что «значением формы будущего неопределенного времени является выражение действия, следующего за моментом речи, нейтрального в модальном отношении» (например: *алырмын* ‘я возьму’)», тогда как «значением формы будущего категорического времени является выражение действия, следующего за моментом речи и сопровождаемого значением категоричности (например: *алачакмын* ‘я непременно возьму’)». То, что Презенс «широко употребляется в значении будущего категорического времени» в мишарском диалекте, отмечает Л.Т. Махмутова (Махмутова 1978: 143).

Описания такого рода оставляют, однако, не полностью решенными две проблемы. Во-первых, понятия, на которые они опираются («модальное значение категоричности», «объективное действие» и т.п.), слишком нечетки, чтобы с их помощью можно было выстроить теорию, предсказывающую дистрибуцию футуральных граммем. Во-вторых, сама эта дистрибуция, как отметил Э. Даль (Dahl 2000: 317), говоря об аналогах тюркских будущих времен в европейских языках, слишком далека от «структуралистского идеала, когда система характеризуется четкими оппозициями и простыми соотношениями значений». Последняя проблема проявляется в том, что системы типа мишарской практически никогда не дают исследователю возможности построить минимальные пары, в которых исследуемые формы обнаруживали бы явный семантический контраст.

2.1.3.2.2. Типология будущего. Затруднение, на которое указывается в конце предыдущего раздела, присуще далеко не только татарской системе будущих времен. Вероятно, именно из-за него один из самых масштабных и подготовленных проектов в области типологического исследования будущего времени — исследование грамматических показателей в языках Европы в рамках программы Eurotyp — принес более чем скромные результаты (см. Dahl (ed.) 2000). Было выявлено несколько «семейств» грамматических показателей с временной референцией к будущему, но сделано на удивление мало обобщений по поводу их семантики. Исследование опиралось на анкетную методологию, впервые успешно опробованную в Dahl 1985; для сбора материала по временным системам европейских языков авторы использовали «Анкету по временной референции к будущему» (Future Time Reference Questionnaire, FTRQ).

Основные семантические параметры, которыми оперировали исследователи, называются к о г н и т и в н а я б а з а и в р е м е н н а я у д а л е н н о с т ь. Когнитивная база — это эпистемическое основание для утверждения о ситуации в будущем. Согласно Dahl 2000, этот параметр принимает три значения:

(2.31) а. Утверждение опирается на намерение говорящего участвовать в описываемой ситуации (1st person intention).

b. Утверждение опирается на информацию о намерении агенса участвовать в описываемой ситуации (3rd person intention).
c. Утверждение не опирается на информацию о намерениях и представляет собой чистое предсказание (prediction).

Временная удаленность, или временная дистанция, — это расстояние от фокусного времени в будущем до дейктического центра (в независимом предложении — момента речи). В системе Э. Даля этот параметр принимает четыре значения:

(2.32) a. 'Немедленно'
b. 'Сегодня вечером'
c. 'Завтра'
d. 'В более удаленном будущем'

Большинство предложений FTRQ представляет собой комбинацию значений обоих параметров. Несколько примеров показано в (2.33)-(2.35).

(2.33) (2.31a) + (2.32a):
Говорящий о своих ближайших планах:
Я ЕХАТЬ в город. (FTRQ37)

(2.34) (2.31b) + (2.32b):
Говорящий о планах третьего лица на вечер:
Он ПИСАТЬ письмо. (FTRQ57)

(2.35) (2.31c) + (2.32c):
Мой брат очень устал.
Он завтра поздно ПРОСНУТЬСЯ. (FTRQ44)

Изучив системы временной референции к будущему, авторы обнаружили в европейских языках примерно ту же картину, которую мы видим в мишарском диалекте: несколько конкурирующих категорий, отсутствие строгих запретов и некоторые более или менее (чаще менее) отчетливые статистические предпочтения.

Например, во французском языке представлены три категории, которые могут описывать ситуации в будущем: синтетическое будущее время (такое, как *je travaillerai* 'я буду работать'), конструкция с глаголом *aller* (например, *il va travailler* 'он будет работать') и настоящее время (*je travaille*). Выяснилось, что синтетическое будущее в контекстах типа (2.32d) («более отдаленное будущее») примерно в 10 раз более частотно, чем конструкция с *aller*. В контекстах типа (2.32a) частотность этих форм различается в шесть раз, но уже в пользу *aller*. Настоящее время показывает трехкратный перевес (2.32a) по сравнению с (2.32d). По параметру «когнитивное основание» картина складывается менее отчетливая. У синтетического будущего предиктивные, (2.31c), и интенциональные, (2.31a) + (2.31b), употребления распределены примерно поровну; у *aller* несколько выделяется (2.31b), а у настоящего времени — (2.31a).

Выявление таких тенденций и закономерностей, безусловно, крайне важно. Однако из них, к сожалению, вытекает крайне мало семантических обобщений в строгом смысле. Предположим, что формы типа *je travaillerai* и *il va travailler* во французском языке —

это нечеткие категории, с размытой периферией и более плотным семантическим ядром. Для *je travaillerai*, в частности, ядро образуют предсказания об удаленных ситуациях в будущем, а для *il va travailler* — описание ближайших намерений агенса, отличного от говорящего (см. Dahl 2000: 316). Вопрос, который остается без ответа в этом месте: что обусловливает присутствие в ядре именно такой комбинации значений двух логически независимых параметров?

Есть соблазн пуститься в псевдосемантические рассуждения: удаленное будущее менее подвержено планированию, поэтому, когда мы говорим о нем, мы подаем наше высказывание как чистое предсказание, а не как изложение наших собственных намерений или намерений третьих лиц. Но если бы это было так просто, действие этого принципа прослеживалось бы в дистрибуции любой категории с временной референцией к будущему более или менее в любом языке. Между тем, по всей видимости, это не так. Испанское синтетическое будущее по параметру (2.31) похоже на французское: оно имеет приблизительно такое же частотное распределение предиктивных и интенциональных контекстов. Однако с точки зрения временной дистанции оно предпочитает (2.32b) и (2.32c), а в контекстах (2.32d) его частотность, напротив, значительно падает (см. Dahl 2000: 315-318).

Становится ясно, что описание футуральных грамматических показателей, к которому подводит нас методология с двумя параметрами, распределенными по предложениям FTRQ, упускает какие-то существенные семантические обобщения.

Примечательно, что в Dahl 2000 вовсе не упоминается тот параметр, который стоит за описаниями различия татарских будущих времен в тюркологической литературе, а именно: параметр «категоричности» или «неопределенности». Этот параметр явно имеет модальную природу, однако сделать его эксплицитным крайне трудно. Связана ли категоричность с эпистемической оценкой вероятности пропозиции, с ее ожидаемостью или с каким-то еще модальным понятием? Понимая модальность как квантификацию по возможным мирам (см. внушительную литературу по предмету, в первую очередь Portner 2009 и Kratzer 2012), должны ли мы анализировать будущее как квантор всеобщности, квантор существования или, возможно, как квантор типа *большинство*? Если будущее — это модальный оператор, то какова модальная база и упорядочивающее множество для этого оператора? Как модальность соотносится с идеей намеренности, которой оперируют параметры в (2.31)? Э. Даль и его коллеги не обсуждают эти вопросы (вероятно, предполагая, что «категорическая модальность», о которой толкуют грамматики, или сводима к намеренности, или по крайней мере выводима из нее). Попытаемся предложить анализ мишарских форм с референцией к будущему, хотя бы частично отвечающий на эти вопросы.

2.1.3.2.3. Семантика будущего. Последовательный модальный анализ системы показателей временной референции к будущему в теоретико-модельных терминах предлагается в Copley 2009, самой полной и формальной из известных нам на сегодня семантических теорий будущего времени. Теория Б. Копли опирается преимущественно на материал английского языка, однако обсуждаются и турецкие данные, имеющие к нашему сюжету более непосредственное отношение.

Минимально входя в детали, мы изложим общие идеи этой теории. Б. Копли различает два типа категорий — собственно «футурумы» (futures) и «футуроиды» (futurates). В английском языке к последней категории относятся употребления прогрессива и простого настоящего, иллюстрируемые в (2.36) и (2.37). В русской традиции и те и другие обычно называются настоящим запланированного будущего.

(2.36) John is working tomorrow.
Джон завтра работает.

(2.37) John works tomorrow.
Джон завтра работает.

Английские футурумы также распадаются, согласно Б. Копли, на две разновидности, представленные в (2.38)-(2.39). В известной русскому типологически-ориентированному читателю терминологии (2.38) часто называется проспективом.

(2.38) John is going to work tomorrow.
Джон собирается завтра работать.

(2.39) John will work tomorrow.
Джон будет завтра работать.

Все четыре иллюстрируемых в (2.36)-(2.39) способа описания ситуации в будущем имеют общий семантический компонент. Это модальный оператор, который Б. Копли обозначает как ALL_b. Его функция — универсальная квантификация по возможным мирам. Оператор устанавливает отношение между четырьмя объектами — временным интервалом, возможным миром, предикатом над возможными мирами и сущностью, которая называется Повелитель (director). ALL_b показан в (2.40), где используется несколько более неформальный метаязык, чем в исходном тексте Б. Копли.

(2.40) Предложение вида $ALL_b(d)(q)$ истинно в мире w на интервале t тогда и только тогда, когда в любом мире w', метафизически доступном из мира w на интервале t и совместимом с обязательствами Повелителя d в мире w на интервале t, имеет место $q(w')$.

(2.40) содержит два существенных понятия: П о в е л и т е л ь и м е т а ф и з и ч е с к и д о с т у п н ы й м и р. Понятие метафизически доступного мира просто: для любого мира w и интервала t метафизически доступны все миры, которые идентичны миру w по t не включительно. Иными словами, для любого мира метафизически доступны те миры, которые разделяют с ним прошлое, но, возможно, различаются будущим.

(2.40) — общий элемент предложений в (2.36)-(2.39). Любое высказывание о будущем, согласно Б. Копли, — это высказывание о метафизически доступных мирах. Например, (2.36)-(2.39) истинны в нашем мире в 15:32 8 июня 2017 года, если в мирах, идентичных нашему до этого момента, Джон работает на некотором интервале, расположенном внутри 9 июня 2017 года.

К (2.40) прилагается пресуппозиция в (2.41):

(2.41) Повелитель направляет пропозицию p в мире w на интервале t.

(2.41) раскрывается в определении (2.42):

(2.42) Повелитель направляет пропозицию *p* в мире *w* в момент *t* (где пропозиция — это множество миров), если и только если с точки зрения истинности *p* множество метафизически доступных миров, в которых всё происходит в соответствии с волей Повелителя в *w* и *t*, совпадает с множеством всех метафизически доступных миров.

Согласно (2.42), метафизически доступные миры, которые подвергаются квантификации с помощью модального элемента ALL_b, и миры, в которых реализуются желания Повелителя, — это одни и те же миры. Иными словами, Повелитель обладает способностью сделать метафизически доступные миры такими, какими он хочет их видеть. Например, когда начальник говорит подчиненным предложение (2.36), он исходит из того, что будущее зависит от его воли (и что подчиненные знают это).

Повелитель может быть ясен из контекста, но может и совпадать с актантом предиката. Наиболее естественное понимание (2.36) — с контекстно-зависимым повелителем. Но (2.36) с равным успехом описывает и ситуацию, в которой все происходит в соответствии с планами и предначертаниями агенса.

Повелитель фигурирует не только в пресуппозиции в (2.41), но и в ассертивной части модального оператора в (2.40). Первая требует, чтобы Повелитель был в состоянии обеспечить реализацию своих желаний во всех метафизически доступных мирах. Вторая гарантирует, что у Повелителя есть нацеленность на то, чтобы так и произошло.

Повелитель, согласно Б. Копли, имеет две ипостаси: это или одушевленный агенс, наделенный волей и способностью к целеполаганию, или то, что можно обозначить как порядок вещей. Предложения (2.36)-(2.39) и (2.44a) при наиболее естественном понимании соответствуют первой возможности. Примеры второй возможности показаны в (2.43) и (2.44b):

(2.43) The meteorite impacts tomorrow at 5:13 a.m.
Метеорит столкнется с Землей завтра в 5:13 утра.

(2.44) I think that I will go to Harvard Square tomorrow…
Я думаю, что пойду завтра на Гарвард-сквер…

a. …I've been meaning to get some shopping done.
Была мысль заняться легким шопингом.

b. …that's just the kind of thing I might do.
Случается со мной такое.

Уверенность говорящего в том, что ситуация в будущем осуществится, может происходить из двух источников, подытоживает Б. Копли (Copley 2009: 61). Один источник — информация о том, что некто (возможно, агенс, возможно, другое лицо, возможно, он сам) способен обеспечить реализацию события и имеет намерение или обязательства сделать это. Другой источник — знания о том, что ситуация в будущем обусловлена имманентными свойствами мироздания. Нетрудно увидеть, что такой анализ очень близок к идеям Э. Даля о том, что все множество футуральных контекстов распадается

без остатка на интенциональные и предиктивные. Интенциональное будущее Э. Даля — это будущее с одушевленным Повелителем у Б. Копли. Предиктивное будущее — это когда Повелитель представляет собой естественный порядок мироздания.

Мы перечислили семантические компоненты, которые (иногда с несущественными нюансами) Б. Копли полагает общими для всех типов предложений, описывающих будущее. С чем связаны различия?

Различия внутри футурумов (т.е. между *will* и *be going to*) и футуроидов (т.е. между простым настоящим и прогрессивом) сводимы, полагает Б. Копли, к аспектуальности. Ее аргумент, касающийся футурумов, строится вокруг ограничения, иллюстрируемого в (2.45):

(2.45) Контекст: Профессор обращается к студентам в конце семинара:
— Граждане, а кто теперь сварит нам всем кофе?
Один из студентов проявляет инициативу:

a. I will make coffee.
Я сварю кофе. {a=b}

b. #I am going to make coffee.

(2.45a) — это п р е д л о ж е н и е говорящего возложить на себя варку кофе. (2.45b), с другой стороны, — не предложение и вообще не ответ на запрос профессора. Это информация о том, что запрос был излишним, поскольку говорящий планирует варить кофе независимо от этого. Речевой акт предложения, таким образом, возможен с *will*, как в (2.45a), но невозможен с *be going to* в (2.45b).

Объяснение Б. Копли складывается из двух компонентов: условий уместности речевого акта предложения и того обстоятельства, что (2.45b) — это форма прогрессива.

Вот условия уместности. Во-первых, любое предложение (‘давай я сделаю для тебя *q*’) уместно постольку, поскольку слушающий хочет, чтобы имело место *q*. Клауза, выражающая предложение, таким образом, имеет (чаще всего непроизносимый) условный компонент:

(2.46) Если ты хочешь *q*, я сделаю *q*.

Во-вторых, предложение не навязывается слушающему помимо его воли. Кроме (2.46), должно выполняться условие в (2.47):

(2.47) Если ты не хочешь *q*, я не сделаю *q*.

В (2.46) говорящий сообщает: во всех метафизически доступных мирах, в которых ты хочешь, чтобы имело место *q*, по моей воле будет *q*. В (2.47) утверждается: в тех мирах, в которых ты хочешь, чтобы было $\neg q$, по моей воле будет $\neg q$.

Важная интуиция носителей английского языка состоит в следующем: (2.45a) совместимо и с (2.46) и с (2.47). Однако (2.45b) и (2.47) ощущаются как несовместимые (или, по крайней мере, как некогерентные) утверждения. Понять, почему это так, помогает второй, аспектуальный компонент теории.

Согласно предположению Б. Копли, в форме с *be going to* поверх модального оператора ALL_b применяется оператор прогрессива. Форма с *will* содержит только ALL_b. Это показано в (2.48a-b):

(2.48) a. be going to ≡ [… [… PROG [… ALL_b […]]]]

b. will ≡ [… [… [… ALL_b […]]]]

Семантика предложения с *will*, соответственно, получается применением оператора ALL_b к пропозиции ‘я сварил кофе’. В результате получается (2.49):

(2.49) Предложение (2.45a) истинно в мире *w* на интервале *t* тогда и только тогда, когда в любом мире *w′*, метафизически доступном из мира *w* на интервале *t* и совместимом с обязательствами Повелителя *d* в мире *w* на интервале *t*, имеет место ситуация ‘я сварил кофе’.

Семантика предложения (2.45b) получается, согласно предположению, дополнительным применением оператора прогрессива. Б. Копли (Copley 2009: 50) использует немодальную версию этого оператора.

(2.50) Пропозиция PROG *q* истинна в мире *w* на интервале *t*, если пропозиция *q* истинна в этом же мире на интервале *t′*, $t \subset t'$ и *t* — неначальный подынтервал *t′*.

В рассматриваемой конфигурации роль *q* играет пропозиция в (2.49), которая получается соединением модального оператора ALL_b со своими аргументами: пропозицией ‘я сварил кофе’ и агенсом в качестве Повелителя, а также миром *w* и интервалом *t*. Применяя (2.50) к (2.49), мы получаем следующее описание значения предложения (2.45b):

(2.51) Предложение (2.45b) истинно в мире w на интервале *t* тогда и только тогда, когда в мире *w* имеется интервал *t′*, $t \subset t'$ и в любом мире *w′*, метафизически доступном из мира *w* на интервале *t′* и совместимом с обязательствами Повелителя *d* в мире *w* на интервале *t′*, имеет место ситуация ‘я сварил кофе’.

Сравним два множества миров, подвергающихся квантификации в (2.49) и (2.51). И в том и в другом случае во всех квантифицируемых мирах имеет место ситуация ‘я сварил кофе’. Однако в (2.51) квантификации с помощью ALL_b подвергается большее множество миров, чем в (2.49).

Действительно, в (2.51) ALL_b оперирует на большем интервале, чем в (2.49). Согласно определению прогрессива в (2.50), этот больший интервал с необходимостью начинается раньше. Следовательно, у миров, по которым происходит квантификация в (2.51), более короткое общее прошлое. Более короткое общее прошлое означает больше метафизических альтернатив. Это показано на Схемах 2.4 и 2.5, где альтернативы изображаются как ветвящиеся линии:

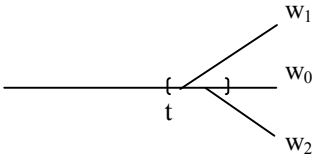

Схема 2.4. Значение (2.45a)

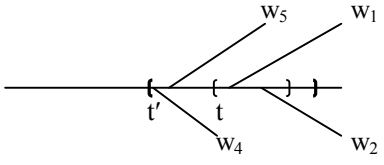

Схема 2.5. Значение (2.45b)

До объяснения несовместимости предложения (2.45b) с утверждением в (2.47) остается один шаг. (2.45b) имеет логическую структуру (2.52) (непроизносимая условная клауза сделана в ней эксплицитной):

(2.52) $p(w)(t) = 1 \Rightarrow PROG\ (ALL_b(d)(q)(w)(t))$
где p = ‘ты хочешь, чтобы я сделал кофе’, а q = ‘я сделал кофе’

Условие (2.47) применительно к интересующему нас предложению имеет структуру, представленную в (2.53):

(2.53) $\neg p(w)(t) = 1 \Rightarrow ALL_b(d)(\neg q)(w)(t)$

Возьмем мир w и интервал t, где $p(w)(t) = 1$. Для w и t нет метафизически доступных миров, где $\neg p$: с точки зрения p они все должны быть устроены одинаково. $\neg p$ метафизически доступно только в прошлом по отношению к t, как показано на Схеме 2.6. В прошлом у мироздания были возможности развиваться по линии $\neg p$, но после того, как наступило p, они, естественно, закрылись.

Теперь предположим, что (2.52) в целом истинно в мире w на интервале t и, следовательно, PROG $ALL_b(d)(q)(w)(t)$ истинно в w и t. Согласно (2.50), в этом случае в w есть интервал t', $t \subset t'$, такой, что все миры, метафизически доступные на этом интервале — это миры, в которых верно q. Это показано на Схеме 2.7.

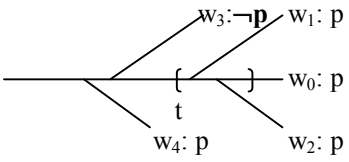

Схема 2.6

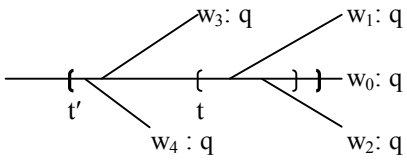

Схема 2.7

Но поскольку t' простирается в прошлое, в котором $\neg p$ метафизически доступно, среди q-миров, о которых идет речь, могут оказаться $\neg p$-миры. Это показано на Схеме 2.8, которая представляет собой своего рода контаминацию Схем 2.6 и 2.7:

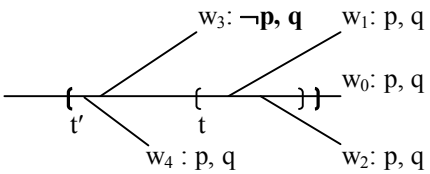

Схема 2.8

В этом случае, однако, оказывается, что (2.47) не выполняется. (2.47) требует, чтобы все релевантные $\neg p$-миры были $\neg q$-мирами, однако на Схеме 2.8 это не так: требование нарушается для мира w_3, который, будучи $\neg p$-миром, тем не менее оказывается q-миром.

В переводе на русский язык это означает следующее. Чтобы осуществился речевой акт предложения ‘я сварю кофе’, должны выполняться два условия: ‘я сварю кофе, если ты хочешь этого’ и ‘я не сварю кофе, если ты не хочешь этого’. Однако выбор формы с *be going to* нарушает второе условие. Выбирая эту форму, говорящий сообщает: я сварю кофе (q) и в том случае, если ты хочешь этого (p, миры w_0-w_2, w_4 на Схеме 2.8), и в том случае, если ты не хочешь этого ($\neg p$, мир w_3).

Это объясняет, почему *be going to* звучит аномально в качестве предложения. Согласно Б. Копли, контекст этого типа — едва ли не единственный, где дистрибуция *will* и *be going to* близка к дополнительной.

Несколько слов о том, чем различаются футурумы в целом и футуроиды в целом ((2.38)-(2.39) vs. (2.36)-(2.37)). Самая яркая отличительная черта футуроидов (о которой, правда, Б. Копли пишет вскользь и которую она не анализирует) — то, что у них есть ограничение, которого нет у футурумов. Оно иллюстрируется контрастом в (2.54)-(2.55):

(2.54) a. *It is raining tomorrow.
Завтра идет дождь. {a=b}

b. *It rains tomorrow.

(2.55) a. It is going to rain tomorrow.
Завтра собирается дождь.

b. It will rain tomorrow.
Завтра будет дождь.

(2.54) предлагает принять к сведению, что мир устроен так, будто в нем есть инстанция, от воли которой зависит, будет ли завтра дождь. Поскольку здравый смысл подсказывает нам, что на самом деле такой инстанции нет, (2.54a-b) звучат как семантически аномальные. В (2.55a-b) аналогичного эффекта не возникает.

Вопрос о том, за счет чего возникает различие между футурумами и футуроидами, которое мы видим в (2.54)-(2.55), сопротивляется быстрым и простым ответам. В частности, неверен самый напрашивающийся ответ: завтрашний дождь, в отличие, скажем, от завтрашней работы, нельзя запланировать. Говоря словами Б. Копли, (2.54a-b) не могут быть неприемлемы потому, что в нашем мироздании невозможен такой Повелитель, который направляет пропозицию ‘Завтра будет дождь’. Падение метеорита в (2.43) невозможно запланировать в той же степени, что и дождь, однако проблемы с Повелителем не возникает. Дело в том, заключает Б. Копли, что за падение метеорита отвечают регулярные, систематические, законоподобные аспекты мироздания: зная координаты метеорита, его массу, скорость и т.д., мы можем с точностью предсказать время и место падения. Дождь, напротив, зависит от случайных, однократных, невоспроизводимых от ситуации к ситуации обстоятельств.

Эти соображения кажутся интуитивно убедительными, однако сделать эту интуицию эксплицитной крайне трудно, и в Copley 2009 такая попытка даже не предпринимается. В Copley 2014 Б. Копли подходит к проблеме с другой стороны — со стороны структуры каузальной цепочки, связывающей ситуацию из экстенсионала предиката и некоторое другое положение дел. Не имея возможности обсуждать это подробно, мы отсылаем читателя к первоисточнику.

Идеи, высказанные в Copley 2014, отчетливо перекликаются с более ранней работой Vet 1994, использующей метаязык теории репрезентации дискурса. Теория предполагает трехчленное противопоставление, определяемое следующими двумя параметрами:

(2.56) a. Наличие в актуальном мире ситуации,
которая каузирует ситуацию из экстенсионала предиката.
b. Временная локализация такой ситуации в прошлом или настоящем.

Система будущих времен, соответственно, принимает следующий вид:

(2.57) Каузирующая ситуация локализована в прошлом: футуроиды
Каузирующая ситуация локализована в настоящем: *be going to*
Информация о каузирующей ситуации не входит в содержание пропозиции: *will*

Когда говорящий использует футуроиды («настоящее запланированного будущего») типа (2.43), утверждение о ситуации *e* в будущем опирается на знание о ситуации *e′*, которая имела место до момента речи и которая должна повлечь за собой *e*, если естественный ход событий не будет нарушен. Форма *be going to* (проспективное будущее) предполагает, что утверждение о ситуации *e* в будущем опирается на знание о ситуации *e′*, которая имеет место в момент речи и которая должна повлечь за собой *e*, если естественный ход событий не будет нарушен. Проспектив и запланированное будущее, таким образом, различаются временной локализацией каузирующей ситуации. Если же сама каузирующая ситуация не включается в содержание сообщения, мы имеем дело с предиктивным будущим в чистом виде: утверждение о ситуации *e* в будущем опирается на общие знания, логику, интуицию, но не на знание о какой-либо реальной ситуации, которая имела место до или имеет место в момент речи.

В теории такого типа проспективы и футуроиды образуют естественный класс по одному параметру: в момент речи имеет место некоторое положение вещей, ведущее к возникновению события из экстенсионала предиката. Для проспектива это верно непосредственным образом, для футуроидов более опосредованным. Если каузирующая ситуация осуществилась вчера, а каузируемая последует завтра, в момент речи в физическом мире может вовсе ничего не происходить. Тем не менее в любой временной точке верно, что мир становится ближе к реализации описываемой ситуации — просто в силу течения времени. Объединение тех и других в естественный класс отражается в интуитивных суждениях носителей. Носители обычно не испытывают затруднений с тем, чтобы оценить истинность футуроидов и проспективов применительно к моменту речи. Суждения о предиктивном будущем значительно более затруднены: многие носители отказываются охарактеризовать такие предложения как истинные или ложные в момент речи.

2.1.3.2.4. Некоторые обобщения. Совершив этот длительный и отнюдь не исчерпывающий экскурс в область семантических исследований футуральности в языках, далеких от мишарского диалекта, мы можем вернуться к мишарским данным. Вывод, который нам предстоит сделать, однако, не слишком утешителен: эти данные не укладываются явным образом в те семантические противопоставления, которые обсуждались выше. Тем не менее они несколько сужают диапазон открытых возможностей, позволяя исключить значительную часть из них как эмпирически неадекватную.

2.1.3.2.4.1. Презенс и футуроидность. Исходя из того, что в крупных языках Европы презенсы могут функционировать как футуроиды, но не как футурумы, сходного поведения можно было бы ожидать от мишарского Презенса.

Презенс действительно возможен в футуроидных контекстах, в частности, в контекстах с агентивным Повелителем в терминах Б. Копли. Эта возможность показана в (2.58):

(2.58) Контекст: Начальство посылает нас в колхоз, так что
... irtägä bez tütäl-lär **kaz-a-bɤz**.
завтра мы грядка-PL **копать-ST.IPFV-1PL**
*... завтра мы **копаем** грядки.*

Выясняется, однако, что дистрибуция Презенса значительно шире. В (2.59)-(2.60) мы видим его в контекстах, где Повелитель — это естественный порядок вещей, причем наступление описываемой ситуации обусловлено не законами природы, а сочетанием единичных случайных обстоятельств. Именно в таком типе контекстов, как мы видели в (2.54a-b), футуроиды невозможны. Мишарский Презенс, однако, этому ограничению не подчиняется. Из этого, по всей видимости, следует, что перед нами не футуроид или по меньшей мере не такой футуроид, который известен по языкам типа русского и английского.

(2.59) Контекст: Некто опасно болен.
tizdän ul **ül-ä**.
скоро он **умирать-ST.IPFV**
*Скоро он **умрет**.*

(2.60) irtägä jaŋgɤr **jaw-a**.
завтра дождь **идти-ST.IPFV**
*Завтра **пойдет** дождь.*

2.1.3.2.4.2. Интенциональность. Текстовый пример интенционального будущего показан в (2.61), где используется Футурум 1.

(2.61) bɤjɤl bixisap minek xästärl-ä-de-m, kat$_j$,
в.этом.году очень.много веник готовить-ST-PST-1SG возвращаться.IMP
kɤz-ɤm, **čab-ɤ-r-mɤn** üz-eŋ-ne.
девочка-1SG **парить-ST-POT-1SG** сам-2SG-ACC
*В этом году очень много веников наготовила, приезжай, доченька, **парить** тебя **буду**.* (=T17:10)

Футурум 1, однако, не единственная возможность: в интенциональных контекстах допускается также Презенс и Футурум 2. Эти возможности иллюстрируются в (2.62):

(2.62) ul tütäl-lär **kaz-ačak** || **kaz-ɤj**.
он грядка-PL **копать-FUT** **копать-ST.IPFV**
{ЛК: — У Дамира незапланированный выходной. Что он планирует делать?}
*— Он **будет копать** грядки.*

Насколько можно судить по имеющемуся у нас материалу, наличие интенционального компонента в контексте не влияет существенно на приемлемость двух Футурумов и Презенса, хотя, возможно, сказывается на их относительной частотности.

2.1.3.2.4.3. Степень «категоричности». Как отмечалось выше, многие грамматические описания татарского языка указывают на «категоричность» как семантическую характеристику, определяющую дистрибуцию форм с временной референцией к будущему. Придать этому понятию большую эксплицитность можно несколькими способами. Здесь мы остановимся на одном из них. Категоричность можно понимать как оценку говорящим вероятности наступления описываемой ситуации или, проще, как степень его уверенности в том, что ситуация будет иметь место.

Оценить степень уверенности говорящего, конечно, невозможно. Однако естественно предположить, что она по крайней мере частично представляет собой проекцию объективной вероятности наступления тех или других ситуаций. Соответственно, манипулируя последней, мы можем ожидать повышения и понижения приемлемости форм будущего времени, если они действительно чувствительны к этому параметру.

(2.63)-(2.68) представляют собой примеры диагностических контекстов, предполагающих очевидную асимметрию с точки зрения вероятности осуществления описываемой ситуации. В (2.63)-(2.65) более вероятно, что сломается старый, а не новый компьютер, в (2.66)-(2.68) — что урок выучит отличник, а не двоечник. Соответственно, если гипотеза о категоричности верна, можно ожидать нескольких проявлений этой асимметрии.

Во-первых, в Контексте$_2$ при эксплицитном сравнении предпочтительности двух форм выбор будет систематически склоняться к Футуруму 2 как выражающему более высокую степень уверенности говорящего. В Контексте$_1$ должна наблюдаться противоположная тенденция. Если верно наблюдение Л.Т. Махмутовой (см. выше) о том, что в мишарском диалекте Презенс в футуральных употреблениях также приобретает значение категоричности, можно ожидать, что в Контексте$_2$ он конкурирует с Футурумом 2, а в Контексте$_1$, как и Футурум 2, проигрывает Футуруму 1.

Во-вторых, параллельные ожидания возникают по части первого выбора носителей при предъявлении стимульного предложения на русском языке. В Контексте$_1$ мы ожидаем в качестве первого выбора Футурум 1, а в Контексте$_2$ — Футурум 2. Презенс должен иметь дистрибуцию, соответствующую тем или иным способом дистрибуции Футурума 2, но не Футурума 1.

(2.63) Контекст$_1$: Компьютер только что куплен.
Контекст$_2$: Компьютер очень старый.
tizdän kampjutɤr **watɤl-ɤ-r.**
скоро компьютер **ломаться-ST-POT**
*Компьютер скоро **сломается**.*

(2.64) Контекст$_1$: Компьютер только что куплен.
Контекст$_2$: Компьютер очень старый.
tizdän kampjutɤr **watɤl-ačak.**
скоро компьютер **ломаться-FUT**
*Компьютер скоро **сломается**.*

(2.65) Контекст$_1$: Компьютер только что куплен.
Контекст$_2$: Компьютер очень старый.
tizdän kampjutɤr **watɤl-a.**
скоро компьютер **ломаться-ST.IPFV**
*Компьютер скоро **сломается**.*

(2.66) Контекст$_1$. Марат — двоечник.
Контекст$_2$: Марат — отличник.
marat ü ešl-ä-r-e-n **ešl-ä-r.**
Марат дом работать-ST-POT-3-OBL.ACC **работать-ST-POT**
*Марат **сделает** домашнее задание.*

(2.67) Контекст$_1$: Марат — двоечник.
Контекст$_2$: Марат — отличник.
marat ü ešl-ä-r-e-n **ešl-ä-jäčäk.**
Марат дом работать-ST-POT-3-OBL.ACC **работать-ST-FUT**
*Марат **сделает** домашнее задание.*

(2.68) Контекст$_1$: Марат — двоечник.
Контекст$_2$: Марат — отличник.
marat ü ešl-ä-r-e-n **ešl-i.**
Марат дом работать-ST-POT-3-OBL.ACC **работать-ST.IPFV**
*Марат **сделает** домашнее задание.*

Ожидания не подтверждаются. В ходе работы с идиомом с. Татарский Елтан было проведено исследование первого выбора носителей, в котором участвовали 15 опрашиваемых разных возрастов. Результаты по двум предложениям показаны в Таблицах 2.6-2.7.

Таблица 2.6. Первый выбор носителей в предложениях (2.63)-(2.65) («компьютер»)

Первый выбор	Футурум 1	Футурум 2	Презенс
Контекст$_1$	5	8	2
Контекст$_2$	5	10	0

Таблица 2.7. Первый выбор носителей в предложениях (2.66)-(2.68) («двоечник»)

Первый выбор	Футурум 1	Футурум 2	Презенс
Контекст$_1$	7	8	0
Контекст$_2$	5	8	2

Как видно из таблиц, распределение Футурумов по контекстам мало подвержено варьированию. В обоих случаях Футурум 2 — первый выбор большинства. В (2.66)-(2.68) его доля остается неизменной (8 носителей), при том, что выбор некоторых при переходе от Контекста$_1$ к Контексту$_2$ поменялся: одни отказались от первого выбора в пользу Футурума 2, другие, напротив, предпочли Футуруму 2 другую форму. В (2.63)-(2.65) выбор Футурума 2 в Контексте$_2$ несколько повышается, однако не меняются предпочтения по Футуруму 1. Презенс в двух предложениях используется в общей сложности четыре раза, причем в (2.63)-(2.65) исключительно в Контексте$_1$, а в (2.66)-(2.68) — в Контексте$_2$.

Думается, что даже не применяя строгих статистических выкладок, можно заключить, что ожидаемой тенденции не прослеживается. Гипотезу о категоричности, по крайней мере наиболее очевидный ее вариант, предполагающий, что категоричность — это оценка вероятности наступления ситуации в будущем, можно отклонить.

2.1.3.2.4.4. Проспективность. В 2.1.3.2.3 мы обсудили тест, с помощью которого Б. Копли разводит футурумы *be going to* и *will* (в более привычной русскому типологу терминологии — проспектив и собственно футурум). Это невозможность использовать первый в речевом акте предложения:

(2.69) Контекст: — Кто сварит нам всем кофе?
a. I will make coffee.
Я сварю кофе. {a=b}
b. # I am going to make coffee.

Б. Копли отмечает, что турецкие будущие времена, морфологически идентичные татарскому Футуруму 1 и Футуруму 2, с этой точки зрения ведут себя так же, как *will* и *be going to*. Ее примеры (Copley 2009: 82) показаны в (2.70):

(2.70) a. ben kahve yap-ar-ım.
я кофе делать-AOR-1SG
Я сделаю кофе.

b. # ben kahve yap-acağ-ım.
я кофе делать-FUT-1SG
Я сделаю кофе.

В качестве предложения турецкий аналог Футурума 2 невозможен; в таком контексте допускается лишь форма, соответствующая Футуруму 1, которая в турецких грамматиках обычно называется Аористом. Опираясь на эти два примера, Б. Копли делает вывод, что различие между *be going to* и *will* воспроизводится в турецком языке в виде оппозиции в (2.70a-b).

Мишарский диалект и, по-видимому, татарский литературный язык[8] в этом отношении устроены так же, как турецкий:

(2.71) teške aš-nɤ min **äzerl-ä-r-men**.
полуденный еда-ACC я **готовить-ST-POT-1SG**
*Обед я **приготовлю**.*

(2.72) teške aš-nɤ min **äzerl-i-m**.
полуденный еда-ACC я **готовить-ST.IPFV-1SG**
*Обед я **приготовлю**.*

(2.73) # teške aš-nɤ min **äzerl-ä-jäčäk-men.**
полуденный еда-ACC я **готовить-ST-FUT-1SG**
*Обед я **приготовлю**.*

В качестве речевого акта предложения допускается Футурум 1 и Презенс, тогда как Футурум 2 воспринимается носителями не как предложение возложить на себя обязанность по приготовлению обеда, а как информация, что это и так закреплено за говорящим.

[8] За обсуждение и оценку литатурных аналогов примеров в (2.71)-(2.73) мы глубоко признательны А.М. Галиевой.

Говорят ли примеры типа (2.71)-(2.73) о том, что Футурум 2 представляет собой татарский аналог форм типа английского проспектива?

Положительный ответ на этот вопрос подкрепляется характером интерпретации, которую может иметь аналитическая форма Футурума в прошедшем, образующаяся соединением футурального причастия, морфологически идентичного Футуруму 2, с вспомогательным глаголом *i-de* ‘AUX1-PST’:

(2.74) direkter däres-lär-ne **almaštɤr-ačak** **i-de**.
директор урок-PL-ACC **заменять-FUT** **AUX1-PST**
*Директор **должен был** || **собирался отменить** уроки.*

В (2.74) предложение описывает, по выражению ТГ 1993: 124, «реальное будущее действие, соотнесенное с определенным моментом прошлого». В (2.74) имеется такой интервал в прошлом, что после него должна была осуществиться ситуация ‘директор отменил уроки’. Эта та же самая интерпретация, которую Футурум имеет без вспомогательного глагола, только сдвинутая на шаг в прошлое.

Футурум 1 при соединении со вспомогательным глаголом ведет себя иначе: он создает контрфактическое предложение:

(2.75) ukɤtučɤ kil-m-ä-gän bul-sa direkter däres-lär-ne
учитель приходить-NEG-ST-PFCT быть-COND директор урок-PL-ACC
almaštɤr-ɤ-r **i-de**.
заменять-ST-POT **AUX1-PST**
*Если бы учитель не пришел, директор **заменил бы** уроки.*

В отличие от (2.74), (2.75) содержит указание на то, что ситуация ‘директор отменил уроки’ не имеет места в актуальном мире (см. также 6.1.1.2). Кроме того, временная интерпретация (2.75) не ограничена прошлым, как видно из сравнения (2.76) и (2.77).

(2.76) ʔʔirtägä direkter däres-lär-ne **almaštɤr-ačak** **i-de.**
завтра директор урок-PL-ACC **заменять-FUT** **AUX1-PST**
*Завтра директор **собирался заменить** уроки.*

(2.77) …irtägä direkter däres-lär-ne **almaštɤr-ɤ-r** **i-de**.
завтра директор урок-PL-ACC **заменять-ST-POT** **AUX1-PST**
*...завтра директор **заменил бы** уроки.*

Таким образом, в случае с формой на *-r ide* мы имеем дело, как это обычно бывает у контрфактивов, с так называемым «фальшивым прошедшим» (Iatridou 2000). У формы на *-ačak ide* граммема прошедшего времени имеет свою обычную интерпретацию.

Все это в высшей степени характерно для футурумов типа *will* и проспективов типа *be going to*. У *be going to* вспомогательный глагол *be*, в зависимости от своего грамматического времени, отвечает за временную интерпретацию точно так же, как и в других конструкциях:

(2.78) He was going to come.
Он собирался прийти.

Would, прошедшее время от *will*, напротив, создает контрфактические предложения — практически так же, как в татарском языке[9]:

(2.79) If he left earlier, he would come on time.
Если бы он вышел пораньше, он бы пришел вовремя.

Есть, однако, причины сомневаться в том, что Футурум 2 — полный аналог английского проспектива.

Во-первых, оценивая истинность предложений с Футурумом 1 и Футурумом 2 применительно к моменту речи, носители испытывают одни и те же затруднения — такие, как в случае с английским футурумом на *will*. Высказывания с мишарскими Футурумами не воспринимаются как высказывания о настоящем, и, соответственно, оценить их истинность применительно к моменту речи затруднительно. В этом отношении Футурум 1 и Футурум 2 ведут себя одинаково и отличаются от формы с *be going to*, которая в конечном итоге представляет собой форму н а с т о я щ е г о времени.

Во-вторых, несмотря на то, что форма на *-ačak ide* имеет употребления в (2.74), где прошедшее время интерпретируемо, она допускает и контрфактические употребления, где она почти неотличима от формы на *-r ide*. К сожалению, у нас нет данных по мишарскому диалекту, однако ТГ 1993 дает безусловные примеры такой возможности[10]:

(2.80) Фәлинә урам-га чык-са, ялгыз-ы бул-ачак и-де.
Фалина улица-DAT выходить-COND один-3 быть-FUT AUX1-PST
Если бы Фалина вышла на улицу, была бы одна.

Таким образом, в общем случае вопрос о точном определении семантического содержания форм с временной референцией к будущему в мишарском диалекте пока остается открытым. В следующем разделе, впрочем, мы наметим гипотезу, касающуюся Футурума 2.

2.1.3.2.5. Футурум 2 и скрытое условие. Как мы видели выше, Б. Копли объясняет невозможность *be going to p* в контекстах речевого акта предложения тем, что в таком речевом акте предполагается непроизносимый условный элемент ‘если хочешь *p*’, а также условие уместности ‘если ты не хочешь *p*, не будет *p*’. Однако использование формы *be going to* ведет к тому, что в множество миров, в которых наступает *p*, входят и те миры, где слушающий хочет, чтобы это произошло, и те, где он этого не хочет. Выполнить условие уместности оказывается невозможным. В теории Б. Копли так происходит по аспектуальным причинам: форма с *be going to* — это прогрессив.

[9] Единственное различие: формы с *would* имеют более строгие ограничения на временную интерпретацию. У нестативных глаголов, например, форма вида “*would* V” описывает контрфактическое положение дел в будущем, а “*would have* V-*ed”* — в прошлом.

[10] Дистрибуция двух татарских футурумов обнаруживает примечательное отличие от аналогичных форм в турецком языке. По данным в Jendraschek 2014, турецкий Аорист (футурум на *-r*) в комбинации с показателем ретроспективного сдвига имеет как контфактические, так и темпоральные прочтения, а форма *acak* — только футуральные.

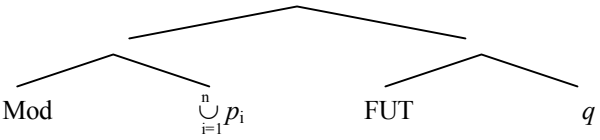
Мы предполагаем, что в семантике мишарского Футурума 2 задействован близкий механизм, которые отвечает за его сомнительность в речевом акте предложения и за семантику «категоричности». Однако, учитывая, что в морфеме *ačak* нет никаких причин предполагать значение прогрессива (о его аспектуальной семантике см. 2.1.2.2), сценарий, который Б. Копли предлагает для *be going to*, представляется маловероятным.

Наша гипотеза о семантике конструкции с формой на *ačak* представлена в (2.81):

(2.81) Конструкции с *ačak* содержат непроизносимый условный элемент вида $\bigcup_{i=1}^{n} p_i$, присоединяемый за пределами оператора будущего времени.

Структура предикации с Футурумом 2 показана в (2.82):

(2.82)

где *q* — пропозиция, выражаемая футуральным предложением
FUT — оператор будущего времени (= ALL_b Б. Копли, возможно, с уточнениями и дополнениями)
$p_1, \ldots, p_n$, n>1 — множество несвязанных пропозициональных переменных
Mod — модальный квантор, используемый при интерпретации условных предложений, чаще всего понимаемый как квантор всеобщности.

Множество миров, которые представляют собой рестриктор квантора Mod, — это объединение контекстно-релевантных пропозиций. Благодаря ему условный компонент в (2.81) транслируется в значение, которое в русском языке обозначается как *при любых* (релевантных) *обстоятельствах* или (в разговорном регистре) *всяко*:

(2.83) Я всяко поеду в Питер ≈ ‘Какое бы контекстно-релевантное положение вещей *p* ни имело место, я поеду в Питер.’

При такой семантике предложение (2.73) (повторяется как (2.84)), например, имеет интерпретацию в (2.85):

(2.84) min teške aš-nɤ **äzerl-ä-jäčäk-men**.
я полуденный еда-ACC **готовить-ST-FUT-1SG**
*Я **приготовлю** обед.*

(2.85) a. Во всех мирах, где истинна любая из контекстно-релевантных пропозиций p_i, истинна также пропозиция [FUT ‘я приготовил обед’]
b. Пропозиция [FUT ‘я приготовил обед’] истинна в мире *w* на интервале *t* тогда и только тогда, когда в *w* имеется повелитель *d*, и в любом мире *w′*, метафизически доступном из мира *w* на интервале *t* и совместимом с обязательствами Повелителя *d* в мире *w* на интервале *t*, верно, что я приготовил обед в *w′*.

Компонент Mod $\bigcup_{i=1}^{n} p_i$ придает Футуруму 2, согласно нашей гипотезе, значение, которое носители воспринимают как «категоричность». Категоричность при таком анализе — это

«метафизическая», но не эпистемическая категоричность: ‘при любых обстоятельствах’, но не ‘я стопроцентно уверен’[11].

Как объяснить сомнительность Футурума 2 в речевых актах предложения? Естественно предположить, что один из элементов контекстно-релевантного множества, образующего рестриктор модального квантора, — это пропозиция p = ‘слушающий хочет, чтобы q’. (2.82) (а именно, условие, «n>1») требует, чтобы кроме этой пропозиции были и другие. Если только p не являются их логическим следствием (чего (2.82), очевидно, не требует), такие пропозиции будут с неизбежностью содержать $\neg p$-миры. Тем самым этот случай сводится к описанному у Б. Копли. Как и в случае с *be going to*, семантика предложения с Футурумом 2 входит в противоречие с условием ‘Если не p, не q’ (где p = ‘слушающий хочет q’). Единственное отличие состоит в том, что в ее теории среди q-миров p и $\neg p$ миры оказывались посредством оператора прогрессива. В (2.81) эта возможность встроена непосредственно в семантику Футурума 2.

Как представляется, это преимущество, а не недостаток предлагаемого анализа. Футурум с *be going to* — это форма, лишенная «категоричности». Элемент ‘при любых обстоятельствах’, который Б. Копли называет anyway entailment, дает о себе знать лишь в речевых актах предложений, где условный компонент возникает б л а г о д а р я тому, что мы имеем дело с предложением. Футурум 2 — форма, в которой, согласно (2.81), этот компонент присутствует всегда и проявляется в любом предложении, а не только в случаях типа (2.84). Таким образом, нам удается увязать семантику категоричности с ограничением (2.84), избегая допущений, которые специфичны для английского футурума с *be going to*.

Существенный аргумент в пользу этого анализа можно извлечь из таких речевых актов, семантика которых в наилучшей степени соответствуют компоненту [Mod $\bigcup_{i=1}^{n} p_i$]. А.М. Галиева указала нам на один тип речевых актов, где такое действительно происходит: это обещания, такие как (2.86):

(2.86) min sine mäŋge **jarat-ačak-mʏn**.
я ты.ACC вечно **любить-FUT-1SG**

*Я **буду любить** тебя вечно.*

Существенный компонент обещаний ‘я обещаю, что q’ — это указание на то, что говорящий приложит усилия к осуществлению q, независимо от того, как складываются внешние обстоятельства. Ровно это и выражает клауза Mod $\bigcup_{i=1}^{n} p_i$. Тем самым уместность и даже предпочтительность Футурума 2 при выражении обещаний типа (2.86) дает нам важное свидетельство в пользу (2.81). Немаркированный по этому параметру Футурм 1 в этом контексте, впрочем, тоже возможен.

Полный анализ должен, разумеется, решить еще целый ряд дополнительных проблем, в частности, объяснить факты, представленные в (2.74)-(2.77) и (2.80). Требуется устано-

[11] Эти соображения подтверждаются тем, что Футурум 2 особенно уместен в научных прогнозах (‘Завтра в 12.35 минут случится лунное затмение’ или ‘Если груз отпустить с высоты H, то он упадет на землю через 3,467 сек’), на что обратила внимание А.М. Галиева. Действительно, истинность таких утверждений контекстно не обусловлена, и они удовлетворяют ограничению в (2.82) более или менее тривиальным образом.

вить, в частности, как из семантики в (2.81) возникает контрфактическая интерпретация (2.80) и в то же время темпоральная интерпретация в (2.74), и ответить на целый ряд сопутствующих вопросов. Мы, однако, не будем пытаться решить эту проблему в рамках текущего описания[12].

2.1.4. Заключение

Суммируем результаты обсуждения видо-временой системы мишарского диалекта.

С точки зрения собственно видовых характеристик мишарский диалект, как и татарский литературный язык, реализует распространенную в языках мира возможность: в нем имеются имперфективные глагольные формы, которые выражают прогрессивное и хабитуальное значения, а также формы, которые выражают перфективное значение совмещенно с хабитуальным и которые можно назвать расширенными перфективными. Одна из форм с временной референцией к будущему — Футурум 2 — совместима с любой видовой интерпретацией.

С точки зрения временной интерпретации в мишарском диалекте представлена статистически преобладающая в языках мира трехчленная система: прошедшее — настоящее — будущее. В системе форм с временной референцией к прошлому выделяется Плюсквамперфект, интерпретация которого может быть привязана к дейктическому центру в прошлом, отличному от момента речи. Прочие формы в независимом предложении интерпретируются как формы абсолютного времени — относительно момента речи. Презенс — основная форма с временной референцией к настоящему. Временную референцию к будущему обслуживают главным образом три формы — Футурум 1, Футурум 2 и Презенс. Их дистрибуция имеет обширные зоны пересечения и характеризуется крайне незначительным количеством абсолютных запретов.

---

[12] Есть и другие интересные проблемы. Если анализ в (2.82) верен, надо установить, невозможна ли альтернативная конфигурация, где условный компонент присоединяется ниже, чем FUT. Предложение в этом случае должно иметь вид (i) и интерпретацию (ii):

(i) [FUT … [[(Mod) $\bigcup_{i=1}^{n} p_i$] [q]]]
(ii) ‘Будет так, что вне зависимости от того, наступит ли p_i, произойдет q’

Помимо этого, целый ряд эмпирических вопросов возникает по части интерпретации условных конструкций с Футурумом 2, в которых представлена эксплицитная условная клауза. Как содержание этой клаузы взаимодействует с имплицитным условием [Mod $\bigcup_{i=1}^{n} p_i$]? Известно, что разные типы условных клауз присоединяются на разных уровнях иерархической структуры предложения. Например, каузальные клаузы (‘Если идет дождь, мы не пойдем гулять’) располагаются ниже, чем эпифеноменальные (‘Если младенец плачет, он скоро обкакается’), ср. контраст в (iii)-(iv), где местоимение в зависимой клаузе связывается кванторной ИГ в главной:

(iii) ?Если его уронили, каждый младенец плачет.
(iv) *Если его стошнило, каждый младенец съел что-то не то.

Есть ли у Футурума 2 ограничения, связанные с этими различиями в синтаксисе условных клауз, только предстоит установить.

2.2. Акциональность[13]

Акциональность (известная также как Aktionsart, аспектуальный класс, таксономическая категория, семантический тип предиката) — это характеристика глагольного предиката, которая описывает его в таких терминах, как предельность, стативность или пунктивность. Например, в русском языке предикаты типа *знать английский язык* стативны, предикаты типа *бегать* — непредельны, типа *таять* — предельны, а типа *приходить* — пунктивны.

Известная аспектуальная классификация З. Вендлера (Vendler 1967) разбивает глаголы английского языка на четыре класса — состояния (states), деятельности (activities), свершения (accomplishments) и происшествия (achievements). Популярная в России классификация Т.В. Булыгиной, предложенная в Булыгина 1982, с небольшими изменениями применяет эту классификацию к русскому языку, выделяя, в частности, качества и свойства, статические явления, гомогенные процессы / деятельности, тенденции / попытки, результаты / свершения, происшествия / достижения. Содержательно близка к этой классификации система таксономических категорий, предложенная Е.В. Падучевой в Падучева 1996. Существует и много других теоретических подходов к акциональности и описательных приемов, используемых при обращении к эмпирическому материалу, см. подробнее Татевосов 2015, 2016.

Акциональная характеристика глагольного предиката в общем случае определяется двумя параметрами: принадлежностью глагола к одному из лексических акциональных классов и свойствами аргументов этого глагола. В разделе 2.2.1 мы рассмотрим основные акциональные значения, в 2.2.2 — лексические акциональные классы глаголов. В разделе 2.2.3 излагается несколько наблюдений об акциональной модификации. Как глаголы разных классов взаимодействуют с аргументами разных типов, обсуждается в 2.2.4.

2.2.1. Акциональные значения и акциональные характеристики

Акциональные классы объединяют глаголы с одинаковой акциональной характеристикой (АХ). Акциональная характеристика глагола рассматривается как пара вида $\langle AX_{pfv}; AX_{ipfv}\rangle$, где AX_{pfv} и AX_{ipfv} — это, соответственно, акциональные значения его основной перфективной формы и основной имперфективной формы.

Акциональные классы глаголов для мишарского диалекта выделяются с опорой на инвентарь из пяти акциональных значений:

(2.87) СОСТОЯНИЕ, ПРОЦЕСС, ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Определения этих значений (см. Татевосов 2016) приводятся в (2.88)-(2.92).

(2.88) СОСТОЯНИЕ

Акциональное значение СОСТОЯНИЕ приписывается объекту классификации, если он

a. обладает мереологическим свойством кумулятивности;
b. обладает темпоральным свойством истинности в точке.

[13] Разделы 2.2.2-2.2.3, а также 2.2.4.1 опираются на переработанный и дополненный материал из Татевосов 2007а.

(2.89) ПРОЦЕСС
Акциональное значение ПРОЦЕСС приписывается объекту классификации, если он
a. обладает мереологическим свойством кумулятивности;
b. не обладает темпоральным свойством истинности в точке.

(2.90) ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ
Акциональное значение ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ приписывается объекту классификации, если он
a. обладает мереологическим свойством квантованности;
b. после достижения кульминации имеет место состояние.

(2.91) ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС
Акциональное значение ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС приписывается объекту классификации, если он
a. обладает мереологическим свойством квантованности;
b. после достижения кульминации имеет место процесс.

(2.92) МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС
Значение приписывается объекту классификации K в том случае, если он кумулятивен и подразделим лишь до уровня атомарных частей и если существует морфологически связанный с K объект K′ (в предельном случае — сам K), обозначающий эти атомарные части.

Ниже мы проиллюстрируем эти значения примерами, а попутно введем понятия, на которые опираются определения из (2.88)-(2.92). Акциональное значение СОСТОЯНИЕ показано в (2.93) с Претеритом глагола *jäši* ‘жить’:

(2.93) marat kazan-da **jäš-ä-de**.
Марат Казань-LOC **жить-ST-PST**
*Марат **(по)жил** в Казани.*

(2.93) характеризуется следующими свойствами. Если верно, что (2.93) описывает две ситуации e и e' в прошлом (скажем, длящиеся с сентября 2016 года по декабрь 2016 года и с января 2017 года по март 2017 года), то верно и то, что он описывает их мереологическую сумму (обозначается как «$e \oplus e'$»), то есть обе эти ситуации, взятые как целое. Если Марат жил в Казани с сентября по декабрь, а затем с января по март, то он жил там с сентября по март. Это свойство кумулятивности.

Далее, истинность пропозиции ‘Марат жил в Казани’ можно оценить применительно к моменту времени. В любой момент либо верно, что Марат жил в Казани, либо нет. Это свойство истинности в точке. (Подробнее об этих двух свойствах см. Татевосов 2015, 2016.)

В соответствии с определением в (2.88), (2.93) характеризуется акциональным значением СОСТОЯНИЕ.

Сравним (2.93) с (2.94):

(2.94) marat **jeger-de**.
Марат **бегать-PST**
*Марат **(по)бегал**.*

(2.94), как и (2.93), кумулятивен. Если ситуация e описывается как ‘(по)бегал’ и ситуация e' удовлетворяет этому же описанию, то сложная ситуация, составленная из этих двух, также описывается как ‘(по)бегал’. (2.94), однако, не удовлетворяет критерию истинности в точке. В отдельный момент времени пропозиция типа ‘Марат бежал / бегал’ не может быть ни истинной, ни ложной. Точечный срез ситуации ‘бежать’ показывает нам Марата, застывшего неподвижно, и понять, описывается ли происходящее с ним как ‘бежать’ или как-то иначе, оказывается невозможно. Чтобы оценить, верно ли, что Марат бежит, необходим ненулевой интервал времени, позволяющий увидеть временную динамику происходящего. Это же верно и для любых других динамических ситуаций.

В (2.94), таким образом, перед нами акциональное значение ПРОЦЕСС.

Кумулятивность — общее свойство состояний и процессов, которые часто объединяют под общей рубрикой н е п р е д е л ь н ы х п р е д и к а т о в.

Им противопоставлены предельные предикаты, которые описывают ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ или ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС. Эти значения иллюстрируются соответственно в (2.95) и (2.96):

(2.95) marat **jʏkl-a-dʏ.**
Марат **спать-ST-PST**
*Марат **заснул**.*

(2.96) su **kajn-a-dʏ.**
вода **кипеть-ST-PST**
*Вода **закипела**.*

Как (2.95), так и (2.96) описывают ситуации, которые достигают кульминации — такого этапа своего развития, когда в мире начинает иметь место новое положение дел, исходное положение дел с необходимостью прекращается, а с одним из участников ситуации происходят качественные изменения. В (2.95) новое положение дел — ‘Марат спит’, а в (2.96) — ‘вода кипит’. Первое представляет собой состояние (оно истинно в точке), а второе — процесс. Это, в соответствии с (2.90)-(2.91), разводит два рассматриваемых значения.

Объединяет их, как указывают (2.90)-(2.91), свойство квантованности. Наиболее наглядно это свойство проявляется у предикатов типа ‘таять’, иллюстрируемого в (2.97):

(2.97) kar babaj **er-e-de**.
снег старик **таять-ST-PST**
*Снеговик **растаял.***

Свойство квантованности соотносит языковую дескрипцию некоторой сущности с дескрипцией ее собственной части. Пусть предикат в (2.97) описывает ситуацию e. Ситуация состоит в том, что объект, обозначенный как ‘снеговик’, происходит путь от нетронутости до полного исчезновения. Никакая собственная часть e, однако, не описывается как ‘снеговик растаял’, поскольку охватывает не всего индивида, а лишь его собственную часть. В этом состоит свойство квантованности. С небольшими оговорками оно распространяется на любые предельные предикаты, независимо от того, идет ли речь о вхождении в состояние или вхождении в процесс.

Предельность и непредельность разграничиваются с помощью теста на сочетаемость с обстоятельствами длительности типа русских *два часа* в *Вася поспал два часа* и *за два часа* в *Вася написал сочинение за два часа*. В татарском языке в качестве тестовых обстоятельств можно использовать две послеложные группы — с послелогом *bujʏna* ‘по, вдоль, в течение’ и *ečendä* ‘внутри, за’[14].

(2.98) a. kar babaj ike minut ečendä **er-e-de**.
снег старик два минута за **таять-ST-PST**
*Снеговик за две минуты **растаял**.*

b. marat ike minut bujʏna **jeger-de**.
Марат два минута в.течение **бегать-PST**
*Марат две минуты **(по)бегал**.*

(2.98a) предельно: оно описывает переход в состояние ‘быть растаявшим’, а обстоятельство сообщает, что для перехода потребовалось две минуты. (2.98b), напротив, непредельно: наступления какого-либо нового состояния не предполагается, сообщается лишь, что процесс ‘бегать’ длился две минуты.

Перейдем к мультипликативным процессам, повторив в (2.99) их определение (2.92):

(2.99) МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС
Значение приписывается объекту классификации K в том случае, если он кумулятивен и подразделим лишь до уровня атомарных частей и если существует морфологически связанный с K объект K′ (в предельном случае — сам K), обозначающий эти атомарные части.

Типичный пример мультипликативного процесса — (2.100) с глаголом ‘кашлять’. Согласно (2.99), мультипликативный процесс кумулятивен. Иными словами, мультипликативный процесс — это процесс. Действительно, если e и e' описываются как ‘(по)кашлять’, так же описывается и их сумма $e \oplus e'$.

(2.100) marat **jetker-de**.
Марат **кашлять-PST**
*Марат **покашлял**.*

Не любой процесс, однако, мультипликативен. В русском языке, например, уместно говорить о наличии атомарных частей в означаемом многих процессных предикатов. Минимальным квантом ‘бежать’ выступает, например, последовательность из двух шагов, а ‘вальсировать’ — из трех. Тем не менее *бежать* и *вальсировать* не мультипликативы. Мультипликативы — это глаголы типа *шагать* и *прыгать*, для которых можно найти другой глагол, обозначающий единичные атомарные ситуации ‘сделать шаг’ и ‘совершить прыжок’. Это глаголы *шагнуть* и *прыгнуть*. Глаголов **бегнуть* / **бегануть* / **бежануть* и **вальснуть* / **вальсануть* / **вальсирнуть* и т.п., однако, не существует. Этими соображениями обусловлена та часть определения в (2.99), которая требует, чтобы в языке

[14] Диахронически послелог *ečendä* представляет собой падежную форму локатива посессивного склонения существительного *eč* ‘живот, внутренность’, а *bujʏna* — форму датива существительного *buj* ‘рост, длина, полоса’.

существовала дескрипция атомарных частей мультипликативного процесса. В мишарском диалекте такая дескрипция есть: это конструкция с модифицирующим глаголом *quja* ‘ставить, класть’ в (2.101):

(2.101) marat **jetker-e-p** **quj-dɤ**.
Марат **кашлять-ST-CONV** **ставить-PST**
*Марат **кашлянул**.*

Кроме того, описывать атомы, из которых складывается мультипликативный процесс ‘кашлять’, способен и сам глагол *jetkerä*, как показывает (2.102). Условие, заданное в (2.99), тем самым полностью удовлетворяется. Подробнее о мультипликативе см. Татевосов 2016.

(2.102) marat **jetker-de**.
Марат **кашлять-PST**
*Марат **кашлянул**.*

До сих пор мы видели пять акциональных значений, приписываемых глаголам в форме Претерита, — основной форме, имеющей перфективное значение с временной референцией к прошлому (см. 2.1.3.1).

Имперфективным формам также возможно приписать акциональное значение, однако выбор в этом случае не из пяти значений, а из трех. Имперфективные формы при эпизодическом (т.е. актуально-длительном, или прогрессивном) прочтении не могут описывать ситуации, достигающие кульминации в актуальном мире. Даже если имперфективный оператор присоединяется к событийной дескрипции, предполагающей кульминацию (например, ‘открывать дверь’), кульминация оттесняется в неактуальные миры[15]. Соответственно, имперфективные формы нельзя осмысленным образом охарактеризовать с помощью значений ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ и ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС. Доступный в этом случае репертуар значений — СОСТОЯНИЕ, ПРОЦЕСС и МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС. Примеры, иллюстрирующие каждое из этих значений у имперфективной формы Презенса, представлены в (2.103)-(2.104).

(2.103) a. räšit marat-ka **ɤšan-a**.
Рашит Марат-DAT **верить-ST.IPFV**
*Рашит **верит** Марату.*

b. čeben **bezeld-i**.
муха **жужжать-ST.IPFV**
*Муха **жужжит**.*

(2.104) marat **jetker-ä**.
Марат **кашлять-ST.IPFV**
*Марат **кашляет**.*

[15] В литературе высказываются разные точки зрения на то, как в точности определить множество миров, на которое указывает прогрессив. Распространенный вариант, идущий от Dowty 1977: кульминация достигается в инерционных мирах, то есть в таких мирах, где порядок вещей следует инерции, а в течение событий не вмешиваются никакие катастрофические обстоятельства непреодолимой силы.

До сих пор мы видели примеры, когда глагольная форма имеет единственное акциональное значение. В общем случае глагольная форма может характеризоваться более чем одним значением, как это имеет место, например, у глагола *jata* ‘ложиться, лежать’:

(2.105) *jata* ‘ложиться, лежать’: <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ}, {ПРОЦЕСС, СОСТОЯНИЕ}>

Как Претерит, так и Презенс глагола *jata* ‘ложиться, лежать’ акционально неоднозначны. Претерит описывает либо вхождение в состояние (‘лег’), либо результирующее состояние (‘полежал’). Презенс вводит в рассмотрение либо процесс на пути к результирующему состоянию (‘ложится’), либо результирующее состояние (‘лежит’).

При исследовании лексических акциональных свойств глаголов следует контролировать свойства именных актантов предиката. В частности, необходимо, чтобы материал содержал только предложения с квантованным именным аргументом, обозначающим, например, исчисляемую сущность в единственном числе. При изменении свойств именных аргументов акциональная интерпретация предиката может меняться; теория, описывающая такие изменения, называется теорией акциональной композиции. Эта сторона акциональной интерпретации обсуждается в разделе 2.2.4.

В следующем разделе более подробно разбираются акциональные классы мишарского диалекта.

2.2.2. Акциональные классы

Система акциональных классов мишарского диалекта в целом соответствует типологическим ожиданиям (см. Татевосов 2016). В нем есть большие группы предельных глаголов, а также глаголов процесса, глаголов состояния и мультипликативных глаголов. Каждая из этих групп распадается на подгруппы. Основные акциональные классы мишарского диалекта представлены в Таблице 2.8[16].

2.2.2.1. Сильные и слабые предельные глаголы

Два наиболее многочисленных акциональных класса — сильный предельный (<{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}, {ПРОЦЕСС}>) и слабый предельный <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, ПРОЦЕСС}, {ПРОЦЕСС}>, которые вместе составляют почти половину выборки. У сильных предельных глаголов Претерит описывает вхождение в состояние, а Презенс — фрагмент процесса, ведущего к возникновению этого состояния.

[16] Для исследования акциональных классов использовалась выборка из 120 глаголов, в которую входят представители всех основных тематических групп предикатных значений — бытие и обладание, перемещение в пространстве, физические процессы и изменения, жизнедеятельность человека, трудовая деятельность, звуко- и речепроизводство, ментальная деятельность, восприятие и эмоции. Представлены глаголы с различными типами аргументной структуры — одноместные агентивные и неагентивные, двухместные с агенсом / пациенсом и экспериенцером / стимулом и т.п. Выборка содержит разнообразные глагольные дериваты — депациентивы, пассивы, реципроки и каузативы (см. 3.1), а также ряд отыменных глаголов. Полный список предикатных значений приводится в приложении.

Таблица 2.8. Акциональные классы в татарском языке

№	Название класса	Представитель класса	Толкование	Акциональное значение перфективной формы		Акциональное значение имперфективной формы		Кол-во в выборке
				Сем. ярлык	Значение	Сем. ярлык	Значение	
1	Сильный предельный	*arɤj*	уставать	ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ	устал	ПРОЦЕСС	устает	31
2	Слабый предельный	*sukalɤj*	пахать	ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, ПРОЦЕСС	вспахал, попахал	ПРОЦЕСС	пашет	22
3	Слабый инцептивно-стативный	*aŋnɤj*	понимать	ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ	понял, понимал (в теч. какого-то времени)	СОСТОЯНИЕ	понимает	19
4	Непредельный	*azaplana*	страдать	ПРОЦЕСС	страдал (в течение какого-то времени)	ПРОЦЕСС	страдает	11
5	Сильный инцептивно-стативный	*ɤšana*	верить	ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ	поверил	СОСТОЯНИЕ	верит	9
6	Мультипликативный	*jetkerä*	кашлять	МУЛЬТИПЛИК. ПРОЦЕСС, ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ	кашлял (в теч. какого-то времени), кашлянул	МУЛЬТИПЛИК. ПРОЦЕСС	кашляет	5
7	Пунктивный	*taptɤ*	находить	ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ	нашел	N/A	—	3
8	Слабый ингрессивно-непредельный	*kajnɤj*	кипеть	ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ	закипел, покипел	$\text{ПРОЦЕСС}_{\text{RES}}$	кипит	2
9	Сильный ингрессивно-непредельный	*gɤrlɤj*	храпеть	ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС	захрапел	$\text{ПРОЦЕСС}_{\text{RES}}$	храпит	2
10	Двупредельный	*jana*	гореть	ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, ПРОЦЕСС, ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ	загорелся, погорел, сгорел	$\text{ПРОЦЕСС}_{\text{RES}}$	горит	2
11	Стативно-процессный	*jata*	ложиться, лежать	ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ	лег, полежал	ПРОЦЕСС, СОСТОЯНИЕ	ложится лежит	2

(2.106) a. daut **ül-de**.
Даут **умирать-PST**
*Даут **умер**.*

b. daut **ül-ä**.
Даут **умирать-ST.IPFV**
*Даут **умирает**.*

(2.107) a. daut **ar-ɤ-dɤ**.
Даут **уставать-ST-PST**
*Даут **устал**.*

b. daut **ar-ɤj**.
Даут **уставать-ST.IPFV**
*Даут **устает**.*

В (2.106a) и (2.107a) Претерит вводит в рассмотрение ситуации ‘умирать’ и ‘уставать’, которые достигают результирующего состояния ‘быть мертвым’ и ‘быть усталым’, а Презенс в (2.106b) и (2.107b) — соответствующие процессы, которые имеют место до наступления этого состояния.

Слабые предельные глаголы отличаются от сильных предельных интерпретацией Претерита. Ср. (2.106)-(2.107) и (2.108)-(2.110):

(2.108) bäräŋge **čer-e-de**.
картошка **гнить-ST-PST**
*1. Картошка **сгнила**.*
*2. Картошка **была охвачена гниением** (в течение некоторого времени).*

(2.109) daut bala-sɤ-n-a zadača-nɤ **aŋnat-tɤ**.
Даут ребенок-3SG-OBL-DAT задача-ACC **объяснять-PST**
*1. Даут **объяснил** сыну задачу.*
*2. Даут **объяснял** сыну задачу (в течение некоторого времени).*

(2.110) daut kɤr-nɤ **sukal-a-dɤ**.
Даут поле-ACC **пахать-ST-PST**
*1. Даут **вспахал** поле.*
*2. Даут **попахал** поле.*

(2.108), как и (2.106)-(2.107), допускает предельную интерпретацию — ‘сгнить’, которая предполагает, что процесс гниения достиг кульминации и наступило результирующее состояние ‘картошка гнилая’. Однако (2.108), в отличие от (2.106)-(2.107), допускает и второе прочтение, при котором достижение результирующего состояния не утверждается; при такой интерпретации предложение лишь сообщает, что в течение некоторого времени картошка была охвачена гниением, которое затем, возможно, прекратилось. Так же соотносятся и две интерпретации в (2.109)-(2.110). Одна описывает ситуацию, достигающую результирующего состояния ‘сын понимает, (как решать) задачу’ и ‘поле вспахано’, вторая лишь сообщает, что в течение некоторого времени агенс прикладывал усилия, пытаясь достичь этого состояния, — сообщал реципиенту необходимую информацию в (2.109) и занимался вспахиванием в (2.110).

Презенс слабых предельных глаголов, как и Презенс сильных предельных глаголов, описывает процесс на пути к кульминации — ‘картошка гниет’, ‘Даут объясняет задачу’, ‘Даут пашет поле’.

Различие между сильными и слабыми предельными глаголами демонстрируется с помощью тестов на предельность, например, тестов на сочетаемость с обстоятельствами длительности типа ‘за два часа’ и ‘два часа’. Ср. (2.111)-(2.112):

(2.111) a. daut bala-sɤ-na ike sägat$_j$ bujɤna zadača-nɤ **aŋnat-tɤ**.
Даут ребенок-3SG-DAT два час в.течение задача-ACC **объяснять-PST**
*Даут два часа **объяснял** сыну задачу.*

b. daut bala-sɤ-na ike sägat$_j$ ečendä zadača-nɤ **aŋnat-tɤ**.
Даут ребенок-3SG-DAT два час за задача-ACC **объяснять-PST**
*Даут за два часа **объяснил** сыну задачу.*

(2.112) a. ?daut ike sägat$_j$ bujɤna **ar-ɤ-dɤ**.
Даут два час в.течение **уставать-ST-PST**
*Даут два часа **поутомлялся**.*

b. daut ike sägat$_j$ ečendä **ar-ɤ-dɤ**.
Даут два час за **уставать-ST-PST**
*Даут за два часа **устал**.*

Слабый предельный глагол *aŋnata* ‘объяснять’ сочетается с обоими обстоятельствами: (2.111a) имеет непредельную, а (2.111b) — предельную интерпретацию. В отличие от него, сильный предельный глагол *arɤj* ‘уставать’ в Претерите может описывать только вхождение в состояние и, соответственно, сочетается только с обстоятельством *ike sägat$_j$ ečendä* ‘за два часа’, (2.112b). Непредельное прочтение, которое возникает в контексте обстоятельства *ike sägat$_j$ bujɤna* ‘два часа’, для Претерита глагола *arɤj* ‘уставать’ невозможно, (2.112a).

К слабым предельным глаголам в выборке относятся *ača* ‘открывать’, *aŋnata* ‘объяснять’, *belešä* ‘разузнавать, выяснять’, *čeri* ‘гнить’, *ǯɤrlɤj* ‘петь’, *ǯiŋä* ‘выигрывать’, *ečä* ‘пить’, *jaza* ‘писать’, *kazɤj* ‘копать’, *kigezä* ‘надевать’, *kisä* ‘резать, пилить’, *pešä* ‘вариться’, *seberä* ‘подметать’, *sibä* ‘поливать’, *sukalɤj* ‘пахать’, *tɤŋlɤj* ‖ *tɤnnɤj* ‘слушать’, *wintla* ‘привинчивать’. Сильные предельные глаголы представлены приблизительно в такой же пропорции — *ačulandɤra* ‘сердить’, *ala* ‘брать’, *arɤj* ‘уставать’, *bašlɤj* ‘начинать’, *belderä* ‘объявлять, сообщать’, *beterä* ‘заканчивать’, *čatnɤj* ‘трескаться’, *ɤnɤta* ‘забывать’, *ešešä* ‘опухать’, *ezä* ‘отрывать’, *jabɤša* ‘прилипать’, *jugata* ‘терять’, *kala* ‘оставаться’, *kičlä* ‘вечереть’, *kijä* ‘надевать’, *kušɤla* ‘присоединяться’, *pänǯi* ‘вянуть’, *taša* ‘наполняться’, *ülänä* ‘жениться’, *urnaša* ‘селиться, располагаться’, *wata* ‘разбивать, ломать’.

2.2.2.2. Пунктивные глаголы

Пунктивные глаголы <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}, {—}> характеризуются тем, что их перфективные формы описывают достижение предела, как у сильных предельных и сильных инцептивно-стативных глаголов (см. о них 2.2.2.3), а имперфективные не имеют актуально-длительного значения.

Пример пунктивного глагола — *taba* ‘находить’:

(2.113) a. marat akča **tap-tɤ**.
Марат деньги **находить-PST**
*Марат **нашел** деньги.*

b. marat akča **tab-a**.
Марат деньги **находить-ST.IPFV**
*Марат **находит** деньги.*
{*в данный момент || ^{OK}регулярно}

Многие исследователи, в частности, Comrie 1976 и Падучева 1996, объясняют отсутствие у Презенса глаголов типа *taba* ‘находить’ актуально-длительного значения характеристиками события ‘найти’: оно устроено так, что переход в состояние ‘быть найденным’ происходит мгновенно и не существует такого момента, о котором можно сказать, что в этот момент ситуация проходит фазу развития. Мы разделяем эту точку зрения с небольшим уточнением: пунктивность — не свойство ситуации, а свойство ее дескрипции. Для грамматического поведения глаголов типа *находить* важны не свойства ситуации ‘находить’, а свойства обозначающего эту ситуацию предиката. Эти свойства — предмет межъязыкового варьирования: в русском языке, например, глагол *приходить* пунктивен (**В данный момент Вася приходит домой*), а в татарском нет (*marat klupka kilä* ‘Марат идет (букв. приходит) в клуб’).

Кроме *taba* ‘находить’, в выборке представлено еще два пунктивных глагола — *šartlɤj* ‘лопаться’ и *bujala* ‘пачкаться’.

2.2.2.3. Инцептивно-стативные глаголы

У инцептивно-стативных глаголов Презенс описывает СОСТОЯНИЕ, а Претерит — ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ. Как и предельные, инцептивно-стативные глаголы распадаются на два класса.

Представители первого класса, класса слабых инцептивно-стативных глаголов <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ}, {СОСТОЯНИЕ}>, имеют две интерпретации у Претерита и одну у Презенса. Они иллюстрируются в (2.114)-(2.116):

(2.114) a. daut bu burɤč-nɤ **aŋn-a-dɤ**.
Даут этот задача-ACC **понимать-ST-PST**

*1. Даут **понял** эту задачу.*
*2. Даут **понимал** эту задачу (в течение какого-то времени).*

b. daut bu burɤč-nɤ **aŋn-ɤj**.
Даут этот задача-ACC **понимать-ST.IPFV**

*Даут **понимает** эту задачу.*

(2.115) a. marat-ka bu külmäk **jar-a-dɤ**.
Марат-DAT этот рубашка **подходить-ST-PST**

*1. Марату **подошла** эта рубашка.*
*2. Марату **подходила** эта рубашка*
{ПК: в течение какого-то времени, а потом он растолстел, и она стала мала}.

b. marat-ka bu külmäk **jar-ɤj**.
Марат-DAT этот рубашка **подходить-ST.IPFV**

*Марату **подходит** эта рубашка.*

(2.116) a. marat büre-dän **kurk-tɤ**.
Марат волк-ABL **бояться-PST**

*1. Марат **испугался** волка.*
*2. Марат **боялся** волка*
(в течение какого-то времени).

b. marat büre-dän **kurk-a**.
Марат волк-ABL **бояться-ST.IPFV**

*Марат **боится** волка.*

Как видно из (2.114)-(2.116), Презенс слабых инцептивно-стативных глаголов описывает состояние — соответственно ‘понимает’, ‘подходит’, ‘боится’. Претерит в одной из интерпретаций — (2.114a.1), (2.115a.1) и (2.116a.1) — вводит в рассмотрение вхождение в то состояние, которое описывает Презенс (‘понял’, ‘подошла’ и ‘испугался’). Однако у Претерита есть и вторая интерпретация, при которой в рассмотрение вводится результирующее состояние ‘понимал’, ‘подходила’, ‘боялся’ — то же самое, что и у Презенса, но только локализованное в прошлом.

Слабых инцептивно-стативных глаголов в выборке обнаружилось значительно больше, чем сильных, — 19 лексем. Кроме представленных в (2.114)-(2.116), это *jarata* (Претерит ‘полюбил, любил’; Презенс ‘любит’); *ačulana* (Претерит ‘рассердился, сердился’; Презенс ‘сердится’); *belä* (Претерит ‘узнал, знал’; Презенс ‘знает’); *tɤtɤna* (Претерит ‘прикоснулся, побыл в контакте’; Презенс ‘касается’); *tuŋa* (Претерит ‘замерз, мерз (какое-то время)’; Презенс ‘мерзнет’); *xäterli* (Претерит ‘запомнил, помнил’; Презенс ‘помнит’); *atala* (Претерит ‘был назван, назывался’; Презенс ‘называется’); *teli* (Претерит ‘пожелал, желал’; Презенс ‘желает’); *belenä* (Претерит ‘сделалось заметно, было заметно’; Презенс ‘заметно’); *awɤrta* (Претерит ‘заболел, поболел (например, о животе)’; Презенс ‘болит’); *gäjäplänä* (Претерит ‘удивился, удивлялся (какое-то время)’; Презенс ‘удивляется’); *jɤklɤj* (Претерит ‘заснул, поспал’; Презенс ‘спит’); *kečі* (Претерит ‘зачесался, почесался’; Презенс ‘чешется’); *šatlana* (Претерит ‘обрадовался, радовался (какое-то время)’; Презенс ‘радуется’).

Второй, менее многочисленный класс — с и л ь н ы е и н ц е п т и в н о - с т а т и в н ы е г л а г о л ы <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}, {СОСТОЯНИЕ}>. В исследованном нами чистопольском говоре (с. Татарский Елтан) представителями этого класса выступают *kürä* ‘видеть’ и *ɤšana* ‘верить’, демонстрируемые в (2.117)-(2.118):

(2.117) a. daut räšit-ne **kür-de**.
Даут Рашит-ACC **видеть-PST**

*1. Даут **увидел** Рашита.*
*2. ??Даут **видел** Рашита (в течение какого-то времени)*

b. daut räšit-ne **kür-ä**.
Даут Рашит-ACC **видеть-ST.PFV**

*Даут **видит** Рашита.*

(2.118) a. räšit marat-ka **ɤšan-dɤ**.
Рашит Марат-DAT **верить-PST**

*1. Рашит **поверил** Марату.*
*2. ??Рашит **верил** Марату (в течение какого-то времени).*

b. räšit marat-ka **ɤšan-a**.
Рашит Марат-DAT **верить-ST.IPFV**

*Рашит **верит** Марату.*

В (2.117) и (2.118) Претерит глаголов ‘видеть’ и ‘верить’ описывает переход к новому состоянию — ‘увидел’ и ‘поверил’. Интерпретация, аналогичная той, которую имеют слабые инцептивно-стативные глаголы, когда Претерит вводит в рассмотрение состояние, наступающее после кульминации, для этих глаголов крайне затруднена. Впрочем,

в западных говорах мишарского диалекта прочтение в (2.117a.2) и (2.118a.2) намного более доступно. В этих говорах, соответственно, *kürä* ‘видеть’ и *ɤšana* ‘верить’ относятся к слабому предельному классу.

Презенс этих глаголов описывает результирующее состояние, которое наступает после кульминации, — ‘видит’ и ‘верит’.

К этому же классу относятся, в частности, глаголы *ɤšɤj* (Претерит ‘понравился’; Презенс ‘нравится’); *kagɤla* (Претерит ‘прикоснулся’; Презенс ‘касается, находится в тактильном контакте’); *tɤja* (Претерит ‘почувствовал’; Презенс ‘чувствует’); *belešenä* (Претерит ‘выяснилось’; Презенс ‘установлено, известно’).

Распределение глаголов между сильным и слабым инцептивно-стативным классом выглядит в значительной степени произвольно. Например, близкие по значению глаголы *kagɤla* ‘касаться, притрагиваться’ и *tɤtɤna* ‘хвататься, браться, притрагиваться’ находятся в разных классах: непредельная интерпретация в Претерите возможна для второго, но затруднена для первого:

(2.119) a. marat räšit-kä ike minut bujɤna **tɤtɤn-dɤ**.
Марат Рашит-DAT два минута в.течение **хвататься-PST**
*Марат **находился в тактильном контакте** с Рашитом две минуты.*

b. ?? marat räšit-kä ike minut bujɤna **kagɤl-dɤ**.
Марат Рашит-DAT два минута в.течение **трогать-PST**
*Марат **находился в тактильном контакте** с Рашитом две минуты.*

c. marat räšit-kä ike minut bujɤna **kagɤl-ɤ-p** **tɤr-dɤ**[17].
Марат Рашит-DAT два минута в.течение **трогать-ST-CONV** **стоять-PST**
*Марат **находился в тактильном контакте** с Рашитом две минуты.*

Носители диалекта расценивают (2.119a), в котором глагол *tɤtɤna* ‘браться, хвататься’ имеет непредельную интерпретацию ‘находиться в контакте’, как полностью приемлемое, однако аналогичное предложение (2.119b) с глаголом *kagɤla* ‘трогать’ последовательно отвергается. Чтобы ввести в рассмотрение результирующее состояние, которое возникает после кульминации, необходима конструкция, состоящая из деепричастия и глагола *tɤra* ‘вставать, стоять’, представленная в (2.119c). Одна из регулярных функций этой конструкции как раз и состоит в том, чтобы описывать результирующие состояния для глаголов, Претерит которых характеризуется акциональным значением ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ (подробнее об этой конструкции см. в разделе 2.2.3).

2.2.2.4. Непредельные глаголы

Класс непредельных глаголов <{ПРОЦЕСС}, {ПРОЦЕСС}>, четвертый по численности, объединяет лексические единицы, у которых основные аспектуальные формы однозначны и имеют акциональное значение ПРОЦЕСС.

Примерами глаголов непредельного класса выступают *azaplana* ‘мучиться, страдать’ и *bezeldi* ‘жужжать’:

[17] Впрочем, многие носители предпочитают конструкцию со вспомогательным глаголом и для (2.119a). Об этих глаголах как акциональных модификаторах см. 2.2.3.

(2.120) a. daut awʏrtu-dan **azaplan-dʏ**.
Даут боль-ABL **мучиться-PST**
*Даут **мучился** от боли (в течение какого-то времени).*

b. daut awʏrtu-dan **azaplan-a**.
Даут боль-ABL **мучиться-ST.IPFV**
*Даут **мучается** от боли.*

(2.121) a. čeben **bezeld-ä-de**.
муха **жужжать-ST-PST**
*Муха **пожужжала**.*

b. čeben **bezeld-i**.
муха **жужжать-ST.IPFV**
*Муха **жужжит**.*

Как Претерит в (2.120a) и (2.121a), так и Презенс в (2.120b) и (2.121b) описывают процессы, которые не кульминируют и не приводят к наступлению результирующего состояния. В частности, Претерит сигнализирует, что описываемая ситуация (‘страдать’ и ‘жужжать’) в некоторый момент возникла, а в некоторый другой — прекратилась, причем ни один из участников не перешел ни в какое новое состояние.

Кроме представленных в (2.120)-(2.121), к непредельному классу относятся, в частности, глаголы *ezli* (Претерит ‘поискал’, Презенс ‘ищет’), *jegerä* (Претерит ‘побегал, позанимался бегом’, Презенс ‘бежит’), *jawa* (Претерит ‘шел дождь’, Презенс ‘идет дождь’), *kʏčkʏra* (Претерит ‘покричал’, Презенс ‘кричит’), *ʏča* (Претерит ‘летел’, Презенс ‘летит’), *ujlʏj* (Претерит ‘думал’, Презенс ‘думает’), *tarta* (Претерит ‘покурил, потянул’, Презенс ‘курит, тянет’), *ašʏga* (Претерит ‘спешил’, Презенс ‘спешит’).

2.2.2.5. Ингрессивно-непредельные глаголы

Ингрессивно-непредельные глаголы ведут себя аналогично инцептивно-стативным: перфективные формы описывают достижение кульминации, а имперфективные — ситуацию, которая возникает после этого. Ингрессивно-непредельные глаголы, однако, описывают не вхождение в состояние и результирующе состояние, а вхождение в процесс и результирующий процесс.

Как и в случае с инцептивно-стативными глаголами, у слабых ингрессивно-непредельных глаголов Претерит акционально неоднозначен: он имеет акциональную характеристику {ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, ПРОЦЕСС}. Претерит слабого ингрессивно-непредельного глагола *gʏrlʏj* ‘храпеть’ представлен в (2.122), а Презенс — в (2.123):

(2.122) marat **gʏrl-a-dʏ**.
Марат **храпеть-ST-PST**
*1. Марат **захрапел**.*
*2. Марат **похрапел** (в течение какого-то времени).*

(2.123) marat **gʏrl-ʏj**.
Марат **храпеть-ST.IPFV**
*Марат **храпит**.*

В (2.122) Претерит *gɤrladɤ* описывает не только вхождение в процесс ‘захрапел’, но и ограниченный во времени фрагмент результирующего процесса — ‘похрапел, храпел в течение какого-то времени’[18]. Презенс (2.123) описывает результирующий процесс ‘храпеть’, разворачивающийся в момент речи.

Сильный ингрессивно-непредельный глагол *kajnɤj* ‘закипать’ с акциональной характеристикой <{ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС}, {ПРОЦЕСС}> представлен в (2.124):

(2.124) a. su **kajn-a-dɤ**.
вода **кипеть-ST-PST**
*1. Вода **закипела**.*
*2. ??Вода **покипела**.*

b. su **kajn-ɤj**.
вода **кипеть-ST.IPFV**
*Вода **кипит**.*

В (2.124a) Претерит глагола ‘кипеть’ описывает достижение кульминации, в которой температура воды становится равной 100 градусам, после чего начинается процесс кипения. Сам процесс кипения, который представляет собой результат события ‘закипеть’, как видно из (2.124a.2), в означаемое предиката не входит. Этим сильные ингрессивно-непредельные глаголы отличаются от слабых, ср. (2.122.2) и (2.124a.2). Впрочем, здесь также наблюдается внутридиалектное варьирование. (2.124) отражает интуицию носителей чистопольского говора (с. Татарский Елтан), тогда как носители сергачского говора (с. Рыбушкино) находят интерпретацию (2.124a.2) допустимой. В этом говоре *kajnɤj* ‘закипать’ — глагол слабого ингрессивно-непредельного класса.

Интерпретация Презенса у сильных и слабых ингрессивно-непредельных глаголов одинакова: Презенс глагола *kajnɤj* ‘закипать’, в частности, имеет значение ‘кипит’.

Ингрессивно-непредельных глаголов в выборке немного. Кроме *kajnɤj* ‘кипеть’, там представлен один сильный ингрессивно-непредельный глагол *kabɤna* ‘загораться’ (Претерит ‘загорелся’, Презенс ‘горит’) и слабый ингрессивно-непредельный глагол *šua* ‘скользить, кататься на коньках’ (Претерит ‘поскользнулся, начал скольжение, покатился; поскользил, покатался’, Презенс ‘скользит, катается’). Некоторые носители, правда, допускают для *šua* в значении ‘кататься на коньках’ еще одну предельную интерпретацию — ‘накатался’. Если это верно, то *šua* следует отнести к малочисленному классу двупредельных глаголов, охарактеризованному в 2.2.2.7.

2.2.2.6. Мультипликативные глаголы

Мультипликативные глаголы <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС}, {МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС}> имеют неоднозначный Претерит и однозначный Презенс.

---

[18] Для некоторых носителей при выражении значения ‘захрапеть’ предпочтительнее конструкция с фазовым глаголом:

(i) marat **gɤrl-ɤj** **bašl-a-dɤ**.
Марат **храпеть-ST.IPFV** **начинать-ST-PST**
*Марат **захрапел**.*

У таких носителей глагол *gɤrlɤj* ‘храпеть’ тем самым тяготеет к непредельному классу <{ПРОЦЕСС}, {ПРОЦЕСС}>.

В Претерите мультипликативные глаголы описывают либо мультипликативный процесс, ограниченный во времени, либо единичный квант этого процесса, единичное вхождение в состояние. Эти возможности иллюстрируются в (2.125a). Презенс глаголов типа *ata* ‘стрелять’ описывает мультипликативный процесс, см. (2.125b):

(2.125) a. daut mišen-gä **at-tɤ**.
Даут мишень-DAT **стрелять-PST**
*1. Даут **пострелял** в мишень.*
*2. Даут **выстрелил** в мишень.*

b. daut mišen-gä **at-a**.
Даут мишень-DAT **стрелять-ST.IPFV**
*Даут **стреляет** в мишень.*

Кроме *ata* ‘стрелять’, к мультипликативному классу в выборке относятся глаголы *jetkerä* (Претерит ‘кашлянул, покашлял’, Презенс ‘кашляет’), *übä* (Претерит ‘поцеловал (однократно), целовал (о серии поцелуев)’, Презенс ‘целует’), *tama* (Претерит ‘капнул, покапал’, Презенс ‘капает’), *sugɤla* (Претерит ‘был ударен, был побит’, Презенс ‘является избиваемым’).

2.2.2.7. Малые классы и глаголы с уникальными акциональными свойствами

Кроме двух ингрессивно-непредельных классов, еще три класса — <{ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, ПРОЦЕСС, ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}, {ПРОЦЕСС}>, <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС}, и <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ}, {СОСТОЯНИЕ, ПРОЦЕСС}> — содержат всего по два глагола (см. Таблицу 2.8). Кроме того, несколько глаголов из выборки не попадают ни в один из классов: комбинация акциональных значений, представленных у их основных видовых форм, уникальна и не повторяется у других глаголов.

Глагол *jana* ‘гореть’ имеет акциональную характеристику <{ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, ПРОЦЕСС, ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}, {ПРОЦЕСС} >. Этот глагол можно назвать д в у п р е д е л ь н ы м (см. Татевосов 2016), поскольку он, в отличие от остальных глаголов из выборки, может вводить в рассмотрение более одной кульминации. Рассмотрим (2.126)-(2.128):

(2.126) ɤzba **jan-dɤ**.
дом **гореть-PST**
*Дом **загорелся**.*

(2.127) ɤzba ike sägat$_j$ bujɤna **jan-dɤ**.
дом два час в.течение **гореть-PST**
*Дом два часа **горел*** {ПК: а затем огонь все-таки удалось остановить}.

(2.128) ɤzba ike sägat$_j$ ečendä **jan-dɤ**.
дом два час за **гореть-PST**
*Дом за два часа **сгорел**.*

Первая кульминация представлена в (2.126): это предложение описывает вхождение в процесс ‘гореть’. (2.127) вводит в рассмотрение фрагмент этого процесса, ограниченный во времени (‘погорел, горел в течение какого-то времени’). (2.128) сообщает, что процесс горения достиг второй кульминации, после которой имеет место результирующее состояние ‘дом уничтожен горением’[19].

Презенс глагола ‘гореть’ акционально однозначен: он вводит в рассмотрение процесс горения, который имеет место между первой и второй точками кульминации:

(2.129) ɤzba **jan-a**.
дом **гореть-ST.IPFV**
*Дом **горит**.*

Такой же набор интерпретаций имеет, по мнению некоторых носителей, и глагол *šuɤj* ‘скользить, кататься на коньках’, охарактеризованный в 2.2.2.5.

Два глагола, которые оба относятся к тематической группе так называемых глаголов позиции, представляют класс, обозначенный в Татевосов 2016 как стативно-процессный. Они имеют акциональную характеристику <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ}, {ПРОЦЕСС, СОСТОЯНИЕ}>, в которой представлены те же акциональные значения, что у инцептивно-стативных, плюс еще одно дополнительное в Презенсе — значение ПРОЦЕСС. Это иллюстрируется предложениями в (2.130a-b) с глаголом *tɤra* ‘стоять’:

(2.130) a. marat **tɤr-dɤ**.
Марат **стоять-PST**
*1. Марат **встал**.*
*2. Марат **постоял**.*

b. marat **tɤr-a**.
Марат **стоять-ST.IPFV**
*1. Марат **стоит**.*
*2. Марат **встает**.*

Второй глагол в выборке с такой же характеристикой — *jata* ‘лежать’ (Претерит ‘лег, полежал’, Презенс ‘ложится, лежит’). Насколько нам известно, сюда же относится и не попавший в выборку третий основной глагол позиции — *utɤra* ‘сидеть’.

---

[19] Для описания обеих точек кульминации в мишарском диалекте есть специализированные средства — конструкции с модифицирующими глаголами, которые показаны в (i)-(ii):

(i) ɤzba **jan-a** **bašl-a-dɤ**.
дом **гореть-ST.IPFV** **начинать-ST-PST**
*Дом **загорелся**.*

(ii) ɤzba **jan-ɤ-p** **kit-te**.
дом **гореть-ST-CONV** **уходить-ST-PST**
*Дом **сгорел**.*

Поскольку Претерит *jana* ‘гореть’ вступает в конкуренцию с формами в (i)-(ii), он проявляет тенденцию к прагматическому усилению до процессного значения в узком смысле, представленного в (2.127). Две другие интерпретации, однако, остаются доступны для носителей.

Близок к глаголам позиции и глагол *tɤta* ‘ловить, хватать, держать’. Он, однако, обладает еще более широким набором акциональных возможностей: <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, ПРОЦЕСС, СОСТОЯНИЕ}, {ПРОЦЕСС, СОСТОЯНИЕ}>.

В отличие от Претерита *tɤra* ‘стоять’, Претерит *tɤta* ‘ловить, хватать, держать’ имеет не две, а три интерпретации, которые показаны в (2.131):

(2.131) marat balɤk **tɤt-tɤ**.
Марат рыба **ловить-PST**

*1. Марат **поймал** рыбу.*
*2. Марат **позанимался** рыбной **ловлей**.*
*3. Марат **подержал** рыбу.*

Как видно из (2.131), Претерит может описывать ситуацию ‘ловить / хватать’, которая достигает результирующего состояния ‘держать’ — этой интерпретации соответствует (2.131.1). (2.131), кроме того, может описывать фрагмент процесса ‘ловить’, ограниченный во времени, (2.131.2), а также фрагмент результирующего состояния, представленный в (2.131.3).

Презенс глагола *tɤta* может описывать процесс, предшествующий наступлению результирующего состояния, а также само результирующее состояние:

(2.132) marat balɤk **tɤt-a**.
Марат рыба **ловить-ST.IPFV**

*1. Марат **ловит** рыбу.*
*2. Марат **держит** рыбу.*

Разновидности стативно-процессных глаголов, которые представляют *tɤra* ‘стоять’ и *tɤta* ‘ловить, хватать, держать’, в Татевосов 2016 обозначены как сильная и слабая.

Особенности глаголов *selkä* ‘махать’ и *bärelä* ‘касаться’ связаны с мультипликативностью.

Глагол *selkä* ‘махать’ <{МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС}, {МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС}>, по мнению опрошенных нами носителей чистопольского говора (с. Татарский Елтан), не имеет в Претерите семельфактивной интерпретации (‘взмахнул, сделал один взмах’) и этим отличается от прочих глаголов мультипликативного класса.

(2.133) marat kul-ɤ-n **selk-te**.
Марат рука-3-OBL.ACC **махать-PST**

*1. Марат **помахал** рукой.*
*2. ??Марат **взмахнул** рукой.*

Впрочем, в других говорах, в частности, в сергачском говоре с. Рыбушкино интерпретация (2.133.2) допустима, и глагол *selkä* ‘махать’ не имеет каких-либо особенностей по сравнению с другими мультипликативными глаголами.

Глагол *bärelä* ‘касаться’ <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}, {СОСТОЯНИЕ, МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС}> напоминает глагол сильного инцептивно-стативного класса, однако в Презенсе имеет дополнительную мультипликативную интерпретацию ‘касаться, попеременно входя в тактильный контакт и теряя его’:

(2.134) marat alsu-ga **bärel-ä**.
Марат Алсу-DAT **касаться-ST.IPFV**
*1. Марат **касается** Алсу.*
*2. Марат **притрагивается** к Алсу.*

Наконец, глагол *jäši* ‘жить’ — единственный в выборке стативный глагол с характеристикой <{СОСТОЯНИЕ}, {СОСТОЯНИЕ}>.

(2.135) a. marat kazan-da **jäš-ä-de**.
Марат Казань-LOC **жить-ST-PST**
*1. Марат **(по)жил** в Казани.*
*2. *Марат **поселился** в Казани.*

b. marat kazan-da **jäš-i**.
Марат Казань-LOC **жить-ST.IPFV**
*Марат **живет** в Казани.*

Для Претерита глагола *jäši* допускается только стативная (‘жил, пожил’), но не инцептивная (‘начал жить, поселился’) интерпретация. Прочие глаголы, аналоги которых в других языках обычно относят к стативным (‘видеть’, ‘знать’ и т. п.), для перфективных форм допускают инцептивную интерпретацию (‘увидел’, ‘узнал’) и поэтому относятся к одному из двух инцептивно-стативных классов, охарактеризованных в 2.2.2.3.

2.2.3. Акциональная модификация

Акциональные возможности сильных предельных, слабых предельных и пунктивных глаголов не позволяют им вводить в рассмотрение результирующую ситуацию, которая возникает после достижения кульминации. Никакая из основных видовых форм глаголов типа ‘есть’, ‘ломаться’ или ‘находить’ не имеет значения ‘съедено’, ‘поломано’ и ‘найдено’. Для сильных инцептивно-стативных (типа ‘видеть’) и ингрессивно-непредельных (типа ‘кипеть’) глаголов такая возможность реализуется только у имперфективных форм (‘видит’, ‘кипит’ в противоположность перфективным ‘увидел’, ‘закипел’). И только слабые инцептивно-стативные (типа ‘понимать’) и ингрессивно-непредельные глаголы (типа ‘храпеть’) могут описывать результирующее состояние или процесс во всех формах (Претерит ‘понял, понимал’ и ‘захрапел, (по)храпел’; Презенс ‘понимает’ и ‘храпит’).

В мишарском диалекте, как и в татарском литературном языке, эта отсутствующая у большинства глаголов возможность восполняется за счет аналитической конструкции, состоящей из деепричастия на *-p* смыслового глагола и Претерита вспомогательного (или, в других терминах, модифицирующего, см. ТГ 1992: 195-199) глагола *tʏra* ‘стоять’.

Например, сильный инцептивно-стативный глагол *kagʏla* ‘касаться’ в Претерите не может описывать результирующее состояние ‘касался, находился в контакте’, см. (2.119a-b) выше. Такая возможность, однако, имеется у конструкции с глаголом *tʏra*:

(2.136) marat räšit-kä ike minut bujʏna **kagʏl-ʏ-p** **tʏr-dʏ**.
Марат Рашит-DAT два минута в.течение **трогать-ST-CONV** **стоять-PST**
*Марат **находился в тактильном контакте** с Рашитом две минуты.*

(2.137) демонстрирует аналогичную возможность для сильного ингрессивно-непредельного глагола *kajnɤj* ‘кипеть’, у которого в Претерите непредельная интерпретация ‘кипеть’ или невозможна, или сильно затруднена (см. (2.124a)).

(2.137) su ike minut bujɤna **kajn-a-p** **tɤr-dɤ.**
вода два минута в.течение **кипеть-ST-CONV** **стоять-PST**
*Вода **покипела** две минуты.*

(2.138a-b) показывает минимальную пару с сильным предельным глаголом *jugata* ‘терять’, которая иллюстрирует эту же закономерность. В (2.138b) обстоятельство длительности модифицирует результирующее состояние.

(2.138) a. *marat ike sägat$_j$ bujɤna akča-nɤ **jugat-tɤ.**
Марат два час в.течение деньги-ACC **терять-PST**
*Марат **потерял** деньги на два часа* {ПК: , а затем нашел их}.

b. marat ike sägat$_j$ bujɤna akča-nɤ **jugat-ɤ-p** **tɤr-dɤ.**
Марат два час в.течение деньги-ACC **терять-ST-CONV** **стоять-PST**
*Марат **потерял** деньги на два часа* {ПК: , а затем нашел их}.

Функции конструкции с глаголом *tɤra* не исчерпываются указанием на результирующее состояние. У ряда непереходных неагентивных глаголов эта конструкция выделяет не результирующее состояние (или не только его), а предшествующий процесс. По оценкам носителей, например, сильный предельный глагол *taša* ‘переполняться’ в Претерите допускает только событийную, но не процессную интерпретацию, то есть имеет акциональное значение ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, но не ПРОЦЕСС:

(2.139) a. čiläk **taš-tɤ.**
ведро **переполняться-PST**
*Ведро **переполнилось**.*

b. ??čiläk ike minut bujɤna **taš-tɤ.**
ведро два минута в.течение **переполняться-PST**
*Ведро **переполнялось** две минуты*
{т.е. две минуты вода поступала в ведро, а затем перестала}.

Недостающую возможность вновь восполняет конструкция с глаголом *tɤra*, которая в этом случае указывает именно на фазу развития ситуации, предшествующую кульминации:

(2.140) čiläk ike minut bujɤna **taš-ɤ-p** **tɤr-dɤ.**
ведро два минута в.течение **переполняться-ST-CONV** **стоять-PST**
*1. Ведро **переполнялось** две минуты*
{т.е. две минуты вода поступала в ведро и перестала}.
*2. ??Ведро **было переполненным** две минуты.*

По оценкам носителей, результативное прочтение, при котором в рассмотрение вводится результирующее состояние ‘быть полным’, для конструкции *tašɤp tɤrdɤ* в (2.140) недоступно.

Функции конструкции с глаголом *tɤra*, наряду с другими аналогичными конструкциями, обсуждаются в Ганиев 1963, ТГ 1992, 1993, Schönig 1984, Johanson 1999b, поэтому

подробная каталогизация этих функций не входит в задачу этого раздела, см. также обсуждение их свойств в 5.3.2. В завершение заметим, что с семантической точки зрения практически во всех своих употреблениях эта конструкция выступает как акциональный модификатор: ей на вход поступает глагольный предикат со своими акциональными свойствами, на выходе возникает выражение с видоизмененными акциональными свойствами.

2.2.4. Акциональная композиция

2.2.4.1. Аргумент предиката как источник предельности / непредельности

Как указано в 2.2.1, разбиение глаголов на лексические классы основано на акциональных свойствах, которые они обнаруживают в комбинации с квантованными аргументами. Изменение свойств аргументов у значительного числа глаголов приводит к изменению акциональных свойств. Рассмотрим (2.141a-b):

(2.141) a. marat **büre-ne** ike minut ečendä **üter-de**.
Марат **волк-ACC** два минута за **убивать-PST**
*Марат **убил волка** за две минуты.*

b. *marat **büre-ne** ike minut bujɤna **üter-de**.
Марат **волк-ACC** два минута в.течение **убивать-PST**
*Марат **убивал волка** две минуты.*

Как видно из (2.141), глагол *üterä* ‘убивать’ относится к классу сильных предельных: его Претерит имеет акциональную характеристику {ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}, в которую не входит значение ПРОЦЕСС. Интерпретация, при которой не предполагается, что результирующее состояние ‘волк мертв’ достигнуто, последовательно отвергается носителями — см. (2.141b)[20].

Ситуация меняется, если прямое дополнение представлено именной группой во множественном числе:

(2.142) a. marat **büre-lär-ne** ike minut ečendä **üter-de**.
Марат **волк-PL-ACC** два минута за **убивать-PST**
*Марат **убил** волков за две минуты.*

b. marat **büre-lär-ne** ike sägat$_j$ bujɤna **üter-de**.
Марат **волк-PL-ACC** два час в.течение **убивать-PST**
*Марат **убивал** волков два часа.*

В отличие от (2.141), (2.142) допускает не только предельную интерпретацию, иллюстрируемую (2.142a), но и непредельную, которая представлена в (2.142b). (2.142b) сообщает, что в течение двух часов агенс занимался уничтожением неопределенного

[20] В западных мишарских говорах (2.141b) приемлемо; однако и в этом случае предложение интерпретируется предельно — аналогично русскому *убил волка в течение двух минут.* Соответственно, различие говоров в данном случае связано не с семантикой глагольного предиката, а с дистрибуцией обстоятельств, возглавляемых послелогом *bujɤna*.

количества волков; наступления какого-либо результирующего состояния не предполагается. Мы видим, что в (2.141) и (2.142) представлен один и тот же сильный предельный глагол в одной и той же форме, следовательно, его свойства не могут нести ответственность за различие между данными предложениями. Различие, очевидно, происходит из свойств прямого дополнения, которое содержит некоторую информацию, которая, взаимодействуя с лексической информацией, заключенной в глаголе, определяет итоговую акциональную характеристику предложения.

Далеко не все глаголы обнаруживают такие же свойства, как *üterä* ‘убивать’. У некоторых глаголов свойства аргумента не оказывают влияния на интерпретацию предложения. Таков, например, *ketä* ‘ждать’, который остается непредельным независимо от того, какая именная группа занимает позицию его внутреннего аргумента:

(2.143) a. marat ike sägat$_j$ bujɤna **räšit-ne** **ket-te**.
Марат два час в.течение **Рашит-ACC** **ждать-PST**
*Марат **ждал Рашита** два часа.*

b. *marat ike sägat$_j$ ečendä **räšit-ne** **ket-te**.
Марат два час за **Рашит-ACC** **ждать-PST**
*Марат **ждал Рашита** за два часа.*

(2.144) a. marat ike sägat$_j$ bujɤna **malaj-lar-nɤ** **ket-te**.
Марат два час в.течение **мальчик-PL-ACC** **ждать-PST**
*Марат **ждал мальчиков** два часа.*

b. *marat ike sägat$_j$ ečendä **malaj-lar-nɤ** **ket-te**.
Марат два час за **мальчик-PL-ACC** **ждать-PST**
*Марат **ждал мальчиков** за два часа.*

Прямое дополнение в (2.144) отличается от прямого дополнения в (2.143) так же, как прямое дополнение в (2.142) отличается от прямого дополнения в (2.141). В первом случае это исчисляемая именная группа в единственном числе, во втором — исчисляемая именная группа во множественном числе. Тем не менее и (2.143), и (2.144) допускают только непредельную интерпретацию и, соответственно, сочетаются только с обстоятельствами типа ‘два часа’, но не с обстоятельствами типа ‘за два часа’.

Описание этого явления нуждается в ответе на четыре вопроса.

- Какую информацию содержит прямое дополнение в (2.141)-(2.142) и в аналогичных им предложениях?
- Каким образом эта информация взаимодействует с характеристиками глагола?
- Какие еще составляющие клаузы (в синтаксических терминах) и / или аргументы предиката (в семантических терминах) ведут себя так же, как прямое дополнение в (2.141)-(2.142)?
- Чем объясняется, что глаголы типа ‘ждать’ и ‘убивать’ ведут себя по-разному?

Обсуждением этих вопросов мы займемся в следующем разделе.

2.2.4.2. Композициональная теория предельности

Семантические теории, которые занимаются объяснением того, как информация, заключенная в аргументах предиката, воздействует на его предельность, называются теориями аспектуальной / акциональной композиции (см. обзор имеющихся возможностей в Татевосов 2014, 2015). Обсуждение в этом разделе опирается на идеи мереологической теории предельности М. Крифки (Krifka 1989, 1992, 1998).

В разделе 2.2.1 мы уже сталкивались с понятиями кумулятивности и квантованности применительно к глагольным предикатам. Предикат кумулятивен, если всякий раз, когда он выполняется для сущностей *x* и *y* по отдельности, он выполняется для их суммы $x \oplus y$. Предикат квантован, если всякий раз, когда он выполняется для сущности *x*, он не выполняется ни для какой собственной части *x*.

Кумулятивность и квантованность характеризует не только глагольные, но и именные предикаты. Например, неисчисляемая именная группа типа *суп*, если анализировать ее как предикат, кумулятивна: если *x* — это суп, и *y* — это суп, то, соединив *x* и *y*, мы все равно получим суп. Именная группа *яблоко*, опять-таки если анализировать ее как предикат, квантована: никакая собственная часть яблока — не яблоко.

Объясняя, как взаимодействуют кумулятивность / квантованность именных выражений и кумулятивность / квантованность глагольных предикатов, М. Крифка опирается на понятие инкрементальности. Это понятие характеризует отношение между ситуацией и ее участником. Предикат *есть яблоко,* например, инкрементален: развитие ситуации ‘есть яблоко’ в точности соответствуют частям яблока, которые поедаются. По мере того как ситуация ‘есть яблоко’ продвигается, яблоко исчезает. Когда яблоко съедено полностью, ситуация завершается.

Напротив, отношение между ситуацией, описываемой как *чесать нос* или *толкать тележку перед собой,* и объектами *нос* или *тележка*, неинкрементально. В общем случае неверно, что чем больше мы чешем нос или толкаем тележку, тем большая часть носа или тележки подвергается воздействию.

Актант, который находится в инкрементальном отношении с событием, называется инкрементальной (прирастающей) темой. Каждая часть инкрементальной темы отображается в некоторую часть описываемой предикатом ситуации и обратно; участник и ситуация находятся в одно-однозначном соответствии. Вследствие этого ситуация изоморфна инкрементальной теме, и свойства инкрементальной темы определяют свойства предиката, содержащего эту ситуацию в своем экстенсионале.

Например, английские предложения (2.145) и (2.146) отличаются с точки зрения предельности:

(2.145) a. John **ate an apple** *in an hour*.
*Джон **съел яблоко** за час*

b. ??John **ate an apple** *for an hour*.
*Джон **съел яблоко** час.*

(2.146) a. ??John **ate soup** *in an hour*.
*Джон **ел суп** за час.*

b. John **ate soup** *for an hour*.
*Джон **ел суп** час.*

Как видно из тестов на сочетаемость с обстоятельствами длительности, (2.145a-b) предельны, а (2.146a-b) — непредельны. Действительно, отношение между ситуацией

‘есть’ и пациенсом этой ситуации инкрементально, а пациенс ‘яблоко’ — квантованная именная группа. Квантованным (то есть предельным) оказывается и глагольный предикат ‘есть яблоко’. Напротив, ‘суп’ в (2.146) — кумулятивная именная группа, и свойство кумулятивности приобретает и предикат ‘есть суп’, который оказывается непредельным.

Таким образом, акциональная композиция описывается следующим обобщением:

(2.147) Глагол, имеющий эпизодическую интерпретацию, в комбинации с квантованной инкрементальной темой создает квантованный глагольный предикат, в то время как в комбинации с кумулятивной инкрементальной темой глагол порождает кумулятивный глагольный предикат.

Мереологическая теория М. Крифки предсказывает, что

- глагольный предикат получает свойства кумулятивности / квантованности от именного аргумента и
- это происходит только у предикатов, описывающих события, которые находятся в инкрементальном отношении с участником этого события.

Мереологическая теория, в частности, правильно предсказывает, что неинкрементальный предикат типа ‘ждать мальчика / мальчиков’ не чувствителен к кумулятивности / квантованности аргумента, а значит, (2.143) и (2.144) не должны различаться с точки зрения предельности.

Сосредоточимся на тех мишарских инкрементальных предикатах, свойства которых не полностью описываются принципом (2.147). Очевидно, этот принцип предсказывает, что любой предикат с инкрементальной темой относится к классу сильных предельных, поскольку в конструкции с квантованной инкрементальной темой (например, исчисляемым существительным в единственном числе) он также должен быть квантованным, то есть предельным. Если аргумент обладает свойством кумулятивности, то есть является неисчисляемым или множественным неопределенным, у предиката должна возникать непредельная интерпретация. В мишарском диалекте выполняется, однако, только часть этого предсказания.

Рассмотрим (2.148):

(2.148) a. marat **xat-nɤ** ike sägat$_j$ ečendä **jaz-dɤ.**
Марат **письмо-ACC** два час за **писать-PST**
*Марат **написал письмо** за два часа.*

b. marat **xat-nɤ** ike sägat$_j$ bujɤna **jaz-dɤ.**
Марат **письмо-ACC** два час в.течение **писать-PST**
*Марат **писал письмо** два часа.*

И в (2.148a), и в (2.148b) инкрементальная тема ‘письмо’ квантована, и глагольный предикат в (2.148a), в полном соответствии с (2.147), также квантован и имеет предельную интерпретацию. Однако, вопреки (2.147), предикат *xatnɤ jazdɤ* ‘писать письмо’ имеет также непредельную интерпретацию, которая иллюстрируется в (2.148b): носители мишарского диалекта рассматривают это предложение как полностью приемлемое. Допустимость обоих предложений определяет глагол ‘писать’ как слабый предельный:

его Претерит характеризуется акциональными значениями ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, которое реализуется в (2.148a), и ПРОЦЕСС, представленным в (2.148b).

Рассмотрим теперь предложения с множественным аргументом:

(2.149) a. marat **xat-lar-nɤ** ike sägat$_j$ ečendä **jaz-dɤ.**
Марат **письмо-PL-ACC** два час за **писать-PST**
1. Марат ***написал*** <THE> ***письма*** *за два часа.*
*2. *Марат* ***написал*** <∅> ***письма*** *за два часа.*

b. marat **xat-lar-nɤ** ike sägat$_j$ bujɤna **jaz-dɤ.**
Марат **письмо-PL-ACC** два час в.течение **писать-PST**
1. Марат ***писал*** <THE> ***письма*** *два часа.*
2. Марат ***писал*** <∅> ***письма*** *два часа.*

В отличие от английского языка, в котором артикли делают любую именную группу либо однозначно квантованной, либо однозначно кумулятивной (определенный артикль *the* с множественным именем влечет квантованность, нулевой артикль — кумулятивность), в татарском языке, как и в русском, именные группы во множественном числе без дополнительных зависимых (указательных местоимений, кванторных слов и т. п.) допускают две интерпретации. Например, ИГ *xatlar* ‘письма’ соответствует ИГ [the letters] ‘(эти, данные) письма’ и [∅ letters] ‘(какие-то, какие-нибудь) письма’.

Выясняется, однако, что интерпретация множественных именных групп, выступающих в качестве инкрементальной темы, ограничена. В (2.149a) с квантованным глагольным предикатом ‘написать письма’ инкрементальная тема также квантована. Прямое дополнение в (2.149a) обозначает определенную совокупность писем, введенную в рассмотрение в предшествующем контексте. Это ограничение очевидно вытекает из принципов аспектуальной композиции в (2.147): квантованные инкрементальные глагольные предикаты возможны только в присутствии квантованной инкрементальной темы. В непредельном (2.149b), однако, инкрементальная тема может быть не только кумулятивной, как это ожидается исходя из (2.147), но и квантованной. Из сравнения двух интерпретаций видно, что речь в данном предложении может идти как о неспецифицированном множестве писем, примерно как в русском *пришел домой, пописал письма и лег спать*, так и о совокупности, эксплицитно очерченной в предшествующем контексте. Таким образом, в (2.149b) мы имеем то же расхождение наблюдаемого с предсказываемым, что и в (2.148): квантованность инкрементальной темы оказывается совместима с кумулятивностью глагольного предиката.

Следует заметить, что все обследованные нами предикаты с инкрементальной темой — ‘есть яблоко / яблоки’, ‘пахать поле / поля’, ‘смотреть телепередачу / телепередачи’, ‘петь песню / песни’ и т. п. — обнаруживают дистрибуцию, аналогичную той, которую иллюстрируют предложения (2.148-149). Для них, таким образом, верно следующее обобщение:

(2.150) В комбинации с кумулятивным аргументом предикаты с инкрементальной темой непредельны. В комбинации с квантованным аргументом они допускают как предельную, так и непредельную интерпретации.

Вернемся к глаголу ‘убивать’, с которого началось обсуждение акциональной композиции в этом разделе. На первый взгляд кажется, что глагол ‘убивать’ ведет себя аналогично глаголу *eat* в английском языке из (2.145)-(2.146): квантованное прямое дополнение обязательно вызывает предельность (см. (2.141)-(2.142)), в отличие от предиката ‘писать письмо’ в (2.148).

Ситуация, однако, несколько сложнее. В предложении *marat büre-ne üterde* ‘Марат убил волка’, когда мы имеем в качестве прямого дополнения исчисляемую именную группу в единственном числе, инкрементальное отношение между ситуацией и аргументом отсутствует: неверно, что чем больше агенс убивает волка, тем большая часть волка убита. Это означает, что источник предельности в данном случае — это не свойства прямого дополнения (для глаголов типа ‘убивать’, по всей видимости, предельность должна быть задана лексически).

Однако если предикат имеет множественный аргумент, инкрементальное отношение между событием и этими аргументами делается возможным (хотя и не обязательным). Если есть множество волков, то событие ‘убивать’ может развиваться так, что уничтожение волков производится постепенно и каждой части этого события соответствует некоторое подмножество волков. В этом случае можно ожидать, что предикат ‘убивать волков’ будет допускать тот же диапазон интерпретаций, что и прочие инкрементальные предикаты, подобные ‘писать письма’ и ‘есть яблоки’. Это ожидание, как видно из (2.142a-b), оправдывается. ‘Убивать волков’ имеет и предельное, и непредельное прочтения и, тем самым, как и классические предикаты с инкрементальной темой, описывается обобщением в (2.150).

Таким образом, инкрементальность — лексическое свойство глагольного предиката, причем следует различать инкрементальные глаголы двух типов. У одних, типа глагола ‘убивать’, инкрементальность возникает только при наличии множественного (или любого кумулятивного) аргумента, у других, например, у глагола ‘писать’, она представлена всегда, независимо от характеристик аргумента. По всей видимости, не существует инкрементальных глаголов, у которых инкрементальное отношение возможно с единичным аргументом и невозможно с множественным и / или кумулятивным. Типология глагольных предикатов с точки зрения инкрементальности представлена в Таблице 2.9.

Таблица 2.9. Типология инкрементальных предикатов

Пример предиката	Наличие инкрементальности с единичным аргументом	Наличие инкрементальности с множественным / кумулятивным аргументом
‘есть’, ‘писать’	+	+
‘убивать’, ‘ломать’	—	+
‘ждать’, ‘любить’	—	—
не засвидетельствовано	+	—

Подведем итог. При наличии инкрементального отношения между ситуацией и ее участником свойства предиката определяются свойствами аргумента. Квантованные аргументы допускают как предельное, так и непредельное прочтение предиката, кумулятивные аргументы совместимы только с непредельной интерпретацией. При отсутствии инкрементального отношения свойства аргументов влияния на предельность / непредельность не оказывают.

2.2.4.3. Предикаты с инкрементальным путем

Пациенс / тема — не единственный тип аргумента, который может воздействовать на предельность. Имеются предикаты, описывающие ситуации, которые состоят в инкрементальном отношении с некоторой сущностью, не являющейся пациенсом / темой. Одна из этих сущностей — инкрементальный путь.

Возьмем глаголы движения. У таких глаголов не возникает инкрементального отношения между ситуацией и ее участником: неверно, что чем больше, например, ситуация ‘возвращаться’ развертывается во времени, тем большая часть участника возвращается. Верно, однако, что чем дальше развивается эта ситуация, тем ближе актант к конечной точке движения: части ситуации находятся в одно-однозначном соответствии с частями траектории аргумента, или его п у т и. Глаголы такого типа называются г л а г о л а м и с и н к р е м е н т а л ь н ы м п у т е м.

Существенно то, что характеристики инкрементального пути, как и квантованность / кумулятивность инкрементальной темы, воздействуют на предельность глагольного предиката. Типологически это обнаруживается в трех типах конфигураций:

- путь остается имплицитным и синтаксически не выражается;
- путь задается посредством указания на его конечную точку;
- путь задается посредством указания на его протяженность.

Мишарский материал обнаруживает несколько интересных особенностей. (2.151)-(2.158) демонстрируют употребления предиката с инкрементальным путем. Первое, что можно отметить: если путь не выражается в синтаксисе, предложение либо непредельно (значение ПРОЦЕСС), либо имеет ингрессивную интерпретацию ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС:

(2.151) marat **jeger-de**.
Марат **бежать-PST**

*1. Марат **побежал**.*
*2. Марат **побегал**.*
*3. *Марат **прибежал**.*

(2.151.3) показывает, что при невыраженном инкрементальном пути для глагола *jegerä* ‘бежать, бегать’ предельная интерпретация, указывающая, что весь путь пройден, невозможна. (2.151.2) предполагает экзистенциальную интерпретацию пути (‘имеется путь, которые был преодолен в процессе бега’). (2.151.1) вовсе не содержит указаний на путь — оно описывает лишь вхождение в процесс ‘бежать’.

Если же путь задан эксплицитно при помощи выражений со значением меры, например, ‘100 метров’, то, как и в предыдущем случае, без затруднений допускается ингрессивная интерпретация в (2.152).

(2.152) marat **jez metr jeger-de**.
Марат **сто метр бежать-PST**

*Марат **побежал** (дистанцию в) **сто метров**.*

Допускается и предельная интерпретация в (2.153), предполагающая, что путь длиной сто метров полностью пройден.

(2.153) marat un sekund ečendä **jez metr jeger-de**.
Марат десять секунда за **сто метр бежать-PST**
*Марат **пробежал сто метров** за 10 секунд.*

Большинство носителей, однако, отвергает непредельное прочтение в (2.154), когда агенс участвует в беге на пятикилометровую дистанцию, но сходит с нее через несколько минут после старта.

(2.154) ??marat un minut bujɤna **biš kilometr jeger-de**.
Марат десять минута в.течение **пять километр бежать-PST**
*Марат **бежал пять километров** 10 минут* {а потом сошел с дистанции}.

Объяснение предельности предиката в (2.153) может быть очень похожим на то, которое предлагается для предикатов с инкрементальной темой. Вот общий план. Предположим, что глаголы движения имеют семантический актант Путь и отношение между этим актантом и ситуацией инкрементально. Выражения типа ‘сто метров’ (которые представляют собой экстенсивные мерные функции, см. Krifka 1992, 1998) отмеривают определенное расстояние, а значит, создают квантованный путь. Никакая собственная часть пути длиной в сто метров не является путем длиной в сто метров. Поскольку отношение между путем и ситуацией инкрементально, никакая часть события ‘пробежать сто метров’ не является событием ‘пробежать сто метров’. Отсюда предельность (2.153).

Напротив, в (2.151.2) длина пути остается имплицитной: предложение утверждает лишь, что существует н е к о т о р ы й путь, пройденный Маратом во время бега. Легко показать, что в этом случае глагольный предикат кумулятивен. Если объединить два события, в каждом из которых Марат пробежал некоторый путь, опять получится событие, в ходе которого Марат пробежал некоторый путь (этот путь будет суммой путей в каждом отдельном событии). Именно поэтому (2.151.2) непредельно.

Рассмотрим, наконец, третью возможность, которая иллюстрируется в (2.155):

(2.155) marat **mäktäp-kä jeger-de**.
Марат **школа-DAT бежать-PST**
*Марат **побежал в школу**.*

(2.156) marat un minut bujɤna **mäktäp-kä jeger-de**.
Марат десять минута в.течение **школа-DAT бежать-PST**
*Марат **бежал в направлении школы** 10 минут.*

(2.157) ??marat un minut ečendä **mäktäp-kä jeger-de**.
Марат десять минута за **школа-DAT бежать-PST**
*Марат **прибежал в школу** за 10 минут.*

(2.158) marat un minut ečendä **mäktäp-kä jeger-e-p kil-de**.
Марат десять минута за **школа-DAT бежать-ST-CONV приходить-PST**
*Марат **прибежал в школу** за 10 минут.*

В (2.155)-(2.158) путь задается посредством указания на конечную точку с помощью направительной ИГ в дативе *mäktäpkä* ‘в школу’. Путь квантован: никакая собственная часть пути, у которого исходная точка — пространственная локализация Марата в начале описываемой ситуации, а конечная — школа, не является путем из этой

локализации в школу. Однако в мишарском диалекте наличие квантованного пути, определенного при помощи конечной точки, не сказывается на предельности. (2.155)-(2.157) имеет ровно тот же диапазон интерпретаций, что и (2.151), в котором путь не выражен, — ингрессивную в (2.155) и непредельную в (2.156). Предельная интерпретация в (2.157) так же невозможна, как и в (2.151.3); чтобы получить ее, необходима конструкция со вспомогательным глаголом *kilä* ‘приходить’ в (2.158). Этим (2.155)-(2.158) отличаются от своих аналогов во многих других языках, где указание на конечную точку создает предельный предикат, ср. англ. *John ran to the station in ten minutes* || *??for ten minutes* ‘Джон прибежал на станцию за десять минут || ??десять минут’[21].

Диапазон акциональных интерпретаций предикатов с инкрементальным путем суммирован в Таблице 2.10.

Как показывает таблица, глаголы с инкрементальным путем в перфективной форме всегда имеют ингрессивную интерпретацию ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, а в имперфективной — ПРОЦЕСС. Если инкрементальный путь не выражен или вводится в рассмотрение через указание на его конечную точку, у перфективных форм имеется также непредельное значение ПРОЦЕСС. Указание на протяженность пути приводит к появлению предельной интерпретации ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ.

Таблица 2.10. Акциональная композиция: предельность предикатов с инкрементальным путем

Тип инкрементального предиката	Акциональная интерпретация перфективной формы	Акциональный класс	Толкования перфективной формы
Предикат с имплицитным инкрементальным путем	Непредельная, ингрессивная	<{ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, ПРОЦЕСС}; {ПРОЦЕСС}>	‘бежать’, ‘побежать’
Предикат с указанием на протяженность пути	Предельная, ингрессивная	<{ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}; {ПРОЦЕСС}>	‘пробежать сто метров’, ‘побежать сто метров’
Предикат с указанием на конечную точку пути	Непредельная, ингрессивная	<{ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, ПРОЦЕСС}; {ПРОЦЕСС}>	‘бежать в школу’, ‘побежать в школу’

2.2.4.4. Предикаты с инкрементальным параметрическим свойством

Еще один тип предикатов, предельность которых определяется композиционально, — предикаты, обозначающие отношение между ситуацией и изменяющимся параметрическим свойством аргумента, например, ‘толстеть’, ‘темнеть’, ‘удлинять’, ‘лечить’ и т.п. (см. Dowty 1979, Tenny 1994, Hay *et al.* 1999, Filip 1999: 104-108, Kennedy, Levin 2002, Piñon 2008, Татевосов 2009, Tatevosov 2013b). Такие глаголы называются глаголами с инкрементальным параметрическим свойством (известны также как градативы, а в англоязычной литературе — как degree achievements или gradual completion verbs,

[21] Отметим, что благодаря предложениям типа (2.158) можно исключить возможность того, что дативные именные группы типа *mäktäp-kä* в принципе не совместимы с указанием на достижение конечной точки. Если бы *mäktäp-kä* интерпретировалось только как ‘в направлении школы’, но не как ‘в школу’, невозможность (2.157) можно было бы отнести на этот счет. Однако (2.158) показывает, что это не так. Дативная именная группа по меньшей мере совместима с требуемой интерпретацией, а значит, объяснение неграмматичности (2.157) следует искать в другом месте.

см., в частности, Dowty 1979, Bertinetto, Squartini 1995, Hay *et al.* 1999). Многие из них, хотя и далеко не все, производны от параметрических прилагательных типа ‘толстый’, ‘темный’, ‘длинный’, ‘здоровый’ (см. Kennedy, McNally 2005).

Мишарские предикаты с инкрементальным свойством обнаруживают свою композициональную природу в трех типах конструкций, которые в точности соответствуют аналогичным конструкциям для глаголов с инкрементальным путем:

- эксплицитных указаний на количественные изменения свойства нет;
- изменение свойства задается посредством указания на его конечную точку;
- изменение свойства задается посредством выражения со значением меры.

Если степень изменения не вводится эксплицитно, предикаты с инкрементальным свойством имеют две интерпретации — предельную и непредельную:

(2.159) alsu ike minut ečendä || bujɤna su **jɤlɤt-tɤ**.
Алсу два минута за в.течение вода **греть-PST**

*1. Алсу **нагрела** воду за две минуты.*
*2. Алсу **грела** воду две минуты.*

В предельном предложении с интерпретацией (2.159.1) в рассмотрение вводится ситуация, при которой за две минуты нагревание воды достигло кульминации. В данном случае это означает, что ее температура больше или равна величине, которая в контексте высказывания рассматривается как стандарт для нагретой воды. (2.159.2) сообщает, что нагревание воды продолжалось две минуты, а затем прекратилось.

Объяснение того, как возникает этот диапазон значений, было предложено, в частности, в работе Дж. Хей и ее соавторов (Hay *et al.* 1999). Непредельная интерпретация в (2.159.1) возникает точно так же, как в (2.151.2) с инкрементальным путем: степень изменения получает экзистенциальную интерпретацию. При непредельной интерпретации предикат *heat the water* ‘нагревать воду’ обозначает события, в которых температура воды изменилась на н е к о т о р у ю величину. Поскольку изменения происходят инкрементально, то в собственной части любого такого события температура воды также изменяется на некоторую (меньшую) величину. И событие, и его собственные части тем самым входят в экстенсионал предиката, а значит, он не квантован. Легко также показать, что этот предикат кумулятивен. Если e — это событие, в котором температура увеличилась на некоторую величину, и e' — это событие, в котором температура увеличилась на некоторую величину, то в обоих событиях температура воды также увеличилась на некоторую величину (а именно, на величину, которая представляет собой сумму увеличений температуры в обоих событиях).

Когда возникает предельная интерпретация, полагают авторы Hay *et al.* 1999, степень изменения конкретна, но не реализована никаким синтаксическим материалом. Какова она, мы узнаем благодаря контексту, общим знаниям и т.д. Вследствие этого создается квантованный предикат, что объясняет предельность (2.159.1).

Если мера нагревания задана эксплицитно, допустима только предельная интерпретация:

(2.160) alsu ike minut ečendä || ??bujɤna **un** **gradus-ka**
Алсу два минута за в.течение **десять** **градус-DAT**

su **jʁlʁt-tʁ**.
вода **греть-PST**

1. Алсу ***нагрела*** *воду на* ***10 градусов*** *за две минуты.*
2. [??] *Алсу* ***понагревала*** *воду на* ***10 градусов*** *две минуты*
{ПК: и прекратила это занятие, когда температура повысилась на пять градусов}.

В (2.160) присутствует мерная функция ‘градус’, отражающая меру изменения температуры воды, которая повышается в ходе осуществления ситуации. Обязательной предельностью предложение в (2.160) похоже на свой аналог в сфере предикатов с инкрементальным путем в (2.154).

Это не случайно. М. Крифка (Krifka 1998) объединяет предикаты с инкрементальным путем и свойством в естественный класс: и те, и другие обозначают движение. Единственное различие, считает М. Крифка, состоит в том, что в случае глаголов типа ‘бежать’ движение — это перемещение в физическом пространстве, тогда как ‘нагревать воду’ — это движение по шкале температуры. Если рассуждения М. Крифки верны, то ‘нагреть воду на 10 градусов’ — это точный аналог ‘пробежать пять километров’. В обоих случаях мерное выражение указывает на протяженность пути: бегущий преодолевает расстояние в 5 км, а нагревающаяся вода — в 10°C. Семантически близкие мерные выражения оказывают сходное воздействие на предельность предиката. В (2.153) мы видели, что ‘пробежать пять километров’ пределен. Пределен и ‘нагреть воду на десять градусов’ в (2.160). И действительно: если увеличение температуры происходит инкрементально, никакая собственная часть события ‘нагреть воду на десять градусов’ не является событием ‘нагреть воду на десять градусов’. Точно таким же рассуждением обосновывалась и предельность ‘пробежать пять километров’ в (2.153c).

Предикаты с инкрементальным путем и свойством в комбинации с мерными выражениями можно сравнить с предикатами с инкрементальной темой типа ‘читать книгу’ или ‘есть яблоко’. Последние тоже можно представить себе как описание перемещения по пути ограниченной протяженности. Путем в этом случае выступают физические измерения объекта — объем яблока или, допустим, протяженность текста. Интересное наблюдение, которое возникает, как только мы пытаемся сблизить эти случаи, состоит в том, что предикаты с инкрементальной темой допускают непредельное прочтение, как мы неоднократно видели (см., в частности, 2.2.4.1), а предикаты с инкрементальным путем / свойством в сочетании с мерным выражением — нет. Их предельность обязательна. Объяснения этому наблюдению пока не было предложено.

Наконец, последний случай — это когда у предикатов с инкрементальным свойством указывается не мера изменения, как в (2.160), а его конечная точка. Этот случай иллюстрируется в (2.161):

(2.161) alsu ike minut ečendä ‖ ʔbujʁna **tuksan** **gradus-ta**
Алсу два минута за в.течение **девяносто** **градус-LOC**

su **jʁlʁt-tʁ**.
вода **греть-PST**

1. Алсу ***нагрела*** *воду* ***до 90 градусов*** *за две минуты.*
2. [??] *Алсу* ***понагревала*** *воду* ***до 90 градусов*** *две минуты*
{ПК: и прекратила это занятие, когда температура была 70 градусов}.

В этом случае возможны две интерпретации — предельная в (2.161.1) и непредельная в (2.161.2) (вторую, правда, некоторые носители находят менее естественной). В этом отношении предикаты с указанием на конечную точку изменения устроены так же, как предикаты, у которых степень изменения не выражена, такие, как (2.159). Такое же обобщение — выражение конечной точки не влияет на предельность — было верно и для предикатов с инкрементальным путем.

Предельная интерпретация (2.161.1) не составляет проблемы. Она, по всей видимости, возникает так же, как и предельная интерпретация в (2.159), с той лишь разницей, что в первом случае степень изменения свойства, определяющая кульминацию, выводится из контекста, а в последнем она задана эксплицитно через конечную точку изменения: это 90°C. Путь по шкале температуры, начальная точка которого — температура перед началом нагревания, а конечная — 90°C, — это квантованный путь. Соответственно и глагольный предикат, описывающий события, где этот путь пройден, квантован.

Непредельная интерпретация (2.161), однако, не может возникать так же, как в (2.159). В (2.159) мы обязаны непредельностью экзистенциальной интерпретации степени изменения (‘есть такая степень, в которой изменилась температура воды в ходе ситуации’). В (2.161) степень изменения известна: это разность между 90°C и температурой в начале ситуации. Это квантованный путь по шкале температуры. Соответственно, теория М. Крифки предсказывает, что предельность (2.161) не только возможна, но и обязательна. Это предсказание для мишарского диалекта, как мы видим, не выполняется.

Наблюдения о предикатах с инкрементальным свойством суммированы в Таблице 2.11.

Глаголы с инкрементальным свойством, как показывают данные таблицы, всегда имеют предельное прочтение (такое, как ‘нагреть’) у перфективной формы, и значение ПРОЦЕСС у имперфективной. Как в случае имплицитной степени изменения, так и при указании на его конечную точку, доступна также непредельная интерпретация, предполагающая, что развитие описываемой ситуации остановилось до достижения кульминации. Если степень изменения задана посредством выражения со значением меры, такая возможность отсутствует.

Таблица 2.11. Акциональная композиция: предельность предикатов с инкрементальным свойством

Тип инкрементального предиката	Акциональная интерпретация	Акциональный класс	Толкования перфективной формы
Предикат с инкрементальным свойством; имплицитная степень изменения	Предельная, непредельная	<{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, ПРОЦЕСС}; {ПРОЦЕСС}>	‘нагреть воду’, ‘понагревать воду’
Предикат с инкрементальным свойством; эксплицитная степень изменения	Предельная	<{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}; {ПРОЦЕСС}>	‘нагреть воду на 10 градусов’
Предикат с инкрементальным свойством; указание на конечную точку изменения	Предельная, непредельная	<{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, ПРОЦЕСС}; {ПРОЦЕСС}>	‘нагреть воду до 90 градусов’, ‘понагревать воду до 90 градусов’

2.2.4.5. Некоторые сходства и различия

Материал Таблиц 2.9-2.11 подводит нас к следующим обобщениям.

Во-первых, предикаты с инкрементальным путем и инкрементальным свойством имеют несколько важных общих черт.

- В конфигурации с невыраженным инкрементальным путем / свойством обязательна непредельная интерпретация (‘побегал’, ‘понагревал воду’).
- В конфигурации с указанием на протяженность пути / меру изменения свойства имеется предельная интерпретация (‘пробежал 5 км’, ‘нагрел воду на 10°C’).
- В конфигурации с указанием на конечную точку пути или изменения свойства имеется непредельная интерпретация (‘бежал в школу некоторое время’, ‘(по)нагревал воду до 90°C’).

Первые две характеристики в точности соответствуют предсказаниям мереологической теории акциональной композиции М. Крифки. Путь с эксплицитной протяженностью, как и эксплицитная степень изменения свойства, создают квантованный инкрементальный аргумент, который делает предикат предельным. Невыраженный путь или свойство получают экзистенциальную интерпретацию, которая ведет к непредельности. Третья характеристика в свете мереологической теории не ожидается (см. ниже).

Во-вторых, два типа предикатов обнаруживают систематические различия, и в целом различий значительно больше, чем общих свойств.

- Предикаты с инкрементальным путем, но не с инкрементальным свойством имеют ингрессивную интерпретацию (‘побежал’ в (2.151.1), ‘побежал сто метров’ в (2.152), ‘побежал в школу’ в (2.155)), которая, более того, не зависит от кумулятивности и квантованности пути.
- Предикаты с инкрементальным свойством, но не с инкрементальным путем допускают предельную интерпретацию ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ с невыраженным инкрементальным аргументом (‘нагрел воду’ в (2.159.1) vs. *‘прибежал’ в (2.151.3)). Этот аргумент предположительно получает конкретно-референтное значение из контекста и создает предельный предикат тем же способом, что и эксплицитно заданная мера изменения.
- Предикаты с инкрементальным свойством допускают и предельную, и непредельную интерпретацию в конфигурации с указанием на конечную точку изменения (‘нагрел до 90°C’ в (2.161.1)-(2.161.2)), а предикаты с инкрементальным путем при указании на конечную точку пути (‘прибежал в школу’ в (2.156)-(2.157)) — только непредельную.

Первое различие следует, видимо, отнести на счет лексических свойств глаголов перемещения в пространстве в татарском языке. По поводу него мереологическая теория не делает никаких предсказаний.

Вторая особенность типологически засвидетельствована: она представлена и в хорошо изученных языках типа английского. В литературе по ее поводу имеются некоторые наработки, упоминавшиеся выше, см. также обсуждение в Татевосов 2009.

Наибольший интерес представляет третья особенность, которая содержит в себе сразу две загадки. Первая: почему указание на конечную точку у глаголов типа *jegerä* ‘бежать, бегать’, создающее квантованный путь, не приводит к появлению предельной интерпретации типа ‘прибежал в школу’? Вторая: почему указание на конечную точку (‘до 90°C’) у глаголов типа *jɤlɤta* ‘нагревать’, создающее квантованную степень изменения свойства, не делает предельную интерпретацию обязательной? Оба случая идут вразрез с предсказаниями мереологической теории, поэтому понимание того, как они устроены, очень существенно для построения теории акциональной композиции, устойчивой к межъязыковому варьированию.

В Tatevosov 2013b обсуждаются интерпретации аналогичных предикатов в карачаево-балкарском языке, а в Татевосов 2009 — в тубаларском диалекте алтайского. Не имея возможности останавливаться на содержании этих работ подробно, укажем общую идею анализа акциональной неоднозначности предикатов с инкрементальным свойством. Интерпретации типа (2.161.2) (‘понагревал воду до 90°C и бросил это занятие’) — случай, подпадающий под юрисдикцию теории некульминирующих свершений (см. Koenig, Muansuwan 2000, Bar-el *et al.* 2005, Tatevosov, Ivanov 2009, Martin, Schäfer 2012, 2017, Altshuler 2013, 2014, Martin 2015). Этим они похожи на непредельные интерпретации других некульминирующих свершений, которые в описанной выше системе относятся к слабому предельному акциональному классу <ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, ПРОЦЕСС; ПРОЦЕСС> (см. 2.2.2.1). По всей видимости, каков бы ни был верный анализ некульминирующих свершений, именно он должен объяснять непредельные прочтения предложений типа (2.161.2).

Еще более любопытна загадка, которую дают нам глаголы способа перемещения в пространстве. Их взаимодействие с выражениями, обозначающими конечную точку и протяженность пути, соответствует среднеевропейскому шаблону ровно наполовину. Спецификация протяженности делает предикат предельным, в точности так же, как и, например, в английском языке (‘пробежал сто метров’ в (2.153), ср. *John ran five km in 28 minutes* ‘Джон пробежал пять километров за 28 минут’). Однако указание на конечную точку сохраняет предикат непредельным, как в (2.156) (‘бежал в направлении школы, а затем перестал’, ср. *John ran to the school in ten minutes* || **for ten minutes* ‘Джон прибежал в школу за десять минут ‖ *десять минут’). События, в которых конечная точка достигается, не входят в экстенсионал предиката *mäktäp-kä jeger* ‘бежать в школу’ (см. (2.156)-(2.157)), требуется построить конструкцию со вспомогательным глаголом *kilä* ‘приходить’ в (2.158). В такой конструкции вспомогательный глагол привносит значение достижения конечной точки, а лексический глагол описывает характер перемещения. Типологический вопрос о том, чем глагол типа ‘бежать’ в татарском языке отличается от глагола типа *run* ‘бежать’ в английском языке, однако, пока остается без ответа.

2.2.5. Заключение

Подведем итоги. А к ц и о н а л ь н о с т ь в мишарском диалекте обладает рядом интересных особенностей. Во-первых, это наличие двух разновидностей предельного и инцептивно-

стативного классов — с и л ь н о й и с л а б о й. В первую входят глаголы с акционально однозначными перфективными формами, во вторую — глаголы, у которых эти формы допускают две интерпретации, предельную и непредельную. Во-вторых, это крайне низкий удельный вес с т а т и в н о г о и п у н к т и в н о г о акциональных классов. Глаголы, аналоги которых в других языках являются стативными, в татарском языке относятся в основном к двум инцептивно-стативным классам; аналоги пунктивных глаголов относятся по большей части к одному из предельных классов. В-третьих, это наличие немногочисленных, но типологически редких классов — д в у п р е д е л ь н ы х г л а г о л о в и г л а г о л о в п о з и ц и и, которые отличаются чрезвычайно широким диапазоном акциональных интерпретаций.

А к ц и о н а л ь н а я к о м п о з и ц и я отличается характерной для других тюркских языков, но не отмеченной в большинстве европейских языков особенностью: глагольные предикаты с квантованной инкрементальной темой допускают не только предельную интерпретацию, которая предсказывается мереологической теорией предельности, но и непредельную.

Приложение: глагольная выборка

Список предикатных значений, использованный для составления глагольной выборки: ‘бежать’, ‘бить’, ‘болеть (о части тела)’, ‘бояться, пугаться’, ‘брать’, ‘бросать, кидать’, ‘вариться’, ‘верить’, ‘вечереть’, ‘видеть’, ‘возвращаться’, ‘вставать’, ‘вянуть’, ‘гаснуть, потухать’, ‘гнить’, ‘гореть’, ‘держать’, ‘ловить’, ‘доходить, достигать’, ‘драться’, ‘думать’, ‘ждать’, ‘жениться’, ‘жить’, ‘жужжать’, ‘забывать’, ‘загораться’, ‘заострять’, ‘знать, уметь’, ‘идти, падать (о дожде и снеге)’, ‘идти’, ‘искать’, ‘капать, сочиться’, ‘касаться’, ‘кашлять’, ‘кипеть, бурлить’, ‘кончать’, ‘копать’, ‘кричать’, ‘крутиться, превращаться’, ‘курить’, ‘тянуть’, ‘лежать’, ‘ложиться’, ‘лететь’, ‘ломать’, ‘лопаться’, ‘любить’, ‘махать’, ‘мерзнуть’, ‘мочь’, ‘мучиться’, ‘надевать’, ‘называться’, ‘находить’, ‘начинать’, ‘нравиться’, ‘мочиться’, ‘объяснять’, ‘опухать’, ‘оставаться’, ‘открывать’, ‘отрывать’, ‘падать’, ‘пахать’, ‘пачкаться’, ‘петь’, ‘писать’, ‘пить’, ‘побеждать, выигрывать’, ‘поворачиваться, ворочаться’, ‘подметать’, ‘подходить, быть впору’, ‘поливать, лить’, ‘помнить’, ‘помогать’, ‘понимать’, ‘привинчивать’, ‘прилипать’, ‘прислоняться’, ‘присоединяться’, ‘приходить’, ‘радоваться’, ‘располагаться’, ‘пилить’, ‘ремонтировать’, ‘сердить’, ‘сердиться’, ‘скапливаться’, ‘скользить, кататься на коньках’, ‘слушать’, ‘слышать’, ‘смотреть’, ‘сообщать, объявлять’, ‘спать’, ‘спешить’, ‘справляться, узнавать, выяснять’, ‘стрелять’, ‘таять’, ‘терять’, ‘теряться (об одушевленном)’, ‘трескаться’, ‘трогать, касаться’, ‘ударяться’, ‘удивляться’, ‘умирать’, ‘уставать’, ‘уходить’, ‘хотеть, желать’, ‘хотеться’, ‘храпеть’, ‘целовать’, ‘чесаться, зудеть’, ‘чистить’, ‘чувствовать’.

Список предикатных значений и список глаголов мишарского диалекта не находятся в одно-однозначном соответствии, поскольку в ряде случаев одному значению соответствует более одного глагола (например, ‘падать’ — *jɤgɤla*, *teššä*), одному глаголу — более одного значения (например, *tɤrra* — ‘стоять’ и ‘вставать’).

2.3. Перфект, эвиденциальность и адмиратив[22]

В этом разделе обсуждаются семантика и дистрибуция глагольных форм, выражающих значения косвенной засвидетельствованности и адмиративности (Anderson 1986, Willett 1988, Faller 2002, Aikhenvald (ed.) 2004, Храковский (ред.) 2007, McCready, Ogata 2008, Murray 2010). Грамматическое маркирование косвенной засвидетельствованности исследовалось во многих тюркских языках, в первую очередь в турецком (см. среди прочих Slobin, Aksu 1982, Aksu-Koç, Slobin 1986, Meydan 1996, Csató 2000, Johanson 2000b, 2003, Şener 2011). Тем не менее, ни литературный татарский язык, ни мишарский диалект до сих пор не были в полной мере изучены с точки зрения того, как косвенная засвидетельствованность или адмиративность представлена в их грамматической системе.

Начнем с терминологических уточнений. Эвиденциальность — категория, выражающая указание на источник информации. Мы в основном придерживаемся словоупотребления, известного по крайней мере начиная с Willett 1988. Т. Виллет проводит трехчленное противопоставление: прямая засвидетельствованность (direct evidence, ‘высказывание основано на информации, полученной непосредственным восприятием описываемой ситуации’), инферентивность (inferential evidence, ‘высказывание основано на информации, полученной путем логического вывода’) и пересказывательность (reported evidence, ‘высказывание основано на информации, полученной из вербального сообщения внешнего источника’). Инферентивность и пересказывательность противопоставлены прямой засвидетельствованности как разновидности косвенной засвидетельствованности (indirect evidence).

Мы обсудим здесь также и семантическое различие между новым / неожиданным и ассимилированным / ожидаемым знанием. Категория, семантическое содержание которой — маркирование нового знания, известна как (ад)миративность (mirativity), см. DeLancey 1997, 2001 и последующую литературу. В порядке сокращения мы будем называть формы, выражающие косвенную засвидетельствованность и / или миративность, медиативными формами.

2.3.1. Система медиативных форм

Система медиативных форм складывается из синтетического Перфекта и двух серий аналитических форм.

В разделе 2.1.1 выделяются ядерные синтетические формы индикатива. Это Претерит на *-dɤ* и Перфект на *-gan*, формы с временной референцией к прошлому; Презенс, имеющий временную референцию к настоящему, а также ряд дополнительных употреблений, и Футурум 1 (показатель *-r*) с Футурумом 2 (показатель *-ačak*), функция которых — вводить в рассмотрение ситуации в будущем.

Все синтетические формы, кроме Перфекта, употребляясь как вершина независимого предложения, не маркированы с точки зрения медиативности, ср. (2.162a) с Претеритом.

[22] В этом разделе использованы данные и некоторые обобщения из Tatevosov 2007.

Перфект обнаруживает ограничение, иллюстрируемое в (2.162b.1). Он не допускается, если Говорящий непосредственно наблюдает описываемую ситуацию. Чувствительность к указанию на источник информации делает Перфект грамматическим показателем медиативности.

(2.162) a. zinnur **jɤkl-a-dɤ**.
Зиннур **спать-ST-PST**

*Зиннур **спал**.* {ПК: Я видел его спящим. || Мне рассказали об этом.}

b. zinnur **jɤkl-a-gan**.
Зиннур **спать-ST-PFCT**

*1. Зиннур **(по)спал**.* {ПК: *Я видел его спящим. || [OK]Мне рассказали об этом.}
*2. *Зиннур **спит** || **будет спать**.* {ПК: Мне рассказали об этом.}
*3. *Когда Марат вошел, Зиннур **спал**.* {ПК: Мне рассказали об этом.}

Как видно из невозможности (2.162b.2), Перфект имеет временную референцию к прошлому. Неприемлемость (2.162b.3) показывает, что он совместим только с перфективной, но не с прогрессивной аспектуальной интерпретацией. Таким образом, Перфект — медиативная перфективная форма прошедшего времени.

Дистрибуция и возможные медиативные интерпретации Перфекта подробно обсуждаются в разделе 2.3.2.1.

Подпарадигма аналитических форм, имеющих отношение к дальнейшему обсуждению медиативности, приводится в Таблице 2.12[23]. Как видно из таблицы, в зависимости от формы вспомогательного глагола *i-* ‘быть’ мы получаем две серии аналитических образований. В одной из серий, которую мы называем адмиративной (первая колонка), *i-* ‘быть’ выступает в форме Перфекта на *-gan*. Во второй этот же вспомогательный глагол представлен в форме Перфекта на *-meš*; образованные с помощью него формы мы называем (весьма, впрочем, условно) репортативными (см. также 2.1.1).

Таблица 2.12. Основные аналитические формы глагола *bara* ‘идти’

Форма лексического глагола	Вспомогательные глаголы	
	i-kän (Перфект на *-gan* от вспомогательного глагола)	*i-meš* (Перфект на *-meš* от вспомогательного глагола)
Перфективное причастие	Адмиратив в прошедшем *bar-gan i-kän*	Репортатив в прошедшем *bar-gan i-meš*
Имперфективное деепричастие	Адмиратив в настоящем *bar-a i-kän*	Репортатив в настоящем *bar-a i-meš*
Причастие будущего времени	Адмиратив в будущем *bar-ɤ-r i-kän*	Репортатив в будущем *bar-ɤ-r i-meš*

[23] Полный список медиативных форм намного больше. Любая аналитическая форма с Перфектом вспомогательного глагола выражает значение косвенной засвидетельствованности, как, например, в *jɤkl-ɤj tur-ačak bul-gan* ‘Говорят, собирался всё время спать’. Грамматический статус этих форм в мишарском диалекте, однако, непонятен. Носители диалекта, с которыми мы работали, считают их грамматически допустимыми, однако не порождают их ни в спонтанном дискурсе, ни в переводах русских стимульных предложений. Эти формы, соответственно, остаются за пределами нашего изложения, см. о них также 2.1.1.

Адмиративная и репортативная серии структурно параллельны: каждой форме с *ikän* соответствует форма с *imeš* и обратно.

Первое представление об аналитических медиативных формах с временной референцией к прошлому можно составить по примерам типа (2.163):

(2.163) a. Адмиратив в прошедшем
daut kʏr-nʏ **sukal-a-gan** **i-kän**.
Даут поле-ACC **пахать-ST-PFCT** **AUX1-PFCT**
1. {**Оказывается**, || *Я видел, как} *Даут **вспахал** поле.*
2. ***{Оказывается**,} *Даут **пашет** || **вспашет** поле.*
3. *{**Оказывается**, когда Керим приехал,} *Даут **пахал** поле.*

b. Репортатив в прошедшем
daut kʏr-nʏ **sukal-a-gan** **i-meš**.
Даут поле-ACC **пахать-ST-PFCT** **AUX1-MEŠ**
1. {**Говорят**, || *Я видел, как} *Даут **вспахал** поле.*
2. *{**Говорят**,} *Даут **пашет** || **вспашет** поле.*
3. *{**Говорят**, когда Керим приехал,} *Даут **пахал** поле.*

Как видно из (2.163), рассматриваемые формы проявляют то же ограничение, что и синтетический Перфект в (2.162b): они невозможны, если говорящий непосредственно наблюдает описываемую ситуацию. Этого достаточно, чтобы рассматривать их как медиативные.

Кроме того, (2.163a.2) и (2.163b.2) указывают и на другое существенное свойство Адмиратива в прошедшем и Репортатива в прошедшем: они имеют одинаковую временную референцию, а именно, описывают ситуации, локализованные в прошлом.

Две формы не различаются и аспектуальными свойствами: обе перфективны. Попытка поместить их в имперфективный контекст, когда в рассмотрение вводится ситуация, находящаяся в стадии развития, как видно из (2.163a.3) и (2.163b.3), оканчивается неудачей.

Таким образом, медиативные глагольные формы с временной референцией к прошлому образуют трехчастную оппозицию Перфекта, Адмиратива в прошедшем и Репортатива в прошедшем. Семантические различия между ними связаны исключительно с выражением различных типов медиативных значений. Более подробно особенности Перфекта, Адмиратива в прошедшем и Репортатива в прошедшем обсуждаются в разделах 2.3.2.1-2.3.2.3.

Временная референция к настоящему реализуется аналитическими формами, образованными от имперфективного деепричастия, морфологически идентичного Презенсу. Эти формы обозначены в Таблице 2.12 как Адмиратив в настоящем и Репортатив в настоящем и иллюстрируются в (2.164):

(2.164) a. Адмиратив в настоящем
zinnur **jʏkl-ʏj** **i-kän**.
Зиннур **спать-ST.IPFV** **AUX1-PFCT**
{**Оказывается**,} *Зиннур **спит**.*

b. Репортатив в настоящем
zinnur **jʏkl-ʏj** **i-meš**.
Зиннур **спать-ST.IPFV** **AUX1-MEŠ**
{**Говорят**,} *Зиннур **спит**.*

Как (2.164a), так и (2.164b) описывают ситуацию, относящуюся к плану настоящего, и различаются лишь частными медиативными значениями.

Такой же параллелизм обнаруживают Адмиратив в будущем и Репортатив в будущем — с той разницей, что лексический глагол используется в форме футурального причастия, морфологически идентичного Футуруму 1. Соответствующие примеры в порядке экономии места не приводим.

Более подробно Адмиратив в настоящем и Адмиратив в будущем рассматриваются в разделах 2.3.3.1 и 2.3.3.2, а Репортатив в настоящем и Репортатив в будущем — в разделе 2.3.3.3.

2.3.2. Медиативность и временная референция к прошлому

Основное содержание медиативной системы мишарского диалекта можно охарактеризовать как оппозицию форм косвенной засвидетельствованности и форм, не маркированных с точки зрения засвидетельствованности ("nonfirsthand vs. everything else" в терминах А. Айхенвальд (Aikhenvald 2003: 4, 12)). Перфект на *-gan* допускается, если источником информации об утверждаемой пропозиции не является непосредственный опыт говорящего. В этом качестве он противопоставлен Претериту, не указывающему на источник информации. Другие медиативные формы с референцией к прошлому, Адмиратив в прошедшем и Репортатив в прошедшем, также требуют, чтобы утверждение характеризовалось косвенной засвидетельствованностью. В подсистеме медиативных форм прошедшего времени синтетический Перфект имеет наиболее широкую дистрибуцию; использование Адмиратива в прошедшем более ограничено; Репортатив в прошедшем требует наиболее специфического семантико-прагматического контекста.

2.3.2.1. Синтетический Перфект

2.3.2.1.1. Значение и дистрибуция. Два основных употребления Перфекта — инферентивное и пересказывательное. Они иллюстрируются в (2.165)-(2.166), где Контекст$_1$ соответствует инферентивному прочтению, а Контекст$_2$ — пересказывательному.

(2.165) Контекст$_1$: Говорящий некоторое время ищет топор, а затем видит Даута с топором в руке.
Контекст$_2$: Говорящий встретил друзей, которые сообщили ему, что Даут взял топор.
daut balta-nɤ **al-gan**.
Даут топор-ACC **брать-PFCT**
1. {**Я вижу**,} *Даут **взял** топор.*
2. {**Мне сказали**, **что**} *Даут **взял** топор.*

(2.166) Контекст$_1$: Говорящий замечает, что Даут изменился: он не ест, не пьет, никого не слушает и постоянно смотрит на Алсу.
Контекст$_2$: X сообщает говорящему, что Даут влюбился в Алсу. Говорящий сообщает об этом Y-у:
daut alsu-nɤ **jarat-kan**.
Даут Алсу-ACC **любить-PFCT**
1. {**Я вижу**,} *Даут **влюбился** в Алсу.*
2. {**Мне сказали, что**} *Даут **влюбился** в Алсу.*

В пересказывательном употреблении, возникающем в (2.165)-(2.166) в Контексте$_2$, говорящий получает информацию о ситуации из устного сообщения внешнего источника,

причем предпочитается персонифицированный источник. Интерпретация, при которой информация почерпнута из слухов или общего информационного фона (‘Говорят, что Даут влюбился’), менее естественна. Для таких контекстов систематически выбирается Репортатив в прошедшем (см. 2.3.2.3). Синтетический Перфект, соответственно, прагматически усиливается до противоположной интерпретации, когда предполагается, что источником информации выступает конкретное лицо.

Инферентивное прочтение Перфекта (‘информация о *p* — результат логического вывода’) заслуживает более детального обсуждения. (Здесь и далее оно передается в русском переводе с помощью оборота *я вижу*: предложения типа *Я вижу, Вася пришел* имеют именно такое прочтение.) Как и во многих других языках, где медиативные категории представляют собой продукт диахронического развития перфекта, в мишарском диалекте мы имеем дело с экспериенциальной инферентивностью[24]. Если предложение с Перфектом используется для утверждения пропозиции p, в момент речи должно иметь место наблюдаемое говорящим положение дел *q*, позволяющее ему заключить, что *p* имело место. Иными словами, при инферентивном употреблении требуется, чтобы описываемая ситуация имела воспринимаемые последствия, и именно они обеспечивают говорящего информацией, достаточной, чтобы сделать утверждение (‘я утверждаю, что *p*, потому что, как я вижу (слышу), имеет место *q*’). В Контексте$_1$ в (2.165) и (2.166) наблюдаемое положение дел — это, соответственно, ‘Даут держит топор’ и ‘Говорящий замечает, что Даут изменился…’, а утверждаемые пропозиции — ‘Даут взял топор’ и ‘Даут влюбился в Алсу’. Предложение (2.167) в контексте, когда логический вывод не опирается ни на какое наблюдаемое положение дел, а использует лишь общие знания о мире и участниках ситуации, рассматривается носителями языка как аномальное:

(2.167) ??daut balta-nɤ **al-gan**.
Даут топор-ACC **брать-PFCT**
{ЛК: — Где твой топор? — Я не знаю. Даут вроде собирался рубить дрова…
Должно быть,} *Даут **взял** топор.*

Это же обобщение иллюстрируется примерами типа (2.168):

(2.168) Контекст$_1$:
Говорящий приходит домой вечером. В прихожей он видит пальто Зухры. Говорящий:
* Контекст$_2$: — Ты думаешь, Зухра уже дома? — Уже семь часов, рабочий день закончился…
zehrä **kat$_j$-kan.**
Зухра **возвращаться-PFCT**
1. {**Я вижу**,} *Зухра **вернулась** (домой).*
2. *{**Должно быть**,} *Зухра **вернулась** (домой).*

(2.168) уместно в Контексте$_1$ (ср. известный пример «Пальто Кемаля» из Slobin, Aksu 1982), но не в Контексте$_2$. В первом случае именно пальто Зухры указывает говорящему, что Зухра дома. Во втором случае в распоряжении Говорящего есть только

[24] Этот пример вводится в Anderson 1986: 284; в Aikhenvald 2003: 12 в том же значении используется термин deferred evidence. См. также Tatevosov 2002, где экспериенциальные инферентивы обсуждаются более подробно.

соображения общего характера, например, ‘Если рабочий день завершен, работник обычно приходит домой; рабочий день Зухры завершен, следовательно, она должна быть дома’.

Логическая операция, с которой мы имеем дело в данном случае, известна как а б д у к ц и я: опираясь на наличествующее положение вещей *a*, мы даем им причинное объяснение *b*, предполагая, что *b* в нашем мироздании влечет за собой *a*. (Эту операцию, например, проделывает врач, когда, изучив симптомы заболевания, ставит диагноз.) Именно абдукция обеспечивает возможность утверждать незасвидетельствованную пропозицию *p* на основании ее засвидетельствованных последствий *q*.

Ограничения на инферентивные употребления Перфекта по сути представляют собой естественноязыковые ограничения на абдукцию. Какими характеристиками должно обладать наблюдаемое положение вещей *q*, чтобы можно было утверждать *p*, которое мы полагаем причиной *q*? Условие успешной абдукции для инферентивных употреблений Перфекта можно сформулировать следующим образом:

(2.169) Пусть C(ontext)B(ase), или контекстная информационная база, — это множество пропозиций, которые участники коммуникации рассматривают как истинные в текущем контексте. Пусть *q* — пропозиция, которая обозначает наблюдаемое в момент речи положение дел. Пусть *p*, $p \notin$ CB, — пропозиция, утверждаемая с помощью инферентивного Перфекта, такая, что *p* дает причинное объяснение *q*. Тогда

a. без утверждаемой пропозиции наблюдаемое положение дел не вытекает из контекстной базы:
   $CB \not\models q$;

b. *p* в совокупности с контекстной базой достаточна для объяснения *q*:
   $CB \cup \{p\} \models q$;

c. *p* — наиболее вероятное каузальное объяснение *q*:
   $\forall p' [CB \cup \{p'\} \models q \rightarrow [p' \text{ cause } q] <_{likely} [p \text{ cause } q]]$.

(2.169a) и (2.169b) самоочевидны. (2.169a) обеспечивает, чтобы утверждаемая с помощью инферентивного Перфекта пропозиция была необходима для объяснения наблюдаемого положения дел *q*. (2.169b) вводит условие, чтобы эта пропозиция в совокупности с контекстной базой была достаточна для объяснения *q*. (2.169c) требует, чтобы пропозиция была наиболее вероятной причиной *q*. Рассмотрим, как работает это последнее требование более подробно, на примере (2.170) с тремя возможными контекстами:

(2.170) Контекст$_1$: Говорящий знает, что утром Даут начал пахать поле. Вечером он приходит посмотреть, выполнена ли работа, и обнаруживает, что поле вспахано.
Контекст$_2$: Говорящий встречает Даута, пахаря, усталого и испачканного грязью и дизельным топливом.
??Контекст$_3$: Говорящий видит только что вспаханное поле и пытается догадаться, кто бы мог его вспахать. В селе есть три пахаря — Рашид, Джавдет и Даут.

daut kʏr-nʏ **sukal-a-gan**.
Даут поле-ACC **вспахать-ST-PFCT**

1. {**Я вижу**,} *Даут **вспахал** поле.*
2. {**Я вижу**,} *Даут **(вс)пахал** поле.*
3. ?? {**Должно быть**,} *Даут **вспахал** поле.*

В Контексте$_1$ говорящий наблюдает состояние ‘поле вспахано’. Знание о мире предполагает, что оно представляет собой результирующее состояние события ‘вспахать поле’. Пропозиция q = ‘поле вспахано’ достаточна для абдукции пропозиции ‘∃x. x вспахал поле’, т.е. ‘кто-то вспахал поле’. В (2.170), однако, делается более сильное утверждение: ‘Даут вспахал поле’, где представлена одна из пропозиций из множества альтернатив {‘Даут вспахал поле’, ‘Рашид вспахал поле’, … }. Контекст содержит информацию о том, что Даут начал пахать поле, и не содержит информации, что работа была закончена кем-то другим. Знания о мире таковы, что когда некоторый индивид участвует в определенном качестве в начальной стадии события, то, если нет явных указаний на обратное, следует предполагать, что он участвует в том же качестве во всем событии. Соединив все эти компоненты, мы получаем основание рассматривать утверждаемую пропозицию как более вероятную, чем альтернативы. И действительно, в Контексте$_1$ предложение с Перфектом полностью уместно.

Рассмотрим Контекст$_2$. Он отличается от Контекста$_1$ тем, что не содержит результирующего состояния ситуации. Контекст$_2$ дает информацию о состоянии, которое возникает после вспахивания не у пациенса, а у агенса. (Более того, не предполагается даже, что ситуация достигла кульминации и пациенс вступил в новое состояние.) Однако ‘быть испачканным грязью, дизельным топливом и т.д.’ — именно то состояние, которого достигает пахарь в силу участия в ситуации ‘пахать поле’. Соответственно, утверждаемая пропозиция вновь выступает как наиболее вероятное каузальное объяснение наблюдаемого положения дел, а значит, это положение дел дает говорящему достаточно оснований для успешной абдукции пропозиции ‘Даут (вс)пахал поле’.

В Контексте$_3$ мы вновь видим результирующее состояние, но на этот раз высказывание семантически аномально. По комментарию одного из носителей языка, «я не могу быть уверен, что именно Даут вспахал поле, это только догадки». Хотя говорящий наблюдает результирующее состояние, у него недостаточно информации, чтобы рассматривать одну из пропозиций в ряду ‘Рашид вспахал поле’, ‘Джавдет вспахал поле’, ‘Даут вспахал поле’ как наиболее вероятную причину этого состояния. Если помимо того, что задано в Контексте$_3$, больше ничего не известно, можно заключить, что вспахать поле мог любой из них. Следовательно, оснований абдуцировать утверждаемую пропозицию, отклонив альтернативы, нет.

Еще одна минимальная пара, иллюстрирующая ограничение на абдукцию, показана в (2.171):

(2.171) ?? Контекст$_1$: Говорящий наблюдает бой. Командир атакующих падает на землю.
Контекст$_2$: Говорящий приближается к командиру, проверяет пульс и понимает, что тот мертв.
kamandir-ne **üter-gän-när**.
командир-ACC **убивать-PFCT-PL**
{**Я вижу**,} *командира **убили***.

В Контексте$_1$ предложение аномально. Мы знаем, что убитый падает на землю, но мы также знаем, что не всякий упавший убит: возможно он ранен или просто споткнулся. Соответственно, Контекст$_1$ не позволяет абдуцировать событийную дескрипцию ‘командира убили’, отвергнув альтернативы ‘командира ранили’, ‘командир споткнулся’ и т.д.

В Контексте$_2$ абдукция проходит успешно: в ситуации боя событие ‘командира убили’ (а не, скажем, ‘командир умер от инфаркта’) — наиболее вероятная причина состояния ‘быть мертвым’.

Таким образом, случаи типа (2.170.3) показывают нам аномальность Перфекта, возникающую при недостатке информации, которая позволила бы по наблюдаемому положению вещей определить агенса, а (2.171) — подобрать верную событийную дескрипцию. В общем случае это верно для любого элемента, образующего пропозицию, — актантов, временных, локативных, причинных сирконстантов и т.д. Если наблюдаемого положения вещей в комбинации с контекстной информацией и общими знаниями, которые в совокупности образуют СВ, недостаточно для абдукции утверждаемой пропозиции в соответствии с (2.169a-c), инферентивный Перфект невозможен.

В качестве завершающей иллюстрации рассмотрим (2.172), где говорящий не является непосредственным свидетелем описываемой ситуации ‘Даут дал мне 100 рублей’. В зависимости от контекста в (2.172) производится абдукция пропозиции из разного набора альтернатив. В первом случае (Контекст$_1$) неизвестный параметр — сумма, во втором — идентичность агенса. Соответственно, в первом случае говорящий должен абдуцировать утверждаемую пропозицию, отвергнув альтернативы вида ‘Даут дал мне x рублей’, а во втором — ‘X дал мне 100 рублей’.

(2.172) Контекст$_1$: Даут, директор колхоза, выдал рабочим зарплату в запечатанных конвертах. Зарплата Говорящего составляет 200 рублей. Он приносит конверт домой, открывает его и обнаруживает лишь 100 рублей.

Контекст$_2$: Говорящий остро нуждается в деньгах. Его друг Даут оставляет конверт со 100 рублями у его двери. Говорящий открывает конверт и узнает сторублевую купюру с оторванным уголком, которую он сам дал Дауту некоторое время назад.

daut	miŋa	jez	sum	**bir-gän**.
Даут	1SG.DAT	сто	рубль	**давать-PFCT**

{**Я вижу**,} *Даут **дал** мне 100 рублей.*

В обоих случаях абдукция проходит успешно. В первом случае из известных говорящему пропозиций ‘∃x. Даут дал мне x рублей’ и ‘полученная от Даута сумма оказалась равна 100 рублям’ (плюс, вероятно, знания, что по дороге с работы домой к конверту никто не притрагивался) однозначно выводится ‘Даут дал мне 100 рублей’; альтернативы вида ‘Даут дал мне 50 рублей’, ‘Даут дал мне 200 рублей’ и т.д. естественно отклоняются.

Во втором случае так же легко отклоняются альтернативы вида ‘Джавдет дал мне 100 рублей’, ‘Марат дал мне 100 рублей’ и т.д. Наблюдаемое положение вещей в этом случае — ‘у меня оказалась сторублевая купюра’, а контекстное знание — ‘∃x. x дал мне 100-рублевую купюру’ и ‘Даут был предыдущим обладателем купюры’. Имея такую информацию (плюс, видимо, опираясь на допущение, что купюра не меняла владельца), говорящий абдуцирует (2.172), отводя альтернативы как маловероятные.

Мы видим, что на допустимость инферентивного Перфекта критически важное влияние имеет информация, доступная в текущем контексте, которую говорящий полагает известной и которую мы выше обозначили как СВ. Даже в очевидных случаях типа (2.168) приемлемость Перфекта, зависящая от успешной абдукции, может меняться,

смотря по тому, что известно о Зухре и ее пальто. Если, как это обычно бывает, Зухра носит пальто сама, то его появление в прихожей однозначно указывает на приход владелицы. Если же известно, что Зухра систематически дает поносить пальто сестрам и подругам, то, увидев его в прихожей, мы получаем основания для абдукции лишь значительно более слабой пропозиции: ‘та, кто сегодня ходит в пальто Зухры, сейчас здесь’. Предложение (2.168), соответственно, в таком контексте становится невозможным.

2.3.2.1.2. Перфект и фигура говорящего. Мишарский Перфект, как и медиативные показатели в других языках, используясь в форме 1-го лица единственного числа, вызывают семантический эффект, который можно обозначить как эффект утраты эпистемического контроля (см. Майсак, Татевосов 2000). Рассмотрим несколько примеров:

(2.173) Контекст: Говорящий, некоторое время искавший топор, наконец находит его в своей сумке.
min balta **al-gan-mɤn**!
я топор **брать-PFCT-1SG**
{**Оказывается**,} *я **взял** топор!*

В (2.173) вся информация о ситуации ‘Я взял топор’ приобретается ex post facto — посредством абдукции. В этой ситуации говорящий задействован в роли агенса, то есть инициирующего и контролирующего участника. Получается, что говорящий имеет лишь косвенное знание о ситуации, которую он сам инициировал и контролировал. Такое возможно, если он действовал, не отдавая себе отчета в том, что делает, — например, в состоянии глубокой задумчивости, опьянения, амнезии и т.п.

(2.174)-(2.175) иллюстрируют эффект того же ряда.

(2.174) min karak **tɤt-kan-mɤn**.
я вор **ловить-PFCT-1SG**
{**Оказывается**,} *я **поймал** вора* {ПК: но я не знал, что это вор, и отпустил его.}

(2.175) Контекст: Говорящий и Закир сражаются. Говорящий ударяет Закира большой палкой. Закир падает и лежит неподвижно на земле. Говорящий проверяет его пульс и понимает, что Закир мертв.
min zakir-nɤ **üter-gän-men**!
я Закир-ACC **убивать-PFCT-1SG**
{**Оказывается**,} *я **убил** Закира!*

В (2.174)-(2.175) говорящий участвует в ситуации сознательно, однако правильная дескрипция происходящего в этот момент ему недоступна; информация о ней также приобретается *ex post facto*. В (2.174) выясняется, что ситуация описывается как ‘поймать вора’, а в (2.175) — что происшедшее удовлетворяет предикату ‘убить Закира’.

2.3.2.1.3. Перфект в нарративных клаузах. Перфект систематически встречается в нарративных клаузах различных типов, однако его дистрибуция предсказуемо ограничена. Например, (2.176) — фрагмент исторического нарратива о происхождении родного села говорящего в XVIII веке.

(2.176) Контекст: Герои истории спасли правительственного чиновника от гибели. Тот сказал, что сделает всё, что они пожелают. Они попросили дать им землю.
«jar-a-r,» – **di-gän.** bɤ-lar-nɤŋ isem-när-e-n
подходить-ST-POT **говорить-PFCT** этот-PL-GEN имя-PL-3-OBL.ACC

jaz-ɤ-p al-gan-da: «ǯir tap-kač bar-ɤ-r-sɤz
писать-ST-CONV брать-PFCT-SIM земля находить-ANT идти-ST-POT-2PL

minem jan-ga,» – **di-gän**.
я.GEN около-DAT **говорить-PFCT**

«Ладно [= подойдет]*», — **сказал**. (А потом,) записывая их имена, **сказал**: «Когда найдете землю, придете ко мне».* (=T2:8-10)

bɤ-lar at-lar-ga atlan-ɤ-p eč jɤl
этот-PL лошадь-PL-DAT садиться.на.лошадь-ST-CONV три год

buj-ɤ ǯir **ezl-ä-gän-när**.
длина-3 земля **искать-ST-PFCT-PL**

*Они, сев на коней, в течение трех лет **искали** землю.* (=T2:10)

Перфект допускается в историческом нарративе, эпических произведениях, волшебных сказках и т.д. при условии, что протагонист нарратива отличен от повествователя. Перфект невозможен в «историях от первого лица». Он также избегается при описании реальных событий, находящихся по сю сторону горизонта личного опыта повествователя, пусть даже последний не был их непосредственным свидетелем. Характерный нарративный фрагмент — (2.177):

(2.177) Контекст: Много известных людей родилось в нашем селе.

a. ber-enče narkampros šahit äxmädiew **čɤk-kan**.
один-ORD наркомпрос Шагит Ахмадиев **выходить-PFCT**

*Первый наркомпрос Шагит Ахмадиев **вышел*** {из нашего села}.

b. a-lar-nɤŋ tugan-nar-ɤ kazan-da vertal$_j$ot zavot-ɤ-nɤŋ
он-PL-GEN родной-PL-3 Казань-LOC вертолет завод-3-GEN

gɤnɤral$_j$nɤj kanstruktɤr-ɤ garif äxmädijew **i-de**.
генеральный конструктор-3 Гариф Ахмадиев **AUX1-PST**

Их {т.е. семьи Шагита Ахмадиева} *родственником **был** генеральный конструктор на вертолетном заводе в Казани Гариф Ахмадиев.*

Ситуации, описываемые этими двумя предложениями, похожи: в каждой упоминается определенный человек и его занятие. Но (2.177a) с Перфектом от глагола *čɤga* ‘выходить’ относится к ситуации, которая имела место в 20-е годы и располагается за пределами того, что может составлять личный опыт повествователя. Ситуация, описываемая (2.177b), имела место в 50-е-70-е года, и повествователь, лично не знакомый с человеком, о котором идет речь, тем не менее избегает формы косвенной засвидетельствованности, предпочитая не маркированный по медиативности Претерит глагола *i-* ‘быть’.

2.3.2.2. Адмиратив в прошедшем

2.3.2.2.1. Значение и дистрибуция. На первый взгляд, значительных различий между синтетическим Перфектом и Адмиративом в прошедшем не фиксируется: они оба имеют инферентивную и репортативную интерпретации. Эти интерпретации иллюстрируются в (2.178):

(2.178) Контекст$_1$: Говорящий, некоторое время искавший топор, видит его в руках у Даута.
Контекст$_2$: Дровосеки ищут топор. Говорящий только что встретил друзей, которые сказали ему, что Даут забрал инструменты.

daut	balta-nɤ	**al-gan**	**i-kän**!
Даут	топор-ACC	**брать-PFCT**	**AUX1-PFCT**

1. {**Я вижу**,} *Даут **взял** топор!*
2. {**Мне сказали**,} *Даут **взял** топор!*

Как и в (2.165) с Перфектом, в (2.178) с Адмиративом в прошедшем Контекст$_1$ обеспечивает инферентивное прочтение, а Контекст$_2$ — репортативное.

Однако при более внимательном взгляде между двумя формами выявляется важное различие. Оно связано с тем, что сообщается об ожидаемости описываемой ситуации.

Рассмотрим (2.179)-(2.180), в которых сопоставлены инферентивные интерпретации Перфекта и Адмиратива в прошедшем:

(2.179) Контекст$_1$: Говорящий знает, что Даут — лучший охотник в деревне. Однажды Даут отправился охотиться на лося. Говорящий, который уверен, что охота будет удачной, через некоторое время встречает Даута, разделывающего лосиную тушу.
Контекст$_2$: Говорящий знает, что Даут пошел на охоту впервые. Говорящий, уверенный, что тот ничего не сможет добыть, тем не менее встречает Даута, разделывающего лосиную тушу. Говорящий удивлен:

daut	pɤšɤj	**üter-gän**.
Даут	лось	**убивать-PFCT**

{**Я вижу**,} *Даут **убил** лося.*

В (2.179) говорящий наблюдает ситуацию ‘Даут разделывает лосиную тушу’ и абдуцирует утверждаемую пропозицию, которая обозначает причину ее возникновения. Два контекста в (2.179) различаются ожидаемостью описываемой ситуации: в Контексте$_2$, но не в Контексте$_1$, Говорящий имеет причины для удивления — лось убит человеком, который вышел на охоту впервые. (2.179), таким образом, показывает, что Перфект безразличен к ожидаемости: он уместен и в Контексте$_1$, когда ситуация ожидаема, и в Контексте$_2$, подразумевающем неожиданность.

В отличие от Перфекта, Адмиратив в прошедшем приемлем в Контексте$_2$, однако неуместен в Контексте$_1$:

(2.180) ?? Контекст$_1$ = Контекст$_1$ (2.179)
Контекст$_2$ = Контекст$_2$ (2.179)

daut	pɤšɤj	**üter-gän**	**i-kän**.
Даут	лось	**убивать-PFCT**	**AUX1-PFCT**

{**Оказывается**,} *Даут **убил** лося!*

Минимальная пара в (2.179)-(2.180), таким образом, иллюстрирует основное различие между Перфектом и Адмиративом в прошедшем: чувствительность последнего к статусу пропозиции с точки зрения того, как говорящий оценивает ее ожидаемость в текущем контексте.

Такая чувствительность — повод охарактеризовать семантику исследуемой категории в терминах адмиративности (DeLancey 1997). Понятие адмиративности, однако, нуждается в некотором уточнении. С. Делэнси определяет адмиративность как категорию,

указывающую, что знание говорящего о ситуации не является частью его устоявшейся картины мира[25]. Это, согласно С. Делэнси, проявляется в том, что пропозиция «подается как новая *или* неожиданная для говорящего" (DeLancey 2001: 370).

Новизна и ожидаемость, однако, — логически независимые характеристики. Если информация о пропозиции *p* интегрирована в контекстную базу недавно («новое знание»), из этого не следует, что *p* с необходимостью расценивается как неожиданная. Неожиданность — это отношение между полученным знанием и знанием, уже ассимилированным, а именно: контекстная база CB совместима с *p*, однако совокупность составляющих базу пропозиций делает истинность p маловероятной.

Материал мишарского диалекта подтверждает это соображение. Если Контекст$_1$ и Контекст$_2$ в (2.179)-(2.180) создают минимальную пару по параметру ожидаемости, то Контекст$_1$ и Контекст$_2$ в (2.181) — это минимальная пара по параметру новизны.

(2.181) Контекст$_1$: Говорящий знает, что забор у дома Марата был сломан и что тот собирался его починить. Проходя мимо, он видит, что забор отремонтирован.

* Контекст$_2$: Говорящий знал, что забор у дома Марата был сломан и что тот собирался его починить.
Неделю назад, проходя мимо, он обнаружил, что забор отремонтирован. Сегодня говорящий рассказывает:

marat	kɤjma-sɤ-n	**tezät-kän**.
Марат	забор-3-OBL.ACC	**чинить-PFCT**

{**Я вижу**,} *Марат* ***починил*** *забор.*

В обоих случаях говорящий не является непосредственным свидетелем описываемой ситуации. Утверждение в (2.181) — результат абдукции, опирающейся на наблюдаемое результирующее состояние 'забор отремонтирован' и контекстную информацию. Более того, в обоих контекстах описываемая ситуация ожидаема. Контексты различаются временем приобретения информации о результирующем состоянии и, тем самым, временем абдукции утверждаемой пропозиции. В одном случае между этим временем и моментом речи проходит неделя, в другом время приобретения и момент речи пересекаются. Как показывает (2.181), если время приобретения разнесено с моментом речи, Перфект не допускается (ср. Koev 2011, Speas 2010).

Это же, однако, верно и для Адмиратива в прошедшем:

(2.182) Контекст$_1$: Говорящий знает, что забор у дома Марата был сломан много лет и что тот ничего не предпринимал, чтобы его починить. Проходя мимо, он неожиданно обнаруживает, что забор отремонтирован.

* Контекст$_2$: Говорящий знал, что забор у дома Марата был сломан много лет и что тот ничего не предпринимал, чтобы его починить. Неделю назад, проходя мимо, он неожиданно обнаружил, что забор отремонтирован. Сегодня говорящий рассказывает:

marat	kɤjma-sɤ-n	**tezät-kän**	**i-kän**.
Марат	забор-3-OBL.ACC	**чинить-PFCT**	**AUX1-PFCT**

{**Оказывается**,} *Марат* ***починил*** *забор.*

[25] До С. Делэнси адмиративность понималась как одно из частных значений категории эвиденциальности. Идея рассматривать ее как отдельную категорию не встретила одобрения у многих семантистов, начиная, по-видимому, с Ж. Лазара (Lazard 1999: 106). К моменту подписания настоящего издания в печать вопрос оставался открытым.

И Контекст$_1$ и Контекст$_2$ предполагают неожиданность, однако, как и в (2.181), различаются временем приобретения информации о результирующем состоянии и, тем самым, временем абдукции и временем присоединения утверждаемой пропозиции к СВ. Связанный с этим контраст в приемлемости, который наблюдается с Перфектом в (2.181), воспроизводится и в (2.182) с Адмиративом в прошедшем.

Эти примеры показывают, что ни Перфект, ни Адмиратив в прошедшем невозможны в инферентивном прочтении, если утверждаемая пропозиция представляет собой ассимилированное знание. Они различаются только по параметру ожидаемости.

Весьма вероятно, впрочем, что ограничение на ассимилированность пропозиции, которое мы видим в (2.181)-(2.182), вытекает не из свойств Перфекта и Адмиратива как таковых, а определяется семантикой инферентивности. В (2.169) вводится требование, чтобы ситуация, на которую опирается абдукция утверждаемой пропозиции, была непосредственно наблюдаема в момент речи. Естественно, время абдукции не может предшествовать времени получения информации, на основании которой производится абдукция. Тем самым время абдукции не может быть разнесено с моментом речи, а утверждаемая пропозиция, которая выводится посредством абдукции, не может быть ассимилирована в контекстной базе говорящего.

Неожиданность как семантический компонент Адмиратива в прошедшем имеет и еще одно интересное проявление, которое иллюстрируется в нарративном фрагменте (2.183):

(2.183) bu keše terkijä-lär-dä dä **bul-gan** **i-kän,**
этот человек Турция-PL-LOC EMPH **быть-PFCT** **AUX1-PFCT**

mädräsä-lär-dä dä uk-ɤ-gan.
медресе-PL-LOC EMPH учиться-ST-PFCT

{ЛК: В нашей деревне жил человек по имени Гумер-богатырь. Он несколько раз боролся с Иваном Поддубным. Ни тот, ни другой не смог победить.} *Этот человек и в мусульманских странах* [= в Турциях] ***побывал****, и в нескольких медресе учился.* {ПК: Иван Поддубный ездил бороться во Францию, а Гумера не пускали.} (=T2:26)

В (2.183) основная линия нарратива выстраивается вокруг соперничества протагониста, Гумера-богатыря, с Иваном Поддубным. Это последовательность пропозиций ‘Гумер несколько раз боролся с Иваном Поддубным’, ‘Ни тот, ни другой не смог победить’, ‘Иван Поддубный ездил бороться во Францию, а Гумера- богатыря не пускали.’ и т.д. В нее встраивается предложение с Адмиративом в прошедшем от глагола *bula* ‘быть’ — ‘Этот человек и в мусульманских странах [= в Турциях] побывал’. Оно представляет собой возникающий с задержкой элемент нарративной ориентации — сегмента повествования, где вводятся основные действующие лица и их характеристики (см. Labov, Waletzky 1967 и последующую литературу). В стандартном нарративе ориентация полностью предшествует основной линии.

Пропозиции, составляющие содержание нарратива, не являются, конечно, неожиданными для повествователя в буквальном смысле. Мы предполагаем, что в нарративном режиме интерпретации неожиданность вычисляется не применительно к контекстной базе говорящего, а применительно к набору пропозиций, составляющих собственно нарративную последовательность. Иными словами, Адмиратив в прошедшем маркирует

пропозиции, неожиданные с точки зрения самой структуры повествования. В (2.183) это несвоевременно возникающие ориентирующие пропозиции («бывал в других странах, учился»), которые вклиниваются в основную линию («боролся с Иваном Поддубным, не мог победить, Поддубный ездил во Францию, Гумера не пускали…»).

Учитывая, что и в общем случае для Адмиратива возможно переключить роль приобретателя и владельца информации о пропозиции с говорящего на другую сущность (см. ниже 2.3.4), сформулированное выше предположение о характере нарративных клауз типа (2.183) выглядит правдоподобно, однако требует, конечно, дальнейшей технической проработки.

2.3.2.2.2. Адмиратив в прошедшем в контекстах прямой засвидетельствованности. Важный вопрос, возникающий в связи с семантикой адмиративности, состоит в том, могут ли адмиративные категории употребляться в контекстах прямой засвидетельствованности, при условии, что говорящий рассматривает ситуацию как неожиданную. С. Делэнси (DeLancey 1997) дает положительный ответ. Однако, обсуждая адмиративы в контекстах прямой засвидетельствованности, и сам С. Делэнси, и многие другие типологи и семантисты в основном приводят примеры со стативными предикатами (особенно ‘быть’ и ‘иметь’), которые, более того, используются в предложениях с временной референцией к настоящему[26]. С динамическими предикатами с временной локализацией в прошлом приемлемость такой интерпретации адмиратива существенно понижается[27].

Похожая картина наблюдается и в мишарском диалекте. Это видно из сравнения (2.184) и (2.185):

(2.184) Контекст: Говорящий уверен, что у него закончились сигареты. Неожиданно он находит в сумке забытую пачку.

minem tämäke-m **bar** **i-kän**!
я.GEN табак-1SG **быть** **AUX1-PFCT**

{**Оказывается**,} *у меня* ***есть*** *курево!*

(2.185) Контекст: Алсу никогда не мыла пол, поручая это младшим сестрам. Однако зайдя к Алсу по делу, говорящий застает ее за мытьем пола. После того как она закончила, говорящий выражает удивление:

??alsu idän **ju-gan** **i-kän**!
Алсу пол **мыть-PFCT** **AUX1-PFCT**

{Невероятно! **Оказывается,**} *Алсу* ***вымыла*** *пол!*

(2.184) описывает состояние в настоящем, которое говорящий наблюдает непосредственно. (Так что, строго говоря, комбинация связки *bar* ‘есть’ и *i-kän* — это не Адмиратив в прошедшем, а Адмиратив в настоящем, которому посвящен раздел 2.3.3.1 ниже.) Это, однако, невозможно для Адмиратива в предельном предложении (2.185) с временной референцией к прошлому.

Более того, прямая засвидетельствованность невозможна и в том случае, когда в рассмотрение вводится состояние в прошлом. Это иллюстрирует (2.186), который отличается от (2.184) исключительно временной локализацией состояния ‘быть с сигаретами’.

[26] См., например, характерный материал албанского языка в Duchet, Përnaska 1996.
[27] См. нахско-дагестанские данные в Tatevosov 2001 и Татевосов 2007b.

(2.186) Контекст$_1$: Приятель вчера попросил у говорящего закурить. Говорящий думал, что у него нет сигарет, и отказал. Сегодня говорящий стал перебирать свою сумку и нашел там пачку, о которой совершенно забыл накануне и которая лежала там несколько дней. Говорящий неприятно удивлен и смущен:
??Контекст$_2$: Весь вчерашний день говорящий был уверен, что у него не было сигарет. Ближе к вечеру он неожиданно нашел в сумке забытую пачку. Сегодня он рассказывает:
minem tämäke-m **bul-gan** **i-kän**!
я.GEN табак-1SG **быть-PFCT** **AUX1-PFCT**
Сигареты у меня (вчера){, **оказывается**,} ***были***!

В приемлемом Контексте$_1$ пропозиция ‘вчера у меня были сигареты’ не подкрепляется непосредственным наблюдением, а возникает, как и во многих других случаях, в результате абдукции. Неприемлемый Контекст$_2$ отличается тем, что описываемая ситуация в прошлом воспринималась непосредственно. Отметим, что в обоих контекстах присутствует элемент неожиданности, так что можно быть уверенным, что наблюдаемый в (2.186) контраст не связан с этим параметром интерпретации.

Точная природа противопоставления, иллюстрируемого примерами (2.184)-(2.185), требует дальнейшего изучения. В любом случае примеры типа (2.185)-(2.186) показывают, что в мишарском диалекте, как и во многих других языках,[28] выражение адмиративности в прошлом не независимо от косвенной засвидетельствованности. К обсуждению адмиративности в конфигурациях с временной референцией к настоящему мы вернемся в 2.3.3.1.

2.3.2.3. Репортатив в прошедшем

Репортатив в прошедшем значительно отличается как от синтетического Перфекта, так и от Адмиратива в прошедшем. Основная функция этой формы — указание на информацию «из вторых рук», которая не ассоциируется ни с каким персонифицированным источником. Типичное употребление Репортатива в прошедшем — изложение слухов, как в (2.187):

(2.187) Контекст: В селе произошло убийство. Убитого зовут Рашит.
daut rašit-ne **üter-gän** **i-meš**.
Даут Рашид-ACC **убить-PFCT** **AUX1-MEŠ**
1. {ЛК: — Как ты думаешь, кто убил Рашита? — Я не знаю. **Говорят**,} *Даут **убил** Рашита.*
2. *{ЛК: — Как ты думаешь, кто убил Рашита?} — *Даут **убил** Рашита.*
{ПК: Мой друг, который случайно стал свидетелем убийства, рассказал мне.}

Благодаря (2.187) мы видим две особенности Репортатива в прошедшем. Во-первых, он избегается, если информация получена из конкретного источника, ср. неприемлемость (2.187.2). Во-вторых, как и его русский переводной эквивалент с *говорят*, Репортатив предполагает пониженную достоверность. Употребляя эту форму, Говорящий указывает, что не готов нести полную ответственность за истинность пропозиции. Это последнее свойство Репортатива в прошедшем отличает его от Перфекта и Адмиратива в прошедшем, которые не только наводят косвенную засвидетельствованность, но и сообщают, что с точки зрения говорящего ситуация истинна в актуальном мире. Репортатив

[28] См., например, обсуждение турецкого материала в Meydan 1996: 135.

в прошедшем оставляет возможность того, что пропозиция истинна не в актуальном, а в одном из эпистемически доступных миров. (О взаимодействии эвиденциальных показателей с ответственностью говорящего за истинность пропозиции в актуальном мире см. Faller 2002, Matthewson *et al.* 2007, Sauerland, Schenner 2007 и в особенности Davis *et al.* 2007.)

Следующее свойство Репортатива в прошедшем состоит в том, что он не допускает инферентивную интерпретацию. Это показано в (2.188) с контекстом, идентичным (2.165.1) и (2.178.1):

(2.188) Контекст: Говорящий, некоторое время искавший топор, видит Даута с топором в руке.
*daut balta-nɤ **al-gan** **i-meš.**
Даут топор-ACC **брать-PFCT** **AUX1-MEŠ**
{**Я вижу**,} *Даут **взял** топор!*

Наконец, употребление Репортатива в прошедшем в нарративах ограничено преданиями и волшебными сказками, как в (2.189), причем клаузами, не составляющими основную линию. В (2.189), например, Репортатив в прошедшем появляется в завязке повествования:

(2.189) ber ken-ne ätäč awɤl kɤrɤj-ɤ-n-a **čɤk-kan** **i-meš.**
один день-ACC петух деревня край-3-OBL-DAT **выходить-PFCT** **AUX1-MEŠ**
*Однажды **вышел** петух на край деревни.* (=T14:1)

Кроме того, Репортатив в прошедшем употребляется при описании снов, как в (2.190):

(2.190) iske üj-ebez **i-meš.** a-n-da äti **kat$_j$-kan** **i-meš**…
старый дом-2PL **быть-MEŠ** этот-OBL-LOC отец **вернуться-PFCT** **AUX1-MEŠ**
{ПК: Я вижу во сне} *наш старый дом. В дом **вернулся** отец...*

Языки используют различные нарративные стратегии для передачи снов. Одна из преобладающих возможностей — описывать сны, как если бы они были реальными событиями. Медиативные формы, напротив, относительно редко используются для вербализации такого рода человеческого опыта. А. Айхенвальд (Aikhenvald 2003: 22), обсуждая разнообразные типологические возможности, указывает, что в тюркских языках формы косвенной засвидетельствованности невозможны в нарративах с изложением содержания сновидений. Репортатив в прошедшем в татарском — явный контрпример к этому обобщению. С его помощью говорящий имеет возможность подавать увиденное во сне как элемент опыта, относящегося к тем же мирам, где существуют, например, волшебные сказки.

В исторических нарративах, описывающих события, которые вводятся в рассмотрение как элемент актуального мира, Репортатив в прошедшем не используется.

Другая группа употреблений Репортатива в прошедшем представлена в (2.191)-(2.192):

(2.191) Контекст: Зухра вымыла посуду. Говорящий берет одну из тарелок и обнаруживает, что она грязная.
zehrä tabaq-sawɤt **ju-gan** **i-meš**!
Зухра посуда **мыть-PFCT** **AUX1-MEŠ**
*Зухра **вымыла** посуду*{, **называется**}*!*

(2.192) Контекст: Даут склеил осколки разбитой тарелки, но тарелка опять развалилась.
daut tälinkä **jabɤštɤr-gan** **i-meš**!
Даут тарелка **клеить-PFCT** **AUX1-MEŠ**
*Даут **склеил** тарелку*{, **называется**}*!*

В примерах такого типа семантический вклад Репортатива в интерпретацию напоминает значение русского *называется*: ситуацию, о которой идет речь, на первый взгляд, можно описать как ‘вымыть посуду’ и ‘склеить тарелку’, но на самом деле такое описание неадекватно.

По всей видимости, в примерах этого типа мы сталкиваемся с металингвистическим использованием Репортатива в прошедшем, когда в его сферу действия входит не описываемая ситуация как таковая, а выбор ее языковой дескрипции. Если обычный семантический вклад Репортатива, такого как в (2.187), можно неформально охарактеризовать как (2.193a), то в употреблениях типа (2.191)-(2.192) он интерпретируется в духе (2.193b):

(2.193) MEŠ(∃e P(e)) ≈
a. ‘говорят, в нашем мире имеет место ситуация *e*, которая удовлетворяет описанию P’.
b. ‘говорят, ситуация *e*, которая имеет место в нашем мире, удовлетворяет описанию P’.

Согласно (2.193b), ответственность за то, что ситуация *e* удовлетворяет дескрипции P, возлагается на неперсонифицированный внешний источник, а утверждение о соответствии e этой дескрипции характеризуется пониженной достоверностью. Стандартные прагматические механизмы (максима количества, максима релевантности и т.д., см. Grice 1975) создают импликатуру, что в действительности *e* не удовлетворяет дескрипции P, хотя и похожа на ситуации из ее экстенсионала. В (2.191)-(2.192) то, что произошло, несмотря на внешнее сходство, неверно описывать как ‘Зухра вымыла посуду’, а ‘Даут склеил тарелку’. Примерно такой же эффект возникает у русских *называется* или *типа* (*Сделал уроки, называется* или *Он типа починил машину*). Если максимум, что можно сказать о ситуации *e*, — это то, что она *называется* P, то следует заключить, что более сильное утверждение ‘*e* является P’ ложно.

Дальнейшая реинтерпретация исходного (2.193a) по линии (2.193b), по-видимому, приводит к появлению употреблений типа (2.194), где описывается и м и т а ц и я ситуации, удовлетворяющей некоторой дескрипции. (Такое прочтение есть у русского *типа*, ср. *Зиннур типа заснул*.)

(2.194) zinnur **jɤkl-a-gan** **i-meš**.
Зиннур **спать-ST-PFCT** **AUX1-MEŠ**
*Зиннур **притворился спящим**.*

Согласно (2.193b), выбор дескрипции ‘Зиннур заснул’ для описания происходящего неадекватен. В этом отношении (2.194) в точности соответствует (2.191)-(2.192). Оно имеет такую же импликатуру ‘ситуация похожа на засыпание, но описывать ее таким образом неверно’. Требуется лишь минимальное прагматическое наращение, чтобы из этого получить ‘притворяется’. Наращение, видимо, представляет собой еще одну

абдукцию. «Похоже на *p*, но не *p*» — это стандартный результат целенаправленных усилий по имитации *p*. А значит, если мы видим нечто, что есть соблазн описать как ‘Зиннур спит’, но Зиннур тем не менее не спит, то это потому, что он притворяется.

2.3.3. Адмиративность и репортативность в настоящем и будущем

2.3.3.1. Адмиратив в настоящем

Адмиратив в настоящем противопоставлен синтетической форме Презенса (см. Таблицы 2.1 и 2.2), которая не маркирована по медиативности. Основная функция Адмиратива в настоящем — указание на неожиданность описываемой ситуации и выражающей ее пропозиции. Адмиратив в настоящем допускается в репортативных и инферентивных контекстах, но, что особенно важно, также в контекстах прямой засвидетельствованности. Различные возможности иллюстрируются в (2.195):

(2.195) Контекст$_1$: Несколько человек ждут Зиннура, тот не приходит. Теряя терпение, говорящий звонит Зиннуру; ему неожиданно сообщают, что Зиннур спит.
Контекст$_2$: Говорящий приходит в гости к Зиннуру, рассчитывая на хороший прием и угощение. Однако из комнаты Зиннура доносится храп.
??Контекст$_3$: Говорящий знает, что Зиннур уходит спать в 10 часов вечера. В 11 часов он слышит его храп.
Контекст$_4$: Говорящий ждет Зиннура. Не дождавшись, он идет домой к Зиннуру и находит его спящим.
??Контекст$_5$: В 10 часов вечера говорящий велит Зиннуру идти спать. В 11 часов он входит в его комнату и видит его спящим.
zinnur **jʁkl-ʁj** **i-kän**!
Зиннур **спать-IPFV** **AUX1-PFCT**
{**Оказывается**,} *Зиннур **спит**!*

Контекст$_1$ наводит репортативное прочтение, а Контекст$_2$ — инферентивное. В первом случае источник информации — сообщение третьего лица, во втором пропозиция — продукт абдукции: опираясь на воспринимаемую ситуацию ‘Зиннур храпит’, говорящий делает вывод, что имеет место каузирующая ее ситуация ‘Зиннур спит’. Контекст$_3$ показывает, что ожидаемость — это фактор, ограничивающий дистрибуцию Адмиратива в настоящем: если ситуация ‘Зиннур спит’ ожидаема, его употребление неуместно. С точки зрения этих трех возможностей Адмиратив в настоящем мало отличается от Адмиратива в прошедшем, охарактеризованного в п. 2.3.2.2.

Контекст$_4$ и Контекст$_5$ вместе убеждают нас в том, что ожидаемость — это е д и н с т в е н н ы й фактор, ограничивающий дистрибуцию Адмиратива в настоящем, и что этим он отличается от своего аналога с временной референцией к прошлому. В Контексте$_4$ говорящий непосредственно наблюдает описываемую ситуацию. Это, однако, не блокирует использование Адмиратива, поскольку, как и, например, в Контексте$_2$, эта ситуация не ожидается. Сохранив прямую засвидетельствованность, но заменив неожиданность на ожидаемость в Контексте$_5$, мы вновь получаем аномальное предложение.

Допустимость Адмиратива в настоящем в контексте прямой засвидетельствованности иллюстрируется и предложением (2.196):

(2.196) Контекст: Говорящий уверен, что Зухра давно ушла спать. Он идет на кухню и застает там Зухру, моющую посуду.

zehrä	tabaq-sawʕt	**ju-a**	**i-kän**.
Зухра	посуда	**мыть-IPFV**	**AUX1-PFCT**

{**Оказывается**,} *Зухра **моет** посуду!*

Таким образом, Адмиратив в настоящем имеет более широкий диапазон интерпретаций, чем Адмиратив в прошедшем: он чувствителен только к статусу пропозиции как ожидаемой или неожиданной. (Под ожидаемостью пропозиции p, как обсуждалось в п. 2.3.2.2, мы понимаем вероятность того, что p истинно, оцениваемую исходя из информации, содержащейся в контекстной базе.) Источник информации — прямая, инферентивная, репортативная засвидетельствованность — на дистрибуцию Адмиратива в настоящем, по-видимому, не влияет.

Имея в виду ограничения, которые мы наблюдали в этом разделе, кажется возможным обосновать следующее предположение:

(2.197) В любых употреблениях мишарский Адмиратив указывает на событие e_p приобретения говорящим знания о пропозиции p на интервале, содержащемся в контекстном (расширенном) настоящем.

Событие приобретения говорящим знания о пропозиции p, e_p, — это событие включения p в контекстную базу. Контекстное (расширенное) настоящее — понятие, известное из анализа перфектов настоящего времени. Оно представляет собой интервал, ограниченный справа моментом речи и простирающийся в прошлое до тех пор, пока охватываемые им положения вещей составляют, с точки зрения текущего контекста, единый сегмент истории мироздания (см. Portner 2003, 2009 и упоминаемую там литературу). Контекстное (расширенное) настоящее, иными словами, — это настоящее в узком смысле и та (относительно небольшая) часть прошлого, по поводу которой несущественно, что это прошлое.

Согласно (2.197), Адмиратив вовсе не указывает ни на источник информации, ни на ее эпистемический статус. Он лишь сообщает, что в прагматически релевантных окрестностях момента речи имело место e_p — получение информации об утверждаемой пропозиции. Компонент неожиданности возникает как импликатура. Если говорящий делает выбор в пользу того, чтобы эксплицитно указать на приобретение информации о p в событии e_p, то это, видимо, потому, что p не только непосредственно не содержится в контекстной базе, но и не выводится из нее очевидным образом. Если бы это было не так, говорящий бы не стал подчеркивать, что информация получена в результате e_p из внешнего источника. Оказывается p тем самым имплицирует, что $\mathrm{CB} \not\models p$, то есть что p не вытекает из CB, «не ожидается».

Несовместимость Адмиратива с прямой засвидетельствованностью, если речь идет о ситуациях, локализованных в прошлом, связана с разъединением фокусного времени описываемой ситуации и времени события e_p. Фокусное время ситуации локализовано в прошлом, тогда как приобретение знания происходит в настоящем. В настоящем наблюдать прошлую ситуацию уже слишком поздно: можно наблюдать лишь ее последствия или получать информацию из внешних источников. Соответственно, Адмиратив в прошедшем ограничен инферентивными и репортативными употреблениями.

Для Адмиратива в настоящем такого ограничения нет: и сама ситуация, и получение информации о ней расположены здесь и сейчас. Условия для появления ограничения на прямую засвидетельствованность не создаются.

Полный анализ Адмиратива будет нуждаться, конечно, в более тщательной проработке, как содержательной, так и технической, но здесь мы ограничимся этими неформальными рассуждениями.

2.3.3.2. Адмиратив в будущем

Проспективный Адмиратив в будущем морфологически соответствует синтетическому Футуруму 1 (см. Таблицы 2.1 и 2.2).

Если линия рассуждений, завершающая предыдущий раздел, верна, и Адмиратив действительно указывает на событие приобретения знания об описываемой ситуации, локализованное в расширенном настоящем, то в случае, когда ситуация относится к плану будущего, мы можем ожидать совершенно определенных эффектов.

Во-первых, ситуации в будущем недоступны непосредственному наблюдению в принципе, так что контексты прямой засвидетельствованности для Адмиратива в будущем построить невозможно. Информацию о будущей ситуации, тем не менее, можно приобрести медиативным путем — инферентивным (‘я вижу, будет *p*’) или репортативным (‘говорят, будет *p*’).

Во-вторых, семантический компонент неожиданности должен сохраниться. Он возникает благодаря указанию на ситуацию приобретения знания и не зависит от временной локализации ситуации.

В-третьих, инферентивность в будущем должна представлять собой зеркальное отражение инферентивности в прошлом. Если речь идет о прошлом, утверждаемая пропозиция выводится с помощью абдукции, которая опирается на положение дел в настоящем. Если речь идет о будущем, утверждение также должно отталкиваться от положения дел в настоящем, но только утверждаемая пропозиция будет выводиться не в результате абдукции, а в результате дедукции.

В-четвертых, репортативное прочтение будет реализовываться без каких-либо специальных эффектов. В этом случае мы имеем дело с информацией, полученной из внешнего источника, а о каком временном плане эта информация, роли не играет.

По всей видимости, эти ожидания выполняются. (2.198) показывает репортативный Адмиратив в будущем, который ничем не отличается от своих аналогов с другой временной локализацией:

(2.198) Контекст: Говорящий и Даут решили отправиться в город вместе. В назначенное время Даут не появился. Раздосадованный Говорящий звонит ему домой и узнает, что тот передумал, в город не поедет, а будет пахать поле. Говорящий — спутникам:

daut	kʏr	**sukal-a-r**	**i-kän!**
Даут	поле	**пахать-ST-FUT**	**AUX1-PFCT**

{Оказывается,} *Даут **будет пахать** поле!*

При инферентивном прочтении все ситуации, описываемые Адмиративом, ожидаются в будущем, однако их предпосылки присутствуют в момент речи. Эти предпосылки могут иметь различную природу.

Если предикат агентивен, в момент речи агенс либо имеет намерение осуществить описываемую ситуацию, либо проводит какие-либо приготовления. Эту возможность показывает (2.199):

(2.199) Контекст: Говорящий и Даут решили отправиться в город вместе. В назначенное время Даут не появился. Раздосадованный говорящий приходит к нему домой и застает его за приготовлениями плуга к вспахиванию поля.

daut	kʏr	**sukal-a-r**	**i-kän!**
Даут	поле	**вспахать-ST-FUT**	**AUX1-PFCT**

{**Оказывается**,} *Даут* ***будет пахать*** *поле!*

Соответственно, наблюдая приготовления и задействуя общие знания, говорящий дедуцирует предположение, что в будущем, если все пойдет без осложнений, в актуальном мире будет истинна пропозиция ‘Даут пашет поле’.

Если глагол неагентивен, Адмиратив нуждается в таком положении вещей в настоящем, которое при естественном ходе событий приведет к возникновению ситуации из экстенсионала предиката. Если этого положения вещей нет, нет и оснований для дедукции предположения о будущем событии.

(2.200) Контекст: Говорящий смотрит в окно и видит сгущающиеся облака, хотя десять минут назад небо было чистое.

jangʏr	**jaw-a-r**	**i-kän.**
дождь	**идти-ST-POT**	**AUX1-PFCT**

{**Оказывается**,} ***собирается*** *дождь!*

Как в (2.199), так и в (2.200) представлено уже знакомое нам ограничение: Адмиратив уместен, только если утверждаемая пропозиция несет в себе элемент неожиданности. Мы ограничимся одной минимальной парой, иллюстрирующей это ограничение. Ср. (2.200) и (2.201), которые различаются только контекстом:

(2.201) ?? Контекст: Говорящий смотрит в окно и видит на небе облака; из прогноза погоды он знает, что сегодня обещали плохую погоду.

jangʏr	**jaw-a-r**	**i-kän.**
дождь	**идти-ST-POT**	**AUX1-PFCT**

{**Оказывается**,} ***собирается*** *дождь!*

Два семантических элемента, которые мы особенно отчетливо видим в (2.200), — некоторое положение дел в момент речи и вытекающая из него при естественном ходе вещей ситуация в будущем — вместе создают семантическое содержание, характерное для категории проспектива [29]. Следует подчеркнуть, однако, что проспективность в (2.200) имеет производный характер и полностью задается другими семантическими компонентами этой конструкции. Адмиратив требует, чтобы в контекстном настоящем происходило приобретение знаний об утверждаемой пропозиции. Если приобретение

[29] Ср. классическое определение Проспектива, предложенное в Comrie 1976, а также более формальный анализ проспективности в Vet 1994 на языке Теории представления дискурса.

О тесной связи инферентива и проспектива говорит также Е.С. Маслова (Maslova 2003: 225), опираясь на юкагирские данные: оба они используют текущее положение дел как источник информации о ситуации соответственно в прошлом и в будущем.

имеет инферентивный характер, необходимо, чтобы в нашем распоряжении было положение вещей, позволяющее, с опорой на пропозиции из контекстной базы, вывести утверждаемую пропозицию о ситуации в будущем. Соединение этих элементов и дает эффект проспективности[30].

2.3.3.3. Репортатив в настоящем и Репортатив в будущем

Репортатив в настоящем имеет практически такой же диапазон интерпретаций, как и Репортатив в прошедшем; единственное различие — во временной референции. (2.202) — предложение, описывающее положение дел в настоящем. Информация об этом положении дел поступает из неперсонифицированного вербального источника, и говорящий не возлагает на себя полную ответственность за истинность утверждаемой пропозиции.

(2.202) daut alsu-nʏ **jarat-a** **i-meš**.
Даут Алсу-ACC **любить-ST.IPFV** **AUX1-MEŠ**

{ЛК: — Я слышал, что Даут влюбился в кого-то. Ты не знаешь, в кого?}
{— **Говорят**, } *Даут Алсу **любит***.

Как и в случае Репортатива в прошедшем, Репортатив в настоящем имеет металингвистические употребления, когда в сферу его действия включается только языковая дескрипция, и сообщается, что эта дескрипция не очень подходит для описания происходящего. Ср. Репортатив в настоящем в (2.203) с Репортативом в прошедшем в (2.191)-(2.192):

(2.203) Контекст: Зухра моет посуду. Говорящий берет одну из тарелок и обнаруживает, что она грязная.
zehrä tabaq-sawʏt **ju-a** **i-meš**.
Зухра посуда **мыть-ST.IPFV** **AUX1-MEŠ**

*Зухра **моет** посуду*{, **называется**}*!*

Наконец, (2.204) представляет собой описание имитации ситуации, идентичное (2.194) с Репортативом в прошедшем с точностью до временной референции:

(2.204) zinnur **jʏkl-ʏj** **i-meš**.
Зиннур **спать-ST.IPFV** **AUX1-MEŠ**

*Зиннур **притворяется**, **что спит***.

Репортатив в будущем показан в (2.205).

---

[30] Как обсуждается в п. 2.1.3.2.4, форма Футурума 1 с показателем *-r*, который выступает морфологическим компонентом Адмиратива в будущем, сама по себе не выражает проспективности. Это видно благодаря примерам типа (i) (= TMAQ 81 из Dahl 1985), которые исключают проспективное прочтение и наводят предиктивную интерпретацию. (При предиктивной интерпретации предложение с референцией к будущему представляет собой предсказание в чистом виде, которое опирается исключительно на общие знания о мироздании.)

(i) Контекст: Что будет, если я съем этот гриб?
sin **ül-ä-r-seŋ**.
ты **умирать-ST-POT-2SG**

*Ты **умрешь***.

(2.205) daut kʏr-nʏ **sukal-a-r** **i-meš**.
Даут поле-ACC **пахать-FUT** **AUX1-MEŠ**

1. {**Говорят**,} *Даут* ***будет пахать*** *поле.*
2. Даут ***собирается пахать*** *поле*{, **называется**}.
3. Даут ***притворяется, что собирается пахать*** *поле.*

Как видно из (2.205), Репортатив в будущем напоминает свой адмиративный аналог в (2.198)-(2.199). Первая, собственно репортативная интерпретация в (2.205.1), наиболее легкодоступна. (2.205.2) и (2.205.3), которые обе сообщают, что дескрипция для описания происходящего выбрана неверно, требуют больших усилий. Принять решение об адекватности дескрипции ‘Даут паха- поле’ затруднительно, поскольку описываемая ситуация еще не осуществилась в актуальном мире. Наиболее естественный путь разрешения этого конфликта — через указание на то, что происходящее в контекстном настоящем не выглядит как подготовительный этап описываемой ситуации, который, если ничего не случится, приведет к ее возникновению. Соответственно, (2.205.2) и (2.205.3) приобретают проспективный привкус, который в русском переводе отражен с помощью элемента ‘собирается’.

2.3.4. Адмиратив в контекстах снятой утвердительности

До сих пор мы рассматривали употребления медиативных маркеров в независимых утвердительных предложениях. Однако показатель Адмиратива *ikän* широко используется и в других контекстах: в вопросах, антецеденте условного предложения (см. также 6.1.2), в оптативных высказываниях. Рассмотрим семантику таких употреблений.

2.3.4.1. Адмиратив в вопросах

Вопросительные предложения, содержащие медиативные показатели, обычно анализируются композиционально: предполагается, что в вопросах выступает то же самое значение медиативного показателя, что и в утвердительном предложении. Разница в интерпретациях таких вопросов объясняется тем, что медиативные показатели могут по-разному взаимодействовать с речевым актом вопроса.

Показатель *ikän* употребляется в татарском языке как в общих, так и в специальных вопросах, которые иллюстрируются соответственно в (2.206) и (2.207):

(2.206) sez minem urʏn-ga
вы я.GEN место-DAT

utʏr-a **al-m-a-s-sʏz** **mi-kän**?
сидеть-ST.IPFV **мочь-NEG-ST-POT-2PL** **Q.AUX1-PFCT**

Вы не ***могли бы пересесть*** *на моё место?*

(2.207) kem miŋa **ker-de** **i-kän**?
кто я.DAT **заходить-PST** **AUX1-PFCT**

Интересно*, кто ко мне* ***заходил****?*

В общем вопросе, (2.206), вспомогательный глагол сливается с показателем вопроса *-mɤ:* последний гласный показателя вопроса удаляется, что даёт единый комплекс *mikän*[31].

Как видно из (2.207), в вопросительных предложениях *ikän* может употребляться совместно с формой Претерита, что в утвердительном предложении не допускается.

Ещё одна особенность *ikän* в вопросах состоит в том, что согласование *ikän* с подлежащим невозможно. В (2.208) это иллюстрируется для неглагольного предиката:

(2.208) min kajda **i-kän** || ***i-kän-men**?
я где **AUX1-PFCT** **AUX1-PFCT-1SG**
***Интересно**, где я?*

Таким образом, *ikän* в вопросах с формальной точки зрения во многих отношениях ведёт себя иначе, чем в утвердительных предложениях.

В ТГ 1993 утверждается, что в литературном диалекте *ikän* служит для «усиления неопределенности вопроса». Это же верно и для мишарского диалекта. По интуиции некоторых носителей, вопросы с *ikän* «менее обращены к кому-либо» и характерны для внутренней речи. Как видно из примеров (2.207)-(2.208), на русский язык носители регулярно переводят *ikän* словом *интересно*.

Как и высказывания типа русского *Интересно, кто этот человек,* татарские вопросы с *ikän* не требуют ответа, хотя и допускают его. Таким образом, в их условия успешности не входит ожидание, что слушающий владеет информацией, которую говорящий хочет получить[32].

---

[31] У некоторых носителей наблюдается экспансия *mikän*: эта форма начинает употребляться не только в общих, но и в специальных вопросах, где вопросительный показатель *-mɤ* невозможен:

(i) mɤnda kaja-dɤr kitap-lar sat-a tɤr-gan kibet bar,
здесь где-DYR книга-PL продавать-ST.IPFV стоять-PFCT магазин есть
kaja **mi-kän** ul?
где **Q.AUX1-PFCT** он
Здесь где-то есть книжный магазин, где он?

[32] В этой связи требуется понять, являются ли предложения типа (2.208) вопросительными, или *ikän* превращает их в утвердительные. Тот факт, что на такие предложения можно ответить (например, *Ты в Казани*), не указывает однозначно на их вопросительный статус. Кооперативный слушающий может интерпретировать как запрос на получение информации и многие типы утвердительных предложений (— *Я не понимаю, где я.* — *Ты в Казани.*). Снять неопределенность помогает металингвистическое описание речевого акта как вопроса. Ср. (i) с (ii)-(iii):

(i) — Где я?
— А почему ты спрашиваешь?

(ii) — Я не понимаю, где я.
— *А почему ты спрашиваешь?

(iii) — Интересно, где я.
— ??А почему ты спрашиваешь?

Применение этого теста к мишарским предложениям типа (2.208) дает положительный результат. По оценке носителей, высказывание типа ‘А почему ты спрашиваешь?’ как реакция на (2.208) выглядит осмысленным и последовательным, что указывает на вопросительный статус последнего (в отличие от русской конструкции с *интересно* в (iii)).

Так как вопросы с *ikän* не обязательно требуют ответа, они воспринимаются как «менее категоричные» и поэтому более вежливые. Вопрос в (2.209) уместен в ситуации коммуникации с незнакомым человеком на улице: хотя говорящий несомненно хочет получить от слушающего ответ, он тем не менее оставляет за ним право не отвечать:

(2.209) gafu it-egez kitapxänä-gä nicek **bar-ɣ-r-ga** **i-kän**?
прощение делать.IMP-2PL библиотека-DAT как **идти-ST-POT-INF** **AUX1-PFCT**
*Извините, как **пройти** в библиотеку?*

Ещё одна разновидность вежливых вопросов — это вопросы, употребляющиеся в косвенных речевых актах. Как и в русском языке, в татарском вопросительные предложения, буквально соответствующие русскому *Не могли бы вы…*, имеют иллокутивную силу некатегоричной просьбы. В таких предложениях употребление *mikän* ощущается носителями как требование речевого этикета:

(2.210) sez minem urɤn-ga utɤr-a **al-m-a-s-sɤz** **mi-kän**?
вы я.GEN место-DAT сидеть-ST.IPFV **мочь-NEG-ST-POT-2PL** **Q.AUX1-PFCT**
*Вы не **могли бы** пересесть на моё место?*

В (2.211) употребление *ikän*, напротив, неуместно: говорящий настойчиво требует от адресата ответа.

(2.211) # ät kem čäškä-ne **wat-tɤ** **i-kän**?
говорить.IMP кто чашка-ACC **ломать-PST** **AUX1-PFCT**
*Отвечай, кто **разбил** чашку!*

Вопросы с когнатами *ikän* в других тюркских языках — казахском (Mukhamedova 2015), узбекском, ногайском (Karakoç 2005), — имеют похожую семантику. В Karakoç 2005 такие вопросы называются «медитативно-риторическими», в Mukhamedova 2015 отмечается возможность использования казахского *eken* в вежливом вопросе.

Семантика вопросительного предложения, содержащего медиативный показатель, обычно обусловлена значением этого показателя и характером его взаимодействия с оператором вопроса. Если семантика вопроса известна, а значение показателя уже установлено на материале утвердительных предложений, задача сводится к выявлению способа их взаимодействия.

Вслед за Ч. Хамблином (Hamblin 1973) и значительной последующей литературой мы рассматриваем вопрос как множество пропозиций, составляющее совокупность его возможных ответов[33]. Семантика *ikän* в утвердительных предложениях нам также известна: формы с *ikän* указывают на неожиданность пропозиции с точки зрения СВ.

Нам остается обсудить способы взаимодействия медиативной семантики с семантикой вопроса. В литературе описывается три таких способа.

Во-первых, медиативный показатель маркирует, как и в утвердительном предложении, источник информации для говорящего (Aikhenvald 2004). В случае вопроса это, как правило, информация, которая составляет его пресуппозициональное содержание. В (2.212) это пропозиция, которая делает вопрос уместным или осмысленным:

[33] Те же обобщения кажется возможным сформулировать и в системе Л. Карттунена (Karttunen 1977), где вопрос — это совокупность пропозиций, представляющих собой правильные ответы.

(2.212) Есть вопрос {*p*, *p′*, *p″*,…}, потому что MED *q*.
где *p*, *p′*, *p″* — пропозиции, составляющие вопрос, MED — медиативный показатель, а *q* — некоторая пропозиция.

Пример такой возможности — (2.213) из юкагирского языка (пример из Maslova 2003, глоссы и перевод наш).

(2.213) qodo ti:-t kebej-nu-**l'el**-ŋi?
как здесь-ABL уходить-IMPF-**NONFIRSTH**-3PL:INTR
Как люди отсюда уезжают?

Насколько можно судить по материалу, представленному в Maslova 2003, использование медиативного показателя в (2.213) обусловлено тем, что говорящий узнает из какого-то опосредованного источника о существовании способа, с помощью которого люди выбираются из данного места. В этом случае денотат вопроса — это набор пропозиций {люди уезжают способом A, люди уезжают способом B, ….}, а в сферу действия показателя медиативности входит пропозиция *q* = ∃x: люди уезжают способом x. Заметим, что вопрос в (2.213) делается осмысленным, только если эта пропозиция истинна. Если способа уехать из определенного места не существует, бессмысленно задавать вопрос о том, каков этот способ. В сфере действия медиативного показателя, таким образом, — пресуппозиция вопроса.

Если предполагать для *ikän* в вопросах именно такой сценарий, объяснить их «смягченную категоричность» можно следующим образом. Информация, на основании которой задаётся вопрос, преподносится как полученная опосредованно. Подавая ее таким образом, говорящий снимает с себя ответственность за ее истинность. Вопрос, заданный на основании такой информации, может восприниматься как менее категоричный.

Имеются, однако, аргументы против такого анализа. Во-первых, как мы видели выше, адмиративные формы в утвердительных предложениях (в отличие от репортативных) не характеризуются пониженной достоверностью. Говорящий несет полную ответственность за истинность пропозиции.

Еще более несовместимы с анализом такого типа примеры, подобные (2.214):

(2.214) kem-neŋ čăč-e-n **jas-ɤj** **i-kän**?
кто-GEN волос-3-OBL.ACC **делать-ST.IPFV** **AUX1-PFCT**
***Интересно**, кому причёску **делает**?*

Если (2.214) интерпретируется так же, как юкагирский пример (2.213), мы ожидаем следующее прочтение: пропозиция *q* (*q* = ∃x. агенс делает x-у прическу) представляется говорящему неожиданной. Но согласно суждениям носителей, такого прочтения не возникает: (2.214) возможно и в таком контексте, когда говорящий наблюдает за процессом стрижки, работа идёт как обычно, и клиент парикмахера ничем не вызывает удивления говорящего.

Вторая возможность взаимодействия медиативности и вопроса состоит в том, что в сферу действия соответствующего показателя включается речевой акт вопроса целиком:

(2.215) MED [Есть вопрос {*p*, *p′*, *p″*,…}]

Эту возможность реализует, согласно Гусев 2007, нганасанская грамматическая морфема, известная как ренарратив:

(2.216) Konị̑-ʔ ńenamaδuʔ-d'a, təl'ibti-ńəŋ, ŋəmsu-δuŋ təj-**hᵘa.**
пойти-IMP сосед-GEN.PL спросить-IMP.2SG.OP мясо-3PL иметься-**RENARR.INT**
Иди к соседям, спроси, есть ли у них мясо.

Маркер ренарратива означает здесь, что «…говорящий задаёт вопрос не от себя, но по поручению другого человека (т.е. пересказывается иллокутивная сила высказывания…)» (Гусев 2007).

Для миративного показателя широкая сфера действия относительно речевого акта даёт, очевидно, интерпретацию внезапно возникшего вопроса: 'оказывается, есть вопрос'. Почему внезапно возникший вопрос может быть некатегоричным и не требовать от адресата ответа? У. Зауэрланд (Sauerland 2009) предлагает анализ, согласно которому речевой акт вопроса складывается из двух компонентов: один из них отвечает за обновление контекстной базы, а второй представляет собой императив ≈ 'дай ответ'. Можно предположить, что адмиративная семантика взаимодействует именно с этим последним компонентом. Императив в нормальном случае имплицирует, что у говорящего есть сформировавшаяся цель: сделать актуальным тот мир, в котором слушающий исполняет его предписания. Если принять зауэрландовскую архитектуру вопроса, это означает, что у говорящего есть сформировавшаяся цель получить от слушающего ответ. Информация о том, что вопрос возник неожиданно, снимает эту импликатуру: неожиданность предполагает, что у говорящего, среди прочего, нет устоявшихся намерений по поводу получения ответа от слушающего. Степень категоричности вопроса и обязательности ответа соответственно снижается.

С этим анализом, однако, также возникает эмпирическая проблема. Если верно, что *ikän* может модифицировать целый речевой акт вопроса, то мы могли бы ожидать, что этот показатель может модифицировать и другие речевые акты, в частности, побудительные. А если принять анализ У. Зауэрланда, предполагающего побудительный элемент непосредственно в составе вопроса, это ожидание только усиливается.

Эвиденциальные показатели в побудительных предложениях действительно засвидетельствованы: нганасанский ренарратив, в частности, используются для передачи чужой просьбы:

(2.217) l'uəśiδə d'ebtaδa-tə-**baŋhu**-rə! śitəbị̑-rə d'ebtu-tə-**bahu**-ŋ.
по.русски рассказывать-FUT-**RENARR**-2SGO сказка-2SG рассказывать-FUT-**RENARR**-2SG
По-русски, он просит, её рассказывай! Он просит, сказку свою расскажи. (Гусев 2007)

(2.217), в частности, произнесён носителем, когда он во время полевой работы разъяснял другому носителю просьбу исследователя.

Однако *ikän* не употребляется с глаголами в императиве: (2.218) неграмматично и не имеет предполагаемой интерпретации неожиданно возникшей просьбы[34]:

[34] Это предложение грамматично в неимперативной интерпретации, например, в следующем контексте. Говорящий рассказал Марату секрет. Тот выдал его другому. Говорящий возмущен: *menä maratka at$_j$ ikän!* 'Вот и говори Марату (секрет) после этого!'

(2.218) *ät **i-kän**!
говорить.IMP **AUX1-PFCT**
Скажи-ка!

Последний способ взаимодействия медиативных показателей с вопросами известен как вопросительная переориентация (interrogative flip, Speas, Tenny 2003): такие показатели, а также другие модификаторы речевого акта (например, английское наречие *honestly*) в вопросах ориентируются не на говорящего, а на слушающего. Соответственно, эвиденциальный показатель маркирует источник информации, исходя из которой адресат должен ответить говорящему. В качестве примера можно привести одну из интерпретаций нганасанского ренарратива в вопросе, когда «говорящий предполагает, что собеседник сам знает ответ с чужих слов» и просит ответить, основываясь на том, что тот слышал (Гусев 2007):

(2.219) T'aj d'aŋguj-h^{u}**aŋhu**. — T'aj d'aŋguj-**h^{u}a**?
чай отсутствовать-**RENARR** чай отсутствовать-**RENARR**.INT
*Чая, **говорят**, нет (в магазине). — **Говорят**, нет чая?*

В случае с адмиративным оператором переориентация на слушающего позволяет ожидать следующую интерпретацию: говорящий просит адресата ответить на вопрос, исходя из информации, которая представляется тому неожиданной и не ассимилирована в контекстной базе:

(2.220) Есть вопрос { MED *p*, MED *p′*, MED *p″*,…}

Если это так, то эффект пониженной категоричности вопроса получает новое объяснение: информация, которую запрашивает говорящий, не ассимилирована адресатом, и говорящий признаёт за адресатом право не ответить или ошибиться. В отличие от предыдущего, такой анализ не предполагает возможности *ikän* в императивах.

Еще одно важное предсказание этого анализа состоит в следующем: вопросы с *ikän* должны быть неуместны, когда речь идёт об информации, известной адресату в течение длительного времени. И действительно: вопрос об имени близкого родственника в (2.221) звучит аномально:

(2.221) ? sin-eŋ abɤj-ɤŋ-nɤŋ isem-e niček **i-kän**?
ты-GEN старший.брат-2SG-GEN имя-3 как **быть-PFCT**
Как зовут твоего старшего брата?

Таким образом, анализ в терминах переориетации на слушающего сталкивается с меньшими проблемами, чем альтернативы, и тем самым выглядит предпочтительнее.

2.3.4.2. Адмиратив в протасисе условного предложения

Ещё один контекст употребления *ikän* — это условные предложения:

(2.222) inde **kil-gän-seŋ** **i-kän** äjdä ker.
уже **приходить-PFCT-2SG** **AUX1-PFCT** давай входить.IMP
***Раз уж** ты **пришёл**, давай, проходи.*

В ТГ 1993 функция *ikän* в примерах типа (2.222) трактуется как оформление придаточного условия в составе сложного предложения, но эта формулировка, по-видимому, недостаточно точна. В разделе 6.1.3.3 предложения такого типа описываются как условные предложения с реальным условием. Действительно, (2.222) имеет пресуппозицию истинности пропозиции в протасисе, а глагол не маркирован показателем кондиционалиса.

Как можно объяснить употребление *ikän* в предложениях типа (2.222)? В работах Akatsuka 1985, DeLancey 1997, 2012 предложения с реальным условием обсуждаются на материале японского и английского языков. Авторы отмечают, что наиболее естественный контекст для них — это новизна информации в протасисе. Возможно, в татарском языке наблюдается обратная картина — маркирование антецедента с пресуппозицией истинности адмиративным показателем *ikän*[35].

2.3.4.3. Адмиратив в оптативных высказываниях

Ещё один контекст употребления *ikän* — это выражение некатегоричной просьбы и пожелания. В оптативных контекстах типа (2.223) *ikän* употребляется с формой кондиционалиса на *-sa*, причём *ikän* в такой конструкции обязателен:

(2.223) ak bars bügen-ge ujɤn-da ɤska kamanda-sɤ-n
белый барс сегодня-ATR игра-LOC СКА команда-3-OBL.ACC

ɤt-sa *(i-kän)!
выигрывать-COND AUX1-PFCT

***Вот бы** «Ак Барс» в сегодняшней игре **выиграл** у команды СКА!*

Антецедент условного предложения в независимом употреблении имеет оптативное значение (Grosz 2012). Такие оптативные высказывания также часто содержат частицу, которую нельзя опустить. Употребление частицы *only* в английском примере (2.224) обязательно:

(2.224) a. If I'd only listened to my parents!
Если бы только я слушал, что говорят родители!

b. # If I'd listened to my parents!
Если бы я слушал, что говорят родители!

---

[35] Помимо условных предложений с пресуппозицией истинности пропозиции в протасисе, *ikän* употребляется и тогда, когда истинностное значение антецедента неизвестно, но «при наличии противопоставления между первой и второй частями предложения» (ТГ 1993). Пример такой возможности — (i) из татарского литературного языка, в котором вводится в рассмотрение ситуация в будущем:

(i) Иптәш бул-а-сың и-кән, рәхим ит,
товарищ AUX2-ST.IPFV-2SG AUX1-PFCT милость делать.IMP

ара-га кер. Борын-ың-ны күтәр-е-п
промежуток-DAT входить.IMP нос-2SG-ACC поднимать-ST-CONV

йөр-и-сең и-кән, үз-ең-ә үпкәл-ә.
ходить-ST.IPFV-2SG AUX1-PFCT сам-2SG-DAT обижаться-ST.IMP

Если будешь товарищем, милости просим, будь среди нас. Если будешь задирать нос, обижайся на себя. (ТГ 1993)

Семантика и дистрибуция таких предложений требует дополнительного изучения.

В татарских оптативных высказываниях с *ikän* можно усмотреть параллелизм с примерами типа (2.224): оба случая представляют собой независимые употребления антецедента условного предложения, где имеется обязательный второй компонент.

Однако значение второго компонента в (2.224) и (2.223) различается. В языках, которые рассматриваются в Grosz 2012, в оптативных предложениях выступают рестриктивные и уступительные частицы (английские *only, but*, *at least*, немецкие *doch*, *nur*, *wenigstens*), и их семантика играет существенную роль в деривации оптативного значения. В случае же татарского мы имеем дело с *ikän*, который в других конфигурациях имеет адмиративную семантику.

Мы предполагаем, что *ikän* в оптативных конфигурациях вовсе не является адмиративным показателем. К этому выводу нас склоняет тот факт, что с формой кондиционалиса может употребляться также и другой вспомогательный глагол — *ide*, который иллюстрируется в (2.225), см. также Махмутова 1978: 170-171. Значение (2.225) и (2.223), согласно суждениям носителей, неотличимо.

(2.225) ak bars ɤska kamanda-sɤ-n **ɤt-sa** **i-de**!
белый барс СКА команда-3-OBL.ACC **выигрывать-COND** **AUX1-PST**
***Вот бы** «Ак Барс» **выиграл** у команды СКА!*

Примеры типа (2.225) наводят на мысль, что в конструкции с формой кондиционалиса за оптативную семантику отвечает комбинация показателя *-sa* и вспомогательного глагола *i*. Форма этого глагола не имеет значения. Если, далее, предположить, что диахронически развитие этого значения предшествовало появлению у Перфекта медиативных интерпретаций, открывается возможность объяснить отсутствие в (2.223) малейших признаков медиативности. К тому моменту, когда Перфект стал приобретать медиативные употребления, выражение *ikän* в составе оптативной конструкции уже перестало восприниматься как Перфект вспомогательного глагола. На такую возможность косвенно указывает тот факт, что в современном татарском языке и *ide*, и *ikän* в оптативных высказываниях лишены квалифицирующего признака вспомогательных глаголов: они не согласуются с подлежащим; согласовательный показатель располагается на форме кондиционалиса. В (2.226) это иллюстрируется для элемента *ide*:

(2.226) bäxetle **bul-sa-ŋ** **i-de,** min siŋa šu-nɤ tel-i-m.
счастливый **быть-COND-2SG** **AUX1-PST** я ты.DAT этот-ACC желать-ST.IPFV-1SG
***Пусть** ты **будешь** счастлив, я желаю тебе этого.*

2.3.5. Заключение

В этом разделе обсуждается медиативность. Суммируем кратко результаты этого обсуждения.

Медиативная система складывается из синтетического Перфекта и двух аналитических серий со вспомогательными глаголами *ikän* и *imeš* — соответственно адмиративной и репортативной. Перфект выражает значения косвенной засвидетельствованности — инферентивное и репортативное. Эвиденциальные интерпретации адмиративной серии зависят от временной референции: в прошедших временах это значения косвенной засвидетельствованности, в непрошедших — любые эвиденциальные значения.

Семантический инвариант форм адмиративной серии — указание на отсутствие пропозиции в текущей контекстной базе. Формы репортативной серии выражают репортативное значение с дополнительными ограничениями: информация о пропозиции поступает из неперсонифицированного источника и характеризуется пониженной достоверностью.

Мы рассмотрели несколько употреблений форм с *ikän* в контекстах снятой утвердительности. В первую очередь это некатегоричный вопрос, протасис условного предложения, имеющий пресуппозицию истинности, и оптативная конструкция.

Мы предполагаем, что последний тип контекста противопоставлен остальным. В вопросе и протасисе условного предложения выступает одна и та же единица *ikän* — Перфект вспомогательного глагола *i-* ‘быть’, приобретший адмиративную интерпретацию. Употребление *ikän* в оптативных высказываниях представляет собой независимое развитие Перфекта от глагола *i-*.

2.4. Сумма наблюдений

В этой главе обсуждаются вид, время, акциональность и эвиденциальность. Суммируем кратко результаты обсуждения.

С точки зрения собственно видовых характеристик мишарский диалект, как и татарский литературный язык, реализует распространенную в языках мира возможность. В нем представлены имперфективные глагольные формы, которые имеют прогрессивное и хабитуальное значения, а также формы, которые выражают перфективное значение совмещенно с хабитуальным и которые можно назвать расширенными перфективными. Одна из форм с временной референцией к будущему — Футурум 2 — совместима с любой видовой интерпретацией.

С точки зрения временной интерпретации в мишарском диалекте представлена статистически преобладающая в языках мира трехчленная система: прошедшее — настоящее — будущее. В системе форм с временной референцией к прошлому выделяется плюсквамперфект, интерпретация которого может быть привязана к дейктическому центру в прошлом, отличному от момента речи. Прочие формы в независимом предложении интерпретируются как формы абсолютного времени — относительно момента речи. Презенс — основная форма с временной референцией к настоящему. Временную референцию к будущему обслуживают три формы — Футурум 1, Футурум 2 и Презенс. Их дистрибуция имеет обширные зоны пересечения и характеризуется крайне незначительным количеством абсолютных запретов.

Акциональность в мишарском диалекте обладает рядом интересных особенностей. Во-первых, это наличие двух разновидностей предельного и инцептивно-стативного классов — сильной и слабой. В первую входят глаголы с акционально однозначными перфективными формами, во вторую — глаголы, у которых эти формы допускают две интерпретации, предельную и непредельную. Во-вторых, это крайне низкий удельный вес стативного и пунктивного акциональных классов. Глаголы, аналоги которых в других языках стативны, в татарском языке относятся в основном к двум инцептивно-стативным классам; аналоги пунктивных глаголов относятся по большей

части к одному из предельных классов. В-третьих, это наличие немногочисленных, но типологически редких классов — двупредельных глаголов и глаголов позиции, которые отличаются чрезвычайно широким диапазоном акциональных интерпретаций.

Акциональная композиция отличается характерной для других тюркских языков, но не отмеченной в большинстве европейских языков особенностью: глагольные предикаты с квантованной инкрементальной темой допускают не только предельную интерпретацию, которая предсказывается мереологической теорией предельности, но и непредельную.

Медиативная система складывается из синтетического Перфекта и двух аналитических серий со вспомогательными глаголами *ikän* и *imeš* — соответственно адмиративной и репортативной. Перфект выражает значения косвенной засвидетельствованности — инферентивное и репортативное. Эвиденциальные интерпретации адмиративной серии зависят от временной интерпретации: в прошедших временах это значения косвенной засвидетельствованности, в непрошедших — любые эвиденциальные значения. Семантический инвариант форм адмиративной серии — указание на отсутствие пропозиции в текущей контекстной базе и ее неожиданность. Формы репортативной серии выражают репортативное значение с дополнительными ограничениями: информация о пропозиции поступает из неперсонифицированного источника и характеризуется пониженной достоверностью.

В контекстах снятой утвердительности адмиративные формы проявляют ряд интересных особенностей. В частности, использование показателя, морфологически идентичного адмиративному вспомогательному глаголу *ikän*, в оптативной конструкции следует, по-видимому, признать результатом ее обособленного диахронического развития.

Глава 3

АКТАНТНАЯ СТРУКТУРА И АКТАНТНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

ГЛАВА 3.
АКТАНТНАЯ СТРУКТУРА И АКТАНТНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Эта глава посвящена актантной структуре и актантным преобразованиям. Она состоит из четырех разделов. В разделе 3.1 «Аргументная структура и актантные деривации» описываются представленные в мишарском диалекте актантные преобразования (каузатив, пассив, депациентив, реципрокальная и ассистивная деривации), их частные значения и ограничения на их дистрибуцию. Этот раздел написан А.А. Бонч-Осмоловской, за исключением 3.1.2.10, составленного С.Г. Татевосовым. В написании вводного раздела 3.1.1 участвовал Д.К. Привознов.

В разделах 3.2 и 3.3 подробно охарактеризованы две группы явлений из тех, которые в самом общем виде очерчены в 3.1. Раздел 3.2 «Синтаксис и семантика ассистива» (Д.К. Привознов) предлагает анализ ассистивной актантной деривации, выражаемой с помощью показателя *-š*. Наряду с ассистивным, подробно охарактеризованы и другие значения показателя, а именно, реципрокальное и депациентивное, а также значение глагольной множественности. Показано, что с точки зрения семантических и синтаксических свойств дериватов на *-š* ассистивное значение представляет собой отдельную от остальных актантную деривацию. Здесь же обосновывается анализ, согласно которому ассистивная деривация вводит в аргументную структуру предикации не только новый аргумент, но и соответствующее ему событие.

Раздел 3.3 «Одинарный, двойной и фальшивый каузатив» (С.Г. Татевосов) посвящен явлению, которое до сих пор не получило исчерпывающего объяснения ни в работах по тюркскому каузативу, ни в теоретической литературе по каузативизации. Оно состоит в том, что двойная каузативизация имеет эффект одинарной: после присоединения двух каузативных показателей к исходной глагольной основе в структуру предикации вводится один новый участник, а не два, как можно было бы ожидать. Исследовав материал «фальшивой каузативизации» и сравнив «фальшивые каузативы» с соответствующими одинарными каузативами, автор предлагает анализ, согласно которому двойная каузативизация оказывается двойной лишь морфологически, но не синтаксически. Двум вхождениям каузативной морфемы отводится различная роль — один из каузативных элементов вводит в рассмотрение каузирующее подсобытие, а второй — его отношение к вложенному подсобытию.

Раздел 3.4 «Событийная структура некоторых отыменных глаголов» (С.Г. Татевосов) предлагает описание деривации глаголов от прилагательных и существительных с использованием показателя *-la*. Основная задача раздела — получить сумму обобщений об актантных и акциональных свойствах дериватов и опре-

делить семантико-синтаксические ограничения на деривационный процесс. С опорой на теорию актантной структуры, предложенную К. Хейлом и Дж. Кейсером, в этом разделе выделяется несколько продуктивных типов деривации, создающих переходные и неэргативные отыменные глаголы. Характеристики этих глаголов предсказываются исходя из конфигурации, в которой реализуется неглагольный компонент, а также с помощью информации о семантическом типе глагольной вершины.

Раздел 3.1 опирается на материал чистопольского говора (идиом с. Татарский Елтан), кроме 3.1.2.10, где используются также данные сергачского говора (идиом с. Рыбушкино). В разделах 3.2-3.4 представлен материал сергачского говора (идиом с. Рыбушкино) и чистопольского говора (идиом с. Кутлушкино).

3.1. Аргументная структура и актантные деривации[1]

В этом разделе дается общая характеристика актантной структуры и актантных преобразований в мишарском диалекте. В 3.1.1 вводятся основные понятия, на которые опирается последующее изложение. Далее рассматриваются отдельные актантные деривации, представленные в мишарском диалекте: каузатив (раздел 3.1.2), пассив (раздел 3.1.3), депациентив (раздел 3.1.4), реципрок и ассистив, выражаемые одним показателем (раздел 3.1.5). В 3.1.6 представлены некоторые обобщения.

3.1.1. Актантная (аргументная) структура и операции с ней

Глаголы, как и любые предикаты, имеют семантические валентности. С интуитивной точки зрения глагол обозначает ситуацию, в которой фигурирует заданный набор участников — семантических аргументов глагола. В ситуации, обозначаемой глаголом *смотреть*, принимают участие минимум два индивида: тот, кто смотрит, и тот, на кого смотрят. Разные участники обладают разными свойствами и имеют разный статус. Обобщение этих различий в терминах классификации типов семантических аргументов глаголов впервые было предпринято в работе Fillmore 1968. Впоследствии было предложено множество различных разбиений актантов глагола на классы, называемые семантическими ролями (или тета-ролями в генеративной парадигме), в частности, в работах Апресян 1974, Givón 1984, Dowty 1991, Падучева 2009. Информация о том, какие семантические роли присутствуют в семантике предиката, привязана к нему лексически.

Семантические актанты глагола, синтаксическая реализация которых обязательна, называются его синтаксическими актантами. При синтаксической реализации такие актанты должны получить определенное морфологическое оформление. Например, русский глагол *прочитать* требует при себе именной группы в аккузативе и именной группы в номинативе. Информация о том, какими синтаксическими актантами обладает конкретный глагол, в некоторых теориях привязана к нему лексически и задается в словаре, например, в виде модели управления в модели «Смысл-текст» (Мельчук 1974) или в виде актантной структуры в Падучева 2009.

[1] Данный раздел опирается на переработанный и дополненный материал Бонч-Осмоловская 2007.

В других теориях такая информация выводима из разнообразных свойств лексических единиц и характера синтаксической деривации и не является компонентом их словарной статьи. Авторы этого направления отмечают определенные закономерности в том, как семантические актанты соотносятся с синтаксическими, и фомулируют так называемые правила отображения актантов. Например, в Fillmore 1968 предлагаются правила вида «Если есть агенс, он становится подлежащим; в противном случае, если есть инструмент, он становится подлежащим; в противном случае…» (Fillmore 1968: 55). При таком анализе оформление актантов глагола зависит от всего списка его семантических ролей. В некоторых работах предлагались правила отображения, согласно которым синтаксическая роль актанта глагола зависит т о л ь к о от соответствующей ему семантической роли. В Baker 1997 эта идея была сформулирована в виде Гипотезы об универсальном приписывании тета-ролей (Uniformity of Theta Assignment Hypothesis, UTAH): «Одинаковые тематические отношения между элементами выражаются одинаковыми структурными отношениями между этими элементами на уровне глубинной структуры» (Baker 1997: 74). При таком подходе каждая семантическая роль отображается в свою синтаксическую позицию. В работе Larson 1988 предлагается общепризнанная в генеративной парадигме на данный момент структура глагольной группы, включающая две так называемые глагольные оболочки (*v*P и VP) и содержащая необходимые структурные позиции для отображения семантических аргументов глагола.

Таким образом, включение в словарную информацию о глагольной лексеме не только списка ее семантических ролей, но и набора синтаксических актантов, а также таблицы соответствий между ними становится избыточным. В тех теориях, где правила отображения актантов эксплицитно формулируются в отдельном модуле (семантико-синтаксическом интерфейсе), единственное, что остается в словарной информации о глагольных актантах, — это набор семантических ролей.

Параллельно в рамках исследований глагольной семантики предлагались теории декомпозиции предиката, в рамках которых в ситуации, обозначаемой глагольной лексемой, выделяются более элементарные подсобытия, комбинация которых образует событийную структуру данного предиката (Dowty 1979, Rappaport-Hovav, Levin 1998, Ramchand 2008, Падучева 2009, Lyutikova, Tatevosov 2014, Татевосов 2015). В Ramchand 2008, например, предлагается теория так называемого лексического синтаксиса, согласно которой выделяемым в глагольной семантике подсобытиям соответствуют собственные синтаксические вершины, образующие глагольную группу. В спецификаторах этих вершин располагаются именные группы, интерпретируемые как аргументы подсобытий. При таком подходе словарная информация о глагольных актантах задается как набор подсобытий глагола. В тюркологии анализ в таком духе был предложен для карачаево-балкарского языка в Лютикова и др. 2006.

В рамках теорий такого типа грамматические показатели, маркирующие операции над актантной структурой, чаще всего анализируются как синтаксические вершины, выбирающие в качестве комплемента глагольную группу. Эти элементы либо вводят в структуру новые подсобытия и / или актанты, либо производят определенные манипуляции с уже имеющимися. Таков, например, анализ каузатива и аппликативных актантных деривaций в Pylkkänen 2002, Harley 2008, Tubino Blanco 2011, Lyutikova, Tatevosov 2014, а также анализ декаузативной деривации в Koontz-Garboden 2009, Lyutikova, Tatevosov 2010.

Актантные деривации в рамках одного языка, как правило, не составляют единой грамматической категории с взаимоисключающим набором значений и обязательностью выражения.

Этой традиции следует и анализ актантных дериваций мишарского диалекта, изложенный ниже. В мишарском диалекте имеется четыре типа актантных дериваций: каузатив (группа показателей *-t, -r, -dɤr, -k, -z, -kɤz, -kɤr, -sät* и их алломорфы (об их дистрибуции см. 1.2.1.11), пассив (показатель *-l* и его вариант *-n*), реципрок / ассистив (показатель *-š*), и депациентив (показатель *-n*)**.** Следует оговорить известную условность принимаемой терминологии. Ее роль состоит прежде всего в описательном обозначении соответствующих формальных показателей. В принятых названиях отражены наиболее характерные значения каждой деривации, однако ни одно из названий не может считаться содержательно исчерпывающим. Четыре деривации представляют собой комплексы различающихся, но связанных между собой значений, или, иначе, — кластеры значений, объединенных формальным образом при помощи одного и того же показателя. Одна из задач этого раздела — показать, что их формальное объединение не случайно[2].

[2] В исследованиях тюркских языков актантные деривации, как правило, описываются в терминах залога (Баскаков 1951, Фердаус 1953, Азер 1955, Чарыяров 1955, Фатыхов 1956, Харитонов 1963, Кормушин 1966, Зиннатулина 1969, Юлдашев 1972, Исхакова 1981 и др). Традиционно выделяется пять залогов — исходный (активный), побудительный (каузатив), страдательный (пассив), возвратный (рефлексив) и взаимо-совместный (реципрок).

Такое понимание влечет за собой вопросы, не имеющие однозначного и очевидного решения: являются ли залоговые аффиксы словоизменительными или словообразовательными, какие производные глаголы заслуживают рассмотрения как залоговые дериваты, а какие представляют собой новые лексические образования и т.д. Кроме того, в татарском языке (как и в других тюркских) лишь немногие глаголы имеют все четыре так называемые «производные залоговые формы» (т.е. формы, маркирующиеся специальным показателем), что нарушает стройность пятичленной залоговой системы. Более того, использование термина «залог» крайне усложняет описание комбинированных деривативных аффиксов:

(i)	kij-ä-r-gä надеть-ST-POT-INF	→	kij-e-**n**-e-r-gä надеть-ST-**DEPAT**-ST-POT-INF	→	kij-e-**n-der**-e-r-gä надеть-ST-**DEPAT-CAUS**-ST-POT-INF
	надеть (что-либо)	→	*одеться*	→	*одеть (кого-либо)*

Эта проблема была отмечена в работе К.З. Зиннатуллиной (Зиннатуллина 1969), посвященной залогам в татарском языке: «Образования с двумя и более залоговыми аффиксами правильнее было бы рассматривать как залоговые формы первичнопроизводных, а в случае наращения трех залоговых аффиксов — вторичнопроизводных форм залогов. (...) Однако тогда в принятую систему пяти залогов пришлось бы внести существенное изменение — в основной залог, кроме исходных, не снабженных залоговым аффиксом глаголов, включить и производные залоговые формы, выступающие в другом ряду залоговых образований как исходные формы, т.е. основной залог глаголов. (...) Но эту измененную систему залогов трудно объяснить исходя из традиционного учения» (Зиннатуллина 1969: 5-6).

Основное преимущество описания тюркских «залогов» как актантных дериваций, принятого в этой книге, состоит в том, что оно строится на установлении семантических связей между исходным и производным глаголами. Каждой деривации можно приписать базовую функцию, описываемую в терминах повышения / понижения переходности, изменения состава подсобытий и их участников.

3.1.2. Каузатив

Функция каузативной деривации состоит во введении в актантную структуру нового подсобытия и его участника (к а у з а т о р а), инициирующего событие, описываемое глаголом в исходном значении. Каузатор занимает позицию подлежащего и кодируется номинативом. Исходные глаголы, подвергающиеся каузативной деривации, могут быть как непереходными, так и переходными.

Если исходный глагол непереходен, каузативная деривация приводит к т р а н з и т и в и з а ц и и. Подлежащее исходного глагола (к а у з и р у е м ы й а р г у м е н т) занимает позицию прямого дополнения и кодируется аккузативом.

(3.1) a. ut sün-ä.
свет гаснуть-ST.IPFV
Свет гаснет.

b. zexrä ut-nɤ sün-**der**-ä.
Зухра свет-ACC гаснуть-**CAUS**-ST.IPFV
Зухра гасит свет.

В (3.1a) позицию подлежащего занимает ИГ *ut* ‘свет’, единственный аргумент глагола *sünä* ‘гаснуть’. В (3.1b) глагол становится переходным, приобретает новое подлежащее *zexrä*, а исходное подлежащее делается прямым дополнением. (В случае так называемого двухсобытийного каузатива от непереходного глагола наблюдается вариативное кодирование каузируемого (см. 3.1.2.10)).

При каузативизации переходного глагола каузатор также занимает позицию подлежащего, каузируемый (исходное подлежащее) кодируется как косвенное дополнение.

(3.2) a. zexrä išek-ne jab-a.
Зухра дверь-ACC закрывать-ST.IPFV
Зухра закрывает дверь.

b. renat zexrä-dän išek-ne jap-**tɤr**-a.
Ренат Зухра-ABL дверь-ACC закрывать-**CAUS**-ST.IPFV
Ренат велит Зухре закрыть дверь.

Каузативный глагол в (3.2b) сохраняет свое прямое дополнение, однако приобретает новое подлежащее. Исходное подлежащее оформляется в (3.2b) аблативом[3]; о других возможностях см. 3.1.2.10.

Каузативная деривация может иметь разную семантику. Одноместные пациентивные глаголы при каузативизации приобретают структуру переходного глагола результата с

[3] В Comrie 1976 выдвинута гипотеза, согласно которой изменение синтаксического кодирования каузируемого определяется тем, какое место он занимает в иерархии грамматических отношений (Подлежащее > Прямое дополнение > Непрямое дополнение > Косвенное дополнение). В частности, предсказывалось, что при каузативизации переходных глаголов исходное подлежащее занимает позицию непрямого дополнения и кодируется при помощи датива. Однако в мишарском диалекте это предсказание не выполняется: как видно из (3.4b), каузируемый переходного глагола оформляется при помощи аблатива. В Соловьев 2001 предлагается обобщение гипотезы Комри, которое охватывает и татарский каузатив.

каузатором и пациенсом. При этом деятельность каузатора (или процесс с его участием) оказывает непосредственное воздействие на происходящее с пациенсом. Следуя традиции, мы будем называть такую каузативизацию п р я м о й, или непосредственной.

Каузативное преобразование исходно переходного или непереходного агентивного глагола допускает, за вычетом нескольких особых случаев, семантику непрямой, или опосредованной каузации. При этом типе каузации происходящее с каузатором может быть отделено от каузируемой ситуации достаточно длинной цепочкой опосредующих событий. Каузатор, соответственно, может не присутствовать при осуществлении каузируемой ситуации и никак ее не контролировать.

Семантическое различие между непосредственной и опосредованной каузацией имеет многочисленные семантические и морфосинтаксические корреляты (см. Harley 1995, 2008, Miyagawa 2012, Lyutikova, Tatevosov 2014, Татевосов 2015 и цитируемую в этих работах литературу). Например, при присоединении показателя отрицания *-m* к каузативу от переходного глагола в сфере действия отрицания могут оказаться ситуация в целом, каузирующее подсобытие или каузируемое подсобытие (т.е. то подсобытие, которое описывается исходной основой). Эти три возможности показаны в (3.3):

(3.3) marat zexrä-dän bu kunak-lar-nɤ karšɤ al-**dɤr-m**-a-dɤ.
Марат Зухра-ABL этот гость-PL-ACC против брать-**CAUS-NEG**-ST-PST

1. Марат не заставлял Зухру принимать этих гостей {т.е. ничего не происходило}.
2. Марат не заставлял Зухру принимать этих гостей {т.е. она сама вызвалась и приняла их}.
3. Марат заставил Зухру не принимать этих гостей {т.е. Зухра не принимала гостей}.

Отрицание в комбинации с каузативом от непереходного пациентивного глагола создает две интерпретации:

(3.4) zexrä ut-nɤ sün-**der-m**-ä-de.
Зухра свет-ACC гаснуть-**CAUS-NEG**-ST-PST

1. Зухра не погасила свет {т.е. ничего не происходило}.
2. Зухра не погасила свет {т.е. он сам погас}.
*3. *Зухра сделала так, чтобы свет не погас.*

Как показывают эти примеры, основополагающее различие между двумя типами каузативов состоит в том, что в (3.3), но не в (3.4) возможно отрицать каузируемое подсобытие независимо от каузирующего. О семантическом противопоставлении прямой и опосредованной каузации см. 3.1.2.10, а также 3.3.

Деление на прямые и непрямые каузативы не вполне совпадает с формальным делением глаголов на переходные или непереходные. Как будет показано в 3.1.2.2, каузативы от определенного класса непереходных агентивных глаголов могут иметь и прямое, и непрямое прочтения. С другой стороны, каузативы от формально переходных экспериенциальных глаголов являются прямыми (см. 3.1.2.3).

Ниже более детально будут рассмотрены употребления каузативной конструкции, образованной от глаголов разных актантных типов.

3.1.2.1. Каузативы от одноместных пациентивных глаголов

В мишарском диалекте большинство глаголов, описывающих изменение состояния объекта, имеет единственный актант с семантической ролью пациенса. При их каузативизации

образуется переходный глагол, описывающий ситуациию, в которой деятельность каузатора и изменение состояния пациенса связаны отношением непосредственной каузации.

(3.5) a. jarma bet-ä.
крупа кончаться-ST.IPFV
Крупа кончается.

b. bala-lar jarma-nɤ bet-e-**r**-de.
ребенок-PL крупа-ACC кончаться-ST-**CAUS**-PST
Дети доели [= закончили] *крупу.*

(3.6) a. ɤzba jan-a.
дом гореть-ST.IPFV
Дом горит.

b. renat ɤzba-nɤ jan-**dɤr**-a.
Ренат дом-ACC гореть-**CAUS**-ST.IPFV
Ренат дом жжет.

(3.7) a. su kajn-ɤj.
вода кипеть-ST.IPFV
Вода кипит.

b. zexrä su-nɤ kajn-a-**t**-a.
Зухра вода-ACC кипеть-ST-**CAUS**-ST.IPFV
Зухра воду кипятит.

В переходных предложениях (3.5b), (3.6b) и (3.7b) каузатор, добавляемый в результате каузативной деривации, занимает позицию подлежащего. Каузируемый (= пациенс, единственный аргумент исходного глагола) при каузативизации оформляется как прямое дополнение[4].

3.1.2.2. Каузативы от одноместных агентивных глаголов

При каузативизации одноместных агентивных глаголов также образуется переходная конфигурация с подлежащим — каузатором и прямым дополнением — каузируемым.

(3.8) a. kɤz čab-a.
девочка бежать-ST.IPFV
Девочка бежит.

b. ul kɤz-nɤ čap-**tɤr**-a.
он девочка-ACC бежать-**CAUS**-ST.IPFV
Он заставляет девочку бегать.

С точки зрения семантики, однако, если исходный глагол агентивен, как ‘бегать’ в (3.8a), при его каузативизации создается так называемый двусобытийный каузатив, описывающий непрямую, или опосредованную каузацию. В этом случае непосредственного (в частности, физического) участия каузатора в осуществлении действия не предполагается.

Каузативы глаголов направленного движения (‘входить’, ‘уходить’, ‘выходить’ и др.), однако, отличаются от прочих агентивных глаголов (‘бегать’, ‘прыгать’, ‘свистеть’, ‘рисовать’, ‘петь’ и т.д.) тем, что образуют с исходным глаголом единое семантическое целое: движение каузатора направлено на то, чтобы изменить положение каузируемого в пространстве. Соответствующие каузативы описывают непосредственную каузацию. В (3.9) приведены глаголы движения и их каузативные пары.

[4] В статье М. Хаспельмата (Haspelmath 1993) рассматриваются так называемые каузативные / инхоативные пары, аналогичные тем, которые приводятся в (3.5)-(3.7). Согласно М. Хаспельмату, языки различаются тем, какая из двух событийных дескрипций — каузативная или инхоативная — считается исходной, а какая производной. Мишарский диалект, как и литературный татарский, — это язык, где имеется морфологически немаркированная инхоативная дескрипция с единственным участником — пациенсом. От инхоативного глагола образуется каузатив. В этом же ряду — финский, монгольский, индонезийский, дагестанские языки. Однако, кроме каузативизации, в татарском языке имеется и декаузативизация (см. ниже в 3.1.4), которая сближает его с языками типа русского, немецкого, французского или арабского, где непереходный глагол выступает производным и морфологически более сложным.

(3.9) a. ker-ä
входить-ST.IPFV
входить

ker-**t**-ä
входить-**CAUS**-ST.IPFV
вводить, вносить, заносить

b. kit-ä
уходить-ST.IPFV
уходить, уезжать

kit-ɛ-**r**-ä
уходить-ST-**CAUS**-ST.IPFV
уносить, увозить

c. čɤg-a
выходить-ST.IPFV
выходить

čɤg-a-**r**-a
выходить-ST-**CAUS**-ST.IPFV
выносить, выводить

Кроме непосредственной каузации, каузативные глаголы, приведенные в (3.9), впрочем, могут описывать и опосредованную. Например, глагол *kertä* может иметь значение ‘заставлять входить’. Две интерпретации допускает и каузатив от глагола *jeri* ‘ходить’, ср. (3.10b.1) и (3.10b.2)-(3.10b.3):

(3.10) a. bala bakča-da jer-i.
ребенок сад-LOC ходить-ST.IPFV
Ребенок гуляет по саду.

b. zexrä bala-sɤ-n bakča-da jer-ɛ-**t**-ä.
Зухра ребенок-3-OBL.ACC сад-LOC ходить-ST-**CAUS**-ST.IPFV
1. Зухра выгуливает ребенка в саду.
2. Зухра заставляет ребенка гулять в саду.
3. Зухра разрешает ребенку гулять в саду.

Выбор интерпретации определяется тем, совершается ли указанное действие каузатором совместно с каузируемым. Если непосредственное физическое участие каузатора в процессе движения не обязательно, мы имеем непрямое значение каузативной деривации в (3.10b.2)-(3.10b.3).

3.1.2.3. Каузативы экспериенциальных глаголов

Характерная грамматико-синтаксическая черта каузативов экспериенциальных глаголов заключается в том, что каузируемый получает дативное, а не аблативное маркирование. Это иллюстрируется в (3.11)-(3.12):

(3.11) a. min renat-nɤŋ kil-ü-ɛ-n bel-ä-m.
я Ренат-GEN приходить-NMN-3-OBL.ACC знать-ST.IPFV-1SG
Я знаю о приезде Рената.

b. ul miŋa renat-nɤŋ kil-ü-ɛ-n bel-**der**-ä.
он я.DAT Ренат-GEN приходить-NMN-3-OBL.ACC знать-**CAUS**-ST.IPFV
Он сообщает мне о приезде Рената.

(3.12) a. min däres-ne aŋn-ɤj-m.
я урок-ACC понимать-ST.IPFV-1SG
Я понимаю урок.

b. ukʏtučʏ miŋa däres-ne aŋn-a-**t**-a.
учитель я.DAT урок-ACC понимать-ST-**CAU**S-ST.IPFV
Учитель объясняет мне урок.

Как видно из (3.11a), (3.12a), аргументы экспериенциальных глаголов кодируются так же, как аргументы переходного глагола: экспериенцер уподобляется агенсу, кодируется номинативом и занимает позицию подлежащего, стимул, как пациенс, кодируется аккузативом и выступает в роли прямого дополнения. В (3.11b), (3.12b) позицию подлежащего занимает новый актант — каузатор, синтаксическая позиция стимула остается без изменений, а экспериенцер занимает позицию непрямого дополнения, получая дативное кодирование.

Будучи типичным, дативное маркирование каузируемого не является ни необходимым, ни достаточным условием для выделения экспериенциальных глаголов в естественный актантный класс. Во-первых, такое же маркирование получает каузируемый некоторых переходных глаголов (см. 3.1.2.10). Во-вторых, некоторые экспериенциальные глаголы при каузативизации предпочитают аблатив каузируемого. Таков, например, каузатив от экспериенциального глагола *jarata* ‘любить’:

(3.13) marat tel-e belän restäm-nän zexrä-ne jarat-**tʏr**-a.
Марат язык-3 с Рустам-ABL Зухра-ACC любить-**CAU**S-ST.IPFV
Марат своим красноречием вызывает у Рустама любовь к Зухре.

При каузативизации глагола *jarata***,** как показано в (3.13), экспериенцер занимает позицию косвенного дополнения и кодируется при помощи аблатива, в отличие от (3.11b) и (3.12b), в которых каузируемый экспериенцер кодируется дативом.

Каузативы ‘сообщать’, ‘объяснять’, ‘показывать’ все описывают непосредственную каузацию, тогда как ‘вызывать любовь’ — опосредованную.

3.1.2.4. Каузативы эмотивных предикатов

Специфика каузативов глаголов эмоций состоит в том, что при каузативной деривации не происходит изменения ролевой структуры глагола и увеличения количества его актантов. И исходный эмотивный глагол, и его каузатив имеют два актанта с семантическими ролями экспериенцера и стимула. Каузативная деривация изменяет только их синтаксическую реализацию.

(3.14) a. änä-se zexrä-gä ačulan-a.
мать-3 Зухра-DAT сердиться-ST.IPFV
Мать сердится на Зухру.

b. zexrä änä-se-n ačulan-**dʏr**-a.
Зухра мать-3-OBL.ACC сердиться-**CAU**S-ST.IPFV
Зухра сердит мать.

(3.15) a. marat ätä-se-n-nän kurk-a.
Марат отец-3-OBL-ABL бояться-ST.IPFV
Марат боится своего отца.

А.А. Бонч-Осмоловская. Село Татарский Елтан, 2000 год.

b. ätä-se marat-nɤ kurk-ɤ-**t**-a.
отец-3 Марат-ACC бояться-ST-**CAUS**-ST.IPFV
Отец пугает Марата.

(3.16) a. min sin-nän tuj-dɤ-m.
я ты-ABL надоедать-PST-1SG
Ты мне надоел. {a=b}

b. sin mine tuj-**dɤr**-dɤ-ŋ.
ты я.ACC надоедать-**CAUS**-PST-2SG

Как видно из (3.14)-(3.16), в исходной форме эмотивный глагол непереходен и управляет косвенным дополнением — аргументом с семантической ролью стимула. При каузативизации глагола стимул понимается как каузатор эмотивного события и, соответственно, занимает позицию подлежащего. Исходное подлежащее, экспериенцер, являющийся в данном случае каузируемым участником, становится прямым дополнением, и каузативный эмотивный глагол оказывается переходным.

В работе Н. Макколи (McCawley 1976) отмечается функциональное сходство каузативов эмотивных предикатов с пассивом, поскольку при помощи каузативной деривации в предикации с эмотивным глаголом меняется фокус высказывания: в центре внимания оказывается стимул, а не экспериенцер. У. Крофт (Croft 1991) замечает, что в отличие от обычных переходных предикатов, характеризующихся однонаправленным действием от агенса к пациенсу, действие глаголов эмоций может быть представлено двояко: как внутреннее действие экспериенцера, обращенное на стимул, и как каузация стимулом определенного состояния экспериенцера. Одно из этих представлений концептуализируется в языке как исходное, а другое как производное, грамматически связанное с первым при помощи той или иной актантной деривации. В мишарском диалекте глагол, подлежащим которого является экспериенцер, управляет непрямым или косвенным дополнением. Каузация стимулом состояния экспериенцера оказывается морфосинтаксически производной.

3.1.2.5. Каузатив как маркер переходности

Рассмотрим еще несколько случаев, в которых функцией каузативной деривации является транзитивизация глагола, но при этом не вводится дополнительного актанта.

Глаголы *ɤšɤj* ‘нравиться’ и *ɤčrɤj* ‘встречаться’ относятся к типу глаголов с дативным подлежащим. Их субъект (экспериенцер) кодируется дательным падежом, (3.17a)-(3.18a). При каузативизации этих глаголов экспериенциальный аргумент рассматривается как каузатор, кодируется номинативом и занимает позицию подлежащего. Исходное подлежащее — стимул — маркируется аккузативом, занимает позицию прямого дополнения, т.е. ведет себя так же, как каузируемый аргумент каузатива от непереходного глагола. Каузативный глагол имеет переходную структуру:

(3.17) a. marat-ka samat ɤčr-a-dɤ.
Марат-DAT Самат встречаться-ST-PST
Марату встретился Самат.

b. marat samat-nɤ ɤčr-a-**t**-tɤ.
Марат Самат-ACC встречаться-ST-**CAUS**-PST
Марат встретил Самата.

(3.18) a. zexrä-gä renat ɤš-ɤj.
Зухра-DAT Ренат нравиться-ST.IPFV
Зухре нравится Ренат.

b. zexrä renat-nɤ ɤš-a-**t**-a.
Зухра Ренат-ACC нравиться-ST-**CAUS**-ST.IPFV
Зухра одобряет Рената.

Не менее примечательно устроен каузатив от глагола *tuktɤj* ‘переставать, останавливать’. При каузативизации исходное подлежащее этого глагола сохраняет свою позицию, а исходное косвенное дополнение занимает позицию прямого дополнения, и, таким образом, глагол становится переходным.

(3.19) a. alsu eš-e-n-nän tukt-a-dɤ.
Алсу работа-3-OBL-ABL переставать-ST-PST
Алсу прекратила работу. {a=b}

b. alsu eš-e-n tukt-a-**t**-tɤ.
Алсу работа-3-OBL.ACC переставать-ST-**CAUS**-PST

Различие между (3.19a) и (3.19b) выражается в усилении контролируемости ситуации. Каузативный глагол может обозначать только такие ситуации, в которых прекращение действия произошло по непосредственной воле того, кто его осуществлял, а не по внешним, независящим от него обстоятельствам, ср. (3.20):

(3.20) alsu ǯɤrl-a-u-ɤ-n tukt-a-**t**-tɤ.
Алсу петь-ST-NMN-3-OBL.ACC переставать-ST-**CAUS**-PST
Алсу прекратила петь. {ПК: Ей не понравилась реакция слушателей}.

Каузатив от глагола *tuktɤj* невозможен, если зависимый от него предикат неагентивен. Это показывает контраст в (3.21a-b), где дождь не обладает агентивными свойствами:

(3.21) a. *jaŋgɤr jaw-u-ɤ-n tukt-a-**t**-tɤ.
дождь падать-NMN-3-OBL.ACC переставать-ST-**CAUS**-PST
Дождь перестал идти. {a=b}

b. jaŋgɤr jaw-u-ɤ-n-nan tukt-a-dɤ.
дождь падать-NMN-3-OBL-ABL переставать-ST-PST

Экспериенциальный глагол *ujlɤj* ‘думать’ также не может быть зависимым каузатива *tuktata* в (3.22a), а сочетается только с исходной формой глагола ‘переставать’ в (3.22b).

(3.22) a. *alsu marat turɤnda ujl-a-u-ɤ-n tukt-a-**t**-tɤ.
Алсу Марат о думать-ST-NMN-3-OBL.ACC переставать-ST-**CAUS**-PST
Алсу перестала думать о Марате. {a=b}

b. alsu marat turɤnda ujl-a-u-ɤ-n-nan tukt-a-dɤ.
Алсу Марат о думать-ST-NMN-3-OBL-ABL переставать-ST-PST

Таким образом, как и в случае эмотивных глаголов, каузатив от глаголов ‘нравиться’, ‘встречаться’, ‘переставать’ не вводит в ситуацию нового участника, однако, в отличие от эмотивных каузативов, в данном случае происходит переосмысление ролевой структуры глагола. Аргумент, понимающийся как каузатор, приобретает дополнительные агентивные свойства, событие трактуется как контролируемое, имеющее сознательного инициатора.

3.1.2.6. Каузативы переходных глаголов

Каузативы от переходных глаголов описывают, как правило, опосредованную каузацию. При каузативной деривации переходного глагола отношения между его агенсом и пациенсом остаются прежними, однако у глагола появляется дополнительный актант, обозначающий некоторую «отправную точку» действия.

(3.23) a. marat samat-nɤ kɤjn-ɤj.
Марат Самат-ACC бить-ST.IPFV
Марат бьет Самата.

b. ul marat-tan samat-nɤ kɤjn-a-**t**-a.
он Марат-ABL Самат-ACC бить-ST-**CAUS**-ST.IPFV
Он заставляет Марата бить Самата.

Характер воздействия каузатора на осуществление ситуации может быть совершенно разным. Например, для (3.23b), кроме приведенного и наиболее распространенного варианта ‘заставлять’, возможны и другие: *Он просит Марата бить Самата* (р о г а т и в н о е прочтение); *Он позволяет Марату бить Самата* (п е р м и с с и в н о е прочтение); *Он организует избиение Маратом Самата;* или же, в редких случаях, *Он помогает Марату бить Самата* (а с с и с т и в н о е прочтение). Типология непрямых каузативных значений подробно обсуждалась в литературе начиная с Недялков, Сильницкий 1969. Особенность татарских каузативных конструкций состоит в том, что все выделяемые непрямые значения не противопоставлены формально: каузатив переходного глагола семантически недоспецифицирован. Функция каузативного показателя состоит лишь в обозначении каузальной зависимости между деятельннстью каузатора и каузируемым событием.

Однако существуют случаи (по-видимому, лексически ограниченные), когда от переходных глаголов образуются каузативы, выражающие непосредственную каузацию. Таков, например, глагол *tɤta* ‘держать’ в (3.24a), где каузируемый получает дативное маркирование и при этом теряет агентивные свойства. Этот же глагол может употребляться и в более характерном для каузативов от переходных глаголов опосредованном значении с каузатором в аблативе, как в (3.24b):

(3.24) a. ul alijä-**gä** sumkɤ-sɤ-n tɤt-**tɤr**-a.
он Алия-**DAT** сумка-3-OBL.ACC держать-**CAUS**-ST.IPFV
Он отдает сумку Алие.

b. ul alijä-**dän** sumkɤ-sɤ-n tɤt-**tɤr**-a.
он Алия-**ABL** сумка-3-OBL.ACC держать-**CAUS**-ST.IPFV
Он заставляет Алию держать сумку.

Как и в случае одноместных агентивных предикатов, возможность прямого значения каузативной деривации для переходных глаголов в значительной степени зависит от того, насколько образующуюся дескрипцию возможно соотнести с ситуацией, при которой каузатор является единственным агенсом действия, описываемого глаголом, а каузируемый, напротив, теряет свои агентивные свойства и получает иную семантическую роль (ср. Shibatani, Pardeshi 2002). Более подробно каузативы от переходных глаголов обсуждаются в 3.3.

3.1.2.7. Каузативы от «квазипереходных» глаголов

Некоторые глаголы можно назвать «квазипереходными». С точки зрения семантики они обозначают действие, направленное от агенса к пациенсу, но формально пациенс таких глаголов кодируется как непрямое дополнение. Рассмотрим образование каузативов от таких глаголов на примере глагола *suga* ‘ударять’, внутренний аргумент которого реализуется именной группой в дативе.

(3.25) min renat-ka suk-tɤ-m.
я Ренат-DAT ударять-PST-1SG
Я ударил Рената.

Вследствие этого каузатив данного глагола не может иметь такую же падежную конфигурацию аргументных именных групп, что и каузатив переходного глагола — каузатор в номинативе, каузируемый в аблативе, пациенс в аккузативе:

(3.26) *min zefär-**dän** renat-**nɤ** suk-**tɤr**-a-m.
я Зуфар-**ABL** Ренат-**ACC** ударять-**CAUS**-ST.IPFV-ISG
Я заставляю Зуфара ударить Рената.

Однако образование каузатива от глагола *suga*, тем не менее, возможно: каузатор занимает позицию подлежащего, каузируемый получает маркер аблатива, дативное дополнение сохраняет свое оформление:

(3.27) min zefär-**dän** renat-**ka** suk-**tɤr**-a-m.
я Зуфар-**ABL** Ренат-**DAT** ударять-**CAUS**-ST.IPFV-1SG
Я заставляю Зуфара ударить Рената.

Таким образом, глагол ‘ударять’ в (3.27) понимается как переходный, поскольку при каузативизации исходное подлежащее кодируется аблативом[5]. Отметим, кстати, что при такой рамке значение каузатива будет непрямым.

В то же время, с формальной точки зрения, каузативный глагол в (3.27) остается непереходным, т.е. не управляет дополнением в аккузативе. Иначе говоря, каузативная деривация может менять только кодирование подлежащего исходного глагола, но не его дополнения.

Кроме того, возможна и другая каузативная конструкция, при которой глагол *suga* выступает как непереходный, от которого образуется при помощи каузатива переходный глагол. Исходное подлежащее в этом случае кодируется аккузативом, а дативный аргумент по-прежнему сохраняется:

(3.28) min zefär-**ne** renat-**ka** suk-**tɤr**-a-m.
я Зуфар-**ACC** Ренат-**DAT** ударять-**CAUS**-ST.IPFV-1SG
Я помогаю, учу Зуфара бить Рената {т.е. Зуфар маленький мальчик, я держу его на коленях и ударяю его ладошкой Рената}.

В (3.28) каузатив имеет прямое значение, а каузатор непосредственно участвует в осуществлении действия.

3.1.2.8. Имперсональный каузатив

В мишарском диалекте существует ряд непереходных глаголов, от которых образуются так называемые имперсональные каузативы. Это глаголы, описывающие физиологические процессы и состояния человека: *ukšɤj* ‘тошнить’, *tečkerä* ‘чихать’, *ešä* ‘знобить’, ‘мерзнуть’, *kartaja* ‘стареть’ и др., а также глаголы, обозначающие явления

[5] (3.27) допускает и другую интерпретацию: *Я делаю так, чтобы Зуфар заставил кого-то ударить Рената*. В этом случае исходный глагол, по-видимому, понимается как непереходный (ср. (3.28)), однако позиция каузируемого остается невыраженной.

природы: *salkɤna* ‘становиться холоднее’, *tuŋa* ‘мерзнуть’ и др. Специфика каузативов, образованных от глаголов этих семантических групп, состоит в том, что каузатором в них является внешняя неспецифицированная сила, воздействующая на состояние каузируемого. При этом на поверхностном уровне каузатор остается невыраженным, а падежное кодирование каузируемого меняется с номинативного на аккузативное. Глагол согласуется по третьему лицу единственному числу. Рассмотрим (3.29)-(3.32):

(3.29) a. min ukš-ɤj-m.
я тошнить-ST.IPFV-1SG
Меня тошнит.

b. mine ukš-ɤ-**t**-a.
я.ACC тошнить-ST-**CAUS**-ST.IPFV
Меня тошнит.

(3.30) a. ul kartaj-a.
он стареть-ST.IPFV
Он стареет.

b. anɤ kartaj-**t**-a.
он.ACC стареть-**CAUS**-ST.IPFV
Он стареет [= его стареет].

(3.31) a. renat eš-i.
Ренат знобить-ST.IPFV
Ренат дрожит.

b. renat-nɤ eš-e-**t**-ä.
Ренат-ACC знобить-ST-**CAUS**-ST.IPFV
Рената знобит.[6]

(3.32) a. zexrä tečker-ä.
Зухра чихать-ST.IPFV
Зухра чихает.

b. zexrä-ne tečker-**t**-ä.
Зухра-ACC чихать-**CAUS**-ST.IPFV
Зухре чихается [= Зухру чихает].

Функция каузативной деривации в предложениях (3.29)-(3.32) состоит в усилении пациентивных свойств исходного подлежащего. Состояние каузируемого представляется в (3.29b), (3.30b), (3.31b) и (3.32b) как непреодолимое следствие внешнего воздействия.

Интересно, однако, что выражение каузатора в принципе возможно, и в этом случае каузативный показатель употребляется как транзитивизатор, образующий переходный глагол от непереходного:

(3.33) tuzan zexrä-ne tečker-**t**-ä.
пыль Зухра-ACC чихать-**CAUS**-ST.IPFV
От пыли Зухра чихает [= пыль Зухру чихает].

(3.34) salkɤn ǯil renat-nɤ eš-e-**t**-kän.
холодный ветер Ренат-ACC знобить-ST-**CAUS**-PFCT
Из-за сильного ветра Ренат простудился [= сильный ветер Рената знобил].

(3.35) bɤzɤl-gan balɤk mine ukš-ɤ-**t**-a.
портиться-PFCT рыба я.ACC тошнить-ST-**CAUS**-ST.IPFV
Из-за испорченной рыбы меня тошнит [= испорченная рыба меня тошнит].

(3.36) wakɤt keše-lär-ne kartaj-**t**-a.
время человек-PL-ACC стареть-**CAUS**-ST.IPFV
Время старит людей.

[6] По-видимому, такое употребление глагола характерно для чистопольского говора мишарского диалекта, где были получены предложения в (3.29)-(3.32). Для носителей других говоров более приемлемы либо предложения с поверхностно выраженным Каузатором со значением силы природы (ветер, мороз и т.д.), либо такие предложения, в которых оба актанта являются поверхностно невыраженными.

Каузативные глаголы, обозначающие явления природы, могут быть полностью безличными, т.е. иметь невыраженными как каузатора, так и каузируемого. В этом случае значение таких глаголов близко к безличным русским метеорологическим глаголам, типа ‘морозит’, ‘светает’:

(3.37) a. zexrä tuŋ-a.
Зухра мерзнуть-ST.IPFV
Зухра мерзнет.

b. uram-da tuŋ-**dɤr**-a.
улица-LOC мерзнуть-**CAUS**-ST.IPFV
На улице морозит.

Однако, как и в предложениях (3.33)-(3.36), каузативный глагол в (3.37b) может употребляться и как обычный переходный глагол в том случае, если оба актанта получают синтаксическую реализацию:

(3.38) salkɤn zexrä-ne tuŋ-**dɤr**-a.
мороз Зухра-ACC мерзнуть-**CAUS**-ST.IPFV
От мороза Зухра мерзнет [= мороз Зухру морозит].

3.1.2.9. Каузативный пассив

В некоторых языках каузатив может выражать значение действия, направленного от каузируемого к каузатору. Такое явление обычно называют каузативным пассивом, и оно встречается в корейском, маньчжурском, в ряде тюркских языков, например, в тувинском, а также в некоторых африканских, например, в языке догон и др.[7]

Для реализации пассивного значения каузатива необходимы два условия. Во-первых, такой каузатив должен быть образован от неодноместного глагола и иметь непрямое значение. Во-вторых, пациенс каузативного глагола должен оставаться невыраженным:

(3.39) alsu renat-tan ∅ üp-**ter**-te.
Алсу Ренат-ABL целовать-**CAUS**-PST
Алсу позволила Ренату поцеловать (себя).

Во многих тюркских языках такое употребление допускает значительное количество каузативов от переходных глаголов[8]. В мишарском диалекте, однако, каузативный показатель выражает пассивное значение лишь в отдельных достаточно редких случаях.

---

[7] В Кормушин 1976: 90 можно найти характерный якутский пример:

(40) куобах сохсо-го батта-**н**-пыт.
заяц плашка-DAT придавить-**CAUS**-PERF
Зайца придавило плашкой.

См. также Недялков, Сильницкий 1969, Кормушин 1976, Plungian 1995. Библиография по этому вопросу приводится в Kulikov 2001.

[8] И.В. Кормушин указывает на то, что пассивное значение каузативных глаголов, по-видимому, развилось из инволютивно-пермиссивного значения каузативов: ‘X невольно допустил действие Y-ка’. С другой стороны, М. Хаспельмат (Haspelmath 1990: 18) предлагает иную последовательность развития пассивной семантики — от каузатива через рефлексивный каузатив к пассиву:

(i) I have the barber shave me. (каузатив)
Я сделал так, чтобы парикмахер меня побрил.

Возможность пассивной интерпретации определяется тем, насколько естественной в условиях описываемой ситуации является, во-первых, кореферентность каузатора и нулевого пациенса, а во-вторых, пермиссивное прочтение каузативного глагола, как это имеет место в (3.39) с глаголом ‘целовать’. Для каузатива от глагола ‘бить’ кореферентность каузатора и пациенса, а также пермиссивное значение каузатива является, по-видимому, маркированной интерпретацией, и пассивная интерпретация остается недоступной. Предложение (3.40a) выглядит поэтому неполным, и более приемлемым является употребление в позиции пациенса возвратного местоимения. Отметим, что возвратное местоимение *üzen* в (3.40b) может пониматься и как кореферентное каузируемому.

(3.40) a. marat$_i$ renat-tan $\varnothing_{?i/j}$ kɤjn-a-**t**-a.
Марат Ренат-ABL бить-ST-**CAUS**-ST.IPFV
Марат заставляет Рената бить (кого-то || ?себя).

b. marat$_i$ renat-tan$_j$ **üzen**$_{i,j}$ kɤjn-a-**t**-a.
Марат Ренат-ABL **сам.ACC** бить-ST-**CAUS**-ST.IPFV
Марат заставляет Рената бить себя.

Интересно, что возможность пассивного значения каузатива не зависит от того, управляет ли глагол прямым или непрямым дополнением. Например, каузатив от глагола *karɤj* ‘смотреть’ может интерпретироваться пассивно, при том, что этот глагол непереходен, а его внутренний аргумент кодируется дативом, а не аккузативом. Соответственно, при каузативизации позицию прямого дополнения занимает исходное подлежащее:

(3.41) zexrä renat-nɤ kar-a-**t**-a.
Зухра Ренат-ACC смотреть-ST-**CAUS**-ST.IPFV
Зухра старается, чтобы Ренат (на нее) смотрел.

В отличие от имперсонального каузатива, лексически предсказуемого, образующегося от ограниченного семантического класса глаголов и семантически однозначного, для установления кореферентности каузатора и невыраженного пациенса нужна мощная контекстная поддержка. Иными словами, пассивное значение каузатива определяется прагматически. Отметим также, что, в отличие от «настоящего» пассива, подлежащее (каузатор) в каузативных конструкциях в любом случае не теряет своих агентивных свойств. Иначе говоря, пассивное значение каузатива в мишарском диалекте более походит на особый тип рефлексивной конструкции (‘X направляет действие Y-ка на себя’).

3.1.2.10. Вариативное маркирование каузируемого

Мишарский диалект характеризуется возможностью выбора различных вариантов морфологического оформления каузируемого в определенном классе случаев. В этом разделе мы перечислим основные.

(ii) I have myself shaved by the barber. (рефлексивный каузатив)
Я побрился у парикмахера.

(iii) I am shaved by the barber. (пассив)
Я побрит парикмахером.

Во-первых, каузативы от непереходных агентивных глаголов (неэргативов) систематически обнаруживают выбор между аккузативным и аблативным кодированием. Это иллюстрируется в (3.42):

(3.42) a. ukɤtučɤ **marat-nɤ** jeger-t-te.
учитель **Марат-ACC** бегать-CAUS-PST
Учитель заставил Марата бегать. {a=b}

b. ukɤtučɤ **marat-tan** jeger-t-te.
учитель **Марат-ABL** бегать-CAUS-PST

Такое вариативное маркирование возможно во всех говорах, где собран наш материал.

Эта возможность отсутствует у каузативов от неагентивных одноместных глаголов (неаккузативов):

(3.43) a. marat **kar-nɤ** er-e-t-te.
Марат **снег-ACC** топить-ST-CAUS-PST
Марат растопил снег. {a=b}

b. *marat **kar-dan** er-e-t-te.
Марат **снег-ABL** топить-ST-CAUS-PST

Впрочем, и у неэргативов аккузативное маркирование каузируемого предпочтительно и выбирается носителями в нулевом контексте.

В сергачском говоре (идиом с. Рыбушкино) переходные глаголы также допускают разные варианты морфологического оформления каузируемого, однако здесь первым выбором всегда выступает аблатив. Аккузатив возможен при соблюдении дополнительного условия: прямое дополнение остается неоформленным. Доступность аблативного маркирования от характеристик прямого дополнения не зависит. Эта парадигма представлена в (3.44):

(3.44) a. daut marat-tan **kɤr** sukal-a-t-tɤ.
Даут Марат-ABL **поле** пахать-ST-CAUS-PST
*Даут велел Марату вспахать **поле**.* {a=b=c=d}

b. daut marat-tan **kɤr-nɤ** sukal-a-t-tɤ.
Даут Марат-ABL **поле-ACC** пахать-ST-CAUS-PST

c. daut marat-nɤ **kɤr** sukal-a-t-tɤ.
Даут Марат-ACC **поле** пахать-ST-CAUS-PST

d. *daut marat-nɤ **kɤr-nɤ** sukal-a-t-tɤ.
Даут Марат-ACC **поле-ACC** пахать-ST-CAUS-PST

(3.44d), вероятно, отражает запрет на идентичное морфосинтаксическое оформление актантов в пределах одной клаузы. Это явление обсуждается также в 5.2 в связи с вариативным маркированием прямого дополнения.

Некоторые глаголы, помимо аблатива и аккузатива, допускают также датив; однако эта возможность, по-видимому, сильно лексически ограничена. (3.45) иллюстрирует диапазон возможностей, доступный для глагола ‘есть’.

(3.45) a. marat bala-dan **alma** aš-a-t-tɤ.
Марат ребенок-ABL **яблоко** есть-ST-CAUS-PST
*Марат накормил ребенка **яблоком**.* {a=b=c=d=e=f}

b. marat bala-dan **alma-nɤ** aš-a-t-tɤ.
Марат ребенок-ABL **яблоко-ACC** есть-ST-CAUS-PST

c. marat bala-nɤ **alma** aš-a-t-tɤ.
Марат ребенок-ACC **яблоко** есть-ST-CAUS-PST

d. *marat bala-nɤ **alma-nɤ** aš-a-t-tɤ.
Марат ребенок-ACC **яблоко-ACC** есть-ST-CAUS-PST

e. marat bala-ga **alma** aš-a-t-tɤ.
Марат ребенок-DAT **яблоко** есть-ST-CAUS-PST

f. marat bala-ga **alma-nɤ** aš-a-t-tɤ.
Марат ребенок-DAT **яблоко-ACC** есть-ST-CAUS-PST

Как видно из сравнения (3.45e-f), при дативном маркировании каузируемого выбор падежа для прямого дополнения не ограничен — точно так же, как и при аблативном в (3.45a-b).

В этом месте, естественно, возникает вопрос, имеет ли вариативное маркирование каузируемого семантические последствия. Типологическая литература по каузативизации склоняется к положительному ответу на этот вопрос (см., например, Shibatani, Pardeshi 2002). Отмечается, в частности, что аккузативное маркирование предполагает более непосредственную каузацию, а иное — более опосредованную. Мишарский материал, как кажется, ясно показывает, что если это обобщение и верно, то далеко не так прямолинейно, как предполагается. И в (3.42a) с аккузативом, и в (3.42b) с аблативом представлено отношение общей каузации — ‘каузатор совершил нечто, благодаря чему каузируемый находился в процессе бега’ (см. об этом отношении и о семантике разных типов каузатива в целом в 3.3). Интуиция носителей не указывает даже на то, что в одном случае с необходимостью предполагается большая физическая вовлеченность каузатора, чем в другом. Оба предложения допускаются и в контексте (3.46a), предполагающем длинную каузальную цепочку, и в (3.46b), где цепочка существенно короче.

(3.46) a. Учитель убедил отца Марата уговорить его участвовать в соревнованиях по бегу.
b. Учитель своими руками вытолкнул Марата на беговую дорожку.

В то же время в случае глагола ‘есть’ носители ощущают определенный контраст между дативным и аккузативным маркированием, с одной стороны, и аблативным — с другой. Если аблатив на каузируемом совместим и со сценарием непосредственной каузации в (3.47a), и с опосредованной каузацией в (3.47b), дативный и аккузативный каузируемые предпочитают интерпретацию с непосредственной каузацией.

(3.47) a. Марат давал ребенку яблоко с ложечки.
b. Марат спел ребенку песенку о вкусной еде и показал мультфильм, после чего у ребенка проснулся аппетит, и он съел яблоко.

Факты такого рода показывают, что в мишарском диалекте невозможно установить тривиальную корреляцию между падежным маркированием каузируемого и непосредст-

венностью / опосредованностью каузации. (Тип каузального отношения в большей степени зависит от морфосинтаксической конфигурации, в которой находится каузативирующий грамматический элемент, см. подробнее 3.3.2).

Тем не менее носители языка имеют отчетливые интуиции о событийно-структурных свойствах каузативов с разной морфологической реализацией каузируемого. Приведем два примера, указывающих на то, что за падежным маркированием может скрываться большая или меньшая степень синтаксической автономности подсобытий, из которых образуется каузативная конструкция (см. Лютикова и др. 2006, Lyutikova, Tatevosov 2014). Первый факт касается обстоятельственной модификации:

(3.48) marat biš sägat$_j$ ečendä **rišät-nɤ** kɤr sukal-a-t-tɤ.
Марат пять часов за **Ришат-ACC** поле пахать-ST-CAUS-PST

*1. За пять часов Марат заставил **Ришата** вспахать поле.*
*2. ?Марат (за десять минут) сделал так, чтобы **Ришат** вспахал поле за пять часов.*
*3. ??Марат за пять часов сделал так, чтобы **Ришат** вспахал поле (всего за день).*

(3.49) marat biš sägat$_j$ ečendä **rišät-tan** kɤr sukal-a-t-tɤ.
Марат пять часов за **Ришат-ABL** поле пахать-ST-CAUS-PST

*1. ?За пять часов Марат заставил **Ришата** вспахать поле.*
*2. Марат (за десять минут) сделал так, чтобы **Ришат** вспахал поле за пять часов.*
*3. ??Марат за пять часов сделал так, чтобы **Ришат** вспахал поле (всего за день).*

Как в (3.48), так и в (3.49) обстоятельство ‘за пять часов’ не может модифицировать каузирующее подсобытие отдельно от остальной событийной дескрипции. Это показывает невозможность интерпретаций (3.48.3)-(3.49.3). Сравнительная приемлемость двух других интерпретаций, однако, различается. Для (3.48) предпочтительно, чтобы обстоятельство модифицировало всю сложную дескрипцию, включающую и каузирующее, и каузируемое подсобытия, (3.48.1), так что за пять часов осуществляется и акт каузации, и ситуация вспахивания. Для (3.49), напротив, предпочтительна интерпретация в (3.49.2), где обстоятельство модифицирует только каузируемое подсобытие, а длительность каузирующего остается недоспецифицированной.

Такая же точно дистрибуция двух каузативов проявляется и в совершенно другом грамматическом явлении — эллипсисе (расширенной проекции) глагольной группы. В (3.50) мишенью эллипсиса выступает глагольная группа, обозначающая все сложное событие, состоящее из каузирующего и каузируемого компонентов. В (3.51) элидированной составляющей соответствует меньшая глагольная группа, описывающая только каузируемое подсобытие:

(3.50) marat rišat-nɤ kɤr sukal-a-t-tɤ,
Марат Ришат-ACC поле пахать-ST-CAUS-PST

ä ǯɤjɤn-gan i-de ruslan.
а собираться-PFCT AUX1-PST Руслан

1. Марат заставил Ришата вспахать поле, а собирался ~~заставить Ришата вспахать поле~~ Руслан.
2. ?Марат заставил Ришата вспахать поле, а собирался ~~вспахать поле~~ Руслан.

(3.51) marat rišat-tan kɤr sukal-a-t-tɤ,
Марат Ришат-ABL поле пахать-ST-CAUS-PST

ä ʒʏjʏn-gan i-de ruslan.
a собираться-PFCT AUX1-PST Руслан

1. ?Марат заставил Ришата вспахать поле, а собирался ~~заставить Ришата вспахать поле~~ Руслан.
2. Марат заставил Ришата вспахать поле, а собирался ~~вспахать поле~~ Руслан.

И сфера действия обстоятельств, и выбор антецедента эллипсиса подчиняются, таким образом, одной и той же закономерности. При аккузативном маркировании каузируемого (по крайней мере, в конфигурациях, создаваемых лексическими глаголами типа ‘пахать’) для этих операций более легко доступна объемлющая составляющая, содержащая в себе оба подсобытия. Аблативное маркирование делает возможным (и даже предпочтительным) доступ к меньшей составляющей, которая обозначает лишь каузируемое событие. Объяснение этих фактов, впрочем, выходит за рамки текущего сюжета; об анализе событийной структуры каузативов см. 3.3.2 ниже и цитируемую там литературу.

3.1.3. Пассив

3.1.3.1. Собственно пассив

Рассмотрим пример (3.52), иллюстрирующий возможность пассивного преобразования глагола:

(3.52) a. zexrä išek-ne jab-a.
Зухра дверь-ACC закрывать-ST.IPFV
Зухра закрывает дверь.

b. išek zexrä taraf-ʏ-n-nan jab-ʏ-**l**-a.
дверь Зухра сторона-3-OBL-ABL закрывать-ST-**PASS**-ST.IPFV
Дверь закрывается Зухрой.

В предложении (3.52b) представлена пассивная деривация. Пациенс глагола *jaba*, занимающий в (3.52a) позицию прямого дополнения, в (3.52b) становится подлежащим и получает номинативное падежное кодирование. Также в (3.52b) при помощи послеложной группы выражено агентивное дополнение, т.е. тот аргумент, который занимает в (3.52a) позицию подлежащего. Однако, как правило, пассив в мишарском диалекте не имеет при себе выраженного агентивного дополнения. В уже упоминавшейся выше монографии К.З. Зиннатуллиной (Зиннатуллина 1969: 140) указывается, что конструкции с выраженным агентивным дополнением являются поздним образованием, свойственным литературному стилю, а сам послелог *tarafʏnnan* — заимствованием из арабского языка.

3.1.3.2. Декаузатив

В (3.53) глагол *jabʏla* (пассивный дериват от глагола ‘закрывать’) обозначает ситуацию, в которой пациенс переходит в новое состояние, однако причина этого перехода неизвестна или неважна. Событийная дескрипция, соответственно, содержит только один актант — пациенс. Такое значение актантной деривации называется д е к а у з а т и в н ы м .

(3.53) išek jab-ɤ-**l**-a.
дверь закрыть-ST-**PASS**-ST.IPFV
Дверь закрывается.

(3.53) противопоставлено (3.52a) с морфологически немаркированным переходным глаголом *jaba* ‘закрывать’. В мишарском диалекте есть и другая возможность. Ряд глагольных основ образует пары, состоящих из переходного и непереходного глаголов, противопоставленных друг другу при помощи каузативного и пассивного показателей. Один из членов пары в этом случе имеет декаузативное прочтение: *jugala* ‘теряться’ — *jugata* ‘терять’, *tirbälä* ‘качаться’ — *tirbätä* ‘качать’, *kuzgala* ‘трогаться’ — *kuzgata* ‘сдвигать с места’, *terelä* ‘поправляться, оживать’ — *tergezä* ‘оживлять, восстанавливать’ и др.[9] Можно предположить, что диахронически исходная форма была лабильной, т.е. нейтральной по отношению к переходности / непереходности, а противопоставление переходного и непереходного употребления глагола осуществлялось при помощи аффиксов актантных дериваций. Пример такой глагольной пары представлен в (3.54). Глагол в (3.54a) обозначает действие, направленное от агенса к пациенсу, и содержит в себе каузативный аффикс *-dɤr*. Глагол в (3.54b) описывает процесс как происходящий без участия агенса и содержит в себе пассивный показатель *-l*. При этом предложение (3.54c) с поверхностно выраженным агентивным дополнением невозможно:

(3.54) a. ül čiläk-ne su belän **tutɤr**-a.
он ведро-ACC вода с наполнять.**CAUS**-ST.IPFV
Она наполняет ведро водой.

b. čiläk su belän **tul**-a.
ведро вода с наполнять.**PASS**-ST.IPFV
Ведро наполняется водой.

c. *čiläk ani-se taraf-ɤ-n-nan **tul**-a.
ведро мать-3 сторона-3-OBL-ABL наполнять.**PASS**-ST.IPFV
Ведро наполняется матерью.

Пассивные формы некоторых глаголов, обозначающих спонтанные события, также не сочетаются (или плохо сочетаются) с агентивным дополнением. Таков, например, пассив от глагола *jara* ‘бить, колоть’:

(3.55) a. zexrä tälinkä-ne jar-dɤ.
Зухра тарелка-ACC колоть-PST
Зухра разбила тарелку.

b. tälinkä jar-ɤ-**l**-dɤ.
тарелка колоть-ST-**PASS**-PST
1. Тарелка разбилась.
*2. *Тарелка была разбита.*

c. *tälinkä zexrä taraf-ɤ-n-nan jar-ɤ-**l**-dɤ.
тарелка Зухра сторона-3-OBL-ABL колоть-ST-**PASS**-PST
Тарелка была разбита Зухрой.

[9] Параллельно с формой *tergezä* функционирует также и форма *tereltä*, полученная присоединением каузативного показателя к основе *terel-*. Наличие этой формы свидетельствует о том, что *-l* воспринимается не как аффикс пассива, а как часть корня, поскольку образование каузатива от пассива в мишарском диалекте, как и в литературном татарском языке, не допускается.

Заметим, что и в русском языке аффикс *-ся* предпочитает с этим глаголом декаузативное значение. Пассивное предложение **Тарелка разбивается Васей* в эпизодическом прочтении с конкретно-референтными актантами находится, по всей видимости, по ту сторону грамматичности.

3.1.3.3. Имперсональный пассив. Потенциальный пассив

Имперсональный пассив, иначе называемый десубъектив (или субъектный имперсонал), типологически часто формально объединяется с пассивом. Его особенность состоит в том, что он используется с одноместными агентивными глаголами, и при этом устраняется единственный имеющийся аргумент — подлежащее.

В мишарском диалекте имперсональный пассив можно образовать от большинства глаголов, обозначающих активные непредельные процессы (‘бежать’, ‘свистеть’, ‘танцевать’, ‘ходить’), как в (3.56b). При этом поверхностное выражение агенса невозможно ни при помощи послеложной группы, ни дативом, ср. (3.56c-d):

(3.56) a. malaj čab-a.
мальчик бежать-ST.IPFV
Мальчик бежит.

b. jaŋgɣr ast-ɣ-n-da jaxšɣ čab-ɣ-**l**-a.
дождь под-3-OBL-LOC хорошо бежать-ST-**PASS**-ST.IPFV
Под дождем хорошо бежится.

c. *jaŋgɣr ast-ɣ-n-da renat taraf-ɣ-n-nan
дождь под-3-OBL-LOC Ренат сторона-3-OBL-ABL
jaxšɣ čab-ɣ-**l**-a.
хорошо бежать-ST-**PASS**-ST.IPFV
Под дождем Ренатом хорошо бежится.

d. *jaŋgɣr ast-ɣ-n-da renat-ka jaxšɣ čab-ɣ-**l**-a.
дождь под-3-OBL-LOC Ренат-DAT хорошо бежать-ST-**PASS**-ST.IPFV
Под дождем Ренату хорошо бежится.

Предложения с имперсональными пассивными предикатами описывают не конкретную ситуацию, а скорее не имеющий точной временной локализации опыт обобщенного агенса, поэтому имперсональным пассивным глаголам регулярно сопутствуют оценочные наречия типа ‘хорошо’ или ‘легко’. Характерно для имперсонального пассива и модальное значение возможности, как в (3.57):

(3.57) Контекст: На почту ведет плохая, разбитая дорога.
počta-ga niček jer-e-**l**-ä?![10]
почта-DAT как ходить-ST-**PASS**-ST.IPFV
Как ходят до почты [= как до почты доходится]*?!*

[10] Возможность такого употребления является, по-видимому, специфической чертой описываемого в этом разделе чистопольского говора мишарского диалекта.

Значение потенциального пассива можно сформулировать следующим образом: пациенс имеет потенциальное свойство, способность подвергаться действию, описываемому глаголом. Потенциальный пассив образуется от двухместных глаголов:

(3.58) bu jɤlga-da balɤk jaxšɤ tɤt-ɤ-**l**-a.
эта река-LOC рыба хорошо ловить-ST-**PASS**-ST.IPFV
В этой реке рыба хорошо ловится.

Потенциальное и имперсональное значения пассива очень близки. И в том, и в другом случае пассив имеет генерическое прочтение. Это также хорошо видно на примере так называемых переходных глаголов с агентивной ориентацией (agent-oriented verbs). Такие глаголы могут выступать и как переходные, и как непереходные, поскольку описывают действие агенса, а не изменение состояния пациенса. Так, например, устроен глагол ‘танцевать’. В зависимости от того, выступает ли этот глагол как одноместный (‘девочка танцует’) или как двухместный (‘девочка танцует польку’), нереферентное значение пассива этого глагола может быть имперсональным или потенциальным:

(3.59) a. jaxšɤ bij-e-**l**-ä.
хорошо танцевать-ST-**PASS**-ST.IPFV
Хорошо танцуется.

b. bu bij-ü jaxšɤ bij-e-**l**-ä.
это танцевать-NMN хорошо танцевать-ST-**PASS**-ST.IPFV
Этот танец хорошо танцуется.

Потенциальное значение, как и субъектно-имперсональное, несовместимо с поверхностно выраженным агентивным дополнением. В (3.60), например, пассивный глагол теряет значение потенциального пассива.

(3.60) bu bij-ü zexrä taraf-ɤ-n-nan jaxšɤ bij-e-**l**-ä.
это танцевать-NMN Зухра сторона-3-OBL-ABL хорошо танцевать-ST-**PASS**-ST.IPFV
Этот танец хорошо танцуется Зухрой.

3.1.3.4. Пассивная деривация перцептивных предикатов

Специфика пассивных дериватов, образованных от перцептивных предикатов *kürä* ‘видеть’, *išetä* ‘слышать’, *sizä* ‘чувствовать’, *tɤja* ‘чувствовать’, состоит в том, что исходное подлежащее (экспериенцер) кодируется дательным падежом. Это видно из сравнения (3.61a) и (3.61b-c). (По мнению некоторых носителей, (3.61c), где подлежащее выражается не именной группой, а клаузой, более естественно, чем (3.61b).)

(3.61) a. min is tɤj-a-m.
я запах чувствовать-ST.IPFV-1SG
Я чувствую запах.

b. miŋa is tɤj-ɤ-**l**-a.
я.DAT запах чувствовать-ST-**PASS**-ST.IPFV
Я чувствую запах [= мне чувствуется запах].

c. miŋa is bar kebek tɤj-ɤ-**l**-a.
я.DAT запах есть как чувствовать-ST-**PASS**-ST.IPFV
Мне кажется, будто есть запах.

Такая же возможность показана в (3.62) для глагола *išetä* ‘слышать’:

(3.62) uram-nan miŋa tawɤš išet-e-**l**-ä.
улица-ABL я.DAT шум слышать-ST-**PASS**-ST.IPFV
Мне с улицы слышен шум.

Непроизводные перцептивные предикаты переходны: экспериенцер, как и агенс, кодируется номинативом, а стимул, как и пациенс, получает аккузатив. Поверхностная структура пассива перцептивного предиката, напротив, не похожа на пассив переходного предиката. Экспериенциальная именная группа оформляется при помощи датива, а не при помощи послеложной конструкции. Пассивный показатель имеет в данном случае значение, близкое к декаузативному: описываемая ситуация подается как спонтанно возникающий процесс, а экспериенцер — как реципиент, получающий с его помощью информацию об окружающем мире.

3.1.3.5. Медиальное значение пассива

Существует отдельная семантическая группа глаголов, при которых пассивный показатель может выражать медиальное значение. Под м е д и а л ь н ы м понимается такое значение глагола, при котором исходная точка действия и его конечная точка оказываются семантически неразличимыми. Отличие медиальных значений от рефлексива состоит в том, что рефлексив выражает кореферентность двух участников, обладающих разными семантическими ролями, например: *Петя ударил себя***.** При медиальном значении противопоставление между двумя ролями оказывается невозможным[11]: *Петя ударился.*

Медиальные значения пассивной деривации в мишарском диалекте могут относиться к глаголам изменения положения тела, как в (3.63)-(3.64):

(3.63) a. zefär kran-nɤ bɤr-a.
Зуфар кран-ACC поворачивать-ST.IPFV
Зуфар поворачивает кран.

b. zefär bɤr-ɤ-**l**-a.
Зуфар повернуть-ST-**PASS**-ST.IPFV
Зуфар поворачивается.

(3.64) a. zexrä baš-ɤ-n ij-de.
Зухра голова-3-OBL.ACC наклонять-PST
Зухра наклонила голову.

b. zexrä ij-e-**l**-de.
Зухра наклонять-ST-**PASS**-PST
Зухра наклонилась.

[11] Подробно проблема различия между рефлексивными и медиальными значениями обсуждается в Kemmer 1993. Классификация медиальных значений представлена также в Недялков 1978.

Медиальный пассив также может означать неконтролируемое движение:

(3.65) a. min renat-ka suk-tɤ-m.
я Ренат-DAT ударять-PST-1SG
Я ударил Рената.

b. renat išek-kä sug-ɤ-**l**-dɤ.
Ренат дверь-DAT ударять-ST-**PASS**-PST
Ренат ударился о дверь.

Глаголы со значением негативного воздействия (‘толкнуть’, ‘ударить’), которые при одушевленном пациенсе выражают идею направленной агрессии, в медиальном пассиве приобретают значение неконтролируемого действия, как в (3.66a). Однако медиальное значение утрачивается, если при глаголе поверхностно выражается агентивное дополнение, некореферентное пациенсу, как в (3.66b):

(3.66) a. rasul bagana-ga tert-e-**l**-ä.
Расул столб-DAT толкать-ST-**PASS**-ST.IPFV
Расул врезается в столб.

b. rasul bagana-ga marat taraf-ɤ-n-nan tert-e-**l**-ä.
Расул столб-DAT Марат сторона-3-OBL-ABL толкнуть-ST-**PASS**-ST.IPFV
Марат толкает Расула на столб. [= Расул толкается Маратом на столб.]

3.1.4. Депациентив

Традиционное название этой деривации — рефлексивная или возвратная, — принятое в описательных грамматиках татарского языка (Зиннатуллина 1969, ТГ 1995 и др.), по всей видимости, связано с ориентацией авторов грамматик на традиции русистики.

Действительно, русский постфикс *-ся* происходит из рефлексивного (возвратного) местоимения *себя*, поэтому термин «возвратные глаголы» является, по крайней мере, исторически обоснованным. Однако нет никаких свидетельств, что татарский аффикс *-n* произошел от возвратного местоимения *üz* ‘себя’, и более того, на синхронном уровне этот аффикс никогда не используется в собственно рефлексивной функции, для маркирования кореферентности двух актантов глагола. При помощи аффикса *-n* некоторые глаголы могут приобретать медиальное значение, т.е. такое значение, при котором действие оказывается замкнутым вокруг одного и того же участника. Однако это значение, по всей вероятности, вторично по отношению к базовой функции аффикса — депациентивной.

3.1.4.1. Семантика депациентива

Депациентив, как и декаузатив, обсуждавшийся в разделе 3.1.3, служит для понижения переходности глагола. Однако если декаузатив представляет событие как не имеющее агенса, то депациентив, напротив, — как не содержащее пациенса.

Различие между двумя детранзитивными деривациями проиллюстрировано на примере глагола *jasɤj* ‘рисовать’:

(3.67) a. renat räsem jas-a-dɤ.
Ренат картина рисовать-ST-PST
Ренат картину нарисовал.

b. räsem jas-a-**l**-dɤ.
рисунок рисовать-ST-**PASS**-PST
Картина была нарисована.

c. renat jas-a-**n**-a.
Ренат рисовать-ST-**DEPAT**-ST.IPFV
Ренат рисуется {например, перед девушками}.

У некоторых глаголов показатели пассива и депациентива фонологически идентичны (см. 1.2.1.11), но тем не менее семантически противопоставлены. Характерный пример — пассивная и депациентивная деривации от глагола *ezli* ‘искать’.

(3.68) a. marat alsu-nɤ ezl-i.
Марат Алсу-ACC искать-ST.IPFV
Марат ищет Алсу.

b. alsu ezl-ä-**n**-ä.
Алсу искать-ST-**PASS**-ST.IPFV
Алсу находится в розыске.

c. marat gɤmer bujɤna ezl-ä-**n**-ä.
Марат жизнь в.течение искать-ST-**DEPAT**-ST.IPFV
Марат всю жизнь в поисках.

Как видно из (3.68a-c), глагольная деривация интерпретируется как декаузативная или как депациентивная в зависимости от того, как понимается единственный участник события: как его пациенс в (3.68b) или как его агенс в (3.68c).

Семантическое преобразование, производимое при помощи депациентивной деривации, отражается и в понижении статуса прямого дополнения. Изменения исходной синтаксической структуры глагола могут быть разными. В (3.69) глагол вовсе не может иметь поверхностно выраженного пациентивного актанта, соответствующего исходному прямому дополнению:

(3.69) a. marat alsu-nɤ üp-te.
Марат Алсу-ACC целовать-PST
Марат поцеловал Алсу.

b. ul eč-ä dä üb-e-**n**-ä bašl-ɤj.
он пить-ST.IPFV EMPH целовать-ST-**DEPAT**-ST.IPFV начинать-ST.IPFV
Он пьет и начинает целоваться (со всеми подряд) {т.е. ведет себя развязно}.

c. *ul eč-ä dä alsu-nɤ üb-e-**n**-ä
он пить-ST.IPFV EMPH Алсу-ACC целовать-ST-**DEPAT**-ST.IPFV
bašl-ɤj.
начинать-ST.IPFV
Он пьет и начинает целоваться с Алсу.

Пациенс глагола *bärä* ‘кидать’ после депациентивной деривации понижается до косвенного дополнения и выражается при помощи послеложной группы:

(3.70) a. malaj taš-lar-nɤ bär-ä.
мальчик камень-PL-ACC бросать-ST.IPFV
Мальчик кидает камни.

b. malaj taš-lar belän bär-e-**n**-ä.
мальчик камень-PL с бросать-ST-**DEPAT**-ST.IPFV
Мальчик кидается камнями.

Более «слабая» степень понижения пациентивного актанта — его реализация как непрямого дополнения:

(3.71) a. zexrä marat-nɤ tɤt-a.
Зухра Марат-ACC держать-ST.IPFV
Зухра держит Марата.

b. zexrä marat-ka tɤt-ɤ-**n**-a.
Зухра Марат-DAT держать-ST-**DEPAT**-ST.IPFV
Зухра опирается на Марата.

Далее, депациентивный глагол может сохранять возможность управлять прямым дополнением, однако в этом случае запрещается его морфологическое оформление показателем аккузатива.

(3.72) a. ul kɤlbasa-nɤ tɤg-a.
он колбаса-ACC пихать-ST.IPFV
Он жрет [= пихает] *колбасу.* {a=b=c}

b. ul kɤlbasa tɤg-ɤ-**n**-a.
он колбаса пихать-ST-**DEPAT**-ST.IPFV

c. *ul kɤlbasa-nɤ tɤg-ɤ-**n**-a.
он колбаса-ACC пихать-ST-**DEPAT**-ST.IPFV

В мишарском диалекте отсутствие аккузативной морфологии на прямом дополнении указывает на то, что оно не является полностью развернутой именной группой DP (см. 5.2). Различие между глаголами *tɤga* и *tɤgɤna*, как видно из примеров (3.72a-c), состоит в том, что последний не способен иметь DP в качестве прямого дополнения.

Аккузативное маркирование прямого дополнения, обозначающего лицо, близко к обязательному. Соответственно, депациентивный глагол предсказуемым образом не может соединяться с такими дополнениями.

(3.73) a. sɤrɤ büre äbi-ne tɤg-a.
серый волк бабушка-ACC пихать-ST.IPFV
Серый волк жрет бабушку. {a=b}

b. *sɤrɤ büre äbi-ne || äbi tɤg-ɤ-**n**-a.
серый волк бабушка-ACC бабушка пихать-ST-**DEPAT**-ST.IPFV

Наконец, некоторые депациентивные глаголы могут иметь в позиции прямого дополнения аккузативно маркированную именную группу, и в этом случае делается обязательным множественное число[12]:

(3.74) a. min vaza-nɤ wat-tɤ-m.
я ваза-ACC разбивать-PST-1SG
Я разбил вазу.

b. ir-e ü-e-n-ä kat$_j$-kač, waza-lar-nɤ ‖ *waza-nɤ
мужчина-3 дом-3-OBL-DAT возвращаться-ANT ваза-PL-ACC ваза-ACC
wat-ɤ-**n**-dɤ.
разбивать-ST-**DEPAT**-PST
*Муж, вернувшись домой, стал бить вазы ‖ *вазу.*

3.1.4.2. Депациентив и акциональность

Влияние депациентива на значение глагола проявляется и в изменении его акциональных характеристик (см. о них 2.2). Рассмотрим следующие примеры.

(3.75) a. ir-e waza-nɤ wat-tɤ.
мужчина-3 ваза-ACC разбивать-PST
Муж разбил вазу.

b. ir-e ü-e-n-ä kat$_j$-kač, waza-lar-nɤ ‖ *waza-nɤ
мужчина-3 дом-3-OBL-DAT возвращаться-ANT ваза-PL-ACC ваза-ACC
wat-ɤ-**n**-dɤ.
разбивать-ST-**DEPAT**-PST
Муж, вернувшись домой, стал бить вазы {т.е. позанимался разбиванием ваз}.

(3.76) a. alsu čäčäk-lär-ne sip-te.
Алсу цветок-PL-ACC поливать-PST
Алсу полила цветы.

b. alsu sib-e-**n**-de.
Алсу поливать-ST-**DEPAT**-PST
Алсу позанималась поливанием {т.е. пополивала, полила все понемногу}.

В (3.75b) депациентив от слабого предельного глагола *wata* ‘разбивать’ допускает только непредельную интерпретацию: «позаниматься разбиванием», тот же эффект депациентивная деривация имеет и при предельном глаголе *sibä* ‘поливать’ в предложении (3.76b)[13].

Глаголы, в исходной форме допускающие как семельфактивную, так и мультипликативную интерпретацию, при депациентивной деривации теряют способность выражать первую:

[12] Эта возможность, по-видимому, характеризует чистопольский говор. Носители других говоров рассматривают ее как неестественную.

[13] Носители сергачского говора систематически отклоняют интерпретацию (3.76b). Единственно возможное для них прочтение — ‘Алсу позанималась поливанием себя’.

(3.77) a. marat renat-ka suk-tɤ.
Марат Ренат-DAT ударять-PST
Марат Рената ударил || побил.

b. marat sug-ɤ-**n**-dɤ.
Марат ударять-ST-**DEPAT**-PST
Марат постукал, поколотил {несколько раз по разным предметам}.

Мультипликативное значение депациентивного глагола может возникать и в том случае, если исходный глагол не относится к мультипликативному акциональному классу. Доступность таких интерпретаций, впрочем, варьирует по носителям.

(3.78) malaj utɤr-ɤ-**n**-a.
мальчик садиться-ST-**DEPAT**-ST.IPFV
Мальчик присаживается {то и дело, поскольку очень непоседлив}.

(3.79) kɤz jer-e-**n**-ä.
девочка ходить-ST-**DEPAT**-ST.IPFV
Девочка прохаживается {т.е. ходит туда-сюда}.

(3.80) a. zefar kar-a-**n**-a.
Зуфар смотреть-ST-**DEPAT**-ST.IPFV
Зуфар оглядывается, смотрит по сторонам.

b. ?zefär kɤz-ga kar-a-**n**-a.
Зуфар девочка-DAT смотреть-ST-**DEPAT**-ST.IPFV
Зуфар поглядывает на девочку.

(3.80b) с выраженным дативным дополнением, по мнению некоторых носителей, проигрывает (3.80a). И тот, и другой, тем не менее, мультипликативны.

Отметим, что глаголы в (3.78)-(3.80) исходно непереходны, так что функция депациентивной деривации в данном случае ограничивается изменением акциональности.

Завершая этот раздел, отметим, что среди непереходных глаголов только агентивные могут образовывать депациентив[14]. Тем не менее даже с этим ограничением в исследуемом чистопольском говоре дистрибуция депациентива, по-видимому, шире, чем во многих других. Носителям других говоров мишарского диалекта предложения (3.75b), (3.76b), (3.78) и (3.79) представляются на грани допустимости. Характерно, что в таких говорах депациентивное значение оказывается в большей степени связано с реципрокальным показателем *-š* (см. 3.1.5).

[14] Функционально депациентив очень близок к антипассиву. Разница между депациентивом и антипассивом состоит в том, что при антипассиве — деривации, характерной для эргативных языков, — исходное маркирование агенса меняется на номинативное, тогда как при депациентиве агенс стоит в именительном падеже с самого начала, и его маркирование никак не меняется. Существенно, что и антипассив, как и депациентив, воздействует на акциональные характеристики глагола. В Tsunoda 1988: 633, кроме того, отмечается, что если между базовой формой глагола и его антипассивом есть аспектуальная разница, то именно антипассивом всегда будет выражаться континуативное / прогрессивное, итеративное и / или хабитуальное действие. См. также Tatevosov 2011, где исследуется дагестанский материал, показывающий, что антипассивизация может быть побочным продуктом акциональной модификации.

3.1.4.3. Медиальные значения депациентива

Так называемые глаголы ухода за телом (grooming verbs) ‘мыться’, ‘одеваться’, ‘причесываться’, ‘бриться’, представляющие классические образцы медиальной семантики, в мишарском диалекте образуются при помощи депациентивной деривации:

(3.81) a. änä tälinkä-ne ju-dɤ.
мать тарелка-ACC мыть-PST
Мать мыла тарелку.

b. änä ju-ɤ-**n**-dɤ.
мать мыть-ST-**DEPAT**-PST
Мать помылась.

(3.82) a. ul bu külmäk-ne kij-ä.
он этот платье-ACC надевать-ST.IPFV
Она надевает это платье.

b. ul kij-e-**n**-ä.
он надевать-ST-**DEPAT**-ST.IPFV
Она одевается.

У таких глаголов, как *jua* ‘мыть’, в отсутствие поверхностно выраженного пациенса действие понимается как направленное на агенс. Агентивный аргумент оказывается одновременно и инициатором, и конечной точкой действия, которое, таким образом, приобретает медиальное значение.

Дескриптивные свойства ситуации, с которой связывается депациентивное значение глагола, могут весьма существенно отличаться от свойств ситуации, которую описывает глагол в исходной форме. Например, ‘мытье предметов’ и ‘мытье человека’ концептуализируются в татарском языке как разные действия, что проявляется и в грамматике глагола *jua* ‘мыть’. В исходной форме этот глагол может обозначать только мытье или стирку вещей. Для обозначения ситуации, когда один человек моет другого, употребляется каузатив от депациентивного глагола *juɤna* ‘мыться’:

(3.83) änä-se kɤz-nɤ ju-ɤ-**n-dɤr**-dɤ.
мать-3 девочка-ACC мыть-ST-**DEPAT-CAUS**-PST
Мать мыла дочь.

В свете сказанного очень показательно диахроническое развитие глагола *čišenä* ‘раздеваться’, букв. ‘развязываться’. Этот глагол — депациентив глагола *čišä* ‘развязывать’. В старину одежда носилась на завязках, которые нужно было развязать, чтобы раздеться. Иначе говоря, существовала стандартная ситуация развязывания, где объектом были завязки на собственной одежде. Для ее обозначения использовался депациентивный глагол, за которым впоследствии закрепилось значение, отличающееся от значения исходного глагола не только устраненным из ситуации объектом. Глагол сохраняет прозрачную морфологическую структуру (исходный глагол + аффикс *-n*), однако его связь с исходным значением утрачивается, как только общепринятые представления о ситуации раздевания перестают соотноситься с действием развязывания.

В основе медиальной реинтерпретации глагольного значения может лежать метафора, когда глагол привлекается не в прямом, а в переносном значении. Тогда семантическое расхождение между исходным и производным глаголами становится еще значительнее:

(3.84) kɣz-a
жарить-ST.IPFV
жарить

kɣz-ɣ-**n**-a
жарить-ST-**DEPAT**-ST.IPFV
загорать

(3.85) suz-a
тянуть-ST.IPFV
тянуть

suz-ɣ-**n**-a
тянуть-ST-**DEPAT**-ST.IPFV
тянуть время

(3.86) it-ä
делать-ST.IPFV
делать

it-e-**n**-ä
делать-ST-**DEPAT**-ST.IPFV
плохо вести себя, выделываться

При традиционном анализе «возвратного залога» медиальные значения аффикса *-n* рассматриваются как его первичная функция. Таким образом, a priori предполагается, что функция данного показателя состоит в том, чтобы соотнести значение исходного глагола с известным медиальным концептом. В результате, если семантическая связь между исходным и *-n*-маркированным глаголом непрозрачна (ср. (3.84)-(3.86)), аффикс *-n* признается семантически пустой словообразовательной морфемой, служащей для образования новых лексических единиц. Одновременно при собственно депациентивном значении аффикса *-n* изменение семантики глагола часто оказывается незначительным (ср., например, примеры (3.75)-(3.80)), а показатель *-n* опять же признается семантически пустым и не меняющим значение глагола.

Предложенный выше анализ аффикса *-n* как показателя депациентивной деривации позволяет в равной степени учитывать и интерпретировать все его реализации, начиная с тех, результатом которых являются ограничения на референциальный статус объекта, и кончая теми, за которыми закрепляется самостоятельное лексическое значение.

3.1.5. Реципрокальная и ассистивная деривация[15]

Показатель реципрокальной и ассистивной деривации в мишарском диалекте — аффикс *-š,* который отличается значительной полисемией. В Махмутова 1978: 135 выделяются взаимное действие (реципрок), «действие в помощь кому-либо» (ассистив), значение «множество раз или во многих местах» (глагольная множественность) и некоторые другие. В ТГ 1993: 178-180 — взаимное значение (реципрок), значение содействия (ассистив), активно-безобъектное значение (депациентив), значение совместности действия (глагольная множественность) и пр. В Nedjalkov 2006: 11 упоминаются реципрок, социатив (‘to rob someone together’, глагольная множественность), комитатив (‘to rob someone together with someone’, глагольная множественность), ассистив. В Nedjalkov 2007b: 298 в связи с татарским языком помимо реципрокального, ассистивного и социативного значений отмечается депациентивное значение (в терминологии Nedjalkov 2007b антипассивное).

[15] В этом разделе использованы примеры, собранные Д.К. Привозновым.

Общим для всех значений, по-видимому, является то, что они представляют множественные действия как единое целое. Значение и дистрибуция показателя *-š* более подробно охарактеризованы в 3.2; здесь мы ограничимся изложением минимально необходимых сведений.

3.1.5.1. Ассистивная конструкция

Синтаксические характеристики ассистивной конструкции ‘*x* помогает *y* в осуществлении ситуации *e*, обозначенной глагольной группой’ во многом напоминают каузативную деривацию: вводится новый аргумент (X), занимающий позицию подлежащего; исходное подлежащее (Y) оказывается в более низкой синтаксической позиции.

(3.87) a. zexrä uk-ɤj.
Зухра учиться-ST.IPFV
Зухра учится.

b. änä-se zexrä-gä uk-ɤ-**š**-a.
мать-3 Зухра-DAT учиться-ST-**REC**-ST.IPFV
Мать помогает Зухре учиться.

(3.88) a. zexrä taš-lar-nɤ su-ga bär-ä.
Зухра камень-PL-ACC вода-DAT бросать-ST.IPFV
Зухра кидает камни в воду.

b. renat zexrä-gä taš-lar-nɤ su-ga bär-e-**š**-ä.
Ренат Зухра-DAT камни-PL-ACC вода-DAT бросать-ST-**REC**-ST.IPFV
Ренат помогает Зухре бросать камни в воду.

(3.89) a. alsu kunak-lar karšɤ al-a.
Алсу гость-PL против брать-ST.IPFV
Алсу принимает гостей.

b. alsu zexrä-gä kunak-lar karšɤ al-ɤ-**š**-a.
Алсу Зухра-DAT гость-PL против брать-ST-**REC**-ST.IPFV
Алсу помогает Зухре принимать гостей.

Подлежащее в (3.87a), (3.88a) и (3.89a) после введения нового актанта в (3.87b), (3.88b) и (3.89b) занимает позицию непрямого дополнения и кодируется дательным падежом, а глагол с показателем *-š* приобретает ассистивное значение ‘помогать в осуществлении ситуации, удовлетворяющей дескрипции P’. Ассистивная семантика данной конструкции весьма устойчива: ее имеет практически любая реципрокальная деривация с синтаксической структурой типа (3.87b), (3.88b) или (3.89b).

Ассистивная конструкция подчиняется действию нескольких ограничений. Во-первых, она затруднена от неагентивных глаголов, таких, как, например, *šuɤj* ‘скользить’:

(3.90) *zexrä renat-ka bɤz-da šu-ɤ-**š**-a.
Зухра Ренат-DAT лед-LOC скользить-ST-**REC**-ST.IPFV
Зухра помогает Ренату скользить по льду.

Еще одно ограничение на употребление связано с глаголами, управляющими дативными дополнениями. Если дативный актант исходного глагола одушевленный, ассистив образовать нельзя:

(3.91) a. marat renat-ka suk-tɤ.
Марат Ренат-DAT ударять-PST
Марат Рената ударил.

b. ??zefär marat-ka renat-ka sug-ɤ-š-tɤ.
Зуфар Марат-DAT Ренат-DAT ударять-ST-**REC**-PST
Зуфар помог Марату бить Рената.

В предложении (3.91b) имеет место конфликт падежного кодирования актантов, не позволяющий адекватно установить роль каждого. Однако в случае, если дативный актант неодушевлен, конфликта не происходит. Тогда как грамматичность предложения (3.92a) вызывает большие сомнения, (3.92b) допустимо:

(3.92) a. ? zexrä marat-ka bez-gä kil-e-š-te.
Зухра Марат-DAT мы-DAT приходить-ST-**REC**-PST
Зухра помогла Марату к нам приехать.

b. zexrä marat-ka kazan-ga kil-e-š-te.[16]
Зухра Марат-DAT Казань-DAT приходить-ST-**REC**-PST
Зухра помогла Марату приехать в Казань.

3.1.5.2. Реципрокальная конструкция

Собственно реципрокальное значение (‘X воздействует на Y-ка, а Y воздействует на X-а’, см. Dalrymple *et al*. 1998, Beck 2001, Bruening 2007, Nedyalkov 2007a и цитируемую там литературу) возникает у глаголов, описывающих прототипическую реципрокальную ситуацию, т.е. такую ситуацию, во внутренней структуре которой заложено раздвоение ролей каждого участника. Таковы, например, глаголы *übešä* ‘целоваться’ и глагол *ɤršɤša* ‘ругаться’:

(3.93) a. marat alsu-nɤ üb-ä.
Марат Алсу-ACC целовать-ST.IPFV
Марат целует Алсу.

b. marat belän alsu üb-e-š-ä.
Марат с Алсу целовать-ST-**REC**-ST.IPFV
Марат и Алсу целуются.

(3.94) a. marat alsu-nɤ ɤrš-a.
Марат Алсу-ACC ругать-ST.IPFV
Марат ругает Алсу.

b. marat belän alsu ɤrš-ɤ-š-a.
Марат с Алсу ругать-ST-**REC**-ST.IPFV
Алсу и Марат ругаются.

От лексического наполнения реципрокальной конфигурации зависит дистрибуция взаимного местоимения *ber bersen* ‘друг друга’. С прототипическими реципрокальными глаголами оно невозможно:

[16] Контраст между (3.92a) и (3.92b) представлен в сергачском говоре. В некоторых других говорах любой дативный актант, даже локативный датив, препятствует образованию ассистивной формы, что делает предложения типа (3.92b) неприемлемыми.

(3.95) *alsu belän marat ber ber-se-n üb-e-**š**-ä.
Алсу с Марат один один-3-OBL.ACC целовать-ST-**REC**-ST.IPFV
Алсу с Маратом целуются друг с другом.

Глагол *karaša* ‘смотреть’, напротив, может выступать как в комбинации с взаимным местоимением, так и без него:

(3.96) a. kɤz-lar ber ber-se-n-ä kar-a-**š**-a.
девочка-PL один один-3-OBL-DAT смотреть-ST-**REC**-ST.IPFV
Девочки смотрят друг на друга.

b. kɤz-lar kar-a-**š**-a[17].
девочка-PL смотреть-ST-**REC**-ST.IPFV
Девочки переглядываются.

От глагола *tɤŋlɤj* ‘слушать, слушаться’ реципрокальная конструкция может быть образована только при наличии местоимения *ber bersen*. Иначе говоря, только если взаимная направленность действия специально указана лексически, действия двух агентивных аргументов данного глагола могут составлять целое общее событие:

(3.97) a. bala-lar ukɤtučɤ-nɤ tɤŋl-ɤj-lar.
ребенок-PL учитель-ACC слушать-ST.IPFV-PL
Дети учителя слушаются.

b. marat belän restäm ber ber-se-n tɤŋl-a-**š**-a-lar[18].
Марат с Рустам один один-3-OBL-ACC слушаться-ST-**REC**-ST.IPFV-PL
Марат и Рустам слушаются друг друга.

Чтобы глагол с показателем *-š* мог иметь реципрокальное значение, он должен быть не только агентивным, но к тому же не одноместным. Как показывают примеры выше, при образовании реципрокальной конструкции множественный актант может формироваться из подлежащего и прямого дополнения, как в (3.97). Другая возможность — подлежащее и дативная именная группа, как в (3.96). Еще две пары примеров показаны в (3.98)-(3.99):

(3.98) a. marat alsu-nɤ üläп-de.
Марат Алсу-ACC жениться-PST
Марат женился на Алсу.

b. marat belän alsu üläп-e-**š**-te-lär.
Марат с Алсу жениться-ST-**REC**-PST-PL
Марат и Алсу поженились.

---

[17] Более естественным контекстом для употребления рассматриваемой реципрокальной формы является конструкция с модифицирующим глаголом *ala* ‘брать’:

(i) kɤz-lar kar-a-š-ɤ-p al-dɤ.
девочка-PL смотреть-ST-REC-ST-CONV брать-PST
Девочки переглянулись.

[18] Возможность такой формы, по-видимому, является спецификой центральных говоров мишарского диалекта. Для носителей других говоров в этом предложении более уместно употребление формы «исходного залога».

(3.99) a. marat alsu-nɤ ruslan-ga kenl-i.
Марат Алсу-ACC Руслан-DAT ревновать-ST.IPFV
Марат ревнует Алсу к Руслану.

b. zexrä häm alsu marat-nɤ kenl-ä-**š**-ä.
Зухра и Алсу Марат-ACC ревновать-ST-**REC**-ST.IPFV
Зухра и Алсу ревнуют Марата друг к другу.

3.1.5.3. Ассоциативная конструкция

Конструкция, которую мы называем ассоциативной, характериуется широким диапазоном интерпретаций, которые в общих чертах укладываются в традиционное понятие глагольной множественности. Эта конструкция обнаруживает тесные семантические связи с реципрокальным значением, обсуждавшимся в предыдущем разделе.

В частности, к реципрокальному значению близко к о л л е к т и в н о е з н а ч е н и е (‘X и Y вместе выполняют некоторое общее действие’). В этом значении действия агенсов понимаются как связанные друг с другом, но друг на друга не направленные.

(3.100) umarta-lar bezeld-ä-**š**-ä.
пчела-PL жужжать-ST-**REC**-ST.IPFV
Пчелы жужжат (издают жужжание).

Интересная проблема — какие глаголы допускают и реципрокальное, и коллективное значение, а при каких возможно лишь одно из них. В (3.93b) глагол ‘целоваться’ обладает только реципрокальным значением. Однако (3.94b) с ‘ругаться’, повторяемый как (3.101), допускает не только реципрокальную интерпретацию, но и коллективную:

(3.101) marat belän alsu ɤrš-ɤ-**š**-a.
Марат с Алсу ругать-ST-**REC**-ST.IPFV
Алсу и Марат ругаются с другими людьми.

Наиболее стабильной семантической группой глаголов, порождающих устойчивое коллективное значение, являются глаголы, связанные с производством звуков:

(3.102) a. kɤš-lar sajr-a-**š**-a-lar.
птица-PL петь-ST-**REC**-ST.IPFV-PL
Птицы поют [= перепеваются].

b. renat belän zexrä tečker-e-**š**-ä-lär.
Ренат с Зухра чихать-ST-**REC**-ST.IPFV-PL
Ренат и Зухра чихают.

Ассоциативная конструкция от глаголов движения и положения систематически имеет дистрибутивное значение:

(3.103) a. bez jaŋa-dan čab-ɤ-**š**-tɤ-k.
мы новый-ABL бежать-ST-**REC**-PST-1PL
Мы снова разбежались (в разные стороны).

b. bez čap-tɤ-k.
мы бежать-PST-1PL
Мы побежали.

(3.104) a. marat urɤndɤk-ka utɤr-dɤ.
Марат стул-DAT садиться-PST
Марат сел на стул.

b. bala-lar urɤndɤk-lar-ga utɤr-ɤ-**š**-tɤ-lar.
ребенок-PL стул-PL-DAT садиться-ST-**REC**-PST-PL
Дети расселись по стульям.

Еще одно возможное значение ассоциативов от глаголов движения — значение соревнования, т.е. тип события, также предполагающий не полностью совпадающие действия нескольких агенсов:

(3.105) sɤjɤrčɤk belän sandugač ɤč-ɤ-**š**-a.
скворец с соловей лететь-ST-**REC**-ST.IPFV
Соловей и скворец летят наперегонки.

Кроме того, глаголы с показателем *-š* могут также иметь и мультипликативное значение:

(3.106) a. renat belän marat at-ɤ-**š**-tɤ.
Ренат с Марат стрелять-ST-**REC**-PST
Ренат и Марат постреляли {например, в ситуации игры в войну}.

b. renat belän marat ber ber-se-n-ä at-tɤ.
Ренат с Марат один один-3-OBL-DAT стрелять-PST
Ренат и Марат выстрелили друг в друга {например, в ситуации дуэли}.

Реципрокальный глагол *atɤša* описывает ситуацию, состоящую из множества повторяющихся действий. Этот глагол нельзя употребить так же, как исходный — в значении ‘обменяться выстрелами’ (ср. (3.106b)).

3.1.5.4. Депациентивная конструкция

Депациентивная конструкция образуется с помощью показателя *-š* от ограниченного числа глаголов. По-видимому, это связано с тем, что для основной массы депациентивов используется показатель *-n*, охарактеризованный в 3.1.4.

При деривации депациентивной конструкции из аргументной структуры исходного глагола удаляется один из синтаксических актантов. Как и в случае реципрокального значения, это может быть как аккузативный, так и дативный актанты. Эти возможности иллюстрируются в (3.107)-(3.108).

(3.107) a. macɤ-lar mine tɤrn-a-dɤ-lar.
кошка-PL я.ACC царапать-ST-PST-PL
Кошки меня поцарапали.

b. bu macɤ tɤrn-a-**š**-a.
этот кошка царапать-ST-**REC**-ST.IPFV
Эта кошка царапается.

(3.108) a. zexrä alsu-ga su sip-te.
Зухра Алсу-DAT вода лить-PST
Зухра обрызгала Алсу водой.

b. zexrä su sib-e-**š**-ä.
Зухра вода лить-ST-**REC**-ST.IPFV
Зухра брызгается водой.

3.1.6. Некоторые обобщения

Рассмотренные ранее употребления каждой из дериваций представлены в (3.109) в виде списка.

(3.109) a. К а у з а т и в
I. Значение непосредстенной каузации:
1. О б р а з о в а н и е п е р е х о д н о г о г л а г о л а с введением нового аргумента
2. Образование переходного глагола без введения нового аргумента:
а. каузативизация эмотивных предикатов:
б. каузативизация некоторых неодноместных непереходных предикатов
II. Значение опосредованной каузации
III. Образование трехместного дативного глагола
IV. Имперсональное значение каузатива
V. Пассивное значение каузатива

b. П а с с и в
I. Пассив
II. Декаузатив
III. Пассив от перцептивных предикатов
IV. Имперсональный пассив
V. Потенциальный пассив
VI. Медиальный пассив

c. Д е п а ц и е н т и в
I. Собственно депациентив
II. Депациентив с медиальным значением
III. Изменение акциональности глагола

d. Р е ц и п р о к
I. Ассистивное значение
II. Реципрокальное значение
III. Ассоциативное значение
IV. Депациентивное значение

Отметим, что выражение того или иного значения, как правило, ограничено некоторым семантико-синтаксическим классом глаголов и, кроме того, часто соотнесено с особым синтаксическим оформлением конструкции.

3.2. Синтаксис и семантика ассистива

В этом разделе мы более подробно остановимся на ассистивном значении морфемы *-š*, кратко охарактеризованном в 3.1.5.2. Кроме того, будет рассмотрен вопрос о том, имеет ли смысл объединять все значения этого показателя (включая ассистивное) в единый инвариант или, иными словами, анализировать показатель *-š* в разных значениях как одну актантную деривацию. Как показывается ниже, с точки зрения семантических и синтаксических свойств дериватов на *-š* ассистивное значение этого показателя представляет собой, по-видимому, отдельную от остальных актантную деривацию.

Раздел 3.2.1 рассказывает о контексте и методике исследования ассистивной деривации. В разделе 3.2.2 рассматриваются семантические и синтаксические свойства ассистивных дериватов, образованных при помощи показателя *-š*, лексические ограничения на их образование и их собственный деривационный потенциал. Остальные деривации на *-š* и лексические ограничения на их образование рассматриваются в 3.2.3.

3.2.1. Показатель *-š* в мишарском диалекте

Глагольные морфемы, исторически соответствующие показателю *-š*, присутствуют во многих тюркских языках (Nedjalkov 2006), например, *-s||-h* в якутском или *-š||-ž||-č* в тувинском. Набор его интерпретаций в разных языках примерно один и тот же, и разброс этих значений довольно велик, что, по-видимому, является характерной типологической чертой реципрокальных конструкций (Nedjalkov 2007b, Heine, Miyashita 2008, Nikolaeva 2007). В качестве базового значения показателя *-š* в татарском языке чаще всего выделяется реципрокальная актантная деривация (Nedjalkov 2007b, Махмутова 1978).

Как мы видели выше, в мишарском диалекте этот показатель также неоднозначен (см. 3.1.5, а также Nedjalkov 2006, Махмутова 1978, ТГ 1993). Он маркирует не только интерпретирующие актантные деривации (реципрокальное значение), но и повышающие (ассистивное значение) и понижающие (активно-безобъектное значение в терминологии ТГ 1993). Кроме того, *-š* может изменять акциональные свойства глагольной лексемы (мультипликативное значение).

Во многих работах предпринимались попытки обобщить значения полисемичных маркеров понижающих и интерпретирующих актантных дериваций, маркируемых одинаковыми показателями или имеющих общие семантические и синтаксические свойства (Shibatani 2008, Haspelmath 1990, Heine, Miyashita 2008, Kemmer 1993). Чаще всего подобная полисемия анализируется с помощью понятия прототипа или инварианта значения, как, например, понятие медиального залога в Kemmer 1993. В Haspelmath 1990 полисемия маркеров понижающих и интерпретирующих актантных дериваций анализируется в рамках теории грамматикализации. И на первый взгляд сформулированный С. Кеммер тезис о полисемичных языковых единицах — «Тот факт, что разные значения регулярно выражаются с помощью одинаковых формальных и структурных средств, говорит о том, что значения, о которых идет речь, связаны между собой» (Kemmer 1993: 4) — кажется интуитивно верным и по отношению к показателю *-š*.

Исследование мишарского диалекта было проведено на выборке из 80 глаголов с разной актантной структурой. В нее вошли глаголы следующих типов: <агенс> (*biji*

‘танцевать’), <пациенс> (*eri* ‘таять’), <агенс, пациенс> (*ača* ‘открывать’), <агенс, пациенс, цель (адресат)> (*birä* ‘давать’), <экспериенцер, стимул> (*ӧšana* ‘верить’), <стимул, экспериенцер> (*ӧšӧj* ‘нравиться’). Кроме перечисленных, в этом разделе будет фигурировать семантическая роль тема, присутствующая в актантной структуре глагола *kenli* ‘ревновать’ <экспериенцер (кто), стимул (кого), тема (к кому)>. При составлении выборки мы стремились, чтобы в ней были представлены разные акциональные классы (см. раздел 2.2), например, сильные предельные глаголы (*ala* ‘брать’), непредельные глаголы (*jegerä* ‘бежать’) и т.д. По возможности обеспечивалось и тематическое разнообразие включенной в выборку лексики — глаголы речи (*ätä* ‘говорить’), глаголы, обозначающие физические состояния и процессы (*pešä* ‘зреть, становиться зрелым’) и т.д.

От всех глаголов в выборке была проверена возможность образовать дериваты при помощи показателя *-š*. В тех случаях, когда дериват можно было образовать, уточнялась семантика этого деривата и значения *-š*, в которых этот показатель присоединяется к данной лексеме.

Исследование опиралось на четыре интерпретации *-š*, охарактеризованные выше в 3.1.5 и повторяемые в сжатом виде в (3.110):

(3.110) a. Ассистив (‘помогать делать X’)
b. Реципрок (‘делать X по отношению друг к другу одновременно’)
c. Ассоциатив (‘делать X несколько раз / в разных местах’)
d. Депациентив (‘заниматься деланием X’)

Актантные деривации, маркируемые *-š*, будут охарактеризованы с точки зрения семантических и синтаксических свойств актантов, а также деривационного потенциала глаголов на *-š*, прежде всего, их способности присоединять показатель каузатива *-dӧr*. Основное внимание в последующих разелах уделяется ассистивной конструкции.

3.2.2. Ассистивное значение морфемы *-š*

В этом разделе мы подробно рассмотрим ассистивную актантную деривацию, маркируемую показателем *-š*. В 3.2.2.1 даются общие характеристики ассистивных дериватов на *-š* и обсуждаются лексические ограничения на их образование. В 3.2.2.2 обобщаются семантические характеристики аргументов деривата на *-š* в ассистивном значении. В 3.2.2.3 рассматривается семантика ассистивов на *-š*, а в 3.2.2.4 — их сочетаемость с показателями отрицания и каузатива. В 3.2.2.5-3.2.2.6 предлагается возможный анализ ассистивной актантной деривации.

3.2.2.1. Ассистивная конструкция

Ассистивная актантная деривация, маркируемая показателем *-š*, вводит в аргументную структуру исходного глагола новый синтаксический актант — именную группу в дативе. Носители мишарского диалекта переводят ассистивную конструкцию на русский язык предложением с глаголом *помогать* с инфинитивным аргументом:

(3.111) a. marat ruslan-nʏ kʏr-a.
Марат Руслан-ACC брить-ST.IPFV
Марат бреет Руслана.

b. marat rüstem-gä ruslan-nʏ **kʏr-ʏ-š-a**.
Марат Рустем-DAT Руслан-ACC **брить-ST-REC-ST.IPFV**
*Марат **помогает** Рустему **брить** Руслана.*

Здесь и далее мы будем называть ситуацию, обозначаемую ассистивным дериватом, ассистивной ситуацией. Актант ассистивного деривата, который выражается именной группой в номинативе, контролирующей глагольное согласование, и соответствует «помогающему» участнику ассистивной ситуации, мы будем далее называть ассистирующим. Такова именная группа *marat* в (3.111b). Актант, который выражается именной группой в дативе и соответствует участнику, которому помогают, обозначается как ассистируемый. Это, в частности, именная группа *rüstemgä* в (3.111b)[19].

При ассистивных дериватах участник, которому «помогают», может быть выражен только дативной именной группой (в отличие, например, от каузируемого участника при каузативах на *-dʏr*, который может быть выражен как аблативом, так и аккузативом, а также, для некоторых предикатов, дативом, см. 3.1.2.10):

(3.112) a. marat ruslan-**ga** ʒep-ne ez-e-š-te.
Марат Руслан-**DAT** веревка-ACC рвать-ST-REC-PST
Марат помог Руслану порвать веревку. {a=b=c}

b. *marat ruslan-**nʏ** ʒep-ne ez-e-š-te.
Марат Руслан-**ACC** веревка-ACC рвать-ST-REC-PST

c. *marat ruslan-**nan** ʒep-ne ez-e-š-te.
Марат Руслан-**ABL** веревка-ACC рвать-ST-REC-PST

(3.113) Обобщение 1
Ассистивная актантная деривация на *-š* вводит в аргументную структуру исходного глагола один новый актант, так что в аргументной структуре производного глагола присутствуют номинативный и дативный аргументы. Семантический актант, соответствующий ассистируемому участнику ситуации, всегда выражается именной группой в дативе.

Ассистив образуется от глаголов с разными наборами семантических ролей. Несколько возможностей показано в (3.114)-(3.116).

(3.114) a. marat utʏr-dʏ[20].
Марат садиться-PST
Марат сел. <агенс>

b. ruslan marat-ka **utʏr-ʏ-š-tʏ**.
Руслан Марат-DAT **садиться-ST-REC-PST**
*Руслан **помог** Марату **сесть**.*

[19] Следует подчеркнуть, что ассистирующий и ассистируемый — названия не семантических ролей, а мнемоничные обозначения номинативной и дативной именных групп в ассистивной конструкции.

[20] (3.114b) допускается носителями сергачского говора. Некоторые носители других говоров рассматривают его как сомнительное.

(3.115) a. ruslan üz šapka-sɤ-n ezl-i.
Руслан сам шапка-3SG-ACC искать-ST.IPFV
Руслан ищет свою шапку. <агенс, пациенс>

b. marat ruslan-ga üz šapka-sɤ-n **ezl-ä-š-ä**.
Марат Руслан-DAT сам шапка-3SG-ACC **искать-ST-REC-ST.IPFV**
*Марат **помогает** Руслану **искать** его шапку.*

(3.116) a. ruslan miŋa taš-lar bär-de.
Руслан я.DAT камень-PL бросать-PST
Руслан бросал в меня камни. <агенс, пациенс, цель (адресат)>

b. marat ruslan-ga miŋa taš-lar **bär-e-š-te**.
Марат Руслан-DAT я.DAT камень-PL **бросать-ST-REC-PST**
*Марат **помог** Руслану **бросать** в меня камни.*

Кроме того, ассистив образуется от аппликативных дериватов, в аргументную структуру которых уже введен один дативный аргумент с семантической ролью экспериенцера, как в (3.117):

(3.117) a. marat magazin-nan alsu-ga ujenčɤk al-dɤ.
Марат магазин-ABL Алсу-DAT игрушка брать-PST
Марат купил в магазине игрушку для Алсу. <<агенс, пациенс>, бенефактив>

b. ruslan marat-ka magazin-nan alsu-ga ujenčɤk **al-ɤ-š-tɤ**.
Руслан Марат-DAT магазин-ABL Алсу-DAT игрушка **брать-ST-REC-PST**
*Руслан **помог** Марату **купить** в магазине игрушку для Алсу.*

Единственным лексическим ограничением на образование ассистивного деривата является, по-видимому, неагентивность исходного глагола. А именно: *-š* в ассистивном значении не присоединяется к стативным глаголам с набором семантических ролей <экспериенцер, стимул>, как в (3.118), а также к одноместным пациентивным глаголам, как в (3.119).

(3.118) *marat zexrä-gä rüstem-ne **jarat-ɤ-š-a.**
Марат Зухра-DAT Рустем-ACC **любить-ST-REC-ST.IPFV**
*Марат **помогает** Зухре **любить** Рустема.*

(3.119) *marat kar-ga **er-e-š-te**.
Марат снег-DAT **таять-ST-REC-PST**
*Марат **помог** снегу **растаять**.*

(3.120) Обобщение 2
Ассистивный дериват не образуется от одноместных пациентивных глаголов и от стативных глаголов с семантическими ролями экспериенцера и стимула. Иными словами, ассистивный дериват образуется только от таких глаголов, в аргументной структуре которых присутствует актант с семантической ролью агенса.

3.2.2.2. Аргументы ассистивного деривата

Рассмотрим семантические свойства номинативного и дативного аргументов ассистивного деривата на *-š*.

Характерной чертой ассистивной конструкции является то, что и номинативный аргумент, и дативный аргумент должны быть непосредственно задействованы в ситуации, обозначаемой ассистивным глаголом. (3.121) показывает обязательность участия ассистирующего, выражемого именной группой в номинатие, а (3.122) — ассистируемого в дативе:

(3.121) min abij-em-ä akca **al-ɤ-š-tɤ-m**.
я бабушка-1SG-DAT деньги **брать-ST-REC-PST-1SG**

*1. Я **помог** бабушке **получить** деньги (в сберкассе)* {т.е. я и бабушка пошли в сберкассу и получили деньги}.
*2. Я **помог** бабушке **получить** деньги (в сберкассе)* {*т.е. только бабушка получила деньги, я помогал ей советом}.

(3.122) marat ruslan-ga arba-sɤ-n **ešl-ä-š-te**.
Марат Руслан-DAT телега-3-OBL.ACC **чинить-ST-REC-PST**

*1. Марат **помог** Руслану **починить** телегу* {т.е. и Руслан и Марат чинили телегу}.
*2. Марат **помог** Руслану **починить** телегу* {*т.е. Руслан не чинил телегу, только Марат чинил телегу для Руслана}.

В этом отношении ассистивная конструкция отличается от синонимичной на первый взгляд конструкции с глаголом *bulɤša* ‘помогать’ в (3.123):

(3.123) a. marat brat-ɤ-n-a **jer-e-r-gä** **bulɤš-a.**
Марат брат-3-OBL-DAT **ходить-ST-POT-INF** **помогать-ST.IPFV**

*Марат **помогает** брату **ходить*** {т.е. Марат помогает ему при ходьбе, ведет его под руку, но сам не ходит}.

b. marat brat-ɤ-n-a **jer-e-š-ä**.
Марат брат-3-OBL-DAT **ходить-ST-REC-ST.IPFV**

*Марат **помогает** брату **ходить*** {т.е. Марат ходит и показывает ему, как надо ходить с палкой}.

В конструкции с глаголом *bulɤša* ‘помогать’ «помогающий» участник не обязательно задействован в ситуации с теми же дескриптивными свойствами, что и участник, которому помогают; он не должен выполнять те же действия.

Такое же различие наблюдается и в случае аппликативной конструкции, в которой появление нового актанта не отражается в глагольной морфологии. И в (3.124) с дативной именной группой с ролью бенефактива, и в (3.125), где дативный актант входит в посессивное отношение с прямым дополнением, этот актант не обязан принимать непосредственное участие в описываемой ситуации:

(3.124) marat **zexrä-gä** ruslan-nɤ jäš-te.
Марат **Зухра-DAT** Руслан-ACC звать-PST

*Марат позвал Руслана **для Зухры*** {т.е. Зухра не звала Руслана вместе с Маратом}.

(3.125) marat **miŋa** hat jaz-dɤ.
Марат **я.DAT** письмо писать-PST

Марат написал для меня письмо {т.е. я мог в написании письма и не участвовать}.

Эти наблюдения подкрепляют обобщение 3:

(3.126) Обобщение 3.
Ассистирующий и ассистируемый принимают непосредственное участие в описываемой ситуации. Дескриптивные свойства этой ситуации задаются исходным глаголом.

И ассистирующий и ассистируемый имеют семантическую роль агенса. Соответствующие им участники контролируют ассистивную ситуацию, т.е. имеют возможность ее прекратить и волитивно в нее вовлечены (ср. признаки протороли агенса в Dowty 1991). Неагентивная именная группа с близкой агенсу семантической ролью эффектора не может быть ни ассистирующим, ни ассистируемым. Четыре логические возможности иллюстрируются в (3.127)-(3.130). Из них только (3.127), в котором агенсами оказываются оба участника ассистивной ситуации, признается носителями грамматичным.

(3.127) **marat** **ruslan-ga** arba-nɤ tezät-ɐ-š-tɐ.
Марат **Руслан-DAT** телега-ACC чинить-ST-REC-PST

Марат <агенс> *помог* ***Руслану*** <агенс> *починить телегу.*

(3.128) ***ǯil** **marat-ka** išek-ne ač-ɤ-š-tɤ.
ветер **Марат-DAT** дверь-ACC открывать-ST-REC-PST

Ветер <эффектор> *помог* ***Марату*** <агенс> *открыть дверь* {т.е. Марат пытался открыть дверь, когда подул ветер, и дверь открылась}.

(3.129) ***marat** **miŋa** sawɤg-ɤ-š-tɤ.
Марат **я.DAT** выздоравливать-ST-REC-PST

Марат <агенс> *помог* ***мне*** <пациенс> *выздороветь.*

(3.130) ***čüprä** **kamɤr-ga** kabar-ɤ-š-tɤ.
дрожжи **тесто-DAT** всходить-ST-REC-PST

Дрожжи <эффектор> *помогли* ***тесту*** <пациенс> *взойти.*

Внешний аргумент некоторых глаголов недоспецифицирован с точки зрения семантической роли. Например, внешний аргумент глагола *ača* ‘открывать’ может соответствовать как семантической роли агенса, так и семантической роли эффектора. Эти возможности показаны в (3.131a-b). В терминологии Е.В. Падучевой (Падучева 2001) глагол *ača* в (3.131b) образован от глагола *ača* в (3.131a) в результате деагентивизации.

(3.131) a. **marat** išek-ne ač-tɤ.
Марат дверь-ACC открывать-PST

Марат *открыл дверь.*

b. **ǯil** išek-ne ač-tɤ.
ветер дверь-ACC открывать-PST

Ветер *открыл дверь.*

Примечательно то, что ассистирующий аргумент дериватов на *-š*, образованных от глаголов типа *ača* ‘открывать’, как видно из (3.128), не может иметь семантическую роль эффектора, даже несмотря на то, что эта возможность открыта для исходного глагола в (3.131).

Возможно, неграмматичность примеров типа (3.129) имеет отношение к обобщению 3. Согласно этому обобщению, ассистирующий и ассистируемый должны принимать участие в ситуации с дескриптивными свойствами, описываемыми исходным глаголом. В то же время в (3.129) участник, выраженный ассистирующим аргументом (Марат), не выздоравливает после болезни, в отличие от ассистируемого участника, что нарушает обобщение 3. Тем не менее, обобщение 3 не охватывает случаев типа (3.128), в которых ассистирующий и ассистируемый задействованы в ситуации.

(3.132) Обобщение 4.
Ассистирующий и ассистируемый должны иметь семантическую роль агенса, а именно, контролировать протекание ассистивной ситуации (то есть иметь возможность ее прекратить) и быть волитивно в нее вовлеченными.

3.2.2.3. Ассистивная ситуация. Семантика ассистива

Обратимся теперь к семантике ассистивного деривата на *-š*. В значении ассистивной конструкции присутствуют по крайней мере два событийных компонента. Один соответствует действиям ассистирующего (ассистивное подсобытие), другой — действиям ассистируемого, выражаемого дативным аргументом (подсобытие исходного глагола). Сумму двух подсобытий мы будем далее называть ассистивной ситуацией.

Рассмотрим ассистивную конструкцию в сочетании с оператором отрицания и с временными модификаторами (типа *kičä* ‘вчера’).

В сочетании с временными модификаторами ассистивный дериват регулярно дает две интерпретации. В одном случае временное наречие модифицирует ассистивную ситуацию в целом, как в (3.133.1), в другом случае — только ассистивное подсобытие, состоящее в том, что номинативный аргумент оказывает помощь дативному аргументу, как в (3.133.2).

(3.133) zexrä **kičä** alsu-ga bakča-ga su **sib-e-š-te**.
Зухра **вчера** Алсу-DAT огород-DAT вода **лить-ST-REC-PST**
*1. Зухра **вчера помогла** Алсу **полить** огород* {т.е. и Зухра, и Алсу поливали вчера огород}.
*2. Зухра **вчера помогла** Алсу **полить** огород* {т.е. Зухра поливала огород вчера, Алсу — сегодня}.

(3.134) Обобщение 5.
Временные модификаторы типа наречия *kičä* ‘вчера’ могут иметь две интерпретации в ассистивной конструкции. А именно: они могут модифицировать как всю ситуацию, так и ассистивное подсобытие.

В мишарском диалекте сентенциальное отрицание выражается с помощью суффикса *-ma* (о морфологии отрицательных глагольных форм см. 1.2.1.4):

(3.135) kʏz-nʏŋ äti-lär-e bel-**m**-i.
девочка-GEN отец-PL-3 знать-**NEG**-ST.IPFV
Родители девушки не знают (об этом).

Показатель отрицания присоединяется к глагольной основе после деривационных показателей (см. примеры и обсуждение в 1.2.1.4). Показатель *-š* не является исключением:

(3.136) *marat ruslan-ga ǯep-ne **ez-m-ä-š-te**.
Марат Руслан-DAT веревка-ACC **рвать-NEG-ST-REC-PST**
*Марат **не помог** Руслану **порвать** веревку.*

Как и в случае с ‘вчера’, грамматичный дериват, содержащий отрицание поверх ассистивного показателя, имеет две интерпретации. В сфере действия отрицания может находиться как вся ассистивная ситуация, так и только ассистивное подсобытие. Эти возможности иллюстрируются в (3.137.1) и (3.137.2). Интерпретация в (3.137.3), когда отрицается только событие, вводимое исходной глагольной основой, невозможна:

(3.137) marat zexrä-ga išek-ne **ač-ʏ-š-m-a-dʏ**.
Марат Зухра-DAT дверь-ACC **открывать-ST-REC-NEG-ST-PST**
*1. Марат **не помог** Зухре **открыть** дверь* {т.е. ни Марат, ни Зухра не пытались открыть дверь}.
*2. Марат **не помог** Зухре **открыть** дверь* {т.е. Зухра открывала дверь сама, Марат ей не помогал}.
*3. *Марат **помог** Зухре **не открыть** дверь.*

(3.138) Обобщение 6.
Ассистивный глагол с показателем отрицания *-ma* имеет две интерпретации: в сфере действия отрицания может находиться вся ассистивная ситуация или только ассистивное подсобытие. Интерпретация, в которой отрицание попадает в сферу действия ассистива, невозможна.

Таким образом, подсобытийные компоненты ассистивной конструкции, по-видимому, имеют разный статус. Ассистивное подсобытие обладает большей семантической самостоятельностью. Оно способно находиться в сфере действия временных модификаторов и оператора отрицания отдельно от подсобытия исходного глагола, но не наоборот.

3.2.2.4. Деривационный потенциал ассистивов

3.2.2.4.1. Ассистив и показатель каузатива. Как обсуждается в 1.2.1.11 и 3.1.2, каузативная актантная деривация маркируется, в частности, показателем *-dʏr*. Показатель каузатива может присоединяться как к двухместным агентивным, так и к одноместным пациентивным глаголам. Это показано в (3.1b) и (3.24b), повторяемых как (3.139)-(3.140):

(3.139) zexrä ut-nʏ sün-**der**-ä.
Зухра свет-ACC гаснуть-**CAUS**-ST.IPFV
Зухра гасит свет.

(3.140) ul alijä-dän sumka-sʏ-n tʏt-**tʏr**-a.
он Алия-ABL сумка-3-OBL.ACC держать-**CAUS**-ST.IPFV
Он заставляет Алию держать сумку.

Среди каузативных дериватов принято выделять две большие группы с разными семантическими и синтаксическими свойствами (более подробно см. об этом 3.1.2 и 3.3.2). Каузативы типа (3.139) принято называть контактными, или однособытийными, а каузативы типа (3.140) — дистантными, или двусобытийными. Первые обладают признаками единства ситуации, в частности, времени и места ее протекания. Вторые, напротив, описывают две относительно автономные ситуации, у которых могут не совпадать ни локализации, ни временные координаты, а кроме того, обозначают более широкий класс семантических типов каузации (собственно каузатив ‘заставлять’, пермиссив ‘позволять’, рогатив ‘просить’ и др.). Различие между контактными и дистантными каузативами основано преимущественно на различии в событийных структурах, проецируемых исходными глаголами, см. анализ каузатива в 3.3.

Каузируемый участник в конструкции с каузативом может быть выражен именной группой в аккузативе (как в (3.139)), аблативе (как в (3.140)) или дативе; о вариативном маркировании каузируемого см. 3.1.2.10.

Показатель каузатива может присоединяться к ассистивному деривату на *-š*. В этом случае в производной конструкции помимо дативного ассистируемого, вводимого показателем *-š*, представлен аблативный, дативный или аккузативный каузируемый. Позицию подлежащего занимает номинативный каузатор. При этом предпочитается такой порядок слов, при котором ассистируемый в дативе располагается ближе к глаголу:

(3.141) alsu ruslan-nan marat-ka čab-ɤ-**š**-**tɤr**-dɤ.
Алсу Руслан-ABL Марат-DAT косить-ST-**REC**-**CAUS**-PST
Алсу заставила Руслана помочь Марату косить.

Есть и другая возможность: показатель *-š* присоединяется после каузатива. В этом случае предпочтителен такой порядок слов, при котором ассистируемый находится дальше от глагола, чем каузируемый.

Следует подчеркнуть, что в такой конфигурации ассистивный показатель может модифицировать как контактный, так и дистантный каузативы. Эти возможности показаны в (3.142)-(3.143):

(3.142) alsu ruslan-ga marat-nɤ tündäk-kä utɤr-**t**-ɤ-**š**-tɤ.
Алсу Руслан-DAT Марат-ACC стул-DAT садиться-**CAUS**-ST-**REC**-PST
Алсу помогла Руслану посадить Марата на стул.

(3.143) zexrä marat-ka ruslan-nan at sajl-a-**t**-ɤ-**š**-tɤ.
Зухра Марат-DAT Руслан-ABL лошадь выбирать-ST-**CAUS**-ST-**REC**-PST
Зухра помогла Марату заставить Руслана выбрать лошадь.

(3.144) Обобщение 7
Ассистивный показатель *-š* может присоединяться как перед показателем каузатива *-dɤr*, так и после него. В первом случае при нейтральном порядке слов дативный аргумент размещается ближе к глаголу, чем каузируемый, во втором наблюдается противоположная картина. Ассистив на *-š* образуется как от контактных, так и от дистантных каузативов.

3.2.2.4.2. Семантика ассистива, каузатива и отрицания. С семантической точки зрения, каузативная актантная деривация вводит в структуру предиката каузирующее подсобытие и соответствующего ему участника с семантической ролью каузатора (см. 3.1.2 и 3.3). Носители мишарского диалекта переводят предложения с дистантными каузативами на русский язык с помощью глагола *заставлять*. Ассистивная актантная деривация вводит в рассмотрение ассистивное подсобытие (см. 3.2.2.3), соответствующее в русском переводе глаголу *помогать*.

Как и показатель отрицания, показатели ассистива и каузатива могут иметь разные сферы действия. Глагольная основа с показателями каузатива и ассистива может интерпретироваться и как ‘помогать заставлять’, и как ‘заставлять помогать’. В первом случае каузатив попадает в сферу действия ассистива (ASSIST > CAUS), во втором — ассистив в сферу действия каузатива (CAUS > ASSIST).

Вопрос об интерпретации нескольких деривационных показателей, присоединенных к одной основе, исследовался во многих работах. В большинстве случаев значения таких словоформ следуют так называемому принципу зеркальности (mirror principle), сформулированному в Baker 1985: «Морфологические деривации должны непосредственно отражать синтаксические (и обратно)» (Baker 1985: 375).

Следствие этого принципа — в том, что на семантическом уровне морфологические показатели «применяются» в порядке, обратном их последовательности в словоформе. Самый последний показатель имеет самую широкую сферу действия, а ближайший к корню — самую узкую (ср. пример (3.145) из языка Qhichwa Simi, группа кечуа, Южная Америка, цит. по Baker 1985: 374, данные по Muysken 1981):

(3.145) maqa-naku-ya-chi-n
beat-RECIP-DUR-CAUS-3
Он заставляет их драться.

Рассмотрим с этой точки зрения возможные сферы действия ассистива по отношению к каузативу, а затем к отрицанию.

Согласно обобщению 7, ассистивный показатель может присоединяться как до, так и после каузативного. Ассистив на *-š*, образованный от каузативного деривата (контактного или дистантного), регулярно имеет две интерпретации. В одном случае каузатив попадает в сферу действия ассистива, в другом, напротив, ассистив оказывается в сфере действия каузатива:

(3.146) a. marat ruslan-ga min-nän čap-**tɤr**-ɣ-**š**-tɣ.
Марат Руслан-DAT я-ABL косить-**CAUS**-ST-**REC**-PST
ASSIST > CAUS
Марат ***помог*** *Руслану* ***заставить*** *меня косить* {т.е. они вдвоем меня заставляли}.

b. marat min-nän ruslan-ga čap-**tɤr**-ɣ-**š**-tɣ.
Марат я-ABL Руслан-DAT косить-**CAUS**-ST-**REC**-PST
CAUS > ASSIST
Марат ***заставил*** *меня* ***помочь*** *Руслану косить* {т.е. предметом каузации была моя помощь Руслану}.

В случае типа (3.146a) нейтральным признается такой порядок слов, при котором ассистируемый (*ruslanga* ‘Руслану’) предшествует каузируемому (*minnän* ‘меня’), что

согласуется с обобщением 7. В (3.146b), когда каузатив имеет более широкую сферу действия по отношению к ассистиву, при нейтральном порядке слов аргумент ассистива (*ruslanga*) следует за аргументом каузатива (*minnän*).

Если же каузативный показатель присоединяется к глагольной основе после ассистивного, полученный дериват при любом возможном порядке слов может иметь только одну интерпретацию, а именно, такую, в которой сфера действия каузатива шире, чем сфера действия ассистива:

(3.147) a. zexrä ruslan-nan roza-ga su sib-e-**š-ter**-de.
Зухра Руслан-ABL Руза-DAT вода лить-ST-**REC-CAUS**-PST
1. CAUS > ASSIST
*Зухра **заставила** Руслана **помочь** Рузе полить (цветы).*
2. ASSIST > CAUS
Зухра **помогла Рузе **заставить** Руслана полить (цветы).*

b. ??zexrä roza-ga ruslan-nan su sib-e-**š-ter**-de.
Зухра Руза-DAT Руслан-ABL вода лить-ST-**REC-CAUS**-PST
1. CAUS > ASSIST
*Зухра **заставила** Руслана **помочь** Рузе полить (цветы).*
2. ASSIST > CAUS
Зухра **помогла Рузе **заставить** Руслана полить (цветы).*

Порядок слов в (3.147b) не является нейтральным для интерпретации CAUS > ASSIST, что вызывает у носителей трудности с пониманием этого предложения. Но ни (3.147a), ни (3.147b) не могут быть проинтерпретированы как ASSIST > CAUS.

В глагольной словоформе, в которой одновременно присутствуют и показатели ассистива и каузатива, и показатель отрицания, существуют только два возможных порядка морфем (в силу того, что показатель отрицания присоединяется всегда после деривационных показателей): каузатив, ассистив, отрицание или ассистив, каузатив, отрицание.

Если каузативный показатель присоединяется до показателя ассистива, а затем присоединяется отрицание, производный глагол может иметь три интерпретации, иллюстрируемые в (3.148):

(3.148) a. ruslan marat-tan roza-ga taš bär-**der**-e-**š-m**-ä-de.
Руслан Марат-ABL Руза-DAT камень бросать-**CAUS**-ST-**REC**-**NEG**-ST-PST
1. NEG > CAUS > ASSIST
*Руслан **не заставлял** Марата **помогать** Рузе бросать камни.*
2. CAUS > NEG > ASSIST
*Руслан **заставил** Марата **не помогать** Рузе бросать камни* {т.е. Руслан запретил Марату помогать Рузе}.

b. ruslan roza-ga marat-tan taš bär-**der**-e-**š-m**-ä-de.
Руслан Руза-DAT Марат-ABL камень бросать-**CAUS**-ST-**REC**-**NEG**-ST-PST
1. NEG > ASSIST > CAUS
*Руслан **не помог** Рузе **заставлять** Марата бросать камни.*
2. ASSIST > NEG > CAUS
Руслан **помог Рузе **не заставлять** Марата бросать камни.*

Примеры в (3.148) представляют собой случай, когда показатель ассистива морфологически расположен поверх показателя каузатива. Утвердительный вариант этого случая мы видели в (3.146). Как и в (3.146), каузатив может интерпретироваться как внутри сферы действия ассистива и за ее пределами.

В (3.148a), когда сфера действия каузатива оказывается шире, чем сфера действия ассистива, как и в (3.146), нейтральным признается порядок слов, при котором каузируемый предшествует ассистируемому. Отрицание может как включать в свою сферу действия каузирующее подсобытие, как в (3.148a.1), так и исключать его, как в (3.148a.2).

Если ассистив интерпретируется выше, чем каузатив, как в (3.148b), нейтральным оказывается порядок слов, при котором каузируемый следует за ассистируемым. Сравнение интерпретаций (3.148b.1) и (3.148b.2) показывает, что отрицание с необходимостью имеет самую широкую сферу действия NEG > ASSIST > CAUS. Узкая сфера действия по отношению к ассистиву (ASSIST > NEG > CAUS), представленная в (3.148b.2), невозможна. Очевидно, это ограничение непосредственно вытекает из обобщения 6, запрещающего ассистиву иметь сферу действия над отрицанием.

Если каузативный показатель присоединяется после показателя ассистива, а затем присоединяется отрицание, производный глагол может иметь только две интерпретации, как в (3.149).

(3.149) zexrä ruslan-nan alsu-ga su sib-e-**š**-**ter**-**m**-ä-de.
Зухра Руслан-ABL Алсу-DAT вода лить-ST-**REC-CAUS-NEG**-ST-PST

1. NEG > CAUS > ASSIST
*Зухра **не заставляла** Руслана **помогать** Алсу поливать (огород).*

2. CAUS > NEG > ASSIST
*Зухра **заставила** Руслана **не помогать** Алсу поливать (огород)* {т.е. запретила Руслану помогать Алсу}.

3. NEG > ASSIST> CAUS
Зухра **не помогла Руслану **заставить** Алсу поливать (огород).*

(3.149) соответствует утвердительный вариант в (3.147). Как и в (3.147a), каузатив должен иметь широкую сферу действия по отношению к ассистиву, что делает невозможным (3.149.3) любые интерпретации вида […ASSIST > …. > CAUS …]. Отрицание, однако, может как включать, так и не включать в свою сферу действия каузирующее подсобытие, создавая прочтения в (3.149.1) и (3.149.2).

Ни в одном случае не засвидетельствована интерпретация, когда отрицается только подсобытие, обозначаемое исходной основой. Например, невозможно прочтение вида ASSIST > CAUS > NEG ‘X помог У-у сделать так, чтобы Z не поливал огород’. По всей видимости, это ограничение также предсказывается обобщением 6. Как видно из (3.150), если отрицание имеет самую узкую сферу действия, оно в нарушение обобщения 6 с неизбежностью интерпретируется ниже ассистива:

(3.150) CAUS > ASSIST > NEG
ASSIST > CAUS > NEG

На основании данных, изложенных в 3.2.2.4.1 и 3.2.2.4.2, можно сформулировать два новых обобщения:

(3.151) Обобщение 8.
Показатель каузатива, присоединяясь после ассистивного показателя, не может попадать в его сферу действия.

(3.152) Обобщение 9.
При нейтральном порядке слов, если ассистив находится в сфере действия каузатива, каузируемый предшествует ассистируемому. Если каузатив находится в сфере действия ассистива, каузируемый следует за ассистируемым.

В краткой форме обобщение 9 можно сформулировать как обобщение 9′.

(3.153) Обобщение 9′.
Порядок аргументов всегда прямо соответствует сферам действия.

Таким образом, ни показатель отрицания, ни показатель каузатива, присоединяясь после ассистивного показателя, не могут попадать в его сферу действия.

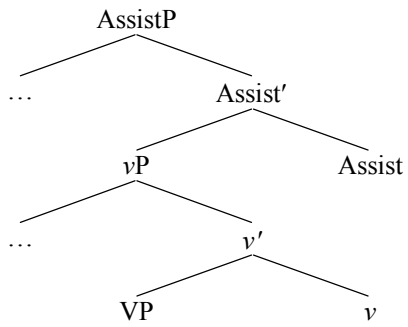
3.2.2.5. Анализ ассистива

3.2.2.5.1. Ассистив как вершина Assist. Мы анализируем ассистив в рамках такого подхода к аргументной структуре и актантным деривациям, при котором деривационные показатели рассматриваются как вершины в глагольной структуре, а вводимые ими аргументы — как их спецификаторы. Такой подход реализован, например, в работе Kratzer 1996, где предлагается анализ пассивной и декаузативной дериваций, в диссертации Pylkkänen 2002, рассматривающей различные аппликативные деривации, или в работе Koontz-Garboden 2009, в которой подробно анализируется декаузатив.

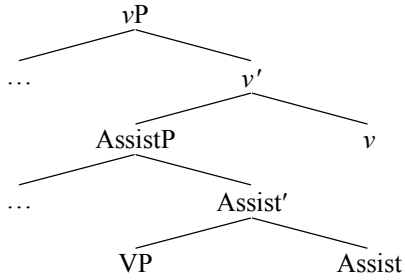
Глагольную группу мы будем рассматривать как ларсонову структуру (Larson 1988) с двумя вложенными глагольными оболочками — *v*P и VP, а показатель *-š* — как вершину Assist.

Первый вопрос, который возникает в связи с постулированием этой вершины, — это вопрос о ее месте в структуре предложения. Априори имеется две возможности. Во-первых, вершина Assist может брать в качестве комплемента *v*P, как в (3.154). Во-вторых, группа AssistP может сама быть комплементом *v,* как в (3.155).

(3.154) *v*P как комплемент ассистивной вершины

(3.155) Ассистивная группа как комплемент *v*

Как представляется, структура (3.155) хуже совместима со сформулированными выше обобщениями. Во-первых, с семантической точки зрения в сфере действия ассистива находится вся ситуация, обозначаемая исходным глаголом, то есть *v*P целиком, включая оба актанта.

Во-вторых, естественно предположить, что семантике вершины Assist соответствует ассистивное подсобытие. Согласно обобщению 6, в сфере действия отрицания может оказаться только это подсобытие. Соответственно, анализ в (3.155) должен обеспечить такую возможность для группы AssistP, исключая вложенную в нее VP, а также *v*P, комплементом которой она является. Это требует больше дополнительных предположений, чем в случае анализа (3.154), при котором в сферу действия отрицания не входит только комплемент AssistP.

В-третьих, для одноместных пациентивных глаголов естественно предположить структуру, состоящую только из VP (ср. гипотеза о неаккузативности в Burzio 1986). Тогда при анализе (3.155) необходимо дополнительное объяснение для обобщения 2, согласно которому ассистивный дериват не образуется от неагентивных глаголов (в то время как комплементом Assist, согласно (3.155), может быть и просто VP).

В силу этих соображений мы будем рассматривать (3.154) как предпочтительный анализ и в дальнейшем исходить из предположения, что вершина Assist присоединяет в качестве комплемента *v*P.

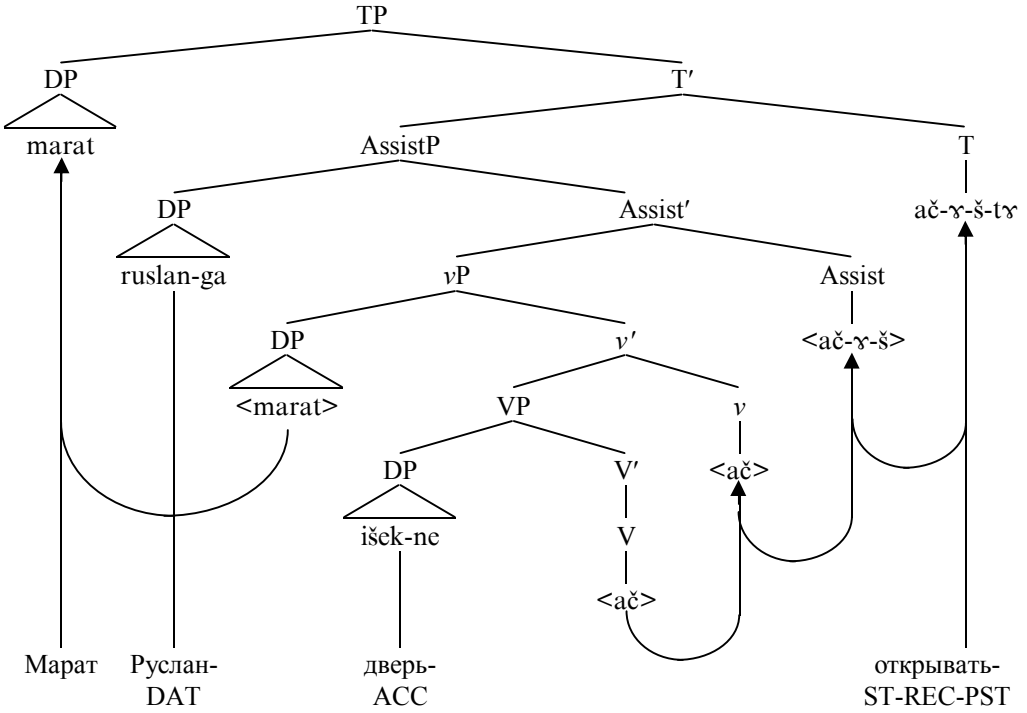
3.2.2.5.2. Расположение ассистируемого. Если комплемент Assist — это *v*P, логически возможны два анализа, по-разному описывающие расположение ассистируемого в аргументной структуре ассистивного деривата.

С одной стороны, ассистивную деривацию можно анализировать как аппликатив. Будем называть такой анализ аппликативным.

Наиболее полным исследованием аппликативных актантных дериваций на данный момент является, по-видимому, диссертация Pylkkänen 2002. Если ассистив — один из видов аппликативных дериваций, то Assist — это одна из вводимых Л. Пюлккянен аппликативных вершин с соответствующей аппликативной семантикой, а ассистируемый — это ее спецификатор.

При таком анализе в ходе деривации предложения с ассистивом ассистирующий аргумент в номинативе возникает в спецификаторе *v*P как внешний аргумент непроизводного предиката, а затем передвигается в позицию подлежащего (предположим, что это — Spec,TP). Ассистируемый же остается в исходной позиции — в спецификаторе AssistP:

(3.156) Аппликативный анализ предложения ‘Марат помог Руслану открыть дверь’

В Pylkkänen 2002 предлагается различать два вида аппликативов: так называемые высокие и низкие.

Высокий аппликатив вводит аргумент, который состоит в некотором тематическом отношении с ситуацией, описываемой исходным глаголом:

(3.157) Mukasa o-nok-is-el-a **Katonga** mahaḓa.
Мукаса 3SG.PAST-таять-CAUSE-APPL-FV **Катонга** снег
*Мукаса растопил снег **для Катонги.*** (язык венда; Pylkkänen 2002: 9)

Низкий аппликатив вводит аргумент, связанный некоторым семантическим отношением не с ситуацией, а с прямым дополнением исходного глагола (например, отношением принадлежности):

(3.158) I baked my friend a cake.
Я испек другу пирог {т.е. я испек пирог, обладателем которого стал мой друг}.

Анализ *-š* как низкого аппликатива делает неправильные предсказания: ассистируемый в дативе не всегда связан с прямым дополнением исходного глагола непосредственным семантическим отношением типа отношения принадлежности. Например, в (3.159) такое отношение не устанавливается между Зухрой и дверью.

(3.159) marat zexrä-gä išek **ač-ɤ-š-tɤ**.
Марат Зухра-DAT дверь **открывать-ST-REC-PST**
*Марат **помог** Зухре **открыть** дверь.*

Кроме того, ассистив может образовываться и от непереходных неэргативных глаголов (см. обобщение 2), и в этом случае в ассистивной конструкции внутренний аргумент попросту отсутствует.

Анализ *-š* как высокого аппликатива тоже делает некоторые неправильные предсказания.

Во-первых, с точки зрения Л. Пюлккянен, аргумент, вводимый аппликативом, связан тематическим отношением с ассистивной ситуацией, но ни из чего не следует, что он принимает в ней непосредственное участие. Между тем для ассистируемого участие в ситуации обязательно (обобщение 3). Во-вторых, согласно обобщению 4, ассистируемый имеет семантическую роль агенса, а не бенефактива — в отличие от аргумента, вводимого высоким аппликативом. В-третьих, высокий аппликатив по Pylkkänen 2002 добавляет аргумент к уже имеющейся ситуации, тогда как в семантике ассистивной конструкции присутствуют как минимум два подсобытия (обобщения 5 и 6).

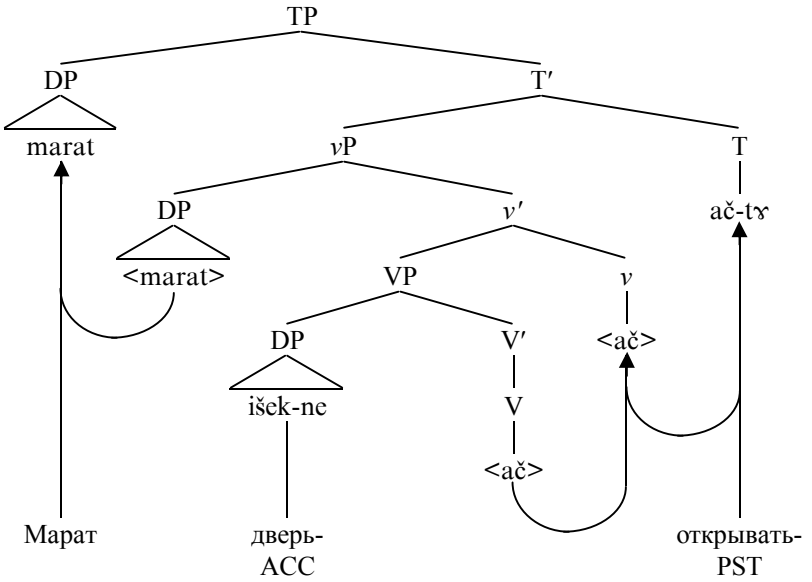
Для ассистивной конструкции возможен и другой анализ. Спецификатором вершины Assist является ассистирующий, который затем передвигается в позицию подлежащего (предположительно, Spec, TP) и получает номинатив. Ассистируемый в дативе возникает в Spec, *v*P, на месте внешнего аргумента исходного глагола. Такой анализ мы будем называть ассистивным. Структура исходного предложения и ассистивного деривата показаны в (3.160) и (3.161):

Естественно предположить, что падеж ассистируемому приписывает вершина Assist. Это может объяснить то, что датив лицензируется показателем *-š* именно в ассистивном значении (см. обобщение 1).

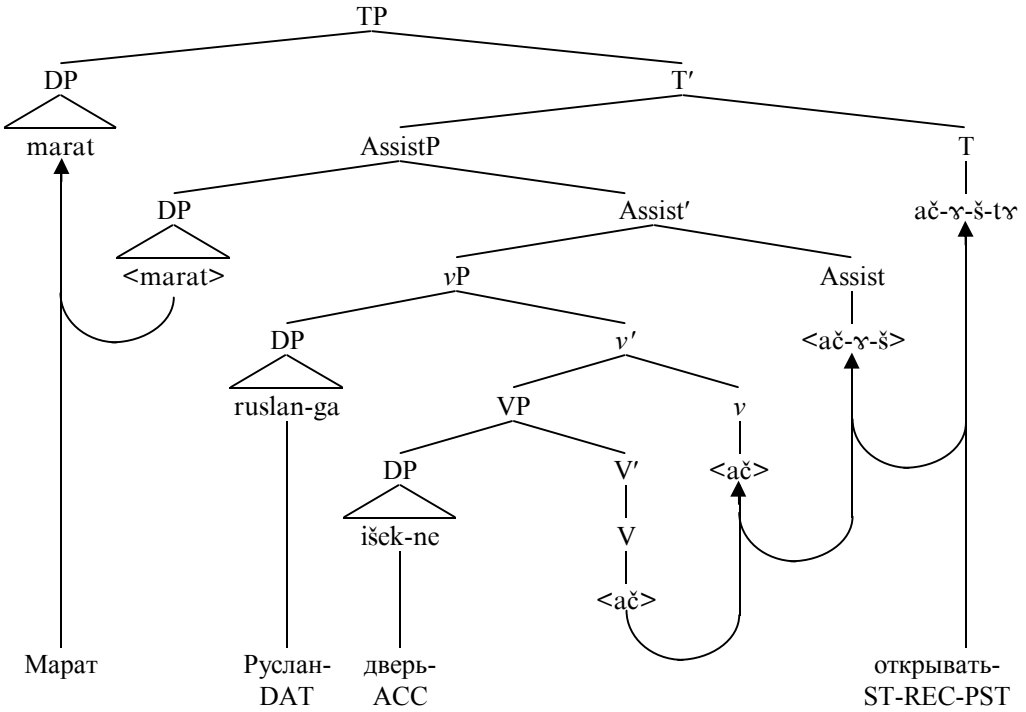
С точки зрения семантики вершина Assist может интерпретироваться как событие с недоспецифицированными дескриптивными свойствами. Его агенсом становится номинативный аргумент (т.е. ассистирующий), возникающий в позиции Spec, AssistP, что соответствует семантике ассистивной конструкции (см. обобщения 3, 5 и 6). Агенсом второго подсобытия в ассистивной ситуации становится дативный аргумент (т.е. ассистируемый), возникающий в позиции внешнего аргумента исходного глагола Spec, *v*P, т.е. как агенс исходной ситуации. При присоединении *v*P в качестве комплемента событие, вводимое вершиной Assist, доспецифицируется определенным образом: оно превращается в ситуацию с теми же дескриптивными свойствами, что и событие, описываемое исходным глаголом.

При таком анализе ассистив, как и каузатив, вводит новое подсобытие и его участника с ролью агенса. Две актантные деривации, однако, различаются семантически: они вводят в структуру разные подсобытия. Каузатив обозначает каузирующее подсобытие, а ассистив — недоспецифицированное ассистивное подсобытие, обладающее теми же дескриптивными свойствами, что и ситуация, описываемая исходным глаголом. Отсюда вытекают разные лексические ограничения на исходные глаголы. В частности, каузатив, в отличие от ассистива, образуется от одноместных неагентивных глаголов (см. 3.1.2.1). Кроме того, различие между ассистивом и каузативом выражается в разном поведении отрицания, которое может иметь более узкую сферу действия по отношению к каузативу (‘заставлять не делать’, ‘запрещать’), но не по отношению к ассистиву (*‘помогать не делать’), см. обобщение 6.

(3.160) Структура предложения ‘Марат открыл дверь’

(3.161) Ассистивный анализ предложения ‘Марат помог Руслану открыть дверь’

3.2.2.6. Ассистив, каузатив и принцип зеркальности

Показатели отрицания и каузатива, присоединяясь после ассистивного *-š*, не могут иметь по отношению к нему узкую сферу действия (обобщения 6, 8). Наибольший интерес с этой точки зрения представляет сочетание каузатива и ассистива.

В этом случае взаимодействуют три параметра: порядок суффиксов в словоформе, интерпретация и порядок слов. С морфологической точки зрения возможны два порядка суффиксов: *-š — -dʁr* и *-dʁr — -š*. С семантической точки зрения возможны две интерпретации: CAUS > ASSIST ‘заставлять помогать’ и ASSIST > CAUS ‘помогать заставлять’. С синтаксической точки зрения возможны два порядка аргументов: <каузируемый, ассистируемый> или наоборот <ассистируемый, каузируемый>.

Согласно обобщению 9, два последних параметра сцеплены. Сфере действия CAUS > ASSIST соответствует порядок аргументов <каузируемый, ассистируемый>. Сфера действия ASSIST > CAUS предполагает противоположное взаиморасположение аргументов < ассистируемый, каузируемый >

Рассмотрим эти три параметра в свете обобщения 8 чуть более подробно. Согласно обобщению 8, порядок *-š — -dʁr* допускает две интерпретации (ASSIST > CAUS ‘помогать заставлять’ и CAUS > ASSIST ‘заставлять помогать’). В соответствии с обобщением 9, с порядком суффиксов *-š — -dʁr* возможны два нейтральных порядка слов, соответствующих этим двум интерпретациям. Порядок *-dʁr — -š* допускает единственную интерпретацию CAUSE > ASSIST и единственный порядок слов <каузируемый, ассистируемый>.

Примеры (3.146)-(3.147), иллюстрирующие эти возможности, повторяются как (3.162)-(3.163):

(3.162) a. marat ruslan-ga min-nän čap-**tʁr**-ʏ-**š**-tʏ.
Марат Руслан-DAT я-ABL косить-**CAUS**-ST-**REC**-PST

ASSIST > CAUS
*Марат **помог** Руслану **заставить** меня косить* {т.е. они вдвоем меня заставляли}.

b. marat min-nän ruslan-ga čap-**tʁr**-ʏ-**š**-tʏ.
Марат я-ABL Руслан-DAT косить-**CAUS**-ST-**REC**-PST

CAUS > ASSIST
*Марат **заставил** меня **помочь** Руслану косить*
{т.е. предметом каузации была моя помощь Руслану}.

(3.163) a. zexrä ruslan-nan roza-ga su sib-e-**š**-**ter**-de.
Зухра Руслан-ABL Руза-DAT вода лить-ST-**REC**-**CAUS**-PST

1. CAUS > ASSIST
*Зухра **заставила** Руслана **помочь** Рузе полить (цветы).*
2. ASSIST > CAUS
Зухра **помогла Рузе **заставить** Руслана полить (цветы).*

b. ??zexrä roza-ga ruslan-nan su sib-e-**š**-**ter**-de.
Зухра Руза-DAT Руслан-ABL вода лить-ST-**REC**-**CAUS**-PST

1. CAUS > ASSIST
*Зухра **заставила** Руслана **помочь** Рузе полить (цветы).*
2. ASSIST > CAUS
*Зухра **помогла** Рузе **заставить** Руслана полить (цветы).*

Данные о взаиморасположении аффиксов, доступных интерпретациях и порядках актантов суммированы в Таблице 3.1.

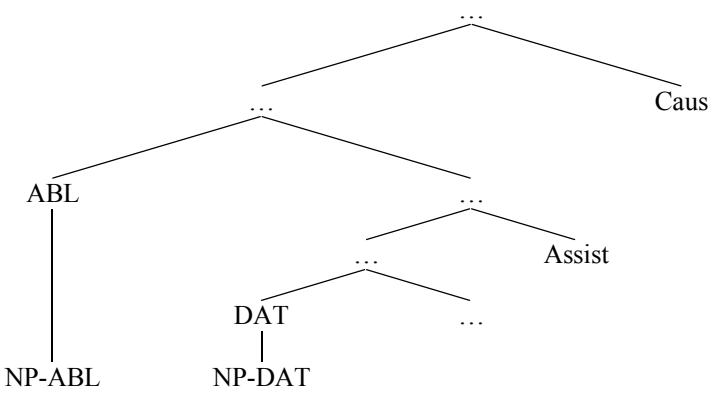
Таблица 3.1. Порядок слов, интерпретация, порядок аффиксов

Порядок аффиксов	Порядок слов	Сфера действия
V-*dɤr-š*	<каузируемый, ассистируемый>	CAUS > ASSIST
	<ассистируемый, каузируемый>	ASSIST > CAUS
V-*š-dɤr*	<каузируемый, ассистируемый>	CAUS > ASSIST

Как видно из таблицы, два порядка аффиксов неравнозначны с точки зрения принципа зеркальности (Baker 1985). Порядок V-*š-dɤr* полностью соответствует этому принципу. Порядок V-*dɤr-š*, однако, допускает обе логические возможности — и ту, которая соответствует принципу зеркальности, и ту, которая нарушает его.

Принцип зеркальности предсказывает, что как порядок аргументов, так и сфера действия соответствующих семантических операторов определяются иерархическим взаиморасположением вершин Caus и Assist в синтаксисе. Если каузативная вершина присоединяется выше ассистивной, она имеет более широкую сферу действия (CAUS > ASSIST) и каузируемый участник предшествует ассистируемому (<каузируемый, ассистируемый>). Эта возможность показана в (3.164).

(3.164) Порядок аргументов (синтаксис) и интерпретация (семантика)
a. CAUS > ASSIST ↔ <каузируемый, ассистируемый>
b.

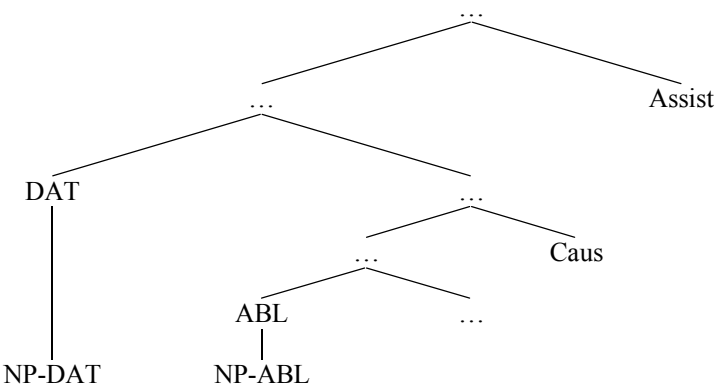
Если же ассистивная вершина находится выше в иерархической структуре, она имеет более широкую сферу действия (ASSIST > CAUS), а ассистируемый участник предшествует каузируемому (<ассистируемый, каузируемый>), как в (3.165).

Синтаксическая структура, отражаемая порядком аргументов, таким образом, соответствует семантической интерпретации. Это объясняет обобщение 9 и его вариант 9′.

Как тогда объяснить, что структуре в (3.164) могут соответствовать два порядка аффиксов в словоформе, которые мы видим в Таблице 3.1? И почему такая же возможность не допускается для структуры в (3.165)?

(3.165) a. ASSIST > CAUS ↔ <ассистируемый, каузируемый>

b.

Можно предположить, что исходный порядок аффиксов всегда зеркально соответствует синтаксису и семантике. Однако исходный порядок *-š — -dɤr* допускает факультативную морфологическую перестановку, создающую порядок *-dɤr — -š*[21]. Предположив такую операцию в морфологическом компоненте грамматики, мы получаем возможность сохранить систему допущений, в соответствии с которой семантика и синтаксис ведут себя предсказуемым образом.

Интересно, что необычное поведение ассистивной и каузативной морфем характерно не только для мишарского диалекта. Как указывает С. Зукофф (личное сообщение), подобное явление отмечается и в языках банту (см. Hyman 2003, McPherson, Paster 2009, Zukoff 2016). В этих языках порядок каузативной, аппликативной, реципрокальной и пассивной морфем в большинстве случаев соответствует принципу зеркальности, как он сформулирован у М. Бейкера.

Тем не менее в некоторых случаях этот принцип может факультативно нарушаться. Однако если он и нарушается, то только в сторону порядка CARP (каузатив (C) — аппликатив (A) — реципрок (R) — пассив (P)), где показатель аппликатива находится снаружи каузатива. Это очень похоже на мишарскую ситуацию, где нарушение принципа зеркальности также возможно в пользу порядка аффиксов «каузатив-ассистив», но невозможно в противоположном направлении.

Это явление признается большинством исследователей банту чисто морфологическим феноменом. Источником тенденции к порядку CARP считается предполагаемый жесткий порядок этих деривационных морфем в прабанту. Таким образом, в большинстве работ зеркальный порядок анализируется как порядок по умолчанию, в то время как незеркальный порядок, следующий CARP, рассматривается как диахронический рудимент.

---

[21] Некоторые теории, например, теория распределенной морфологии (Marantz 1997, Embick, Noyer 2007), по независимым причинам дают довольно большую свободу морфонологическому компоненту. В частности, Embick, Noyer 2007 оставляют за этим компонентом возможность модифицировать иерархическую структуру, созданную синтаксисом и интерпретируемую семантикой. В рамках такой системы допущений рассматриваемое факультативное морфологическое преобразование относится именно к тому классу операций, которые происходят в процессе озвучивания и не затрагивают семантическую интерпретацию.

Если тюркские языки устроены как банту, на некотором этапе диахронического развития расположение вершины Assist, реализуемой как *-š*, поверх вершины Caus было обязательным. Затем это ограничение ослабло, и в языке стали доступны обе конфигурации в (3.164) и (3.165). Морфология, однако, сохранила порядок следования аффиксов, соответствующий предыдущему этапу, как возможность, общую для обеих структур [22].

Вопрос о том, насколько подобное объяснение применимо к тюркским языкам, остается на данный момент открытым. Данных о взаиморасположении глагольных деривационных морфем на пратюркском уровне явно недостаточно для того, чтобы сформулировать надежные эмпирические обобщения. Однако тот факт, что одно и то же явление воспроизводится в неродственных языковых группах, говорит скорее в пользу более типологически-ориентированного, чем диахронического объяснения. В этом случае желаемый анализ должен был бы опираться на межъязыковые морфологические свойства каузатива и ассистива / аппликатива[23].

3.2.3. Другие значения морфемы *-š*

3.2.3.1. Реципрок

При образовании реципрокального деривата именная группа в номинативе соотносится с множеством из более чем одного референта. Эту именную группу мы называем номинативным аргументом.

С семантической точки зрения реципрок обозначает сложную ситуацию, устанавливающую реципрокальные отношения на множестве референтов номинативного аргумента:

---

[22] Диапазон возможностей в Таблице 3.1 очень напоминает тот, который можно было бы ожидать, если бы задействованные в интерпретации элементы могли подвергаться фразовому (A′-)передвижению.

Порядок V-š-tɤr с однозначной интерпретацией соответствовал бы возможности, когда каузатив присоединяется поверх ассистива и передвижения не происходит:

(i) [… [… -tɤr- … [… -š- … […]

Две интерпретации, доступные для порядка V-tɤr-š, возникали бы в том случае, если бы элемент *-š* передвигался в позицию, имеющую структурный приоритет над *-tɤr*, но интерпретироваться бы мог и в конечной позиции, и в исходной («реконструкция»).

(ii) [… [… -š- … [… -tɤr- … [… ~~-š-~~ … […]

Этот грамматический профиль, однако, трудно объяснить, не отказываясь от допущения, что при построении словоформы задействуется передвижение вершины, а не фразовое передвижение, и что деривационные показатели интерпретируются непосредственно в той позиции, в которой присоединяются.

[23] С морфосинтаксической точки зрения можно выделить, пожалуй, только одно различие между каузативом с одной стороны и ассистивом и аппликативом — с другой. Аппликатив и ассистив сочетаются только с дативным аргументом. Напротив, каузатив во многих языках мира обнаруживает вариативность в кодировании каузируемого участника; чаще всего возможны аккузатив, датив или один из косвенных падежей (как, например, аблатив в мишарском диалекте). Вопрос о том, связано ли это различие с порядком аффиксов в глагольной словоформе, требует дальнейшего исследования.

(3.166) a. bu mačʏ mine tʏrn-ʏj.
этот кошка я.ACC царапать-ST.IPFV
Эта кошка меня царапает.

b. bu ike mačʏ **tʏrn-a-š-a-lar**.
этот два кошка **царапать-ST-REC-ST.IPFV-PL**
*Эти две кошки **царапают друг друга**.*

В (3.166b) актант, соответствующий прямому дополнению исходного глагола *mine* ‘меня’ в (3.166a), не получает синтаксической реализации. Факультативно заполнять эту позицию может только реципрокальное («взаимное») местоимение *ber ber-se* ‘друг друга’, оформленное тем же падежом, что и аргумент исходного глагола:

(3.167) a. marat alsu-nʏ sej-gän.
Марат Алсу-ACC любить-PFCT
Марат полюбил Алсу.

b. marat belän alsu ber ber-se-n **sej-e-š-kän-när**.
Марат с Алсу один один-3SG-ACC **любить-ST-REC-PFCT-PL**
*Марат и Алсу **полюбили друг друга**.*

Аргумент, соответствующий позиции местоимения *ber ber-se-n* ‘друг друга’ в (3.167b) и не имеющий реализации в (3.166b), мы называем реципрокальным.

В этом разделе мы будем рассматривать те случаи, когда в реципрокальной конструкции нет взаимного местоимения. Когда мы говорим, что образование реципрокального деривата от некоторого глагола возможно, мы имеем в виду, что реципрокальная интерпретация обеспечивается показателем *-š* без участия *ber ber-se* ‘друг друга’.

Реципрок образуется как от транзитивных, так и от дитранзитивных глаголов. В последнем случае реципрокальным аргументом выступает дативная именная группа:

(3.168) a. bu malaj miŋa taš bär-de.
этот мальчик я.DAT камень бросать-PST
Этот мальчик кинул в меня камень.

b. marat belän ruslan taš **bär-e-š-ä**.
Марат с Руслан камень **бросать-ST-REC-ST.IPFV**
*Марат и Руслан **бросают** камни **друг в друга**.*

Возможность образовать реципрокальную конструкцию не зависит от семантической роли реципрокального аргумента. В (3.166) это пациенс, в (3.168)-(3.169) — цель, в (3.170)-(3.171) — стимул и тема:

(3.169) a. marat ruslan-ga suk-tʏ.
Марат Руслан-DAT ударять-PST
Марат ударил Руслана.

b. marat belän ruslan **sug-ʏ-š-tʏ-lar**.
Марат с Руслан **ударять-ST-REC-PST-PL**
*Марат и Руслан **подрались*** {т.е. ударили друг друга}.

(3.170) a. marat zexrä-ne jarat-a.
Марат Зухра-ACC любить-ST.IPFV
Марат любит Зухру.

b. marat häm zexrä **jarat-ɤ-š-a-lar**.
Марат и Зухра **любить-ST-REC-ST.IPFV-PL**
*Марат и Зухра **любят друг друга**.*

(3.171) a. marat alsu-nɤ ruslan-ga kenl-i.
Марат Алсу-ACC Руслан-DAT ревновать-ST.IPFV
Марат ревнует Алсу к Руслану.

b. zexrä häm alsu marat-nɤ **kenl-ä-š-ä**.
Зухра и Алсу Марат-ACC **ревновать-ST-REC-ST.IPFV**
*Зухра и Алсу **ревнуют** Марата **друг к другу**.*

Реципрокальный аргумент при исходном глаголе не может оформляться другими косвенными падежами. Реципрок возможен от глагола *jarata* ‘любить’ в (3.170), но не от глагола *kurka* ‘бояться’ с аблативным аргументом в (3.172), хотя эти глаголы имеют одинаковые наборы семантических ролей — <экспериенцер, стимул>. Реципрокальная конструкция с дериватом от *kurka* ‘бояться’ неграмматична даже с взаимным местоимением.

(3.172) a. marat ruslan-dan kurk-a.
Марат Руслан-ABL бояться-ST.IPFV
Марат боится Руслана <стимул>.

b. *marat belän ruslan **kurk-ɤ-š-a-lar**.
Марат с Руслан **бояться-ST-REC-ST.IPFV-PL**
*Марат с Русланом **боятся друг друга**.*

c. *marat belän ruslan ber ber-se-n-nän **kurk-ɤ-š-a-lar**.
Марат с Руслан один один-3SG-OBL-ABL **бояться-ST-REC-ST.IPFV-PL**
*Марат с Русланом **боятся друг друга**.*

Реципрокальный аргумент может занимать только актантную позицию в аргументной структуре исходного глагола. Реципрок не образуется от глагола *jülä* ‘шить’ с сирконстантом в роли бенефактива, даже несмотря на то, что он оформлен дательным падежом. Это иллюстрируется в (3.173a-b):

(3.173) a. marat miŋa hat jaz-dɤ.
Марат я.DAT письмо писать-PST
Марат написал письмо ради меня.

b. marat belän ruslan hat **jaz-ɤ-š-a-lar**.
Марат с Руслан письмо **писать-ST-REC -ST.IPFV-PL**
*1.*Марат и Руслан пишут письмо друг ради друга.*
2. Марат и Руслан переписываются.

Предложение (3.173b) имеет только интерпретацию (3.173b.2), при которой реципрокальный аргумент имеет роль цели, а не бенефактива.

По тем же причинам реципрок не образуется от глагола *čaba* ‘бежать’ с сирконстантом с ролью Цели в качестве реципрокального аргумента. Единственное возможное прочтение (3.174b.2) предполагает ненаправленное движение.

(3.174) a. marat zexrä-gä čab-a.
Марат Зухра-DAT бежать-ST.IPFV
Марат бежит к Зухре.

b. marat häm zexrä **čab-ɤ-š-a-lar**.
Марат и Зухра **бежать-ST-REC-ST.IPFV-PL**
*1. *Марат и Зухра **бегут навстречу друг другу**.*
*2. Марат и Зухра **бегают туда-сюда**.*

На первый взгляд исключением является глагол *jaza* ‘писать’, от которого можно образовать дериват с участником, играющим роль Цели, в качестве реципрокального аргумента:

(3.175) a. marat zexrä-gä xat jaz-a.
Марат Зухра-DAT письмо писать-ST.IPFV
Марат пишет (и посылает) письмо Зухре <цель>.

b. marat belän zexrä xat-lar **jaz-ɤ-š-a-lar**.
марат с Зухра письмо-PL **писать-ST-REC-ST.IPFV-PL**
*Марат и Зухра **пишут** (и посылают) письма **друг другу**.*

Однако, по всей видимости, в (3.175) мы имеем дело с разными аргументными структурами, привязанными к разным лексическим значениям исходного глагола *jaza* ‘писать’. Этот глагол может проецировать как семантические роли <агенс, пациенс>, так и роли <агенс, пациенс, цель>, имея во втором случае дополнительный компонент значения ‘посылать’.

Реципрок может образовываться и от глаголов с сирконстантами в качестве реципрокальных аргументов, но с обязательным использованием реципрокального местоимения, как в (3.176). Часто это глаголы, от которых показатель *-š* может образовывать ассоциативную конструкцию (см. 3.1.5):

(3.176) a. marat zexrä-dän čab-a.
Марат Зухра-ABL бежать-ST.IPFV
Марат бежит от Зухры.

b. *marat häm zexrä **čab-ɤ-š-a-lar.**
Марат и Зухра **бежать-ST-REC-ST-PL**
*Марат и Зухра **бегут друг от друга**.*

c. marat belän zexrä ber ber-se-n-nän **čab-ɤ-š-a-lar**.
Марат с Зухра один один-3SG-OBL-ABL **бежать-ST-REC-ST.IPFV-PL**
*Марат и Зухра **бегут друг от друга**.*

Единственное требование к номинативному аргументу в реципрокальной конструкции — требование множественности референтов. Это требование может удовлетворяться различными способами.

В (3.177) этот аргумент выражается сочиненной именной группой с союзом *häm* ‘и’; множественность отражается также в глагольном согласовании:

(3.177) zexrä häm alsu **sejl-ä-š-ä-lär**.
Зухра и Алсу **говорить-ST-REC-ST.IPFV-PL**
*Зухра и Алсу **разговаривают**.*

В (3.178) представлена аналогичная по семантике конструкция с *belän* ‘с’, также вызывающая согласование по множественному числу:

(3.178) zexrä belän alsu **sejl-ä-š-ä-lär**.
Зухра с Алсу **говорить-ST-REC-ST.IPFV-PL**
*Зухра и Алсу **разговаривают**.*

В (3.179) послеложная группа с *belän* ‘с’ создает комитативную конструкцию. Согласования по множественному числу в этом случае не происходит:

(3.179) marat ruslan belän **kɤjn-a-š-tɤ.**
Марат Руслан с **бить-ST-REC-PST**
*Марат **подрался** с Русланом.*

Наконец, в (3.180) представлена именная группа во множественном числе:

(3.180) malaj-lar **sug-ɤ-š-a-lar**.
мальчик-PL **ударять-ST-REC-ST.IPFV-PL**
*Мальчишки **дерутся**.*

Наблюдения о структуре и дистрибуции реципрокальной конструкции суммированы в виде обобщений 10 и 11.

(3.181) Обобщение 10.
Реципрокальная актантная деривация ограничивает референцию номинативного аргумента: он должен соотноситься с множеством из более чем одного референта. Реципрокальный аргумент факультативно реализуется взаимным местоимением.

(3.182) Обобщение 11.
Реципрок образуется от глаголов, в аргументной структуре которых присутствуют актанты, выражающиеся именной группой в аккузативе или дативе.

3.2.3.2. Ассоциатив

Показатель *-š* в ассоциативной конструкции не изменяет количество или состав семантических ролей исходного глагола. Дериват на *-š* в таком значении описывает множество событий с дескриптивными свойствами ситуации, обозначаемой исходным глаголом. В каждом из этих событий агенсом является один из референтов номинативного аргумента. Разные возможности показаны в (3.183).

(3.183) a. bala-lar **čab-ɤ-š-tɤ-lar**.
ребенок-PL **бежать-ST-REC-PST-PL**
*1. Дети **бегали туда-сюда**.*
*2. Дети **соревновались в беге**.*

b. bu bala **čab-ɤ-š-tɤ**.
этот ребенок **бежать-ST-REC-PST**
*Этот ребенок **бегал*** {т.е. занимался бегом}.

В (3.183a.1) множество детей, описываемых именной группой в позиции подлежащего, распределено на группы (которые состоят из одного или более индивида), участвущие в описываемой ситуации ‘бежать’, причем для каждой группы предполагается собственная траектория перемещения в пространстве. (3.183a.2) показывает близкое значение, когда участие в беге в составе каждой из групп дополнительно осмысляется как соревнование. Такое употребление показателей, аналогичных татарскому *-š*, описано в типологической литературе (Nedjalkov 2006, Nedjalkov 2007b). В (3.183b) представлено, по-видимому, мультипликативное значение (см. также аналогичные примеры в разделе 3.1.5): один и тот же актант принимает участие в множественных ситуациях бега, распределенных во времени, но образующих в известном смысле единое целое (см. Храковский 1989).

Номинативный аргумент в ассоциативной конструкции чаще всего соотносится с множеством из более чем одного референта. Пример (3.183b) относится к немногочисленным исключениям. Большинство глаголов не допускают интерпретации, аналогичной (3.183b), и в комбинации с показателем *-š* требуют не только множественности ситуаций, но и множественности агенсов. Это иллюстрируется в (3.184) и (3.185) на примере глагола *utɤra* ‘садиться, сидеть’:

(3.184) a. bala urɤndɤk-ka utɤr-dɤ.
ребенок стул-DAT садиться-PST
Ребенок сел на стул.

b. bala-lar urɤndɤk-lar-ga **utɤr-ɤ-š-tɤ-lar**.
ребенок-PL стул-PL-DAT **садиться-ST-REC-PST-PL**
*Дети **расселись** по стульям.*

(3.185) a. marat urɤndɤk-ka utɤr-dɤ.
Марат стул-DAT садиться-ST-REC-PST
Марат сел на стул.

b. *marat urɤndɤk-lar-ga **utɤr-ɤ-š-tɤ**.
Марат стул-PL-DAT **садиться-ST-REC-PST**
*Марат **посидел** на **разных** стульях.*

В нашей глагольной выборке ассоциативная конструкция регулярно образуется от одноместных агентивных глаголов, прежде всего, от глаголов движения. Отклонение от этой закономерности — глагол *čänčä* ‘колоть’, обнаруженный А.А. Бонч-Осмоловской (Бонч-Осмоловская 2007). Этот глагол, как и *čaba* ‘бежать’ в (3.183), допускает подлежащее в единственном числе и имеет мультипликативную интерпретацию:

(3.186) a. minem kükräg-em čänč-ä.
я.GEN грудь-1SG колоть-ST.IPFV
У меня колет в груди.

b. minem kükräg-em **čänč-e-š-ä**.
я.GEN грудь-1SG **колоть-ST-REC-ST.IPFV**
*У меня **покалывает** в груди (через небольшие промежутки времени).*

Обобщения о характеристиках ассоциативных дериватов суммированы в (3.187)-(3.188):

(3.187) Обобщение 12.
Дериват на *-š* в ассоциативной конструкции описывает множество событий с дескриптивными свойствами ситуации, обозначаемой исходным глаголом. В каждом из этих событий участником является один из референтов номинативного аргумента (или, в редких случаях, — единичный номинативный аргумент).

(3.188) Обобщение 13.
Дериват на *-š* в ассоциативном значении образуется от некоторых одноместных агентивных глаголов, а также от глагола *čänčä* ‘колоть’.

3.2.3.3. Депациентив

Депациентивная конструкция имеет следующую интерпретацию: ‘для X характерно выполнять действие Y в отношении любого доступного Z’, где X соответствует внешнему аргументу исходного глагола, Y — описываемой им ситуации, а Z — внутреннему аргументу. Депациентив, таким образом, обозначает индивидное (постоянное) свойство участника, соответствующего внешнему аргументу. Внутренний аргумент не имеет синтаксической реализации. Это иллюстрируется парой (3.189a-b):

(3.189) a. bu mačʏ mine tʏrn-a-dʏ.
этот кошка я.ACC царапать-ST-PST
Эта кошка меня оцарапала.

b. bu mačʏ **tʏrn-a-š-a**.
этот кошка **царапать-ST-REC-ST.IPFV**
*Эта кошка **царапается*** {т.е. ей свойственно царапать любого доступного ей индивида}.

Внутренний аргумент, не имеющий реализации у депациентива, в исходной конфигурации может быть выражен как именной группой в позиции прямого дополнения, как в (3.189), так и дативной именной группой при двухместном глаголе:

(3.190) a. marat ruslan-ga suk-tʏ.
Марат Руслан-DAT ударять-PST
Марат ударил Руслана.

b. marat jaxšʏ **sug-ʏ-š-a**.
Марат хороший **ударять-ST-REC-ST.IPFV**
*Марат хорошо **дерется**.*

Депациентив на *-š*, как и реципрок, образуется также от детранзитивных глаголов.

(3.191) a. zexrä miŋa su sib-ä.
Зухра я.DAT вода лить-ST.IPFV
Зухра брызгается в меня водой [= льет на меня воду].

b. zexrä (*miŋa) su **sib-e-š-ä**.
Зухра я.DAT вода **лить-ST-REC-ST.IPFV**
*Зухра **брызгается** водой (*в меня).*

В (3.191b) синтаксической реализации не получает участник, выраженный в (3.191a) именной группой в дативе. В этом случае, как и в (3.189)-(3.190), депациентивная семантика с интуитивной точки зрения описывает индивидное свойство номинативного аргумента (‘для X характерно выполнять действие Y с W в отношении любого доступного Z’, где Z соответствует дативной именной группе при исходном глаголе, а W — его прямому дополнению).

Как видно из (3.190) и (3.191), внутренний аргумент исходного глагола может иметь семантические роли цели или пациенса. В отличие от реципрока, депациентив не образуется от глаголов с набором семантических ролей <экспериенцер, стимул>:

(3.192) a. marat zexrä-ne jarat-a.
Марат Зухра-ACC любить-ST.IPFV
Марат любит Зухру.

b. *marat **jarat-ɤ-š-a.**
Марат **любить-ST-REC-ST.IPFV**
*1. Марат **любит кого-то**.*
*2. Марат **влюбчивый** || **любвеобильный**.*

Как обсуждается в 5.2, для мишарского диалекта характерно вариативное маркирование прямого дополнения. Оно может получать аккузативный падеж, как в (3.189a), или оставаться без падежа, как в (3.191a). Наличие или отсутствие падежного маркирования коррелирует с референциальным статусом именной группы (подробнее см. 5.2, а также Danon 2006, Nakipoğlu 2009). С этой точки зрения депациентив обнаруживает примечательное отличие от реципрока.

Реципрок от дитранзитивного глагола не накладывает ограничений на маркирование прямого дополнения.

(3.193) a. marat belän ruslan taš-lar **bär-e-š-te-lär**.
Марат с Руслан камень-PL **бросать-ST-REC-PST-PL**
*Марат и Руслан **бросались** камнями.*

b. marat belän ruslan taš-lar-nɤ **bär-e-š-te-lär.**
Марат с Руслан камень-PL-ACC **бросать-ST-REC-PST-PL**
*Марат и Руслан **бросались** этими камнями* {т.е. перебрасывали друг другу одни и те же камни}.

Депациентив, в отличие от реципрока, требует при себе прямого дополнения без падежа:

(3.194) a. bu malaj taš-lar **bär-e-š-te**.
этот мальчик камень-PL **бросать-ST-REC-PST**
*Этот мальчик **бросался** камнями.*

b. *bu malaj taš-lar-nɤ **bär-e-š-te**.
этот мальчик камень-PL-ACC **бросать-ST-REC-PST**
*Этот мальчик **бросался** камнями.*

Обобщения в (3.195)-(3.196) завершают наше описание депациентивной деривации.

(3.195) Обобщение 14.
Депациентив описывает индивидное свойство участника, соответствующего внешнему аргументу исходного глагола. Второй аргумент исходного глагола получает при депациентиве обобщенную интерпретацию (‘любой доступный X’) и не может иметь синтаксической реализации. Подвергаться этой операции могут аргументы с семантическими ролями пациенса и цели, которые при исходном глаголе занимают позицию прямого дополнения или выражаются именной группой в дативе. Если обобщенную интерпретацию получает дативный аргумент, в депациентивной конструкции может быть выражено прямое дополнение, но только немаркированное.

Кроме того, отметим еще один интересный факт, касающийся лексических ограничений на образование реципрокальных и депациентивных дериватов:

(3.196) Обобщение 15.
Если от некоторого глагола образуется депациентив и при этом обобщенную интерпретацию получает актант X, то от этого глагола образуется и реципрок с X в качестве реципрокального аргумента. Обратное неверно.

3.2.4. Заключение

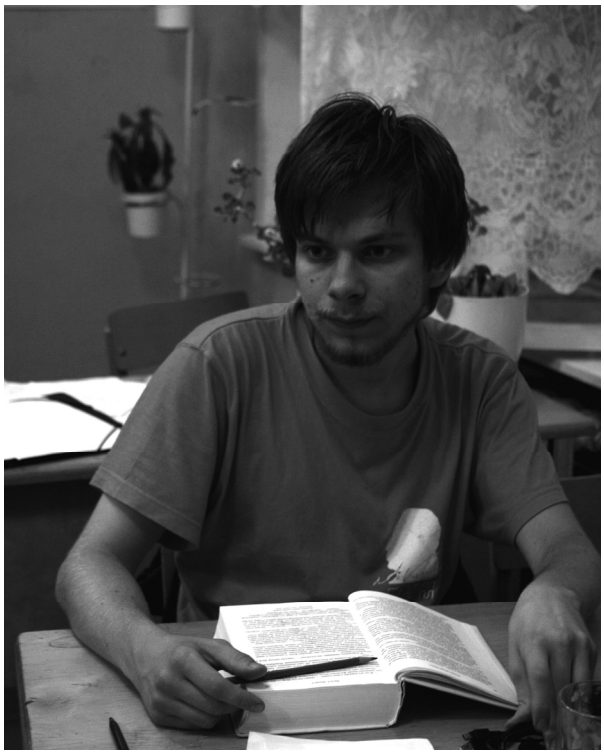
В этом разделе было подробно рассмотрено ассистивное значение показателя *-š* в мишарском диалекте и предложен анализ ассистивной актантной деривации. Кроме того, рассматривались и другие значения этого показателя, а именно, реципрокальное и депациентивное значения, а также значение глагольной множественности.

Ассистив на *-š*, по-видимому, представляет собой отдельную актантную деривацию.

Во-первых, морфема *-š* в ассистивном значении присоединяется к гораздо большему классу глаголов, чем в любом другом (в частности, ассистив, в отличие от реципрока, образуется от транзитивных глаголов как с одушевленным, так и с неодушевленным прямым дополнением, см. обобщение 2).

Во-вторых, ассистивная актантная деривация вводит в аргументную структуру новый аргумент и соответствующее ему событие, в то время как все остальные значения показателя *-š* относятся к области понижающих или интерпретирующих актантных дериваций.

Так или иначе, любой анализ, если он обобщает все значения морфемы *-š* и выделяет единственную актантную деривацию, обозначаемую этим показателем, должен учитывать, кроме перечисленных выше особенностей ассистива, и некоторые другие связи между значениями показателя *-š*. Во-первых, класс глаголов, образующих депациентивные дериваты, полностью входит в класс глаголов, образующих реципрокальную конструкцию (см. обобщение 15). Во-вторых, дериваты в реципрокальном значении и в ассоциативном значении обозначают сумму неопределенного числа ситуаций с одинаковыми дескриптивными свойствами и требуют множественности референтов номинативного аргумента. Этим они отличаются от ассистива, всегда обозначающего две ситуации, (см. обобщения 10 и 12 и обобщения 5 и 6).

Д.К. Привознов. Село Кутлушкино, 2011 год.

Приложение. Глагольная выборка

ala ‘брать’, *asa* ‘вешать (человека)’, *atɤj* ‘называть’, *ätä* ‘говорить’, *ača* ‘открывать, отпирать’, *belä* ‘знать, уметь’, *bijä* ‘танцевать’, *birä* ‘давать’, *bäli* ‘привязывать, связывать, вязать’, *bärä* ‘бросать, кидать’, *bärelä* ‘задевать, касаться (случайно)’, *bülä* ‘делить’, *büläk itä* ‘дарить’, *dijä* ‘говорить’, *ejlänä* ‘жениться’, *erä* ‘лаять’, *eri* ‘таять’, *ezä* ‘рвать, отрывать, разрывать’, *ezli* ‘искать’, *ečä* ‘пить’, *gažäplä* ‘удивлять’, *isländä* ‘тухнуть, протухать’, *jalɤj* ‘лизать’, *jarata* ‘любить’, *jaza* ‘писать’, *jegerä* ‘бежать’, *jɤgɤla* ‘падать’, *kaba* ‘загораться (об огне)’, *kagɤla* ‘касаться’, *kajɤra* ‘отламывать, отдирать’, *karšɤ ala* ‘встречать’, *kašɤj* ‘чесать’, *kenni* ‘завидовать’, *ketä* ‘ждать’, *ketä* ‘пасти’, *kigezä* ‘надевать’, *kijä* ‘надевать’, *kimerä* ‘грызть’, *kisä* ‘резать, рубить, пилить, стричь’, *kurka* ‘бояться, пугаться’, *kɤjnɤj* ‘бить’, *kɤra* ‘брить, царапать’, *kɤča* ‘чесаться, зудеть’, *kürä* ‘видеть’, *kütärä* ‘поднимать’, *küzätä* ‘наблюдать’, *pešä* ‘зреть’, *pɤšɤldɤj* ‘шептать’, *sajlɤj* ‘выбирать’, *sɤndɤrɤp ala* ‘отламывать’, *sibä* ‘поливать, лить’, *suga* ‘ударять, бить’, *sütä* ‘развязывать’, *tešli* ‘кусать’, *tujdɤra* ‘надоедать’, *tɤrnɤj* ‘царапать’, *ujlɤj* ‘думать’, *ujnɤj* ‘играть’, *utɤra* ‘садиться, сидеть’, *übä* ‘целовать’, *wata* ‘ломать, разбивать’, *xermät itä* ‘уважать’, *čaba* ‘бежать’, *čakɤra* ‘звать’, *šakkata* ‘удивляться’, *šatlana* ‘радоваться’, *šürli* ‘бояться, страшиться, трусить’, *ɤča* ‘лететь’, *ɤnɤta* ‘забывать’, *ɤšana* ‘верить’, *ɤšɤj* ‘нравиться’, *ǯɤrlɤj* ‘петь’.

3.3. Одинарный, двойной и фальшивый каузатив

3.3.1. Три каузатива

В 3.1.2 излагаются базовые сведения о каузативизации в мишарском диалекте. Задача этого раздела — описать, как соотносятся три типа каузативной конструкции, иллюстрируемые в (3.197)-(3.199):

(3.197) Одинарный каузатив
trener marat-nɤ **jeger-t-te**.
тренер Марат-ACC **бегать-CAUS-PST**
*Тренер **заставил** Марата **бегать**.*

(3.198) Двойной каузатив
trener kerim-nän marat-nɤ **jeger-t-ter-de**.
тренер Керим-ABL Марат-ACC **бегать-CAUS-CAUS-PST**
*Тренер **сделал так, чтобы** Керим **заставил** Марата **бегать**.*

(3.199) Фальшивый каузатив
trener marat-nɤ **jeger-t-ter-de**.
тренер Марат-ACC **бегать-CAUS-CAUS-PST**
*Тренер **заставил** Марата **бегать**.*

В (3.197) присоединение первой каузативной морфемы создает глагол *jegertä* ‘заставлять бегать’, у которого представлены два актанта: каузатор (тот, кто заставляет бегать) и агенс (тот, кто бегает). Последний — это актант исходной основы, первый привносится каузативной морфемой.

В (3.198) присоединение второй каузативной морфемы приводит к появлению еще одного каузирующего актанта, и этот двойной каузатив ожидаемо имеет значение ‘заставлять заставлять бегать’.

Помимо (3.198), однако, каузатив, содержащий две каузативные морфемы, допускает интерпретацию, которую мы видим в (3.199), — такую, как если бы присоединения второй морфемы не произошло. Такую каузативизацию мы называем ф а л ь ш и в о й. Это ставит нас перед необходимостью объяснить, каким образом, в контексте наших общих знаний о каузативах, (3.199) оказывается возможным, что в точности происходит в предложениях с фальшивым каузативом и как фальшивый каузатив соотносится с одинарным и двойным каузативами в (3.197) и (3.198). Кроме того, мы должны объяснить ненарушаемое обобщение, которое сформулировано в (3.200) и иллюстрируется в (3.201):

(3.200) Фальшивая каузативизация не может быть первичной,
где первичная каузативизация — это каузативизация непроизводного глагола.

(3.201) *marat **jeger-t-te**.
Марат **бегать-CAUS-PST**
*Марат **побегал**.*

3.3.2. Каузативизация: событийный анализ

Каузативизация долгое время понималась как операция, добавляющая к актантной структуре исходного предиката новый каузирующий актант. При таком взгляде на вещи семантический вклад каузатива сводится к рестрикции экстенсионала исходного событийного предиката. Пусть предложение в (3.202) на определенном этапе деривации (большинство семантистов сходятся в том, что этот этап завершается с построением глагольной группы) обозначает множество ситуаций, в которых Марат бегает, (3.203).

(3.202) marat **jeger-de**.
Марат **бегать-PST**
*Марат **побегал**.*

(3.203) $\| [_{vP}$ marat jeger $] \| = \lambda e.\ run(e) \wedge Agent(e) = Marat$

Согласно (3.203), глагольная группа представляет собой событийный предикат, или характеристическую функцию множества таких событий *e*, что *e* — это бег, агенсом которого выступает Марат. (Предикат *run* может иметь сложную внутреннюю структуру, но мы пока будем понимать его как элементарный.) Если семантический вклад каузативизации ограничивается добавлением нового участника с ролью каузатора, то предложение в (3.197), содержащее каузатив глагола ‘бегать’, должно обозначать событийный предикат в (3.204):

(3.204) $\| [_{vP}$ trener marat jeger-t $] \| = \lambda e.\ run(e) \wedge Agent(e) = Marat \wedge Causer(e) = trainer$

Множество событий в (3.204) — это подмножество событий в (3.203). Как и в (3.203), перед нами события, представляющие собой бег, агенсом которых выступает Марат. Каузатив ограничивает это множество дополнительным условием: каузирующим участником события выступает тренер[24].

Обрисованный в (3.204) анализ каузатива сталкивается с целым рядом трудноразрешимых эмпирических проблем, которые подробно обсуждаются в Pylkkänen 2002, Harley 2008, Tubino Blanco 2011, Lyutikova, Tatevosov 2012, 2014, Tatevosov 2013a, Татевосов 2015 (за отсутствием возможности воспроизвести их здесь, мы отсылаем читателя к первоисточникам). Предлагаемая в этих и ряде других работ альтернатива — событийный анализ каузатива, в соответствии с которым каузативный показатель добавляет к событийной структуре не нового участника, а новое подсобытие. При таком подходе анализ (3.197) выглядит как (3.205):

(3.205) $\| [_{vP}$ trener marat jeger-t $] \| = \lambda e.\ Causer(e) = trainer \wedge \exists e'[run(e') \wedge Agent(e') = Marat \wedge cause(e')(e)]$

[24] Ближайшей аналогией каузативизации при таком анализе оказываются рестриктивные определения существительного. Выражение *деревянные кубики* обозначает объекты, которые суть кубики и которые сделаны из дерева. *Белые деревянные кубики* — это подмножество (не обязательно собственное), возникающее благодаря прилагательному *белые*, которое требует, чтобы рассматриваемые объекты входили в множество белых предметов.

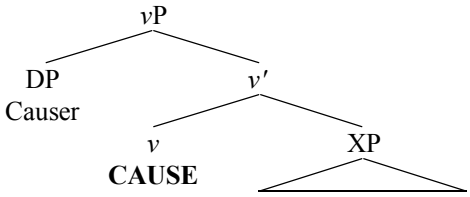
В соответствии с (3.205), каузативная глагольная группа обозначает множество событий, в которых единственным участником (с ролью каузатора) выступает тренер. Они приводят к возникновению события из экстенсионала исходного предиката, а именно, бега с Маратом в роли агенса. При таком анализе каузативный и исходный предикаты имеют в своем экстенсионале не просто различные, а непересекающиеся множества событий — каузирующие и каузируемые. Каузативный показатель, соответственно, анализируется как функция, которая применяется к событийному предикату и создает отношение между событиями и индивидами:

(3.206) $\| t \| = \lambda P_{<v,t>}.\lambda x.\lambda e.\ \text{Causer}(e) = x \wedge \exists e'\ [P(e') \wedge \text{cause}(e')(e)]$
где v — логический тип событий

Подчеркнем один важный аспект этого анализа: в (3.206) дескриптивные свойства каузирующего события не заданы. Мы знаем об этом событии только две вещи: оно вызывает каузируемое событие и у него есть участник с ролью каузатора. Такой анализ оставляет каузатив татарского типа семантически недоспецифицированным; свойства каузирующего события могут уточняться благодаря контекстной информации и энциклопедическим знаниям (см. несколько частных случаев в 3.1.2), но могут так и оставаться нечеткими. Анализ, основанный на семантической недоспецифицированности, отвергает идею о многозначности каузативной морфемы, которая иногда проскальзывает в работах по каузативу. (Авторы таких работ, предполагая многозначность, опираются на контекстуализированные прочтения каузатива типа ‘заставил P’, ‘разрешил P’, ‘научил P’. Для каждого предлагается отдельное значение из разветвленной номенклатуры универсальных, по мнению авторов, семантических единиц.)

Отдельный вопрос — как эта семантика соотносится с синтаксическими свойствами каузативной конструкции. В качестве отправной точки мы принимаем анализ в духе Harley 1995, 2008, Miyagawa 2012, Lyutikova, Tatevosov 2014 (см. также литературу, цитируемую в этих работах). Согласно этому анализу, каузативный показатель представляет собой фонологическую реализацию вершины *v*, как показано в (3.207):

(3.207) Одинарный каузатив

В спецификаторе вершины располагается именная группа, которая обозначает каузатора.

Если одинарный каузатив — это вершина *v* и ее проекция, в спецификаторе которой размещается каузирующий актант, то двойной каузатив — это две *v*P и два актанта:

(3.208) Двойной каузатив
$[_{vP}\ DP_i\ [_v$ -dʏr] $[_{vP}\ DP_j\ [_v$ -dʏr] $[_{XP}\ \ldots\ ]]]$

В зависимости от того, что выступает комплементом вершины *v*, обозначенным в (3.207) как XP, свойства каузатива могут быть существенно различны. Если XP = VP, мы имеем каузатив, в котором CAUSE — это отношение непосредственной каузации, а каузативная глагольная группа по всем параметрам напоминает группу, проецируемую непроизводным переходным глаголом (см. список параметров и обсуждение сходств в Lyutikova, Tatevosov 2014, Татевосов 2015).

Если XP = *v*P (в частности, это может быть *v*P, возникшая в результате каузативизации), перед нами более общее отношение каузации, включающее в качестве частного случая опосредованную каузацию. С синтаксической точки зрения такая каузативная группа многими свойствами становится похожа на полипредикативную конструкцию. Опознать ее можно по целому ряду признаков. Это сфера действия обстоятельств и отрицания, связывание анафорических средств, эллипсис и некоторые другие. Например, предложение (3.209) неоднозначно — благодаря тому, что обстоятельство ‘быстро’, располагаясь линейно в одной и той же позиции, может получать разную сферу действия.

(3.209) trener **tiz** marat-nɤ **jeger-t-te**.
тренер **быстро** Марат-ABL **бегать-CAUS-PST**

*1. Тренер **заставил** Марата **бегать**, и все это произошло **быстро**.*
*2. Тренер **заставил** Марата **быстро бегать**.*
*3. Тренер **быстро заставил** Марата **бегать**.*

Сферы действия обстоятельства, соответствующие трем интерпретациям, показаны в (3.210):

(3.210) [быстро [каузация бег]]
каузация [быстро [бег]]
[быстро [каузация]] бег

Обнаружив неоднозначность, аналогичную (3.209), при каузативизации непереходного глагола, мы можем заключить, что глагол проецирует *v*P, а значит, является неэргативным, и его внешний аргумент присоединяется в той же позиции (Spec, *v*P), что и подлежащее переходного глагола. Неэргативен, в частности, *jɤgɤrä* ‘бегать’ в татарском языке[25].

[25] Анализ двойного каузатива в (3.208) опирается на допущение, согласно которому в предикации может быть представлено более одной проекции вершины *v*. Это делает каузативизацию рекурсивной и предсказывает, что в языке должны существовать тройные, четверные и так далее каузативы. (i) — пример тройного каузатива:

(i) ??trener alsu-dan kerim-dän marat-nɤ **jeger-t-ter-t-te**.
тренер Алсу-ABL Керим-ABL Марат-ACC **бегать-CAUS-CAUS-CAUS-PST**

*Тренер **попросил** Алсу **сделать так**, **чтобы** Керим **заставил** Марата **бегать**.*

Большинство носителей рассматривает такие примеры как находящиеся за гранью допустимого. Меньшинство находит их крайне неестественными («так обычно не скажут»), но грамматичными, однако отмечают трудности с синтаксическим и семантическим анализом («трудно понять, кто кого о чем попросил»). Говорит ли это о том, что предположение о рекурсивном характере *v* неверно? Нам представляется, что не говорит. Сомнительность (i) может быть связана с другими причинами, в частности, с тем, что в структуре возникает два каузируемых с одинаковым морфологическим оформлением — две именные группы в аблативе. Вероятно, именно этим объясняются трудности, которые испытывают те

3.3.3. Два анализа

Фальшивый каузатив похож на двойной тем, что в нем представлено две каузативных морфемы. Однако, как и одинарный, он создает клаузу с единственным каузатором. Какова в таком случае его событийная структура? Можно предложить две линии рассуждения.

Первая состоит в том, что каузативная морфология правдиво отражает каузативный синтаксис и каузативную семантику. Каждый раз, когда мы видим каузативную морфологию, это означает, что в клаузе произошло наращение каузативной структуры, а в семантике добавилось каузирующее подсобытие:

(3.211) Наличие в предикации наблюдаемой каузативной морфологии свидетельствует о том, что в структуре присутствует каузирующее подсобытие.

Соответственно, фальшивый каузатив — это в основе своей двойной каузатив.

(3.212) Двойной каузатив = фальшивый каузатив
[$_{v}$P … [$_{v}$ -dʏr] [$_{v}$P … [$_{v}$ -t] [$_{v}$P … [$_{v}$ jeger] …]]]

Теория в таком случае должна объяснить, каким образом в (3.199) имеется два каузирующих подсобытия, но только один каузатор. (3.211) совместимо с несколькими более частными теоретическими решениями, которые подробно обсуждаются в Татевосов 2018. Не повторяя их здесь подробно, опишем общие идеи.

Один из способов реализовать (3.211) — предположить, что каузативная морфология находится в одно-однозначном соответствии с каузирующим событием *и* участником этого события, каузатором. В (3.199) есть два каузирующих подсобытия, по одному на каждую каузативную морфему, плюс исходное событие ‘бегать’, всего три. Семантических актантов в этой событийной структуре тоже три — агенс бега и два каузатора. Один из них, однако, синтаксически не реализуется, и так происходит потому, что один

носители, которые в принципе способны рассматривать предложения типа (i) как принадлежащие мишарскому диалекту.

То, что две именные группы с идентичным аблативным маркированием действительно влияют на примелемость каузативной конфигурации, можно показать на материале переходных глаголов. Для переходных глаголов структура с двумя аблативными группами может возникнуть не при тройной, а уже при двойной каузативизации. (ii) показывает, что двойной каузатив от переходного глагола с двумя аблативным каузируемыми так же сомнителен, как и тройной от непереходного:

(ii) ??daut alsu-dan marat-tan kʏr-nʏ sukal-a-t-tʏr-dʏ.
Даут Алсу-DAT Марат-ABL поле-ACC пахать-ST-CAUS-CAUS-PST
Даут попросил Алсу заставить Марата вспахать поле.

Немаркированное прямое дополнение в сергачском говоре позволяет приписать аккузатив внутреннему каузируемому (*marat* ‘Марат’ в (ii)). (О вариативном маркировании каузируемого см. 3.1.2.10.) Если сомнительность (ii) связана с присутствием двух аблативных групп, можно ожидать, что в этом случае приемлемость двойного каузатива повышается. Ожидание полностью подтверждается:

(iii) daut alsu-dan marat-nʏ kʏr sukal-a-t-tʏr-dʏ.
Даут Алсу-ABL Марат-ACC поле пахать-ST-CAUS-CAUS-PST
Даут попросил Алсу заставить Марата вспахать поле.

из участников задействован в событии в двух ипостасях. Возможный вариант такого анализа показан в (3.213):

(3.213) Фальшивый каузатив
[$_{vP}$ trener [$_{v}$ -t] [$_{vP}$ trener [$_{v}$ -dʏr] [$_{vP}$ marat [$_{v}$ jeger] …]]]

В (3.213) каузаторы внешней и внутренней каузативной морфемы отождествляются. Участник ситуации, который непосредственно каузирует ситуацию, описываемую исходной основой, и участник, который вынуждает его к этому, — одно и то же лицо. За счет этого тот факт, что семантически мы имеем дело с двойной каузативизацией, в значительной степени маскируется. Ожидаемая семантика фальшивого каузатива при таком анализе показана в (3.214):

(3.214) ‘Тренер привел себя к ситуации, в которой он сделал так, что Марат (по)бегал’.

Другая возможная реализация (3.211) опирается на допущение, что каузирующее событие и его участник могут возникать в событийной структуре независимо друг от друга. Если мы ввели в рассмотрение каузирующее событие, мы не обязаны задавать также и его участника. Именно так рассуждает Л. Пюлккянен (Pylkkänen 2002), выдвигая гипотезу, согласно которой построение каузативной структуры происходит в два этапа. За каузирующее событие отвечает одна синтаксическая вершина, а за участника этого события — другая. Эта система показана в (3.215):

(3.215) [$_{\text{VoiceP}}$ DP VOICE [$_{\text{CausP}}$ CAUS [$_{\text{XP}}$ …]]]

В (3.215) роль собственно каузатива ограничивается тем, чтобы встроить в структуру каузирующее подсобытие. Проекция каузативной морфемы не имеет спецификатора и не соединяется с аргументной именной группой. (В отличие от синтаксической нотации, которую мы использовали до сих пор, где каузативный показатель рассматривался как *v*, у Л. Пюлккянен это вершина, отличная от *v*, а именно CAUS.) За появление аргумента отвечает отдельная вершина Voice, которая пришла в теорию Л. Пюлккянен от А. Кратцер (Kratzer 1996). (Разные варианты Voice создают, как следует из названия вершины, синтаксические конфигурации, характерные для активного и пассивного залогов.)

Что это дает нам с точки зрения анализа фальшивой каузативизации в мишарском диалекте? Мы можем предположить, что у фальшивого каузатива количество каузативных морфем расходится с количеством аргументных ИГ по той причине, что каузативная морфема сигнализирует только лишь о наличии каузирующего события. Аргумент события вводится отдельным механизмом, и при определенных условиях этот механизм или не срабатывает, или вовсе не запускается.

Структура фальшивого каузатива при таком анализе показана в (3.216). Вместо одной вершины *v* и ее проекции, ответственной и за подсобытие, и за его участника, мы теперь предполагаем две — Cause и Voice. Однако нижняя CauseP не соединяется с собственной вершиной Voice, а становится комплементом следующей вершины Cause:

(3.216) Фальшивый каузатив
[$_{\text{VoiceP}}$ trener [$_{\text{CauseP}}$ -dʏr [$_{\text{CauseP}}$ -t [$_{\text{VoiceP}}$ marat [$_{\text{VP}}$ jeger]]]]]

В (3.216) мы имеем ровно то, к чему стремимся: каузативных морфем в структуре больше, чем каузаторов. Ожидаемая семантика каузатива при таком анализе показана в (3.217):

(3.217) ‘Тренер сделал так, чтобы произошло нечто, вызвавшее бег Марата’.

В Татевосов 2018 эти два анализа разбираются подробно и отклоняются в пользу третьей возможности, которая опирается на следующую идею.

(3.218) У фальшивого каузатива имеется единственное каузирующее подсобытие и, соответственно, один каузатор. Второе вхождение морфемы *-dʁr* сигнализирует не о более сложной событийной структуре, а о том, что каузальное отношение отличается от стандартного.

Анализ в духе (3.218) нуждается в нескольких семантических ингредиентах, которые мы по возможности кратко изложим ниже, отсылая читателя за дальнейшими подробностями к Lyutikova, Tatevosov 2012, 2014 и Татевосов 2018.

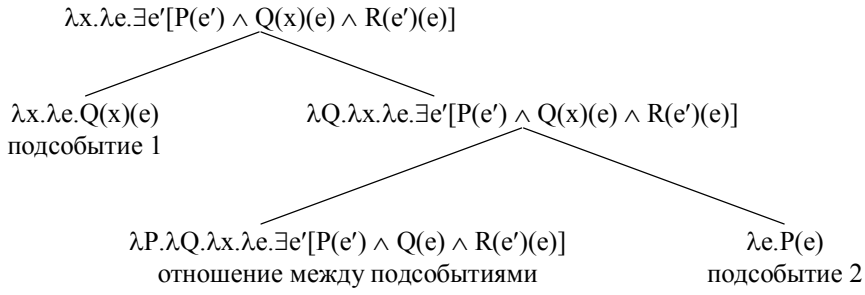
3.3.4. Радикальная предикатная декомпозиция

В Lyutikova, Tatevosov 2012, 2014 и Татевосов 2015 мы обосновали предположение, согласно которому синтаксис структуры события устроен в соответствии с (3.219):

(3.219) Радикальная предикатная декомпозиция
Отношения между подсобытиями имеют собственную синтаксическую репрезентацию.

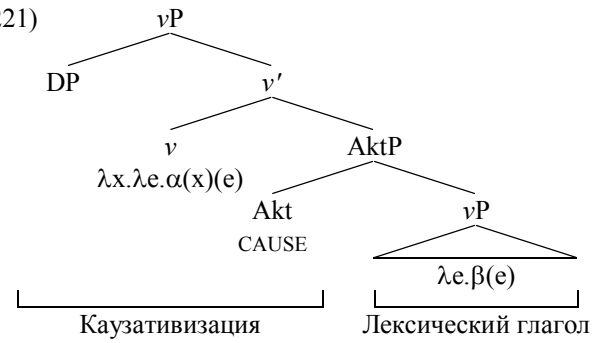
В такой системе, которую мы называем радикальной предикатной декомпозицией, событийные вершины обозначают только сами подсобытия и их дескриптивные свойства, а отношения между подсобытиями специфицируются с помощью расположенных между ними вершин Akt(ionsart):

(3.220) Композиция (под)событий:

Анализ каузативизации неэргативов и переходных глаголов, опирающийся на радикальную предикатную декомпозицию, показан в (3.221). В (3.221) мы отказываемся от идеи расщепления *v* на Caus и Voice и предполагаем, что аргумент вводится той же вершиной, что и подсобытие. Каузальное отношение, CAUSE, однако, вводится отдельно.

(3.221)

Согласно (3.221), каузативизация создает две синтаксические проекции AktP и *v*P, а не одну, как предполагается традиционно. *v* обозначает каузирующее подсобытие и его участника, а Akt — его отношение к подсобытию, которое создается нижней *v*P, проекцией лексического глагола.

3.3.5. Отношения между подсобытиями

Самый важный ингредиент анализа — отношение между подсобытиями, которое задается интерпретацией вершины Akt. Мы предполагаем, что отношение определяется вторичным признаком этой вершины и что вторичных признаков имеется ровно два — [cause] и [incr].

Первый интересующий нас случай — каузальное отношение, обозначаемое признаком [cause]. Каузальное отношение возникает, например, между деятельностью агенса и изменением состояния у предикатов типа ‘разрывать веревку’, ‘будить товарища’ или ‘ломать игрушку’.

Как обсуждалось выше, каузативы различают по меньшей мере два частных случая каузального отношения — прямой, или непосредственной, и непрямой, или опосредованной каузации. Различие коррелирует с типом событийной структуры, к которой присоединяется каузативный показатель. Неаккузативы типа ‘ломаться’ или ‘таять’ создают каузативы с непосредственной каузацией — ‘ломать’ или ‘растапливать’. Каузативы от неэргативов (например, ‘кашлять’) и переходных глаголов (например, ‘открывать’) в нормальном случае обозначают каузацию, которая может быть как непосредственной, так и опосредованной (‘заставлять кашлять’ и ‘заставлять открывать’)[26]. Несколько специальных случаев (‘ходить’ — ‘водить’, ‘есть’ — ‘кормить’ и т.п.), когда глагол переходный или неэргативный, а каузация тем не менее непосредственная, не отменяют этой общей закономерности.

Исходя из этой корреляции, мы предполагаем, следуя анализу в Lyutikova, Tatevosov 2014, что в языках типа татарского признак [cause] на вершине Akt интерпретируется как семантическое отношение непосредственной каузации I-CAUSE, если комплементом Akt выступает VP. В прочих случаях [cause] дает отношение общей каузации, G-CAUSE (определения обоих отношений приводятся ниже):

[26] В литературе можно встретить мнение, согласно которому каузативы от переходных глаголов и неэргативов обозначают только опосредованную каузацию. В действительности это не так: такие каузативы неспецифицированы с точки зрения опосредованности, см. обсуждение в Lyutikova, Tatevosov 2014.

(3.222) Конфигурация, в которой возникает непосредственная каузация
a. $[_{vP}\ v\ [_{AktP}\ Akt_{CAUSE}\ [_{VP}\ \ldots\ ]]]$
b. || [cause] || = λe′.λe″.I-CAUSE(e′)(e″) / __ $[_{VP}$ ...]

(3.223) Конфигурация, в которой возникает общая каузация
a. $[_{vP}\ v\ [_{AktP}\ Akt_{CAUSE}\ [_{vP}\ \ldots\ ]]]$
b. || [cause] || = λe′.λe″.G-CAUSE(e′)(e″)

Как видно из (3.223b), интерпретация [cause] через отношение общей каузации — дефолтная возможность. Она реализуется всегда, когда не выполнено условие для интерпретации этого признака посредством отношения непосредственной каузации. Условие, как обозначено в (3.222b), — это проекция лексического глагола VP в качестве комплемента. Такая система дает семантически более частному отношению I-CAUSE более ограниченные условия применения. Более общее G-CAUSE, напротив, имеет дистрибуцию, которая регулируется лишь принципом Панини.

Если принять предположение, что неаккузативные глаголы в языках типа татарского лишены внешней оболочки глагольной группы *v*P и проецируют максимум VP, непосредственный характер каузации для их каузативов вытекает из (3.222) без всяких дополнительных допущений. Поскольку неэргативы и переходные глаголы проецируют *v*P, подвергая их каузативизации, как в (3.223), мы создаем каузатив, обозначающий отношение общей каузации. В частности, каузатив глагола *jeger* ‘бежать, бегать’, с которым мы в основном имели дело до сих пор, — это общий каузатив.

Определение отношений общей и непосредственной каузации опирается на понятие каузальной цепочки (см. подробнее Татевосов 2015 и обсуждаемую там литературу):

(3.224) Каузальная цепочка
Каузальная цепочка — это упорядоченное множество событий e, e_1, e_2,..., e_n, e', $n \geq 0$, где каждый следующий элемент каузально зависит от предыдущего.

Понятие каузальной зависимости, лежащее в основе (3.224), впервые предложено в работах К. Льюиса (Lewis 1973) и сформулировано в терминах контрфактической зависимости. На этом же понятии строится определение Д. Даути (Dowty 1979).

(3.225) Отношение каузальной зависимости
Событие e каузально зависит от события e' тогда и только тогда, когда e не имело бы место, если бы не имело место e'.

(3.224)-(3.225) содержат несколько упрощений, не существенных для последующих обобщений. За более полными определениями читатель может обратиться к первоисточникам, в частности, Dowty 1979: 98-105.

Опираясь на (3.224)-(3.225), непосредственную и общую каузацию можно определить через универсальную и экзистенциальную квантификацию над элементами цепочки, как показано в (3.226) и (3.227):

(3.226) || I-CAUSE(e′)(e) || = 1 тогда и только тогда, когда e представляет собой сумму всех элементов каузальной цепочки с максимальным элементом e' (ср. Kratzer 2005).

Согласно (3.226), каузирующее событие складывается из всех элементов каузальной цепочки и включает, в частности, каузируемое событие.

Если мы допускаем понятие суммы событий в определение каузальных отношений, как в (3.226), для G-CAUSE естественно предложить симметричное определение:

(3.227) || G-CAUSE(e′)(e) || = 1 тогда и только тогда, когда *e* представляет собой сумму некоторых элементов каузальной цепочки с максимальным элементом *e′*, причем *e* — неразрывная часть цепочки (то есть для любых *e″*, *e‴* верно, что если *e″* и *e‴* — части *e*, любое событие *e⁗*, расположенное в цепочке между *e″* и *e‴*, — также часть *e*) и *e* включает минимальный элемент цепочки.

Общая каузация, согласно (3.227), связывает два события, одно из которых берет начало в хвосте каузальной цепочки, однако не обязательно содержит ее максимальный элемент. Между каузирующим и каузируемым событиями допускаются промежуточные элементы. (Это, однако, не означает, что такие элементы непременно должны быть представлены. Как и любые утверждения, различающиеся только на квантор всеобщности и существования, (3.226) и (3.227) связаны отношением асимметричного следования.)

Кроме двух разновидностей каузальных отношений, элементом значения естественно-языковых предикатов может быть инкрементальное отношение, предложенное С. Ротстин (Rothstein 2004). Это отношение устанавливается между подсобытием деятельности и подсобытием изменения состояния, например, у предикатов типа ‘читать книгу’ или ‘писать статью’.

Когда происходит чтение, деятельность агенса находится в одно-однозначном соответствии с изменением состояния книги. Любая часть изменения состояния требует, чтобы одновременно происходила некоторая часть деятельности. Обратно, любая (контекстно-релевантная) часть деятельности вызывает изменение состояния пациенса. Аналогично, чем больше состояние статьи меняется с ‘не написано’ на ‘написано’, тем больше синхронной деятельности агенса для этого требуется. И чем больше длится деятельность агенса, тем больше меняется состояние статьи.

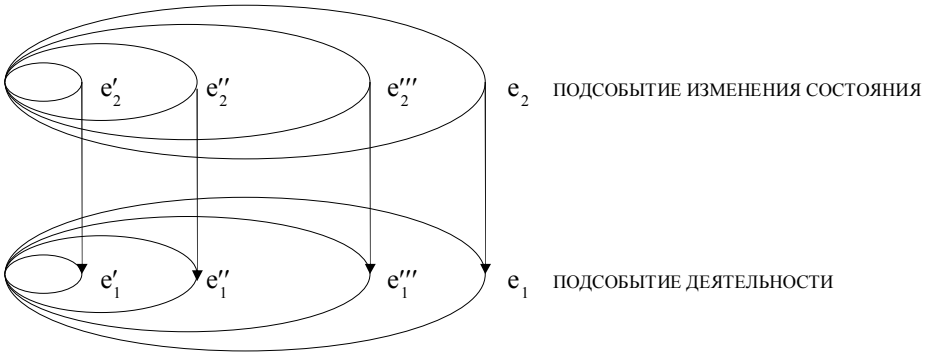
Непереходные агентивные предикаты, такие, как ‘бегать’ или ‘смеяться’, также можно анализировать как состоящие из двух компонентов — деятельности агенса, обеспечивающей его участие в определенном процессе, и самого этого процесса (похожий анализ сформулирован в Dowty 1979, заложившем основы предикатной декомпозиции, и в некоторых последующих работах, например, Ramchand 2008). Если придерживаться такого подхода, то отношение между подсобытиями также следует признать инкрементальным.

Инкрементальное отношение определяется в (3.228)-(3.229) и схематически изображается в (3.230):

(3.228) Инкрементальное отношение (Rothstein 2004)
INCR(e′, e″, C(e″)) (*e′* состоит в инкрементальном отношении с *e″* относительно инкрементальной цепочки C(e″) тогда и только тогда, когда имеется контекстно-зависимое одно-однозначное отношение μ из C(e″) в множество частей *e′*, PART(e′), такое, что для любого элемента *e* из C(e″) найдется одновременное ему событие из τ(μ(e)).

(3.229) Инкрементальная цепочка
C(e) — это множество частей *e* такое, что
(i) минимальный элемент в C(e) — это начальное подсобытие *e*,
(ii) для любых элементов инкрементальной цепочки *e′*, *e″* верно, что или $e' \leq e''$, или $e'' \leq e'$ и
(iii) *e* — элемент C(e)

(3.230)

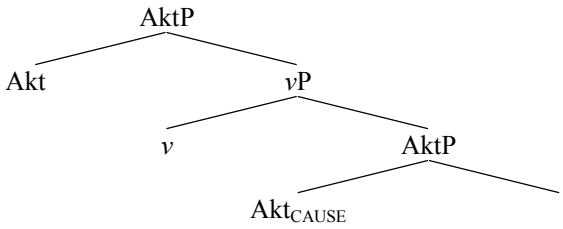

Теперь у нас есть почти все необходимое, чтобы показать анализ каузативизации, предлагаемый в Lyutikova, Tatevosov 2012 и его применение к изучаемому в этом разделе случаю. Остающийся несформулированным ингредиент — лексические спецификации для интересующих нас глаголов и морфем.

3.3.6. Лексические спецификации и структура каузативов

Мы предполагаем, что каузативная морфема, TYR, устроена следующим образом:

(3.231) /dɤr/ ⇔

(3.231) отражает так называемый наносинтаксический подход к озвучиванию синтаксической структуры (см., например, Starke 2010). Как предполагают наносинтаксисты, словарные единицы создают фонологическую реализацию не для отдельных вершин синтаксического дерева, а для целых составляющих. Согласно (3.231), каузативной морфеме соответствует фрагмент структуры, содержащий подсобытие (назовем его *e*), размещающееся в *v*, плюс его отношения к двум другим подсобытиям — нижестоящему и вышестоящему. Подсобытие *e* находится к нижестоящему подсобытию в отношении (непосредственной или опосредованной) каузации, задаваемой вершиной Akt с признаком CAUSE. Вторая вершина Akt не имеет вторичных признаков, и это означает, что отношение,

в котором *e* находится с вышестоящим событием, неспецифицировано. Таким образом, основная инновация, которая содержится в этом анализе, состоит в том, что каузатив вводит подсобытие и два отношения, в которые оно вступает, — и к каузируемому подсобытию, и к каузирующему.

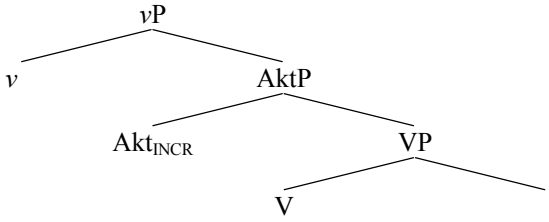
Для лексических глаголов следует предположить такие представления, которые реализуются в отсутствие каких-либо деривационных показателей. Например, глагол *jegerä* — неэргатив. Структура неэргативной глагольной группы показана в (3.232).

(3.232) $[_{vP}\ DP_i\ v\ [_{AktP}\ Akt_{INCR}\ [_{VP}\ V\ ]]]$

Отметим, что в этой структуре вершина Akt несет на себе признак [INCR]: отношение между каузирующим подсобытием, в котором агенс приводит себя в состояние бега, и каузируемым, в котором происходит его перемещение в пространстве, инкрементально (см. определение выше).

Очевидно, *jeger* способен озвучивать эту структуру без помощи каких-либо других лексических единиц, а значит, его лексическое представление выглядит как показано в (3.233):

(3.233) /jeger/ ⇔

Рассмотрим каузативы. Пусть каузативизации подвергается глагол *jegerä*, как и прежде. Первый случай — одинарный каузатив; соответствующий пример повторяется в (3.234).

(3.234) trener marat-nʏ **jeger-t-te**.
тренер марат-ACC **бегать-CAUS-PST**
*Тренер **заставил** Марата **бегать**.*

Синтаксическая структура этого предложения до озвучивания показана в (3.235):

(3.235) $[_{CP}\ \ldots.\ [_{vP}\ DP_i\ v\ [_{AktP}\ Akt_{CAUSE}\ [_{vP}\ DP_j\ v\ [_{AktP}\ Akt_{INCR}\ [_{VP}\ V\ ]\ ]\ ]\ ]\ ]\ ]$

В (3.235) нижняя *v*P идентична (3.232). Нижняя вершина Akt, соответственно, несет на себе признак [INCR]. Верхняя вершина Akt содержит признак [CAUSE].

В этой структуре DP_i фонологически реализуется как *trener*, а DP_j — как *marat*; этот шаг деривации фонологической формы тривиален. Интерес представляет озвучивание глагола, его расширенных проекций и прочего материала, который отвечает за построение событийной структуры. Структура после озвучивания показана в (3.236):

(3.236) $[_{CP}\ \ldots.\ [_{vP}\ DP_i\ v\ [_{AktP}\ Akt_{CAUSE}\ [_{vP}\ DP_j\ v\ [_{AktP}\ Akt_{INCR}\ [_{VP}\ V\ ]\ ]\ ]\ ]\ ]\ ]$

-t jeger

В (3.236) лексическая единица *jeger* реализует всю нижнюю *v*P, которая в точности соответствует ее лексической спецификации в (3.233). За реализацию нижней вершины *v* с *jeger* конкурирует каузативная морфема *-dɤr* в (3.231), однако она проигрывает конкуренцию в соответствии с наносинтаксическим принципом «Побеждает крупнейший»[27]. *jeger* реализует последовательность *v* — Akt — V целиком, а *-dɤr* — только *v*. Верхняя *v*P реализуется каузативной морфемой, причем вышестоящий Akt в лексической спецификации *-dɤr* остается незадействованным. Поскольку, однако, точного совпадения озвучиваемой структуры с лексической спецификацией не требуется, а требуется отношение подмножества, такая ситуация не вызывает проблем с деривацией.

Интерпретация этой конфигурации очевидна. Нижняя *v*P обозначает уже известное нам множество событий, в которых происходит бег Марата. В отличие от предыдущих фрагментов, мы будем рассматривать эти события в декомпозициональной перспективе — как состоящие из каузирующей деятельности и каузируемого процесса, причем Марат выступает участником обоих:

(3.237) $\| [_{vP}$ Marat jeger $] \| = \lambda e.\exists e'[run_I(e) \wedge Agent(e)=marat \wedge run_P(e') \wedge Theme(marat)(e') \wedge INCR(e')(e)(C(e'))]$,
где run_I — предикат, обозначающий события, создающие бег, а run_P — предикат, обозначающий процесс бега

Обозначим для краткости предикат в (3.237) как $\lambda e.RUN(marat)(e)$.

Внешняя вершина Akt обозначает функцию в (3.238). Аргументом функции выступает событийный предикат (переменная P), обозначаемый комплементом Akt. Вершина вводит отношение между подсобытиями, которое определяется интерпретацией признака [cause]:

(3.238) $\| Akt_{CAUSE} \| = \lambda P.\lambda R.\lambda x.\lambda e.\exists e'[P(e') \wedge R(x)(e) \wedge \| [cause] \|(e')(e)]$

---

[27] В общем случае, чтобы лексическая единица L могла озвучить синтаксический узел α, α должен содержаться в лексическом дереве L. Такая система предполагает, что лексические единицы могут конкурировать друг с другом за озвучивание синтаксической структуры. Кто выигрывает конкуренцию, регулируется дополнительными принципами в (i)-(ii).

(i) Побеждает крупнейший
Лексическая единица, обеспечивающая фонологической реализацией наибольшую по сравнению с конкурентами часть синтаксической структуры, имеет приоритет.

(ii) Побеждает точнейший
Лексическая единица, у которой лексическое поддерево отличается от озвучиваемого поддерева в наименьшей степени, имеет приоритет.

С содержательной точки зрения принцип «Побеждает крупнейший» благоволит тем лексическим единицам, которые способны озвучить больший фрагмент структуры, чем конкуренты. Принцип «Побеждает точнейший» обеспечивает выбор самой специфичной, наиболее точно соответствующей потребностям озвучиваемой структуры лексической единицы. Специфичность может иметь два проявления. Первое состоит в том, что более специфичная единица в наименьшей степени отличается от озвучиваемой структуры составом своего лексического дерева. Другое проявление состоит в том, что более специфичная единица отличается более полным составом в т о р и ч н ы х п р и з н а к о в .

Как мы уже говорили (см. (3.222)-(3.223)), в отсутствие локальной VP, занимающей позицию комплемента, [cause] интерпретируется как отношение общей каузации G-CAUSE.

(3.239) $\| [\text{cause}] \| = \lambda e'.\lambda e''.\text{G-CAUSE}(e')(e'')$

Применение (3.238) к означаемому нижней *v*P дает функцию в (3.240), которая выступает означаемым верхней AktP. В качестве аргумента эта функция требует отношение между индивидами и событиями, которое вводится вышестоящей *v* в (3.241).

(3.240) $\| [_{\text{AktP}}\ \text{Akt}_{\text{CAUSE}}\ [_{v\text{P}}\ \text{Marat jeger}]] \| = \lambda R.\lambda x.\lambda e.\exists e'[\text{RUN}(\text{marat})(e') \wedge R(x)(e) \wedge \text{I-CAUSE}(e')(e)]]$

Семантика *v* при таком анализе очень проста: это отношения между деятельностями и их каузирующими участниками:

(3.241) $\| v \| = \lambda x.\lambda e.\text{activity}(e) \wedge \text{causer}(e)=x$

Соединяя функцию в (3.240) с отношением в (3.241) как с аргументом, а затем заполняя позицию индивидного аргумента именной группой *trener* в Spec, *v*P, мы приходим к событийному предикату в (3.242):

(3.242) $\| [_{v\text{P}}\ \text{trener}\ v\ [_{\text{AktP}}\ \text{Akt}_{\text{CAUSE}}\ [_{v\text{P}}\ \text{Marat jeger}]]] \| = \lambda e.\exists e'.\ [\text{RUN}(\text{marat})(e') \wedge \text{activity}(e) \wedge \text{Causer}(e)= \text{trener} \wedge \text{G-CAUSE}(e')(e)]$

Предикат в (3.242) — множество событий, которые представляют собой деятельность тренера и которые вызывают бег Марата посредством общей каузации. Если не считать незначительных нюансов, этот анализ дает для одинарного каузатива в точности то же множество событий, что и два предыдущих, которые обсуждались в разделе 3.3.3.

Следующая интересующая нас деривация — двойной каузатив, повторяемый как (3.243):

(3.243) trener kerim-dän marat-nʏ **jeger-t-ter-de**.
тренер Керим-ABL Марат-ACC **бегать-CAUS-CAUS-PST**
*Тренер **сделал так**, что Керим **заставил** Марата **бегать**.*

Структура этого предложения до и после озвучивания показана в (3.244)-(3.245):

(3.244) $[_{\text{CP}} \ldots [_{v\text{P}}\ \text{DP}_k\ v\ [_{\text{AktP}}\ \text{Akt}_{\text{CAUSE}}\ [_{v\text{P}}\ \text{DP}_i\ v\ [_{\text{AktP}}\ \text{Akt}_{\text{CAUSE}}\ [_{v\text{P}}\ \text{DP}_j\ v\ [_{\text{AktP}}\ \text{Akt}_{\text{INCR}}\ [_{\text{VP}}\ \text{V}\ ]]]]]]]]$

(3.245) $[_{\text{CP}} \ldots [_{v\text{P}}\ \text{DP}_k\ v\ [_{\text{AktP}}\ \text{Akt}_{\text{CAUSE}}\ [_{v\text{P}}\ \text{DP}_i\ v\ [_{\text{AktP}}\ \text{Akt}_{\text{CAUSE}}\ [_{v\text{P}}\ \text{DP}_j\ v\ [_{\text{AktP}}\ \text{Akt}_{\text{INCR}}\ [_{\text{VP}}\ \text{V}\ ]]]]]]]]$

-dʏr -t jeger

Два нижних слоя глагольной структуры идентичны тем, которые представлены у одинарного каузатива в (3.235); добавляется лишь верхний слой, состоящий из проекций *v* и $\text{Akt}_{\text{CAUSE}}$. Этот слой реализуется вторым вхождением лексической единицы *-dʏr*. Два вхождения *-dʏr* конкурируют за озвучивание верхней AktP; в конкуренции побеждает точнейший, а именно второе вхождение *-dʏr*.

До уровня промежуточной *v*P семантическая деривация (3.243) происходит так же, как деривация одинарного каузатива, после чего три последних шага — присоединение Akt_{CAUSE}, присоединение *v* и заполнение позиции индивидного аргумента повторяются. Итогом деривации выступает событийный предикат в (3.246):

(3.246) || [$_{vP}$ trener *v* [$_{AktP}$ Akt_{CAUSE} [$_{vP}$ kerim *v* [$_{AktP}$ Akt_{CAUSE} [$_{vP}$ Marat jeger]]]]] || = λe.∃e′.∃e″. [RUN(marat)(e″) ∧ activity(e′) ∧ Causer(e′)=kerim ∧ G-CAUSE(e″)(e′) ∧ activity(e) ∧ Causer(e)=trainer ∧ I-CAUSE(e′)(e)]]

(3.246) обозначает множество событий, участником которых выступает тренер. Эти события вызывают к жизни события с участием Керима, которые, в свою очередь, инициируют процесс бега с участием Марата.

Эти два случая не составляют никаких проблем и для обсуждавшихся выше теорий. И у одинарного, и у двойного каузатива наблюдается точное соответствие между количеством каузативных морфем, каузирующих подсобытий и их участников. Теперь можно перейти к интересующему нас случаю: фальшивой каузативизации, где каузативных морфем на одну больше, чем индивидных актантов.

(3.247) trener marat-nɤ **jeger-t-ter-de**.
тренер Марат-ABL **бегать-CAUS-CAUS-PST**
*Тренер **заставил** Марата **бегать**.*

Предыдущие два варианта анализа в (3.213) и (3.216) разделяли, как мы уже видели, следующее предположение:

(3.248) Количество каузативных морфем соответствует количеству подсобытий.

Там, где мы видели несовпадение в количестве каузативных морфем и участников, (3.248) вынуждало нас предположить либо то, что двое из участников некоторым образом отождествляются, либо то, что один из них вообще не вступает в деривацию.

Будем опираться на другое рассуждение. Предположим, что верно (3.249):

(3.249) Количество участников соответствует количеству подсобытий.

Если (3.249) верно, тот факт, что морфем больше, чем участников, может иметь только одно объяснение: некоторые вхождения морфемы не соответствуют никакому подсобытию. Обрисуем сценарий того, как это происходит, исходя из сделанных выше допущений.

Согласно (3.249), у фальшивого каузатива одно каузирующее подсобытие, а не два. С этой точки зрения он устроен так же, как обычный, одинарный каузатив. Структура одинарного каузатива нам известна:

(3.250) [$_{CP}$ …. [$_{vP}$ DP_i *v* [$_{AktP}$ Akt [$_{vP}$ DP_j *v* [$_{AktP}$ Akt_{INCR} [$_{VP}$ V]]]]]]

Если фальшивый каузатив не отличается от одинарного составом подсобытийных компонентов, то чем тогда? (3.250) оставляет не так уж много возможностей. В фальшивом каузативе мы видим ту же лексическую основу, что и в одинарном, а значит, нижняя *v*P у них устроена одинаково. Верхняя *v*, которая вводит каузирующее подсобытие и его участника, устроена, согласно предположению, одинаково у любых каузативов.

Следовательно, различие заключено в верхней вершине Akt. Отношение между каузирующим и каузируемым подсобытиями у одинарных и фальшивых каузативов устроено по-разному.

Предположим, что верхняя Akt вводит не каузальное отношение, а какое-то иное. Назовем его R. Структура фальшивого каузатива в этом случае выглядит как показано в (3.251):

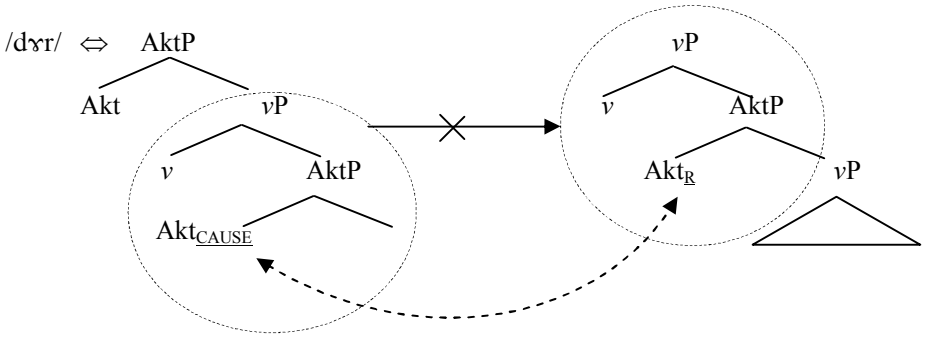
(3.251) $[_{CP}$ …. $[_{vP}$ DP_i v $[_{AktP}$ Akt_R $[_{vP}$ DP_j v $[_{AktP}$ Akt_{INCR} $[_{VP}$ V]]]]]]

Рассмотрим, как озвучивается эта структура. Ясно, что нижняя *v*P, которая во всех случаях устроена одинаково, по-прежнему реализуется лексической единицей *jeger*. Однако для внешней *v*P и AktP появление у Akt признака R имеет решающие последствия. Первое, что мы должны увидеть, — это факт, описанный в (3.252):

(3.252) Озвучивание последовательности v — Akt_R в (3.251) единственной лексической единицей *-dɤr* невозможно.

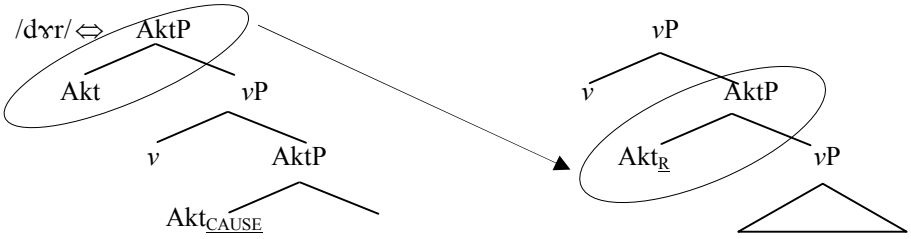
Невозможность показана на схеме в (3.253).

(3.253) Лексическое поддерево Озвучиваемое поддерево

Озвучивание поддерева, образуемого последовательностью v — Akt_R, единственным показателем *-dɤr* означает, что из своей лексической спецификации в (3.231) показатель использует *v* и Akt, расположенный под *v*. Однако это невозможно в силу того, что нижний Akt в (3.231) в лексическом дереве несет признак [CAUSE], а озвучиваемый Akt — признак [R]. Единственная возможность озвучить Akt_R — использовать верхний Akt из лексического дерева, который не специфицирован с точки зрения вторичных признаков:

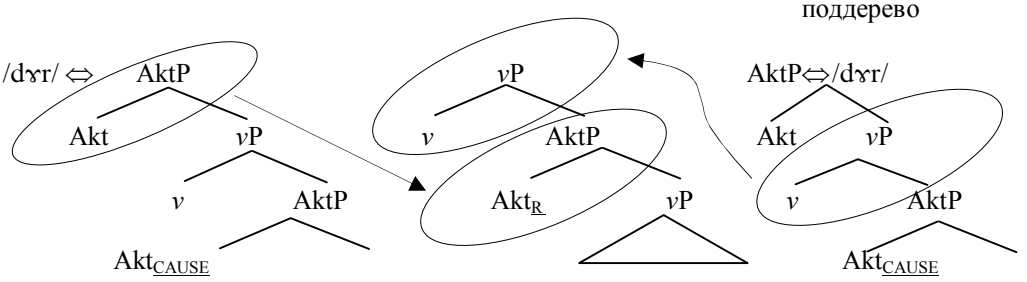
(3.254) Лексическое поддерево Озвучиваемое поддерево

Та же самая лексическая единица *-dɤr*, однако, не может озвучить верхнюю *v*: в ее лексическом дереве только одна *v*, и она расположена под признаково-нейтральным Akt, а не над ним. Это означает, что для реализации верхней *v* в озвучиваемой структуре необходима еще одна лексическая единица *-dɤr*.

Полное озвучивание этой структуры показано в (3.255):

(3.255) Лексическое поддерево Озвучиваемое поддерево Лексическое поддерево

Так при озвучивании структуры в (3.251), согласно предположению, возникают два показателя *-dɤr*: один реализует вершину, соответствующую каузирующему подсобытию, а второй — вершину, вводящую его отношение к событию из экстенсионала непроизводной *v*P. Как и у одинарного каузатива, в (3.251) перед нами одно каузирующее подсобытие и один каузатор. Наличие двух каузативных показателей — это артефакт озвучивания, который не означает, что и каузирующих подсобытий тоже два. Такое озвучивание имеет, однако, семантический коррелят — отношение R, единственное, что отличает фальшивый каузатив от обычного одинарного. Любое отношение, отличное от G-CAUSE или I-CAUSE, которые строят за признаком [CAUSE], влечет за собой озвучивание верхних Akt и *v* разными элементами *-dɤr*. Это автоматическое следствие лексического представления *-dɤr*, которое мы предположили, допущений об устройстве событийной структуры, которыми мы руководствуемся, и общеархитектурных соображений, принятых в наносинтаксисе.

Семантика событийной структуры фальшивого каузатива очевидна: она идентична семантике одинарного каузатива в (3.242) с единственной поправкой: вместо отношения общей каузации мы имеем дело с отношением R (характер которого прояснится в следующем разделе):

(3.256) $\| [_{vP}$ trener *v* $[_{AktP}$ Akt_R $[_{vP}$ Marat jeger$]]] \| = \lambda e.\exists e'[\text{RUN}(\text{marat})(e') \wedge \text{activity}(e) \wedge \text{Causer}(e) = \text{trener} \wedge R(e')(e)]]$

Подведем итог. В этом разделе мы предложили третий и последний вариант анализа фальшивого каузатива: как и одинарный каузатив, фальшивый каузатив имеет одно каузирующее подсобытие и одного каузатора. Однако отношения между двумя подсобытиями у одинарного и фальшивого каузатива различны. Именно из-за этого мы видим у последнего два каузативных показателя. Первый реализует собственно каузирующее подсобытие, а второй маркирует тот факт, что отношение между подсобытиями R отличается от обычного каузального отношения. Об отношении R мы знаем, что оно несводимо к каузальным отношениям общей или непосредственной каузации G-CAUSE или I-CAUSE. Больше никаких ограничений на его характеристики анализ не накладывает. Поэтому следующий шаг — прояснить семантический характер R.

3.3.7. Семантика фальшивого каузатива

Основное предсказание, которое делает изложенный выше анализ, состоит в том, что у фальшивого каузатива отношение между каузирующим и каузируемым событиями устроено иначе, чем у одинарного, и что это единственное, чем они различаются. Семантика фальшивого каузатива в соответствии с этим анализом повторяется в (3.257a); в (3.257b) дан ее перевод на русский язык:

(3.257) Теория особого отношения
a. || (3.199) || = λe.∃e′[RUN(marat)(e′) ∧ activity(e) ∧ Causer(e)=trener ∧ R(e′)(e)]]
b. ‘Тренер сделал нечто, что вызвало бег Марата, способом R’

Что предсказывают альтернативные теории, обсуждавшиеся в 3.3.3? Варианты анализа фальшивого каузатива для этих теорий воспроизводятся в (3.258)-(3.259):

(3.258) ‘Тренер привел (*e*) себя к ситуации, в которой он сделал так (*e′*), что Марат (по)бегал (*e″*)’.

(3.259) ‘Тренер сделал так (*e*), чтобы произошло нечто (*e′*), вызвавшее бег (*e″*) Марата’.

(3.258)-(3.259), как мы видим, дают почти идентичный результат. Обе предполагают, что деятельность тренера связана с бегом Марата каузальной цепочкой, состоящей из трех подсобытий (*e*, *e′*, *e″*). Единственное различие: (3.258) указывает, что ИГ-подлежащее ‘тренер’ выступает каузатором и в *e*, и в *e′*, тогда как (3.259) умалчивает о том, кто выступает актантом в *e′*. Из этого выводятся разнообразные семантические предсказания.

Во-первых, (3.259) должно быть совместимо, например, с таким сценарием:

(3.260) Тренер звонит отцу Марата (*e*) с просьбой уговорить Марата защитить честь родной команды, отец внушает Марату, что тот должен участвовать в соревнованиях (*e′*), Марат бежит на соревнованиях (*e″*)

В (3.260) каузатор не является участником *e′* и не вступает в контакт с каузируемым, а *e* и *e″* могут быть как угодно далеко отстоять друг от друга во времени и пространстве.

Сценарий в (3.260), однако, делает фальшивый каузатив невозможным. Согласно суждениям носителей языка, в этом случае при выборе между одинарным каузативом *jegertä* и фальшивым каузативом *jegertterä* следует предпочесть первый. Форма *jegertterä* допускается в качестве двойного каузатива с невыраженным каузируемым, но не в качестве фальшивого каузатива. Теория в (3.259) делает, таким образом, неверное предсказание:

(3.261) Сценарий в (3.260):
a. trener marat-nʏ **jeger-t-te**.
тренер Марат-ACC **бегать-CAUS-PST**
*Тренер **заставил** Марата **бежать**.*

b. trener marat-nʏ **jeger-t-ter-de**.
тренер Марат-ACC **бегать-CAUS-CAUS-PST**
*1. *Тренер **заставил** Марата **бежать**.*
*2. Тренер кого-то **заставил, чтобы** тот **заставил** Марата **бежать**.*

(3.258) предсказывает неприемлемость (3.261b) при наличии сценария в (3.260): согласно (3.258), участником *e′* должен быть тренер, а не отец или кто-либо еще. Однако семантика (3.258) также не может быть верна, поскольку она делает плохие предсказания в другом месте. Тренер задействован в (3.258) двух ипостасях — как каузатор и самого внешнего (*e*), и промежуточного (*e′*) каузирующих событий. Иными словами, тренер заставляет самого себя склонить Марата к бегу. Соответственно, приняв эту теорию, мы должны ожидать появления разнообразных импликатур, связанных с каузацией самого себя к совершению определенных действий. Две самые очевидные показаны в (3.262):

(3.262) a. каузировать себя осуществить α → осуществить α, преодолевая собственное сопротивление:
‘Тренер с неохотой / против собственной воли велел Марату бежать’
b. каузировать себя осуществить α → осуществить α без посторонней помощи:
‘Тренер сам, без посторонней помощи, заставил Марата бежать’

Ничего похожего на эти импликатуры, однако, у фальшивого каузатива не возникает ни в каком контексте, и на этом основании теорию (3.258) также можно отклонить.

Что дает нам теория особого отношения в (3.257)? До тех пор, пока мы не прояснили характер отношения R, не слишком много. Мы знаем лишь, что это отношение отлично от отношений общей и опосредованной каузации, поскольку именно это отличие, согласно гипотезе в (3.252), и обеспечивает реализацию вершины Akt специализированным морфологическим материалом. Кроме того, мы знаем, что теория особого отношения оперирует цепочкой из двух подсобытий и этим также отличается от конкурентов, которые предполагают три.

В следующем разделе мы обсудим семантические свойства R и определим его как инкрементальное отношение на событиях.

3.3.8. Отношения между подсобытиями

Характер отношения начинает прорисовываться, как только мы принимаем к рассмотрению примеры типа (3.263) и (3.264):

(3.263) Неприемлемый сценарий для фальшивого каузатива
Тренер велел Марату заниматься на беговой дорожке, а сам ушел по делам.

(3.264) Приемлемые сценарии для фальшивого каузатива
a. Сценарий 1. Тренер велел Марату бежать и сам бежал вместе с ним, давая указания в процессе бега.
b. Сценарий 2. Пока Марат бежал, тренер устранял с его пути всевозможные препятствия.
c. Сценарий 3. Тренер велел Марату бежать и наблюдал за процессом бега.

В репертуаре отношений, на который опирается развиваемая нами система, отношение, соответствующее сценариям в (3.264), имеется: это INCR, инкрементальное отношение, которое требует, чтобы части деятельности и прирастающие части изменения состояния находились в одно-однозначном соответствии.

Таким образом, ключевая гипотеза этого исследования формулируется в (3.265) и, более неформально, в (3.266):

(3.265) R = INCR

(3.266) Фальшивый каузатив возникает при появлении инкрементального отношения между каузируемым и каузирующим событиями.

Если гипотеза в (3.265)-(3.266) верна, семантика фальшивого каузатива, которую мы хотим получить, начинает выглядеть как (3.267):

(3.267) Теория особого отношения
|| (3.199) || = λe.∃e′. [RUN(marat)(e′) ∧ activity(e) ∧ Causer(e) = trener ∧ INCR(e′)(e)(C(e′))]]

Первый аргумент, подкрепляющий (3.266), дает нам дистрибуция фальшивого каузатива по контекстам в (3.263)-(3.264). Во всех трех случаях в (3.264) деятельность каузатора развертывается во времени параллельно каузируемому процессу, который описывается исходной глагольной группой. Поскольку, как отмечалось выше, дескриптивные свойства этой деятельности каузативный показатель не фиксирует, она может принимать самый разный характер. В (3.264a) это совместный с каузируемым бег, сопровождающийся раздачей указаний, в (3.264b) — устранение препятствий. Как видно из (3.264c), деятельность каузатора может сводиться даже к минимальному контролю за процессом бега. Во всех этих случаях происходящее с каузируемым каузально зависит от того, что делает каузатор.

Как только мы удаляем из контекста временную сопряженность двух процессов, фальшивый каузатив делается невозможным. Это основной семантический аргумент в пользу того, чтобы анализировать отношение между каузирующей деятельностью и каузируемым процессом как инкрементальное.

Аналогичные примеры можно без труда получить и от других глаголов, в том числе неаккузативных. Пример последней возможности — (3.268):

(3.268) Контекст: А видит на плите кастрюлю на небольшом огне, в кастрюле плавится кусок масла. А спрашивает В: Что это тут такое? В отвечает:

a. alsu maj **er-e-t-ä**.
Алсу масло **таять-ST-CAUS-ST.IPFV**
*Алсу **растапливает** масло* {ПК: она на минуту отлучилась и сейчас вернется}. {a=b}

b. ??alsu maj **er-e-t-ter-ä**.
Алсу масло **таять-ST-CAUS-CAUS-ST.IPFV**

Каузатив от неаккузативного глагола *eri* ‘таять’ предполагает непосредственную каузацию, I-CAUSE, в отличие от *jegerä* ‘бежать’. Многие глаголы, опирающиеся на отношение непосредственной каузации, однако, достаточно легко допускают сценарии с отсутствующим агенсом, как в (3.268). В (3.268) агенсу достаточно придать процессу таяния начальный каузальный импульс, а далее, возможно, периодически контролировать происходящее. Активной целенаправленной деятельности в этом случае не требуется: процесс поддерживается с помощью неагентивных инструментов и артефактов. Этого достаточно, чтобы происходящее можно было описывать как ‘Алсу раста-

пливает масло’ даже при том, что в течение фокусного интервала Алсу не является участником происходящего. Это делает возможным одинарный каузатив в (3.268a).

Фальшивый каузатив в (3.268b), однако, невозможен. Эта невозможность получает принципиальное объяснение, если мы принимаем (3.267). Согласно (3.267), (3.268b) содержит в себе инкрементальное отношение между деятельностью и процессом, а значит, никакая часть процесса не может осуществиться без непосредственного участия агенса. В сценариях с отсутствующим агенсом это условие не выполняется.

Следующая группа фактов, подкрепляющих анализ фальшивого каузатива в терминах инкрементального отношения, связана с типичными для него импликатурами. В литературе эти импликатуры часто описываются в терминах «интенсивной каузации», при которой каузируемое событие «возникает в результате специальных усилий». (Kulikov 1999). Л.И. Куликов, в частности, приводит следующий пример из турецкого языка (заимствованный из Zimmer 1976: 411; орфография сохранена):

(3.269) müdür-e mektub-u ač-tïr-t-tï-m.
директор-DAT письмо-ACC открыть-CAUS-CAUS-PST-1SG
Я заставил директора распечатать письмо (силой, возможно, против его желания).

Такие же импликатуры отмечены и в мишарском диалекте, как видно из (3.270):

(3.270) marat kerim-ne **aš-a-t-tɤ.**
Марат Керим-ACC **есть-ST-CAUS-PST**
*Марат **накормил** Керима.*

(3.271) marat kerim-ne **aš-a-t-tɤr-dɤ.**
Марат Керим-ACC **есть-ST-CAUS-CAUS-PST**
*Марат **накормил** Керима.* → *Марат **накормил** Керима **насильно*** {т.е. Керим не хотел есть самостоятельно}.

В нулевом контексте, как показывают эти примеры, ситуация, описываемая фальшивым каузативом, некоторым образом выделяется по сравнению с тем, о чем идет речь в предложении с одинарным каузативом. Распространенная реакция носителей на предложения типа (3.271) состоит в предположении, что каузатору понадобилось приложить много усилий к тому, чтобы накормить каузируемого, или что каузируемый сопротивлялся кормлению. (Этот элемент интерпретации можно эксплицитно отрицать, не вызывая логического противоречия, что указывает на его статус импликатуры, а не компонента ассерции.)

Как представляется, ровно такие импликатуры и можно ожидать, если фальшивый каузатив вводит в событийную структуру инкрементальное отношение. Делая выбор в пользу (3.271), а не (3.270), говорящий эксплицитно указывает, что любая часть процесса, в котором участвует каузируемый, имеет место благодаря некоторому действию каузатора. Следуя грайсовым максимам (в частности, максимам количества и релевантности), слушающий заключает, что без постоянной каузальной подпитки со стороны каузатора каузируемый не принял бы участие в ситуации. Если бы это было не так, у говорящего бы не было причин использовать фальшивый каузатив и сообщать об инкрементальном отношении между двумя ситуациями. Отсюда импликатуры, которые мы видим в (3.271).

Если признать это рассуждение правдоподобным, то верным, по-видимому, окажется и более общее утверждение. Привкус интенсивной каузации — систематический побочный эффект инкрементальной каузации: ‘выбор фальшивого каузатива, а не одинарного каузатива’ → ‘указание на то, что обеспечение участия каузируемого в ситуации требует постоянных усилий’ → ‘усилия выходят за пределы обычного’. Неслучайно, по-видимому, импликатура вида ‘заставить силой’ никогда не возникает в случае с неагентивными каузаторами, как в (3.268). Хотя вклад каузатора в осуществление процесса таяния инкрементален, масло не может сопротивляться нагреванию. Причиной выбора фальшивого каузатива не может быть то соображение, что каузатор реализует свою волю насильно.

Завершая этот раздел, укажем, как этот анализ справляется с объяснением обобщения в (3.200), иллюстрируемого в (3.201). (3.200) и (3.201) повторяются как (3.272)-(3.273)[28]:

(3.272) Фальшивая каузативизация не может быть первичной,
где первичная каузативизация — это каузативизация непроизводного глагола

(3.273) *marat **jeger-t-te**.
Марат **бегать-CAUS-PST**
*Марат **побегал**.*

Чтобы увидеть, почему (3.273) невозможно, важно понять, что в этом случае фальшивая каузативизация привела бы к деинкрементализации предиката, то есть к замене [incr] на [cause]. Рассмотрим это подробнее.

Как устроена конфигурация с фальшивым каузативом в случае с (3.273)? Это такая конфигурация, где каузативная морфема не вводит нового подсобытия. Следовательно, в случае с (3.273) структура после каузативизации — одинарная *v*P. В противном случае каузативизация не была бы фальшивой.

(3.274) $[_{vP}\ DP_i\ v\ [_{AktP}\ Akt\ [_{VP}\ V\ ]]]$

Конфигурация в (3.274) озвучивается лексической основой /jeger/ в (3.233) всегда, когда Akt несет признак [incr]. Каузативная морфема не может вмешаться в озвучивание этой конфигурации, поскольку лексическая основа — это всегда лучший выбор в соответствии с принципом «побеждает крупнейший».

Чтобы *v* и Akt были озвучены не лексической основой, а каузативной морфемой, спецификация Akt должна измениться. В нашей системе альтернативой признаку [incr] выступает только признак [cause]. Соответственно, если перед нами структура в (3.275), группа VP будет озвучена лексической основой, а все остальное — каузативной морфемой, как и требуется для (3.273):

(3.275) $[_{CP}\ \ldots\ [_{vP}\ DP_j\ v\ [_{AktP}\ Akt_{CAUSE}\ \ [_{VP}\ V\ ]]]]$
-t jeger

В (3.275), однако, представлен семантически невозможный глагол, обозначающий предикат в (3.276):

(3.276) $\| [_{vP}$ Marat jeger $] \| = \lambda e.\exists e'[run_I(e) \wedge Agent(e)=marat \wedge run_P(e') \wedge Theme(e')=marat \wedge CAUSE(e')(e)]$

[28] О проблемах, с которыми сталкиваются в этом месте два других анализа, см. Татевосов 2018.

(3.276) — это множество событий, в которых Марат выступает инициирующим агенсом. Эти события приводят к возникновению процесса бега, в котором также задействован Марат. Отношение непосредственной каузации не предполагает не только однооднозначного соответствия между частями двух ситуаций, но даже и их одновременности. Глагол в (3.276), соответственно, должен допускать интерпретацию, где вся инициирующая и контролирующая деятельность Марата предшествует процессу его собственного перемещения в пространстве с помощью ног. Такого лексического значения не может иметь ни один агентивный непереходный глагол. Ровно это и предсказывается изложенной выше теорией, причем без каких-либо дополнительных допущений.

3.4. Событийная структура некоторых отыменных глаголов[29]

Цель этого раздела — изложить несколько наблюдений о характеристиках отыменных глаголов на *-la*, где *-l* — вербализатор, а *-a* — показатель глагольной основы.

Следует отметить, что вербализатор *-l*, в отличие от прочих глагольных деривационных суффиксов (пассива на *-l*, рефлексива на *-n*, каузатива на *-t* и др.), создает не консонатные глагольные основы, а основы на гласный *-a* (о различии консонатных и вокалических основ см. 1.2.1.3). В дальнейшем в этом разделе мы будем в порядке упрощения говорить о глаголах на *-la*, образованных морфемой-вербализатором *-la*.

3.4.1. Глаголы на *-la*

В деривации глаголов из неглагольного материала задействованы три ключевых понятия:

- производящая основа
- деривационная морфема
- производный глагол.

Рассмотрим (3.277):

(3.277) äni jɤmšak-nɤ **maj-l-a-dɤ.**
мать плюшка-ACC **масло-VRB-ST-PST**.
*Мама **смазала** плюшки **маслом**.*

В (3.277) представлен производный переходный глагол *majlɤj* ‘смазывать маслом, маслить’. Производящая основа для этого глагола — существительное *maj* ‘масло’. Превращение существительного в глагол обеспечивается деривационной морфемой *-l*.

Описание морфосинтаксической операции, которая представлена в (3.277), в конечном итоге должно отвечать на вопрос, каковы свойства возможного отыменного глагола в исследуемом языке.

Поскольку производный глагол складывается из двух компонентов — основы и деривационной морфемы, — общий вопрос разбивается на два более частных. Во-первых,

[29] Этот раздел опирается на полевые материалы М.И. Кудринского и Л.М. Кирпо 2011 года, а также на материалы Л.М. Кирпо 2012 года. Мы глубоко признательны А.М. Галиевой за содержательное обсуждение примеров и обобщений, изложенных ниже.

как предсказать актантную структуру и тип интерпретации производного глагола исходя из характеристик непроизводного имени? Во-вторых, каковы ограничения, которые накладывает на деривацию глагола морфема *-la*?

Любой глагол, в том числе и производный, можно охарактеризовать в событийно-структурных терминах, что предполагает по меньшей мере описание его актантной структуры и акциональных свойств. Глагол *majlɤj* ‘смазывать маслом, маслить’, в частности, переходен и пределен.

Морфема *-la* способна создавать не только переходные предельные глаголы, но и непереходные:

(3.278) marat **bet-l-ä-de**.
Марат **вошь-VRB-ST-PST**
*Марат **завшивел**.*

В (3.278) показан глагол *betli* ‘вшиветь’. В его деривации задействовано существительное *bet* ‘вошь’ и та же морфема *-la*, что и в (3.277). Тем не менее глагол непереходен: он описывает изменение состояния единственного актанта, но не каузацию этого изменения, причем независимо от типа каузатора:

(3.279) a. *marat alsu-nɤ **bet-l-ä-de**.
Марат Алсу-ACC **вошь-VRB-ST-PST**
*Марат **заразил** Алсу **вшами**.*

b. *ker alsu-nɤ **bet-l-ä-de**.
грязь marat-ACC **вошь-VRB-ST-PST**
*Из-за грязи Алсу **завшивела**.* [= Грязь завшивела Алсу.]

Как видно из (3.278), будучи непереходным, глагол *betli* ‘вшиветь’ пределен, как и *majlɤj* ‘смазывать маслом, маслить’: Претерит описывает достижение результирующего состояния ‘быть вшивым’.

С помощью морфемы *-la* можно получить и непереходные непредельные глаголы. Пример такого глагола — *ečkečeli* ‘пьянствовать’ от *ečkeče* ‘пьяница’, который показан в (3.280):

(3.280) marat **ečkeče-l-ä-de**.
Марат **пьяница-VRB-ST-PST**
*1. Марат **пьянствовал**.*
*2. ??Марат **стал пьяницей**.*

Глаголы типа *ečkečeli* ‘пьянствовать’ иногда называют глаголами деятельности или глаголами поведения. Они описывают длительные процессы, участие в которых характеризует индивида как представителя множества объектов, обозначенного исходной основой (т.е. в данном случае как пьяницу). Как видно из (3.280), предельная интерпретация, обозначающая вхождение в этот процесс, систематически отвергается, что определяет членство глагола в непредельном акциональном классе.

Таким образом, полное описание характеристик морфемы *-la* должно отвечать на вопрос, каков диапазон возможных событийных структур, которые можно деривировать с ее помощью.

С другой стороны, следует прояснить роль в деривации непроизводной основы. Учитывая, что в (3.277)-(3.280) задействован один и тот же морфологический способ образования отыменных глаголов, а переменной выступает именно исходное существительное, можно надеяться, что различия между (3.277)-(3.280) сводимы, хотя бы частично, к характеристикам существительных ‘масло’, ‘вошь’ и ‘пьяница’.

Помимо лексических свойств исходной основы, в отыменной деривации есть и другой связанный с ней параметр варьирования — синтаксический класс. (3.277)-(3.280) — примеры глаголов, образованных от существительных. Возможны глаголы и от прилагательных, два из которых показаны в (3.281a-b):

(3.281) a. marat alsu-nɤ **tuk-l-a-dɤ**.
Марат Алсу-ACC **сытый-VRB-ST-PST**
*Марат **накормил** Алсу **досыта**.*

b. marat kap-nɤ **jäšel-l-ä-de**.
Марат коробка-ACC **зеленый-VRB-ST-PST**
*Марат **покрасил** коробку **в зеленый цвет**.*

С интуитивной точки зрения глаголы *tuklɤj* ‘насыщать, кормить досыта’ и *jäšelli* ‘делать зеленым’ в (3.28a-b) отличаются от переходного глагола *majlɤj* ‘смазывать маслом, маслить’ в (3.277), производного от существительного. Первые описывают каузацию приобретения свойства, описываемого прилагательным (например, ‘быть зеленым’ в (3.281a) или ‘быть сытым’ в (3.281b)). Вторые вводят в рассмотрение каузацию некоторого отношения между прямым дополнением и объектом из экстенсионала исходной основы. В (3.277) это отношение ‘быть на поверхности’, которое устанавливается между маслом и плюшками.

Тем самым возникает вопрос, имеются ли систематические различия между отыменными дериватами, которые связаны с синтаксическим классом непроизводного глагола.

Следующая группа проблем имеет отношение к деривационному потенциалу производного глагола, в частности, к его способности принимать участие в деривационных процессах, создающих из глагола другой глагол. В предыдущих разделах этой главы обсуждаются четыре деривации такого типа — пассив, ассистив / реципрок, депациентив, каузатив. В связи с отыменными глаголами нас в первую очередь интересует пассив в его декаузативной разновидности. Если (3.281b) — переходный глагол с каузативной семантикой, то (3.282) — образованный от него дериват с декаузативной интерпретацией, когда предикация описывает изменение состояние внутреннего аргумента, а информация о каузирующем событии и каузаторе исключается из содержания сообщения.

(3.282) ʒir **jäšel-l-ä-n-de**.[30]
земля **зеленый-VRB-ST-PASS-PST**
*Земля **позеленела*** {т.е. покрылась зеленью}.

В литературе широко обсуждаются ограничения, связанные с образованием каузативно-декаузативных пар при отыменной деривации. Мишарский диалект, как и литера-

[30] В (3.282) пассивная морфема *-l* реализована алломорфом *-n*, который обязателен в том случае, если конечный согласный сегмент исходной основы — это *-l*, см. 1.1 и 4.1.

турный татарский, — один из тех языков, когда далеко не любые переходные дериваты допускают построение соответствующего декаузатива. Такая возможность, например, недоступна для глагола *tešli* ‘кусать’, образованного от *teš* ‘зуб’.

(3.283) et marat-nɤ **teš-l-ä-de**.
собака Марат-ACC **зуб-VRB-ST-PST**
*Собака **укусила** Марата.*

(3.284) marat **teš-l-ä-n-de**.
Марат **зуб-VRB-ST-PASS-PST**
*1. *Марат **укусился**.*
*2. Марат **был укушен**.*

В (3.284) переходной клаузе (3.283) может соответствовать пассивная клауза, но не декаузативная. Имея в виду данные типа (3.281)-(3.284), мы должны ответить на вопрос, чем определяется доступность декаузативной деривации[31].

[31] Отыменная деривация мишарского диалекта имеет еще одну примечательную особенность. Значительная часть отыменных глаголов, которые способны к построению каузативно-декаузативных пар, устроена так же, как *jäšelli* ‘делать зеленым, зеленить’ и *jäšellänä* ‘становиться зеленым, зеленеть’. Показатель *-la* у таких глаголов создает переходную конфигурацию; декаузативная клауза образуется дополнительным присоединением пассивного показателя.

Есть, однако, и другая часть. Декаузативный дериват у них устроен так же, как у глаголов первой группы: он содержит комбинацию показателей *-la* и *-l*.

(i) marat **jalkaw-l-a-n-dɤ**.
Марат **ленивый-VRB-ST-PASS-PST**
*Марат **стал ленивым.***

Для образования переходной клаузы от таких глаголов, однако, одиночный показатель *-la* непригоден, а соответствующее предложение (iia) неграмматично. Вместо этого используется каузативный показатель *-dɤr*, подробно обсуждавшийся в предыдущем разделе, который присоединяется к глаголу на *-lan*, как показано в (iib).

(ii) a. ?? ukɤtučɤ marat-nɤ **jalkaw-l-a-dɤ**.
учитель Марат-ACC **ленивый-VRB-ST-PST**
*Учитель **сделал** Марата **ленивым**.*

b. ukɤtučɤ marat-nɤ **jalkaw-l-a-n-dɤr-dɤ**.
учитель Марат-ACC **ленивый-VRB-ST-PASS-CAUS-PST**
*Учитель **сделал** Марата **ленивым**.*

Другие глаголы этой группы показаны в (iii):

(iii)	*jaxšɤlana* ‘улучшаться, становиться хорошим (о человеке)’	*jaxšɤlandɤra* ‘улучшать, воспитывать хорошим’	*jaxšɤ* ‘хороший’
	čüllänä ‘опустыниваться’	*čülländerä* ‘превращать в пустыню’	*čül* ‘пустыня’
	sazlana ‘заболачиваться’	*sazlandɤra* ‘заболачивать’	*saz* ‘болото
	mumijälänä ‘мумифицироваться’	*mumijäländerä* ‘мумифицировать’	*mumijä* ‘мумия’

Таким образом, у части глаголов, обладающих и каузативным, и декаузативным вариантами, первый морфологически проще и служит деривационным источником второго, тогда как у другой части деривационные отношения устроены противоположным образом. Анализ этого явления предлагается в Lyutikova, Tatevosov 2013, Tatevosov 2013, и мы не повторяем его здесь.

С.Г. Татевосов и Н.Ш. Халиуллина. Село Большое Рыбушкино, 2012 год.

В следующем разделе мы обсудим основные классы отыменных глаголов, образованные от существительных и прилагательных с помощью показателя *-la,* и наметим обобщения, увязывающие характеристики исходной основы и свойства производного глагола.

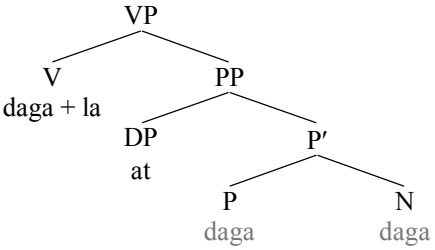
3.4.2. Дериваты на *-la* от существительных

Дериваты на *-la* от существительных — это по преимуществу переходные и неэргативные глаголы. Типичный пример, помимо обсуждавшихся выше, — *dagalɤj* ‘подковывать’, образованный от *daga* ‘подкова’. Этот глагол иллюстрируется в (3.285):

(3.285) marat at-nɤ **daga-l-ɤj**.
Марат лошадь-ACC **подкова-VRB-ST.IPFV**
*Марат **подковывает** лошадь.*

В литературе по аргументной структуре глаголы этого типа исследованы очень подробно (Kiparsky 1997, Harley 2005, McIntyre 2015 среди многих других). Здесь и далее в качестве исходного пункта для дальнейших рассуждений мы будем опираться на теорию К. Хейла и Дж. Кейсера (Hale, Keyser 2002; см. также Hale, Keyser 1993 и другие работы этих авторов), которые описывают их как результат операции фонологического слияния (conflation). Этой операции подвергается синтаксическая структура, представленная в (3.286)[32]:

(3.286)

С опорой на теорию К. Хейла и Дж. Кейсера (и в некоторых случаях модифицируя ее), опишем общую идею того, как из (3.286) получается глагол ‘подковывать’.

Основным компонентом структуры выступает предложная группа, в которой позицию комплемента заполняет производящая основа, а спецификатора — именная группа, которая становится прямым дополнением производного глагола. Предложная группа интерпретируется как дескрипция отношения, которое устанавливается между этими сущностями с помощью фонологически пустого предлога. В случае ‘подковывать’ пустой предлог имеет интерпретацию, похожую на значение предлога ‘с’, а группа в целом понимается примерно как ‘лошадь с подковой’.

Предложная группа становится комплементом глагольной вершины, которая вносит в интерпретацию свой компонент — событие, в котором описываемое предложной группой отношение начинает иметь место. Морфема *-la* представляет собой фонологическую реализацию этой вершины.

Далее в деривацию вступает вершина *v*, которая добавляет к структуре каузирующее подсобытие и его участника, присоединяемого в позиции Spec, *v*P. (Эта стадия не показана в (3.286); мы вернемся к ее обсуждению в разделе 3.4.6.) Результирующая *v*P представляет собой дескрипцию событий, в которых каузатор делает так, чтобы отношение ‘лошадь с подковой’ начало иметь место. Именно такую интерпретацию и имеет глагол ‘подковывать’.

Как видно из (3.286), исходная позиция производящего существительного — это позиция комплемента фонологически пустого предлога (в языках с левым ветвлением — соответственно, послелога). Тот факт, что предлог не имеет плана выражения, а глагол имеет неполный план выражения, содержащий лишь аффикс, приводит в действие операцию фонологического слияния (conflation), которая делает структуру фонологически корректной. В результате операции фонологическая цепочка /daga/, предствленная

[32] Здесь и далее мы показываем деревья с правым ветвлением, где комплемент линейно следует за вершиной. Тюркские языки традиционно анализируются как языки с левым ветвлением. Структуры типа (3.286) тем самым следует рассматривать как упрощение, не влияющее на содержание обсуждения.

у существительного (на языке теории К. Хейла и Дж. Кейсера она называется его фонологической подписью, p-signature), сначала копируется на предложной, а затем и на глагольной вершине. Там она соединяется с уже имеющимся у глагола компонентом /la/. В результате фонологическая подпись содержится в структуре в трех позициях — в исходной, N, промежуточной, P, и конечной, V. Озвучивается (т.е. получает фонетическую реализацию), однако, лишь самая верхняя копия цепочки /daga/ — та, которая находится на вершине V. Неозвучиваемые копии показаны в (3.286) более бледным шрифтом. Так образуются глаголы типа ‘подковывать’.

Распространенная альтернатива операции фонологического слияния, которая обсуждается в литературе по отыменной деривации, — стандартное передвижение вершины, принятое, в частности, в ранних вариантах теории К. Хейла и Дж. Кейсера. Различия между этими подходами несущественны для анализа мишарского материала; в порядке теоретического единообразия ниже мы будем описывать глаголы на *-la* в терминах слияния, а не в терминах передвижения.

Одна из главенствующих эмпирических целей теории К. Хейла и Дж. Кейсера — объяснить, что ограничивает возможные типы аргументных структур и интерпретаций отыменных глаголов. Ясно, что если исходный пункт деривации — существительное ‘подкова’, глагол, образованный от этого существительного, может обозначать отнюдь не любую ситуацию, в которой задействованы подковы. Глаголы типа ‘подковывать’ не могут значить, например, ‘изготовить подкову’, ‘сломать подкову’, ‘создать запас подков’ и так далее — ни в татарском, ни в русском, ни, насколько можно судить, ни в каком другом языке.

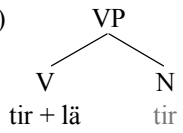
В теории К. Хейла и Дж. Кейсера это следует из того, что (3.286) — одна из весьма ограниченного репертуара синтаксических конфигураций, компонентом которых могут выступать существительные. Дезидератум теории — сделать так, чтобы наблюдаемые ограничения следовали из самой природы лексических категорий и самых общих принципов, определяющих деривацию языковой структуры.

В общих чертах (здесь мы несколько упрощаем идеи авторов) эти принципы таковы. Операция слияния может копировать фонологическое содержание только комплемента вершины (Hale, Keyser 2002: 47 *et seq.*). Существительное естественным образом выступает комплементом предлогов и глаголов, но не существительных и прилагательных. Из этого следует, что если исходной точкой деривации выступает существительное, перед нами выбор ровно из двух возможностей.

(3.286) представляет первую: исходная основа присоединяется как комплемент предлога.

Второй случай показан в (3.287) и проиллюстрирован в (3.288):

(3.287)

(3.288) marat **tir-l-i**.
Марат **пот-VRB-ST.IPFV**
Марат ***потеет***.

В (3.287) исходная основа присоединяется как комплемент глагольной вершины, которая интерпретируется как глагол созидания или эмиссии, в первом приближении как ‘делать, создавать, выделять, испускать’. Фонологическая подпись N копируется посредством операции фонологического слияния на V, образуя цепочку /tir + lä/. Эта цепочка получает фонетическую реализацию. После внедрения в структуру внешнего аргумента создается конфигурация, которая интерпретируется как ‘X участвует в ситуации, в которой создается / выделяется пот’, т.е. ‘X потеет’.

Актантная структура отыменной конструкции полностью определяется конфигурациями вида (3.286) и (3.287). (3.287) — непереходная структура. N в общем случае не имеет валентностей и не проецирует собственных аргументов. Не проецирует собственных аргументов, согласно К. Хейлу и Дж. Кейсеру, и вершина V. Соответственно, единственный аргумент, который может возникнуть в структуре в (3.287), — это внешний аргумент предикации, который привносится вершиной *v* на следующем этапе деривации.

Предлог, напротив, — это реляционная единица. Его содержание состоит в том, чтобы соотнести две сущности, чаще всего через их пространственное взаиморасположение. Предлог тем самым нуждается в двух именах, одно из которых размещается в его комплементе, а другое — в спецификаторе. По завершении деривации первое обеспечивает глагол фонологической подписью, а второе становится прямым дополнением.

Согласно К. Хейлу и Дж. Кейсеру, существительное может участвовать в создании глагольной структуры одним из этих двух способов и никак иначе. И действительно, эти две возможности составляют, по-видимому, значительную пропорцию отыменных глаголов на *-la* в татарском языке.

Переходные глаголы, аналогичные *dagalɤj* ‘подковывать’ в (3.285), исключительно продуктивны. В (3.289) иллюстрируется несколько типичных возможностей.

(3.289)

dägva ‘претензия, иск’	*dägvalɤj* ‘предъявлять иск, подавать заявление, претендовать, оспаривать, притязать’
däva ‘лекарство’	*dävalɤj* ‘давать лекарство, лечить’
ǯäfa ‘мучение, страдание’	*ǯäfalɤj* ‘мучить, причинять страдания’
ǯir ‘земля’	*ǯirli* ‘хоронить’
ijär ‘седло’	*ijärli* ‘седлать’
jara ‘рана’	*jaralɤj* ‘ранить’
jul ‘дорога, путь’	*jullɤj* ‘направлять, указывать путь’
kap ‘пакет, рогожа, чехол’	*kaplɤj* ‘покрывать, накрывать’
maj ‘масло’	*majlɤj* ‘маслить’
naz ‘ласка’	*nazlɤj* ‘ласкать, нежить’
nigez ‘фундамент, основание’	*nigezli* ‘основывать, обосновывать’
par ‘пар’	*parlɤj* ‘парить’
timer ‘железо’	*timerli* ‘покрывать железом, оковывать железом’
xäter ‘память’	*xäterli* ‘вспоминать’
xermät ‘уважение’	*xermätli* ‘уважать, оказывать уважение, почитать’
xisap ‘число, счет’	*xisaplɤj* ‘считать’
ɤn ‘мука’	*ɤnlɤj* ‘посыпать мукой, обваливать в муке’

Семантику и актантную структуру глаголов в (3.289) можно без труда свести к формату, задаваемому в (3.286). Все они описывают каузацию отношения, в которое вступает сущность, обозначаемая прямым дополнением, и сущность, описываемая исходной основой. Меняется лишь характер этого отношения. Для *ǯirli* ‘хоронить’, например, это отношение ‘внутри в сплошном пространстве’ (‘хоронить X-а’ = ‘делать так, чтобы X находился в земле’), для *ijärli* ‘седлать X-а’ — ‘под’ (‘седлать X-а’ = ‘делать так, чтобы X находился под седлом’), для *timerli* ‘покрывать железом, оковывать железом’ — ‘внутри в пустом пространстве’ или, возможно, ‘под поверхностью’ (‘покрывать железом X’ = ‘делать так, чтобы на поверхности X-а находилось железо’), для *nigezli* ‘основывать, обосновывать’ — ‘на’ (‘обосновывать X’ — ‘делать так, чтобы X размещался на основании’) и так далее. Значительная часть глаголов в (3.289), как и глагол *dagalɤj* ‘подковывать’ в (3.285), описывает обобщенное отношение обладания / принадлежности, которое в русском языке обозначает предлог *с*. Это, например, *ǯäfalɤj* ‘мучить, причинять страдания’, *xermätli* ‘уважать, оказывать уважение, почитать’ или *jaralɤj* ‘ранить’. Во всех этих случаях актант, обозначенный прямым дополнением, приобретает то, что описывается производящей основой: соответственно, страдания, уважение или рану.

Продуктивность этого словообразовательного процесса подтверждается и тем, что носители с легкостью образуют от огромного числа существительных окказиональные дериваты, которые отсутствуют в словарях татарского языка. Несколько примеров показано в (3.290):

(3.290) *namus* ‘честь, совесть’ — *namuslɤj* ‘склонять к честности, совестить’
peläš ‘плешь, лысина’ — *peläšli* ‘брить наголо’
xɤzur ‘веселье, наслаждение’ — *xɤzurlɤj* ‘веселить’.
enǯe ‘жемчуг’ — *enǯeli* ‘покрывать жемчугом’
bilbau ‘пояс’ — *bilbaulɤj* ‘завязывать пояс, опоясывать’
sälam ‘приветствие’ — *sälamli* ‘приветствовать’
munča ‘баня’ — *munčalɤj* ‘парить в бане’
su ‘вода’ — *sulɤj* ‘увлажнять, смачивать’
jurgan ‘одеяло’ — *jurganlɤj* ‘покрывать одеялом’
eremä ‘раствор’ — *eremäli* ‘растворять’

Немалую часть таких окказиональных глаголов составляют образования с заимствованными существительными, иллюстрируемыми в (3.291).

(3.291) *eskäter* ‘скатерть’ — *eskäterli* ‘застилать скатертью’
mɤšjak ‘мышьяк’ — *mɤšjaklɤj* ‘травить мышьяком’
bomba ‘бомба’ — *bombalɤj* ‘бомбить’
kičup ‘кетчуп’ — *kičuplɤj* ‘приправлять / мазать кетчупом’

Таким образом, структура в (3.286) покрывает очень значительную часть из перечисленных в ТГ 1995: 416-418 26 семантических типов глаголов на *-la*, образованных от существительных. Это, в частности, ‘подвергать кого-либо воздействию вещества, обозначенного производящей основой’ (*bɤrɤčlɤj* ‘перчить’), ‘покрыть, заделать, обшить или огородить тем материалом, который обозначен производящей основой’ (*mükli* ‘конопатить’),

‘придавать чему-либо форму предмета, обозначенного производящей основой’ (*kirpečli* ‘дать форму кирпича’), ‘приводить в состояние, обозначенное производящей основой’ (*wäswäsäli* ‘ввергать в искушение’) и целый ряд других.

Другая возможность, показанная в (3.287), создает неэргативные глаголы. Они имеют только внешний аргумент, а дескрипция события имеет формат ‘X участвует в процессе, в результате которого возникает или выделяется то, что описывается производящей основой’. Типичным примером дериватов этого типа выступают глаголы, описывающие появление на свет детей и детенышей животных:

(3.292) *bäbi* ‘младенец’ *bäbili* ‘рожать ребенка’
bala ‘ребенок’ *balalɤj* ‘производить детенышей (о животных)’
bɤzau ‘теленок’ *bɤzaulɤj* ‘телиться’
kɤlɤn ‘жеребенок’ *kɤlɤnlɤj* ‘жеребиться’

Такой же событийно-структурный профиль имеют и приводившийся выше глагол *tirli* ‘потеть’, а также близкие к нему единицы, образованные от существительных, которые обозначают физиологические процессы и выделения:

(3.293) *jütäl* ‘кашель’ *jütälli* ‘кашлять’
eren ‘гной’ *erenli* ‘гноиться, исходить гноем’
maŋka ‘сопли’ *maŋkalɤj* ‘сопливеть’

С семантической точки зрения такие глаголы часто анализируются с использованием оператора DO, предложенного Д.Даути (Dowty 1979), который в его теории отвечает за создание предикатов класса вендлеровских деятельностей (activities).

Имея деривационные сценарии в (3.286) и (3.287), можно ожидать, что некоторые существительные при подходящих условиях способны участвовать в обоих. По всей видимости, это действительно так. (3.294)-(3.295) иллюстрируют два предложения с глаголом *čüpli* ‘мусорить, засорять’:

(3.294) marat bülmä-ne **čüp-l-i**.
Марат комната-ACC **мусор-VRB-ST.IPFV**
*Марат **замусоривает** комнату.*

(3.295) marat **čüp-l-i**.
Марат **мусор-VRB-ST.IPFV**
*Марат **мусорит**.*

Представляется весьма правдоподобным, что (3.294) и (3.295) деривируются в соответствии с (3.286) и (3.287). (3.295) описывает ситуацию, в которой внешний аргумент распространяет вокруг себя мусор, тогда как в (3.294) — ситуацию, в которой он делает так, чтобы комната содержала в себе мусор. Та и другая семантика в значительной степени пересекаются, так что самое заметное различие между (3.294) и (3.295) — не дескриптивные свойства ситуации, а наличие внутреннего аргумента.

Типологически распространенной разновидностью неэргативных отглагольных образований типа (3.287) являются так называемые глаголы с внутренним дополнением (cognate objects). Такие глаголы формально переходны, однако выбор прямого дополне-

ния сильно ограничен. Им может быть или именная группа, фонологически идентичная производящей основе, или именная группа, представляющая собой ее гипоним. Две возможности иллюстрируются в (3.296a-b):

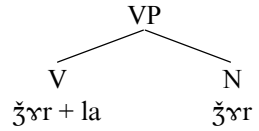
(3.296) a. marat **ʒʏr ʒʏr-l-a-dʏ.**
Марат **песня песня-VRB-ST-PST**
*Марат **спел песню**.*

b. marat **kalinka-nʏ ʒʏr-l-a-dʏ.**
Марат **Калинка-ACC песня-VRB-ST-PST**
*Марат **спел «Калинку»**.*

(3.288) и (3.296a-b) представляют типологически очень распространенную модель: непереходные отыменные неэргативы сосуществуют в языке с глаголами с внутренним дополнением. Если предполагать, что за предложениями типа (3.296) и (3.288) не стоят принципиально различные конфигурации и глагол в (3.296) образуется так же, как в (3.288), теория сталкивается с необходимостью объяснить, где в структуре находится внутреннее дополнение. Позиция комплемента вершины V в (3.287) занята производящей основой, спецификатор, согласно исходному опущению, в (3.287) не проецируется, и для внутреннего дополнения попросту не остается места.

К. Хейл и Дж. Кейсер обсуждают следующую возможность: внутреннее дополнение — результат того, что фонологическая подпись исходной основы может при определенных условиях озвучиваться не только в конечной позиции, в составе глагола, но и в исходной. Это показано в (3.297):

(3.297)

Именно эта вторая фонологическая копия является нам как прямое дополнение в предложениях типа (3.296a).

Есть, однако, проблема с теми предложениями, где прямое дополнение представляет собой гипоним по отношению к производящей основе, как в (3.296b). В этом случае внутреннее дополнение невозможно рассматривать как вторую копию производящей основы.

Теория К. Хейла и Дж. Кейсера не предлагает окончательного решения для этого случая. В Haugen 2009 в этой связи обсуждается идея, опирающаяся на доктрину позднего озвучивания, а образование отыменных глаголов анализируется не через операцию фонологического слияния, а в терминах стандартного передвижения вершины. Вершина N подвергается передвижению и инкорпорируется в вершину V, в результате чего возникает две ее копии — в голове и в хвосте цепочки. После синтаксиса структура получает план выражения. Согласно Haugen 2009, некоторые языки допускают озвучивание головы и хвоста цепочки не идентичным материалом, причем отношение гипонимии служит естественным семантико-прагматическим ограничением на то, насколько существенно могут различаться две копии. Именно так возникают, согласно этому анализу, предложения типа (3.296b). Эмпирическая реальность такого сценария подкрепляется

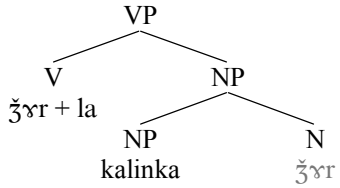
параллелизмом отыменных структур типа (3.296a-b) и некоторых случаев инкорпорации объекта, которые автор обсуждает в этой связи.

Не предлагая окончательного решения проблемы и не оспаривая сценарий, изложенный в Haugen 2009, мы хотели бы отметить, что есть и другая возможность объяснить структуру предложений типа (3.296b), которая как будто не входит в противоречие ни с фактами татарского языка, ни с известными синтаксическими ограничениями. В 4.2.4 обсуждаются именные конструкции вида (3.298), где вершина представляет собой гипероним, а ее именной модификатор — гипоним.

(3.298) berket kʏš
орел птица
птица орел

Можно предположить, что источником предложений типа (3.296b) выступает фонологически дефектный глагол, комплемент которого — структура типа (3.298), как показано в (3.299):

(3.299)

В (3.299) комплемент глагола — не существительное, а более развернутая структура (предположительно NP), которая содержит именную вершину *ǯʏr* и ее зависимое *kalinka,* находящиеся в отношении гиперонимии, — такая же, как в (3.298). Как обсуждается в 4.3, в конструкциях вида (3.298) зависимый элемент представляет собой именную группу неполной структуры, NP. Все прочие этапы деривации отыменного глагола *ǯʏrlʏj* не отличаются от описанных выше. Именной элемент *ǯʏr* фонологически реализуется вершиной V, а нижняя копия не озвучивается. Именной компонент *kalinka* получает обычную фонологическую реализацию и превращается в гипонимическое внутреннее дополнение.

В мишарском диалекте, далее, имеется примечательный класс глаголов на *-la*, составляющий, по-видимому, его особенность и не засвидетельствованную в литературном диалекте[33]. Эти глаголы образуются от существительных, обозначающих систематические занятия и профессиональную деятельность. Таков, например, *ečkečeli* ‘пьянствовать’ от *ečkeče* ‘пьяница’ в (3.280), а также *julbasarlʏj* ‘разбойничать’ от *julbasar* ‘разбойник’:

(3.300) marat **julbasar-l-ʏj**.
Марат **разбойник-VRB-ST.IPFV**
*Марат **разбойничает**.*

Глаголы такого типа мало обсуждаются в литературе по отыменным глаголам и их актантной структуре, поскольку в большинстве исследованных на предмет межчасте-

[33] На этот факт обратила наше внимание А.М. Галиева.

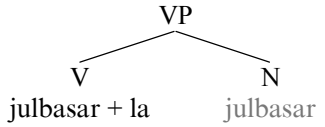
речной деривации языках они представлены весьма слабо. Этот тип, однако, крайне продуктивен в русском языке, ср. *княжить*, *разбойничать*, *плотничать*, *озорничать* или, например, *быковать*. Насколько можно судить по окказиональным образованиям, которые допускают молодые носители мишарского диалекта, в последнем эта модель также продуктивна. (3.301) представляет собой пример глагола, деривируемого от заимствованного существительного *ɤmo* ‘эмо’:

(3.301) marat **ɤmo-l-ɤj**.
Марат **эмо-VRB-ST.IPFV**
Марат ***ведет себя как эмо***.

Глаголы такого типа неизменно непереходны и образуют естественный семантический класс, в первом приближении, ‘проявлять поведение, характерное для индивидов, входящих в экстенсионал непроизводного существительного’. Даже если не вдаваться в дальнейшую детализацию этой семантики, становится ясно, что анализ для глаголов типа ‘потеть’ или ‘телиться’ вряд ли легко распространяется на этот случай. ‘Действовать как N’ и ‘действовать так, что возникает / распространяется N’ слишком различны.

Можно предположить, что глаголы типа *julbasarlɤj* ‘разбойничать’ структурно идентичны рассмотренным выше отыменным неэргативам, таким, как *tirli* ‘потеть’ в (3.288), и имеют деривацию в (3.302), однако семантически в этом случае задействуется другая вершина V.

(3.302)

Если это предположение верно, репертуар вершин V, доступных для деривации отыменных глаголов, начинает выглядеть так, как показано в (3.303):

(3.303) a. $\lambda P.\lambda e.\ \exists x\ [\ e$ — процесс, в котором возникает или распространяется $x \wedge P(x)]$
b. $\lambda P.\lambda e.$ e — процесс, характерный для $^{\frown}P$ и только для $^{\frown}P$,
где $^{\frown}P$ — тип (kind), соответствующий предикату P (см. Chierchia 1998a)

(3.303a-b) — функции, которые применяются к именному предикату как к аргументу и создают событийный предикат. В (3.303a) индивидная переменная связывается квантором существования. Такую операцию иногда называют семантической инкорпорацией: неотъемлемой частью событийной дескрипции становится информация об участнике события. В (3.303b) мы предполагаем семантический сдвиг, превращающий предикат P в соответствующий ему тип (kind) $^{\frown}P$.

Для (303b) мы не даем более строгих определений. Это очень непростая задача. ‘Разбойничать’ — значит осуществлять деятельность, характерную для разбойника, так же, как, например, ‘бродяжничать’ — это вести образ жизни, характерный для бродяги. Каковы дескриптивные свойства такого образа жизни? Они очень нечетки и контекстно зависимы. Мы знаем, что бродяга — это человек, не имеющий постоянного места жительства. Однако мы можем опознать индивида как бродягу, вовсе не зная, есть ли у него домашний адрес, — по одежде, состоянию волосяного покрова и т.д. Кажется

интуитивно правдоподобным, что в этом случае мы обращаемся не к экстенсионалу предиката ‘бродяга’, а скорее сопоставляем наблюдаемого индивида с доступным нам т и п о м бродяги. Эту интуицию отражает указание на тип, а не на элемент экстенсионала именного предиката, как в (3.303a).

Уже вопрос о том, что определяет индивида как разбойника или бродягу, делает описание семантики глаголов типа ‘разбойничать’ или ‘бродяжничать’ нетривиальным. Однако это не единственная сложность. Если мы знаем ответ на этот вопрос, мы можем определить содержание предикатов ‘быть разбойником’ и ‘быть бродягой’, но не ‘разбойничать’ и ‘бродяжничать’. ‘Быть бродягой’ похож на ‘бродяжничать’, но семантически не тождественен ему. ‘Быть бродягой’ — состояние, обладающее свойством истинности в точке. Если рассматриваемый индивид — бродяга, и это верно на интервале, включающем 2017 год, это верно и для любой точки этого интервала. ‘Бродяжничать’, напротив, — это предикат, который Ю.Д. Апресян (Апресян 2006) относит к классу деятельностей. Деятельности Ю.Д. Апресяна (их следует отличать от традиционных вендлеровских деятельностей, activities) — это предикаты, для оценки истинности которых необходим интервал, превышающий нормальный раунд наблюдения. Именно поэтому такие предикаты сопротивляются модификации с помощью обстоятельств, задающих краткий временной интервал, ср. русские предложения в (3.304a) и (3.304b):

(3.304) a. Весь прошлый год Володя бродяжничал.
b. # Сегодня после обеда || с трех до полчетвертого || в 8:22 Володя бродяжничал.

В отличие от (3.304a), вне контекстов, предполагающих языковую игру, (3.304b) воспринимается как семантически аномальное.

Отметим, наконец, последнее важное свойство (3.303b): перед нами предикат, который х а р а к т е р и з у е т бродяжничество. Это означает, что в его экстенсионал входят процессы, типичные для бродяг и только для них. Процессы, участие в которых устроено одинаково как при бродяжничестве, так и при его отсутствии, из экстенсионала исключаются.

Идея о том, что вершина V, с которой соединяются производящие основы, существует в двух разновидностях, делает теорию более выразительной и с этой точки зрения представляется уязвимой. Если предположить два способа интерпретировать глагольную вершину в неэргативных отыменных конфигурациях, возникает вопрос, каков набор возможностей в общем виде и чем он ограничен. Не предлагая решения этой проблемы, мы хотели бы указать, что частично она дает о себе знать и в исходном варианте теории, где механизм интерпретации предполагается ровно один, а именно, (3.303a). Почему в неэргативной конфигурации глагол непременно интерпретируется как глагол созидания или эмиссии, а не, например, не как глагол физического контакта? Как кажется, понимание того, почему это так, — необходимое условие ответа на вопрос, возможны ли другие разновидности V, кроме (3.303a-b), и как они устроены.

Как бы то ни было, признание различных вариантов интерпретации вершины V представляется эмпирически неизбежным: наблюдение, что семантика V не сводится к единственной возможности, подкрепляется и другим материалом. Например, глаголы типа *kʏšlʏj* ‘зимовать’, иллюстрируемого в (3.305), во всех релевантных отношениях попадают в тот же класс неэргативов, что и другие обсуждаемые в этом разделе глаголы:

(3.305) marat awɤl-da ike kɤš **kɤš-l-a-dɤ**.
Марат деревня-LOC два зима **зима-VRB-ST-PST**
*Марат **прозимовал** в деревне две зимы.*

Тем не менее в (3.305) отношение между внешним аргументом и производящим существительным не сводимо ни к (3.303a), ни к (3.303b). Зима не возникает в результате деятельности агенса; ниже агенс проявляет характерное для зимы поведение. ‘Зимовать’ — значит проводить в определенном месте (оно может иметь синтаксическую реализацию, как в (3.305), или оставаться невыраженным) промежуток времени, описываемый существительным.

В следующем разделе мы обсудим еще один класс глаголов, эмпирически адекватный анализ которых, по всей видимости, требует несколько расширить наши представления о разновидностях фонологически пустой вершины V.

3.4.3. Инструментальные глаголы

Во всех известных нам языках имеется класс глаголов, в большей или меньшей степени продуктивный, в который входят единицы типа английского *hammer* ‘ударять молотком или молотом’ или русских *лопатить* или *буравить* (см. Harley, Haugen 2007, Dowd 2010).

В мишарском диалекте такие глаголы также ожидаемо обнаруживаются. Несколько примеров перечислено в (3.306):

(3.306) *suka* ‘соха, плуг’ *sukalɤj* ‘пахать’
pɤčkɤ ‘пила’ *pɤčkɤlɤj* ‘пилить’
borau ‘бурав, сверло’ *boraulɤj* ‘буравить, сверлить’
tɤrma ‘грабли, борона’ *tɤrmalɤj* ‘бороновать’
ütük ‘утюг’ *ütükli* ‘гладить, утюжить’

К этой же группе с точки зрения всех значимых свойств относятся и многие другие глаголы поверхностного контакта и физического воздействия, даже если задействованное в описываемой ситуации средство или орудие не является инструментом в узком смысле. Типичный пример — глагол *tešli* ‘кусать’ от *teš* ‘зуб’, иллюстрируемый выше в (3.283).

Для теории аргументной структуры К. Хейла и Дж. Кейсера такие глаголы проблематичны сразу по нескольким причинам. Основная состоит в том, что их невозможно свести ни к непереходным неэргативам типа (3.287), ни к глаголам с предложными комплементами типа (3.286). Неэргативы, как мы уже видели, допускают только внутреннее дополнение, однако инструментальные глаголы — явно не тот случай:

(3.307) marat kɤr-nɤ **suka-l-a-dɤ**.
Марат поле-ACC **плуг-VRB-ST-PST**
*Марат **вспахал** поле.*

В (3.307) пациентивную именную группу *kɤrnɤ* ‘поле’ невозможно анализировать ни как внутреннее дополнение в узком смысле, ни как гипоним по отношению к производящей основе *suka* ‘плуг, соха’.

Однако переходные глаголы с предложным комплементом — тоже не тот случай. Семантика таких глаголов предполагает статичное, преимущественно пространственное отношение между прямым дополнением и производящей основой. Это отношение возникает благодаря процессу, который обозначается глагольной вершиной, и осмысливается как результирующее состояние описываемой ситуации. В (3.277), с которого мы начали обсуждение, масло вступает в отношение ‘быть на поверхности’ с плюшками. Именно статичность отношения в конечном итоге и заставляет предполагать в структуре фонологически не выраженный предлог: такая интерпретация характерна именно для предлогов, но не для других частей речи.

Семантика глаголов типа ‘пахать’ структурирована иначе. (3.307) очевидно не описывает ситуацию, которая завершается в момент, когда поле вступает в то или другое отношение с плугом. Поле состоит в отношении с плугом в течение всей ситуации, но это отношение не статическое, а динамическое. Плуг находится в контакте с поверхностью поля, благодаря чему в ней происходят характерные изменения. Само дескриптивное содержание процесса определяется именно этим отношением: практически все, что лексикограф пожелает сказать о семантике глагола ‘пахать’ и ее отличии, например, от ‘копать’, определяется характером взаимодействия между полем и плугом.

Это же верно и для огромного множества других инструментальных глаголов, в частности, для глаголов из (3.306). Дескриптивные свойства процесса у *tɤrmalɤj* ‘бороновать’, *ütükli* ‘гладить’ и т.д. определяются преимущественно характером отношения между инструментом и подвергающимся воздействию объектом.

Таким образом, перед нами двойное различие между глаголами с предложным комплементом и глаголами в (3.306), у которых исходная основа обозначает инструмент. У первых взаимодействие сущности, обозначаемой исходной именной основой и прямым дополнением, статично и определяет дескриптивные характеристики не процесса как такого, а его результирующего состояния. У последних оно динамично и в этом качестве непосредственно задает свойства самого процесса.

Эти наблюдения коррелируют с системой обобщений, предлагаемых в лексико-семантической теории Б. Левин и М. Раппапорт Ховав (Rappaport Hovav, Levin 1998 и последующие работы). В этой системе глаголы типа ‘маслить’ — глаголы результата, которые специфицируют в своей семантике дескриптивные свойства результирующего состояния, но не процесса, ведущего к его возникновению. Напротив, глаголы типа ‘пахать’ — глаголы способа, толкование которых с необходимостью содержит указание на характер осуществления процесса.

Теория Б. Левин и М. Раппапорт Ховав приписывает глаголам этих типов разные событийно-структурные шаблоны — так называемы шаблоны деятельностей и шаблоны свершений, которые показаны в (3.308a-b):

(3.308) a. X $\text{ACT}_{\langle\text{MANNER}\rangle}$ Y
b. [X ACT] CAUSE [BECOME [Y <STATE>]]

(3.308a-b) следуют идеям Д. Даути, предполагая в одном случае более сложную структуру, чем в другом. Деятельности — однокомпонентая событийная структура, свершения — двухкомпонентная. Свершения состоят из деятельности и каузируемого

изменения состояния. В угловых скобках представлен тот элемент шаблона, который реализует лексическую константу глагола — совокупность лексикографической информации, которая определяет его лексическое значение и отличает от других глаголов.

Как видно из (3.308a-b), лексическая константа деятельностей — это способ осуществления процесса (<MANNER>), а свершений — результирующее состояние (<STATE>). Это различие и дало название двум классам переходных глаголов — способа и результата (см. также Кустова 1996 и Татевосов 2015).

Деривацию глагола (в том числе отыменного глагола) и его событийной структуры Б. Левин и М. Раппапорт Ховав описывают в терминах так называемых канонических правил реализации, которые увязывают, в частности, семантический класс лексической константы с ее позицией в шаблоне. Примеры правил показаны в (3.309)-(3.311):

(3.309) a. PLACEABLE OBJECT → [X CAUSE [BECOME [Y WITH <*PLACEABLE OBJECT*>]]]
b. *butter* ‘намазывать маслом’, *oil* ‘промасливать’, *paper* ‘заворачивать в бумагу’, *tile* ‘крыть черепицей’, *wax* ‘покрывать воском’

(3.310) a. PLACE → [X CAUSE [BECOME [Y <*PLACE*>]]]
b. *bag* ‘класть в сумку’, *box* ‘упаковывать в коробку’, *cage* ‘помещать в клетку’, *crate* ‘помещать в ящик’, *garage* ‘ставить в гараж’, *pocket* ‘класть в карман’

(3.311) a. INSTRUMENT → [X ACT$_{<INSTRUMENT>}$]
b. *brush* ‘красить кистью’, *hammer* ‘забивать молотком’, *saw* ‘пилить пилой’, *shovel* ‘копать лопатой’

Подход Б. Левин и М. Раппапорт Ховав достаточно точно предсказывает характеристики глаголов, с которыми мы имеем дело в этом разделе. Инструментальные глаголы, благодаря правилу в (3.311a), делаются глаголами способа, а глаголы с предложным комплементом, такие как *majlɤj* ‘маслить, смазывать маслом’, превращаются, согласно (3.309a), в глаголы результата. Однако у этого подхода есть и слабое место: как список событийных шаблонов, так и список правил канонической реализации требуется постулировать; он невыводим из каких-либо более общих принципов, регулирующих синтаксическую или семантическую структуру.

Анализ в духе К. Хейла и Дж. Кейсера в этом отношении имеет преимущество, поскольку канонические правила реализации или их аналог в нем отсутствуют вовсе, а событийные шаблоны вытекают (по крайней мере, в идеале) из свойств лексических категорий. Более того, как мы уже видели, характеристики глаголов, создающихся у Б. Левин и М. Раппапорт Ховав правилами реализации в (3.309)-(3.311), выводятся у К. Хейла и Дж. Кейсера автоматически.

Инструментальные глаголы, однако, требуют отдельного внимания. Наблюдения, изложенные выше, делают анализ в терминах фонологически дефектной глагольной вершины с комплементом — предложной группой маловероятным. Семантический профиль отношения между инструментом и подвергающимся воздействию объектом находится за пределами того, что можно осмысленно рассматривать как значение возможного предлога.

Архитектура системы накладывает на возможный анализ инструментальных глаголов дополнительное ограничение. Рассматриваем ли мы процесс, превращающий имя в глагол как фонологическое слияние (conflation) или как передвижение вершины, он подвержен важному конфигурационному требованию. Вершина H способна получить фонологический материал от вершины H′, только если H′ — вершина комплемента H. Если H′ — вершина спецификатора H, ее участие в интересующем нас процессе невозможно.

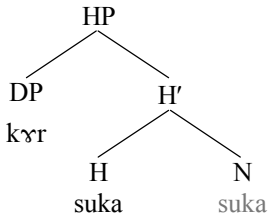
Если мы хотим сохранить это допущение (которое, как подробно обсуждается в вышеупомянутой литературе, желательно по независимым соображениям), есть не так уж много возможностей анализировать структуру инструментальных глаголов. Они по необходимости должны содержать компонент, который показан в (3.312).

(3.312) очень похожа на предложную группу, которая выступает комплементом вершины V в (3.286). И в том и в другом случае перед нами конфигурация с реляционной семантикой: две сущности, занимающие позицию комплемента и спецификатора вершины, состоят в отношении, которое определяется ее семантическим содержанием. В (3.312) и для других инструментальных глаголов это отношение интуитивно очевидно: ‘подвергаться воздействию’.

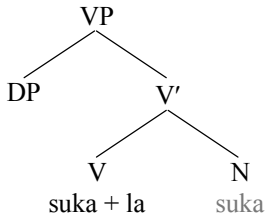
Если эти рассуждения верны, остается прояснить характер вершины H. По семантическим соображениям мы уже отклонили возможность H = P. Точно так же, видимо, невозможно рассматривать H как прилагательное. В языках не встречаются прилагательные, основное содержание которых — семантика ‘подвергаться воздействию’. Может ли это быть существительное? Для некоторых существительных теоретически можно предположить полную (или расширенную) проекцию с заполненными позициями спецификатора и комплемента (ср. ‘моя фотография Ленина’). Однако в (3.312) это должно быть не просто существительное, а существительное с событийной семантикой, описывающей воздействие одного объекта на другой. В языках встречаются производные (преимущественно отглагольные) существительные с двумя заполненными синтаксическими валентностями (например, ‘Васина торговля оружием’). Однако даже у них крайне редка или вовсе не засвидетельствована интерпретация, когда актант в спецификаторе подвергается воздействию со стороны актанта в позиции комплемента. Тем более не встречаются лексические, непроизводные существительные с этими свойствами. Между тем, если H = N, в структуре следует предполагать именно такое существительное. Таким образом, анализ H как существительного если не вовсе невозможен, то, по крайней мере, очень маловероятен.

Остается единственная возможность: H = V, как показано в (3.313).

(3.312)

(3.313)

Очевидно, в (3.313) представлена та же самая фонологически дефектная вершина V, что и в других случаях. Собственная фонологическая реализация вершины — аффиксальная цепочка *-la*; прочий материал возникает у нее в результате фонологического слияния. Интерпретация этой вершины, однако, отличается от тех, которые мы видели до сих пор, в частности, от (3.303a-b). Эта семантика в квазиформальном виде показана в (3.314):

(3.314) $\| V_{INSTR} \| = \lambda P.\lambda x.\lambda e.\ \exists y\ [x \text{ подвергается воздействию } y \wedge P(y)]$

В отличие от вариантов в (3.303a-b), (3.314) имеет, кроме событийного и предикатного, еще и индивидный аргумент. Индивидную позицию заполняет актант в спецификаторе. Этот актант, как и в случае с глаголами с предложной группой, проецируется в качестве прямого дополнения. В качестве предиката выступает существительное, обозначающее инструмент и занимающее позицию комплемента.

Структура в (3.313) далее соединяется с вершиной *v*, которая отвечает за внедрение в предикацию внешнего аргумента, и деривация предложений типа (3.307) завершается.

Таким образом, репертуар глагольных вершин еще более расширяется, однако прочие компоненты теории остаются неприкосновенными.

Обсудив основные типы глаголов, образованных от существительных, в следующем разделе мы обратимся к глаголам от прилагательных.

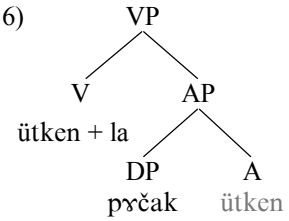
3.4.4. Глаголы от прилагательных

Семантические типы глаголов на *-la* от прилагательных значительно менее разнообразны. Преобладающий класс таких глаголов имеет значение каузации состояния, описываемого производящей основой. Характерный пример — предложения в (3.281a-b), а также (3.315):

(3.315) marat pʏčag-ʏ-n **ütken-l-i**.
Марат нож-3-OBL.ACC **острый-VRB-ST.IPFV**
*Марат **точит** нож.*

Возможная структура глагольной группы в составе предикации типа (3.315) показана в (3.316):

(3.316)

В (3.316) именная группа *pʏčak* ‘нож’ занимает позицию спецификатора — такую же, как именная группа *at* ‘лошадь’ в (3.286), которая также становится в предикации прямым дополнением.

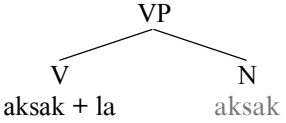
Кроме глаголов типа *ütkenli* ‘точить, заострять’, исключительно продуктивных, в ТГ1995: 418 упоминается и некоторое количество непереходных глаголов, образованных от прилагательных. Это, в частности, *irkenli* ‘чувствовать себя свободно’, *aksaklɣj* ‘хромать’, *arkɤnlɣj* ‘медлить’.

(3.317) marat **aksak-l-ɣj**.
Марат **хромой-VRB-ST.IPFV**
*Марат **хромает**.*

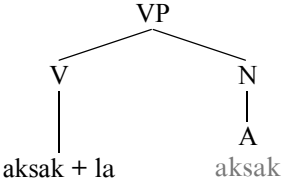
В примерах такого рода обращает на себя внимание то, что результирующий глагол представляет собой непредельный неэргатив, то есть единицу, с точки зрения акциональных и актантных свойств малоотличимую от глаголов типа *tirli* ‘потеть’ в (3.288), образованных от существительных.

Это подсказывает и возможный анализ глаголов типа *aksaklɣj* ‘хромать’. Прилагательные типа *aksak* ‘хромой’ могут интегрироваться в событийную структуру как существительные или в силу своей исходной частеречной недоспецифицированности, как в (3.318a), или в результате скрытой субстантивации, как в (3.318b):

(3.318) a.

b.

Вариант в (3.318b), где исходное прилагательное подвергается субстантивации, кажется более эмпирически адекватным. (3.318a) предполагает, что лексема *aksak* способна функционировать как существительное без всяких дополнительных усилий. Однако если бы это было так, существительное *aksak* было бы доступно и в других субстантивных конфигурациях. По всей видимости, этого не происходит.

В следующем разделе мы обсудим акциональные характеристики отыменных дериватов, в первую очередь предельность, и определим ее возможные источники.

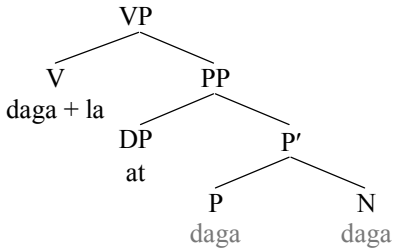
3.4.5. Предельность отыменных глаголов

Событийная структура не определяет акциональные свойства предиката однозначным образом (см. Татевосов 2015, 2016). Однако многие компоненты событийной структуры имеют отчетливые акциональные корреляты. Один из основных параметров в этой области — наличие компонента, интерпретируемого как результирующее состояние описываемой ситуации. Его влияние на акциональность описывается следующим обобщением:

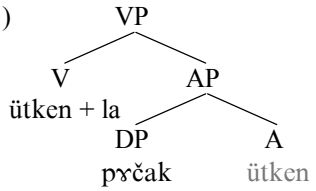
(3.319) Обобщение о результирующем состоянии
Если в событийной структуре представлен компонент, интерпретируемый как результирующее состояние ситуации, предикат, описывающий эту ситуацию, имеет предельную интерпретацию ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ в перфективных формах.

Выше мы видели два типа событийных структур, которые удовлетворяют описанному в (3.319) условию. Во-первых, это отыменные глаголы, содержащие предложный комплемент. Во-вторых, это глаголы, образованные от прилагательных. Они повторяются в (3.320)-(3.321):

(3.320)

(3.321)

В обоих случаях группа, выступающая комплементом глагола, представляет собой дескрипцию результирующего состояния. В одном случае это состояние ‘быть с подковой’, в другом — ‘быть острым’. Момент, когда результирующее состояние начинает иметь место, определяет кульминацию описываемой ситуации. Наличие кульминации означает, что глагол имеет предельную интерпретацию ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ (см. раздел 2.2.1) по меньшей мере как одну из возможностей.

Тест на сочетаемость с обстоятельствами длительности типа ‘за пять минут’ показывает, что ожидание выполняется:

(3.322) marat ike minut ečendä at-nɤ **daga-l-a-dɤ**.
Марат два минута за лошадь-ACC **подкова-VRB-ST-PST**
*Марат **подковал** лошадь за две минуты.*

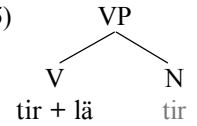
(3.323) marat ike minut ečendä pɤčag-ɤ-n **ütken-l-ä-de**.
Марат два минута за нож-3-OBL.ACC **острый-VRB-ST-PST**
*Марат **наточил** нож за две минуты.*

(3.319) не требует, чтобы ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ была единственной возможной интерпретаций в перфективном контексте: глагол не обязан быть сильным предельным. Предикат ‘точить нож’, например, допускает также непредельное прочтение ПРОЦЕСС в (3.324), когда описываемая ситуация останавливается до достижения кульминации. В контексте текущего обсуждения, однако, существенно то, что если отыменной глагол деривируется в соответствии с (3.320) или (3.321), не иметь предельного прочтения он не может.

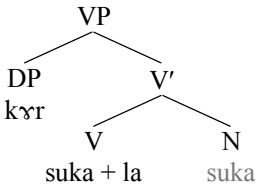
(3.324) marat ike minut bujɤna pɤčag-ɤ-n **ütken-l-ä-de**.
Марат два минута в.течение нож-3-OBL.ACC **острый-VRB-ST-PST**
*Марат **позанимался точением** ножа две минуты* {ПК: и бросил это занятие}.

Другие обсуждавшиеся выше событийные структуры отыменных глаголов не содержат компонента, интерпретируемого как результирующее состояние. Это непереходные неэргативы в нескольких разновидностях (в том числе с внутренним дополнением), а также инструментальные глаголы. Две основные событийные структуры из этого ряда повторяются в (3.325)-(3.326):

(3.325)

(3.326)

Какие предсказания о предельности глаголов этого типа выводятся из отсутствия результирующего состояния в (3.325)-(3.326)? Напрашивающийся ответ — предикаты типа ‘потеть’ и ‘пахать поле’ непредельны — неверен. Оба предиката допускают предельную интерпретацию без затруднений:

(3.327) marat ike minut ečendä **tir-l-ä-de**.
Марат два минута за **пот-VRB-ST-PST**

*Марат **вспотел** за две минуты.*

(3.328) marat ike ken ečendä kɤr-nɤ **suka-l-a-dɤ**.
Марат два день за поле-ACC **плуг-VRB-ST-PST**

*Марат **вспахал** поле за два дня.*

Как возникают эти предельные интерпретации? Ответ подсказывают наблюдения об акциональной композиции из раздела 2.2.4. Глагол *sukalɤj* ‘пахать’ предполагает инкрементальное отношение между событием и пациенсом: большим частям события вспахивания соответствуют большие части поля и обратно. Как и у любых глаголов с инкрементальным пациенсом / темой, его квантованность решающим образом влияет на предельность. Квантованная тема делает доступной предельную интерпретацию, когда кульминация определяется моментом, в котором весь индивид оказывается вовлечен в ситуацию, в данном случае вспахивание. Именно таков источник предельности предложения (3.328).

Подчеркнем, что (3.328) предельно не в силу того, что *sukalɤj* ‘пахать’ — отыменной глагол и что он имеет структуру в (3.326). Акциональная композиция безразлична к деривационной истории глагола. (3.328) пределен постольку, поскольку пределен любой глагол с инкрементальной темой: физические измерения объекта создают естественный предел развития ситуации, по достижении которого ее продолжение невозможно. Если возникший в результате деривации глагол предполагает инкрементальное отношение между индивидом и событием, появление у него предельной интерпретации при наличии подходящего актанта неизбежно.

Как и у других глаголов с инкрементальной темой, предельность (3.328) факультативна. Как обсуждается в 2.2.4, такие глаголы характеризуются возможностью иметь не только предельную интерпретацию ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, но и непредельную ПРОЦЕСС. Последняя иллюстрируется в (3.329):

(3.329) marat ike ken bujɤna kɤr-nɤ **suka-l-a-dɤ**.
Марат два день в.течение поле-ACC **плуг-VRB-ST-PST**

*Марат **попахал** поле два дня,* {ПК: а потом отправился на сенокос}.

Таким образом, глаголы типа *sukalɤj* ‘пахать’ относятся к слабому предельному классу.

Вопрос о предельной интерпретации предложений типа (3.327) менее тривиален. Во-первых, ее доступность определяется семантическим типом вершины V, а во-вторых — свойствами инкорпорированного имени.

Рассмотрим тот вариант V, который интерпретируется как событие созидания или выделения сущности, обозначенной комплементом. Его семантика повторяется в (3.330):

(3.330) λP.λe. ∃x [e — процесс, в котором возникает или распространяется x ∧ P(x)]

В общем случае предикаты, описывающие процессы созидания или эмиссии, предполагают инкрементальное отношение между процессом и его участником. Например, глаголы *строить*, *писать* и тому подобные инкрементальны: чем дольше происходит строительство дома, тем большая часть дома построена. Это означает, что свойства событийного предиката, который возникает после заполнения аргументной позиции в (3.330), зависят от кумулятивности / квантованности именного предиката P (см. 2.2.4, а также упоминаемую там литературу по акциональной композиции).

Перед нами, таким образом, тот редкий случай акциональной композиции, когда в ней участвует не синтаксически реализованный аргумент, как это происходит, например, в (3.328), а аргумент, подвергающийся семантической инкорпорации.

С квантованным предикатом мы ожидаем возникновения предельной интерпретации. По всей видимости, именно это происходит в случаях типа (3.331):

(3.331) sɤjɤr **bɤzau-l-a-dɤ**.
корова **теленок-VRB-ST-PST**
*Корова **отелилась**.*

Если верно, что предикат *bezau* ‘теленок’ квантован, предельность (3.331) вытекает их общих принципов теории акциональной композиции и не нуждается ни в каком дополнительном объяснении[34].

По той же причине, по-видимому, предельны инкрементальные глаголы с внутренним дополнением:

(3.332) marat ike minut ečendä ǯɤr **ǯɤr-l-a-dɤ**.
Марат два минута за песня **песня-VRB-ST-PST**
*Марат **спел** песню за две минуты.*

Если инкорпорируемый предикат неквантован, у него ожидаемо возникает непредельная интерпретация ПРОЦЕСС. Так, например, происходит при инкорпорации неисчисляемого, а следовательно и неквантованного существительного *maŋka* ‘сопли’ в (3.333):

[34] Следует признать, что вопрос о квантованности предиката, подвергающегося инкорпорации, значительно более сложен, чем может показаться на первый взгляд. Поведение существительного *bezau* ‘теленок’ в составе полностью развернутых именных групп как будто указывает на квантованность. Это существительное исчисляемо, оно образует множественное число, комбинируется с числительными и т.д. Если лексически в экстенсионал *bezau* ‘теленок’ входят только единичные сущности, предикат действительно квантован. Возможно, однако, что так устроен экстенсионал существительного единственного числа. Экстенсионал существительного никакого числа, который предположительного подвергается инкорпорации в (3.331), может также содержать суммы единичных сущностей. На это, в частности, может указывать числовая интерпретация именных групп в позиции немаркированного прямого дополнения. Чтобы вынести окончательное суждение, у нас, однако, недостаточно данных, так что мы оставляем вопрос открытым.

(3.333) marat **maŋka-l-a-dɤ**.
Марат **сопли-VRB-ST-PST**
*Марат **сопливел**.*

Предельная интерпретация предикатов такого типа, если она вообще возможна, описывает вхождение в процесс, как в (3.334), но не кульминацию процесса — просто в силу того, что такие предикаты не способны кульминировать:

(3.334) marat **maŋka-l-a-dɤ**.
Марат **сопли-VRB-ST-PST**
*Марат **засопливел**.*

По всей видимости, так же — как ингрессивную интерпретацию ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС — можно анализировать и предикаты типа ‘вспотеть’ в (3.327).

Как возникают ингрессивные интерпретации? Вот возможный сценарий. Выделение субстанций типа соплей и пота (как и, по-видимому, эмиссия любых субстанций), может происходить в большей или меньшей степени. Это создает естественное основание для реинтерпретации (3.330) как выражения, содержащего в себе параметрический предикат со степенной переменной:

(3.335) λP.λe. ∃x ∃d [e — процесс, в котором возникает или распространяется x ∧ P(x) ∧ increase(amount(x))(d)(e) ∧ d ≥ $stnd_C$]
где increase(G(x))(d)(e) = 1, если и только если степень, которой индивида *x* характеризует параметрическое свойство *G*, увеличилась на величину *d* в событии *e* (Kennedy, McNally 2002), а $stnd_C$ — контекстно зависимый стандарт сравнения.

Для глагола *tirli* ‘потеть’ (3.335) создает событийный предикат в (3.336):

(3.336) λe. ∃x ∃d [e — процесс, в котором возникает или распространяется x ∧ пот(x) ∧ increase(amount(x))(d)(e) ∧ d ≥ $stnd_C$]

(3.336) — это множество событий, в которых выделяется пот, таких, что его количество превышает контекстный стандарт сравнения. Параметр количества (amount) привязан к закрытой снизу и открытой сверху шкале: количество любой субстанции меняется от нуля до бесконечности. Стандарт сравнения для таких шкал в любом контексте — минимум на шкале, то есть нуль. О любом индивиде, на котором заметно минимально отличное от нуля количество пота, можно сказать *Он потный*. Тем самым экстенсионал предиката в (3.336) содержит события, в которых количество пота, выделяемое индивидом, изменилось на минимальную величину — от нуля до любого положительного значения. Это и есть события, в которых возникает процесс ‘потеть’, описываемый как ‘Марат вспотел’. Ингрессивная интерпретация ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС с начальной кульминацией, таким образом, определяется тем, что в семантику предиката встраивается параметрическое свойство с минимальным стандартом сравнения.

Рассмотрим второй вариант вершины V, задействованный в создании неэргативов, который повторяется как (3.337):

(3.337) λP.λe. *e* — процесс, характерный для ⌒P и только для ⌒P,
где ⌒P — тип (kind), соответствующий предикату P

Критически важное для акциональной интерпретации отличие (3.337) от (3.335) состоит в том, что (3.337) не предполагает инкрементального отношения между событием и инкорпорированной сущностью. Нельзя сказать, что чем больше развивается ситуация типа ‘разбойничать’ и ‘бродяжничать’, тем большая часть типа ‘разбойник’ или ‘бродяга’ в нем участвует. Инкорпорированное существительное тем самым не может быть источником кульминации для описываемой ситуации тем же способом, что и, например, ‘теленок’ в (3.331).

С другой стороны, инкорпорированное существительное не создает и естественного основания для количественной параметризации, такой, которую мы предположили в (3.335). Типы (kinds) вообще с трудом поддаются количественной оценке. Предложение типа *Камчатского тигра в природе больше, чем уссурийского* можно интерпретировать только через обращение к токенам: токенов, представляющих первый тип, больше, чем токенов, представляющих второй. В любом случае процесс ‘разбойничать’ интуитивно невозможно осмыслить как движение от малого количества свойств типа ‘разбойник’ к большему количеству.

Можно ожидать, таким образом, что (3.337) будет сопротивляется интерпретации в том же духе, что и (3.335), когда в его семантику внедряется параметрическое свойство ‘количество’. Если верно предположение о том, что именно оно несет ответственность за ингрессивную интерпретацию, предикаты типа ‘бродяжничать’ не будут иметь прочтения вида ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС. По всей видимости, ожидание подтверждается. Предложение (3.338) имеет непредельное прочтение ПРОЦЕСС в (3.338.1), но не ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС в (3.338.2):

(3.338) marat **julbasar-l-a-dɤ**.
Марат **разбойник-VRB-ST.IPFV**
*1. Марат **разбойничал**.*
*2. ??Марат **начал разбойничать**.*

Подведем итог. Предельность отыменных предикатов может происходить из трех различных источников:

- результирующего состояния, выступающего компонентом событийной структуры;
- инкрементального актанта, в том числе инкорпорированного;
- минимального стандарта сравнения, связанного с параметром количества.

В первых двух случаях генерируется интерпретация ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, когда кульминация завершает описываемую ситуацию, в третьем — ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, когда она инициируется.

3.4.6. Актантная структура

В предыдущих разделах мы рассматривали деривацию отглагольных конфигураций до уровня проекции лексической категории V, то есть до уровня VP. В этом разделе нам предстоит обсудить, что происходит на следующих стадиях деривации.

Первая возможность — присоединение к глагольной группе легкого глагола *v* и создание проекции *v*P. (Здесь мы в порядке упрощения игнорируем расположенную между ними вершину Akt, введенную в 3.3.) Обобщение, описывающее эту возможность, сформулировано в (3.339):

(3.339) Любая отыменная конфигурация, обсуждавшаяся в 3.4.2-3.4.4, способна соединиться с легким глаголом, проецирующим внешний аргумент, $v_{\text{E(xternal)A(rgument)}}$.

Четыре основные конфигурации, обсуждавшиеся выше, показаны в (3.340)-(3.343) в комбинации с легким глаголом. Это переходные глаголы с предложной группой, неэргативы, глаголы от прилагательных, инструментальные глаголы.

(3.339) — достаточно слабое обобщение. Оно утверждает лишь, что любая глагольная группа, исходно содержащая в качестве лексического глагола показатель *-la*, может быть элементом конфигурации с внешним аргументом — одной из тех, которые показаны в (3.340)-(3.343). Для мишарского диалекта, как, по-видимому, и для татарского литературного языка, выполняется и более сильное обобщение:

(3.344) Любая отыменная конфигурация, обсуждавшаяся в 3.4.2-3.4.4, должна соединиться с легким глаголом, проецирующим внешний аргумент, v_{EA}.

Согласно (3.344), (3.340)-(3.343) — единственно возможные конфигурации, в которых представлены отыменные глаголы на *-la*. Для них, в частности, недоступны структуры, в которых отсутствует v_{EA}, то есть структуры без синтаксически реализованного аргумента в позиции Spec, *v*P, который становится сентенциальным подлежащим[35].

[35] В этой связи весьма интересен небольшой класс отыменных метеорологических предикатов. Глагол *jäšenli* ‘сверкать (о молнии)’ иллюстрируется в (i):

(i) jäšen **jäšen-l-i**.
молния **молния-VRB-ST.IPFV**
Сверкают *молнии.*

Глагол *jäšenli* ‘сверкать (о молнии)’ в (i), судя по всему, представляет собой глагол с внутренним подлежащим (cognate subject): другие аргументы невозможны в качестве подлежащего (i). По поводу этого глагола возникает очевидный вопрос: если исходная позиция существительного ‘молния’ — это позиция комплемента V (только из этой позиции возможно фонологическое слияние) и если любые глаголы на *-la* присоединяют v_{EA}, которое требует внешнего аргумента, как устроена актантная структура таких глаголов?

Следующая возможность кажется маловероятной: (i) — результат A-передвижения инкорпорированного существительного в позицию подлежащего:

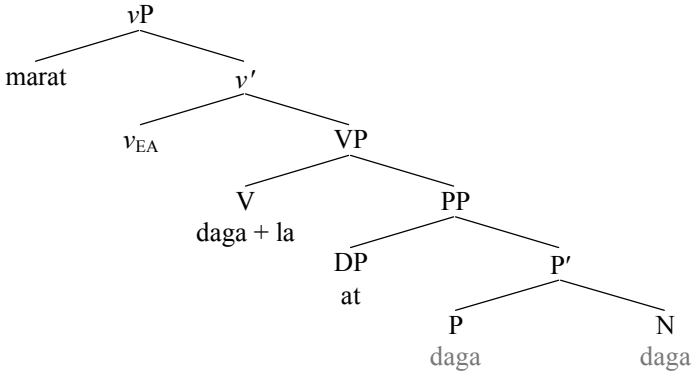
(ii) [jäšen [$\varnothing_{\text{стихии}}$ v_{EA} [$_{\text{VP}}$ jäšen+la V [$_{\text{N}}$ ~~jäšen~~]]]

В (ii) существительное в исходной позиции принимает участие в фонологическом слиянии и, кроме того, подвергается передвижению (показано зачеркиванием нижней копии). Передвижение происходит предположительно по той причине, что позицию внешнего аргумента занимает синтаксически инертный фонологически пустой элемент наподобие $\varnothing_{\text{стихии}}$ И.А. Мельчука. Конструкция, соответственно, отдаленно напоминает неаккузативную: при отсутствии синтаксически активного внешнего аргумента в позицию подлежащего попадает внутренний.

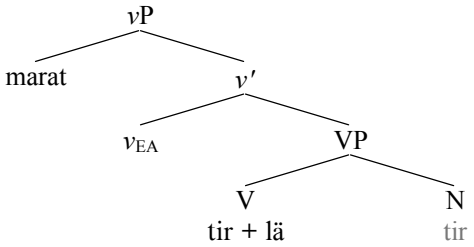
Однако даже если не предполагать, как это делают К. Хейл и Дж. Кейсер, что при образовании отыменных глаголов происходит синтаксическая инкорпорация комплемента V, маловероятно, чтобы он был способен к фразовому передвижению. Вершина N в такой конфигурации не проецируется и, соответственно, не располагает количеством структуры, достаточным для участия во фразовых передвижениях.

В этой связи не кажется невозможным другое направление анализа. Реализация фонологической цепочки /jäšen/ в позиции внешнего аргумента происходит в результате дальнейшей работы операции фонологического слияния. Она обеспечивается фонологической дефектностью единицы, исходно при-

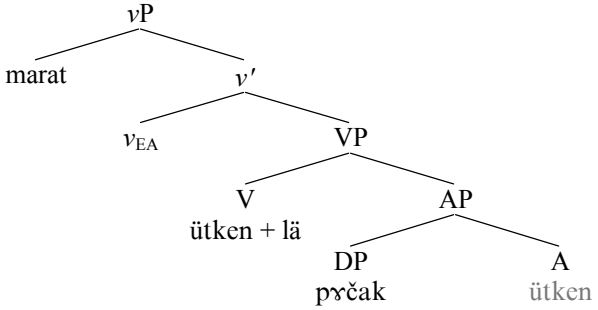
(3.340) Глагол с предложной группой (‘Марат подковывает лошадь’)

(3.341) Неэргативный глагол (‘Марат потеет’)

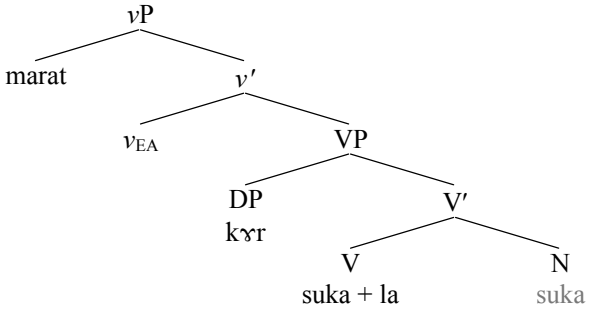
(3.342) Глагол от прилагательного (‘Марат точит нож’)

соединяющейся в позиции спецификатора легкого глагола. Потребность снабдить эту единицу планом выражения удовлетворяется в этом случае тем же механизмом, который обеспечивает планом выражения глагол.

Чтобы сделать этот анализ работоспособным, необходимо проработать много дополнительных деталей. Главная задача — описать, как происходит копирование фонологического материала на спецификатор. Второстепенная, но тоже важная, — объяснить, почему не копируется цепочка /la/, которая на этом этапе уже вступила в деривацию. Кроме того, необходимы дополнительные эмпирические сведения о синтаксическом поведении внутренних подлежащих типа *jäšen* ‘молния’, в первую очередь информация о количестве структуры, которую они способны проецировать.

(3.343) Инструментальный глагол (‘Марат пашет поле’)

Что представляют собой такие структуры? Две основные их разновидности известны как пассивы и декаузативы. Как мы уже видели, в мишарском диалекте в деривации и тех и других задействована одна и так же морфема *-l*, которая в 3.1 обозначена как пассив. С отыменными глаголами эта морфема функционирует так же, как и с любыми другими. В (3.345) показан пассив от глагола *sukalɤj* ‘пахать’, а в (3.346a-b) — каузативно-декаузативная пара, образованная от прилагательного *jüeš* ‘мокрый’:

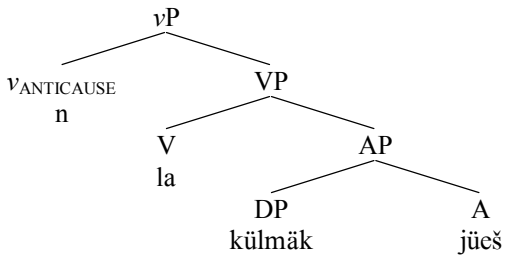
(3.345) kɤr (marat taraf-ɤ-n-nan) suka-l-a-n-dɤ.
поле Марат сторона-3-OBL-ABL плуг-VRB-ST-PASS-PST
Поле было вспахано Маратом.

(3.346) a. marat külmäg-e-n jüeš-l-ä-de.
Марат рубашка-3-OBL.ACC мокрый-VRB-ST-PST
Марат намочил рубашку.

b. külmäk jüeš-l-ä-n-de.
рубашка мокрый-VRB-ST-PASS-PST
Рубашка намокла.

Таким образом, естественно предположить, что декаузативная морфема *-l* является фонологической реализаций определенного класса легких глаголов *v*, отличных от v_{EA}. Структура предложений типа (3.346b) в этом случае выглядит как (3.347) (показана конфигурация до фонологического слияния).

(3.347)

Аналогичный анализ можно предложить для (3.345) — с той разницей, что в последнем случае задействуется пассивная вершина *v*, а не декаузативная.

Пассивизация структур в (3.340)-(3.341) полностью предсказуема: она возможна с переходными конфигурациями (3.340) и (3.342)-(3.343) и невозможна с неэргативной (3.341). Существенно менее тривиальна доступность декаузативных отыменных глаголов на *-la*, у которых после *-la* присоединяется пассивная морфема.

В этом месте выявляется несколько закономерностей. Во-первых, глаголы от прилагательных систематически допускают декаузатив (хотя, вероятно, не обходится без отдельных лексических исключений). Несколько примеров показано в (3.348):

(3.348) *jüešli* ‘мочить’ *jüešlänä* ‘намокать’ *jüeš* ‘мокрый’
ansatlɤj ‘облегчать’ *ansatlana* ‘облегчаться’ *ansat* ‘легкий, простой’
jäšelli ‘красить в зеленый цвет’ *jäšellänä* ‘зеленеть’ *jäšel* ‘зеленый’

Инструментальные глаголы, напротив, систематически исключают декаузатив. Дериваты на *-la-n* от таких глаголов могут иметь только пассивное прочтение. Это видно, в частности, из сравнения (3.284.1) и (3.284.2)

Наконец, среди глаголов с предложным комплементом наблюдается варьирование. Глаголы в (3.349) допускают декаузативный дериват:

(3.349) *ǯäfalɤj* ‘мучить, причинять страдания’ *ǯäfalana* ‘мучиться, страдать’
jaralɤj ‘ранить’ *jaralana* ‘пораниться’
kaplɤj ‘покрывать, накрывать’ *kaplana* ‘покрываться, накрываться’
majlɤj ‘маслить’ *majlana* ‘промасливаться, впитывать масло’
nigezli ‘основывать, обосновывать’ *nigezlänä* ‘основываться, обосновываться’
ɤnlɤj ‘посыпать мукой, обваливать в муке’ *ɤnlana* ‘покрываться мукой, обваливаться в муке’
parlɤj ‘парить’ *parlana* ‘париться, покрывается испариной’
jullɤj ‘направлять, указывать путь’ *jullana* ‘отправляться в путь’
nazlɤj ‘ласкать, нежить’ *nazlana* ‘нежиться’

Глаголы в (3.350), напротив, способны только к образованию пассива:

(3.350) *dägvalɤj* претендовать, оспаривать, притязать’
ǯirli ‘хоронить’
ijärli ‘седлать’
timerli ‘покрывать железом, оковывать железом’
xermätli ‘уважать, оказывать уважение, почитать’
xäterli ‘вспоминать’

В этой дистрибуции мишарских каузативно-декаузативных пар примечательно ее весьма точное соответствие типологически засвидетельствованным моделям. Если отвлечься от морфологического устройства выражений с каузативной и с декаузативной семантикой, в языках наблюдается удивительное единообразие. Для глаголов, образованных от прилагательных, естественно образовывать такие пары, для инструментальных глаголов естественно их не образовывать, среди глаголов от существительных наблюдается варьирование.

Чтобы убедиться в этом, достаточно даже беглого осмотра известных языков. (3.351a-b) показывают английскую пару, где глаголы обозначают вхождение в состояние ‘быть сухим’, описываемое прилагательным *dry* ‘сухой’, и каузацию этого вхождения:

(3.351) a. James once dried his pants in his microwave.
Однажды Джеймс посушил брюки в микроволновке.

b. His pants dried in the microwave.
Его брюки высушились в микроволновке.

Русский язык часто допускает образование не только пар, но даже троек с двумя непереходными глаголами, как в (3.352). Один из них представляет собой минимально морфологически маркированный глагол изменения состояния, а второй образуется от переходного варианта с помощью показателя *-ся*. Такая же возможность засвидетельствована в романских языках (Folli 2002, Labelle, Doron 2010):

(3.352) a. Володя высушил брюки.
b. Брюки высохли.
c. Брюки высушились.

В невозможности декаузативной пары у инструментальных глаголов можно убедиться на примерах типа (3.353)-(3.354), вновь из английского и русского:

(3.353) a. James hammered the metal (flat).
Джеймс расплющил металл молотком.

b. *The metal hammered flat.
Металл расплющился молотком.

(3.354) a. Володя просверлил стену.
b. # Стена просверлилась.
1. *‘В стене образовалось отверстие от воздействия сверла’
2. ‘Стену удалось просверлить.’

В русском языке предложение (3.354b) грамматично, однако оно не имеет декаузативной интерпретации. Единственное доступное прочтение предполагает возможность, осуществившуюся посредством целенаправленных усилий.

Наконец, как и в татарском языке, структуры, в которых глагол соединяется с предложным комплементом, допускают декаузативизацию лишь частично. Например, *промаслить* имеет декаузативный аналог *промаслиться*, иллюстрируемый в (3.355):

(3.355) Маслом, жарой и дождем истекали тучи; пока мы добрались до Волынкина двора, наше платье и волосы промокли, а может быть, не промокли, а промаслились. [Ксения Букша. Эрнст и Анна (2002)]

Седлать лишен такой возможности: (3.356) если и может быть проинтерпретировано, то лишь так же, как *просверлиться* в (3.354b), — через модальный компонент ‘удалось’:

(3.356) # Лошадь оседлалась.

В английском языке у многих глаголов с предложным комплементом наблюдается такой же контраст; соответствующие примеры опустим для экономии места.

Глаголы такого типа позволяют и сформулировать гипотезу о доступности декаузативного предиката. Рассмотрим минимальную пару в (3.357a-b) (Hale, Keyser 2002):

(3.357) a. The mud splashed on the wall.
Грязь плеснула на стену.

b. *Saddle soap smeared on my chaps.
Крем для ухода за седлом размазался по моим сапогам.

Глаголы *splash* ‘плескать, выплескивать’ и *smear* ‘мазать, намазывать’ не относятся к числу отыменных. Тем не менее они представляют ценный материал для наблюдений, поскольку проецируют клаузу, идентичную по структуре отыменным глаголам типа ‘маслить’ и ‘седлать’: глагольная вершина имеет предложный комплемент. Соответственно, их поведение может пролить свет и на интересующий нас случай.

Глаголы близки по семантике: оба предполагают нанесение некоторой субстанции на поверхность объекта. Несмотря на сходство, однако, декаузативное употребление допускает *splash* ‘плескать, выплескивать’, но не *smear* ‘мазать, намазывать’.

В свете (3.357a-b), можно сформулировать следующую гипотезу о том, чем регулируется возможность декаузативной пары к переходному глаголу.

(3.358) Обобщение о семантике способа
Глаголы, в семантике которых имеется информация о способе осуществления ситуации, не допускают декаузативизации.

К. Хейл и Дж. Кейсер описывают глаголы, удовлетворяющие условию в (3.358) (то есть *smear* ‘мазать, намазывать’ и аналогичные) как агентивно-ориентированные глаголы способа (agent-manner verbs; Hale, Keyser 2002: 34 *et seq.*): их толкование по необходимости содержит информацию о характере деятельности агенса.

Глаголы, не удовлетворяющие условию в (3.358), даже если они что-то сообщают о характере процесса, оказываются пациентивно-ориентированными. Например, таков *splash* ‘плескать’: его толкование указывает на происходящее с пациенсом — на его перемещение, распределение в пространстве и т.д.

Способ осуществления ситуации связан с наличием или отсутствием декаузативного прочтения самым непосредственным образом. Если глагол содержит в себе информацию о том, что должен делать агенс, чтобы происходящее описывалось как *smear* ‘мазать, намазывать’, в предложении должен быть агенс, хотя бы имплицитный. Если его нет, семантические требования, вшитые в толкование глагола, не удовлетворяются. (Технически К. Хейл и Дж. Кейсер реализуют эту идею с помощью индекса на глаголе, который связывается агентивным внешним аргументом.)

Агентивно-ориентированный способ имеет и еще одну семантическую (и морфосинтаксическую) корреляцию. Внешним аргументом глаголов способа типа *smear* ‘мазать, намазывать’ может быть только агенс. Требования *splash*-глаголов к внешнему аргументу более скромны: это могут быть неагентивные природные силы, артефакты, иногда события и другие эффекторы. Характерный пример показан в (3.359):

(3.359) Солнце выплеснуло на ржаво-зеленую вершину высокой горы озерцо золотого огня. [Дина Рубина]

Если все эти наблюдения верны, то, распространив их на отыменные глаголы, мы можем надеяться объяснить их возможности в плане декаузативизации. Судя по всему, обобщение в (3.358) делает в этом случае верные предсказания.

Действительно, событийная структура отадъективных глаголов устроена так, что единственная доступная лексикографическая информация — это информация о результирующем состоянии. Прилагательное сообщает, какими свойствами обладает актант по завершении описываемой ситуации, но умалчивает о том, каким способом это состояние вызывается к жизни. Мы ожидаем (и ожидания подтверждаются), что принципиальных запретов на декаузативизацию отъадъективных глаголов быть не должно.

Напротив, как мы видели выше, глаголы с инкорпорацией инструмента неизменно оказываются глаголами способа. Одна из возможностей сделать это эксплицитным — использовать тривиальное обобщение: чтобы привести в действие инструмент, необходим агенс. Эффекторы, лишенные воли и целеполагания, оперировать инструментами не могут. Дескриптивное содержание глагола типа ‘сверлить’ или ‘буравить’ в очень большой степени определяется характером взаимодействия агенса и инструмента. Это объясняет невозможность получить декаузатив от инструментальных глаголов.

Если эта линия рассуждений верна, перед нами открывается возможность объяснить, почему отыменные глаголы с предложной группой распадаются на два класса. Как кажется, релевантный параметр в этом случае — это способность объектов, обозначенных инкорпорированным именем, входить в нужное (пространственное) отношение с сущностью, обозначенной прямым дополнением, без участия агенса, а лишь под воздействием неагентивных эффекторов или случайного развития событий. Например, чтобы масло вошло в контакт с поверхностью объекта и распространилось по ней, а также проникло вглубь, в общем случае не требуются чьи-либо целенаправленные действия. Это может произойти случайным стечением обстоятельств. Это предсказывает возможность декаузативов со значением типа ‘промаслиться’. С другой стороны, артефакты типа ‘седло’ не могут самопроизвольно или под воздействием природных сил оказаться на спине лошади и закрепиться там: для этого необходимы целенаправленные усилия, то есть агенс. Соответственно, декаузатив ‘(о)седлаться’ невозможен.

Такие соображения указывают, что возможность декаузатива хотя бы частично предсказуема исходя из семантического класса инкорпорируемого существительного. Названия природных веществ, подвижных субстанций, жидкостей, или, допустим, неконтролируемых ментальных и эмоциональных состояний должны образовывать глаголы, более склонные к декаузативизации. Названия артефактов, предметов хозяйственной деятельности, механизмов и, с другой стороны, контролируемых ментальных состояний будут склонны иметь агенс в качестве внешнего аргумента и сопротивляться декаузативизации.

Мы не предлагаем более строгого анализа материала типа (3.345)-(3.350). Для целей данного описания достаточно этих неформальных рассуждений. Заинтересованный читатель может самостоятельно проверить, насколько они приложимы как к разнообразным глаголам в (3.345)-(3.350), так и к более широкому классу случаев.

3.5. Сумма наблюдений

Результаты этой главы достаточно многообразны. Данные актантных преобразований (каузатива, пассива, депациентива и реципрока / ассистива) демонстрируют важность понятия актантной структуры как характеристики глагольной основы и неадекватность европейского понятия залога применительно к татарскому материалу. Кроме того, как семантика, так и синтаксические свойства глагола, образованного в результате применения актантных дериваций к исходной основе, в основном представляют собой композициональное соединение лексических свойств этой основы и характеристик, привносимых деривационной операцией.

Подробное рассмотрение реципрокальной / ассистивной деривации приводит нас к выводу, что ассистивное значение морфемы *-š* следует рассматривать как отдельную деривацию. С семантической точки зрения, ассистив, который отличается почти полным отсутствием лексических ограничений, следует анализировать как морфему, которая вводит в семантическое представление новое подсобытие и его участника.

Анализ так называемого фальшивого каузатива, когда два каузативных показателя добавляют к структуре лишь одно новое каузирующее подсобытие и одного участника, проводится с использованием радикальной предикатной декомпозиции. Основная гипотеза, которая обосновывается в этой связи, состоит в том, что фальшивая каузативизация возникает, когда каузирующее и каузируемое подсобытия связаны не стандартным для каузатива отношением CAUSE, а инкрементальным отношением INCR.

Глаголы, образованные от существительных при помощи вербализатора *-la*, распадаются на четыре семантико-синтаксических класса. Членство в классе определяется тем, к какой структуре присоединяется предикат, обозначаемый вербализатором (к предложной группе или к именной группе), а также семантикой реализуемой вербализатором вершины V (обозначает ли она деятельность по созданию / выделению объекта, деятельность, характерную для объекта, или деятельность, осуществляемую с помощью объекта). Для дериватов от прилагательных характерны две возможности: деятельность по приведению объекта в результирующее состояние, описываемое прилагательным, и деятельность, свойственная объектам, находящимся в этом состоянии. Эти структурные особенности помогают предсказать как акциональные свойства результирующих глаголов, так и их актантную структуру.

Глава 4

СИНТАКСИС ИМЕННОЙ ГРУППЫ

ГЛАВА 4. СИНТАКСИС ИМЕННОЙ ГРУППЫ

Эта глава посвящена нескольким аспектам синтаксиса именной группы мишарского диалекта. Она состоит из трех разделов.

В разделе 4.1 «Базовая структура именной группы» (П.В. Гращенков) освещаются основные грамматические категории мишарских существительных, семантические, синтаксические и дискурсивные функции показателя посессивности, типы и структурные позиции приименных модификаторов: генитивных зависимых, относительных предложений, именных групп с атрибутивным показателем, определенных местоимений, квантификаторов, причастий, производных и непроизводных прилагательных, безгенитивных именных зависимых в так называемых изафетных конструкциях. В этом разделе показано, что в мишарской именной группе есть три структурные зоны (в порядке удаления от вершины): объектообразующая, референциально-квантификационная и денотативная.

В разделе 4.2 «Существительное в функции приименного модификатора» (П.В. Гращенков) рассматриваются различные употребления существительных в качестве модификаторов имени: три типа изафетных конструкций, нумеративная конструкция и косвеннопадежные модификаторы.

В разделе 4.3 «Иерархическая структура мишарской ИГ» (Е.А. Лютикова) намечены общие контуры иерархической структуры мишарской именной группы. На основе синтаксической дистрибуции и структурных свойств в ее составе выделяется три класса именных проекций: NP, NumP и DP.

В разделе 4.4. «Фокусное выделение в именной группе» (А.Е. Аксенова и П.А. Коваль, кроме раздела 4.4.1, написанного С.Г. Татевосовым) обсуждаются семантико-синтаксические характеристики фокуса в именной группе. Основная часть раздела посвящена фокусной частице-клитике *gɤna*, которая в мишарском диалекте, как и в татарском литературном языке, используется для фокусного выделения разнообразного материала в предложении и отдельных его компонентах. В этом разделе выявляются нетривиальные ограничения на дистрибуцию клитики, характерные для того класса случаев, когда сферой ее действия выступают составляющие именной группы. Помещая в фокусную позицию вершину именной группы и все ее модификаторы, авторы исследуют вопрос о том, как поверхностная позиция клитики коррелирует с объемом фокализованного элемента.

В разделах 4.1-4.2 представлен материал чистопольского говора (идиом с. Татарский Елтан), в 4.3-4.4 — чистопольского и сергачского говоров (соответственно идиомы с. Кутлушкино и с. Рыбушкино).

4.1. Базовая структура именной группы[1]

Этот раздел представляет обзор устройства именной группы в мишарском диалекте. В нем рассматриваются базовые категории существительных, их семантика и морфосинтаксическое выражение, инвентарь и взаимное расположение приименных зависимых.

4.1.1. Грамматические категории имени и их функционирование в составе ИГ

Существительные, личные и возвратные местоимения, а также прилагательные и местоимения-прилагательные при субстантивации получают, в соответствии с их значением и синтаксической ролью, показатели числа, посессивности и падежа. Соответствующие этим категориям морфемы располагаются именно в таком порядке.

В мишарском диалекте, как и в литературном татарском, существует бинарная оппозиция по числу: единственное vs. множественное. Аффикс множественного числа означает, что именная словоформа вводит в рассмотрение более одного референта[2]. Не маркированная числовым показателем форма может выражать не только единственность референта, но и группу референтов, которая подается как некоторое единое множество объектов, внутренняя структура которого не существенна в описываемой ситуации.

Аффикс посессивности (= притяжательности) различается по лицам. Пример притяжательной парадигмы существительного показан в Таблице 4.1, см. также 1.2.2.1.

Таблица 4.1. Парадигма посессивных форм существительного *jɤmgak* ‘клубок’

jɤmgag-ɤm	‘мой клубок’
jɤmgag-ɤŋ	‘твой клубок’
jɤmgag-ɤ	‘его клубок’
jɤmgag-ɤbɤz	‘наш клубок’
jɤmgag-ɤgɤz	‘ваш клубок’
jɤmgag-ɤ	‘их клубок’

Аффикс посессивности представлен, в частности, в так называемой изафетной конструкции[3], когда у маркируемого имени имеется зависимая именная словоформа (существительное или личное местоимение).

[1] Этот и следующий разделы опираются на данные чистопольского говора (с. Татарский Елтан Чистопольского района республики Татарстан). Изложенные ниже материалы и наблюдения легли в основу исследований Гращенков 1999, Grashchenkov 2005, Grashchenkov 2007, Гращенков 2007, Гращенков 2009, Гращенков 2015a. Теоретический анализ тюркской именной группы в последние годы активно развивался в работах Е.А. Лютиковой и ее соавторов: Лютикова, Гращенков 2008, Лютикова 2014, Lyutikova, Pereltsvaig 2015, Лютикова, Ибатуллина 2015, Lyutikova, Ibatullina 2015.

[2] Иной подход к числу, при котором предполагается, что множественное число вводит в рассмотрение не только множественные, но и единичные сущности, можно найти в Krifka 1989, Sauerland 2003, Sauerland *et al*. 2005. См также Chierchia 1998b, de Swart, Farkas 2010.

[3] Термин «изафет» происходит из арабского языка и связан прежде всего с явлением морфологического маркирования вершинного имени, обладающего своими модификаторами. Сейчас под изафетом понимается также достаточно широкий круг явлений иранских и тюркских языков. В иранских языках, в частности, изафетом называют явление морфологического маркирования существительного при любых постпозитивных зависимых.

(4.1) zufär-neŋ ata-**sʏ**
Зуфар-GEN отец-**3**
отец Зуфара

(4.2) urus ukʏtučʏ-**sʏ**
русский учитель-**3**
русский учитель

Подробно об изафетной конструкции речь пойдет в 4.2.2.

Падежные показатели располагаются после показателя посессивности и кодируют грамматические отношения и семантические роли именной группы.

Все именные морфологические показатели в ИГ получают вершинные существительные. Прилагательные и другие модификаторы имени занимают позицию вершины только при отсутствии в ИГ вершинного имени и только в этом случае принимают грамматические показатели числа, посессивности, падежа. В этой главе, однако, будет рассмотрен ряд примеров, в которых морфологическое маркирование получают лексемы, функционирующие обычно как атрибуты.

4.1.2. Функции показателя посессивности

Основной функцией показателя посессивности является указание на принадлежность объекта обладателю:

(4.3) a-lar «bez-gä büläg-**eŋ** kiräk-m-i,
он-PL мы-DAT подарок-**2SG** быть.нужным-NEG-ST.IPFV

ǯir bir bez-gä,» — di-gän-när.
земля давать.IMP мы-DAT говорить-PFCT-PL
*Они сказали: «Нам **твоего** подарка не нужно, дай нам земли».* (=T2:7)

В этом разделе нам предстоит увидеть, что дистрибуция посессивных конструкций в первом и втором лицах, с одной стороны, и в третьем — с другой, различается по нескольким параметрам.

4.1.2.1. Типы посессивных конструкций и их функциональное распределение

Конструкция, выражающая принадлежность какому-либо из трех лиц, имеет три разновидности:

- единичный показатель посессивности на существительном, как в (4.4a);
- употребленная без показателя посессивности генитивная форма местоимения, как в (4.4b);
- показатель посессивности, употребленный вместе с генитивной формой местоимения, как в (4.4c).

Для первого и второго лиц допустимы все три конструкции; для третьего неприемлема вторая конструкция.

(4.4) a. только лично-посессивный показатель на имени

dus-lar-ɤbɤz	dus-lar-ɤgɤz	dus-lar-ɤ
друг-PL-1PL	друг-PL-2PL	друг-PL-3
наши друзья	*ваши друзья*	*их друзья*

b. только личное местоимение

bez-neŋ	‖	sez-neŋ	‖	*a-lar-nɤŋ	‖	*kɤz-nɤŋ	dus-lar
мы-GEN		вы-GEN		он-PL-GEN		девочка-GEN	друг-PL

наши друзья || *ваши друзья* || **их друзья* || **друзья девушки*

c. личное местоимение + посессивный показатель

bez-neŋ	dus-lar-ɤbɤz	sez-neŋ	dus-lar-ɤgɤz
мы-GEN	друг-PL-1PL	вы-GEN	друг-PL-2PL
наши друзья		*ваши друзья*	

a-lar-nɤŋ	dus-lar-ɤ	kɤz-nɤŋ	dus-lar-ɤ
он-PL-GEN	друг-PL-3	девочка-PL-GEN	друг-PL-3
их друзья		*друзья девушки*	

Как видно из (4.4a-c), местоимения третьего лица в качестве посессора ведут себя так же, как полные ИГ. Для них маркирование вершинного имени показателем посессивности обязательно. Это отличает их от генитивных форм местоимений первого и второго лица, которые допускаются и в отсутствие посессивной морфемы на вершине.

Вопрос о функциональном распределении трех посессивных конструкций нельзя считать до конца решенным. Сформулируем гипотезу об их функционировании в первом и втором лицах, где представлена наиболее полная парадигма конструкций. Мы предполагаем, что конструкции типа (4.4b) появляются в тексте там, где происходит смена или повторное введение дейктического центра повествования, или ф о к у с а э м п а т и и. Введенный таким образом протагонист поддерживается затем в тексте более «легкими», чисто морфологическими средствами — конструкцией (4.4a). Проиллюстрируем это на примере текстового фрагмента:

(4.5)

minem	xäl-lär-gä	kil-gän-dä	šeker	genä
я.GEN	дело-PL-DAT	приходить-PFCT-SIM	слава	FOC

ber	küe	jäš-ä-p	jat-a-m.
один	в.виде	жить-ST-CONV	ложиться-ST.IPFV-1.SG

Что касается меня [= переходя к моим делам], *живу* [= живя лежу] *более-менее* [= в одном виде], *слава (Богу).* (=T17:4)

tege	sargɤlt	tawɤg-**ɤm**	kürše	čɤmaj-lar-ga	ker-e-p…
тот	желтенький	курица-**1SG**	сосед	Чымай-PL-DAT	входить-ST-CONV

Та моя желтенькая курица к соседу Чымаю заходит… (=T17:6)

šɤfan	jɤn-nɤ	kart	sarɤg-**ɤm**	bɤjɤl…
шифон	шерсть-ATR	старый	овца-**1SG**	в.этом.году

Моя старая овца с шифоновой шерстью в этом году… (=T17:7)

… nu, kɤz-**ɤm** ber tukt-a-m-ɤj
но девочка-**1SG** один переставать-ST-NEG-ST.IPFV

aš-a-r-ga sɤr-ɤj-lar…
есть-ST-POT-INF спрашивать-ST.IPFV-PL

… но, доченька, без остановки есть просят… (=T17:8)

Посессивная группа первого лица, оформленная конструкцией (4.4b), появляется в первом предложении и задает фокус эмпатии ситуации, которым в этом случае является говорящий. Далее этот протагонист поддерживается при помощи конструкции (4.4a).

Что касается конструкции (4.4c), то она употребляется, по-видимому, в тех случаях, когда требуется особое эмфатическое выделение ИГ, либо там, где налицо распространенная ИГ. Первая возможность иллюстрируется в (4.6), где текущим топиком в нескольких нарративных клаузах выступает протагонист, затем он меняется на Ильнура, а затем интересующая нас конструкция используется в предложении, где происходит возврат к исходному топику.

(4.6) **minem xäl-em** bet-te.
я.GEN сила-1SG кончаться-PST

{ЛК: Мы думали, куда теперь идти, и кто-то крикнул: «Хамида идет». Мы побежали. Я хотя и побежала самая первая, осталась сзади. Меня все обогнали. Ильнур нарочно спрятался и, чтобы нас напугать, бежал за нами, держа в руке палку.} *А **силы у меня** кончились.* (=T5:18)

Такова предварительная гипотеза о распределении посессивных конструкций в первом и втором лицах.

Что касается конструкций с третьим лицом, то здесь мы сталкиваемся с дефектной морфосинтаксической парадигмой — отсутствием конструкции типа (4.4b). Тернарная оппозиция сводится к бинарной.

4.1.2.2. Показатели посессивности в контексте зависимого существительного

Второй пример несоответствия между употреблением показателей посессивности первого и второго лица, с одной стороны, и третьего лица — с другой, мы находим при наличии у вершинного существительного зависимого имени. Соответствующая парадигма иллюстрируется в (4.7).

(4.7) a. *agač-**nɤŋ** jafrag-ɤm ‖ jafrag-ɤŋ ‖ jafrag-ɤbɤz ‖ jafrag-ɤgɤz
дерево-**GEN** лист-1SG лист-2SG лист-1PL лист-2PL

мой ‖ твой ‖ наш ‖ ваш лист дерева

b. agač jafrag-ɤm ‖ jafrag-ɤŋ ‖ jafrag-ɤbɤz ‖ jafrag-ɤgɤz
дерево лист-1SG лист-2SG лист-1PL лист-2PL

мой ‖ твой ‖ наш ‖ ваш лист дерева

c. agač(-nɤŋ) jafrag-ɤ
дерево(-GEN) лист-3

1. лист дерева
*2. *его лист дерева*

Показатели притяжательности первого и второго лица не могут употребляться при наличии зависимого имени в генитиве, как в (4.7a). Это, однако, возможно, если генитивный показатель отсутствует, ср. (4.7b). Показатель в последнем случае указывает на принадлежность фонологически невыраженному посессору соответствующего лица.

Иначе обстоит дело с аффиксом третьего лица, который, как видно из (4.7c), грамматичен как с показателем генитива, так и без него. Ни в том, ни в другом случае, однако, аффикс не указывает на принадлежность имплицитному третьему лицу.

4.1.2.3. Показатели посессивности в составе послелогов

Третий грамматический контекст, где дистрибуция показателей 1-2 и 3-го лица различается, — послеложная группа. Как и в литературном татарском языке, в мишарском диалекте имеются послелоги, которые требуют личного согласования с именной словоформой. Такие послелоги, по крайней мере диахронически, представляют собой падежные формы реляционных существительных, а послеложные группы, соответственно, сохраняют свойства генитивной конструкции. В первом и втором лицах послелоги могут употребляться как с личным местоимением в генитиве, так и без него. Однако существительное или местоимение в третьем лице не может быть опущено:

(4.8) a. (minem) jan-ɤm-a
(я.GEN) около-1SG-DAT
ко мне

b. (sineŋ) jan-ɤŋ-a
(ты.GEN) около-2SG-DAT
к тебе

c. *(a-nɤŋ) jan-ɤ-n-a
(он-GEN) около-3-OBL-DAT
к нему

d. *(urman) jan-ɤ-n-a
(лес) около-3-OBL-DAT
к лесу

4.1.3. Приименные модификаторы

Далее мы обсудим порядок расположения приименных модификаторов внутри ИГ. Перечислим категории модификаторов, релевантные с этой точки зрения.

Прежде всего, при вершинном имени могут быть другие зависимые существительные. Аппозитивные зависимые имена мы условимся обозначать как N_1, существительные, зависимость которых от вершинного имени маркируется показателем принадлежности — N_2 (эти обозначения соответствуют типам изафетных конструкций, подробнее см. в 4.2.2.). Зависимые имена, принимающие морфологическую форму генитива, будем обозначать как N_{GEN}. Непроизводные прилагательные будут представлены как ADJ_{ND}, производные — как ADJ_D, зависимые, образующиеся в результате атрибутивизации, — ATT, одиночные причастия — как PART, относительные придаточные предложения (то

есть причастия с зависимыми элементами) — как REL, указательные и неопределенные местоимения — как DET**,** порядковые, количественные числительные и кванторные местоимения (*bar, beten* ‘все, всякий, весь’ и некоторые другие с похожей семантикой) — QUANT**.** (Некоторые причины объединения кванторных местоимений и числительных в одну категорию зависимых изложены ниже.)

Изложим в общих чертах порядок расположения приименных модификаторов разных типов в мишарской ИГ.

4.1.3.1. Базовый порядок модификаторов

Схематически порядок модификаторов ИГ можно изобразить следующим образом:

N_{GEN}	REL	ATT	DET	QUANT	PART	ADJ_D	ADJ_{ND}	N_2	N_1	HEAD NOUN

Схема 4.1. Расположение модификаторов в составе ИГ

Далее мы приведем примеры на каждую пару зависимых, обходя ИГ слева направо и сопровождая их краткими комментариями.

(4.9) N_{GEN} REL

a. [[a-nɤŋ] [kičä äni-se ju-gan] [külmäk-lär-e]]
он-GEN вчера мама-3 мыть-PFCT рубашка-PL-3

его постиранные вчера матерью рубашки {a=b}

b. ?/OK[[kičä äni-se ju-gan] [a-nɤŋ] külmäk-lär-e]
вчера мама-3 мыть-PFCT он-GEN рубашка-PL-3

Как показывают (4.9a-b), при распространенном причастном обороте возможны оба варианта расположения, хотя предпочтительнее генитив на первой позиции. Генитив (если он есть) обычно фиксирует левую границу ИГ. Генитивное зависимое и относительное придаточное предложение всегда максимально удалены от вершины. Генитивная форма личных местоимений с точки зрения расположения в ИГ не отличается от генитива имен нарицательных.

(4.10) REL ATT

a. [[tezüče-lär taraf-ɤ-n-nan ütkän jɤl tez-e-l-gän]
строитель-PL сторона-3-OBL-ABL прошлый год строить-ST-PASS-PFCT

[biš bülme-le] jɤrt-lar]
пять комната-ATR дом-PL

построенные строителями в прошлом году пятикомнатные дома {a=b}

b. ?/OK[[biš bülme-le] [tezüče-lär taraf-ɤ-n-nan ütkän jɤl
пять комната-ATR строитель-PL сторона-3-OBL-ABL прошлый год

tez-e-l-gän] jɤrt-lar]
строить-ST-PASS-PFCT дом-PL

В (4.10) представлено атрибутивное зависимое, образованное при помощи аффикса *-lɤ* (аналогично ведет себя аффикс каритива *-sɤz* и, возможно, некоторые другие).

Оформляемые атрибутивизаторами зависимые отличаются от производного прилагательного тем, что аффикс создает прииименной модификатор не из отдельной основы, а из целой составляющей, как правило, — именной группы (возможно — достаточно распространенной). Таким образом, когда мы имеем атрибутивизированную составляющую, она, как и другие «тяжелые» зависимые, выносится в левую часть ИГ (о причинах этого будет сказано чуть ниже). Порядок REL ATT оценивается носителями как несколько более предпочтительный.

Для указательных местоимений порядок следования модификаторов детерминирован не столь жестко, как в предыдущем случае. Атрибутивизированная составляющая, тем не менее, стремится к левой периферии ИГ:

(4.11) ATT DET

a. [[biš jɤrt-lɤ] [tege] [awɤl]]
пять дом-ATR тот деревня
та деревня с пятью домами {a=b}

b. ?/OK [[tege] [biš jɤrt-lɤ] [awɤl]]
тот пять дом-ATR деревня

Взаиморасположение указательных местоимений и кванторных выражений, которое иллюстрируется в (4.12)-(4.13), также допускает варьирование. Однако, по оценкам некоторых носителей, порядок DET QUANT предпочтительнее обратного, в особенности в (4.13) с порядковым числительным.

(4.12) DET QUANT

a. [[bu] [beten] malaj-lar]
этот весь мальчик-PL
все эти мальчики {a=b}

b. ?[[beten] [bu] malaj-lar]
весь этот мальчик-PL

(4.13) DET QUANT

a. [[bu] [eč-enče] jɤrt]
этот три-ORD дом
этот третий дом {a=b}

b. ?/?? [[eč-enče] [bu] jɤrt]
три-ORD этот дом

Расположение кванторных выражений по отношению к нераспространенным причастиям также может меняться. Порядок в (4.14a), судя по всему, является немаркированным. Относительно (4.15) мнения носителей расходятся: некоторые рассматривают их как одинаково доступные, однако некоторые отдают предпочтение (4.15b).

(4.14) QUANT PART

a. [[bar(-lɤk)] [ez-e-l-gän] čäčäk-lär]
весь(-NOMIN) рвать-ST-PASS-PFCT цветок-PL
все сорванные цветы {a=b}

b. ?/OK [[ez-e-l-gän] [bar(-lɤk)] čäčäk-lär]
рвать-ST-PASS-PFCT весь(-NOMIN) цветок-PL

(4.15) QUANT PART

a. [[eč-enče] [ju-l-gan] tälinkä]
три-ORD мыть-PASS-PFCT тарелка
третья вымытая тарелка {a=b}

b. ? [[ju-l-gan] [eč-enče] tälinkä]
мыть-PASS-PFCT три-ORD тарелка

Следует обратить внимание на параллелизм между парами REL — ATT и PART — ADJ_D. Составляющие из первой пары — распространенный вариант составляющих из второй. Взаиморасположение PART и ADJ_D подчиняется, соответственно, тем же ограничениям, что REL и ATT[4]:

(4.16) PART ADJ_D

a. [[kat_j-kan] [keč-le] jeget]
возвращаться-PFCT сила-ATR парень
пришедший сильный парень {a=b}

b. ??/? [[keč-le] [kat_j-kan] jeget]
сила-ATR возвращаться-PFCT парень

Производные прилагательные, далее, занимают более периферийную позицию, чем непроизводные. Обратное расположение зависимых, которое показано в (4.17b), отвергается большинством носителей.

(4.17) ADJ_D ADJ_{ND}

a. [[keč-le] [ɤzɤn] jeget]
сила-ATR высокий парень
сильный высокий парень {a=b}

b. ?? [[ɤzɤn] [keč-le] jeget]
высокий сила-ATR парень

Непроизводные прилагательные расположены снаружи морфологически не маркированного существительного, вызывающего появление согласовательных показателей на вершине. Иное расположение этих элементов невозможно:

(4.18) ADJ_{ND} N_2

a. [[matur] [tatar] kɤz-ɤ]
красивый татарин девочка-3
красивая татарская девушка {a=b}

b. *[[tatar] [matur] kɤz-ɤ]
татарин красивый девочка-3

[4] (4.16b) признается допустимым носителями чистопольского говора (с. Татарский Елтан). Носители других говоров отдают предпочтение (4.16a).

Не подвержено варьированию и расположение существительных N_1 и N_2: второе размещается снаружи первого.

(4.19) N_2 N_1

a. [[urus] [agač] ɤzba-sɤ]
русский дерево дом
русский деревянный дом {a=b}

b. *[[agač] [urus] ɤzba-sɤ]
дерево русский дом-3

4.1.3.2. Левостороннее расположение распространенных составляющих

Остановимся подробнее на двух типах приименных зависимых — атрибутивизированной составляющей (ATT) и производных прилагательных (ADJ_D), с одной стороны, и относительных придаточных (REL) и причастиях (PART) — с другой. Эти две пары зависимых похожи с точки зрения поверхностной дистрибуции и стоящих за ней принципов, поэтому мы предложим совместное описание тех и других.

Основной вопрос — почему распространенные причастные обороты и единичные причастия (и, соответственно, атрибутивизированные ИГ и производные прилагательные) занимают разные структурные позиции. Идентичность формальных средств (это показатель причастия и атрибутивизаторы) указывает на то, что грамматическая природа членов каждой пары также одинакова. Причастные обороты и атрибутивизированные ИГ, с одной стороны, и единичные причастия и производные прилагательные, с другой, различаются лишь количеством входящих в их состав словоформ. Кроме того, кажется правдоподобным, что перемещение распространенных («тяжелых») модификаторов на левую периферию ИГ — маркированный вариант оформления зависимых (см. Схему 4.1). Расположение причастий и производных прилагательных ближе к имени соответствует немаркированному исходному варианту.

Обсудим две возможные причины, по которым тяжелые зависимые размещаются в левой окрестности ИГ. Каждая из них связана с синтаксическим парсингом при восприятии и анализе высказывания, см. Hawkins 1994, Frazier, Clifton 1996.

Первая возможность — разрешение синтаксической неоднозначности. Рассмотрим следующие примеры:

(4.20) a. [ak tap]-lɤ sɤjɤr
белый пятно-ATR корова
корова с белыми пятнами

b. [ike mäktäp]-le awɤl
два школа-ATR деревня
деревня с двумя школами

(4.21) a. tap-lɤ ak sɤjɤr
пятно-ATR белый корова
белая корова с пятном || пятнами

b. mäktäp-le ike awɤl
школа-ATR два деревня
две деревни с (одной) школой (каждая)

Аффикс *-lɤ* способен оформлять в одну составляющую предшествующий материал, как видно из (4.20a-b). В (4.21) порядок элементов совместим с единственным анализом: производное прилагательное модифицирует вершину независимо от числительного в (4.21b) и непроизводного прилагательного в (4.21a). Порядок в (4.20), однако, потенциально допускает два анализа: когда непроизводное прилагательное и числительное входят в атрибутивизированную составляющую, как в (4.20), и когда они модифицируют вершину:

(4.22) a. *ak [tap]-lɤ sɤjɤr
белый пятно-ATR корова
белая корова с пятнами

b. *ike [mäktäp]-le awɤl
два школа-ATR деревня
две деревни со школой

Как показывают (4.22a-b), в действительности последняя возможность недоступна. Это позволяет предположить, что в мишарском диалекте закрепился грамматикализованный порядок «атрибутивизированные составляющие > числительные и непроизводные прилагательные». Потенциальная синтаксическая неоднозначность, которая присутствует в (4.20) и (4.22), таким образом, избегается. Этот же механизм стоит и за различием в расположении причастных оборотов и одиночных причастий.

Вторая возможная причина грамматикализации порядка «ветвящиеся зависимые > неветвящиеся зависимые» связана с эффективностью парсинга. Увидеть это помогает предложенный Дж. Хокинзом (Hawkins 1990) подсчет эффективности распознавания синтаксической структуры.

Для сравнения вычислительной эффективности двух высказываний Дж. Хокинз предлагает использовать так называемый коэффициент отношения количества составляющих к количеству словоформ. Этот коэффициент вычисляется следующим образом: для каждой словоформы некоторой составляющей подсчитывается отношение количества составляющих, уже поступивших на вход (то есть номер текущей составляющей), к количеству всех воспринятых словоформ с того момента, когда началось, и до тех пор, пока не закончится распознавание всей синтаксической конфигурации. Для краткости будем обозначать этот коэффициент как КСС («коэффициент составляющая / словоформа»). КСС сложной составляющей вычисляется как среднее всех ее коэффициентов. Чем выше КСС, тем более эффективно осуществляется восприятие синтаксической структуры. Рабочая память слушающего задействуется в наименьшей степени, поскольку он не накапливает нераспознанные составляющие. Это иллюстрируется примерами из Hawkins 1990 в Таблице 4.2:

Таблица 4.2. Зависимость КСС от порядка составляющих

Порядок	Конфигурация	КСС
N_ADJ_[Comp S]	movies good [that Bill will see] 1 / 1 2 / 2 3 / 3	100%
N_[Comp S]_ADJ	movies [that Bill will see] good 1 / 1 2 / 2 2 / 3 2 / 4 2 / 5 3 / 6	68%
[S Comp]_ADJ_N	[Bill will see that] good movies 1 / 1 2 / 2 3 / 3	100%
ADJ_[S Comp]_N	good [Bill see will that] movies 1 / 1 2 / 2 2 / 3 2 / 4 2 / 5 3 / 6	68%

Согласно гипотезе Дж. Хокинза, языки, обладающие структурой в первой и третьей строках, должны преобладать над теми, структура которых соответствует второй и четвертой строкам. Примером языков, соответствующих первой строке, могут служить

романские; языков, структура которых указана в третьей строке, — тюркские. Базовые структуры, указанные во второй и четвертой строках, вычислительно менее эффективны и либо более редки, либо вовсе не засвидетельствованы, см. Hawkins 1990, Hawkins 1994. В (4.23a) представлена ИГ с левым выносом тяжелых зависимых — такая, которая существует в тюркских языках на самом деле. В (4.23b) показана гипотетическая структура с порядком *ADJ_{ND} > ATT:

(4.23) a. [zengär küz-le] [matur] [kɤz]
голубой глаз-ATT красивый девочка
1 / 1 2 / 2 3 / 3
красивая девушка с голубыми глазами {a=b}

b. [matur] [zengär küz-le] [kɤz]
красивый голубой глаз-ATT девочка
1 / 1 2 / 2 2 / 3 3 / 4

КСС в первом случае составляет 100%, а во втором — лишь 82%. Если верно, что конфигурации, более эффективные с точки зрения использования рабочей памяти слушающего, имеют преимущество при грамматиказилации, мы получаем объяснение для обсуждавшегося в этом разделе ограничения на порядок составляющих мишарской именной группы.

4.2. Существительное в функции приименного модификатора

4.2.1. Семантические отношения между существительными в конструкциях разных типов

Эта часть посвящена именным группам, в которых функцию модификатора выполняют имена существительные. Здесь тюркские языки также предоставляют чрезвычайно богатый набор способов оформления синтаксической зависимости. Основные морфосинтаксические возможности иллюстрируются в (4.24)-(4.28):

(4.24) Изафетная конструкция 3
bez-neŋ **awɤl-nɤŋ** **isem-e** jaltan dip at-a-l-a.
мы-GEN **деревня-GEN** **имя-3** Елтан SUB называть-ST-PASS-ST.IPFV
Наша деревня [= **нашей деревни имя**] *называется Елтан.* (=T2:1)

(4.25) Изафетная конструкция 2
alajsa **kaban** **duŋgɤz-lar-ɤ** kür-e-n-ä di.
тогда **кабан** **свинья-PL-3** видеть-ST-DEPAT-ST.IPFV говорить.IPFV
А то, говорят, там встречаются дикие кабаны [= **кабаньи свиньи**]. (=T8:6)

(4.26) Изафетная конструкция 1
ä anda närsä-lär genä juk: **altɤn** **kemeš** **beläzek-lär**, alka-lar…
а там что-PL FOC нет **золото** **серебро** **браслет-PL** серьга-PL
{ЛК: Девочка открыла сундуки,} *а там чего только нет:* ***золотые, серебряные браслеты****, серьги…* (=T13:57)

(4.27) Конструкция с атрибутивизированной ИГ

bu ǯir-lär terle balɤk-lɤ jɤlga kül-lär-gä…
этот земля-PL **разный** **рыба-ATR** **река** **озеро-PL-DAT**

bik baj bul-a.
очень богатый быть-ST.IPFV

Эти земли были очень богаты ***реками (и) озерами с разными видами рыб*** [= с разными рыбами]. (ср. T1:4)

(4.28) Нумеративная конструкция

min **ber** **stakan** **čäj** genä eč-ä-m.
я **один** **стакан** **чай** FOC пить-ST.IPFV-1SG

Я пью только ***один стакан чая***.

Изафетные конструкции первого, второго и третьего типов показаны в (4.24)-(4.26). Они различаются двумя параметрами: наличием показателя генитива у посессора и согласованием, реализуемым на вершине. В ИК3, иллюстрируемой в (4.24), представлен и генитивный посессор (N_{GEN}), и согласование, в ИК2 в (4.25) — безгенитивный посессор (N_2) и согласование, в ИК1 в (4.26) — безгенитивный посессор (N_1), не вызывающий согласования. Атрибутивизированная составляющая (АС) с показателем *-le* показана в (4.27). Нумеративная конструкция (НК), которая употребляется для обозначения количества неисчисляемого вещества, иллюстрируется в (4.28).

Данные о семантическом распределении конструкций представлены в Таблице 4.3 (ср. (ТГ 1992: 65-77)). В первом столбце дается ярлык для типа отношений. За ними следуют толкование и пример мишарской ИГ, которая представляет собой первый выбор носителей мишарского диалекта при предъявлении русского стимульного материала. Далее указаны засвидетельствованные варианты морфосинтаксического кодирования; для АС приводится тип атрибутивизатора. Факторы, обусловливающие выбор между ИК2 и ИК3 в тех случаях, когда допускаются оба, подробно обсуждаются в 4.2.2.

Таблица 4.3. Типы семантических отношений и их кодирование[5]

Тип семантических отношений	Толкование	Мишарский пример	Кодирование
ЧАСТИ ТЕЛА	‘рука мужчины’	*ir-at kul-ɤ*	ИК2 или ИК3
	‘голова женщины’	*xatɤn-kɤz baš-ɤ*	
НЕОТЧУЖДАЕМОЕ	‘палец ребенка’	*bala-nɤŋ barmag-ɤ*	ИК2 или ИК3
	‘глаза девочки’	*kɤz-nɤŋ küzlär-e*	
ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ	‘крыша дома’	*ɤzba baš-ɤ*	ИК2 или ИК3
	‘ствол дерева’	*agač bɤtag-ɤ*	
РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	‘брат учителя’	*ukɤtučɤ-nɤŋ ene-se*	ИК2 или ИК3
	‘сын помещика’	*baj-nɤŋ malaj-ɤ*	
ОБЛАДАНИЕ	‘дом учителя’	*ukutučɤ jɤrt-ɤ*	ИК2 или ИК3
	‘серьги девушки’	*kɤz-nɤŋ alka-sɤ*	
МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	‘друг пастуха’	*ketüče dus-ɤ*	ИК2 или ИК3
	‘воины царя’	*patša-nɤŋ sugɤščɤlar-ɤ*	
СВОЙСТВО	‘красота женщины’	*xatɤn maturlɤg-ɤ*	ИК2 или ИК3
	‘сила слова’	*keč süz-e*	

[5] В основу Таблицы 4.3 легла типологическая анкета генитивных значений, составленная М. Копчевской-Тамм (см., например, Koptjevskaja-Tamm 2003).

Тип семантических отношений	Толкование	Мишарский пример	Кодирование
ОТЧУЖДАЕМЫЕ СВОЙСТВА	‘смелость девушки’	*kɤz-nɤŋ ütkenleg-e*	ИК2 или ИК3
	‘здоровье спортсмена’	*sportsmen-neŋ isänleg-e*	
ИСТОЧНИК	‘голос учителя’	*ukɤtučɤ tawɤš-ɤ*	ИК2 или ИК3
	‘злость начальника’	*direktɤr-nɤŋ aču-ɤ*	
УСИЛЕНИЕ	‘герой (из) героев’	*batɤr-nɤŋ batɤr-ɤ*	ИК3
	‘народ народов’	*xalɤk-nɤŋ xalɤg-ɤ*	
СХОДСТВО	‘кошачьи глаза’	*macɤ küz-e*	ИК2 или ИК3
	‘птичья голова’	*kɤš baš-ɤ*	
ПРИЧИНА	‘крик боли’	*awɤrtu tawɤš-ɤ*	ИК2 или ИК3
	‘слезы радости’	*šatlɤk jaš-e*	
ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ	‘детская больница’	*balalar balnits-e*	ИК2 или ИК3
	‘бельевая веревка’	*ker ǯeb-e*	
СОСТАВ	‘яблочный сок’	*alma sug-ɤ*	ИК2 или ИК3
	‘мясное блюдо’	*it rizɤg-ɤ*	
НАЦИОНАЛЬНОСТЬ	‘русская водка’	*urus arakɤ-sɤ*	ИК2[6]
	‘татарская природа’	*tatar tabigät-e*	
НАЗВАНИЯ	‘река Волга’	*idel jɤlga-sɤ*	ИК2[7]
	‘дерево дуб’	*imän agač-ɤ*	
ИМЕНОВАНИЯ ЛЮДЕЙ	‘Абзуния апа[8]’	*abzunijä apa*	ИК1
	‘бабушка Файма’	*fäjmä äbi*	
ПРОФЕССИЯ	‘девушка бригадир’	*brigadir kɤz*	ИК1
	‘сторож Ахмет’	*karawɤlčɤ äxmät*	
МАТЕРИАЛ	‘золотое кольцо’	*altɤn jezek*	ИК1
	‘кирпичный дом’	*taš jɤrt*	
ЛОКАЛИЗАЦИЯ	‘улицы города’	*šaxär-dä-ge uramnar / šaxär uramnar-ɤ*	АС-*gɤ* или ИК2-3
	‘лесные звери’	*urman-da-gɤ jɤrtkɤčlar / urman jɤrtkɤčlar-ɤ*	
БЕЗОТНОСИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ	‘весенний цветок’	*jaz-gɤ čeček / jaz čečeg-e*	АС-*gɤ* или ИК2-3
	‘дневная жара’	*ken-dä-ge ǯar*	
ДЕЙКТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ	‘вчерашняя ссора’	*kičä-ge talaš*	АС-*gɤ*
	‘завтрашний день’	*irtägä-ge ken*	
КАЧЕСТВО	‘писатель большого таланта’	*zur sälät-le jazučɤ*	АС-*lɤ*
	‘длинноногая девушка’	*ɤzɤn ajak-lɤ kɤz*	
ДЛИТЕЛЬНОСТЬ	‘трехдневный отпуск’	*eč ken-nek jal*	АС-*lɤk* или АС-*lɤ*
	‘двухчасовая дорога’	*ike sägat$_j$-lek jul*	
ВОЗРАСТ	‘девочка пятнадцати лет’	*un biš eš-lek kɤz*	АС-*lɤk* или АС-*lɤ*
	‘двухмесячный ребенок’	*ike aj-lɤk bala*	
КОЛИЧЕСТВО	‘деревня в двадцать человек’	*jegerme keše-le awɤl*	АС-*lɤ* или АС-*lɤk*
	‘седло по цене лошади’	*at xat$_j$-le ijär*	
ПАРТИТИВ	‘тарелка супа’	*ber tälinkä aš*	НК
	‘горсть горошка’	*ber uč bɤrčak*	

Как видно из таблицы, в значительной части случаев в мишарском диалекте допускается выбор между ИК2 и ИК3. Соответственно, возникает вопрос о том, чем обусловлен этот выбор. Следующий раздел целиком посвящен ответу на этот вопрос.

[6] В случае ИК3 единственно возможные прочтения — ‘водка (этого) русского’, и ‘природа этого татарина’.

[7] В случае ИК3 — *приток, рукав Волги*.

[8] *Ana* ‘лицо женского пола старше говорящего’, также ‘старшая сестра’ и ‘тетя’.

4.2.2. Изафетная конструкция[9]

4.2.2.1. Исходные гипотезы

Минимальная пара, содержащая ИК2 и ИК3, показана в (4.29):

(4.29) a. ИК3
malaj-nɤŋ kitap-lar-ɤ
мальчик-GEN книга-PL-3
книги мальчика

b. ИК2
malaj kitap-lar-ɤ
мальчик книга-PL-3
книги мальчика

Многие авторы предполагают, что разница между ИК3 и ИК2 связана с типом выражаемых ими семантических отношений: «Притяжательным падежом обозначается предмет (лицо) — обладатель, т.е. выражается конкретная принадлежность, тогда как основной падеж в аналогичной функции осуществляет лишь определительные отношения между предметами. Так, например, в сочетании *баланың уенчыгы* ‘игрушка ребенка’ предмет определяется по принадлежности, т.е. имя существительное выступает в качестве лица — обладателя, а в сочетании *бала уенчыгы* ‘детская игрушка’ — лишь по назначению, а не по принадлежности» (ТГ 1993: 49).

Действительно, существует ряд семантических ограничений на употребление ИК2 и ИК3. С личными местоимениями ИК3 обязательна, а с собственными именами — близка к обязательной (см., однако, (4.40)-(4.41) и обсуждение в 4.2.2.2).

(4.30) a. zefär-**neŋ** ata-**sɤ**
Зуфар-**GEN** отец-**3**
отец Зуфара

b. ??zefär ata-**sɤ**
Зуфар отец-**3**
отец Зуфара

В то же время, например, с атрибутом, обозначающим национальность (‘русский писатель’, ‘французские духи’ и т.д.), обязательна ИК2.

(4.31) a. urɤs ukɤtučɤ-**sɤ**
русский учитель-**3**
русский учитель[10]

b. urɤs-**nɤŋ** ukɤtučɤ-**sɤ**
русский-**GEN** учитель-**3**
*1. *русский учитель*
2. учитель (этого) русского (человека)

[9] Этот раздел опирается на статью Гращенков 2007.

[10] Именная группа допустает партитивное прочтение ‘учитель из русских’.

Таблица 4.3, однако, показывает, что для большинства семантических отношений допустимы обе формы, а распределение между ИК2 и ИК3 в подавляющем большинстве случаев нельзя описать в терминах грамматических запретов. Выбирая между этими конструкциями, носители интуитивно оценивают одну из них как основную, а вторую — как менее предпочтительную, но допустимую; исключения составляют названия (обязательна ИК2), а также значения усиления (обязательна ИК3) и национальности (обязательна ИК2). Даже в случае собственных имен и имен родства (в первом — более маргинально, во втором — достаточно свободно) многие носители допускают употребление безгенитивных форм; см. подробнее 4.2.2.2.2.

Более того, носители мишарского диалекта считают допустимой невозможную, согласно ТГ 1993: 49, для литературного татарского притяжательную интерпретацию словосочетания *бала уенчыгы* — ‘игрушка (какого-то) ребенка’.

Таким образом, объяснение различий между ИК2 и ИК3 в терминах семантических отношений делает недостаточно точные предсказания о дистрибуции этих конструкций, в частности, не объясняет, почему при выражении большинства типов семантических отношений обе они доступны одновременно и чем объясняется их сравнительная предпочтительность в каждом конкретном случае.

Существуют, однако, и другие объяснения дистрибуции ИК2 и ИК3. Одно из них связывает эту проблему с референциальным статусом зависимого имени. Здесь существуют две точки зрения. Большинство тюркологов, описывающих правила выбора между ИК3 и ИК2, считает, что этот выбор зависит от (не)определенности зависимой ИГ: «родительный падеж во всех тюркских языках выступает в тех случаях, когда необходимо отметить грамматическую определенность субъекта принадлежности» (Севортян 1956: 48).

Сторонники другой точки зрения утверждают, что релевантным фактором, определяющим тип ИК, является (не)референтность объектов, выражаемых зависимым существительным (ср., например, Nilsson 1978, где референтность рассматривается как один из возможных факторов, влияющих на выбор оформленного / неоформленного аккузатива в турецком языке, ср. также Enç 1991).

На наш взгляд, именно поиски в этом направлении способны дать адекватный ответ на вопрос о дистрибуции изафетных конструкций, однако, как будет показано ниже, рассмотрение референциального статуса ИГ является необходимым, но не достаточным условием адекватного анализа.

В числе прочих факторов, влияющих на выбор (не)оформленного генитива, упоминается внутренняя структура ИГ: «Употребление изафета III (в наших терминах — ИК3 — *П.Г.*) строго обязательно в следующих случаях: ... 3) Первый член изафета определяется указательным местоимением, именем прилагательным, числительным или снабжен аффиксом принадлежности...» (Кононов 1956). Иными словами, если зависимое существительное в ИГ является, в свою очередь, вершиной ИГ, содержащей прилагательные, причастия, определенные местоимения и другие определения, предпочтительно употреблять показатель генитива:

(4.32) [kɤrɤk ber – kɤrɤk ike-nče jɤl-**nɤŋ** ‖ ʔjɤl-∅] ƹäj-**e**-n-dä...
сорок один сорок два-ORD год-**GEN** лето-**3**-OBL-LOC

Летом сорок первого – сорок второго года... (←T3:2)

В (4.32) именная группа ‘сорок первый – сорок второй год’, возглавляемая существительным ‘год’, зависит от существительного ‘лето’. В этом случае носители оценивают безгенитивное оформление ИГ как близкое к неграмматичному.

Та же закономерность наблюдается и тогда, когда, кроме зависимого имени, у вершины ИГ имеются другие, неименные зависимые: зависимое имя в таком случае оформляется генитивом. Это иллюстрируется в (4.33a-d):

(4.33) a. malaj-**nɤŋ** kitap-lar-ɤ
мальчик-**GEN** книга-PL-3
книги мальчика

b. malaj kitap-lar-ɤ
мальчик книга-PL-**3**
книги мальчика

c. malaj-**nɤŋ** bu kalɤn kitap-lar-ɤ
мальчик-**GEN** этот толстый книга-PL-**3**
эти толстые книги мальчика

d. *malaj bu kalɤn kitap-lar-ɤ
мальчик этот толстый книга-PL-**3**
эти толстые книги мальчика

Как показывают (4.33a-d), если вершина ‘книги’ имеет только именное зависимое, то и ИК2 и ИК3 рассматриваются как полностью грамматичные. Однако если в составе ИГ появляются другие зависимые от ‘книги’ — например, указательное местоимение ‘тот’ и прилагательное ‘толстый’, — употребление генитива становится близким к обязательному.

Это ограничение теоретически можно было бы проанализировать в терминах основосложения и сопоставить ИК2 синтаксическую структуру, аналогичную той, которую имеют сложные слова, например, в германских языках:

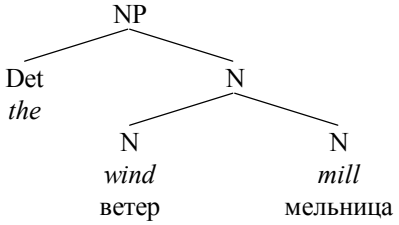

Схема 4.2. Основосложение в английском языке (*the windmill* ‘ветряная мельница’)

Этот анализ правильно предсказывает невозможность иметь отдельные зависимые для образующих сложное существительное именных основ *wind* ‘ветер’ и *mill* ‘мельница’, а также контактное расположение обоих элементов. И действительно, германские сложные существительные в этом отношении ведут себя аналогично ИК2 в тюркских языках, ср. *the gentle wind mill* *‘мельница, работающая на слабом ветре’ и **the wind huge mill* ‘ветряная огромная мельница’. Для татарского языка, однако, этот анализ должен быть отвергнут, поскольку нарушается фундаментальное допущение, что конкретную референцию могут иметь только полные именные группы, но не именные основы — см., например, (4.33b), в котором вводится в рассмотрение конкретно-референтный, хотя и неопределенный мальчик. Аналогичная английская ИГ *boy books*, по мнению носителей

английского языка, не является грамматичной; если она и может быть как-либо проинтерпретирована, то ‘мальчик’ допускает только генерическое (≈ ‘книги для мальчиков’), а не конкретно-референтное прочтение.

Тот факт, что аналогом ИК3 в русском языке являются генитивные ИГ, а для перевода ИК2 регулярно предлагаются ИГ с относительным прилагательным (ср. толкования ‘игрушка ребенка’ и ‘детская игрушка’ в процитированном выше обобщении из ТГ 1993: 49), позволяет сформулировать еще одну гипотезу: различие между ИК2 и ИК3 состоит в том, что генитивное зависимое в ИК3 может быть антецедентом анафорических выражений, а неоформленное зависимое в ИК2 не может.

В русском языке с анафорическими свойствами ИГ связаны правила выбора между генитивом (или зависимыми вершинного имени в других косвенных падежах) и относительным прилагательным. Различие между предложениями (a) *Царский$_i$ указ$_j$, который$_{*i,\,j}$ отличался чрезвычайной жестокостью, заставил трепетать всю Россию* и (b) *Указ$_i$ царя$_j$, который$_{i,j}$ отличался чрезвычайной жестокостью, заставил трепетать всю Россию* состоит в том, что в (b) антецедентом *который* может быть и *указ*, и *царь*, а в (a) — только *указ*: генитивное зависимое допускает установление анафорических отношений, а в случае относительного прилагательного это невозможно.

Однако обе татарские конструкции, как при оформленном, так и при неоформленном зависимом, допускают установление анафорических отношений с зависимым:

(4.34) a. zefär mäktäp-**neŋ**$_i$ kitab-ʏ-n jugal-t-tʏ.
Зуфар школа-**GEN** книга-**3**-OBL.ACC теряться-CAUS-PST

ul$_{i,\,j}$ anar-dan bütän kitap sʏr-a-dʏ.
он он.OBL-ABL другой книга спрашивать-ST-PST

*Зуфар потерял книжку (из) школы$_i$. **Он(а)**$_{i,j}$ потребовал(а) от Зуфара другую.* {a=b}

b. zefär mäktäp$_i$ kitab-ʏ-n jugal-t-tʏ.
Зуфар школа книга-**3**-OBL.ACC теряться-CAUS-PST

ul$_{i,\,j}$ anar-dan bütän kitap sʏr-a-dʏ.
он он.OBL-ABL другой книга спрашивать-ST-PST

(4.35) a. kap-ka tebendä ätä-**neŋ**$_i$ at-ʏ bas-ʏ-p tʏr-a.
двор-DAT в отец-**GEN** лошадь-**3** вставать-ST-CONV стоять-ST.IPFV

ul$_{i,j}$ čʏk-tʏ da a-nʏ süt-te.
он выходить-PST EMPH он-ACC развязывать-PST

*Во дворе стояла лошадь отца$_i$. **Он**$_{i,\,j}$ вышел и отвязал ее.* {a=b}

b. kap-ka tebendä ätä$_i$ at-ʏ bas-ʏ-p tʏr-a.
двор-DAT в отец лошадь-**3** вставать-ST-CONV стоять-ST.IPFV

ul$_{i,j}$ čʏk-tʏ da a-nʏ süt-te.
он выходить-PST EMPH он-ACC развязывать-PST

И в (4.34), и в (4.35) анафорическое местоимение *ul* ‘он, она, оно’ допускает кореферентность зависимому элементу именной группы в предыдущем предложении, помеченному индексом *i* (*mäktäp* ‘школа’ и *ätä* ‘отец’), независимо от того, оформляется ли это зависимое генитивным показателем. (При этом, конечно, существует и другая воз-

можность: антецедентом местоимения может быть именная группа, размещающаяся в предшествующем отрезке дискурса; ‘он’ — некто, о ком речь шла ранее.)

Это свойство отличает ИК2 и ИК3 от других конструкций с именным зависимым, в частности, от так называемой первой изафетной конструкции:

(4.36) bu bez-**neŋ** agač$_i$ ü$_j$.
этот мы-**GEN** дерево дом
Это наш деревянный$_i$ дом$_j$.

ul$_{*i, j, k}$ urman-nan kajt-a-r-ɤ-l-gan.
он лес-ABL возвращаться-ST-CAUS-ST-PASS-PFCT
Он(о)$_{*i, j, k}$ *привезен(о) из леса.*

Антецедентом местоимения *ul* в (4.36) может быть именная группа в предшествующем контексте (k) и именная группа ‘дом’ (j), но не может быть ‘дерево’ (i).

Таким образом, как показывают примеры (4.34)-(4.35), гипотеза о том, что ИК3 отличается от ИК2 возможностью быть антецедентом для ИГ, следующих за ней в дискурсе, оказывается неверной.

Все представленные выше способы объяснить, чем определяется выбор ИК2 или ИК3 (кроме гипотезы об анафорическом характере этого морфосинтаксического противопоставления), подкрепляются убедительными примерами и, более того, получают экспериментальное подтверждение. Однако ни одно из этих объяснений в отдельности не покрывает всего диапазона употреблений конструкций с именными зависимыми и не предсказывает дистрибуцию изафетных конструкций с достаточной точностью. Особенно интересны в этой связи те случаи, когда один из упомянутых выше факторов, например, референциальный статус, благоприятствует выбору ИК3, а другой, например, синтаксическая структура ИГ — выбору ИК2.

Ниже мы предложим многофакторный анализ дистрибуции изафетных конструкций, который дает хорошие предсказательные результаты и подкрепляется экспериментальными данными.

4.2.2.2. Выбор между ИК3 и ИК2: семантика, прагматика, структура

4.2.2.2.1. Определенность. Прежде всего нам предстоит ответить на вопрос, в какой мере на дистрибуцию изафетных конструкций влияет референциальный статус ИГ, а также какой именно из двух возможных референциальных факторов — определенность или референтность — играет ключевую роль.

Чтобы определить условия генитивного кодирования именного зависимого, мы использовали экспериментальные методы исследования. Первый из таких методов — перевод связного текста с языка-посредника на исследуемый язык, который далее называется *экспериментом по конструированию дискурса*.

Основная идея эксперимента состоит в том, что, если выбор между ИК2 и ИК3 определяется референциальным статусом ИГ, можно ожидать, что носители при построении дискурса либо последовательно употребляют, либо последовательно опускают показатель генитива в зависимости от определенности или референтности ИГ. Смоделировав дискурс таким образом, чтобы определенность и референтность каждой

именной группы была заранее известна, исследователь получает возможность рассчитать ожидаемую дистрибуцию изафетных конструкций и проверить, насколько она отличается от реальной дистрибуции.

Для перевода был составлен текст (имена и их зависимые, при переводе которых ожидалось употребление ИК2 или ИК3, выделены полужирным курсивом).

Текст был предложен троим носителям мишарского диалекта (см. Таблицу 4.4, носители 1-3). Их задачей было прочитать русский вариант текста и перевести его, не отходя от описываемых в тексте событий, с одной стороны, и осуществляя перевод таким образом, как будто они рассказывают этот текст самостоятельно (т.е. настолько естественно, насколько это возможно) — с другой.

Пастуший конь. У ***одного пастуха*** были ***красивые конь и пес***. Каждый день они ***стадо баранов*** пасли. ***Сил у коня и пса*** совсем не оставалось. Надоело им работать, и как-то раз они взяли да убежали. Долго шли, ***у пса ноги*** совсем устали. Приходят в лес. Навстречу им громадная ***стая волков. Вожак стаи*** и говорит:
— Давно я ***конской головы*** не ел!
Понял пес, что ***коня голову*** съесть хотят, и говорит:
— Зачем тебе ***голова коня***, съешь лучше мою!
— Не нужна мне ***собачья голова***, а вот ***конского брюха*** я давно не пробовал!
Пес догадался, что волк думает, как бы ***брюхо коня*** сожрать, и говорит:
— ***Конское брюхо*** не бывает вкусным, съешь лучше мое!
— Не стану я ***собачье брюхо*** жевать, а вот ***конской ноги*** мне очень хочется!
Пес понимает, что сейчас волк ***коню ноги*** пооткусывает, и говорит:
— Нечего тебе, волк, ерунду говорить!
А сам как побежит! Конь за ним. Погнался следом волк, да не догнал. Шли они, шли, встречают ***детей пастуха***, те их поймали и привели к ***пастуху в дом***. Пастух отрубил ***коню голову***, сварил и съел. Из ***хвоста коня*** помело сделали, а собаке ***баранью ногу*** дали.

(4.37) представляет собой начало одного из переводов, предложенных носителями:

(4.37) a. ber ketüče-neŋ matur at-ɤ xäm kɤčɤg-ɤ bul-gan.
один пастух-GEN красивый конь-3 и пес-3 быть-PFCT
У одного пастуха были красивые конь и пес.

b. a-lar här ken sarɤk ketü-e ket-ä-lär, at belän kɤčɤk-nɤŋ
он-PL каждый день баран стадо-3 пасти-ST.IPFV-PL конь и пес-GEN

keč-lär-e betenläj kal-m-ɤj.
сила-PL-3 совсем оставаться-NEG-ST.IPFV
Каждый день они стадо баранов пасли, (так что) сил у коня и пса совсем не оставалось.

Другой группе из трех носителей (см. Таблицу 4.4, носители 4-6) был предложен модифицированный вариант текста, в котором на месте исследуемых ИГ стояли соответствующие мишарские лексемы без окончаний:

.... ber ketüče___ matur at___ xäm kɤčɤk___ были. Каждый день они bärän___ ketü___ пасли, так что at___ xäm kɤčɤk___ kеč___ совсем не оставалось...
...У одного пастуха были ***красивые конь и пес***. Каждый день они ***стадо баранов*** пасли. ***Сил у коня и пса*** совсем не оставалось...

Носители должны были поставить на зависимое имя, когда это было, по их мнению, необходимо, морфему генитива, как, например, в (4.38):

(4.38) ber ketüče**neŋ** matur atɤ xäm kɤčɤgɤ были. Каждый день они bäränner ketüen пасли, так что at**nɤŋ** xäm kɤčɤk**nɤŋ** kečläre совсем не оставалось.

Модифицированный вариант текста позволяет минимизировать возможное влияние форм русского перевода на выбор мишарских форм, прежде всего тенденцию переводить русские формы относительных прилагательных при помощи ИК2, а русский генитив — при помощи ИК3 (см. выше гипотезу об анафорических отношениях и цитату из ТГ 1993: 49). Тем не менее немногочисленные расхождения между двумя группами носителей не оказались значимыми.

Результаты эксперимента по конструированию дискурса приведены в Таблице 4.4. Нумерация соответствует релевантным именным группам. Для краткости татарские лексемы опущены; указаны лишь выбранные носителями формы. ИК3 соответствует значение «+», ИК2 — «-». Носители 1-3 работали с исходным вариантом текста, носители 4-6 — с модифицированным. Имена, для которых проверяется наличие / отсутствие показателя генитива, выделены полужирным курсивом. В скобках указываются русские кальки с татарских ИГ, использовавшихся в модифицированном тексте. В колонке «РС» («референциальный статус») приводится референциальный статус ИГ, возглавляемых зависимыми (=выделенными) существительными: НР — нереферентные ИГ; Р — референтные неопределенные ИГ; О — определенные ИГ).

Как видно из Таблицы 4.4, в тексте имеется 23 именные группы, потенциально допускающие выбор между ИК2 и ИК3. 11 из них являются определенными, 5 — неопределенными референтными, и 7 — нереферентными.

В первом предложении нарративной последовательности («У одного пастуха были красивые конь и пес») вводятся основные участники описываемых событий — пастух, конь и пес. При первом вхождении этих референтов в нарративный дискурс они имеют неопределенно-референтный статус, при всех последующих — определенно-референтный (ИГ № 4-6, 10, 14, 18-22). Важно также, что один из объектов (*пастух*), будучи упомянут в самом начале текста, вторично появляется лишь к его концу. Два других основных героя (*пес* и *конь*) актуализированы для говорящего (и слушающего) на протяжении всего текста. Кроме того, определенным является зависимое в ИГ № 8 ‘вожак стаи’: референт ‘стая’ введен в предшествующем предложении.

Зависимый элемент ИГ № 3 ‘стадо баранов’, № 7 ‘стая волков’, № 23 ‘нога барана’ имеет неопределенно-референтный статус. С одной стороны, налицо существование в актуальном мире референтов ‘бараны’, ‘волки’ и ‘баран’, однако эти референты вводятся в дискурс единственный раз, и повторных обращений к ним не происходит. Наконец, в ИГ № 9, 11-13 и 15-17 зависимое имеет генерический статус: в ИГ № 11 ‘конская голова’, например, в рассмотрение вводится не голова какого-либо конкретного коня, существующего в актуальном мире, а голова любого возможного коня. Генерические ИГ — одна из разновидностей нереферентных ИГ, что и отражено в Таблице 4.4.

Основной гипотезой, проверявшейся в ходе эксперимента, был Принцип 1:

Принцип 1. ИК3 выражает определенный референциальный статус образуемой зависимым существительным ИГ, а ИК2 — неопределенный референциальный статус.

Альтернативной гипотезой был Принцип 1':

Принцип 1'. ИК3 выражает референтный статус образуемой зависимым существительным ИГ, а ИК2 — нереферентный референциальный статус.

Таблица 4.4. Эксперимент по конструированию дискурса. Тестовый текст 1

Текст	Носитель						РС
	1	2	3	4	5	6	
1. ***Конь пастуха*** *(пастух конь)*	- ¡	- ¡	- ¡	- ¡	+!	+!	**Р**
2. У ***одного пастуха*** *были* ***красивые конь и пес*** *(один пастух красивый конь и пес...)*	+!	+!	+!	+!	+!	+!	**Р**
3. Каждый день они ***стадо баранов*** *(баран стадо) пасли*	- ¡	- ¡	- ¡	- ¡	- ¡	- ¡	**Р**
4. так что сил ***у коня*** *и*	-! ¡	-! ¡	-! ¡	+	+	+	**О**
5. ***пса*** *(конь и пес силы) совсем не оставалось*	+	-	+	+	+	+	**О**
Надоело им работать, и как-то раз они взяли да убежали.							
6. Долго шли, ***у пса ноги*** *(пес ноги) совсем устали*	+	+	+	+	+	+	**О**
Приходят в лес							
7. Навстречу им громадная ***стая волков*** *(волк стая)*	- ¡	- ¡	[11]	- ¡	- ¡	- ¡	**Р**
8. ***Вожак стаи*** *(стая вожак) и говорит:*	[11]	+	-! ¡	-! ¡	-! ¡	-! ¡	**О**
9. — Давно я ***конской головы*** *(конь голова) не ел!*	-	-	-	-	-	-	**НР**
10. Понял пес, что ***коня голову*** *(конь голова) съесть хотят, и говорит:*	+	+	+	+	+	+	**О**
11. — Зачем тебе ***голова коня*** *(конь голова), съешь лучше мою!*	-	-	-	-	-	-	**НР**
12. — Не нужна мне ***собачья голова*** *(собака голова),*	-	-	-	-	-	-	**НР**
13. а вот ***конского брюха*** *(конь брюхо) я давно не пробовал!*	-	-	-	-	-	-	**НР**
14. Пес догадался, что волк думает, как бы ***брюхо коня*** *(конь брюхо) сожрать, и говорит:*	- ! ¡	-! ¡	-! ¡	+	+	+	**О**
15. — ***Конское брюхо*** *(конь брюхо) не бывает вкусным, съешь лучше мое!*	-	-	-	-	+	-	**НР**
16. — Не стану я ***собачье брюхо*** *(собака брюхо) жевать.*	-	-	-	-	-	-	**НР**
17. а вот ***конской ноги*** *(конь нога) мне очень хочется!*	-	+	-	-	-	-	**НР**
18. Пес понимает, что сейчас волк ***коню ноги*** *(конь нога) пооткусывает, и говорит:*	+	-	+	+	+	+	**О**
— Нечего тебе, волк, ерунду говорить! А сам как побежит! Конь за ним. Погнался следом волк, да не догнал							
19. Шли они, шли, встречают ***детей пастуха*** *(пастух дети),*	+	-! ¡	-! ¡	-! ¡	+	-! ¡	**О**
20. те их поймали и привели к ***пастуху в дом*** *(пастух дом)*	+	+	-! ¡	-! ¡	+	-! ¡	**О**
21. Пастух отрубил ***коню голову*** *(конь голова), сварил и съел*	+	+	+	+	+	+	**О**
22. Из ***хвоста коня*** *(конь хвост) помело сделали,*	+	+	-	+	+	+	**О**
23. а собаке ***баранью ногу*** *(баран нога) дали*	- ¡	+ ¡	- ¡	- ¡	- ¡	- ¡	**Р**

Интерпретируя результаты эксперимента, мы руководствовались следующими соображениями. Функционирование категории определенности связано с достаточно сложными операциями: кодируя ИГ как определенную / неопределенную, говорящий выбирает то или иное оформление в зависимости от того, является ли, по его мнению, референт этой ИГ известным для слушающего объектом или нет (см. Givón 1984). Поэтому

[11] Носитель уклонился от употребления изафетной конструкции.

всякое принятое говорящим решение есть результат некоторого вероятностного выбора. Соответственно, существует вероятность случайной ошибки (т.е. порождения такого высказывания, которое сам говорящий отверг бы при повторном порождении). Случаи, когда мнение одного из носителей не совпадает с выбором остальных, мы интерпретируем именно как случайную ошибку. Те же случаи, когда хотя бы двое носителей выбрали отличную от остальных стратегию кодирования, мы будем считать «точкой колебаний», требующей анализа и объяснения.

Принцип 1 предсказывает, что всегда, когда именная группа имеет нереферентный или референтный неопределенный референциальные статусы, выбирается ИК2, в остальных случаях — ИК3. Игнорируя единичные отклонения от общего выбора, мы можем утверждать, что это предсказание выполняется для 113 употреблений ИГ с зависимыми в Таблице 4.4 из 138, или в 81,9% случаев. (Нарушения Принципа 1 помечены знаком «!».)

Принцип 1' предсказывает, что ИК2 выбирается только для нереферентных именных групп, а в прочих случаях предпочтение отдается ИК3. Это предсказание (опять же, без учета единичных отклонений) выполняется в 100 случаях из 138, или в 72,4% случаев. (Нарушения Принципа 1' помечены знаком «¡».)

По отношению к определенным ИГ Принцип 1 и Принцип 1' делают абсолютно одинаковые предсказания, поэтому случаи, когда определенные именные зависимые не получают генитивного оформления (см. ИГ № 8, 14, 19, 20), одинаково проблематичны и для Принципа 1, и для Принципа 1'. Разница в предсказаниях Принципа 1 и Принципа 1' касается неопределенно-референтных ИГ. В Таблице 4.4 представлено пять предложений с такими ИГ (№№ 1, 2, 3, 7, 23), образующих 5*6 = 30 употреблений. Если принимать в расчет только эти ИГ, то Принцип 1 предсказывает дистрибуцию генитивного показателя значительно точнее, чем Принцип 1' — 22/30 (73,3%) против 8/30 (26,7%). Это является серьезным аргументом в пользу Принципа 1.

Можно, однако, возразить, что для четырех из пяти именных групп, а именно, № 1, 3, 7 и 23, возможно не только неопределенно-референтное, но и нереферентное осмысление — соответственно, ‘пастуший конь’, а не ‘конь (какого-то) пастуха’ в ИГ № 1, ‘баранье стадо’, а не ‘стадо баранов’ в ИГ № 3, ‘волчья стая’, а не ‘стая волков’ в ИГ № 7 и ‘баранья нога’, а не ‘нога (какого-то) барана’ в ИГ № 23. В единственном оставшемся примере, который однозначно содержит неопределенно-референтную именную группу (ИГ № 2) — единичный конкретный референт впервые вводится в дискурс — показатель генитива отсутствует, что отвечает Принципу 1', а не Принципу 1.

Чтобы окончательно сделать выбор в пользу Принципа 1 или Принципа 1', то есть определить, задается ли противопоставление ИК3 и ИК2 семантической определенностью или референтностью, был поставлен второй эксперимент, аналогичный первому: для перевода одному из носителей мишарского диалекта был предложен тестовый текст 2 (см. Таблицу 4.5).

В этом тексте представлены неопределенные ИГ, которые допускают либо только референтное неопределенное (например, ‘хозяин трактира’ (iii)), либо также нереферентное (например, ‘крылышко (какой-то) курочки’ и ‘куриное крылышко’ (x)) прочтение. Единственная определенная именная группа — ‘хвост (этой) лисы’ представлена в последнем предложении текста:

(4.39) ä tege külmäk kesä-se-n-nän külmäk kisäg-e
а тот платье карман-3-OBL-ABL платье клочок-3

čɤgar-a da telke-neŋ kɤjrɤg-ɤ-n-nan ester-ä-p
вынимать-ST.IPFV EMPH лиса-GEN хвост-3-OBL-ABL тащить-ST-CONV

bašl-ɤj, eli telke kač-tɤ.
начинать-ST.IPFV еле лиса убегать-PST

А тот достает из кармана рубахи платья клочок, да как начал лису за хвост таскать, насилу она ноги унесла.

Таблица 4.5. Эксперимент по конструированию дискурса. Тестовый текст 2[12]

№ ИГ	Предложения на русском языке
i.	*Лисья хитрость* ***(ИК2)***
ii.	*Шла лиса по дорожке и нашла* ***платья клочок (ИК2)****,*
iii.	*пришла в город, идет по улице, видит - ей навстречу* ***хозяин трактира (ИК2)****.*
	Она и просится: *— Пусти меня ночевать.* *Он говорит:* *— Некуда, лисонька! Тесно!*
iv.	*— Да много ли нужно мне места! Я сама на* ***край лавки (ИК2),*** *а хвост под лавку.*
	Пустили ее ночевать; она и говорит:
v.	*— Положите мой* ***платья клочок (ИК2)*** *к вашим (=своим) курочкам.*
vi.	*Положили, а лисонька в* ***середине ночи (ИК2)*** *встала*
vii.	*и забросила* ***платья клок (ИК2)*** *подальше.*
viii.	*Поутру встают, она и спрашивает свой* ***платья клочок (ИК2)****,*
ix.	*а* ***хозяева трактира (ИК2)*** *говорят:*
	— Лисонька, ведь он пропал!
x.	*— Ну, отдайте мне за него* ***крылышко курочки (ИК2)****.*
xi.	*Взяла крылышко, приходит в деревню и просит* ***хозяина дома (ИК2)****:*
	— Пусти меня ночевать.
xii.	*Пустили ее, а она и говорит, чтоб* ***курочкино крылышко (ИК2)*** *хозяева к своим гусям положили.*
xiii.	*Ночью лиса припрятала крылышко и получила за него утром* ***шейку гуська (ИК2)****.*
xiv.	*Приходит в другую деревню, просит* ***хозяев избы (ИК2)*** *пустить заночевать и говорит,*
xv.	*чтоб ее* ***гусиную шейку (ИК2)*** *положили к барашкам.*
xvi.	*Опять схитрила, взяла за шейку* ***баранью ножку (ИК2)*** *и пошла обратно в город.*
xvii.	*Встречает снова* ***хозяина трактира (ИК2)*** *да говорит:*
xviii.	*— Давай меняться. Я тебе* ***баранью ножку (ИК2),***
xix.	*а ты мне* ***ремень от гармошки (ИК2)****!*
xx.	*А тот достает из* ***кармана рубахи (ИК2)***
xxi.	***платья клочок (ИК2)****,*
xxii.	*да как начал* ***лису за хвост (ИК3)*** *таскать, насилу она ноги унесла.*

[12] В скобках указан тип ИК, употребленной носителем, референтные ИГ выделены полужирным курсивом.

Как видно из таблицы, эта именная группа является единственным случаем употребления ИК3. Во всех остальных случаях, в частности, когда ИГ может иметь только неопределенно-референтное (но не нереферентное) прочтение, используется ИК2. Этот факт позволяет, как кажется, сделать окончательный выбор в пользу Принципа 1, а не Принципа 1'. Если бы действовал Принцип 1', ожидаемая дистрибуция изафетных конструкций была бы иной: в тех случаях, когда, как в (iii), возможна только референтная неопределенная интерпретация, обязательным было бы употребление ИК3, а в остальных случаях наблюдались бы, скорее всего, колебания между ИК2 и ИК3 в зависимости от того, референтное или нереферентное прочтение предпочел носитель языка.

Таким образом, предсказания, которые делает Принцип 1, выполняются для всех ИГ с именными зависимыми из текста 2 и для большинства ИГ из текста 1. Предсказания эти, однако, нарушаются в ИГ №№ 1, 2, 8, 14, 19, 20. Анализ таких случаев будет предложен в 4.2.2.2.3-4.2.2.2.4.

Далее не обсуждается ИГ № 1, которая представляет собой заглавие текста 1. В заглавиях, названиях историй, сказок и т. п. использование показателей референциального статуса обычно весьма вариативно. В европейских языках в этом случае допустимы все варианты: определенный артикль (если автор истории желает заранее «навязать» определенность референта слушающему, ср. английское *«The old man and the sea»*, французское *«La folle»*; неопределенный артикль (в таких случаях, в соответствии с правилами введения объекта в дискурс, будущий участник событий представлен как неопределенный, ср. английский: *«A surprise for Mr. Jack»*, французский: *«Un normand»*); отсутствие артикля (частая, например, во французском, ситуация — необходимость указания референциального статуса участников игнорируется, например: *«Farce normande»*, ср. тж. английское *«Fireside song»*). Исходя из этого, мы считаем, что на материале заглавий невозможно построить адекватные обобщения о дистрибуции показателей определенности. Характерно, что два случая оформления ИГ № 1 при помощи ИК3 приходятся на носителей, подставлявших нужные формы в уже существующий текст 1: видимо, с их точки зрения участник, вводимый в заглавии, обладает пресуппозицией известности. Напротив, те, кто переводил текст от начала до конца, предпочли, как и ожидалось, неопределенную трактовку этого референта.

4.2.2.2.2. Дискурсивная приоритетность. В предложениях №№ 19-20 текста 1 именная группа ‘пастух’ является определенной в силу того, что соответствующий референт введен в самом начале текста, в предложении № 2. Тем не менее в № 19 большинство носителей предпочло ИК2, а в № 20 голоса разделились поровну. Если верна гипотеза, сформулированная как Принцип 1, такая дистрибуция не ожидается.

Гипотезу, объясняющую это явление, можно сформулировать в терминах дискурсивной приоритетности: те участники, которые не находятся в постоянном фокусе внимания говорящего и слушающего, которые не важны для этого дискурса, оформляются с помощью ИК2 даже несмотря на то, что являются определенными. Иными словами, на выбор между ИК2 и ИК3, кроме определенности, влияет активированность / неактивированность референта в сознании участников коммуникации, или,

в когнитивных терминах, наличие либо отсутствие объекта в их рабочей памяти (см. об этом Givón 1983, Kibrik 1999)[13].

Мерой дискурсивной приоритетности может, по всей видимости, служить отношение количества вхождений референта в дискурс к общему количеству вхождений всех референтов, а также средняя дистанция (в количестве именных групп) между вхождениями. Проведя соответствующие подсчеты для текста 1, читатель без труда убедится, что для референта ‘пастух’ оба показателя в несколько раз ниже, чем, например, для референтов ‘конь’ и ‘пес’. Референт ‘пастух’, в отличие от других главных участников повествования, будучи введен в самом начале, появляется лишь к концу текста и не является активным участником происходящего.

Те участники эксперимента, которые считали определенно-референтный объект ‘пастух’ релевантным для дискурса, последовательно оформляли его с помощью ИК3 (№ 19, носители 1, 5 и № 20, носители 1, 2, 5). Когда говорящий упускает участника из своего поля зрения, он оформляет его как неопределенный (№ 19, носители 2, 3, 4, 6 и № 20, носители 3, 4, 6). В предложении № 21 этот референт, остающийся активным уже на протяжении трех предложений, всеми носителями оформляется с помощью ИК3.

По всей вероятности, дискурсивной неприоритетностью референта ‘стая’ можно объяснить и употребления ИК2 в предложении № 8. Хотя этот референт введен в предложении № 7, он появляется затем лишь в следующем предложении и обозначаемый им объект не принимает активного участия в описываемых событиях (в отличие от референта ‘вожак’).

Таким образом, кроме принципа, сформулированного как Принцип 1, на выбор одной из изафетных конструкций влияет и другой принцип:

Принцип 2. Генитивное оформление (ИК3) получают ИГ, которые обозначают объект, являющийся, с точки зрения участников коммуникации, важным участником событий дискурса.

---

[13] Кроме всего прочего, изафетные конструкции имеют разную дистрибуцию в контрастивных контекстах. ИК3 *malaj-nɤŋ kitaplarɤ* ‘книги мальчика’ используется в контексте, когда элементом релевантного множества является обладаемое — *malajnɤŋ kitaplarɤ, däftärläre tügel* ‘книги, а не тетради мальчика’. Напротив, ИК2 предпочитается, если элементом релевантного множества является обладатель *malaj kitaplarɤ, kɤz kitaplarɤ tügel* ‘книги мальчика, а не девочки’. Возможно, такая дистрибуция также объясняется в терминах дискурсивной приоритетности и определенности.

Действительно, если контрастивно выделяется обладаемое («книги, а не тетради»), предполагается, что обладатель («чьи книги, а не тетради») уже введен в рассмотрение и находится в общем поле зрения говорящего и слушающего. Напротив, если контрастивно выделяется обладатель («мальчика, а не девочки»), в фокусе внимания находится обладаемое, которое и является определенной и дискурсивно приоритетной ИГ. Обладатель в этом случае допускает не только неопределенное (*— Что это за книга? — Вся порвана и в кляксах... Видимо, книга какого-то мальчика, уж точно не девочки*), но и нереферентное прочтение (*— Что это за книга? — Про рыцарей, про пиратов... Явно мальчишеская книга, а не девчачья*).

Исходя из обобщений, сформулированных в 4.2.2.2.1-4.2.2.2.2, можно ожидать, что при контрастивном выделении обладаемого выбирается ИК3, поскольку в этом случае мы имеем дело с определенным и дискурсивнно приоритетным обладателем. При контрастивном выделении обладателя, напротив, его определенности и дискурсивной приотитетности не предполагается и используется ИК2. Именно такая дистрибуция изафетных конструкций и наблюдается в мишарском диалекте.

Принцип 2 подтверждается не только переводными примерами, наподобие тех, которые обсуждались выше, но и примерами из спонтанных текстов. Рассмотрим (4.40)-(4.41).

(4.40) sukʏr gabbas kijäü-e
слепой Габбас зять-3

{ЛК: В деревне особенных новостей нет, все по-прежнему. Что касается меня, живу хорошо, слава Богу. Дом в порядке, скот живой. Моя старая овца с шифоновой шерстью в этом году родила двух ягнят: один пестрый, а другой буланый. Купила бройлерных куриц, они подрастают, но, доченька, без остановки есть просят; пшеницы, которую прошлой ночью мне принёс} *сват слепого Габбаса,* {ПК: надолго, наверное, не хватит, они очень много едят. Хожу в баню на улице Нижний Конец к Ринату-Кырмаю, баня у них черная, но отличная, пар выходит хорошо, один час там провести для меня ничто, приятно туда ходить... В этом году очень много веников наготовила...} (=T17:8)

(4.41) mʏrtazin bakča-sʏ-n-a
Мортазин сад-3-OBL-DAT

{ЛК: Когда мы учились в школе, мы играли в разные игры. Например, в «конокрада» и в «поставь стучалку». Однажды мы собрались, девушки и парни, и решили поставить стучалку. Взяли нитку и шуруп и сделали стучалку. Первым делом решили поставить Батьке в дом. Сначала проверили, спят они или нет. Потом парни повесили на окно стучалку. Сами подальше сели и потихоньку начали стучать. Несколько раз постучали, и у Батьки загорелся свет. Мы побежали в разные стороны, каждый в свою. Батькина жена Хамида начала нас ругать. Когда уже не слышны были голоса, мы опять собрались вместе. Потом все зашли} *в сад Мортазина* {ПК: и, смеясь, рассказали о том, кто что чувствовал. Когда мы учились, в такие вот игры играли.} (=T5:22)

(4.40) и (4.41) представляют собой относительно длинные нарративные последовательности (мы приводим лишь их русский перевод в виде правого и левого контекстов). Употребленные в этих именных группах имена собственные, определенность которых не вызывает сомнений — речь идет о хорошо известных местных жителях, — не получают генитивного оформления. И в (4.40), и в (4.41) рассматриваемые ИГ встречаются лишь однажды и не являются ни активными участниками описываемых событий, ни темой, вокруг которой строится основная линия повествования. Участник, недостаточно активированный в памяти говорящего, даже будучи определенным, не получает показателя генитива.

4.2.2.2.3. Определенность, дискурсивная приоритетность и семантический тип имени. Как определенность, так и дискурсивная приоритетность тесно связаны с семантическим типом имени, а именно, с его позицией в Иерархии одушевленности (см. Silverstein 1976), один из вариантов которой представлен на Схеме 4.3.

место-имения I-II лица	>	место-имения III лица	>	человек, имена собст-венные	>	термины родства	>	человек, прочие имена нарица-тельные	>	прочие одушев-ленные	>	неодушев-ленные	>	абстр.

Схема 4.3. Иерархия одушевленности

В основе иерархии лежат факторы, предписывающие разделение участников на группы с разными грамматическими свойствами в зависимости от степени их волитивности, известности, важности в рамках коммуникативной ситуации и т.д. Иерархия позволяет объяснить значительное количество разнородных грамматических явлений, наблюдаемых в языках мира, — см., например, Givón 1984: 371-372.

Как определенность, так и дискурсивная значимость референта ИГ коррелируют с позицией в этой иерархии. В самом деле, участники коммуникации по своей природе не могут быть неопределенными; местоимения 3-го лица, которые используются для анафорической отсылки к введенному в предшествующем дискурсе референту, также предполагают определенность. Имена собственные со значительно большей вероятностью являются определенно-референтными, чем неопределенно-референтными. Прочие имена образуют группу, в которой в равной степени допускаются определенное и неопределенное прочтения, хотя, как показывают статистические исследования (см., например, Givòn 1995), частотность определенного кодирования одушевленных существительных выше, чем неодушевленных.

Вероятность того, что референт именной группы обладает высокой дискурсивной значимостью, также понижается при движении от левой части иерархии к правой. Говорящий и слушающий крайне редко являются слабоактивированными элементами дискурса; напротив, войдя в дискурсивную последовательность, они задают систему дейктических координат, по отношению к которым выстраиваются все прочие элементы. С другой стороны, для имен неодушевленных предметов, особенно неисчисляемых и абстрактных, характерны эпизодические, второстепенные вхождения в дискурс; центральным элементом дискурсивной последовательности они становятся крайне редко.

Именно этими причинами объясняется, очевидно, серьезная асимметрия в вероятности выбора ИК2 или ИК3 для имен, занимающих разные позиции в иерархии одушевленности. Личные местоимения, как уже говорилось, не допускают безгенитивного, неопределенного оформления. Вероятность генитивного оформления остальных типов существительных убывает от весьма высокой (хотя и не абсолютной, см. (4.40)-(4.41)) в случае имен собственных до крайне низкой в случае абстрактных существительных.

Эта закономерность имеет два проявления: это оценка носителями приемлемости мишарского изолированного предложения и их первый выбор при переводе с русского на мишарский (ИК2 или ИК3).

(4.42) a. sin**eŋ** änä-ŋ iŋ jaxšɤ xatɤn.
ты.**GEN** мать-2SG очень хороший женщина
Твоя мать — очень хорошая женщина. {a=b}

b. *sin änä-ŋ iŋ jaxšɤ xatɤn.
ты мать-2SG очень хороший женщина

Употребление ИК3, представленное в (4.42a), обязательно: (4.42b), где используется ИК2 *sin änä-ŋ*, носители расценивают как неграмматичное, соответственно, первый выбор абсолютно всех носителей при переводе русского предложения *Твоя мать — очень хорошая женщина* — это ИК3 *sineŋ änä-ŋ*.

Оценки носителей предложения (4.43) с именем собственным близки к оценкам предложения (4.42)[14].

(4.43) a. zefär-**neŋ** at-ɤ iŋ kɤzu.
Зуфар-**GEN** конь-3 самый быстрый
Конь Зуфара — самый быстрый. {a=b}

b. ?zefär at-ɤ iŋ kɤzu.
Зуфар конь-3 самый быстрый

Вне контекста предложение (4.43b) с ИК2 носители расценивают как сомнительное, хотя, как мы видели в (4.40)-(4.41), ИК2 в спонтанных текстах при оформлении имен собственных все же встречается. Очевидно, это связано с тем, что в изолированном предложении всем именным группам приписывается высокая, а не пониженная, как в (4.40)-(4.41), дискурсивная значимость. Соответственно, первый выбор носителей при переводе предложения *Конь Зуфара — самый быстрый* — это, как и в предыдущем случае, ИК3.

(4.44) a. ägär ätä-**neŋ** külmäg-e-n tap-sa-m,
если отец-**GEN** рубашка-3-OBL.ACC находить-COND-1SG
kina-ga bar-a-m.
кино-DAT идти-ST.IPFV-1SG
Если (я) найду рубашку отца, то пойду в кино. {a=b}

b. ?ägär ätä külmäg-e-n tap-sa-m,
если отец рубашка-3-OBL.ACC находить-COND-1SG
kina-ga bar-a-m.
кино-DAT идти-ST.IPFV-1SG

В (4.44b) носители отвергают ИК2 *ätä külmägen* не так безоговорочно, как в двух предыдущих случаях, — не «так сказать нельзя», а «не очень хорошо, лучше *ätäneŋ külmägen*». Первый выбор практически у всех носителей — ИК3.

Начиная с (4.45), характер оценок меняется.

(4.45) a. bez-gä aučɤ-**nɤŋ** kɤčɤk-lar-ɤ ɤčɤr-a-jačak.
мы-DAT охотник-**GEN** собака-PL-3 встречаться-ST-FUT
(Если мы пойдем в лес, то) нам встретятся собаки охотника. {a=b}

b. bez-gä aučɤ kɤčɤk-lar-ɤ ɤčɤr-a-jačak.
мы-DAT охотник собака-PL-3 встречаться-ST-FUT

(4.46) a. aju-**nɤŋ** ez-lär-e tirän.
медведь-**GEN** след-PL-3 глубокий
Следы медведя глубокие. {a=b}

b. aju ez-lär-e tirän.
медведь след-PL-3 глубокий

[14] По всей видимости, приемлемость (4.43b) варьирует по говорам.

П.В. Гращенков. Село Большое Рыбушкино, 2012 год.

Предложение (4.45b) с ИК2 *aučɤ kɤčɤk-lar-ɤ* не только не рассматривается как неграмматичное, но и признается многими носителями приемлемым в той же степени, что и предложение (4.45a) с ИК3 *aučɤ-nɤŋ kɤčɤk-lar-ɤ* («и так можно, и так можно»). ИК3, однако, превосходит ИК2 по количеству носителей, делающих при переводе предложения *Нам встретятся собаки охотника* первый выбор в ее пользу. Примерно такая же картина наблюдается и в случае неличного одушевленного имени *aju* ‘медведь’ в (4.46).

Комментарии о приемлемости (4.47a-b) мало отличаются от комментариев по поводу (4.45).

(4.47) a. pɤšɤj-lar agač-**nɤŋ** bɤtak-lar-ɤ-n sɤndɤr-dɤ-lar.
лось-PL дерево-**GEN** ветка-PL-3-OBL.ACC ломать-PST-PL
Лоси поломали ветки дерева. {a=b}

b. pɤšɤj-lar agač bɤtak-lar-ɤ-n sɤndɤr-dɤ-lar.
лось-PL дерево ветка-PL-3-OBL.ACC ломать-PST-PL

С точки зрения первого выбора (4.47a) с ИК3 и (4.47b) с ИК2 распределяются примерно поровну.

Наконец, в (4.48) большинство носителей при переводе предложения *Мне нужна посуда для еды* предпочитает (4.48b) с ИК2:

(4.48) a. ? miŋa aš-**nɤŋ** tabag-ɤ kiräk.
я.DAT еда-**GEN** посуда-3 быть.нужным
Мне нужна посуда для еды. {a=b}

b. miŋa aš tabag-ɤ kiräk.
я.DAT еда посуда-3 быть.нужным

При этом с точки зрения приемлемости некоторые оценивают ИК3 *aš-nɤŋ tabag-ɤ* как менее удачное, чем ИК2 *aš tabag-ɤ* («это лучше звучит»), некоторые рассматривают их как равнозначные альтернативы.

4.2.2.2.4. Простота синтаксического анализа. Именные группы из предложений №№ 2 и 14 из Таблицы 4.4 объединяет то, что в обоих случаях гипотеза об определенности делает неправильные предсказания: в № 2 имеется показатель генитива, тогда как из-за неопределенности ИГ его не ожидается, а в № 14 показатель отсутствует несмотря на то, что ИГ является определенной.

Чтобы понять природу этого явления, обратим внимание на следующий факт, характеризующий синтаксическую структуру ИГ в мишарском диалекте: если у именной вершины имеется несколько зависимых, в том числе хотя бы одно именное, то оформление такой ИГ с помощью ИК3 является синтаксически однозначным, а с помощью ИК2 — нет.

Рассмотрим предложения (4.49a-c), которые иллюстрируют ИК3:

(4.49) a. [[bu ike aučɤ-**nɤŋ**] pɤčag-ɤ]
этот два охотник-**GEN** нож-3
нож двух этих охотников

b. *[bu ike aučɤ-**nɤŋ** pɤčag-ɤ]
этот два охотник-**GEN** нож-3
эти два ножа охотников

c. [[aučɤ-**nɤŋ**] bu ike pɤčag-ɤ]
охотник-**GEN** этот два нож-3
эти два ножа охотника

Как видно из (4.49a), в ИК3 весь расположенный слева от зависимого существительного материал — указательное местоимение *bu* и числительное *ike* — относится к этому существительному. Невозможность подчинения *bu* и *ike* непосредственно вершине *pɤčag* «через» генитивное определение проиллюстрирована в (4.49b). Все определения к вершинному имени в ИК3 должны располагаться после генитивного зависимого, см. (4.49c).

Таким образом, во всех случаях конструкция допускает единственное прочтение. Если в коммуникативное намерение говорящего входит образование структуры, в которой прилагательные, числительное и прочие подобные составляющие именной группы относятся к зависимому имени, выбирается конструкция типа (4.49a), проиллюстрированная также в (4.50a). Если требуется создать структуру, в которой все составляющие относятся к главной вершине, используется конструкция типа (4.49c) (ср. также (4.50b)).

(4.50) a. [beten matur kɤz-lar-**nɤŋ**] süz-lär-e]
весь красивый девочка-PL-**GEN** слово-PL-3
слова любой красивой девушки

b. [[kɤz-lar-**nɤŋ**] beten matur süz-lär-e]
девочка-PL-**GEN** весь красивый слово-PL-3
любые красивые слова девушек

Таким образом, каждому значению однозначно соответствует одна структура, и проблема синтаксической омонимии не возникает.

Иначе обстоит дело с ИК2. Рассмотрим (4.51):

(4.51) a. [bu ike [aučʏ] pʏčag-ʏ].
этот два охотник нож-3
эти два охотничьих ножа

b. [[bu ike aučʏ] pʏčag-ʏ]
этот два охотник нож-3
нож(и) двух этих охотников

c. *aučʏ bu ike pʏčag-ʏ
охотник этот два нож-3

В ИК2 материал, расположенный слева от зависимого *aučʏ*, может относиться как к вершине *pʏčak* (что предпочтительнее, см. (4.51a)), так и к зависимому существительному (см. (4.51b)). Зависимое существительное в ИК2 должно контактно примыкать к своей вершине — ИГ в (4.24c) неграмматична при любых интерпретациях. Такую же неоднозначность демонстрирует предложение (4.52):

(4.52) beten matur kʏz-lar süz-lär-e
весь красивый девочка-PL слово-PL-3
1. все красивые слова девушек
2. слова всех красивых девушек

Синтаксический анализ такой составляющей происходит следующим образом: начав воспринимать группу определений *beten matur*, слушающий «включает» состояние ожидания вершины, и как только встречается первый подходящий кандидат на эту роль, зависимое существительное *kʏz-lar*, эти определения оказываются проанализированы как относящиеся к этому существительному. Этот процесс описывается так называемым Minimal Attachment Principle, в соответствии с которым слушающий стремится «закрыть» составляющую как можно раньше (см. Frazier, Clifton 1996). Таким образом появляется интерпретация (4.52.1). Далее, дойдя до вершины всей группы, *süz-lär-e*, слушающий получает возможность второй интерпретации (4.52.2), но для этого он должен вернуться в начало группы и провести синтаксический разбор заново. Таким образом, перед говорящим оказываются две разные по структуре и значению составляющие, из которых он должен оставить одну правильную, но уже руководствуясь семантическими либо экстралингвистическими соображениями[15].

ИГ № 2 из текста 1, повторяемая как (4.53), которая нарушает предсказание Принципа 1, является единственной в тексте, содержащей более одного зависимого. В (4.53)

[15] Далеко не всегда при ИК2 расположенные слева определения могут быть отнесены к зависимому имени. Например, носители квалифицировали (i) как синтаксически однозначное:

(i) urman-da bez-gä nindider aučʏ kʏčʏg-ʏ ʏčr-a-dʏ.
лес-LOC мы-DAT какой-то охотник собака-3 встречаться-ST-PST
1. В лесу нам встретилась какая-то охотничья собака.
*2. *В лесу нам встретилась собака какого-то охотника.*

Тем не менее для предлагаемого ниже объяснения важно, что описанная выше омонимия в принципе может иметь место.

от сочиненной вершины *at-ɤ beläп kɤčɤg-ɤ* ‘конь и пес’ зависят прилагательное *matur* ‘красивый’ и существительное *ketüče* ‘пастух’, от которого, в свою очередь, зависит числительное *ber* ‘один’.

(4.53) [[ber ketüče-**neŋ**] matur [at-ɤ beläп kɤčɤg-ɤ]] bul-a.
один пастух-**GEN** красивый конь-3 с собака-3 быть-ST.IPFV
У одного пастуха были красивые конь и пес.

Неиспользование показателя генитива образовало бы ИК2 и тем самым создало бы неоднозначную структуру, аналогичную тем, которые представлены примерами (4.51)-(4.52). Можно предположить, что в этом случае говорящий использует генитив не для выражения определенности, а с другой целью — для избежания синтаксической неоднозначности, поскольку, как мы видели в (4.49)-(4.50), ИК3 неоднозначности лишены. Это означает, что наличие / отсутствие потенциальной неоднозначности является фактором, который наряду с определенностью используется при выборе ИК3 или ИК2[16].

Правильность этой гипотезы подтверждает и предложение с ИГ № 14, повторяемое как (4.54), в котором необходимость построить синтаксически однозначную структуру диктует использование не ИК3, как в (4.53), а, наоборот, ИК2.

Рассмотрим это предложение более подробно.

(4.54) kɤčɤk [S[NP büre-**neŋ**] [S at kɤrsag-ɤ-n aš-a-r-ga]
собака волк-**GEN** конь живот-3-OBL.ACC есть-ST-POT-INF

[VP ujl-a-gan-ɤ-n]] bel-de dä ät-te…
думать-ST-PFCT-3-OBL.ACC знать-PST EMPH говорить-PST
Пес догадался, что волк думает, как бы брюхо коня сожрать, и говорит...

В (4.54) появление генитивного маркера на существительном *конь* привело бы к возникновению двух следующих друг за другом генитивных групп *büre-neŋ at-nɤŋ*, что затруднило бы правильный разбор предложения, создав временную структурную омонимию. Фрагмент этого предложения говорящий мог бы проанализировать так, что *at* ‘конь’ является генитивным аргументом глагола ‘думать’, который возглавляет предикацию, зависимую от *bel* ‘знать, догадываться’. Такой анализ, при котором *atnɤŋ* и *kɤrsagɤn ašarga ujlaganɤn* являются непосредственными составляющими одной предикации, представлен в (4.55).

(4.55) ...[S[NP at-**nɤŋ**] [VP[S kɤrsag-ɤ-n aš-a-r-ga] ujl-a-gan-ɤ-n]] ...
конь-**GEN** живот-3-OBL.ACC есть-ST-POT-INF думать-ST-PFCT-3-OBL.ACC
...конь думает, как бы (чье-то) брюхо сожрать…

Правильным, между тем, является другой анализ, представленный в (4.56), при котором *atnɤŋ* является составляющей инфинитивной предикации, возглавляемой глаголом *ašɤj* ‘есть’.

[16] Впрочем, возможно также, что в (4.53), которое представляет собой посессивную предикацию, ИГ *ber ketüčeneŋ* ‘одного пастуха’ и *matur atɤ beläп kɤčɤgɤ* ‘красивые конь и пес’ не образуют единую составляющую. Если это так, то употребление показателя генитива, очевидно, следует объяснять структурными свойствами посессивных предикаций.

(4.56) [$_S$ [$_{NP}$ büre-neŋ] [$_{VP}$[$_S$ ∅ [$_{VP}$[$_{NP}$ at-**nɤŋ** kɤrsag-ɤ-n] aš-a-r-ga]]
волк-GEN конь-**GEN** живот-3-OBL.ACC есть-ST-POT-INF

ujl-a-gan-ɤ-n]] ...
думать-ST-PFCT-3-OBL.ACC

...волк думает, как бы брюхо коня сожрать...

Когда все предложение проанализировано до конца, омонимия успешно разрешится, и из всех вариантов разбора останется единственно возможный, однако неиспользование показателя генитива и предпочтение ИК2 вопреки семантической определенности ИГ *at* позволяет избежать даже временной омонимии и тем существенно упростить анализ этого сложного предложения. При отсутствии показателя генитива правильная структура (4.56) будет опознана уже на этапе восприятия имени *kɤrsagɤn* ‘живот’; при наличии — только по достижении глагола *belde* ‘догадался’.

Подобные случаи временной омонимии маргинально существуют в языках мира, несмотря на их противоречие принципам экономного синтаксического анализа (см., например, Frazier, Clifton 1996).

Вот аналогичный пример из английского языка (Hawkins 1990): *The guest expected to be late arrived.* ‘Гость, о котором думали, что он опоздает, приехал’. До тех пор пока не начнет восприниматься глагол *arrived*, слушающий будет считать придаточное *expected to be late* вершинной глагольной группой, образующей предикацию вместе с подлежащим *the guest* (‘Гость думал, что опоздает’), что приводит к так называемому «garden path effect», «эффекту (временного) заблуждения».

Предположение, что в (4.54) неупотребление показателя генитива обусловлено не референциальным статусом ИГ, а необходимостью упростить для слушающего синтаксический разбор предложения, подтверждается и тем, что все три носителя, которые должны были построить связный татарский текст, избежали употребления генитива при имени *конь*. Три других участника анкетирования, которые работали только с именными группами и, следовательно, соображения простоты анализа целого предложения не принимали во внимание, употребили показатель генитива.

Таким образом, мы можем сформулировать третий принцип, определяющий выбор между ИК3 и ИК2:

Принцип 3. Выбор между ИК3 и ИК2 определяется тем, какая из конструкций дает слушающему возможность наиболее эффективного анализа предложения.

Принцип 3 ничего не утверждает о том, какая именно из изафетных конструкций должна употребляться, чтобы обеспечить наиболее эффективный анализ; утверждается лишь, что, если возникает такая ситуация, при которой одна из ИК делает анализ эффективнее, именно в пользу этой ИК и совершается выбор. В (4.54), например, более простой для слушающего анализ обеспечивается употреблением ИК2. В случае с распространенными ИГ, иллюстрируемыми примерами (4.49)-(4.53), более простой анализ — за счет снятия синтаксической неоднозначности — дает ИК3.

Понятно, что случаев временной омонимии, подобной той, которая иллюстрируется примерами (4.54)-(4.56), имеется непредсказуемо много и их нельзя задать исчислением. Напротив, распространенные именные группы, в которых либо зависимое имя имеет собственные зависимые, либо у вершины, кроме зависимого имени, имеются и другие

зависимые, — регулярно возникающие ситуации, в которых действует Принцип 3. Поэтому представляется целесообразным отдельно сформулировать частный случай Принципа 3, Принцип 3а, который предсказывает, что ИК3 выбирается в случае распространенных ИГ в силу того, что она обеспечивает более эффективный анализ.

Принцип 3а. Генитивное оформление (ИК3) получают такие распространенные ИГ, в которых:
(a) зависимое имя имеет собственные зависимые и / или
(b) вершинное имя имеет дополнительные зависимые.

4.2.2.3. Многофакторный анализ

4.2.2.3.1. Взаимодействие трех факторов и их весовые коэффициенты. Сформулированные выше Принцип 1, Принцип 2 и Принцип 3а увязывают употребление генитива с действием трех факторов — определенности, дискурсивной приоритетности и эффективности синтаксического анализа, которые в общем случае независимы друг от друга. Каждый из них может либо способствовать, либо препятствовать появлению маркера генитива, то есть выбору ИК3 и отклонению ИК2. Когда все факторы оказываются или «за», или «против» наличия показателя генитива, результат очевиден. Однако нетрудно представить себе ситуацию, когда одни факторы предписывают выбор ИК3, а другие — ИК2. Например, такое происходит, когда мы имеем дело с неопределенной дискурсивно неприоритетной именной группой (требуется ИК2), которая, однако, содержит в себе несколько зависимых (требуется ИК3)[17]. Чтобы предсказать поведение ИГ с именными зависимыми в таких случаях, требуется оценить, какой из факторов важнее и в случае конфликта преодолевает остальные.

Мы принимаем следующую иерархию факторов:

Фактор референциального статуса (Принцип 1) > Фактор простоты синтаксического анализа (Принцип 3а) > Дискурсивный фактор (Принцип 2)

Схема 4.4. Иерархия факторов выбора ИК

Иерархия отражает допущение, что для выбора генитива наиболее важнен фактор референциального статуса, следующий по важности — фактор простоты синтаксического анализа, и наконец, наименее важнен фактор дискурсивной приоритетности[18].

Схема 4.4 представляет собой эксплицитную формулировку интуитивного представления о сравнительной значимости разных факторов, которое можно вынести из наблюдений над поведением ИГ в спонтанных текстах, сконструированных примерах и описанных выше экспериментах. В то же время Схема 4.4 не позволяет дедуцировать точные предсказания о дистрибуции ИК3 и ИК2, поскольку не дает никакой возможности

[17] С подобными примерами мы сталкивались в первом тестовом тексте; ср. ИГ № 2 из Таблицы 4.4, которая является неопределенно-референтной, распространенной и не является дискурсивно приоритетной, или, например, ИГ № 19 того же текста, где тот же участник, что и в ИГ № 2, оставаясь неприоритетным, становится определенным, но вводится нераспространенной ИГ.

[18] Идея ранжирования различных факторов, ответственных за дистрибуцию того или иного языкового средства, принята, в частности, в Теории оптимальности (Prince, Smolensky 2004, McCarthy 2008).

оценить, насколько один фактор важнее другого и как рассчитать результат их взаимодействия. Чтобы преодолеть этот недостаток и сделать анализ по-настоящему предсказательным, мы присваиваем каждому фактору числовые значения («веса»). Эти значения приведены в Таблицах 4.6-4.8.

Таблица 4.6. Весовые коэффициенты фактора референциального статуса

Тип ИК	Определенность	Референтность	Нереферентность
ИК3	+3	+1	0
ИК2	0	0	+3

Таблица 4.7. Весовые коэффициенты фактора простоты синтаксического анализа

Тип ИК	Распространенная ИГ	Нераспространенная ИГ
ИК3	+2	0
ИК2	0	+2

Таблица 4.8. Весовые коэффициенты фактора дискурсивной приоритетености

Тип ИК	Приоритетный участник	Неприоритетный участник
ИК3	+1	0
ИК2	0	+1

Идея весовых коэффициентов состоит в том, чтобы сопоставить любому семантико-синтаксическому контексту, в котором возможен выбор между ИК2 и ИК3, пару целых чисел. Каждое число представляет собой сумму баллов, присвоенных каждой из изафетных конструкций в соответствии с Таблицами 4.6-4.8. Ожидается, что та изафетная конструкция, которая набирает большую сумму баллов, является предпочтительной в этом контексте. Максимальное количество баллов, которое начисляется в пользу ИК3 или ИК2 (3 балла за референциальный статус, 2 балла за синтаксический анализ и 1 балл за дискурсивную приоритетность), отражает сравнительную важность факторов и, тем самым, позволяет выразить иерархию, представленную на Схеме 4.4, в числах.

Правило присвоения весовых коэффициентов для фактора определенности наиболее сложно, поскольку определенность — трехзначная категория. Мы исходим из того, что определенная референтность дает три балла ИК3, неопределенная референтность дает один балл ИК3, а нереферентность — три балла ИК2.

Фактор простоты синтаксического анализа принят к рассмотрению в формулировке Принципа 3а: как наиболее наглядное и распространенное его проявление мы берем дистрибуцию изафетных конструкций в распространенных именных группах. Распространенность, как обсуждается выше, благоприятствует ИК3, которая получает в этом случае 2 балла. В нераспространенных ИГ мы начисляем 2 балла ИК2.

Наконец, последний фактор, наименее важный среди трех перечисленных, приносит один балл ИК3 в случае ИГ, референт которых является дискурсивно приоритетным, и один балл ИК2 в противном случае.

В качестве примера произведем подсчеты для нераспространенной именной группы с определенным референциальным статусом, обозначающей дискурсивно приоритетного

референта. ИК3 получает 3 балла за определенность, 0 баллов за распространенность и 1 балл за дискурсивную приоритетность — всего 4 балла. Суммарный коэффициент ИК2 равен 2 баллам: 0 баллов приносит фактор референциального статуса, 2 балла — фактор простоты синтаксического анализа, и 0 баллов — фактор дискурсивной приоритетности. Разность между суммарными коэффициентами составляет два балла в пользу ИК3; соответственно, в этом контексте ожидается употребление ИК3.

Перемножение всех значений всех факторов дает набор из 3*2*2=12 возможных комбинаций, каждой из которых будет соответствовать собственное соотношение между суммой весовых коэффициентов для ИК2 и ИК3. Соответствующие подсчеты представлены в Таблице 4.9.

Таблица 4.9. Соотношения весов для ИК2 и ИК3

	Определенные ИГ		Референтные ИГ		Нереферентные ИГ	
	Распространенные ИГ	Нераспространенные ИГ	Распространенные ИГ	Нераспространенные ИГ	Распространенные ИГ	Нераспространенные ИГ
Приоритетный референт	ИК3 >>>>>> ИК2	ИК3 >> ИК2	—	—	—	—
Неприоритетный референт	ИК3 >>>> ИК2	ИК3 = ИК2	ИК3 >> ИК2	ИК3 << ИК2	ИК3 << ИК2	ИК3 <<<<<< ИК2

В каждой клетке таблицы вычислен суммарный коэффициент для каждой конструкции, затем из суммарного коэффициента для ИК3 вычитается суммарный коэффициент для ИК2. Например, выражение «ИК3 >>>>> ИК2» означает, что разность коэффициентов равна 5 в пользу ИК3. Прочерки соответствуют логически невозможным комбинациям свойств: очевидно, что дискурсивно приоритетный референт может быть только определенным.

На основании Таблицы 4.9 можно делать разнообразные предсказания о распределении ИК3 и ИК2 в различных семантико-синтаксических контекстах. Например, ожидается, что в составе нераспространенных ИГ с определенным референциальным статусом, обозначающих неприоритетного референта, ИК3 и ИК2 будут встречаться с одинаковой частотой, а частотность ИК3 в распространенных референтных ИГ будет выше, чем в нераспространенных определенных (ИК3 >> ИК2 vs. ИК3 = ИК2 для неприоритетных ИГ).

4.2.2.3.2. Эксперимент по порождению описательного дискурса. Для проверки предложенной модели, в частности, предсказаний, представленных в Таблице 4.9, был проведен еще один эксперимент. Трем носителям было предложено составить письменное описание содержимого небольшого помещения, в котором были предварительно расположены объекты разного типа. Часть объектов предполагала нереферентное прочтение зависимых существительных (кусок моркови, кусок хлеба, лак для ногтей, лыжные палки,…): перед глазами носителя располагались части предметов, о которых в целом он не имел никакого представления; более того, целые предметы ‘морковь’ и ‘хлеб’ в момент наблюдения уже не существовали, а ‘ногти’ и ‘лыжи’ имели, очевидно, генерическую (то есть по определению нереферентную) интер-

претацию. В другую группу объектов вошли предметы, состоящие из двух или нескольких частей, при этом носителю были представлены все составные части. Соответствующие таким объектам зависимые имена (крышка от кастрюли, крышка от чайника, дверь шкафа, половина пакета, …) по понятным причинам (сами объекты находятся рядом и, кроме того, также попадают в описание) являются референтными при первом вхождении в дискурс и становятся определенными в дальнейших вхождениях.

В качестве примера приведем фрагмент одного из трех текстов.

(4.57) a. škaf-**nɤŋ** ber išeg-e ačɤk.
шкаф-**GEN** один дверь-3 открытый
Одна дверь шкафа <ИК3> *открыта.*

b. škaf-**nɤŋ** ber-enče kištä-se-n-dä dɤzadarant tɤr-a,
шкаф-**GEN** один-ORD полка-3-OBL-LOC дезодорант находиться-ST.IPFV

ä škaf-**nɤŋ** ike-nče kištä-se-n-dä
а шкаф-**GEN** два-ORD полка-3-OBL-LOC

dɤzadarant kapkač-ɤ tɤr-a.
дезодорант крышка-3 находиться-ST.IPFV
На первой полке шкафа <ИК3> *дезодорант стоит, а на второй полке шкафа* <ИК3> *крышка дезодоранта стоит.*

c. škaf-**nɤŋ** ike-nče išeg-e jabɤk.
шкаф-**GEN** два-ORD дверь закрытый
Вторая дверь шкафа <ИК3> *закрыта.*

d. išek-tän kurčak baš-ɤ tɤrpaj-ɤ-p tɤr-a.
дверь-ABL кукла голова-3 торчать-ST-CONV находиться-ST.IPFV
Из-за дверцы голова куклы <ИК2> *торчит.* <...>

Специфика подобного типа дискурса состоит в том, что он лишен какой-либо сюжетной линии, и предложения в нем связаны отношением простого следования (а не развития сюжета, аргументации и т.п.). Поэтому и дискурсивный фактор, который выделяет некоторого важного участника событий, оказывается здесь нерелевантен[19]. Так, ни одна из ИГ этого жанра дискурса не является протагонистом повествования, всем им приписывается значение ‘дискурсивно неприоритетный’.

Спрогнозируем поведение ИГ в текстах, пользуясь предложенной выше системой весовых коэффициентов. Поскольку все ИГ являются дискурсивно неприоритетными, для вычисления ожиданий о дистрибуции изафетных конструкций в этом эксперименте следует воспользоваться нижней строкой Таблицы 4.9, которая повторяется как Таблица 4.10.

Результаты эксперимента представлены в Таблице 4.11.

Всего три носителя образовали 45 ИГ. Из них 16 именных групп были определенными, 7 — референтными неопределенными, и остальные 22 — нереферентными. Примерно половина (24 ИГ) оказались распространенными, остальные — нераспространен-

[19] Можно сказать, что в этом эксперименте мы абстрагировались от дискурсивного фактора точно так же, как в эксперименте по конструированию дискурса (Таблица 4.5), где были представлены только нераспространенные именные группы, абстрагировались от фактора синтаксического анализа.

ными. Распределение изафетных конструкций в зависимости от референциального статуса и распространенности приведено в Таблице 4.11.

Таблица 4.10. Ожидаемое распределение ИГ по изафетным конструкциям

Определенные ИГ		Референтные ИГ		Нереферентные ИГ	
Распространенные ИГ	Нераспространенные ИГ	Распространенные ИГ	Нераспространенные ИГ	Распространенные ИГ	Нераспространенные ИГ
ИК3 >>>> ИК2	ИК3 = ИК2	ИК3 >> ИК2	ИК3 << ИК2	ИК3 << ИК2	ИК3 <<<<<< ИК2

Таблица 4.11. Результаты эксперимента по порождению описательного дискурса

Определенные ИГ		Референтные ИГ		Нереферентные ИГ	
Распространенные ИГ	Нераспространенные ИГ	Распространенные ИГ	Нераспространенные ИГ	Распространенные ИГ	Нераспространенные ИГ
11 vs. 0	2 vs. 3	3 vs. 0	0 vs. 4	2 vs. 8	0 vs. 12

Сравнение Таблиц 4.10 и 4.11 показывает, что основанные на предложенных выше весовых коэффициентах ожидания достаточно хорошо подтверждаются. Верно предсказано абсолютное преобладание ИК3 в определенных распространенных ИГ, а ИК2 — в нереферентных нераспространенных ИГ. Нашло подтверждение предположение о том, что в определенных нераспространенных ИГ ИК2 и ИК3 должны распределиться примерно поровну (результат — 2 против 3). Выполняется предсказание о том, что частотность ИК3 для распространенных ИГ выше, чем для нераспространенных, — это заметно даже в случае нераспространенных нереферентных ИГ, в которых ИК3 представлено в 20% случаев (0% — в случае нераспространенных ИГ). Наконец, как и ожидается, перевес ИК3 над ИК2 в случае референтных распространенных ИГ (3 ИК3 vs. 0 ИК2) примерно равен перевесу в противоположную сторону у референтных нераспространенных ИГ (0 ИК3 vs. 4 ИК2).

Недостаточно точным оказался прогноз с точки зрения соотношения частотности ИК3 в определенных и референтных неопределенных распространенных ИГ. Ожидается, что в первом случае частотность выше (ИК3 >>>>> ИК2 vs. ИК3 >> ИК2), тогда как на практике она оказалась равна 100% в обоих случаях (11 ИГ из 11 и 3 ИГ из 3). Такая же картина наблюдается в случае с нераспространенными референтными неопределенными и нереферентными ИГ (ИК2 << ИК3 vs. ИК2 <<<<< ИК3): частотность ИК2 в обоих случаях равна 100%, тогда как в первом случае она, согласно Таблице 4.10, должна быть ниже и примерно совпадать в частотностью ИК2 в распространенных нереферентных контекстах, которая по результатам эксперимента составляет 80%.

Весьма вероятно, эти неточности связаны с незначительностью выборки в 45 употреблений, и при ее наращивании наблюдаемая дистрибуция приблизится к ожидаемой. С другой стороны, языковой материал, которым мы располагали, был ограничен, и можно предположить, что достигнутая на этот момент точность выбора весовых коэффициентов

далека от идеальной. Мы не рассматриваем предложенную выше схему приписывания коэффициентов как окончательную и предполагаем, что следующим этапом работы должно стать привлечение значительно большего количества материала и увеличение точности модели. Чтобы сделать выборку статистически надежной, потребуется, очевидно, привлечь данные большого корпуса текстов на мишарском диалекте, которым современные исследователи, к сожалению, не располагают.

4.2.2.4. Параллели в функционировании маркеров генитива и аккузатива

Выбор между ИК2 и ИК3, обсуждавшийся выше, имеет в мишарском диалекте, как и в других тюркских языках, отчетливую грамматическую параллель — дифференцированное маркирование прямого дополнения. Это явление состоит в том, что в позиции прямого дополнения возможны как оформленная, так и неоформленная показателем аккузатива ИГ:

(4.58) a. äbi at-**nɤ** kiter-de.
бабушка лошадь-**ACC** приводить-PST
Бабушка привела лошадь. {a=b}

b. äbi at kiter-de.
бабушка лошадь приводить-PST

Подробно это явление охарактеризовано в 5.2; там же предлагается его синтаксический анализ. Здесь мы отметим лишь некоторые сходства в синтаксической дистрибуции генитива и аккузатива.

Во-первых, при наличии падежного показателя ИГ в аккузативе может передвигаться в левую окрестность клаузы (ср. с (4.33c) для генитива):

(4.59) a. rafail kɤzu **at-nɤ** tuar-ɤ-p kuj-a.
Рафаил быстрый **лошадь-ACC** распрягать-ST-CONV ставить-ST.IPFV
*Рафаил быстро распряг **лошадь**.* {a=b}

b. **at-nɤ** rafail kɤzu tuar-ɤ-p kuj-a.
лошадь-ACC Рафаил быстрый распрягать-ST-CONV ставить-ST.IPFV

В (4.59a) прямое дополнение *atnɤ*, оформленное аккузативным маркером, расположено контактно с глаголом, а в примере (4.59b) оно отделено от него подлежащим и обстоятельством образа действия[20].

Напротив, прямое дополнение, лишенное падежного маркера, всегда расположено контактно с глагольной вершиной (ср. с (4.33d) для генитива):

(4.60) a. rafail kɤzu **at** tuar-ɤ-p kuj-a.
Рафаил быстрый **лошадь** распрягать-ST-CONV ставить-ST.IPFV
*Рафаил быстро распряг **лошадь**.* {a=b}

[20] Для (4.60a) возможен, конечно, и другой анализ — когда *kɤzu* оказывается зависимым существительного *at-nɤ* ‘лошадь’, и в этом случае предложение интерпретируется как ‘Рафаил распряг быструю лошадь’. Для обсуждаемой проблемы, однако, эта возможность несущественна.

b. ***at** rafail kʏzu tuar-ʏ-p kuj-a.
лошадь Рафаил быстрый распрягать-ST-CONV ставить-ST.IPFV

Во-вторых, как и в случае с генитивом, при наличии собственных зависимых у прямого дополнения аккузативному маркированию отдается предпочтение по сравнению с неоформленным именем (ср. (4.33b) для генитива):

(4.61) a. rafail **bu kara at-nʏ** tuar-ʏ-p kuj-a.
Рафаил **этот черный лошадь-ACC** распрягать-ST-CONV ставить-ST.IPFV
*Рафаил распряг **эту черную лошадь**.* {a=b}

b. ??rafail **bu kara at** tuar-ʏ-p kuj-a.
Рафаил **этот черный лошадь** распрягать-ST-CONV ставить-ST.IPFV

Кроме того, гипотезы о правилах употребления показателя аккузатива, как и в случае с генитивом, связаны с референциальным статусом. Ср., например, обобщение Н.К. Дмитриева для турецкого языка: «В турецком языке различаются следующие случаи определенности и неопределенности: 1) определенность индивидуальная, которая в неопределенном падеже выражается прибавлением слова «этот», а в родительном и винительном падежах — обязательным принятием соответствующих аффиксов» (Дмитриев 1960: 66).

В 5.2, однако, предлагается объяснение этих и других особенностей аккузативных именных групп и морфологически немаркированных именных групп в позиции прямого дополнения, опирающееся на принципиально иные соображения.

4.2.3. ИК1: аппозитивное определение

В этом разделе мы дадим краткое описание семантики, структуры и синтаксических свойств изафетной конструкции первого типа (ИК1).

ИК1 образуется простым соположением двух существительных, причем, как и в ИК2, зависимое имя должно располагаться контактно с вершиной. Посессивное морфологическое маркирование на вершине отсутствует. Семантика ИК1 связана с выражением отношения ‘X сделан, состоит из материалаY’, где X — вершинное, а Y — зависимое имя (см. также Таблицу 4.3)[21]. ИК1 иллюстрируется в (4.62a-b):

(4.62) a. taš ü b. agač küper
камень дом дерево мост
каменный дом *деревянный мост*

Рассмотрим синтаксические свойства ИК1. Прежде всего отметим, что существительное-модификатор в ИК1 лишено возможности иметь собственные зависимые. Этим оно отличается от зависимого существительного в ИК2. Ограничение иллюстрируется в (4.63):

[21] В 4.2.4 мы обсудим вопрос о том, следует ли рассматривать ИГ, соответствующие русским приложениям (*fäjtä äbi* ‘бабушка Файма’, *karaulčʏ äxmät* ‘сторож Ахмет’ и т.д.), в одном ряду с анализируемыми здесь конструкциями, передающими значение ‘материал’.

(4.63) a. kʏzʏl agač estäl
красный дерево стол
1. красный деревянный стол
*2. *стол красного дерева*

b. čista altʏn jezek
чистый золото кольцо
1. чистое золотое кольцо
*2. *кольцо чистого золота*

c. katʏ taš jʏrt
крепкий камень дом
1. крепкий каменный дом
*2. *дом из крепкого камня*

Значения, которые недоступны для (4.63), выражаются, как правило, группами в аблативе, как в (4.64a-b) (см. также 4.2.6):

(4.64) a. čʏsta altʏn-nan jezek
чистый золото-ABL кольцо
кольцо чистого золота

b. katʏ taš-tan jʏrt
крепкий камень-ABL дом
дом из крепкого камня

Следующий факт касается взаиморасположения зависимых имен, формирующих ИК1 и ИК2, при попадании в одну ИГ. Выясняется, что имя N_1, образующее ИК1, размещается ближе к вершинному существительному, чем N_2, представленное в ИК2:

(4.65) a. kalxuz taš jʏrt-ʏ *taš kalxuz jʏrt-ʏ
колхоз камень дом-3 камень колхоз дом-3
колхозный каменный дом

b. rus agač ʏzba-sʏ *agač rus ʏzba-sʏ
русский дерево дом-3 дерево русский дом-3
русский деревянный дом

c. francus jefäk külmäg-e *jefäk francus külmäg-e
француз шелк платье-3 шелк француз платье-3
французское шелковое платье

Таким образом, в отличие от других типов ИК, ИК1 исключает показатель посессивности на вершинном имени и модификацию зависимого существительного. Последнее расположено контактно с вершиной. Эти факты заставляют усомниться в целесообразности включения ИК1 в парадигму ИК. Такой тип приименных определений хорошо известен и встречается в языках мира довольно часто (ср. английское *stone wall* ‘каменная стена’ и т.п.), чего нельзя сказать об ИК, характерной лишь для отдельных языковых ареалов. Поскольку термин «изафет» ассоциируется в первую очередь с так называемым вершинным маркированием, было бы более последовательно считать ИК1 не одной из изафетных конструкций, а обычным аппозитивным определением.

4.2.4. Проблема приложения

В мишарском диалекте есть два структурных типа ИГ, которые соответствуют приложениям в русском языке. Первый употребляется при образовании названий населенных пунктов, рек, озер, видов растений и животных и других подобных номинаций. В большинстве случаев с точки зрения семантики он представляет собой сочетание имени соб-

ственного и гиперонима, либо гипонима и гиперонима (расположенных в указанном порядке). Структурно такие конструкции представляют собой ИК2, в которых показателем принадлежности третьего лица маркируется гипероним. Это показано в (4.66a-b), см. также примеры из Таблицы 4.3:

(4.66) a. kelänče urman-ɤ
келянче лес-3
лес Келянче (топоним)

b. kura ʒiläg-e
малина ягода-3
ягода малина

Второй тип конструкций соответствует простому соположению двух имен. К таким ИГ термин «приложение» подходит более всего: как и в русском, подобные тюркские конструкции фактически составлены из двух отдельных ИГ, одна из которых чаще всего, хотя и необязательно, образована именем собственным:

(4.67) a. fäjmä äbi
Файма бабушка
бабушка Файма

b. awɤl-nɤŋ pretsedatel-e abzunijä apa
деревня-GEN председатель-3 Абзуния тетя
председатель деревни Абзуния-апа (=T9:4)

От описанных выше сочетаний первого типа, образующихся при помощи ИК2, эти ИГ отличаются тем, что между входящими в их состав именами или ИГ устанавливается отношение семантического тождества: ‘председатель деревни’ = ‘Абзуния-апа’.

Некоторые ИГ, семантически соответствующие первому типу, также образуются как приложение, хотя можно было бы ожидать появления ИК2:

(4.68) berket kɤš
орел птица
птица орел

Возможно, так происходит потому, что ИК2 (как и ИК3) соответствует базовое значение принадлежности, порождающее в этом случае неверную интерпретацию:

(4.69) berket kɤš-ɤ
орел птица-3
птенец орла

Таким образом, можно сказать, что употребление ИК2 в ИГ, соответствующих русским приложениям, ограничено теми случаями, при которых затруднена интерпретация сочетания двух имен как выражающих отношение принадлежности (ср. *река Волга*, но не *река Волги* и т.п.).

Интересен вопрос о том, насколько мишарские ИГ типа *fäjmä äbi* ‘бабушка Файма’ или *berket kɤš* ‘птица орел’ можно отождествить с ИК1. В ТГ1992, например, такие ИГ-приложения считаются подтипом ИК1. Кажется, однако, что это не совсем верно.

Дефолтный порядок элементов у приложения связан с выражаемым им отношением. Существительные, обозначающие профессии, обычно располагаются слева, а собственные имена справа, как в (4.67b). В то же время обозначения родственных отношений (и подобные им номинации) располагаются обычно за собственными именами, как в (4.67a).

Однако порядок существительных внутри приложений допускает варьирование. В (4.67b), в отличие от (4.70), название должности предшествует собственному имени:

(4.70) min rafail ukɤtučɤ-nɤ kür-de-m.
я Рафаил учитель-ACC видеть-PST-1SG
Я увидел учителя Рафаила.

Еще один пример — пара в (4.71a-b): в (4.71a) имя собственное располагается в препозиции, в то время как в семантически идентичном (4.71b) — в постпозиции:

(4.71) a. aj-da-gɤ zexrä kɤz turɤnda äkijät.
луна-LOC-ATR Зухра девочка про сказка
Сказка про девушку Зухру, которая живет на луне. (=T16:0)

b. kürše malaj-ɤ ilwart
сосед мальчик-3 Ильварт
соседский мальчик Ильварт (←T4:5)

Таким образом, мишарские приложения в известных пределах нечувствительны к порядку расположения существительных (маркеры падежа и числа всегда располагаются при этом на последнем элементе). Этим они отличаются от ИК1, где порядок компонентов фиксирован. В то время как ИК1 — ярко выраженная эндоцентрическая конструкция, приложения экзоцентричны.

4.2.5. Нумеративная конструкция

Помимо изафетных конструкций и приложений, в мишарском диалекте представлена нумеративная конструкция (НК), состоящая из неисчисляемого существительного, выражения со значением меры (нумератива) и числительного:

(4.72) ike stakan čäj
два стакан чай
два стакана чая

Наличием мерного выражения нумеративная конструкция отличается от обычной количественной конструкции, которая содержит только числительное и существительное:

(4.73) bu ike sandɤk-nɤ ač-m-a!
этот два сундук-ACC открывать-NEG-ST.IMP
Эти два сундука не открывай!

Числительные, как и другие модификаторы имени, не согласуются с вершинным именем ни по одной из грамматических категорий. Падежное маркирование и маркирование показателем посессивности происходят по общим правилам. Отличительная особенность количественных ИГ — обязательность единственного числа у вершинного существительного.

(4.74) *bu ike sandɤk-lar-**nɤ** ač-m-a!
этот два сундук-PL-**ACC** открывать-NEG-ST.IMP
Эти два сундука не открывай!

Аналог мишарской нумеративной конструкции в русском языке содержит генитивную группу (*две чашки чая).* Образованные по этой модели мишарские ИГ неграмматичны, причем как ИК3 в (4.75a), так и ИК2 в (4.75b):

(4.75) a. #čaj-nɤŋ ike stakan-ɤ
чай-GEN два стакан-3
два стакана чая[22] {a=b}

b. #čaj ike stakan-ɤ
чай два стакан-3

В отличие от русского языка, где синтаксическая вершина ИГ *два стакана чая* — это *стакан*, в (4.72) вершиной выступает не нумератив, а существительное, обозначающее неисчисляемый объект. Об этом говорит маркирование ИГ показателями падежа и посессивности:

(4.76) ul kɤčɤk-ka ike kašɤk aš-**ɤ-n** bir-de.
он собака-DAT два ложка суп-**3-OBL.ACC** давать-PST
Он дал собаке две ложки супа.

По мнению большинства носителей, в тех случаях, когда нумеративное имя соответствует единичному объекту, употребление числительного *ber* ‘один’ обязательно:

(4.77) *(ber) kašɤk aš
один ложка суп
одна ложка супа

Нумеративное имя может иметь свои собственные зависимые:

(4.78) ike zur stakan čäj
два большой стакан чай
два больших стакана чая

Надо сказать, что тюркские языки (а насколько нам известно, НК встречается во всех языках этой группы) не уникальны в своей способности образовывать НК. Идентичные ИГ имеются, например, в немецком, армянском, персидском, финском и других языках. Наличие НК, по нашим данным, — независимая типологическая характеристика языка, не выводимая из других его грамматических свойств.

4.2.6. Косвеннопадежные модификаторы имени

В мишарском диалекте существует возможность образовывать именные модификаторы при помощи косвенных падежей. В роли приименных модификаторов, как правило, употребляются ИГ в аблативе и дативе:

(4.79) a. tire-dän kurtka
кожа-ABL куртка
куртка из кожи

b. čistaj-ga jul
Чистополь-DAT дорога
дорога в Чистополь

[22] Эти ИГ (по крайней мере ИК2 в (4.75b)) допустимы, однако имеют другое прочтение: не ‘два стакана чая’, а ‘два стакана для чая’, ‘два чайных стакана’.

Порядок элементов в подобных ИГ обычно такой же, как в (4.79a-b), — N_{CASE} HEAD_NOUN.

Вопрос о синтаксическом статусе таких зависимых нельзя считать полностью очевидным. Возможно, за ними в действительности стоят относительные придаточные, в которых причастие фонологически не реализуется. Они и приписывают падежную роль какому-либо из своих участников, становящемуся впоследствии падежным модификатором. Если это так, мы должны признать деривационные отношения между именными группами типа (4.79a-b) и относительными придаточными в предложениях типа (4.80a-b):

(4.80) a. min üz-em-neŋ tire-dän jas-a-l-gan
я сам-1SG-GEN кожа-ABL делать-ST-PASS-PFCT

kurtka-m-nɤ jɤrt-tɤ-m.
куртка-1SG-ACC рвать-PST-1SG

Я порвал свою сделанную из кожи куртку.

b. jaŋgɤr čɤstaj-ga bar-a tɤr-gan ɤzɤn
дождь Чистополь-DAT идти-ST.IPFV стоять-PFCT длинный

jul-nɤ bɤz-gan.
дорога-ACC портить-PFCT

Дождь испортил длинную дорогу, ведущую в Чистополь.

Впрочем, косвеннопадежные приименные определения в тюркских языках следует, по-видимому, признать достаточно маргинальными.

4.3. Иерархическая структура именной группы

Согласно Гращенков 2000, в самых общих чертах модель структуры ИГ, соответствующая функциям и расположению модификаторов разных категорий, показана на Схеме 4.5. В соответствии со схемой, мишарскую ИГ можно представить как состоящую из трех основных структурных зон (перечислены в порядке удаления от имени): денотативной, или объектообразующей, референциально-квантификационной и рекурсивной:

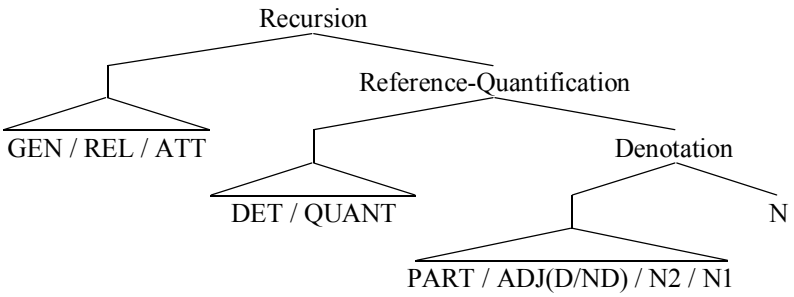

Схема 4.5. Структура именной группы

Рядом с именем располагаются те модификаторы, которые определяют дескриптивные свойства именного предиката. Вместе с существительным они формируют денотат сложной дескрипции, для которой не существует лексического средства выражения (например, ‘красивые голубоглазые девушки’). Далее такие объекты приобретают аргументный тип — индивидный (например, ‘эти две красивые голубоглазые девушки’) или кванторный (например, ‘минимум две красивые голубоглазые девушки’). Наконец, последняя, рекурсивная зона, семантически совпадает с денотативной, но располагается на левой периферии ИГ. Если соображения, высказанные выше, верны, то это, возможно, происходит по причинам, связанным с оптимизацией синтаксического анализа. Те же соображения применимы и к генитивному зависимому.

Именная группа, близкая по структуре к максимально возможной, показана в (4.81):

(4.81) marat-nɤŋ kazan-nan kiter-gän ike kɤzɤk-lɤ jaŋa kitab-ɤ
Марат-GEN Казань-ABL привозить-PFCT два интерес-ATR новый книга-3
две привезенные из Казани интересные новые книги Марата

Сходную структуру имеет и ИГ в литературном татарском языке. М.З. Закиев пишет: «Если определение подчиняется определяемому только при помощи обязательного соседства, то оно, естественно, занимает место непосредственно перед определяемым. Остальные определения в зависимости от скрепляющей силы средств связи могут занимать разные позиции по отношению к определяемому. Дальше всего от определяемого могут находиться существительные в родительном падеже, ближе их — существительные с падежеподобным аффиксом *-дагы*, еще ближе — глаголы в форме причастия, затем — существительные с аффиксом *-сыз* / *-сез* или *-лы* / *-ле*, еще ближе — производные прилагательные, за ними — непроизводные прилагательные и, наконец, рядом с господствующим словом — имя существительное в основном падеже» (ТГ 1995:336).

Структура на Схеме 4.5, соответствующая, как мы видели выше, линейному расположению компонентов именной группы, вызывает к жизни дальнейшие вопросы. Легко видеть, что указательные местоимения, числительные и кванторы, обычно располагающиеся на периферии ИГ, в мишарском диалекте занимают среднее положение. Следовательно, указательные местоимения, кванторы и числительные едва ли возглавляют соответствующие функциональные проекции (DP, NumP, QP).

Далее, хотя относительные предложения и ветвящиеся атрибутивные группы находятся на левой периферии ИГ (сразу после генитивного зависимого), тем не менее имя в ИК2, располагающееся близко к именной вершине, допускает ветвление. Поэтому также неадекватен анализ, предполагающий, что элементы объектообразующего слота и референциального слота — это вершины, последовательно принимающие ИГ в качестве комплемента, а элементы рекурсивного слота — адъюнкты к самой высокой проекции ИГ[23]. Более того, ветвящиеся адъективные зависимые, как и неветвящиеся, интерпрети-

[23] Синтаксические различия между ветвящимися и неветвящимися (одиночными) модификаторами в ИГ не являются чем-то уникальным: во многих языках одиночные прилагательные проявляют свойства вершин, а ветвящиеся — свойства групп (см. подробнее Pereltsvaig 2006), что отражается в синтаксическом анализе как их расположение в разных структурных позициях.

руются рестриктивно, что невозможно, если они соединяются с группой общего имени после кванторов.

Таким образом, мы приходим к заключению, что линейный порядок модификаторов в ИГ не может быть напрямую мотивирован ее иерархической структурой и порядком семантической композиции: очевидно, что по меньшей мере одним из «возмущающих факторов» является тяжесть модификатора — тяжелые модификаторы располагаются дальше от вершины, чем легкие.

Значительно более многообещающим с точки зрения установления иерархической структуры ИГ выглядит структура именной словоформы, описанная в 4.1.1, которая иллюстрируется в (4.82):

(4.82) a. N-Num-Poss-Case

b. bala-lar-ɤ-nɤŋ
ребенок-PL-3-GEN
его детей

Если, сообразно так называемому принципу зеркальности (Mirror principle, Baker 1985), порядок следования аффиксов на вершине отражает иерархическую структуру групп, содержащих вершину, то в первом приближении мишарская ИГ может выглядеть следующим образом:

(4.83) [PossP [NumP [NP N]]]

Чтобы проверить это предположение и понять, в каких проекциях располагаются модификаторы ИГ, рассмотрим синтаксическую дистрибуцию ИГ различной структуры.

Как обсуждается в 5.2.2.1, минимальная именная составляющая — вершина N — выступает в качестве неглагольного компонента сложного предиката, иллюстрируемого в (4.84).

(4.84) äti-se marat-ka jaŋa mašɤna **büläk** it-te.
отец-3 Марат-DAT новый машина **подарок** делать-PST
Отец подарил Марату новую машину.

Как показывает (4.85), никакие модификаторы этой вершины не допускаются:

(4.85) äti-se marat-ka mašɤna (*jaxšɤ ‖ *ber ‖ *tege) **büläk** it-te.
отец-3 Марат-DAT машина хороший один такой **подарок** делать-PST
Отец подарил Марату машину.

Не засвидетельствовано и сложных предикатов, в которых именной компонент содержал бы показатель множественного числа, а также таких, в которых первым компонентом выступала бы проформа.

Такие же ограничения накладываются на зависимое существительное в ИК1. В (4.86a-b) демонстрируется, что зависимый компонент в ИК1 не может иметь собственных зависимых (ср. с ИГ в (4.86c)). (4.86d) показывает, что проформы в этой позиции также невозможны.

(4.86) a. altɤn jezek
золото кольцо
золотое кольцо

b. čɤn altɤn jezek
истинный золото кольцо
*1. *кольцо чистого золота*
2. настоящее золотое кольцо

c. čɤn altɤn-nan jezek
истинный золото-ABL кольцо
кольцо из чистого золота

d. *ul || *a-nɤŋ jezek
он он-GEN кольцо
кольцо из него

Наконец, (4.87) демонстрирует неграмматичность ИК1 с зависимым существительным с показателем множественного числа.

(4.87) a. taš jɤrt
камень дом
каменный дом

b. *taš-lar jɤrt
камень-PL дом
дом из камней

Следующая по размеру именная составляющая выявляется в контексте атрибутивизатора *-lɤ*. Комплементом этой морфемы может выступать ветвящаяся ИГ с различными типами модификаторов: ИК1, прилагательными, указательными местоимениями, числительными, кванторными словами. Эти возможности иллюстрируются в (4.88a-f):

(4.88) a. altɤn jezek-le kɤz
золото кольцо-ATR девочка
1. девушка с золотым кольцом
2. девушка с золотыми кольцами

b. bijek taban-nɤ tufli-lar
высокий подошва-ATR туфель-PL
туфли на высоком каблуке

c. bu ɤmblema-lɤ futbolka
этот эмблема-ATR футболка
1. футболка с этой эмблемой
2. футболка с этими эмблемами

d. biš täräz-le jɤrt
пять окно-ATR дом
дом с пятью окнами

e. xär ken-ne zat-lar
каждый день-ATR вещь-PL
повседневные вещи

f. beten bul-gan nedostatka-lɤ keše
весь быть-PFCT недостаток-ATR человек
человек со всеми возможными недостатками

Атрибутивизация ИК2 допустима, однако в этом случае согласовательный показатель не может быть сохранен, как видно из сравнения (4.89a) и (4.89b):

(4.89) a. tatar tel-*(e)
татарин язык-3
татарский язык

b. tatar tel-(*e)-le bala-lar
татарин язык-3-ATR ребенок-PL
татароязычные дети

Не допускается атрибутивизация следующих типов ИГ: ИГ с показателем числа в (4.90), ИГ с генитивным посессором (ИК3) в (4.91), местоимений-существительных в (4.92)[24]. Заметим, что, как показывают примеры (4.88a-c) и (4.90), ИГ, выступающая комплементом атрибутивизатора *-lɤ*, нейтральна в отношении числа.

(4.90) a. kük čäčäk-le čaška
синий цветок-ATR чашка
1. чашка с синим цветком
2. чашка с синими цветами

b. *kük čäčäk-lär-le čaška
синий цветок-PL-ATR чашка
чашка с синими цветами

c. kɤska ǯiŋ-(*lär)-le külmäk
короткий рукав-PL-ATR платье
платье с короткими рукавами

(4.91) a. *tukaj-nɤŋ räsem-e-le kitap
Тукай-GEN рисунок-3-ATR книга
книга с портретом Тукая

b. *tukaj-nɤŋ räsem-le kitap
Тукай-GEN рисунок-ATR книга
книга с портретом Тукая

c. tukaj-nɤŋ räsem-le kitab-ɤ
Тукай-GEN рисунок-ATR книга-3
1. книга Тукая с рисунком
2. книга Тукая с рисунками

(4.92) a. *min-le fɤtɤgrafija
я-ATR фотография
фотография со мной [= с моим изображением]

b. *kem-le der fɤtɤgrafija
кто-ATR DYR фотография
фотография с чьим-то изображением

[24] Примечательно, что единственное местоимение-существительное, допустимое в контексте атрибутивизатора *-lɤ*, — это местоимение *närsä* ‘что’, ср. (i):

(i) a-nɤ matur kɤz di-gän-när, ällä närsä-le?
она-ACC красивый девушка говорить-PFCT-PL но что-ATR

zur-zur küz-le, kara čäč-le, buj-lɤ kɤz bul-gan.
большой-большой глаз-ATR черный волосы-ATR рост-ATR девушка быть-PFCT

Ее называли красивой девушкой, но почему [= с чем, с каким качеством]*? Она была девушкой с большими глазами, темными волосами, высокого роста.*

Е.А. Лютикова. Село Кутлушкино, 2011 год.

Из этих наблюдений мы делаем следующие выводы. Во-первых, атрибутивизатор *-lɤ* выбирает в качестве комплемента собственно именную группу (NP). Во-вторых, NP демонстрирует нейтральность в отношении грамматической категории числа. В-третьих, все представители референциального слота (указательные местоимения, числительные, кванторы) могут входить в состав NP и, следовательно, не возглавляют соответствующих функциональных проекций[25]. В-четвертых, в состав NP не могут входить показатели числа, а также генитивные посессоры. В-пятых, местоимения-существительные (кроме *närsä* ‘что’) не могут замещать NP и являются проформами для более крупных именных составляющих.

Диагностическим контекстом, позволяющим выявить именную составляющую следующего уровня — NumP, — является позиция зависимого в ИК2. В составе NumP допустимы те же типы зависимых, что и в NP, однако нейтральность в отношении категории числа не наблюдается: именная вершина в NumP может иметь показатель множе-

[25] В литературе представлена убедительная аргументация того, что разного рода определители (указательные местоимения, числительные и адъективные кванторы) не обязательно соответствуют высоким функциональным проекциям в именной группе. Так, например, в Szabolcsi 1994 показано, что позицию вершины D в венгерском языке может занимать только определенный артикль, а все прочие определители располагаются ниже этого уровня. Аналогичные наблюдения о структурной позиции указательных местоимений, числительных и кванторных выражений в разноструктурных языках можно найти в Giusti 1995, 1997. Согласно Danon 2006, определенный артикль в иврите также является единственным представителем категории D.

ственного числа (*-lar*), а именная вершина без числового показателя интерпретируется только как ‘единственное число’.

(4.93) a. kɤrsak-lɤ xatɤn-nar kijem-e
живот-ATR женщина-PL одежда-3
одежда (для) беременных женщин

b. bala-lar xastaxanä-se tabib-ɤ
ребенок-PL больница-3 врач-3
1. врач детской больницы
*2. *врач детских больниц*

c. sugɤš däver-e-n-dä
война период-3-OBL-LOC
во время войны

d. sugɤš-lar däver-e-n-dä
война-PL период-3-OBL-LOC
в период войн

При этом NumP не может включать в свой состав генитивные зависимые, вызывающие согласование на вершине (ИК3). Рассмотрим (4.94):

(4.94) a. [[ИК2] ИК2]
[[ukučɤ däftär-lär-e] papka-sɤ]
ученик тетрадь-PL-3 папка-3
папка для ученических тетрадей

b. [ИК3 [ИК2]]
[ukučɤ-nɤŋ [däftär-lär papka-sɤ]]
ученик-GEN тетрадь-PL папка-3
папка ученика для тетрадей

c. [[ИК3] ИК3]
[[ukučɤ-nɤŋ däftär-lär-e-neŋ] papka-sɤ]
ученик-GEN тетрадь-PL-3-GEN папка-3
папка для тетрадей ученика || с тетрадями ученика

d. *[[ИК3] ИК2]
*[[ukučɤ-nɤŋ däftär-lär-e] papka-sɤ]
ученик-GEN тетрадь-PL-3 папка-3
папка для тетрадей ученика

В (4.94a) представлена ИГ с ИК2: зависимая ИГ *ukučɤ däftärläre* ‘ученические тетради’ выступает в немаркированной форме и вызывает согласование на вершине *papkasɤ* ‘папка’. При этом сама зависимая ИГ *ukučɤ däftärläre* ‘ученические тетради’ также оформлена ИК2: ИГ *ukučɤ* ‘ученик’ стоит в немаркированной форме, а вершина *däftärläre* ‘тетради’ имеет посессивный показатель. Таким образом, пример (4.94a) показывает, что в качестве зависимого в ИК2 может выступать ИГ с ИК2.

В (4.94b) ИГ содержит два именных модификатора: ИГ в номинативе (*däftärlär* ‘тетради’), образующую с вершиной ИК2, и генитивное зависимое (*ukučɤnɤŋ* ‘ученика’),

образующую с вершиной *papkasɤ* ‘папка’ изафетную конструкцию 3. Из перевода (а также из отсутствия на словоформе *däftärlär* ‘тетради’ посессивного показателя) следует, что обе ИГ модифицируют общую вершину *papka* и не образуют составляющей. Следовательно, генитивная ИГ не входит в состав именного зависимого в ИК2.

Далее, в (4.94c) показана ИК3, зависимым компонентом в которой выступает ИГ с генитивным посессором (*ukučɤnɤŋ däftärläreneŋ* ‘тетрадей ученика’), которая также оформляется при помощи ИК3. Соответственно, можно заключить, что ИГ с ИК3 может выступать именным зависимым в ИК3.

Наконец, в (4.94d) представлена неграмматичная ИГ с изафетной конструкцией 2, в которой именным зависимым выступает ИГ *ukučɤnɤŋ däftärläre* ‘тетради ученика’, имеющая генитивный посессор и согласовательный показатель на вершине (ИК3). Отсюда можно заключить, что ИГ с ИК3 не может выступать в позиции именного зависимого в ИК2, что означает, что ИК3 оформляет именные группы большей структуры, чем те, которые допустимы в составе ИК2.

Еще один тип ИГ, недопустимый в составе ИК2, — это местоимения-существительные[26]:

(4.95) a. *min ‖ OK minem däftär-em
я я.GEN тетрадь-1SG
моя тетрадь

b. *ber-kem dä däftär-e
INDEF-кто EMPH тетрадь-3

c. ber-kem-neŋ dä däftär-e
INDEF-кто-GEN EMPH тетрадь-3

ничья тетрадь {b=c}

Таким образом, обнаруживается, что в мишарском диалекте имеются структурные типы ИГ, недопустимые в качестве именного зависимого в ИК2: ИГ с генитивным зависимым (ИК3) и именные проформы. Мы полагаем, что они соответствуют максимальным именным проекциям, которые мы предположительно определили как PossP в (4.83) и которые в дальнейшем будем называть DP, имея в виду под этим ярлыком максимальную именную проекцию, которую замещают проформы и которая интерпретируется как индивид или обобщенный квантор.

DP допустима в любых аргументных позициях: подлежащего, дополнения глагола, послелога, генитивного зависимого в другой DP. Кроме того, некоторые атрибутивизаторы (*-dagɤ*, *-nɤkɤ*) также способны принять в качестве комплемента DP (см. Тумашева, Ирисов 1989, Сулейманов 1996b):

(4.96) a. ximija däres-e-n-dä [mendelejev-neŋ tablica-sɤ-n]-dagɤ
химия урок-3-OBL-LOC Менделеев-GEN таблица-3-OBL-ATR

ximik element-lar-nɤ ejrän-ä-lär.
химик элемент-PL-ACC изучать-ST.IPFV-PL

На уроке химии изучают химические элементы в таблице Менделеева.

[26]Местоимение *närsä* ‖ *nästä* ‘что’, возможное в составе ИК1, предсказуемо допустимо и в ИК2:

(i) bu pasta-dan närsä ‖ nästä täm-e kil-ä?
этот паста-ABL что что вкус-3 приходить-ST.IPFV

Какой вкус у этой пасты? [= Вкус чего от этой пасты приходит?]

b. bu kitap kem-neke?
этот книга кто-ATR
Чья эта книга?

Подведем итоги. На основании синтаксической дистрибуции выявляются следующие типы именных составляющих: N (вершина) — неветвящееся существительное, выступающее в качестве именного компонента в ИК1 и в сложных предикатах; NP (собственно именная группа) — существительное с разнообразными модификаторами, кроме генитивного посессора, нейтральная в отношении числового противопоставления, выступающая в качестве комплемента атрибутивизатора *-lʏ*; NumP (группа числа) — NP, в которой фиксировано значение категории числа, выступающая в качестве именного зависимого в ИК2; DP (максимальная именная составляющая) — существительное с любыми модификаторами, в т.ч. с генитивным зависимым, а также проформы, выступающие в любых аргументных позициях, в т.ч. в позиции генитивного зависимого в ИГ[27].

Таким образом, мы располагаем следующими структурными диагностиками типа именной составляющей:

- не допускающее ветвления существительное: N;
- существительное с любым модификатором: минимум NP, максимум DP;
- существительное с показателем числа либо без показателя числа, не допускающее нейтрализации числа при интерпретации: минимум NumP, максимум DP;
- существительное с генитивным зависимым, проформа: DP.

ИГ максимальной структуры демонстрируется в (4.97):

(4.97) [$_{DP}$ marat-nʏŋ [$_{NumP}$ [$_{NP}$ jaŋa [$_{N}$ kitap]] -lar]-ʏ]
Марат-GEN новый книга-PL-3
новые книги Марата

Итак, в этом разделе мы показали, что мишарская именная группа имеет иерархическую структуру, и выделили, на основе синтаксической дистрибуции и структурных свойств, три класса именных проекций: NP, NumP и DP.

---

[27] Отдельного внимания заслуживают расщепленные конструкции с субстантивированным числительным / квантором / прилагательным в (i):

(i) kʏz-lar-nʏŋ ike-se ‖ beten-e-se ‖ zur-lar-ʏ kil-de.
девочка-PL-GEN два-3 весь-3-3 большой-PL-3 приходить-PST
Из девочек пришли две ‖ все ‖ большие.

В Гращенков 2000, Grashchenkov 2007, Гращенков 2009 убедительно аргументирован анализ, согласно которому такого рода конструкции представляют собой ИГ со структурой ИК3, в которой генитивное зависимое вызывает согласование на местоименной вершине, как показано в (ii):

(ii) [$_{DP}$ [$_{DP}$ bärän-när-neŋ]$_{+def}$ beten [$_{nP}$ -e] -se] (Grashchenkov 2007: (23c))
баран-PL-GEN весь-3-3
все из баранов

Если этот анализ верен, то еще один структурный тип ИГ, соответствующий максимальной именной проекции (DP), — это расщепленные количественные / кванторные / атрибутивные конструкции.

4.4. Фокусное выделение в именной группе

В этом разделе охарактеризовано фокусное выделение в именной группе, которое осуществляется с помощью разнообразных частиц, некоторые из которых представлены в (4.98):

(4.98) *mɤ* (вопросительная частица)
gɤna ‘только, лишь, бы, только что’
da ‘и, также’
inde ‘уже, уж’
bit ‘ведь, же’
xätta ‘даже’

Эти частицы иллюстрируются текстовыми примерами в (4.99)-(4.103).

(4.99) tägär-i kit-te jɤmgag-ɤm, kür-ü-če bul-m-a-dɤ-**mɤ**?
катиться-ST.IPFV уходить-PST клубок-1SG видеть-NMN-PART быть-NEG-ST-PST-**Q**
Укатился мой клубок, не видел ли кто [= не было ли видящего]*?* (=T13:35)

(4.100) ket-m-ä-gän-dä zexrä-neŋ änä-se ül-e-p kit-ä,
ждать-NEG-ST-PFCT-SIM Зухра-GEN мать-3 умирать-ST-CONV уходить-ST.IPFV

kɤz ätä-se belän **genä** kal-a.
девочка отец-3 с **FOC** оставаться-ST.IPFV
*Нежданно мать Зухры умерла, (и) девушка осталась **только** с отцом.* (=T16:3)

(4.101) čiläk-kejändä-le su-ga bar-u-čɤ zexrä-ne xäzer **dä**
ведро-коромысло-ATR вода-DAT идти-NMN-PART Зухра-ACC сейчас **EMPH**

kür-e-p bul-a di-lär.
видеть-ST-CONV AUX2-ST.IPFV говорить.IPFV-PL
***И** сейчас, говорят, можно увидеть Зухру, идущую за водой с ведром и коромыслом.* (=T16:14)

(4.102) kat$_j$-ɤ-p kil **inde**,
возвращаться-ST-CONV приходить.IMP **уж**

bik sagɤn-dɤ-m **bit** sine.
очень тосковать-PST-1SG **ведь** ты.ACC
Приезжай [= вернувшись приходи] ***уж**, (я) **ведь** так соскучилась по тебе!* (ср. T17:20)

(4.103) ul xatɤn-nɤŋ kɤz-ɤ bul-a,
этот женщина-GEN девочка-3 быть-ST.IPFV

bernärsä dä ešl-i bel-m-i,
ничего EMPH работать-ST.IPFV знать-NEG-ST.IPFV

xätta čäč-e-n dä änä-se-n-nän ür-der-ä.
даже волос-3-OBL.ACC EMPH мать-3-OBL-ABL плести-CAUS-ST.IPFV
*У этой женщины была дочь, (она) делать ничего не умела, **даже** и волосы ей мать заплетала.* (=T13:8)

4.4.1. Фокусные частицы и фокусируемые составляющие

4.4.1.1. Взаиморасположение фокусных и фокусируемых элементов[28]

(4.104) иллюстрирует частицу *gɤna* ‘только, именно’. В этом предложении имеется фокусируемый элемент — числительное *bɤr* ‘один’. Следуя установившейся традиции, мы помечаем его квадратными скобками с нижним индексом “F”, а в русском переводе по необходимости выделяем шрифтом МАЛЕНЬКИЕ ПРОПИСНЫЕ.

(4.104) jɤrak-ta [ber]$_F$ **genä** täräzä-le jɤrt kür-e-n-ä.
далеко-LOC один **FOC** окно-ATR дом видеть-ST-DEPAT-ST.IPFV
*Вдали виднелся дом с ОДНИМ **только** окном.*

Как и аналогичные предложения в других языках, (4.104) содержит пресуппозицию ‘Вдали виднелся дом с одним окном’. Пресуппозиция идентична (4.104), если удалить из него фокусную частицу. В ассерцию (4.104) входит отрицание всех альтернативных пропозиций, которые перечислены в (4.105). Альтернативные пропозиции генерируются заменой фокусируемой составляющей на альтернативы (Rooth 1985), в данном случае числительного ‘один’ другими числительными.

(4.105) a. ‘Вдали виднелся дом с двумя окнами’
b. ‘Вдали виднелся дом с тремя окнами’
c. …

В (4.104) фокусная частица размещается непосредственно за фокусируемым элементом и образует с ним единое фонетическое слово. Убедиться в этом позволяет тот факт, что ряд гласного в числительном *ber* ‘один’ распространяется и на частицу.

Точно так же ведет себя фокусная частица *da* ‘и, также’ в (4.106):

(4.106) min [apa-m-nɤŋ]$_F$ **da** sumka-sɤ-n al-dɤ-m.
я сестра-1SG-GEN **EMPH** сумка-3-OBL.ACC брать-PST-1SG
*Я взяла **и** сумку СЕСТРЫ* {ПК: , а не только свою}.

В (4.106) фокусируемый элемент — генитивная именная группа *apa-m-nɤŋ* ‘сестры’, и фокусная частица непосредственно следует за ним. Ее семантический вклад — пресуппозиция, которая требует истинности по крайней мере одной альтернативной пропозиции (например, ‘Я взяла свою сумку’).

В (4.104)-(4.106), однако, представлен не единственно возможный вариант взаиморасположения фокусной частицы и ассоциированной с ним фокусируемой составляющей. В (4.107) частица расположена внутри этой составляющей:

(4.107) min [apa-m-nɤŋ **xätta** sumka-sɤ-n]$_F$ al-dɤ-m.
я сестра-1SG-GEN **даже** сумка-3-OBL.ACC брать-PST-1SG
*Я взяла **даже** сумку СЕСТРЫ* {ПК: , а не только мамины перчатки и бабушкин зонтик}.

В (4.107) фокусному выделению подвергается вся именная группа ‘сумка сестры’. Это проявляется в том, что альтернативами к ‘сумка сестры’ выступают именные группы

[28] При написании этого раздела использованы полевые материалы С.А. Малютиной (Малютина 2011).

не только с отличным обладателем, но и с отличным обладаемым (‘мамины перчатки’ и т.д.). Фокусная частица, однако, линейно расположена между этими двумя элементами[29].

В (4.108), напротив, фокусная частица находится на некоторой структурной дистанции от фокусируемой составляющей. В (4.108) это вновь генитивная именная группа, обозначающая посессора ‘сестра’. Однако частица помещается после вершины объемлющей именной группы, содержащей также обладаемое, несмотря на то, что обладаемое — это нефокусный материал:

(4.108) min [[apa-m-nɤŋ]$_F$ sumka-sɤ-n] **bit** al-dɤ-m.
я сестра-1SG-GEN сумка-3-OBL.ACC **ведь** брать-PST-1SG
Я ведь *взяла сумку СЕСТРЫ* {ПК: , а не тёти}.

Эти и аналогичные наблюдения позволяют сформулировать общий вопрос: как в мишарском диалекте устроены ограничения на взаиморасположение фокусной частицы и фокусируемой составляющей.

Как обсуждается в 4.1.3, в мишарском диалекте представлен следующий набор модификаторов именной группы:

(4.109) N_{GEN} REL ATT DET QUANT PART ADJ_D ADJ_{ND} N_2 N_1 HeadNoun, где N_{GEN} — генитивные зависимые вершины (изафетная конструкция 3, ИК3), REL — относительные предложения, ATT — атрибутивные составляющие, DET — детерминаторы, QUANT — кванторы и числительные, PART — одиночные причастия, ADJ_D — производные прилагательные, ADJ_{ND} — непроизводные прилагательные, N_2 — зависимые имена в ИК2, N_1 — зависимые имена в ИК1, HeadNoun — вершина.

Многочисленность возможных модификаторов именной группы и разнообразие их структурных позиций, а также значительное количество фокусных частиц создает огромное количество комбинаторных возможностей. По этой причине ниже мы не предлагаем полной суммы обобщений о взаиморасположении фокусируемых составляющих и фокусных частиц.

В следующем разделе будут представлены два наблюдения, характеризующие большинство частиц из списка в (4.98). После этого мы обсудим частицу *gena* ‘только, именно’, которая имеет отличную от большинства дистрибуцию.

4.4.1.2. Преобладающая дистрибуция

Преобладающая дистрибуция фокусных частниц в именной группе описывается обобщениями в (4.110)-(4.111):

(4.110) Фокусная частница, следующая за именной группой, способна ассоциироваться с любым фокусным материалом в именной группе.

(4.111) Внутри именной группы фокусная частница способна размещаться только справа от генитивного посессора.

[29] Кроме той интерпретации, которая показана в (4.108), для частицы *xätta* ‘даже’ при таком линейном расположении допускается и прочтение, аналогичное (4.106), когда фокусируемая составляющая ограничена посессором: ‘Я взяла сумку даже сестры, а не только сумку матери и бабушки’.

Под юрисдикцию этих обобщений подпадают все перечисленные в (4.98) частицы, кроме *gɤna* ‘только, именно’.

Согласно обобщению (4.110), для частиц, присоединяющихся поверх именной группы в целом, доступен любой фокусный материал внутри нее. Такая конфигурация показана на Схеме 4.6. Мы исходим из того, что присоединение частицы представляет собой правостороннюю адъюнкцию.

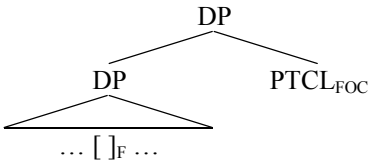

Схема 4.6. Возможная фокусная конфигурация

В (4.112) обобщение иллюстрируется для частицы *bit* ‘ведь’, в (4.113) — для частицы *mɤ*, образующей общий вопрос (об общем вопросе см. 5.1.5).

(4.112) a. marat-nɤŋ kil-gän keč-le [abɤj-sɤ]$_F$ **bit** kɤjma-nɤ
Марат-GEN приходить-PFCT сила-ATR брат-3 **ведь** забор-ACC

tezät-te.
чинить-PST

Ведь *пришедший сильный* БРАТ *Марата починил забор.*

b. marat-nɤŋ kil-gän [keč-le]$_F$ abɤj-sɤ **bit** kɤjma-nɤ
Марат-GEN приходить-PFCT сила-ATR брат-3 **ведь** забор-ACC

tezät-te.
чинить-PST

Ведь *пришедший* СИЛЬНЫЙ *брат Марата починил забор.*

c. marat-nɤŋ [kil-gän]$_F$ keč-le abɤj-sɤ **bit** kɤjma-nɤ
Марат-GEN приходить-PFCT сила-ATR брат-3 **ведь** забор-ACC

tezät-te.
чинить-PST

Ведь *ПРИШЕДШИЙ сильный брат Марата починил забор.*

d. [marat-nɤŋ]$_F$ kil-gän keč-le abɤj-sɤ **bit** kɤjma-nɤ
Марат-GEN приходить-PFCT сила-ATR брат-3 **ведь** забор-ACC

tezät-te.
чинить-PST

Ведь *пришедший сильный брат* МАРАТА *починил забор.*

e. marat-nɤŋ kil-gän [keč-le abɤj-sɤ]$_F$ **bit** kɤjma-nɤ
Марат-GEN приходить-PFCT сила-ATR брат-3 **ведь** забор-ACC

tezät-te.
чинить-PST

Ведь *пришедший* СИЛЬНЫЙ БРАТ *Марата починил забор.*

f. marat-nɤŋ [kil-gän keč-le abɤj-sɤ]$_F$ **bit** kɤjma-nɤ
Марат-GEN приходить-PFCT сила-ATR брат-3 **ведь** забор-ACC

tezät-te.
чинить-PST

Ведь *ПРИШЕДШИЙ СИЛЬНЫЙ БРАТ Марата починил забор.*

g. [marat-nɤŋ kil-gän keč-le abɤj-sɤ]$_F$ **bit** kɤjma-nɤ
Марат-GEN приходить-PFCT сила-ATR брат-3 **ведь** забор-ACC

tezät-te.
чинить-PST

Ведь *ПРИШЕДШИЙ СИЛЬНЫЙ БРАТ МАРАТА починил забор.*

(4.112a-g) складывается из двух подпарадигм. В (4.112a-d) показано, что с частицей *bit* ‘ведь’ может ассоциироваться как вершина ИГ ‘брат’, так и любая из ее зависимых — ‘сильный’, ‘пришедший’, ‘Марат’. (4.112e-g) показывают ассоциацию с фокусным материалом нарастающего объема — ‘сильный брат’, ‘пришедший сильный брат’, ‘пришедший сильный брат Марата’. Во всех случаях контроль размера фокусируемой составляющей проводился экспликацией набора альтернатив. (4.112a), например, предъявлялось носителям в контексте ‘… а не пришедший сильный дядя’, (4.112b) — в контексте ‘… а не тот пришедший брат, который слаб и болен’ и т.д. В (4.112a-g) контексты в порядке сокращения опущены.

(4.113b-e) иллюстрирует первую подпарадигму, аналогичную (4.112a-d), а (4.113a) — случай, когда фокусируется вся именная группа, — для вопросительной частицы *mɤ*. Как видно из этих примеров, возможности двух частиц ассоциироваться с фокусными составляющими внутри именной группы не различаются.

(4.113) a. [marat-nɤŋ kil-gän keč-le abɤj-sɤ]$_F$-**mɤ** kɤjma-nɤ tezät-te?
Марат-GEN приходить-PFCT сила-ATR брат-3-**Q** забор-ACC чинить-PST

ПРИШЕДШИЙ СИЛЬНЫЙ БРАТ МАРАТА починил забор?

b. marat-nɤŋ kil-gän keč-le [abɤj-sɤ]$_F$-**mɤ** kɤjma-nɤ tezät-te?
Марат-GEN приходить-PFCT сила-ATR брат-3-**Q** забор-ACC чинить-PST

Пришедший сильный БРАТ Марата починил забор?

c. marat-nɤŋ kil-gän [keč-le]$_F$ abɤj-sɤ-**mɤ** kɤjma-nɤ tezät-te?
Марат-GEN приходить-PFCT сила-ATR брат-3-**Q** забор-ACC чинить-PST

Пришедший СИЛЬНЫЙ брат Марата починил забор?

d. marat-nɤŋ [kil-gän]$_F$ keč-le abɤj-sɤ-**mɤ** kɤjma-nɤ tezät-te?
Марат-GEN приходить-PFCT сила-ATR брат-3-**Q** забор-ACC чинить-PST

ПРИШЕДШИЙ сильный брат Марата починил забор?

e. [marat-nɤŋ]$_F$ kil-gän keč-le abɤj-sɤ-**mɤ** kɤjma-nɤ tezät-te?
Марат-GEN приходить-PFCT сила-ATR брат-3-**Q** забор-ACC чинить-PST

Пришедший сильный брат МАРАТА починил забор?

Вопросительная частица, впрочем, способна ассоциироваться с именной группой и в том случае, если она располагается на глаголе (см. также 5.1.5):

(4.114) [marat-nɤŋ kil-gän kеč-le abɤj-sɤ]$_F$ kɤjma-nɤ tezät-te-**mɤ**?
Марат-GEN приходить-PFCT сила-ATR брат-3 забор-ACC чинить-PST-**Q**
Пришедший сильный брат Марата починил забор?

Второе обобщение, сформулированное в (4.111), вводит ограничение на размещение фокусных частиц внутри именной группы. Согласно (4.111), частицы не могут быть адъюнктами модификаторов ИГ за вычетом единственного случая — генитивного посессора. Запрет на присоединение фокусной частицы к модификаторам иллюстрируется в (4.115)-(4.123) на примере частицы *xätta* ‘даже’:

(4.115) Относительное предложение (REL)
a. äbi [[küptän ɤnɤtɤl-gan]$_F$ ǯɤr-lar-nɤ] **xätta** ǯɤrl-ɤj.
бабушка давно забываться-PFCT песни-PL-ACC **даже** петь-ST.IPFV
*Бабушка поёт **даже** давно забытые песни.* {a=b}

b. * äbi [[küptän ɤnɤtɤl-gan]$_F$ **xätta** ǯɤr-lar-nɤ] ǯɤrl-ɤj.
бабушка давно забываться-PFCT **даже** песни-PL-ACC петь-ST.IPFV

(4.116) Атрибутивизированная составляющая (ATR)
a. minem apa [[ike bülmä-le]$_F$ kvartir-da] **xätta** jäš-ä-de.
я.GEN сестра два комната-ATR квартира-LOC **даже** жить-ST-PST
*Моя сестра жила **даже** в двухкомнатной квартире.* {a=b}

b. * minem apa [[ike bülmä-le]$_F$ **xätta** kvartir-da] jäš-ä-de.
я.GEN сестра два комната-ATR **даже** квартира-LOC жить-ST-PST

(4.117) Указательное местоимение (DET)
a. marat [[bu]$_F$ kɤz-nɤ] **xätta** jarat-a.
Марат этот девочка-ACC **даже** любить-ST.IPFV
*Марат любит **даже** эту девушку.* {a=b}

b. * marat [[bu]$_F$ **xätta** kɤz-nɤ] jarat-a.
Марат этот **даже** девочка-ACC любить-ST.IPFV

(4.118) Числительное (QUANT):
a. marat [[biš]$_F$ karbɤz] **xätta** aš-a-r.
Марат пять арбуз **даже** есть-ST-POT
*Марат съест **даже** пять арбузов.* {a=b}

b. * marat [[biš]$_F$ **xätta** karbɤz] aš-a-r.
Марат пять **даже** арбуз есть-ST-POT

(4.119) Нераспространенное причастие (PART):
a. alsu [[kit-kän]$_F$ jeget-ne] **xätta** jarat-a.
Алсу уходить-PFCT парень-ACC **даже** любить-ST.IPFV
*Алсу любит **даже** уехавшего парня.* {a=b}

b. * alsu [[kit-kän]$_F$ **xätta** jeget-ne] jarat-a.
Алсу уходить-PFCT **даже** парень-ACC любить-ST.IPFV

(4.120) Производное прилагательное (ADJ_D):

a. min [[kɤzɤk-sɤz]$_F$ kino] **xätta** kar-ɤj-m.
я интерес-CAR кино **даже** смотреть-ST.IPFV-1SG
*Я смотрю **даже** НЕИНТЕРЕСНОЕ кино.* {a=b}

b. *min [[kɤzɤk-sɤz]$_F$ **xätta** kino] kar-ɤj-m.
я интерес-CAR **даже** кино смотреть-ST.IPFV-1SG

(4.121) Непроизводное прилагательное (ADJ):

a. marat [[matur]$_F$ kɤz-nɤ] **xätta** jarat-m-ɤj.
Марат красивый девочка-ACC **даже** любить-NEG-ST.IPFV
*Марат не любит **даже** КРАСИВУЮ девушку.* {a=b}

b. *marat [[matur]$_F$ **xätta** kɤz-nɤ] jarat-m-ɤj.
Марат красивый **даже** девочка-ACC любить-NEG-ST.IPFV

(4.122) Именной модификатор в ИК2 (N_2):

a. estäl-dä [[ukɤtučɤ]$_F$ ukazka-sɤ] **xätta** jat-a.
стол-LOC учитель указка-3 **даже** лежать-ST.IPFV
*На столе лежит **даже** УЧИТЕЛЬСКАЯ указка.* {a=b}

b. *estäl-dä [[ukɤtučɤ]$_F$ **xätta** ukazka-sɤ] jat-a.
стол-LOC учитель **даже** указка-3 лежать-ST.IPFV

(4.123) Именной модификатор в ИК1 (N_1):

a. jekče-lär [[agač]$_F$ estäl-ne] **xätta** taš-ɤ-lar.
грузчик-PL деревянный стол-ACC **даже** таскать-ST.IPFV-PL
*Грузчики носят **даже** ДЕРЕВЯННЫЙ стол.* {a=b}

b. *jekče-lär [[agač]$_F$ **xätta** estäl-ne] taš-ɤ-lar.
грузчик-PL деревянный **даже** стол-ACC таскать-ST.IPFV-PL

Вторая часть обобщения в (4.111) состоит в том, что к генитивному посессору фокусные частицы могут присоединяться без ограничений. В (4.106) и (4.107) это иллюстрируется для частиц *da* ‘и, также’ и *xätta* ‘даже’. (4.124)-(4.125) показывают то же самое для *bit* ‘ведь’ и вопросительной частицы.

(4.124) min [apa-m-nɤŋ]$_F$ **bit** sumka-sɤ-n al-dɤ-m.
я сестра-1SG-GEN **ведь** сумка-3-OBL.ACC брать-PST-1SG
*Я **ведь** взяла сумку СЕСТРЫ.*

(4.125) min [apa-m-nɤŋ]$_F$-**mɤ** sumka-sɤ-n al-dɤ-m?
я сестра-1SG-GEN-**Q** сумка-3-OBL.ACC брать-PST-1SG
Я взяла сумку СЕСТРЫ?

Наконец, сравнение (4.124)-(4.125) с (4.126)-(4.127) показывает, что расположение на генитивном посессоре доступно для фокусных частиц независимо от того, вызывает ли посессор согласование на вершине ИГ:

(4.126) [bez-neŋ]$_F$ bit dus-lar kit-ä-lär.
мы-GEN ведь друг-PL уезжать-ST.IPFV-PL
***Ведь** НАШИ друзья уезжают.*

(4.127) [bez-neŋ]$_{F}$-mɤ dus-lar kit-ä-lär?
мы-GEN-Q друг-PL уезжать-ST.IPFV-PL
НАШИ друзья уезжают?

Сформулировав и проиллюстрировав обобщения (4.110)-(4.111), которым подчиняются большинство исследованных нами фокусных частиц, мы готовы к обсуждению фокусного показателя, имеющего радикально отличную дистрибуцию. Это частица-клитика *gɤna*, которой целиком посвящен следующий раздел.

4.4.2. Клитика *gɤna* ‘только, именно’[30]

П.А. Коваль и А.Е. Аксенова. Село Большое Рыбушкино, 2012 год.

[30] Согласно словарю [ИЯЛИ], слова *только* и *лишь* на татарский язык можно перевести следующими путями: *бары, нибары, гына, бары ... гына, бары тик ... гына*. По нашим данным, в мишарском диалекте (идиом с. Рыбушкино) используются три из них: *barɤ, gɤna, barɤ ... gɤna*. Значение *gɤna*, однако, не сводимо к ‘только’, поскольку в общем случае, в отличие от ‘только’, она не требует отрицания альтернатив. Этим *gɤna*, в частности, отличается от *barɤ*, как видно из (i)-(iii):

(i) marat kil-de. vasja da šulaj uk (kil-de).
Марат приходить-PST Вася EMPH так же приходить-PST
Марат пришел. И Вася тоже.

(ii) barɤ marat kil-de. * vasja da šulaj uk (kil-de).
только Марат приходить-PST Вася EMPH так же приходить-PST
*Только Марат пришел. *И Вася тоже.*

(iii) marat gɤna kil-de. vasja da šulaj uk (kil-de).
Марат FOC приходить-PST Вася EMPH так же приходить-PST
МАРАТ пришел. И Вася тоже.

Аномальность (ii) связана, по-видимому, с тем, что элемент ассерции этого предложения — указание на то, что пропозиция ложна для любого релевантного индивида, отличного от Васи (ср. Rochemont 1986, Kiss 1998, Zubizarreta 1998). Допустимость (iii) говорит о том, что семантика *gɤna* не содержит в себе такого же компонента.

В отличие от других фокусных частиц, клитика *gɤna* способна присоединяться к модификаторам именной группы. В (4.128) это прилагательное ‘младший’:

(4.128) kečkenä **genä** ber ene-m kal-dɤ.
маленький **FOC** один младший.брат-1SG оставаться-PST
Младший брат только остался.

Примеры такого типа указывают, что общий вопрос о взаиморасположении фокусной частицы и фокусируемой составляющей и об ограничениях на это взаиморасположение для *gɤna* получает иной ответ, чем для других фокусных элементов. Доступные для *gɤna* возможности мы подробно обсудим в 4.4.2.2-4.4.2.6, после того, как охарактеризуем применяемую ниже диагностику.

4.4.2.1. Применяемые тесты и интерпретация результатов

В этом разделе мы на примере ИГ, состоящей из существительного и непроизводного прилагательного, продемонстрируем тот набор тестов, который используется в дальнейшем при анализе фокуса.

Основная цель тестов — определить, что именно фокализуется при присоединении *gɤna*. В именной группе, состоящей из двух элементов, позиций для фокусной частицы также две. Они показаны в (4.129a-b):

(4.129) a. matur **gɤna** kɤz
красивый **FOC** девочка
красивая девушка {a=b}

b. matur kɤz **gɤna**
красивый девочка **FOC**

Как мы уже видели, для каждого из этих случаев можно предполагать две возможности. Первая: в фокусе находится ровно тот элемент, к которому клитизируется фокусная частица. Это показано в (4.130a). Вторая возможность: фокусируется вся именная группа, как в (4.130b):

(4.130) a. [matur]$_F$ **gɤna** kɤz
красивый **FOC** девочка
КРАСИВАЯ девушка

b. [matur **gɤna** kɤz]$_F$
красивый **FOC** девочка
КРАСИВАЯ ДЕВУШКА

Две логические возможности допускает и (4.131): фокус может быть как узким, то есть приходиться только на клитизированную составляющую, так и широким, включающим в себя всю ИГ:

(4.131) a. matur [kɤz]$_F$ **gɤna**
красивый девочка **FOC**
красивая ДЕВУШКА

b. [matur kɤz]$_F$ **gɤna**
красивый девочка **FOC**
КРАСИВАЯ ДЕВУШКА

Таким образом, для именной группы, состоящей из вершины и модификатора, мы рассматриваем следующие четыре возможности:

- Показатель *gɤna* размещается на модификаторе, в фокусе модификатор (‘КРАСИВАЯ девушка’) — узкий фокус.
- Показатель *gɤna* размещается на модификаторе, в фокусе вся ИГ (‘КРАСИВАЯ ДЕВУШКА’) — широкий фокус.

- Показатель *gɤna* размещается на вершине, в фокусе вершина (‘красивая ДЕВУШКА’) — узкий фокус.
- Показатель *gɤna* размещается на вершине, в фокусе вся ИГ (‘КРАСИВАЯ ДЕВУШКА’) — широкий фокус.

Определить, какие из этих логических возможностей реализуются на практике, помогают два теста — тест отрицания и вопросительный тест. Тест отрицания (Rooth 1985, Horn 1985): если какая-то часть предложения фокусируется, это значит, что идентичная ей часть может быть помещена под отрицание, как в (4.132). Вопросительный тест (Hatcher 1956) сводится к тому, что фокус — та часть предложения, которая служит ответом на поставленный к этому предложению вопрос, как в (4.134).

(4.132) matur **gɤna** kɤz kitap uk-ɤ-dɤ, ä šɤk-sɤz
красивый **FOC** девочка книга читать-ST-PST а красота-CAR

malaj xat jaz-dɤ.
парень письмо писать-PST

КРАСИВАЯ ДЕВУШКА читала книгу, а некрасивый парень писал письмо.

В (4.132) первая клауза содержит ассерцию, согласно которой подлежащее принимает участие в ситуации ‘читать книгу’. Вторая клауза утверждает, что ее подлежащее участвует в ситуации, отличной от ‘читать книгу’, т.е. ‘писать письмо’. Состав отрицаемой единицы ‘некрасивый парень’ соответствует составу фокализованной ‘красивая девушка’, следовательно, при присоединении *gɤna* к модификатору фокализуется вся ИГ: имеет место широкий фокус.

Возможен ли при этом узкий фокус, при котором фокализуется только модификатор? (4.133) на первый взгляд показывает, что возможен:

(4.133) matur **gɤna** kɤz kitap uk-ɤ-dɤ, ä šɤk-sɤz ~~kɤz~~
красивый **FOC** девочка книга читать-ST-PST а красота-CAR девочка

xat jaz-dɤ.
письмо писать-PST

КРАСИВАЯ девушка читала книгу, а некрасивая ~~девушка~~ писала письмо.

В (4.133) под отрицанием стоит только прилагательное. Если объем составляющей в отрицательной клаузе (*а некрасивая писала письмо*) соответствует объему фокусируемой составляющей в утвердительной клаузе (*красивая девушка читала книгу*), то в (4.133) мы имеем узкий фокус.

Проблема, однако, в том, что в отрицательной клаузе имеет место эллипсис вершины ‘девушка’. Эту вершину можно элидировать независимо от того, входит ли ее антецедент в утвердительной клаузе в состав сфокусированной составляющей. Это означает, что отрицательная клауза с эллипсисом вершины в (4.133) совместима с двумя фокусными возможностями для утвердительной клаузы — широкой (‘КРАСИВАЯ ДЕВУШКА’) и узкой (‘КРАСИВАЯ девушка’). Развести эти возможности предложение (4.133), тем самым, не позволяет, а значит, оно ничего не сообщает о возможности узкого фокуса.

В этом месте на помощь приходит вопросительный тест, который опирается на то, что объем фокусируемой составляющей в ответе должен соответствовать объему фокусируемой составляющей в вопросе. Применение теста показано в (4.134):

(4.134) A: nindi kʏz kitap uk-ʏ-dʏ?
какой девочка книга читать-ST-PST
Какая девушка читала книгу?

B_1: *matur **gʏna** kʏz (kitap uk-ʏ-dʏ).
красивый **FOC** девочка книга читать-ST-PST
Красивая девушка (читала книгу).

B_2: matur kʏz (kitap uk-ʏ-dʏ).
красивый девочка книга читать-ST-PST
Красивая девушка (читала книгу).

В качестве реплики A приводится вопрос, фокусом которого является модификатор (*какая девушка?*). Далее следуют ответы B, нумеруемые индексами.

Ключевое наблюдение связано с ответом B_1: B_1 аномален. Это показывает, что при размещении *gʏna* на непроизводном прилагательном фокализуется вся ИГ; узкий фокус на модификаторе невозможен. В противном случае B_1 был бы возможным ответом на вопрос A.

B_2 подтверждает, что нет иных причин для аномальности B_1, кроме наличия клитики, фокусирующей всю именную группу.

Таким образом, тест отрицания и вопросительный тест показывают, что при расположении клитики на модификаторе-прилагательном обязательно фокусируется вся ИГ.

Отдельного комментария заслуживает (4.135), который также является возможным ответом на вопрос A в (4.134).

(4.135) B_3: matur **gʏna**.
красивый **FOC**
КРАСИВАЯ.

B_3 иллюстрирует способ, с помощью которого можно избежать аномальности и сохранить при этом клитику, — элидировать в ответе часть ИГ, которая не соответствует фокусу вопроса. Сравнение B_1 и B_3 показывает, что существует жесткий запрет на произнесение большей фокализованной составляющей, чем фокус самого вопроса. Если бы у нас был только ответ B_3, то можно было бы предположить, что при присоединении клитики к непроизводному прилагательному возможен узкий фокус, но тогда B_1 было бы допустимо так же, как допустимо B_2, в котором произносится часть, которая не входит в фокус вопроса. Поскольку B_1 невозможен, следует предположить, что удаление материала, который входит в фокус ответа, но не вопроса, позволяет спасти деривацию. B_3, таким образом, имеет структуру (4.136):

(4.136) B_3: matur **gʏna** ~~kʏz~~.
красивый **FOC** девочка
КРАСИВАЯ ~~ДЕВУШКА~~.

Вторая часть вопросительного теста при присоединении клитики к модификатору — вопрос ко всей ИГ. Его результат интерпретируется однозначно: в (4.137) в фокусе вопроса находится вся ИГ. В этом отношении вопросительный тест дает тот же результат, что и отрицательный тест в (4.132).

(4.137) A: kem kitap uk-ɤ-dɤ?
кто книга читать-ST-PST
Кто читал книгу?

B$_1$: matur **gɤna** kɤz (kitap uk-ɤ-dɤ).
красивый **FOC** девочка книга читать-ST-PST
КРАСИВАЯ ДЕВУШКА (читала книгу).

Мы подробно разобрали применение двух тестов на размер фокализуемой составляющей. Они показывают, что при присоединении *gɤna* к непроизводному прилагательному фокализуется вся ИГ.

В (4.138) оба теста применяются к случаю, когда *gɤna* располагается на вершине. Как и в предыдущем случае, тест отрицания позволяет проверить, возможна ли широкая интерпретация. Благодаря (4.138) мы видим, что это возможно:

(4.138) matur kɤz **gɤna** kitap uk-ɤ-dɤ, ä šɤk-sɤz
красивый девочка **FOC** книга читать-ST-PST а красота-CAR
malaj xat jaz-dɤ.
парень письмо писать-PST
КРАСИВАЯ ДЕВУШКА читала книгу, а некрасивый парень писал письмо.

Однако мы по-прежнему не можем узнать о возможности узкого фокуса (на вершине) — ввиду обсуждавшейся выше сложности, связанной с элидированием повторяющегося лексического материала:

(4.139) matur kɤz **gɤna** kitap uk-ɤ-dɤ, ä ~~matur~~
красивый девочка **FOC** книга читать-ST-PST а красивый
malaj xat jaz-dɤ.
парень письмо писать-PST
КРАСИВАЯ ДЕВУШКА читала книгу, а ~~красивый~~ парень писал письмо.

В (4.139), в отличие от (4.133), элидируется не совпадающая вершина, а совпадающее прилагательное. Однако, как и в (4.133), это не означает, что прилагательное-антецедент не сфокусировано, а фокус распространяется только на вершину.

Как раз напротив: при помощи вопросительного теста можно показать, что, размещаясь на вершинном имени, клитика *gɤna* фокусирует всю ИГ. Рассмотрим эхо-вопрос и ответы на него в (4.140).

(4.140) A: matur kem kitap uk-ɤ-dɤ?
красивый кто книга читать-ST-PST
Красивый кто читал книгу?

B$_1$: ? matur kɤz **gɤna** (kitap uk-ɤ-dɤ).
красивый девочка **FOC** книга читать-ST-PST
КРАСИВАЯ ДЕВУШКА (читала книгу).

B$_2$: matur kɤz (kitap uk-ɤ-dɤ).
красивый девочка книга читать-ST-PST
Красивая девушка (читала книгу).

Эхо-вопрос — своего рода зеркальное отображение вопроса к модификатору, который применяется в (4.134). В фокусе вопроса находится только вершина ИГ. Мы видим, что ответ на вопрос B_1, где *gʏna* располагается на вершине, несколько затруднен. В отсутствие фокусной частицы в B_2 ИГ *красивая девушка* полностью грамматична как ответ на А. Как мы уже видели, причина неграмматичности B_1 заключается в несовпадении фокуса вопроса и фокусируемой составляющей в ответе. Следовательно, неграмматичность B_1 предсказывается, только если при расположении показателя *gʏna* на вершине обязателен широкий фокус на всю именную группу.

В (4.135)-(4.136) мы видели, что отсутствие фонологической реализации материала, не входящего в фокус вопроса, но входящего в фокус ответа, существенно повышает приемлемость ответа. Можно ожидать, что то же самое происходит и в случае (4.140). (4.141) показывает, что ожидание подтверждается[31]:

(4.141) B_3: ~~matur~~ kʏz **gʏna** (kitap uk-ʏ-dʏ).
красивый девочка **FOC** книга читать-ST-PST
~~*Красивая*~~ *ДЕВУШКА (читала книгу).*

Остается последняя часть вопросительного теста — вопрос ко всей ИГ. Как и тест отрицания, он позволяет определить, возможен ли широкий фокус. Если можно использовать ИГ с клитикой в качестве ответа, то широкий фокус возможен, если нельзя — невозможен. (4.142) показывает, что результаты вопросительного и отрицательного тестов в этом отношении идентичны: широкий фокус возможен.

(4.142) A: kem kitap uk-ʏ-dʏ?
кто книга читать-ST-PST
Кто читал книгу?

B: matur kʏz **gʏna** (kitap uk-ʏ-dʏ).
красивый девочка **FOC** книга читать-ST-PST
КРАСИВАЯ ДЕВУШКА (читала книгу).

Подведем итог: при присоединении *gʏna* к непроизводному прилагательному возможен только широкий фокус; при присоединении к вершине широкий фокус не вызывает сомнений, но со значительным ухудшением грамматичности возможен и узкий фокус. Таким образом, тесты показывают, что в случае с прилагательными *gʏna* предпочитает широкий фокус независимо от линейного расположения.

[31] Это обсуждение показывает, что применение тестов во всех конфигурациях сопровождается затруднением: в случае широкого фокуса внутри фокализованной составляющей возможно элидирование части ИГ. Для каждого из тестов подобная проблема существует. В тесте отрицания элидирование отрицаемой альтернативы в ИГ возможно в случае лексического совпадения с частью клитизированной ИГ. В вопросительном тесте элидирование части фокализуемой единицы возможно в случае несовпадения ее с фокусом вопроса. Подробное обсуждение этих видов эллипсиса и связанных с ними сюжетов есть в Brunetti 2003, Merchant 2004, Merchant *et al.* 2013. Следует заметить, что мы не обсуждаем альтернативу стандартному анализу с эллипсисом — модель непосредственной интерпретации (direct interpretation, подробности см. в Ginzburg, Sag 2000, Jackendoff 2002).

Из перечисленных выше логических возможностей успешно реализуются две (*gɤna* возможна как на модификаторе, так и на вершине, при этом в фокусе находится вся ИГ); плюс, с видимым снижением грамматичности, еще одна — *gɤna* на вершине, в фокусе вершина.

Перейдем к обсуждению результатов этих тестов для ИГ с другими модификаторами.

4.4.2.2. Изафетные конструкции

Конструкция с группой посессора в генитиве (изафетная конструкция третьего типа, ИК3) в мишарском диалекте обсуждается в 4.2.2, а также в Grashchenkov 2007.

В (4.143) показано, что при размещении клитики на генитивном зависимом вершины широкий фокус невозможен. Допустимость узкого фокуса иллюстрируется в (4.144).

(4.143) *bu äti-neŋ **genä** ručka-sɤ, ä äni-neŋ karandaš tügel.
этот папа-GEN **FOC** ручка-3 а мама-GEN карандаш не
Это ПАПИНА РУЧКА, а не мамин карандаш.

(4.144) bu äti-neŋ **genä** ručka-sɤ ä äni-neŋ tügel.
этот папа-GEN **FOC** ручка-3 а мама-GEN не
Это ПАПИНА ручка, а не мамина.

Вопрос к модификатору в вопросительном тесте (4.145) показывает, что при присоединении клитики к модификатору фокус узкий, поскольку такая интерпретация возможна без эллипсиса вершины (ср. примеры в (4.134)-(4.136), благодаря которым видно, что в этом отношении генитивный посессор отличается от прилагательного).

(4.145) A: kem-neŋ ručka-sɤ estäl-dä jat-a?
кто-GEN ручка-3 стол-LOC лежать-ST.IPFV
Чья ручка лежит на столе?

B_1: äti-neŋ **genä** ručka-sɤ (estäl-dä jat-a).
папа-GEN **FOC** ручка-3 стол-LOC лежать-ST.IPFV
ПАПИНА ручка (лежит на столе).

При ответе на вопрос к ИГ в (4.146) невозможна интерпретация с широким фокусом на всей ИГ (B_1). B_2, в котором фокусной частицы нет, подтверждает, что причина неграмматичности B_1 заключается в несовпадении широкого фокуса в вопросе и узкого фокуса в ответе, который вводится частицей *gɤna*.

(4.146) A: närsä estäl-dä jat-a?
что стол-LOC лежать-ST.IPFV
Что на столе?

B_1: *äti-neŋ **genä** ručka-sɤ (estäl-dä jat-a).
папа-GEN **FOC** ручка-3 стол-LOC лежать-ST.IPFV
ПАПИНА ручка (лежит на столе).

B_2: ^{OK}äti-neŋ ručka-sɤ (estäl-dä jat-a).
папа-GEN ручка-3 стол-LOC лежать-ST.IPFV
Папина ручка (лежит на столе).

Таким образом, все тесты дают один результат: при размещении клитики на генитивном посессоре фокализуется только он, а не вся ИГ.

Рассмотрим второй случай, когда показатель *gɤna* располагается на вершинном имени. В этом случае происходит фокализация всей ИГ. Тест отрицания показывает, что это возможно:

(4.147) bu äti-neŋ ručka-sɤ **gɤna** ä äni-neŋ kitab-ɤ tügel.
этот папа-GEN ручка-3 **FOC** а мама-GEN книга-3 не
Это ПАПИНА РУЧКА, а не мамина книга.

Это же показывает вопросительный тест:

(4.148) A: närsä estäl-dä jat-a?
что стол-LOC лежать-ST.IPFV
Что лежит на столе?

B_1: äti-neŋ ručka-sɤ **gɤna** (estäl-dä jat-a).
папа-GEN ручка-3 **FOC** стол-LOC лежать-ST.IPFV
ПАПИНА РУЧКА (лежит на столе).

Благодаря (4.147) и (4.148) мы видим, что при размещении *gɤna* справа от вершины возможен широкий фокус, но не видим, что невозможен узкий.

Недостающую информацию дает вопросительный тест с эхо-вопросом (4.149):

(4.149) A: äti-neŋ närsä estäl-dä jat-a?
папа-GEN что стол-LOC лежать-ST.IPFV
Что папино лежит на столе?

B_1: *äti-neŋ ručka-sɤ **gɤna** (estäl-dä jat-a).
папа-GEN ручка-3 **FOC** стол-LOC лежать-ST.IPFV
Папина РУЧКА (лежит на столе).

B_2: äti-neŋ ručka-sɤ (estäl-dä jat-a).
папа-GEN ручка-3 стол-LOC лежать-ST.IPFV
Папина ручка (лежит на столе).

B_3: ~~äti-neŋ~~ ručka-sɤ **gɤna** (estäl-dä jat-a).
папа-GEN ручка-3 **FOC** стол-LOC лежать-ST.IPFV
~~Папина~~ РУЧКА (лежит на столе).

Аномальность ответа B_1 показывает, что узкий фокус на вершине в ИГ с генитивным зависимым для именной группы *ätineŋ ručkasɤ gɤna* невозможен. Допустимость идентичной структуры без клитики (B_2) доказывает, что причина аномальности B_1 заключается в несовпадении фокуса вопроса и фокуса в ответе. В B_3 реализуется стратегия с элидированием части фокализованной ИГ для соответствия ответа фокусу вопроса.

Исходя из этих примеров, можно заключить, что при размещении клитики на генитивном имени в ИК3 возможен только узкий фокус; а на вершинном имени — только широкий фокус на всей ИГ.

Рассмотрим два других типа изафетных конструкций — ИК2 и ИК1 (см. 4.2.2 и 4.2.3). Пример (4.150) показывает, что присоединение клитики к морфологически

немаркированному посессору невозможно, а (4.151) — что неграмматичность примера вызвана именно клитизацией.

(4.150) *alsu efek **genä** külmäg-e tel-ä-de.
Алсу шелк **FOC** платье-3 хотеть-ST-PST
Алсу хотела ШЕЛКОВОЕ платье.

(4.151) alsu efek külmäk tel-ä-de.
Алсу шелк платье хотеть-ST-PST
Алсу хотела шелковое платье.

Идентичная ситуация имеет место в ИК1:

(4.152) *äti agač **gɤna** ɤzba-nɤ tez-de.
папа дерево **FOC** дом-ACC строить-PST
Отец построил ДЕРЕВЯННЫЙ дом.

(4.153) äti agač ɤzba-nɤ tez-de.
папа дерево дом-ACC строить-PST
Отец построил деревянный дом.

Единственная возможность клитизировать зависимое — преобразовать его в ИК3:

(4.154) ? äti agač-nɤŋ **gɤna** ɤzba-sɤ-n tez-de.
папа дерево-GEN **FOC** дом-3-OBL.ACC строить-PST
Отец построил ДЕРЕВЯННЫЙ дом.

(4.155) ? alsu efek-neŋ **genä** külmäk tel-ä-de.
Алсу шелк-GEN **FOC** платье хотеть-ST-PST
Алсу хотела ШЕЛКОВОЕ платье.

Снижение грамматичности вызвано, по-видимому, нехарактерным для этого типа семантических отношений (см. 4.2.1) употреблением генитивной конструкции.

При расположении клитики на вершине фокусной составляющей выступает в обоих случаях вся именная группа:

(4.156) alsu efek külmäg-e **genä** tel-ä-de.
Алсу шелк платье-3 **FOC** хотеть-ST-PST
Алсу хотела ШЕЛКОВОЕ ПЛАТЬЕ.

(4.157) äti agač ɤzba-nɤ **gɤna** tez-de.
папа дерево дом-ACC **FOC** строить-PST
Отец построил ДЕРЕВЯННЫЙ ДОМ.

4.4.2.3. Относительное предложение и одиночное причастие

В этом разделе обсуждается синтаксис относительного предложения (ОП, см. также 6.2) и одиночного причастия как модификаторов ИГ при фокусном выделении с помощью *gɤna*.

В (4.158) тест отрицания показывает, что при присоединении *gɤna* к ОП фокализуется вся ИГ. В (4.159) то же самое показывает вопросительный тест.

(4.158) äni sat-ɤ-p al-gan **gɤna** ǯimeš estäl-dä
мама продавать-ST-CONV брать-PFCT **FOC** фрукт стол-LOC

jat-a, ä äti kiter-gän jašelčä tügel.
лежать-ST.IPFV а папа приносить-PFCT овощи не

Купленные мамой фрукты лежат на столе, а принесенные папой овощи — нет.

(4.159) A: närsä estäl-dä jat-a?
что стол-LOC лежать-ST.IPFV

Что лежит на столе?

B: äni sat-ɤ-p al-gan **gɤna**
мама продавать-ST-CONV брать-PFCT **FOC**

ǯimeš (estäl-dä jat-a).
фрукт стол-LOC лежать-ST.IPFV

Купленные мамой фрукты (лежат на столе).

В (4.159) фокусная составляющая — это вся ИГ, что обеспечивает допустимость ответа B_1 на вопрос к ИГ. В (4.160) с помощью вопроса к модификатору проверяется возможность узкого фокуса:

(4.160) A: nindi ǯimeš estäl-dä jat-a?
какой фрукты стол-LOC лежать-ST.IPFV

Какие фрукты лежат на столе?

B_1: *äni sat-ɤ-p al-gan **gɤna**
мама продавать-ST-CONV брать-PFCT **FOC**

ǯimeš (estäl-dä jat-a).
фрукт стол-LOC лежать-ST.IPFV

Купленные мамой фрукты (лежат на столе).

B_2: äni sat-ɤ-p al-gan ǯimeš (estäl-dä jat-a).
мама продавать-ST-CONV брать-PFCT фрукт стол-LOC лежать-ST.IPFV

Купленные мамой фрукты (лежат на столе).

B_3: äni sat-ɤ-p al-gan **gɤna**
мама продавать-ST-CONV брать-PFCT **FOC**

~~ǯimeš~~ (estäl-dä jat-a).
фрукт стол-LOC лежать-ST.IPFV

Купленные мамой ~~фрукты~~ (лежат на столе).

Аномальность B_1 объясняется тем, что при размещении клитики на вершине ОП невозможен узкий фокус. То, что причина неграмматичности заключается в наличии клитики, показывает допустимость B_2, где клитика отсутствует. B_3 показывает допустимость ответа с элидированной вершиной ИГ.

Рассмотрим, что происходит при размещении клитики на вершине. В отрицаемой части в (4.161) можно использовать ИГ той же структуры, но с другим лексическим наполнением; это подтверждает, что фокализуется вся ИГ.

(4.161) kičä pračka ju-gan prostinä-lär **genä** ǯep-tä
вчера прачка мыть-PFCT простыня-PL **FOC** нить-LOC

ejlen-gän ä žexrä bügen ütüklä-gan adeal tügel.
висеть-PFCT а Зухра сегодня утюжить-PFCT одеяло не

ВЫСТИРАННЫЕ ВЧЕРА ПРАЧКАМИ ПРОСТЫНИ висели на веревке, а поглаженные сегодня Зухрой одеяла – нет.

Ответ с клитизированной вершиной на вопрос к ИГ (4.162) показывает, что фокализация всей ИГ допускается, но не может гарантировать, что это единственная возможная интерпретация.

(4.162) A: närsä ǯep-tä ejlen-gän?
что нить-LOC висеть-PFCT

Что висело на веревке?

B_1: kičä pračka ju-gan prostinä-lär **genä** (ǯep-tä ejlen-gän).
вчера прачка стирать-PFCT простыня-PL **FOC** нить-LOC висеть-PFCT

ВЫСТИРАННЫЕ ВЧЕРА ПРАЧКАМИ ПРОСТЫНИ (висели на веревке).

В эхо-вопросе (4.163) ниже допустимость ответа B_1 говорит о том, что возможен, хотя и с затруднением, узкий фокус на вершине. В противном случае, учитывая, что фокус вопроса и фокус фонологически реализованного ответа должны совпадать, допустимость B_1 необъяснима. B_2 показывает, что причина затруднения в B_1 — фокализация; без клитики допустимость предложения существенно возрастает.

Грамматичность B_3 оценивается носителями значительно выше, чем грамматичность B_1, поэтому можно заключить, что мы имеем дело с широким фокусом на ИГ при присоединении клитики к вершине, а совпадающий материал подвергается эллипсису. (Выше, в (4.140)-(4.141), мы уже видели аналогичный случай: запрет на несовпадение фокуса вопроса и фокуса ответа можно не соблюдать, если нарушающий его материал элидирован.) В противном случае мы ожидали бы таких же трудностей, как в B_1.

(4.163) A: kičä pračka ju-gan närsä ǯep-tä ejlen-gän?
вчера прачка мыть-PFCT что нить-LOC висеть-PFCT

Выстиранное вчера прачками что висело на веревке?

B_1: ? kičä pračka ju-gan prostinä-lär **genä** (ǯep-ta ejlen-gän).
вчера прачка мыть-PFCT простыня-PL **FOC** нить-LOC висеть-PFCT

Выстиранные вчера прачками ПРОСТЫНИ (висели на веревке).

B_2: kičä pračka ju-gan prostinä-lär (ǯep-tä ejlen-gän).
вчера прачка мыть-PFCT простыня-PL нить-LOC висеть-PFCT

Выстиранные вчера прачками простыни (висели на веревке).

B_3: ~~kičä pračka ju-gan~~ prostinä-lär **genä** (ǯep-tä ejlen-gän).
вчера прачка мыть-PFCT простыня-PL **FOC** нить-LOC висеть-PFCT

~~ВЫСТИРАННЫЕ ВЧЕРА ПРАЧКАМИ~~ ПРОСТЫНИ (висели на веревке).

Перейдем к обсуждению одиночных причастий. Этот случай полностью сводится к обсуждавшимся в 4.4.2.1 именным группам с непроизводными прилагательными.

В (4.164) при размещении *gɤna* на модификаторе фокусной составляющей становится вся ИГ:

(4.164) kɤzdɤr-gan **gɤna** balɤk täm-ne i-de, ä pešer-gän it tügel.
жарить-PFCT **FOC** рыба вкус-ATR быть-PST а варить-PFCT мясо не
ЖАРЕНАЯ РЫБА была вкусной, а вареное мясо — нет.

Это же показывает вопрос к ИГ в (4.165): фокус вопроса и фокализованная единица в ответе совпадают.

(4.165) A: närsä täm-ne i-de?
что вкус-ATR быть-PST
Что было вкусным?

B_1: kɤzdɤr-gan **gɤna** balɤk (täm-ne i-de).
жарить-PFCT **FOC** рыба вкус-ATR быть-PST
ЖАРЕНАЯ РЫБА (была вкусной).

В (4.166) невозможен узкий фокус на причастии, этот случай идентичен уже рассмотренным непроизводным прилагательным ((4.134)-(4.136)) и ОП (4.160).

(4.166) A: nindi balɤk täm-ne i-de?
какой рыба вкус-ATR быть-PST
Какая рыба была вкусной?

B_1: *kɤzdɤr-gan **gɤna** balɤk (täm-ne i-de).
жарить-PFCT **FOC** рыба вкус-ATR быть-PST
ЖАРЕНАЯ РЫБА (была вкусной).

B_2: kɤzdɤr-gan balɤk (täm-ne i-de).
жарить-PFCT рыба вкус-ATR быть-PST
Жареная рыба (была вкусной).

В примере (4.167) мы видим, что при присоединении клитики к вершине также происходит фокализация всей ИГ, поскольку в отрицаемую часть можно поместить полную ИГ.

(4.167) kɤzdɤr-gan balɤk **gɤna** täm-ne i-de, ä pešer-gän it tügel.
жарить-PFCT рыба **FOC** вкус-ATR быть-PST а варить-PFCT мясо не
ЖАРЕНАЯ РЫБА была вкусной, а вареное мясо — нет.

Вопрос к ИГ показывает тот же результат: в (4.168) фокализуется вся ИГ.

(4.168) A: närsä täm-ne i-de?
что вкус-ATR быть-PST
Что было вкусным?

B: kɤzdɤr-gan balɤk **gɤna** (täm-ne i-de).
жарить-PFCT рыба **FOC** вкус-ATR быть-PST
ЖАРЕНАЯ РЫБА (была вкусной).

Оба теста показывают, что возможен широкий фокус. С помощью эхо-вопроса можно определить, возможен ли узкий фокус:

(4.169) A: kɤzdɤr-gan närsä täm-ne i-de?
жарить-PFCT что вкус-ATR быть-PST
Жареное что было вкусным?

B_1: ? kɤzdɤr-gan balɤk **gɤna** (täm-ne i-de).
жарить-PFCT рыба **FOC** вкус-ATR быть-PST
Жареная РЫБА была вкусной.

B_2: kɤzdɤr-gan balɤk (täm-ne i-de).
жарить-PFCT рыба вкус-ATR быть-PST
Жареная рыба была вкусной.

B_3: ~~kɤzdɤr-gan~~ balɤk **gɤna** (täm-ne i-de).
жарить-PFCT рыба **FOC** вкус-ATR быть-PST
~~Жареная~~ РЫБА была вкусной.

Вопросительный тест дает результат, идентичный рассмотренному выше в ИГ с ОП. При фокусе вопроса на вершине произнесение ИГ с клитикой затруднено (B_1), грамматичность значительно повышается при отсутствии клитики (B_2), то же самое происходит при элидировании всего материала, кроме клитизированной вершины, находящейся в фокусе вопроса (B_3). В последнем случае, как и прежде, мы предполагаем, что в фокусе находится вся ИГ, но произносится только её часть, соответствующая фокусу вопроса: только так можно объяснить бóльшую допустимость B_3 по сравнению с B_1.

Таким образом, при присоединении клитики к модификатору в ИГ с ОП и в ИГ с одиночным причастием происходит фокализация всей ИГ; при размещении клитики на вершине ИГ возможны два варианта: фокализуется вся ИГ или со значительным снижением грамматичности фокализуется вершина ИГ.

4.4.2.4. Производные прилагательные

Примеры двух типов производных прилагательных представлены в (4.170)-(4.171).

(4.170) [čäčäk]-le is
цветок-ATR запах
цветочный запах

(4.171) [ike čäčäk]-le üsemlek
два цветок-ATR растение
растение с двумя цветками

В (4.170) адъективируется изолированное существительное, тогда как в (4.171) — целая составляющая. Такие прилагательные мы называем соответственно неветвящимися и ветвящимися.

По нашим данным, в идиоме с. Рыбушкино неветвящиеся прилагательные возможны не только в позиции ADJ_D (см. (4.109)), но и в позиции ATT. В иерархии модификаторов в (4.109) позицию ATT от позиции ADJ_D отделяют позиции DET, QUANT и PART, мы будем использовать одну из них — QUANT — для контроля позиции неветвящегося

прилагательного. Рассмотрим вначале ветвящиеся атрибутивные прилагательные, такие как *bir kepšäle* ‘одноствольный’. Согласно тесту отрицания в (4.172) и вопросительному тесту в (4.173), при присоедении к модификатору фокализуется вся ИГ.

(4.172) bir kepšä-le **genä** mɤltɤk estäl-dä jat-a,
один ствол-ATR **FOC** ружье стол-LOC лежать-ST.IPFV

ä ike kepšä-le vintovka tügel.
а два ствол-ATR винтовка не

Одноствольное ружье лежит на столе, а двуствольная винтовка — нет.

(4.173) A: närsä estäl-dä jat-a?
что стол-LOC лежать-ST.IPFV

Что лежит на столе?

B: bir kepšä-le **genä** mɤltɤk (estäl-dä jat-a).
один ствол-ATR **FOC** ружье стол-LOC лежать-ST.IPFV

Одноствольное ружье (лежит на столе).

В (4.174) вопрос к модификатору показывает, что при размещении *gɤna* на атрибутивной составляющей невозможен узкий фокус на модификаторе:

(4.174) A: nindi mɤltɤk estäl-dä jat-a?
какой ружье стол-LOC лежать-ST.IPFV

Какое ружье лежит на столе?

B_1: *bir kepšä-le **genä** mɤltɤk (estäl-dä jat-a).
один ствол-ATR **FOC** ружье стол-LOC лежать-ST.IPFV

Одноствольное ружье (лежит на столе).

B_2: bir kepšä-le mɤltɤk (estäl-dä jat-a).
один ствол-ATR ружье стол-LOC лежать-ST.IPFV

Одноствольное ружье (лежит на столе).

B_3: bir kepšä-le **genä** ~~mɤltɤk~~ (estäl-dä jat-a).
один ствол-ATR **FOC** ружье стол-LOC лежать-ST.IPFV

Одноствольное ~~ружье~~ (лежит на столе).

В (4.174) фокусом вопроса является модификатор. Сравнение ответов B_1 и B_2 показывает, что появление клитики на модификаторе при произнесении всей ИГ делает такой ответ неграмматичным. Как и прежде, ответить на вопрос к модификатору, используя клитику, возможно (B_3), но только при элидировании материала фокализованной составляющей, не соответствующего фокусу вопроса.

Таким образом, если клитика *gɤna* располагается на модификаторе, производные ветвящиеся прилагательные ведут себя в точности так же, как непроизводные из раздела 4.4.2.1.

Параллелизм в диапазоне доступных фокусных интерпретаций между непроизводными и производными прилагательными наблюдается и в том случае, когда *gɤna* присоединяется к вершине. Тест отрицания показывает возможность широкого фокуса на всей ИГ, как в (4.175), и узкого фокуса, как в (4.176) (то же самое происходит и в ИГ с определительным придаточным в (4.161)).

(4.175) biš bülmä-le ɤzba **gɤna** tau-da bas-kan,
пять комната-ATR дом **FOC** гора-LOC вставать-PFCT

ä egerme bülmä-le saraj tügel.
а двадцать комната-ATR дворец не

Пятикомнатный дом стоит на горе, а двадцатикомнатный дворец — нет.

(4.176) ? tugɤz bülmä-le ɤzba **gɤna** tau-da bas-kan,
девять комната-ATR дом **FOC** гора-LOC вставать-PFCT

ä tugɤz bülmä-le saraj tügel.
а девять комната-ATR дворец не

Девятикомнатный дом стоит на горе, а девятикомнатный дворец — нет.

Вопросный тест показывает идентичную ситуацию. В (4.177) при ответе на вопрос к ИГ возможно размещение клитики на вершине, а значит, и широкий фокус на всю ИГ. В эхо-вопросе к вершине (4.178) с сильным снижением допустимости возможен узкий фокус (ср. обсуждение на материале непроизводных прилагательных в разделе 4.4.2.1).

(4.177) A: närsä tau-da bas-kan?
что гора-LOC вставать-PFCT

Что стоит на горе?

B: biš bülmä-le ɤzba **gɤna** (tau-da bas-kan).
пять комната-ATR дом **FOC** гора-LOC вставать-PFCT

Пятикомнатный дом (стоит на горе).

(4.178) A: biš bülmä-le närsä tau-da bas-kan?
пять комната-ATR что гора-LOC вставать-PFCT

Пятикомнатное что стоит на горе?

B_1: ?? biš bülmä-le ɤzba **gɤna** (tau-da bas-kan).
пять комната-ATR дом **FOC** гора-LOC вставать-PFCT

Пятикомнатный дом (стоит на горе).

B_2: biš bülmä-le ɤzba (tau-da bas-kan).
пять комната-ATR дом гора-LOC вставать-PFCT

Пятикомнатный дом (стоит на горе).

Рассмотрим теперь производные прилагательные в позиции ADJ_D. Основное обобщение по поводу этих прилагательных очень простое: они проявляют ровно те же свойства, что и рассмотренные выше адъективные модификаторы — непроизводные прилагательные, причастия, относительные предложения и т.д.

При присоединении к модификатору возможна фокализация всей ИГ.

(4.179) dürt tɤz-lɤ **gɤna** balɤk estäl-dä jat-a,
четыре соль-ATR **FOC** рыба стол-LOC лежать-ST.IPFV

ä tat-lɤ pečenje tügel.
а сладость-ATR печенье не

Четыре соленые рыбы лежат на столе, а сладкие печенья — нет.

(4.180) A: närsä estäl-dä jat-a?
что стол-LOC лежать-ST.IPFV
Что лежит на столе?

B_1: dürt tat-lɤ **gɤna** keks (estäl-dä jat-a).
четыре сладость-ATR **FOC** кекс стол-LOC лежать-ST.IPFV
Четыре сладких кекса (лежат на столе).

Вопрос к модификатору в (4.181) позволяет проверить, возможен ли узкий фокус. Как и в примерах, приведенных ранее, узкий фокус на модификаторе неграмматичен, ср. B_1 и B_2.

(4.181) A: dürt nindi keks estäl-dä jat-a?
четыре какой кекс стол-LOC лежать-ST.IPFV
Четыре каких кекса лежат на столе?

B_1: *dürt tat-lɤ **gɤna** keks (estäl-dä jat-a).
четыре сладость-ATR **FOC** кекс стол-LOC лежать-ST.IPFV
Четыре сладких кекса (лежат на столе).

B_2: dürt tat-lɤ keks (estäl-dä jat-a).
четыре сладость-ATR кекс стол-LOC лежать-ST.IPFV
Четыре сладких кекса (лежат на столе).

Таким образом, при присоединении клитики *gɤna* к производному прилагательному типа *tɤzlɤ* ‘соленый’ фокализуется вся ИГ.

Уже знакомая нам модель обнаруживается и в том случае, когда фокусная клитика располагается на вершине. (4.182) с отрицанием показывает возможность широкого фокуса.

(4.182) xolodilnik-ta ike tenä-ge pirok **gɤna** jat-a,
холодильник-LOC два вчера-ATR пирог **FOC** лежать-ST.IPFV
ä ike bügen-ge katlet tügel.
а два сегодня-ATR котлета не
Два вчерашних пирога стоят в холодильнике, а две сегодняшние котлеты — нет.

С помощью эхо-вопроса в (4.183) можно удостовериться, что и в отношении допустимости узкого фокуса производное прилагательное ничем не отличается от других прилагательных, ОП и причастий.

Узкий фокус, как мы видим, возможен (B_1), однако деривируется с большим усилием, чем широкий фокус с элидированием модификаторов вершины *katlet* (B_3). То, что затрудненность B_1 связана с *gɤna*, показывает допустимость B_2, в котором клитика отсутствует.

(4.183) A: xolodilnik-ta tenä-ge närsä gɤna jat-a?
холодильник-LOC вчера-ATR что FOC лежать-ST.IPFV
Что вчерашнее стоит в холодильнике?

B_1: ??ike tenä-ge kotlet **gɤna** (jat-a).
два вчера-ATR котлета **FOC** лежать-ST.IPFV
Две вчерашние КОТЛЕТЫ.

B_2: ike tenä-ge kotlet (jat-a).
два вчера-ATR котлета лежать-ST.IPFV
Две вчерашние котлеты.

B_3: ~~ike tenä-ge~~ kotlet **gʏna** (jat-a).
два вчера-ATR котлета **FOC** лежать-ST.IPFV
~~Две вчерашние~~ котлеты.

Завершая обзор прилагательных, резюмируем: для всех типов прилагательных в роли модификатора верно, что при размещении фокусной частицы на модификаторе ИГ происходит фокализация всей ИГ. Если клитика примыкает к вершине ИГ, в фокусе оказывается или вся ИГ, или только вершина, при этом последний вариант вызывает значительное понижение грамматичности.

4.4.2.5. Детерминаторы, кванторы и числительные

При размещении клитики на детерминаторе в (4.184) тест отрицания показывает, что фокализуется вся ИГ. Тест вопроса в (4.185) подтверждает это.

(4.184) tege **genä** malaj tübä-dä tʏr-dʏ, ä tege kʏz tügel.
тот **FOC** парень крыша-LOC находиться-PST а тот девочка не
Тот парень был на крыше, а та девушка — нет.

(4.185) A: kem tübä-dä tʏr-dʏ?
кто крыша-LOC находиться-PST
Кто был на крыше?

B: tege **genä** malaj (tübä-dä tʏr-dʏ).
тот **FOC** парень крыша-LOC находиться-PST
Тот парень (был на крыше).

Узнать, возможен ли узкий фокус на модификаторе, можно с помощью вопроса к модификатору в (4.186).

В (4.186) возможность ответа B_2 на первый взгляд показывает возможность узкого фокуса. Если бы интерпретация с широким фокусом была обязательна, мы должны были бы элидировать вершину, не соответствующую фокусу вопроса.

(4.186) A: nindi ‖ ničenče malaj tübä-dä tʏr-dʏ?
какой который парень крыша-LOC находиться-PST
Какой парень был на крыше?

B_1: tege **genä** ~~malaj~~ (tübä-dä tʏr-dʏ).
тот **FOC** парень крыша-LOC находиться-PST
Тот ~~парень~~ (был на крыше).

B_2: tege **genä** malaj (tübä-dä tʏr-dʏ).
тот **FOC** парень крыша-LOC находиться-PST
Тот парень (был на крыше).

Однако произнесение этого примера имеет очень характерный интонационный рисунок: после клитики следует значительная пауза. Таким образом, здесь явно

просматривается взаимодействие просодических и лексических средств кодирования информационной структуры, которое требует дополнительного исследования. Тем самым, нельзя с уверенностью сказать, что узкий фокус на модификаторе возможен, если клитика непосредственно следует за ним.

Перейдем к случаю, когда *gɤna* присоединяется к вершине. В этом случае в фокусе оказывается вся ИГ. Это показывает (4.187): под отрицание попадает полная ИГ.

(4.187) tege malaj **gɤna** alma aš-a-dɤ, ä bütän bala tügel.
тот мальчик **FOC** яблоко есть-ST-PST а другой ребенок не
Тот мальчик съел яблоко, а другой ребенок — нет.

В (4.188) возможность использования ИГ с клизитированной вершиной в качестве ответа на вопрос к ИГ подтверждает, что фокализована вся ИГ.

(4.188) A: kem alma aš-a-dɤ?
кто яблоко есть-ST-PST
Кто съел яблоко?

B: tege malaj **gɤna** (alma aš-a-dɤ).
тот мальчик **FOC** яблоко есть-ST-PST
Тот мальчик (съел яблоко).

Из ответов на эхо-вопрос в (4.189) мы можем заключить, что при присоединении клитики *gɤna* к вершине ИГ возможна интерпретация как с узким фокусом на вершине (B_1), так и с широким на всей ИГ и элидированием ее части, не соответствующей фокусу вопроса (B_3). B_2 показывает, что в отсутствие клитики произнесение полной ИГ допустимо.

(4.189) A: tege kem alma aš-a-dɤ?
тот кто яблоко есть-ST-PST
Тот кто съел яблоко?

B_1: ? tege malaj **gɤna** (alma aš-a-dɤ).
тот мальчик **FOC** яблоко есть-ST-PST
Тот мальчик (съел яблоко).

B_2: tege malaj (alma aš-a-dɤ).
тот мальчик яблоко есть-ST-PST
Тот мальчик (съел яблоко).

B_3: ~~tege~~ malaj **gɤna** (alma aš-a-dɤ).
тот мальчик **FOC** яблоко есть-ST-PST
~~*Тот*~~ *мальчик (съел яблоко).*

Итак, при присоединении фокусной частицы к вершинному имени в ИГ с детерминатором фокализуется или вся составляющая, или вершина; при присоединении к детерминатору возможен как широкий фокус на всей ИГ, так и узкий на модификаторе. Однако узкий фокус при клитизации вершинного имени вызывает некоторое снижение грамматичности, а узкий фокус при клитизации детерминатора сопровождается просодией, отличной от нейтральной.

Последний тип модификаторов, который предстоит разобрать, — QUANT; к нему относятся порядковые и количественные числительные и кванторные слова.

В (4.190), в котором клитика следует за числительным, фокализуется вся ИГ. Это подтверждается возможностью помещения в отрицаемую часть полной ИГ.

(4.190) eč-enče **genä** ɤzba jan-dɤ, ä eč-enče saraj tügel.
три-ORD **FOC** дом гореть-PST а три-ORD сарай не
Третий дом сгорел, а третий сарай — нет.

Возможность широкого фокуса подтверждается в (4.191): при ответе на вопрос к ИГ можно использовать ИГ с клитикой на числительном.

(4.191) A: närsä jan-dɤ?
что гореть-PST
Что сгорело?

B: eč-enče **genä** ɤzba (jan-dɤ).
три-ORD **FOC** дом гореть-PST
Третий дом (сгорел).

В (4.192) проверяется, возможен ли узкий фокус на числительном. Ответ B_1 показывает, что возможен. При интерпретации с широким фокусом требовалось бы элидировать вершину, не соответствующую фокусу вопроса, однако произнесение B_2 сопровождается такими же просодическими эффектами, которые обсуждались в связи с примером (4.186).

(4.192) A: niče-nče ɤzba jan-dɤ?
сколько-ORD дом гореть-PST
Который дом сгорел?

B_1: eč-enče **genä** ~~ɤzba~~ (jan-dɤ).
три-ORD **FOC** дом гореть-PST
Третий ~~дом~~ (сгорел).

B_2: eč-enče **genä** ɤzba (jan-dɤ).
три-ORD **FOC** дом гореть-PST
Третий дом (сгорел).

В (4.193) клитика размещается на вершине, и в отрицаемую часть можно поместить всю ИГ. Это показывает, что возможен широкий фокус; этот вывод подтверждает (4.194), где в фокусе вопроса находится ИГ, а в ответе возможна клитика на вершине.

(4.193) eč-enče ɤzba **gɤna** jan-dɤ ä biš-enče ɤzba tügel.
три-ORD дом **FOC** гореть-PST а пять-ORD дом не
Сгорел третий дом, а не пятый дом.

(4.194) A: närsä jan-dɤ?
что гореть-PST
Что сгорело?

B: eč-enče ɤzba **gɤna** (jan-dɤ).
три-ORD дом **FOC** гореть-PST
Третий дом (сгорел).

Эхо-вопрос позволяет проверить, только ли широкий фокус возможен. Интерпретация (4.195) совпадает с примерами (4.140), (4.163), (4.169), (4.178), (4.186), (4.189): снижение грамматичности при ответе B_1 объясняется сложностью получения интерпретации с узким фокусом на вершине ИГ. B_2 демонстрирует допустимость узкого фокуса при отсутствии клитики. В B_3 при сравнении с B_1 следует предположить эллипсис модификатора, не являющегося новой информацией: в этом случае оставшаяся часть ИГ совпадает с фокусом вопроса. Это показывает, что узкий фокус с клитикой на вершине возможен, но вызывает сложности.

(4.195) A: eč-enče närsä jan-dɤ?
три-ORD что гореть-PST
Третье что сгорело?

B_1: ??eč-enče ɤzba **gɤna** (jan-dɤ).
три-ORD дом **FOC** гореть-PST
Третья ИЗБА (сгорела).

B_2: eč-enče ɤzba (jan-dɤ).
три-ORD дом гореть-PST
Третья изба (сгорела).

B_3: ~~eč-enče~~ ɤzba **gɤna** (jan-dɤ).
три-ORD дом **FOC** гореть
~~Третья~~ ИЗБА (сгорела).

При присоединении клитики к порядковому числительному фокализуется вся ИГ; фокализация лишь числительного возможна при маркированной просодии. Если же *gɤna* размещается на вершине ИГ с порядковым числительным, в обычном случае возникает широкий фокус на всей ИГ, однако возможен узкий фокус на вершине с сильным снижением приемлемости.

Обсудим фокализацию клитизированных элементов именной группы с количественным числительным.

В (4.196) при размещении клитики на числительном имеется широкий фокус на всей ИГ, поэтому в отрицаемую часть возможно поместить полную ИГ. Это же подтверждает (4.197), в котором ИГ с клитикой на числительном употребляется при ответе на вопрос.

(4.196) min ike **genä** kitap bar-ɤm, ä biš žurnal tügel.
я два **FOC** книга есть-1SG а пять журнал не
У меня ДВЕ КНИГИ, а не пять журналов.

(4.197) A: sin närsä bar-ɤŋ?
ты что есть-2SG
Что у тебя есть?

B_1: (min) ike **genä** kitap (bar-ɤm).
я два **FOC** книга есть-1SG
(У меня) ДВЕ КНИГИ.

При вопросе к модификатору в (4.198) имеет место упоминавшееся выше при обсуждении детерминаторов и порядковых числительных просодическое явление: произнесение всей ИГ без элидирования (B_1) не снижает грамматичность, но сопровождается большой паузой после клитики.

(4.198) A: sin niče kitap bar-ʏŋ?
ты сколько книга есть-2SG
Сколько у тебя книг?

B_1: (min) ike **genä** kitap (bar-ʏm).
я два **FOC** книга есть-1SG
(У меня) ДВЕ КНИГИ.

B_2: (min) ike **genä** ~~kitap~~ (bar-ʏm).
я два **FOC** книга есть-1SG
(У меня) ДВЕ ~~КНИГИ~~.

Очевидно, количественные числительные не отличаются от порядковых с точки зрения дистрибуции и интерпретации фокусной частицы.

В (4.199) видно, что при размещении клитики на вершине в отрицаемую часть можно поместить полную ИГ, а значит, фокусная составляющая включает всю ИГ.

(4.199) min ike kitap **gʏna** bar-ʏm, ä biš žurnal tügel.
я два книга **FOC** есть-1SG а пять журнал не
У меня ДВЕ КНИГИ, а не пять журналов.

В (4.200) при присоединении фокусной частицы к вершине возможен как узкий фокус на вершине (B_1), так и широкий на всей ИГ (B_2). Его интерпретация совпадает с тем, что наблюдалось в (4.178), (4.186), (4.189), (4.195).

(4.200) A: (sin) ike närsä bar-ʏŋ?
ты два что есть-2SG
Чего у тебя два?

B_1: ??(min) ike kitap **gʏna** (bar-ʏm).
я два книга **FOC** есть-1SG
(У меня) две КНИГИ.

B_2: (min) ike kitap (bar-ʏm).
я два книга есть-1SG
(У меня) две книги.

B_3: (min) ~~ike~~ kitap **gʏna** (bar-ʏm).
я два книга **FOC** есть-1SG
(У меня) ~~ДВЕ~~ КНИГИ.

Подведем итог. Применение обоих тестов к ИГ с количественным числительным дает тот же результат, что и для порядковых числительных и детерминаторов. При присоединении фокусной частицы к числительному возможны как широкий фокус на всей ИГ, так и узкий фокус на модификаторе при ненейтральной просодии. Если частица следует

за вершиной, допускается две возможности: в обычном случае происходит фокализация всей ИГ, также возможна фокализация вершины при снижении грамматичности.

Рассмотрим последний тип модификаторов ИГ — кванторные слова. Начнем с теста отрицания для случая присоединения к модификатору:

(4.201) berkadär **genä** kɤz a-nɤ bel-ä, ä beten malaj tügel.
некоторый **FOC** девочка он-ACC знать-ST.IPFV а весь парень не
НЕКОТОРЫЕ ДЕВУШКИ это знают, а все парни — нет.

В (4.201) в качестве отрицаемой альтернативы возможно использовать полную ИГ, что доказывает фокализацию всей ИГ. Это же подтверждает возможность присоединения клитики к модификатору при ответе на вопрос в (4.202).

(4.202) A: kem a-nɤ bel-ä?
кто он-ACC знать-ST.IPFV
Кто это знает?

B_1: berkader **genä** kɤz (a-nɤ bel-ä).
некоторый **FOC** девочка он-ACC знать-ST.IPFV
НЕКОТОРЫЕ ДЕВУШКИ (это знают).

Вопросительный тест в (4.203) позволяет увидеть, возможен ли узкий фокус на модификаторе.

(4.203) A: niče ‖ nindi kɤz a-nɤ bel-ä?
сколько какой девочка он-ACC знать-ST.IPFV
Сколько ‖ Какие девушки это знают?

B_1: berkadär **genä** ~~kɤz~~ (a-nɤ bel-ä).
некоторый **FOC** девочка он-ACC знать-ST.IPFV
НЕКОТОРЫЕ ~~ДЕВУШКИ~~ (это знают).

B_2: berkadär **genä** kɤz (a-nɤ bel-ä).
некоторый **FOC** девочка он-ACC знать-ST.IPFV
НЕКОТОРЫЕ ДЕВУШКИ (это знают).

В (4.203) возможны два ответа. B_1 можно трактовать двояко: помимо предлагаемого анализа с эллипсисом вершины и широким фокусом на всей ИГ, можно предположить узкий фокус на модификаторе. В ответе B_2 происходит уже обсуждавшееся выше взаимодействие просодии и клитизации: после клитики в таком примере следует долгая пауза.

Последнее, что предстоит обсудить, — присоединение *gɤna* к вершине ИГ с кванторным словом. Начнем с теста отрицания:

(4.204) beten kɤz **gɤna** kitap uk-ɤj, ä beten malaj tügel.
весь девочка **FOC** книга читать-ST.IPFV а весь мальчик не
ВСЕ ДЕВОЧКИ читают книги, а все мальчики — нет.

В (4.204) фокализуется вся ИГ, благодаря этому оказывается возможно использовать в качестве отрицаемой альтернативы ИГ с такой же структурой. Вопрос к ИГ в (4.205) также показывает, что в этом случае возможен широкий фокус.

(4.205) A: kem kitap uk-ɤj?
кто книга читать-ST.IPFV
Кто читает книги?

B: beten kɤz **gɤna** (kitap uk-ɤj).
весь девочка **FOC** книга читать-ST.IPFV
ВСЕ ДЕВОЧКИ (читают книги).

Объяснение для эхо-вопроса в (4.206) такое же, как в примерах (4.140), (4.163), (4.169), (4.178), (4.186), (4.189), (4.195), (4.200): при размещении клитики на вершине естественна фокализация всей ИГ и возможна, хотя и со сложностями, фокализация вершины.

(4.206) A: beten kem kitap uk-ɤj?
все кто книга читать-ST.IPFV
Кто все читают книги?

B_1: ??beten kɤz **gɤna** (kitap uk-ɤj).
весь девочка **FOC** книга читать-ST.IPFV
ВСЕ ДЕВОЧКИ (читают книги).

B_2: beten kɤz (kitap uk-ɤj).
весь девочка книга читать-ST.IPFV
Все девочки (читают книги).

B_3: ~~beten~~ kɤz **gɤna** (kitap uk-ɤj).
все девочка **FOC** книга читать-ST.IPFV
~~Все~~ ДЕВОЧКИ (читают книги).

Итак, при присоединении *gɤna* к кванторному слову может фокализоваться как вся ИГ, так и само кванторное слово; а при клитизации вершинного имени существуют две возможности: либо фокализуется вся ИГ, либо с сильным снижением допустимости фокализуется вершинное имя.

4.4.2.6. Обобщения

Результаты предшествующих разделов суммированы в Таблице 4.12. Столбцы соответствуют возможным позициям клитики (модификатор и вершина), строки используются для обозначения типов модификаторов, в клетках перечислены все фокусные возможности для такой конфигурации.

С точки зрения фокусной интерпретации весь материал, представленный в таблице, делится на четыре группы:

1. Широкий фокус плюс узкий фокус со снижением грамматичности демонстрируют именные группы с детерминатором, квантором и числительным при любой позиции фокусной частицы, а также группы с различными определениями (относительным предложением, атрибутивным определением, одиночным причастием и прилагательным) при клитизации вершины.

2. Только широкий фокус наблюдается у прилагательных, причастий и относительных предложений при присоединении клитики к модификатору, а также у изафетных конструкций при ее размещении на вершине.
3. Только узкий фокус возможен при размещении клитики на генитивном посессоре в ИК3.
4. Фокусирование невозможно при расположении клитики на модификаторе в изафетных конструкциях ИК1 и ИК2.

Таблица 4.12. Фокусные возможности

	Модификатор	Вершина
N_{GEN}	узкий	широкий
REL	широкий	широкий / ?узкий
ATT	широкий	широкий / ?узкий
DET	широкий / ?узкий	широкий / ?узкий
QUANT	широкий / ?узкий	широкий / ?узкий
PART	широкий	широкий / ?узкий
ADJ_D	широкий	широкий / ?узкий
ADJ_{ND}	широкий	широкий / ?узкий
N_2	*	широкий
N_1	*	широкий

Мы выдвигаем гипотезу, что разные типы поведения соответствуют разным типам синтаксических объектов.

Только узкий фокус характерен для спецификаторов, только широкий — для адъюнктов, широкий + узкий — для вершин. Ясно, что существительное — вершина собственной проекции. Наше предположение состоит в том, что указательные местоимения и кванторы тоже являются вершинами. Подобные утверждения о кванторах в форме QP-гипотезы высказывались в Caridnaletti, Giusti 1992; в Roca 1996 обосновывается, что любые детерминаторы, в т.ч. кванторы, но не определенный артикль, являются вершиной собственной проекции.

Невозможность присоединения клитики *gъna* к зависимому имени в ИК1 и ИК2 объясняется тем, что такое зависимое, в отличие от генитивного, обладает недостаточной синтаксической структурой (о структурных различиях ИК1, ИК2 и ИК3 см. 4.2.2, 4.2.3 и 4.3) для присоединения клитики и потому при необходимости фокализации всегда превращается в генитивное зависимое. Возможный синтаксический анализ этих явлений более подробно рассматривается в Коваль 2013.

4.5. Сумма наблюдений

В этом разделе обсуждались основные аспекты семантики и структуры мишарской именной группы. Мы перечислили различные семантические и структурные типы именных групп и установили порядок расположения приименных модификаторов, определив общие контуры структуры ИГ. Кроме того, были рассмотрены функции показателя посессивности и типы конструкций с его участием.

Особое внимание уделялось различным типам ИГ, образуемых зависимыми существительными: изафетным конструкциям, аппозитивным определениям, приложениям, нумеративным конструкциям, косвеннопадежным определениям. Мы постарались решить важную для тюркских языков проблему неоформленных падежей — в нашем случае, генитива (с возможными параллелями по отношению к аккузативу). Кроме того, кратко обсуждались дискурсивные функции показателя посессивности и маркера генитива. Другая общая проблема, затронутая в связи с мишарской именной группой, — это оптимальность структуры для синтаксического парсинга и закрепление в языке наиболее вычислительно эффективных способов морфосинтаксического кодирования.

Были выделены несколько структурных типов именных составляющих. Это NP (собственно именная группа) — существительное с разнообразными модификаторами, кроме генитивного посессора, нейтральная в отношении числового противопоставления, выступающая в качестве комплемента атрибутивизатора *-lɤ*; NumP (группа числа), в которой фиксировано значение категории числа и которая выступает в качестве именного зависимого в изафетной конструкции второго типа (ИК2); DP (максимальная именная составляющая) — существительное с любыми модификаторами, в том числе с генитивным зависимым, а также проформы, выступающие в любых аргументных позициях.

Отдельный раздел главы посвящен фокусному выделению элементов именной группы. Выяснилось, что большая группа чувствительных к фокусу элементов образует достаточно гомогенный класс по двум параметрам. Во-первых, размещаясь на вершине именной группы, они способны ассоциироваться с любой фокусируемой составляющей внутри нее. Во-вторых, единственный тип именных модификаторов, к которым способны присоединяться такие фокусные показатели, — это генитивный посессор. От элементов этого класса отличается клитика *gɤna*, обсуждавшаяся в заключительном разделе главы. В подавляющем большинстве случаев она способна размещаться не только на вершине ИГ, но и на модификаторе. В зависимости от конструкции, она ассоциируется либо непосредственно с элементом, к которому линейно примыкает, либо с некоторой составляющей, расположенной внутри (расширенной) проекции этого элемента, либо с объемлющей составляющей, содержащей в себе этот элемент.

Глава 5

СИНТАКСИС ПРЕДИКАЦИИ

ГЛАВА 5. СИНТАКСИС ПРЕДИКАЦИИ

Для любого языка синтаксис предикации — сюжет очень значительный по объему и разнородный по содержанию. Эта глава не претендует на полноту ни в одном из возможных измерений. Благодаря усилиям наших предшественников, синтаксис литературного татарского языка исследован максимально подробно, а мишарский диалект во многих существенных отношениях устроен практически идентично. Это позволяет не обсуждать здесь многие явления, которые нуждались бы в освещении при описании менее исследованного языка. Структура главы, соответственно, организована вокруг нескольких больших эмпирических зон мишарского синтаксиса, которые еще нуждаются в построении дополнительных обобщений или теоретическом анализе. Общие сведения ограничиваются необходимым минимумом, который изложен в разделе 5.1 «Синтаксис простого предложения» (А.В. Подобряев).

В разделе 5.2 «Вариативное маркирование объекта и проблемы падежа» (Е.А. Лютикова) рассматривается явление вариативного кодирования прямого дополнения в двух говорах мишарского диалекта (сергачском и чистопольском). Автор показывает, что вариативное кодирование сообразуется со структурным типом именной группы: именные группы максимальной структуры (DP) приобретают аккузативную морфологию, в то время как именные группы неполной структуры остаются немаркированными. Это NP в обоих говорах и NumP в чистопольском говоре. Здесь же обосновывается предположение, согласно которому два содержательных класса неоформленных прямых дополнений в сергачском говоре также различаются структурными свойствами. NP остаются беспадежными, а NumP получают абстрактный аккузатив, который морфологически реализуется как номинатив. Этот анализ не только объясняет морфосинтаксические закономерности, которые скрываются за вариативным маркированием в мишарском диалекте, но и позволяет по-новому взглянуть на ряд проблем, связанных с грамматикой падежа.

В Разделе 5.3 «Конструкции со вспомогательными глаголами» (П.В. Гращенков) обсуждаются конструкции, которые состоят из лексического глагола в форме деепричастия и вспомогательного глагола (*ala* ‘брать’, *baga* ‘смотреть’, *birä* ‘давать’, *čɤga* || *cɤga* ‘выходить’, *jata* ‘лежать’, *kala* ‘оставаться’, *kitä* ‘уходить’, *kuja* ‘ставить’, *tɤra* ‘стоять’, *tešä* ‘спускаться’, *ǯiberä* ‘бросать’ и т.д.). Важнейшая особенность этих конструкций состоит в том, что синтаксически и семантически они функционируют как единое целое. Основной упор в этом разделе сделан на выявление особенностей семантико-синтаксического взаимодействия вспомогательного и смыслового глаголов, а также на способности конструкции участвовать в таких процессах, как каузативизация, декаузативизация, распространение сферы действия сентенциального отрицания. Исследование позволяет выявить целый ряд нетривиальных закономерностей. Во-первых, отрицание,

как правило, интерпретируется в своей поверхностной позиции. Во-вторых, при декаузативизации располагающийся на вспомогательном глаголе показатель интерпретируется как относящийся к лексическому и сериальному глаголам одновременно. В-третьих, сфера действия каузатива бывает узкой, если он располагается на лексическом глаголе, и широкой, если на сериальном, тогда как для глаголов с внешним аргументом наблюдается также логический подъем каузатива. Автор выдвигает гипотезу, согласно которой рассматриваемые конструкции представляют собой случай частичной грамматикализации. Структуры с частичной грамматикализацией составляются из некоторого количества синтаксических проекций лексического глагола и доминирующего над ними «остатка» проекций сериального глагола, что и позволяет объяснить, среди прочего, отсутствие последовательного моно- или биклаузального поведения конструкций исследуемого типа.

В разделе 5.4 «Сравнительные конструкции» (Е.Г. Былинина) рассматриваются два типа сравнительных конструкций (с прилагательным в положительной и в сравнительной степенях сравнения) и два способа оформления стандарта сравнения (аблативной группой и группой с послелогом *karaganda* ‘по сравнению’). Выясняется, что конструкции с показателем сравнительной степени на прилагательном мало отличаются от конструкций с немаркированным прилагательным, кроме нескольких контекстов, когда показатель сравнительной степени предпочтителен или даже обязателен. Синтаксические свойства актанта проявляет только аблативная группа, выражающая стандарт сравнения, в то время как послеложная группа, по-видимому, представляет собой адъюнкт уровня глагольной группы. Кроме того, в этом разделе обсуждается противопоставление фразовых и клаузальных компаративов.

Раздел 5.1 предлагает обобщение данных по всем исследованным идиомам сергачского и чистопольского говоров. Разделы 5.2-5.3 опираются на материал сергачского и чистопольского говоров (соответственно идиомы с. Рыбушкино и с. Кутлушкино). Данные для раздела 5.4 собраны с носителями чистопольского говора (идиом с. Кутлушкино).

5.1. Синтаксис простого предложения

Ниже мы приведем основные сведения о синтаксисе простого предложения. Поскольку синтаксис простого предложения в мишарском диалекте в основных своих чертах практически не отличается от синтаксиса простого предложения в литературном татарском языке, за более подробным обзором можно обратиться к существующим описаниям (например, Закиев, Курбатов 1971, ТГ 1992).

Простое предложение противопоставлено сложному по количеству предикатно-аргументных ядер: одно в простом предложении и несколько в сложном. Простое предложение может употребляться независимо или в составе сложного предложения.

Прототипическое простое предложение в мишарском диалекте является двусоставным, то есть содержит группу подлежащего и группу сказуемого. В зависимости от того, чем выражено сказуемое, выделяются два класса предложений: с глагольным и с именным сказуемым, с разными структурными особенностями.

5.1.1. Глагольное сказуемое

Среди глагольных сказуемых традиционно выделяются простые и сложные. Простое глагольное сказуемое образуют синтетические или аналитические глагольные формы, как, например, в (5.1) и (5.2) (их морфологические характеристики обсуждаются в 1.2.1). Сложные глагольные сказуемые представляют собой идиоматизированное сочетание глагольной формы с именной частью, как в (5.3) и (5.4):

(5.1) awɤl-da pečän čab-a-r-ga wakɤt **ǯit-ä**.
деревня-LOC сено косить-ST-POT-INF время **достигать-ST.IPFV**
*В деревне **пришло** время косить сено.* (=T8:2)

(5.2) v$_j$erboſš$_j$ik **kil-gän** **i-de.**
вербовщик **приходить-PFCT** **AUX1-PST**
*Вербовщик **приезжал**.* (=T3:7)

(5.3) **is-kä** **al-ɤgɤz** bez-ne dä.
память-DAT **брать.IMP-2PL** мы-ACC EMPH
Вспоминайте [= в **память берите**] *и нас.* (=T18:28)

(5.4) a-nɤŋ gadänijä di-gän kɤz-ga **küz-e** **teš-ä.**
он-GEN Гадания говорить-PFCT девочка-DAT **глаз-3** **спускаться-ST.IPFV**
Ему понравилась [= его **глаз упал**] *девушка по имени Гадания.* (=T10:2)

Глагольные сказуемые согласуются с номинативными подлежащими в лице и числе. Лично-числовое согласование с подлежащими первого и второго лица обязательно: к самой «высокой» глагольной вершине (линейно к самой правой вершине) присоединяются соответствующие суффиксы:

(5.5) **min** marat-nɤ kür-gän i-de-*(**m**).
я Марат-ACC видеть-PFCT AUX1-PST-**1SG**
***Я** видел Марата.*

(5.6) **sin** marat-nɤ kür-gän i-de-*(**ŋ**).
ты Марат-ACC видеть-PFCT AUX1-PST-**2SG**
***Ты** видел Марата.*

(5.7) **bez** marat-nɤ kür-gän i-de-*(**k**).
мы Марат-ACC видеть-PFCT AUX1-PST-**1PL**
***Мы** видели Марата.*

(5.8) **sez** marat-nɤ kür-gän i-de-*(**gez**).
вы Марат-ACC видеть-PFCT AUX1-PST-**2PL**
***Вы** видели Марата.*

Согласование с подлежащими 3 лица не имеет явного морфологического показателя, как видно из (5.9). Согласование с подлежащими 3 лица множественного числа факультативно: например, в первой части сложносочиненного предложения в (5.10) на сказуемом есть явный показатель согласования с подлежащим во множественном числе, а во второй части нет.

(5.9) **ul** marat-nɤ kür-gän i-de.
он Марат-ACC видеть-PFCT AUX1-PST
***Он** видел Марата.*

(5.10) **a-lar** saldat-ka kešе bir-m-ä-gän-**när**, **alpawɤt-lar-ɤ**
он-PL солдат-DAT человек давать-NEG-ST-PFCT-**PL** **помещик-PL-3**
bul-m-a-gan.
быть-NEG-ST-PFCT
***Они** людей в солдаты не отдавали, (у них) **помещиков** не было.* (=T2:21)

5.1.2. Именные сказуемые

В предложениях с именными (неглагольными) сказуемыми главным предикатом является не глагол, а имя, существительное или прилагательное. В эту же категорию попадают предложения, в которых главным предикатом выступает наречие; впрочем, наречия и прилагательные в татарском языке, по-видимому, образуют единый лексический класс, см. ТГ 1993: 288. При именном предикате часто (но не всегда, см. ниже) используется вспомогательный глагол-связка. В некоторых конфигурациях связка обязательна, в некоторых других факультативна.

Среди предложений с неглагольным сказуемым выделяются бытийные (экзистенциальные) предложения, в которых присутствует специальная связка *bar*. Без дополнительных вспомогательных глаголов она имеет временную референцию к настоящему, как в (5.11).

(5.11) awɤl-da mäktäp *(**bar**).
деревня-LOC школа **есть**
*В деревне **есть** школа.*

В других временах она комбинируется со вспомогательными глаголами *i-* ‘быть’ или *bula* ‘быть’, причем показатели финитности присоединяются именно к вспомогательному глаголу. Это иллюстрируется в (5.12) для глагола *i-* ‘быть’, который присоединяет показатель Претерита.

(5.12) awɤl-da mäktäp **bar** **i-de**.
деревня-LOC школа **есть** **быть-PST**
*В деревне **была** школа.*

Употребление глагола *bula* ‘быть’ возможно в бытийных предложениях и без *bar* — в любом времени, кроме настоящего. (5.13) показывает, в частности, форму Футурума 2:

(5.13) marat ukɤtučɤ **bul-ačak**.
Марат учитель **быть-FUT**
*Марат **будет** учителем.*

В других утвердительных предложениях с неглагольным сказуемым в настоящем времени выраженная связка отсутствует, как в (5.14).

(5.14) marat ukʏtučʏ (***bar**).
Марат учитель **есть**
Марат – учитель.

В других временах также употребляются вспомогательные глаголы *i-* ‘быть’ и *bula* ‘быть’, иллюстрируемые в (5.15)-(5.16).

(5.15) marat ukʏtučʏ **i-de**.
Марат учитель **быть-PST**
*Марат **был** учителем.*

(5.16) marat ukʏtučʏ **bul-ačak**.
Марат учитель **быть-FUT**
*Марат **будет** учителем.*

В качестве именной части сказуемого могут выступать и причастные обороты. В ряде случаев не вполне понятно, имеем ли мы дело с глагольным сказуемым с глаголом в аналитической форме или с именным сказуемым с номинализованной глагольной группой и глаголом-связкой.

Такие случаи представлены так называемыми аналитическими глагольными формами (ТГ 1993: 126-136). Эти конструкции используются для выражения различных временных и модальных значений, однако с точки зрения структуры мы, возможно, имеем дело с именным сказуемым, в котором именная часть выражена оборотом, возглавляемым номинализованной глагольной формой. Например, при таком анализе в предложении (5.17) в качестве именного сказуемого выступает причастный оборот *bik kurkan* с глаголом-связкой *bula*.

(5.17) sufijä apa bik **kurk-kan** **bul-a**, tel-sez kal-a.
Суфия тетя очень **бояться-PFCT** **AUX2-ST.IPFV** язык-CAR оставаться-ST.IPFV
*Суфия-апа очень **испугалась**, (аж) онемела* [= осталась без языка]. (=T8:15)

В отсутствие выраженной связки, как в (5.14), возникает вопрос, имеем мы дело с бессвязочной конструкцией или связка присутствует на синтаксическом уровне, но фонологически является нулевой. По-видимому, диагностировать отсутствие нулевой связки можно в тех случаях, когда на именном сказуемом нет показателей лично-числового согласования с номинативным подлежащим 1 или 2 лица.

Такое согласование в общем случае обязательно для глагольных сказуемых, однако в именных сказуемых без выраженной связки оно оказывается факультативным:

(5.18) bez dus(-lar)
мы друг-PL
Мы друзья.

(5.19) bez dus(-lar)-**ʏbʏz**
мы друг-PL-**1PL**
Мы друзья.

В именных сказуемых с выраженной связкой согласование с номинативными подлежащими первого и второго лица обязательно и выражается с помощью аффикса, присоединяющегося к связке, как в (5.20):

(5.20) bez dus(-lar) **i-de-k** || ***i-de** || ***i-de-lär**.
мы друг-PL **быть-PST-1PL** **быть-PST** **быть-PST-PL**
*Мы **были** друзьями.*

Можно предположить, что согласование с подлежащим в лице и числе в (5.19) свидетельствует о присутствии связки, которая может быть нулевой. Если же при подлежащем первого или второго лица показатели лично-числового согласования отсутствуют, как в (5.18), то, видимо, следует признать, что в таких предложениях отсутствует и сама связка.

Как и в случае глагольных сказуемых, согласование по 3 лицу единственного числа не выражается, а согласование по 3 лицу множественного числа является факультативным. В связи с этим для примеров типа (5.21) возможен как анализ с нулевой связкой, так и анализ без нее.

(5.21) a-lar dus(-lar) i-de**(-lär)**.
он-PL друг-PL быть-PST-**PL**
Они были друзьями.

5.1.3. Конструкции с глаголами-сериализаторами

Отдельно выделяется класс составных глагольных сказуемых — конструкций со вспомогательными глаголами-сериализаторами (КВГ), которые образуются на базе глагольных сказуемых или именных сказуемых со связкой с помощью вспомогательных глаголов. Сериализатор несет на себе все признаки финитности, а подчиненный ему глагол употребляется в неизменяемой форме. Синтаксис конструкций с сериализаторами и деепричастиями на *-p* подробно рассматривается в разделе 5.3, см. о них также 1.2.1.9. КВГ представлены в двух разновидностях. Это конструкция с сериализатором и деепричастием на *-p,* как в (5.22), или конструкция с сериализатором и деепричастияем на гласный, как в (5.23).

(5.22) ket-m-ä-gän-da ujl-a-m-a-gan-da änä-lär-e
ждать-NEG-ST-PFCT-SIM думать-ST-NEG-ST-PFCT-SIM мать-PL-3
ül-e-p **kit-te**.
умирать-ST-CONV **уходить-PST**
*Нежданно-негаданно у них **умерла*** [= умерев, ушла] *мать.* (=T13:6)

(5.23) läkin at **čɤg-a** **al-m-ɤj**.
но лошадь **выходить-ST.IPFV** **брать-NEG-ST.IPFV**
*Но лошадь не **может выйти*** [= выходя, не берет]. (=T2:33)

Возможно, ту же структуру, что и КВГ в (5.22)-(5.23), имеют конструкции с инфинитивами, такими, как (5.24).

(5.24) uborka bʏjʏl **jaxšʏ** **bul-ʏ-r-ga** **tʏr-a**.
уборка в.этом.году **хороший** **быть-ST-POT-INF** **стоять-ST.IPFV**
*Уборка в этом году **обещает быть*** [= стоит быть] ***хорошей***. (=T17:13)

Априори, однако, не ясно, являются ли (5.24) и аналогичные конструкции простым предложением с составным сказуемым или полипредикативной конструкцией, где главное предложение — это проекция глагола *tʏra* ‘стоять’, у которого инфинитивный оборот является сентенциальным актантом.

Необходимо подчеркнуть, что говорить о КВГ как о разновидности составных глагольных сказуемых можно лишь с определенной долей условности, поскольку сериализатор может подчинять глагольные группы со связкой, использующейся для оформления именного сказуемого. Именнно так происходит в примере (5.24), где сериализатору подчинено именное сказуемое со связкой *bula* в инфинитиве.

В составе любого сказуемого глагол (в случае КВГ — сериализатор) может употребляться в синтетической или аналитической форме. Таким образом, например, в составе КВГ может быть более одного вспомогательного глагола: один из них — это сериализатор, а другой — формант аналитической формы (см. примеры и образцы парадигм в 1.2.1.9).

Кроме того, если сериализатор употреблен, например, в форме причастия, он может подчиняться вспомогательному глаголу, вводящему именную часть именного сказуемого. Такой анализ представляется возможным для предложения (5.25), в котором сериализатор *tʏra* ‘стоять’ употреблен в форме причастия, а возглавляемый им причастный оборот подчинен вспомогательному глаголу *bula*.

(5.25) kešе-lär patša-ga služit$_{j}$ it-kän-e ečen patša-dan ǯir
человек-PL царь-DAT служить делать-PFCT-3 ради царь-ABL земля

al-a **tʏr-gan** **bul-gan-nar.**
брать-ST.IPFV **стоять-PFCT** **AUX2-PFCT-PL**
*За то, что люди служили царю, они от царя **брали** землю.* (=T1:2)

За размытием границ между именными и глагольными сказуемыми скрывается, в первую очередь, некоторая неадекватность самой этой терминологической дихотомии в условиях татарского синтаксиса, предоставляющего широкие возможности для последовательного вложения именных и глагольных проекций. Вспомогательные глаголы типа *bula* ‘быть’ могут подчинять как именные, так и глагольные проекции. При этом именные и глагольные проекции, подчиненные вспомогательному глаголу, могут иметь сложную внутреннюю организацию, например, представлять собой номинализированные глагольные группы, в том числе возглавляемые вспомогательными глаголами (сериализаторами, как в примере (5.25), или приименными связками).

5.1.4. Аргументы и адъюнкты

В качестве аргументов именных и глагольных сказуемых простого предложения используются именные и послеложные группы. Подлежащим, как правило, является

именная группа в номинативе[1], контролирующая согласование глагольного сказуемого или связки при именном сказуемом. В мишарском диалекте представлено опущение субъекта (subject pro-drop, Chomsky 1981): подлежащее может быть выражено нулевым местоимением, лично-числовые признаки которого отражаются на глаголе как согласовательные показатели, как в следующих ниже примерах.

(5.26) eč ken nɤrlat-ka bar-dɤ-**k** at belän.
три день Нурлатово-DAT идти-PST-**1PL** лошадь с
*Три дня (**мы**) ехали в Нурлатово на лошади.* (=T3:6)

(5.27) niček jäš-i-**seŋ**?
как жить-ST.IPFV-**2SG**
*Как (**ты**) поживаешь?* (=T17:15)

(5.28) urman-nan čɤg-ɤ-p jɤlga buj-ɤ-n-da-gɤ
лес-ABL выходить-ST-CONV река длина-3-OBL-LOC-ATR

ber ketülek-kä kil-e-p čɤg-a-**lar**.
один пастбище-DAT приходить-ST-CONV выходить-ST.IPFV-**PL**
*(**Они**) вышли из леса к одному пастбищу у реки.* (=T13:23)

Дополнениями в простом предложении могут быть именные группы в разных падежных формах, а также послеложные группы. (5.29) — пример предложения, в котором присутствует прямое дополнение в аккузативе и косвенное дополнение в дативе. (5.30) содержит две послеложные группы.

(5.29) min [**ber** **kɤz-ga**] [**kitap-nɤ**] bir-de-m.
я один **девочка-DAT** **книга-ACC** давать-PST-1SG
*Я дал **книгу одной девочке**.*

(5.30) min [**malaj** **belän**] [**kɤz** **turɤnda**] sejläš-te-m.
я **мальчик** **с** **девочка** **о** говорить-PST-1SG
*Я говорил **с мальчиком о девочке**.*

Как и в других алтайских языках, в мишарском диалекте имеет место вариативное маркирование прямого дополнения, которое может оформляться аккузативом, как в (5.31), а может оставаться неоформленным, как в (5.32). Эмпирические обобщения о характеристиках этого явления и его теоретический анализ предлагается в разделе 5.2.

(5.31) Оформленное прямое дополнение
xäm menä a-lar [**bu** **ǯir-ne**] tab-ɤ-p al-gan-nar.
и вот он-PL **этот** **земля-ACC** находить-ST-CONV брать-PFCT-PL
И вот они нашли [= найдя взяли] ***эту землю***. (=T2:11)

[1] Вопрос о синтаксическом статусе дативных экспериенцеров, например, при предикатах вроде *ɤšxj* ‘нравиться’, *ǯitäj* ‘хватать, быть достаточным’, *kiräk* ‘быть нужным’, как и вопрос о статусе генитивных экспериенцеров при глаголах *kilä* ‘хотеть’ и *keli* ‘хотеть’, отдельно не рассматривался.

(5.32) Неоформленное прямое дополнение
äbi [**tarantas-lɤ at**] kit-e-r-de.
бабушка **тарантас-ATR лошадь** уходить-ST-CAUS-PST
*Бабушка привела **лошадь с повозкой**.* (=T13:52)

В роли о б с т о я т е л ь с т в в простом предложении выступают группы наречий / прилагательных, послеложные и именные группы (в том числе количественные) в прямых и косвенных падежах. Эти возможности иллюстрируются в (5.33)-(5.36).

(5.33) Группа наречия / прилагательного
kɤz [**äkren genä**] ɤzba-nɤŋ išeg-e-n ač-a.
девочка **медленно FOC** дом-GEN дверь-3-OBL.ACC открывать-ST.IPFV
*Девочка **очень медленно** открыла дверь дома.* (=T13:35)

(5.34) Послеложная группа
[šɤ-n-nan sɤŋ] abzunijä apa belän
этот-OBL-ABL после Абзуния тетя вместе

kara marjam ber kɤz tab-a-lar.
Черный Марьям один девочка находить-ST.IPFV-PL
***После этого** Абзуния-апа и Кара Марьям нашли одну девушку.* (ср. T9:4)

(5.35) Именная группа в аккузативе
[ber ken-ne] a-nɤŋ eč-e bɤr-a bašl-ɤj.
один день-ACC он-GEN живот-3 воротить-ST.IPFV начинать-ST.IPFV
Однажды [= один день] *у нее начало воротить живот.* (=T12:2)

(5.36) Именная группа в локативе
bez [**kɤrɤk-ber – kɤrɤk-ike-nče jɤl-nɤŋ ǯäj-e-n-dä**] [**kalxoz-da**],
мы **сорок-один сорок-два-ORD год-GEN лето-3-OBL-LOC колхоз-LOC**

bez ešl-ä-p jer-de-k.
мы работать-ST-CONV ходить-PST-1PL
***Летом сорок первого** — **сорок второго года** мы в **колхозе** работали* [= работая ходили]. (=T3:2)

Татарский язык и его мишарский диалект — язык с левым ветвлением. В нем аргументы главного предиката, включая подлежащее, обычно предшествуют ему; таким образом, группа подлежащего предшествует группе сказуемого, а само сказуемое занимает крайнюю правую позицию. Это создает базовый порядок слов, известный как SOV (Subject — Object — Verb).

В то же время послеложные и именные группы, особенно падежно маркированные, способны передвигаться влево, что может нарушать базовый порядок слов. В предложении (5.37) прямое дополнение вынесено в крайнюю левую позицию, характерную для материала, имеющего статус темы или данного.

(5.37) **a-nɤ** eč keše kɤtkar-gan-nar.
он-ACC три человек спасать-PFCT-PL
***Его** спасли три человека.*

В языке представлена и конструкция с топикализацией, в которой в исходной позиции группы, выдвинутой на левую периферию, употребляется резумптивное местоимение:

(5.38) **marat**, **ul** bügen kil-ä-me?
Марат **он** сегодня приходить-ST.IPFV-Q
***Марат**, **он** сегодня приезжает?*

При топикализации именных групп падеж местоимения совпадает с падежом топикализованной группы. Это показывают примеры (5.39)-(5.40).

(5.39) a. **sineŋ** **abɤj-ɤ-n**, **a-nɤ** armijä-gä al-dɤ-lar-mɤ?
ты.GEN **брат-3-OBL.ACC** **он-ACC** армия-DAT брать-PST-PL-Q
***Твоего брата**, **его** забрали в армию?* {a=b}

b. ***sineŋ** **abɤj-ɤ**, a-nɤ armijä-gä al-dɤ-lar-mɤ?
ты.GEN **брат-3** он-ACC армия-DAT брать-PST-PL-Q

(5.40) a. **färit-neŋ**, bügen **a-nɤŋ** tu-gan ken-e.
Фарид-GEN сегодня **он-GEN** рождаться-PFCT день-3
У Фарида, у него сегодня день рождения. {a=b}

b. * **färit**, bügen **a-nɤŋ** tu-gan ken-e.
Фарид сегодня **он-GEN** рождаться-PFCT день-3

Составляющие разных типов могут располагаться и справа от сказуемого, однако такое встречается относительно редко. Ниже приведено несколько примеров из корпуса текстов, в которых на правой периферии предложения оказываются соответственно обстоятельство, оформленное дополнение и подлежащее.

(5.41) Обстоятельство
at bat-a **saz-ga**.
лошадь тонуть-ST.IPFV **болото-DAT**
*Лошадь завязла в **болоте**.* (=T2:32)

(5.42) Оформленное прямое дополнение
ätä-lär-e kil-e-p a-p kit-ä-lär **kɤz-nɤ**.
отец-PL-3 приходить-ST-CONV брать-CONV уходить-ST.IPFV-PL **девочка-ACC**
*Родители пришли и забрали **девушку**.* (=T10:5)

(5.43) Подлежащее
urman-ga kit-ä-lär **bu-lar** at belän.
лес-DAT уходить-ST.IPFV-PL **этот-PL** конь с
***Они** отправились в лес на коне* [= с конем]. (=T13:11)

5.1.5. Вопросительные предложения

Все, что было сказано выше о синтаксисе простого предложения, в равной степени относится к предложениям с разной иллокутивной силой: повествовательным, побудительным, восклицательным и вопросительным.

Если, например, в индоевропейских языках для вопросительных предложений характерен ряд синтаксических особенностей, отличающих их от повествовательных, то в мишарском диалекте поверхностный синтаксис вопросительных предложений в целом не отличается от поверхностного синтаксиса повествовательных предложений.

Общевопросительные предложения образуются с помощью суффикса *-mɤ*. При широком фокусе вопроса суффикс присоединяется к сказуемому:

(5.44) [malaj sägat$_j$-ne tezet-ä]$_F$-**me**?
мальчик час-ACC чинить-ST.IPFV-**Q**
Чинит ли мальчик часы?

При узком фокусе показатель общего вопроса присоединяется либо к сказуемому, как в (5.45a-b), либо непосредственно к фокусируемой составляющей, как в (5.46).

(5.45) a. [[malaj]$_F$ sägat$_j$-ne tezet-ä]-**me**?
мальчик час-ACC чинить-ST.IPFV-**Q**
Мальчик ли чинит часы?

b. [malaj [sägat$_j$-ne]$_F$ tezet-ä]-**me**?
мальчик час-ACC чинить-ST.IPFV-**Q**
Часы ли чинит мальчик?

(5.46) malaj [sägat$_j$-ne]$_F$-**me** tezet-ä?
мальчик час-ACC-**Q** чинить-ST.IPFV
Часы ли чинит мальчик?

Если фокусируемая составляющая находится внутри именной группы, показатель размещается на вершине этой именной группы, как в (5.47) (о фокусе в именной группе см. 4.4):

(5.47) [[awɤrɤ]$_F$ kɤz]-**mɤ** eč-ä-r-gä sɤr-ɤj?
больной девушка-**Q** пить-ST-POT-INF просить-ST.IPFV
Больная ли девушка просит пить {ПК: или здоровая}*?*

Одновременное присутствие вопросительного показателя на сказуемом и на какой-либо неглагольной составляющей невозможно ни при какой интерпретации:

(5.48) *malaj sägat$_j$-ne-**me** tezet-ä-**me**?
мальчик час-ACC-**Q** чинить-ST.IPFV-**Q**
1. Чинит ли мальчик часы?
2. Часы ли чинит мальчик?

В образовании частновопросительных предложений участвуют вопросительные местоимения, которые, как правило, не передвигаются, а находятся *in situ*, то есть в той же позиции, которую занимали бы соответствующие группы в повествовательном предложении.

(5.49) kičä sin **kaja** bul-dɤ-ŋ?
вчера ты **где** быть-PST-2SG
***Где** ты вчера был?*

А.В. Подобряев и Н.Ш. Халиуллина. Село Большое Рыбушкино, 2012 год.

(5.50) kičä sin **kem-ne** kür-de-ŋ?
вчера ты **кто-ACC** видеть-PST-2SG
Кого ты вчера видел?

5.1.6. Отрицательные предложения

Сентенциальное отрицание выражается либо суффиксально, как в (5.51), либо с помощью специальных связок *jük* и *tügel*, употребляющихся в настоящем и прошедшем времени в составе именных сказуемых. Эти две связки находятся в дополнительном распределении: *jük* используется только в бытийных предложениях, примером которых является (5.52), а *tügel* — во всех остальных предложениях с именными сказуемыми. Последняя возможность показана в (5.53).

(5.51) alsu-nɤ kür-**m**-ä-de-m.
Алсу-ACC видеть-**NEG**-ST-PST-1SG
*Я **не** видел Алсу.*

(5.52) bez-neŋ ü-dä ut **jük** i-de.
мы-GEN дом-LOC свет **не** быть-PST
*В нашем доме **не** было света.*

(5.53) kičä ʒar **tügel** i-de.
вчера жарко **не** быть-PST
*Вчера **не** было жарко.*

Отрицательные местоимения требуют наличия сентенциального отрицания в том же простом предложении (подобно тому, как это происходит с отрицательными местоимениями, например, в русском языке):

(5.54) a. **berkem dä** kit-**m**-ä-de.
никто **EMPH** приходить-**NEG**-ST-PST
***Никто не** пришел.* {a=b}

b. ***berkem dä** kit-te.
никто **EMPH** приходить-PST

(5.55) показывает, что отрицательное местоимение невозможно в зависимом предложении при наличии отрицания в главном, причем ни при какой интерпретации:

(5.55) *min [**berkem dä** kit-te dijep] at$_j$-**m**-a-dɤ-m.
я **никто** **EMPH** приходить-PST SUB говорить-**NEG**-ST-PST-1SG
*1. Я не говорил, что **никто не** пришел.*
*2. Я не говорил, что **кто-либо** пришел.*
*3. Я не говорил, что **кто-то не** пришел.*

(5.56) иллюстрирует зеркальный случай: отрицание расположено в зависимом предложении, а отрицательное местоимение — в главном. Это предложение так же неграмматично, как и (5.55).

(5.56) *min **berkem-gä dä** [ul kit-**m**-ä-de dijep] at$_j$-tɤ-m.
я **никто-DAT** **EMPH** он приходить-**NEG**-ST-PST SUB говорить-PST-1SG
*Я **никому не** говорил, что он не пришел.*

Таким образом, причина неграмматичности последних двух предложений — в том, что в обоих случаях отрицание и отрицательное местоимение не входят в состав одного простого предложения. Это означает, что в первом приближении дистрибуцию отрицательных местоимений можно использовать в качестве диагностики границ простого предложения.

5.2. Вариативное маркирование объекта и проблемы падежа[2]

В этом разделе мы обсудим вариативное падежное оформление объекта (Differential Object Marking, DOM[3]) в мишарском диалекте. Мы покажем, что DOM демонстрирует корреляции со структурными типами ИГ, что, с одной стороны, свидетельствует об иерархической структуре ИГ в безартиклевом языке, а с другой стороны, имеет определенные последствия для теории падежа.

5.2.1. Вариативное маркирование объекта

Вариативное маркирование объекта представляет собой широко распространенный в языках мира феномен, когда выбор морфосинтаксического оформления объекта определяется значением одного или нескольких признаков объектной именной группы или глагольной группы в целом.

[2] В другой редакции материал этого раздела был ранее опубликован как раздел 4.2 монографии Лютикова 2017, подготовленной и изданной при финансовой поддержке РФФИ, проектов №№ 13-06-00884; 16-06-00536; 16-16-00104

[3] Термин введен Г. Боссонгом (Bossong 1985).

В обобщающей работе von Heusinger, Klein, de Swart 2008 указывается целый ряд параметров, характеризующих DOM в конкретном языке. Во-первых, тип DOM определяется тем, какой грамматический признак вызывает альтернацию в оформлении объекта. Например, в испанском и осетинском языках таким признаком является одушевленность именной группы: объекты, занимающие высокие позиции в иерархии одушевленности, получают падежное маркирование, как в (5.57b) и (5.58b), в то время как неодушевленные объекты остаются немаркированными, как в (5.57a) и (5.58a).

(5.57) a. Veo **la casa**.
*Я вижу **дом**.*

b. Veo **a la mujer**.
*Я вижу **женщину**.*

(5.58) a. æз **хæзар** уынын.
я **дом** видеть.PRS.1SG
*Я вижу **дом**.*

b. æз **ахуыргæнæдж-ы** уынын.
я **учитель-GEN** видеть.PRS.1SG
*Я вижу **учителя**.*

В иврите при помощи предлога *et* маркируются только определенные объекты, ср. примеры (5.59a-b) из Danon 2006:

(5.59) a. dan kara ***(et)** ha-itonim.
Дан читал **OM** DEF-газеты
Дан читал (определенные) газеты.

b. dan kara **(*et)** itonim.
Дан читал **OM** газеты
Дан читал (какие-то) газеты.

В эстонском языке на выбор падежа объекта влияет аспектуальная характеристика глагольной группы, возглавляемой инкрементальным глаголом: в перфективной клаузе инкрементальный объект оформляется генитивом, а в имперфективной — партитивом (см. также Kiparsky 1998 об аналогичном явлении в финском языке):

(5.60) a. Ta ehitas **silla**.
он строить.PST **мост.GEN**
*Он построил **мост**.*

b. Ta ehitas **silda**.
он строить.PST **мост.PART**
*Он строил **мост**.*

Сходным образом, в русском языке использование партитива хотя и не меняет видовой характеристики глагольной группы, но оказывает влияние на степень вовлеченности объекта[4]:

(5.61) a. Он выпил **воду**.
b. Он выпил **воды**.

Во-вторых, вариативное маркирование объекта может быть чувствительно не к одному, а к нескольким признакам. В Aissen 2003 предлагается анализ DOM в испанском

[4] Факторы, лицензирующие DOM, во многом перекликаются с выделенными в работе Hopper, Thompson 1980 признаками, в терминах которых определяется прототип семантически переходной клаузы.

языке в рамках стохастической теории оптимальности и обосновывается утверждение, что на выбор средства маркирования объекта влияет не только одушевленность, но и референциальный статус. Влияние целого ряда факторов — структурных, семантических, референциальных, коммуникативных — на DOM в группе уральских языков продемонстрировано в работе Сердобольская, Толдова 2012.

В-третьих, вариативное маркирование объекта может быть симметричным и асимметричным (de Hoop, Malchukov 2007). В эстонском примере (5.60) мы наблюдаем варьирование двух падежей в объектной позиции, то есть симметричное маркирование. Напротив, в примерах (5.57)-(5.59) выбор происходит между маркированной (предлог, падежный показатель) и немаркированной формой.

В литературе отмечаются значимые корреляции между рассмотренными параметрами. А. Мальчуков и П. де Сварт (Malchukov, de Swart 2008) указывают, что системы с асимметричным вариативным маркированием объекта обычно ориентированы на признаки самого объекта (одушевленность, определенность, референтность), что соответствует параметру индивидуации пациенса в Hopper, Thompson 1980, в то время как системы с симметричным вариативным маркированием объекта опираются на более широкий круг признаков, не обязательно определенных собственно на объекте, таких как вид (аспект), фактивность, утверждение / отрицание, и т.п.

Симметричный и асимметричный DOM создают как общие, так и специфические проблемы для теории падежа. Оба типа DOM обладают общим свойством: варьирование падежного оформления всегда происходит с одним из грамматических (в терминологии Е. Куриловича (Курилович 1962)), или структурных (в терминологии генеративной грамматики) падежей, то есть таких падежей, выбор которых зависит не от индивидуальных свойств управляющего слова, а от его принадлежности к максимально широкому синтаксическому классу — например, к переходным или непереходным глаголам. Соответственно, для обоих типов DOM встает вопрос о специфике структурных падежей, позволяющей им, в отличие от лексических, варьировать с другими падежами или оставаться невыраженными.

В случае симметричного DOM на первый план выходят проблемы поиска лицензора падежа, варьирующего со структурным, и объяснение механизма выбора одного из падежей (в качестве примера можно привести многолетнюю дискуссию о русском генитиве под отрицанием, варьирующем с аккузативом и номинативом). При этом именно структурный падеж является «падежом по умолчанию», который объектная ИГ получила бы при отсутствии лицензора DOM (в случае русского генитива — сентенциального отрицания).

Асимметричный DOM устроен по-другому: наличие лицензора (например, положительное значение признака «одушевленность») вызывает оформление объекта структурным падежом, а в отсутствие лицензора объект остается неоформленным. Соответственно, возникает вопрос, каков падежный статус неоформленного объекта. Так, например, для осетинской парадигмы в (5.58) падеж прямого дополнения в (5.58а) может быть определен как (немаркированный) аккузатив (то есть как морфологическая реализация синтаксического аккузатива на неодушевленной нетопикальной ИГ) и как (синтаксический и морфологический) номинатив; возможно также считать, что прямое дополнение в (5.58а) демонстрирует некий особый падеж (ср. гипотезу А. Белетти (Belletti 1988) о существовании синтаксического ингерентного падежа, совместимого с некоторыми классами ИГ,

или предложение X. де Хооп (de Hoop 1992) о существовании сильных и слабых падежей (strong and weak case), способных лицензировать разные классы ИГ). Еще одна альтернатива — считать, что в примере (5.58a) ИГ *хæзар* ‘дом’ вообще лишена падежа. Беспадежные именные аргументы в рамках стандартной теории падежа допускают только одну интерпретацию — как инкорпорированные в предикатное слово (см. Baker 1988, ср. анализ турецких неоформленных прямых дополнений как инкорпорированных в Knecht 1986, Kornfilt 2003). Альтернативный подход к падежу — теория конкуренции падежей (case competition, см. Marantz 1991, McFadden 2004, Baker, Vinokurova 2010) — отказывается от представления о синтаксическом падеже как об условии лицензирования аргументных ИГ и рассматривает падежное маркирование как морфонологический процесс; в таком случае наличия у ИГ синтаксического падежа (падежный фильтр) не требуется, и немаркированные ИГ интерпретируются как ИГ с морфологическим номинативом (дефолтным морфологическим падежом).

Таким образом, феномен DOM, и в особенности асимметричное вариативное падежное маркирование, может считаться своего рода полигоном, на котором проходят проверку теории, объясняющие не только грамматику падежа, но и — в той мере, в какой грамматика падежа релевантна для этих областей — дистрибуцию разных типов именных групп, нулевых единиц, контроль, подъем, предикативное согласование и многое другое.

Вариативное маркирование объекта в том или ином виде представлено во всех тюркских языках. Наиболее типичной парадигмой могут служить примеры (5.62)-(5.63) из турецкого языка (примеры адаптированы из Enç 1991, Çetinoğlu, Butt 2008):

(5.62) a. ali **kitab-ı** al-dı.
Али **книга-ACC** покупать-PST
*Али купил **(конкретную) книгу**.*

b. ali **kitap** al-dı.
Али **книга** покупать-PST
*Али купил **книгу** || **книги**.*

(5.63) a. ali **su-yu** iç-ti.
Али **вода-ACC** пить-PST
*Али выпил **воду**.*

b. ali **su-dan** iç-ti.
Али **вода-ABL** пить-PST
*Али выпил **воды**.*

В то время как симметричное вариативное маркирование объекта (аблатив в (5.63b) vs. аккузатив в (5.63a)) лексически ограничено и существенно варьирует по тюркским языкам, асимметричное вариативное маркирование объекта типа (5.62a-b), отражающее референциальные признаки объектной ИГ, наблюдается при всех классах переходных глаголов и распространено во всех тюркских языках. При этом тюркские языки демонстрируют значительное варьирование в том, какие параметры и значения параметров вызывают аккузативное маркирование[5].

[5] Для турецкого языка параметром, ответственным за вариативность, считается специфичность (specificity) объекта: определенные и неопределенные референтные ИГ-дополнения получают аккузативное маркирование, в то время как неспецифичные дополнения остаются неоформленными (Enç 1991, von Heusinger, Kornfilt 2005, Kornfilt, von Heusinger 2009). В узбекском языке, помимо референциальных свойств объекта, на падежное оформление влияет одушевленность: только неодушевленные неопределенные ИГ демонстрируют вариативное маркирование, связанное со специфичностью (von Heusinger, Klein, de Swart 2008). В литературном татарском языке аккузативное маркирование прямого дополнения, согласно ТГ 1995: 119, свойственно определенным ИГ.

Еще одна важная характеристика вариативного маркирования объекта в тюркских языках — это тот факт, что некоторые структурные типы именных групп получают аккузативное маркирование в объектной позиции вне зависимости от параметра, определяющего DOM. Так, например, в турецком языке показатель аккузатива обязателен на дополнении (в том числе и неспецифичном), которое не расположено непосредственно в предглагольной позиции, как в (5.64). Также обязательно аккузативное маркирование для объектов, представляющих собой расщепленную партитивную группу, в которой количественное выражение субстантивируется и получает показатель согласования по лицу с генитивной ИГ, как в (5.65) (Kornfilt 1990, Enç 1991).

(5.64) bizim ev-de **ça-*(ı)** xer zaman aytül yap-ar.
наш дом-LOC **чай-ACC** каждый время Айтюль делать-AOR
*В нашей семье Айтюль всегда готовит **чай**.* (von Heusinger, Kornfilt 2005: (10))

(5.65) ali kadın-lar-ın **iki-sin-*(i)** tanı-yor-du.
Али женщина-PL-GEN **два-AGR-ACC** знать-PROG-PST
*Али знал **двух** из (этих) женщин.* (Enç 1991: (28))

Далее в этой главе мы рассмотрим вариативное маркирование объекта в двух идиомах мишарского диалекта. Первый идиом — это чистопольский говор в варианте села Кутлушкино. Второй — сергачский говор в варианте села Рыбушкино. Мы покажем, что между двумя идиомами имеются существенные различия в области вариативного маркирования объекта, отражающие важные морфосинтаксические параметры, релевантные для падежной теории.

5.2.2. Идиом с. Кутлушкино: падеж и структура именной группы

5.2.2.1. Дистрибуция DOM

Как и в литературном татарском языке, в идиоме с. Кутлушкино представлено вариативное маркирование объекта, что демонстрируется в (5.66)[6]:

(5.66) a. marat **mašʏna-nʏ** sat-ʏ-p al-dʏ.
Марат **машина-ACC** продавать-ST-CONV брать-PST
*Марат купил **машину**.*

b. marat **mašʏna** sat-ʏ-p al-dʏ.
Марат **машина** продавать-ST-CONV брать-PST
*Марат купил **машину**.*

DOM возможен не с любыми ИГ. В частности, всегда получают аккузативное падежное оформление следующие виды именных групп:

[6] В нулевом контексте носители регулярно воспринимают предложение типа (5.66a) как имеющее фокусное выделение на глагольном предикате. (5.66a) при таком прочтении, например, предполагает ‘купил, а не получил даром’. Этот эффект не существенен для обсуждаемого в этом разделе явления и далее не принимается во внимание.

- все местоимения-существительные (личные, анафорические, возвратные, вопросительные, неопределенные, отрицательно-полярные и т.д.)[7];
- личные имена;
- именные группы, содержащие «исчерпывающие» кванторы (‘каждый’, ‘оба’)[8];
- именные группы, содержащие указательные местоимения *bu* ‘этот’, *šul* ‘тот’;
- именные группы, содержащие генитивный посессор и согласованные с ним по категории лица и числа имена (так называемая изафетная конструкция 3 (ИК3), см 4.2.2, а также Закиев, Курбатов 1971, ТГ 1995);
- расщепленные количественные, кванторные и атрибутивные группы с субстантивированным числительным / квантором / прилагательным (ср. турецкий пример (5.65).

Эти возможности иллюстрируются в (5.67)-(5.72):

(5.67) Местоимения

a. marat **a-lar-*(nɤ)** kür-de.
Марат **он-PL-ACC** видеть-PST
*Марат **их** видел.*

b. ägär dä **berär kem-*(ne)** kür-sä-ŋ miŋa at_j-ɤ-r-sɤŋ.
если EMPH **какой-нибудь кто-ACC** видеть-COND-2SG я.DAT говорить-ST-POT-2SG
*Если **кого-нибудь** увидишь, скажешь мне.*

(5.68) Имя собственное

alsu **marat-*(nɤ)** čakɤr-dɤ.
Алсу **Марат-ACC** приглашать-PST
*Алсу пригласила **Марата**.*

(5.69) Именные группы с кванторами

a. marat **xär birem-*(ne)** čiš-te.
Марат **каждый задача-ACC** решать-PST
*Марат решил **каждую задачу**.*

b. marat **ike birem-*(ne) dä** čiš-te.
Марат **два задача-ACC EMPH** решать-PST
*Марат решил **обе задачи**.*

(5.70) Именные группы с указательными местоимениями

marat **bu mašɤna-*(nɤ)** sat-ɤ-p al-dɤ.
Марат **этот машина-ACC** продавать-ST-CONV брать-PST
*Марат купил **эту машину**.*

(5.71) Именная группа с согласуемым генитивным посессором (ИК3)

marat **ramil-neŋ mašɤna-sɤ-*(n)** sat-ɤ-p al-dɤ.
Марат **Рамиль-GEN машина-3-OBL.ACC** продавать-ST-CONV брать-PST
*Марат купил **машину Рамиля**.*

---

[7] Некоторые носители допускают отсутствие маркирования на вопросительном местоимении *närsä* ‘что’ и производных от него.

[8] Прилагательное *beten* ‘все || весь’ (литературное *бөтен*) не является кванторным.

(5.72) Расщепленные группы

a. ul **kitap-lar-nɤŋ** **eč-e-se-*(n)** uk-ɤ-dɤ.
он **книга-PL-GEN** **три-PRON-3-OBL.ACC** читать-ST-PST

Из книг *он прочитал* ***три****.*

b. marat **mašɤna-lar-nɤŋ** **jaŋa-sɤ-*(n)** al-dɤ.
Марат **машина-PL-GEN** **новый-3-OBL.ACC** брать-PST

Из машин *Марат взял* ***новую****.*

Все остальные типы именных групп допускают в позиции прямого дополнения опущение показателя аккузатива. Присутствие / отсутствие падежного показателя в таких случаях семантически коррелирует с определенностью: определенные ИГ обычно маркируются аккузативом, как в (5.73).

(5.73) Контекст:
bez-dä et xäm pesi jäš-i.
мы-LOC собака и кошка жить-ST.IPFV
У нас живут кошка и собака.

a. min kübesenčä **et-ne** jarat-a-m.
я больше **собака-ACC** любить-ST.IPFV-1SG

Я больше люблю ***собаку****.*

b. min kübesenčä **et** jarat-a-m.
я больше **собака** любить-ST.IPFV-1SG

*1. *Я больше люблю* ***собаку****.*
2. #Я больше люблю ***собак****.*

Маркирование определенных ИГ предпочтительно, но не обязательно: в (5.74) единственный в своем роде и потому определенный объект может оставаться неоформленным:

(5.74) alsu **aj-(nɤ)** kür-de.
Алсу **луна-ACC** видеть-PST

Алсу увидела ***луну****.*

Неопределенные специфичные ИГ также, согласно суждениям большинства носителей, требуют аккузативного показателя, как в (5.75).

(5.75) bülmä-gä berničä bala ker-de.
комната-DAT несколько ребёнок входить-PST

В комнату зашли несколько детей.

min **ike** **kɤz-*(nɤ)** bel-ä-m.
я **два** **девочка-ACC** знать-ST.IPFV-1SG

(Из них) я знаю ***двух (конкретных) девочек****.*

Аналогичные обобщения об интерпретации оформленных и неоформленных прямых дополнений мы находим и в работах, посвященных литературному татарскому языку.[9]

[9] «Если прямое дополнение выражает предмет, уже известный как говорящему, так и слушающему, оно обязательно принимает аффикс винительного падежа ... Если прямое дополнение выражает

Возможно, что референциальные свойства прямого дополнения — главный, но не единственный параметр, регулирующий вариативное маркирование объекта: определенное влияние на предпочтения носителей языка оказывают одушевленность референта, семантический класс глагола (так, при глаголах, имеющих пресуппозицию существования объекта, например, *ремонтировать*, в нейтральном контексте предпочтителен аккузативный объект, а при глаголах созидания, например, *строить* — напротив, неоформленный), дискурсивная выделенность соответствующего участника.

В наши задачи, однако, не входит выявление всех факторов, влияющих на DOM в исследуемом идиоме в тех случаях, когда он возможен. Вместо этого мы хотели бы поставить вопрос в другой плоскости: верно ли, что во всех случаях, когда мы наблюдаем аккузативное маркирование прямого дополнения, оно объясняется влиянием одного из упомянутых факторов (или их нетривиальным взаимодействием)? Иными словами, верно ли, что ИГ, которые не допускают опущения показателя аккузатива в контексте прямого дополнения, по своей природе обладают теми признаками, которые вызывают аккузативное маркирование?

На первый взгляд, кажется возможным объяснить запрет на опущение аккузативного показателя влиянием факторов, релевантных для DOM. Действительно, если считать референциальные характеристики ИГ ответственными за выбор между маркированной и немаркированной формой прямого дополнения, удается объяснить, почему личные местоимения, личные имена, ИГ с универсальными кванторами и ИГ с указательными местоимениями требуют аккузативного показателя в контексте прямого дополнения: такие ИГ всегда определенные. Если удастся показать, что ИГ с изафетной конструкцией 3 и расщепленные группы также всегда являются определенными, то запрет на опущение показателя аккузатива для всех классов ИГ можно будет объяснить действием факторов, вызывающих DOM.

Однако обнаруживается, что такие ИГ не только не являются всегда определенными, но и могут быть нереферентными.

В (5.76) ИГ *tukajnɤŋ ike šigɤre* ‘два стихотворения Тукая’ может иметь как широкую (соответствующую определенному или неопределенному референтному референциальному статусу) сферу действия по отношению к универсальному квантору, так и узкую сферу действия, при которой выбор двух стихотворений варьирует по ученикам. Определенные же ИГ всегда демонстрируют широкую сферу действия по отношению к другим кванторам.

(5.76) xär ukučɤ **tukaj-nɤŋ** **ike** **šigɤr-e-*(n)** uk-ɤ-dɤ
каждый ученик **Тукай-GEN** **два** **стихотворение-3-OBL.ACC** читать-ST-PST

*Каждый ученик прочитал **два стихотворения Тукая**.*

1. два > ∀ {т.е. имеется два стихотворения таких, что их прочитал каждый}
2. ∀ > два {т.е. каждый прочитал какие-то два (возможно, разные) стихотворения}

предмет, о котором упоминается впервые, оно обязательно находится рядом с господствующим членом и не принимает никакого аффикса...» (ТГ 1995: 119); «Основной падеж обозначает прямой объект и выступает дополнением... Значение прямого объекта характерно и для винительного падежа. Однако в отличие от объекта винительного падежа объект основного имеет оттенок неопределенности». (ТГ 1993: 46); «Когда первое дополнение оформляется морфологически выраженным винительным падежом, речь идет об определенном предмете, а если оно имеет нулевую форму, речь идет о неопределенном, неконкретном предмете» (Вильданова, Гарипов 1988: 39).

В (5.77) ИГ *alsunɤŋ ber fɤtɤgrafijäsen* ‘одна фотография Алсу’ имеет узкую сферу действия относительно сентенциального отрицания и является нереферентной. Согласно классификации Е.В. Падучевой (Падучева 1985), она имеет экзистенциальный денотативный статус.

(5.77) marat **alsu-nɤŋ ber fɤtɤgrafijä-se-*(n)** dä it-m-ä-de.
Марат **Алсу-GEN один фотография-3-ACC** EMPH делать-NEG-ST-PST

*Марат не сделал **ни одной фотографии Алсу**.*
1. Neg > ∃ {т.е. нет ни одной фотографии Алсу, которую сделал Марат}
2. *∃ > Neg {т.е. имеются такие фотографии Алсу, которых Марат не сделал}

Наконец, в (5.78) демонстрируется расщепленная количественная группа в позиции прямого дополнения. Перевод показывает, что такая группа может иметь как широкую (‘две конкретные книги’), так и узкую (‘две произвольные книги’) сферу действия относительно модального предиката.

(5.78) **bu kitap-lar-nɤŋ ike-se-*(n)** uk-ɤ-r-ga kirәk.
этот книга-PL-GEN два-3-OBL.ACC читать-ST-POT-INF быть.нужным

***Из этих книг** нужно прочитать **две**.*
1. две > нужно {т.е. в актуальном мире имеются две книги, которые следует прочитать во всех доступных мирах}
2. нужно > две {т.е. в каждом из доступных миров следует выбрать и прочитать две книги, возможно, разные в разных мирах}

При этом, однако, опущение аккузативного показателя в примерах (5.76)-(5.78) недопустимо ни при одной из интерпретаций.

Таким образом, в исследуемом идиоме обнаруживаются такие структурные типы ИГ, обязательное маркирование которых в контексте прямого дополнения не может быть объяснено действием тех же факторов, которые регулируют выбор падежного оформления для других типов ИГ. Иными словами, ИГ с ИКЗ и расщепленные группы не попадают под действие правил, регулирующих DOM, но должны получать показатель аккузатива согласно правилам другой природы. Если необходимость падежного маркирования может возникать в связи со структурными особенностями ИГ (что мы наблюдаем как минимум в случае ИКЗ и расщепленной конструкции), возникает целая группа новых вопросов:

- В чем конкретно состоит структурное своеобразие ИГ с ИКЗ и расщепленных групп?
- Каким образом это структурное своеобразие влияет на необходимость падежного оформления?
- Не выявляется ли то же самое структурное отличие у аккузативно маркированных ИГ, допускающих вариативное оформление в позиции прямого дополнения?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы будем действовать следующим образом. Сперва мы выявим синтаксические свойства беспадежных прямых дополнений и обсудим возможные структурные интерпретации этих свойств. Затем, опираясь на результаты раздела 4.3, мы выскажем предположение, что немаркированные прямые дополнения соответствуют именным группам меньшей структуры, чем маркированные.

5.2.2.2. Свойства неоформленных прямых дополнений

Неоформленные прямые дополнения обнаруживают целый ряд семантико-синтаксических свойств, которые едва ли выводимы из их неопределенности / нереферентности / нетопикальности.

Напомним, что неоформленными могут оставаться ИГ с любыми зависимыми, кроме перечисленных в 5.2.2.1. В их состав могут входить непроизводные и производные (в том числе ветвящиеся) прилагательные, числительные, причастные обороты, имя в изафетной конструкции 1 (ИК1, например, *kemeš beläzek* ‘серебряный браслет’) и в изафетной конструкции 2 (ИК2, например, *mäktäp däftär-e* ‘школьная тетрадь’). Некоторые примеры приводятся в (5.79).

(5.79) a. min [**marat isem-le ber malaj**] bel-ä-m.
я **Марат имя-ATR один мальчик** знать-ST.IPFV-1SG
*Я знаю **одного парня по имени Марат**.*

b. [**mäktäp däftär-e**] xäm ike ručka al!
школа тетрадь-3 и два ручка брать.IMP
*Купи **школьную тетрадь** и две ручки!*

c. kazan-da [**jaŋa bala-lar xastäxanä-se**] tez-e-de-lär.
Казань-LOC **новый ребенок-PL больница-3** строить-ST-PST-PL
*В Казани построили **новую детскую больницу**.*

Неоформленное прямое дополнение демонстрирует ряд семантико-синтаксических ограничений.

Во-первых, оно должно располагаться строго в предглагольной позиции. Между неоформленным прямым дополнением и глаголом недопустимы ни другие дополнения, ни подлежащее, ни обстоятельства образа действия. Единственный тип элементов, разрывающий комплекс «неоформленное прямое дополнение + глагол», — это фокусные частицы (*-da*, *-gʏna*):

(5.80) a. marat bala-ga tiz genä **jaŋa kitap-(nʏ)** uk-ʏ-dʏ.
Марат ребенок-DAT быстро FOC **новый книга-ACC** читать-ST-PST
*Марат быстро прочитал ребенку **новую книгу**.* {a=b=c}[10]

b. marat bala-ga **jaŋa kitap-*(nʏ)** tiz uk-ʏ-dʏ.
Марат ребенок-DAT **новый книга-ACC** быстро читать-ST-PST

c. marat tiz genä **jaŋa kitap-*(nʏ)** bala-ga uk-ʏ-dʏ.
Марат быстро FOC **новый книга-ACC** ребенок-DAT читать-ST-PST

d. bala-ga **jaŋa kitap-*(nʏ)** marat uk-ʏ-dʏ.
ребенок-DAT **новый книга-ACC** Марат читать-ST-PST
*Марат прочитал ребенку **новую книгу**.*

e. marat bala-ga **jaŋa kitap kʏna** uk-ʏ-dʏ.
Марат ребенок-DAT **новый книга FOC** читать-ST-PST
*Марат прочитал ребенку **только новую книгу**.*

[10] Интерпретация идентична с точностью до информационно-структурных нюансов.

Аналогичные ограничения действуют в литературном татарском языке: «Дополнение, выраженное существительным в основном падеже, находится непосредственно перед сказуемым; изменение места дополнения в предложении изменяет его падежную форму — прямое дополнение передается винительным падежом» (ТГ 1993: 46).

Во-вторых, неоформленные прямые дополнения демонстрируют ограничения на сочинение. Хотя сочинение неоформленных прямых дополнений возможно, как видно из (5.79b), для большинства носителей оформленное прямое дополнение не может быть сочинено с неоформленным. Это показывает (5.81a). Грамматичность (5.81b) не противоречит этому утверждению — аккузативный показатель оформляет сочиненную группу целиком; таким образом, в (5.81b) представлена так называемая групповая флексия, демонстрируемая также в (5.81c).

(5.81) a. * marat **kitap-nɤ** xäm **nindi-der** **gazet** sat-ɤ-p al-dɤ.
Марат **книга-ACC** и **какой-DYR** **газета** продавать-ST-CONV брать-PST
*Марат купил **книгу** и **какую-то газету**.* {a=b}

b. marat [**kitap** xäm **nindi-der** **gazet**]-***ne*** sat-ɤ-p al-dɤ.
Марат **книга** и **какой-DYR** **газета-*ACC*** продавать-ST-CONV брать-PST

c. [**mädänijat** xäm **sägnat**]-***kä*** bitaraflɤk.
культура и **искусство-*DAT*** равнодушие
*равнодушие **к культуре** и **искусству***

В-третьих, в отличие от оформленных прямых дополнений, неоформленные прямые дополнения никогда не имеют широкой сферы действия по отношению к другим кванторам или операторам.

(5.82) a. xär ukučɤ **ike** **kitap** uk-ɤ-dɤ.
каждый ученик **два** **книга** читать-ST-PST
*Каждый ученик прочитал **две книги**.*
1. ∀ > две {т.е. на каждого ученика приходится две прочитанные книги (возможно, различные)}
2. *две > ∀ {т.е. имеется две книги такие, что их прочитал каждый ученик}

b. xär ukučɤ **ike** **kitap-nɤ** uk-ɤ-dɤ.
каждый ученик **два** **книга-ACC** читать-ST-PST
*Каждый ученик прочитал **две книги**.*
1. ∀ > две {т.е. на каждого ученика приходится две прочитанные книги (возможно, различные)}
2. две > ∀ {т.е. имеется две книги такие, что их прочитал каждый ученик}

c. marat **ike** **kitap** uk-ɤ-m-a-dɤ.
Марат **два** **книга** читать-ST-NEG-ST-PST
Марат не прочитал **две книги**.
1. Neg > две {т.е. неверно, что существуют хотя бы две книги, которые прочитал Марат}
2. *две > Neg {т.е. существуют две такие книги, которые не прочитал Марат}

d. marat **ike** **kitap-nʏ** uk-ʏ-m-a-dʏ.
Марат **два** **книга-ACC** читать-ST-NEG-ST-PST

Две книги *Марат не прочитал.*
1. *Neg > две {т.е. неверно, что существуют хотя бы две книги, которые прочитал Марат}
2. две > Neg {т.е. существуют две такие книги, которые не прочитал Марат}

В контексте интенсиональных предикатов неоформленные прямые дополнения интерпретируются *de dicto*, (5.83a), оформленные — *de re*, (5.83b).

(5.83) a. min **tabip** ezl-i-m.
я **доктор** искать-ST.IPFV-1SG

Я ищу (любого || какого-нибудь) ***доктора***.

b. min **tabip-ne** ezl-i-m.
я **доктор-ACC** искать-ST.IPFV-1SG

Я ищу (конкретного) ***доктора***.

В-четвертых, у неоформленных прямых дополнений, не имеющих показателя числа, наблюдается нейтрализация числового противопоставления (number neutrality). ИГ, не содержащая числового показателя, может интерпретироваться и как единичный объект, и как множественный. ИГ, имеющая числовой показатель, интерпретируется как множественная. Это иллюстрируется в (5.84). Оформленное падежным показателем прямое дополнение при отсутствии показателя числа не демонстрирует числовой нейтральности: в (5.84c) прямое дополнение однозначно соотносится с единичным объектом.

(5.84) a. marat **kʏzʏl** **alma** aš-a-dʏ.
Марат **красный** **яблоко** есть-ST-PST

Марат съел ***красное яблоко*** || ***красные яблоки***.

b. marat **kʏzʏl** **alma-lar** aš-a-dʏ.
Марат **красный** **яблоко-PL** есть-ST-PST

Марат съел ****красное яблоко*** || ^{ОК}***красные яблоки***.

c. marat **kʏzʏl** **alma-nʏ** aš-a-dʏ.
Марат **красный** **яблоко-ACC** есть-ST-PST

Марат съел ^{ОК}***красное яблоко*** || ****красные яблоки***.

В-пятых, неоформленные прямые дополнения обладают синтаксическим статусом обычных прямых дополнений при лицензировании падежного оформления в каузативной конструкции. Мишарский диалект, как и литературный татарский язык, демонстрирует отклонение от сформулированного Б. Комри правила выбора падежа для каузируемого (Paradigm case, (Comrie 1976)). При каузативизации непереходного глагола каузируемый оформляется аккузативом (в полном соответствии с правилом Комри), а при каузативизации переходного глагола каузируемый оформляется не дативом, как предсказывает правило Комри, а аблативом (подробнее о каузативной конструкции в мишарском диалекте см. 3.1.2).

В идиоме с. Кутлушкино оформленность прямого дополнения не оказывает влияния на выбор падежа каузируемого: вне зависимости от того, имеет ли прямое дополнение показатель аккузатива, каузируемый в такой конструкции получает аблатив[11].

(5.85) a. min marat-tan **kitap-(nɤ)** al-dɤr-dɤ-m.
я Марат-ABL **книга-ACC** брать-CAUS-PST-1SG
*Я заставил Марата купить **книгу**.* {a=b}

b. *min marat-nɤ **kitap** al-dɤr-dɤ-m.
я Марат-ACC **книга** брать-CAUS-PST-1SG

В-шестых, неоформленные прямые дополнения могут выступать антецедентом дискурсивной анафоры, притом не только в случае модальной субординации, как в (5.86a), но и в конкретно-референтных контекстах, как в (5.86b):

(5.86) a. sin anar-ga **kitap** al-a al-a-sɤŋ.
ты он.OBL-DAT **книга** брать-ST.IPFV мочь-ST.IPFV-2SG
xäm **a-nɤ** matur it-e-p ter-e-p
и **он-ACC** красиво делать-ST-CONV заворачивать-ST-CONV
büläk it-ä-r-gä bul-a.
подарок делать-ST-POT-INF AUX2-ST.IPFV
*Ты можешь купить ему **книгу**. Ты можешь красиво **ее** завернуть и подарить.*

b. marat **ber** **kitap** uk-ɤ-dɤ. **ul** ingliz-čä i-de.
Марат **один** **книга** читать-ST-PST **этот** английский-ADV быть-PST
*Марат прочитал **одну книгу**. **Она** была на английском языке.*

Попытаемся теперь проинтерпретировать указанные свойства.

Неспособность неоформленных прямых дополнений к сочинению с аккузативно маркированными прямыми дополнениями (см. (5.81a)) указывает на то, что неоформленное и оформленное прямое дополнение — это ИГ разных структурных типов. Вкупе с двумя другими свойствами — обязательностью предглагольной позиции (см. (5.80)) и нейтрализацией числового противопоставления (см. (5.84)) — данный факт позволяет предположить, что неоформленное прямое дополнение инкорпорировано в глагол, образуя нечто вроде сложного предиката (complex predicate), ср. с аналогичным анализом для турецкого языка в (Knecht 1986, Kornfilt 2003).

Действительно, анализ через инкорпорацию позволяет объяснить как контактное расположение существительного и глагола, так и неспособность к сочинению с полноценной (неинкорпорированной) именной группой. Нейтрализация числового противопоставления при этом может расцениваться как отсутствие числовых характеристик у инкорпорированной именной основы, что как раз является одним из ярких признаков инкорпорации (ср. *самолетостроение* ← *строят самолеты*, а также англ. *foxhunting* ‘охота на лис’). Отсутствие падежного маркирования на инкорпорированном существительном также вполне ожидаемо: оно не занимает аргументную позицию, но является

[11] О возможных альтернативах внутри группы тюркских языков см., например, Соловьев 2001, Letuchiy 2006.

компонентом глагольной словоформы. Неспособность иметь широкую сферу действия (см. (5.82)) может быть проинтерпретирована как неспособность инкорпорированного существительного получать кванторную (quantificational) или референциальную интерпретацию.

Однако другие свойства неоформленных прямых дополнений противоречат инкорпорационному анализу. Во-первых, при инкорпорации в глагол инкорпорируется только именная вершина (ср. Baker 1988), из чего следует, что инкорпорированная именная вершина не может иметь собственных зависимых, то есть неспособна ветвиться:

(5.87) female foxhunting
*1. *охота на лис-самок (← hunting [female foxes])*
2. женская охота на лис

Однако, как мы видели выше, неоформленные прямые дополнения в мишарском диалекте способны к практически неограниченному ветвлению.

Следует отметить, тем не менее, что существуют случаи инкорпорации, при которых зависимые именной вершины «передаются» вершине, в которую происходит инкорпорация:

(5.88) точное приборостроение
1. строят [точные приборы]
2. точно строят приборы

Однако данный вид анализа ветвящихся неоформленных прямых дополнений не может быть аргументирован для мишарского: такие зависимые ИГ, как атрибутивные группы или указательные местоимения-прилагательные (например, *tege* ‘такой’), не могут выступать зависимыми в глагольной синтагме, а числительные, выступая в качестве зависимых глагола, имеют другую интерпретацию:

(5.89) a. **ike** **ručka** al!
два **ручка** брать.IMP
*Купи **две ручки**!*

b. marat ike (tapkʏr) kibet-tän **ručka** al-dʏ.
Марат два раз магазин-ABL **ручка** брать-PST
*Марат дважды покупал в магазине **ручку** || **ручки**.*

Далее, инкорпорированные существительные неспособны поддерживать дискурсивную анафору:

(5.90) В России до 1929 года **приборо**$_i$строение было развито слабо и было представлено всего несколькими небольшими предприятиями {по выпуску термометров, манометров, весов и других простых устройств || *по **их**$_i$ выпуску}.

Для неоформленных мишарских прямых дополнений, однако, такая возможность доступна, как мы видели в (5.86).

Наконец, наиболее сильный аргумент против инкорпорационного анализа немаркированных прямых дополнений состоит в том, что в татарском языке (и мишарском диалекте) представлены синтаксические конфигурации, которые можно проинтерпрети-

ровать как инкорпорацию именной вершины в глагольную словоформу, и в таких конфигурациях также допустимы неоформленные прямые дополнения наряду с инкорпорированной именной вершиной.

Речь идет о сложных предикатах (complex predicates), состоящих из полузнаменательного глагола и существительного, таких как *xezmät itä* ‘работать, трудиться’ (‘труд делать’) или *büläk itä* || *birä* ‘дарить’ (‘подарок делать || давать’). (Аналогичный аргумент использует К. Мегердумян (Megerdoomian 2008) при анализе сложных предикатов и немаркированных прямых дополнений в фарси; о различном синтаксическом статусе неглагольного компонента сложного предиката и немаркированного прямого дополнения в фарси см. также Moyne 1970, Karimi 1997, Folli, Harley, Karimi 2005.)

Сложные предикаты в мишарском диалекте, в отличие от неоформленных прямых дополнений, демонстрируют все признаки структур с инкорпорацией: неспособность к ветвлению, поддержке дискурсивной анафоры, широкой сфере действия, строго предглагольная позиция, нейтрализация числового противопоставления. При этом переходные сложные предикаты могут сочетаться с неоформленным прямым дополнением. Эта возможность иллюстрируется в (5.91):

(5.91) äti-se marat-ka **jaŋa** **mašʏna** büläk it-te.
отец-3 Марат-DAT **новый** **машина** подарок делать-PST
*Отец подарил Марату **новую машину**.*

Очевидно, что неоформленное дополнение и компонент сложного предиката не могут быть одновременно инкорпорированы в глагол, поскольку исходная позиция для инкорпорации — прямое дополнение глагола *делать* — только одна. Отметим также, что в (5.91) единицы *jaŋa mašina* и *büläk* не образуют составляющей. (Если бы, например, ИГ *jaŋa mašina* ‘новая машина’ была зависимой именной вершины *büläk* ‘подарок’, то такая конструкция требовала бы появления на именной вершине лично-числового согласовательного показателя, т.е. изафетной конструкции 2: *jaŋa mašina büläg-e*).

Дополнительное свидетельство в пользу того, что анализ сложных предикатов и сочетаний неоформленных прямых дополнений с глаголом должен быть различным, можно получить при исследовании каузативной конструкции. Как было показано выше (ср. (5.85)), в каузативной конструкции с неоформленным прямым дополнением каузируемый маркируется аблативом и не может получить аккузатив. Если же комплементом каузативной морфемы выступает непереходный сложный предикат, то каузируемый оформляется аккузативом:

(5.92) ukʏtučʏ **ukučʏ-nʏ** || ***ukučʏ-dan** xezmät it-ter-de.
учитель **ученик-ACC** **ученик-ABL** труд делать-CAUS-PST
*Учитель заставил **ученика** трудиться.*

Итак, анализ неоформленных прямых дополнений как инкорпорированных в глагол именных вершин оказывается неадекватным.

Следует отметить, что аналогичные проблемы с интерпретацией ветвящихся неоформленных дополнений возникали и при анализе других языков, таких как венгерский, хинди, иврит, полинезийский язык ниуэ, фарси, уйгурский, мальгашский, тамильский, амхарский (ср. Mithun 1984, van Geenhoven 1998, Massam 2001, 2009, Bartos 2001, Farkas, de Swart 2003,

Dayal 2003, 2011, Danon 2006, Rodríguez-Mondoñedo 2007, Megerdoomian 2008, Muro 2009, Paul 2009, Shklovsky, Sudo 2010, Baker 2011), а также отдельных тюркских языков — турецкого и якутского (Aydemir 2004, Öztürk 2005, Kornfilt 2008, Baker 2009).

Среди этой обширной группы конкретноязыковых проявлений DOM выделяется один содержательный тип, который получил наименование п с е в д о и н к о р п о р а ц и и (pseudo-noun incorporation, PNI, Massam 2001). Это название мотивировано тем, что псевдоинкорпорация демонстрирует многие эффекты истинной инкорпорации (т.е. инкорпорации именной вершины), однако при этом псевдоинкорпорации может подвергаться ветвящаяся именная составляющая (именная группа). Согласно (Kamali 2008), основными свойствами псевдоинкорпорированных именных групп в разноструктурных языках можно считать:

- нейтрализацию числовой оппозиции;
- отсутствие широкой сферы действия;
- нереферентность, неспособность служить антецедентом дискурсивной анафоры;
- недопустимость в составе псевдоинкорпорированных именных групп определенных артиклей;
- соответствие сочетания глагола с дополнением конвенционализированному виду деятельности[12].

Признаки, часто сопровождающие псевдоинкорпорацию, но представленные не во всех языках, включают следующие:

- отсутствие падежного маркирования (хотя в венгерском языке псевдоинкорпорированное дополнение получает падеж, хотя и не вызывает объектного согласования);
- уменьшение переходности (хотя в хинди псевдоинкорпорированная ИГ сохраняет синтаксический статус дополнения);
- контактное расположение с глаголом (хотя в турецком языке псевдоинкорпорированное неоформленное прямое дополнение может подвергаться коммуникативному передвижению (скрэмблингу)).

---

[12] Например, *чтение научной литературы* / *чтение женских романов* / *чтение глянцевых журналов* может быть описано как определенный тип (kind) деятельности, в то время как *чтение коротких рассказов* нет. Требование обозначать естественный класс событий (nameworthy event) напоминает ограничение на использование английских определенных ИГ в форме единственного числа в качестве генерических, приписываемое Б. Парти и цитируемое, например, в Carlson 1977, Krifka *et al.* 1995:

(i) a. The cola bottle has a narrow neck.
У бутылки кока-колы узкое горлышко.
1. конкретно-референтное прочтение: у данной бутылки узкое горлышко
2. генерическое прочтение: у бутылки этого типа узкое горлышко

b. The green bottle has a narrow neck.
У зеленой бутылки узкое горлышко.
1. конкретно-референтное прочтение: у данной бутылки узкое горлышко
*2. *генерическое прочтение: у бутылки этого типа узкое горлышко*

В отличие от зеленых бутылок, не представляющих собой естественного класса, бутылки (для) кока-колы имеют известную всем форму, размер, оформление и т.п. и образуют, таким образом, естественный класс в таксономии бутылок, благодаря чему ИГ *the cola bottle* и может обозначать определенный тип (kind) бутылок.

Описанные выше свойства неоформленных прямых дополнений в идиоме с. Кутлушкино не вполне укладываются в общую картину псевдоинкорпорации. Во-первых, они способны выступать антецедентами анафорических местоимений (см. (5.86)). Во-вторых, их сочетания с глаголом не всегда обозначают естественные классы событий (ср., например, *поедание красных яблок* из (5.84) или *чтение двух книг* из (5.82)).

С другой стороны, в исследуемом говоре проявляются необязательные признаки псевдоинкорпорации: отсутствие падежного маркирования и невозможность скрэмблинга.

Более того, не вполне понятно, является ли псевдоинкорпорация в действительности единым феноменом. Легко видеть, что набор свойств, характерных для подобных ИГ, во-первых, не универсален, а во-вторых, включает очень разнообразные синтаксические признаки (падежное маркирование, структурная позиция, аргументный статус ИГ), семантические признаки (нейтрализация числа, узкая сфера действия, нереферентность, неопределенность), энциклопедические знания (конвенционализация коллокации имени и глагола). При этом сами феномены, на которых базируются обсуждаемые признаки, в каждом конкретном языке могут выступать объектом различных ограничений, не обязательно связанных с псевдоинкорпорацией (например, скрэмблинг в английском языке значительно более ограничен, чем в русском, а контактное расположение дополнения и глагола не в любом языке следует связывать с псевдоинкорпорацией). Поэтому в дальнейшем обсуждении мы сосредоточимся на поиске возможных вариантов анализа максимально большого набора свойств, проявляемых псевдоинкорпорированными именными группами, и попытаемся применить эти варианты к нашим данным.

Наиболее значимую и часто воспроизводящуюся от языка к языку группу свойств составляет следующий набор семантико-синтаксических явлений: нереферентность / неопределенность, узкая сфера действия по отношению к возможным операторам, отсутствие структурного падежа. Именно эти признаки становятся предметом объяснения при анализе таких феноменов, как объектный генитив отрицания (*Он не читает газет*) или количественные группы (*Он набрал много грибов*) в русском языке. Основная идея, стоящая за различными имплементациями конкретных анализов (ср., например, Pesetsky 1982, Babyonyshev 1996, Harves 2002, Bailyn 2004, Pereltsvaig 2006), состоит в том, что такие составляющие (беспадежные количественные группы или генитивные именные группы) остаются в составе глагольной проекции, поскольку не нуждаются в получении структурного падежа, приписывание которого происходит вне глагольной группы. Не покинувшая пределов глагольной группы составляющая не может подвергнуться в дальнейшем подъему квантора и, следовательно, интерпретируется как неспецифичная в соответствии с гипотезой отображения синтаксической структуры в трехчастную семантическую структуру (Mapping hypothesis) М. Дизинг (Diesing 1992).

Применительно к анализу псевдоинкорпорации имени связь узкой сферы действия, контактного расположения с глаголом и отсутствия падежного маркирования интерпретируется сходным образом. В Massam 2001 предполагается, что псевдоинкорпорированное дополнение — это ИГ, не получившая структурного падежа и, следовательно, не покидающая пределов глагольной группы и не способная поэтому иметь широкую сферу действия. Аналогичное предложение касательно деривации турецких неоформленных прямых дополнений мы находим в Öztürk 2005 и Lima 2006. М. Бейкер, принимая анализ Massam 2001, высказывает дополнительное предположение: контактное рас-

положение псевдоинкорпорированной ИГ с глаголом вызвано тем, что только в такой конфигурации именная вершина, подвергающаяся скрытой инкорпорации в глагол, может быть озвучена непротиворечивым образом (Baker 2009, 2011).

Анализ, увязывающий отсутствие структурного падежа, синтаксическую позицию именной группы и ее возможную интерпретацию, нуждается в прояснении вопроса о том, что с синтаксической точки зрения представляет собой беспадежная группа. В рамках стандартного подхода к падежу именная группа, не демонстрирующая морфологического падежного оформления, считается лишенной структурного падежа. Такая опция оказывается теоретически возможной, если предположить, что не все именные группы являются субъектом падежного фильтра. В таком случае обычно предполагается, что только ИГ полной структуры (DP) должны получить абстрактный падеж, в то время как ИГ меньшей структуры (small nominals в Pereltsvaig 2006 — например, NP или количественные группы) не нуждаются в падеже. Если удастся показать, что беспадежные ИГ, находясь в той же структурной позиции, что и оформленные ИГ, отличаются от последних по своей внутренней структуре и / или интерпретации, то анализ с параметризацией структурных типов ИГ и модификацией падежного фильтра может быть обоснован[13]. Применительно к асимметричному DOM подобные идеи развиваются в Bartos 2001, Dayal 2003, Danon 2006.

С другой стороны, конфигурационный подход к падежу предполагает, что беспадежная ИГ — это ИГ в дефолтном морфологическом падеже (таком же, как, например, падеж подлежащего). Чтобы прямому дополнению в морфонологическом компоненте был приписан дефолтный падеж, необходимо, чтобы в локальной области не было другой беспадежной ИГ, имеющей над прямым дополнением структурный приоритет, в противном случае будет приписан зависимый аккузатив. Эта идея эксплуатируется в Baker, Vinokurova 2010, Levin, Preminger 2015 при анализе якутского DOM. Предполагается, что маркированные прямые дополнения располагаются вне глагольной группы и, таким образом, оказываются в одной локальной области с подлежащим. В этой конфигурации прямое дополнение получает зависимый падеж — морфологический аккузатив. Это показано в (5.93a). Если же прямое дополнение остается в глагольной группе, то отсутствуют структурные основания для приписывания зависимого падежа: в каждой из локальных областей (фаз) имеется только по одной лишенной падежа ИГ, и каждая из них в результате получает дефолтный именительный падеж, как в (5.93b).

(5.93) a. $[_{TP}$ $ИГ_1$ $ИГ_2$ $[_{VP}$ ...]]
Nom Acc

b. $[_{TP}$ $ИГ_1$ $[_{VP}$ $ИГ_2$ ...]
Nom Nom

[13] Основное теоретическое осложнение, возникающее при данном подходе, состоит в том, что если структурный падеж приписывается вершиной в результате ее согласования с ИГ, то неполучение структурного падежа равносильно не-согласованию вершины; неозначивание признаков вершины должно привести к неграмматичному предложению (к «краху деривации»). Как представляется, возможным выходом из этой ситуации может быть дефолтное означивание соответствующих признаков вершины, что мы можем наблюдать на примере дефолтного предикативного согласования с подлежащим, не обладающим необходимыми признаками лица, числа и рода (*Пришл**о** около десяти студентов*).

Легко видеть, что конфигурационный анализ DOM базируется на позиционном распределении аккузативных и номинативных прямых дополнений: аккузативные ИГ должны располагаться вне VP, в то время как номинативные — внутри VP. При этом основанием для подъема прямого дополнения из глагольной группы не может выступать потребность ИГ в получении структурного падежа, поскольку падежный фильтр исключается из теории.

Возвращаясь к мишарскому материалу, отметим, что структурная альтернатива DOM (ИГ разной структуры, возможно, в одной синтаксической позиции) делает лучшие предсказания, чем конфигурационная альтернатива DOM (ИГ в разных синтаксических позициях, возможно, одной структуры). Во-первых, среди ИГ, обязательно оформляемых аккузативом, имеются ИГ определенной синтаксической структуры, а именно — ИГ с посессивным показателем (ИК3, расщепленная количественная конструкция) и проформы. Во-вторых, беспадежные прямые дополнения не сочиняются с аккузативными, что предположительно свидетельствует о том, что они соответствуют составляющим разного типа. В-третьих, как показывают примеры (5.73a) и (5.80a), аккузативные ИГ могут располагаться *in situ* (контактно с глаголом, справа от обстоятельств уровня глагольной группы) и не покидать пределов глагольной группы в синтаксисе.

Таким образом, в следующем разделе мы будем развивать анализ DOM, который опирается на корреляции структурных альтернатив ИГ и их падежного оформления. Анализ использует результаты раздела 4.3, где обосновывается, что различные структурные типы ИГ в мишарском диалекте обнаруживаются не только в контексте прямого дополнения, но и обладают различной синтаксической дистрибуцией вне его.

В частности, в 4.3 демонстрируется, что мишарская именная группа имеет иерархическую структуру, в которой выделяется три класса именных проекций: NP, NumP и DP, как показано в (5.94):

(5.94) [DP [NumP [NP N]]]

5.2.2.3. Анализ

Мы предполагаем, что вариативное падежное маркирование объекта в идиоме с. Кутлушкино может быть описано при помощи параметризации падежного фильтра:

(5.95) *DP, если DP не имеет абстрактного падежа.

(5.95) утверждает, что субъектом падежного фильтра является только максимальная именная составляющая — DP. Таким образом, (5.95) допускает существование беспадежных ИГ меньшей структуры — NP и NumP.

Допущение, что не все структурные типы ИГ являются субъектом падежного фильтра, находит подтверждение в исследованиях, посвященных различным языкам. Например, для венгерского языка аргументируется гипотеза, что только DP, но не NP в позиции прямого дополнения вызывает согласование глагола с объектом (Szabolcsi 1994, Bartos 2001). Дистрибуция DOM в иврите (ср. (5.59)) объясняется сходным образом: предлог, приписывающий абстрактный падеж, обязателен перед теми ИГ, которые со структурной точки зрения являются DP (ИГ с определенным артиклем), в то время как неопределенные ИГ анализируются как NP (Danon 2006).

Мы принимаем стандартный анализ, в соответствии с которым морфологический аккузатив является реализацией синтаксического аккузатива. Таким образом, наличие морфологического показателя аккузатива на именной группе свидетельствует о том, что данная ИГ — это DP. Рассмотрим (5.96a-c):

(5.96) a. marat [$_{DP}$ **mašina-nɤ**] sat-ɤ-p al-dɤ.
Марат **машина-ACC** продавать-ST-CONV брать-PST
*Марат купил **машину** || *машины.*

b. marat [$_{NP\,/\,NumP}$ **mašina**] sat-ɤ-p al-dɤ.
Марат **машина** продавать-ST-CONV брать-PST
*Марат купил **машину** || **машины.***

c. marat [$_{NumP}$ **mašina-lar**] sat-ɤ-p al-dɤ.
Марат **машина-PL** продавать-ST-CONV брать-PST
*Марат купил **машины.***

В (5.96a) в позиции прямого дополнения располагается DP. Аккузативно маркированные ИГ никогда не демонстрируют числовой нейтральности, из чего мы заключаем, что под проекцией D имеется также проекция Num. Эта именная группа способна также иметь любые модификаторы уровня NP, что означает, что ИГ в (5.96a) — это ИГ полной структуры ([$_{DP}$ [$_{NumP}$ [$_{NP}$ mašina]]]).

В (5.96b) в позиции прямого дополнения находится ИГ малой структуры — NumP или NP. Возможность анализа ИГ *mašina* как NP ([$_{NP}$ mašina]) объясняет допустимость нейтральной в отношении числа интерпретации (*купил машину || машины*). (Такую же возможность мы наблюдали в 4.3 у NP, выступающих комплементами атрибутивизатора *-lɤ*.)[14] Наконец, наличие показателя множественного числа на прямом дополнении в (5.96c) предполагает анализ этой ИГ как NumP ([$_{NumP}$ [$_{NP}$ mašina]-lar]).

Гипотеза (5.95) легко объясняет, почему ИГ с ИКЗ, местоимения и расщепленные количественные, кванторные и атрибутивные конструкции в позиции прямого дополнения обязательно маркируются аккузативом: такие ИГ соответствуют максимальной именной проекции (DP) и, следовательно, неграмматичны, если не получают падежа.

Рассмотрим подробнее процесс приписывания структурного аккузатива объектной DP. В формальном синтаксисе существует два технических подхода к получению структурного падежа, которые можно обозначить как проверку признака падежа (case checking) и означивание признака падежа (case assignment / valuation). Оба эти подхода связывают признак падежа ИГ со свойствами некоторой вершины, которая проверяет либо приписывает падеж, а в процессе взаимодействия с ИГ удовлетворяет собственные признаковые потребности.

---

[14] Таким образом, NP допустима и в качестве комплемента атрибутивизатора, и в аргументной позиции. Предположительно, NP возможна также и в позиции подлежащего. «Понятие множества в тюркских языках, — пишет А.Н. Кононов, — в том числе и в татарском, может обозначаться и нулевой формой имени существительного; при этом выражается одновременно весь класс, род существ, предметов в целом» (Кононов 1956: 67):

(i) Өстәл-дә **китап** ят-а.
стол-LOC **книга** лежать-ST.IPFV
*На столе лежит **книга** || лежат **книги**.*

Проверка и означивание признака падежа делают различные предсказания относительно структурных конфигураций и уровней представления, в которых происходят данные процессы (см., например, аналитическую статью Lasnik 2008). Для наших целей, однако, отличия между указанными подходами не релевантны, и мы в дальнейшем изложении будем рассматривать процесс получения именной группой падежа как означивание соответствующего признака.

Итак, DP, заполняя аргументную позицию лексического глагола, получает структурный аккузатив от некоторой вершины (либо от лексической вершины переходного глагола V, либо от переходного легкого глагола *v*). Важно отметить, что означивание признака падежа происходит *in situ* и не требует (видимого) подъема аргумента из глагольной группы: аккузативные прямые дополнения грамматичны в позиции между наречиями уровня глагольной группы и собственно глаголом:

(5.97) a. marat tiz **[kitap-nɤ]** uk-ɤ-dɤ.
Марат быстро **книга-ACC** читать-ST-PST
*Марат быстро прочитал **книгу**.*

b. [$_{v\text{P}}$ tiz [$_{\text{VP}}$ [$_{\text{DP}}$ kitap] [$_{\text{V}}$ ukɤj]] *v*]

Предполагается, что приписывание синтаксического аккузатива происходит параллельно с согласованием вершины — источника падежа с DP по ряду синтаксических признаков, называемых φ-признаками, — по числу и лицу (case assignment under AGREE, (Chomsky 2001, 2008)). Рассмотрим деривацию глагольной группы из (5.97a), исходная структура которой показана в (5.97b), в соответствии с этими допущениями.

Именная группа *kitap* ‘книга’, помещенная в аргументную позицию, обладает следующими признаками: интерпретируемым и означенным признаком лица (словарный признак вершины N *kitap*), интерпретируемым и означенным признаком числа (признак вершины Num) и неинтерпретируемым и неозначенным признаком падежа (признак вершины D). Потенциальный источник падежа — вершина *v* — обладает неинтерпретируемыми и неозначенными признаками лица и числа. Таким образом, DP и *v* обладают неозначенными признаками и активны для согласования. Это показано в (5.98a). В процессе взаимодействия этих составляющих происходит означивание признаков лица и числа вершины *v*; вершина *v* с означенными признаками оказывается способной приписать синтаксический аккузатив DP. Результат показан в (5.98b). При озвучивании глагольной группы те из признаков, которые могут быть реализованы морфологией, получают план выражения: DP *kitap* озвучивается как *kitap-nɤ* ‘книга-ACC’. Для семантической интерпретации глагольной группы неинтерпретируемые признаки нерелевантны, поэтому действует соглашение о стирании означенных неинтерпретируемых признаков, и на вход семантического компонента глагольная группа поступает в виде (5.98c).

(5.98) a. глагольная группа до согласования и приписывания падежа

[$_{v\text{P}}$ [$_{\text{VP}}$ [$_{\text{DP}}$ kitap]	[$_{\text{V}}$ ukɤj]]	*v*]
Case: *u*		Person: *u*
Person: **3**		Number: *u*
Number: **sg**		

b. глагольная группа после согласования и приписывания падежа

[$_{vP}$ [$_{VP}$ [$_{DP}$	kitap]	[$_{V}$ ukɣj]]	*v*]
	Case: Acc		Person: 3
	Person: **3**		Number: sg
	Number: **sg**		

c. стирание неинтерпретируемых признаков перед семантической интерпретацией

[$_{vP}$ [$_{VP}$ [$_{DP}$	kitap]	[$_{V}$ ukɣj]]	*v*]
	~~Case: Acc~~		~~Person: 3~~
	Person: **3**		~~Number: sg~~
	Number: **sg**		

Легко видеть, что падежный фильтр в (5.95) технически реализован в данном анализе как совокупность следующих допущений:

- признак падежа — это признак вершины D. ИГ меньшей структуры не обладают этим признаком и, следовательно, не активны для взаимодействия с глагольной вершиной;
- неинтерпретируемый признак должен быть означен в ходе деривации, иначе он не будет удален, что вызовет проблемы на этапе семантической интерпретации.

Отметим, что, хотя приписывание DP падежа при данном анализе не требует передвижения DP, сам факт получения именной группой падежа делает ее способной к передвижению. В исходной формулировке падежного фильтра следы от передвижения вопросительных слов, операторов и т.п. (т.е. переменные) признавались субъектами падежного фильтра на основании неграмматичности примеров типа (5.99) (см. Lasnik, Freidin 1981, Chomsky 1981, Epstein 1991).

(5.99) *Who$_i$ did John try t_i to leave?

Если цепь, образованная передвижением именной группы, должна иметь позицию, маркированную абстрактным падежом, а конечная позиция передвижения не является падежной (как это происходит при передвижении вопросительных и относительных местоимений, топикализации и т.п.), очевидно, что падеж должен быть получен в начале цепи. Отсюда следует, что ИГ с неозначенным признаком падежа не может подвергнуться передвижению в непадежную позицию, поскольку в таком случае признак падежа так и останется неозначенным, а следовательно, и не удаленным, что приведет к невозможности интерпретации предложения. Таким образом, именно ИГ с означенным признаком падежа может покинуть пределы глагольной группы — открыто (при скрэмблинге) или скрыто (при подъеме квантора). Легко видеть, что применительно к мишарскому материалу это означает, что обладающие падежом прямые дополнения могут подвергаться коммуникативному передвижению (ср. (5.80a-d)) и иметь широкую сферу действия (ср. (5.81b), (5.82b), (5.83b)).

Более того, допущение, что беспадежные дополнения не могут подняться из глагольной группы ни открыто, ни скрыто, помогает объяснить обязательность аккузативного маркирования прямых дополнений, содержащих указательные местоимения и исчерпывающие кванторы. Заметим, что определенные ИГ обладают максимально широкой сферой действия по отношению к любым операторам в предложении и, следовательно, в семанти-

ческом представлении должны оказаться вне сферы действия других операторов / кванторов. ИГ с исчерпывающими кванторами в объектной позиции также должны подняться как минимум выше уровня глагольной группы, чтобы избежать конфликта типов при интерпретации (см. Heim, Kratzer 1998, von Stechov 2008)[15].

Если допустить, что только DP, обладающая падежом, способна к (скрытому) перемещению за пределы глагольной группы, то ИГ с указательными местоимениями и исчерпывающими кванторами, чтобы быть проинтерпретированными, должны представлять собой DP:

(5.100) a. $[_{DP}[_{NumP}[_{NP}$ bu kitap]]]
этот книга

b. $[_{DP}[_{NumP}[_{NP}$ xär kitap]]]
каждый книга

Итак, аккузативно маркированным ИГ в позиции прямого дополнения может быть сопоставлен единый анализ, учитывающий их структурный тип и предсказывающий известную свободу в линейном положении относительно глагола, вариативную сферу действия и отсутствие числовой нейтральности.

Обсудим теперь деривацию предложений с беспадежным прямым дополнением. В соответствии с нашим анализом, беспадежное прямое дополнение — это ИГ меньшей структуры, чем DP (NP или NumP), находящаяся в аргументной позиции в глагольной группе. NP обладает означенным интерпретируемым признаком лица, NumP — лица и числа. Это показано соответственно в (5.101a) и (5.101b).

(5.101) a. деривация глагольной группы: NP в позиции дополнения
$[_{v}P\ [_{VP}\ [_{NP}$ kitap] $[_{V}$ ukɣj]] *v*]
Person: **3** Person: *u*
Number: *u*

b. деривация глагольной группы: NumP в позиции дополнения
$[_{v}P\ [_{VP}\ [_{NumP}$ kitap] $[_{V}$ ukɣj]] *v*]
Person: **3** Person: *u*
Number: **sg** Number: *u*

Поскольку ни NP, ни NumP не является субъектом падежного фильтра в (5.95), они не обладают неозначенным признаком падежа, следовательно, не являются активными для взаимодействия с вершиной *v*. Учитывая, что означивание признаков вершины *v* является локальным процессом, т.е. должно произойти на уровне *v*P,[16] отсутствие активной ИГ приведет к не-означиванию признаков *v*, а значит, к неграмматичному предложению.

[15] Заметим, что в отличие от ИГ с исчерпывающими кванторами, для неопределенных ИГ (которые также могут интерпретироваться в качестве обобщенных кванторов — кванторов существования) предлагаются также анализы, не требующие подъема квантора (наиболее известные анализы — это анализ неопределенных ИГ как переменных или как выбирающих функций).

[16] В теории фаз этот тезис следует из условия непрозрачности фазы, запрещающего синтаксические процессы между составляющими комплемента фазовой вершины и внешними по отношению к фазе составляющими.

Гипотетическая неграмматичность структур в (5.101) — не что иное, как имплементированный в анализ приписывания падежа через согласование инвертированный падежный фильтр (inverted case filter, Bošković 1997), согласно которому вершина, способная приписать падеж, должна приписать падеж[17]. Инвертированный падежный фильтр позволяет объяснить, например, недопустимость беспадежных составляющих в контексте лексического падежа в русском языке (см. Babby 1985, Franks 1994); полный список структурных типов составляющих, недопустимых в контексте лексического падежа в русском языке, представлен в Testelets 2010):

(5.102) a. Он владеет десятью языками || *около десяти языков || *много языков
b. Каждый верит двум учителям || *по учителю.

Что касается структурного падежа, то результаты действия инвертированного падежного фильтра не столь однозначны. Действительно, во многих языках глаголы, способные приписать аккузатив своему прямому дополнению, могут принимать в качестве комплемента и составляющие, на которых падеж не определен, например, клаузы или предложные группы, ср. (5.103) из английского языка и (5.104) из мишарского диалекта:

(5.103) a. John believes [him || it].
Джон верит ему || в это.
b. John believes [that Bill has left].
Джон верит, что Билл уехал.

(5.104) a. min **[a-nɤ]** bel-ä-m.
я **этот-ACC** знать-ST.IPFV-1SG
*Я **его** || **это** знаю.*

b. min **[alsu-nɤŋ kil-ü-e-n]** bel-ä-m.
я **Алсу-GEN приходить-NMN-3-OBL.ACC** знать-ST.IPFV-1SG
*Я знаю, **что Алсу пришла**.* {b=c}

c. min **[alsu kil-de dip]** bel-ä-m.
я **Алсу приходить-PST SUB** знать-ST.IPFV-1SG

Понятно, что в (5.103b) и в (5.104c) дополнение не получает аккузатив, что, однако, не приводит к неграмматичности.

Имплементация инвертированного падежного фильтра как недопустимости неозначенных согласовательных признаков вершины-приписывателя падежа также вызывает сомнения. Это особенно очевидно в том случае, если согласование вершины, приписывающей падеж, с мишенью реализуется морфологически, например, в случае предикативного согласования при получении падежа подлежащим. В русском языке беспадежные составляющие в позиции подлежащего не вызывают неграмматичности, при этом согла-

[17] Этот фильтр должен в первую очередь обеспечивать активность потенциального приписывателя падежа для взаимодействия с ИГ, чтобы объяснить тот факт, что одновременно с приписыванием падежа в ряде случаев приписыватель падежа вызывает передвижение ИГ-мишени в собственную проекцию, как это происходит, например, в английском языке при получении номинатива подлежащим.

совательные признаки финитной вершины означиваются «дефолтно» (третье лицо, единственное число, средний род)[18]:

(5.105) a. Прошло около десяти дней.
b. С каждого дерева упало по груше.
c. Меня радует, что ты вернулся.

Такого рода данные, как кажется, свидетельствуют о том, что инвертированный падежный фильтр применительно к структурным падежам накладывает слишком жесткие ограничения на языковую структуру (см. обсуждение в Nevins 2005, Stepanov 2007, Bošković 2007, Sigurðsson 2012). Возможно также, что сама идея о связи согласования и получения структурного падежа неадекватна: абстрактный падеж (в виде падежного фильтра) регулирует лицензирование ИГ в аргументных позициях, в то время как согласование относится к поверхностным, морфологическим феноменам, нерелевантным для собственно синтаксиса (Bobaljik 2008, Preminger 2011, ср. с обсуждением управления и согласования в Кибрик 1992). Таким образом, мы полагаем, что, даже если согласование происходит одновременно с приписыванием падежа и обусловливает способность вершины выступить его источником, в том случае, когда вершина не обнаруживает в локальной области активной для согласования ИГ, неозначенные согласовательные признаки вершины могут быть означены дефолтно, и при этом приписывания падежа не происходит. Эта деривация показана в (5.106a-c):

(5.106) a. деривация глагольной группы: NP в позиции дополнения
$[_{vP}\ [_{VP}\ [_{NP}$ kitap$]$ $[_{V}$ ukʏj$]\ ]$ *v*]
Person: **3** Person: *u*
Number: *u*

b. деривация глагольной группы: дефолтное означивание признаков *v*
$[_{vP}\ [_{VP}\ [_{NP}$ kitap$]$ $[_{V}$ ukʏj$]\ ]$ *v*]
Person: **3** Person: dft
Number: dft

c. деривация глагольной группы: стирание неинтерпретируемых признаков перед семантической интерпретацией
$[_{vP}\ [_{VP}\ [_{NP}$ kitap$]$ $[_{V}$ ukʏj$]\ ]$ *v*]
Person: **3** ~~Person: dft~~
~~Number: dft~~

[18] Аналогичное — дефолтное — предикативное согласование вызывают неноминативные подлежащие в исландском языке, ср. пример из Sigurðsson 2012:(3):

(i) a. подъем дативного подлежащего

mér	sýndist	**þeim**	hafa	verið	hjálpað.
я.DAT	казаться.PST.**DFT**	**они.DAT**	AUX.INF	AUX.PP	помогать.PP

*Мне кажется, что **им** помогли.*

b. подъем номинативного подлежащего

mér	sýndust	**þeir**	hafa	bjargast.
я.DAT	казаться.PST.**3PL**	**они.NOM**	AUX.INF	спасаться

*Мне кажется, что **они** спаслись.*

Предложенная деривационная история неоформленных прямых дополнений в идиоме с. Кутлушкино предполагает, таким образом, что неоформленные прямые дополнения — это ИГ малой структуры (NP или NumP), лишенные абстрактного падежа и не покидающие пределов глагольной группы. Они находятся в той же структурной позиции, в которой располагаются и оформленные прямые дополнения, но, в отличие от последних, неспособны к передвижению. Тем самым объясняется их контактное расположение с глаголом и только узкая сфера действия по отношению к другим кванторам и операторам, содержащимся в предложении[19]. Если неоформленное прямое дополнение соответствует NP, то наблюдается нейтрализация числового противопоставления. При этом неоформленные прямые дополнения находятся в аргументной позиции, заполняя семантическую и синтаксическую валентность глагола, и вследствие этого не оказывают влияния на оформление каузируемого в каузативной конструкции. Наконец, способность неоформленных прямых дополнений выступать в качестве антецедента дискурсивной анафоры может получить объяснение, если предположить, что в данном случае имеет место так называемая несвязанная анафора (E-type anaphora, donkey anaphora). В этом случае для правильной семантической интерпретации необходимо добиться коиндексирования анафорического местоимения и его антецедента, однако для такого коиндексирования отсутствуют синтаксические условия (например, расположение их обоих в составляющей, над которой имеет структурный приоритет общий оператор). Действительно, если неоформленные прямые дополнения подвергаются экзистенциальному закрытию в ядерной сфере действия других операторов / кванторов, то квантор, связывающий их, не может получить сферу действия над следующими отрезками дискурса. Для семантического анализа несвязанной анафоры предлагались различные подходы (см. обобщающие работы Heim, Kratzer 1998, Abbott 2004, Moltmann 2006); здесь важно отметить лишь то, что анафора такого типа не является исключительным свойством конструкций с неоформленным прямым дополнением (см. аналогичный анализ для анафоры с турецкими неоформленными прямыми дополнениями в Lima 2006).

5.2.3. Сергачский говор (идиом с. Рыбушкино): морфологический и синтаксический падеж

Перейдем к рассмотрению DOM во втором идиоме.

Сформулированные в 5.2.2.1 ограничения на допустимость вариативного оформления объекта (обязательное маркирование аккузативом определенных классов ИГ) действуют также и в сергачском говоре (с. Рыбушкино). Различия между двумя идиомами касаются в первую очередь свойств неоформленных прямых дополнений[20].

---

[19] Можно предположить, что при интерпретации переменные, соответствующие этим ИГ, подвергаются экзистенциальному закрытию в глагольной группе; возможен также анализ, согласно которому такие ИГ интерпретируются как предикаты, модифицирующие глагол (ср. семантический анализ псевдоинкорпорации в Dayal 2003 и во многом сходный анализ генитива под отрицанием и интенсионального генитива для русского языка в Partee, Borschev 2004).

[20] Часть примеров в этом разделе предоставлена П.В. Гращенковым, М.Б. Ермолаевой и С.Г. Татевосовым.

Е.А. Лютикова и Р.Р. Жамалетдинова. Село Большое Рыбушкино, 2012 год.

Во-первых, неоформленные прямые дополнения могут располагаться неконтактно с глаголом, в том числе и в постпозиции:

(5.107) a. marat **kitap** anar-ga tʏš-ka cʏg-ʏ-p bir-de.
Марат **книга** он.OBL-DAT улица-DAT выходить-ST-CONV давать-PST
*Выйдя на улицу, Марат отдал ему **книгу**.*

b. ütkän aj-nʏ **bank-lar** ec märtäbä bas-kan-nar.
прошлый месяц-ACC **банк-PL** три раз грабить-PFCT-PL
*В прошлом месяце **банки** три раза грабили.*

c. šäxär-dä tez-e-de-lär **tukaj** **uram-ʏ**.
город-LOC строить-ST-PST-PL **Тукай** **улица-3**
*В городе построили **улицу Тукая**.*

d. kem uk-ʏ al-dʏ **un** **kitap**?
кто читать-ST.IPFV мочь-PST **десять** **книга**
Кто смог прочитать десять книг?

Во-вторых, неоформленные прямые дополнения могут иметь широкую сферу действия относительно других операторов и кванторов:

(5.108) a. xär ukučʏ **ike** **mäsälä** ešl-ä-de.
каждый ученик **два** **задача** делать-ST-PST

*Каждый ученик решил **две задачи**.*
1. ∀ > две {т.е. для каждого ученика имеется две (возможно, разные) задачи, которые он решил}
2. две > ∀ {т.е. имеется две задачи, которые решил каждый ученик}

b. marat alsu-ga **ber** **kitap** **ta** al-m-a-dʏ.
Марат Алсу-DAT **один** **книга** **EMPH** брать-NEG-ST-PST

Марат не купил Алсу одну книгу.
1. Neg > ∃ {т.е. неверно, что есть хотя бы одна книга, которую Марат купил Алсу}.
2. ∃ > Neg {т.е. есть одна книга, которую Марат не купил Алсу}.

В-третьих, если неоформленное прямое дополнение располагается в предглагольной позиции, то в каузативной конструкции возможно оформление каузируемого как аблативом, так и аккузативом:

(5.109) min marat-tan ‖ marat-nʏ **kitap** al-dʏr-dʏ.
я Марат-ABL Марат-ACC **книга** брать-CAUS-PST

*Я заставил Марата купить **книгу**.*

При этом между указанными параметрами обнаруживаются примечательные корреляции.

Во-первых, оторванные от глагола немаркированные прямые дополнения не обнаруживают числовой нейтральности. Сравним (5.110a) и (5.110b):

(5.110) a. marat anar-ga **kitap** bir-de.
Марат он.OBL-DAT **книга** давать-PST

*1. Марат отдал ему **книгу**.*
*2. Марат отдал ему **книги**.*

b. marat **kitap** anar-ga bir-de.
Марат **книга** он.OBL-DAT давать-PST

*1. Марат отдал ему **книгу**.*
*2. *Марат отдал ему **книги**.*

В (5.110a) ИГ *kitap* ‘книга’ расположена в предглагольной позиции и демонстрирует нейтральность в отношении категории числа. В (5.110b) немаркированное прямое дополнение, отделенное от глагола аргументной ИГ, может интерпретироваться только как единичный объект.

Во-вторых, нейтральные в отношении числа неоформленные прямые дополнения не могут иметь широкой сферы действия.

(5.111) xär ukučʏ **awʏr** **mäsälä** ešl-ä-de.
каждый ученик **трудный** **задача** делать-ST-PST

*1. Каждый ученик решил **трудную задачу**.*
1.1. ∀ > трудная задача {т.е. каждый ученик решил по трудной задаче}
1.2. трудная задача > ∀ {т.е. имеется трудная задача, которую решил каждый ученик}

*2. Каждый ученик решил **трудные задачи**.*
2.1. ∀ > трудные задачи {т.е. каждый ученик решил по несколько трудных задач}
2.2. *трудные задачи > ∀ {т.е. имеются трудные задачи, которые решил каждый ученик}

В-третьих, если при каузативизации переходного глагола каузируемый оформляется аккузативом, то на немаркированное прямое дополнение (которое при этом должно находиться в предглагольной позиции) накладывается дополнительное ограничение: оно не может выступать в форме множественного числа, как в (5.112a), при этом форма единственного числа демонстрирует числовую нейтральность, что видно из (5.112b). Кроме того, как показывают (5.112c-d), такое прямое дополнение не имеет широкой сферы действия.

(5.112) a. *min marat-nɤ **kitap-lar** al-dɤr-dɤ-m.
я Марат-ACC **книга-PL** брать-CAUS-PST-1SG
*Я заставил Марата купить **книги**.*

b. min marat-nɤ **kitap** al-dɤr-dɤ-m.
я Марат-ACC **книга** брать-CAUS-PST-1SG
*1. Я заставил Марата купить **книгу**.*
*2. Я заставил Марата купить **книги**.*

c. min marat-nɤ **kitap** al-dɤr-m-a-dɤ-m.
я Марат-ACC **книга** брать-CAUS-NEG-ST-PST-1SG
*Я не заставил Марата купить **книгу** || **книги**.*
1. Neg > ∃ {т.е. неверно, что есть книга || книги, которую || которые я заставил Марата купить }
2. *∃ > Neg {т. е есть книга || книги, которую || которые я не заставил Марата купить}

d. xär ukɤtučɤ marat-nɤ **awɤr** **mäsälä** ešl-ä-t-te.
каждый учитель Марат-ACC **трудный** **задача** делать-ST-CAUS-PST
Каждый учитель задал [= заставил делать] *Марату **трудную задачу** || **трудные задачи**.*
1. ∀ > трудная задача || трудные задачи {т.е. для каждого учителя есть трудная задача || трудные задачи, которые он заставил Марата решать}
2. *трудная задача || трудные задачи > ∀ {т.е. есть трудная задача || трудные задачи, которые каждый учитель заставил Марата решать}

Таким образом, в сергачском говоре (с. Рыбушкино), в отличие от чистопольского говора (с. Кутлушкино), обнаруживается два класса неоформленных прямых дополнений. Неоформленные дополнения первого класса демонстрируют те же свойства, что и неоформленные дополнения в идиоме с. Кутлушкино: они не отрываются от глагола, проявляют нейтральность в отношении числового противопоставления и не имеют широкой сферы действия по отношению к другим кванторам и операторам, содержащимся в предложении. Единственное отличие состоит в том, что такие дополнения в идиоме с. Рыбушкино лицензируют аккузативное маркирование каузируемого в каузативной конструкции.

Неоформленные прямые дополнения второго класса допускают скрэмблинг, могут иметь широкую сферу действия и обладают фиксированным грамматическим числом.

Опираясь на интерпретацию числа, можно предположить, что различие между двумя классами является структурным: неоформленные дополнения первого класса являются NP, а прямые дополнения второго класса — NumP.

Если эта гипотеза верна, то неоформленная NumP в позиции прямого дополнения обладает всеми свойствами оформленных DP (способность к открытому и скрытому передвижению, фиксированное число) кроме одного — морфологически реализованного падежа. В свете предыдущего обсуждения очевидно, что, если наличие падежа у ИГ связано с ее способностью к скрэмблингу и получением широкой сферы действия, то NumP в позиции дополнения обладает абстрактным падежом. Чтобы обеспечить получение NumP абстрактного падежа, падежный фильтр для идиома с. Рыбушкино может быть модифицирован следующим образом:

(5.113) *DP / *NumP, если DP / NumP не имеет абстрактного падежа

Обсудим деривацию глагольной группы с дополнением, имеющим структуру NumP. В качестве реализации падежного фильтра будем использовать допущение, что не только DP, но и NumP обладает неозначенным признаком абстрактного падежа, как это представлено в (5.114a). NumP тем самым обладает означенными признаками лица (словарный признак вершины N), числа (признак, привносимый вершиной Num) и неозначенным признаком падежа.

NumP (в отличие от NP в (5.106)) имеет все признаки, необходимые вершине *v* для согласования. Благодаря этому вершина *v* получает возможность означить все свои φ-признаки и приобретает способность означить признак падежа у NumP. Это показано в (5.114b). Наконец, в (5.114c) означенные неинтерпретируемые признаки удаляются, что является залогом правильной семантической интерпретации.

(5.114) a. глагольная группа до согласования и приписывания падежа

$[_{vP}\ [_{VP}\ [_{NumP}$ kitaplar$]\ [_{V}$ ukɤj$]\ ]$ *v* $]$

Case: *u*	Person: *u*
Person: **3**	Number: *u*
Number: **pl**	

b. глагольная группа после согласования и приписывания падежа

$[_{vP}\ [_{VP}\ [_{NumP}$ kitaplar$]\ [_{V}$ ukɤj$]\ ]$ *v* $]$

Case: Acc	Person: 3
Person: **3**	Number: pl
Number: **pl**	

c. стирание неинтерпретируемых признаков перед семантической интерпретацией

$[_{vP}\ [_{VP}\ [_{NumP}$ kitaplar$]\ [_{V}$ ukɤj$]\ ]$ *v* $]$

~~Case: Acc~~	~~Person: 3~~
Person: **3**	~~Number: pl~~
Number: **pl**	

Остается объяснить отсутствие показателя падежа у такой NumP. Мы полагаем, что этот феномен имеет отношение к синтактико-морфологическому интерфейсу. Можно предположить, что абстрактный аккузатив по-разному реализуется на ИГ разной структуры:

на DP — как морфологический аккузатив, а на NumP — как морфологический номинатив. Неформально это интерфейсное правило представлено в (5.115).

(5.115) признак [Case: Acc] реализуется:
как [Mcase: ACC] / __DP
как [Mcase: NOM] / __NumP

Заметим, что аккузатив в любом случае демонстрирует неединообразное кодирование, не сводимое к фонологическим правилам: морфологический показатель аккузатива реализуется как *-n* после согласовательного показателя 3 лица (*kitab-ɤ-n* ‘его книгу’) и как *-nɤ* в остальных случаях (*kitap-nɤ* ‘книгу’, *tamčɤ-nɤ* ‘каплю’, *kitab-ɤm-nɤ* ‘мою книгу’). Следовательно, правило типа (5.115) не является единственным правилом, ставящим реализацию аккузатива в зависимость от структурных свойств именной группы.

Наш анализ предсказывает, что ИГ — прямые дополнения с показателем аккузатива в идиоме с. Рыбушкино представляют собой DP и обладают теми же свойствами, что и DP идиома с. Кутлушкино. Это способность к передвижению, возможность широкой сферы действия в отношении других операторов и кванторов, отсутствие числовой нейтральности. Прямые дополнения без показателя аккузатива представлены двумя структурными типами. NP в позиции прямого дополнения лишена абстрактного падежа и демонстрирует неспособность к скрэмблингу, узкую сферу действия и числовую нейтральность. Прямое дополнение, представляющее собой NumP, обладает абстрактным падежом. Из этого следует корреляция между отсутствием числовой нейтральности и способностью к открытому (при скрэмблинге) или скрытому (при подъеме квантора) передвижению.

Последний вопрос, который осталось обсудить, — это предсказания анализа применительно к оформлению каузируемого в каузативной конструкции. В Таблице 5.1 представлены засвидетельствованные в двух идиомах способы оформления каузируемого в каузативной конструкции на базе переходного глагола (см. также 3.1.2). Мы видим, что идиомы отличаются доступностью аккузативного кодирования каузируемого: в идиоме с. Кутлушкино каузируемый при переходном глаголе неизменно кодируется аблативом, вне зависимости от падежных свойств прямого дополнения. В идиоме с. Рыбушкино аккузативное кодирование каузируемого возможно в том случае, если в позиции прямого дополнения располагается NP.

Таблица 5.1. Падежное оформление в каузативной конструкции (переходный глагол)

Структурный тип прямого дополнения	Идиом с. Кутлушкино			Идиом с. Рыбушкино		
	морфологический падеж каузируемого	морфологический падеж прямого дополнения	абстрактный падеж прямого дополнения	морфологический падеж каузируемого	морфологический падеж прямого дополнения	абстрактный падеж прямого дополнения
DP	ABL	ACC	Acc	ABL	ACC	Acc
NumP	ABL	∅	–	ABL	NOM	Acc
NP	ABL	∅	–	ACC	∅	–

В рамках предложенного анализа обобщение о кодировании каузируемого в идиоме с. Рыбушкино можно сформулировать следующим образом: каузируемый оформляется аккузативом, если прямому дополнению не приписан абстрактный аккузатив. Это обобщение позволяет увязать аккузативное кодирование каузируемого со свойствами прямого дополнения: числовой нейтральностью, контактным расположением с глаголом, отсутствием широкой сферы действия и отсутствием показателя аккузатива.

Отличие двух идиомов в оформлении каузативной конструкции в таком случае сводится к следующему обобщению: в идиоме с. Кутлушкино выбор падежа каузируемого определяется только переходностью глагола; на этот выбор не влияет тот факт, был ли приписан абстрактный аккузатив. Иными словами, в этом идиоме важна сама доступность абстрактного аккузатива в синтаксической структуре (например, переходность вершины *v*). В идиоме с. Рыбушкино выбор падежа каузируемого основывается не на доступности, а на реализации абстрактного аккузатива: если абстрактный аккузатив не был реализован на прямом дополнении, он может быть приписан каузируемому.

5.2.4. Заключение

В этом разделе мы рассмотрели феномен вариативного кодирования прямого дополнения в двух говорах мишарского диалекта. Было показано, что в обоих говорах за вариативным кодированием стоят структурные альтернативы ИГ: именные группы максимальной структуры (DP) получают аккузативное кодирование, в то время как именные группы неполной структуры (NP в обоих идиомах, NumP в чистопольском говоре (с. Кутлушкино)) остаются немаркированными. Мы предположили, далее, что два содержательных класса неоформленных прямых дополнений в сергачском говоре (с. Рыбушкино) также различаются по структурным свойствам: NP остаются беспадежными, а NumP получают абстрактный аккузатив, который морфологически реализуется как номинатив.

Безусловно, предложенный анализ не может быть распространен на все типы вариативного маркирования объекта. В частности, он кажется едва ли применимым для DOM, ориентированного на одушевленность, коммуникативные характеристики ИГ-объекта, для мультифакторного DOM. В тех случаях, когда маркированные и немаркированные дополнения представляют собой позиционные альтернативы, равно применимы и стандартная падежная теория (с подъемом нуждающегося в падеже дополнения из глагольной группы), и конфигурационная теория конкуренции (морфологических) падежей. Тем не менее для таких типов DOM, когда маркированные и немаркированные ИГ не отличаются позиционно, но проявляют структурные различия, анализ с параметризацией падежного фильтра кажется оптимальным.

Если предложенный анализ верен, то он позволяет по-новому взглянуть на ряд проблем, связанных с грамматикой падежа.

Во-первых, предпринятое выше обсуждение намечает направление поисков ответа на вопрос о том, почему именно в позиции структурного (но не лексического) падежа наблюдается как симметричный, так и асимметричный DOM. Специфика структурных падежей состоит, по-видимому, в том, что для них не действует инвертированный падежный фильтр. Соответственно, структурный падеж может остаться неприписанным, если составляющая в аргументной позиции не активна для взаимодействия с функцио-

нальной вершиной, приписывающей падеж. Это может произойти в том случае, когда составляющая лишена падежного признака (например, представляет собой PP, CP или NP): при этом возникает асимметричный DOM, т.е. варьирование падежа и отсутствия падежа. С другой стороны, это возможно, если составляющая в аргументной позиции является субъектом падежного фильтра, но получает падеж из другого источника (например, генитив отрицания, партитив и т.п.): в таком случае возникает симметричный DOM, т.е. варьирование структурного и некоторого лексического падежа, лицензируемого триггером DOM. В первом приближении соотношение дихотомии структурных / лексических падежей и инвертированного падежного фильтра может быть сформулировано следующим образом: лексические вершины являются субъектами инвертированного падежного фильтра, в то время как функциональные вершины — нет.

Во-вторых, данные сергачского говора (идиом с. Рыбушкино) показывают, что между абстрактным и морфологическим падежом не всегда существует взаимнооднозначное соответствие. Если падеж (и управление) — это синтаксический феномен, то его морфологическая реализация может варьировать в зависимости от различных, в том числе структурных факторов. Таким образом, и сам поверхностно наблюдаемый феномен DOM может быть мотивирован на разных уровнях: и как падежное варьирование в синтаксисе (варьирование абстрактных падежей или наличие / отсутствие абстрактного падежа), и как падежное варьирование в морфологии (один и тот же абстрактный падеж, по-разному реализуемый морфологией для разных классов ИГ).

5.3. Конструкции со вспомогательными глаголами[21]

Тюркские конструкции со вспомогательными (сериальными) глаголами многократно описаны как в отечественной, так и в западной тюркологической литературе, см. среди прочих Гаджиев 2002, Ганиев 2003, Грунина 2002, Джанмавов 1967, Лютикова и др. 2006, Насилов 1989, Тазранова 2005, Текуев 1979, Тыбыкова 1966, Шлуинский 2006, 2009, Anderson 2004, Bacanli 2009, Rentzch 2006.

Конструкции со вспомогательными глаголами (далее — КВГ) состоят из двух частей: лексического глагола в форме деепричастия (в этом разделе мы ограничиваемся деепричастием на *-p*) и самого вспомогательного глагола, или сериализатора. Синтаксически КВГ отличает то, что в предикациях, в состав которых они входят, обе их части образуют единое целое: между ними нельзя разместить никакого материала, и они, как правило, занимают ту же позицию, что и простая глагольная форма, т.е. чаще всего находятся в конце клаузы.

Грамматическая семантика сериализаторов в различных тюркских языках описана достаточно детально, см., например, работы Anderson 2004, Rentzch 2006, Шлуинский 2006, 2009, Bacanli 2009, Гращенков 2012; при этом две работы, Шлуинский 2006 и Ганиев 2003, посвящены подробному исследованию сериальных значений именно в татарском языке и его диалектах.

[21] В этом разделе используется материал монографии Гращенков 2015.

В этом разделе основное внимание будет уделяться не значениям сериальных конструкций, а особенностям взаимодействия сериализатора и смыслового глагола. Наблюдаемых аспектов такого взаимодействия имеется два:

- Допустимо ли сочетание лексического глагола и сериализатора, и если нет, то почему?
- Если сочетание грамматично, как его значение отличается от значения предикации с одним лишь лексическим глаголом?

В сергачском говоре мишарского диалекта (с. Рыбушкино), на материал которого опирается этот раздел, представлен достаточно стандартный для тюркских языков список глаголов-сериализаторов. В (5.116) представлен список глаголов, которые в исследованном говоре регулярно употребляются в этом качестве:

(5.116) *ala* ‘брать’, *baga* ‘смотреть’, *birä* ‘давать’, *čɤga* ‘выходить’, *jata* ‘лежать’, *kala* ‘оставаться’, *kitä* ‘уходить’, *kuja* ‘ставить’, *tɤra* ‘стоять’, *tešä* ‘спускаться’, *ǯibärä* ‘отпускать, посылать’.

КВГ с *ala* и *birä* имеют бенефактивную функцию (‘для себя’ и ‘для кого-то’ соответственно), которая, впрочем, достаточно сильно вырождена в данном диалекте. Сериализатор *baga* используется в модальной функции и выражает попытку действия. Следующие глаголы регулярно используются для событийно-структурной и акциональной модификации: *ala* ‘брать’, *čɤga* ‘выходить’, *jata* ‘лежать’, *kitä* ‘уходить’, *kuja* ‘ставить’, *tɤra* ‘стоять’, *ǯibärä* ‘отпускать, посылать’. Наиболее употребительны среди них *ala* ‘брать’, *čɤga* ‘выходить’, *tɤra* ‘стоять’, *ǯibärä* ‘отпускать, посылать’. Список директивных (направительных) сериализаторов ограничен глаголом *tešä* ‘спускаться’.

5.3.1. Ограничения на взаимодействие сериального и лексического глаголов

5.3.1.1. Возможные подходы к анализу КВГ

Традиционно подходы к синтаксису образований, подобных тюркским КВГ, строятся вокруг моно- или биклаузальности и связанного с этим эффекта реструктурирования. Феномен реструктурирования был впервые подробно описан в Rizzi 1978. Он состоит в том, что при образовании конструкций с некоторыми глаголами, передающими модальные, аспектуальные и другие значения, нарушаются границы вложенной предикации. А именно: некоторые явления, относящиеся к вложенной клаузе, наблюдаются в матричной клаузе. Для итальянского языка, например, засвидетельствовано так называемое «выползание» (climbing) клитик из зависимой (инфинитивной) клаузы, происходящее с одними матричными глаголами и запрещенное с другими:

(5.117) a. Lo volevo [vedere t subito]
его хотел видеть немедленно
Я хотел увидеть его немедленно. (Cinque 2004)

b. *Lo detesto [vedere t in quello stato]
его ненавижу видеть в таком состоянии
Ненавижу наблюдать его в таком состоянии. (Cinque 2004)

Круг проблем, обсуждаемый в связи с реструктурированием, включает, как правило, все грамматические явления, связанные с локальностью / независимостью простой предикации: залоговые преобразования, сферу действия кванторов и отрицания, связывание, скрэмблинг, самостоятельную временную референцию, эффекты переезда и т.д.

Можно выделить следующие основные подходы к феномену реструктурирования. Г. Чинкве (Cinque 2004) предлагает радикальный моноклаузальный анализ: все модальные, фазовые, аспектуальные и др. глаголы, присоединяющие инфинитивы и другие нефинитные формы, занимают позицию некоторой функциональной вершины в структуре клаузы, проецируемой смысловым глаголом. При таком подходе «прозрачность» границ вставленной предикации следует автоматически, т.к. никаких границ предикации как таковых, собственно, не наблюдается.

Данный анализ вытекает из предложенного Рицци и Чинкве так называемого картографического подхода к синтаксису. Согласно картографической парадигме, все языки располагают универсальным набором функциональных проекций, упорядоченных определенным образом, см., например, Cinque 2004.

Мы не будем останавливаться на разборе явлений других языков, не укладывающихся в моноклаузальный подход к реструктурированию, приведем лишь один пример из мишарского диалекта.

В мишарском диалекте, как и в тюркских языках, КВГ маркер отрицания может располагаться как на финитном, так и на вспомогательном глаголе, при этом различное расположение приводит к различиям в интерпретации:

(5.118) a. urman **čer-e-m-i-čä** **tʏr-dʏ**.
дерево **гнить-ST-NEG-ST-CONV** **стоять-PST**
*Дерево **некоторое время не гнило**.*

b. urman **čer-e-p** **tʏr-m-a-dʏ**.
дерево **гнить-ST-CONV** **стоять-NEG-ST-PST**
*Дерево **недолго гнило*** {т.е. не успело загнить}.

Из этих примеров следует, что позиций для отрицания существует как минимум две. Однако в отсутствие сериального глагола простая предикация может оформляться лишь одним показателем отрицания:

(5.119) a. *urman **čer-e-m-ä-m-ä-de**.
дерево **гнить-ST-NEG-ST-NEG-ST-PST**
Дерево не сгнило. {a=b}

b. urman **čer-e-m-ä-de**.
дерево **гнить-ST-NEG-ST-PST**

Такая асимметрия структур со вспомогательными глаголами и без необъяснима в духе подхода Чинкве. Альтернативный анализ, предложенный и разработанный С. Вурмбранд для инфинитивных клауз, предполагает существование как реструктурирующих, так и нереструктурирующих инфинитивов, причем среди первых выделяются также лексические реструктурирующие и функциональные реструктурирующие глаголы, см. Wurmbrand 2001, 2004.

Нереструктурирующие инфинитивы в отличие от реструктурирующих допускают наличие собственного подлежащного PRO и в целом сохраняют структуру независимой предикации. Подобное поведение далеко от того, что мы наблюдаем в тюркских КВГ: как минимум часть «функциональной работы» (например, лицензирование подлежащего) явно выполняет проекция вспомогательного глагола.

Функциональные реструктурирующие инфинитивы предполагают подход в духе Чинкве: их матричный предикат занимает некоторую функциональную проекцию в верхней части клаузы. Лексические реструктурирующие инфинитивы также способны образовывать пассив, маркируя залоговым показателем матричный предикат:

(5.120) dass der Lastwagen und der Traktor zu reparieren
что DEF-NOM грузовик и DEF-NOM трактор INF чинить

versucht wurden
стараться AUX.PASS.PST

что они старались починить грузовик и трактор (Wurmbrand 2004)

Отличие матричных глаголов при лексическом реструктурировании в том, что они присоединяются существенно ниже в структуре клаузы, чем функциональные. Таким образом, лексические реструктурирующие глаголы получают возможность выполнять часть работы по лексической сочетаемости: в частности, они оказываются ответственны за тематическое маркирование. Неграмматичность следующего немецкого примера связана с тем, что глагол *versuchte* должен присваивать собственную семантическую роль некоторому одушевленному участнику, вследствие чего он не позволяет подъем вставленного неодушевленного прямого объекта в подлежащную позицию при пассивизации:

(5.121) * Der Kuchen versuchte gegessen zu werden
DEF пирог старался съеден INF AUX.PASS

Пирог старался быть съеденным. (Wurmbrand 2004)

Похожего эффекта, однако, не наблюдается в мишарском диалекте:

(5.122) kišer **arč-ɤ-l-ɤ-p** **bak-kan**.[22]
морковь **чистить-ST-PASS-ST-CONV** **смотреть-PFCT**

*Морковь **попробовали почистить*** [= Морковь попробовала почиститься].

Глагол *baga* ‘видеть’, будучи употреблен как лексический, также требует одушевленного участника, однако конфликта семантических ролей в данном случае не наблюдается. Как представляется, причина здесь в том, что татарский сериализатор *baga*, в отличие от немецкого глагола *versuchte*, не приписывает семантической роли. Он лишь содержит признак [+контроль], который предполагает выбор сознательного агенса, не получившего фонологического выражения в данном примере.

[22] Интерпретация КВГ с глаголом *baga* ‘смотреть’, представленная в этом примере, продуктивна в сергачском говоре (идиом с. Рыбушкино). Носители других говоров находят многие примеры такого рода неестественными. Дальнейшее описание опирается на интуицию тех носителей, которые рассматривают эту конструкцию как полностью приемлимую.

Предлагаемый в данной работе подход к структуре КВГ также подразумевает моноклаузальный, т.е. реструктурирующий, анализ. Главное отличие нашего подхода от функционального анализа в духе Чинкве состоит в том, что «сумма слагаемых» двух функциональных структур, складывающаяся из структуры, проецируемой сериальным глаголом, и структуры, проецируемой смысловым глаголом, не равна структуре простой предикации. Отличие от подхода à la Вурмбранд состоит в том, что, согласно нашему анализу, тюркские сериализаторы, обладая некоторыми свойствами, характерными для лексических узлов, лишены в то же время наиболее существенных свойств лексических проекций, а именно — способности проецировать собственную аргументную структуру[23].

Главные отличительные особенности нашего подхода к реструктурированию и грамматикализации вспомогательных глаголов таковы:

- обращение с сериальными глаголами как с функциональными проекциями;
- композициональность синтаксической структуры в КВГ;
- сохранение за вспомогательными глаголами некоторой части лексических свойств, определяющих, например, их сочетаемость с глагольной морфологией.

Структура предикации с КВГ, с нашей точки зрения, представляет собой единую предикацию, которая составлена из двух «недопредикаций»: проекции лексического глагола в нижней части структуры и проекции сериализатора — в верхней. Из-за того, что сериализатор сохраняет некоторые свойства обычных глаголов (например, способность сочетаться с деривационной и другой морфологией), такая «синтаксическая сумма» получается больше (и сложнее) чем обычная простая предикация.

В следующих разделах будет описана модель, в рамках которой мы предполагаем анализировать исследованные нами свойства глагольных групп мишарского диалекта. Данная модель основывается на стандартных представлениях о структуре предикации и глагольной группы, принятых в современной порождающей грамматике, подробнее об этом см. 5.3.1.2 и 5.3.1.3.

5.3.1.2. КВГ и композициональность синтаксической структуры клаузы

Ограничения на сочетаемость и интерпретацию КВГ в общем случае являются функцией следующих трех компонентов:

- исходной аргументной структуры глагола;
- типа присоединяемого морфологического показателя (например, пассив, первый каузатив, второй каузатив и т.д.);
- типа сериализатора.

В этом разделе мы обсудим последний элемент этого списка — ту часть предлагаемой нами структуры КВГ, которая имеет отношение к сериализатору.

[23] Исключение — аппликативные вершины со значением ‘сделать для кого-то’ (глагол *birä* ‘давать’) и ‘сделать для себя’ (глагол *ala* ‘брать’). Эти глаголы, однако, также лишены таких свойств лексических вершин, как избирательная сочетаемость с наречиями и т.п. — они фактически аналогичны каузативным и пассивным показателям (с точностью до типа вставляемого аргумента).

Сериальные глаголы принимают всю морфологию, доступную глаголам, возглавляющим простую предикацию, и располагаются, таким образом, на определенном уровне синтаксической проекции клаузы. Рассмотрим следующий пример:

(5.123) marat išek-ne **ač-ɤ-p** **kuj-dɤ**.
Марат дверь-ACC **открывать-ST-CONV** **ставить-PST**
*Марат **вдруг открыл** дверь.*

Традиционно считается, что в зависимости от значения грамматические показатели вставляются в деривацию на разных участках предикации, ограничивая количество структуры, которое может находиться под ними. В (5.123) сериальный глагол *kuja* выполняет функцию событийно-структурной модификации и предположительно присоединяется на некотором уровне функциональной структуры за пределами глагольной группы:

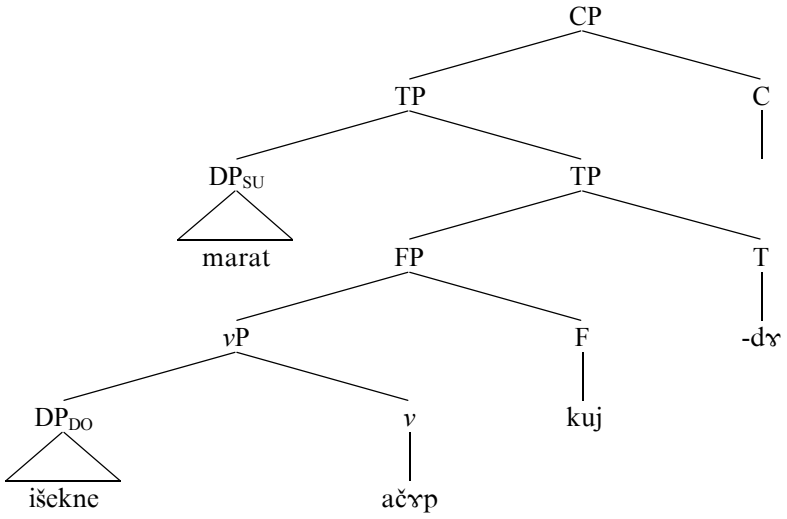

Схема 5.1. Структура предложения с сериализованным глаголом

Сверху сериализатору доступна вся функциональная структура вплоть до CP. Например, он может выражать отрицание и другие глагольные значения, локализованные между *v*P и CP[24]:

[24] Схемы 5.1-5.2 различаются узлом, отвечающим за выражение отрицания. При их сравнении возникает вопрос, имеется ли он в первом из деревьев, там, где он не выражен. Есть два принципиальных подхода к представлению функциональных проекций. Согласно одному из них, вся функциональная структура, доступная в данном языке, представлена в любой его клаузе всегда, а в случае отсутствия соответствующих граммем остается фонологически невыраженной. Другой предполагает, что релевантные показатели попадают в синтаксис только при формальном выражении признаков. Наши выводы не будут зависеть от этого выбора, но для конкретности мы примем второй подход.

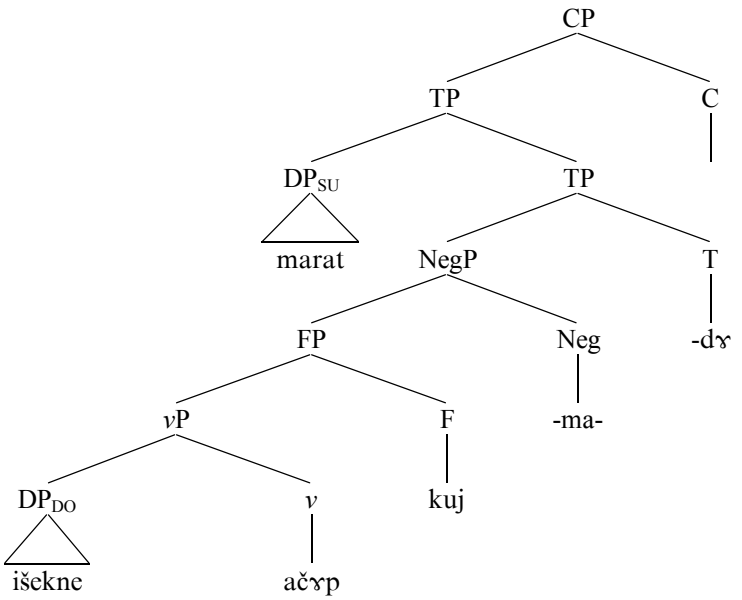

Схема 5.2. Присоединение отрицания

Эту верхнюю часть структуры ограничивает снизу сам сериализатор, который, в зависимости от своей грамматической семантики, присоединяется на том или ином уровне проекции. Наш анализ в данном случае напоминает анализ для функционального реструктурирования у Вурмбранд и Чинкве с одним уточнением.

Мы предлагаем рассматривать вспомогательные глаголы и как функциональные, и как лексические вершины одновременно. Тюркские сериализаторы потеряли значительную часть свойств обычных лексических проекций. Они не могут проецировать аргументную структуру и проявлять (исходные, присущие им в несериальном употреблении) селективные ограничения при выборе сирконстантов. В отличие, например, от немецких реструктурирующих предикатов, тюркские сериализаторы, образованные от переходных глаголов, не могут приписывать аккузатив объекту смыслового глагола. Это видно из сравнения (5.124) и (5.125):

(5.124) weil er den Traktor versucht hat [zu reparieren]
так.как он DEF.ACC трактор старался AUX INF чинить
так как он старался починить трактор (Bobaljik, Wurmbrand 2005)

(5.125) * kišer-ne **arč-ɤ-l-ɤ-p** **bak-kan**.
морковь-ACC **чистить-ST-PASS-ST-CONV** **смотреть-PFCT**
Морковь ***попробовали почистить***.

В то же время вспомогательные глаголы определенно сохранили некоторые свойства лексических проекций, что в первую очередь следует из их способности присоединять все доступные в данной предикации деривационные морфемы, как будет показано далее в 5.3.2.2 и 5.3.2.3. Можно привести и другие примеры остаточных лексических

свойств у вспомогательных глаголов. Прежде всего, это связь исходной лексической и результирующей грамматической семантики: например, аппликативное значение ‘для себя’ задается глаголом ‘брать’, а ‘для кого-то’ — глаголом ‘давать’. Некоторые сериализаторы, образованные от переходных глаголов, предпочитают сочетаться с переходными смысловыми глаголами. В киргизском языке, например, так обстоит дело с глаголом *ташта* ‘бросать’ (Юдахин 1985). В том же киргизском языке существует два сериальных глагола с близким грамматическим значением, *кет* ‘уходить’ и *кал* ‘оставаться’. Оба они передают семантику, близкую к результативной, однако, например, с глаголами поглощения пищи *ич* ‘пить’ и *же* ‘есть’ (пищу) чаще употребляется *кет*, но не *кал* (‘съесть || выпить, так чтобы исчезло, ушло’)[25].

Столь «капризное» поведение нехарактерно для полноценных грамматических показателей, обязательным свойством которых является регулярность и неизбирательность лексической сочетаемости. Причина подобных остаточных сочетаемостных свойств сериализаторов состоит, по-видимому, в том, что они находятся в процессе перехода от лексического к грамматическому значению.

Подобную частичную грамматикализацию можно сформулировать в терминах синтаксической структуры, прибегнув к теории лексической декомпозиции в духе Ramchand 2008. Если исходить из того, что лексическое значение обычного глагола представимо как сумма некоторых (не имеющих самостоятельного фонологического выражения) атомарных синтаксических проекций, можно предположить, что в случае сериализаторов основная часть этой лексической структуры выветрилась — произошел, так сказать, «распад лексического ядра». Новообразованные вспомогательные глаголы, тем не менее, все же сохранили некоторое незначительное количество структуры исходных лексических единиц, благодаря чему мы и наблюдаем все перечисленные выше свойства, в первую очередь — способность принимать деривационную морфологию.

Сказанное может быть представлено в виде дерева на Схеме 5.3.

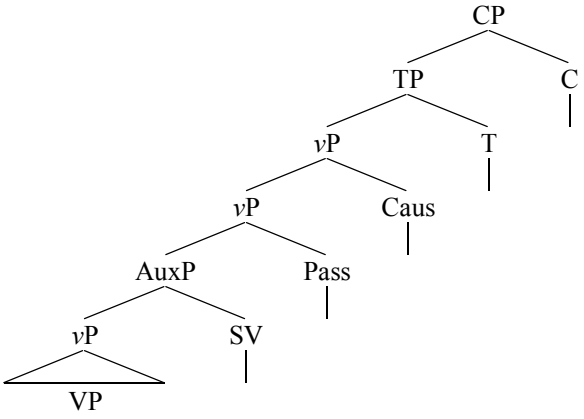

Схема 5.3. Структура сериализаторов

[25] Последнее наблюдение принадлежит С.Г. Татевосову.

SV здесь соответствует сериальному глаголу, непосредственно над которым доминируют разные уровни деривационной морфологии, и далее — другие функциональные проекции, необходимые в простой предикации.

Итак, мы описали ту область простой предикации, которая надстраивается над сериальным глаголом. Та часть предикации, которая располагается под сериализатором, строится вокруг лексического глагола. В зависимости от его аргументной структуры, а также принимаемой им морфологии количество функционального материала на промежутке от лексической основы до вспомогательного глагола может варьировать. Как именно функциональная структура «ограничивается снизу», обсуждается в следующем разделе.

5.3.1.3. *v*P

Значительное количество явлений, обсуждающихся в рамках современных синтаксических теорий, связано с уровнем проекции так называемого легкого глагола, *v*P. Идея существования *v*P была сформулирована на рубеже 80-х и 90-х гг., когда несколько синтаксистов практически одновременно предложили ряд гипотез, уточняющих вклад глагольной группы в синтаксис и семантику простой предикации. Р. Ларсон (Larson 1988) высказал идею о так называемой «расщепленной» глагольной группе: чтобы объяснить взаимодействие прямого и косвенного объектов, оказалось необходимо ввести дополнительный уровень проекции внутри VP.

Примерно в то же время Х. Купман и Д. Спортиш (Koopman, Sportische 1991), опираясь на Kitagawa 1986 и Kuroda 1988, где анализируется синтаксис японской простой предикации, сформулировали так называемую гипотезу о порождении подлежащего внутри VP (VP-internal subject hypothesis).

Таким образом, внутренняя структура глагольной группы усложнилась, и на нее была возложена ответственность за попадание в синтаксическую проекцию всех глагольных аргументов.

Примерно тогда же, в конце 80-х годов, было сделано знаменитое «обобщение Бурцио» (Burzio 1986):

(5.126) Обобщение Бурцио:
Глагол может присваивать аккузатив своему внутреннему аргументу, только если у него есть внешний аргумент.

Эта достаточно загадочная связь между выражением двух различных участников аргументной структуры и оказалась концептуализирована в идее легкого, или малого глагола *v*. Именно функциональная проекция легкого глагола, доминирующая над остальной глагольной группой, отвечает как за вставление в синтаксис внешнего (агентивного, каузирующего) участника, так и за присваивание структурного аккузатива внутреннему (тематическому, пациентивному) участнику.

Приведем пример из мишарского диалекта:

(5.127) bala **jɤkl-a-dɤ.**
ребенок **спать-ST-PST**
Ребенок ***спал****.*

(5.128) äni išek-ne **ač-tɤ.**
мать дверь-ACC **открывать-PST**
*Мать **открыла** дверь.*

У глагола *спать* имеется лишь один (внутренний) актант, который не может маркироваться аккузативом и получает показатель номинатива. Поскольку у переходного глагола ‘открывать’ внешний актант есть (это каузатор ‘мать’), его внутренний актант ‘дверь’ получает показатель аккузатива. Таким образом, приписывание падежа для внутреннего актанта зависит от лексической структуры, подразумевающей внешний актант. За оба эти явления ответственен легкий глагол *v*: у переходных глаголов он создает позицию для внешнего участника и одновременно приписывает аккузатив внутреннему; у непереходных глаголов *v* лишен обоих этих свойств.

Если трансформировать оба исходных глагола при помощи деривационной морфологии, ситуация меняется:

(5.129) išek **ač-ɤ-l-dɤ.**
дверь **открывать-ST-PASS-PST**
*Дверь **открылась**.*

(5.130) äni bala-nɤ **jɤkl-a-t-tɤ.**
мать ребенок-ACC **спать-ST-CAUS-PST**
*Мать **уложила** ребенка **спать**.*

В результате присоединения маркера пассива переходный глагол одновременно лишается возможности задавать внешний каузирующий аргумент и маркировать внутреннего участника аккузативом. В случае присоединения каузативного маркера к исходно непереходному глаголу, напротив, обе эти возможности одновременно появляются.

Последние два примера показывают также, что деривационная (пассивная и каузативная) морфология выполняет ту же функцию, что и часть лексической структуры, ответственной за (не)переходность аргумента. Таким образом, деривационная глагольная морфология также традиционно ассоциируется с легким глаголом *v*.

Возвращаясь к тюркским КВГ, заметим, что именно уровнем проекции легкого глагола *v* оказывается «ограничена снизу» синтаксическая структура, доступная на промежутке между лексической основой смыслового глагола и основой вспомогательного глагола.

Такая же логика применялась в работах Bobaljik, Wurmbrand 2005, Wurmbrand 2004 для объяснения свойств лексических реструктурирующих инфинитивов.

Как можно видеть, структуры, предлагаемые С. Вурмбранд для функционального (слева) и лексического (справа) реструктурирования, различаются как минимум двумя существенными свойствами:

- матричные глаголы при функциональном реструктурировании занимают отдельную функциональную проекцию, а при лексическом — проецируют обычную глагольную группу;
- при функциональном реструктурировании проекция матричного глагола присоединяется на уровне *v*P, а при лексическом — на уровне VP, т.е. глагольной группы, лишенной малого *v*.

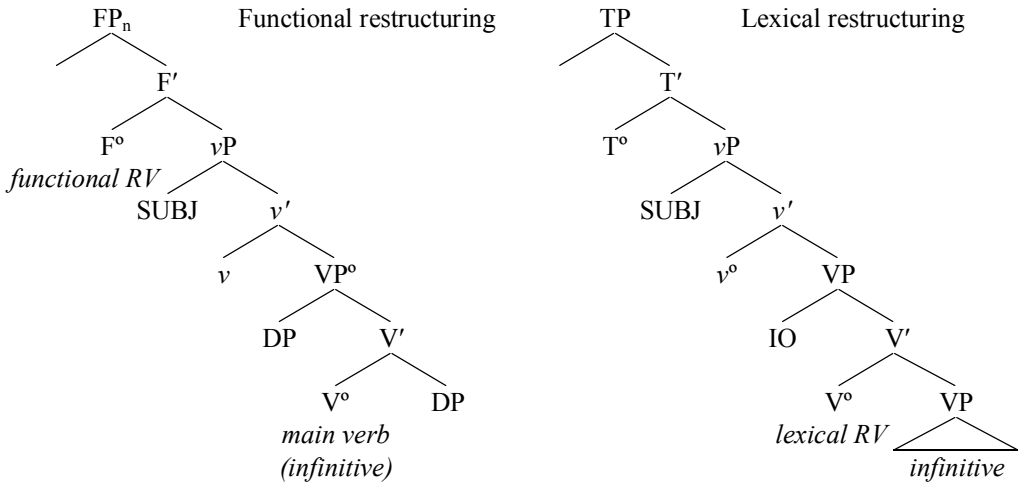

Схема 5.4. Функциональное и лексическое реструктурирование по Wurmbrand 2004

Подытожим: состав синтаксических проекций в зоне от лексического глагола до сериализатора определяется аргументной структурой лексического глагола и деривационной морфологией, которую он присоединяет, или, иными словами, — наполнением проекции малого *v*. Соответственно, способность глагольной группы сочетаться с тем или иным вспомогательным глаголом и интерпретация таких сочетаний в случае их грамматичности зависят от того, что включает в себя данная *v*P и какова грамматическая семантика (= синтаксическая позиция) сериализатора.

5.3.2. Структура КВГ

Этот раздел представляет собой исследование структуры мишарских КВГ. Ниже рассматривается взаимодействие КВГ с отрицанием и двумя актантными деривациями: понижающей (пассивом) и повышающей (каузативом).

5.3.2.1. Сочетаемость с показателем отрицания

5.3.2.1.1. Дистрибуция показателя отрицания. Показателем отрицания в КВГ может маркироваться как смысловой, так и вспомогательный глагол. При маркировании смыслового глагола основным вариантом кодирования является отрицательный деепричастный показатель *-mɤjča*, см. 1.2.1.4, а также ТГ 1993: 98. В сергачском говоре (с. Рыбушкино), однако, наряду с данным показателем представлена аналогическая форма отрицания *-map*:

(5.131) a. min su-nɤ **kajnat-m-a-p** **bak-tɤ-m**.
я вода-ACC **кипятить-NEG-ST-CONV** **смотреть-PST-1SG**
*Я не **кипятил** воду.* {a=b}

b. min su-nɤ **kajnat-m-ɤj-ča** **bak-tɤ-m.**
я вода-ACC **кипятить-NEG-ST-CONV** **смотреть-PST-1SG**

В интерпретации *-ma-p* и *-mɤjča* различий не обнаружено, и при описании свойств отрицания мы будем в дальшейшем использовать предложения с *-mɤjča*.

Большая часть нашего материала относится к глаголу *baga* ‘смотреть’ и его лексическому аналогу *kara*, а также *čɤga* ‘выходить’, *tɤra* ‘стоять’ и семантически близкому к нему *jata* ‘лежать’. В этом разделе мы ограничимся описанием дистрибуции перечисленных сериализаторов; поведение остальных аналогично одному из них.

Согласно ТГ 1993: 97-99, «в составных глаголах типа *каушап төшү* ‘растеряться’ формант *-ма / -мә* присоединяется ко второй части лексемы — к модифицирующему глаголу (*каушап төш + мә*)». По нашим данным, это, однако, выполняется не для всех вспомогательных глаголов.

Для *baga* ‘смотреть’, *kara* ‘смотреть’, *tɤra* ‘стоять’ и *jata* ‘лежать’ возможно расположение отрицания как на смысловом, так и на лексическом глаголе:

(5.132) a. malaj **jɤkl-a-m-ɤj-ča** **tɤr-dɤ**.
мальчик **спать-ST-NEG-ST-CONV** **спать-PST**
*Мальчик не **спал**.* {a=b}

b. malaj **jɤkl-a-p** **tɤr-m-a-dɤ**.
мальчик **спать-ST-CONV** **спать-NEG-ST-PST**

Для *čɤga* картина представляется несколько более сложной, см. подробнее следующий раздел.

Возможно также одновременное маркирование смыслового и вспомогательного глаголов:

(5.133) urman **cer-e-m-i-čä** **tɤr-m-a-dɤ**.
дерево **гнить-ST-NEG-ST-CONV** **стоять-NEG-ST-PST**
*Дерево **все равно начало гнить**.*

(5.134) malaj **siker-m-i-čä** **tɤr-m-a-dɤ.**
ребенок **прыгать-NEG-ST-CONV** **стоять-NEG-ST-PST**
*Ребенок **прыгает, не переставая**.*

Как можно видеть, отрицание на обоих предикатах имеет регулярную интерпретацию. (5.133) и (5.134) представляют собой двойное отрицание (≈ ‘дерево, не гния, не встало’, ‘ребенок не стоит, не прыгая’), которое создает утвердительное прочтение с дополнительными смысловыми оттенками.

Семантика отрицания при двойном показателе нивелируется во всех известных нам примерах, подобное поведение не зависит ни от лексического типа глагола, ни от сериализатора. Похожий эффект наблюдается и в других тюркских языках, ср., например, киргизский (Юдахин 1985):

(5.135) a. кел-бе-й кой-бо-й-т
приходить-NEG-IPFV ставить-NEG-IPFV-3SG
Он обязательно придёт.

b. ал-ба-й кой-бо-й-т
брать-NEG-IPFV ставить-NEG-IPFV-3SG
Он обязательно возьмёт.

Данный факт, как представляется, свидетельствует о том, что и у смыслового, и у вспомогательного глагола существует собственная позиция для маркера отрицания. Композиция двух показателей, таким образом, приводит к двойному отрицанию и ожидаемым интерпретационным эффектам.

5.3.2.1.2. Значение показателя отрицания. Различие в интерпретации отрицательного показателя при расположении на лексическом vs. сериальном глаголе можно увидеть с помощью непредельных предикатов. Оно определяется тем, обладает ли отрицательная пропозиция свойством подынтервала. Для предложений типа (5.136) логически возможны два прочтения в (5.137):

(5.136) pič tenä buj-ɤ **jan-m-ɤj-ča** **tɤr-dɤ**.
печь ночь длина-3 **гореть-NEG-ST-CONV** **стоять-PST**

*1. Печь **не горела** всю ночь.*
*2. *Печь **горела не** всю ночь.*

(5.137) a. Для любого подынтервала фокусного интервала неверно, что имеет место *p*.
b. Неверно, что для любого подынтервала фокусного интервала имеет место *p*.

(5.137a) соответствует возможной интерпретации (5.136), а (5.137b) — невозможной. (5.137a) и (5.137b) различаются взаиморасположением квантора всеобщности, отвечающего за свойство подынтервала, и логического отрицания. Соответственно, интерпретацию (5.137a), где отрицание интерпретируется внутри сферы действия (СД) квантора всеобщности, мы будем называть интерпретацией с узкой СД. Интерпретацию в (5.137b), когда отрицание находится за пределами СД квантора всеобщности, обозначим как интерпретацию с широкой СД.

В (5.136) отрицанием оформляется смысловой глагол, и СД отрицания — узкая. Напротив, в тех случаях, когда отрицанием оформляется вспомогательный глагол, единственно возможна широкая СД:

(5.138) pič tenä buj-ɤ **jan-ɤ-p** **tɤr-m-a-dɤ**.
печь ночь длина-3 **гореть-ST-CONV** **стоять-NEG-ST-PST**

*1. *Печь **не горела** всю ночь.*
*2. Печь **горела не** всю ночь.*

По нашим наблюдениям, подобное распределение функций показателя отрицания достаточно устойчиво: если он находится на смысловом глаголе, то обладает лишь узкой СД, а если на вспомогательном — только широкой[26]. Приведем еще примеры с глаголом *baga* ‘смотреть’:

[26] Нельзя исключить, что недоступность интерпретации (5.138.1) с узкой СД отрицания — результат действия известных прагматических принципов. Возможно, что (5.138) означает лишь ‘неверно, что печь горела всю ночь’, что совместимо с обоими сценариями:

(i) a. ‘всю ночь печь не горела’
b. ‘печь горела не всю ночь’

Однако первое из этих значений однозначно кодируется предложением (5.136), а значит, выбор в пользу менее информативного (5.138) свидетельствует о том, что говорящий не имел в виду сообщить (ia). Слушающий заключает, соответственно, что имеет место (ib).

(5.139) kʏčʏk **siker-m-i-čä** **bak-tʏ**.
собака **прыгать-NEG-ST-CONV** **смотреть-PST**
*1. Собака **попробовала не прыгнуть*** {ПК: хотя ей велели прыгать}.
*2. *Собака **не попробовала прыгнуть**.*

(5.140) kʏčʏk **siker-e-p** **bak-m-a-dʏ**.
собака **прыгать-ST-CONV** **смотреть-NEG-ST-PST**
*1. *Собака **попробовала** не **прыгнуть*** {ПК: хотя ей велели прыгать}.
*2. Собака **не попробовала прыгнуть**.*

В (5.139), когда отрицание находится на лексическом глаголе, исходное предложение интерпретируется как ‘попытка не сделать P’: логически отрицание располагается под тем компонентом значения, которое привносится сериальным глаголом. В (5.140) показателем отрицания оформляется вспомогательный глагол, и значение ‘пытаться’ уже находится внутри отрицания. Это в точности то же соотношение значений, что и в случае с *tʏra* ‘стоять’.

Несколько более сложно организованы конструкции со вспомогательным глаголом *čʏga* ‘входить’. Главное их отличие в том, что в ряде случаев отрицание на смысловом глаголе неграмматично:

(5.141) a. *alma **čer-e-m-i-čä** **čʏk-tʏ**.
яблоко **гнить-ST-NEG-ST-CONV** **выходить-PST**
*Яблоко **не сгнило**.* {a=b}

b. alma **čer-e-p** **čʏk-m-a-dʏ**.
яблоко **гнить-ST-CONV** **выходить-NEG-ST-PST**

Но те случаи, где возможны два варианта расположения (их около половины), демонстрируют схожую семантическую дистрибуцию. Если отрицание размещается на смысловом глаголе, как в (5.142a), в его сферу действия входит способ перемещения (‘с помощью прыжка’); сам факт перемещения не отрицается. Это узкая СД. В (5.142b) СД отрицания шире: единственное прочтение этого предложения — ‘перемещение через забор не имело места’, ни прыжком, ни каким бы то ни было иным способом.

(5.142) a. marat zabʏr aša **siker-m-i-čä** **čʏk-tʏ**.
Марат забор через **прыгать-NEG-ST-CONV** **выходить-PST**
*Марат через забор **не прыгал**.* {ПК: Он кое-как с трудом перелез.}

b. marat zabʏr aša **siker-e-p** **čʏk-m-a-dʏ**.
Марат забор через **прыгать-ST-CONV** **выходить-NEG-ST-PST**
*Марат **не прыгал** через забор.* {ПК: Он постоял перед ним и пошел обратно.}

5.3.2.1.3. Позиция показателя отрицания в структуре КВГ. Данные, представленные выше, позволяют сделать два обобщения. Во-первых, глаголы в составе КВГ имеют каждый свою независимую позицию отрицания. Во-вторых, сфера действия отрицания коррелирует с его позицией: отрицание на лексическом глаголе имеет широкую сферу действия по отношению к значению сериализатора, а отрицание на матричном глаголе — узкую.

Это позволяет сделать вывод, что отрицание в составе КВГ присоединяется в своей собственной фразовой проекции NegP, причем у обоих глаголов эта проекция сохраняется.

5.3.2.2. Пассивизация

5.3.2.2.1. Типы пассивных значений. Пассив образуется при помощи показателя *-l* или его алломорфа *-n*, см. 1.2.1.11, а также ТГ 1993: стр. 173-174).

Основные интерпретации пассивного показателя подробно охарактеризованы в 3.1.3. Это собственно пассив, декаузатив, имперсональный пассив, потенциальный пассив и медиальный пассив. Для наших целей представляется существенным противопоставление пассива в узком смысле всем остальным конструкциям с показателем *-l*, которые мы в пределах этого раздела будем называть несобственно пассивными.

Собственно пассивное значение характеризуется двумя основными особенностями:

- каузирующий участник не устраняется из пассивной конфигурации (хотя оказывается фонологически выраженным достаточно редко);
- эпизодичское прочтение описываемой ситуации представляется предпочтительным:

(5.143) xat **jaz-ɤ-l-dɤ.**
письмо **писать-ST-PASS-PST**
*Письмо **написали**.*

Собственно пассивное значение засвидетельствовано, прежде всего, для переходных глаголов, у которых внутренний аргумент, занимающий в исходной диатезе позицию прямого объекта, продвигается в позицию подлежащего.

Несобственно пассивные значения допустимы как для пациентивного участника переходных глаголов, так и для единственного участника неаккузативных глаголов, как в (5.144). В некоторых случаях оказываются допустимы несобственно пассивные употребления морфемы *-l* и в сочетании с неэргативными глаголами. Одна такая возможность показана в (5.145):

(5.144) alma **čer-e-l-de**.
яблоко **гнить-ST-PASS-PST**
*Яблоки **хорошо гниют** (в сырости).*

(5.145) min **jez-ä-l-de-m**.
я **плавать-ST-PASS-PST-1SG**
*Я **смог плавать**.*

В (5.145) присутствует модальный компонент, соответствующий так называемому фасилитативному значению. (5.144) имеет генерическое прочтение и является описанием свойств единственного участника ситуации; в употреблениях такого типа также представлена модальность, которая благоприятствует сочетаемости с наречиями (‘много’, ‘хорошо’, ‘легко’ и т.д.). Каузатор в этом случае не только не выражен, но и не подразумевается. (В других говорах такие примеры интепретируются как каузальный пассив.)

5.3.2.2.2. Расположение пассивного показателя в КВГ. Показатель пассива может располагаться на лексическом глаголе, на сериальном глаголе, а также на обоих. Эта возможность, по-видимому, доступна для всех значений пассивного показателя. В (5.146) иллюстрируется собственно пассивное значение, в (5.147)-(5.148) — декаузативное:

(5.146) a. su **kajnat-ɤ-l-ɤ-p** **tɤr-dɤ**.
вода **кипятить-ST-PASS-ST-CONV** **стоять-PST**
*Воду **кипятили**.* {a=b=c}

b. su **kajnat-ɤ-p** **tɤr-ɤ-l-dɤ**.
вода **кипятить-ST-CONV** **стоять-ST-PASS-PST**

c. su **kajnat-ɤ-l-ɤ-p** **tɤr-ɤ-l-dɤ**.
вода **кипятить-ST-PASS-ST-CONV** **стоять-ST-PASS-PST**

(5.147) a. terez **ač-ɤ-l-ɤ-p** **kit-te.**
окно **открывать-ST-PASS-ST-CONV** **уходить-PST**
*Окно **открылось**.*

b. terez **ač-ɤ-p** **kit-e-l-de**.
окно **открывать-ST-CONV** **уходить-ST-PASS-PST**
*У окна, наконец, **получилось открыться**.* {b=c}

c. terez **ač-ɤ-l-ɤ-p** **kit-e-l-de**.
окно **открывать-ST-*PASS*-ST-CONV** **уходить-ST-PASS-PST**

(5.148) a. išek **ač-ɤ-l-ɤ-p** **al-dɤ.**
дверь **открывать-ST-PASS-ST-CONV** **брать-PST**
*Дверь **ненадолго открылась**.*

b. išek **ač-ɤ-p** **al-ɤ-n-dɤ**.
дверь **открывать-ST-CONV** **брать-PASS-PST**
*У двери **получилось открыться**.* {b=c}

c. išek **ač-ɤ-l-ɤ-p** **al-ɤ-n-dɤ**.
дверь **открывать-ST-PASS-ST-CONV** **брать-ST-PASS-PST**

Среди прочего, эти примеры показывают, что интерпретации КВГ с пассивом только на сериализаторе либо на обеих глагольных формах, как правило, совпадают.

5.3.2.2.3. Способы выражения собственно пассивного значения в КВГ. В ходе исследования мы проверили возможность образования пассивных значений для 12 вспомогательных глаголов, которые комбинировались как с переходными, так и с разными типами непереходных лексических глаголов. Очевидных случаев употребления непереходных глаголов в собственно пассивном значении ожидаемо практически не встречается. Из немногочисленных исключений можно, пожалуй, привести лишь (5.149):

(5.149) bala **kač-ɤ-l-ɤ-p** **bag-ɤ-l-dɤ**.
ребенок **прятаться-ST-PASS-ST-CONV** **смотреть-ST-PASS-PST**
*Ребенка **попробовали спрятать**.*

Все остальные примеры связаны с продвижением в позицию подлежащего внутреннего участника переходных глаголов.

Сериализатор *baga* допускает собственно пассивное значение наиболее часто, что неудивительно: его семантика предполагает наличие контролирующего ситуацию инициатора действия. Несколько примеров показано в (5.150)-(5.153):

(5.150) kišer **arč-ɤ-l-ɤ-p** **bak-kan**.
морковь **чистить-ST-PASS-ST-CONV** **смотреть-PFCT**
*Морковь **попробовали почистить**.*

(5.151) m$_j$äč **bär-e-p** **bag-ɤ-l-dɤ**.
мяч **бросать-ST-CONV** **смотреть-ST-PASS-PST**
*Мяч **попробовали бросить**.*

(5.152) a. tereze **ač-ɤ-p** **bag-ɤ-l-dɤ**.
окно **открывать-ST-CONV** **смотреть-ST-PASS-PST**
*Окно **попробовали открыть**.* {a=b}

b. tereze **ač-ɤ-l-ɤ-p** **bag-ɤ-l-dɤ**.
окно **открывать-ST-PASS-ST-CONV** **смотреть-ST-PASS-PST**

(5.153) a. ǯɤr **ǯɤrl-a-n-ɤ-p** **bak-tɤ**.
песня **петь-ST-PASS-ST-CONV** **смотреть-PST**
*Песню **попробовали спеть**.* {a=b}

b. ǯɤr **ǯɤrl-a-n-ɤ-p** **bag-ɤ-l-dɤ**.
песня **петь-ST-PASS-ST-CONV** **смотреть-ST-PASS-PST**

Как видно из приведенных примеров, собственно пассивная трактовка оказывается доступной во всех трех случаях, при любом расположении пассивной морфемы. Невыраженный каузатор регулярно встречается и в примерах со вспомогательным глаголом *tɤra;* при этом мы снова наблюдаем все три возможных варианта расположения показателя пассива:

(5.154) a. su **kajnat-ɤ-l-ɤ-p** **tɤr-dɤ.**
вода **кипятить-ST-PASS-ST-CONV** **стоять-PST**
*Вода (кем-то) **кипятилась**.* {a=b=c}

b. su **kajnat-ɤ-p** **tɤr-ɤ-l-dɤ**.[27]
вода **кипятить-ST-CONV** **стоять-ST-PASS-PST**

c. su **kajnat-ɤ-l-ɤ-p** **tɤr-ɤ-l-dɤ.**
вода **кипятить-ST-PASS-ST-CONV** **стоять-ST-PASS-PST**

Для сериализатора *ala* многие носители также допускают собственно пассивную интерпретацию при расположении показателя пассива на смысловом или вспомогательном глаголе. При этом пример, в котором пассивная морфология дублировалась бы на двух глаголах, оценивается как неграмматичный:

(5.155) a. šurpa **aš-a-l-ɤ-p** **al-dɤ.**
суп **есть-ST-PASS-ST-CONV** **брать-PST**
*Суп **быстро съели**.* {a=b=c}

b. šurpa **aš-a-p** **al-ɤ-n-dɤ**.
суп **есть-ST-CONV** **брать-ST-PASS-PST**

[27] Предложения (5.154b-c) приемлемы в описываемом в этом разделе сергачском говоре (идиом с. Рыбушкино), однако отклоняются носителями некоторых других говоров.

с. *šurpa **aš-a-l-ɤ-p** **al-ɤ-n-dɤ**.
суп **есть-ST-PASS-ST-CONV** **брать-ST-PASS-PST**

Еще два примера пассивной интерпретации с имплицитным каузатором дают вспомогательные глаголы *žibärä* и *kitä.* В первом случае пассивом маркирован сам сериализатор, а во втором — лексический глагол:

(5.156) šurpa **aš-a-p** **žibär-e-l-de**.
суп **есть-ST-CONV** **посылать-ST-PASS-PST**
*Суп **сразу начали есть**.*

(5.157) šurpa **aš-a-l-ɤ-p** **kit-te**.
суп **есть-ST-PASS-ST-CONV** **уходить-PST**
*Суп **начали есть**.*

Наблюдения о доступности пассивного значения при различном расположении пассивного показателя с разными глаголами-сериализаторами представлены в Таблице 5.2. Оговоримся, что минусы отражают не неграмматичностсь соответствующих предложений, а их незасвидетельствованность.

Таблица 5.2. Возможность собственно пассивной интерпретации при различном расположении пассивного маркера

Сериализатор	Расположение показателя пассива		
	LV	SV	LV & SV
baga	+	+	+
tɤra	+	+	+
ala	+	+	—
kitä	+	—	—
žibärä	—	+	—

5.3.2.2.4. Несобственно пассивные значения и их сочетаемость с глаголами разной аргументной структуры[28]**.** Субъектом конструкций, в которых реализуются несобственно пассивные значения, наиболее свободно становится внутренний участник переходной предикации, что наблюдается при различных вариантах расположения пассивного показателя:

(5.158) taš **bär-e-p** **tɤr-ɤ-l-dɤ**.
камень **бросать-ST-CONV** **стоять-ST-PASS-PST**
*Камни **долго разбрасывались**.*

(5.159) čaj **kajnat-ɤ-l-ɤ-p** **čɤk-te**.
чай **кипятить-ST-PASS-ST-CONV** **выходить-PST**
*Чай **вскипятился**.*

[28] Все примеры в этом разделе, помеченные как допустимые, получены от носителей сергачского говора (идиом с. Рыбушкино). Многим носителям других говоров примеры такого типа кажутся неестественными или неприемлимыми.

(5.160) ʔ išek **ač-ɤ-l-ɤ-p** **kuj-ɤ-l-dɤ**.
дверь **открывать-ST-PASS-ST-CONV** **ставить-ST-PASS-PST**
*Дверь **открылась**.*

Единственный участник неаккузативных глаголов также может образовывать конструкции этого типа. Как и в предыдущем случае, пассивная морфология может находиться на лексическом или сериальном глаголе, а также на двух глаголах одновременно:

(5.161) alma **čer-e-l-e-p** **kuj-dɤ.**
яблоко **гнить-ST-PASS-ST-CONV** **ставить-PST**
*Яблоки **хорошо гнили**.*

(5.162) kartɤš **čer-e-p** **al-ɤ-n-dɤ.**
картошка **гнить-ST-CONV** **брать-ST-PASS-PST**
*У картошки **получилось сгнить**.*

(5.163) alma **čer-e-l-e-p** **čɤg-ɤ-l-dɤ**.
яблоко **гнить-ST-PASS-ST-CONV** **выходить-ST-PASS-PST**
*Яблоко **сгнило**.*

Неэргативные глаголы при сериализации предпочитают пассивный показатель на вспомогательном глаголе:

(5.164) almaz **jez-e-p** **kit-e-l-de**.
Алмаз **плавать-ST-CONV** **уходить-ST-PASS-PST**
*У Алмаза **получилось плавать**.*

(5.165) marat **jez-e-p** **al-ɤ-n-dɤ.**
Марат **плавать-ST-CONV** **брать-ST-PASS-PST**
*У Марата **получилось плавать**.*

Заметим, что подобные употребления засвидетельствованы лишь для глагола *jezä* ‘плавать’ и сериализаторов *ala* и *kitä*. Для других неэргативов и вспомогательных глаголов несобственно пассивные употребления пассива представляются неграмматичными.

Обобщение, согласно которому предикаты с внешним аргументом избегают несобственно пассивных конфигураций, подкрепляется, кроме всего прочего, дистрибуцией глаголов, которые допускают как неаккузативное, так и неэргативное прочтение. Один из них — глагол *kača* ‘скрываться, прятаться, теряться’. Несобственно пассивное значение при расположении показателя пассива на смысловом глаголе оказывается грамматичным только для неаккузативного варианта:

(5.166) a. **sumka** kač-ɤ-l-ɤ-p tɤr-dɤ.
сумка теряться-ST-PASS-ST-CONV стоять-PST
***Сумка** потерялась.*

b. ***bala** kač-ɤ-l-ɤ-p tɤr-dɤ.
ребенок прятаться-ST-PASS-ST-CONV стоять-PST
***Ребенок** спрятался.*

Те же ограничения на образование несобственно пассивных конфигураций для неэргативов при маркировании пассивным показателем смыслового глагола наблюдаются и у *jerä* ‘ходить, быть в пользовании’:

(5.167) a. külmäk **jer-e-l-e-p** **kil-de**.
платье **ходить-ST-PASS-ST-CONV** **приходить-PST**
Платье ***побывало в пользовании*** {т.е. износилось}.

b. *alsu **jer-e-l-e-p** **kil-de.**
Алсу **ходить-ST-PASS-ST-CONV** **приходить-PST**
Алсу ***находилась*** {т.е. нагулялась}.

Таким образом, можно сформулировать следующее обобщение: несобственно пассивные значения доступны для неаккузативов, но не для неэргативов.

5.3.2.2.5. Сочетаемость несобственно пассивных значений с разными вспомогательными глаголами. Те же 12 вспомогательных глаголов, которые использовались при описании собственно пассивного значения, были исследованы и с точки зрения допустимости несобственно пассивных значений.

Для сериализатора *baga* ‘смотреть’, *tɤra* ‘стоять’, *jata* ‘лежать’, *ala* ‘брать’ и *kitä* ‘уходить’ засвидетельствовано любое расположение пассивного показателя. В (5.168)-(5.170) это иллюстрируется для *jata* ‘лежать’, *ala* ‘брать’ и *kitä* ‘уходить’[29]:

(5.168) a. pɤgrɤb-nɤŋ bu čit-e-n-dä kišer **čer-e-l-e-p** **jat-tɤ**.
погреб-GEN этот край-3-OBL-LOC морковь **гнить-ST-PASS-ST-CONV** **лежать-PST**
В этом углу погреба морковь ***(долго) гнила***. {a=b=c}

b. pɤgrɤb-nɤŋ bu čit-e-n-dä kišer **čer-e-p** **jat-ɤ-l-dɤ**.
погреб-GEN этот край-3-OBL-LOC морковь **гнить-ST-CONV** **лежать-ST-PASS-PST**

c. pɤgrɤb-nɤŋ bu čit-e-n-dä kišer
погреб-GEN этот край-3-OBL-LOC морковь

čer-e-l-e-p **jat-ɤ-l-dɤ**.
гнить-ST-PASS-ST-CONV **лежать-ST-PASS-PST**

(5.169) a. išek **ač-ɤ-l-ɤ-p** **al-dɤ**.
дверь **открывать-ST-PASS-ST-CONV** **брать-PST**
Дверь ***ненадолго открылась***.

b. išek **ač-ɤ-p** **al-ɤ-n-dɤ**.
дверь **открывать-ST-CONV** **брать-ST-PASS-PST**
У двери ***получилось открыться***. {b=c}

c. išek **ač-ɤ-l-ɤ-p** **al-ɤ-n-dɤ**.
дверь **открывать-ST-PASS-ST-CONV** **брать-ST-PASS-PST**

[29] Как и в некоторых случаях, обсуждавшихся выше, допустимость предложений, в которых показатель пассива расположен на сериализаторе, а также предложений с дублированием пассивного показателя характеризует, по-видимому, исключительно сергачский говор (идиом с. Рыбушкино).

(5.170) a. terez **ač-ɤ-l-ɤ-p** **kit-te**.
окно **открывать-ST-PASS-ST-CONV** **уходить-PST**
*Окно **открылось**.*

b. terez **ač-ɤ-p** **kit-e-l-de**.
окно **открывать-ST-CONV** **уходить-ST-PASS-PST**
*У окна **получилось открыться**.* {b=c}

c. terez **ač-ɤ-l-ɤ-p** **kit-e-l-de**.
окно **открывать-ST-PASS-ST-CONV** **уходить-ST-PASS-PST**

Интерпретации примеров с пассивным показателем на сериализаторе и с двойным пассивным маркированием, как правило, совпадают. Более того, такие примеры, по-видимому, характеризуют сергачский говор (идиом с. Рыбушкино) и отклоняются многими носителями других говоров. Примеры типа (5.169a) и (5.170a) признаются всеми носителями. Возможно, выбор между маркированием одного лишь сериализатора или дублированием показателя определяется стилистическими предпочтениями.

Для сериализаторов *ǯibärä* ‘посылать’ и *kala* ‘оставаться’ некоторые носители допускают пассивный маркер на смысловом или на сериальном глаголах:

(5.171) a. ? išek **ač-ɤ-l-ɤ-p** **ǯibär-de**.
дверь **открывать-ST-PASS-ST-CONV** **посылать-PST**
*Дверь **внезапно открылась**.*

b. ? išek **ač-ɤ-p** **ǯibär-e-l-de.**
дверь **открывать-ST-CONV** **посылать-ST-PASS-PST**
*Дверь **открылась**.*

Для глагола *čɤga* ‘выходить’ отмечены единичные примеры с маркированием смыслового глагола или обоих глаголов сразу. Такие примеры признаются не всеми носителями.

(5.172) a. ? urman **jan-ɤ-l-ɤ-p** **čɤk-tɤ**.
дерево **гореть-ST-PASS-ST-CONV** **выходить-PST**
*Дерево **сгорело**.* {a=b}

b. ? urman **jan-ɤ-l-ɤ-p** **čɤg-ɤ-l-dɤ**.
дерево **гореть-ST-PASS-ST-CONV** **выходить-ST-PASS-PST**

(5.173) ? čaj **kajnat-ɤ-l-ɤ-p** **čɤk-tɤ**.
чай **кипятить-ST-PASS-ST-CONV** **выходить-PST**
*Чай **вскипятился**.*

(5.174) ? alma **cer-e-l-e-p** **čɤg-ɤ-l-dɤ**.
яблоко **гнить-ST-PASS-ST-CONV** **выходить-ST-PASS-PST**
*Яблоко **сгнило**.*

Наконец, директивный сериализатор *tešä* ‘спускаться’, сочетающийся лишь с некоторыми глаголами движения и крайне редко пассивизирующийся, ограниченно допускает расположение пассивного показателя на вспомогательном глаголе. При некоторой неестественности носители сергачского говора (идиом с. Рыбушкино) расценили (5.175b) как допустимое.

(5.175) a. *min jaxšʏ **jez-e-l-e-p** **teš-te-m**.
я хорошо **плыть-ST-PASS-ST-CONV** **спускаться-PST-1SG**
*Мне **хорошо сплавалось**.* {a=b}

b. min jaxšʏ **jez-e-p** **teš-e-l-de-m**.
я хорошо **плыть-ST-CONV** **спускаться-ST-PASS-PST-1SG**

Распределение пассивных показателей в конфигурациях с несобственно пассивным значением представлено в Таблице 5.3. С теми глаголами, которые не указаны в таблице, пассив для КВГ, по оценке носителей, невозможен. Как и в случае с собственно пассивом, минусы в таблице говорят не о неграмматичности, а о незасвидетельствованности соответствующих примеров.

Таблица 5.3. Несобственно пассивные употребления при различном расположении пассивного маркера

Сериализатор	Расположение показателя пассива		
	LV	SV	LV & SV
baga	+	+	+
tʏra	+	+	+
jata	+	+	+
ala	+	+	+
kitä	+	+	+
ǯibärä	+	+	—
čʏga	+	—	+
tešä	—	+	—

5.3.2.2.6. Имперсональный пассив. В исследуемом говоре имеется имперсональный пассив, когда фонологически выраженное подлежащее отсутствует, глагол имеет форму третьего лица, а его внешний аргумент выражается дативом (об имперсональном пассиве см. 3.1.3)[30].

(5.176) miŋa jaxšʏ **jer-e-l-i**.
я.DAT хорошо **ходить-ST-PASS-ST.IPFV**
*Мне хорошо **ходится**.*

Пример сериализованного предиката с пассивным показателем, имеющим имперсональную интерпретацию, показан в (5.176). В (5.177) этот показатель размещается и на вспомогательном и на смысловом глаголе:

(5.177) miŋa jaxšʏ **jer-e-l-e-p** **teš-e-l-de**.
я.DAT хорошо **ходить-ST-PASS-ST-CONV** **спускаться-ST-PASS-PST**
*Мне хорошо **было спускаться**.*

[30] Подобные конструкции аналогичны безличным пассивам в немецком, см. Wurmbrand 2004:

(i) Es wurde einen Abend lang getanzt || diskutiert
этот COP INDEF вечер длинный танцевать.PASS обсуждать.PASS
Они протанцевали || *проговорили* [= им танцевалось || говорилось] *целый вечер.*
(Wurmbrand 2004: 994)

Впрочем, некоторые носители рассматривают (5.176) как неестественное.

Выше было отмечено, что пассивные дериваты от неэргативов, как правило, неграмматичны, как с сериализаторами, так и без них. Имперсональные конструкции — значимое исключение из этого обобщения. Показатель пассива в этом случае всегда наблюдается на вспомогательном глаголе и факультативно — на лексическом. (5.178) показывает вспомогательный глагол *tʁra* ‘стоять’ с показателем пассива, а (5.179a-b) — пару, различающуюся тем, присоединяется ли он только к вспомогательному, или же и к смысловому глаголу тоже. Для некоторых носителей (5.179b) даже оказывается предпочтительнее.

(5.178) bügen kene buj-ʁ **siker-e-p** **tʁr-ʁ-l-dʁ**.
сегодня день весь-3 **прыгать-ST-CONV** **стоять-ST-PASS-PST**
Сегодня целый день мне ***прыгалось***.

(5.179) a. ? jaxšʁ **jez-e-p** **jat-ʁ-l-dʁ**.
хорошо **плавать-ST-CONV** **лежать-ST-PASS-PST**
Хорошо ***плавалось***. {a=b}

b. jaxšʁ **jez-e-l-e-p** **jat-ʁ-l-dʁ**.
хорошо **плавать-ST-PASS-ST-CONV** **лежать-ST-PASS-PST**

Похожий пример обнаруживается и для переходного глагола *ašʁj* ‘есть’:

(5.180) jaxšʁ **aš-a-p** **jat-ʁ-l-dʁ**.
хорошо **есть-ST-CONV** **лежать-ST-PASS-PST**
(Там) хорошо ***кормили*** [= хорошо елось].

Подытожим: мы наблюдали допустимость образования КВГ от предикатов с различной аргументной структурой при имперсональном пассиве. Пассивный показатель всегда располагается на сериальном глаголе, хотя может дублироваться и на лексическом. Засвидетельствованные примеры содержат сериализаторы *tʁra* ‘лежать’, *jata* ‘стоять’, *tešä* ‘спускаться’.

5.3.2.2.5. Сфера действия пассивного показателя. При несобственно пассивных употреблениях интерпретация предложений, в которых пассивным показателем маркирован лексический глагол, отличается от случаев, где он размещается на сериальном глаголе. Три возможности иллюстрируются в (5.181a-c)[31]:

(5.181) a. išek **ač-ʁ-l-ʁ-p** **al-dʁ**.
дверь **открывать-ST-PASS-ST-CONV** **брать-PST**
Дверь ***ненадолго открылась***.

b. išek **ač-ʁ-p** **al-ʁ-n-dʁ**.
дверь **открывать-ST-CONV** **брать-ST-PASS-PST**
У двери ***получилось открыться***. {b=c}

c. išek **ač-ʁ-l-ʁ-p** **al-ʁ-n-dʁ**.
дверь **открывать-ST-PASS-ST-CONV** **брать-ST-PASS-PST**

[31] Примеры (5.181b-c) и другие аналогичные примеры в этом разделе отражают суждения тех носителей, которые находят приемлемыми предложения, содержащие пассивный показатель на глаголе-сериализаторе.

Если маркирован лексический глагол, как в (5.181a), пассивный показатель выполняет свою обычную функцию: он продвигает внутренний аргумент в позицию субъекта и устраняет внешний аргумент — каузатор ситуации. В (5.181a), в частности, возникает антикаузативная интерпретация.

В примерах (5.181b) и (5.181c) в сферу действия показателя пассива попадают и смысловой, и вспомогательный глаголы. Рассмотрим несколько подробнее сериализатор *ala* ‘брать’. Исходное значение прямой диатезы с этим сериализатором показано в (5.182):

(5.182) ruslan išek-ne **ač-ɤ-p** **al-dɤ**.
Руслан дверь-ACC **открывать-ST-CONV** **брать-PST**
*Руслан **ненадолго открыл** дверь.*

Семантика (5.182) отличается от (5.181a) наличием внешнего аргумента — каузатора. Предложения имеют общий компонент значения ‘ненадолго’, соответствующий значению сериализатора; этот компонент указывает, что длительность результирующего состояния меньше стандарта сравнения.

При маркировании сериализатора пассивным показателем в (5.181b-c) возникает прочтение с модальным элементом, которого нет в (5.181a), — ‘У двери получилось открыться’. Элемент ‘ненадолго’, однако, в этих предложениях не возникает.

Похожий контраст наблюдается и в комбинации с сериализатором *kitä* ‘уходить’:

(5.183) a. terez **ač-ɤ-l-ɤ-p** **kit-te**.
окно **открывать-ST-PASS-ST-CONV** **уходить-PST**
*Окно **открылось**.*

b. terez **ač-ɤ-p** **kit-e-l-de**.
окно **открывать-ST-CONV** **уходить-ST-PASS-PST**
*У окна **получилось открыться**.* {b=c}

c. terez **ač-ɤ-l-ɤ-p** **kit-e-l-de**.
окно **открывать-ST-PASS-ST-CONV** **уходить-ST-PASS-PST**

(5.184) almaz **jez-e-p** **kit-e-l-de.**
Алмаз **плыть-ST-CONV** **уходить-ST-PASS-PST**
*У Алмаза **получилось плавать**.*

При собственно пассивном значении под действие пассивной морфемы попадает только лексический глагол. Предложения (5.185a-b), впрочем, допускают не все носители.

(5.185) a. ? šurpa **aš-a-l-ɤ-p** **al-dɤ**.
суп **есть-ST-PASS-ST-CONV** **брать-PST**
*Суп **быстро съели**.* {a=b}

b. ? šurpa **aš-a-p** **al-ɤ-n-dɤ**.
суп **есть-ST-CONV** **брать-ST-PASS-PST**

5.3.2.3. Каузативизация

5.3.2.3.1. Дистрибуция каузативного показателя. Для основного набора вспомогательных глаголов была проверена возможность употребления каузативной морфемы на лексическом глаголе, сериальном глаголе и на двух глаголах сразу. Всего было собрано более 220 примеров, 111 из которых расценены как грамматичные. Из этих примеров 57 допускают расположение каузативного показателя на лексическом глаголе, 18 — на сериальном, 36 — на обоих глаголах. Следует подчеркнуть, что, как и в предыдущих случаях, суждения носителей характеризуют исключительно сергачский говор (идиом с. Рыбушкино). Носители других говоров, которым мы предъявляли эти примеры, многие из них расценивают как неестественные или неприемлемые. Такие случаи далее специально не оговариваются.

Приведем примеры для каждого варианта.

(5.186) ana malaj-ɤ-n-nan bala-ga išek-ne
мать сын-3-OBL-ABL ребенок-DAT дверь-ACC

ač-tɤr-ɤ-p **bir-de**.
открывать-CAUS-ST-CONV **давать-PST**

*Мать **попросила** сына **открыть** дверь ребёнку.*

В (5.186) показателем каузатива маркирован лексический глагол. Глагол *birä* ‘давать’ здесь задействован в аппликативной функции, т.е. вводит участника, в интересах которого производится некоторое действие, и таким участником выступает ИГ ‘ребенок’.

(5.187) marat dust-ɤ-n-nan išek-ne **ač-ɤ-p** **al-dɤr-dɤ**.
Марат друг-3-OBL-ABL дверь-ACC **открывать-ST-CONV** **брать-CAUS-PST**

*Марат **при помощи** своего друга **открыл** дверь.*

В (5.187) каузативным показателем оформляется вспомогательный глагол. Значение, приобретаемое конструкцией в результате каузативизации, сложно отличить от каузативизации лексического глагола: в обоих случаях имеет место инициация (‘попросил’, ‘открыл с помощью’) события, выражаемого смысловым глаголом.

(5.188) marat alsu-dan išek-ne **ač-tɤr-ɤ-p** **kuj-dɤr-dɤ**.
Марат Алсу-ABL дверь-ACC **открывать-CAUS-ST-CONV** **ставить-CAUS-PST**

*Марат **заставил** Алсу **открыть** дверь.*

В (5.188) каузативный показатель размещается на обоих глаголах, но интерпретация остается прежней: один участник каузирует другого реализовать действие, обозначенное смысловым глаголом. О случаях, когда два показателя вызывают двойную каузацию, см. ниже.

Те глаголы, которые регулярно образуют каузативную конструкцию, располагают каузативный показатель так, как представлено в Таблице 5.4.

Таблица 5.4. Распределение глаголов в зависимости от позиции каузативного маркера

Сериализатор	Расположение показателя каузатива			
	LV	SV	LV & SV	всего
baga	9 (37%)	5 (21%)	10 (42%)	24
tɤra	14 (82%)	1 (6%)	2 (12%)	17
ala	5 (45,5%)	1 (9%)	5 (45,5%)	11
čɤga	1 (10%)	7 (70%)	2 (20%)	10
tešä	2 (22%)	2 (22%)	5 (56%)	9
kuja	4 (50%)	1 (12,5%)	3 (37,5%)	8
jata	6 (75%)	1 (12,5%)	1 (12,5%)	8

Если сравнить частотность употребления каузативного показателя на лексическом vs. сериальном глаголе, становится ясно, что глаголы-сериализаторы распадаются на две группы:

- сериализаторы, избегающие каузативизированных смысловых глаголов;
- сериализаторы, которые сами не принимают каузативной морфемы.

В первую группу попадает глагол *čɤga,* основа которого регулярно получает показатель каузатива, при том что смысловой глагол остается некаузативизированным:

(5.189) restäm marat-tan bez-ne **jaš-ɤ-p** **čig-a-r-t-tɤ.**
Рустам Марат-ABL мы-ACC **звать-ST-CONV** **выходить-ST-CAUS-CAUS-PST**
*Рустам **попросил** Марата **позвать** нас.*

Ко второй группе относятся сериализаторы *tɤra* ‘стоять’, *ala* ‘брать’, *kuja* ‘ставить’, *jata* ‘лежать’:

(5.190) min bala-nɤ **aš-a-t-ɤ-p** **tɤr-dɤ-m**.
я ребенок-ACC **есть-ST-CAUS-ST-CONV** **стоять-PST-1SG**
*(Какое-то время) я **кормил** ребенка.*

(5.191) urmančɤ kerpe-ne **kurk-ɤ-t-ɤ-p** **al-dɤ**.
лесник еж-ACC **пугаться-ST-CAUS-ST-CONV** **брать-PST**
*(В течение какого-то времени) лесник **вспугнул** ежа.*

(5.192) marat alsu-nɤ **kurk-ɤ-t-ɤ-p** **kuj-dɤ**.
Марат Алсу-ACC **пугаться-ST-CAUS-ST-CONV** **ставить-PST**
*Марат **напугал** Алсу.*

(5.193) alsu ruslan-nɤ **jez-der-e-p** **jat-tɤ.**
Алсу Руслан-ACC **плавать-CAUS-ST-CONV** **лежать-PST**
*Алсу Руслана (какое-то время) **заставляла плавать**.*

Оставшиеся сериализаторы, т.е. глаголы *baga* ‘смотреть’ и *tešä* ‘спускаться’, не имеют предпочтительных вариантов употребления.

Скажем немного о двойном маркировании. Во-первых, двойное маркирование на тех глаголах, которые имеют однозначное предпочтение к употреблению каузатива на смысловом либо сериальном глаголе, не очень частотно. Если посмотреть на глагол *čɤga* ‘выходить’, с одной стороны, и глаголы *tɤra* ‘стоять’ и *jata* ‘лежать’ — с другой,

выясняется, что процент случаев с двойным маркированием у них минимален, а частотность основной стратегии (каузатив на сериализаторе для *čɤga* ‘выходить’ и каузатив на смысловом глаголе для *tɤra* ‘стоять’ и *jata* ‘лежать’) максимальна.

Из этой парадигмы выбиваются глаголы *ala* ‘брать’ и *kuja* ‘ставить’, для которых примерно одинаково количество примеров с маркированием лексического глагола и двойным маркированием. В то же время глаголы *baga* ‘смотреть’и *tešä* спускаться’ не демонстрируют однозначного предпочтения какой-либо из трех стратегий. Как представляется, в случае четырех данных глаголов носители не имеют четких грамматических предпочтений.

Итак, все три возможных варианта расположения каузативного маркера встречаются в примерах. Чаще всего (в половине всех случаев) маркируется лексический глагол, немного менее трети случаев приходится на двойное маркирование и около шестой части — на маркирование вспомогательного глагола. Существует корреляция между типом сериального глагола и расположением каузативной морфемы: ряд вспомогательных глаголов предпочитает каузативизацию посредством маркирования лексической основы (*tɤra* ‘стоять’ и *jata* ‘лежать’), имеется и сериальный глагол, который почти всегда склонен принимать этот показатель самостоятельно (*čɤga* ‘выходить’). Корреляций расположения каузативного маркера с типом смыслового глагола не выявлено.

5.3.2.3.2. Падежное кодирование участников. В случае двухместных глаголов при дистантной каузативизации (таких примеров в нашей выборке подавляющее большинство) исходный субъект кодируется аблативом, а объект — аккузативом (о кодировании каузируемого см. также 3.1.2 и 3.3.2). Правила употребления аккузатива — такие же, как и для простой предикации: нереферентный прямой объект может употребляться без падежного показателя (о вариативном маркировании дополнения см. 5.2).

(5.194) ruslan samat-tan alma-nɤ **aš-a-t-ɤ-p** **bak-tɤ**.
Руслан Самат-ABL яблоко-ACC **есть-ST-CAUS-ST-CONV** **смотреть-PST**
*Руслан **пробовал накормить** Самата яблоком.*

(5.195) ruslan marat-tan taš **ber-der-e-p** **tɤr-dɤ**.
Руслан Марат-ABL камень **посылать-CAUS-ST-CONV** **стоять-PST**
*Руслан **заставил** Марата **бросить** камень.*

Каузируемый участник в дативе обнаруживается в сочетании с глаголами *kijä* ‘надевать’ и *baga* ‘смотреть’, причем в данном случае он омонимичен адресатной валентности глагола ‘надевать’. Возможно, дативный участник здесь кореферентен невыраженному каузируемому участнику, который, в принципе, может при данном сочетании глаголов кодироваться и аблативом, как в (5.194)-(5.195):

(5.196) äni alsu-ga külmäk-ne **kij-e-p** **bak-tɤr-dɤ**.
мама Алсу-DAT платье-ACC **надевать-ST-CONV** **смотреть-CAUS-PST**
*Мама **примерила** Алсу платье.*

Каузативизация одноместных предикатов в подавляющем большинстве случаев приводит к перекодированию исходного субъекта аккузативом:

(5.197) tawɤk čebeš-lär-ne **kač-ɤ-r-ɤ-p** **tɤr-dɤ**.
курица цыпленок-PL-ACC **прятаться-ST-CAUS-ST-CONV** **стоять-PST**
*Курица **спрятала** цыплят.*

В некоторых случаях (достаточно редко) каузируемый участник, соответствующий субъекту исходного непереходного глагола, получает аблативное маркирование (о вариативном маркировании каузируемого см. также 3.1.2.10):

(5.198) min samat-tan kazan-da **jäš-ä-ter-e-p** **bak-te-m**.
я Самат-ABL Казань-LOC **жить-ST-CAUS-ST-CONV** **смотреть-PST-1SG**
*Я **вынудил** Самата **попробовать жить** в Казани.*

Все указанные выше закономерности падежного кодирования аналогичны таковым у предикаций без вспомогательных глаголов.

5.3.2.3.3. Дублирование каузативного показателя и двойная каузация. В случае конструкций с дублированием каузативного маркера регулярно наблюдается семантический эффект двойной каузации. Рассмотрим (5.199):

(5.199) äti-se abɤj-sɤ-n-nan malaj-ɤ-n **jez-e-t-e-p** **al-dɤr-dɤ**.
отец-3 брат-3-OBL-ABL сын-3-OBL.ACC **плавать-ST-CAUS-ST-CONV** **брать-CAUS-PST**
*Отец с **помощью** брата **помог** сыну **поплавать**.*

Здесь к субъекту исходной ситуации (‘сын’) добавляется сначала один (‘брат’), а затем и второй (‘отец’) каузатор. Исходный субъект при этом перекодируется аккузативом, а промежуточный каузатор получает аблатив. Аналогичным образом обстоит дело и в других имеющихся примерах:

(5.200) ? marat kɤčɤk-tan alsu-nɤ **kurk-ɤ-t-ɤ-p** **al-dɤr-dɤ.**
Марат собака-ABL Алсу-ACC **пугаться-ST-CAUS-ST-CONV** **брать-CAUS-PST**
*Марат **при помощи** своей собаки **вспугнул** Алсу.*

(5.201) alsu marat-tan kartɤš-nɤ **čer-e-t-e-p** **al-dɤr-dɤ**.
Алсу Марат-ABL картофель-ACC **гнить-ST-CAUS-ST-CONV** **брать-CAUS-PST**
*Алсу **заставила** Марата **сделать так**, чтобы картошка **сгнила**.*

(5.202) marat renat-tan alma-lar-nɤ **čer-e-t-e-p** **kuj-dɤr-dɤ**.
Марат Ринат-ABL яблоко-PL-ACC **гнить-ST-CAUS-ST-CONV** **ставить-CAUS-PST**
*Марат **сгноил** яблоки с **помощью** Рината.*

(5.203) marat rinat-tan alsu-nɤ **kurk-ɤ-t-ɤ-p** **kuj-dɤr-dɤ**.
Марат Ринат-ABL Алсу-ACC **пугаться-ST-CAUS-ST-CONV** **ставить-CAUS-PST**
*Марат **напугал** Алсу с **помощью** Рината.*

Все эти случаи объединяет то, что исходные глаголы являются одноместными. Также совпадает оформление актантов: внешний каузатор становится номинативным подлежащим, промежуточный маркирован аблативом, а исходный субъект — аккузативом.

Интерпретация, при которой двойное каузативное маркирование сопровождается двойной каузацией, не является, однако, обязательной. В (5.204)-(5.205) представлен один каузатор и одно каузирующее подсобытие.

(5.204) ? ul alma-lar-nɤ **čer-e-t-e-p** **ǯibär-der-de**.
он яблоко-PL-ACC **гнить-ST-CAUS-ST-CONV** **посылать-CAUS-PST**
*Из-за него яблоки **начали гнить**.*

(5.205) ? alsu marat-nɤ **jez-der-e-p** **ǯibär-der-de**.
Алсу Марат-ACC **плавать-CAUS-ST-CONV** **посылать-CAUS-PST**
*Алсу **помогла** Марату **поплыть**.*

Двойное маркирование каузативным показателем переходных глаголов, приводящее к появлению двух каузаторов, обнаружено не было. Действительно, если в приведенных выше примерах с непереходными предикатами имеются два участника, инициирующих развитие соответствующих ситуаций (Марат и собака, Алсу и Марат, отец и Марат), то при переходных глаголах дублирование показателя на смысловом и вспомогательном глаголе либо неграмматично, либо, если имеет место, приводит к добавлению лишь одного внешнего каузатора:

(5.206) a. *marat dust-ɤ-n-nan alsu-dan ‖ alsu-nɤ išek-ne
Марат друг-3-OBL-ABL Алсу-ABL Алсу-ACC дверь-ACC

ač-tɤr-ɤ-p **kuj-dɤr-dɤ**.
открывать-CAUS-ST-CONV **стоять-CAUS-PST**
*Марат **попросил** друга с **помощью** Алсу **открыть** дверь.*

b. marat alsu-dan išek-ne **ač-tɤr-ɤ-p** **kuj-dɤr-dɤ**.
Марат Алсу-ABL дверь-ACC **открывать-CAUS-ST-CONV** **стоять-CAUS-PST**
*Марат **попросил** Алсу **открыть** дверь.*

Ограничение на двойную каузативизацию переходных глаголов (а также на тройную каузативизацию непереходных) присуще не только КВГ, но и простым независимым предикациям, см. об этом 3.3.1.

5.3.2.3.4. Интерпретация каузативных форм. При исследовании сферы действия наиболее удобными для описания представляются те вспомогательные глаголы, значение которых хорошо отделимо от значения лексических — например, *baga* ‘смотреть’ (в составе КВГ ‘пробовать’).

Для *baga* ‘смотреть’ можно априори предположить следующие возможности:

- подлежащее каузирует подсобытие, соответствующее вспомогательному глаголу, логическим субъектом которого является каузируемый участник (‘Каузатор заставил каузируемого попробовать сделать p’);
- подлежащее является логическим субъектом вспомогательного глагола и каузатором ситуации, задаваемой лексическим глаголом (‘Каузатор попробовал заставить каузируемого сделать p’)

Первый случай соответствует широкой сфере действия каузативного показателя, а второй — узкой. Это можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 5.5. Сфера действия каузатива и логические субъекты глаголов

	Логический субъект SV	Логический субъект LV
Широкая СД каузатива	Каузируемый	Каузируемый
Узкая СД каузатива	Каузатор	Каузируемый

Для конструкций с каузативом на вспомогательном глаголе ожидаемо предпочтительна широкая СД каузативного маркера:

(5.207) alsu ul-ɤ-n-nan **jɤkl-a-p** **bak-tɤr-dɤ**.
Алсу сын-3-OBL-ABL **спать-ST-CONV** **смотреть-CAUS-PST**

*1. Алсу **попросила** сына, **чтобы он попробовал поспать**.*
*2. *Алсу **попробовала сделать так, чтобы** сын **поспал**.*

Согласно суждениям носителей, интерпретация (5.207.2), где попытка осуществления действия предицируется подлежащему главного предложения, оценивается как невозможная. Доступна лишь интерпретация (5.207.1), где субъектом попытки выступает сын.

В ряде случаев, однако, широкую сферу действия может иметь и каузативный показатель, маркирующий смысловой глагол:

(5.208) alsu marat-tan tereze **ač-tɤr-ɤ-p** **bak-tɤ**.
Алсу Марат-ABL окно **открывать-CAUS-ST-CONV** **смотреть-PST**

*1. Алсу **попросила** Марата **попробовать открыть** окно.*
*2. Алсу **попыталась заставить** Марата **открыть** окно.*

Возможность этого своего рода «логического подъема» отличает каузативный показатель от пассива, где случаев широкой сферы действия при расположении показателя на лексическом глаголе засвидетельствовано не было.

Обратной ситуации, когда показатель размещается на глаголе-сериализаторе, но имеет при этом узкую сферу действия (‘попробовал заставить’), практически не встречается. Если КВГ допускает только узкую СД каузатива, значит, каузативная морфема расположена на лексическом глаголе.

Случаи двойного маркирования, когда каузативный показатель получают как смысловой, так и сериальный глаголы, как правило, предполагают гибкую сферу действия, допускающую два прочтения:

(5.209) ani alsu-ga külmäk-ne **kij-der-e-p** **bak-tɤr-dɤ.**
мама Алсу-DAT платье-ACC **надевать-CAUS-ST-CONV** **смотреть-CAUS-PST**

*1. Мама **сделала так, чтобы** Алсу **примерила*** [= попробовала надеть] *платье.*
*2. Мама **попробовала сделать так**, чтобы Алсу **надела** платье.*

Каузируемый участник в данном случае кодируется дативом, что наблюдается у многих контактных каузативов (см. 3.1.2.10).

Суммируем результаты этого раздела. Как мы видели, каузативный маркер чаще всего имеет поверхностную сферу действия по отношению к сериальному глаголу: узкую,

если он располагается на лексическом глаголе, и широкую, если на сериальном. Также регулярно наблюдается своего рода подъем каузатива: будучи расположен на лексическом глаголе, он может обладать широкой СД по отношению к вспомогательному глаголу. Все засвидетельствованные нами примеры с «подъемом» относятся к каузативизации глаголов с внешним аргументом, либо переходным (например, глагол ‘открывать’ в (5.208)), либо неэргативным (например, глагол ‘прыгать’).

5.3.3. Основные обобщения

Перечислим основные закономерности, связанные с образованием КВГ. В случае отрицания при вспомогательных глаголах *baga* ‘смотреть’, *tʁra* ‘стоять’, *jata* ‘лежать’ показатель отрицания может располагаться как на сериальном, так и на лексическом глаголе. Для конструкций с *čʁga* ‘выходить’ возможно маркирование только сериального глагола.

При образовании собственно пассивного значения распределение таково: с одними вспомогательными глаголами (например, *kitä* ‘уходить’) показатель пассива располагается скорее на лексическом глаголе, с другими (*ǯibärä* ‘посылать’) — на сериальном, с рядом сериализаторов (*baga* ‘смотреть’, *tʁra* ‘стоять’, *ala* ‘брать’) допускается маркирование как лексического, так и вспомогательного глагола, либо обоих сразу.

У несобственно пассивных употреблений пассивного показателя в случае глагола *tešä* ‘спускаться’ показатель предпочитает располагаться на вспомогательном глаголе, в случае *čʁga* ‘выходить’ — на лексическом или на обоих глаголах сразу, с остальными сериальными глаголами возможно маркирование как лексического, так и сериального глаголов.

Каузативным показателем предпочтительно оформлять лексический глагол в случае сериализаторов *tʁra* ‘стоять’, *ala* ‘брать’, *kuja* ‘ставить’, *jata* ‘лежать’, и сериальный глагол — в случае сериализатора *čʁga* ‘выходить’.

Что касается сферы действия, то отрицание, как правило, интерпретируется в своей поверхностной позиции. При несобственно пассивных употреблениях пассива находящийся на вспомогательном глаголе показатель интерпретируется как относящийся к лексическому и сериальному глаголам одновременно. В собственно пассивном значении под действие пассивной морфемы попадает только лексический глагол.

СД каузатива также соответствует его поверхностной позиции: она оказывается узкой, если показатель располагается на лексическом глаголе и широкой, если на сериальном. Для глаголов с внешним аргументом наблюдается еще одна возможность: располагающийся на лексическом глаголе каузативный показатель обладает широкой сферой действия по отношению к сериальному глаголу.

Важная (и достаточно новая, насколько нам известно) особенность нашего анализа КВГ — подход в терминах структуры частичной грамматикализации, при которой структура КВГ не идентична структуре независимой клаузы с одной стороны и не является композицией двух клауз — с другой. Структуры с частичной грамматикализацией составляются из некоторого фрагмента синтаксической проекции лексического глагола и доминирующим над ним «остатком» проекции сериального глагола, что и позволяет объяснить отсутствие последовательного моно- или биклаузального поведения.

5.4. Сравнительные конструкции

Этот раздел посвящен описанию сравнительных конструкций мишарского диалекта, а именно, различных показателей сравнительной степени и способов выражения стандарта сравнения.

5.4.1. Основные факты

Степень сравнения — единственная словоизменительная грамматическая категория прилагательных в мишарском диалекте. Показатель сравнительной степени — суффикс *-rak*:

(5.210) a. katɤ tawɤš
громкий звук
громкий звук

b. katɤ-**rak** tawɤš
громкий-**COMP** звук
***более** громкий звук*

(5.211) ɤzɤn-**rak** malaj
высокий-**COMP** мальчик
***более** высокий мальчик*

(5.212) säjer-**räk** keše
странный-**COMP** человек
***более** странный человек*

Суффикс *-rak* не является обязательным в сравнительных конструкциях: в большинстве случаев (некоторые исключения рассмотрены ниже) он может отсутствовать без ущерба для грамматичности и без изменений в интерпретации. Таким образом, сравнительная степень прилагательных может иметь нулевой показатель наряду с показателем *-rak*:

(5.213) a. bu malaj kɤz-dan **ɤzɤn-rak**.
этот мальчик девочка-ABL **высокий-COMP**
Этот мальчик выше, чем девочка. {a=b}

b. bu malaj kɤz-dan **ɤzɤn**.
этот мальчик девочка-ABL **высокий**

Маркирование сравнительной степени — не единственная функция морфемы *-rak*. Вне сравнительных конструкций *-rak* представляет собой степенной модификатор, указывающий, что индивид обладает параметрическим свойством в невысокой степени:

(5.214) a. *axmak* ‘глупый’ — *axmag-rak* ‘глуповатый’
b. *pɤčrak* ‘грязный’ — *pɤčrag-rak* ‘грязноватый’
c. *dɤmlɤ* ‘мокрый’ — *dɤmlɤ-rak* ‘мокроватый’
d. *awɤru* ‘больной’ — *awɤru-rak* ‘немного больной’

Стандарт сравнения может быть выражен одним из двух способов:

- именной группой в аблативе, как в (5.213);
- послеложной группой с послелогом *karaganda* ‘по сравнению с’, представляющим собой деепричастие глагола *kara* ‘смотреть’.

Послелог *karaganda* управляет дательным падежом. Суффикс *-rak* в сравнительной конструкции с послелогом *karaganda* используется факультативно — как и в конструкции с аблативным стандартом:

(5.215) a. bu malaj kʏz-ga karaganda **ʏzʏn-rak**.
этот мальчик девочка-DAT по.сравнению.с **высокий-COMP**
Этот мальчик выше, чем девочка. {a=b}

b. bu malaj kʏz-ga karaganda **ʏzʏn**.
этот мальчик девочка-DAT по.сравнению.с **высокий**

Описание сравнительных конструкций в этом разделе ориентируется на следующие вопросы:

- Являются ли конструкции с *-rak* и с отсутствием эксплицитного маркирования сравнительной степени прилагательного разными конструкциями с семантической и синтаксической точек зрения? Находятся ли нулевая сравнительная морфема и суффикс *-rak* в дополнительной дистрибуции, или *-rak* может сочетаться с нулевой сравнительной морфемой?
- Есть ли синтаксические или семантические различия между двумя способами маркирования стандарта сравнения — аблативной именной группой и послеложной группой с *karaganda*?
- Каково место мишарской сравнительной конструкции в типологическом ландшафте?

5.4.2. Нулевое и эксплицитное маркирование сравнительной степени

5.4.2.1. Эквивалентность нулевого и эксплицитного маркирования

В большинстве сравнительных контекстов немаркированная форма прилагательного и форма с суффиксом *-rak* взаимозаменяемы, причем суффикс *-rak* не несет семантики низкой степени реализации параметрического свойства.

Примеры (5.213) и (5.215) демонстрируют, что маркирование прилагательного в сравнительной конструкции не зависит от того, как выражен стандарт сравнения: и нулевое маркирование, и суффикс *-rak* совместимы и с аблативным, и с послеложным стандартом.

Эксплицитно выраженное различие между степенями реализации параметрического свойства у субъекта и у стандарта сравнения также не влияет на маркирование прилагательного — независимо от того, точно или приблизительно описывается это различие и оценивается ли оно как значительное.

(5.216) a. marat ruslan-nan **küp-kä** || **as** gʏna ʏzʏn(-rak).
Марат Руслан-ABL **много-DAT** **мало** FOC высокий-COMP
*Марат **намного** || **немного** выше Руслана.* {a=b}

b. marat ruslan-ga karaganda **küp-kä** || **as** **gʏna** ʏzʏn(-rak).
Марат Руслан-DAT по.сравнению.с **много-DAT** **мало** **FOC** высокий-COMP

(5.217) a. bu malaj bu kʏz-dan **jegerme** **santimeter-ga** ʏzʏn(-rak).
этот мальчик этот девочка-ABL **двадцать** **сантиметр-DAT** высокий-COMP
*Этот мальчик выше этой девочки на **20 сантиметров**.* {a=b}

b. bu malaj bu kʏz-ga karaganda **jegerme** **santimeter-ga**
этот мальчик этот девочка-DAT по.сравнению.с **двадцать** **сантиметр-DAT**
ʏzʏn(-rak).
высокий-COMP

Приведенные выше примеры не обнаруживают различия между эксплицитным и нулевым маркированием сравнительной степени, как и между разными способами выражения стандарта сравнения. Кроме того, употребление сравнительной морфемы *-rak* не ограничено случаями с низкой степенью реализации параметрического свойства или небольшой разницей в реализации параметрического свойства между субъектом и стандартом сравнения. Таким образом, семантика сравнительной морфемы *-rak* и морфемы *-rak* со значением низкой степени реализации параметрического свойства не имеет очевидной зоны пересечения.

5.4.2.2. Предпочтительное употребление *-rak*

В некоторых случаях часть говорящих предпочитают эксплицитное маркирование компаратива суффиксом *-rak*.

Первый контекст, в котором это происходит, — случаи, когда аблативный стандарт сравнения линейно не прилегает к прилагательному. Контраст между примерами с нулевой и ненулевой компаративной морфемой — не очень резкий и представлен не у всех носителей.

(5.218) a. kem-nän marat kičä **küŋelsez-räk** i-de?
кто-ABL Марат вчера **грустный-COMP** быть-PST
*По сравнению с кем Марат был вчера **грустен**?* {a=b}

b. ? kem-nän marat kičä **küŋelsez** i-de?
кто-ABL Марат вчера **грустный** быть-PST

Более сильный контраст наблюдается, когда прилагательное в сравнительной степени находится в атрибутивной позиции. В этом случае практически все носители оценивают маркирование прилагательного суффиксом *-rak* как более «правильное», чем немаркированная форма.

(5.219) a. marat ruslan-nan **ʏzʏn-rak** malaj.
Марат Руслан-ABL **высокий-COMP** мальчик
*Марат — **более высокий** мальчик, чем Руслан.* {a=b}

b. ? marat ruslan-nan **ʏzʏn** malaj.
Марат Руслан-ABL **высокий** мальчик

5.4.2.3. Обязательное употребление *-rak*

Существуют, однако, случаи, когда употребление компаративной конструкции без эксплицитного показателя компаратива невозможно.

Хотя показатель *-rak* почти всегда факультативен при параметрических прилагательных, наречное сравнение требует его наличия.

(5.220) a. bu malaj **tiz-räk** čap-tɤ kɤz-dan.
этот мальчик **быстро-COMP** бежать-PST девочка-ABL
*Этот мальчик прибежал **быстрее** девочки.* {a=b}

b. *bu malaj **tiz** čap-tɤ kɤz-dan.
этот мальчик **быстро** бежать-PST девочка-ABL

Данное явление тем более интересно, что в целом в мишарском диалекте, как и в литературном татарском языке, подавляющее большинство наречий и прилагательных формально не противопоставлены и различаются только синтаксической позицией.

Если предложение содержит две составляющие, влияющие на стандарт сравнения, к примеру, и стандарт, выраженный послеложной группой с *karaganda* или аблативной группой, и именную группу, обозначающую носителя оценки, показатель *-rak* на прилагательном обязателен. В (5.221)-(5.222) это иллюстрируется для аблативного стандарта сравнения и стандарта сравнения — послеложной группы с *karaganda*.

(5.221) a. bu aš **minem** **ečen** || **miŋa** it-tän **tämle-räk**.
этот суп **я.GEN** **для** **я.DAT** мясо-ABL **вкусный-COMP**
*Этот суп **для меня вкуснее**, чем мясо.* {a=b}

b. *bu aš **minem** **ečen** || **miŋa** it-tän **tämle**.
этот суп **я.GEN** **для** **я.DAT** мясо-ABL **вкусный**

(5.222) a. bu aš **minem** **ečen** || **miŋa** it-kä karaganda
этот суп **я.GEN** **для** **я.DAT** мясо-DAT по.сравнению.с
tämle-räk.
вкусный-COMP
*Этот суп **для меня вкуснее**, чем мясо.* {a=b}

b. *bu aš **minem** **ečen** || **miŋa** it-kä karaganda **tämle**.
этот суп **я.GEN** **для** **я.DAT** мясо-DAT по.сравнению.с **вкусный**

5.4.3. Особенности выражения стандарта сравнения

Сопоставим два способа оформления стандарта сравнения в мишарском диалекте — аблативную именную группу и послеложную группу с послелогом *karaganda* ‘по сравнению с’. Имеется несколько фактов, указывающих, что эти составляющие занимают разные позиции в структуре предикации.

Первое наблюдение касается ограничений на порядок слов, который, как обсуждается в 5.1, в мишарском диалекте в целом относительно свободен. Тем не менее аргументные именные и послеложные группы, за исключением подлежащего, в общем случае избега-

ются при расположении слева по крайней мере одного класса наречий, примером которого может служить *kičä* ‘вчера’. Аблативный стандарт сравнения также сомнителен в этой позиции:

(5.223) a. kičä marat **ruslan-nan** küŋelle(-räk) i-de.
вчера Марат **Руслан-ABL** радостный-COMP быть-PST
*Вчера Марат был радостнее **Руслана**.* {a=b}

b. ?**ruslan-nan** kičä marat küŋelle(-räk) i-de.
Руслан-ABL вчера Марат радостный-COMP быть-PST

Послеложный стандарт сравнения, напротив, допускает такую возможность. В таком случае, правда, часть носителей предпочитает нулевое маркирование сравнительной степени прилагательного:

(5.224) a. kičä marat **ruslaŋa** **karaganda** küŋelle(-räk) i-de.
вчера Марат **Руслан.DAT** **по.сравнению.с** радостный(-COMP) быть-PST
*Вчера Марат был радостнее **Руслана**.* {a=b}

b. **ruslaŋa** **karaganda** kičä marat küŋelle(??-räk) i-de.
Руслан.DAT **по.сравнению.с** вчера Марат радостный-COMP быть-PST

В таких случаях, по-видимому, вынесенная в начало предложения послеложная группа с *karaganda* для части носителей выступает как адъюнкт, присоединяемый на уровне предикации и вводящий контекстный стандарт оценки для прилагательного в положительной степени сравнения (‘Если сравнивать с Русланом, то Марат радостный’, ср. Kennedy 2009), что объясняет неприемлемость аффикса сравнительной степени[32].

В (5.225)-(5.226) иллюстрируется это же ограничение: послеложная группа с *karaganda*, но не аблативная группа, свободно выносится в начало предложения.

(5.225) a. statja **xat-tan** ɤzɣn(-rak).
статья **письмо-ABL** длинный-COMP
*Статья длиннее **письма**.* {a=b}

b. ? **xat-tan** statja ɤzɣn(-rak)
письмо-ABL статья длинный-COMP

(5.226) a. statja **xat-ka** **karaganda** ɤzɣn(-rak).
статья **письмо-DAT** **по.сравнению.с** длинный-COMP
*Статья длиннее, **чем письмо**.* {a=b}

b. **xat-ka** **karaganda** statja ɤzɣn(-rak)
письмо-DAT **по.сравнению.с** статья длинный-COMP

[32] В родственном татарскому башкирском языке можно наблюдать следующую стадию диахронической эволюции той же конструкции. Если стандарт сравнения выражен аблативной группой, показатель сравнительной степени на прилагательном обязателен (Кирьянов 2011):

(i) ??bala bal-dan tatlə (башкирский)
ребенок мед-ABL сладкий
ребенок слаще мёда

Эти примеры косвенно свидетельствуют о том, что группы с *karaganda* присоединяются выше, чем аблативные группы, обозначающие стандарт, поскольку вторые, но не первые подчиняются тем же ограничениям на порядок слов, что и аргументы предиката.

Это не единственное отличие синтаксического поведения групп с *karaganda* от поведения аблативных групп. Сентенциальное отрицание лицензирует местоимения отрицательной полярности внутри аблативных групп со значением стандарта сравнения, как в (5.227a), но не внутри групп с *karaganda*, иллюстрируемых в (5.227b):

(5.227) a. marat **berkem-nän** **dä** ɤzɤn(-rak) tügel.
Марат **никто-ABL** **EMPH** высокий-COMP не
*Марат **никого** не выше.* {a=b}

b. *marat **berkem-gä** **(dä)** karaganda (da) ɤzɤn(-rak) tügel.
Марат **никто-DAT** **EMPH** по.сравнению.с EMPH высокий-COMP не

Гипотеза, объясняющая этот факт, состоит в том, что группы с *karaganda* присоединяются синтаксически выше, чем сентенциальное отрицание, и поэтому оно не может лицензировать отрицательно-полярные единицы внутри таких групп.

Еще одно различие касается того, как два способа выражения стандарта используются при оформлении зависимых клауз. Контраст иллюстрируется в (5.228a-b):

(5.228) a. marat **[kičä usal bul-gan]-ga** **karaganda** bügen moŋsu(-rak).
Марат **вчера злой быть-PFCT-DAT** **по.сравнению.с** сегодня грустный-COMP
*Марат сегодня более грустен, **чем он был зол вчера**.* {a=b}

b. ??marat **[kičä usal bul-gan]-nan** bügen moŋsu(-rak).
Марат **вчера злой быть-PFCT-ABL** сегодня грустный-COMP

Зависимое причастие, образованное с помощью суффикса *-gan* — чрезвычайно продуктивного суффикса, употребляющегося для формирования как относительных клауз, так и номинализаций (см. 6.4), — вызывает снижение грамматичности в сочетании с аблативным стандартом сравнения, но может употребляться в составе послеложной группы с *karaganda*. Ниже мы покажем, что эта разница влияет на выбор между двумя возможными анализами мишарских фразовых компаративов.

Последний контраст указывает на то, что группа с *karaganda* не выражает степень, которая служит стандартом сравнения. Сравнение с фиксированной отметкой на шкале возможно с помощью аблативной группы в (5.229a), но не с помощью *karaganda* в (5.229b):

(5.229) a. bu malaj **ike** **meter-dan** ɤzɤn(-rak).
этот мальчик **два** **метр-ABL** высокий-COMP
*Этот мальчик выше **двух метров**.* {a=b}

b. *bu malaj **ike** **meter-ga** **karaganda** ɤzɤn(-rak).
этот мальчик **два** **метр-DAT** **по.сравнению.с** высокий-COMP

На основе перечисленных различий можно заключить, что аблативные группы отличаются от групп с *karaganda*. Аблативные группы проявляют синтаксическое поведение, свойственное стандартам сравнения. Группы с *karaganda* структурно расположены выше клаузального отрицания и, следовательно, не являются частью сравнительной конструкции.

На первый взгляд, группы с *karaganda* напоминают английские предложения с *compared to* ‘по сравнению с’: *Compared to Mary, John is tall* ‘По сравнению с Мэри, Джон высокий’. З. Бек и ее соавторы (Beck *et al.* 2004) рассматривают группы с *compared to* как единицы, задающие контекст. А именно, они задают такой контекст, который ограничивает возможное значение стандарта сравнения, но не определяют это значение непосредственно. Слушающий, знакомый с Мэри, должен рассматривать ее рост как контекстный стандарт и относительно него интерпретировать утверждение с положительной степенью ‘Джон высокий’. Важный элемент этого анализа — предположение, что *compared to* присоединяется как сентенциальный адъюнкт.

С. Фалтс (Fults 2006) приводит аргументы против этого анализа для английского языка. Он показывает, что группы с *compared to* представлены в структуре предложения ниже сентенциального уровня и порождаются внутри группы параметрического прилагательного. Однако для послеложной группы с *karaganda*, как мы только что видели, исходное предположение в Beck *et al.* 2004 представляется более эмпирически адекватным. Исходная позиция этой группы не может быть расположена внутри группы параметрического прилагательного.

Тем не менее вторую часть анализа в Beck *et al.* 2004, согласно которой мы имеем дело с положительной, а не сравнительной степенью прилагательного, вряд ли можно распространить на группы с *karaganda*. По-видимому, такие группы присваивают значение соответствующей степенной переменной. Иными словами, предложение (5.226a) выше — это утверждение, что длина статьи превышает длину письма — без презумпции ‘статья длинная’, которая возникала бы, если бы мы имели дело с положительной степенью прилагательного. Это предположение подкрепляется тем, что в мишарском диалекте в составе компаративов, выраженных послеложной группой с *karaganda*, возможны выражения меры типа ‘на двадцать сантиметров’, недопустимые в конструкциях с *compared to:*

(5.230) bu malaj bu kɤz-ga karaganda **jegerme santimeter-ga**
этот мальчик этот девочка-DAT по.сравнению.с **двадцать сантиметр-DAT**
ɤzɤn(-rak).
высокий(-COMP)
*Этот мальчик выше этой девочки **на 20 сантиметров**.*

(5.231) *Compared to Mary, John is 20 cm tall(er).
Джон выше Мэри на 20 сантиметров.

В следующем разделе мы сформулируем гипотезу о структуре сравнительной конструкции более эксплицитно.

5.4.4. Связывание степенных переменных и фразовое сравнение

5.4.4.1. Параметр степенной абстракции

Для дальнейших рассуждений нам понадобится так называемый параметр степенной абстракции (Degree Abstraction Parameter, DAP), предложенный в Beck *et al.* 2004. Он представлен в (5.232):

(5.232) Степенные переменные {связываются || не связываются} на синтаксическом уровне.

Отрицательное значение параметра (5.232) (‘не связываются’) влечет за собой ряд последствий (см. подробное обоснование в Beck *et al.* 2004).

Во-первых, это невозможность вопросов о значении параметрического свойства:

(5.233) How tall is Captain Apollo?
Насколько высок капитан Аполло?

Во-вторых, это невозможность степенных выражений, задающих значение параметрического свойства:

(5.234) Captain Apollo is exactly 1.74 m tall.
Рост капитана Аполло ровно 1,74 м.

В-третьих, это невозможность так называемых субкомпаративов (Bresnan 1975 и последующая литература) — конструкций, в которых стандарт сравнения выражен клаузой, содержащей эксплицитное параметрическое свойство и фонологически не реализованное степенное выражение. В (5.235) стандарт сравнения *this cupboard is deep* содержит параметрическое свойство ‘глубокий’, отличное от параметрического свойства в главной предикации ‘длинный’, но не информацию о степени его реализации.

(5.235) Helo's shoes are longer than this cupboard is deep.
Длина туфель Хело больше, чем глубина этого ящика.

В-четвертых, это невозможность сентенциальных стандартов сравнения:

(5.236) John is taller than I thought he would be.
Джон выше, чем я думал, что он окажется.

Первые два свойства указывают на то, что параметр степенной абстракции имеет в мишарском диалекте отрицательное значение.

В мишарском диалекте невозможен параметрический вопрос. (5.237a-c) показывают различные возможности, ни одну из которых носители не оценивают как грамматичную:

(5.237) a. ***nicä** || **niček** || **ni** **xätle** || **ni** **däräžä-dä** ɤzɤn bu malaj?
сколько **как** **какой** **так** **какой** **степень-LOC** высокий этот мальчик
Насколько высок *этот мальчик?* {a=b=c}

b. ***nicä** || **niček** || **ni** **xätle** || **ni** **däräžä-dä** bu malaj ɤzɤn?
сколько **как** **какой** **так** **какой** **степень-LOC** этот мальчик высокий

c. *bu malaj **nicä** || **niček** || **ni** **xätle** || **ni** **däräžä-dä** ɤzɤn?
этот мальчик **сколько** **как** **какой** **так** **какой** **степень-LOC** высокий

Ближайший эквивалент подобного вопроса можно образовать лишь с помощью именной группы, возглавляемой словом ‘рост’:

(5.238) nindi bu malaj-nɤŋ **buj-ɤ**?
какой этот мальчик-GEN **рост-3**
Каков ***рост*** *этого мальчика?*

Эксплициное указание степени, в которой индивид обладает параметрическим свойством, также недопустимо:

(5.239) a. *bu malaj **ike** **meter-le** ɤzɤn.
этот мальчик **два** **метр-ATR** высокий
*Этот мальчик **два метра** ростом.* {a=b}

b. *bu malaj **ike** **meter-gä** ɤzɤn.
этот мальчик **два** **метр-DAT** высокий

Выразить это значение возможно, опять же, используя именную группу с существительным ‘рост’ в (5.240a) или же приписав рост индивиду в качестве предиката, без параметрического прилагательного, как в (5.240b):

(5.240) a. bu malaj-nɤŋ **buj-ɤ** ike meter.
этот мальчик-GEN **рост-3** два метр
***Рост** этого мальчика — два метра.*

b. bu malaj **ike** **meter-le**.
этот мальчик **два** **метр-ADJ**
*Этот мальчик — **двухметровый**.*

Два других свойства для мишарского диалекта нерелевантны. Как сентенциальные стандарты сравнения, аналогичные (5.241a), так и субкомпаратив, как в (5.241b), предполагают финитное зависимое предложение. Однако морфосинтаксис стандарта сравнения в мишарском диалекте исключает такую возможность. И аблатив, и послелог *karaganda* нуждаются в именной структуре и не могут иметь в качестве комплемента финитное предложение. Предложения типа (5.241a-b) неграмматичны уже по этой причине, а значит, их сложно использовать для выяснения того, связываются ли степенные переменные в синтаксисе.

(5.241) a. *marat kičä usal **bul-dɤ-ga** **karaganda** bügen moŋsu(-rak).
Марат вчера злой **быть-PST-DAT** **по.сравнению.с** сегодня грустный-COMP
*Марат сегодня более грустен, **чем** он **был** зол вчера.* {a=b}

b. *marat kičä usal **bul-dɤ-dan** bügen moŋsu(-rak).
Марат вчера злой **быть-PST-ABL** сегодня грустный-COMP

Тем не менее, как представляется, даже материал типа (5.239)-(5.240) вполне показателен. Помимо того, что параметр степенной абстракции в татарском языке имеет отрицательное значение, других причин для неграмматичности предложений такого типа не просматривается.

Такая ситуация не уникальна для мишарского диалекта: она была описана как минимум в еще одном тюркском языке — в турецком (см. Hofstetter 2009), — и, вероятно, имеет место и в других языках (по меньшей мере, в японском и хинди).

В следующем разделе мы обсудим более подробно, какие последствия эти наблюдения имеют для анализа компаратива.

5.4.4.2. Анализ компаративов

Обычно анализ компаративных конструкций предполагает сравнение двух степеней обладания параметрическим свойством, которые задаются матричной предикацией и стандартом сравнения (или двух степенных множеств, полученных λ-абстракцией; см, например, Kennedy 2005). Не вдаваясь в подробности имеющихся подходов к анализу синтаксиса и семантики компаративов, можно определить значение компаративной морфемы COMP следующим образом. COMP принимает в качестве аргументов два степенных интервала, P и Q, и возвращает истинностное значение «1», если верхняя граница Q выше верхней границы P:

(5.242) $\| \text{COMP} \| = \lambda P \in D_{<d,t>}.\lambda Q \in D_{<d,t>}.\ \text{MAX}(Q) > \text{MAX}(P)$
где d — логический тип степеней

Английское предложение типа *John is taller than Mary* ‘Джон выше, чем Мэри’ имеет следующую внутреннюю структуру:

(5.243) a. John is taller than Mary ~~is d-tall~~.
Джон выше, чем Мэри.
b. -er (λd_2. Mary is d_2-tall)(λd_1. John is d_1-tall)

Таким образом, (5.243a) имеет интерпретацию, представленную в (5.244):

(5.244) -er (λd_2. Mary is d_2-tall)(λd_1. John is d_1-tall) = 1 тогда и только тогда, когда
$\text{MAX}\{d_1$: John is d_1-tall$\} > \text{MAX}\{d_2$: Mary is d_2-tall$\}$

Анализ в (5.243) предполагает, что стандарт сравнения имеет структуру предикации, в которой большая часть материала — по меньшей мере, вся глагольная группа — не имеет фонологической реализации. Множество степеней, которое выступает первым аргументом компаративной морфемы, создается, согласно распространенным представлениям о синтаксисе стандарта сравнения, благодаря синтаксическому передвижению, которое показано в (5.245):

(5.245) ~~than~~ ~~Op~~ λ_3 Mary is t_3 tall
чем Мэри

Это передвижение многие понимают так же, как A′-передвижение, происходящее при образовании, например, относительных предложений:

(5.246) ~~which~~ λ_5 Mary likes t_5
которого Мэри любит

Семантический результат обоих передвижений, естественно, один и тот же: это связывание переменной, которую обозначает след, λ-оператором. Единственное различие между (5.245)-(5.246) — логический тип переменной в позиции следа и, соответственно, логический тип предиката, образующегося после связывания этой переменной. В (5.246) это тип индивидов и предикатов над индивидами; в (5.245) — тип степеней и предикатов над степенями. И в (5.245) и в (5.246) неинтерпретируемый материал помечен зачеркиванием.

В этом месте делаются существенными результаты предыдущего раздела. Связывание переменной в (5.245) — это то самое связывание, которое, согласно предположению, диаг-

ностируют тесты, предложенные в Beck *et al.* 2004. Согласно этим тестам, мишарский диалект — один из тех языков, где такого связывания не происходит. Если следовать естественному предположению, в соответствии с которым в стандартах сравнения, имеющих, как в английском языке, сентенциальную структуру, передвижение и последующее связывание переменной неизбежно, из наблюдений в предыдущем разделе вытекает следующий вывод:

(5.247) Стандарт сравнения в мишарском диалекте не имеет сентенциальной структуры.

Стандарт сравнения без внутренней сентенциальной структуры, очевидно, представляет собой не клаузу, а именную или послеложную группу, и имеет денотат индивидного типа. Что имеет семантическая теория сказать по поводу семантики такого компаратива?

В работах Bhatt, Takahashi 2007, Kennedy 2009 были предложены анализы фразовых компаративов, которые используют следующую семантику компаративной морфемы:

(5.248) $\| \text{COMP}_{\text{phrasal}} \| = \lambda y.\lambda g.\lambda x.\ \text{MAX}\{d_1 \mid g(d_1)(x) = 1\} > \text{MAX}\{d_2 \mid g(d_2)(y) = 1\}$

Аргументы фразовой компаративной морфемы в (5.242) — это два индивида (*x* — объект сравнения, *y* — стандарт сравнения) и параметрическое свойство *g*. Выражение с фразовым компаративом истинно, когда максимальная степень реализации свойства *g* для *x* больше соответствующей максимальной степени *y*.

Ш. Хофштеттер в Hofstetter 2009 показывает, что (5.248) не подходит для анализа турецких фразовых компаративов. Один из его аргументов — возможность конфигурации типа (5.249), где стандартом сравнения выступает не индивид, а степень. Это же соображение применимо и к мишарском диалекту; соответствующий пример повторяется как (5.250):

(5.249) Maria bir meter yetmiş santim-den uzun.
Мария один метр семьдесят сантиметр-ABL высокий
Мария выше 1.70м.

(5.250) bu malaj **ike** **meter-dän** ɤzɤn(-rak).
этот мальчик **два** **метр-ABL** высокий-COMP
*Этот мальчик выше **двух метров**.*

Другой аргумент опирается на случаи, когда сущность, выступающая в качестве стандарта, не проецируется на шкалу, задаваемую параметрическим предикатом, непосредственно, а определяет стандарт косвенно, через контекст. Это происходит, например, в (5.251)-(5.252):

(5.251) Maria dünya rekoru-dan yüksek atla-dı.
Мария мировой рекорд-ABL высокий прыгать-PST
Мария прыгнула выше мирового рекорда. (Hofstetter 2011)

(5.252) Maria geçen hafta-dan ağır çalış-dı.
Мария прошлый неделя-ABL усердно работать-PST
Мария работала усерднее, чем неделю назад. (Hofstetter 2011)

Если анализировать (5.251)-(5.252) через (5.248), пришлось бы поместить сущность ‘мировой рекорд’ на шкалу ‘прыгнуть на высоту *d*’, а сущность ‘прошлая неделя’ — на шкалу ‘работать с интенсивностью *d*’. Анализ (5.248) оказывается недостаточно гибким. В Hofstetter 2009 предлагается модификация, которая показана в (5.253):

(5.253) $\| \text{COMP}_{\text{phrasal}} \| = \lambda d \in D_d.\ \lambda A \in D_{<d,<e,t>>}.\ \lambda x \in D_e.\ \max(\lambda d'.\ A(d')(x)) > d$

Первый аргумент $\text{COMP}_{\text{phrasal}}$ теперь представляет собой не индивид, а степень, второй аргумент — параметрическое свойство A, отношение между степенями и индивидами; третий — объект сравнения *x*. Компаратив истинен, если максимальная степень реализации параметрического свойства A у индивида *x* больше величины *d*, которая задается через контекстную связь с сущностью, выступающую стандартом сравнения.

Поскольку сравнительная морфема требует в качестве аргумента степень, тогда как фразовый стандарт сравнения имеет индивидный денотат, требуется способ задать степень через индивида. В Hofstetter 2009 для этого вводится контекстно-зависимая функция *f*, которая применяется к именной группе, обозначающей стандарт:

(5.254) $\| f \| = \lambda x \in D_e.\ d_{x,c}$
где $d_{x,c}$ — степень, характеризующая индивида *x* в контексте *c*.

Функция в (5.254) задействуется в интерпретации не только индивидных именных групп в узком смысле, но и номинализаций, занимающих позицию стандарта сравнения, таких, как например, (5.255) из турецкого языка:

(5.255) Maria benim düşün-düğü-m-den zengin.
Мария мой думать-PART-1SG-ABL богатый
Мария богаче, чем я думал. (Hofstetter 2009)

В (5.255) функция *f* применяется к сущности, соответствующей ситуации ‘я думал’. Подобные отглагольные конструкции в различных вариантах — единственный доступный в турецком языке эквивалент для несуществующих сентенциальных стандартов сравнения с финитной формой глагола.

В Sudo 2009 (см. также Bhatt, Takahashi 2007) обсуждаются японские сравнительные конструкции, которые, подобно турецким, могут быть только фразовыми. Я. Судо предполагает, что те случаи, когда стандарт сравнения выглядит как предикация, на самом деле представляют собой относительные предложения с фонологически невыраженными параметрическими существительными — такими, как ‘высота’, ‘красота’, ‘доброта’ и т.д. Рассмотрим японский пример (5.256):

(5.256) Taroo-wa [Hanako-ga katta (ryoo)]-yori takusanno kasa-o katta.
Тароо-TOP Ханако-NOM купил количество-чем много зонт-ACC купил
Тароо купил больше зонтиков, чем купил Ханако [= чем количество, которое купил Ханако].

Как подчеркивает Я. Судо, «отношение между вершинным именем и относительной клаузой в японских относительных конструкциях “слабее”, чем в аналогичных конструкциях английского языка: им достаточно находиться в отношении отдаленной ассоциации» (aboutness relation; ср. Kuno 1973, Murasugi 1991).

Этот анализ японских фразовых компаративов и анализ турецких данных, предложенный в Hofstetter 2009, имеют два важных общих свойства. Во-первых, в обоих языках

компаративный оператор не способен соединяться с сентенциальной составляющей. В турецком она номинализуется, а в японском — превращается в относительное предложение. Во-вторых, отношение между степенью и сущностью, выступающей в качестве стандарта, в обоих языках остается очень свободным и контекстно-зависимым[33].

5.4.4.3. Фразовые компаративы

В предыдущем разделе обсуждались две возможности того, каким образом составляющая, обозначающая ситуацию, может выступать в качестве стандарта сравнения в языке с фразовым компаративом. Это номинализация, как в турецком языке, или относительное предложение с фонологически пустой вершиной, как в японском. Рассмотрим с этой точки зрения мишарские данные.

Как показывают примеры (5.241a-b), в мишарском диалекте отсутствуют финитные сентенциальные стандарты сравнения. В отличие от турецкого, в мишарском диалекте невозможны и номинализованные причастия на *-gan,* если стандарт сравнения оформляется аблативом.

(5.257) *marat [kičä usal **bul-gan-nan**] bügen moŋsu(-rak).
Марат вчера злой **быть-PFCT-ABL** сегодня грустный-COMP
*Марат сегодня более грустен, **чем** он **был** зол вчера.*

(5.258) ??malaj katɤ(-rak) ǯɤrla-dɤ kɤz-nɤŋ **sejläš-kän-e-n-nän**.
мальчик громко-COMP петь-PST девочка-GEN **говорить-PFCT-3-OBL-ABL**
*Мальчик пел громче, **чем** девочка **говорила**.*

Как показывает парадигма в (5.259), неприемлемость номинализации на *-gan* не зависит ни от падежного оформления субъекта номинализации, ни от наличия согласовательной морфологии на отглагольном имени (см. 6.4.3.1 о согласовании в номинализации и о падежном кодировании ее актантов):

(5.259) a. ??**min ujla-gan-nan** bu malaj ɤzɤn(-rak).
я думать-PFCT-ABL этот мальчик высокий-COMP
*Этот мальчик выше, **чем я думал**.* {a=b=c=d}

---

[33] Интересный вопрос, возникающий в этой связи, — возможно ли свести эти два анализа к общему знаменателю. Можно ли объяснить турецкие компаративы, предположив в их струкутре относительные предложения с непроизносимым параметрическим именем, а японские — с помощью анализа через номинализацию?

Ж. Корнфилт (Kornfilt 2005) предлагает анализ, согласно которому турецкие причастные конструкции типа (i), которые выглядят как безвершинные относительные предложения, на самом деле содержат легкую вершину, в роли которой выступает нулевое местоимение:

(i) [[e$_1$ geçen yaz ada-ya gel-en] Ø-ler]
прошлый лето остров-DAT приезжать-PART -PL
(те,) кто прибыл на остров прошлым летом

Таким образом, в общем случае причастные конструкции в турецком языке могут иметь и структуру номинализаций, и структуру относительных предложений с легкой вершиной. Основной вопрос, возникающий в этом месте, — можно ли проинтерпретировать синтаксический ноль в относительных конструкциях типа (i) как параметрическое существительное и тем самым окончательно уподобить турецкий компаратив японскому. Решение проблемы, однако, выходит далеко за рамки этого раздела.

b. ??**minem** **ujla-gan-nan** bu malaj ɤzɤn(-rak).
я.GEN **думать-PFCT-ABL** этот мальчик высокий-COMP

c. ??**min** **ujla-gan-ɤm-nan** bu malaj ɤzɤn(-rak).
я **думать-PFCT-1SG-ABL** этот мальчик высокий-COMP

d. ??**minem** **ujla-gan-ɤm-nan** bu malaj ɤzɤn(-rak).
я.GEN **думать-PFCT-1SG-ABL** этот мальчик высокий-COMP

Послеложная группа с *karaganda*, напротив, с номинализованными причастиями совместима:

(5.260) marat [kičä usal **bul-gan-ga**] **karaganda** bügen moŋsu(-rak).
Марат вчера злой **быть-PFCT-DAT** **по.сравнению.с** сегодня грустный-COMP
*Марат сегодня более грустен, **чем** он **был** зол вчера.*

(5.261) malaj katɤ(ʔ-rak) ǯɤrla-dɤ [kɤz-nɤŋ **sejläš-kän-e-n-ä**]
мальчик громко-COMP петь-PST девочка-GEN **говорить-PFCT-3-OBL-DAT**
karaganda.
по.сравнению.с
*Мальчик пел громче, **чем** девочка **говорила**.*

(5.262) a. **min** **ujla-gan-ga** **karaganda** bu malaj ɤzɤn(-rak).
я **думать-PFCT-DAT** **по.сравнению.с** этот мальчик высокий-COMP
*Этот мальчик выше, **чем я думал**.* {a=b}

b. **minem** **ujla-gan-ga** **karaganda** bu malaj ɤzɤn(-rak).
я.GEN **думать-PFCT-DAT** **по.сравнению.с** этот мальчик высокий-COMP

Еще одна возможность — суффикс *-ča* с широкой наречной семантикой. Некоторые носители допускают для (5.263) интересующую нас интерпретацию (5.263.1). Большинство, впрочем, рассматривает его как обстоятельственное предложение в (5.263.2).

(5.263) **min** **ujla-gan-ča** bu malaj ɤzɤn(-rak).
я **думать-PFCT-ADV** этот мальчик высокий-COMP
*1. Этот мальчик выше, **чем я думал**.*
2. Этот мальчик выше, как я и думал.

Глагольные формы на *-gan* синтаксически неоднозначны, так что по крайней мере некоторые из представленных выше предложений априори не исключают анализа в терминах относительных клауз с легкой вершиной. Это, в частности, предложения с номинативным субъектом при форме на *-gan*, например, (5.262a). Однако генитивный субъект в мишарских относительных предложениях невозможен (см. 6.2.1), так что его появление в предложениях типа (5.261) или (5.262b) однозначно указывает на статус отглагольного образования как номинализации.

Таким образом, адекватный анализ стандартов сравнения должен предполагать, что они имеют структуру номинализации, по меньшей мере как одну из опций. На это же указывает дистрибуция двух типов стандарта сравнения в комбинации с номинализацией на *-u,* которая не способна возглавлять относительные предложения. Эта номинализация имеет в точности ту же дистрибуцию, которая наблюдается в предложениях (5.257)-

(5.262) с формой на *-gan*: она возможна в составе стандарта сравнения с *karaganda*, но невозможна как элемент аблативного стандарта:

(5.264) a. *kɤz-nɤŋ **čab-u-ɤ-n-nan** malaj tiz-räk bar-a.
девочка-GEN **бежать-NMN-3-OBL-ABL** мальчик быстрый-COMP идти-ST.IPFV
*Мальчик ходит быстрее, **чем** девочка **бегает**.* {a=b}

b. kɤz-nɤŋ **čab-u-ɤ-n-a** **karaganda** malaj tiz-räk
девочка-GEN **бежать-NMN-3-OBL-DAT** **по.сравнению.с** мальчик быстрый-COMP
bar-a.
идти-ST.IPFV

Таким образом, номинализация — возможная структура стандарта сравнения с *karaganda*. Является ли она единственной? Полностью исключить анализ в терминах относительного предложения с нулевой вершиной для предложений типа (5.260), (5.262a) не представляется возможным.

Есть, однако, факты, которые делают его маловероятным. Рассмотрим (5.265a-b):

(5.265) a. ul **min** **äjt-kän** **nɤrma-dan** küp-räk aš-a-dɤ.
он **я** **говорить-PFCT** **норма-ABL** много-COMP есть-ST-PST
*Он съел больше, **чем я** (ему) **сказал*** [= **мной сказанной нормы**].

b. ??ul **min** **äjt-kän-nän** küp-räk aš-a-dɤ.
он **я** **говорить-PFCT-ABL** много-COMP есть-ST-PST
*Он съел больше, **чем я** (ему) **сказал**.*

(5.265a) показывает, что относительные предложения, вершиной которых выступает фонологически реализованное существительное со значением меры, могут находиться в составе аблативной группы, выражающей значение стандарта. Однако если вершина не реализуется, это приводит к снижению грамматичности, как в (5.265b). Если бы нулевые вершины, интерпретируемые как параметрические существительные типа ‘норма’ в (5.265a), были доступны в мишарском диалекте, их можно было бы использовать в (5.265b) без затруднений. Тогда (5.265b) было бы так же грамматично, как (5.265a). Поскольку это не так, естественно предположить, что фонологически невыраженные параметрические существительные в мишарском диалекте невозможны.

Относительное предложение в (5.265a) примечательно тем, что вершинное существительное *nɤrma* ‘норма’ не соотносится ни с какой позицией внутри относительной клаузы. Это, однако, в целом характерно для татарского языка, где абстрактные понятия типа ‘звук’, ‘чувство’, ‘вид’ систематически употребляются в качестве вершин именно таких относительных клауз[34]:

(5.266) a. marat-nɤŋ alsu-nɤ čakɤr-a tɤr-gan **küreneš-e**
Марат-GEN Алсу-ACC звать-ST.IPFV стоять-PFCT **вид-3**
***вид** Марата, приглашающего Алсу*

[34] На этот факт обратила внимание Е.А. Лютикова.

Е.Г. Былинина. Село Кутлушкино, 2011 год.

b. mine	išek-neŋ	ač-ɤ-l-a		tɤr-gan	**tawɤš-ɤ**	ujat-tɤ.
я.ACC	дверь-GEN	открывать-ST-PASS-ST.IPFV		стоять-PFCT	**звук-3**	будить-PST

*Меня разбудил **звук** открывающейся двери.*

Наблюдения, которые сделаны в этом разделе, можно суммировать в виде следующих четырех обобщений.

Во-первых, в мишарском диалекте номинализация по какой-то причине невозможна как аргумент аблативного фразового компаратива. Причина вряд ли может быть связана с морфосинтаксическими ограничениями. (Известно, например, что номинализации имеют полную парадигму падежных форм, см. об этом 6.4.2.) Соответственно, приходится предполагать, что аблативный фразовый компаратив несовместим с денотатом номинализации, возможно, по причине конфликта логических типов — индивидного и событийного.

Во-вторых, относительные предложения с нулевой параметрической вершиной в мишарском диалекте невозможны, как видно из примеров типа (5.265b). В комбинации с предыдущим обобщением это объясняет неграмматичность всех предложений с формой на *-gan* в составе аблативного стандарта сравнения — (5.257)-(5.259) и (5.264a).

В-третьих, стандарт сравнения в виде номинализованной клаузы возможен в комбинации с послелогом *karaganda* — то есть именно с тем средством, которое мишарский диалект использует для контекстного задания стандарта. По всей видимости, вследствие этого послелог допускает больше возможностей по извлечению информации о релевантной степени реализации параметрического свойства из выражения с событийной референцией, чем аблативный сравнительный оператор. Это объясняет грамматичность предложений со стандартом сравнения, оформленным послелогом *karaganda*.

В-четвертых, фонологически реализованные параметрические существительные без затруднений образуют относительные предложения, используемые в качестве стандарта сравнения.

5.4.5. Заключение

Мы рассмотрели способы оформления сравнительных конструкций в мишарском диалекте и сделали несколько эмпирических обобщений.

Конструкции с показателем *-rak* отличаются от конструкций без эксплицитного маркирования в основном прагматически: показатель *-rak* может опускаться там, где конструкция и в его отсутствие однозначно интерпретируется как сравнительная. Его обязательность повышается там, где он нужен для разрешения неоднозначности и оптимального синтаксического анализа предложения.

Два способа маркирования стандарта сравнения — аблативная именная группа и послелог *karaganda* — демонстрируют различия в синтаксическом поведении: группа с *karaganda* расположена выше в структуре.

Мишарские сравнительные конструкции, в отличие от турецких, не допускают образования аблативного фразового компаратива от номинализаций. Номинализации возможны только в составе послеложных адъюнктов. С другой стороны, для образования фразового компаратива «японского» типа, когда компаративный оператор применяется к абстрактному существительному, модифицированному относительным предложением, вершинное имя обязательно должно иметь фонологическую реализацию.

5.5. Сумма наблюдений

Простое предложение в мишарском диалекте, как и в татарском литературном языке, в большинстве случаев является двусоставным, то есть содержит группу подлежащего и группу сказуемого. Базовый порядок слов — субъект-объект-глагол (SOV). Среди предложений с именными сказуемыми выделяются бытийные предложения, всегда содержащие связку. В прочих именных предложениях в настоящем времени связка не используется. Общий вопрос образуется присоединением вопросительного показателя либо к глаголу, либо к группе, содержащей фокус вопроса. В частном вопросе вопросительные слова обычно размещаются *in situ*. Отрицание выражается глагольным суффиксом, либо (в именных предикациях) отрицательными словами. Отрицательные местоимения требуют сентенциального отрицания в пределах той же предикации.

Прямое дополнение может маркироваться показателем аккузатива, либо оставаться неоформленным. Такие употребления имеют ряд структурных особенностей и варьируют по исследованным говорам. В чистопольском говоре (идиом с. Кутлушкино) допускаются беспадежные именные составляющие при условии, что их структура не максимальна (DP), а содержит только проекцию числа (NumP) или лексического существительного (NP). В сергачском говоре (идиом с. Рыбушкино) допускается еще одна возможность: именные группы получают абстрактный аккузатив, который, однако, имеет нулевой план выражения.

Сказуемое в простом предложении может быть представлено конструкциями со вспомогательным глаголом (КВГ), состоящими из деепричастия смыслового глагола и финитной формы глагола-сериализатора. Семантический вклад последнего —

акциональная модификация, аппликативная модификация и ряд других. Синтаксически такие конструкции представляют собой результат реструктурирования, когда результирующая конструкция оказывается композицией нескольких уровней структуры лексического глагола и нескольких уровней структуры глагола-сериализатора. В частности, оба глагола в КВГ сохраняют собственные позиции для отрицания, а во многих случаях — и для показателей актантных дериваций.

Нетривиальное синтаксическое устройство имеют предложения со сравнительными конструкциями. Показатель степени сравнения в таких конструкциях в большинстве конфигураций факультативен, а стандарт сравнения может быть выражен как группой с послелогом *karaganda* ‘по сравнению’, так и аблативной группой. В последнем случае невозможна номинализация. Мишарский стандарт сравнения, в отличие от стандарта сравнения во многих других языках, лишен сентенциальной структуры.

Глава 6

СИНТАКСИС СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ГЛАВА 6. СИНТАКСИС СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Эта глава посвящена вопросам синтаксиса сложного предложения. В разделе 6.1 «Обстоятельственные предложения» (М.Б. Ермолаева, А.Г. Пазельская, А.Б. Шлуинский) описывается структура специализированных обстоятельственных предложений различных семантических типов и, среди прочего, освещаются как деепричастные, так и союзные стратегии их образования. Здесь же предлагается описание семантически недоспецифицированных мишарских деепричастий — деепричастия на *-p* и редуплицированного деепричастия на гласную. Авторы приводят общие сведения об особенностях употребления этих деепричастных форм и формулируют основополагающую проблему, без решения которой невозможно адекватное описание их синтаксиса и семантики, — проблему разносубъектности. С опорой на дистрибуцию деепричастия на *-p* оказывается возможным выделить основные синтаксические особенности разносубъектных конструкций и исследовать условия их грамматичности. Отдельный раздел посвящен конструкциям с нулевым субъектом деепричастной клаузы, не кореферентным подлежащему финитной клаузы, а также явлению так называемого генитивного подлежащего.

Раздел 6.2 «Относительное предложение» (А.А. Ионова, кроме раздела 6.2.4, в написании которого также участвовал С.Г. Татевосов) содержит информацию об относительных предложениях, которая подается на широком типологическом фоне, и о двух стратегиях их оформления. Во-первых, это типичная для алтайских языков нефинитная стратегия, когда релятивизированная предикация приобретает причастную форму. Во-вторых, это необычная финитная стратегия, возникшая, по-видимому, в некоторых говорах мишарского диалекта под влиянием русского языка. Первая стратегия охватывает практически все уровни Иерархии доступности именных групп, а ограничения на релятивизацию преодолеваются с помощью второй стратегии. Кроме того, в разделе 6.2 выявляются возможные позиции относительного предложения среди других модификаторов именной группы, рассматривается проблема генитивного подлежащего и описываются периферийные способы оформления относительных клауз.

Раздел 6.3 «Сентенциальные дополнения» посвящен актантным предложениям. Краткий обзор имеющихся в мишарском диалекте морфосинтаксических конструкций такого типа предлагается в 6.3.1 (А.Г. Пазельская, С.Г. Татевосов). Одна из этих конструкций — актантные придаточные с постпозитивным союзом *di(je)p* — затем подробно анализируется в 6.3.2 (А.В. Подобряев). Союз *di(je)p* представляет собой грамматикализованное деепричастие глагола ‘говорить’, которое вводит содержание мысли, высказывания или эмоционального отношения. В разделе 6.3 подробно рассматриваются две группы явлений, характеризующих такие придаточные. Во-первых, это синтаксическая реализация подлежащего зависимого предложения именной группой в аккузативе.

Во-вторых, это интерпретация личных местоимений внутри таких придаточных. Автор заключает, что аккузативное подлежащее зависимой клаузы может быть аргументом функциональной вершины комплементайзера, что соответствует роли темы пропозициональной установки. Что касается интерпретации местоимений, то при определенных условиях они могут претерпевать так называемый индексикальный сдвиг, т.е. интерпретироваться не с точки зрения координат речевого акта, а с точки зрения субъекта пропозициональной установки. В разделе подробно обсуждается синтаксис и семантика таких употреблений.

Раздел 6.4 «Номинализация на *-и*» (М.Д. Васильева) — это компендиум малоизвестных и вовсе неизвестных фактов о двух типах номинализации в мишарском диалекте. Автор принимает к рассмотрению отглагольные имена на *-и*, например, *jasa-и* ‘рисование’, а также формы на *-gan*, которые в большинстве употреблений имеют причастную дистрибуцию, но допускаются и в синтаксических контекстах, характерных для номинализаций. В работе охватывается широкий круг явлений, сгруппированных в две большие рубрики — «внешний» и «внутренний» синтаксис номинализаций. К первой относятся факты, которые характеризуют номинализацию как производное существительное. Это способность проецировать именную группу и в составе этой именной группы занимать определенные позиции в предложении. Автор исследует в этой связи сочетаемость номинализаций с прилагательными, кванторами и числительными, способность присоединять показатель множественного числа, а также интересные синтаксические нюансы, связанные с тем, что свойства номинализаций в актантной и сирконстантной позициях не полностью совпадают. Раздел о внутреннем синтаксисе содержит два взаимосвязанных сюжета — падежное кодирование актантов глагольной основы и согласование именной вершины с одним из этих актантов.

Раздел 6.5 «Анафорические отношения в сложном предложении» (А.Б. Шлуинский) посвящен дистрибуции стандартных анафорических средств: нулевых единиц, простых и сложных рефлексивов, анафоров и местоимений первого и второго лица. Автор показывает, что сложный рефлексив менее локален, чем во многих других языках: он может употребляться в зависимой предикации при наличии антецедента в главной. Употребление простого рефлексива оказывается основным параметром, по которому различается анафора в актантных и обстоятельственных целевых зависимых предикациях, с одной стороны, и всех прочих зависимых обстоятельственных предикациях — с другой. В первом случае при наличии контролера в главном предложении оно допустимо, во втором — нет.

В заключительном разделе 6.6 «Проблема сочинения и подчинения» (А.Г. Пазельская) изучается проблема разграничения синтаксического сочинения и подчинения для элементов сложного предложения и показывается необходимость независимо различать симметричность / асимметричность отношения между ними на морфологическом, синтаксическом и семантическом уровнях. Среди прочего, в разделе 6.6 демонстрируется, что мишарские деепричастия в обстоятельственных предложениях проявляют однозначно подчинительные свойства даже в тех случаях, когда оформляют семантически равноправные предикации; что союз *čenki* ‘потому что’ с точки зрения синтаксиса является сочинительным; и наконец, что один из классических тестов на синтаксическое сочинение — преобразование в сентенциальный актант —оказывается в этом качестве малопригоден.

Материал, на котором построено изложение в разделе 6.1, представляет в основном чистопольский говор (идиом с. Татарский Елтан), в разделе 6.1.2 приводятся также данные

сергачского говора (идиом с. Рыбушкино). Разделы 6.2-6.4 опираются на материал чистопольского и сергачского говоров (идиомы с. Кутлушкино и с. Рыбушкино), кроме раздела 6.3.1, где также использованы данные идиома с. Татарский Елтан. Материал для разделов 6.5-6.6 собран с носителями чистопольского говора (идиом с. Татарский Елтан).

6.1. Обстоятельственные предложения[1]

В этом разделе предлагается описание обстоятельственных предложений мишарского диалекта.

Конструкции с обстоятельственными предложениями, или сентенциальными сирконстантами, — это разновидность полипредикативных конструкций со следующими свойствами:

- в отличие от относительных предложений (см. 6.2), обстоятельственные предложения зависят от вершины главной предикации, а не определяют именную составляющую внутри нее;
- в отличие от сентенциальных актантов (см. 6.3), обстоятельственные предложения не являются реализацией валентности вершинного предиката. Такие конструкции служат для грамматического выражения семантических отношений между двумя пропозициями.

Обстоятельственные предложения различных тюркских языков рассматриваются в Дмитриев 1962 и Убрятова 1962, а также в Johanson, Johanson 2015. Глагольные формы, использующиеся в обстоятельственных предложениях в диалектах татарского языка (прежде всего это деепричастия), описаны в Юсупов 1985. Деепричастные конструкции кумыкского языка подробно описаны в Джанмавов 1967, татарским обстоятельственным деепричастиям посвящены статьи Фарисова 2009 и Саурбаев 2011, а деепричастия башкирского и татарского языков сопоставительно изучаются в Юлдашев 1977; особый подход к тюркским обстоятельственным предложениям разработан в Черемисина 1980 и Шамина 1987. Обстоятельственные предложения литературного татарского языка подробно описаны в грамматике ТГ 1992: 336-415.

Существует межъязыковой набор обстоятельственных значений, общий для простых и сентенциальных сирконстантов. Подробный обзор этих значений представлен в известной работе Thompson, Longacre 1985, см. также Подлесская 1993, Kortmann 1998. Это в первую очередь обстоятельства времени, цели, причины, условия, уступки, места и сравнения. Перечисленные значения не равноправны. Например, временные отношения, выражаемые конструкциями с соответствующими сирконстантами, могут реинтерпретироваться как причинные, условные, уступительные отношения (см. о связи различных обстоятельственных значений Чумакина 2001).

Засвидетельствованные способы выражения обстоятельственных предложений реализуют одну из двух возможностей. Это или показатели, маркирующие глагольную словоформу зависимой предикации, или союзы, вводящие зависимую предикацию с финитным предикатом. В мишарском диалекте реализованы обе эти возможности и пред-

[1] Раздел опирается на переработанный и дополненный материал из Пазельская, Шлуинский 2007.

ставлены, таким образом, две стратегии оформления обстоятельственных предложений:

- деепричастная и инфинитивная стратегии, где обстоятельственное значение выражается в глагольной словоформе, возглавляющей зависимую предикацию;
- союзная стратегия, где обстоятельственное значение выражается союзом.

В мишарском диалекте представлены конструкции с обстоятельственными предложениями с союзами, находящимися в постпозиции или препозиции к зависимой предикации, а также с союзами, находящимися внутри зависимой предикации.

В Nedjalkov 1995 представлена следующая классификация деепричастий:

- специализированные деепричастия, выражающие частные обстоятельственные значения;
- контекстные деепричастия, которые семантически недоспецифицированы, а их интерпретация в большой степени определяется контекстом (примером контекстных деепричастий у В.П. Недялкова служат деепричастия в русском языке);
- нарративные деепричастия, которые употребляются в нарративных текстах, описывающих последовательность ситуаций во времени.

Бóльшая часть деепричастных форм, рассматриваемых в этом разделе, — это специализированные деепричастия по Nedjalkov 1995; информация о них собрана в разделе 6.1.1. Кроме того, в мишарском диалекте представлены обстоятельственные конструкции с деепричастием на *-p* и редуплицированным деепричастием на гласную, по-видимому, не имеющие специализированного значения, но удовлетворяющие сформулированным выше признакам обстоятельственных предложений. Эти деепричастия охарактеризованы в 6.1.2. О соотнесении этих мишарских деепричастий с понятиями контекстных и нарративных деепричастий по В.П. Недялкову см. 6.1.2.3.

За исключением специально оговариваемых ниже случаев, конструкции с обстоятельственными предложениями в мишарском диалекте имеют следующие свойства.

Во-первых, зависимая предикация линейно предшествует главной или вкладывается в нее. Линейное следование зависимой предикации за главной маркировано и предполагает соблюдение специальных дискурсивных и прагматических условий, которые требуют дополнительного изучения. Приведем соответствующие примеры с предложениями времени, возглавляемыми деепричастной формой на *-gač*.

(6.1) a. [rišat **kil-gäč**] zefär kit-te.
Ришат **приходить-ANT** Зуфар уходить-PST
***Когда** Ришат **пришел**, Зуфар ушел.* {a=b=c}

b. zefär [rišat **kil-gäč**] kit-te.
Зуфар Ришат **приходить-ANT** уходить-PST

c. ?zefär kit-te, [rišat **kil-gäč**].
Зуфар уходить-PST Ришат **приходить-ANT**

Во-вторых, семантически зависимая предикация проявляет свойства синтаксического подчинения. Современная синтаксическая теория предлагает ряд

тестов, различающих синтаксически сочинительную и подчинительную конструкции (об этих тестах см. Тестелец 2001: 255-265, Culicover, Jackendoff 1997, Haspelmath 1995, Haspelmath 2004; о проблеме разграничения сочинения и подчинения в мишарских полипредикативных конструкциях см. также 6.6).

Основные два теста, которые применялись к обстоятельственным предложениям мишарского диалекта, — это тест на линейное вложение и тест на релятивизацию. Тест на линейное вложение заключается в том, что зависимая предикация может вкладываться внутрь главной, но ни одна из сочиненных предикаций не может вкладываться в другую. Способность мишарских обстоятельственных предложений вкладываться в главную предикацию на примере предложений времени с деепричастием на *-gač* проиллюстрирована в (6.1b). Тест на релятивизацию состоит в том, что любая ИГ главной предикации подчинительной конструкции может служить мишенью релятивизации (ср. (6.2a-b)); сочинение, напротив, — это барьер, препятствующий образованию относительного предложения.

(6.2) a. [zefär **ešl-ä-gän-dä**] läjsän radio tɤŋl-ɤj.
Зуфар **работать-ST-PFCT-SIM** Лейсан радио слушать-ST.IPFV
*Лейсан слушает радио, **когда** Зуфар **работает**.*

b. min [[zefär **ešl-ä-gän-dä**] radio tɤŋl-a-u-čɤ]
я Зуфар **работать-ST-PFCT-SIM** радио слушать-ST-NMN-PART
läjsän-ne bel-ä-m.
Лейсан-ACC знать-ST.IPFV-1SG
*Я знаю Лейсан, которая слушает радио, **когда** Зуфар **работает**.*

В-третьих, оформление обстоятельственного предложения одинаково как при общем субъекте главной и зависимой предикаций, так и при различных субъектах:

(6.3) a. $\varnothing_i$ **ar-ɤ-gan-ga** $ilnur_i$ kat_j-tɤ.
уставать-ST-PFCT-CAUSE Ильнур возвращаться-PST
*Ильнур вернулся, **потому что устал**.*

b. änä-se a-nɤ **čakɤr-gan-ga** ilnur kat_j-tɤ.
мать-3 он-ACC **звать-PFCT-CAUSE** Ильнур возвращаться-PST
*Ильнур вернулся, **потому что** мать его **позвала**.*

О равносубъектности и разносубъектности татарских полипредикативных конструкций см. также ТГ 1992: 338-339.

В-четвертых, если обстоятельственное предложение оформляется при помощи деепричастной стратегии, то деепричастия, маркирующие зависимую предикацию, не могут быть вершиной независимого предложения (6.4) и не присоединяют лично-числовых показателей (6.5), т.е. являются нефинитными глагольными формами в традиционном понимании этого термина:

(6.4) *rišat **kil-gäč**.
Ришат **приходить-ANT**
*Ришат **пришел**.*

(6.5) *min **kil-gäč-*men*** aš-a-dɤ-m.
я **приходить-ANT-*1SG*** есть-ST-PST-1SG
***Придя**, я поел.*

В-пятых, обстоятельственное предложение может зависеть от предикации, возглавляемой любой глагольной формой, — ср. употребление предложения времени с деепричастием на *-gančɤ*, зависимым от форм Претерита в (6.6a), Футурума 1 в (6.6b), Презенса в (6.6c) и Имперфекта в (6.6d):

(6.6) a. **kit-kän-če** ilnur **aš-a-dɤ**.
уходить-PFCT-POST Ильнур **есть-ST-PST**
***Перед тем как уйти**, Ильнур поел.*

b. **kit-kän-če** ilnur **aš-a-r**.
уходить-PFCT-POST Ильнур **есть-ST-POT**
***Перед тем как уйти**, Ильнур поест.*

c. **kit-kän-če** ilnur **aš-ɤj**.
уходить-PFCT-POST Ильнур **есть-ST.IPFV**
***Перед тем как уйти**, Ильнур ест.*

d. **kit-kän-če** ilnur **aš-ɤj** **i-de**.
уходить-PFCT-POST Ильнур **есть-ST.IPFV** **AUX1-PST**
***Перед тем как уйти**, Ильнур ел.*

Анафорические отношения в обстоятельственных предложениях рассмотрены отдельно в разделе 6.5.

6.1.1. Специализированные обстоятельственные предложения

В этом разделе охарактеризованы обстоятельственные предложения, которые выражают специализированные отношения между пропозициями — временное, условное, уступительное и т.д.

6.1.1.1. Обстоятельственные предложения времени

Общее значение обстоятельственных предложений времени состоит в том, что время осуществления ситуации, описываемой главной предикацией, указывается посредством соотнесения ее во времени с ситуацией, выраженной зависимой предикацией. Часто ситуация, выраженная зависимой предикацией, прагматически является причиной, следствием, условием ситуации, выраженной главной предикацией[2].

[2] В описательных работах встречаются утверждения, что некоторое средство маркирует одновременно несколько обстоятельственных значений. Предполагается, например, что татарская деепричастная форма на *-gač* выражает время, условие и причину (ТГ 1992: 359), а деепричастная форма на *-gan-da* (см. ниже 6.1.1.1.2.1) маркирует время и условие (ТГ 1992: 349). Однако представляется неверным описывать интерпретации обстоятельственных конструкций, обусловленные наиболее прагматически вероятной семантической связью между двумя описываемыми ситуациями, как отдельные значения.

Для временных предложений релевантны таксисные противопоставления: временны́е предложения предшествования, одновременности и следования маркируются по-разному.

6.1.1.1.1. Обстоятельственные предложения времени со значением предшествования. Общее значение временных предложений предшествования состоит в том, что ситуация, описываемая зависимой предикацией, заканчивается до начала ситуации, описываемой главной предикацией.

6.1.1.1.1.1. Деепричастие предшествования на -gač. Стандартное средство выражения предшествования — показатель *-gač*, маркирующий глагольную словоформу зависимой предикации (см. о нем также ТГ 1992: 359-360, Юсупов 1985: 160-166).

(6.7) rišat **ǯʏrl-a-gač** aš-a-dʏ.
Ришат **петь-ST-ANT** есть-ST-PST
***Когда** Ришат **спел**, (он) поел.*

(6.8) zefär **ǯʏrl-a-gač** läjsän kit-ä-r.
Зуфар **петь-ST-ANT** Лейсан уходить-ST-POT
***Когда** Зуфар **споет**, Лейсан уйдет.*

Кроме того, в значении предшествования употребляется также форма на *-gač* с показателем аблатива *-dan*[3]. Мы не обнаружили семантических различий между формой на *-gač* с показателем аблатива или без него:

(6.9) a. änä-se timur-nʏ **aš-a-t-kač** renat aŋa üpkäl-ä-de.
мать-3 Тимур-ACC **есть-ST-CAUS-ANT** Ренат он.DAT обижаться-ST-PST
***Когда** мать **накормила** Тимура, Ренат на него обиделся.* {a=b}

b. änä-se timur-nʏ **aš-a-t-kač-tan** renat aŋa üpkäl-ä-de.
мать-3 Тимур-ACC **есть-ST-CAUS-ANT-ABL** Ренат он.DAT обижаться-ST-PST

6.1.1.1.1.2. Дательный падеж имени действия в значении непосредственного предшествования. Предшествование выражается также формой дательного падежа имени действия на *-и* (см. 6.4, а также ТГ 1992: 344). Обстоятельственные предложения, возглавляемые этой формой, имеют значение непосредственного предшествования, аналогичное значению русского союза *как только*:

(6.10) rišat **kil-ü-gä** ätä-se a-nʏ čakʏr-dʏ.
Ришат **приходить-NMN-DAT** отец-3 он-ACC звать-PST
***Как только** Ришат **пришел**, отец его позвал.*

Если зависимая предикация возглавляется именем действия, в принципе возможно наличие или отсутствие в его составе показателей посессивности, а также употребление субъекта такой предикации как в номинативе, так и в генитиве (об изафетных конструкциях мишарского диалекта см. 4.2.2; имена действия подробно обсуждаются в 6.4). Обычно форма дательного падежа имени действия употребляется в значении предшест-

[3] Других падежных показателей форма на *-gač* присоединять не может.

вования без показателей посессивности, и в этом случае субъект зависимой предикации может выражаться только номинативом[4]:

(6.11) a. rišat **kil-ü-gä** zefär kit-te.
Ришат **приходить-NMN-DAT** Зуфар уходить-PST
*Зуфар ушел, **как только** Ришат **пришел**.* {a=b}

b. *rišat-***ᴎɤŋ** **kil-ü-gä** zefär kit-te.
Ришат-***GEN*** **приходить-NMN-DAT** Зуфар уходить-PST

Если же словоформа имени действия содержит показатель посессивности, то субъект зависимой предикации может выражаться как номинативом, так и генитивом:

(6.12) a. rišat **kil-ü-e-n-ä**, zefär kit-te.
Ришат **приходить-NMN-3-OBL-DAT** Зуфар уходить-PST
*Зуфар ушел, **как только** Ришат **пришел**.* {a=b}

b. rišat-***ᴎɤŋ*** **kil-ü-e-n-ä**, zefär kit-te.
Ришат-***GEN*** **приходить-NMN-3-OBL-DAT** Зуфар уходить-PST

Семантического контраста между употреблением имени действия с показателем посессивности и без него в данной конструкции выявлено не было.

6.1.1.1.2. Обстоятельственные предложения времени со значением одновременности. Общее значение предложений одновременности состоит в том, что ситуация, описываемая зависимой предикацией, происходит одновременно с ситуацией, описываемой главной предикацией. Это значит, что временные интервалы, на которых ситуации имеют место, либо совпадают, либо один из них вложен в другой.

6.1.1.1.2.1. Деепричастие одновременности на -gan-da. Основным способом выражения одновременности можно считать деепричастную форму на *-gan-da*, по происхождению — форму перфективного причастия на *-gan* в локативе[5] (см. о ней также ТГ 1992: 349). В (6.13)-(6.16) представлены предложения, описывающие разные случаи одновременного проистекания двух ситуаций. В (6.13) ситуация, описываемая главной предикацией, имеет место после начала ситуации, описываемой зависимой предикацией, и до ее окончания. В (6.15), напротив, время ситуации, описываемой зависимой предикацией, вложено во время ситуации, описываемой главной предикацией. В (6.14) и (6.16) временные границы ситуаций, описываемых главной и зависимой предикациями, совпадают:

(6.13) rišat **ɮɤrl-a-gan-da**, zefär kit-te.
Ришат **петь-ST-PFCT-SIM** Зуфар уходить-PST
***Когда** Ришат **пел**, Зуфар ушел.*

[4] Конструкция, состоящая из вершины именной группы без показателя посессивности и зависимого имени в генитиве, в мишарском диалекте невозможна (см. 4.1). Обстоятельственные конструкции с причастием или именем действия, способным принимать показатель изафета, подтверждают этот запрет.

[5] В Юлдашев 1977 падежные формы причастий с обстоятельственным значением и употреблением не признаются деепричастиями, хотя автор и указывает на то, что они выполняют деепричастную функцию. В Черемисина 1980 для этого явления предложен специальный термин «предикативное склонение причастия».

(6.14) rišat **kil-gän-dä**, zefär dä kil-de.
Ришат **приходить-PFCT-SIM** Зуфар EMPH приходить-PST
***Когда** Ришат **пришел**, тогда и Зуфар* {т.е. вместе с ним} *пришел.*

(6.15) rišat **kil-gän-dä**, läjsän ǯɤrl-ɤj i-de.
Ришат **приходить-PFCT-SIM** Лейсан петь-ST.IPFV AUX1-PST
***Когда** Ришат **пришел**, Лейсан пела.*

(6.16) zefär batinka-sɤ-n **tap-kan-da**, rišat kil-de.
Зуфар ботинок-3-OBL.ACC **находить-PFCT-SIM** Ришат приходить-PST
Когда {т.е. как раз в тот момент, когда} *Зуфар **нашел** ботинок, Ришат пришел.*

Если ситуация, описываемая зависимой предикацией, по прагматическим причинам не может происходить одновременно с ситуацией, описываемой главной предикацией, а может быть только близка к ней по времени, деепричастие на *-gan-da* избегается:

(6.17) *zefär batinka-sɤ-n **tap-kan-da** kit-te.
Зуфар ботинок-3-OBL.ACC **находить-PFCT-SIM** уходить-PST
*Зуфар, **когда*** {т.е. раз в тот момент, когда} ***нашел** ботинок, ушел.*

6.1.1.1.2.2. Относительные предложения при существительном wakɤt ‘время’. Значение одновременности может также выражаться относительным предложением, вершиной которого выступает причастие на *-gan*, относящееся к существительному *wakɤt* ‘время’ в локативе:

(6.18) min **ǯɤrl-a-gan** **wakɤt-ta** änä mine tɤŋl-ɤj.
я **петь-ST-PFCT** **время-LOC** мать я.ACC слушать-ST.IPFV
Когда [= в то время, когда] *я **пою**, мать меня слушает.*

6.1.1.1.3. Обстоятельственные предложения времени со значением следования. Значение предложений следования состоит в том, что ситуация, описываемая зависимой предикацией, следует во времени за ситуацией, описываемой главной предикацией, то есть начинается после ее окончания.

6.1.1.1.3.1. Деепричастие следования на -gan-čɤ. Основным способом выражения значения следования в мишарском диалекте следует считать деепричастную форму на *-gan-čɤ* (см. о ней также ТГ 1992: 360-361, Юсупов 1985: 166-175).

(6.19) rišat **kit-kän-če**, aš-a-dɤ.
Ришат **уходить-PFCT-POST** есть-ST-PST
*Ришат, **перед тем как ушел**, поел.*

(6.20) rišat **kil-gän-če**, zefär kit-ä-r.
Ришат **приходить-PFCT-POST** Зуфар уходить-ST-POT
***Перед тем как** Ришат **придет**, Зуфар уйдет.*

6.1.1.1.3.2. Относительное предложение при существительном wakɤt ‘время’ и послеложная конструкция с послелогом aldɤnnan ‘перед’. Значение следования может быть выражено при помощи следующих конструкций, характерных для разговорной речи. Во-первых, это послелог *aldɤnnan* ‘перед’ в сочетании с причастной

формой на *-r*. Во-вторых, это относительное предложение, оформленное при помощи того же причастия, возглавляемое существительным *wakʏt* ‘время’ в локативе. Эти конструкции имеют значение непосредственного следования:

(6.21) zefär **ʒʏrl-a-r** **ald-ʏ-n-nan** rišat kit-ä-r.
Зуфар **петь-ST-POT** **перед-3-OBL-ABL** Ришат уходить-ST-POT
***Как раз перед тем как** Зуфар **запоет**, Ришат уйдет.*

(6.22) zefär **ʒʏrl-a-r** **wakʏt-ta** rišat kit-ä-r.
Зуфар **петь-ST-POT** **время-LOC** Ришат уходить-ST-POT
***Как раз перед тем как** Зуфар **запоет**, Ришат уйдет.*

6.1.1.2. Обстоятельственные предложения условия

Общее значение условных обстоятельственных предложений состоит в том, что ситуация, выраженная зависимой предикацией (т. н. протасис условной конструкции), — это условие для осуществления ситуации, выраженной главной предикацией (т. н. аподосиса). Обусловленность, которую описывают такие конструкции, мы, следуя работам А. Кратцер (см. Kratzer 2012 и цитируемую там литературу), понимаем в модальных терминах. Например, предложение (6.23) имеет интерпретацию, которая квазиформально описана в (6.24).

(6.23) Если послезавтра пойдет снег, Володя уедет в Шушенское.

(6.24) Предложение (6.23) истинно в актуальном мире w_0 в том случае, если
во всех оптимальных мирах w таких, что
до момента речи они устроены во всех релевантных аспектах так же, как w_0, и
в этих мирах послезавтра идет снег,
Володя уезжает в Шушенское.

Условные предложения, таким образом, выражают отношение подмножества между множествами миров, обозначаемыми протасисом и аподосисом. Понятие оптимального мира возникает в (6.24) ввиду следующего соображения. По всей видимости, неверно, что Володя уезжает в Шушенское абсолютно во всех мирах, где послезавтра идет снег. Среди миров, где послезавтра идет снег, могут, например, оказаться такие, где Володя не дожил до послезавтра, или такие, где Шушенское сгорело дотла месяц назад. В этом случае, очевидно, Володя никуда не едет. Именно поэтому из всех миров, где идет снег, необходимо отобрать оптимальное подмножество, где не происходит никаких катастроф, Володя сохраняет хорошую физическую форму и т.д.

Условные предложения принято разделять на три семантических типа (приведем русские примеры) — см. Akatsuka 1985, а также Храковский 1998, Подлесская 1999.

- Условные предложения с реальным условием характеризуются тем, что пропозиция, описываемая зависимой предикацией, истинна в актуальном мире: *Раз Маша уехала, я могу делать все, что захочу*[6].

[6] Существует и другая терминологическая традиция: предложениями с реальным условием иногда называют одну из разновидностей гипотетических предложений, ср. Подлесская 1999: 257.

- Условные гипотетические предложения характеризуются тем, что истинность пропозиции, описываемой зависимой предикацией, в актуальном мире не предполагается, как не предполагается и ложность. Часто в языках мира различаются с точки зрения оценки говорящим вероятности осуществления условия сильные гипотезы (например, *Если Маша завтра уедет, я смогу делать все, что захочу*) и слабые (*Если бы Маша завтра уехала, я бы смог делать все, что захочу*).
- Условные контрфактивные предложения, характеризующиеся тем, что пропозиция, описываемая зависимой предикацией, ложна в актуальном мире: *Если бы вчера Маша уехала, я бы пошел в гости к Зине.*

Обычно условные конструкции различаются с точки зрения временного плана, к которому относятся ситуации, выражаемые главной и зависимой предикациями. Гипотетические предложения в силу прагматических причин чаще всего относятся к плану будущего, а контрфактивные — к плану прошедшего или настоящего. Однако возможны и гипотезы о прошлом или настоящем: *Если Маша уехала, то Вася сейчас у Зины.* Предложения, оформленные как контрфактивные, могут относиться к плану будущего, однако здесь семантические и прагматические различия между гипотезой и контрфактивным предложением минимальны: *Если бы у меня завтра выросли крылья, я бы улетел в другую страну.*

Гипотетические и контрфактивные условные предложения в мишарском диалекте с точки зрения способа выражения принципиально отличаются от предложений с реальным условием. Первые два типа маркируются специальной деепричастной формой (иначе называемой формой условного наклонения) на *-sa*, которая не является финитной формой, как видно из (6.25), но тем не менее присоединяет лично-числовые показатели, как показывает (6.26):

(6.25) a. * ilnur **kil-sä**.
Ильнур **приходить-COND**
***Если** Ильнур **придет**.*

b. * min **kil-sä-m**.
я **приходить-COND-1SG**
***Если** я **приду**.*

(6.26) a. (ägär) min kʏš **bul-sa-m**
если я птица **быть-COND-1SG**
xawa-ga ʏč-a-r i-de-m.
небо-DAT летать-ST-POT AUX1-PST-1SG
***Если бы** я **был** птицей, я бы полетел на небо.* {a=b}

b. *(ägär) min kʏš **bul-sa** xawa-ga ʏč-a-r i-de-m.
если я птица **быть-COND** небо-DAT летать-ST-POT AUX1-PST-1SG

ее следствие, выражаемое главной предикацией. Лично-числовые показатели в этом случае могут присоединяться как к форме кондиционалиса, как в (6.27a), так и к форме вспомогательного глагола, как в (6.27b), но не к двум одновременно:

(6.27) a. (ägär) min kʏš **bul-sa-m** ***i-de***
если я птица **быть-COND-1SG** ***AUX1-PST***

xawa-ga ʏč-a-r i-de-m.
небо-DAT лететь-ST-POT AUX1-PST-1SG

Если бы *(как я хочу) я* ***был*** *птицей, я бы полетел на небо.* {a=b}

b. (ägär) min kʏš **bul-sa** ***i-de-m***
если я птица **быть-COND** ***AUX1-PST-1SG***

xawa-ga ʏč-a-r i-de-m.
небо-DAT лететь-ST-POT AUX1-PST-1SG

Статус условных предложений с реальным условием в классификации условных предложений может быть спорным. Однако мишарский языковой материал (см. о татарских условных предложениях также ТГ 1992: 362-364, 373) скорее позволяет рассматривать такие предложения как условные, потому что они, как и прочие условные предложения, могут вводиться факультативным союзом *ägär* ‘если’, находящимся в препозиции к зависимой предикации. Прочие сведения о строении предложений с реальным условием будут изложены отдельно.

6.1.1.2.1. Условные предложения о прошлом и настоящем. Прошлое и настоящее, в отличие от будущего, является метафизически определенным: для актуального мироздания нет возможности быть иным, чем оно есть. Для прошлого и настоящего возможна только эпистемическая неопределенность, связанная с неполнотой наших знаний. Соответственно, условные предложения, описывающие прошлое и настоящее, различают две фундаментальные возможности: гипотетичность и контрфактичность. Контрфактические условные предложения представляют собой утверждения о положениях вещей, отличных от актуальных. Гипотетические условные предложения сообщают информацию об эпистемически возможных положениях вещей.

При отнесении ситуации, описываемой зависимой предикацией, к прошлому в зависимой предикации употребляется сложная конструкция из перфективного причастия на *-gan* и кондиционалиса вспомогательного глагола *bula,* которая показана в (6.28a). Некоторые носители допускают и простую форму кондиционалиса, как в (6.28b). В главной предикации чаще всего употребляется форма перфекта на *-gan* с модальным показателем *-dʏr* (см. о нем ТГ 1992: 357-358):

(6.28) a. (ägär) renat ilnur-lar-ga **ker-gän** **bul-sa**
если Ренат Ильнур-PL-DAT **входить-PFCT** **AUX2-COND**

ul aŋa jaŋa-lʏk-lar-nʏ **sejl-ä-gän-der.**
он он.DAT новый-NOMIN-PL-ACC **рассказывать-ST-PFCT-DYR**

Если *Ренат* ***зашел*** *к Ильнуру* [= к Ильнурам]*, он (, наверное,) рассказал ему новости.* {a=b}

b. ? (ägär) renat ilnur-lar-ga **ker-sä**
если Ренат Ильнур-PL-DAT **входить-COND**

ul aŋa jaŋa-lɣk-lar-nɤ **sejl-ä-gän-der.**
он он.DAT новый-NOMIN-PL-ACC **говорить-ST-PFCT-DYR**

В главной предикации могут употребляться и другие глагольные формы, в частности, Перфект без дополнительных показателей или Презенс, которые показаны в (6.29)-(6.30). В последнем случае предложение описывает гипотезу о настоящем.

(6.29) (ägär) renat ilnur-lar-ga **ker-gän** **bul-sa**
если Ренат Ильнур-PL-DAT **входить-PFCT** **AUX2-COND**

ul aŋa jaŋa-lɣk-lar-nɤ **sejl-ä-gän**.
он он.DAT новый-NOMIN-PL-ACC **говорить-ST-PFCT**

***Если** Ренат **зашел** к Ильнуру* [= к Ильнурам]*, он ему **рассказал** новости.*

(6.30) (ägär) rišat **kil-gän** **bul-sa**
если Ришат **приходить-PFCT** **AUX2-COND**

ul xäzer **aš-ɤj**.
он сейчас **есть-ST.IPFV**

***Если** Ришат **пришел**, он сейчас **ест**.*

Употребление Претерита в главной предикации невозможно:

(6.31) *(ägär) rišat **kil-gän** **bul-sa** ul **aš-a-dɤ**.
если Ришат **приходить-PFCT** **AUX2-C OND** он **есть-ST-PST**

***Если** Ришат **пришел**, то он **поел**.*

В зависимой предикации условных контрфактивных предложений употребляется та же сложная форма, состоящая из перфективного причастия на *-gan* и кондиционалиса вспомогательного глагола *bula,* что и в гипотетических условных предложениях в (6.28)-(6.30). В главной предикации употребляется обычно одна из форм, содержащих причастие будущего времени на *-r* и Претерит вспомогательного глагола *ide*.

При отнесении контрфактивной ситуации к прошлому в главной предикации употребляется сложная форма из перфективного причастия смыслового глагола и формы Будущего в прошедшем вспомогательного глагола *bula,* которая показана в (6.32a). Доступность простой формы Будущего в прошедшем без вспомогательного глагола *bula* в этом контексте, судя по всему, варьирует по говорам. Она избегается в чистопольском говоре (с. Татарский Елтан), как показывает (6.32b), однако, допускается в сергачском (с. Большое Рыбушкино), как в (6.33):

(6.32) a. (ägär) kičä jaxšɤ xawa **bul-gan** **bul-sa**
если вчера хороший небо **быть-PFCT** **AUX2-COND**

min kɤjɤn-ɤ-r-ga **bar-gan** **bul-ɤ-r** **i-de-m.**
я купаться-ST-POT-INF **идти-PFCT** **AUX2-ST-POT** **AUX1-PST-1SG**

***Если бы** вчера **была** хорошая погода* [= небо]*, я **пошел бы** купаться.* {a=b}

b. ??(ägär) kičä jaxšɤ xawa **bul-gan** **bul-sa**
если вчера хороший небо **быть-PFCT** **AUX2-COND**

min kɤjɤn-ɤ-r-ga **bar-ɤ-r** **i-de-m**.
я купаться-ST-POT-INF **идти-ST-POT** **AUX1-PST-1SG**

(6.33) Контекст: Разговор происходит после обеда; Марат собирался утром уехать, но остался дома.
marat irtä **kit-kän** **bul-sa**,
Марат утро **уходить-PFCT** **AUX2-COND**

ul pojɤzd-ga **elger-e-r** **i-de**.
он поезд-DAT **успевать-ST-POT** **AUX1-PST**

Если бы *Марат* ***уехал*** *утром, он* ***успел бы*** *на поезд.*

В (6.33) ложность протасиса — это часть контекста, и предложение имеет однозначно контрфактическую интерпретацию. Форма Будущего в прошедшем тем не менее допускается. На такую же возможность, когда форма Будущего в прошедшем используется в контрфактическом аподосисе, указывает и ТГ 1993: 153 для литературного диалекта.

Особое место среди контрфактивных предложений занимают предложения, описывающие контрфактическую зависимость от пропозиции, выражающей свойство индивидного уровня, например, ‘быть женщиной’. В зависимой предикации в этом случае используется либо кондиционалис (как в условных гипотетических конструкциях с временной референцией к настоящему, см. (6.26)), либо перфективное причастие со вспомогательным глаголом в кондиционалисе (как в контрфактических предложениях (6.32)-(6.33) и гипотетических предложениях с временной референцией к прошлому (6.28)-(6.30)). В главной предикации допускается либо Будущее в прошедшем, либо форма, состоящая из перфективного причастия смыслового глагола и Будущего в прошедшем вспомогательного глагола *bula* (ср. (6.32)-(6.33)). Различные возможности иллюстрируются в (6.34a-d).

(6.34) a. (ägär) rišat xatɤn–kɤz **bul-sa**
если Ришат женщина-девочка **быть-COND**

ul bala **tab-a-r** **i-de.**
он ребенок **находить-ST-POT** **AUX1-PST**

Если бы Ришат ***был*** *женщиной, он* ***родил*** [= нашел] ***бы*** *ребенка.* {a=b=c=d}

b. (ägär) rišat xatɤn–kɤz **bul-sa**
если Ришат женщина-девочка **быть-COND**

ul bala **tap-kan** **bul-ɤ-r** **i-de.**
он ребенок **находить-PFCT** **AUX2-ST-POT** **AUX1-PST**

c. (ägär) rišat xatɤn–kɤz **bul-gan** **bul-sa**
если Ришат женщина-девочка **быть-PFCT** **AUX2-COND**

ul bala **tab-a-r** **i-de.**
он ребенок **находить-ST-POT** **AUX1-PST**

d. (ägär) rišat xatɤn–kɤz **bul-gan** **bul-sa**
если Ришат женщина-девочка **быть-PFCT** **AUX2-COND**

ul bala **tap-kan** **bul-ɤ-r** **i-de.**
он ребенок **находить-PFCT** **AUX2-ST-POT** **AUX1-PST**

6.1.1.2.2. Условные предложения о будущем. При отнесении гипотетических ситуаций, описываемых главной и зависимой предикациями, к будущему в зависимой предикации употребляется обычная форма кондиционалиса, а в главной предикации — чаще всего форма Футурума 1, и предложение выражает сильную гипотезу:

(6.35) (ägär) bala-lar **kil-sä** änä-lär-e a-lar-nɤ
если ребенок-PL **приходить-COND** мать-PL-3 он-PL-ACC

aš-a-t-ɤ-r.
есть-ST-CAUS-ST-POT

***Если** дети **придут**, мать их **накормит**.*

Кроме Футурума 1, в главной предикации допускается и форма Футурума 2:

(6.36) (ägär) rišat **kil-sä** zefär **kit-äčäk.**
если Ришат **приходить-COND** Зуфар **уходить-FUT**

***Если** Ришат **придет**, Зуфар **уйдет**.*

Поскольку для будущего характерна метафизическая неопределенность (мир будущего еще не существует), контрфактические утверждения о будущем в строгом смысле невозможны. Применительно к будущему формы, которые выражают контрфактивность в прошлом и настоящем, обычно интерпретируются как выражающие слабую гипотезу — такую гипотезу, которую говорящий рассматривает как эпистемически маловероятную (ср. Iatridou 2000 и последующую литературу).

Именно это происходит в (6.37), где в главной предикации представлена контрфактическая форма Будущего в прошедшем, состоящая из причастия будущего времени и Претерита вспомогательного глагола *ide*:

(6.37) (ägär) bala-lar irtä-gä **kil-sä**, änä-lär-e
если ребенок-PL утро-DAT **приходить-COND** мать-PL-3

a-lar-nɤ **aš-a-t-ɤ-r** **i-de**.
он-PL-ACC **есть-ST-CAUS-ST-POT** **AUX1-PST**

***Если бы** дети завтра **пришли**, мать **бы** их **накормила**.*

(6.38) Контекст: У говорящего нет беременности.
(ägär) min irtä-gä bala **tap-kan** **bul-sa-m**
если я утро-DAT ребенок **находить-PFCT** **AUX2-COND-1SG**

šatlan-ɤ-r **i-de-m**.
радоваться-ST-POT **AUX1-PST-1SG**

*Если **бы** я завтра (вдруг) **родила** [= нашла] ребенка, я **бы обрадовалась**.*

(6.36) и (6.37) различаются формой аподосиса, но в протасисе имеют одну и ту же форму Кондиционалиса. (6.38) иллюстрирует еще одну возможность: в аподосисе используется контрфактическая форма Будущего в прошедшем, а в протасисе — аналитическая форма, состоящая из перфективного причастия смыслового глагола и кодиционалиса вспомогательного глагола *bula*. Такая же форма представлена в протасисе контрфактических предложений в (6.32)-(6.33). По форме, таким образом, (6.38) ничем не отличается от (6.33), которое представляет собой контрфактическое утверждение о прошлом.

Если рассматривать противопоставление сильных и слабых гипотез как шкалу, можно сказать, что такая конфигурация выражает еще более слабую гипотезу, чем (6.37). В предложении (6.38) наступление ситуации в будущем, описываемой протасисом, при естественном порядке вещей невозможно.

Для некоторых носителей слабая гипотеза о будущем может быть выражена и с помощью аналитической формы с Будущим в прошедшем от вспомогательного глагола, которая представлена в контрфактических предложениях (6.34b) и (6.34d). Эта возможность иллюстрируется в (6.39):

(6.39) Контекст: Разговор происходит накануне вечером; Марату надо уезжать на следующий день, но он никогда не просыпается раньше полудня.

marat	irtä	**kit-kän**	**bul-sa**,
Марат	утро	**уходить-PFCT**	**AUX2-COND**

ul	pojɤzd-ga	**elger-gän**	**bul-ɤ-r**	**i-de**.
он	поезд-DAT	**успевать-PFCT**	**AUX2-ST-POT**	**AUX1-PST**

***Если бы** Марат **уехал** утром, он **успел бы** на поезд.*

Отметим, что наличие в протасисе формы аналитического кондиционалиса типа *kit-kän bul-sa* ‘если бы уехал’ из (6.39) делает невозможными формы простого будущего в аподосисе. Это иллюстрируется в (6.40):

(6.40) *

marat	irtä	**kit-kän**	**bul-sa**,	
Марат	утро	**уходить-PFCT**	**AUX2-COND**	

ul	pojɤzd-ga	**elger-e-r**	**‖**	**elger-äčäk**.
он	поезд-DAT	**успевать-ST-POT**		**успевать-FUT**

***Если бы** Марат **уехал** утром, он **успел бы** на поезд.*

Кроме перечисленных, имеется еще целый ряд конструкций, которые задействованы при построении гипотетических условных утверждений о будущем.

В частности, сложная конструкция из причастия на *-gan* и будущего времени на *-r* вспомогательного глагола *bula* имеет два прочтения. Во-первых, это неуверенность говорящего в том, что ситуация, выраженная главной предикацией, — это обязательное следствие ситуации, выраженной зависимой предикацией. Во-вторых, это значение предшествования: ситуация, выраженная главной предикацией, являясь следствием ситуации, выраженной зависимой предикацией, предшествует ей во времени:

(6.41) (ägär) rišat **kil-sä** zefär **kit-kän** **bul-ɤ-r**.

если	Ришат	**приходить-COND**	Зуфар	**уходить-PFCT**	**AUX2-ST-POT**

*1. **Если** Ришат **придет**, то Зуфар, **наверное, уйдет**.*
*2. **Если** Ришат **придет**, то Зуфар (перед этим) **уйдет**.*

В Таблице 6.1 на примере глагола *tap* ‘находить’ показаны основные способы оформления условных конструкций. Знаком «*» помечены недопустимые сочетания: аналитическая форма кондиционалиса в зависимой предикации требует одной из форм Будущего в прошедшем или перфекта в комбинации с модальным показателем *-dɤr* в главной предикации.

Таблица 6.1. Способы оформления условных конструкций

Вершина главной предикации	Вершина зависимой предикации	
	простая форма кондиционалиса *(tap-sa)*	сложная форма кондиционалиса: *(tap-kan bul-sa)*
Футурум 1 *(tab-ɤ-r)*	сильная гипотеза о будущем	*
Будущее в прошедшем *(tab-ɤ-r i-de)*	слабая гипотеза о будущем	слабая гипотеза о будущем; контрфактивность (не во всех говорах)
Перфективное причастие + будущее в прошедшем вспомогательного глагола *bula (tap-kan bul-ɤ-r i-de)*	слабая гипотеза о будущем с дополнительными значениями: а) неуверенности в причинно-следственной связи протасиса и аподосиса; б) временного предшествования аподосиса протасису	контрфактивность; слабая гипотеза о будущем (не у всех носителей)
Перфективное причастие + Футурум 1 вспомогательного глагола *bula (tap-kan bul-ɤ-r)*	сильная гипотеза о будущем с дополнительными значениями: а) неуверенности в причинно-следственной связи протасиса и аподосиса; б) временного предшествования аподосиса протасису	*
Перфект с модальным показателем *-dɤr (tap-kan-dɤr)*	гипотеза о прошлом	гипотеза о прошлом

6.1.1.2.3. Условные предложения с реальным условием. Условные предложения с реальным условием маркируются при помощи конструкции из перфективного причастия на *-gan* или имперфективного деепричастия смыслового глагола в сочетании с перфектом вспомогательного глагола *ikän*. Как и другие условные предложения, предложения с реальным условием могут вводиться факультативным союзом *ägär* ‘если’:

(6.42) (ägär) bala-lar **kil-gän** **i-kän**
если ребенок-PL **приходить-PFCT** **AUX1-PFCT**

a-lar bez-neŋ belän aš-a-r.
он-PL мы-GEN с есть-ST-POT

***Раз** дети **пришли**, они с нами поедят.*

В препозиции к главной предикации может употребляться факультативное соотносительное слово *dimäk* ‘значит’ в (6.44a). Как в главной, так и в зависимой предикации в данной конструкции используются финитные формы глагола. Если слово *dimäk* не употребляется, зависимая предикация может находиться как в препозиции к главной, так и вкладываться в нее, как показывают (6.43a-b). *dimäk*, как видно из (6.44a-b), затрудняет вложение.

(6.43) a. rišat **ǯɤrl-ɤj** **i-kän** ul kil-gän.
Ришат **петь-ST.IPFV** **AUX1-PFCT** он приходить-PFCT

***Раз** Ришат **поет**, он пришел.*

b. rišat, ul **ǯɤrl-ɤj** **i-kän**, kil-gän.
Ришат он **петь-ST.IPFV** **AUX1-PFCT** приходить-PFCT

*Ришат, **раз** он **поет**, пришел.*

(6.44) a. rišat **ǯʏrl-ʏj** **i-kän** **dimäk** ul kil-gän.
Ришат **петь-ST.IPFV** **AUX1-PFCT** **значит** он приходить-PFCT

Раз *Ришат* ***поет***, ***значит*** *он пришел.* {a=b}

b. ??**dimäk** rišat, ul **ǯʏrl-ʏj** **i-kän**, kil-gän.
значит Ришат он **петь-ST.IPFV** **AUX1-PFCT** приходить-PFCT

По-видимому, предложения с реальным условием могут содержать и Кондиционалис на *-sa*. (6.45)-(6.46) представляют собой примеры из спонтанных текстов:

(6.45) ubornʏj-ga **bar-sa** — keše bar.
уборная-DAT **идти-COND** человек есть

(Она) ***пошла*** *в уборную — (там) кто-то* [= человек] *есть.* (=T12:3)

(6.46) läjsän ü-e-n-ä **kat$_j$-sa** — a-n-da
Лейсан дом-3-OBL-DAT **возвращаться-COND** он-OBL-LOC

berkem dä juk.
никто EMPH нет

Лейсан ***пришла*** *домой — там никого нет.*

6.1.1.3. Обстоятельственные предложения причины

Общее значение обстоятельственных предложений причины состоит в том, что ситуация, выраженная зависимой предикацией, выступает причиной ситуации, выраженной главной предикацией. В мишарском диалекте существует два основных средства выражения причины. Во-первых, это деепричастная форма на *-gan-ga*, по происхождению — дательный падеж перфективного причастия на *-gan*. Во-вторых, это препозитивный союз *čenki* ‘потому что’.

6.1.1.3.1. Деепричастие причины на *-gan-ga*. Деепричастная форма на *-gan-ga* (см. также ТГ 1992: 350) маркирует глагольную вершину зависимой предикации. В постпозиции к зависимой предикации может следовать факультативный союз *kürä* (исторически — форма глагола *kürä* ‘видеть’):

(6.47) rišat išek-ne **jap-kan-ga** **(kür-ä)**
Ришат дверь-ACC **закрывать-PFCT-CAUSE** **видеть-ST.IPFV**

zefär ker-ä al-m-a-dʏ.
Зуфар входить-ST.IPFV брать-NEG-ST-PST

Зуфар не смог войти, ***потому что*** *Ришат* ***закрыл*** *дверь.*

(6.48) rišat **šatl-a-gan-ga** **(kür-ä)** bij-e-de.
Ришат **радоваться-ST-PFCT-CAUSE** **видеть-ST.IPFV** танцевать-ST-PST

Ришат танцевал, ***потому что обрадовался***.

6.1.1.3.2. Причинный союз *čenki*. Союз *čenki* ‘потому что’ (см. о нем также ТГ 1992: 373-374) употребляется в препозиции к семантически зависимой предикации. Конструкция с этим союзом — это единственный случай в мишарском диалекте, когда зависимая предикация обязательно находится в постпозиции к главной. Препозиция семантически зависимой предикации невозможна, интерпозиция крайне сомнительна:

(6.49) a. rišat kit-te, **čenki** zefär kil-de.
Ришат уходить-PST **потому.что** Зуфар приходить-PST
*Ришат ушел, **потому что** Зуфар пришел.* {a=b=c}

b. ***čenki** zefär kil-de, rišat kit-te.
потому.что Зуфар приходить-PST Ришат уходить-PST

c. ?rišat, **čenki** zefär kil-de, kit-te.
Ришат **потому.что** Зуфар приходить-PST уходить-PST

Прочие тесты на разграничение подчинительной и сочинительной конструкций также указывают на то, что конструкция с союзом *čenki* обладает не подчинительными, а сочинительными синтаксическими свойствами (см. об этом подробно 6.6.1.2)[7]. Это объясняет, как запрет на вложение (сочиненные предикации не могут вкладываться одна в другую), так и запрет на препозицию: сочинительный союз должен находиться между составляющими, которые он соединяет.

6.1.1.3.3. Различия между двумя основными средствами выражения причины. Существует определенное различие между контекстами, в которых могут употребляться два основных средства выражения причины в мишарском диалекте.

В Падучева 1985: 64 описан такой вид «неэксплицитной информации» в предложении, как исходное предположение вопроса. В русском примере — *Что вы купили в магазине? — Мы ничего не купили, потому что магазин был закрыт* первая, вопросительная, реплика, содержит исходное предположение ‘вы что-то купили в магазине’; в ответной реплике, содержащей обстоятельственное предложение причины, содержится информация, отрицающая это исходное предположение. Нарушение исходного предположения вопроса иначе можно описать как наличие в контексте противоречия ожиданиям слушающего.

Обстоятельственные предложения причины, употребленные в репликах, содержащих нарушение исходного предположения вопроса, в мишарском диалекте не могут оформляться деепричастной формой на *-gan-ga*, а допускают только конструкцию с союзом *čenki*. В прочих контекстах могут употребляться оба эти средства. (6.50) и (6.51) иллюстрируют предложения причины в пропозициях, не отрицающих исходного предположения вопроса, а (6.52) — предложение причины в пропозиции, содержащей такое отрицание:

(6.50) a. čaškɤ wat-ɤ-l-dɤ, **čenki** ilnur a-nɤ
чашка ломать-ST-PASS-PST **потому.что** Ильнур он-ACC

teš-e-r-e-p **ǯibär-de.**
падать-ST-CAUS-ST-CONV **отпускать-PST**

{ЛК: — Почему чашка разбилась?} — *Чашка разбилась, **потому что** Ильнур **уронил** ее.* {a=b}

[7] То, что причинная конструкция синтаксически является сочинительной, — достаточно распространенное явление. Например, сочинительные свойства имеют немецкие конструкции с союзом причины *denn*. В отличие от предикаций, вводимых подчинительными союзами, предикации с *denn* не требуют, чтобы глагол располагался в конце предложения. У русских конструкций с союзом *потому что* также есть некоторые сочинительные свойства. В частности, сомнительны примеры с линейным вложением предикации с *потому что* внутрь главной предикации: ?*Иван, потому что устал, не пришел*).

b. čaškɤ, ilnur a-nɤ teš-e-r-e-p
чашка Ильнур он-ACC падать-ST-CAUS-ST-CONV

ǯibär-gän-gä kür-ä, wat-ɤ-l-dɤ.
отпускать-PFCT-CAUSE видеть-ST.IPFV ломать-ST-PASS-PST

(6.51) a. rämil-ne mäktäp-tän ku-m-a-gan-nar,
Рамиль-ACC школа-ABL гнать-NEG-ST-PFCT-PL

čenki ul direktor malaj-ɤ.
потому.что он директор мальчик-3

{ЛК: — А что было потом с Рамилем?} — *Рамиля не выгнали из школы, **потому что** он — сын директора.* {a=b}

b. rämil direktor malaj-ɤ **bul-gan-ga**
Рамиль директор мальчик-3 **быть-PFCT-CAUSE**

a-nɤ mäktäp-tän ku-m-a-gan-nar.
он-ACC школа-ABL гнать-NEG-ST-PFCT-PL

(6.52) a. sineŋ čaškɤ-ŋ juk,
ты.GEN чашка-2SG нет

čenki sin a-nɤ üze-ŋ **wat-tɤ-ŋ**.
потому.что ты он-ACC сам-2SG **ломать-PST-2SG**

{ЛК: — Где моя чашка?} — *Твоей чашки нет, **потому что** ты сам ее **разбил**.* {a=b}

b. *sin a-nɤ üze-ŋ **wat-kan-ga** (kür-ä)
ты он-ACC сам-2SG **ломать-PFCT-CAUSE** видеть-ST.IPFV

sineŋ čaškɤ-ŋ juk.
ты.GEN чашка-2SG нет

6.1.1.3.4. Прочие причинные конструкции. Так называемое компенсаторное причинное значение, аналогичное значению русских причинных конструкций с предлогом *за*, выражается в мишарском диалекте конструкцией, состоящей из перфективного причастия на *-gan* и послелога *ečen* ‘ради’ (см. также ТГ 1992: 350). Причастие принимает факультативный показатель изафета и, при наличии этого показателя, допускает субъект как в номинативе, так и в генитиве (6.53a-b); при отсутствии показателя изафета субъект возможен только в номинативе (6.53c-d):

(6.53) a. rišat **ešl-ä-gän-e** **ečen** änä-se a-nɤ aš-a-t-tɤ.
Ришат **работать-ST-PFCT-3** **ради** мать-3 он-ACC есть-ST-CAUS-PST

***За то, что** Ришат **поработал**, мать его накормила.* {a=b=c=d}

b. rišat-nɤŋ **ešl-ä-gän-e** **ečen** änä-se a-nɤ aš-a-t-tɤ.
Ришат-GEN **работать-ST-PFCT-3** **ради** мать-3 он-ACC есть-ST-CAUS-PST

c. rišat **ešl-ä-gän** **ečen** änä-se a-nɤ aš-a-t-tɤ.
Ришат **работать-ST-PFCT** **ради** мать-3 он-ACC есть-ST-CAUS-PST

d. *rišat-nɤŋ **ešl-ä-gän** **ečen** änä-se a-nɤ aš-a-t-tɤ.
Ришат-GEN **работать-ST-PFCT** **ради** мать-3 он-ACC есть-ST-CAUS-PST

(6.54) иллюстрирует употребление причинной конструкции с послелогом *ečen* ‘ради’ в спонтанном тексте:

(6.54) keše-lär patša-ga **služitj** **it-kän-e** **ečen**
человек-PL царь-DAT **служить** **делать-PFCT-3** **ради**

patša-dan ǯir al-a tʏr-gan bul-gan-nar.
царь-ABL земля брать-ST.IPFV стоять-PFCT AUX2-PFCT-PL

За то, что *люди* ***служили*** *царю, им от царя давали* [= (они) от царя брали] *землю.* (=T1:2)

Причина может также выражаться при помощи послелогов *arkasʏnda* и *xakʏnda* ‘из-за’ в сочетании с именем действия. Имя действия принимает факультативный показатель изафета, и в этом случае субъект употребляется в номинативе или в генитиве (6.55a-b); если имя действия не имеет изафетного показателя, субъект употребляется только в номинативе (ср. (6.55c-d)):

(6.55) a. ilnur, renat **üpkälät-ü-e** **arkasʏnda**, kit-te.
Ильнур Ренат **обижать-NMN-3** **из.за** уходить-PST

Ильнур ушел, ***потому что*** *Ренат (его)* ***обидел****.* {a=b=c=d}

b. ilnur, renat-nʏŋ **üpkälät-ü-e** **arkasʏnda**, kit-te.
Ильнур Ренат-GEN **обижать-NMN-3** **из.за** уходить-PST

c. ilnur, renat **üpkälät-ü** **arkasʏnda**, kit-te.
Ильнур Ренат **обижать-NMN** **из.за** уходить-PST

d. *ilnur, renat-nʏŋ **üpkälät-ü** **arkasʏnda**, kit-te.
Ильнур Ренат-GEN **обижать-NMN** **из.за** уходить-PST

6.1.1.4. Обстоятельственные предложения цели

Общее значение обстоятельственных предложений цели состоит в том, что ситуация, описываемая зависимой предикацией, осуществляется с целью вызвать наступление ситуации, описываемой главной предикацией. Для целевых предложений, как правило, релевантны следующие различия. Во-первых, оформление целевой зависимой предикации зависит от ситуации, описываемой главной предикацией: различаются ситуации, для которых характерно, что они осуществляются с некоторой целью (ядром этой группы являются ситуации движения), и ситуации, для которых это не характерно, ср. *Вася пришел учиться* и **Вася отдыхает учиться с новыми силами.* Во-вторых, поразному оформляются целевые предложения в зависимости от кореферентности актантов главной и зависимой предикаций: *Вася читает книгу, чтобы заснуть* и **Вася читает книгу, чтобы Маша заснуть.*

6.1.1.4.1. Инфинитив в целевом значении. Одно из основных средств выражения цели — инфинитив. Инфинитив в целевом значении (см. также ТГ 1992: 350, Юсупов 1985: 205-208) употребляется, если главная предикация принадлежит к тому типу, для которого характерны целевые сирконстанты. Инфинитив употребляется:

- при кореферентности субъектов главной и зависимой предикаций, если сказуемое главной предикации выражено непереходным глаголом,

- при кореферентности субъекта зависимой предикации и одушевленного объекта главной предикации, если сказуемое главной предикации выражено переходным глаголом (глаголы типа ‘позвать’, ‘отвести’)[8].

Кореферентность именных групп главной и зависимой клауз, впрочем, не обязательна. В отличие от конструкций с обязательным контролем (см. 6.5.3.2), невыраженный субъект целевого инфинитивного оборота может иметь произвольную или обобщенную референцию. В (6.56), например, не предполагается, что пить непременно должен тот же индивид, который принес воду. В (6.58) допускается прочтение, характерное для так называемой расщепленной референции: субъектом купания может выступать множественный индивид, состоящий из подлежащего (‘я’) и прямого дополнения (‘брат’).

За инфинитивом может следовать факультативный постпозитивный союз *dip* (см. о нем ниже в 6.1.1.4.3):

(6.56) min **eč-ä-r-gä** **(dip)** su al-ɤ-p kil-de-m.
я **пить-ST-POT-INF** **SUB** вода брать-ST-CONV приходить-PST-1SG
*Я принес воды, чтобы **пить**.*

(6.57) änä-se rišat-nɤ **aš-a-r-ga** **(dip)** čakɤr-dɤ.
мать-3 Ришат-ACC **есть-ST-POT-INF** **SUB** звать-PST
*Мать позвала Ришата **есть**.*

(6.58) min abɤj-nɤ jɤlga-ga **kɤjɤn-ɤ-r-ga** **(dip)**
я брат-ACC река-DAT **купаться-ST-POT-INF** **SUB**
al-ɤ-p bar-dɤ-m.
брать-ST-CONV идти-PST-1SG
*Я отвел брата на реку **купаться**.*

6.1.1.4.2. Причастие будущего времени с послелогом *ečen*. В качестве сказуемого целевой предикации употребляется также причастие будущего времени на *-r* с послелогом *ečen* ‘ради’ как при кореферентности, так и без кореферентности субъектов главной и зависимой предикаций, без ограничений на семантику главной предикации, характерных для инфинитива (см. также ТГ 1992: 348). В этой конструкции, в отличие от рассматриваемых в 6.1.1.4.3 конструкций с союзом *dip*, форма на *-r* ведет себя как причастие, а не как финитная форма, в частности, не присоединяет личночисловых показателей — ср. недопустимый пример (6.59b) и допустимый (6.59a):

(6.59) a. ilnur, min **aš-a-r** **ečen**, it al-ɤ-p kil-de.
Ильнур я **есть-ST-POT** **ради** мясо брать-ST-CONV приходить-PST
*Ильнур принес мяса, **чтобы** я **ел**.* {a=b}

b. *ilnur, min **aš-a-r-mɤn** **ečen**, it al-ɤ-p kil-de.
Ильнур я **есть-ST-POT-1SG** **ради** мясо брать-ST-CONV приходить-PST

[8] В целом ограничения на кореферентность субъекта при инфинитиве устроены сложнее. См. подробнее 6.5.3.

Данная целевая конструкция до определенной степени параллельна причинной конструкции из причастия на *-gan* и послелога *ečen* (см. раздел 6.1.1.3.4), однако причастие на *-r* не присоединяет показателей изафета и допускает субъект только в номинативе[9]:

(6.60) a. zefär **aš-a-r** **ečen** änä-se a-nɤ čakɤr-dɤ.
Зуфар **есть-ST-POT** **ради** мать-3 он-ACC звать-PST
***Чтобы** Зуфар **поел,** мать его позвала.* {a=b=c=d}

b. *zefär **aš-a-r-ɤ** **ečen** änä-se a-nɤ čakɤr-dɤ.
Зуфар **есть-ST-POT-3** **ради** мать-3 он-ACC звать-PST

c. *zefär-neŋ **aš-a-r** **ečen** änä-se a-nɤ čakɤr-dɤ.
Зуфар-GEN **есть-ST-POT** **ради** мать-3 он-ACC звать-PST

d. *zefär-neŋ **aš-a-r-ɤ** **ečen** änä-se a-nɤ čakɤr-dɤ.
Зуфар-GEN **есть-ST-POT-3** **ради** мать-3 он-ACC звать-PST

6.1.1.4.3. Целевые конструкции с союзом *dip*. В целевом значении употребляется также конструкция, состоящая из постпозитивного союза *dip* и финитных глагольных форм в зависимой предикации (см. также ТГ 1992: 370), а именно, Футурума 1 на *-r* или Футурума 2 на *-ačak*. Подчинительный союз *dip* исторически представляет собой деепричастие глагола *di* ‘говорить’, и его первичное употребление — оформление сентенциальных актантов глаголов речи и мысли (см. 6.3.2).

Примечательная особенность этой конструкции — возможность логофорической интерпретации местоимений первого и второго лица, при которой они обозначают не говорящего и слушающего в контексте речевого акта, а оказываются кореферентны актантам матричного предиката.

(6.61), например, имеет прочтение, когда субъекты главной и зависимой предикаций совпадают:

(6.61) a. rišat, min **eč-ä-r-men** **dip**, su al-ɤ-p kil-de.
Ришат я **пить-ST-POT-1SG** **SUB** вода брать-ST-CONV приходить-PST
*Ришат$_i$ принес воды, **чтобы** ∅$_i$ **пить**.* {a=b}

b. rišat, min **eč-ä-jäčäk-men** **dip**, su al-ɤ-p kil-de.
Ришат я **пить-ST-FUT-1SG** **SUB** вода брать-ST-CONV приходить-PST

Похожая дистрибуция наблюдается и у актантных финитных предложений с фонологически выраженными местоимениями 1-го лица (см. 6.3.2 и 6.5.5). В 6.3.2.2 для актантных предложений обосновывается анализ, согласно которому при логофорической интерпретации выраженных местоимений в такой конфигурации мы имеем дело с прямой речью. Если принять такой же анализ и для целевых сирконстантов, таких, как (6.61), то предложение означает буквально ‘Ришат принес воды, сказав: «Я буду пить»’.

[9] Формальный параллелизм средств выражения цели и причины можно продолжить, если признать инфинитивный показатель *-ga* застывшим показателем дательного падежа от причастия на *-r*. Тогда дательный падеж перфективного причастия (т.е. деепричастие на *-gan-ga*) выражает причину, а дательный падеж причастия будущего времени — цель. С семантической точки зрения вполне оправдано противопоставление цели и причины в первую очередь с точки зрения временно́го плана, к которому относится ситуация. Подробнее об этом см. в Черемисина 1980.

Если в зависимой предикации употребляется форма первого лица множественного числа, а главная предикация имеет единичный субъект, субъект главной предикации входит в множество субъектов зависимой предикации:

(6.62) ilnur, **ker-e-r-bez** **dip**, išek-ne ač-tɤ.
Ильнур **входить-ST-POT-1PL** **SUB** дверь-ACC открывать-PST
*Ильнур открыл дверь, **чтобы он и те, кто с ним, вошли*** [= открыл дверь, сказав: «Мы войдем»].

Для местоимения второго лица логофоричность создает прочтение, которое показано в (6.63), где местоимение кореферентно непрямому дополнению главной клаузы: ‘Ришат принес Марату воды, сказав: «Ты будешь пить».’

(6.63) rišat marat-ka, sin **eč-ä-r-seŋ** **dip**, su al-ɤ-p kil-de.
Ришат Марат-DAT ты **пить-ST-POT-2SG** **SUB** вода брать-ST-CONV приходить-PST
*Ришат$_i$ Марату$_j$ принес воды, **чтобы тот**$_{*i,j}$* {т.е. Марат} ***пил***.

Другая разновидность логофорического прочтения иллюстрируется в (6.64), где местоимение обозначает говорящего в текущем речевом акте:

(6.64) rišat, sin **eč-ä-r-seŋ** **dip**, su al-ɤ-p kil-de.
Ришат ты **пить-ST-POT-2SG** **SUB** вода брать-ST-CONV приходить-PST
*Ришат принес воды, **чтобы я*** {т.е. говорящий} ***пил***.

Появлению этого прочтения благоприятствует отсутствие косвенного дополнения в главной клаузе. Именно так интерпретируются и соответствующие предложения в языках типа русского: ‘Ришат принес воды, сказав: «Ты будешь пить»’. Когда говорящий произносит это предложение, оно естественным образом интерпретируется так, что речь Ришата обращена к нему.

Референция местоимений первого и второго лица в зависимой предикации может устанавливаться и исходя из координат речевого акта. Это видно благодаря интерпретации предложения в (6.65):

(6.65) rišat, sin **eč-ä-r-seŋ** **dip**, su al-ɤ-p kil-de.
Ришат ты **пить-ST-POT-2SG** **SUB** вода брать-ST-CONV приходить-PST
*Ришат принес воды, **чтобы ты*** {т.е. слушающий} ***пил***.

Параллелизм актантных и целевых финитных зависимых в этом случае также дает о себе знать. Как отмечено в 6.3.2.2, фонологически выраженные местоимения второго лица могут обозначать актуального слушающего, но в этом случае исключается анализ зависимой клаузы как прямой речи.

В третьем лице субъект главной предикации не совпадает с субъектом зависимой предикации, а субъект зависимой предикации реализуется самостоятельной именной группой.

(6.66) min, zefär **eč-ä-r** **dip**, su al-ɤ-p kil-de-m.
я Зуфар **пить-ST-POT** **SUB** вода брать-ST-CONV приходить-PST-1SG
*Я принес воды, **чтобы** Зуфар **пил***.

Помимо форм будущего времени, в зависимой предикации могут употребляться формы императивной серии. С семантической точки зрения эти формы характеризуются

меньшей уверенностью говорящего в том, что цель, с которой совершается действие, будет достигнута. При кореферентности субъектов главной и зависимой предикаций в зависимой предикации употребляются формы гортатива:

(6.67) ilnur jɤkl-a-p **kit-i-m** **dip**, kitap uk-ɤj.
Ильнур спать-ST-CONV **уходить-HORT-1SG** **SUB** книга читать-ST.IPFV
*Ильнур читает книгу, **чтобы заснуть*** [= сказав: «Засну-ка я»].

(6.68) ilnur, **ker-i-k** **dip,** išek-ne ač-tɤ.
Ильнур **входить-HORT-1PL** **SUB** дверь-ACC открывать-PST
*Ильнур открыл дверь, **чтобы** (он и те, кто с ним,) **вошли*** [= сказав: «Войдем-ка мы»].

При отсутствии кореферентности субъектов главной и зависимой предикаций в зависимой предикации употребляется форма юссива на *-sɤn*. Однако целевые конструкции с юссивом существенно отличаются от целевых конструкций с гортативом и с будущим временем. Во-первых, юссив может употребляться не только с постпозитивным союзом *dip*, как в (6.69a), но и с послелогом *ečen* ‘ради’, как в (6.69b):

(6.69) a. rišat, ätä-se **ker-sen** **dip**, išek-ne ač-tɤ.
Ришат отец-3 **входить-JUSS** **SUB** дверь-ACC открывать-PST
*Ришат открыл дверь, **чтобы** отец **вошел*** [= сказав: «Пусть отец войдет»].

b. rišat, ätä-se **ker-sen** **ečen**, išek-ne ač-tɤ.
Ришат отец-3 **входить-JUSS** **ради** дверь-ACC открывать-PST
*Ришат открыл дверь, **чтобы** отец **вошел*** [= ради того, чтобы отец вошел].

Во-вторых, несмотря на то что в независимом предложении юссив — это форма императивной серии для третьего лица, в целевых конструкциях она возможна и с местоимениями первого-второго лица, причем последние соотносятся с участниками текущего речевого акта. Форма юссива факультативно присоединяет показатель множественного числа:

(6.70) a. rišat, bez a-nɤ **kür-m-ä-sen-(när)** **dip**, ǯir-gä jat-tɤ.
Ришат мы он-ACC **видеть-NEG-ST-JUSS-PL** **SUB** земля-DAT ложиться-PST
*Ришат лег на землю, **чтобы** мы его **не видели**.* {a=b}

b. rišat, bez a-nɤ **kür-m-ä-sen-(när)** **ečen**, ǯir-gä jat-tɤ.
Ришат мы он-ACC **видеть-NEG-ST-JUSS-PL** **ради** земля-DAT ложиться-PST

В (6.70a) и аналогичных примерах примечательно то, что ни местоимение *bez* ‘мы’, ни местоимение *anɤ* ‘его’ не интерпретируются логофорически, а зависимую предикацию, соответственно, невозможно представить как прямую речь.

Императивные формы для второго лица, то есть формы собственно императива, в целевых конструкциях в исследованном нами чистопольском говоре (с. Татарский Елтан) затруднены:

(6.71) ? rinat, **eč** **dip**, su al-ɤ-p kil-de.
Ринат **пить.IMP** **SUB** вода брать-ST-CONV приходить-PST
*Ринат принес воду, **чтобы** кто-то **пил*** [= сказав: «Пей»].

6.1.1.5. Обстоятельственные предложения уступки

Общее значение обстоятельственных предложений уступки состоит в том, что осуществление ситуации, выраженной зависимой предикацией, препятствует осуществлению ситуации, выраженной главной предикацией, и тем не менее последняя осуществляется.

В мишарском диалекте уступка маркируется при помощи сочетания частицы *da* с некоторыми глагольными формами: кондиционалисом, специализированными временными деепричастиями и деепричастием на *-p* (см. о нем 6.1.2).

Такой способ выражения уступительного значения в тюркских языках подкрепляет анализ уступительного значения как производного от значения условия (см. об этом подробно в Латышева 1982).

6.1.1.5.1. Формы кондиционалиса с частицей *da*. Чаще всего в зависимой предикации частица *da* сочетается с глагольной формой кондиционалиса на *-sa* (см. также ТГ 1992: 362-364):

(6.72) rišat, **aš-a-sa** **da**, ǯɤrl-ɤj.
Ришат **есть-ST-COND** **EMPH** петь-ST.IPFV
*Ришат, **хотя ест** || **поел,** поет.*

(6.73) kibet-kä sɤŋ **kil-sä-m** **dä**
магазин-DAT поздно **приходить-COND-1SG** **EMPH**
äpäj sat-ɤ-p al-dɤ-m.
хлеб продавать-ST-CONV брать-PST-1SG
***Хотя** (я) **пришел** в магазин поздно, (я) купил хлеба.*

Аналитическая форма, состоящая из причастия на *-gan* и кондиционалиса вспомогательного глагола *bula*, делает обязательной интерпретацию, при которой ситуация, описываемая зависимой предикацией, предшествует ситуации, выраженной главной предикацией. Если (6.74a) возможно в случае, когда ситуация ‘Зуфар ушел’ происходит до ситуации ‘Лейсан пришла’, (6.74b) такого употребления не допускает:

(6.74) a. läjsän **kil-sä** **dä** zefär kit-te.
Лейсан **приходить-COND** **EMPH** Зуфар уходить-PST
***Хотя** Лейсан **пришла** (вечером), Зуфар (все равно) ушел (еще утром).*

b. läjsän **kil-gän** **bul-sa** **da** zefär kit-te.
Лейсан **приходить-PFCT** **AUX2-COND** **EMPH** Зуфар уходить-PST
***Хотя** Лейсан (уже) **пришла**, Зуфар (все равно) ушел.*

6.1.1.5.2. Деепричастия времени с частицей *da*. В уступительном значении употребляются в сочетании с частицей *da* также специализированные деепричастные формы: деепричастие предшествования на *-gač*, деепричастие одновременности на *-gan-da*, а также деепричастная форма на *-p* (см. также ТГ 1992: 349, 360, 361). Уступительное значение, по оценке носителей, в этом случае факультативно.

(6.75) ilnur **kil-gäč** **tä** läjsän kit-te.
Ильнур **приходить-ANT** **EMPH** Лейсан уходить-PST
*1. **Хотя** Ильнур **пришел**, Лейсан ушла.*
*2. **Когда** Ильнур **пришел**, Лейсан ушла.*

(6.76) läjsän **ʒɤrl-a-gan-da** **da** renat kit-te.
Лейсан **петь-ST-PFCT-SIM** **EMPH** Ренат уходить-PST
*1. **Хотя** Лейсан **пела**, Ренат ушел.*
*2. **Когда** Лейсан **пела**, Ренат ушел.*

(6.77) **kil-e-p** **tä** rišat aš-a-m-a-dɤ.
приходить-ST-CONV **EMPH** Ришат есть-ST-NEG-ST-PST
*1. Ришат, **хотя пришел**, не поел.*
*2. Ришат, **когда пришел**, не поел.*

Заметим, что специализированные временные деепричастия сохраняют свое таксисное значение. Если употреблена форма на *-gač*, то ситуация, выраженная зависимой предикацией, предшествует ситуации, выраженной главной предикацией, а если употреблена форма на *-gan-da*, то время двух ситуаций пересекается.

6.1.1.6. Обстоятельственные предложения места

Общее значение обстоятельственных предложений места состоит в том, что пространственная локализация ситуации, описываемой главной предикацией, совпадает с локализацией, вводимой в рассмотрение зависимой предикацией.

6.1.1.6.1. Предложения места с союзами *kaja* и *kajan*. Основной тип предложений места мишарского диалекта — это коррелятивная конструкция, где в зависимой предикации представлены вопросительные местоимения *kaja* ‘где, куда’ и *kajan* ‘откуда’, а в главной в качестве соотносительного слова используются формы указательного местоимения *šul* ‘этот’ (*šɤnda* ‘там’, *šɤnnan* ‘оттуда’, см. также ТГ 1992: 377-379; о коррелятивной конструкции см. 6.2.4):

(6.78) rišat, zefär **kaja** aš-ɤj, **šɤ-n-da** uk-ɤj.
Ришат Зуфар **где** есть-ST.IPFV **этот-OBL-LOC** читать-ST.IPFV
***Где** Зуфар ест, **там** Ришат читает.*

(6.79) mine **kaja** aš-a-t-a-lar, **šɤ-n-da** jäš-i-m.
я.ACC **где** кормить-ST-PL **этот-OBL-LOC** жить-ST.IPFV-1SG
***Где** меня кормят, **там** я живу.*

(6.80) xäzer **kaja** kɤr, **šɤ-n-da** sadik tez-i-jäčäk-lär.
сейчас **где** поле **этот-OBL-LOC** детский.сад строить-ST-FUT-PL
***Где** сейчас поле, **там** построят детский сад.*

(6.81) ilnur **kaja** kil-de, rämil **šɤ-n-nan** kit-te.
Ильнур **где** приходить-PST Рамиль **этот-OBL-ABL** уходить-PST
***Куда** Ильнур пришел, Рамиль **оттуда** ушел.*

6.1.1.6.2. Относительные предложения при существительных со значением места. Второй способ выражения обстоятельственного значения места в мишарском диалекте — это относительные предложения, оформленные перфективным причастием на *-gan*, которые модифицируют существительные с пространственной семантикой (*urɤn* ‘место’, *ǯir* ‘земля’, *jak* ‘сторона’ и т.п.) в локативе:

(6.82) a. zefär **utɤr-gan** **urɤn-da** rišat utɤr-a.
Зуфар **сидеть-PFCT** **место-LOC** Ришат сидеть-ST.IPFV
*Ришат сидит **там*** [= в месте]*, **где сидел** Зуфар.*

b. rišat zefär **utɤr-gan** **jak-ta** utɤr-a.
Ришат Зуфар **сидеть-PFCT** **сторона-LOC** сидеть-ST.IPFV
*Ришат сидит **там*** [= со стороны]*, **где сидел** Зуфар.*

c. zefär rišat **jäš-ä-gän** **ǯir-dä** jäš-i.
Зуфар Ришат **жить-ST-PFCT** **земля-LOC** жить-ST.IPFV
*Зуфар живет **там*** [= на земле]*, **где жил** Ришат.*

6.1.1.7. Обстоятельственные предложения сравнения

Общее значение обстоятельственных предложений сравнения состоит в том, что ситуация, описываемая главной предикацией, уподобляется по какому-то признаку ситуации, описываемой зависимой предикацией. Компонент уподобления отличает рассмотренные ниже предложения от конструкций со значением превосходства по какому-либо признаку, подробно охарактеризованных в 5.4.

В мишарском диалекте есть два основных способа выражения уподобления: глагольные показатели сравнения и сравнительные союзы.

6.1.1.7.1. Глагольные формы со значением сравнения. В мишарском диалекте имеются две деепричастные формы со значением сравнения. Первая образуется при помощи специального показателя сравнения *-daj*, а вторая — при помощи адвербиализатора *-ča*. Оба показателя присоединяются к перфективному причастию на *-gan*. Предикации, возглавляемые этими деепричастиями, допускают собственное выражение субъекта.

(6.83) a. änä-se rišat-nɤ, patša xatɤn-ɤ patša-nɤ
мать-3 Ришат-ACC царь женщина-3SG царь-ACC
aš-a-t-kan-daj, aš-a-t-a.
есть-ST-CAUS-PFCT-CMP есть-ST-CAUS-ST.IPFV
*Мать кормит Ришата **так, как** царица **кормит царя**.* {a=b}

b. änä-se rišat-nɤ, patša xatɤn-ɤ patša-nɤ
мать-3 Ришат-ACC царь женщина-3SG царь-ACC
aš-a-t-kan-ča, aš-a-t-a.
есть-ST-CAUS-PFCT-ADV есть-ST-CAUS-ST.IPFV

6.1.1.7.2. Сравнительные союзы. Помимо деепричастных форм, в мишарском диалекте употребляются послелоги *kebek, tesle, šikelle* ‘как’ в комбинации с номинализацией

на *-gan*. При характерном для сравнительных конструкций совпадении сказуемых двух предикаций сказуемое зависимой предикации может опускаться:

(6.84) a. patša-nɤ **(ašat-kan)** **kebek** änä-se rišat-nɤ
царь-ACC **кормить-PFCT** **как** мать-3 Ришат-ACC

aš-a-t-a.
есть-ST-CAUS-ST.IPFV

*Мать кормит Ришата **так, как** (кормят) **царя**.* {a=b=c}

b. patša-nɤ **(aš-a-t-kan)** **tesle** änä-se rišat-nɤ aš-a-t-a.
царь-ACC **есть-ST-CAUS-PFCT** **как** мать-3 Ришат-ACC есть-ST-CAUS-ST.IPFV

c. patša-nɤ **(aš-a-t-kan)** **šikelle** änä-se rišat-nɤ
царь-ACC **есть-ST-CAUS-PFCT** **как** мать-3 Ришат-ACC

aš-a-t-a.
есть-ST-CAUS-ST.IPFV

Послелоги *xatle* (с вариантом *xätle*), *kädär* (с вариантом *kädärle*) ‘сколько’ имеют значение уподобления по количеству. Они также употребляются с формой на *-gan*; в этом случае сказуемое зависимой предикации также может подвергаться эллипсису:

(6.85) sin **(aš-a-gan)** **xatle** min dä aš-ɤj al-m-ɤj-m.
ты **есть-ST-PFCT** **сколько** я EMPH есть-ST.IPFV брать-NEG-ST.IPFV-1SG

***Сколько** ты **ешь**, столько и я съесть не могу.*

(6.86) sin **(aš-a-gan)** **kädär** min dä aš-ɤj-m.
ты **есть-ST-PFCT** **сколько** я EMPH есть-ST.IPFV-1SG

***Сколько** ты **ешь**, столько и я ем.*

6.1.2. Обстоятельственные предложения с деепричастием на *-p* и редуплицированным деепричастием на гласную

Деепричастие на *-p* (например, *kil-e-p* ‘придя’) и редуплицированное деепричастие на гласную (например, *ešl-i-ešl-i* ‘работая’) заслуживают отдельного рассмотрения, так как имеют ряд особенностей, отличающих их от остальных мишарских деепричастий (ср. Юсупов 1985: 124-125, а также обзор общетюркского контекста в Schönig 2008 и Johanson, Johanson 2015). Оба они отличаются от специализированных деепричастий по значению, в том числе и в плане семантики соотношения действия, описываемого деепричастием, с действием, обозначаемым главной предикацией, а также по некоторым формальным признакам. В частности, они имеют нетривиальные ограничения на заполнение субъектной позиции и прозрачны для сферы действия наклонения главного глагола.

6.1.2.1. Деепричастие на *-p*

Деепричастия на *-p*, иллюстрируемые в (6.87), выделяются среди прочих мишарских деепричастных форм несколькими особенностями.

(6.87) agač **sʏn-ʏ-p** aw-dʏ.
дерево **ломаться-ST-CONV** падать-PST
*Дерево, **сломавшись**, упало.*

Во-первых, деепричастие на *-p* — самая распространенная деепричастная форма. Именно это деепричастие обычно употребляется для оформления полипредикативных конструкций. Глагольные формы в составе подобных конструкций иногда рассматриваются как особый вид нефинитных форм, а не как деепричастия в привычном понимании (Haspelmath 1995).

Помимо этого, деепричастие на *-p* обладает самым большим диапазоном интерпретационных возможностей. Наряду со специализированными деепричастиями на *-gan-da* и *-gač*, оно используется в контекстах одновременности и предшествования (см. 6.1.1.1). Помимо непосредственно временно́го, деепричастие на *-p* также способно выражать ряд сопутствующих значений. Как в литературном татарском языке (ТГ 1993: 226-227), так и в мишарском диалекте, деепричастие на *-p* возглавляет клаузы, описывающие образ действия, уступку и причину. Эти возможности иллюстрируются соответственно в (6.88)-(6.90):

(6.88) malaj foto-ga **utʏr-ʏ-p** teš-te.
мальчик фото-DAT **сидеть-ST-CONV** спускаться-PST
*Мальчик фотографировался **сидя**.*

(6.89) marat tälinkä-gä **tertel-e-p** sawʏt-lar wat-ʏ-l-m-a-dʏ.
Марат тарелка-DAT **толкать-ST-CONV** посуда-PL ломать-ST-PASS-NEG-ST-PST
***Хотя** Марат **задел** тарелку, посуда не разбилась.*

(6.90) büre **kil-e-p** alsu šürl-ä-de.
волк **приходить-ST-CONV** Алсу пугаться-ST-PST
***Из-за того, что пришел** волк, Алсу испугалась.*

В целом, «многозначность» деепричастия на *-p* указывает на то, что с точки зрения семантики отношение пропозиции, выражаемой возглавляемой им клаузой, к главной клаузе недоспецифицированно.

6.1.2.1.1. Прозрачность для сферы действия грамматических категорий главного глагола. Глагол в форме на *-p*, если сравнить его с остальными мишарскими деепричастиями (за исключением рассматриваемого ниже редуплицированного деепричастия), демонстрирует особые свойства по отношению к сфере действия наклонения главного глагола. Сравним примеры с деепричастием на *-p* и с деепричастием предшествования на *-gač*. В (6.91) вершина главного предложения имеет форму императива:

(6.91) a. **kil-e-p** aš-a!
приходить-ST-CONV есть-ST.IMP
*1. **Приди** и поешь!*
*2. **Придя**, поешь!*

b. **kil-gäč** aš-a!
приходить-ANT есть-ST.IMP
*1. ***Приди** и поешь!*
*2. **Как придешь**, поешь!*
*3. **Раз пришел**, поешь!*

В (6.91a.1) с деепричастием на *-p* говорящий просит слушающего выполнить оба действия — и прийти, и поесть. В (6.91a.2) в сферу действия императива входит только ‘есть’; приход слушающего находится за ее пределами. (6.91b) показывает, что для дее-

причастия на *-gač* приход, локализованный в прошлом или будущем в (6.91b.2-3), не входит в сферу действия императива; интерпретация (6.91b.1) невозможна.

В (6.92) аналогичный контраст демонстрируют конструкции с юссивом в главной предикации:

(6.92) a. ul **ǯʏrl-a-p** kit-sen!
он **петь-ST-CONV** уходить-JUSS

1. {ЛК: — Можно Ришату уйти?} — *Пусть он (сначала)* ***споет****, (потом) уходит!*
2. {ЛК: — Можно Ришату уйти?} — *Пусть он,* ***спев****, уходит!*

b. Контекст: Ришат собирается петь или уже поет.
ul **ǯʏrl-a-gač** kit-sen!
он **петь-ST-ANT** уходить-JUSS

1. *{ЛК: — Можно Ришату уйти?} — ***Пусть*** *он* ***споет****, потом уходит!*
2. {ЛК: — Можно Ришату уйти?} — ***Когда споет****, пусть уходит!*

Предложение (6.92a.1) уместно, когда говорящий хочет, чтобы субъект выполнил оба действия. Аналогичная возможность не доступна для (6.92b.1). Для обоих возможна интерпретация, представленная в (6.92a.2) и (6.92b.2), когда о пении не требуется просить: оно либо уже произошло, либо происходит, либо запланировано.

Пример (6.93) показывает такой же диапазон возможностей для гортатива: он может включать в свою сферу действия событие, обозначаемое деепричастием на *-p*, но не деепричастием на *-gač*.

(6.93) a. Контекст: Ришат приходит к Марату и застает большое празднество, чувствует себя лишним и хочет уйти. Марат уговаривает его остаться, сесть за стол и т.д. Ришат говорит:
alma **aš-a-p** kit-i-m.
яблоко **есть-ST-CONV** уходить-HORT-1SG

1. Давай я ***съем*** *яблоко и уйду.*
2. Давай я, ***съев*** *яблоко, уйду.*

b. Контекст$_1$: Ришат в гостях у Марата ест яблоко и вдруг понимает, что ему срочно нужно идти. Ришат говорит:
Контекст$_2$: Ришат зашёл на минутку к Марату и уже собирается уходить, когда Марат предлагает ему яблоко. Ришат отвечает:
alma **aš-a-gač** kit-i-m.
яблоко **есть-ST-ANT** уходить-HORT-1SG

*1. *Давай я* ***съем*** *яблоко и уйду.*
2. Давай я, ***когда съем*** *яблоко, уйду.*

Наконец, аналогичные возможности наблюдаются и при наличии в главной предикации формы кондиционалиса:

(6.94) a. ägär min kitap **uk-ʏ-p** telewisar
если я книга **читать-ST-CONV** телевизор

kar-a-sa-m, min jal it-ä-m.
смотреть-ST-COND-1SG я отдых делать-ST.IPFV-1SG

1. Если я ***почитаю*** *книгу и посмотрю телевизор, я отдохну.*
2. Если я, ***почитав*** *книгу, посмотрю телевизор, я отдохну.*

b. Контекст: Говорящий читает книгу или собирается этим заняться.

ägär	min	kitap	**uk-ɤ-gač**	telewisar	kar-a-sa-m,
если	я	книга	**читать-ST-ANT**	телевизор	смотреть-ST-COND-1SG

min	jal	it-ä-m.
я	отдых	делать-ST.IPFV-1SG

*1. *Если я **почитаю** книгу и посмотрю телевизор, я отдохну.*
*2. Если я, **почитав** книгу, посмотрю телевизор, я отдохну.*

При первой интерпретации подразумевается, что оба действия ‘почитать книгу’ и ‘посмотреть телевизор’ выступают условием того, чтобы говорящий отдохнул. При второй интерпретации условие лишь одно: ‘посмотреть телевизор’. Как и прежде, для деепричастия на *-p* доступны обе возможности, а для деепричастия на *-gač* — только вторая.

Таким образом, предикация, возглавляемая деепричастием на *-p,* может входить в сферу действия наклонения главного глагола, в то время как деепричастие на *-gač* имеет пресуппозициональный характер и оказывается для нее непрозрачным.

Заметим, что те же две возможности наблюдаются у деепричастия на *-p* и при интерпретации отрицания, как видно из (6.95)-(6.96):

(6.95)

ul	ǯɤr	**tɤŋl-a-p**	kitap	uk-ɤ-m-ɤj.
он	музыка	**слушать-ST-CONV**	книга	читать-ST-NEG-ST.IPFV

*1. Он, **когда слушает** музыку, не читает книги.*
*2. Он **не слушает** музыку и не читает книги.*

(6.96)

ul	ǯɤr	**tɤŋl-a-p**	kitap	uk-ɤ-m-a-sɤn.
он	музыка	**слушать-ST-CONV**	книга	читать-ST-NEG-ST-JUSS

*1. Пусть он, **когда слушает** музыку, не читает книгу.*
*2. Пусть он **не слушает** музыку и не читает книгу.*
*3. *Пусть он, **когда не слушает** музыку, не читает книги.*
*4. *Пусть он **слушает** музыку и не читает книги.*

Среди прочего, следует также обратить внимание на то, что сфера действия отрицания и сфера действия наклонения главного глагола, видимо, должны совпадать. Они обе либо распространяются на зависимую предикацию, как в значении (6.96.2), либо нет, как в случае (6.96.1). Интерпретация, когда на зависимую предикацию распространяется отрицание, но не юссив, иллюстрируемая в (6.96.3), а также противоположная интерпретация в (6.96.4) невозможны. Если верно, что в (6.96.1), но не в (6.96.2) содержание зависимой клаузы имеет пресуппозициональный характер, то ограничения в (6.96.3) и (6.96.4) вытекают из этого без всяких дополнительных допущений.

6.1.2.1.2. Фоновая vs. последовательная интерпретация. Деепричастие на *-p* не имеет фиксированного таксисного значения: ситуация, обозначаемая этим деепричастием, воспринимается или как одновременная (фоновая), или как предшествующая по отношению к ситуации, обозначаемой главным глаголом[10]. Ситуация, обозначаемая

[10] Сходные факты отмечались и для других тюркских языков, например, для кумыкского: «Обычно действие деепричастия [на *-p*] предшествует действию главного глагола. Это часто наблюдается в тех случаях, когда деепричастие образовано от глагола, который выражает динамику, движение предмета… Действие, выражаемое деепричастием на *-ып*, *-ип*, *-ун*, *-юп*, *-п*, может происходить и одновременно

деепричастием, не может восприниматься как следующая за ситуацией, обозначенной главным глаголом, но это не значит, что деепричастие выражает значение не-следования. По-видимому, оно выражает его в той же мере, что и, например, русский союз *и*, соединяющий два финитных глагола, ср. *Он вышел из дома и сел в автобус* и *#Он сел в автобус и вышел из дома*.

Таксисная интерпретация деепричастия на *-р* не зависит от грамматического времени глагола в главной предикации. В (6.97) ситуация, описываемая деепричастием, воспринимается как одновременная независимо от того, имеет ли главный глагол форму Претерита, Презенса или Футурума 1.

(6.97) zefär jaxšɤ xawa tɤrɤš-ɤ-n-a **šatlan-ɤ-p**
Зуфар хороший небо состояние-3-OBL-DAT **радоваться-ST-CONV**

läjsän-ne ket-te || ket-ä || ket-ä-r.
Лейсан-ACC ждать-PST ждать-ST.IPFV ждать-ST-POT

*Зуфар, **радуясь** хорошей погоде* **[= хорошего неба состоянию]**, *ждал || ждет || будет ждать Лейсан.*

Как удалось установить, основной фактор, влияющий на распределение предшествования и одновременности деепричастий на *-р* — акциональный класс глагола (см. 2.2.2).

С точки зрения интерпретации деепричастия на *-р* глаголы распадаются на три группы:

- глаголы, у которых деепричастие описывает ситуацию, пересекающуюся во времени с ситуацией в главной клаузе;
- глаголы, у которых деепричастие описывает ситуацию, предшествующую во времени ситуации в главной клаузе;
- глаголы, допускающие обе возможности.

В первую группу входят предикаты, у которых деепричастие на *-р* вводит в рассмотрение состояние. Оно понимается как фоновое по отношению ситуации, описываемой главным глаголом. К этой группе принадлежат глаголы нескольких акциональных классов (названия даются в соответствии с 2.2.2).

Во-первых, это стативные глаголы (например, *ketä* ‘ждать’ или *jäši* ‘жить’), которые иллюстрируются предложением (6.98). Как видно из (6.98), деепричастие допускает единственную интерпретацию: оно обозначает состояние, на фоне которого происходит событие, описываемое главной клаузой.

(6.98) zefär läjsän-ne **ket-e-p** kitap jugalt-tɤ.
Зуфар Лейсан-ACC **ждать-ST-CONV** книга терять-PST

*Зуфар, **пока ждал** Лейсан, потерял книгу.*

Во-вторых, это инцептивно-стативные глаголы (слабые и сильные), в частности, *aŋnɤj* ‘понимать’, *kurka* ‘бояться’, *šakkata* ‘удивляться’, *tɤja* ‘чувствовать’, *ačulana* ‘сердиться’, *keli* ‘хотеться’, *šatlana* ‘радоваться’, *ɤšana* ‘верить’, *ɤšɤj* ‘нравиться’, *kürä* ‘видеть’, *belä* ‘знать’, *beläšänä* ‘узнавать’. Глагол *kurka* ‘бояться’ иллюстрируется в (6.99).

с действием основного глагола. Это обычно наблюдается в тех случаях, когда деепричастие образовано от глаголов, выражающих состояние предмета, или же от глаголов, восходящих к звукоподражательным междометиям» (Джанмавов 1967: 55-56).

(6.99) kečkenä malaj büre-lär-dän **kurk-ɤ-p** ǯɤr ǯɤrl-a-dɤ.
маленький мальчик волк-PL-ABL **бояться-ST-CONV** песня петь-ST-PST

*1. Маленький мальчик, **боясь** волков, пел песню.*
*2. *Маленький мальчик, **испугавшись** волков, пел песню.*

Примечательная особенность глаголов этого класса состоит в том, что инцептивная интерпретация, которую они могут иметь, возглавляя независимое предложение (см. 2.2.2.3), для деепричастия недоступна. Это видно из (6.99.2).

В-третьих, это стативно-процессные глаголы, сочетающие свойства предельных и инцептивно-стативных (*tɤta* ‘держать, ловить, хватать’ и *tɤra* ‘вставать, стоять’). Эти глаголы допускают две акциональные интерпретации форм с актуально-длительным значением — СОСТОЯНИЕ (‘держать’, ‘стоять’) и ПРОЦЕСС (‘хватать’, ‘вставать’). Как показывают примеры типа (6.100), деепричастия реализуют первое из них и имеют, соответственно, фоновую интерпретацию:

(6.100) zefär čäčäk **tɤt-ɤ-p** läjsän-ne ket-te.
Зуфар цветок **держать-ST-CONV** Лейсан-ACC ждать-PST

*1. Зуфар, **держа** цветок, ждал Лейсан.*
*2. ??Зуфар, **схватив** цветок, ждал Лейсан.*

Деепричастия, образованные от глаголов другой группы, допускают обе интерпретации — как фоновую, так и последовательную. Окончательный выбор производится, по-видимому, под влиянием конситуации, знаний о мире, интонационного членения фразы и т.д.

Эта группа включает глаголы двух акциональных классов — непредельные и слабые предельные.

Непредельные глаголы (*azaplana* ‘мучиться’, *bara* ‘идти’, *bɤzɤlda* ‘жужжать’, *ezli* ‘искать’, *jɤgɤra* ‘бежать’, *kečі* ‘чесаться’, *kɤčkɤra* ‘кричать’) иллюстрируются в (6.101):

(6.101) zefär awɤrɤ-dan **azaplan-ɤ-p** su eč-te.
Зуфар болезнь-ABL **мучиться-ST-CONV** вода пить-PST

*1. Зуфар, **мучаясь** от болезни, попил воды.*
*2. Зуфар, **помучившись** от болезни, попил воды.*

Примеры типа (6.101) делают видимым важное отличие процессных и стативных непредельных глаголов. Первые, но не вторые (см. (6.98) выше), способны вводить в рассмотение непредельный процесс, ограниченный во времени, который полностью предшествует ситуации, описываемой главной клаузой.

Возможность создавать как фоновую, так и последовательную интерпретации присуща также подгруппе слабых предельных глаголов, а именно глаголам способа в терминах Rapaport Hovav, Levin 1998, например, *ǯɤrlɤj* ‘петь’, *jaza* ‘писать, *kazɤj* ‘копать’. Диапазон прочтений деепричастий таких глаголов иллюстрируется в (6.102):

(6.102) zefär **ǯɤrl-a-p** uram bujlap bar-dɤ.
Зуфар **петь-ST-CONV** улица по идти-PST

*1. Зуфар, **напевая**, шел по улице.*
*2. Зуфар, **спев** (песню), шел по улице.*
*3. Зуфар, **попев**, шел по улице.*

Как и непредельные глаголы, глаголы типа ‘петь’ создают деепричастие, которое допускает фоновую интерпретацию, когда время пения пересекается с временем хождения по улице. Эта интерпретация в нулевом контексте предпочтительна. В отличие от непредельных глаголов, последовательная интерпретация у них представлена в двух акциональных разновидностях. Первая иллюстрируется в (6.102.2). В этом случае предполагается, что описываемая ситуация достигла кульминации, и мы имеем дело с акциональным значением ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ. Второе прочтение при последовательной интерпретации показано в (6.102.3): пение прекращается, не достигнув кульминации. Это непредельное акциональное значение ПРОЦЕСС.

Для непредельных и слабых предельных глаголов рассматриваемого типа выполняется следующее обобщение: последовательная интерпретация с акциональной точки зрения идентична той, которая наблюдается у перфективных форм этих же глаголов в финитном употреблении. Как обсуждалось в 2.2.2.4, акциональная характеристика перфективных форм непредельных глаголов содержит единственное акциональное значение ПРОЦЕСС. Перфективные формы слабых предельных глаголов акционально неоднозначны, а их акциональная характеристика выглядит как {ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, ПРОЦЕСС}. (6.101)-(6.102) показывают ровно те же возможности для последовательной интерпретации деепричастия.

Наконец, в третью группу объединяются глаголы, у которых деепричастие имеет только последовательную интерпретацию, когда время ситуации зависимой клаузы предшествует времени ситуации в главной. В эту группу входят сильные предельные глаголы, а также слабые предельные глаголы результата (*arɤj* ‘уставать’, *ǯitä* ‘доходить’, *üländ* ‘жениться’, *katɲa* ‘возвращаться’, *ǯiŋä* ‘побеждать’, *ečä* ‘пить’):

(6.103) zefär ü-gä **kajt-ɤ-p** gembä ezl-ä-de.
Зуфар дом-DAT **возвращаться-ST-CONV** гриб искать-ST-PST

*1. Зуфар, **вернувшись** домой, поискал грибы.*
*2. *Зуфар, **возвращаясь** домой, поискал грибы.*

Как показывает (6.103), фоновая интерпретация недоступна для сильного предельного глагола *kajta* || *katɲa* ‘возвращаться’. Это происходит даже несмотря на то, что с точки зрения знаний о мире (6.103.2) выглядит намного более естественно, чем (6.103.1).

Общий механизм выбора интерпретации предикации с деепричастием на *-p* можно описать следующим образом:

- если исходный глагол содержит в своей акциональной характеристике значение СОСТОЯНИЕ, деепричастие на *-p* имеет только одновременную интерпретацию, в которой оно описывает это состояние;
- в противном случае деепричастие на *-p* допускает последовательную интерпретацию, причем
- если исходный глагол содержит в своей акциональной характеристике акциональный ярлык ПРОЦЕСС, а в его лексическом значении заданы дескриптивные свойства этого процесса (как это происходит у глаголов способа), то деепричастие на *-p* имеет также одновременную интерпретацию.

6.1.2.2. Редуплицированное имперфективное деепричастие[11]

6.1.2.2.1. Общая характеристика. Редуплицированное деепричастие с морфологической точки зрения представляет собой удвоенную имперфективную глагольную основу:

(6.104) min **ešl-i-ešl-i** radio tɤŋl-ɤj-m.
я **работать-ST.IPFV$_{RED}$** радио слушать-ST.IPFV-1SG
*Я **работаю** и слушаю радио.*

Это деепричастие следует отличать от удвоения формы глагола в контекстах типа (6.105):

(6.105) üz-eŋ-nän xat **ket-te-m** **ket-te-m** dä,
сам-2SG-ABL письмо **ждать-PST-1SG** **ждать-PST-1SG** EMPH
kil-m-ä-gäč, üz-em jaz-a-r-ga bul-dɤ-m.
приходить-NEG-ST-ANT сам-1SG писать-ST-POT-INF AUX2-PST-1SG
*Я твоего письма **ждала-ждала** и, когда (оно) не пришло, (решила) написать сама.* (=T17:3)

Как видно из примеров (6.104) и (6.105), деепричастие отличается от редуплицированного глагола как семантически, так и морфологически. Деепричастие обозначает действие, одновременное по отношению к действию главного глагола, не употребляется в независимом предложении, не присоединяет показателей личного согласования. Редуплицированный финитный глагол имеет собственную временную референцию, присоединяет личные показатели, с другими предикатами соединяется при помощи сочинительных средств (в примере (6.105) это эмфатическая частица *da*), при этом удвоение привносит значение длительности или регулярности.

Редуплицированное деепричастие параллельно по многим свойствам деепричастию на *-p*. Основное отличие состоит в том, что редуплицированное деепричастие всегда описывает действие, фоновое по отношению к действию главного предложения[12]. Это значение сходно со значением деепричастия одновременности (на *-gan-da*), но отличается от него распределением информации между ассерцией и пресуппозицией[13]. Контраст иллюстрируется в (6.106)-(6.107):

[11] Собранный нами материал позволяет утверждать, что одиночное, нередуплицированное деепричастие этого типа в чистопольском говоре не употребляется. Эта форма встречается только в составе аналитических глагольных форм (таких, например, как Имперфект с вспомогательным глаголом *ide*), в конструкциях со вспомогательными глаголами (см. 5.3) и как средство оформления сентенциального актанта при некоторых предикатах (например, *bašlɤj* ‘начинать’, и *ala* ‘мочь’, см. 6.3.1.4). Наш материал, таким образом, не подтверждает вывод Ф.Ю. Юсупова (1985: 142 и след.) о том, что нередуплицированное деепричастие на гласную активно функционирует как раз в чистопольском говоре мишарского диалекта и часто употребляется вместо формы на *-p* литературного языка.

В Юсупов 1985: 134 упоминается также редуплицированное деепричастие на *-p*, однако в речи носителей чистопольского говора (с. Татарский Елтан) эта форма не засвидетельствована.

[12] В Юсупов 1985: 147 утверждается, что удвоенное деепричастие на гласную может иметь значение предшествования, но в исследуемом нами говоре такие употребления не отмечены.

[13] Заметим, что так же распределены данное и новое и в конструкциях с деепричастием на *-p* (см. об этом выше в 6.1.2.1). Такое распределение коммуникативных компонентов характерно в первую очередь для сочинительных, а не для подчинительных конструкций.

(6.106) Контекст$_1$: Участникам коммуникации известно, что Марат пел.
Контекст$_2$: Участникам коммуникации известно, что Марат пел и танцевал.
marat **ǯʏrl-a-gan-da** bij-e-de.
Марат **петь-ST-PFCT-SIM** танцевать-ST-PST
*Когда Марат **пел**, он танцевал.*

(6.107) * Контекст: Участникам коммуникации известно, что Марат пел или танцевал.
marat **ǯʏrl-ʏj-ǯʏrl-ʏj** bij-e-de.
Марат **петь-ST.IPFV$_{RED}$** танцевать-ST-PST
*Марат танцевал, **напевая**.*

В (6.106) ‘Марат пел’ образует пресуппозицию, и предложение уместно, если участникам коммуникации известно, что Марат пел. (6.106) сообщает, соответственно, что он при этом еще и танцевал. Предложение уместно и в том случае, когда известно, что обе ситуации факта имели место, и в ассерцию входит лишь их одновременность. В (6.107) пропозиция ‘Марат пел’ выступает элементом ассерции, а ее известность участникам коммуникации не предполагается. В этом отношении редуплицированное деепричастие на гласную не отличается от деепричастия на *-p*.

С деепричастием на *-p* редуплицированное деепричастие сближают и прозрачность для сферы действия наклонения главного глагола; кроме того, эти деепричастия имеют общую отрицательную форму — деепричастие на *-mʏj-ča*.

6.1.2.2.2. Прозрачность для сферы действия наклонения. Предикация, возглавляемая редуплицированным деепричастием, может входить в сферу действия наклонения главного глагола. Как и в случае с деепричастием на *-p*, это лишь одна из возможностей; предложение с редуплицированным деепричастием неоднозначно.

Рассмотрим (6.108) с формой юссива:

(6.108) a. ǯʏr **tʏŋl-ʏj-tʏŋl-ʏj** kitap uk-ʏ-sʏn.
музыка **слушать-ST.IPFV$_{RED}$** книга читать-ST-JUSS
*1. Пусть (он) **слушает** музыку и читает книгу.*
*2. Пусть (он), **слушая** музыку, читает книгу.*

b. ǯʏr **tʏŋl-a-gan-da** kitap uk-ʏ-sʏn.
музыка **слушать-ST-PFCT-SIM** книга читать-ST-JUSS
*1. *Пусть (он) **слушает** музыку и читает книгу.*
*2. Пусть (он), **слушая** музыку, (хотя бы) книгу читает.*

Предложение (6.108a) может быть употреблено и в том случае, когда требуется выполнение обоих действий, и в том, когда желательно только чтение книги. Предложение (6.108b) с деепричастием на *-gan-da* возможно только во втором случае: зависимая предикация не входит в сферу действия юссива.

В (6.109) представлена форма императива, которая обнаруживает такое же распределение интерпретаций:

(6.109) a. alma **aš-ʏj-aš-ʏj** bar!
яблоко **есть-ST.IPFV$_{RED}$** идти.IMP
*1. Иди и **ешь** яблоко!*
*2. Иди, **пока ешь** яблоко!*

b. Контекст: Слушающий ест яблоко.
alma **aš-a-gan-da** bar!
яблоко **есть-ST-PFCT-SIM** идти.IMP
*1. *Иди и **ешь** яблоко!*
*2. Иди, **пока ешь** яблоко!*

В (6.109b) от слушающего требуется идти; то, что он ест яблоко, — пресуппозиция. Предложение (6.109a) может быть употреблено как в аналогичной ситуации, так и в ситуации, когда говорящий просит совершения обоих действий. Последняя интерпретация, по оценке некоторых носителей, предпочтительна.

Наконец, (6.110) содержит форму гортатива:

(6.110) a. alma **aš-ɤj-aš-ɤj** kit-i-m.
яблоко **есть-ST.IPFV$_{RED}$** уходить-HORT-1SG
*1. Давай, я пойду и **буду есть** яблоко.*
*2. Давай, **пока ем** яблоко, я пойду.*

b. alma **aš-a-gan-da** kit-i-m.
яблоко **есть-ST-PFCT-SIM** уходить-HORT-1SG
*1. *Давай, я пойду и **буду есть** яблоко.*
*2. Давай, **пока ем** яблоко, я пойду.*

6.1.2.3. Деепричастие на *-р* и редуплицированное деепричастие на гласную как особый тип деепричастий

Деепричастие на *-р* и редуплицированное деепричастие, как обсуждалось выше, не имеют собственно временно́го значения. Однако они не имеют и других обстоятельственных значений.

В описаниях татарского и других тюркских языков про деепричастие на *-р* и аналогичное ему деепричастие на гласную иногда указывается, что конструкции с этими деепричастиями «...характеризуют две конкретных ситуации как связанные, соединенные по какому-либо параметру (времени, месту, способу действия, составу участников, логической последовательности и т.д.)» (Bergelson, Kibrik 1995: 403; речь идет об аналогичных деепричастиях тувинского языка; перевод наш). Но два русских предложения, соединенных союзом *и*, тоже должны описывать ситуации, так или иначе связанные. Таким образом, считать это специфическим значением этих деепричастий было бы неверно.

В тюркологических работах также часто отмечается, что деепричастие на *-р* (в ряде тюркских языков) обозначает действие, равноправное по отношению к действию главного глагола, и в этом аналогично сочинительному средству — см., например, Кононов 1956: 476 для турецкого языка, Юлдашев 1977: 15, 29, 191–192 для татарского и башкирского языков, Джанмавов 1967: 6, 45 для кумыкского языка, Закиев 1963: 294 для татарского литературного языка и Юсупов 1985 для татарских диалектов.

Деепричастие на *-р* очень напоминает то, что В.П. Недялков называет нарративными деепричастиями (более того, в качестве одного из примеров он приводит туркменское деепричастие на *-р*): нарративное деепричастие — деепричастие, которое «...может выражать три или более законченных действия последовательно,

продвигая таким образом ход рассказа» (Nedjalkov 1995: 109; перевод наш). Подобное понимание термина «нарратив» хотя и не является единственно возможным, но представлено во многих работах по дискурсивному анализу (см., например, Labov 1972) и в описаниях систем глагольных форм в различных языках (например, Dahl 1985: 112). Приведем пример употребления мишарского деепричастия на *-p* в нарративе[14]:

(6.111) ʒäj-neŋ matur ber ten-e-n-dä bala-itäk-le
лето-GEN красивый один ночь-3-OBL-LOC ребенок-юбка-ATR

külmäg-e-n, čik-kän aljapkɤč-ɤ-n, kalfag-ɤ-n, safjan
платье-3-OBL.ACC вышивать-PFCT передник-3-OBL.ACC калфак-3-OBL.ACC сафьян

čitek-lär-e-n **kij-e-p**, tɤlɤm-nar-ɤ-n čulpɤ-lar belän
сапог-PL-3-OBL.ACC **надевать-ST-CONV** коса-PL-3-OBL.ACC чулпа-PL с

ür-e-p, ʒilkä-se-n-ä čiläk–kejäntä-lär-e-n
заплетать-ST-CONV плечо-3-OBL-DAT ведро–коромысло-PL-3-OBL.ACC

as-ɤ-p, zexrä su-ga kit-ä.
вешать-ST-CONV Зухра вода-DAT уходить-ST.IPFV

*(И вот) в одну красивую летнюю ночь Зухра **надела** платье с оборками* [= ребенок-юбка]*, вышитый передник, калфаг, сафьяновые сапожки, **вплела** в косы чулпы, **положила** на плечо коромысло с ведрами и пошла за водой.* (=T16:10)

Отличие мишарского деепричастия на *-p* от нарративного деепричастия по Недялкову состоит в том, что оно может выражать фоновое действие. Оно не теряет этой способности, даже будучи употреблено как «нарративное»:

(6.112) awɤz-ɤ-n **jɤr-ɤ-p** **šarkɤld-a-p** **kel-e-p**
рот-3-OBL.ACC **рыть-ST-CONV** **хохотать-ST-CONV** **смеяться-ST-CONV**

amu kil-e-p čɤg-a.
Аму приходить-ST-CONV выходить-ST.IPFV

***Улыбаясь** во весь рот* [= роя рот]*, **хохоча** и **смеясь**, появился Аму.* (=T8:14)

Кроме того, если рассматривать деепричастие на *-p* как нарративное, то встает вопрос о том, как интерпретировать редуплицированное деепричастие, которое выражает исключительно фоновое действие, при этом демонстрируя во многом аналогичные свойства. Получается, что есть две нефинитные формы, которые имеют много общих черт и при этом сильно отличаются от остальных нефинитных форм — всё это дает достаточные основания для того, чтобы выделить их в отдельный класс. При этом оказывается, что в классификации В.П. Недялкова места такому классу не предусмотрено: если деепричастие на *-p* еще можно счесть особой разновидностью нарративного деепричастия, допускающей также фоновые употребления, то редуплицированное деепричастие не укладывается в нее совсем.

[14] Есть свидетельства, что в древнетюркских письменных памятниках деепричастия на *-(ü)ыб*, к которым восходят мишарские деепричастия на *-p*, широко употреблялись в длинных нарративных цепочках, причем часто даже с разными субъектами; см., в частности, Севортян 1961: 128, а также Мелиоранский 1897: 68.

Более того, предикации, возглавляемые деепричастием на *-р* и редуплицированным деепричастием на гласную, могут попадать в сферу действия наклонения и даже отрицания, выраженных при главном глаголе, что не входит в определение нарративных деепричастий. Сама возможность употребления деепричастий в конструкциях, в которых сказуемое главной предикации стоит в ирреальном наклонении и в которых, тем самым, исключена нарративная интерпретация, говорит против отнесения этих деепричастий к нарративным.

С другой стороны, подобные формы иногда относят и к контекстным деепричастиям, т.е. к таким деепричастиям, которые под влиянием контекста могут приобретать различные обстоятельственные значения из достаточно широкого набора (время, место, цель, причина, образ действия, и т.д.) — ср. понимание этого термина в Калинина 2001: 39–42. Для рассматриваемых мишарских деепричастий, однако, такая трактовка невозможна, так как контекстные деепричастия не допускают нарративного «нанизывания» и предполагают однозначно подчиненный прагматический статус деепричастной предикации по отношению к главной.

Остается только выделить эти деепричастия в специальный класс нефинитных форм, близких по своим свойствам к средствам связи финитных предикаций в дискурсе. Такие формы можно назвать д и с к у р с и в н ы м и. Тогда получается, что нарративные деепричастия являются частным случаем дискурсивных форм: нарративные деепричастия — дискурсивные формы, которые могут описывать только последовательные события.

Итак, рассмотренные мишарские деепричастия принадлежат к особому типу, сочетающему в себе черты нарративного (точнее было бы его называть дискурсивным) деепричастия (способность употребляться в длинных нарративных цепочках, таксисная интерпретация, зависящая от акционального класса глагола) и контекстного деепричастия (прозрачность для сферы действия грамматических категорий главного глагола, способность выражать множество различных адвербиальных значений в контексте)[15].

6.1.2.4. Деепричастие на *-р* как деепричастие с переменным субъектом

В Haspelmath 1995 рассматриваются два взаимосвязанных параметра, характеризующие субъект деепричастия.

Первый — способность деепричастия иметь выраженный субъект. По этому параметру выделяются три типа:

- деепричастия с субъектом, всегда выражаемым эксплицитно;
- деепричастия с субъектом, никогда не выражаемым эксплицитно;
- деепричастия, субъект которых выражается факультативно.

Второй параметр — способность иметь субъект, не кореферентный субъекту финитной клаузы, — также принимает три значения и, соответственно, делит деепричастные формы на три группы:

- односубъектные деепричастия (same-subject converbs);
- разносубъектные деепричастия (different-subject converbs);
- деепричастия с переменным субъектом (varying-subject converbs).

Логически возможны любые комбинации значений этих двух параметров. Тем не менее они не полностью независимы. Если субъект деепричастия всегда остается невыраженным, кореферентность с подлежащим финитной клаузы позволяет однозначно

[15] О контекстно обусловленных значениях деепричастия на *-р* см., например, Юлдашев 1977: 241, 261.

идентифицировать его. Такая конфигурация имеет место, например, для русских деепричастий: они односубъектны и не допускают эксплицитного выражения субъекта:

(6.113) *Маша проснувшись, Петя приготовил завтрак.

(6.114) $\varnothing_{i/*j}$ проснувшись, Петя$_i$ приготовил завтрак.

Разносубъектность деепричастия обычно влечет обязательность выражения субъекта, а для деепричастий с переменным субъектом типична необязательность его выражения. Другие комбинации значений параметров более редки.

Как отмечалось выше, большинство мишарских деепричастий могут иметь собственный выраженный субъект без каких-либо синтаксических или семантических ограничений. У деепричастий на *-p*, однако, возможность иметь собственный субъект зависит от характера сематического отношения между предикациями. Далее мы обсудим эту зависимость более подробно.

6.1.2.4.1. Нулевые и выраженные подлежащие. В общем случае деепричастие на *-p* односубъектно, т.е. имеет нулевое подлежащее, кореферентное субъекту главной клаузы:

(6.115) marat xäbär **bel-e-p** kil-de.
Марат новость **знать-ST-CONV** приходить-PST
*Марат, **узнав** новость, пришел.*

(6.116) *marat xäbär **bel-e-p** ruslan kil-de.
Марат новость **знать-ST-CONV** Руслан приходить-PST
***Когда** Марат **узнал** новость, Руслан пришел.*

Тем не менее при определенных условиях деепричастие на *-p* может иметь собственное подлежащее, не кореферентное подлежащему главной клаузы. Ниже мы рассмотрим возможные предположения о характере этих условий и оценим их способность объяснить мишарские данные.

6.1.2.4.2. Семантическая связь между субъектами как условие разносубъектности. В качестве условия, при котором деепричастие на *-p* может быть разносубъектным, в литературе обычно упоминается тесная семантическая связь подлежащего деепричастной клаузы и подлежащего финитной клаузы. Эта возможность прослеживается уже в древнетюркском языке. В Erdal 2004 указано, что в норме подлежащее при деепричастии на *-p* должно совпадать с подлежащим главного предложения. Имеются, однако, примеры, в которых субъект деепричастия отличается от субъекта главного глагола, но связан с ним, например, отношением «часть-целое», ср. (6.117) из древнетюркского языка (Erdal 2004: 160):

(6.117) bo körünč kör-üp köŋül-üŋ yazïl-tï mu?
этот видение видеть-CONV сердце-2SG заблуждаться-PST Q
Не заблуждается ли твое сердце, когда ты наблюдаешь эти видения?

Похожий вывод делается и в Пазельская, Шлуинский 2007: 48 для чистопольского говора мишарского диалекта (с. Татарский Елтан): деепричастие на *-p* способно иметь собственный субъект, если имеет место «достаточно близкое семантическое соотношение субъекта зависимой предикации и субъекта главной предикации». В частности, субъекты

деепричастной и финитной клауз могут соотноситься как часть и целое, целое и часть или подгруппа и группа.

В сергачском говоре (с. Рыбушкино) эта закономерность также прослеживается у некоторых носителей:

(6.118) Контекст: Стадо состоит из серых и белых коров.

a. **beten ketü** bʏlʏn-ga čʏg-ʏ-p **sʏrʏ sʏjʏr-lar** megr-ä-dɛ-lär.
весь стадо луг-DAT выходить-ST-CONV **серый корова-PL** мычать-ST-PST-PL
*Когда **всё стадо** вышло на луг, **серые коровы** замычали.*

b. **sirʏ sʏjʏr-lar** megr-ä-p **beten ketü** bʏlʏn-ga cʏk-tʏ.
серый корова-PL мычать-ST-CONV **весь стадо** луг-DAT выходить-PST
*Когда **серые коровы** замычали, **всё стадо** вышло на луг.*

c. ***ak sʏjʏr-lar** bʏlʏn-ga čʏg-ʏ-p **sʏrʏ sʏjʏr-lar**
белый корова-PL луг-DAT выходить-ST-CONV **серый корова-PL**
megr-ä-dɛ-lär.
мычать-ST-PST-PL
*Когда **белые коровы** вышли на луг, **серые коровы** замычали.*

d. ***sirʏ sʏjʏr-lar** megr-ä-p **ak sʏjʏr-lar** bʏlʏn-ga cʏk-tʏ-lar.
серый корова-PL мычать-ST-CONV **белый корова** луг-DAT выходить-PST-PL
*Когда **серые коровы** замычали, **белые коровы** вышли на луг.*

В (6.118a) субъект деепричастной клаузы (всё стадо) и субъект финитной клаузы (серые коровы) соотносятся как группа и ее часть; эта семантическая связь делает пример допустимым. В (6.118b) устанавливается противоположное отношение: подгруппу обозначает субъект при деепричастии, а объемлющую группу — субъект главной клаузы. В (6.118c)-(6.118d) такого отношения нет, что делает эти предложения неграмматичными.

6.1.2.4.3. Причинная или уступительная связь между ситуациями как условие разносубъектности. У носителей сергачского говора описанная выше стратегия не является, однако, преобладающей. У подавляющего большинства носителей контраст, наблюдаемый в (6.118a)-(6.118b) и (6.118c)-(6.118d), отсутствует. В отсутствие дополнительной контекстной информации они признают все четыре предложения (6.118) неграмматичными.

Пример, аналогичный (6.118b), однако, воспринимается как приемлемый при появлении дополнительного внешнего контекста:

(6.119) **sʏrʏ sʏjʏr-lar** kʏčkʏr-ʏ-p **beten ketü** kʏr-ga čʏk-tʏ.
серый корова-PL мычать-ST-CONV **весь стадо** поле-DAT выходить-PST
*Когда **серые коровы** замычали, **всё стадо** вышло на поле* {т.е. серые коровы подали сигнал стаду}.

Суждения этой группы носителей можно объяснить, предположив, что условием, при котором деепричастие на *-p* может иметь собственное подлежащее, выступает более сложное семантическое отношение между ситуациями, описываемыми деепричастной и финитной клаузами, чем просто временно́е.

Если предложение обозначает исключительно взаиморасположение двух ситуаций во времени, приемлемо только нулевое подлежащее при деепричастии, кореферентное подлежащему финитной клаузы. Предложения, где деепричастие на *-р* имеет собственный субъект, обозначают не только временны́е, но и другие семантические отношения. В (6.119) это каузальное отношение. В предложенном носителем контексте ‘серые коровы подали сигнал стаду’, ситуация, описываемая деепричастной клаузой ‘серые коровы замычали’, представляет собой причину ситуации, описываемой финитной клаузой ‘всё стадо вышло на поле’. Семантическая связь между субъектами предикаций при этом отходит на второй план и не является обязательной. На это указывает, в частности, (6.90), повторяемый как (6.120).

(6.120) büre **kil-e-p** alsu **šurl-ä-de**.
волк **приходить-ST-CONV** Алсу **пугаться-ST-PST**
***Из-за того, что пришел** волк, Алсу **испугалась**.*

Причинно-следственные отношения — не единственный вид отношений между ситуациями, при котором допускаются разносубъектные конструкции. (6.121) — пример грамматичного предложения с уступительной связью между главной и зависимой предикациями:

(6.121) marat tälinkä-gä **tertel-e-p** sawʏt-lar **wat-ʏ-l-m-a-dʏ**.
Марат тарелка-DAT **толкнуть-ST-CONV** посуда-PL **ломать-ST-PASS-NEG-ST-PST**
***Хотя** Марат **задел** тарелку, посуда **не разбилась**.*

Необходимо отметить, что связь между ситуациями — достаточное условие грамматичности разносубъектных конструкций для всех носителей, включая носителей первой группы. Таким образом, можно выделить две стратегии, различающиеся степенью строгости оценок, которые показаны в Таблице 6.2.

Таблица 6.2. Условия допустимости разносубъектного деепричастия на *-р*

	Одно-субъектность	Разносубъектность (семантическое отношение между ситуациями)	Разносубъектность (семантическое отношение между субъектами)	Разно-субъектность (общий случай)
Стратегия 1	ОК	ОК	ОК	*
Стратегия 2	ОК	ОК	*	*

Данные сергачского говора (с. Рыбушкино) позволяют сделать вывод, что для отдельных носителей грамматичность примеров с разносубъектностью действительно зависит от семантического отношения между подлежащими. Однако в целом для всех носителей грамматичны разносубъектные примеры с каузальным или уступительным отношением между ситуациями.

6.1.2.4.4. «Метеорологические глаголы»: особое правило или частный случай? В небольшой группе примеров с разносубъектными деепричастиями на *-р* отсутствует каузальная или уступительная связь между предикациями:

(6.122) jäšen **jäšn-ä-p**, kük **kükr-ä-p** jaŋgɤr **jaw-a**.
молния **сверкать-ST-CONV** гром **греметь-ST-CONV** дождь **идти-ST.IPFV**
***Сверкают** молнии, **гремит** гром и **идет** дождь.*

Подобные примеры невозможно рассматривать как случай семантической связи субъектов, поскольку аналогичное предложение, в котором клауза ‘идет дождь’ — деепричастная, а ‘сверкают молнии’ — финитная, неграмматично:

(6.123) *jaŋgɤr **jaw-ɤ-p**, kük **kükr-ä-p** jäšen **jäšn-ä-de**.
дождь **идти-ST-CONV** гром **греметь-ST-CONV** молния **сверкать-ST-PST**
***Шел** дождь, **гремел** гром и **сверкали** молнии.*

Примеры, подобные (6.122), в Erdal 2004 выделяются как особый случай. Указывается, что и в древнетюркском языке для деепричастий на *-p* глаголов, описывающих погоду и прочие природные явления, характерно наличие собственного субъекта (ср. (6.124) из Erdal 2004: 464)[16]:

(6.124) buluŋ yïnak karar-ïp kör-gäli bil-gäli bol-ma-dï.
угол сторона темнеть-CONV видеть-POT.COORD знать-POT.COORD быть-NEG-PST
Стороны света потемнели, и стало невозможно что-либо увидеть или узнать.

Обобщение, применимое к данной проблеме, предложено в Johanson 1995. В этой работе описывается связанное со структурой дискурса противопоставление, в соответствии с которым деепричастные клаузы делятся на два типа:

- модифицирующие (modifying) клаузы дополняют или уточняют ситуацию, описываемую финитной клаузой;
- немодифицирующие (non-modifying) клаузы вводят новую ситуацию, в дискурсивном плане «равную» той, которая описывается финитной клаузой. К этому типу относятся случаи «нанизывания» клауз (clause-chaining).

Также отмечается, что возможность собственного субъекта немодифицирующих деепричастных клауз может быть ограничена: «Существует историческая тенденция, ограничивающая употребление немодифицирующих деепричастных клауз на уровне 1 [т.е. при наличии выраженного субъекта деепричастия]… Уровень 1 в целом легче допускается, если есть достаточно сильная семантическая связь между деепричастной клаузой и главной клаузой. Если такая связь, как на уровне 2 [т.е. при равносубъектности], обусловленная общим первым актантом, отсутствует, по крайней мере, некоторые элементы деепричастной клаузы и главной клаузы референциально связаны друг с другом, например, посредством отношения “часть-целое” или “обладатель-обладаемое”» (Johanson 1995: 332).

Таким образом, разносубъектность становится допустимой в двух случаях: при наличии семантических отношений между субъектами деепричастной и финитной клауз и при модифицирующей деепричастной клаузе. Первая из этих возможностей может быть соотнесена с описанной выше Стратегией 1, а вторая — со Стратегией 2.

[16] Отметим, что в (6.124) присутствует сразу несколько условий, благоприятствующих разносубъектности: помимо метеорологических предикатов, здесь есть еще и каузальная связь между событиями.

Помимо этого, пример (6.122), связанный с природными явлениями, получает следующее объяснение: ситуация ‘сверкают молнии’ может рассматриваться как модификация ситуации ‘идет дождь’, но не наоборот. Следовательно, предложение (6.122), где ситуация ‘сверкают молнии’ описывается деепричастной клаузой, а ‘идет дождь’ — финитной, грамматично; напротив, предложение (6.123), где более общая ситуация ‘идет дождь’ описывается деепричастной клаузой, а ‘сверкают молнии’ — финитной, признается недопустимым. Дополнительным свидетельством в пользу этой гипотезы может послужить перевод примера (6.125) одним из носителей мишарского диалекта:

(6.125) jäšen jäšn-ä-p jaŋgɤr jaw-a.
молния сверкать-ST-CONV дождь идти-ST.IPFV
Идет грозовой дождь.

Контраст в (6.122)-(6.123), впрочем, может иметь и альтернативное объяснение. ‘Молния’ и ‘гром’ — это когнатные объекты соответствующих метеорологических глаголов, а дождь — нет. Когнатные объекты могут проявлять пониженные аргументные свойства. В этом случае такие предложения допускаются потому, что именная группа в зависимой клаузе попросту не имеет статуса подлежащего.

6.1.2.4.5. Разносубъектность и вложение. Рассмотренные выше условия грамматичности разносубъектных деепричастных клауз были сформулированы в первую очередь для конструкций с соположением. В этом разделе обсуждается допустимость разносубъектности в том случае, если деепричастная клауза вложена в финитную.

Деепричастная клауза с нулевым подлежащим может быть как вложена внутрь финитной, так и соположена с ней:

(6.126) alsu, ü-gä **kil-e-p**, kurk-ɤ-p kit-te.
Алсу дом-DAT **приходить-ST-CONV** пугаться-ST-CONV уходить-PST
*Алсу, **придя** домой, испугалась.*

(6.127) taš **bär-e-p** marat kem-ne dä jaralan-dɤr-m-a-dɤ.
камень **бросить-ST-CONV** Марат кто-ACC EMPH раниться-CAUS-NEG-ST-PST
***Бросив** камень, Марат никого не поранил.*

Если деепричастная клауза допускает собственное подлежащее, предложения, в которых она соположена с финитной клаузой, признаются приемлемыми всеми носителями. Однако большинство примеров, грамматичных при соположении, например, (6.118a), воспринимаются как сомнительные при вложении:

(6.128) *sɤrɤ sɤjɤr-lar [beten ketü bɤlɤn-ga **čɤg-ɤ-p**] megr-ä-de-lär.
серый корова-PL весь стадо луг-DAT **выходить-ST-CONV** мычать-ST-PST-PL
***Когда** всё стадо вышло на луг, серые коровы замычали.*

Это же верно для других случаев, в том числе и обсуждавшихся выше, — случаев семантической связи субъектов и метеорологических глаголов. Несколько минимальных пар показано в (6.129)-(6.132):

(6.129) a. [ber čaška **teš-e-p**] beten sawɤt-lar wat-ɤ-l-dɤ.
один чашка **падать-ST-CONV** весь посуда-PL ломать-ST-PASS-PST
*Одна чашка **упала**, и вся посуда разбилась.* {a=b}

b. ?beten sawɤt-lar [ber čaška **teš-e-p**] wat-ɤ-l-dɤ.
весь посуда-PL один чашка **падать-ST-CONV** ломать-ST-PASS-PST

(6.130) a. [keüsä **sɤn-ɤ-p**] agač jɤgɤl-dɤ.
ствол **ломаться-ST-CONV** дерево падать-PST
Когда ствол сломался, дерево упало. {a=b}

b. ?agač [keüsä **sɤn-ɤ-p**] jɤgɤl-dɤ.
дерево ствол **ломаться-ST-CONV** падать-PST

(6.131) a. [jäšen **jäšn-ä-p**] jaŋgɤr jaw-a.
молния **сверкать-ST-CONV** дождь идти-ST.IPFV
***Сверкают** молнии и идет дождь.* {a=b}

b. ?jaŋgɤr [jäšen **jäšn-ä-p**] jaw-a.
дождь молния **сверкать-ST-CONV** идти-ST.IPFV

(6.132) a. [marat täräzä **ač-ɤ-p**] alsu išek-ne jap-tɤ.
Марат окно **открывать-ST-CONV** Алсу дверь-ACC закрывать-PST
Когда Марат открыл окно, Алсу закрыла дверь. {a=b}

b. ?alsu [marat täräzä **ač-ɤ-p**] išek-ne jap-tɤ.
Алсу Марат окно **открывать-ST-CONV** дверь-ACC закрывать-PST

Примеры с соположением, представленные в (6.129a)-(6.132a), оценены как допустимые всеми носителями или подавляющим большинством. В аналогичных примерах с вложением (6.129b)-(6.132b) суждения носителей очень вариативны. Отдельные носители допускают вложение во всех конфигурациях, в которых возможно соположение, другие, напротив, не признают его допустимым ни в одном примере. Есть и такие, кто признает грамматичными лишь часть примеров, причем разные для разных носителей. Это, вероятно, свидетельствует о том, что на данный момент рассматриваемый фрагмент системы мишарского диалекта нестабилен и находится в процессе перестройки.

В качестве примера более стабильной системы можно привести киргизский язык. Разносубъектное употребление деепричастия на *-p* при соположении в киргизском допускается без каких-либо дополнительных условий. В то же время грамматичность примеров с вложением зависит от тех же двух условий, описанных в Johanson 1995, которые определяют грамматичность соположения в мишарском диалекте.

При отсутствии какой-либо связи между клаузами, помимо временно́й, вложение не допускается, как видно из (6.133). Связь между субъектами — достаточное условие для грамматичности вложения, что иллюстрируется в (6.135)-(6.136). Наличие каузальной связи между ситуациями (но не связи между субъектами), как в (6.134), — единственный случай, при котором наблюдается идиолектное варьирование:

(6.133) *[ajgül [tilek ojgon-u-p] čaj demde-di.]
Айгуль Тилек проснуться-ST-CONV чай заваривать-PST
Тилек проснулся, и Айгуль заварила чай.

(6.134) ? [ajgül [börü kel-i-p] čoč-u-p ket-ti.]
Айгуль волк приходить-ST-CONV пугаться-ST-CONV уходить-PST
Пришел волк, и Айгуль испугалась.

(6.135) [darak šamal-ga [butak-tar-ɨ kɨčɨr-a-p] kɨjmɨlda-dɨ.]
дерево ветер-DAT ветка-PL-3 скрипеть-ST-CONV двигаться-PST
Дерево качалось от ветра, его ветки скрипели.

(6.136) [bala [ič-i ōru-p] ɨjla-dɨ.]
ребенок живот-3 болеть-CONV плакать-PST
У ребенка болел живот, и он плакал.

6.1.2.4.6. Конструкции с генитивным посессором. Среди конструкций с разносубъектным деепричастием на *-p* особый интерес представляют такие, в которых (семантические) субъекты деепричастной и финитной клауз соотносятся как обладатель и обладаемое. В этом случае посессор (семантический субъект деепричастия) может получать как номинативное оформление, характерное для субъекта деепричастия, как в (6.137a), так и генитивное, характерное для посессора в именной группе (о морфосинтаксических свойствах посессора см. 4.1.2.1). В последнем случае возможна как препозиция посессора, иллюстрируемая в (6.137b), так и его интерпозиция (6.137c):

(6.137) a. **min** bärel-e-p bɤrɤn-ɤm kan-a-dɤ.
я ударяться-ST-CONV нос-1SG кровоточить-ST-PST
***Я** ударился, и из носа пошла кровь.*

b. **minem** bärel-e-p bɤrɤn-ɤm kan-a-dɤ.
я.GEN ударяться-ST-CONV нос-1SG кровоточить-ST-PST
***Я** ударился, и из носа пошла кровь.*

c. ɤzak uk-ɤ-p **ränijä-neŋ** küz-lär-e ar-ɤ-dɤ.
долго читать-ST-CONV **Рания-GEN** глаз-PL-3 уставать-ST-PST
***Рания** долго читала, и ее глаза устали.*

В (6.137c) следует обратить внимание на то, что генитивную группу *ränijäneŋ* ‘Рании’ вряд ли можно анализировать как посессор при *küz-lär-e* ‘глаза’. Если бы это было так, субъект деепричастной клаузы, не имеющий поверхностной реализации, оказался бы кореферентен подлежащему главной клаузы ‘глаза’. Однако субъект деепричастной клаузы — это Рания, а не ее глаза.

Еще одна возможность — посессор в генитиве с соположенным обладаемым: обе именные группы, семантически являющиеся субъектами деепричастной и финитной клауз, находятся слева от деепричастия (6.138):

(6.138) **agač-nɤŋ** **bɤtak-lar-ɤ** aw-ɤ-p sɤn-dɤ.
дерево-GEN **ветка-PL-3** падать-ST-CONV ломаться-PST
***Ветки** сломались, потому что **дерево** упало.*

Таким образом, в (6.137) и (6.138) имя в генитиве семантически представляет собой субъект деепричастной клаузы и одновременно выступает посессором по отношению к подлежащему финитной клаузы. Это создает определенную проблему для анализа. Рассмотрим возможные структуры для этих предложений.

М.Б. Ермолаева. Село Большое Рыбушкино, 2012 год.

Наиболее простое предположение по поводу структуры (6.137b), позволяющее не постулировать дополнительных передвижений, заключается в том, что деепричастие имеет выраженный субъект в генитиве, кореферентный поверхностно не выражаемому обладателю в составе подлежащего главной клаузы:

(6.139) [$_{CP}$ … [$_{XP}$ minem$_i$ bärel-e-p] [$_{YP}$ [$_{DP}$ ∅$_i$ bɤrɤn-ɤm] kan-a-dɤ]].
я.GEN ударяться-ST-CONV нос-1SG кровоточить-ST-PST

Я ударился, и из носа пошла кровь.

Этот анализ, однако, сталкивается с существенными проблемами. По имеющимся данным, субъекты с генитивным оформлением встречаются только у составляющих с именными свойствами. В частности, такой субъект возможен у номинализаций, в том числе у полифункциональной формы на *-gan*, употребленной в функции номинализации (о неоднозначности ее синтаксического класса см. 1.2.1.7; о морфосинтаксической реализации актантов отглагольных имен см. 6.4.3.1):

(6.140) min **marat-nɤŋ** bügen alsu-nɤŋ pɤrtrɤt-ɤ-n
я **Марат-GEN** сегодня Алсу-GEN портрет-3-OBL.ACC

jas-a-gan-ɤ-n bel-ä-m.
рисовать-ST-PFCT-3-OBL.ACC знать-ST.IPFV-1SG

*Я знаю, **что** сегодня **Марат нарисовал** портрет Алсу.*

В литературе встречаются прямые указания на недопустимость генитивного субъекта деепричастия: «В деепричастных конструкциях самостоятельный субъект выражается только подлежащим, т.е. словом в основном падеже… Иначе говоря, деепричастные полупредикативные обороты самостоятельного субъекта, выраженного словом в притяжательном падеже, не имеют» (ТГ 1992: 359). Таким образом, любой анализ, предполагающий, что генитивный посессор представляет собой синтаксический субъект деепричастной клаузы, связан с определенными сложностями.

Альтернативная гипотеза состоит в том, что деепричастие на *-p* в интересующих нас конструкциях — это причастие с нулевым подлежащим, кореферентным генитивной именной группе. Случаи приименного употребления деепричастия (то есть в причастной функции) описаны для древнетюркского языка в Erdal 2004. В примерах М. Эрдаля деепричастие на гласный входит в именную группу (Erdal 2004: 312):

(6.141) titrä-yü ün-in
дрожать-CONV голос-INS
дрожащим голосом

(6.142) külčir-ä yüz-in
улыбаться-CONV лицо-INS
с улыбкой [= с улыбающимся лицом]

Относительные предложения с генитивным субъектом причастия на *-gan,* как в (6.143), описаны, среди прочих, для уйгурского языка в Azarina, Hartman 2011:

(6.143) [Ötkür-niŋ oqu-ʁan] kitav-i uzun.
Откур-GEN читать-RAN книга-3.POSS длинный
Книга, которую прочитал Откур, — длинная.

Если похожая ситуация имеет место в мишарских конструкциях типа (6.137b), то зависимую клаузу можно анализировать как относительное предложение, возглавляемое причастием:

(6.144) [$_{CP}$ ... [$_{DP}$ minem$_i$ [[$_{REL}$ ∅$_i$ bärel-e-p] bʏrʏn-ʏm]] kan-a-dʏ].
я.GEN ударяться-ST-CONV нос-1SG кровоточить-ST-PST
Я ударился, и из носа пошла кровь. [= Мой нос, который я ударил, кровоточит.]

Основная проблема этого предположения — в том, что в мишарском диалекте использование в причастной функции деепричастия на *-p*, как и других деепричастий, не засвидетельствовано (см. об этом 6.1.2, 6.2.1).

Третье возможное объяснение связано с передвижением посессора. Оно предполагает анализ, при котором генитивный посессор порождается внутри именной группы, целиком являющейся подлежащим финитной клаузы, а затем передвигается во внешнюю позицию. Такие конструкции описаны в (Nikolaeva 2002: 8-9) для генитивного посессора в ненецком языке в (6.145) и дативного посессора в венгерском языке (6.146)-(6.147):

(6.145) tyuku^o nye ngøcyeki-h yetryi bantø-da ngarka.
этот женщина ребенок-GEN всегда лента-3SG большой
Лента этой девочки всегда большая.

(6.146) Péter-nek csak Mari látta a kalap-já-t.
Петр-DAT только Мария видел DEF шляпа-3SG-ACC
Что касается Петра, только Мария видела его шляпу.

(6.147) csak Mari látta Péter-nek a kalap-já-t.
только Мария видел Петр-DAT DEF шляпа-3SG-ACC
Только Мария видела шляпу Петра.

В (6.145) генитивный посессор ‘этой девочки [= женщины-ребенка]’ порождается внутри именной группы ‘лента этой девочки’, а затем передвигается на периферию предложения, в позицию, линейно расположенную слева от обстоятельства ‘всегда’. Аналогично, в (6.146) дативный посессор ‘Петра’ из исходной позиции внутри именной группы ‘шляпа Петра’, которая показана в (6.147), выдвигается в начало предложения, в позицию перед подлежащим.

Если мишарские примеры типа (6.137b) устроены аналогично, можно предполагать для них следующую структуру:

(6.148) [$_{CP}$ minem$_i$ [$_{XP}$ ∅$_i$ bärel-e-p] [$_{YP}$ [$_{DP}$ t$_i$ bɤrɤn-ɤm] kan-a-dɤ]].
я.GEN ударяться-ST-CONV нос-1SG кровоточить-ST-PST
Я ударился, и из носа пошла кровь.

В приведенной структуре субъектом деепричастной клаузы выступает нулевая единица, кореферентная посессору. Тем самым, если принять этот анализ, возникает вопрос о ее свойствах и о том, каким образом ее контролирует генитивный посессор главной клаузы.

В этом разделе сформулированы три предположения, касающиеся структуры конструкций типа (6.137b), и проблемы, связанные с каждым из них. Чтобы выбрать вариант анализа, наилучшим образом соответствующий наблюдаемым данным, в 6.1.2.4.6.1 мы рассмотрим свойства конструкций типа (6.137b), связанные с семантикой генитивного посессора и оформлением обладаемого, а в разделе 6.1.2.4.6.2 — результаты применения к этим конструкциям ряда синтаксических тестов.

6.1.2.4.6.1. Свойства генитивного посессора. Как обсуждается выше, употребление генитива ограничено именной группой. Генитивное оформление получает зависимое имя в составе так называемой третьей изафетной конструкции, или ИК3 (см. 4.2), являющейся одним из основных способов выражения отношения принадлежности в мишарском диалекте (частный случай — субъект номинализации; см. 6.4):

(6.149) malaj-nɤŋ kitap-lar-ɤ
мальчик-GEN книга-PL-3
книги мальчика

Наиболее распространенная альтернатива ИК3 — вторая изафетная конструкция (ИК2), отличающаяся тем, что зависимое имя остается неоформленным:

(6.150) malaj kitap-lar-ɤ
мальчик книга-PL-3
книги мальчика

Выбор изафетной конструкции, предпочтительной для использования в том или ином конкретном предложении, зависит от большого числа факторов: референциального статуса посессора, его приоритетности для данного дискурса и др. (см. об этих факторах 4.2.2.3). Среди прочего, выбор между связан с позицией посессора в иерархии одушевленности (Silverstein 1976):

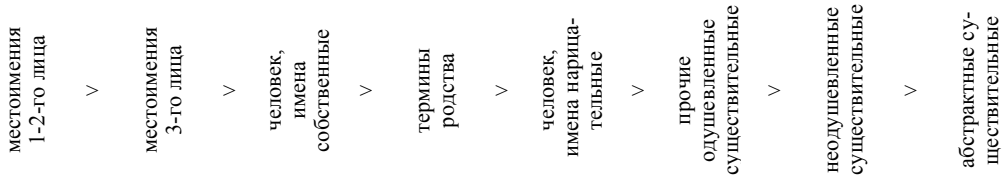

Схема 6.1. Иерархия одушевленности

Например, для личных местоимений ИКЗ — единственный вариант выражения отношения принадлежности. Как указано в 4.2.2.2.3, «вероятность генитивного оформления остальных типов существительных убывает от весьма высокой … в случае имен собственных до крайне низкой в случае абстрактных существительных».

Предложения с деепричастием на *-р,* в которых у деепричастия есть собственный местоименный субъект и при этом между субъектами деепричастной и финитной клауз отсутствует посессивное отношение, не допускают употребление генитива:

(6.151) a. **min** marat belän sug-ɤ-š-ɤ-p marat-nɤŋ kijem-e
я Марат с бить-ST-REC-ST-CONV Марат-GEN одежда-3

jɤrt-ɤ-l-dɤ.
рвать-ST-PASS-PST

***Я** подрался с Маратом, и одежда Марата порвалась.* {a=b}

b. ***minem** marat belän sug-ɤ-š-ɤ-p marat-nɤŋ kijem-e
я.GEN Марат с бить-ST-REC-ST-CONV Марат-GEN одежда-3

jɤrt-ɤ-l-dɤ.
рвать-ST-PASS-PST

Сравнение предложений типа (6.151a) и (6.151b) позволяет сформулировать естественное предположение о сущности конструкций с генитивным посессором. Поскольку посессивное отношение — это необходимое условие появления именной группы в генитиве, такие конструкции представляют собой ИКЗ (по крайней мере на каком-то этапе деривации).

Эта гипотеза подтверждается рядом фактов.

Во-первых, ограничения на образование интересующей нас конструкции идентичны тем, которые наблюдаются у ИКЗ. Если ИГ в генитиве — личное местоимение или имя собственное, у ряда опрошенных носителей языка генитивное маркирование обязательно[17]:

[17] Для некоторых носителей предложения (6.152a) и (6.153a) приемлемы. По нашему предположению, это связано с тем, что эти носители способны провести синтаксический анализ (6.152a) и (6.153a), при котором посессор представляет собой субъект деепричастия, а разносубъектная деепричастная клауза лицензируется наличием каузальной связи между предикациями. Носители, которые находят эти предложения неграмматичными, анализируют эту группу как вынесенного посессора в соответствии с анализом в (6.148), см. также ниже.

(6.152) a. ??**alsu** kartuš arč-ɤ-p kul-lar-ɤ ar-ɤ-dɤ.
Алсу картошка чистить-ST-CONV рука-PL-3 уставать-ST-PST
Алсу *чистила картошку, и ее руки устали.* {a=b}

b. **alsu-nɤŋ** kartuš arč-ɤ-p kul-lar-ɤ ar-ɤ-dɤ.
Алсу-GEN картошка чистить-ST-CONV рука-PL-3 уставать-ST-PST

(6.153) a. ??**min** bärel-e-p bɤrɤn-ɤm kan-a-dɤ.
я ударяться-ST-CONV нос-1SG кровоточить-ST-PST
Я *ударился, и у меня из носа пошла кровь.* {a=b}

b. **minem** bärel-e-p bɤrɤn-ɤm kan-a-dɤ.
я.GEN ударяться-ST-CONV нос-1SG кровоточить-ST-PST

Для прочих имен безгенитивное оформление посессора допускается:

(6.154) a. **terez** ač-ɤ-l-ɤ-p tɤtka-sɤ wat-ɤ-l-dɤ.
окно открывать-ST-PASS-ST-CONV ручка-3 ломать-ST-PASS-PST
Когда ***окно*** *открылось, ручка сломалась.* {a=b}

b. **terez-neŋ** ač-ɤ-l-ɤ-p tɤtka-sɤ wat-ɤ-l-dɤ.
окно-GEN открывать-ST-PASS-ST-CONV ручка-3 ломать-ST-PASS-PST

Это позволяет утверждать, что имеет место характерная для изафетных конструкций зависимость выбираемого способа оформления посессора от его положения на шкале одушевленности.

О параллелизме конструкций типа (6.137b) и ИК3 говорит и другой факт. В именных группах обладаемое при генитивном посессоре обязательно оформляется посессивным показателем; отсутствие показателя допустимо только для местоимений первого и второго лица (см. 4.1.2.1):

Генитивный посессор в конструкциях типа (6.137b) допускает два способа оформления субъекта финитной клаузы — с изафетным показателем, как в (6.155), и без показателей, как в (6.156). Для большинства носителей второй способ грамматичен лишь в том случае, если посессор — местоимение первого или второго лица, ср. (6.155a)-(6.156a), что полностью соответствует дистрибуции посессоров в обычных именных группах:

(6.155) a. **sineŋ** sug-ɤ-š-ɤ-p **kijem-eŋ** jɤrt-ɤ-l-dɤ.
ты.GEN бить-ST-REC-ST-CONV **одежда-2SG** рвать-ST-PASS-PST
Ты *подрался, и у тебя разорвалась* ***одежда****.*

b. **alsu-nɤŋ** kartuš arč-ɤ-p **kul-lar-ɤ** ar-ɤ-dɤ.
Алсу-GEN картошка чистить-ST-CONV **рука-PL-3** уставать-ST-PST
Алсу *чистила картошку, и* ***ее руки*** *устали.*

(6.156) a. **sineŋ** sug-ɤ-š-ɤ-p **kijem** jɤrt-ɤ-l-dɤ.
ты.GEN бить-ST-REC-ST-CONV **одежда** рвать-ST-PASS-PST
Ты *подрался, и у тебя разорвалась* ***одежда****.*

b. ***alsu-nɤŋ** kartuš arč-ɤ-p **kul-lar** ar-ɤ-dɤ.
Алсу-GEN картошка чистить-ST-CONV **рука-PL** уставать-ST-PST
Алсу *чистила картошку, и* ***ее руки*** *устали.*

Эти факты показывают, что в конструкциях типа (6.137b) мы имеем дело с генитивной именной группой в составе ИК3. Таким образом, генитивный посессор и обладаемое должны (по крайней мере, на каком-то из этапов деривации) составлять одну именную группу, как это предполагается анализом в (6.148).

Эта гипотеза подкрепляется и другими синтаксическими фактами, которые позволяют предпочесть ее сформулированным выше альтернативам (а именно: гипотезе о генитивном субъекте деепричастия в (6.139) и гипотезе об относительном предложении в (6.144)).

Первое наблюдение связано с расположением пауз внутри предложения. У многих носителей наблюдается тенденция делать паузы между генитивным посессором и деепричастием, а также после деепричастия:

(6.157) alsu-nɤŋ / kartuš arč-ɤ-p / kul-lar-ɤ ar-ɤ-dɤ.
Алсу-GEN картошка чистить-ST-CONV рука-PL-3 уставать-ST-PST
Алсу чистила картошку, и ее руки устали.

В литературе отмечается зависимость расположения незаполненных пауз внутри предложения от его синтаксической структуры. Согласно Cooper, Paccia-Cooper 1980, для каждой границы между словами вероятность возникновения паузы коррелирует с количеством границ синтаксических составляющих (т.е. количеством скобок в скобочной записи). В соответствии с алгоритмом, предложенным в Ferreira 1988, для каждой границы между словами рассматривается пара «дочерей» самого нижнего узла, который доминирует над этими двумя единицами. Парам, находящимся сравнительно низко в дереве (как, например, пара вершин X^0 и Y^0), присваивается более низкий ранг, чем парам, находящимся достаточно высоко (например, максимальным проекциям XP и YP); в соответствии с рангами вычисляется вероятность появления паузы. Чем выше в синтаксическом дереве соединяются две единицы, тем больше вероятность разделения их паузой.

Следовательно, наличие паузы между генитивным посессором и деепричастием на *-p* плохо совместимо с предположением о том, что посессор представляет собой выраженный субъект деепричастия, как в (6.139). Двум другим гипотезам наличие пауз в (6.137b) не противоречит.

Следующее наблюдение касается возможности разместить между генитивным посессором и деепричастием на *-p* материал, относящийся к главной клаузе. Некоторые носители такую возможность допускают:

(6.158) ? sineŋ **kisek-lär-gä** sug-ɤ-š-ɤ-p kijem-när-eŋ jɤrt-ɤ-l-dɤ.
ты.GEN **кусок-PL-DAT** бить-ST-REC-CONV одежда-PL-2SG рвать-ST-PASS-PST
*Ты подрался, и твоя одежда порвалась **на кусочки**.*

Это дает нам аргумент против «причастного» анализа данного употребления деепричастия на *-p*, который показан в (6.144), так как имеет место разрыв гипотетической именной группы обстоятельством ‘на кусочки’:

(6.159) $[_{CP} \ldots [_{DP}$ sineŋ$_i$ **kisek-lär-gä** [$[_{REL} \varnothing_i$ sug-ɤ-š-ɤ-p] kijem-när-eŋ]] jɤrt-ɤ-l-dɤ].

По аналогичной причине можно исключить предположение о генитивном субъекте деепричастия: в этом случае адъюнкт финитного глагола находился бы внутри деепричастной клаузы.

(6.160) [$_{CP}$ ... [$_{XP}$ sineŋ$_i$ **kisek-lär-gä** sug-ɤ-š-ɤ-p] [$_{YP}$ [$_{DP}$ ∅$_i$ kijem-när-eŋ] jɤrt-ɤ-l-dɤ]].

Гипотеза, предполагающая экстрапозицию генитивного посессора ИГ, с (6.158) полностью совместима: как подвергшийся экстрапозиции посессор, так и адъюнкт ‘на кусочки’ в этом случае представляют собой составляющие главной клаузы.

(6.161) [$_{CP}$minem$_i$ [$_{XP}$ ∅$_i$ bärel-e-p] [$_{YP}$ [$_{DP}$ t$_i$ bɤrɤn-ɤm] kan-a-dɤ]].
я.GEN ударяться-ST-CONV нос-1SG кровоточить-ST-PST
Я ударился, и из носа пошла кровь.

(6.162) [$_{CP}$ ...sineŋ$_i$ **kisek-lär-gä** [$_{XP}$∅$_i$ sug-ɤ-š-ɤ-p][$_{YP}$ [$_{DP}$ t$_i$ kijem-när-eŋ] jɤrt-ɤ-l-dɤ]].

На основании проведенных тестов можно утверждать, что явные контраргументы отсутствуют только для анализа, в соответствии с которым примеры типа (6.137b) являются конструкциями с вынесенным посессором.

6.1.2.4.6.2. Проблема контроля нулевого субъекта деепричастной клаузы. Если гипотеза о вынесенном посессоре верна, в (6.137b) предполагается нулевой субъект деепричастия, контролируемый посессором именной группы из главной клаузы. (6.137b) повторяется как (6.163).

(6.163) [minem$_i$ [∅$_i$ bärel-e-p] [t$_i$ bɤrɤn-ɤm kan-a-dɤ]].
я.GEN ударяться-ST-CONV нос-1SG кровоточить-ST-PST
Я ударился, и из носа пошла кровь.

В связи с этим возникает вопрос о синтаксических свойствах нулевой единицы в (6.163). В качестве исходной гипотезы можно предположить, что отношения между антецедентом (посессором в генитиве) и нулевым субъектом можно описать в терминах синтаксического контроля.

Если имеет место обязательный контроль со стороны антецедента, имеющего структурный приоритет, нулевой субъект, видимо, следует анализировать как PRO. Это верно для нефинитных (в том числе деепричастных) клауз в русском языке, где подстановка фонетически выраженного подлежащего на место нулевой единицы невозможна (Тестелец 2001).

Поскольку подвергшийся экстрапозиции посессор в (6.137b) находится с нулевым субъектом в отношении структурного приоритета, он мог бы его контролировать. При этом, однако, возникает проблема несубъектного контроля PRO. В русских деепричастных оборотах контроль PRO возможен со стороны подлежащего главной клаузы, но не экстрапонированного посессора:

(6.164) Сестры$_i$, PRO$_{*i/j}$ придя, Вася$_j$ взял тапочки t$_i$.

Еще более проблематично применение данного анализа к конструкции типа (6.138) выше, повторяемой здесь вновь как (6.165):

(6.165) agač-nɤŋ bɤtak-lar-ɤ [∅ aw-ɤ-p] sɤn-dɤ.
дерево-GEN ветка-PL-3 падать-ST-CONV ломаться-PST
Ветки сломались, потому что дерево упало.

В этом случае посессор, не подвергающийся экстрапозиции и остающийся внутри своей именной группы, не находится в отношении структурного приоритета с субъектом деепричастия и не должен быть способен контролировать PRO.

Альтернативная гипотеза заключается в том, что в исследуемых примерах имеет место необязательный контроль; субъект деепричастной клаузы — нулевое местоимение *pro*. Похожие конструкции с нулевым субъектом нефинитной клаузы, кореферентным зависимому имени в посессивной ИГ, рассматриваются в Polinsky 2007: 201 для корейского языка. Такая конструкция показана в (6.166):

(6.166) Chelswu-nun ku $\varnothing_{i,j,k}$ cha-lul phal-tolok Yenghi-uy$_i$ emeni-lul$_j$
Чельсу-TOP что машина-ACC продавать-COMP Йонхи-GEN мать-ACC

seltukhayssta.
убеждать.PST

1. Чельсу убедил мать Йонхи продать машину.
2. Чельсу убедил мать Йонхи, что кто-то должен продать машину.
3. Чельсу убедил мать Йонхи, что Йонхи должна продать машину.

Согласно анализу М. Полинской, связь между посессором и нулевым субъектом является не синтаксической, а скорее референциальной; последний представляет собой нулевой прономинал.

Если аналогичная ситуация имеет место в мишарском диалекте, такой анализ позволяет описать не только (6.137b), но и (6.138). В этом случае в обеих конструкциях нулевой субъект деепричастия представляет собой местоимение *pro* и не требует обязательного контроля со стороны посессора. При этом деепричастная клауза в (6.137b) является соположенной, а в (6.138) — вложенной.

С этим анализом, впрочем, есть та проблема, что для *pro* должна быть доступна возможность иметь поверхностно выраженный аналог, что неверно для субъекта деепричастия на *–p*, во всех случаях имеющего нулевое выражение (6.167):

(6.167) *agač-nɤŋ bɤtak-lar-ɤ [**ul** aw-ɤ-p] sɤn-dɤ.
дерево-GEN ветка-PL-3 **он** падать-ST-CONV ломаться-PST

*Ветки дерева$_i$ сломались, потому что **оно**$_i$ упало.*

Таким образом, статус нулевого элемента не до конца ясен. Гипотеза о *pro* лучше объясняет наблюдаемые факты, однако для ее подтверждения требуются дополнительные данные. В частности, если субъект деепричастия — это действительно нулевой прономинал, предложение (6.137b) должно допускать интерпретацию, в которой он будет кореферентен некоторой сущности в предшествующем контексте (ср. (6.166.2)). Таким образом, предлагаемый анализ нулевой единицы в позиции субъекта деепричастной клаузы в (6.137b) и (6.138) имеет статус гипотезы и нуждается в проверке.

6.1.2.4.7. Деепричастие на *-p* и субъект: некоторые выводы. Мы показали, что возможность употребления деепричастия на *-p* с собственным субъектом, некореферентным подлежащему деепричастной клаузы, ограничена. Действующие в мишарском диалекте ограничения на грамматичность разносубъектных конструкций выводятся из противопоставления модифицирующих и немодифицирующих деепричастных клауз, обсуждаемого в Johanson 1995. Все носители допускают собственный субъект

в модифицирующих деепричастных клаузах, в частности, если деепричастная и финитная клаузы связаны каузальным или уступительным отношением. Некоторые также признают предложение грамматичным, если отношение устанавливается между субъектами двух клауз. В исследованных нами случаях это мереологическое отношение «часть-целое» или «часть группы-группа». Отметим, что вторая возможность допускается меньшинством носителей сергачского говора, тогда как для чистопольского говора она преобладает.

Мы также рассмотрели конструкции, в которых семантический субъект деепричастной клаузы, оформленный генитивом, и подлежащее финитной клаузы соотносятся как посессор и обладаемое, и генитивный посессор отделен от своего обладаемого материалом деепричастной клаузы. Для этих конструкций предлагается анализ, при котором поверхностная позиция посессора рассматривается как результат передвижения. При таком подходе постулируется наличие в деепричастной клаузе нулевого субъекта, кореферентного вынесенному посессору. Вопрос о свойствах этой нулевой единицы и о возможности ее контроля со стороны посессора остается открытым; возможное объяснение заключается в том, что нулевой субъект представляет собой местоимение *pro* и не требует обязательного контроля.

6.1.2.4.8. Субъект редуплицированного имперфективного деепричастия на гласную. Редуплицированное деепричастие демонстрирует ограничения на наличие собственного ненулевого субъекта, аналогичные ограничениям деепричастия на *-p*. В (6.104) выше представлено наиболее частое употребление редуплицированного деепричастия, в котором его субъект полностью тождествен субъекту главного глагола. (6.168) показывает, что его употребление с полностью нетождественными субъектами неграмматично. В (6.169) представлено разрешенное большинством носителей употребление редуплицированного деепричастия при соотношении субъектов зависимой и главной предикаций как «целое — часть».

(6.168) *zefär **ešl-i-ešl-i** läjsän jal it-ä.
Зуфар **работать-ST.IPFV$_{RED}$** Лейсан отдых делать-ST.IPFV
***Когда** Зуфар **работает**, Лейсан отдыхает.*

(6.169) agač **tirbäl-ä-tirbäl-ä** bɤtak-lar-ɤ sɤn-dɤ.
дерево **качаться-ST.IPFV$_{RED}$** ветка-PL-3 ломаться-PST
***Когда** дерево **качалось**, его ветки сломались.*

6.1.3. Заключение

В этом разделе рассмотрены основные способы выражения обстоятельственных значений в полипредикативных конструкциях мишарского диалекта, а именно значений времени, условия, причины, цели, уступки, места и сравнения.

Среди обстоятельственных предложений времени различаются предложения предшествования, одновременности и следования. Отдельно рассмотрено выражение времени при помощи относительных предложений, определяющих слово ‘время’.

Среди обстоятельственных предложений условия выделяются предложения с реальным условием и нереферентные условные предложения, а среди нереферентных — гипотетические и контрфактивные.

Обстоятельственные предложения причины имеют два основных способа оформления, деепричастный и союзный, первый из которых недопустим в репликах, нарушающих исходное предположение вопроса.

Обстоятельственные предложения цели оформляются при помощи инфинитива, послелога *ečen* ‘ради’ или при помощи конструкций с подчинительным союзом, использующимся также при оформлении сентенциальных актантов с глаголами речи.

Обстоятельственные предложения уступки оформляются при помощи частицы *da*, сочетающейся с формами кондиционалиса или с временными деепричастными формами.

Обстоятельственное значение места выражается при помощи парных союзных средств либо при помощи относительных предложений, определяющих слова со значением места.

Обстоятельственные предложения сравнения оформляются при помощи специальных деепричастных форм либо при помощи союзов. Отдельно среди предложений сравнения выделяется группа со значением уподобления по количеству.

Отдельно рассмотрены деепричастные конструкции, не имеющие специализированного обстоятельственного значения, однако являющиеся зависимыми предикациями обстоятельственного типа. Они имеют нетривиальные ограничения на заполнение субъектной позиции, могут попадать в сферу действия наклонений и отрицания главного глагола, и одно из них (деепричастие на *-р*) имеет переменную таксисную интерпретацию, зависящую от акционального класса глагольной основы.

6.2. Относительное предложение

В этом разделе описываются рестриктивные относительные предложения мишарского диалекта. В 6.2.1 рассматриваются возможные стратегии образования и особенности употребления отдельных типов относительных клауз. В 6.2.2 обсуждаются ограничения на релятивизацию и способы их преодоления. Раздел 6.2.3 посвящён описанию линейного расположения относительных клауз в именной группе. В разделе 6.2.4 дается характеристика безвершинных обстоятельственных предложений и коррелятивных конструкций. В заключительном разделе 6.2.5 определяется место мишарского диалекта в типологии относительных предложений по набору параметров, предложенных в de Vries 2002.

В русскоязычной лингвистической литературе, согласно Зализняк 2002, для термина «относительное предложение» (далее ОП) характерна двойственность, вводящая читателя в заблуждение: относительным предложением может называться как всё сложное предложение, содержащее относительную придаточную клаузу, так и только сама эта клауза.

Используя первую трактовку, мы можем охарактеризовать пример (6.170) как относительное предложение. При втором понимании относительным предложением следует признать только придаточную клаузу, обозначенную полужирным шрифтом:

(6.170) [Вот дом, [**который построил Джек**]].

Во избежание путаницы термины «относительное предложение» и «относительная клауза» далее будут использоваться во втором понимании, то есть для обозначения собственно придаточной (подчинённой) клаузы. Вторая часть сложного предложения будет называться главной клаузой.

ОП традиционно определяется как синтаксически сложный модификатор именной вершины (см. обзор подходов к описанию и анализу относительных предложений в Bianchi 2002 и цитируемые там работы). Для ОП характерно соответствие между некоторой синтаксической позицией внутри относительной клаузы — мишенью релятивизации — и элементом главной клаузы — вершиной, или контролером релятивизации. В примере (6.170) соответствие устанавливается между прямым дополнением в относительной клаузе (‘Джек построил X’) и вершинным именем ‘дом’ (‘Вот X’). Получается, что в сложных предложениях с ОП один элемент играет двойную роль.

Чаще всего ОП классифицируются на основании семантических отношений, в которые они вступают с вершиной. По этому параметру, как правило, выделяют рестриктивные и нерестриктивные (аппозитивные) ОП. Рестриктивные ОП ограничивают экстенсионал вершинного имени. Например, ОП в (6.170) рестриктивно: множество всех домов сужается до множества домов, для которых верно, что их построил Джек. Рестриктивные ОП интерпретируются интерсективно: экстенсионал именной группы в (6.170) — это пересечение двух множеств: множества всех домов и множества вещей, которые построил Джек. Нерестриктивные (аппозитивные) ОП не ограничивают экстенсионал своей вершины. В примере (6.171) именная группа «Храм Василия Блаженного» имеет референцию, не ограниченную относительной клаузой: мы не выбираем один элемент из множества всех храмов Василия Блаженного, а ОП служит не более чем комментарием. Часто такие ОП включаются в класс парентетических конструкций.

(6.171) Это Храм Василия Блаженного, **который построил Яковлев**.

Согласно de Vries 2002, синтаксический тип ОП, обычно используемый в мишарском диалекте (а именно препозитивные ОП, см. ниже), не может получать аппозитивную интерпретацию. По всей видимости, если это верно, то лишь с очень большой долей огрубления. Предложения типа (6.172), в котором относительное предложение модифицирует определенную дескрипцию (собственное имя ‘Марат’) и может интерпретироваться только аппозитивно, рассматриваются носителями как приемлемые.

(6.172) **alsu-ne** **üter-gän** marat-nɤ
Алсу-ACC **убивать-PFCT** Марат-ACC

termä-ge utɤr-t-tɤ-lar.
тюрьма-DAT сидеть-CAUS-PST-PL

*Марата, **который убил Алсу**, посадили в тюрьму.*

Предложения такого типа требуют, однако, дополнительного изучения, поэтому далее речь будет идти исключительно о рестриктивных ОП.

6.2.1. Образование относительного предложения

6.2.1.1 Основная стратегия

Основная стратегия образования ОП в мишарском диалекте — причастная преноминальная, что в целом свойственно тюркским языкам (Csató, Uchturpani 2010). Для образования ОП может использоваться одна из четырёх причастных форм, описываемых ниже. Возглавляемая причастием клауза, как правило, непосредственно примыкает слева к имени, модификатором которого она выступает (при отсутствии других именных модификаторов, подробнее об этом см. 4.1.3). В таких конструкциях не используется никакого прономинального элемента, который соотносился бы с вершинным именем (как, например, относительное местоимение *который* в русском языке, см. (6.170)). Такая стратегия образования ОП часто называется стратегией с пробелом (gap strategy, Comrie 1998, Comrie, Kuteva 2005). Пример (6.173b) демонстрирует типичную относительную клаузу мишарского диалекта. Она находится перед именной вершиной (*alma* ‘яблоко’), в ней используется причастная форма глагола *aśɤj* ‘есть’, а прямое дополнение отсутствует. Здесь и далее это обозначается нижним подчёркиванием, отмечающим пробел на месте мишени релятивизации. В (6.173a) для сравнения приводится соответствующее простое финитное предложение.

(6.173) a. malaj alma aš-ɤj.
мальчик яблоко есть-ST.IPFV
Мальчик ест яблоко.

b. **[malaj __ aš-a-gan]** alma
мальчик есть-ST-PFCT яблоко
*яблоко, **которое ест мальчик***

Употреблённая в (6.173b) причастная форма на *-gan* (идентичная финитной форме Перфекта) «является одной из самых широкоупотребительных форм глагола в татарском языке» (ТГ 1993: 202), и именно она чаще всего используется для образования ОП в мишарском диалекте. Как иллюстрирует (6.174), относительная клауза с причастием на *-gan* может описывать ситуацию, предшествующую моменту речи, совпадающую с ним, но не следующую за ним.

(6.174) **[min tɤr-gan]** ɤzba tau-da bas-kan.
я стоять-PFCT дом гора-LOC вставать-PFCT
*1. Дом, в **котором я жил**, стоит на горе.*
*2. Дом, в **котором я живу**, стоит на горе.*
*3. *Дом, в **котором я буду жить**, стоит на горе.*

Ещё одна глагольная форма, которая может участвовать в образовании ОП в мишарском диалекте, — строго говоря, частный случай формы на *-gan*: это аналитическая форма на *-a tɤrgan*, состоящая из имперфективного деепричастия смыслового глагола и причастной формы глагола *tɤra* ‘стоять’ (о соответствующих финитных формах см. 2.2.3). Эти формы на *-gan* имеют, однако, разную дистрибуцию. Форма на *-a tɤrgan* может использоваться для описания ситуаций, совпадающих с моментом речи, либо (реже) следующих за ним, но она не употребляется в случае, если ситуация, описываемая в ОП, предшествует моменту речи, как видно из (6.175).

(6.175) [**min** **tɤr-a** **tɤr-gan**] ɤzba tau-da bas-kan.
я **стоять-ST.IPFV** **стоять-PFCT** дом гора-LOC вставать-PFCT

*1. *Дом, в **котором я жил**, стоит на горе.*
*2. Дом, в **котором я живу**, стоит на горе.*
*3. Дом, в **котором я буду жить**, стоит на горе.*

Носители мишарского диалекта, принадлежащие к старшему поколению, для выражения будущего времени в относительной клаузе наиболее часто используют причастную форму на *-ačak*[18], которую представители младшего поколения оценивают как «устаревшую» (предлагая в качестве альтернативы форму на *-a tɤrgan*). Это причастие не может соотноситься с настоящим или прошедшим временем.

(6.176) [**alma** **aš-a-jačak**] malaj minem ul-ɤm.
яблоко **есть-ST-FUT** мальчик я.GEN сын-1SG

*1. *Мальчик, **который ел яблоко**, — мой сын.*
*2. *Мальчик, **который ест яблоко**, — мой сын.*
*3. Мальчик, **который будет есть яблоко**, — мой сын.*

Наконец, наименее употребительно в ОП причастие на *-učɤ*, которое может использоваться исключительно для выражения одновременности ситуации, описываемой в ОП, и момента речи, как в примере (6.177).

(6.177) [**alma** **aš-a-u-čɤ**] malaj — minem ul-ɤm.
яблоко **есть-ST-NMN-PART** мальчик я.GEN сын-1SG

*1.*Мальчик, **который ел яблоко**, — мой сын.*
*2. Мальчик, **который ест яблоко**, — мой сын.*
*3. *Мальчик, **который будет есть яблоко**, — мой сын.*

Невысокая частотность этой причастной формы может быть связана с тем, что она допустима только в тех случаях, когда мишенью релятивизации становится подлежащее. В ТГ 1993: 220 отмечается, что определяемое этим причастием слово «как правило, имеет значение субъекта действия, выраженного причастием; следовательно, данная форма, в отличие от других причастий, не может выступать определением при словах со значением объекта, места, времени и т.д.»[19]. Предложение (6.178), где релятивизации подвергается прямое дополнение, в позиции которого находится объект (а не субъект) действия, оценивается носителями языка как неграмматичное.

(6.178) *[**min** **__** **kür-ü-čɤ**] malaj alma aš-ɤj.
я **видеть- NMN-PART** мальчик яблоко есть-ST.IPFV

*Мальчик, **которого я вижу**, ест яблоко.*

Данные по временной референции причастий суммируются в Таблице 6.3.

[18] Несколько менее естественно, но также возможно причастие на *-r,* морфологически идентичное форме Футурума 1.

[19] Далее в ТГ 1993 отмечается, что с аффиксом «страдательного залога» причастие на *-učɤ* может модифицировать и ИГ в роли объекта. Это причастие, таким образом, чувствительно именно к синтаксической, а не к семантической роли определяемого слова (в точности как причастия русского языка, см. (6.179)).

Таблица 6.3. Временная референция причастных форм в ОП

	-gan	*-učʏ*	*-a tʏrgan*	*-ačak*
Прошедшее	+	–	–	–
Настоящее	+	+	+	–
Будущее	–	–	+	+

Стоит отметить, что разграничение подлежащего и других позиций с точки зрения дистрибуции относительных предложений встречается в языках мира довольно часто. Так, например, происходит и в русском языке: причастные обороты допустимы, только если мишенью релятивизации выступает подлежащее (активного или пассивного залога; Лютикова 2015):

(6.179) a. [$___{Su}$ прочитавший книгу] мальчик

b. [$___{Su}$ прочитанная мальчиком] книга

c. *[мальчик прочитавшая / прочитанная $___{DO}$] книга

Согласно Б. Комри (Comrie 1997), тюркские языки с точки зрения чувствительности к позиции релятивизации можно разделить на две группы. Турецкий язык примыкает к европейским языкам: используя характерную для тюркских языков преноминальную причастную конструкцию, он отличает подлежащее от других позиций при релятивизации, как видно из примеров в (6.180). Конструкция, используемая при релятивизации позиции подлежащего в предложении (6.180a), отличается от конструкции, употребляемой при релятивизации других позиций, например, позиции прямого дополнения в (6.180b).

(6.180) a. kitab-ı al-**an** öğrenci
книга-ACC покупать-**PRT** студент
студент, который купил книгу

b. öğrenci-nin al-**dığ**-ı kitap
студент-GEN покупать-**VN**-3SG книга
книга, которую купил студент[20]

Б. Комри противопоставляет турецкий язык другому представителю тюркских языков — карачаево-балкарскому. В карачаево-балкарском языке при релятивизации подлежащего (6.181a) и других позиций (например, прямого дополнения, как в (6.181b)) используется одна и та же конструкция.

(6.181) a. [kitap-nı **al-ʁan**] oquwču
книга-ACC **покупать-PRT** студент
*студент, **который купил** книгу*

b. [oquwču **al-ʁan**] kitap
студент **покупать-PRT** книга
*книга, **которую купил** студент*

[20] Примеры из турецкого языка цитируются по Comrie 1997: 17, 18.

На основании приведённых выше данных мишарский диалект не может быть однозначно отнесён ни к одной из этих двух групп. С одной стороны, практически все стратегии образования ОП (в том числе наиболее употребительные конструкции на *-gan* и *-a tɤrgan*) могут использоваться для релятивизации как подлежащего, так и прямого дополнения:

(6.182) a. [**alma aš-a-gan**] malaj
яблоко есть-ST-PFCT мальчик
*мальчик, **который ест яблоко***

b. [**malaj aš-a-gan**] alma
мальчик есть-ST-PFCT яблоко
*яблоко, **которое ест мальчик***

С другой стороны, мишарский диалект отличает позицию подлежащего от других позиций по крайней мере в случае конструкций на *-učɤ*, что проиллюстрировано примерами (6.177) и (6.178) выше.

6.2.1.2 Вторичная (финитная) стратегия

Носители среднего и младшего поколений используют нетипичную для тюркских языков финитную постноминальную стратегию образования ОП, получившую распространение, вероятно, под влиянием русского языка. При образовании финитных ОП в мишарском диалекте используется относительное местоимение *kajsɤ*, заполняющее позицию мишени релятивизации, которой при нефинитной стратегии соответствует пробел. Примеры в (6.183) показывают, что, как и в русском языке, относительное местоимение находится на левой периферии относительной клаузы.

(6.183) a. malaj [**kajsɤ-nɤŋ kitab-ɤ-n min al-dɤ-m**] alma
мальчик **который-GEN книга-3-OBL.ACC я брать-PST-1SG** яблоко
aš-ɤj.
есть-ST.IPFV
*Мальчик**, книгу которого я взял**, ест яблоко.*

b. malaj [**kajsɤ belän min sejl-ä-š-te-m**] kit-te inde.
мальчик **который с я говорить-ST-REC-PST-1SG** уходить-PST уже
*Мальчик, с **которым я поговорил**, уже ушёл.*

Представители старшего поколения употребляют такие конструкции в основном для преодоления ограничений на релятивизацию, например, при релятивизации зависимого послелога, как в (6.183b) (подробнее ограничения на релятивизацию рассматриваются в 6.2.2). Среди носителей, принадлежащих к младшему поколению, финитная стратегия образования ОП становится всё более и более распространённой и в других контекстах.

Далее в этом разделе в основном рассматривается нефинитная стратегия релятивизации, поскольку именно она типична для тюркских языков и, таким образом, представляется более важным компонентом описания ОП мишарского диалекта.

6.2.2. Иерархия доступности

6.2.2.1. Возможные позиции мишени релятивизации

Иерархия доступности, впервые сформулированная в работе Keenan, Comrie 1977, отражает возможные ограничения на синтаксическую позицию мишени релятивизации. Под доступностью понимается способность некоторой позиции выступать в качестве мишени при релятивизации с использованием определённой стратегии образования ОП. В её классическом варианте иерархия доступности представляется следующим образом:

SU > DO > IO > OBL > GEN > OCOMP[21]

Схема 6.2. Иерархия доступности Кинэна-Комри

Позиции слева от знака “>” легче подвергаются релятивизации, нежели позиции справа. Согласно Э. Кинэну и Б. Комри, для каждой стратегии образования ОП в каком-либо языке существует непрерывный участок иерархии, доступный для релятивизации с использованием этой стратегии. Кроме того, если первичная стратегия релятивизации может применяться к какой-либо низкой позиции иерархии (располагающейся правее), то она может применяться и для всех более высоких позиций (располагающихся левее).

Первичная (причастная) стратегия образования ОП с использованием причастия на *–gan* в мишарском диалекте охватывает практически всю иерархию доступности. Ниже для каждой позиции приводятся примеры простых финитных предложений и предложений с соответствующими им нефинитными ОП.

Как уже можно было заключить из примеров в 6.2.1, верхние позиции иерархии доступности, то есть позиции подлежащего и прямого дополнения, свободно подвергаются релятивизации. Это ещё раз подтверждается примерами (6.184) для подлежащего (SU) и (6.185) для прямого дополнения (DO).

(6.184) a. **ɤzba** tau-da bas-kan.
дом гора-LOC вставать-PFCT
Дом стоит на горе.

b. [__SU tau-da bas-kan] **ɤzba-sɤ-n** minem ätij-em ešl-ä-de.
гора-LOC вставать-PFCT **дом-3-OBL.ACC** я.GEN отец-1SG делать-ST-PST
***Дом**, который стоит на горе, построил мой отец.*

(6.185) a. marat **ɤzba** sɤrl-a-gan.
Марат **дом** резать-ST-PFCT
*Марат построил **дом**.*

b. [marat __DO sɤrl-a-gan] **ɤzba** tau-da bas-kan.
Марат резать-ST-PFCT **дом** гора-LOC вставать-PFCT
***Дом**, который построил Марат, стоит на горе.*

[21] SU — подлежащее; DO — прямое дополнение; IO — непрямое дополнение; OBL — косвенное дополнение / адъюнкт; GEN — генитивный посессор; OCOMP — объект сравнения.

Нефинитная стратегия может использоваться и при релятивизации позиции непрямого дополнения (IO), которое маркируется дативом в конструкциях с двумя дополнениями, как видно из примеров в (6.186).

(6.186) a. marat **malaj-ga** kitap bir-de.
Марат **мальчик-DAT** книга давать-PST
*Марат дал **мальчику** книгу.*

b. [marat __IO kitap bir-gän] **malaj** alma aš-ɤj.
Марат книга давать-PFCT **мальчик** яблоко есть-ST.IPFV
***Мальчик**, которому Марат дал книгу, ест яблоко.*

Позиция косвенного дополнения (OBL), представленная в (6.187a) локативной именной группой, также доступна для релятивизации с использованием нефинитной стратегии.

(6.187) a. ɤzba **tau-da** bas-kan.
дом **гора-LOC** вставать-PFCT
*Дом стоит **на горе**.*

b. [ɤzba __OBL bas-kan] **tau** bijek.
дом вставать-PFCT **гора** высокий
***Гора**, на которой стоит дом, высокая.*

Эта же стратегия может использоваться и при релятивизации посессора в генитиве (GEN), как показывает (6.188b).

(6.188) a. marat **malaj-nɤŋ** kitab-ɤ-n al-gan.
Марат **мальчик-GEN** книга-3-OBL.ACC брать-PFCT
*Марат взял книгу **мальчика**.*

b. [marat __GEN kitab-ɤ-n al-gan] **malaj** alma aš-ɤj.
Марат книга-3-OBL.ACC брать-PFCT **мальчик** яблоко есть-ST.IPFV
***Мальчик**, книгу которого взял Марат, ест яблоко.*

Позиция объекта сравнения (OCOMP), представленного именной группой в аблативе в примере (6.189a), — самая глубокая в иерархии Кинэна-Комри, поэтому неудивительно, что эта позиция в мишарском диалекте подвергается релятивизации сложнее. Однако некоторые носители мишарского диалекта всё же разрешают релятивизацию позиции объекта сравнения с использованием все той же стратегии с пробелом, как видно из (6.189b). Те носители, для которых такая конструкция неграмматична, для релятивизации этой позиции используют постноминальную финитную стратегию или стратегию с резумптивным местоимением, которые обсуждаются в 6.2.2.2.

(6.189) a. marat **bu** **ir** **keše-dän** taza-rak i-de.
Марат **этот** **мужчина** **человек-ABL** сильный-COMP быть-PST
*Марат был сильнее этого **мужчины**.*

b. ? **bu** [marat __OCOMP taza-rak bul-gan] **ir** **keše**
этот Марат сильный-COMP быть-PFCT **мужчина** **человек**

kičä kit-te.
вчера уходить-PST

***Этот мужчина**, сильнее которого был Марат, уехал вчера.*

Позиция объекта сравнения — последняя в классическом варианте иерархии доступности. Впоследствии были предложены расширенные версии иерархии, основанные на дальнейших исследованиях релятивизации в языках мира. В работах К. Леманна (Lehmann 1984, 1986) предлагается разделение иерархии доступности на несколько частично параллельных модулей, каждый из которых соответствует некоторому типу синтаксических функций (например, приглагольные, приименные, в составе придаточного предложения). В Лютикова 2009 используется следующая расширенная иерархия, также включающая в себя позиции внутри сентенциального комплемента (финитного и нефинитного):

Su > DO > IO > OBL > GEN > OCOMP > ComplCl-non-fin > ComplCl-fin[22]

Схема 6.3. Расширенная версия иерархии доступности

В мишарском диалекте имеется несколько способов оформления сентенциальных актантов, причём многие глаголы совместимы более чем с одним (см. об этом 6.3.1). Один из таких глаголов — *ɤšana* ‘верить’, у которого зависимая предикация может быть как нефинитной, так и финитной. В (6.190) сентенциальный актант оформлен при помощи номинализации, и позиция подлежащего зависимой актантной предикации доступна для релятивизации.

(6.190) a. min [**malaj-nɤŋ** skripka-da jaxšɤ ujn-a-u-ɤ-n-a]
я **мальчик-GEN** скрипка-LOC хорошо играть-ST-NMN-3-OBL-DAT

ɤšan-a-m.
верить-ST.IPFV-1SG

*Я верю, что **мальчик** хорошо играет на скрипке.*

b. [[___SU skripka-da jaxšɤ ujn-a-u-ɤ-n-a] min ɤšan-gan]
скрипка-LOC хорошо играть-ST-NMN-3-OBL-DAT я верить-PFCT

malaj šäxär-gä kit-kän.
мальчик город-DAT уезжать-PFCT

***Мальчик**, который я верю, что хорошо играет на скрипке, уехал в город.*

Сентенциальные актанты в мишарском диалекте могут оформляться и при помощи финитной стратегии с грамматикализованным конвербом *di(je)p,* представленной в (6.191a) (о финитных сентенциальных актантах см. 6.3.2). Релятивизация подлежащего такого актанта также возможна, что показано в (6.191b).

(6.191) a. [**malaj** skripka-da jaxšɤ ujn-ɤj dip] min ɤšan-a-m.
мальчик скрипка-LOC хорошо играть-ST.IPFV SUB я верить-ST.IPVF-1SG

*Я верю, что **мальчик** хорошо играет на скрипке.*

[22] ComplCl-non-fin — нефинитный сентенциальный актант; ComplCl-fin — финитный сентенциальный актант.

b. [[__SU skripka-da jaxšɤ ujn-ɤj dip] min ɤšan-gan] **malaj**
скрипка-LOC хорошо играть-ST.IPFV SUB я верить-PFCT **мальчик**

šäxär-gä kit-kän.
город-DAT уезжать-PFCT

***Мальчик**, который я верю, что хорошо играет на скрипке, уехал в город.*

Таким образом, в мишарском диалекте нефинитная стратегия с пробелом может использоваться для образования ОП даже на самых глубоких уровнях иерархии доступности. Согласно К. Леманну (Lehmann 1986), это не характерно для преноминальных стратегий релятивизации: в большинстве языков они могут обслуживать только левый конец иерархии. Однако встречаются и языки, не следующие этой тенденции, например, японский. Можно заключить, что мишарский диалект составляет такое же исключение.

Единственная позиция, недоступная для релятивизации с использованием нефинитной стратегии с пробелом, — позиция зависимого послелога. Большинство носителей мишарского диалекта не допускают «зависание» (stranding) послелога в том случае, когда его комплемент заменяется пробелом при образовании ОП:

(6.192) a. marat **ɤzba** jan-ɤ-n-a kil-ä.
Марат **дом** около-3-OBL-DAT приходить-ST.IPFV

*Марат идёт к **дому**.*

b. ??[marat __PCOMPL jan-ɤ-n-a kil-gän] **ɤzba-nɤ** ätij-em
Марат около-3-OBL-DAT приходить-PFCT **дом-ACC** отец-1SG

ešl-ä-de.
делать-ST-PST

***Дом**, к которому идёт Марат, построил мой отец.*

Такая же ситуация, согласно Knecht 1986, наблюдается в турецком языке. Однако в Kornfilt 1997 отмечается, что турецкий язык запрещает зависание только исходных, «подлинных» послелогов. Другие же, вторичные послелоги, которые на самом деле являются существительными, выступающими в функции послелога, допускают релятивизацию своего комплемента. Послелоги мишарского диалекта также разделяются на две группы: отыменные по происхождению послелоги, имеющие падежные формы, и послелоги, не имеющие падежных форм (см. об этом 1.2.3).

В примерах (6.192) употребляется послелог *janɤna*, относящийся к первой группе. Этот послелог имеет падежную парадигму (в (6.192) он представлен в форме датива) и согласуется со своим комплементом по лицу и числу. Релятивизация позиции зависимого такого послелога (PCompl) невозможна, как показывает пример (6.192b).

В примере (6.193) употребляется послелог второго типа, не имеющий падежной парадигмы. Как можно видеть, невозможна релятивизация комплемента и такого послелога.

(6.193) a. min **malaj** belän sejl-ä-š-te-m.
я **мальчик** с говорить-ST-REC-PST-1SG

*Я говорил с **мальчиком**.*

b. *[min __PCOMPL belän sejl-ä-š-kän] **malaj** kit-te inde.
я с говорить-ST-REC-PFCT **мальчик** уходить-PST уже

***Мальчик**, с которым я говорил, уже ушёл.*

Итак, в мишарском диалекте нефинитная стратегия с пробелом может использоваться для релятивизации даже самых глубоких позиций иерархии доступности именных групп, за исключением одной: позиции зависимого послелога. При этом при релятивизации глубоких уровней иерархии предпочтительными становятся другие стратегии, при которых возможно однозначно восстановить позицию мишени релятивизации, — стратегии с резумптивным или относительным местоимением, которые обсуждаются в следующем разделе.

6.2.2.2 Способы преодоления ограничений на релятивизацию

В сергачском говоре (идиом с. Рыбушкино) отмечена возможность преодоления ограничений на релятивизацию — использование финитной постноминальной стратегии образования ОП. В таком случае позиция мишени релятивизации оказывается заполненной относительным местоимением, и зависания послелога не происходит, как можно видеть из (6.194).

(6.194) malaj [$_{PP}$ **kajsɤ** **belän**] min sejl-ä-š-te-m
мальчик **который** **с** я говорить-ST-REC-PST-1SG

kit-te inde.
уходить-PST уже

*Мальчик, **с которым** я говорил, уже ушёл.*

Такая стратегия, не засвидетельственная в других говорах, наиболее часто используется при релятивизации достаточно глубоких позиций иерархии доступности, начиная с позиции посессора, по крайней мере, при переводе русского стимульного материала. Как показывает (6.195), относительное местоимение *kajsɤ* при необходимости может присоединять падежные показатели.

(6.195) tege kɤz [**kajsɤ-nɤŋ** čäč-e-n min tar-ɤj-m]
тот девочка **который-GEN** волос-3-OBL.ACC я расчесывать-ST.IPFV-1SG

minem kɤz-ɤm.
я.GEN дочь-1SG

*Та девочка, **чьи** волосы я расчесываю, — моя дочь.*

Однако существуют способы преодоления ограничений на релятивизацию, позволяющие использовать нефинитную стратегию образования ОП. Один из них — опущение послелога. Такая конструкция не кажется распространённой, возможно, из-за возникающей семантической неоднозначности, обусловленной невозможностью единственно верно восстановить опущенный послелог. Например, в предложении (6.196c) может быть опущен как послелог *belän* ‘с’, так и послелог *turɤnda* ‘о’ (соответствующие предложения представлены в (6.196a-b)).

(6.196) a. min **malaj** **belän** sejl-ä-š-te-m.
я **мальчик** **с** говорить-ST-REC-PST-1SG

*Я говорил **с мальчиком**.*

b. min **malaj** **turɤnda** sejl-ä-š-te-m.
я **мальчик** **о** говорить-ST-REC-PST-1SG

*Я говорил **о мальчике**.*

c. [min sejl-ä-š-kän] **malaj** kit-te inde.
я говорить-ST-REC-PFCT **мальчик** уходить-PST уже

*1. **Мальчик**, с которым я говорил, уже ушёл.*
*2. **Мальчик**, о котором я говорил, уже ушёл.*

Такая стратегия преодоления ограничения на релятивизацию комплемента послелога не очень распространена. М. де Врис (de Vries 2002), ссылаясь на Hagman 1973, упоминает о наличии такой же стратегии в языке нама, в котором ОП с пробелом также может использоваться для релятивизации любых позиций, кроме позиции зависимого послелога. Хотя стандартный способ преодоления этого ограничения в нама — это использование резумптивного местоимения, согласно Р.С. Хагману, в некоторых случаях альтернативно может происходить удаление послелога.

В мишарском диалекте при релятивизации комплемента послелога представителями старшего поколения и некоторыми представителями среднего поколения также допускается использование резумптивного местоимения, которое занимает позицию мишени релятивизации[23]. Использование местоимения *ul* ‘он’ в этом качестве демонстрируется в (6.197).

(6.197) [marat **a-nɤŋ** jan-ɤ-n-a kil-gän] ɤzba-nɤ ätij-em ešl-ä-de.
Марат **он-GEN** около-3-OBL-DAT приходить-PFCT дом-ACC отец-1SG делать-ST-PST

Дом, к которому идёт Марат, построил мой отец.

Стратегия с резумптивным местоимением может использоваться и при релятивизации объекта сравнения:

(6.198) bu [marat **a-n-nan** taza-rak bul-gan] ir keše kičä kit-te.
этот Марат **он-OBL-ABL** сильный-COMP быть-PFCT мужчина человек вчера уходить-PST

Этот мужчина, сильнее которого (был) Марат, уехал вчера.

Подводя итог, можно отметить, что в мишарском диалекте основная стратегия образования ОП — нефинитная стратегия с пробелом, которая может использоваться даже при релятивизации позиций, расположенных достаточно глубоко в иерархии доступности. Чем дальше позиция, подвергаемая релятивизации, находится в иерархии, тем более предпочтительными становятся другие стратегии: нефинитная стратегия с резумптивным местоимением (используемая, как правило, представителями старшего поколения) и финитная постноминальная стратегия с относительным местоимением.

6.2.3. Линейное взаиморасположение относительного предложения и других приименных модификаторов

В этом разделе рассматривается ещё одна характеристика ОП в мишарском диалекте, а именно возможные позиции ОП внутри ИГ. В 4.1.3.1 обсуждается порядок модификаторов ИГ, который представлен на Схеме 4.1, повторяемой как Схема 6.4:

[23] Резумптивное местоимение всегда располагается в своей исходной позиции (*in situ*) и обычно совпадает с местоимением-прономиналом, либо личным местоимением (Лютикова 2018).

N_{GEN} < REL < ATT < DET < QUANT < PART < ADJ_D < ADJ_{ND} < N_2 < N_1 < HEAD NOUN[24]

Схема 6.4. Порядок модификаторов ИГ

Из приведённых в предыдущих разделах примеров можно заключить, что представленный на Схеме 6.4 порядок не является строгим. Например, в (6.198) указательное местоимение предшествует относительной клаузе. Далее более подробно исследуется взаиморасположение ОП и других приименных модификаторов. Этот раздел, таким образом, дополняет раздел 4.1.3.1.

Порядок следования модификаторов, представленных на Схеме 6.4, относительно ОП подчиняется следующему обобщению: модификаторы из левой половины схемы могут находиться как слева, так и справа от ОП (один из вариантов обычно предпочтителен), тогда как более близкие к вершинному имени модификаторы не могут располагаться левее относительной клаузы. Это показано в Таблице 6.4.

Таблица 6.4. Ограничения на взаиморасположение ОП и других модификаторов

	N_{GEN}	ATT	DET	QUANT	PART	ADJ_D	ADJ_{ND}	N_2	N_1
Mod < REL	OK	OK	OK	OK	*	*	*	*	*

Только в случае генитивного посессора расположение этого модификатора перед ОП оказывается предпочтительным. Как отмечается в 4.1.3.1, оба варианта расположения модификаторов, представленные в примерах типа (6.199), допустимы, но (6.199a) предпочтительнее (6.199b).

(6.199) a. marat-nɤŋ **[äni ju-gan]** külmäg-e
Марат-GEN **мама мыть-PFCT** платье-3
*рубашка Марата, **которую постирала мама*** {a=b}

b. ?/OK **[äni ju-gan]** marat-nɤŋ külmäg-e
мать мыть-PFCT Марат-GEN платье-3

Когда вторым модификатором ИГ оказывается атрибутивное зависимое, образованное из какой-либо составляющей при помощи аффикса *-lɤ*, допускаются оба варианта взаиморасположения модификаторов, представленные в (6.200). Предпочтительно предшествование ОП атрибутивному зависимому, т.е. (6.200a).

(6.200) a. **[ätij-em ešl-ä-gän]** [ike ɤtaž]-lɤ ɤzba-lar
отец-1SG делать-ST-PFCT два этаж-ATR дом-PL
*двухэтажные дома, **которые построил мой отец*** {a=b}

b. ?/?? [ike ɤtaž]-lɤ **[ätij-em ešl-ä-gän]** ɤzba-lar
два этаж-ATR **отец-1SG делать-ST-PFCT** дом-PL

[24] Элемент слева от знака < в ИГ предшествует элементу справа от знака. N_{GEN} — приименной генитив, REL — относительные предложения, ATT — зависимые, полученные в результате аттрибутивизации, DET — указательные и неопределённые местоимения, QUANT — порядковые, количественные числительные и кванторные местоимения, PART — причастия, ADJ_D — производные прилагательные, ADJ_{ND} — непроизводные прилагательные, N_2 — существительные с маркированием зависимости от вершинного имени, N_1 — аппозитивные зависимые существительные, HEAD NOUN — вершина ИГ.

Если в состав ИГ входит указательное местоимение, оно может располагаться как после, так и перед ОП, однако последняя возможность более допустима:

(6.201) a. **[äni kičä al-gan]** tege divan
мама вчера брать-PFCT тот диван
*тот диван, **который мама купила вчера*** {a=b}

b. ?tege **[äni kičä al-gan]** divan
тот **мама вчера брать-PFCT** диван

Представители категории QUANT предпочитают расположение слева от ОП, как в (6.202a). Тем не менее многие носители допускают и обратный порядок, иллюстрируемый в (6.202b). Следует учитывать, что на расположение кванторных местоимений может влиять их сфера действия, однако эта проблема требует дополнительного исследования.

(6.202) a. **[min kičä ez-gän]** beten čačäk-lär
я вчера срывать-PFCT весь цветок-PL
*все цветы, **которые я сорвала вчера*** {a=b}

b. ?beten **[min kičä ez-gän]** čačäk-lär
весь **я вчера срывать-PFCT** цветок-PL

Суждения носителей указывают, что предшествование указательных и кванторных местоимений относительным клаузам, как в (6.201b) и (6.202b), избегается — в том числе из-за возникающей при этом синтаксической неоднозначности. Один и тот же линейный порядок может соответствовать двум структурам: в (6.203a) местоимение представляет собой модификатор вершинного имени, тогда как в (6.203b) оно входит в состав ОП[25].

(6.203) a. **här || tege** [bäjräm-gä kil-gän] **malaj**.
каждый тот праздник-DAT приходить-PFCT **мальчик**
каждый || ***тот мальчик**, который пришёл на праздник*

b. **[här || tege bäjräm-gä** kil-gän] malaj
каждый тот праздник-DAT приходить-PFCT мальчик
*мальчик, который пришёл на **каждый** || **тот праздник***

Как можно видеть из Таблицы 6.4, все остальные модификаторы ИГ должны следовать за ОП. Например, одиночное причастие не может располагаться левее относительной клаузы:

(6.204) a. **[marat su-ga kuj-gan]** ez-gän čačäk-lär
Марат вода-DAT ставить-PFCT срывать-PFCT цветок-PL
*сорванные цветы, **которые Марат поставил в воду*** {a=b}

b. *ez-gän **[marat su-ga kuj-gan]** čačäk-lär
срывать-PFCT **Марат вода-DAT ставить-PFCT** цветок-PL

[25] В естественной речи такой неоднозначности скорее всего не возникает благодаря просодической организации высказывания. Этот аспект остаётся за рамками исследования.

Только один порядок допустим и для комбинации ОП с изафетной конструкцией 2 (с неоформленным генитивом и показателем притяжательности на вершинном имени):

(6.205) a. **[äti sʏrl-a-gan]** ʏzba kʏrʏša-sʏ
папа резать-ST-PFCT дом крыша-3
*крыша дома, **которую построил отец*** {a=b}

b. *ʏzba **[äti sʏrl-a-gan]** kʏrʏša-sʏ
дом **папа резать-ST-PFCT** крыша-3

В 4.1.3 в татарской именной группе выделяются три структурные зоны: рекурсивная, в которую входят элементы типа N_{GEN}, REL и ATT, референциально-квантификационная, к которой относятся DET и QUANT, и денотативная, или объектообразующая, включающая в себя остальные приименные модификаторы. Данные, представленные в этом разделе, позволяют предположить, что ОП может располагаться на любом месте внутри своей (рекурсивной) зоны. «Вторжение» ОП в соседнюю — референциальную — зону подвержено ограничениям, а модификаторы, входящие в объектообразующую зону, не могут отделяться от вершинного имени относительной клаузой.

6.2.4. Безвершинные относительные предложения и коррелятивные конструкции

В мишарском диалекте представлены также так называемые безвершинные ОП. Пример такой конструкции показан в (6.206):

(6.206) **tel-ä-gän-eŋ-ne** sajl-a-p al.
хотеть-ST-PFCT-2SG-ACC выбирать-ST-CONV брать.IMP
Выбирай [= выбрав возьми]*, **что хочешь**.*

В этом разделе мы кратко обсудим их синтаксические свойства. Как обсуждается в 4.1.1, именные показатели лица, числа и падежа в татарском языке реализуются на вершине именной группы. (6.206) показывает, что, если вершинное существительное отсутствует (по крайней мере с точки зрения фонологической реализации), эти показатели ожидаемо реализуются на причастии. В (6.206) это, в частности, показатель аккузатива.

Еще один пример такого же рода показан в (6.207), где безвершинное ОП занимает позицию непрямого дополнения и получает дативное кодирование:

(6.207) ber-enče kil-gän-**gä** marat pirok bir-de.
один-ORD приходить-PFCT-**DAT** Марат пирог давать-PST
Тому, кто пришел первым, Марат дал пирог.

В безвершинных ОП более примечательно согласование с подлежащим зависимой клаузы. В (6.206) это подлежащее второго лица единственного числа, не имеющее синтаксической реализации. (6.208) — пример безвершинного ОП с поверхностно выраженным подлежащим.

(6.208) **min** sejl-ä-gän-**em**-ne ul tʏŋn-ʏj.
я говорить-ST-PFCT-**1SG**-ACC он слушать-ST.IPFV
*То, что **я** говорю, он слушает.*

Показатели первого и второго лица единственного числа, которые представлены в (6.206) и (6.208), — именные согласовательные показатели. Это не могут быть глагольные показатели усеченной серии, поскольку форма на *-gan* сочетается только с показателями полной серии, соответственно *-mɤn* и *-sɤn* (о согласовательных показателях см. 1.2.1.5)

Нетривиальность этих фактов состоит в первую очередь в том, что стандартные ОП с именной вершиной, которые обсуждались в предыдущих разделах, не способны к согласованию с подлежащим зависимой клаузы. (6.209a-c) показывают, что появление согласовательных показателей, независимо от их морфологической формы, невозможно ни на причастии, ни на вершинном существительном.

(6.209) a. sin bir-gän kitap-nɤ min ukɤ-dɤ-m.
ты давать-PFCT книга-ACC я читать-PST-1SG
Я прочитал книгу, которую ты мне дал. {a=b=c}

b. *sin bir-gän-**sɤŋ** || bir-gän-**eŋ** kitap-nɤ min ukɤ-dɤ-m.
ты давать-PFCT-**2SG** давать-PFCT-**2SG** книга-ACC я читать-PST-1SG

c. *sin bir-gän kitap-**ɤŋ**-nɤ min ukɤ-dɤ-m.
ты давать-PFCT книга-**2SG**-ACC я читать-PST-1SG

Чтобы объяснить появление согласования в (6.206) и (6.208), а также тот факт, что это именное согласование, можно было бы предположить, что мы имеем дело с номинализацией, в которой форма на *-gan* представляет собой субстантив, отглагольное существительное. Такая возможность для формы на *-gan* действительно доступна, см. 1.2.1.7 о ее синтаксической неоднозначности. Если это так, то в (6.206) и (6.208) перед нами обычное согласование по лицу и числу с субъектом номинализации, которое подробно описано в 6.4.3.1.2.

Некоторые факты, однако, говорят против этого предположения. Во-первых, с семантической точки зрения мишарские номинализации на *-gan* имеют пропозициональное содержание или, в некоторых случаях, событийную референцию, тогда как прямое дополнение в (6.206) и (6.208) характеризуются индивидной референцией. Если бы, например, в (6.206) была представлена номинализация, ожидаемая интерпретация выглядела бы как ‘выбери твое хотение’.

Во-вторых, (6.206) и (6.208) отличаются от номинализаций с точки зрения падежного маркирования субъекта зависимой клаузы. Для номинализаций допускается (и даже предпочитается) генитивное оформление (см. 6.4.3.1.2.1), тогда как аналог (6.206) с генитивным подлежащим расценивается как близкий к неграмматичному. Контраст иллюстрируется в (6.210a-b):

(6.210) a. **sineŋ** kil-ü-eŋ-ne min bel-ä-m.
ты.GEN приходить-NMN-2SG-ACC я знать-ST-1SG
*Я знаю, что **ты** пришел.*

b. ??**minem** sejl-ä-gän-em-ne ul tɤŋn-ɤj.
я.GEN говорить-ST-PFCT-1SG-ACC он слушать-ST.IPFV
*То, что **я** говорю, он слушает.*

Факты такого рода, как представляется, указывают на то, что синтаксис безвершинных ОП отличается и от обычных ОП, и от номинализаций[26]. Синтаксический анализ такой конструкции, однако, остается за пределами этой книги.

Также в мишарском диалекте возможны коррелятивные конструкции (см., например, Lipták 2009 и цитируемую там литературу), пример которой показан в (6.211):

(6.211) **nindi** **mašʏna** tel-ä-de **šundʏj-nʏ** al-dʏ.
какой **машина** хотеть-ST-PST **такой-ACC** покупать-PST
***Какую машину** хотел, **такую** и купил.*

Класс коррелятивных конструкций, который представлен в (6.211), характеризуется тем, что и главная, и зависимая клаузы финитны. В (6.211), в частности, в обеих клаузах используется форма Претерита.

Зависимая клауза в коррелятивных конструкциях содержит вопросительное слово, например, *ni* ‘который, что’, *närsä* ‖ *nästä* ‘что’, *kem* ‘кто’, *nindi* ‘какой’ (см. о них 1.2.2.2.2), а главная — именную группу, включающую указательное местоимение, например, *ul* ‘он, этот’, *šul* ‘этот’, *šundʏj* ‘такой’ и т.д. Более полный инвентарь возможностей см. в ТГ 1992: 377-395.

В (6.211) именная группа с вершинным именем ‘машина’ находится в зависимой клаузе. В мишарском диалекте реализуются и две другие логические возможности, которые показаны в (6.212a-b):

(6.212) a. **nindi-ne** tel-ä-de **šundʏj** **mašʏna-nʏ** al-dʏ.
какой-ACC хотеть-ST-PST **такой** **машина-ACC** покупать-PST
***Какую** хотел, **такую машину** и купил.*

b. **nindi** **mašʏna** tel-ä-de **šundʏj** **mašʏna-nʏ** al-dʏ.
какой **машина** хотеть-ST-PST **такой** **машина-ACC** покупать-PST
***Какую машину** хотел, **такую машину** и купил.*

Возможности, иллюстрируемые в (6.212a-b), — одна из характерологических черт коррелятивных конструкций, отличающая их от стандартных относительных предложений (Bhatt 2003), будь то татарские причастные относительные предложения или русские предложения с *который*.

---

[26] Следует заметить, что еще один параметр, потенциально разводящий номинализации и безвершинные ОП, — степень обязательности согласования, — оказывается малоинформативен. Согласование безвершинных ОП по первому и второму лицам, по-видимому, обязательно или близко к обязательному:

(i) ??min sejl-ä-gän-nɛ ul tʏŋn-ʏj.
я говорить-ST-PFCT-ACC он слушать-ST.IPFV
То, что я говорю, он слушает.

Это же, однако, верно и для номинализаций, в которых субъект представлен именной группой в номинативе (по крайней мере, для сергачского говора, на который опирается материал этого раздела):

(ii) ??sin kil-ü-nɛ min bɛl-ä-m.
ты приходить-NMN-ACC я знать-ST.IPFV-1SG
Я знаю, что ты пришел.

Интересная особенность коррелятивных конструкций мишарского диалекта заключается в том, что вопросительное и указательное местоимения, используемые при их образовании, могут как оставаться *in situ*, так и располагаться на левой периферии предложения. Эти возможности показаны в (6.213):

(6.213) a. marat **närsä** sat-ɤ-p al-ɤ-r alsu-ga a-nɤ
Марат **что** продавать-ST-CONV брать-ST-POT Алсу-DAT он-ACC

büläk it-ä-r.
подарок делать-ST-POT

***Что** Марат купит, то он Алсу и подарит.* {a=b}

b. **närsä** marat sat-ɤ-p al-ɤ-r a-nɤ alsu-ga
что Марат продавать-ST-CONV брать-ST-POT он-ACC Алсу-DAT

büläk it-ä-r.
подарок делать-ST-POT

Первый вариант образования коррелятивных ОП ожидаем: при образовании вопросительных предложений вопросительная составляющая занимает предглагольную позицию. При этом в частном вопросе размещение вопросительного слова на левой периферии, как в (6.213b), невозможно (минимальные сведения о вопросительных предложениях приводятся в 5.1.5). Нельзя исключить, что конструкция типа (6.213b) в мишарском диалекте сформировалась под влиянием коррелятивных предложений русского языка.

Другой тип коррелятивной конструкции представлен в (6.214):

(6.214) **kem** kil-**sä** **dä** anar-ga akča bir-e-r-men.
кто приходить-**COND** **EMPH** он.OBL-DAT деньги давать-ST-POT-1SG

***Кто бы ни** пришел, я ему отдам деньги.*

В отличие от (6.211)-(6.213) с финитными зависимыми клаузами, в (6.214) зависимая клауза имеет морфосинтаксические характеристики уступительной предикации (см. 6.1.1.5). Глагол в этой предикации имеет форму кондиционалиса (показатель *-sa*) в комбинации с эмфатической частицей *da* ‘и, даже’. С семантической точки зрения такие коррелятивы имеют интерпретацию, характерную, например, для безвершинных относительных предложений с *-ever* в английском языке (6.215) или коррелятивов с *бы ни* в русском языке.

(6.215) a. There is a lot of garlic in **whatever** Mary cooks.

b. **Что бы** Маша **ни** готовила, там много чеснока.

Широко распространенный анализ для английских конструкций с *-ever*, обсуждаемый, в частности, в von Fintel 2000, состоит в том, что во всех эпистемически доступных мирах *w* то, что Маша готовит в *w*, содержит много чеснока. Предложение имеет пресуппозицию, согласно которой говорящий не в состоянии установить референцию именной группы *whatever Mary cooks* в актуальном мире. Именно такова интерпретация коррелятивной клаузы в (6.214).

Отметим, что в отличие от финитных коррелятивов в (6.211)-(6.213), (6.214) не имеет ограничений на временную интерпретацию: речь идет как об эпистемически доступных версиях будущего, так и о таких же версиях прошлого:

(6.216) **kičä || irtä-gä** kem kil-sä dä anar-ga akča
вчера утро-DAT кто приходить-COND EMPH он.OBL-DAT деньги

bir-e-r-men.
давать-ST-POT-1SG

*Кто бы ни пришел **вчера** || **завтра**, я ему отдам деньги.*

По поводу того, могут ли коррелятивы этого типа иметь интерпретацию, когда в зависимой клаузе вводится в рассмотрение определенная дескрипция, имеющая референта в актуальном мире (для (6.214), например, это ‘тот, кто пришел’ вместо ‘кто бы ни пришел’), суждения носителей расходятся. Способ обнаружить такую интерпретацию — построить клаузу с индикативной формой прошедшего времени, описывающей эпистемически определенную ситуацию актуального мира. Интерпретация с квантификацией по эпистемически доступным мирам в таком контексте станет невозможна, и определенная дескрипция, которую мы ищем, если она есть, явится на поверхность.

Пример такой возможности — предложение (6.217a). Большинство носителей находят предложения такого типа аномальными и предпочитают безвершинные ОП в (6.217b), которые допускают интересующую нас интерпретацию без затруднений.

(6.217) a. ***sin nästä bir-sä-ŋ dä** min a-nɤ ukɤ-dɤ-m.
ты что давать-COND-2SG EMPH я он-ACC читать-PST-1SG

***То, что ты мне дал**, я прочитал.*

b. **sin bir-gän-eŋ-ne** min ukɤ-dɤ-m.
ты давать-PFCT-2SG-ACC я читать-PST-1SG

***То, что ты мне дал**, я прочитал.*

Довольно значительная группа носителей, однако, считает (6.217a) приемлемым, но в этом случае предполагается квантификация не по эпистемически возможным мирам, а по множественным событиям актуального мира:

(6.218) **sin nästä bir-sä-ŋ dä** min a-nɤ ukɤ-dɤ-m.
ты что давать-COND-2SG EMPH я он-ACC читать-PST-1SG

***То, что ты мне давал**, я прочитывал.*

Для тех носителей, которые считают (6.218) приемлемым, единственная интерпретация состоит в том, что в каждой ситуации, в которой слушающий давал говорящему что-то почитать, говорящий прочитывал это. Ср. контраст в приемлемости русских предложений, различающихся грамматическим видом в (6.219a-b):

(6.219) a. # Что бы ты мне ни **дал**, я **прочитал** это.
b. Что бы ты мне ни **дал** || **давал**, я **прочитывал** это.

Можно предположить, таким образом, что различие в суждениях по поводу (6.217a) и (6.218) связано не с тем, что носители приписывают разную интерпретацию зависимой клаузе, а с тем, что одним носителям понимание формы Претерита как обозначающего множественное событие дается проще, чем другим. Те, кто допускает такое понимание, получают (6.218), остальные — (6.217a).

6.2.5. Мишарские относительные предложения на типологическом фоне

Характеристики относительных предложений, рассмотренные в предыдущих разделах, позволяют определить место мишарского диалекта в типологии ОП. В de Vries 2002 предложен набор параметров варьирования структуры ОП в языках мира, некоторые из которых представлены в Таблице 6.5.

Таблица 6.5. Параметры варьирования структуры ОП[27]

Параметр	Возможные значения параметра
1. Иерархический статус ОП	в составе ИГ / коррелятивы
2. Наличие вершины	с вершиной / безвершинные
3. Наличие относительного местоимения	да / нет
4. Наличие резумптивного местоимения	да / нет
5. Порядок слов	вершина + ОП / ОП + вершина
6. Финитность ОП	финитные / нефинитные
7. Позиция определителя / квантора по отношению к вершине и ОП	начальная / срединная / конечная
8. Падежные показатели	на вершине / на вершине *и* на ОП

Большинство значений параметров, характеризующих ОП мишарского диалекта, уже обсуждались, поэтому настоящий раздел по большей части представляет собой обобщение сказанного выше.

Как правило, ОП в мишарском диалекте входит в состав ИГ, см. (6.220a). Однако коррелятивные конструкции также допустимы, о чём свидетельствует (6.220b).

(6.220) a. [$_{DP}$[$_{REL}$ **min** **kitap** **bir-gän**] malaj] alma aš-ɤj.
я **книга** **давать-PFCT** мальчик яблоко есть-ST.IPFV
*Мальчик, **которому я дал книгу**, ест яблоко.*

b. [$_{REL}$ **kem** **bäjräm-ga** **kil-e-r**] šul büläk al-ɤ-r.
кто **праздник-DAT** **приходить-ST-POT** тот подарок брать-ST-POT
***Кто придёт на праздник**, тот получит подарок.*

Как правило, ОП в мишарском диалекте имеют именную вершину, что верно практически для всех приведённых выше примеров, включая (6.220a). Некоторые носители считают допустимыми ОП с местоимением в качестве вершины, как в (6.221a). Более того, как показано в 6.2.4, безвершинные относительные конструкции также встречаются, причём в случае отсутствия вершины именные показатели оказываются на причастной форме. В (6.221b) это показатели падежа и числа.

(6.221) a. ? marat [**estäl-dän** **al-gan**] **šɤ-nɤ** kat$_j$ar-dɤ.
Марат **стол-ABL** **брать-PFCT** **этот-ACC** возвращать-PST
*Марат вернул **то, что взял со стола**.*

b. [**jara** **al-gan-nar-nɤ**] bolnica-ga it-te-lär.
рана **брать-PFCT-PL-ACC** больница-DAT делать-PST-PL
***Получивших травмы** доставили в больницу.*

[27] Перевод параметров на русский язык взят из Лютикова 2009.

Основная стратегия образования ОП в мишарском диалекте не допускает использования относительного местоимения. Как обсуждается в de Vries 2002, существует корреляция между некоторыми параметрами, представленными в Таблице 6.5. В частности, в преноминальных ОП никогда не встречается относительных местоимений. (6.222) демонстрирует использование относительного местоимения при постноминальном способе оформления ОП. Опущение относительного местоимения при этом невозможно.

(6.222) a. ɤzba [**kajsɤ-nɤŋ** baš-ɤ-n marat sɤrl-ɤj] tau-da
дом **который-GEN** верх-3-OBL.ACC Марат резать- ST.IPFV гора-LOC

bas-kan.
вставать-PFCT

*Дом, крышу **которого** строит Марат, стоит на горе.* {a=b}

b. * ɤzba [baš-ɤ-n marat sɤrl-ɤj] tau-da bas-kan.
дом верх-3-OBL.ACC Марат резать- ST.IPFV гора-LOC вставать-PFCT

Резумптивное местоимение в ОП, как правило, отсутствует. Это иллюстрируется примерами типа (6.223a). Как обсуждается в 6.2.2.2, употребление резумптивного местоимения возможно при релятивизации позиций, которые находятся достаточно глубоко в иерархии доступности именных групп, например, позиции зависимого послелога, как в (6.223b).

(6.223) a. [**ul** tau-da bas-kan] ɤzba-nɤ minem ätij-em ešl-ä-de.
он гора-LOC вставать-PFCT дом-ACC я.GEN отец-1SG делать-ST-PST

Дом, который [**он**] *стоит на горе, построил мой отец.*

b. [marat **a-nɤŋ** jan-ɤ-n-a kil-gän] ɤzba-nɤ äti-em
Марат **он-GEN** около-3-OBL-DAT приходить-PFCT дом-ACC отец-1SG

ešl-ä-de.
делать-ST-PST

Дом, к которому [**ему**] *идёт Марат, построил мой отец.*

Порядок слов и взаиморасположение вершины и ОП связаны с финитностью ОП. В большинстве языков нефинитные ОП предшествуют своей вершине. Мишарский диалект соответствует этой тенденции. Нефинитные ОП в нём могут располагаться только слева от вершины, как в (6.224a-b), а финитные — только после неё, как в (6.224c-d).

(6.224) a. tege [**tau-da bas-kan**] ɤzba-nɤ ätij-em ešl-ä-de.
тот **гора-LOC вставать-PFCT** дом-ACC отец-1SG делать-ST-PST

*Тот дом, **который стоит на горе**, построил мой отец.* {a=b=c=d}

b. *tege ɤzba-nɤ [**tau-da bas-kan**] ätij-em ešl-ä-de.
тот дом-ACC **гора-LOC вставать-PFCT** отец-1SG делать-ST-PST

c. tege ɤzba-nɤ [**kajsɤ tau-da bas-kan**] ätij-em ešl-ä-de.
тот дом-ACC **который гора-LOC вставать-PFCT** отец-1SG делать-ST-PST

d. *tege [**kajsɤ tau-da bas-kan**] ɤzba-nɤ ätij-em ešl-ä-de.
тот **который гора-LOC вставать-PFCT** дом-ACC отец-1SG делать-ST-PST

Что касается расположения определителей или кванторов по отношению к вершине и ОП, то, как обсуждается в 4.1.3, их наиболее немаркированная позиция — это позиция между ОП и вершинным именем. Однако они могут и предшествовать относительной клаузе.

(6.225) a. [bäjräm-gä kil-gän] **här** malaj büläk al-dɤ.
праздник-DAT приходить-PFCT **каждый** мальчик подарок получать-PST
***Каждый** мальчик, который пришёл на праздник, получит подарок.* {a=b}

b. **här** [bäjräm-gä kil-gän] malaj büläk al-dɤ.
каждый праздник-DAT приходить-PFCT мальчик подарок получать-PST

Наконец, падежное маркирование в мишарском диалекте получает только вершина ОП. При наличии вершины ОП не может присоединять показатели падежа:

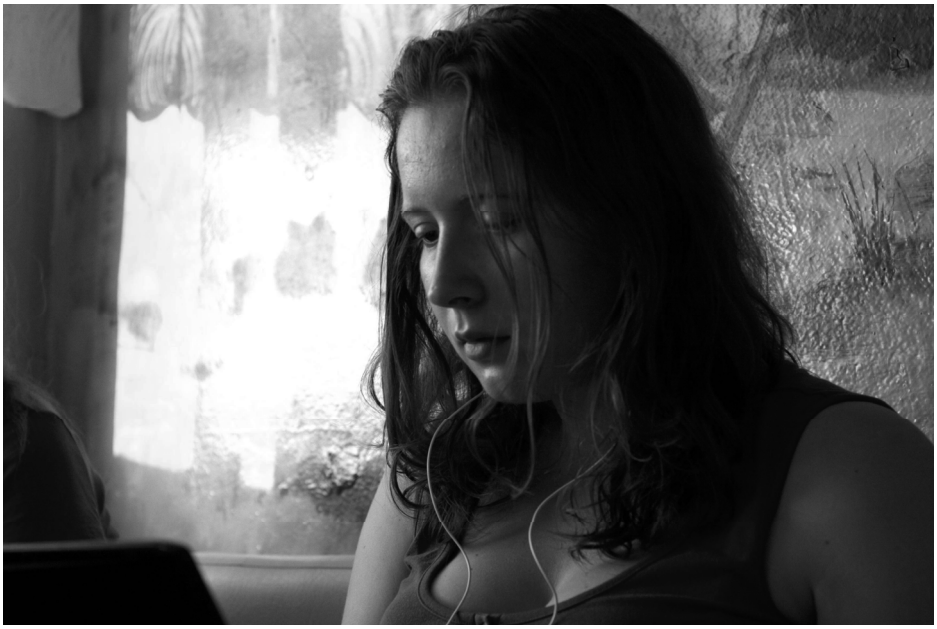
(6.226) a. [un biš jäš kenä tul-gan] malaj-ga arakɤ
десять пять год FOC исполняться-PFCT мальчик-DAT водка
eč-ä-r-gä kuš-m-ɤj-lar.
пить-ST-POT-INF велеть-NEG-ST.IPFV-PL
Мальчику, которому исполнилось только 15 лет, запрещают пить водку. {a=b}

b. *[un biš jäš kenä tul-gan]-**ga** malaj-ga arakɤ
десять пять год FOC исполняться-PFCT-**DAT** мальчик-DAT водка
eč-ä-r-gä kuš-m-ɤj-lar.
пить-ST-POT-INF велеть-NEG-ST.IPFV-PL

В Таблице 6.6 обобщаются свойства ОП мишарского диалекта, обсуждаемые в этом разделе.

Таблица 6.6. Значения параметров варьирования структуры ОП для мишарского диалекта

Параметр	Значение параметра
1. Иерархический статус ОП	в составе ИГ (коррелятивы возможны)
2. Наличие вершины	с вершиной (безвершинные возможны)
3. Наличие относительного местоимения	нет (да при финитной стратегии образования ОП)
4. Наличие резумптивного местоимения	нет (возможно при релятивизации глубоких позиций)
5. Порядок слов	основная стратегия: ОП + вершина финитная стратегия: вершина + ОП
6. Финитность ОП	основная стратегия: нефинитные вторичная стратегия: финитные
7. Позиция определителя / квантора по отношению к вершине и ОП	срединная (начальная возможна)
8. Падежные показатели	на вершине

А.А. Ионова. Село Большое Рыбушкино, 2012 год.

6.2.6. Заключение

В этом разделе с разных точек зрения рассматриваются относительные предложения мишарского диалекта. Излагаются способы образования ОП, ограничения на релятивизацию и возможные позиции ОП относительно других модификаторов ИГ. Это описание позволяет определить место мишарского диалекта в типологии ОП по набору параметров, предложенному в de Vries 2002. Можно заключить, что, хотя ОП в мишарском диалекте в основном демонстрируют типичные для тюркских языков черты и используют нефинитную причастную стратегию образования ОП, в некоторых случаях допускается использование нехарактерных конструкций: постноминальных финитных ОП и конструкций с резумптивными местоимениями.

6.3. Сентенциальные дополнения

6.3.1. Общая характеристика

Сентенциальный актант (сентенциальное дополнение) — это предикация, заполняющая валентность предикатного слова, как правило, глагола, прилагательного или существительного. В этом разделе дается краткая характеристика важнейшего класса сентенциальных актантов — сентенциальных комплементов глагола, известных также как придаточные дополнительные.

В мишарском диалекте, как и в татарском литературном языке, предикат, возглавляющий сентенциальный актант, может иметь одну из следующих форм:

- финитная форма индикатива в комбинации с союзным средством *di(je)p*;
- форма императива в комбинации с союзным средством *di(je)p*;
- номинализация — имя действия на *-u*;
- отпричастная номинализация;
- инфинитивы;
- имперфективное деепричастие (конверб);
- деепричастие на *-p*;
- дезидеративные формы;
- форма облигатива.

В оставшихся частях раздела 6.3.1 мы кратко проиллюстрируем эти возможности. Раздел 6.3.2 будет целиком посвящен финитным сентенциальным комплементам. Синтаксис и семантика номинализаций подробно освещаются в 6.4. Информацию о прочих типах сентенциальных актантов в литературном татарском можно найти в ТГ 1992.

6.3.1.1. Финитные сентенциальные дополнения в комбинации с союзным средством *di(je)p*

При оформлении сентенциального комплемента предикат, его возглавляющий, имеет финитную форму, а на правой периферии предикации размещается союз *di(je)p*, формально представляющий собой деепричастие на *-p* от глагола *di* || *dijä* ‘говорить’. В чистопольском говоре (с. Татарский Елтан) используется только стяженная форма *dip*; в сергачском говоре (с. Рыбушкино) и другом варианте чистопольского говора (с. Кутлушкино) более частотна нестяженная форма *dijep*. Эти возможности иллюстрируются в (6.227)-(6.228):

(6.227) baš-ta [jʏkl-ʏj-lar-mʏ juk-mʏ **dip**] tikšer-e-p
голова-LOC спать-ST.IPFV-PL-Q нет-Q **SUB** проверять-ST-CONV

čʏk-tʏ-k.
выходить-PST-1PL

Сначала проверили [= проверив вышли]*, спят они или нет.*

(6.228) marat [min alsu-nʏ sej-ä-m **dijep**] ujl-ʏj.
Марат я Алсу-ACC любить-ST.IPFV-1SG **SUB** думать-ST.IPFV

1. Марат думает, что я люблю Алсу.
2. Марат думает, что он любит Алсу.

Такое оформление характерно для сентенциальных дополнений при глаголах речи (*ätä* ‘говорить’, *sʏrʏj* ‘спрашивать’, *wägdä itä* / *birä* ‘обещать’), мысли и восприятия (*ʏšana* ‘верить, надеяться’, *ujlʏj* ‘думать’, *aŋnʏj* ‘понимать’, *išetä* ‘слышать’, *tʏja* ‘чувствовать’) и эмоций (*kurka* ‘бояться’, *šatlana* ‘радоваться’, *šatlandʏra* ‘радовать’, *ačulana* ‘сердиться’, *ačulandʏra* ‘сердить’, *šakkata* ‘удивляться’, *šakkattʏra* ‘удивлять’, *tʏrʏša* ‘стараться’).

Сентенциальные комплементы с союзом *di(je)p* имеют нетривиальный синтаксис, а интерпретация дейктических элементов в их составе подчиняется особым закономерностям.

Главная синтаксическая особенность состоит в том, что внешний аргумент зависимого предиката допускает синтаксическую реализацию именной группой в аккузативе:

(6.229) min [**sine** kit-te di(je)p] ujl-ɤj-m.
я **ты.ACC** уходить-PST SUB думать-ST.IPFV-1SG
*Я думаю, что **ты** ушел.*

Семантическая особенность таких предложений иллюстрируется в (6.230):

(6.230) marat [(**min**) alsu-nɤ sej-ä-**m** di(je)p] ujl-ɤj.
Марат **я** Алсу-ACC любить-ST.IPFV-**1SG** SUB думать-ST.IPFV
*1. Марат думает, **я*** {т.е. говорящий} *люблю Алсу.*
2. Марат думает, что любит Алсу.

В (6.230) зависимая предикация содержит личное местоимение первого лица, с которым согласуется глагол ‘любить’. Это местоимение, однако, может обозначать не только говорящего в текущем коммуникативном контексте, но и сущность, совпадающую с подлежащим главной клаузы, т.е. в данном случае Марата.

Этим сюжетам целиком посвящен раздел 6.3.2.

Разновидностью этой конструкции следует, по-видимому, признать предложения, иллюстрируемые в (6.231)-(6.232):

(6.231) min alsu kit-te at$_j$-tɤ-m.
я Алсу уходить-PST говорить-PST-1SG
Я рассказал, что Алсу ушла.

(6.232) min alsu kit-te di-de-m.
я Алсу уходить-PST говорить-PST-1SG
Я сказал, что Алсу ушла.

В отличие от (6.227)-(6.230), в (6.231)-(6.232) союзное средство *di(je)p* не используется; в прочих отношениях, как обсуждается в 6.3.2.2, эти предложения не имеют каких-либо примечательных особенностей. Эта возможность доступна, насколько можно судить по имеющемуся у нас материалу, только для актантов глаголов речепроизводства.

Еще одна разновидность финитных сентенциальных акантов с *di(je)p* показана в (6.233), где зависимый предикат имеет форму императива:

(6.233) min [wakɤt-ɤ-n-da **kil** **di(je)p]** tɤrɤš-a-m.
я время-3-OBL-LOC **приходить.IMP** **SUB** стараться-ST.IPFV-1SG
*Я стараюсь **прийти** вовремя.*

Императива требуют, в частности, глаголы *tɤrɤša* ‘стараться’, *kuša* ‘велеть, приказывать’, *sɤrɤj* ‘просить’.

6.3.1.2. Номинализация

Номинализация как стратегия оформления сентенциальных актантов распадается на два подтипа — имена действия и отпричастные номинализации.

Первый случай представлен прежде всего именем действия на *-u*, которое иллюстрируется в (6.234):

(6.234) min [bügen jaŋgɤr **jaw-u**]-dan kurk-a-m.
я сегодня дождь **идти-NMN**-ABL бояться-ST.IPFV-1SG
*Я боюсь, **что** сегодня **будет** дождь.*

Имя действия в вершине сентенциального комплемента получает падеж, задаваемый матричным глаголом: в (6.234) это аблатив, в котором нуждается глагол *kurka* ‘бояться’, в (6.235) — аккузатив при глаголе *belä* ‘знать’.

(6.235) min [ul äni-se-n jarat-u-ɤ]-**n** bel-ä-m.
я он мама-3-OBL.ACC любить-NMN-3-**OBL.ACC** знать-ST.IPFV-1SG
Я знаю, что он любит мать.

Вторая разновидность — номинализации, опирающиеся на причастия, т.е. на глагольные формы, которые в других синтаксических конфигурациях модифицируют существительные (о неоднозначности синтаксического класса таких форм см. 1.2.1.7). Как и в литературном татарском, в мишарском диалекте широко представлены номинализации от перфективного причастия на *-gan*, пример которых показан в (6.236):

(6.236) [fäjmä äbi-neŋ ü-e-n-nän čɤg-ɤ-p kibet-kä
Файма бабушка-GEN дом-3-OBL-ABL выходить-ST-CONV магазин-DAT

taba **kit-kän-e**]-n jaxšɤlap kar-a-p tɤr-dɤ-k.
к **уходить-PFCT-3**-OBL.ACC как.следует смотреть-ST-CONV стоять-PST-1PL
Мы как следует посмотрели {т.е. убедились}*, **что** бабушка Файма вышла из дома и **пошла** в сторону магазина.* (=T4:10)

В мишарском диалекте представлены и номинализации, образованные от футуральных причастий, в частности, причастия на *-ačak*, совпадающего с финитной формой Футурума 2:

(6.237) ul [miŋa irtägä ešl-ä-r-gä jaxšɤ **bul-ačag-ɤ**]-n
он я.DAT завтра работать-ST-POT-INF хорошо **быть-FUT-3**-OBL.ACC

bel-ä.
знать-ST.IPFV
*Он знает, **что** завтра мне **будет** хорошо работаться.*

Номинализации от футуральных причастий на *-r*, упоминаемые в ТГ 1993: 214 и иллюстрируемые в (6.238) из литературного татарского, для исследуемых говоров мишарского диалекта, по-видимому, не характерны.

(6.238) яры-м кем **бул-ы-р-ы-н** бел-м-и-м.
возлюбленный-1SG кто **быть-ST-POT-3-OBL.ACC** знать-NEG-ST.IPFV-1SG
*Я не знаю, кто **станет** моей возлюбленной.*

Носители диалекта воспринимают предложения типа (6.238) как элемент литературного стиля, который в их языковой среде звучит неестественно.

Как и в литературном языке, сентенциальные актанты не образуются с использованием номинализаций на *-u-čɤ*, морфологически идентичных соответствующим причастиям («причастиям настоящего времени» в терминологии ТГ 1993):

(6.239) *[marat(-nɤŋ) **kil-ü-če-se**]-n bel-ä-m.
Марат-GEN **приходить-NMN-PART-3**-OBL.ACC знать-ST.IPFV-1SG
*Я знаю, **что** Марат **идет** || **пришел**.*

Для внутреннего синтаксиса номинализаций существенны по меньшей мере два параметра: наличие лично-числового согласования на номинализованном предикате и морфосинтаксическая реализация его внешнего аргумента. По первому параметру, например, номинализация в (6.234) противопоставлена всем остальным: она имеет форму основного, а не посессивного склонения (см. 1.2.2.1), когда посессивный показатель отсутствует, а падежный показатель присоединяется непосредственно к основе. Номинализации в (6.235)-(6.237), напротив, согласуются по лицу и числу с внешним аргументом.

Второй параметр также принимает два значения. Первую возможность мы видим, в частности, в примерах (6.234)-(6.235): внешний аргумент зависимого предиката представлен в минимальной морфологически маркированной форме, фонологически идентичной номинативу. Другая возможность — генитивное маркирование, которое показано в (6.236), а также в (6.240).

(6.240) [**a-nɤŋ** kaja kit-kän-e]-n pränkä rafig-ɤ kür-e-p
он-GEN куда уходить-PFCT-3-OBL.ACC Пряник Рафик-3 видеть-ST-CONV
kal-a.
оставаться-ST.IPFV
Рафик Пряник видел [= увидев остался]*, куда **она** пошла.* (=T12:4)

Эти параметры, а также целый ряд других характеристик номинализаций (выражение зависимых, согласование имени, порядок слов) освещаются подробно в 6.4.

Оформление сентенциальных комплементов с помощью номинализаций характерно для предикатов самых разнообразных таксономических классов — глаголов речи (*ätjä* ‘говорить’, *sɤrɤj* ‘спрашивать’, *wägdä itä* / *birä* ‘обещать’), мысли и восприятия (*ɤšana* ‘верить’, *ujlɤj* ‘думать’, *belä* ‘знать’, *aŋnɤj* ‘понимать’, *ɤnɤtɤj* ‘забывать’, *xäterli* ‘помнить’, *išitä* ‘слышать (о чем-либо)’, *tɤja* ‘чувствовать’, *ɤšana* ‘верить’, ‘надеяться’, ‘казаться’), эмоций (*kurka* ‘бояться’, *sizä* ‘чувствовать’, *šatlana* ‘радоваться’, *šatlandɤra* ‘радовать’, *ačulana* ‘сердиться’, *ačulandɤra* ‘сердить’, *šakkata* ‘удивляться’, *šakkattɤra* ‘удивлять’, *teli* ‘хотеть’, *ɤšɤj* ‘нравиться’, *tujdɤra* ‘надоедать’, *jarata* ‘любить’), чувственного восприятия (*išitä* ‘слышать’, *kürä* ‘видеть’, *karɤj* ‘смотреть’, *sizä* ‘чувствовать’), а также для модальных и оценочных предикатов (*kiräk* ‘быть нужным’, *awɤr* ‘плохо’, *mexim* ‘быть важным’, *memkin* ‘быть возможным’) и некоторых фазовых глаголов (*beterä* ‘кончать’, *däwäm itä* ‘продолжать’, *tukta* ‘переставать’, *tuktatɤj* ‘переставать’).

6.3.1.3. Инфинитив

Сентенциальные актанты некоторых глаголов могут иметь форму инфинитивной клаузы с инфинитивом на *-r-ga* (см. 1.2.3). Такая конфигурация иллюстрируется в (6.241) с глаголом *kuša* ‘велеть, приказывать’ в главной клаузе.

(6.241) ügi ana žexrä-gä$_i$ [**PRO**$_i$ **tep-sez** **bučkɤ-ga**
чужой мать Зухра-DAT **дно-CAR** **бочка-DAT**

jɤrak čišmä-dän su taš-ɤ-r-ga] kuš-a.
далеко родник-ABL вода таскать-ST-POT-INF велеть-ST.IPFV

*Мачеха велела Зухре **носить воду из дальнего родника в бездонную бочку**.* (ср. T16:7)

В (6.241) именная группа *žexrä-gä* ‘Зухре’ — составляющая главной клаузы. Подлежащее в актантной инфинитивной клаузе не может быть фонологически реализовано, как видно из (6.242). Сравнение (6.242a) с (6.242b), кроме того, показывает, что неграмматичность не имеет отношения к выбору анафорического средства:

(6.242) a. *ügi ana žexrä-gä$_i$ **[a-nɤŋ$_i$ kɤz-ɤ$_j$ || kɤz-ɤ-n-a$_j$ || kɤz-ɤ-n$_j$**
чужой мать Зухра-DAT **он-GEN дочь-3 дочь-3-OBL-DAT дочь-3-OBL.ACC**

su taš-ɤ-r-ga] kuš-a.
вода таскать-ST-POT-INF велеть-ST.IPFV

*Мачеха велела Зухре, чтобы **ее дочь** носила воду.* {a=b}

b. *ügi ana žexrä-gä$_i$ **[üz-e-neŋ$_i$ kɤz-ɤ$_j$ || kɤz-ɤ-n-a$_j$ || kɤz-ɤ-n$_j$**
чужой мать Зухра-DAT **сам-3-GEN дочь-3 дочь-3-OBL-DAT дочь-3-OBL.ACC**

su taš-ɤ-r-ga] kuš-a.
вода таскать-ST-POT-INF велеть-ST.IPFV

В (6.242a-b) делается попытка построить инфинитивную клаузу с собственным поверхностно выраженным подлежащим, и пример показывает неграмматичность такой конфигурации при любом падежном маркировании на соответствующей именной группе и при любом выборе местоимения в позиции генитивного посессора.

Подлежащее актантной инфинитивной клаузы, не будучи фонологически выраженным, должно быть кореферентно одному из актантов глагола в главной предикации. В (6.241) это косвенное дополнение, в (6.243) — подлежащее.

(6.243) (**ul$_i$**) [**PRO$_i$** kɤz-ɤ-n adaš-tɤr-ɤ-r-ga] ujl-ɤj.
он девочка-3-OBL.ACC заблуждаться-CAUS-ST-POT-INF думать-ST.IPFV

Он решил [= подумал] *сделать так, чтобы девочка заблудилась* [= заблудить девочку]. (=T13:10)

Конфигурации в (6.241)-(6.243) представляют собой конструкции с обязательным контролем, которые обсуждаются в теоретической литературе по меньшей мере начиная с Rosembaum 1967. Стандартный анализ этой конструкции состоит в том, что позицию подлежащего в ней занимает не имеющее фонологического содержания местоимение PRO (Chomsky 1981 и последующая литература), которое эксплицитно обозначено в (6.241) и (6.243). PRO имеет антецедент в главной клаузе, находящийся с ним в отношении структурного приоритета[28].

[28] Как и в других языках, в мишарском диалекте при некоторых предикатах, таких, например, как *čakɤra* ‘приглашать’, допускается так называемый расщепленный контроль PRO. В этом случае референт PRO понимается как мереологическая сумма актантов матричного предиката:

(i) marat$_i$ bez-ne$_j$ [PRO$_{j,\ i\oplus j}$ käj eč-ä-r-gä] čakɤr-dɤ.
Марат мы-ACC чай пить-ST-POT-INF приглашать-PST

Марат пригласил нас выпить чаю.

Конструкции с обязательным контролем создают инфинитивные актанты предикатов побуждения (*mäžbür itä* ‘заставлять’, *bɤjɤra* ‘приказывать’), намерения (*tɤrɤša* ‘стараться’, *ašɤga* ‘спешить’, *ǯɤjɤna* ‘собираться’, *äzerlänä* ‘готовиться’, *wägdä itä* / *birä* ‘обещать’), эмоционального отношения (*kurka* ‘бояться’, *teli* ‘хотеть’, *ɤšɤj* ‘нравиться’, *tujdɤra* ‘надоедать’, *jarata* ‘любить’).

Вне конструкций с обязательным контролем, когда инфинитивная клауза занимает, например, позицию подлежащего, используется в качестве целевого придаточного или выступает комплементом существительного, его референция ограничена в значительного меньшей степени. PRO способно, в частности, иметь контекстно-обусловленную референцию или создавать обобщенную интерпретацию. Последний случай иллюстрируется в (6.244), где инфинитивная клауза представляет собой комплемент существительного *wakɤt* ‘время’:

(6.244) awɤl-da [**PRO** pečän čab-a-r-ga] wakɤt ǯit-ä.
деревня-LOC сено косить-ST-POT-INF время достигать-ST.IPFV
В деревне пришло время косить сено. (=T8:2)

Наиболее естественная интерпретация субъекта инфинитивной клаузы — ‘любой человек, к которому может иметь отношение заготовка сена’. О референции PRO в позиции подлежащего инфинитива см. также 6.5.3.2.1.

Инфинитивные клаузы представлены и в конфигурациях, полипредикативный статус которых намного менее очевиден, чем в (6.241)-(6.244). Таковы, в частности, конструкции, состоящие из инфинитива и бытийного глагола, которые в татарском языке выражают широкий спектр модальных значений (см. ТГ 1993: 235-249). Одна из них — с вспомогательным глаголом *bula* ‘быть’ в Претерите и Перфекте — иллюстрируется в (6.245)-(6.246):

(6.245) bez ilwart belän fäjmä äbi-neŋ viktorija-lär-e-n
мы Ильварт с Файма бабушка-GEN виктория-PL-3-OBL.ACC
bas-a-r-ga **bul-dɤ-k**.
грабить-ST-POT-INF **AUX2-PST-1PL**
*Мы с Ильвартом у бабушки Файмы **решили своровать** викторию.* (←T4:9)

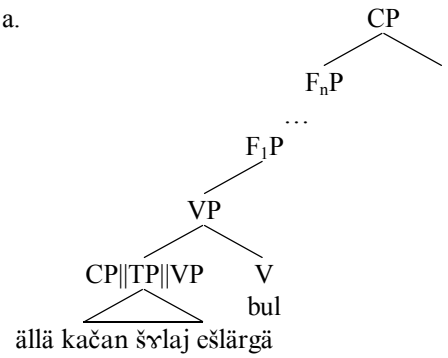
(6.246) ällä kačan šɤlaj **ešl-ä-r-gä** **bul-gan.**
INDEF когда так **делать-ST-POT-INF** **AUX2-PFCT**
***Надо было** давно* [= когда-то] *так **сделать**.* (=T2:35)

Согласно ТГ 1993: 246, эта конструкция «выражает решение совершить действие». Именно это значение мы, по-видимому, наблюдаем в (6.245). Возможно, однако, что эта характеристика не исчерпывает диапазон доступных интерпретаций: (6.246) описывает универсальную модальность с внешнеситуационной модальной базой и фокусным временем в прошлом.

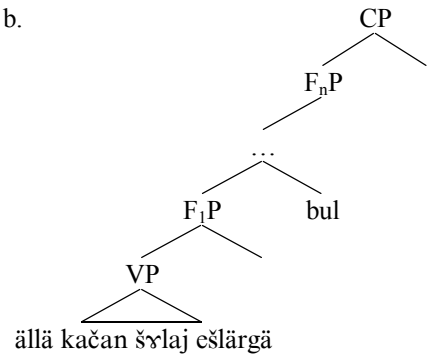
Априорно можно предложить два анализа для таких конструкций. Первый схематически изображен в (6.247a), второй — в (6.247b):

Условия, при которых возникает такая возможность, широко обсуждаются в литературе, однако для наших целей достаточно описательной констатации.

(6.247) a.

b.

Согласно (6.247a), глагол *bula* ‘быть’ в (6.246) и аналогичных предложениях возглавляет собственную лексическую проекцию VP. Главная клауза, соответственно, — это его расширенная проекция. Инфинитивный оборот занимает позицию комплемента *bula* ‘быть’ и представляет собой в большей или меньшей степени развернутую клаузу. (Точный размер этой клаузы может варьировать от VP до CP; установить его исходя из априорных соображений невозможно.) Это полипредикативный анализ.

В отличие от (6.247a), в (6.247b) имеется одна клауза, которая представляет собой расширенную проекцию глагола *ešli* ‘работать, делать’. Вспомогательный глагол занимает позицию в функциональной зоне этой клаузы, то есть выступает морфологической реализацией некоторой грамматической морфемы с модальным значением. Это монопредикативный анализ.

Те же две возможности возникают и применительно к инфинитивным оборотам в (6.248)-(6.249):

(6.248) čalgɤ-sɤ-n kajr-ɤj da
коса-3-OBL.ACC точить-ST.IPFV EMPH

[pečän **čab-a-r-ga**] **kereš-ä.**
сено **косить-ST-POT-INF** **начинать-ST.IPFV**

*(Она) наточила свою косу и **стала косить** сено.* (=T8:8)

(6.249) [pečän **čab-a-r-ga**] sez-gä **kiräk**.
сено **косить-ST-POT-INF** вы-DAT **быть.нужным**

*Вам **нужно косить** сено.*

В (6.248) инфинитивная составляющая соединяется с фазовым глаголом ‘начинать’, а в (6.248) — с модальным словом *kiräk* ‘быть нужным’. И в том и в другом случае статус этой составляющей в составе более развернутой конфигурации отнюдь не очевиден, так что гипотеза в духе (6.247a) имеет такое же право на существование, как и гипотеза в духе (6.247b).

Вопрос о том, какой анализ верен для мишарского диалекта, требует дальнейшего изучения и в этом разделе останется без ответа. Отметим, во всяком случае, что содержательно близкий вопрос возникает при анализе сериальных конструкций, которые обсуждаются в 5.3.1, где предъявляются аргументы в пользу монопредикативной / моноклаузальной трактовки.

Полипредикативный анализ допускает еще две возможности, выбор которых зависит от того, что представляет собой именная группа в главной клаузе, которая обозначает участника ситуации, описываемой зависимой клаузой. В (6.245), например, это именная группа ‘мы с Ильвартом’, а в (6.249) — ‘вам’. Выбор определяется альтернативами в (6.250a-b):

(6.250) a. Эта именная группа — аргумент глагола главной клаузы.
b. Эта именная группа — аргумент глагола зависимой клаузы.

Если верно (6.250a), именная группа порождается как составляющая главной клаузы. Естественно предположить, что инфинитивный оборот в таком случае устроен так же, как в конструкциях с обязательным контролем, то есть содержит в позиции подлежащего местоимение PRO. Это показано в (6.251), где PRO коиндексировано с дативной именной группой главной клаузы:

(6.251) [**PRO**$_i$ pečän čab-a-r-ga] **sez-gä**$_i$ kiräk.
сено косить-ST-POT-INF **вы-DAT** быть.нужным
Вам *нужно косить сено.*

Во втором случае именная группа порождается внутри инфинитивной клаузы и попадает в главную клаузу посредством передвижения. Это так называемый анализ с подъемом. В (6.252) показано передвижение из позиции подлежащего зависимой клаузы (хотя возможно, что исходная позиция передвигающейся именной группы расположена еще глубже в зависимой клаузе):

(6.252) [**t**$_i$ pečän čab-a-r-ga] **sez-gä**$_i$ kiräk.
сено косить-ST-POT-INF **вы-DAT** быть.нужным
Вам *нужно косить сено.*

Фактором, вызывающим такое передвижение, может быть, например, невозможность получить структурный падеж внутри зависимой клаузы: у целого ряда нефинитных предикаций, в том числе у инфинитивных оборотов, падеж не доступен в позиции подлежащего.

Отметим, что семантически предложения типа (6.248)-(6.249) совместимы с обоими вариантами анализа. При анализе с контролем именная группа, порождаемая в главной клаузе, по необходимости выступает актантом предиката главной клаузы и состоит с ним в тематическом отношении. (6.248)-(6.249) в этом случае интерпретируются соответственно как ‘Она сделала так, чтобы возникла ситуация ‘Она косит сено’’ и ‘У вас есть необходимость, чтобы вы косили сено’. При анализе с подъемом у фазового и модального предикатов есть только валентность на сентенциальный актант, а именная группа — это актант зависимого предиката: ‘Ситуация ‘она косит сено’ начала иметь место’ и ‘Есть необходимость, чтобы вы косили сено’.

За неимением решающих эмпирических данных мы оставляем открытыми обе возможности. Заметим в завершение, что выбор между анализом с контролем и анализом с подъемом при монопредикативном анализе в (6.247b) нерелевантен. При таком анализе вспомогательный или модальный глагол рассматривается как грамматическая морфема, которая тем самым не может иметь собственную аргументную структуру.

6.3.1.4. Деепричастия

Такое же разнообразие теоретических возможностей открывается и при анализе деепричастных конструкций, одна из которых — с имперфективным деепричастием и фазовым глаголом *bašlɤj* ‘начинать’ — показана в (6.253):

(6.253) ügi kɤz äbi belän **tɤr-a** **bašl-ɤj**.
чужой девочка бабка с **стоять-ST.IPFV** **начинать-ST.IPFV**
*Падчерица **начала жить** с бабушкой.* (=T13:38)

В (6.254)–(6.255) иллюстрируется другая возможность — с деепричастием на *-p* и фазовыми глаголами *beterä* ‘заканчивать’ и *tuktɤj* ‘переставать’.

(6.254) min pečän **čab-ɤ-p** **beter-ä-m**.
я сено **косить-ST-CONV** **заканчивать-ST.IPFV-1.SG**
*Я **заканчиваю косить** сено.*

(6.255) marat **ǯɤrl-a-p** **tukt-a-dɤ**.
Марат **петь-ST-CONV** **переставать-ST-PST**
*Марат **перестал петь**.*

Если анализировать (6.254)-(6.255) как полипредикативную конструкцию, то главная предикация в ней — это проекция фазового глагола, а зависимая представляет собой деепричастную клаузу соответственно с имперфективным деепричастием от глагола *tɤra* ‘стоять, вставать’ и деепричастиями на *-p* от глаголов *čaba* ‘косить’ и *ǯirlɤj* ‘петь’.

При таком анализе, как и в случае с инфинитивными клаузами, требуется установить, являются ли рассматриваемые конфигурации конструкциями с контролем или с подъемом. Два анализа для (6.254) показаны в (6.256a-b):

(6.256) a. **min**$_i$ [**PRO**$_i$ pečän čab-ɤ-p] beter-ä-m.
я сено косить-ST-CONV заканчивать-ST.IPFV-1.SG
***Я** заканчиваю косить сено.* {a=b}

b. **min**$_i$ [**t**$_i$ pečän čab-ɤ-p] beter-ä-m.
я сено косить-ST-CONV заканчивать-ST.IPFV-1.SG

В этом конкретном случае есть аргумент в пользу (6.256a). Глагол *beterä* ‘заканчивать’ представляет собой каузатив глагола *betä* ‘заканчиваться’. Соответственно, внешний аргумент главной предикации *min* ‘я’ — это аргумент каузативной морфемы (о возможных способах анализа каузатива см. 3.3.2). Каузативная морфема очевидно находится в главной клаузе, ее аргумент, соответственно, создается там же, что позволяет исключить вариант (6.256b).

Ничто, однако, не исключает такой же вариант для двух других глаголов в (6.253) и (6.255), не содержащих в себе деривационных морфем, аргументами которых могло бы выступать подлежащее главной клаузы. А является ли подлежащее аргументом фазового глагола или аргументом зависимого деепричастия, примеры типа (6.253) и (6.255) не показывают.

Примерно таков диапазон аналитических возможностей, возникающих при полипредикативном анализе предложений типа (6.253)-(6.255). Есть, однако, и альтернатива: моноклаузальный анализ, по существу такой же, как моноклаузальный анализ для инфи-

нитивных оборотов в (6.247b). В этом случае (6.254)-(6.255) представляют собой разновидности конструкций со вспомогательными глаголами, или сериализованных конструкций, которые подробно обсуждаются в 5.3. Вспомогательные глаголы в таких конструкциях размещаются в функциональных проекциях клаузы, которую проецирует смысловой глагол. По существу, они представляют собой неаффиксальные грамматические элементы, не имеющие собственной аргументной структуры. Предложения типа (6.254)-(6.255) структурно сближаются с КВГ типа (6.257)-(6.258), в которых вспомогательные глаголы отвечают соответственно за семантические элементы ‘вдруг’ и ‘попытался’.

(6.257) marat išek-ne **ač-ɤ-p** **kuj-dɤ**.
Марат дверь-ACC **открывать-ST-CONV** **ставить-PST**
*Марат **вдруг открыл** дверь.*

(6.258) ruslan samat-tan alma-nɤ **aš-a-t-ɤ-p** **bak-tɤ**.
Руслан Самат-ABL яблоко-ACC **есть-ST-CAUS-ST-CONV** **смотреть-PST**
*Руслан **попытался накормить** Самата яблоком.*

Монопредикативный анализ для (6.254)-(6.255) выглядит правдоподобно, учитывая их морфологический параллелизм с (6.257)-(6.258). Однако решающих эмпирических аргументов против полипредикативного анализа у нас нет, так что вопрос остается открытым для дальнейших исследований.

6.3.1.5. Инфинитив 2, дезидеративы и облигатив

Глаголы желания *keli* ‘хотеть’, *teli* ‘хотеть’, *kilä* ‘приходить, хотеть’ характеризуются тем, что их актанты — единственный синтаксический контекст, в котором обнаруживаются две глагольные формы, которые в этом описании называются инфинитивом 2 и дезидеративом 2.

Дезидератив 2 образуется с помощью атрибутивного показателя *-gɤ;* инфинитив 2 — с помощью показателя *-ma*, который в ТГ 1993: 232 охарактеризован как «диалектная форма инфинитива на *-мак*» (а последний — как «отжившая форма»). Л.Т. Махмутова описывает обе формы в комбинации с глаголом *keli* ‘хотеть’ как основные модальные конструкции со значением желания и намерения (Махмутова 1978: 172 *et seq.*) в мишарском диалекте. Примеры этих форм показаны в (6.259)-(6.260):

(6.259) a-lar-nɤŋ tɤŋ tɤŋn-a-r-ga täräzä teb-e-n-ä
он-PL-GEN дыхание слушать-ST-POT-INF окно под-ST-OBL-DAT

bar-gɤ-lar-ɤ kel-i.
идти-ATR-PL-3 хотеть-ST.IPFV
*Они хотели **пойти** подслушивать* [= дыхание слушать] *под окном.* (=T9:6)

(6.260) marat **bar-ma** kel-i.
Марат **идти-INF2** хотеть-ST.IPFV
*Марат хочет **уйти**.*

Синтаксис обеих конструкций требует дополнительного изучения. Можно отметить, однако, три критически важных различия между ними.

Во-первых, согласование с внешним аргументом (именной группой, обозначающей экспериенцера, индивида, который испытывает желание) в первом случае реализуется на зависимом предикате, а во втором — на глаголе ‘хотеть’. Согласование зависимого предиката по лицу и числу видно в (6.259); согласование глагола ‘хотеть’ — в (6.261):

(6.261) min bar-ma kel-i-**men**.
я идти-INF2 хотеть-ST.IPFV-**1SG**
Я хочу пойти.

Альтернативные варианты согласования невозможны, причем независимо от выбора варианта согласовательного показателя:

(6.262) *minem bar-gɤ kel-i-**men**.
я.GEN идти-ATR хотеть-ST.IPFV-**1SG**
Я хочу пойти.

(6.263) *min bar-ma-**m** ‖ bar-ma-**mɤn** kel-i.
я уходить-INF2-**1SG** уходить-INF2-**1SG** хотеть-ST.IPFV
Я хочу пойти.

В (6.262) представлен единственно возможный согласовательный показатель первого лица единственного числа полной серии (см. 1.2.1.5). В (6.263), поскольку категориальный статус формы *barma* не ясен, приведены все возможности. Вариант *-m* соответствует именному согласовательному показателю 1SG, а также глагольному показателю усеченной серии. Вариант *-men*, как и в (6.262), — это глагольный показатель полной серии.

Во-вторых, согласование в случае с конструкцией в (6.261) — это глагольное согласование, тогда как в (6.259) представлено именное. Форма третьего лица множественного числа *-lar-ɤ*, состоящая из показателя множественного числа *-lar* и показателя третьего лица *-ɤ*, возможна только у имен. Напротив, глагольная форма полной серии первого лица единственного числа, которую мы видим в (6.261), допускается только у глаголов. (Инвентари согласовательных показателей приводятся в 1.2.1.5 и 1.2.2.1.)

В-третьих, внешний аргумент в (6.260) реализуется номинативом, а в (6.259) — генитивом. Иное падежное кодирование ведет к неграмматичности:

(6.264) ??**a-lar** bar-gɤ-lar-ɤ … kel-i.
он-PL идти-ATR-PL-3 хотеть-ST.IPFV
***Они** хотели пойти…*

(6.265) ***mara-nɤŋ** bar-ma kel-i.
Марат-GEN уходить-INF2 хотеть-ST.IPFV
***Марат** хочет пойти.*

Эти наблюдения указывают, по-видимому, на то, что форма дезидератива 2 представляет собой номинализацию. Как обсуждается в 6.4.3, для номинализаций весьма характерна дистрибуция, которую показывают примеры в (6.259), (6.262) и (6.264): субъект номинализации в генитиве, именное согласование на номинализованном предикате, неспособность актантов номинализации контролировать согласование предиката главной клаузы. Если это верно, генитивная именная группа не является составляющей главной клаузы. Тогда отсутствие согласования на предикате главной клаузы следует

из того, что в ней нет синтаксически реализованного контролера согласования. Тем не менее конструкция нуждается в дополнительном изучении. Примеры типа (6.259) мало что говорят об актантной структуре глагола *keli* ‘хотеть’: если семантически он представляет собой двухместный предикат, то как реализуется его внешний аргумент — экспериенцер? Если генитивная именная группа — это актант номинализации, почему она интерпретируется как экспериенцер *keli* ‘хотеть’? А если, вопреки предыдущему предположению, она представляет собой аргумент *keli* ‘хотеть’ и составляющую главной клаузы, как объяснить генитивное маркирование?

Если продолжать эту же линию рассуждений, то инфинитив 2, по-видимому, следует признать конструкцией с совершенно иной структурой — аналогичной тем, которую имеют инфинитивные клаузы, обсуждавшиеся выше. Согласование с именной группой в номинативе и ее интерпретация как экспериенцера подталкивает нас к анализу ее как составляющей главной клаузы. У инфинитива 2 можно в таком случае предполагать структуру с контролем, аналогичную структуре инфинитивного оборота.

Сентенциальный актант при глаголах желания возможен также в форме облигатива. Как и в случае дезидератива 2 и инфинитива 2, это единственный класс глаголов с валентностью на пропозицию, у которых облигатив допускается в качестве вершины сентенциального актанта. Облигатив иллюстрируется текстовыми примерами (6.266)-(6.268):

(6.266) üz kɤz-ɤ-n da šulaj baj **kür-ä-se** kel-i.
сам девочка-3-OBL.ACC EMPH так богатый **видеть-ST-OBG** хотеть-ST.IPFV
Она [= сама] *захотела* ***увидеть*** *свою дочь такой (же) богатой.* (=T13:59)

(6.267) šɤ-nɤ siŋa da **ät-ä-se-m** kel-ä-de.
этот-ACC ты.DAT EMPH **говорить-ST-OBG-1SG** хотеть-ST-PST
Я хотела и тебе это ***рассказать****.*

(6.268) sineŋ patša ukaz-ɤ-n **üt-ä-se-ŋ** kel-ä-m-i.
ты.GEN царь указ-3-OBL.ACC **исполнять-ST-OBG-2SG** хотеть-ST-NEG-ST.IPFV
Ты не хочешь ***исполнять*** *царский указ.* (=T14:13)

В этих примерах обращает на себя внимание параллелизм характеристик облигатива и дезидератива 2. В (6.267)-(6.268) мы видим лично-числовое согласование на облигативе, а не на вершине главной клаузы. Заменив единственное число на множественное в (6.269), мы можем убедиться, что это именной согласовательный показатель:

(6.269) šɤ-nɤ siŋa da **ät-ä-se-bez** || ***ät-ä-se-k** kel-ä-de.
этот-ACC ты.DAT EMPH **говорить-ST-OBG-1PL** **говорить-ST-OBG-1PL** хотеть-ST-PST
Мы хотели и тебе это ***рассказать****.*

Кроме того, (6.268) показывает субъект в генитиве, а не в номинативе. Соответственно, набор аналитических возможностей и круг вопросов, которые возникают в связи с дезидеративом 2, распространяются и на облигатив. В частности, если допустить, что облигатив *üt-ä-se-ŋ* ‘исполнять’ в (6.268) образует номинализованную составляющую, содержащую в себе генитивную группу *sineŋ* ‘тебя’, требуется понять, как обеспечивается интерпретация этой группы в качестве экспериенцера при глаголе ‘хотеть’.

Важное отличие облигатива от дезидератива 2 состоит в том, что его дистрибуция не ограничивается позицией комплемента при предикатах желания. Он допускается также

в составе конструкции с бытийными глаголами *bula* ‘быть’ и *i-* ‘быть’. Такие конфигурации имеют модальное прочтение — с универсальной модальностью (‘долженствование’) и широким спектром модальных баз (см. Kratzer 2012 и цитируемую там литературу). Два примера показаны в (6.270a-b):

(6.270) a. minem selsavet-ka **bar-a-sɤ-m** **bul-a**.
я.GEN сельсовет-DAT **идти-ST-OBG-1SG** **AUX2-ST.IPFV**
*Я **должен идти** в сельсовет.*

b. miɲa kibet-kä **bar-a-sɤ** **bul-a**.
я.DAT магазин-DAT **идти-ST-OBG** **AUX2-ST.IPFV**
*Мне **надо идти** в магазин.*

Структура этих конструкций требует дополнительного изучения. Как и в случае с деепричастиями и инфинитивами, необходимо установить, имеем ли мы дело с монопредикативной или полипредикативной конфигурацией. Дело дополнительно осложняется тем, что в (6.270a) представлена генитивная именная группа, вызывающая согласование на облигативной глагольной форме, а в (6.270b) — дативная группа, которая не согласуется. Весьма вероятно, таким образом, что (6.270a) и (6.270b) принципиально различны с точки зрения аргументной структуры и полипредикативности. Не имея более полного материала, однако, мы воздержимся от спекулятивных рассуждений.

Последняя конструкция, обсуждаемая в этом разделе, — конструкция с дезидеративом, образующимся с помощью сложного показателя *-mak-čɤ*. Он состоит из аффикса *-mak*, который не представлен в других частях мишарской глагольной системы, и показателя *-čɤ*, который образует еще ряд причастий и деепричастий, а также используется при адъективизации и адвербиализации неглагольных единиц. Текстовые примеры показаны в (6.271)-(6.272):

(6.271) nikʲax **uk-ɤ-t-mak-čɤ** bul-a-lar.
никах **читать-ST-CAUS-DESID-PART** AUX2-ST.IPFV-PL
*(Они) собирались **прочитать** никах.* (=T10:4)

(6.272) jeget a-nɤ šɤrpɤ al-ɤ-p **kabɤz-mak-čɤ** i-de.
парень этот-ACC спичка брать-ST-CONV **зажигать-DESID-PART** AUX1-PST
Парень, взяв спичку, хотел ее {т.е. сигарету} ***зажечь***.

Как и в других случаях, обсуждавшихся в этом разделе, полный анализ конструкции должен включать обобщения о статусе бытийного глагола (лексический vs. вспомогательный) и, соответственно, о полипредикативности представленных здесь конфигураций. При выборе полипредикативного анализа необходимо установить, как связаны позиции субъекта главной и зависимой клаузы (контроль vs. подъем). Мы не пытаемся ответить на эти вопросы в рамках излагаемого в этой книге исследования и переходим к основному сюжету раздела 6.3 — конструкциям с финитным сентенциальным дополнением.

6.3.2. Финитные сентенциальные дополнения

В этом разделе рассматриваются синтаксические и семантические особенности финитных клауз, функционирующих как сентенциальные дополнения (придаточные изъяснительные),

вводимых подчинительным союзом *di(je)p*, в составе сложного предложения. Важнейшая особенность синтаксиса таких клауз — возможность падежного оформления подлежащего не только номинативом, но и аккузативом (в отсутствие глагольного согласования). С точки зрения семантики интерес представляет возможность «индексикального сдвига» (indexical shift) нулевых личных местоимений, когда местоимения первого лица отсылают не к говорящему, а к подлежащему матричной клаузы, а местоимения второго лица — к его адресату (если он имеется). С индексикальным сдвигом, по-видимому, связаны описанные в Ханина 2007 факты «рассогласования» номинативных подлежащих и их сказуемых в подчиненных клаузах.

В 6.3.2.1 подробно рассматривается вопрос о синтаксической позиции аккузативных подлежащих и их семантической роли. В разделе 6.3.2.2 приводятся данные, касающиеся интерпретации местоимений, а затем предлагается анализ индексикального сдвига нулевых местоимений в терминах операторов-«монстров», объясняющий синтаксические ограничения на сдвиг и факты «рассогласования».

6.3.2.1. Синтаксис финитных сентенциальных дополнений

Как обсуждается в 6.3.1.1, финитные сентенциальные дополнения в мишарском диалекте вводятся подчинительным союзом *di(je)p* (исходно конверб глагола *di* ‘говорить’), находящимся в постпозиции к материалу вводимой им финитной клаузы:

(6.273) marat [min alsu-nɤ sej-ä-m **dijep**] ujl-ɤj.
Марат я Алсу-ACC любить-ST.IPFV-1SG **SUB** думать-ST.IPFV
Марат думает, что я люблю Алсу.

Исходная позиция для финитного сентенциального дополнения с союзом *di(je)p* — это позиция комплемента предиката пропозициональной установки. При этом допускается как его вынос влево, как в (6.274), так и экстрапозиция вправо, как в (6.275). Некоторые носители находят порядок слов в таких предложениях маркированным.

(6.274) [min alsu-nɤ sej-ä-m **dijep**] marat ujl-ɤj.
я Алсу-ACC любить-ST.IPFV-1SG **SUB** Марат думать- ST.IPFV
Марат думает, что я люблю Алсу.

(6.275) marat ujl-ɤj [min alsu-nɤ sej-ä-m **dijep**].
Марат думать-ST.IPFV я Алсу-ACC любить-ST.IPFV-1SG **SUB**
Марат думает, что я люблю Алсу.

Подчинительный союз *di(je)p* в исследуемом говоре может опускаться, а при глаголе *di* ‘говорить’ явный союз вовсе не употребляется.

(6.276) min alsu kit-te (**dijep**) at_j-tɤ-m.
я Алсу уходить-PST **SUB** говорить-PST-1SG
Я рассказал, что Алсу ушла.

(6.277) min alsu kit-te (* **dijep**) di-de-m.
я Алсу уходить-PST **SUB** говорить-PST-1SG
Я сказал, что Алсу ушла.

С точки зрения внутреннего синтаксиса зависимые финитные клаузы устроены так же, как независимые. Есть, однако, одна интересная особенность, распространенная в тюркских языках в целом (например, в турецком, см. Kornfilt 1977, якутском, см. Baker, Vinokurova 2010, уйгурском, см. Shklovsky, Sudo 2014): подлежащие финитных сентенциальных дополнений, вводимых союзом *di(je)p*, могут оформляться как номинативом, так и аккузативом:

(6.278) min **marat** || **marat-nɤ** kil-de dijep at_j-tɤ-m.
я **Марат** **Марат-ACC** приходить-PST SUB говорить-PST-1SG
*Я сказал, что **Марат** пришел.*

В отсутствие эксплицитно выраженного союза употребление аккузатива возможно только с глаголом *di* ‘говорить’:

(6.279) min **marat** || ***marat-nɤ** kil-de at_j-tɤ-m.
я **Марат** **Марат-ACC** приходить-PST говорить-PST-1SG
*Я сказал, что **Марат** пришел.*

(6.280) min **marat** || **marat-nɤ** kil-de di-de-m.
я **Марат** **Марат-ACC** приходить-PST говорить-PST-1SG
*Я сказал, что **Марат** пришел.*

Следует отметить, что говорить об аккузативной именной группе в примерах вроде (6.278) как о подлежащем можно лишь с определенной долей условности, так как для определения ее синтаксического статуса (позиции относительно номинативных подлежащих, принадлежности к матричной или зависимой клаузе, семантической роли) требуется проведение ряда специальных диагностик. Ниже будет показано, что синтаксический статус таких аккузативных именных групп может варьировать по идиолектам носителей и, возможно, по говорам мишарского диалекта. Этот раздел опирается на данные, полученные в сергачском говоре (с. Большое Рыбушкино Краснооктябрьского района Нижегородской области) и чистопольском говоре (с. Кутлушкино Чистопольского района Республики Татарстан).

6.3.2.1.1. Синтаксическая позиция «аккузативных подлежащих». Во многих случаях (например, в предложении (6.278)) не представляется возможным определить, находится ли «аккузативное подлежащее» в главной или зависимой клаузе. Можно показать, что аккузативное подлежащее может оказываться в главной клаузе, однако это скорее свидетельствует о возможности передвижения (скрэмблинга) в некоторую позицию в главной клаузе, а не о том, что аккузативный аргумент порождается (то есть имеет исходную позицию) именно там. Рассмотрим (6.281):

(6.281) min **alsu-nɤ** marat-ka kit-te dijep at_j-tɤ-m.
я **Алсу-ACC** Марат-DAT уходить-PST SUB говорить-PST-1SG
*Я рассказал Марату, что **Алсу** ушла.*

В (6.281) аккузативный аргумент отделен от материала зависимой клаузы непрямым дополнением. Это показывает, что в поверхностной синтаксической структуре он находится в составе главной клаузы. В то же время исходная позиция аккузативного аргумента,

по-видимому, ниже в синтаксической структуре. В (6.282) аккузативный аргумент не предшествует непрямому дополнению, а следует за ним.

(6.282) min marat-ka **alsu-nɤ** kit-te dijep at_j-tɤ-m.
я Марат-DAT **Алсу-ACC** приходить-PST SUB говорить-PST-1SG
*Я рассказал Марату, что **Алсу** ушла.*

Для (6.282) представима как структура, в которой аккузативный аргумент находится в составе зависимой клаузы, так и структура, в которой он располагается в главной клаузе. Заметим, что для номинативных подлежащих финитных сентенциальных дополнений позиция в главной клаузе невозможна. (6.283b) показывает, что они бесспорно принадлежат зависимой клаузе и не обладают тем потенциалом скрэмблинга, который есть у аккузативных аргументов.

(6.283) a. min marat-ka **alsu** kit-te dijep at_j-tɤ-m.
я Марат-DAT **Алсу** уходить-PST SUB говорить-PST-1SG
*Я рассказал Марату, что **Алсу** ушла.* {a=b}

b. *min **alsu** marat-ka kit-te dijep at_j-tɤ-m.
я **Алсу** Марат-DAT уходить-PST SUB говорить-PST-1SG

Если аккузативные аргументы порождаются в главной клаузе, их исходная позиция, таким образом, будет структурно выше позиции номинативных подлежащих финитных сентенциальных дополнений, которые порождаются внутри зависимой клаузы. Однако даже если принять вариант анализа, согласно которому аккузативные аргументы, как и номинативные, порождаются внутри зависимой клаузы, все равно можно показать, что позиция аккузативных аргументов структурно выше позиции номинативных.

Одна из диагностик связана с положением номинативных и аккузативных аргументов относительно обстоятельств — модификаторов зависимой клаузы. В общем случае такие обстоятельства могут располагаться слева или справа как от номинативных, так и от аккузативных аргументов.

(6.284) a. alsu **irtägä** marat || marat-nɤ kit-ä-r dijep kurk-a.
Алсу **завтра** Марат Марат-ACC уходить-ST-POT SUB бояться-ST.IPFV
*Алсу боится, что Марат **завтра** уедет.* {a=b}

b. alsu marat || marat-nɤ **irtägä** kit-ä-r dijep kurk-a.
Алсу Марат Марат-ACC **завтра** уходить-ST-POT SUB бояться-ST.IPFV

Однако есть и обстоятельства, позиция которых позволяет выявить асимметрию между номинативными и аккузативными аргументами. Наречия отрицательной полярности, лицензирующиеся сентенциальным отрицанием в зависимой клаузе, могут предшествовать номинативным, но не аккузативным аргументам. Это видно из сравнения примеров (6.285) и (6.286).

(6.285) marat alsu(-***nɤ***) **berkajčan** **da** kil-m-ä-s
Марат Алсу(-***ACC***) **никогда** **EMPH** приходить-NEG-ST-POT
dijep kurk-a.
SUB бояться-ST.IPFV
*Марат боится, что Алсу **никогда** не придет.*

(6.286) marat **berkajčan** **da** alsu(*-***ny**) kil-m-ä-s
Марат **никогда** **EMPH** Алсу(*-***ACC**) приходить-NEG-ST-POT

dijep kurk-a.
SUB бояться-ST.IPFV

Марат боится, что Алсу ***никогда*** *не придет.*

Если признать, что отрицательные местоимения должны состоять с сентенциальным отрицанием в одной локальной синтаксической области[29], то возможность их расположения слева от номинативных, но не от аккузативных подлежащих свидетельствует о том, что аккузативные подлежащие располагаются ближе к границе этой области, чем номинативные, то есть, выше в синтаксической структуре.

Также в пользу структурно более высокой позиции аккузативных аргументов говорит невозможность кореферентности подлежащего матричной клаузы и нерефлексивных местоимений в качестве аккузативных, но не в качестве номинативных аргументов:

(6.287) marat **a-ny** kil-de dijep at_j-tɤ.
Марат **он-ACC** приходить SUB говорить-PST

Марат$_i$ рассказал, что ***он***$_{j,*i}$ *пришел || она$_j$ пришла.*

(6.288) marat **ul** kil-de dijep at_j-tɤ.
Марат **он** приходить-PST SUB говорить-PST

Марат$_i$ рассказал, что ***он***$_{i,j}$ *пришел || она$_j$ пришла.*

В предложении (6.287) в качестве аккузативного аргумента употреблено нерефлексивное местоимение третьего лица. То, что оно не может быть кореферентно подлежащему матричной клаузы, может свидетельствовать о том, что они находятся в одной локальной области[30] (см. Принцип B теории связывания Chomsky 1981). Причина, по которой мат-

[29] Об этом свидетельствует, например, невозможность употребления отрицательных местоимений в главной клаузе, когда сентенциальное отрицание есть только в зависимой. Предложение (i) с отрицательным местоимением — непрямым дополнением матричного глагола неграмматично в отсутствие отрицания в главной клаузе:

(i) min berkem-gä da [sineŋ brat-ɤŋ kil-m-ä-de
я никто-DAT EMPH ты.GEN брат-2SG приходить-NEG-ST-PST

dijep] at_j*(-m-a)-dɤ-m.
SUB говорить-NEG-ST-PST-1SG

Я никому не говорил, что твой брат не приехал.

Если бы лицензирование отрицательных местоимений не подчинялось ограничениям на локальность, можно было бы ожидать, что наличие отрицания в зависимой клаузе будет достаточным условием для лицензирования отрицательного местоимения, однако это не так, как видно благодаря примеру (i).

[30] В общем случае такие местоимения в мишарском диалекте не связываются локальным подлежащим, но могут быть связаны нелокально. Например, в предложении (i) антецедентом местоимения *anɤ* в зависимой клаузе не может быть коаргумент-подлежащее *alsu,* но может быть подлежащее главной клаузы *marat*.

(i) marat [alsu a-nɤ sej-ä dijep] at_j-tɤ.
Марат Алсу он-ACC любить-ST.IPFV SUB говорить-PST

Марат$_i$ рассказал, что Алсу$_j$ его$_{i,k}$ || ее$_{k,*j}$ любит.

ричным подлежащим может быть связан номинативный аргумент в (6.287), судя по всему, в том, что он не входит в одну локальную область с матричным подлежащим.

Таким образом, употребление анафорических местоимений также позволяет сделать вывод о том, что аккузативный аргумент находится выше номинативного в синтаксической структуре. Еще один факт, свидетельствующий о приоритетной позиции аккузативного подлежащего, — возможность употребления аккузативного аргумента вместе с номинативным, как в предложении (6.289). Такая возможность зафиксирована у всех опрошенных носителей исследуемого идиома сергачского говора (с. Большое Рыбушкино) и у некоторых носителей идиома чистопольского говора (с. Кутлушкино).

(6.289) min **marat-nɤ** ***ul*** kil-de dijep at_j-tɤ-m.
я **Марат-ACC** ***он*** приходить-PST SUB говорить-PST-1SG
*Я сказал, что **Марат** пришел.*

Номинативная группа в такой конструкции не обязательно выражается местоимением. Это может быть и полная именная группа, как в (6.290), причем необязательно кореферентная аккузативному аргументу, как в (6.291).

(6.290) min **marat-nɤ** ***bu*** ***malaj*** kil-de dijep at_j-tɤ-m.
я **Марат-ACC** ***этот*** ***мальчик*** приходить-PST SUB говорить-PST-1SG
Я сказал про Марата: этот мальчик пришел.

(6.291) min **marat-nɤ** alsu **a-nɤ** kür-de dijep at_j-tɤ-m.
я **Марат-ACC** Алсу **он-ACC** видеть-PST SUB говорить-PST-1SG
*Я сказал про **Марата**$_i$, что Алсу **его**$_{i,j}$ видела.*

Само по себе совместное употребление аккузативной и номинативной именных групп говорит о том, что они занимают разные позиции в синтаксической структуре, а то, что аккузативная ИГ при этом предшествует номинативной, учитывая общее левое ветвление в языке, может говорить о том, что аккузативная ИГ находится в структуре выше номинативной.

Несмотря на приведенные выше факты, делать вывод о том, что аккузативные аргументы всегда принадлежат не зависимой, а матричной клаузе, было бы преждевременно, тем более, что есть и свидетельства в пользу нахождения аккузативных аргументов в зависимой клаузе.

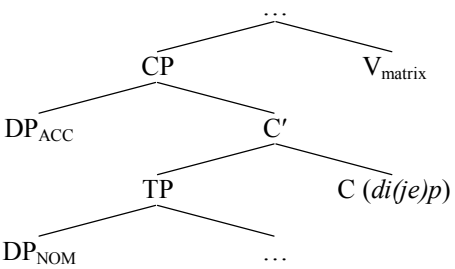
Одно из таких свидетельств состоит в том, что аккузативными аргументами могут становиться отрицательные местоимения, локально лицензирующиеся отрицанием в зависимой клаузе, как в (6.292). Некоторые носители, впрочем, предпочитают конструкцию с номинативной именной группой.

(6.292) alsu **berkem(-ne)** **dä** kit-***m***-ä-de dijep at_j-tɤ.
Алсу **никто(-ACC)** **EMPH** уходить-***NEG***-ST-PST SUB говорить-PST
*Алсу сказала, что **никто не** ушел.*

Получается, что несмотря на то, что выражения отрицательной полярности, лицензированные отрицанием в зависимой клаузе, не могут располагаться левее аккузативных аргументов (см. (6.286)), сами эти аргументы могут занимать эту позицию, как видно из (6.292). Это может свидетельствовать о позиции аккузативных аргументов на крайней

левой периферии зависимой клаузы. Если считать, что подчинительный союз *di(je)p* — это комплементайзер, то есть представитель функциональной категории C, то это может быть позиция спецификатора группы комплементайзера, Spec, CP (от англ. Complementizer Phrase, — группа комплементайзера):

(6.293)

Такая периферийная позиция объясняла бы двойственность поведения аккузативных аргументов: с одной стороны, они находятся в локальной области отрицания в зависимой клаузе, а с другой стороны — в локальной области связывания, включающей в себя материал главной, но не зависимой клаузы[31].

В пользу тесной связи между комплементайзером *di(je)p* и аккузативными аргументами говорит и то, что наличие выраженного комплементайзера — необходимое условие для аккузативного оформления подлежащего. Напомним, что в отсутствие выраженного комплементайзера подлежащее должно быть оформлено номинативом (см. (6.279)), кроме случаев прямого подчинения матричному глаголу *di*, как в (6.280).

Косвенным свидетельством порождения аккузативных аргументов в составе зависимой клаузы может быть и то, что аккузативные аргументы могут интерпретироваться *de dicto* в сфере действия предикатов пропозициональной установки.

Поскольку предикаты пропозициональной установки выражены глаголами, подчиняющими зависимые клаузы, относящиеся к фразовой категории CP, естественно предположить, что интерпретация именной группы в сфере действия таких предикатов — это интерпретация этой группы в позиции внутри зависимой клаузы.

(6.294) Контекст: Марату сказали, что один из моих братьев живет в Москве. Он думает, что речь идет о Ришате или Ильнуре. На самом деле Ришат и Ильнур мне не братья, а мой единственный брат живет в Переславле-Залесском, а не в Москве.

ä	läkin	marat	[minem	ber	brat-ɤm-nɤ]	mäskäwčä
а	однако	Марат	я.GEN	один	брат-1SG-ACC	москвич

dijep	ujl-ɤj.
SUB	думать-ST.IPFV

Но Марат думает, что один из моих братьев — москвич.

В приведенном контексте человек, о котором думает Марат, не является братом говорящего в реальном мире, — это человек, которого Марат, субъект пропозициональной

[31] Такие свойства в целом характерны для позиций на периферии составляющих, являющихся фазами (phases) в смысле Chomsky 2001. Фазами, в частности, являются группы комплементайзера, CP.

установки, считает братом говорящего. Иными словами, эта ИГ интерпретируется не относительно актуального, а относительно возможных миров, универсальную квантификацию над которыми совершает предикат ‘думать’, то есть, она интерпретируется *de dicto*, или в сфере действия этого предиката. Для возможности такого прочтения в синтаксической структуре, которая подвергается композициональной семантической интерпретации, именная группа *minem ber bratъmnъ* должна находиться в позиции, над которой предикат ‘думать’ имеет структурный приоритет. Если предположить, что единственным комплементом предиката *ujlъj* ‘думать’ в (6.294) выступает СР, аккузативный аргумент должен интерпретироваться внутри этой СР. Принимая допущение теории синтактико-семантического интерфейса о том, что интерпретироваться именные группы могут только в тех позициях, которые они занимают в синтаксисе, или в структурно более высоких позициях, возможность прочтения *de dicto* в (6.294) говорит о том, что по крайней мере одна из позиций, которые именная группа *minem ber bratъmnъ* занимает в синтаксисе, находится в составе СР — зависимой клаузы.

6.3.2.1.2. Семантическая роль аккузативных подлежащих. Говоря о семантической роли аккузативных аргументов, следует рассмотреть две принципиальные возможности. Одна возможность состоит в том, что аккузативные аргументы получают семантическую роль от главного предиката зависимой клаузы и в этом смысле не отличаются от номинативных аргументов. Другая возможность состоит в том, что аккузативные аргументы имеют другой источник семантической роли и обозначают, в первом приближении, тему пропозициональной установки: то, относительно чего субъект пропозициональной установки имеет мнения, сомнения, страхи; то, о чем он говорит, думает и т.д.

Наиболее показательной для выбора анализа в данном случае представляется диагностика, использующая клаузальные идиомы (то есть устойчивые выражения, представляющие собой полную клаузу), которые содержат в своем составе подлежащее. Если при употреблении клаузальной идиомы в качестве финитного сентенциального актанта ее подлежащее может быть оформлено аккузативом при сохранении идиоматического значения, то мы не можем говорить о том, что аккузативные аргументы всегда имеют роль темы пропозициональной установки. Семантическая роль не может быть приписана части идиоматического выражения извне. Так что, если бы аккузативные аргументы всегда имели роль темы пропозициональной установки, мы бы ожидали, что идиоматическое значение при аккузативном оформлении «подлежащего» будет неизбежно разрушаться (ср. русск. *Вася говорит, что его жену Бог поцеловал* vs. #*Вася говорит о Боге, что он поцеловал его жену*).

Любопытно, что диагностика с клаузальными идиомами дает разные результаты при опросе носителей сергачского говора (идиом с. Большое Рыбушкино) и чистопольского говора (идиом с. Кутлушкино). Если опрошенные носители чистопольского говора признают сохранность идиоматического значения при аккузативном маркировании подлежащего идиомы, то носители сергачского говора констатируют в таких случаях разрушение идиоматичности и возможность лишь буквальной интерпретации.

В частности, все опрошенные носители чистопольского говора допускают возможность аккузативного оформления подлежащего клаузальной идиомы *X-GEN teš-POSS*

siräk ‘X не умеет держать язык за зубами’ (буквально ‘у X-а зубы редки’) при сохранении идиоматичности[32]. Это показано в (6.295)-(6.296).

(6.295) marat-nɤŋ **teš-e** **siräk**.
Марат-GEN **зуб-3** **редкий**
*Марат не умеет **держать язык за зубами**.*

(6.296) alsu marat-nɤŋ **teš-e-n** **siräk** di(je)p at$_j$-tɤ.
Алсу Марат-GEN **зуб-3-OBL.ACC** **редкий** SUB говорить-PST
*Алсу рассказала, что Марат не умеет **держать язык за зубами**.*

Носители сергачского говора не опознают конструкцию в (6.295)-(6.296) как идиому, однако с другими клаузальными идиомами при употреблении подлежащего в аккузативе идиоматичность разрушается и доступным оказывается только буквальное значение. Например, так происходит с идиомой *šajtan X-ACC sukkan* ‘X-а парализовало’ (букв.: ‘X-а черт ударил’)[33].

(6.297) alsu marat-ka **šajtan** a-nɤ **suk-kan** dijep at$_j$-tɤ.
Алсу Марат-DAT **черт** он-ACC **бить-PFCT** SUB говорить-PST
*Алсу сказала Марату, что его **парализовало**.* {Например, когда Марат пришел в себя после потери сознания от тяжелой травмы.}

(6.298) alsu marat-ka **šajtan-nɤ** a-nɤ **suk-kan** dijep at$_j$-tɤ.
Алсу Марат-DAT **черт-ACC** он-ACC **бить-PFCT** SUB говорить-PST
*1. Алсу сказала Марату, что его **ударил черт**.*
*2. *Алсу сказала Марату, что его **парализовало**.*

Эти факты, очевидно, коррелируют с возможностью совместного употребления аккузативных и номинативных аргументов. Напомним, что такая возможность фиксировалась для всех опрошенных носителей сергачского говора и лишь для части носителей чистопольского.

Таким образом, мы можем говорить о трех типах идиолектов. К первому типу относятся те идиолекты, в которых не допускается совместное употребление номинатива и аккузатива, но допускается аккузатив подлежащего идиомы с сохранением идиоматического значения (часть идиолектов с. Кутлушкино). Ко второму типу относятся те идиолекты, в которых допускается совместное употребление номинатива и аккузатива, но не допускается аккузатив подлежащего идиомы (с. Большое Рыбушкино). Наконец, к третьему типу относятся те идиолекты, в которых допускается и совместное употребление

[32] Допущение, которое мы принимаем относительно примера (6.296) и других, состоит в том, что именная группа, являющаяся частью идиомы, не может получить семантическую роль вне ее. В общем случае это допущение, вероятно, слишком сильное. Например, некоторые идиомы русского языка допускают подобные употребления (ср. *Про Петино сердце все знали, что оно каменное*). По-видимому, такая возможность есть, когда внутренняя форма идиомы достаточно прозрачна, а часть идиомы, получающая отдельную роль, сама по себе имеет необходимое переносное значение. В противном случае такие употребления затруднены или имеют иронический оттенок (*?/*Про Петину кишку все знали, что она тонка*). Вопрос о том, как с этой точки зрения устроены мишарские идиомы, отдельно не рассматривался.

[33] Для некоторых носителей предпочтителен порядок слов *X-ACC šajtan sukkan*. Мы опираемся на суждения тех носителей, которые допускают предглагольное расположение прямого дополнения.

номинатива и аккузатива, и аккузатив подлежащего идиомы (часть идиолектов с. Кутлушкино).

Представляется, что эти три типа соответствуют двум возможным анализам конструкции с аккузативным аргументом и их комбинации. Два анализа, условно названные А и В, описаны ниже.

Анализ А. Аккузативный аргумент — семантический аргумент главного предиката зависимой клаузы, который получает от него ту же семантическую роль, что получал бы номинативный аргумент. В этом случае предсказывается сохранение идиоматичности с аккузативными аргументами и невозможность совместного употребления аккузативного и номинативного аргумента. Действительно, совместное употребление при этом анализе нарушало бы принцип единственности именной группы с данной ролью (ср. тета-критерий Н. Хомского (Chomsky 1981)).

Анализ В. Аккузативный аргумент не является семантическим аргументом главного предиката зависимой клаузы и имеет семантическую роль темы пропозициональной установки. При таком анализе подлежащие клаузальных идиом не смогут принимать аккузатив (другими словами, идиоматическое значение будет разрушаться при употреблении аккузативных аргументов), а совместному употреблению аккузативных и номинативных аргументов ничто не будет препятствовать.

Соответственно, можно говорить о трех типах индивидуальных грамматик (или о трех типах идиолектов): в первом типе единственно возможным является Анализ А (это часть идиолектов опрошенных носителей с. Кутлушкино), во втором типе единственно возможен Анализ В (идиолекты с. Б. Рыбушкино), а в третьем типе возможен как Анализ А, так и Анализ В (другая часть идиолектов с. Кутлушкино). В последнем случае суждение о сохранении идиоматичности с аккузативом свидетельствует о том, что был использован Анализ А, а суждение о возможности совместного употребления аккузативного и номинативного аргументов — о том, что был использован Анализ В.

Итак, в общем случае предложениям типа (6.282) могут соответствовать две разные синтаксические структуры (Анализ А и Анализ В). Варьирование по носителям объясняется тем, есть ли у них доступ к одной структуре или к обеим.

Остается ответить на два вопроса: во-первых, что выступает источником семантической роли для аккузативного аргумента (при Анализе В) и, во-вторых, каков источник аккузативного падежа (для обоих анализов).

Если аккузативный аргумент имеет семантическую роль темы пропозициональной установки (при Анализе В), то какой же именно элемент приписывает ему эту роль? Это может быть сам предикат пропозициональной установки, однако нельзя исключать и возможность, что приписыванием семантической роли в данном случае занимается некоторая отдельная функциональная вершина, например, вершина С, то есть комплементайзер *di(je)p*. Это соотносится с идеей О.В. Ханиной (Ханина 2007), что *di(je)p* в мишарском диалекте находится в процессе грамматикализации из полнозначного глагола *di* ‘говорить, называть’ в комплементайзер. Если это так, то у *di(je)p* может быть собственная аргументная структура, в которой есть как минимум аргумент с ролью темы сообщения (‘то, о чем говорится’). Мы будем условно продолжать считать *di(je)p* именно комплементайзером, хотя возможно, что реальное положение дел несколько сложнее.

Что касается вопроса о том, что именно приписывает падеж аккузативным аргументам, то здесь тоже есть несколько возможностей. Это может быть какая-то глагольная вершина из комплекса, проецируемого лексическим глаголом — предикатом пропозициональной установки, например, функциональная вершина *v*, которая ответственна за приписывание аккузатива некоторой именной группе, над которой она имеет структурный приоритет (см. Chomsky 1995). В таком случае конструкция с аккузативным аргументом будет разновидностью конструкции «исключительного падежного маркирования» (ECM, exceptional case marking, как в английском *I believe him to be a linguist* ‘Я думаю, что он лингвист’), когда аккузатив приписывается не комплементу глагола, а спецификатору комплемента глагола. О связи аккузативного аргумента с матричной клаузой может говорить тот факт, что при пассивизации матричного глагола аккузатив не может быть приписан (см. (6.299)) — так же, как это происходит в простых предложениях, таких как (6.300).

(6.299) marat(***-nɤ**) ü tez-e-de dijep at$_j$-ɤ-**l**-gan.
Марат(***-ACC**) дом строить-ST-PST SUB говорить-ST-**PASS**-PFCT
Было сказано, что Марат построил дом.

(6.300) ü(***-ne**) tez-e-**l**-gän.
дом(***-ACC**) строить-ST-**PASS**-PFCT
Был построен дом.

Однако если источником аккузатива выступает матричный глагол или его функциональная «надстройка», не вполне понятно, почему аккузатив не может быть приписан в отсутствие комплементайзера, как в (6.279). Особенно остро этот вопрос стоит для грамматик, в которых аккузативная именная группа представляет собой аргумент главного предиката зависимой клаузы, а значит, обязательность комплементайзера нельзя объяснить семантическими причинами (он не участвует в приписывании аккузативной ИГ семантической роли).

В связи с этим можно предположить, что аккузатив в действительности приписывается комплементайзером *di(je)p*, но обязательным условием для его приписывания выступает наличие в некоторой локальной области немаркированной именной группы, имеющей над ИГ, которой приписывается аккузатив, структурный приоритет (ср. идею А. Марантца об аккузативе как о «зависимом падеже», dependent case (Marantz 1991)). Таким образом, при пассивизации матричного глагола условие для приписывания аккузатива не выполняется, так как в пассивной конструкции не будет немаркированной приоритетной ИГ, которая в соответствующей активной конструкции становится подлежащим матричной клаузы.

Итак, подводя предварительные итоги, можно сказать, что кажущаяся альтернация номинатива и аккузатива подлежащего финитных сентенциальных актантов может быть реализацией двух разных синтаксических конструкций. В одном случае аккузативный аргумент — это аргумент главного предиката зависимой клаузы, у него та же семантическая роль, что была бы у номинативного подлежащего этой клаузы. В другом случае аккузативный аргумент представляет собой аргумент функциональной вершины C, получающий от нее семантическую роль темы пропозициональной установки. В обоих случаях позиция аккузативного аргумента имеет структурный приоритет над позицией

номинативного подлежащего зависимой клаузы, а источником аккузатива предположительно является комплементайзер *di(je)p* (в случаях подчинения зависимой клаузы глаголу *di* ‘говорить, называть’ — сам этот глагол).

6.3.2.2. Интерпретация личных местоимений первого и второго лица

В мишарских финитных сентенциальных дополнениях обнаруживается особенность, в целом нехарактерная для языков европейского стандарта, но вполне распространенная в тюркских (например, в уйгурском (Shklovsky, Sudo 2014) и турецком (Şener, Şener 2011)) и многих других языках мира: местоимения первого и второго лица могут не обозначать говорящего и слушающего в контексте речевого акта, а отсылать к логофорическим координатам, задаваемым матричным предикатом пропозициональной установки. Например, в предложении (6.301) местоимение первого лица может иметь референтом не говорящего, а субъект глагола *ujlɤj* ‘думать’:

(6.301) marat [(**min**) alsu-nɤ sej-ä-**m** dijep] ujl-ɤj.
Марат **я** Алсу-ACC любить-ST.IPFV-**1SG** SUB думать-ST.IPFV

*1. Марат думает, что **он** любит Алсу.*
*2. Марат думает, что **я*** {т.е. говорящий} *люблю Алсу.*

В (6.302) местоимение 2-го лица может относиться не к слушающему, а к адресату субъекта матричной клаузы[34]:

(6.302) min marat-ka [(**sin**) alsu-nɤ kür-de-**ŋ** dijep] at$_j$-tɤ-m.
я Марат-DAT **ты** Алсу-ACC видеть-PST-**2SG** SUB говорить-PST-1SG

*1. Я сказал Марату$_i$, что **он**$_i$ видел Алсу.*
*2. Я сказал Марату$_i$, что **ты*** {т.е. слушающий} *видел Алсу.*

Может ли возможность логофорической интерпретации местоимений говорить о том, что мы имеем дело с прямой речью, или цитацией? Для приведенных выше примеров такой анализ нельзя исключить, однако можно показать, что логофорическая интерпретация возможна и в тех случаях, когда анализ в терминах прямой речи оказывается явно неадекватным.

Рассмотрим следующее вопросительное предложение:

(6.303) alsu [***pro*** kaja kit-te-**m** dijep] at$_j$-tɤ?
Алсу **1SG** куда уходить-PST-**1SG** SUB говорить-PST

*1. Куда, Алсу сказала, **она** ушла?*
*2. Куда, Алсу сказала, **я** ушел?*

Вопросительное слово в (6.303) употреблено *in situ*, однако его вклад в интерпретацию предложения таков, что все оно является частно-вопросительным — причем неважно, логофорически понимается признак 1-го лица или нет. Если бы зависимая клауза в (6.303) была процитирована, то предложение целиком было бы не частно-

[34] По данным Ханина 2007, личные местоимения первого и второго лица в составе финитных сентенциальных дополнений могут относиться к говорящему и слушающему только в тех случаях, когда говорящий является субъектом матричного глагола, а слушающий — непрямым дополнением при матричном глаголе, однако наши данные этого не подтверждают.

вопросительным, а утвердительным (‘Алсу сказала: «Куда я ушла?»’). Вопросительное слово в составе прямой речи определять статус всего предложения не может.

Важный факт состоит в том, что если на месте нулевого местоимения, которое представлено в (6.303), использовать фонологически выраженное местоимение 1-го лица, все предложение можно понять как частно-вопросительное только в том случае, если местоимение относится к говорящему, а не к матричному субъекту:

(6.304) alsu [**min** kaja kit-te-**m** dijep] at_j-tɤ?
Алсу **я** куда уходить-PST-**1SG** SUB говорить-PST

*1. Куда, Алсу сказала, **я** ушел?*
*2. *Куда, Алсу сказала, **она** ушла?*

Заметим, что предложения (6.303) и (6.304) можно понимать и как общие вопросы — в этом случае комплементайзер будет вводить прямую речь, в которой 1 лицо обязательно будет иметь референтом Алсу: ‘Алсу сказала: «Куда я ушла?»’.

Эти данные, по-видимому, свидетельствуют о двух важных фактах мишарской грамматики: во-первых, о том, что личные местоимения могут интерпретироваться как логофорические вне прямой речи, только если они не имеют поверхностного выражения; и во-вторых, о том, что комплементайзер *di(je)p в* принципе может вводить и прямую речь тоже (именно с прямой речью мы имеем дело, когда выраженные местоимения в (6.301) и (6.302) понимаются логофорически).

Логофорическую интерпретацию местоимений вне прямой речи мы будем называть индексикальным сдвигом местоимений. Нулевые местоимения подвержены индексикальному сдвигу, а выраженные местоимения — нет. Так что в тех случаях, когда анализ в терминах прямой речи можно исключить, выраженные местоимения не могут интерпретироваться логофорически. Один из таких случаев рассматривается ниже.

(6.305) alsu [berkem-ne dä **miŋa** bag-m-a-s dijep] kurk-a.
Алсу никто-ACC EMPH **я.DAT** смотреть-NEG-ST-POT SUB бояться-ST.IPFV

*1. Алсу боится, что никто **на меня** {т.е. на говорящего} не посмотрит.*
*2. *Алсу боится, что никто **на нее** не посмотрит* [= «**На меня** никто не посмотрит»].

Аккузативный аргумент в (6.305) — отрицательное местоимение, лицензированное отрицанием в зависимой клаузе. Предположить, что цитированным фрагментом здесь является составляющая, включающая аккузативный аргумент, нельзя, поскольку в качестве самостоятельного высказывания этот фрагмент неграмматичен:

(6.306) *berkem-ne dä miŋa bak-m-a-s.
никто-ACC EMPH я.DAT смотреть-NEG-ST-POT

На меня никто не посмотрит.

В то же время, если предположить, что цитирована некоторая составляющая, в которую не входит аккузативный аргумент, непонятно, как отрицание в составе прямой речи может лицензировать отрицательное местоимение вне ее.

Таким образом, невозможность логофорической интерпретации в (6.305) объясняется тем, что местоимение, будучи ненулевым, не может подвергаться индексикальному сдвигу.

В предложении (6.307), отличающемся от (6.305) тем, что отрицательное местоимение оформлено не аккузативом, а номинативом, логофорическая интерпретация

местоимения оказывается возможной. Это связано с тем, что в таком случае местоимение может быть частью прямой речи, автором которой выступает субъект матричного глагола.

(6.307) alsu [**berkem** **dä** miŋa bag-m-a-s dijep] kurk-a.
Алсу **никто** **EMPH** я.DAT смотреть-NEG-ST-POT SUB бояться-ST.IPFV

1. Алсу боится, что ***никто*** *на меня* {т.е. на говорящего} *не посмотрит.*
2. Алсу боится, что ***никто*** *на нее не посмотрит* [= «На меня **никто** не посмотрит»].

Действительно, в этом случае (в отличие от (6.305)) составляющая, включающая отрицательное местоимение, может быть самостоятельным грамматичным предложением:

(6.308) berkem dä miŋa bag-m-a-s.
никто EMPH я.DAT смотреть-NEG-ST-POT

Никто на меня не посмотрит.

Поскольку индексикальный сдвиг затрагивает нулевые местоимения, но не затрагивает выраженные, мы можем ожидать, что нулевые и выраженные местоимения одного и того же лица в составе одного сентенциального дополнения смогут иметь разную референцию. Ожидание подтверждается:

(6.309) alsu [***pro*** berkajčan da **miŋa** bag-m-a-s-mɤn
Алсу **1SG** никогда EMPH **я.DAT** смотреть-NEG-ST-POT-1SG

dijep] kurk-a.
SUB бояться-ST.IPFV

1. Алсу боится, что никогда не посмотрит ***на меня*** {т.е. говорящего}.
*2. *Алсу боится, что никогда не посмотрит* ***на себя*** {т.е. Алсу}.

В предложении (6.309) употреблено два местоимения первого лица: выраженное относится к говорящему, а нулевое подлежащее — к матричному субъекту. Это единственная возможная интерпретация (6.309). При кореферентности подлежащего и непрямого дополнения непрямое дополнение не может быть выражено личным местоимением, так же, как это происходит в независимом предложении (по-видимому, это эффект Принципа B теории связывания (Chomsky 1981)):

(6.310) ****pro*** berkajčan da **miŋa** bag-m-a-s-mɤn.
1SG никогда EMPH **я.DAT** смотреть-NEG-ST-POT-1SG

Я никогда ***на себя*** *не посмотрю.*

Точно так же дело обстоит и с местоимениями второго лица. В финитном сентенциальном дополнении могут быть употреблены нулевое подлежащее второго лица и коаргумент — выраженное местоимение второго лица. При этом только нулевое подлежащее второго лица будет интерпретироваться логофорически:

(6.311) alsu, min marat-ka$_i$ [***pro***$_i$ berkajčan da **sine** kür-m-ä-s-seŋ
Алсу я Марат-DAT **2SG** никогда EMPH **ты.ACC** видеть-NEG-ST-POT-2SG

dijep] at$_j$-tɤ-m.
SUB говорить-PST-1SG

Алсу, я сказал Марату, что он {т.е. Марат} *никогда тебя не увидит.*

Кореферентность двух местоимений второго лица в этом случае невозможна так же, как и в независимом предложении:

(6.312) ***pro*** berkajčan da **sine** kür-m-ä-s-seŋ.
2SG никогда EMPH **ты.ACC** видеть-NEG-ST-POT-2SG
Ты *никогда* ***себя*** *не увидишь.*

В примерах (6.309) и (6.311) невозможность нелогофорической интерпретации нулевого местоимения связана с действием независимых ограничений на анафору. Необходимо отметить, что в принципе нулевые местоимения в составе финитных сентенциальных дополнений могут быть кореферентны выраженным местоимениям того же лица, что демонстрирует следующее предложение:

(6.313) alsu [[***pro*** sestra-m] **mine** kür-de dijep] at_j-tɤ.
Алсу **1SG** сестра-1SG **я.ACC** видеть-PST SUB говорить-PST
1. Алсу сказала, что ***ее*** *сестра* ***ее*** *видела* [= «Моя сестра меня видела»].
2. Алсу сказала, что ***моя*** *сестра* {т.е. сестра говорящего} ***меня*** {т.е. говорящего} *видела.*
3. Алсу$_i$ сказала, что ***ее$_i$*** *сестра* {т.е. сестра Алсу} ***меня*** {т.е. говорящего} *видела.*
*4. *Алсу сказала, что* ***моя сестра*** {т.е. сестра говорящего} ***ее*** {т.е. Алсу} *видела.*

В (6.313) нулевое местоимение первого лица выступает посессором именной группы — подлежащего зависимой клаузы, а выраженное местоимение — прямым дополнением в той же клаузе. Возможность интерпретации с прямой речью (6.313.1) связана с тем, что на этот раз зависимая клауза могла бы быть употреблена как независимое предложение, так как ограничения на анафору, которые действовали в предложениях (6.309)-(6.312), в этой синтаксической конфигурации не действуют:

(6.314) [***pro*** sestra-m] **mine** kür-de.
1SG сестра-1SG **я.ACC** видеть-PST
Моя *сестра* ***меня*** *видела.*

Вторая из возможных интерпретаций предложения (6.313) — это та, в которой оба местоимения первого лица относятся к говорящему: кореферентность разрешена, а нулевое местоимение не обязательно должно интерпретироваться логофорически. Третья интерпретация (6.313.3) возникает, когда нулевое местоимение, наоборот, интерпретируется как логофор. Недоступность четвертой комбинаторно представимой интерпретации (6.313.4), при которой нулевое местоимение относится к говорящему, а выраженное — к субъекту главной клаузы, еще раз показывает, что выраженные местоимения не могут интерпретироваться логофорически вне прямой речи.

6.3.2.2.1. Ограничения на индексикальный сдвиг. Итак, мы установили, что нулевые местоимения в результате индексикального сдвига могут получать логофорическую интерпретацию вне прямой речи. Можно было бы сказать, что нулевые местоимения первого и второго лица попросту омонимичны логофорическим местоимениям, однако есть весомый аргумент против такого анализа. Дело в том, что на логофорическую интерпретацию нулевых местоимений действуют некоторые нетривиальные ограничения, о которых пойдет речь ниже (аналогичные ограничения на индексикальный сдвиг были впервые открыты Я. Судо и К. Шкловским в уйгурском языке, см. Shklovsky, Sudo 2014).

6.3.2.2.1.1. Финитные и нефинитные клаузы. Логофорическая интерпретация возможна только в финитных сентенциальных дополнениях. В нефинитных клаузах местоимения первого и второго лица всегда интерпретируются как относящиеся к говорящему и слушающему.

Рассмотрим следующую пару примеров:

(6.315) marat alsu-ga [***pro*** kil-de-m dijep] at_j-tɤ.
Марат Алсу-DAT **1SG** приходить-PST-1SG SUB рассказывать-PST
1. Марат рассказал Алсу, что ***он*** {т.е. Марат} *пришел.*
2. Марат рассказал Алсу, что ***я*** {т.е. говорящий} *пришел.*

(6.316) marat alsu-ga [***pro*** kil-gän-em-ne] at_j-tɤ.
Марат Алсу-DAT **1SG** приходить-PFCT-1SG-ACC рассказывать-PST
*1. *Марат рассказал Алсу, что* ***он*** {т.е. Марат} *пришел.*
2. Марат рассказал Алсу, что ***я*** {т.е. говорящий} *пришел.*

В (6.315) комплементом глагола *at̨a* (‘говорить’) выступает группа комплементайзера *di(je)p*, который вводит финитную клаузу с нулевым подлежащим первого лица. Оно может интерпретироваться как относящееся к говорящему или к матричному субъекту, т.е. Марату.

В (6.316) комплементом глагола становится номинализованная нефинитная клауза. В ней также есть нулевое подлежащее первого лица, однако оно уже не может относиться к матричному субъекту, Марату. Единственная интерпретационная возможность для этого нулевого подлежащего — обозначать говорящего.

Невозможность сдвига в (6.316) было бы неправильно объяснять в терминах синтаксической позиции самого нулевого местоимения. Действительно, в (6.316) нулевое местоимение, вероятно, является посессором в составе именной группы — номинализованной клаузы (см. 6.4.3 о структуре номинализаций), в то время как в (6.315) нулевое местоимение — подлежащее финитной клаузы. Однако вряд ли это можно считать решающим фактором, объясняющим отсутствие логофорической интерпретации в (6.316), так как в составе финитной зависимой клаузы нулевые посессоры в составе именных групп могут интерпретироваться логофорически, как в примере (6.313) выше.

Таким образом, мы действительно имеем дело с противопоставлением финитных клауз, в которых индексикальный сдвиг возможен, и нефинитных клауз, в которых он недопустим.

Если бы в мишарском диалекте были логофорические местоимения, омонимичные личным, не вполне ясно, почему такие местоимения могли бы употребляться исключительно в финитных зависимых. И в финитном сентенциальном дополнении (6.315), и в нефинитном (6.316) нулевые местоимения употребляются в сфере действия глагола речи. Этого должно было бы быть достаточно для лицензирования логофорического местоимения, однако то, что логофорическая интерпретация доступна только в финитном сентенциальном дополнении, показывает, что индексикальный сдвиг чувствителен к синтаксису комплемента глагола, чего мы бы не ожидали, если бы речь шла просто о лицензировании логофоров.

6.3.2.2.1.2. Аккузативные аргументы. Еще одно нетривиальное синтаксическое ограничение связано с аккузативными аргументами, о которых шла речь в 6.3.2.1.1. Нулевые личные местоимения в составе этих аккузативных аргументов не подвержены индексикальному сдвигу:

(6.317) alsu [irtä-gä [***pro*** sestra-m-nɤ] kil-e-r dijep] at_j-tɤ.
Алсу утро-DAT **1SG** сестра-1SG-ACC приходить-ST-POT SUB говорить-PST

1. Алсу сказала, что завтра приедет ***моя*** *сестра* {т.е. сестра говорящего}.
*2. *Алсу сказала, что завтра приедет* ***ее*** *сестра* {т.е. сестра Алсу}.

Нулевое местоимение первого лица в составе аккузативного аргумента в предложении (6.317) может относиться только к говорящему. В то же время, если вместо аккузативного аргумента был использован номинативный, как в (6.318), возможна и логофорическая интерпретация:

(6.318) alsu [irtä-gä [***pro*** sestra-m] kil-e-r dijep] at_j-tɤ.
Алсу утро-DAT **1SG** сестра-1SG приходить-ST-POT SUB говорить-PST

1. Алсу сказала, что завтра приедет ***моя*** *сестра* {т.е. сестра говорящего}.
2. Алсу сказала, что завтра приедет ***ее*** *сестра* {т.е. сестра Алсу}.

Как было показано в 6.3.2.1, аккузативные аргументы могут интерпретироваться в сфере действия предикатов пропозициональной установки, так что с точки зрения гипотезы об омонимии логофорических и личных местоимений недоступность логофорической интерпретации в (6.317) оказывается по меньшей мере неожиданной.

Отсутствие индексикального сдвига в составе аккузативных аргументов — это еще одно свидетельство его чувствительности к внутренней структуре комплемента предиката пропозициональной установки. Представляется, что объяснить такую чувствительность можно, если предположить, что индексикальный сдвиг происходит в сфере действия некоторого семантического оператора, занимающего вполне определенную позицию в синтаксической структуре.

6.3.2.2.2. Синтаксис оператора-монстра. Какую синтаксическую позицию мог бы занимать такой оператор? Судя по данным, приведенным выше, эта позиция есть у финитных сентенциальных дополнений, но ее нет у номинализаций. Более того, она должна иметь структурный приоритет над позицией номинативных подлежащих финитных сентенциальных дополнений (они должны оказываться в сфере действия оператора), но не над позицией аккузативных аргументов (они оказываются вне его сферы действия). Поскольку, как было показано в 6.3.2.1, аккузативные аргументы имеют структурный приоритет над номинативными, такая позиция в принципе представима. Можно предположить, что это позиция комплементайзера. Действительно, если аккузатив приписывается в позиции спецификатора группы комплементайзера, а номинатив — в позиции спецификатора TP или ниже, то сам комплементайзер будет иметь структурный приоритет над номинативными подлежащими, но не над аккузативными аргументами, см. структуру в (6.293). (Впрочем, можно представить себе и другую позицию, расположенную между позициями аккузативных и номинативных аргументов.) Номинализованные клаузы являются именными группами, и в их составе такой позиции нет.

Операторы, ответственные за индексикальный сдвиг, в литературе принято называть м о н с т р а м и (monster operators, Kaplan 1977 / 1989, Schlenker 2003, Anand, Nevins 2004 и др.). В пользу анализа в терминах оператора-монстра говорят данные об интерпретации нескольких нулевых местоимений внутри одного финитного зависимого. Если в той части финитного сентенциального дополнения, над которой имеет структурный

приоритет позиция оператора, есть несколько нулевых местоимений первого или второго лица, то в с е о н и либо интерпретируются логофорически, либо относятся к говорящему и слушающему (ср. ограничение Shift Together у П. Ананда и Э. Невинса (Anand, Nevins 2004)):

(6.319) marat [[***pro*** sestra-m] [***pro*** brat-ɤm-nɤ] sej-ä dijep] kurk-a.
Марат **1SG** сестра-1SG **1SG** брат-1SG-ACC любить-ST.IPFV SUB бояться-ST.IPFV

*1. Марат боится, что **его** сестра* {т.е. сестра Марата} *любит **его** брата* {т.е. брата Марата}.
*2. Марат боится, что **моя** сестра* {т.е. сестра говорящего} *любит **моего** брата* {т.е. брата говорящего}.
*3. *Марат боится, что **его** сестра* {т.е. сестра Марата} *любит **моего** брата* {т.е. брата говорящего}.
*4. *Марат боится, что **моя** сестра* {т.е. сестра говорящего} *любит **его** брата* {т.е. брата Марата}.

Оператор-монстр должен «сдвигать» интерпретацию в с е х местоимений в своей сфере действия. Очевидно, что этот оператор-монстр в мишарском диалекте факультативен: первая из возможных интерпретаций (6.319), а именно, (6.319.1), свидетельствует о его присутствии в структуре. Интерпретация (6.319.2) доступна тогда, когда оператора-монстра в структуре нет[35].

Номинативные подлежащие малоподвижны в синтаксисе, поэтому если в структуре есть оператор-монстр, номинативное подлежащее и все нулевые местоимения, которые следуют за ним, обязательно окажутся в его сфере действия. В то же время неподлежащные именные группы могут передвигаться в позиции, имеющие структурный приоритет над позицией оператора-монстра, и интерпретироваться там, вне его сферы действия. В таких случаях два нулевых местоимения одного лица, относящиеся к зависимой клаузе, могут оказываться некореферентны, как, например, при одном из прочтений следующего предложения:

(6.320) marat ***pro*** [***pro*** sestra-m-nɤ] sej-ä-m dijep at$_j$-tɤ.
Марат сестра-1SG-ACC любить-ST.IPFV-1SG SUB говорить-PST

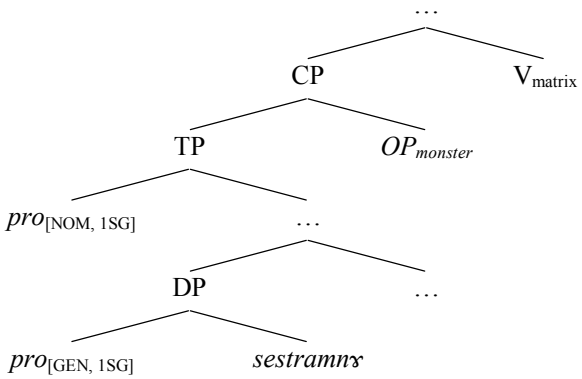
*1. Марат сказал, что **он** любит **свою** сестру.*
*2. Марат сказал, что **я** люблю **свою** сестру.*
*3. Марат сказал, что **он** любит **мою** сестру.*
*4. *Марат сказал, что **я** люблю **его** сестру* {т.е. сестру Марата}.

Неоднозначность предложения (6.320) определяется, во-первых, факультативностью оператора-монстра и, во-вторых, возможностью интерпретации именной группы *sestramnɤ* ‘мою сестру’ в сфере действия оператора или вне ее.

Если в структуре есть оператор-монстр и нулевое подлежащее первого лица вместе с нулевым посессором первого лица в составе именной группы *sestramnɤ* оба интерпретируются в его сфере действия, у предложения создается интерпретация (6.320.1):

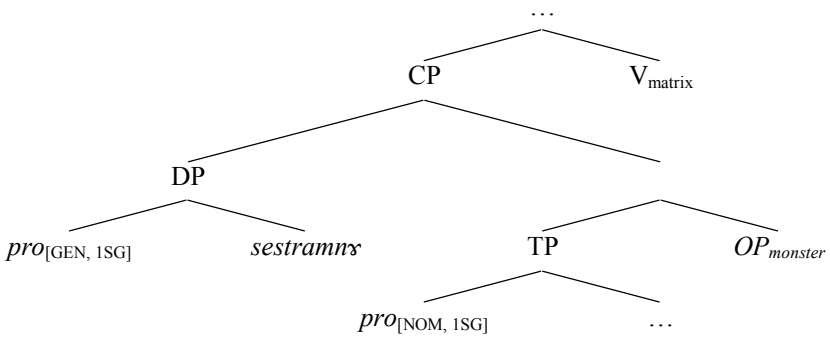
[35] Вопрос об интерпретации двух нулевых местоимений, одно из которых первого лица, а другое второго лица, требует дополнительного исследования. Может оказаться, что операторов на самом деле два: один «сдвигает» только референцию нулевых местоимений первого лица, а второй — только референцию нулевых местоимений второго лица.

(6.321)

Если такого оператора в структуре нет, возникает интерпретация (6.320.2). Если же оператор есть, а нулевой посессор первого лица в составе *sestramnx* интерпретируется вне его сферы действия, мы получаем интерпретацию (6.320.3):

(6.322)

Недоступность интерпретации (6.320.4), судя по всему, объясняется тем, что номинативное подлежащее, в силу своей неподвижности, всегда интерпретируется в одной и той же позиции, над которой позиция оператора-монстра имеет структурный приоритет. То есть если оператор в структуре есть, подлежащее всегда попадает в его сферу действия. Если же нулевое подлежащее первого лица относится к говорящему, это однозначно свидетельствует о том, что оператора в структуре нет, а соответственно, невозможна и логофорическая интерпретация какого-либо местоимения первого лица, пусть даже и нулевого.

6.3.2.2.3. Семантика личных местоимений и операторов-монстров. Предполагаемый оператор-монстр должен менять интерпретацию нулевых личных местоимений в своей сфере действия на логофорическую. Следовательно, нулевые и выраженные личные местоимения должны иметь исходно р а з н ы е семантические представления, так чтобы монстр мог воздействовать только на нулевые местоимения.

В связи с этим можно было бы ожидать, что нулевые и ненулевые личные местоимения будут вести себя по-разному и в других семантических процессах. Одним из таких процессов, по-видимому, можно признать семантическое связывание. Оказывается, что только нулевые местоимения первого и второго лица могут быть семантически связаны, то есть только нулевые местоимения могут интерпретироваться как связанные переменные. Это иллюстрируется в (6.323):

(6.323) Контекст: Говорящий любит Алсу, а Марат любит Айгуль. Говорящий, Марат, Алсу и Айгуль были на дискотеке. Там говорящий танцевал только с Алсу. Марату не удалось потанцевать с Айгуль, но с Алсу он несколько раз потанцевал. Позднее говорящий вспоминает об этом, говоря о себе и Марате так:

a. ike-bez-dän min genä [***pro*** sej-gän kɤz-ɤm] belän
два-1PL-ABL я FOC **1SG** любить-PFCT девушка-1SG с

bij-de-m.
танцевать-PST-1SG

Из нас двоих только я танцевал ***со своей любимой девушкой*** {т.е. Марат не танцевал со своей любимой девушкой}.

b. # ike-bez-dän min genä [**min** sej-gän kɤz] belän bij-de-m.
два-1PL-ABL я FOC **я** любить-PFCT девушка с танцевать-PST-1SG

Из нас двоих только я танцевал с ***девушкой, которую я люблю*** {т.е. с Алсу}.

В предложении (6.323a) нулевое местоимение первого лица употреблено не как относящееся к говорящему, а нереферентно, как связанная переменная. Таким образом, альтернативные пропозиции, которые отрицает фокусная частица *gɤna* ‘только’ имеют вид ‘X танцевал с любимой девушкой X-а’. Это соответствует приведенному контексту.

В (6.323b) выраженное местоимение первого лица в составе именной группы не может интерпретироваться как связанная переменная. Оно обозначает контекстуальную константу — говорящего, и отрицаемые фокусные альтернативы в данном случае имеют вид ‘X танцевал с любимой девушкой говорящего’, что в отношении Марата прямо противоречит контексту.

В контекстах, благоприятствующих такой константной интерпретации, могут использоваться как нулевые, так и выраженные местоимения:

(6.324) Контекст: Говорящий любит Алсу, а Марат любит Айгуль. Говорящий, Марат, Алсу и Айгуль были на дискотеке. Там говорящий все время танцевал с Алсу, а Марат все время танцевал с Айгуль. Позднее говорящий вспоминает об этом, говоря о себе и Марате следующее:

a. ike-bez-dän min genä [***pro*** sej-gän kɤz-ɤm] belän
два-1PL-ABL я FOC **1SG** любить-PFCT девушка-1SG с

bij-de-m.
танцевать-PST-1SG

Из нас двоих только я танцевал с девушкой, которую я люблю {т.е. с Алсу}.

b. ike-bez-dän min genä [**min** sej-gän kɤz] belän bij-de-m.
два-1PL-ABL я FOC **я** любить-PFCT девушка с танцевать-PST-1SG

Из нас двоих только я танцевал с девушкой, которую я люблю {т.е. с Алсу}.

Семантическое связывание можно понимать как манипуляцию одним из параметров интерпретации местоимений, а именно функцией оценки переменных (assignment function), которую мы можем, по сложившейся традиции, обозначать буквой *g*. Функция оценки переменных ставит в соответствие референциальным индексам индивидов. Семантическое связывание происходит по процедуре, подробно описанной в Heim, Kratzer 1998: антецедент подвергается передвижению на уровне логической формы, при этом он оставляет след с индексом *i,* над которым имеет структурный приоритет идентичный индекс связывания *i.* Если при этом в сфере действия индекса связывания есть местоимения с идентичным индексом *i*, то все они окажутся семантически связанными. Этот эффект достигается специальной манипуляцией, называемой предикатной абстракцией. Предикатная абстракция заменяет индексы, совпадающие с индексом связывания, на связанные переменные.

Согласно гипотезам, предложенным С. Минором (Minor 2011) и Я. Судо (Sudo 2012), признаки лица являются частью референциальных индексов. Когда эти индексы не связаны, они накладывают ограничения на функцию оценки переменных, так что все несвязанные индексы первого лица референциально относятся к говорящему, а индексы второго лица — к слушающему. (При связывании признаки лица обеспечивают установление идентичности индекса местоимения и индекса связывания, но сами при этом не интерпретируются.)

Предположим, что в мишарском диалекте нулевые местоимения первого и второго лица — это местоимениями со сложными референциальными индексами. Их связь с контекстом, таким образом, не является прямой; при этом предсказывается, что они могут употребляться как связанные переменные:

(6.325) Для любого $i \in$ N:
$\| pro_{<i,\ 1SG>} \|^{c,g} = g(<i,\ 1SG>)$,
$\| pro_{<i,\ 2SG>} \|^{c,g} = g(<i,\ 2SG>)$.

При интерпретации высказывания относительно любой функции оценки переменных *g* и любого контекста *c* будет верно, что для любого $i \in$ N $g(<i, 1SG>) = s_c$, где s_c — это говорящий в контексте *c*[36], а $g(<i, 2SG>) = h_c$, где h_c — это слушающий в контексте *c*.[37]

У выраженных местоимений первого и второго лица, в свою очередь, будут другие семантические представления. Их значения не будут зависеть от функции оценки, а будут осуществлять отсылку к контексту напрямую (ср. анализ значения личных местоимений в Anand 2006):

(6.326) $\| \text{min} \|^{c,g} = s_c$, где s_c — это говорящий в контексте *c*.
$\| \text{sin} \|^{c,g} = h_c$, где h_c — это слушающий в контексте *c*.

Если это так, то выраженные местоимения нельзя проинтерпретировать как связанные переменные — именно потому, что за это отвечает функция оценки переменных: в рамках одного контекста интерпретации высказывания это всегда будут константы,

[36] Контекст представляет собой упорядоченное множество, в которое входят говорящий, слушающий, момент речи и другие параметры.

[37] Это условие применяется на уровне высказывания, поэтому оно не относится к сложным индексам, уже подвергшимся семантическому связыванию внутри этого высказывания.

а не переменные. А если и оператор-монстр определить в терминах манипуляции функцией оценки переменных, то индексикальный сдвиг выраженных местоимений будет невозможен — в отличие от невыраженных.

Именно в таких терминах определяется оператор-монстр в Sudo 2012: 241-244. В присутствии этого оператора его комплемент интерпретируется относительно функции оценки, модифицированной так, что все индексы первого и второго лица интерпретируются логофорически[38].

Таким образом, анализ индексикального сдвига сводится к постулированию оператора-монстра с определенной позицией в синтаксической структуре, который определенным образом манипулирует функцией оценки переменных. То, что этот оператор может воздействовать только на нулевые местоимения, определяется тем, что в мишарском диалекте только они чувствительны к функции оценки переменных[39].

6.3.2.2.4. Индексикальный сдвиг и факты рассогласования. В заключение мы рассмотрим еще одну особенность финитных сентенциальных дополнений, связанную с тем, что в них номинативные подлежащие не всегда согласуются по лицу с глаголом. Эти факты, как и многие другие из обсуждающихся в этой главе, впервые описаны в Ханина 2007. Здесь мы предложим им альтернативное объяснение.

Как замечено в Ханина 2007, выраженные местоимения первого и второго лица, являющиеся подлежащими финитных сентенциальных дополнений, не всегда контролируют личное согласование глагола. При таких подлежащих глагол может не иметь явной согласовательной морфологии. Это, возможно, говорит о том, что у него есть признак третьего лица.

(6.327) roza [**min** **kit-te** dip] bel-ä.
Роза **я** **уходить-PST** SUB знать-ST.IPFV
*Роза знает, что **я уехал**.* (Ханина 2007: 136)

(6.328) älfijä [**sin** wakʏtʏnda kil-de dip] šatlan-a.
Альфия **ты** вовремя приходить-PST SUB радоваться-ST.IPFV
Альфия радуется, что ты пришел вовремя. (Ханина 2007: 129)

Такое «рассогласование» подлежащего и сказуемого кажется странным, особенно если учитывать, что в независимых предложениях оно недопустимо.

Согласно анализу, предложенному в Ханина 2007, в этих случаях следует говорить об особой конструкции, в которой *di(je)p* представляет собой грамматикализованное деепричастие глагола *di* в значении ‘называть’. Оно имеет два внутренних аргумента: номинализованную клаузу с нулевым подлежащим третьего лица (объект номинации) и номинативную именную группу (содержание номинации):

[38] Поскольку оператор манипулирует не контекстом, а функцией оценки переменных, называть его «монстром» в смысле Kaplan 1977 / 1989, Schlenker 2003, Anand, Nevins 2004 и др., возможно, не вполне корректно. Здесь мы используем этот термин с известной долей условности. Детали анализа см. в Sudo 2012.

[39] Заметим, что анализ не дает ответа на вопрос, почему именно нулевые местоимения устроены таким образом. В принципе представима (хотя и не зафиксирована в языках мира) ситуация, когда выраженные местоимения подвержены индексикальному сдвигу, а нулевые местоимения нет. Однако мы неизменно наблюдаем обратную картину. Если за наблюдаемым распределением стоят какие-то принципы грамматики, то их еще только предстоит установить.

(6.329) roza$_i$ [***pro***$_i$ **min**$_j$ [(***pro***$_j$) kit-te]$_{ACC}$ dip] bel-ä.
Роза я уходить-PST SUB знать-ST.IPFV

*Роза знает, что **я** уехал.* [= Роза знает, назвав того, кто уехал, «я».]

(6.330) älfijä$_i$ [***pro***$_i$ **sin**$_j$ [(***pro***$_j$) wakʏtʏnda kil-de]$_{ACC}$ dip] šatlan-a.
Альфия ты вовремя приходить-PST SUB радоваться-ST.IPFV

*Альфия радуется, что **ты** пришел вовремя.* [= Альфия радуется, назвав того, кто пришел вовремя, «ты».]

Наиболее уязвимое место этого анализа (и это отмечено в Ханина 2007) — постулирование номинализации глагола в Претерите (в (6.329) и (6.330); в общем случае речь может идти о любой глагольной форме, способной употребляться в качестве финитного глагола независимого предложения): такие номинализации оказываются возможны исключительно в данной конструкции.

Представляется, что можно избежать этой проблемы, если взглянуть на эти данные под другим углом, используя знания об индексикальном сдвиге.

Как и О.В. Ханина, мы можем исходить из того, что местоимения, кажущиеся несогласующимися подлежащими, на деле подлежащими не являются. Предположим, что это скорее топики, располагающиеся на левой периферии клаузы, как именная группа *marat* в независимом предложении (6.331).

(6.331) **marat**$_i$, ul$_i$ kit-te.
Марат он уходить-PST

*Что касается **Марата**, он уехал.*

Истинными же подлежащими предложений (6.327) и (6.328) выступают согласующиеся нулевые местоимения третьего лица:

(6.332) roza [min$_i$ ***pro***$_i$ kit-te dip] bel-ä.
Роза я **3SG** уходить-PST SUB знать-ST.IPFV

Роза знает, что я уехал.

(6.333) älfijä [sin$_i$ ***pro***$_i$ wakʏtʏnda kil-de dip] šatlan-a.
Альфия ты **3SG** вовремя приходить-PST SUB радоваться-ST.IPFV

Альфия радуется, что ты пришел вовремя.

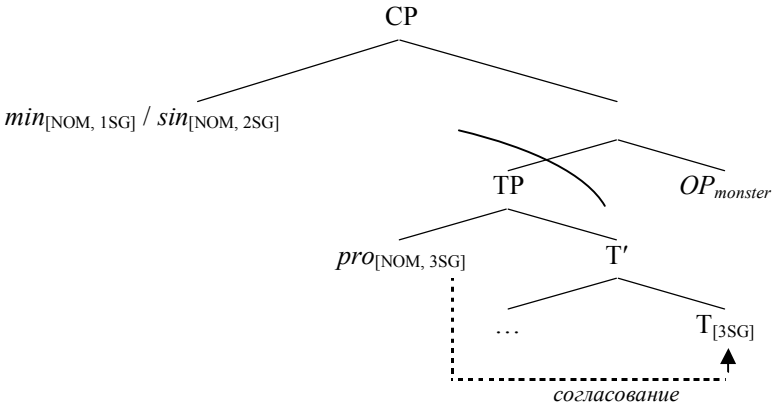
Как получается, что кореферентные нулевые и выраженные местоимения, употребленные в одной клаузе, обладают разными признаками лица? Вероятно, это эффект индексикального сдвига, которому, напомним, подвержены только нулевые местоимения (мы сталкивались с подобными случаями, например, в (6.309) и (6.311)).

До сих пор речь шла об индексикальном сдвиге применительно к нулевым местоимениям первого и второго лица. Что касается местоимений третьего лица, то можно сказать, что в общем случае в каждом предложении они употребляются только тогда, когда их замена на местоимение первого или второго лица в этом предложении невозможна без изменения референции этих местоимений. Таким образом, в сфере действия оператора-монстра нулевые местоимения третьего лица будут обязательно иметь нелогофорическую референцию. Если бы логофорическая референция была возможна, это нарушало бы сформулированное выше требование: замена нулевого местоимения

третьего лица на нулевое местоимение первого или второго лица не изменяла бы референцию этого местоимения.

Если выраженные местоимения могут быть топиками, а нулевые при них — находиться в сфере действия оператора-монстра, мы можем ожидать, что они смогут быть кореферентны, даже если у них не совпадают признаки лица.

(6.334)

Итак, в предложении (6.332) есть оператор-монстр, в сфере действия которого местоимение третьего лица должно интерпретироваться как нелогофорическое. Поскольку говорящий в данном случае не является ни субъектом предиката пропозициональной установки, ни его адресатом, это нулевое местоимение третьего лица может обозначать говорящего. Выраженное местоимение первого лица, вероятно, находится вне сферы действия оператора, однако даже если бы это было не так, он не мог бы оказать на него влияния — оно бы все равно интерпретировалось как относящееся к говорящему.

Аналогичным образом, в предложении (6.333) есть оператор-монстр. В его сфере действия находятся и выраженное местоимение второго лица, и нулевое местоимение третьего лица. Выраженное местоимение относится к слушающему, и поскольку слушающий не является ни субъектом предиката пропозициональной установки, ни его адресатом, нулевое местоимение третьего лица тоже может относиться к слушающему.

Понятно, что если, например, нулевое местоимение третьего лица будет относиться к говорящему, который будет одновременно являться и субъектом глагола пропозициональной установки, то «рассогласования» с выраженным местоимением первого лица не получится. Отсюда контраст в грамматичности между (6.335) и (6.336).

(6.335) **marat** alsu-ga [min [***pro*** kit-te] dijep-**Op$_m$**] at$_j$-tɤ.
Марат Алсу-DAT я **3SG** уходить-PST SUB говорить-PST
Марат рассказал Алсу, что я ушел.

(6.336) ***min** alsu-ga [min [***pro*** kit-te] dijep-**Op$_m$**] at$_j$-tɤ.
я Алсу-DAT я **3SG** уходить-PST SUB говорить-PST
Я рассказал Алсу, что ушел.

Пример (6.335) полностью совпадает с примером (6.332). Пример (6.336) отличается как раз тем, что субъектом матричного глагола оказывается говорящий. И здесь мы сталкиваемся с противоречивыми требованиями: с одной стороны, нулевое местоимение должно быть кореферентно выраженному местоимению-топику зависимой клаузы, то есть тоже обозначать говорящего; с другой стороны, нулевое местоимение не может обозначать говорящего, потому что в этом предложении это бы означало, что нулевое местоимение интерпретируется логофорически. Таким образом, предложение (6.336) просто не может быть проинтерпретировано.

Анализ «рассогласования» в терминах индексикального сдвига предсказывает, что в нем могут участвовать не только нулевые местоимения третьего лица, но и другие местоимения, например, нулевые местоимения первого лица, как в следующем примере:

(6.337) sin marat-ka [sin [***pro*** alsu-nɤ sej-ä-m] dijep-**Op$_m$**]
ты Марат-DAT ты **1SG** Алсу-ACC любить-ST.IPFV-1SG SUB

at$_j$-tɤ-ŋ.
говорить-PST-2SG

Ты сказал Марату, что ты любишь Алсу.

В (6.337) происходит индексикальный сдвиг, и нулевое местоимение первого лица, контролирующее согласование в зависимой клаузе, относится не к говорящему, а к субъекту главной клаузы. Поскольку в данном случае субъектом главной клаузы выступает слушающий, полные местоимения второго лица всегда будут отсылать именно к нему (присутствие оператора-монстра не имеет решающего значения). То есть то, что выглядит как «рассогласование», опять сводится к сдвигу нулевого местоимения при константной интерпретации выраженного.

Можно ли при анализе фактов «рассогласования» считать выраженные местоимения истинными подлежащими? Если такой анализ и представим, то при нем необходимо будет считать, что индексикальному сдвигу подвержены согласовательные показатели сами по себе. Кроме того, что это потребовало бы пересмотра наших представлений о согласовании, при таком анализе, по-видимому, предсказывалось бы, что «рассогласование» никак не зависит от того, есть ли в рассматриваемой конструкции позиция топика, который мог бы быть кореферентен нулевому местоимению. Например, предсказывалось бы, что «рассогласование» возможно и внутри именных групп в изафетной конструкции. Там, однако, его не наблюдается, и это может быть связано как раз с тем, что позиции топика внутри именной группы нет:

(6.338) marat alsu-ga [*pro* [minem **sestra-m-nɤ** || ***sestra-sɤ-n**]
Марат Алсу-DAT 1SG я.GEN **сестра-1SG-ACC** **сестра-3SG-ACC**

sej-ä-m dijep] at$_j$-tɤ.
любить-ST.IPFV-1SG SUB говорить-PST

*Марат рассказал Алсу, что любит **мою сестру**.*

(6.339) marat miŋa [*pro* [minem **sestra-m-nɤ** || ***sestra-ŋ-nɤ**]
Марат я.DAT 1SG я.GEN **сестра-1SG-ACC** **сестра-2SG-ACC**

sej-ä-m dijep] at$_j$-tɤ.
любить-ST.IPFV-1SG SUB говорить-PST

*Марат рассказал мне, что любит **мою сестру**.*

Если бы речь шла о противопоставлении выраженных местоимений, не подверженных индексикальному сдвигу, и согласовательных показателей, ему подверженных, то ожидалось бы, что в примерах (6.338) и (6.339), где произошел сдвиг глагольного согласования, произойдет и сдвиг именного согласования в изафетной конструкции. Это привело бы к тому, что при выраженном посессоре первого лица *minem* личный показатель на вершинном имени *sestra* будет третьего или второго лица. Этого не происходит: как мы видели выше, сдвиг внутри именных групп не возможен. Таким образом, тезис о противопоставлении нулевых и ненулевых местоимений при «рассогласовании» и при индексикальном сдвиге в целом находит дополнительное эмпирическое подкрепление.

6.3.3. Приложение. Словарь глагольного управления

В словаре глагольного управления представлены основные предикаты, присоединяющие сентенциальные актанты[40]. Как и в прочих частях настоящего издания, глаголы и глагольные фразеологизмы (например, *mäžbür itä* ‘заставлять’) приводятся в форме Презенса. В столбце «Основа» указывается класс глагольной основы (C — основа на согласный, Va и Vɤ — основы соответственно на гласный *a* или ɤ); предикативы отмечаются пометой pr.

Модели управления заключаются в угловые скобки и включают в себя одну или несколько пар соответствий семантических ролей, условно обозначенных русскими вопросительными местоимениями, и падежей актантов. Семантическая роль и падеж разделяются двоеточием, пары ролей и падежей разных актантов разделяются точкой с запятой; если семантическая роль допускает более одного способа кодирования, варианты разделяются символом ||. Если разным значениям предиката соответствуют разные модели управления, последние приводятся через запятую, и каждая из них оформляется угловыми скобками.

Для именных стратегий оформления зависимых предикаций (S_{NMN}, S_{SUBST}, S_{PART}, $S_{sɤ}$) после типа именной формы через двоеточие указывается ее падеж.

В пределах словаря глагольного управления используются следующие специальные обозначения:

- NOM, ACC, GEN, DAT, LOC, ABL для соответствующих падежей[41];
- S_{NMN} — стратегия оформления зависимой предикации именем действия на *-и*;
- S_{PART} — стратегия оформления зависимой предикации номинализованным причастием;
- S_{INF} — стратегия оформления зависимой предикации инфинитивом;
- $S_{CONV.IPFV}$ — стратегия оформления зависимой предикации имперфективным деепричастием на гласный;
- $S_{CONV.P}$ — стратегия оформления зависимой предикации деепричастием на *-р*;
- $S_{di(je)p}$ — стратегия оформления зависимой предикации союзным средством *di(je)p* в комбинации с финитным глаголом;

[40] Материал для словаря собран А.А. Бонч-Осмоловской и О.В. Ханиной.

[41] При послелогах для удобства представления указывается только падеж NOM; подробнее о падежах, которыми могут управлять послелоги, см. 1.2.3.

- $S_{di(je)p.IMP}$ — стратегия оформления зависимой предикации союзным средством *di(je)p*, при том что глагол в зависимой предикации имеет форму императива;
- S_{ma} — стратегия оформления зависимой предикации инфинитивом 2 на *-ma*;
- $S_{sɤ}$ — стратегия оформления зависимой предикации облигативом на *-sɤ*;
- S_{FIN} — финитная стратегия оформления зависимой предикации.

Таблица 6.7. Словарь глагольного управления[42]

Глагол	Осно-ва	Толкование	Управление
ačulana	C	сердиться	<кто: NOM; на кого: DAT> <кто: NOM; на что: $S_{NMN:DAT}$ || $S_{PART:DAT}$ || $S_{di(je)p}$>
ačulandɤra	C	сердить	<кто: NOM, кого: ACC> <что: $S_{NMN:NOM}$ || $S_{PART:NOM}$ || $S_{di(je)p}$; кого: ACC>
aŋnɤj	Va	понимать	<кто: NOM; что: ACC || $S_{NMN:ACC}$ || $S_{PART:ACC}$ || $S_{di(je)p}$>
ašɤga	C	спешить	<кто: NOM; куда: DAT> <кто: NOM; что делать: S_{INF}>
awɤr	pr	быть плохим, трудным	<что: $S_{NMN:NOM}$ || $S_{PART:NOM}$ || S_{INF}; кому: DAT>
ä(j)tä	C	говорить	<кто: NOM; что: ACC || $S_{NMN:ACC}$ || $S_{PART:ACC}$ || $S_{di(je)p}$; кому: DAT> <кто: NOM; о чем: NOM + *turɤnda* || $S_{NMN:NOM}$ + *turɤnda* || $S_{PART:NOM}$ + *turɤnda*; кому: DAT>
äzerlänä	C	готовиться	<кто: NOM; к чему: DAT> <кто: NOM; что делать: S_{INF}>
bašlɤj	Va	начинать	<кто || что: NOM; что делать: $S_{CONV.IPV}$>
belä	C	знать, уметь	<кто: NOM; что: ACC || $S_{NMN:ACC}$ || $S_{PART:ACC}$ || $S_{di(je)p}$> <кто: NOM; о чем: NOM + *turɤnda* || $S_{NMN:NOM}$ + *turɤnda* || $S_{PART:NOM}$ + *turɤnda*> <кто: NOM; что делать: $S_{CONV.IPF}$>
beterä	C	кончать	<кто: NOM; что: ACC> <кто: NOM; что делать: $S_{NMN:ACC}$ || $S_{CONV:P}$>
bɤjɤra	C	приказывать	<кто: NOM; кому: DAT; что делать: S_{INF} || $S_{di(je)p}$>
bulɤša	C	помогать	<кто: NOM; кому: DAT; что делать: S_{INF} || $S_{di(je)p}$>
dävam itä	C	продолжать	<кто: NOM; что: ACC> <кто: NOM; что делать: $S_{NMN:ACC}$ || S_{INF}>
di[43]		говорить	<кто: NOM; что: S_{FIN} || $S_{di(je)p}$; кому: DAT>
ǯɤjɤna	C	собираться	<кто: NOM; что делать: S_{INF}>
ǯɤrlɤj || *jɤrlɤj*	Va	петь	<кто: NOM; что: ACC || $S_{NMN:ACC}$ || $S_{PART:ACC}$ || $S_{di(je)p}$> <кто: NOM; о чем: NOM + *turɤnda* || $S_{NMN:NOM}$ + *turɤnda* || $S_{PART:NOM}$ + *turɤnda*>
ǯitä	C	хватать, быть достаточным, достигать, доставать	<что: NOM || $S_{NMN:NOM}$ || $S_{PART:NOM}$ || S_{INF}; кому: DAT>
ǯitešä	C	успевать	<кто: NOM; что делать: S_{INF} || $S_{CONV.P}$>
elgerä	C	успевать	<кто: NOM; что делать: S_{INF} || $S_{CONV.P}$>

[42] Глаголы приводятся в следующем алфавитном порядке: a ä b c č d ǯ e ɤ f g i j k l m n ŋ o p r s š t u ü v w x z

[43] Производные основы глагола *di* совпадают с исходной. См. раздел 1.2.1.3.

Глагол	Осно-ва	Толкование	Управление
ӷиӷта	C	забывать	<кто: NOM; что: ACC || $S_{NMN:ACC}$ || $S_{PART:ACC}$> <кто: NOM; о чем: NOM + *turӷnda* || $S_{NMN:NOM}$ + *turӷnda* || $S_{PART:NOM}$ + *turӷnda*>
ӷиӷša	C	ругать	<кто: NOM; кого: ACC>
ӷšana	C	верить, надеяться	<кто: NOM; во || на что: DAT || $S_{NMN:DAT}$ || $S_{PART:DAT}$ || $S_{di(je)p}$>
ӷšӷj	Va	нравиться	<кто || что: NOM || $S_{NMN:NOM}$ || $S_{PART:NOM}$ || S_{INF}; кому: DAT>
gaǯäplänä || *gajäplänä*	C	удивляться	<кто: NOM; чему: DAT || $S_{NMN:DAT}$ || $S_{PART:DAT}$ || $S_{di(je)p}$>
išetä	C	слышать	<кто: NOM; что: ACC || $S_{NMN:ACC}$ || $S_{PART:ACC}$ || $S_{di(je)p}$>
jarata	C	любить	<кто: NOM; что: ACC || $S_{NMN:ACC}$ || $S_{PART:ACC}$ || S_{INF}>
karӷj	Va	смотреть	<кто: NOM; на что: ACC || $S_{NMN:ACC}$ || $S_{PART:ACC}$ || $S_{di(je)p}$>
keli	Va	хотеть	<кто: GEN; что делать: $S_{sӷ}$ > <кто: NOM; что делать: S_{ma}>
kerešä	C	начинать	<кто: NOM; что делать: S_{INF}>
kӷčkӷra	C	кричать	<кто: NOM; что: ACC || $S_{NMN:ACC}$ || $S_{PART:ACC}$ || $S_{di(je)p}$; кому: DAT> <кто: NOM; о чем: NOM + *turӷnda* || $S_{NMN:NOM}$ + *turӷnda* || $S_{PART:NOM}$ + *turӷnda*; кому: DAT>
kilä	C	хотеть	<кто: GEN; что делать: $S_{sӷ}$>
kiräk	pr	быть нужным	<что: NOM || S_{INF} || $S_{di(je)p}$; кому: DAT>
kürä	C	видеть	<кто: NOM; что: ACC || $S_{NMN:ACC}$ || $S_{PART:ACC}$>
kurka	C	бояться	<кто: NOM; чего: ABL || $S_{NMN:ABL}$ || S_{INF} || $S_{di(je)p}$>
kuša	C	приказывать	<кто: NOM; кому: DAT; что делать: $S_{NMN:ACC}$ || $S_{PART:ACC}$ || S_{INF} || $S_{di(je)p.IMP}$>
mäǯbür itä	C	заставлять	<кто: NOM; кого: ACC; что делать: S_{INF}>
memkin	pr	быть возможным	<что: $S_{NMN:NOM}$ || S_{INF}>
mexim	pr	быть важным	<что: NOM || $S_{NMN:NOM}$; кому: DAT>
sӷrӷj	Va	спрашивать, просить	<кто: NOM; кого || у кого: ABL; что: ACC || $S_{NMN:ACC}$ || $S_{PART:ACC}$ || $S_{di(je)p}$> <кто: NOM; кого || у кого: ABL; о чем: NOM + *turӷnda* || $S_{NMN:NOM}$ + *turӷnda* || $S_{PART:NOM}$ + *turӷnda*> <кто: NOM; кого || у кого: ABL; что сделать: $S_{di(je)p.IMP}$>
sizä	C	чувствовать	<кто: NOM; что: ACC || $S_{NMN:ACC}$ || $S_{NMN:NOM}$ + *turӷnda* || $S_{PART:ACC}$ || $S_{di(je)p}$>
sizelä	C	казаться	<что: NOM || $S_{NMN:NOM}$ || $S_{PART:NOM}$ || NOM + *turӷnda* || $S_{NMN:NOM}$ + *turӷnda* || $S_{PART:ACC}$ + *turӷnda*; кому: DAT>
süli	Va	говорить, рассказывать	<кто: NOM; что: ACC || $S_{NMN:ACC}$ || $S_{PART:ACC}$ || $S_{di(je)p}$; кому: DAT> <кто: NOM; о чем: NOM + *turӷnda* || $S_{NMN:NOM}$ + *turӷnda* || $S_{PART:NOM}$ + *turӷnda*; кому: DAT>
šakkata	C	удивляться	<кто: NOM; чему: DAT || $S_{NMN:DAT}$ || $S_{PART:DAT}$ || $S_{di(je)p}$>
šakkatтra	C	удивлять	<кто: NOM; кого: ACC> <что: $S_{NMN:NOM}$ || $S_{PART:NOM}$ || $S_{di(je)p}$; кого: ACC>
šatlana	C	радоваться	<кто: NOM; чему: DAT || $S_{NMN:DAT}$ || $S_{PART:DAT}$ || $S_{di(je)p}$>
šatlandтra	C	радовать	<кто: NOM; кого: ACC> <что: $S_{NMN:NOM}$ || $S_{PART:NOM}$ || $S_{di(je)p}$; кого: ACC>
šurli	Va	бояться, трусить, страшиться	<кто: NOM; чего: ABL || $S_{NMN:ABL}$ || S_{INF} || $S_{di(je)p}$>

Глагол	Осно-ва	Толкование	Управление
teli	Va	хотеть	<кто: NOM; что делать: S_{INF}>, <кто: NOM; что: ACC || $S_{NMN:ACC}$ || $S_{PART:ACC}$>
tɤja	C	чувствовать	<кто: NOM; что: ACC || $S_{NMN:ACC}$ || $S_{PART:ACC}$ || $S_{di(je)p}$>
tɤrɤša	C	стараться	<кто: NOM; что делать: S_{INF} || $S_{di(je)p.IMP}$>
tieš	pr	должно	<что делать: S_{INF}; кому: DAT>
tuktatɤj	Va	переставать	<кто: NOM; что делать: $S_{NMN:ACC}$>
tuktɤj	Va	переставать	<кто: NOM; что делать: $S_{NMN:ABL}$ || $S_{CONV.P}$>
ujlɤj	Va	думать	<кто: NOM; что: ACC || $S_{NMN:ACC}$ || $S_{PART:ACC}$ || $S_{di(je)p}$> <кто: NOM; о чем: NOM + *turɤnda* || $S_{NMN:NOM}$ + *turɤnda* || $S_{PART:NOM}$ + *turɤnda*>
ütenä	C	просить	<кто: NOM; что: ACC || $S_{NMN:ACC}$ || $S_{PART:ACC}$ || $S_{di(je)p}$; у кого: ABL>
wägdä itä (wägdä birä)	C	обещать	<кто: NOM; что: ACC || $S_{NMN:ACC}$ || $S_{PART:ACC}$ || $S_{di(je)p}$; кому: DAT> <кто: NOM; о чем: NOM + *turɤnda* || $S_{NMN:NOM}$ + *turɤnda* || $S_{PART:NOM}$ + *turɤnda*; кому: DAT>
xäterli	Va	помнить	<кто: NOM; что: ACC || $S_{NMN:ACC}$ || $S_{PART:ACC}$ > <кто: NOM; о чем: NOM + *turɤnda* || $S_{NMN:NOM}$ + *turɤnda* || $S_{PART:NOM}$ + *turɤnda*>

6.4. Номинализация на *-и*

Номинализацией (nominalization) принято называть процесс приобретения категориальных признаков существительного без изменения или с минимальным изменением семантики, а также результат этого процесса. Среди номинализаций выделяют имена действия, образованные от глаголов, и имена качества, образованные от прилагательных, например, *обсуждать — обсуждение*, *быстрый — быстрота*.

Выделение отглагольных номинализаций в особый подкласс имен обусловлено их двойственным характером. С одной стороны, имена действия могут приобретать свойства исконных существительных, такие, как изменение по числу, сочетаемость с прилагательными, числительными и другими именными модификаторами. С другой стороны, эти номинализации могут сохранять часть глагольных свойств, недоступных обычным существительным, в частности способность модифицироваться обстоятельствами, управление именной группой (далее ИГ) в аккузативе. Количество «наследуемых» и «приобретаемых» свойств может варьировать от языка к языку, а также внутри одного языка при наличии нескольких номинализирующих показателей, поэтому изучение имён действий представляет особый интерес как с точки зрения типологии (см., например, Koptjevskaja-Tamm 1993 о падежном кодировании актантов номинализации), так и с точки зрения теоретического синтаксиса (ср. сборник Alexiadou, Rathert 2010, где представлены подходы к анализу синтаксической структуры номинализаций в различных языках).

Основная отглагольная номинализация в мишарском диалекте — отглагольное имя с показателем *-и*, которое иллюстрируется в (6.340a-b); его морфологические характеристики обсуждаются в 1.2.1.2.

(6.340) a. **jas-a-u**
рисовать-ST-NMN
рисование

b. min alsu-nɤŋ marat-nɤ **jas-a-u-ɤ-n** kür-de-m.
я Алсу-GEN Марат-ACC **рисовать-ST-NMN-3-OBL.ACC** видеть-PST-1SG
Я видел, что Алсу рисовала Марата [= **рисование** Марата Алсу].

Данный показатель — не единственная возможность образовать отглагольное существительное. Имена действия («вторичные имена действия» по ТГ 1993) также могут образовываться с помощью суффикса *-š*:

(6.341) sug-ɤ-**š**
бить-ST-**NMN2**
война

Однако образование этих имён на синхронном уровне непродуктивно.

Еще один способ — присоединение номинализирующего суффикса *-lɤk*[44] к перфективному причастию на *-gan*, но в живом языке эта стратегия практически не употребляется[45]:

(6.342) tu-gan-**lɤk**
рождаться-PFCT-**NOMIN**
родство

Наряду с собственно номинализациями на *-и* в позиции вершины ИГ могут выступать причастия будущего времени на *-ačak* и перфективные причастия на *-gan* (см. об этом 1.2.1.7)

(6.343) a. minem kitap uk-ɤ-**gan**-ɤm-nɤ alsu kür-de.
я.GEN книга читать-ST-**PFCT**-1SG-ACC Алсу видеть-PST
Алсу видела, как я читала книгу.

b. ul miŋa irtägä ešl-ä-r-gä jaxšɤ bul-**ačag**-ɤ-n
он я.DAT завтра работать-ST-POT-INF хорошо быть-**FUT**-3-OBL.ACC
bel-ä.
знать-ST.IPFV
Он знает, что завтра мне будет хорошо работаться.

---

[44] Согласно ТГ 1993, в отличие от первичных имен действий (номинализаций на *–и*), данные формы обозначают действия, относящиеся к прошлому. Впрочем, уже в этой грамматике было отмечено, что они очень редко употребляются.

[45] По-видимому, рефлексом этой стратегии является форма *ikänlek*, которая используется при номинализации именных предикаций.

(i) kičä kɤz-ga küŋelsez i-kän-lek-ne miŋa äjt-ä-lär.
вчера девочка-DAT грустный быть-PFCT-NOMIN-ACC я.DAT говорить-ST.IPFV-PL
Мне говорят, что вчера девочке было грустно.

Функционирование причастий в качестве номинализаций заслуживает отдельного изучения и в основном остаётся за рамками этого раздела (исключение составляют номинализации на *-gan*: данные об их семантике будут нам полезны в разделе 6.4.4). Мы также не будем рассматривать номинализации аналитических глагольных форм, равно как и конструкций вида (6.344), где комплементом подвергающегося номинализации глагола *ikän* выступает финитная предикация.

(6.344) min bel-m-i-m marat-nɤŋ čaška **wat-tɤ-mɤ**
я знать-NEG-ST.IPFV-1SG Марат-GEN чашка **ломать-PST-Q**

i-kän-e-n.
быть-PFCT-3-OBL.ACC
*Я не знаю, **разбил ли** Марат чашку.*

Ниже мы обратимся к именам действия на *-и* в двух говорах мишарского диалекта — чистопольском (идиом с. Кутлушкино) и сергачском (идиом с. Рыбушкино). Мы подробно рассмотрим этот тип мишарских номинализаций с точки зрения их глагольных и именных свойств, а именно, внешнего синтаксиса, внутреннего синтаксиса и семантики.

6.4.1. Имена действия на *-и*

Номинализация на *-и* образуется от всех глаголов и в лексикографической практике иногда используется в качестве словарной формы глагола. Морфологические характеристики номинализаций на *-и* подробно обсуждаются в 1.2.1.3. К сказанному в этом разделе следует добавить, что они образуются от основ любой степени морфосинтаксической сложности, в частности, от основ, содержащих показатели актантной деривации, как в (6.345), отрицания, как в (6.346), и аспектуальные показатели: как синтетические (показатель многократности *-gala,* см. ТГ 1993: 233), так и аналитические, которые представлены в (6.347a-b):

(6.345) a. Каузатив
alsu-nɤ malaj-nɤ sɤŋ genä üj-gä kit-**ter**-ü-lär-e
Алсу-ACC мальчик-ACC поздно FOC дом-DAT приходить-**CAUS**-NMN-PL-3

küŋelsezlän-der-de.
огорчаться-CAUS-PST
Алсу огорчило то, что мальчика поздно привели домой.

b. Депациентив
a-nɤŋ ju-**ɤ-n**-u-ɤ mine šatlan-dɤr-dɤ.
он-GEN мыть-ST-**DEPAT**-NMN-3 я.ACC радоваться-CAUS-PST
То, что он помылся, меня обрадовало.

c. Реципрок
marat-nɤŋ ruslan-ga a-lar-nɤ ajɤr-ɤ-**š**-u-ɤ miŋa
Марат-GEN Руслан-DAT он-PL-ACC разделять-ST-**REC**-NMN-3 я.DAT

ɤš-a-dɤ.
нравиться-ST-PST
Мне понравилось то, что Марат помогал Руслану их разнять.

d. Пассив
tup-nɤŋ bär-e-**l**-ü-e mine šatlan-dɤr-dɤ.
мяч-GEN бросать-ST-**PASS**-NMN-3 я.ACC радоваться-CAUS-PST
То, что мячик был брошен, меня обрадовало.

(6.346) Отрицание
marat-nɤŋ a-nɤ kür-**m**-ä-ü-e mine šatlan-dɤr-dɤ.
Марат-GEN он-ACC видеть-**NEG**-ST-NMN-3 я.ACC радоваться-CAUS-PST
То, что Марат не увидел его, меня обрадовало.

(6.347) a. Многократность
a-nɤŋ kil-**gäl**-ä-ü-e mine ačulan-dɤr-dɤ.
он-GEN приходить-**FREQ**-ST-NMN-3 я.ACC сердиться-CAUS-PST
Меня рассердило то, что он часто приходит.

b. Аналитическая конструкция
sin kitap-nɤ ike sägat$_j$ bujɤna
ты книга-ACC два час-LOC в.течение

uk-ɤ-p **bet-e-r-ü-eŋ-ä**
читать-ST-CONV **кончаться-ST-CAUS-NMN-2SG-DAT**

kürä min kit-te-m.
из.за я уходить-PST-1SG
*Я ушел из-за того, что ты два часа **заканчивал чтение** книги.*

В следующем разделе будет освещен внешний синтаксис номинализации, то есть ее именные свойства: сочетаемость с прилагательными, кванторами и числительными, изменение по числу. Затем будут рассмотрены особенности внутреннего синтаксиса ИГ, включающей в себя имя действия: падежное маркирование актантов, способы выражения актантов, возможные сирконстанты и адъюнкты. В последнем разделе мы обратимся к семантическим особенностям номинализаций на *-и*.

6.4.2. Внешний синтаксис. Именные свойства

В этом разделе обсуждаются именные характеристики номинализации, а именно: доступные синтаксические позиции, изменяемость по числу, сочетаемость с числительными, прилагательными и кванторными словами.

6.4.2.1. Синтаксические позиции номинализации: актантная, сирконстантная, аргумент послелога

Как и обычные существительные, номинализация изменяется по падежам. Наиболее естественны для номинализации те падежи, которые имя действия получает в позиции зависимого глагола, требующего сентенциального актанта: номинатив, аккузатив, датив и аблатив. Эти возможности проиллюстрированы в (6.348a-d). Далее мы будем называть эти номинализации а к т а н т н ы м и .

(6.348) a. miŋa sineŋ tɤnɤč tawɤš belän **ǯɤrl-a-u-ɤŋ** ɤš-ɤj.
я.DAT ты.GEN тихий голос с **петь-ST-NMN-2SG** нравиться-ST.IPFV
*Мне нравится, **что** ты **поешь** тихим голосом.*

b. min a-nɤŋ siŋa bernärsä **bir-m-ä-ü-e-n** bel-ä-m.
я он-GEN ты.DAT ничто **давать-NEG-ST-NMN-3-OBL.ACC** знать-ST.IPFV-1SG
*Я знаю, **что** он тебе ничего **не дает**.*

c. a-nɤŋ **kil-ü-e-n-ä** bez šatlan-dɤ-k.
он-GEN **приходить-NMN-3-OBL-DAT** мы радоваться-PST-1PL
*Мы обрадовались его **приходу**.*

d. a-lar üz-lär-e-neŋ dus-lar-ɤ-n **ɤnɤt-u-dan** kurk-a-lar.
он-PL сам-PL-3-GEN друг-PL-3-OBL.ACC **забывать-NMN-ABL** бояться-ST.IPFV-PL
*Они боятся **забыть** своих друзей.*

Номинализации же, употребляемые в аблативе и дативе в качестве обстоятельства, мы будем называть с и р к о н с т а н т н ы м и (об их значении будет сказано в разделе 6.4.4.2).

(6.349) a. malaj **kit-ü-gä** kɤz kitap uk-ɤj bašl-a-dɤ.
мальчик **уходить-NMN-DAT** девочка книга читать-ST.IPFV начинать-ST-PST
***Как только** мальчик **ушел**, девочка начала читать книгу.*

b. min **kil-ü-dän** bernärsä dä üzgär-m-ä-de.
я **приходить-NMN-ABL** ничто EMPH меняться-NEG-ST-PST
***От** моего **прихода** ничего не изменилось.*

К этой группе теоретически следует отнести и номинализации в локативе:

(6.350) sineŋ bu **kil-ü-eŋ-dä** jaŋgɤr jaw-dɤ.
ты.GEN этот **приходить-NMN-2SG-LOC** дождь падать-PST
Когда** ты **пришел [= в этот твой приход]*, шел дождь.*

Однако в сергачском говоре (с. Рыбушкино) они не употребляются, а в чистопольском (с. Кутлушкино) употребляются очень редко, поэтому за исключением раздела о семантике они упоминаться не будут.

Что касается формы генитива, то хотя ее образование теоретически возможно, на практике она не употребляется. Этот факт отмечается и в ТГ 1992 для литературного татарского. Типологически подобная редуцированная парадигма не уникальна: например, некоторые турецкие номинализации также не употребляются в генитиве (Comrie, Thompson 1985).

Другая возможная позиция для номинализации — аргумент послелога, в частности, послелога *turɤnda* ‘о’, имеющего валентность на содержание:

(6.351) sineŋ mašɤna al-u-ɤŋ **turɤnda** bel-de-m.
ты.GEN машина брать-NMN-2 **о** знать-PST-1SG
*Я узнал **о** том, что ты покупаешь машину.*

Номинализации присоединяются и к другим послелогам, в частности, со значением причины: *arkasɤnda* (+NOM) ‘из-за’, *bujɤnča* (+NOM) ‘согласно’, *xakɤnda* (+NOM) ‘из-за’, *kürä* (+DAT) ‘из-за’.

(6.352) a. a-nɤŋ ät-ü-e **bujɤnča** min bel-de-m.
он-GEN говорить-NMN-3 **согласно** я знать-PST-1SG
*Я знаю это, **потому что** он мне сказал.*

b. sin kitap uk-u **arkasɤnda** min kit-te-m.
ты книга читать-NMN **из-за** я уходить-PST-1SG
*Я ушел **из-за** того, что ты читал книгу.*

Для выражения временных отношений используются послелоги *belän* (+NOM) ‘с’, *xätle* (+ABL) ‘до’ и целый ряд других:

(6.353) a. malaj mɤnda jɤkl-a-u-ɤ **belän** kɤz kitap
мальчик здесь спать-ST-NMN-3 **с** девочка книга
uk-ɤj bašl-a-dɤ.
читать-ST.IPFV начинать-ST-PST
***Как только** мальчик здесь уснул, девочка начала читать книгу.*

b. marat bu ɤzba-da tɤr-u-ɤ-n-a **xätle** äni-äti-se belän tɤr-dɤ.
Марат этот дом-LOC стоять-NMN-3-OBL-DAT **до** мама-папа-3 с стоять-PST
***До того как** Марат жил в этом доме, он жил с родителями.*

Целесообразность выделения этих трех групп номинализаций — актантных, сирконстантных и припослеложных — будет показана для идиомы с. Кутлушкино на примерах из области внешнего и внутреннего синтаксиса номинализации, а для идиомы с. Рыбушкино — на примерах из области семантики.

6.4.2.2. Изменение по числу

Как отмечается в 1.2.2.1, в ИГ показатель *-lar* может указывать как на множественность референта именной группы, так и на множественность посессора третьего лица.

(6.354) malaj-lar-nɤŋ kitap-**lar**-ɤ
мальчик-PL-GEN книга-**PL**-3
1. книга мальчиков
2. книги мальчиков

В случае номинализации, соответственно, следует ожидать эти же возможности. Во-первых, *-lar* должен указывать на множественность ситуаций, обозначаемых номинализованным глаголом. Во-вторых, можно отметить параллелизм (по меньшей мере поверхностный) конструкции с посессором и номинализации:

(6.355) a. malaj-nɤŋ kitab-ɤ
мальчик-GEN книга-3
книга мальчика

b. malaj-nɤŋ kil-ü-e
мальчик-GEN приходить-NMN-3
приход мальчика

Имея в виду этот параллелизм, можно ожидать появление интерпретации, где *-lar* указывает на множественное число именной группы в позиции субъекта номинализации.

6.4.2.2.1. Число как показатель множественности ситуаций. В чистопольском говоре (с. Кутлушкино) способность *-lar* указывать на неоднократное повторение ситуации

лексически ограничена, имеет нерегулярный характер и характеризуется снижением приемлемости соответствующих предложений:

(6.356) ? minem kil-ü-**lär**-em marat-nɤ šatlan-dɤr-dɤ.
я.GEN приходить-NMN-**PL**-1SG Марат-ACC радоваться-CAUS-PST
Марата обрадовали мои приходы.

Если в номинализации, описывающей множественную ситуацию, представлено прямое дополнение в немаркированной форме, допускается две интерпретации. В (6.357.1) предполагается единичность пациенса, в (6.357.2) — множественность. В свете обсуждения числовой интерпретации немаркированного прямого дополнения в 5.2.2.2, эти возможности вполне ожидаемы.

(6.357) ? minem kitap al-u-**lar**-ɤm marat-nɤ šatlan-dɤr-dɤ.
я.GEN книга брать-NMN-**PL**-1SG Марат-ACC радоваться-CAUS-PST
1. Марата порадовало то, что я много раз брал книгу.
2. Марата порадовало то, что я брал много книг.

В сергачском говоре (с. Рыбушкино), напротив, множественное число образуется систематически и не имеет лексических ограничений. Номинализация с таким показателем приобретает значение ‘регулярно или постоянно осуществляемая ситуация’.

(6.358) a. sineŋ su kajn-a-t-u-**lar**-ɤŋ-nɤ alsu bel-gän.
ты.GEN вода кипеть-ST-CAUS-NMN-**PL**-2SG-ACC Алсу знать-PFCT
Алсу узнала, что ты постоянно кипятишь воду.

b. taš-lar tab-u-**lar**-ɤ-n-a ul šatlan-dɤ.
камень-PL находить-NMN-**PL**-3-OBL-DAT он радоваться-PST
Он обрадовался, что постоянно находит камни.

c. min karawat-ta jat-u-**lar**-ɤm-a ul šatlan-a.
я кровать-LOC лежать-NMN-**PL**-1SG-DAT он радоваться-ST.IPFV
Он радуется, что я часто лежу в кровати.

Итеративная интерпретация, при которой вводится в рассмотрение эпизодическая множественная ситуация, избегается, что видно из сочетаемости с наречиями времени типа ‘вчера’ или ‘сегодня’:

(6.359) ? min kicä karawat-ta jat-u-**lar**-ɤm-a ul šatlan-a.
я вчера кровать-LOC лежать-NMN-**PL**-1SG-DAT он радоваться-ST.IPFV
Он радуется, что я вчера много раз лежал в кровати.

Прочтение, соответствующее (6.357), когда предполагается множественность пациенса, в сергачском говоре (с. Рыбушкино) не засвидетельствовано:

(6.360) minem kitap uk-u-**lar**-ɤm-nɤ alsu kür-de.
я.GEN книга читать-NMN-**PL**-1SG-ACC Алсу видеть-PST
1. Алсу видела, как я постоянно читала книгу.
*2. *Алсу видела, как я читала книги.*

6.4.2.2.2. Число как показатель согласования. При множественном агенсе третьего лица *-lar* выступает как факультативный согласовательный показатель. В (6.361a) иллюстрируется употребление номинализации в единственном числе, в (6.361b) — с показателем множественного числа.

(6.361) a. marat xäm ruslan-nɤŋ kil-ü-e mine šatlan-dɤr-dɤ.
Марат и Руслан-GEN приходить-NMN-3 я.ACC радоваться-CAUS-PST
Приход Марата и Руслана меня обрадовал. {a=b}

b. marat xäm ruslan-nɤŋ kil-ü-**lär**-e mine šatlan-dɤr-dɤ.
Марат и Руслан-GEN приходить-NMN-**PL**-3 я.ACC радоваться-CAUS-PST

Согласно оценкам большинства носителей обоих говоров, примеры типа (6.361b) не охарактеризованы по признаку числа ситуаций и в целом хуже вариантов без *-lar*.

6.4.2.3. Сочетаемость с числительными и количественными словами

Поскольку числительные и другие количественные выражения (‘много’, ‘мало’, ‘несколько’) содержат в себе информацию, схожую с грамматическим числом, можно было бы ожидать, что они имеют схожую дистрибуцию в обоих говорах. Однако это не так.

В чистопольском говоре (с. Кутлушкино) числительное может быть членом именной группы, возглавляемой номинализацией, только если из других зависимых в этой ИГ выражено лишь подлежащее.

(6.362) marat-nɤŋ **eč** ačulan-u-ɤ mine šatlan-dɤr-dɤ.
Марат-GEN **три** сердиться-NMN-3 я.ACC радоваться-CAUS-PST
*Меня обрадовало то, что Марат **три раза** рассердился.*

Если номинализация содержит любые другие компоненты, количественное выражение невозможно:

(6.363) sineŋ kičä **ike** alma aš-a-u-ɤŋ-nɤ min bel-ä-m.
ты.GEN вчера **два** яблоко есть-ST-NMN-2SG-ACC я знать-ST.IPFV-1SG
*1. *Я знаю, что ты вчера **два раза** ел яблоко.*
*2. Я знаю, что ты вчера съел **два** яблока.*

В (6.363) числительное может интерпретироваться как модификатор существительного ‘яблоко’, выступающего прямым дополнением номинализации в (6.363.2), но не как модификатор самой номинализации, что видно из неприемлемости (6.363.1).

В татарской ИГ с числительным или количественным словом показатель множественного числа на существительном недопустим, и в номинализации это ограничение продолжает действовать, хотя и в ослабленном виде.

(6.364) ??/?marat-nɤŋ kičä **küp** kil-u-lär-e mine gaǯäplän-der-de.
Марат-GEN вчера **много** приходить-NMN-PL-3 я.ACC удивляться-CAUS-PST
*То, что Марат вчера приходил **много (раз),** меня удивило.*

В сергачском говоре (с. Рыбушкино) числительные вовсе не могут входить в состав номинализации. Единственная доступная возможность — обстоятельства с количественным значением:

(6.365) a. *su-nɤŋ **ike** kajn-a-u-ɤ sez-gä kiräk.
вода-GEN **два** кипеть-ST-NMN-3 вы-DAT быть.нужным
*Вам нужно, чтобы вода вскипела **два раза**.* {a=b}

b. su-nɤŋ **ike** **kat** kajn-a-u-ɤ sez-gä kiräk.
вода-GEN **два** **раз** кипеть-ST-NMN-3 вы-DAT быть.нужным

В других говорах ограничение, иллюстрируемое в (6.365a), ослаблено или вовсе отсутсвует.

6.4.2.4. Сочетаемость с прилагательными, указательными местоимениями и кванторами

В татарском языке большинство прилагательных имеют и наречные употребления, поэтому, чтобы проверить, допускает ли номинализация в качестве зависимых прилагательные или наречия, мы используем ограниченный набор пар «наречие – прилагательное», различающихся отсутствием / наличием аттрибутивизирующего суффикса, например, *kičä* ‘вчера’ — *kičä-ge* ‘вчерашний’, *kič* ‘вечер, вечером’ — *kič-ke* ‘вечерний’.

Мишарские имена действия в актантной позиции сочетаются с прилагательными, указательными местоимениями и кванторами, если у номинализованного глагола синтаксически реализован только внешний аргумент — подлежащее (примеры (6.366a-b) из чистопольского говора (с. Кутлушкино), (6.367) — сергачского (с. Рыбушкино)):

(6.366) a. min malaj-nɤŋ **kičä-ge** jɤgɤl-u-ɤ-n kür-de-m.
я мальчик-GEN **вчера-ATR** падать-NMN-3-OBL.ACC видеть-PST-1SG
*Я видел **вчерашнее** падение мальчика.*

b. marat-nɤn **beten** ačulan-u-ɤ mine šatlan-dɤr-dɤ.
Марат-GEN **весь** сердиться-NMN-3 я.ACC радоваться-CAUS-PST
Все ситуации, когда Марат был сердит [= все сердитости Марата]*, меня радовали.*

(6.367) a. alsu bel-ä sineŋ **kič-ke** jer-ü-lär-eŋ-ne.
Алсу знать-ST.IPFV ты.GEN **вечер-ATR** ходить-NMN-PL-2SG-ACC
Алсу знает, что ты по вечерам гуляешь.

b. **xär** ɤčr-a-š-u-ɤm-a šatlan-dɤ-m.
каждый встречаться-ST-REC-NMN-1SG-DAT радоваться-PST-1SG
Я радовался каждой встрече.

Те же возможности доступны и в том случае, когда имя действия модифицируется непроизводным наречием-прилагательным:

(6.368) a. kɤz-nɤŋ **kičä-ge** matur ǯɤrl-a-u-ɤ-n išet-te-gez-me?
девочка-GEN **вчера-ATR** красиво петь-ST-NMN-3-OBL.ACC слышать-PST-2PL-Q
*Вы слышали, что **вчера** девочка красиво пела?*

b. marat-nɤŋ **xär** tiz kinät ačulan-u-ɤ
Марат-GEN **каждый** быстрый внезапный сердиться-NMN-3
mine šatlan-dɤr-dɤ.
я.ACC радоваться-CAUS-PST
***Каждая** быстрая внезапная сердитость Марата меня радовала.*

Сочетаемость номинализаций, обладающих фразовой структурой (за вычетом подлежащего-посессора), различается по говорам. В чистопольском говоре (с. Кутлушкино) такие имена действия не способны присоединять прилагательные.

(6.369) a. * min malaj-nɤŋ **kičä-ge** ǯir-gä jɤgɤl-u-ɤ-n kür-de-m.
я мальчик-GEN **вчера-ATR** земля-DAT падать-NMN-3-OBL.ACC видеть-PST-1SG
*Я видел **вчерашнее** падение мальчика на землю.* {a=b}

b. * min malaj-nɤŋ ǯir-gä **kičä-ge** jɤgɤl-u-ɤ-n kür-de-m.
я мальчик-GEN земля-DAT **вчера-ATR** падать-NMN-3-OBL.ACC видеть-PST-1SG

Такая же картина наблюдается и в случае с кванторными словами и указательными местоимениями. (6.370) допускает единственную интерпретацию в (6.370.2), когда указательное местоимение образует составляющую с внутренним аргументом номинализации ‘книга’. Интерпретация (6.370.1), при которой указательное местоимение модифицирует отглагольное имя, систематически отвергается носителями. (Такую точно дистрибуцию мы уже видели у числительных в (6.363.1-2).)

(6.370) marat-nɤŋ **tege** kitap-lar-nɤ al-u-ɤ mine šatlan-dɤr-dɤ.
Марат-GEN **тот** книга-PL-ACC брать-NMN-3 я.ACC радоваться-CAUS-PST
*1. *Я радовался, что Марат взял книги* [= **тому** взятию книг Маратом].
2. Я радовался, что Марат взял те книги.

Как показывают примеры (6.371a-b), в сергачском говоре (с. Рыбушкино) прилагательные и кванторные слова невозможны, если между ними и именами действия располагается какой-то еще материал.

(6.371) a. alsu bel-ä sineŋ **kič-ke** urman-da jer-ü-lär-eŋ-ne.
Алсу знать-ST.IPFV ты.GEN **вечер-ATR** лес-LOC ходить-NMN-PL-2SG-ACC
*1. *Алсу знает, что ты **вечером** регулярно гуляешь* [= твои вечерние гуляния] *в лесу.*
*2. Алсу знает, что ты регулярно гуляешь в **вечернем** лесу.*

b. **xär** ak mäče belän ɤčr-a-š-u-ɤm-a
каждый белый кошка с встречаться-ST-REC-NMN-1SG-DAT

šatlan-dɤ-m.
радоваться-PST-1SG
*1.*Я радовался **каждой** встрече с белой кошкой.*
*2. Я радовался встречам с **каждой** белой кошкой.*

Если, однако, прилагательное размещается непосредственно перед отглагольным существительным, распространенная номинализация допускается многими носителями:

(6.372) a. ? alsu bel-ä sineŋ urman-da **kič-ke** jer-ü-lär-eŋ-ne.
Алсу знать-ST.IPFV ты.GEN лес-LOC **вечер-ATR** ходить-NMN-PL-2SG-ACC
*Алсу знает, что ты **по вечерам** гуляешь в лесу.*

b. ? ak mäče belän **xär** ɤčr-a-š-u-ɤm-a
белый кошка с **каждый** встречаться-ST-REC-NMN-1SG-DAT

šatlan-dɤ-m.
радоваться-PST-1SG
*Я радовался **каждой** встрече с белой кошкой.*

По оценкам носителей других говоров, описанные здесь ограничения могут проявляться значительно слабее. В частности, предложения (6.369a-b), (6.370.1), (6.371a.1), (6.371b.1) в западных говорах расцениваются как допустимые.

Последнее, на что мы хотели бы обратить внимание в этом разделе, — это контраст между актантными и сирконстантными номинализациями, засвидетельствованный в чистопольском говоре. В сирконстантных номинализациях употребление прилагательного невозможно, даже если внутренние аргументы синтаксически не реализованы:

(6.373) a. malaj **kičä** kil-ü-gä, kɤz jɤl-a-dɤ.
мальчик **вчера** приходить-NMN-DAT девочка плакать-ST-PST
*Как только мальчик **вчера** пришел, девочка заплакала.* {a=b}

b. *malaj **kičä-ge** kil-ü-gä kɤz jɤl-a-dɤ.
мальчик **вчера-ATR** приходить-NMN-DAT девочка плакать-ST-PST

6.4.2.5. Некоторые обобщения

Мишарские номинализации на *-u* обладают следующими именными свойствами: они изменяются по падежам и могут быть аргументами послелогов, а также принимать показатели множественного числа.

В чистопольском говоре (с. Кутлушкино) актантные номинализации могут иметь в качестве зависимых числительные, прилагательные и кванторы, только если внутренние аргументы не выражены. В литературе принято различать те номинализации, которые способны выражать свои исходные аргументы, и те, которые на это неспособны. Первые обычно называют именами с процессуальной семантикой (process nominals) или именами со сложной событийной структурой (complex event nominals), а вторые — именами с семантикой результата (result nominals) — см. Alexiadou 2001. Способность иметь именные зависимые считается одним из свойств номинализаций как раз второго типа. Таким образом, в случае с показателем на *-u* в чистопольском говоре, по-видимому, имеет место омонимия этих двух прочтений, которая разрешается только в контексте соответствующих зависимых. В сирконстантной же позиции второе прочтение невозможно.

Способность принимать показатель числа одно время считалась также свойством номинализаций исключительно второго типа (Grimshaw 1990). Однако этому было найдено множество контрпримеров, в том числе и в европейских языках (см., например, Alexiadou *et al.* 2010), и в этом смысле мишарские номинализации не уникальны. Однако А. Алексиаду и её коллеги (Alexiadou *et al.* 2010) предполагают, что возможность образования формы множественного числа связана с акциональными характеристиками номинализации: множественное число образуют только номинализации от предельных глаголов. В (6.374a) представлена номинализация от глагола совершенного вида, а в (6.374b)— несовершенного (примеры из польского языка из Alexiadou *et al.* 2010: 564; перевод наш).

(6.374) a. Częste **odkry-cia** nowych terapii raka
частые **открывать.PF-CIE.PL** новых терапий рака

przyniosły naukowcom międzynarodową sławę.
принесли исследователям международную славу

Частые открытия новых способов лечения рака принесли исследователям международную известность. {a=b}

b. *Częste **odkrywa-nia** nowych terapii raka
частые **открывать.PF-CIE.PL** новых терапий рака

przyniosły naukowcom międzynarodową sławę.
принесли исследователям международную славу

Если для носителей чистопольского говора (с. Кутлушкино) номинализации во множественном числе даже от предельных глаголов не являются абсолютно приемлемыми, то для носителей сергачского говора (с. Рыбушкино) множественное число доступно даже для номинализации от непредельного глагола, как в (6.375). Это расходится с анализом Alexiadou *et al*. 2010.

(6.375) sez-neŋ urman-da jɤgɤr-u-**lar**-ɤgɤz-dan min kurk-tɤ-m.
вы-GEN лес-LOC бегать-NMN-**PL**-2PL-ABL я бояться-PST-1SG

Я боюсь, что вы часто бегаете [= ваших беганий] *в лесу.*

Определённую проблему для существующих теорий синтаксиса номинализаций представляют и ограничения «сергачской» номинализации на сочетаемость с прилагательными и кванторами. Как было сказано выше, эти именные модификаторы должны быть расположены контактно с вершиной — именем действия. При этом исходные глагольные зависимые (например, дополнение) оказываются левее этих именных зависимых: N-GEN Object Adj V-NMN. Классический подход к синтаксису номинализации подразумевает, что хотя бы на исходном этапе прямое дополнение образует составляющую с глагольной основой: [Object V]-NMN. Если исходить из предположения, что передвижения вниз по дереву невозможны и прилагательное соответственно не может оказаться в этой позиции в результате передвижения, следует предполагать перемещение прямого дополнения за границы глагольной группы на левую периферию ИГ. В таком случае возникает вопрос о том, в какую именно позицию перемещается прямое дополнение. То, что речь идёт именно о передвижении, подтверждается тем фактом, что неоформленное прямое дополнение на это неспособно (о синтаксической инертности неоформленных прямых дополнений см. 5.2.2.2):

(6.376) a. **kitap-nɤ** xär uk-u-ɤm sin kür-de-ŋ.
книга-ACC каждый читать-NMN-1SG ты видеть-PST-2SG

*Ты видел каждое мое чтение **книги**.* {a=b}

b. ***kitap** xär uk-u-ɤm sin kür-de-ŋ.
книга каждый читать-NMN-1SG ты видеть-PST-2SG

Можно предполагать, что в ИГ есть некоторое количество проекций, связанных с информационной структурой, чьи спецификаторы доступны для всевозможных внутренних аргументов глагола. Однако вопрос о мотивации такого количества передвижений остается открытым.

6.4.3. Внутренний синтаксис

6.4.3.1. Падежное оформление аргументов и согласование номинализации с подлежащим

6.4.3.1.1. Падежное оформление внутренних аргументов глагола. С точки зрения падежного оформления всех аргументов и сирконстантов, кроме подлежащего, номинализация идентична независимому предложению. Например, при номинализации простого предложения с переходным глаголом прямое дополнение сохраняет либо форму неоформленного аккузатива, как в (6.377), либо показатель аккузатива, как в (6.378).

(6.377) a. malaj **alma** al-dɤ.
мальчик **яблоко** брать-PST

*Мальчик взял **(какое-то) яблоко**.*

b. min malaj-nɤŋ **alma** al-u-ɤ-n išet-te-m.
я мальчик-GEN **яблоко** брать-NMN-3-OBL.ACC слышать-PST-1SG

*Я слышал, что мальчик взял **(какое-то) яблоко**.*

(6.378) a. malaj **alma-nɤ** al-dɤ.
мальчик **яблоко-ACC** брать-PST

*Мальчик взял **(известное) яблоко**.*

b. min malaj-nɤŋ **alma-nɤ** al-u-ɤ-n išet-te-m.
я мальчик-GEN **яблоко-ACC** брать-NMN-3-OBL.ACC слышать-PST-1SG

*Я слышал, что мальчик взял **(известное) яблоко**.*

У других аргументов глагола, например, у источника в (6.379) или цели в (6.380), падежное маркирование также не меняется:

(6.379) a. malaj **kɤz-dan** alma(-nɤ) al-dɤ-m.
мальчик **девочка-ABL** яблоко(-ACC) брать-PST-1SG

*Мальчик взял **у девочки** яблоко.*

b. min malaj-nɤŋ **kɤz-dan** alma(-nɤ) al-u-ɤ-n
я мальчик-GEN **девочка-ABL** яблоко брать-NMN-3-OBL.ACC

išet-te-m.
слышать-PST-1SG

*Я слышал, что мальчик взял **у девочки** яблоко.*

(6.380) a. äni-se bala-sɤ-n kɤz-ɤ-nɤŋ **kul-ɤ-n-a** bir-de.
мама-3 ребенок-3-OBL.ACC девочка-3-GEN **рука-3-OBL-DAT** давать-PST

*Мама дала своего ребенка **девочке на руки**.*

b. min äni-se-neŋ bala-sɤ-n kɤz-ɤ-nɤŋ
я мама-3-GEN ребенок-3-OBL.ACC девочка-3-GEN

kul-ɤ-n-a bir-ü-e-n kür-de-m.
рука-3-OBL-DAT давать-NMN-3-OBL.ACC видеть-PST-1SG

*Я видел, что мама отдает ребенка **девочке на руки**.*

(6.381) иллюстрирует номинализацию от непереходного глагола, где падеж сирконстанта также идентичен тому, который представлен в независимом предложении:

(6.381) a. tübä **kɤjaš-ta** jaltɤr-ɤj.
крыша **солнце-LOC** блестеть-ST.IPFV
*Крыша блестит **на солнце**.*

b. tübä-neŋ **kɤjaš-ta** jaltɤr-a-u-ɤ-n-a
крыша-GEN **солнце-LOC** блестеть-ST-NMN-3-OBL-DAT
malaj šatlan-a.
мальчик радоваться-ST.IPFV
*Мальчик радуется тому, что крыша блестит **на солнце**.*

6.4.3.1.2. Падежное оформление подлежащего номинализованной клаузы и согласование вершины. В этом разделе мы рассмотрим связь между падежным оформлением подлежащего номинализованной клаузы и согласованием с ним в обычных, экспериенциальных и каузативных клаузах.

6.4.3.1.2.1. Номинатив vs. генитив подлежащего. Падеж подлежащего номинализованной клаузы и изафетное согласование имени действия с ним — два взаимосвязанных параметра, каждый из которых имеет два значения. Значения первого параметра — номинатив / генитив, второго — наличие / отсутствие согласования. Таким образом, эти два параметра дают четыре логические возможности:

- генитив подлежащего и согласование с ним;
- генитив подлежащего и отсутствие согласования с ним;
- номинатив подлежащего и согласование с ним;
- номинатив подлежащего и отсутствие согласования с ним.

В мишарском диалекте засвидетельствованы все четыре комбинации, однако в двух рассмотренных говорах их дистрибуция не совпадает. Выбор того или иного сочетания значений параметров зависит от нескольких факторов, в частности, грамматических и дискурсивных свойств подлежащего и синтаксической позиции номинализации. В качестве опорной точки для дальнейшего повествования мы выбрали падеж подлежащего.

Сначала рассмотрим вариант с генитивным подлежащим. Эта возможность в сочетании с согласованием доступна в обоих говорах во всех синтаксических позициях.

(6.382) a. Актантная позиция
alsu marat-ka **bez-neŋ** sɤzgɤr-m-a-u-**ɤbɤz**-nɤ ɤšan-dɤr-dɤ.
Алсу Марат-DAT **мы-GEN** свистеть-NEG-ST-NMN-**1PL**-ACC верить-CAUS-PST
*Алсу уверила Марата, что **мы** не будем свистеть.*

b. Сирконстантная позиция
rišat-nɤŋ kil-ü-**e**-n-ä äti-se a-nɤ čakɤr-dɤ.
Ришат-GEN приходить-NMN-**3**-OBL-DAT папа-3 он-ACC звать-PST
*Как только **Ришат** пришел, отец его позвал.*

c. Припослеложная номинализация
minem bu ɤzba-da tɤr-u-**ɤm**-a xätle äni-äti-m belän
я.GEN этот дом-LOC стоять-NMN-**1SG**-DAT до мама-папа-1SG с

tɤr-dɤ-m.
стоять-PST-1SG
*До того как **я** жил в этом доме, я жил с родителями.*

Отсутствие согласования по лицу допускается только при подлежащем 1-2 лица множественного числа, как видно из (6.383):

(6.383) a. alsu marat-ka **bez-neŋ** sɤzgɤr-m-a-u-**ɤbɤz**-nɤ ɤšan-dɤr-dɤ.
Алсу Марат-DAT **мы-GEN** свистеть-NEG-ST-NMN-1PL-ACC верить-CAUS-PST
*Алсу уверила Марата, что **мы** не будем свистеть.* {a=b}

b. alsu marat-ka **bez-neŋ** sɤzgɤr-m-a-u-nɤ ɤšan-dɤr-dɤ.
Алсу Марат-DAT **мы-GEN** свистеть-NEG-ST-NMN-ACC верить-CAUS-PST

Вариант в (6.383b), где согласование отсутствует, согласно оценке носителей, оказывается предпочтительнее. Факультативность согласования с подлежащим 1-2 лица множественного числа не специфична для конструкции с именем действия. То же самое происходит в ИГ с непроизводным существительным в (6.384) (см. об этом 4.1.2) и в независимом предложении (6.385) (ср. ТГ 1993: 89):

(6.384) a. **sez-neŋ** bala-**gɤz** b. **sez-neŋ** bala
вы-GEN ребенок-2PL **вы-GEN** ребенок
***ваш** ребенок* {a=b}

(6.385) a. **bez** kem-när belän genä bergä ešl-ä-m-ä-gän-**bez**!
мы кто-PL с FOC вместе работать-ST-NEG-ST-PFCT-**1PL**
*С кем только **нам** не приходилось работать!* {a=b}

b. **bez** kem-när belän genä bergä ešl-ä-m-ä-gän!
мы кто-PL с FOC вместе работать-ST-NEG-ST-PFCT

Кроме того, факультативно согласование имени действия по числу с подлежащим третьего лица, что также характерно для всей системы языка (см. ТГ 1993: 97). (6.386) показывает согласование в именной группе, (6.387) — глагольное согласование, (6.388) — согласование номинализации с генитивным субъектом:

(6.386) a. **ukɤtučɤ-lar-nɤŋ** bala-**lar**-ɤ
учитель-PL-GEN ребенок-**PL**-3
*ребенок **учителей*** {a=b}

b. **ukɤtučɤ-lar-nɤŋ** bala-sɤ
учитель-PL-GEN ребенок-3

(6.387) a. **a-lar-nɤŋ** sejäk-lär-e sɤzl-ɤj-**lar**.
он-PL-GEN кость-PL-3 болеть-ST.IPFV-**PL**
***У них** болят кости* [= их кости болят]. {a=b}

b. **a-lar-nɤŋ** sejäk-lär-e sɤzl-ɤj.
он-PL-GEN кость-PL-3 болеть-ST.IPFV

(6.388) a. **malaj-lar-nɤŋ** gɤrɤld-a-u-**lar**-ɤ-n-nan bez kurk-tɤ-k.
мальчик-PL-GEN храпеть-ST-NMN-**PL**-3-OBL-ABL мы бояться-PST-1PL
*Мы испугались храпа **мальчиков**.* {a=b}

b. **malaj-lar-nɤŋ** gɤrɤld-a-u-ɤ-n-nan bez kurk-tɤ-k.
мальчик-PL-GEN храпеть-ST-NMN-3-OBL-ABL мы бояться-PST-1PL

Со всеми другими типами подлежащих (например, именами собственными или местоимениями, как в (6.389a-b)) согласование обязательно:

(6.389) a. ***rišat-nɤŋ** kil-ü-gä äti-se a-nɤ čakɤr-dɤ.
Ришат-GEN приходить-NMN-DAT папа-3 он-ACC звать-PST
*Как только **Ришат** пришел, отец его позвал.*

b. ***minem** bu ɤzba-da tɤr-u-ga xätle äni-äti-m belän
я.GEN этот дом-LOC стоять-NMN-DAT до мама-папа-1SG с
tɤr-dɤ-m.
стоять-PST-1SG
*До того как **я** жил в этом доме, я жил с родителями.*

Перейдем к номинализациям с номинативным подлежащим. Номинатив подлежащего в сочетании с согласованием в обоих говорах предпочтительнее генитива с согласованием, если подлежащее — именная группа с нарицательным существительным, имеющая неопределенный или нереферентный статус:

(6.390) a. alsu **set** kajn-a-u-**ɤ**-n bel-de.
Алсу **молоко** кипеть-ST-NMN-**3**-OBL.ACC знать-PST
*Алсу узнала, что **молоко** (вс)кипело.*

b. alsu **at-lar** jɤgɤr-u-**lar**-**ɤ**-n bel-de.
Алсу **лошадь-PL** бежать-NMN-**PL**-**3**-OBL.ACC знать-PST
*Алсу узнала, что **лошади** бегут.*

Как и в генитивных номинализациях, показатель согласования по числу факультативен. Это видно из сравнения (6.390b) и (6.391):

(6.391) alsu **at-lar** jɤgɤr-u-**ɤ**-n bel-de.
Алсу **лошадь-PL** бежать-NMN-**3**-OBL.ACC знать-PST
*Алсу узнала, что **лошади** бегут.*

Употребление номинатива с согласованием при других типах подлежащего в чистопольском говоре (с. Кутлушкино) ограничено синтаксической позицией номинализации: эта возможность реализуется только в сирконстантных и припослеложных номинализациях[46].

(6.392) a. Актантная номинализация
***rišat** kil-ü-**e**-n-ä šatlan-a-m.
Ришат приходить-NMN-**3**-OBL-DAT радоваться-ST.IPFV-1SG
*Я радуюсь тому, что пришел **Ришат**.*

[46] Две группы случаев, в которых появляется номинативное подлежащее, невозможное в актантной номинализации, обсуждаются в 6.1.1. Это дательный падеж имени действия на *-и* в значении непосредственного предшествования, аналогичного значению русского союза *как только*, и конструкции с причинными послелогами *arkasɤnda* и *xakɤnda* ‘из-за’.

b. Сирконстантная номинализация
? **rišat** kil-ü-**e**-n-ä äti-se a-nɤ čakɤr-dɤ.
Ришат приходить-NMN-**3**-OBL-DAT папа-3 он-ACC звать-PST
*Как только **Ришат** пришел, отец его позвал.*

c. Номинализация как аргумент послелога
? **rišat** kil-ü-**e** belän äti-se a-nɤ čakɤr-dɤ.
Ришат приходить-NMN-**3** с папа-3 он-ACC звать-PST
*Как только **Ришат** пришел, отец его позвал.*

Номинатив с согласованием в чистопольском говоре (с. Кутлушкино) больше подходит для нераспространенных номинализаций, ср. (6.392c) и (6.393):

(6.393) ?? **rišat** alsu-lar-ga kil-ü-**e**-n-ä ilnur kit-te.
Ришат Алсу-PL-DAT приходить-NMN-**3**-OBL-DAT Ильнур уходить-PST
*Как только **Ришат** пришел домой к Алсу, Ильнур ушел.*

В сергачском говоре (с. Рыбушкино), напротив, номинатив с согласованием в равной степени допускается при любой синтаксической позиции номинализации. Примеры типа (6.394a-b) оцениваются носителями как не совсем естественные, но допустимые.

(6.394) a. ? **sin** kil-ü-**eŋ** kejenä ul ujan-dɤ.
ты приходить-NMN-**2SG** как.только он просыпаться-PST
*Как только **ты** пришел, он проснулся.*

b. ? **sin** kil-ü-**eŋ**-ne min bel-ä-m.
ты приходить-NMN-**2SG**-ACC я знать-ST.IPFV-1SG
*Я знаю, что **ты** пришел.*

Приемлемость данной стратегии повышается для распространенных номинализаций, как иллюстрирует контраст в (6.395):

(6.395) a. ? **min** uk-u-**ɤm**-nɤ sin kür-de-ŋ.
я читать-NMN-**1SG**-ACC ты видеть-PST-2SG
*Ты видел, что **я** читал.*

b. ?/OK **min** tenä karawat-ta kitap uk-u-**ɤm**-nɤ sin kür-de-ŋ.
я вчера кровать-LOC книга читать-NMN-**1SG**-ACC ты видеть-PST-2SG
*Ты видел, что **я** вчера в кровати читал книгу.*

Ограничения, характерные для чистопольского говора, иллюстрируемые предложениями (6.392)-(6.393), не проявляются, по-видимому, и во многих других говорах, где такие предложения полностью приемлемы.

Конструкция с номинативом без согласования также имеет разную дистрибуцию по говорам. В чистопольском говоре (с. Кутлушкино) сфера ее употребления — исключительно сирконстантные и припослеложные номинализации. (6.396a-b) иллюстрируют контраст между актантной номинализацией (6.396b) и сирконстантной номинализацией в (6.396a).

(6.396) a. **rišat** kil-ü-gä äti-se a-nɤ čakɤr-dɤ.
Ришат приходить-NMN-DAT папа-3 он-ACC звать-PST
*Как только **Ришат** пришел, отец его позвал.*

b. ??min **rišat** kil-ü-ne bel-ä-m.
я **Ришат** приходить-NMN-ACC знать-ST.IPFV-1SG
*Я знаю, что **Ришат** пришел.*

В сергачском говоре (с. Рыбушкино) номинатив без согласования возможен при любой синтаксической позиции номинализации, но нежелателен при подлежащих, выраженных местоимениями и именами собственными[47]:

(6.397) a. alsu bel-de **su** tuŋ-u-nɤ.
Алсу знать-PST **вода** замерзать-NMN-ACC
*Алсу узнала, что **вода** замерзает.*

b. **su** tuŋ-u kejenä min a-nɤ al-ɤ-p
вода мерзнуть-NMN как.только я он-ACC брать-ST-CONV
er-e-t-te-m.
таять-ST-CAUS-PST-1SG
*Как только **вода** замерзла, я ее растопила.*

(6.398) a. ??**sin** kil-ü kejenä ul ujan-dɤ.
ты приходить-NMN как.только он просыпаться-PST
*Как только **ты** пришел, он проснулся.*

b. ??**sin** kil-ü-ne min bel-ä-m.
ты приходить-NMN-ACC я знать-ST.IPFV-1SG
*Я знаю, что **ты** пришел.*

Тем не менее, если номинализация достаточно распространена, приемлемость конструкции без согласования при номинативном подлежащем, выраженном местоимением или именем собственным, повышается:

(6.399) a. ??**min** uk-u-nɤ sin kür-de-ŋ.
я читать-NMN-ACC ты видеть-PST-2SG
*Ты видел, что **я** читал.*

b. ? **min** tenä karawat-ta kitap uk-u-nɤ sin kür-de-ŋ.
я вчера кровать-LOC книга читать-NMN-ACC ты видеть-PST-2SG
*Ты видел, что **я** вчера в кровати читал книгу.*

6.4.3.1.2.2. Согласование в экспериенциальных клаузах. Сначала мы обратимся к неглагольным предложениям вида N_{Dat} Adj (Cop), где N_{Dat} — экспериенцер в дативе, Adj — прилагательное, а Cop — глагол-связка. Из общих соображений можно предположить три возможности номинализовать такую клаузу: отсутствие какого бы то ни было изафетного показателя на номинализации, дефолтный изафетный показатель третьего лица единственного числа и семантическое согласование с экспериенцером. Рассмотрим для начала актантные номинализации.

[47] За пределами сергачского говора ограничения, иллюстрируемые в (6.398), насколько можно судить по нашим данным, не представлены.

Изафетный показатель третьего лица — самый предпочтительный вариант из возможных трех в обоих говорах[48]:

(6.400) a. **sez-gä** küŋelle.
вы-DAT веселый
***Вам** весело.*

b. **sez-gä** küŋelle bul-u-ɤ-n-a šatlan-a-m.
вы-DAT веселый быть-NMN-**3**-OBL-DAT радоваться-ST.IPFV-1SG
*Я радуюсь тому, что **вам** весело.*

Отсутствие изафетного показателя — возможность, конкурирующая с изафетом третьего лица в сергачском говоре (с. Рыбушкино), но отвергаемая носителями чистопольского говора (с. Кутлушкино). Предложение (6.401b) грамматично для носителей сергачского, но не чистопольского мишарского, а (6.401c) — для носителей обоих говоров.

(6.401) a. **siŋa** salkɤn.
ты.DAT холодный
***Тебе** холодно.*

b. ??**siŋa** salkɤn bul-u-dan ul kurk-a.
ты.DAT холодный быть-NMN-ABL он бояться-ST.IPFV
*Он боится, что **тебе** холодно.* {b=c}

c. **siŋa** salkɤn bul-u-ɤ-n-nan ul kurk-a.
ты.DAT холодный быть-NMN-**3**-OBL-ABL он бояться-ST.IPFV

Семантическое согласование с дативным экспериенцером в обоих говорах представляется маргинальным.

(6.402) ??**siŋa** salkɤn bul-u-ɤŋ-nan ul kurk-a.
ты.DAT холодный быть-NMN-**2SG**-ABL он бояться-ST.IPFV
*Он боится, что **тебе** холодно.*

Что касается сирконстантных и припослеложных номинализаций чистопольского говора, то в них приемлемо только отсутствие показателя:

(6.403) **miŋa** küŋelle bul-u-ga kürä ǯɤrl-ɤj-mɤn.
я.DAT веселый быть-NMN-DAT из.за петь-ST.IPFV-1SG
*Я пою, потому что **мне** весело.*

---

[48] Номинализации неглагольных клауз с номинативным подлежащим устроены иначе: в них согласование по третьему лицу невозможно:

(i) a. sez küŋelle (kešɛ).
вы веселый (человек)
Вы веселый (человек).

b. * sez-neŋ küŋelle bul-u-ɤ-n-a šatlan-a-m.
вы-GEN веселый быть-NMN-3-OBL-DAT радоваться-ST.IPFV-1SG
Я радуюсь тому, что вы веселый (человек).

Для сергачского говора (с. Рыбушкино) противопоставление актантной номинализации сирконстантной и припослеложной не релевантно, соответственно, закономерности остаются теми же.

6.4.3.1.2.3. Номинализация каузатива[49]. В этом разделе мы рассмотрим возможности согласования номинализаций каузативных глаголов с каузируемым участником ситуации.

Во-первых, мы обратимся к ряду непереходных глаголов с пациентивной семантикой (например, *tečkerä* ‘чихать’), от которых образуется имперсональный каузатив. При этом экспериенцер оказывается в аккузативе, а присутствие каузатора (как правило, неагентивного эффектора) необязательно.

(6.404) a. zexrä tečker-ä.
Зухра-ACC чихать-ST.IPFV
Зухра чихает.

b. zexrä-ne tečker-**t**-ä.
Зухра-ACC чихать-**CAUS**-ST.IPFV
Зухре чихается [= Зухру чихает].

c. tuzan zexrä-ne tečker-**t**-ä.
пыль Зухра-ACC чихать-**CAUS**-ST.IPFV
От пыли Зухра чихает [= пыль Зухру чихает].

Рассмотрим три случая: когда в номинализации от таких глаголов нет выраженного экспериенцера, когда представлен только экспериенцер, когда есть не только экспериенцер, но и стимул-подлежащее. Для каждого случая можно предполагать три возможности: отсутствие согласования, согласование по третьему лицу и семантическое согласование с экспериенцером.

Если экспериенцер не выражен, возможно отсутствие изафетного показателя или показатель третьего лица, который предполагает имплицитное присутствие каузатора:

(6.405) a. uram-da tuŋ-dɤr-u-nɤ alsu kür-de.
улица-LOC мерзнуть-CAUS-NMN-ACC Алсу видеть-PST
Алсу видела, что на улице морозит. {a=b}

b. uram-da tuŋ-dɤr-u-**ɤ**-n alsu kür-de.
улица-LOC мерзнуть-CAUS-NMN-**3**-OBL.ACC Алсу видеть-PST

Такие же возможности допускаются при выраженном экспериенцере. Семантическое согласование с аккузативным прямым дополнением недопустимо.

(6.406) a. alsu **sine** ukš-ɤ-t-u-nɤ išet-te.
Алсу **ты.ACC** тошнить-ST-CAUS-NMN-ACC слышать-PST
*Алсу слышала, что **тебя** тошнило.* {a=b=c}

b. ? alsu **sine** ukš-ɤ-t-u-**ɤ**-n išet-te.
Алсу **ты.ACC** тошнить-ST-CAUS-NMN-**3**-OBL.ACC слышать-PST

c. *alsu **sine** ukš-ɤ-t-u-**ɤŋ**-nɤ išet-te.
Алсу **ты.ACC** тошнить-ST-CAUS-NMN-**2SG**-ACC слышать-PST

[49] Данный раздел основывается исключительно на данных сергачского говора (с. Рыбушкино).

Если же в номинализации представлен каузатор, то согласование с ним факультативно, когда он в номинативе, как в (6.407), и обязательно, когда он в генитиве, как в (6.408). Семантическое согласование с аккузативной именной группой по-прежнему недопустимо.

(6.407) a. salkɤn **ǯil** sine eš-e-t-ü-ne min ɤnɤt-tɤ-m.
холодный **ветер** ты.ACC знобить-ST-CAUS-NMN-ACC я забывать-PST-1SG
*Я забыл, что тебя продуло холодным **ветром*** [= что тебя продул холодный ветер]. {a=b=c}

b. salkɤn **ǯil** sine eš-e-t-ü-**e**-n min ɤnɤt-tɤ-m.
холодный **ветер** ты.ACC знобить-ST-CAUS-NMN-**3**-OBL.ACC я забывать-PST-1SG

c. *salkɤn **ǯil** sine eš-e-t-ü-**eŋ**-ne min ɤnɤt-tɤ-m.
холодный **ветер** ты.ACC знобить-ST-CAUS-NMN-**2SG**-ACC я забывать-PST-1SG

(6.408) a. *salkɤn **ǯil-neŋ** sine eš-e-t-ü-ne min ɤnɤt-tɤ-m.
холодный **ветер-GEN** ты.ACC знобить-ST-CAUS-NMN-ACC я забывать-PST-1SG
*Я забыл, что тебя продуло из-за холодного **ветра*** [= что тебя продул холодный ветер]. {a=b=c}

b. salkɤn **ǯil-neŋ** sine eš-e-t-ü-**e**-n min
холодный **ветер-GEN** ты.ACC знобить-ST-CAUS-NMN-**3**-OBL.ACC я
ɤnɤt-tɤ-m.
забывать-PST-1SG

c. *salkɤn **ǯil-neŋ** sine eš-e-t-ü-**eŋ**-ne min
холодный **ветер-GEN** ты.ACC знобить-ST-CAUS-NMN-**2SG**-ACC я
ɤnɤt-tɤ-m.
забывать-PST-1SG

Для каузативов одноместных и двухместных глаголов отмечена маргинальная возможность у некоторых носителей согласовать номинализацию с каузируемым участником:

(6.409) a. alsu išet-te **sez-neŋ** tenä sɤŋ mine üj-gä
Алсу слышать-PST **вы-GEN** вчера поздно я.ACC дом-DAT
kit-ter-ü-**egez**-ne.
приходить-CAUS-NMN-**2PL**-ACC
*Алсу слышала, что **вы** меня вчера поздно привели домой.* {a=b}

b. ??/?alsu išet-te sez-neŋ tenä sɤŋ **mine** üj-gä
Алсу слышать-PST вы-GEN вчера поздно **я.ACC** дом-DAT
kit-ter-ü-**em**-ne.
приходить-CAUS-NMN-**1SG**-ACC

(6.410) a. marat bel-de **sineŋ** bala-ŋ-a alma aš-a-t-u-**ɤŋ**-nɤ.
Марат знать-PST **ты.GEN** ребенок-2SG-DAT яблоко есть-ST-CAUS-NMN-**2SG**-ACC
*Марат знал, что **ты** накормил ребенка яблоком.* {a=b}

b. ??marat bel-de sineŋ **bala-ŋ-a** alma
Марат знать-PST ты.GEN **ребенок-2SG-DAT** яблоко

aš-a-t-u-ɤ-n.
есть-ST-CAUS-NMN-**3**-OBL.ACC

6.4.3.2. Сочетаемость с наречиями и другими обстоятельствами

Любые мишарские номинализации допускают в качестве зависимых наречия и другие обстоятельства со значением времени, места, количества, образа действия, цели, в том числе и обстоятельственные зависимые клаузы. Эти возможности иллюстрируются в (6.411a-c) и (6.412):

(6.411) a. ul miŋa **irtägä** ešl-ä-r-gä jaxšɤ bul-ačag-ɤ-n
он я.DAT **завтра** работать-ST-POT-INF хорошо быть-FUT-3-OBL.ACC

bel-ä.
знать-ST.IPFV

*Он знает, что **завтра** мне будет хорошо работаться.*

b. sez malaj-nɤŋ **akrɤn** alma-nɤ aš-a-u-ɤ-n
вы мальчик-GEN **медленно** яблоко-ACC есть-ST-NMN-3-OBL.ACC

išet-te-sez.
слышать-PST-2PL

*Вы слышали, что мальчик **медленно** ест яблоко.*

c. marat-nɤŋ **jüri** kač-u-ɤ mine üpkäl-ä-de.
Марат-GEN **нарочно** прятаться-NMN-3 я.ACC обижать-ST-PST

*То, что Марат **намеренно** спрятался, меня обидело.*

d. sineŋ kičä **ike** **tapkɤr** alma aš-a-u-ɤŋ-nɤ
ты.GEN вчера **два** **раз** яблоко есть-ST-NMN-2SG-ACC

min bel-ä-m.
я знать-ST.IPFV-1SG

*Я знаю, что ты вчера **два раза** ел яблоко.*

(6.412) a. malaj-nɤŋ **marat** **kil-gän-dä** aš-a-u-ɤ-n min
мальчик-GEN **Марат** **приходить-PFCT-SIM** есть-ST-NMN-3-OBL.ACC я

bel-ä-m.
знать-ST.IPFV-1SG

*Я знаю, что **когда пришел Марат**, мальчик ел.*

b. min sineŋ **äni-se-n** **šatlan-dɤr-ɤ-r** **ečen** xat
я ты.GEN **мама-3-OBL.ACC** **радоваться-CAUS-ST-POT** **чтобы** письмо

jaz-u-ɤŋ-nɤ kür-ä-m.
писать-NMN-2SG-ACC видеть-ST.IPFV-1SG

*Я вижу, что ты пишешь письмо, **чтобы обрадовать (его) маму**.*

6.4.3.3. Порядок слов

В чистопольском говоре (с. Кутлушкино) порядок слов, входящих в номинализацию, фиксирован и может быть описан схемой: NP_{Gen} Adv NP_{Dat} $NP_{(Acc)}$ NMN. В номинализациях, не имеющих зависимых, характерных для глаголов, порядок зависимых такой же, как в ИГ.

Порядок слов в номинализации сергачского говора (с. Рыбушкино), напротив, обладает некоторой свободой, причем независимо от позиции номинализации (актантной, сирконстантной или припослеложной). В частности, оформленное прямое дополнение может располагаться снаружи подлежащего, как в (6.413b). Если подлежащее в номинативе, эта возможность достигается еще проще, ср. (6.414b):

(6.413) a. marat-nɤŋ **waza-nɤ** wat-u-ɤ-n min kür-de-m.
Марат-GEN **ваза-ACC** ломать-NMN-3-OBL.ACC я видеть-PST-1SG
Я видел, что Марат разбил ***вазу***.

b. ? **waza-nɤ** marat-nɤŋ wat-u-ɤ-n min kür-de-m.
ваза-ACC Марат-GEN ломать-NMN-3-OBL.ACC я видеть-PST-1SG
Я видел, что МАРАТ[50] *разбил* ***ВАЗУ***.

(6.414) a. marat **waza-nɤ** wat-u-ɤ-n min kür-de-m.
Марат **ваза-ACC** ломать-NMN-3-OBL.ACC я видеть-PST-1SG
Я видел, что Марат разбил ***вазу***.

b. **waza-nɤ** marat wat-u-ɤ-n min kür-de-m.
ваза-ACC Марат ломать-NMN-3-OBL.ACC я видеть-PST-1SG
Я видел, что МАРАТ *разбил* ***ВАЗУ***.

Неоформленное дополнение, как и в финитной клаузе, не способно отрываться от глагола независимо от падежного оформления подлежащего — генитивного, как в (6.415b), или номинативного, как в (6.416b):

(6.415) a. marat-nɤŋ **waza** wat-u-ɤ-n min kür-de-m.
Марат-GEN **ваза** ломать-NMN-3-OBL.ACC я видеть-PST-1SG
Я видел, что Марат разбил ***вазу***.

b. ***waza** marat-nɤŋ wat-u-ɤ-n min kür-de-m.
ваза Марат-GEN ломать-NMN-3-OBL.ACC я видеть-PST-1SG
Я видел, что МАРАТ *разбил* ***ВАЗУ***.

(6.416) a. marat **waza** wat-u-ɤ-n min kür-de-m.
Марат **ваза** ломать-NMN-3-OBL.ACC я видеть-PST-1SG
Я видел, что Марат разбил ***вазу***.

b. ***waza** marat wat-u-ɤ-n min kür-de-m.
ваза Марат ломать-NMN-3-OBL.ACC я видеть-PST-1SG
Я видел, что МАРАТ *разбил* ***ВАЗУ***.

[50] Фокусное выделение, как и в других разделах этой книги, обозначается шрифтом МАЛЫЕ ПРОПИСНЫЕ.

Вопросительное слово в позиции прямого дополнения без выраженного показателя аккузатива обладает большей свободой, нежели обычное прямое дополнение с неоформленным аккузативом. Его можно вынести за подлежащее в номинативе, как в (6.417b), хотя и не за подлежащее в генитиве, как в (6.417c):

(6.417) a. marat(-nɤŋ) **nästä** wat-u-ɤ-n sin kür-de-ŋ-me?
Марат(-GEN) **что** ломать-NMN-3-OBL.ACC ты видеть-PST-2SG-Q
*Ты видел, **что** разбил Марат?*

b. **nästä** marat wat-u-ɤ-n sin kür-de-ŋ-me?
что Марат ломать-NMN-3-OBL.ACC ты видеть-PST-2SG-Q
*Ты видел, **что** разбил Марат?* {b=c}

c. ***nästä** marat-nɤŋ wat-u-ɤ-n sin kür-de-ŋ-me?
что Марат-GEN ломать-NMN-3-OBL.ACC ты видеть-PST-2SG-Q

В конструкции с множественным вопросом, когда подлежащее номинализации — это также вопросительное слово, запрет на перемещение неоформленного прямого дополнения за генитивное подлежащее также смягчается.

В (6.418) номинализация представляет собой частный вопрос с двумя вопросительными словами, вложенный в общевопросительное предложение. Подлежащее *kem* ‘кто’ представлено в номинативе. Расположение прямого дополнения снаружи подлежащего в (6.418b), как и в (6.417b), оценивается как допустимое, но довольно неестественное. (6.419) показывает, что расположение прямого дополнения снаружи генитивного подлежащего избегается, однако (6.419b) существенно выигрывает в приемлемости у своего аналога в (6.417c).

(6.418) a. **kem** **nästä** wat-u-ɤ-n sin kür-de-ŋ-me?
кто **что** ломать-NMN-3-OBL.ACC ты видеть-PST-2SG-Q
*Ты видел, **кто что** разбил?* {a=b}

b. ? **nästä** **kem** wat-u-ɤ-n sin kür-de-ŋ-me?
что **кто** ломать-NMN-3-OBL.ACC ты видеть-PST-2SG-Q

(6.419) a. **kem-neŋ** **nästä** wat-u-ɤ-n sin kür-de-ŋ-me?
кто-GEN **что** ломать-NMN-3-OBL.ACC ты видеть-PST-2SG-Q
*Ты видел, **кто что** разбил?* {a=b}

b. ??/? **nästä** **kem-neŋ** wat-u-ɤ-n sin kür-de-ŋ-me?
что **кто-GEN** ломать-NMN-3-OBL.ACC ты видеть-PST-2SG-Q

Обстоятельства могут располагаться до подлежащего независимо от его падежного оформления:

(6.420) a. min kür-ä-m marat(-nɤŋ) **karawat-ta** jɤkl-a-u-ɤ-n.
я видеть-ST.IPFV-1SG Марат(-GEN) **кровать-LOC** спать-NMN-3-OBL.ACC
*Я вижу, что Марат спит **в кровати**.* {a=b}

b. min kür-ä-m **karawat-ta** marat(-nɤŋ) jɤkl-a-u-ɤ-n.
я видеть-ST.IPFV-1SG **кровать-LOC** Марат(-GEN) спать-NMN-3-OBL.ACC

В случае громоздких послеложных групп предпочтительно размещать их до подлежащего, как в (6.421b):

(6.421) a. ? miŋa ɤš-ɤj urman(-nɤŋ) **minem täräzä**
я.DAT нравиться-ST.IPFV лес(-GEN) **я.GEN окно**

ald-ɤ-n-da üs-ü-e.
перед-3-OBL-LOC расти-NMN-3

*Мне нравится, что **перед моим окном** растет лес.* {a=b}

b. miŋa ɤš-ɤj **minem täräzä ald-ɤ-n-da**
я.DAT нравиться-ST.IPFV **я.GEN окно перед-3-OBL-LOC**

urman(-nɤŋ) üs-ü-e.
лес(-GEN) расти-NMN-3

Однако разместить элемент номинализации внутри главной клаузы не представляется возможным:

(6.422) a. bez **kran-dan** su(-nɤŋ) tamɤz-u-ɤ-n išet-te-bez.
мы **кран-ABL** вода(-GEN) капать-NMN-3-OBL.ACC слышать-PST-1PL

*Мы слышали, что **из крана** течет вода.*

b. *bez **kran-dan** marat-tan su(-nɤŋ) tamɤz-u-ɤ-n išet-te-bez.
мы **кран-ABL** Марат-ABL вода(-GEN) капать-NMN-3-OBL.ACC слышать-PST-1PL

*Мы слышали от Марата, что **из крана** течет вода.*

Обстоятельственные придаточные, входящие в состав номинализации, так же, как и обычные обстоятельства, могут располагаться внутри номинализации или до подлежащего, независимо от его падежного оформления — генитивного, как в (6.423), или номинативного, как в (6.424):

(6.423) a. min marat-nɤŋ **sin kil-gäč** jɤkl-a-u-ɤ-n bel-de-m .
я Марат-GEN **ты приходить-ANT** спать-ST-NMN-3-OBL.ACC знать-PST-1SG

*Я узнал, что **после твоего прихода** Марат заснул.* {a=b}

b. min **sin kil-gäč** marat-nɤŋ jɤkl-a-u-ɤ-n bel-de-m.
я **ты приходить-ANT** Марат-GEN спать-ST-NMN-3-OBL.ACC знать-PST-1SG

(6.424) a. siŋ min **zefär ešl-ä-gän-dä** jat-u-ɤm-nɤ išet-te-ŋ.
ты я **Зуфар работать-ST-PFCT-SIM** лежать-NMN-1SG-ACC слышать-PST-2SG

*Ты слышал, что, **когда Зуфар работал**, я лежал.* {a=b}

b. sin **zefär ešl-ä-gän-dä** min jat-u-ɤm-nɤ išet-te-ŋ.
ты **Зуфар работать-ST-PFCT-SIM** я лежать-NMN-1SG-ACC слышать-PST-2SG

6.4.3.4. Некоторые обобщения

Мы показали, что у имен действия на *-и* оформление всех внутренних аргументов глагола сохраняется таким же, каким оно представлено в независимой клаузе. Контролёром согласования в номинализации выступает исходное подлежащее, согласование

с другими участниками ситуации (экспериенцером, каузируемым) невозможно или маргинально.

Падежное кодирование исходного подлежащего зависит как от характеристик именной группы (её коммуникативного статуса, категориальной принадлежности, лица, числа, нарицательности), так и от синтаксической позиции номинализации (в чистопольском говоре; с. Кутлушкино). Номинативное подлежащее (по крайней мере, в сергачском говоре; с. Рыбушкино), по-видимому, в дереве составляющих занимает не такую высокую позицию, как генитивное подлежащее: оно свободнее допускает передвижение дополнений поверх себя и не требует обязательного показателя согласования на вершине-номинализации.

6.4.4. Семантика

Помимо номинализаций на *-и*, в схожих синтаксических позициях часто употребляется отпричастная номинализация на *-gan*. В ряде случаев эти формы взаимозаменимы. Поэтому, чтобы прояснить семантику *и*-номинализаций, представляется целесообразным провести систематическое сравнение значений обоих номинализаций в актантных, сиркон-стантных и припослеложных позициях. Результаты этого сравнения представлены соответственно в разделах 6.4.4.1, 6.4.4.2 и 6.4.4.3. В последнем случае мы ограничились временными послелогами со значением ‘после’ и ‘как только’.

6.4.4.1. Темпоральные, видовые и акциональные характеристики актантных номинализаций

Строгое и систематическое исследование различий в семантике номинализаций на *-gan* и на *-и* — в большой степени задача будущего. В этом разделе мы изложим несколько неформальных наблюдений о том, какие интерпретационные различия носители мишарского диалекта склонны приписывать им в нулевом контексте.

С точки зрения временной интерпретации общая тенденция состоит в том, что при предъявлении минимальной пары с двумя номинализациями носители склонны относить время ситуации, описываемой формой на *-и,* к настоящему или будущему, а формой на *-gan* — к прошлому. Характерный пример — противопоставление в номинализации, содержащей лексему *bügen* ‘сегодня’. Эта лексема вводит в рассмотрение фокусный временной интервал, у которого часть подынтервалов предшествует моменту речи, а другая часть следует за ним. Выясняется, что в нулевом контексте носители языка предпочитают интерпретацию ‘сегодня после момента речи’ для номинализации на *-и*, но ‘сегодня до момента речи’ — для номинализации на *-gan*:

(6.425) a. min marat-nɤŋ **bügen** alsu-nɤŋ pɤrtrɤt-ɤ-n
я Марат-GEN **сегодня** Алсу-GEN портрет-3-OBL.ACC

jas-a-u-ɤ-n bel-ä-m.
рисовать-ST-NMN-3-OBL.ACC знать-ST.IPFV-1SG

*Я знаю, что **сегодня** Марат **нарисует** портрет Алсу.*

b. min marat-nɤŋ **bügen** alsu-nɤŋ pɤrtrɤt-ɤ-n
я Марат-GEN **сегодня** Алсу-GEN портрет-3-OBL.ACC

jas-a-gan-ɤ-n bel-ä-m.
рисовать-ST-PFCT-3-OBL.ACC знать-ST.IPFV-1SG

*Я знаю, что **сегодня** Марат **нарисовал** портрет Алсу.*

В сфере видовой и акциональной семантики также прослеживается несколько тенденций.

Если носители приписывают номинализациям на *-u* и на *-gan* разную аспектуальную семантику, то прогрессивную интерпретацию получают первые, а перфективную — последние. Это иллюстрируется в (6.426a-b) для номинализаций от глагола *wata* ‘ломать’:

(6.426) a. min marat-nɤŋ tälinkä-lär-ne **wat-u-ɤ-n** bel-ä-m.
я Марат-GEN тарелка-PL-ACC **ломать-NMN-3-OBL.ACC** знать-ST.IPFV-1SG

*Я знаю, что Марат **бьет** тарелки.*

b. min marat-nɤŋ tälinkä-lär-ne **wat-kan-ɤ-n** bel-ä-m.
я Марат-GEN тарелка-PL-ACC **ломать-PFCT-3-OBL.ACC** знать-ST.IPFV-1SG

*Я знаю, что Марат **разбил** тарелки.*

В акциональном плане, если две номинализации интерпретируются по-разному, носители склоняются к выбору предельных интерпретаций для номинализации на *-gan* и непредельных — для номинализации на *-u*. Так систематически происходит, например, с глаголами инцептивно-стативных классов (см. о них 2.2.2.3), которые способны описывать и ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, и СОСТОЯНИЕ. Таков, например, глагол *kürä* ‘видеть’, допускающий оба прочтения, инцептивное и стативное, — соответственно ‘увидел’ и ‘видит’. (6.427a-b) показывают, что первый выбор носителей для номинализации на *-u* при предъявлении минимальной пары — стативная интерпретация СОСТОЯНИЕ. Номинализация на *-gan* предпочитает значение ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ.

(6.427) a. min marat-nɤŋ alsu-nɤ **kür-ü-e-n** bel-ä-m.
я Марат-GEN Алсу-ACC **видеть-NMN- 3-OBL.ACC** знать-ST.IPFV-1SG

*Я знаю, что Марат **видел** || **видит** Алсу.*

b. min marat-nɤŋ alsu-nɤ **kür-gän-e-n** bel-ä-m.
я Марат-GEN Алсу-ACC **видеть-PFCT-3-OBL.ACC** знать-ST.IPFV-1SG

*Я знаю, что Марат **увидел** Алсу.*

Следует, впрочем, подчеркнуть, что для получения полной суммы обобщений о различиях в видовой, акциональной и временной интерпретации двух номинализаций и о факторах, определяющих эти различия, требуется дополнительное исследование.

6.4.4.2. Падежные значения сирконстантной номинализации

В сирконстантной позиции могут употребляться номинализации в аблативе, локативе и дативе.

Аблатив может быть как актантом глагола, так и его сирконстантом. В последнем случае он приобретает причинное значение (при этом наряду с номинализацией на *-и* допустима и номинализация на *-gan*):

(6.428) a. minem **kil-ü-em-nän** bernärsä dä üzgär-m-ä-de.
я.GEN **приходить-NMN-1SG-ABL** ничто EMPH меняться-NEG-ST-PST
***От** моего **прихода** ничего не изменилось.* {a=b}

b. minem **kil-gän-em-nän** bernärsä dä üzgär-m-ä-de.
я.GEN **приходить-PFCT-1SG-ABL** ничто EMPH меняться-NEG-ST-PST

У датива номинализации на *-и* в чистопольском говоре есть два прочтения — причинное и непосредственного предшествования (‘как только’); см. также 6.1.1.1.1.2.

(6.429) miŋa küŋelle **bul-u-ga** min ǯɤrl-a-p ǯibär-ä-m.
я.DAT веселый **быть-NMN-DAT** я петь-ST-CONV отправлять-ST.IPFV-1SG
*1. Я запеваю, **как только** мне **становится** весело.*
*2. Я запеваю **оттого, что** мне **становится** весело.*

В сергачском диалекте эта форма менее употребительна.

Форма на *-gan-ga*, которая морфологически представляет собой датив номинализации на *-gan,* как и датив номинализации на *-и* в (6.429.2), имеет причинное значение и в 6.1.1.3.1 анализируется как деепричастие причины.

Локатив в чистопольском говоре имеет временное значение одновременности, но употребляется относительно редко. Носителями сергачского говора предложения типа (6.430) систематически отвергаются.

(6.430) sineŋ bu **kil-ü-eŋ-dä** jaŋgɤr jaw-dɤ.
ты.GEN этот **приходить-NMN-2SG-LOC** дождь падать-PST
***Когда** ты **пришел**, шел дождь.*

Локатив номинализации на –*gan* в обоих говорах представляет собой деепричастие одновременности, см. о нем 6.1.1.1.2.1.

(6.431) marat kitap **uk-ɤ-gan-da** alsu čäčäk-lär kɤj-dɤ.
Марат книга **читать-ST-PFCT-SIM** Алсу цветок-PL лить-PST
***Когда** Марат **читал** книгу, Алсу поливала цветы.*

6.4.4.3. Номинализации в позиции аргумента временных послелогов

В этом разделе мы рассмотрим два типа временных послелогов, передающих значение предшествования ситуации, описываемой номинализацией, ситуации, выраженной главной клаузой.

Если речь идет о простом предшествовании (значение ‘после’), используются послелоги *sɤŋ* (+ABL) или *artɤ* (+NOM).

(6.432) a. bez **tɤr-gan-nan** **sɤŋ** malaj-nɤ aš-a-t-tɤ-k.
мы **вставать-PFCT-ABL** **после** мальчик-ACC есть-ST-CAUS-PST-1PL
***После того как** мы **встали**, мы покормили мальчика.* {a=b}

b. bez **tɤr-gan** **art-ɤ** malaj-nɤ aš-a-t-tɤ-k.
мы **вставать-PFCT** **зад-3** мальчик-ACC есть-ST-CAUS-PST-1PL

Оба послелога употребляются только с номинализациями на *-gan* и не могут управлять номинализациями на *-u*. *В* (6.433) это иллюстрируется для послелога *sɤŋ*.

(6.433) a. sin tabak–sawɤt-nɤ **ju-gan-nan** **sɤŋ** alma aš-a-dɤ-ŋ.
ты чаша–посуда-ACC **мыть-PFCT-ABL** **после** яблоко есть-ST-PST-2SG
*Ты съел яблоко **после того, как вымыл** посуду.* {a=b}

b. *sin tabak-sawɤt-nɤ **ju-u(-ɤŋ)-nan** **sɤŋ** alma aš-a-dɤ-ŋ.
ты чаша-посуда-ACC **мыть-NMN-(2SG)-ABL** **после** яблоко есть-ST-PST-2SG

Если временное отношение между ситуациями — это отношение непосредственного предшествования, то в чистопольском говоре используется послелог *belän* ‘с’, управляющий номинативом.

(6.434) malaj mɤnda **jɤkl-a-u-ɤ** **belän** kɤz kitap uk-ɤj
мальчик здесь **спать-ST-NMN-3** **с** девочка книга читать-ST.IPFV
bašl-a-dɤ.
начинать-ST-PST
***Как только** мальчик здесь **уснул**, девочка начала читать книгу.*

В сергачском говоре послелог *belän* ‘с’ предпочитает употребление в контекстах одновременности ситуаций, описываемых главной и зависимой клаузами:

(6.435) min kitap **uk-u** **belän** aš-a-dɤ-m.
я книга **читать-NMN** **с** есть-ST-PST-1SG
Я (одновременно) читал книгу и ел.

Ни в одном из говоров аргументом послелога *belän* ‘с’ не может быть номинализация на *-gan.*

(6.436) *min kitap **uk-ɤ-gan(-ɤm)** **belän** aš-a-dɤ-m.
я книга **читать-ST-PFCT(-1SG)** **с** есть-ST-PST-1SG
*Я (одновременно) **читал** книгу и ел.*

Аналогом *belän* в значении ‘как только’ в сергачском говоре выступает послелог *kejenä* ‘как только’, которого нет в таком значении в известных нам словарях. По всей вероятности, диахронически он представляет собой падежную форму существительного *kej* (лит. *көй*) ‘порядок, лад, система’.

(6.437) marat-nɤŋ alsu-nɤ **üb-ü-e** **kejenä** alsu a-nɤ suk-tɤ.
Марат-GEN Алсу-ACC **целовать-NMN-3** **как.только** Алсу он-ACC бить-PST
***Как только** Марат **поцеловал** Алсу, она его ударила.*

Данный послелог, как и *belän*, не может управлять номинализацией на *-gan.*

С акциональной точки зрения, послелоги *sɤŋ* и *artɤ* сочетаются с любыми глаголами, выражая значение достижения результирующего состояния для предельных глаголов и завершения процесса для непредельных; при этом ‘храпеть’, ‘спать’ и ‘кашлять’ ведут

себя как непредельные. В (6.438a) номинализация от ‘спать’ не допускает инцептивного прочтения, а только непредельное; два других глагола в (6.438b-c) ведут себя аналогично.

(6.438) a. bez **jʏkl-a-u** **art-ʏ** a-lar ǯʏrl-a-p ǯibär-de.
мы **спать-ST-NMN** **зад-3** он-PL петь-ST-CONV отправлять-PST

1. ***После того как*** *мы* ***поспали****, они начали петь.*
*2.***После того как*** *мы* ***заснули****, они начали петь.*

b. **sez** **jütker-ü** **art-ʏ** sez-gä čäj bir-de-lär.
вы **кашлять-NMN** **зад-3** вы-DAT чай давать-PST-PL

1. ***После того как*** *вы* ***покашляли****, вам дали чаю.*
2. ****После того как*** *вы* ***кашлянули*** || ***закашлялись****, вам дали чаю.*

c. marat belän ruslan **gʏrʏld-a-u-ʏ** **art-ʏ** bez kurk-tʏ-k.
Марат с руслан **храпеть-ST-NMN-3** **зад-3** мы пугаться-PST-1PL

1. ***После того как*** *Марат с Русланом* ***похрапели****, мы испугались.*
2. ****После того как*** *Марат с Русланом* ***захрапели****, мы испугались.*

Акциональные интерпретации номинализаций, зависящих от послелогов *sʏŋ, artʏ* и *kejenä*, в подавляющем большинстве случаев идентичны. В (6.439a-c), например, для номинализации глагола *tʏra* ‘вставать, стоять’ предпочитается интерпретация ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ в (6.439a.1), (6.439b.1) и (6.439c.1). Альтернативная интерпретация СОСТОЯНИЕ избегается.

(6.439) a. marat **tʏr-u-ʏ** **art-ʏ** aŋa čäj bir-de-lär.
Марат **вставать-NMN-3** **зад-3** он.DAT чай давать-PST-PL

1. ***После того как*** *Марат* ***встал****, ему дали чаю.* {a=b}
2. *?/??* ***После того как*** *Марат* ***постоял****, ему дали чаю.* {a=b}

b. marat **tʏr-u-ʏ-n-nan** **sʏŋ** aŋa čäj bir-de-lär.
Марат **вставать-NMN-3-OBL-ABL** **после** он.DAT чай давать-PST-PL

c. marat **tʏr-u-ʏ** **kejenä** aŋa čäj bir-de-lär.
Марат **вставать-NMN-3** **как.только** он.DAT чай давать-PST-PL

1. ***Как только*** *Марат* ***встал****, ему дали чаю.*
2. *??* ***Как только*** *Марат* ***постоял****, ему дали чаю.*

Отмечены, впрочем, единичные случаи, когда разные послелоги предпочитают разные акциональные интерпретации для зависимых от них номинализаций. Например, ‘храпеть’ в сочетании с ‘как только’ интерпретируется как ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, а с ‘после’ — как ПРОЦЕСС:

(6.440) a. marat belän ruslan **gʏrʏld-a-u-ʏ** **art-ʏ** bez kurk-tʏ-k.
Марат с руслан **храпеть-ST-NMN-3** **зад-3** мы пугаться-PST-1PL

1. ***После того как*** *Марат с Русланом* ***похрапели****, мы испугались.*
2. ****После того как*** *Марат с Русланом* ***захрапели****, мы испугались.*

b. marat belän ruslan **gʏrʏld-a-u-ʏ** **kejenä** bez kurk-tʏ-k.
Марат с руслан **храпеть-ST-NMN-3** **как.только** мы пугаться-PST-1PL

1. ***Как только*** *Марат с Русланом* ***захрапели****, мы испугались.*
2. ****Как только*** *Марат с Русланом* ***похрапели****, мы испугались.*

М.Д. Васильева и А.Х. Мухаметжанова. Село Рыбушкино, 2012 год.

6.4.4.4. Некоторые обобщения

В этом разделе мы сравнили значения номинализаций на *-gan* и *-и* и увидели, что в разных синтаксических позициях (актанта и аргумента временного послелога) для одного и того же глагола может быть выбрано различное акциональное значение. Если в актантной позиции глагол скорее получает непредельную интерпретацию, то в сочетании с послелогом ‘как только’ — предельную. Кроме того, в сирконстантной позиции один и тот же падеж может иметь различную семантику в зависимости от выбранного типа номинализации.

Сирконстантные употребления номинализаций с падежами довольно сильно грамматикализованы, и семантика таких употреблений не складывается композиционально из значения номинализации и падежной семантики.

6.4.5. Заключение

В этом разделе рассмотрены свойства номинализации на *-и в* двух говорах мишарского диалекта. Это имя действия сохраняет достаточно много типично глагольных свойств, но может приобретать и ряд именных характеристик (см. Таблицу 6.8).

Мы показали, что некоторые свойства номинализации обусловлены занимаемой ею синтаксической позицией — актантной, сирконстантной или припослеложной. В частности, в чистопольском говоре (с. Кутлушкино) этот фактор влияет на сочетаемость с именными модификаторами и доступность номинативного оформления исходного подлежащего.

Таблица 6.8. Свойства номинализации на *-и*

	параметр	значение
глагольные свойства	падежное маркирование внутренних аргументов, как в финитной клаузе	+
	сочетаемость с показателем отрицания	+
	сочетаемость с аспектуальными показателями	+
	сочетаемость с показателями актантных дериваций	+
	модификация обстоятельствами времени, образа действия, цели и т.п.	+
именные свойства	изменение по падежам	+
	аргумент послелога	+
	изменение по числу	+ / —
	сочетаемость с числительными	чист.+ / — серг. —
	модификация прилагательными, указательными местоимениями и кванторами	+ / —

6.5. Анафорические отношения в сложном предложении[51]

В этом разделе рассматривается синтаксическая анафора в сложном предложении. Мы покажем, что в мишарском диалекте поведение анафорических средств различно в актантных и в неактантных зависимых предикациях: актантная предикация — более локальный контекст.

В мишарском диалекте имеются два рефлексивных местоимения: сложный локальный рефлексив *üz üzen* и простой дистантный рефлексив *üz* — и два анафорических местоимения прономинального типа: местоимение *ul* и нулевое анафорическое местоимение. Как известно, тюркские языки принадлежат к числу языков, для которых характерны дистантные употребления рефлексивов (см., например, Kornfilt 2001), и мишарский диалект не исключение: в качестве средств синтаксической анафоры в сложном предложении употребляются как прономиналы, так и рефлексивы. Ниже будет рассмотрено употребление каждого из перечисленных местоимений в сложном предложении с актантными и обстоятельственными зависимыми предикациями.

6.5.1. Сложный рефлексив *üz üzen*

Для сложных рефлексивных маркеров типологически характерно локальное употребление. Рефлексив *üz üzen*, как и ожидается, используется в простом предложении, причем употребляется в более локальных контекстах, т.е. в позиции прямого дополнения встречается чаще, чем, скажем, в составе послеложной группы. В локальном контексте сложный рефлексив предпочтительнее, чем простой: предложения типа (6.441a) более употребительны, чем предложения типа (6.441b):

[51] Этот раздел представляет собой переработанную и дополненную версию Шлуинский 2007.

(6.441) a. rišat$_i$ **üz** **üz-e-n**$_i$ jarat-a.
Ришат **сам** **сам-3-OBL.ACC** любить-ST.IPFV
*Ришат$_i$ любит **сам себя**$_i$.*

b. rišat$_i$ **üz-e-n**$_i$ jarat-a.
Ришат **сам-3-OBL.ACC** любить-ST.IPFV
*Ришат$_i$ любит **себя**$_i$.*

В мишарском диалекте имеется одна позиция, где сложный рефлексив контролируется антецедентом из другой предикации: это позиция генитивного субъекта сентенциального актанта, выраженного именем действия или субстантивированным причастием. Эта возможность обсуждается в следующем разделе.

6.5.1.1. Местоимение *üz üzen* в позиции субъекта зависимой предикации

Местоимение *üz üzen* с контролером в главной предикации возможно в генитиве в позиции субъекта зависимой предикации[52]. В (6.442) представлена конструкция с сентенциальным актантом, оформленным как отпричастная номинализация (об отпричастных номинализациях см. 6.3.1.2). Субъектом зависимой предикации выступает сложное рефлексивное местоимение *üz üzeneŋ*, имеющее в качестве антецедента подлежащее главной предикации — полную именную группу *ilnur*:

(6.442) ilnur$_i$ [**üz** **üz-e-neŋ**$_i$ aš-a-gan-ɤ-n] ɤnɤt-tɤ.
Ильнур **сам** **сам-3-GEN** есть-ST-PFCT-3-OBL.ACC забывать-PST
*Ильнур$_i$ забыл, что **он сам**$_i$ поел.*

Местоимение *üz üzen* в той же позиции допускает в качестве антецедента и дативное подлежащее-экспериенцер. В (6.443), будучи субъектом сентенциального актанта, оформленного при помощи имени действия, оно соотносится с именной группой *rämilga* — первым актантом глагола *tujdɤra*, стоящим в дательном падеже:

(6.443) rämil-ga$_i$ [**üz** **üz-e-neŋ**$_i$ pečän čab-u-ɤ] tujdɤr-dɤ.
Рамиль-DAT **сам** **сам-3-GEN** сено косить-NMN-3 надоедать-PST
*Рамилю$_i$ надоело, что **он сам**$_i$ косит сено.*

В позиции субъекта нефинитной зависимой предикации, оформленной инфинитивом, никакое ненулевое местоимение (см. об этом ниже в 6.5.3.2), и в том числе местоимение *üz üzen*, употребляться не может, причем независимо от падежного маркирования[53]:

[52] В этом разделе принято следующее рабочее употребление терминов «подлежащее» и «субъект». Первый актант в именительном падеже называется подлежащим. Первый актант не в именительном падеже (в генитиве при имени действия, в аккузативе в зависимой предикации, оформленной при помощи союза *di(je)p*, а также нулевое местоимение при инфинитиве) называется просто субъектом. Первый актант в дательном падеже при глаголах типа ɤšɤj ‘нравиться’, *tujdɤra* ‘надоедать’ условно называется дативным подлежащим-экспериенцером. Для обозначения общего понятия первого синтаксического актанта, вне зависимости от способа его выражения, используется термин «субъект».

[53] Поскольку инфинитивная стратегия допускает в позиции субъекта только нулевое местоимение PRO (см. подробнее в 6.5.3.2.1), аналогичные отрицательные примеры для прочих анафорических средств далее приводиться не будут.

(6.444) *ilnur$_i$ [**üz üz-e$_i$** || **üz üz-e-n$_i$** || **üz üz-e-neŋ$_i$**|| **üz üz-n-ä$_i$**
Ильнур **сам сам-3 сам сам-3-OBL.ACC сам сам-3-GEN сам сам-3-OBL-DAT**
aš-a-r-ga] kil-de.
есть-ST-POT-INF приходить-PST
Ильнур$_i$ сам$_i$ пришел поесть.

6.5.1.2. Местоимение *üz üzen* в несубъектной позиции в зависимой предикации

В несубъектной позиции зависимой предикации сложный рефлексив не может иметь антецедента в главной предикации. В (6.445a) подлежащее главной предикации *ilnur* не может быть антецедентом сложного рефлексива *üz üzen* в позиции прямого дополнения в зависимой предикации. Простой рефлексив *üzen*, напротив, допускает в этой позиции антецедент в главной предикации:

(6.445) a. ilnur$_i$ [läjsän-neŋ$_j$ **üz üz-e-n$_{j,*i}$** jarat-kan-ɤ-n-a]
Ильнур Лейсан-GEN **сам сам-3-OBL.ACC** любить-PFCT-3-OBL-DAT
šatlan-a.
радоваться-ST.IPFV
*Ильнур$_i$ радуется, что Лейсан$_j$ **себя**$_j$ || ***его**$_i$ любит.*

b. ilnur$_i$ [läjsän-neŋ$_j$ **üz-e-n$_{i,j}$** jarat-kan-ɤ-n-a]
Ильнур Лейсан-GEN **сам-3-OBL.ACC** любить-PFCT-3-OBL-DAT
šatlan-a.
радоваться-ST.IPFV
*Ильнур$_i$ радуется, что Лейсан **его**$_{i,j}$ любит.*

6.5.1.3. Местоимение *üz üzen* в финитной зависимой предикации

В финитной актантной предикации, то есть в актантной предикации, оформленной при помощи союза *di(je)p,* см. 6.3.2, местоимение *üz üzen* с антецедентом в главной предикации не может употребляться ни в позиции дополнения, ни в позиции подлежащего. В (6.446) сложный рефлексив в позиции прямого дополнения финитной зависимой предикации не может быть кореферентен подлежащему главной предикации.

(6.446) timur$_i$ [läjsän$_j$ **üz üz-e-n$_{j,*i}$** jarat-a dip] ujl-ɤj.
Тимур Лейсан **сам сам-3-OBL.ACC** любить-ST.IPFV SUB думать-ST.IPFV
*Тимур$_i$ думает, что Лейсан$_j$ **себя**$_j$ || ***его**$_i$ любит.*

Предложение (6.447a), в котором сложный рефлексив употреблен в позиции аккузативного субъекта финитной зависимой предикации с антецедентом в главной предикации, неграмматично (об аккузативном субъекте см. 6.3.2.1). Если сложный рефлексив заменить на простой, как в (6.447b), предложение становится допустимым.

(6.447) a. *rämil$_i$ [**üz üz-e-n$_i$** ǯɤr ǯɤrl-ɤj-m dip] ät-te.
Рамиль **сам сам-3-OBL.ACC** песня петь-ST.IPFV-1SG SUB говорить-PST
*Рамиль$_i$ сказал, что **он**$_i$ поет песню.* {a=b}

b. rämil$_i$ [**üz-e-n$_i$** ǯɤr ǯɤrl-ɤj-m dip] ät-te.
Рамиль **сам-3-OBL.ACC** песня петь-ST.IPFV-1SG SUB говорить-PST

Н.А. Антонова и А.Б. Шлуинский. Село Татарский Елтан, 1999 год.

6.5.2. Простой рефлексив *üze*

Круг зависимых предикаций, в которых допускается местоимение *üze*, значительно шире, чем для сложного рефлексива: оно возможно в актантных и целевых (но не в других обстоятельственных) предложениях.

Такое противопоставление актантных и обстоятельственных целевых зависимых предикаций обстоятельственным нецелевым, по-видимому, связано с типом используемой синтаксической конструкции. Сентенциальные актанты и обстоятельственные предложения цели оформляются при помощи инфинитивной стратегии и стратегии с союзом *di(je)p* (сентенциальные актанты также при помощи номинализации), а прочие обстоятельственные предложения — при помощи деепричастий.

6.5.2.1. Два употребления местоимения *üze*: рефлексивный маркер и интенсификатор

Описание употребления местоимения *üze* в мишарском диалекте осложнено тем, что это слово используется не только как рефлексивное местоимение, но и как интенсификатор, как, например, в (6.448):

(6.448) ilnur **üz-e** kitap uk-ɤj.
Ильнур **сам-3** книга читать-ST.IPFV
*Ильнур **сам** читает книгу.*

Как известно (см. Лютикова 1997 и Лютикова 2002), соединение рефлексивного маркера и интенсификатора в одной лексеме (диахронически рефлексивный маркер происходит из интенсификатора) — типологически распространенное явление.

В большинстве случаев разграничить употребление *üze* в качестве интенсификатора и в качестве рефлексивного маркера, не обращаясь собственно к значению, можно следующим образом. Если в предложении, в котором имеется слово *üze*, представлена именная группа, с которой *üze* имеет общую синтаксическую роль, то *üze* употребляется как интенсификатор:

(6.449) läjsän ilnur-ga$_i$ [**ul**$_i$ **üz-e** kit-sen ečen] suk-tɤ.
Лейсан Ильнур-DAT **он** **сам-3** уходить-JUSS ради бить-PST

*1. *Лейсан ударила Ильнура$_i$, чтобы **он**$_i$ ушел.*
*2. ^{OK}Лейсан ударила Ильнура$_i$, чтобы **он**$_i$ **сам** ушел* {ПК: и не пришлось его выгонять}.

Если же такой именной группы нет, *üze* выступает как рефлексивное местоимение:

(6.450) ilnur$_i$ [änä-se **üz-e-n**$_i$ aš-a-t-ɤ-r dip] ujl-ɤj.
Ильнур мать-3 сам-3-OBL.ACC есть-ST-CAUS-ST-POT SUB думать-ST.IPFV

*Ильнур$_i$ думает, что мать **его**$_i$ накормит.*

Описанный тест неприменим в тех случаях, когда релевантная синтаксическая позиция заполнена нулевым анафорическим местоимением (см. о нем раздел 6.5.3). В таких случаях определить, что *üze* — не рефлексивное местоимение, а интенсификатор, можно только ориентируясь на значение предложения:

(6.451) läjsän ilnur-ga$_i$ [∅$_i$ **üz-e** kit-sen ečen] suk-tɤ.
Лейсан Ильнур-DAT **сам-3** уходить-JUSS ради бить-PST

*1. *Лейсан ударила Ильнура$_i$, чтобы **он**$_i$ ушел.*
*2. ^{OK}Лейсан ударила Ильнура$_i$, чтобы **он**$_i$ **сам** ушел* {ПК: и не пришлось его выгонять}.

(6.452) ilnur$_i$ [∅$_i$ **üz-e** aš-a-r-ga] ǯɤjɤn-a.
Ильнур **сам-3** есть-ST-POT-INF собираться-ST.IPFV

*1. *Ильнур$_i$ собирается ∅$_i$ поесть.*
*2. ^{OK}Ильнур$_i$ собирается ∅$_i$ **сам** поесть.* {ПК: Не надо его кормить.}

Кроме того, местоимение *üze* имеет следующее ограничение: его именительный падеж в позиции подлежащего может употребляться только в функции интенсификатора (см. (6.451)-(6.452)), а функции рефлексивного маркера у него нет.

Далее, говоря, что употребление *üze* в том или ином предложении невозможно, мы будем иметь в виду его употребление в качестве рефлексивного местоимения, а не в качестве интенсификатора.

6.5.2.2. Местоимение *üze* с антецедентом — подлежащим главной предикации

Рефлексивное местоимение *üze* употребляется в нефинитных и финитных актантных и целевых придаточных предложениях, имея в качестве антецедента, как правило, подлежащее главной предикации (о случае, где антецедентом рефлексивного местоимения может быть дополнение главной предикации, будет сказано ниже). В (6.453) местоимение *üzeneŋ*, стоящее в позиции субъекта зависимой предикации, допускает в качестве антецедента только подлежащее главной предикации *änäse*, но не дополнение *renatka*:

(6.453) änä-se$_i$ renat-ka$_j$ [**üz-e-neŋ**$_{i,*j}$ mäktäp-kä
мать-3 Ренат-DAT **сам-3-GEN** школа-DAT

bar-u-ɤ-n] ät-te.
идти-NMN-3-OBL.ACC говорить-PST

*Мать$_i$ сказала Ренату$_j$, что **она**$_i$ || ***он**$_j$ пойдет в школу.*

В (6.454) местоимение *üzen*, занимающее позицию дополнения зависимой предикации, может иметь в качестве антецедента подлежащее главной предикации *ätäse*, но не дополнение *ilnurnɤ*, несмотря на неестественность такого прочтения:

(6.454) ? [änä-se **üz-e-n**$_{i,*j}$ aš-a-t-sɤn dip]
мать-3 **сам-3-OBL.ACC** есть-ST-CAUS-JUSS SUB

ätä-se$_i$ ilnur-nɤ$_j$ čakɤr-dɤ.
отец-3 Ильнур-ACC звать-PST

*Отец$_i$ позвал Ильнура$_j$, чтобы мать накормила **его**$_{i,*j}$.*

Антецедентом *üze* может быть и дативное подлежащее-экспериенцер в главной предикации. В (6.455) местоимение *üzeneŋ* в позиции субъекта зависимой предикации соотносится с антецедентом *renatka* в дательном падеже в главной предикации:

(6.455) [**üz-e-neŋ**$_i$ pečän čab-u-ɤ] renat-ka$_i$ ɤš-ɤj.
сам-3-GEN сено косить-NMN-3 Ренат-DAT нравиться-ST.IPFV

*Ренату$_i$ нравится, что **он**$_i$ косит сено.*

Аналогично, в (6.456) местоимение *üzen* в позиции дополнения в зависимой предикации допускает в качестве антецедента именную группу *ilnurga*, подлежащее-экспериенцер при глаголе *ɤšɤj*:

(6.456) ilnur-ga$_i$ [läjsän-neŋ$_j$ **üz-e-n**$_{i,j}$ jarat-u-ɤ] ɤš-ɤj.
Ильнур-DAT Лейсан-GEN **сам-3-OBL.ACC** любить-NMN-3 нравиться-ST.IPFV

*Ильнуру$_i$ нравится, что Лейсан$_j$ **его**$_i$ || **себя**$_j$ любит.*

6.5.2.3. Местоимение *üze* с антецедентом — дополнением главной предикации при каузативном глаголе

Правило о том, что антецедентом *üze* должно быть подлежащее главной предикации, нарушается, если сказуемым главной предикации выступает каузативный глагол (о каузативе в мишарском диалекте см. 3.1.2 и 3.3). Рассмотрим (6.457):

(6.457) a. ilnur$_i$ [zefär$_j$ **üz-e-n**$_{i,j}$ üter-ä dip] kurk-a.
Ильнур Зуфар **сам-3-OBL.ACC** убивать-ST.IPFV SUB бояться-ST.IPFV

*Ильнур$_i$ боится, что Зуфар$_j$ **его**$_i$ || **себя**$_j$ убьет.*

b. läjsän$_i$ ilnur-nɤ$_j$ [zefär$_k$ **üz-e-n**$_{i,j,k}$
Лейсан Ильнур-ACC Зуфар **сам-3-OBL.ACC**

üter-ä dip] kurk-ɤ-t-a.
убивать-ST.IPFV SUB бояться-ST-CAUS-ST.IPFV

*Лейсан$_i$ пугает Ильнура$_j$ тем, что Зуфар$_k$ **ее**$_i$ || **его**$_j$ || **себя**$_k$ убьет.*

В (6.457a) сказуемое главной предикации — глагол *kurka* ‘бояться’, а в (6.457b) — глагол *kurkʏta* ‘пугать’; прямое дополнение второго предложения *ilnurnʏ* соответствует подлежащему первого предложения *ilnur*. Прямое дополнение сохраняет возможность контролировать рефлексив в зависимой предикации и после каузативизации (наряду с собственно подлежащим главной предикации *läjsän)*. Способность именной группы, обозначающей каузируемого в каузативной конструкции (такой, как *ilnurnʏ* в (6.457b)), связывать анафорические средства, характерные для подлежащего независимой предикации, отмечена во многих языках; см., в частности Lyutikova, Tatevosov 2005 и Harley 2008.

6.5.2.4. Местоимение *üze* в позиции субъекта

Как уже было сказано, местоимение *üze* в позиции подлежащего может употребляться только в качестве интенсификатора. В конструкциях с актантными и целевыми предложениями, требующими подлежащего зависимой предикации в номинативе, местоимение *üze* в этой позиции не допускается. В (6.458) местоимение *üze* не может заполнять позицию подлежащего зависимой актантной предикации, а в (6.459) — позицию подлежащего обстоятельственного предложения цели (ср. также (6.451)-(6.452)).

(6.458) renat$_i$ [**üz-e**$_i$ kil-e-r dip] wägdä bir-ä.
Ренат **сам-3** приходить-ST-POT SUB обещание давать-ST.IPFV

*1. *Ренат$_i$ обещает, что **он**$_i$ придет.*
*2. ^{OK}Ренат обещает, что **он сам** придет* {ПК: и не придется идти к нему}.

(6.459) ilnur$_i$ [**üz-e**$_i$ jʏkl-a-p kit-e-r ečen] kitap uk-ʏj.
Ильнур **сам-3** спать-ST-CONV уходить-ST-POT ради книга читать-ST.IPFV

*1. *Ильнур$_i$ читает книгу, чтобы **он**$_i$ заснул.*
*2. ^{OK}Ильнур читает книгу, чтобы заснуть **самому**,* {ПК: и не принимать снотворное}.

Слово *üze* как рефлексивное местоимение может употребляться в функции субъекта зависимой предикации только в конструкциях с субъектом не в номинативе. Во-первых, это конструкции с актантными предложениями, оформленными при помощи номинализаций, в частности, номинализаций на *-u* (как в (6.460)) и на *-gan* (как в (6.461)), где субъект зависимой предикации имеет генитивное маркирование:

(6.460) ilnur$_i$ [**üz-e-neŋ**$_i$ läjsän-gä üläп-ü-e-n] ʏnʏt-tʏ.
Ильнур **сам-3-GEN** Лейсан-DAT жениться-NMN-3-OBL.ACC забывать-PST

*Ильнур$_i$ забыл, что **он**$_i$ женился на Лейсан.*

(6.461) rišat$_i$ [**üz-e-neŋ**$_i$ aš-a-gan-ʏ-n] ʏnʏt-tʏ.
Ришат **сам-3-GEN** есть-ST-PFCT-3-OBL.ACC забывать-PST

*Ришат$_i$ забыл, что **он**$_i$ поел.*

Во-вторых, это ряд конструкций с сентенциальными актантами, оформленными при помощи союза *di(je)p*, где именная группа, соответствующая субъекту зависимой предикации, стоит в форме аккузатива (см. об этом явлении в 6.3.2.1). Именно это происходит в (6.462):

(6.462) ilnur$_i$ [**üz-e-n**$_i$ läjsän-gä ülän-de dip] šatlan-a.
Ильнур **сам-3-OBL.ACC** Лейсан-DAT жениться-PST SUB радоваться-ST.IPFV
*Ильнур$_i$ радуется, что **он**$_i$ женился на Лейсан.*

Такая стратегия оформления сентенциального актанта (с *di(je)p* и субъектом в аккузативе) допускается не всеми носителями и не для всех глаголов, однако, когда она допустима, то допустимо и местоимение *üze* в субъектной позиции.

6.5.2.5. Местоимение *üze* в несубъектной позиции

В несубъектной позиции в зависимой предикации *üze* может употребляться как в целевых, так и в актантных предложениях при любой стратегии оформления этих предложений (приведем для краткости только часть примеров). В (6.463) местоимение *üzen* представлено в позиции дополнения зависимой актантной предикации, оформленной при помощи номинализации:

(6.463) zefär$_i$ [läjsän-neŋ$_j$ **üz-e-n**$_{i,j}$ jarat-u-ɤ-n] ät-te.
Зуфар Лейсан-GEN **сам-3-OBL.ACC** любить-NMN-3-OBL.ACC говорить-PST
*Зуфар$_i$ сказал, что Лейсан$_j$ **его**$_i$ || **себя**$_j$ любит.*

В (6.464) *üzen* располагается в позиции дополнения актантной зависимой предикации, оформленной при помощи союза *di(je)p*:

(6.464) ilnur$_i$ [zexrä$_j$ **üzen**$_{i,j}$ jarat-a dip] ɤšan-a.
Ильнур Зухра **сам-3-OBL.ACC** любить-ST.IPFV SUB верить-ST.IPFV
*Ильнур$_i$ верит, что Зухра$_j$ **его**$_i$ || **себя**$_j$ любит.*

В (6.465) местоимение *üzen* употреблено в позиции дополнения целевой зависимой предикации, также оформленной при помощи стратегии с союзом *di(je)p*:

(6.465) timur$_i$ [änä-se$_j$ **üzen**$_{i,j}$ makt-a-sɤn dip] kitap uk-ɤj.
Тимур мать-3 **сам-3-OBL.ACC** хвалить-ST-JUSS SUB книга читать-ST.IPFV
*Тимур$_i$ читает книгу, чтобы мать **его**$_i$ || **себя**$_j$ похвалила.*

6.5.2.6. Местоимение *üze* в нецелевых обстоятельственных зависимых

В обстоятельственных предложениях с нецелевым значением рефлексивное местоимение *üzen* с антецедентом в главной предикации избегается[54]. В (6.466) оно размещается внутри обстоятельственного предложения времени; подлежащее главной предикации в качестве антецедента сомнительно.

(6.466) ? ilnur$_i$ [änä-se **üzen**$_i$ aš-a-t-kač] kit-te.
Ильнур мать-3 **сам-3-OBL.ACC** есть-ST-CAUS-ANT уходить-PST
*Ильнур$_i$ ушел, когда мать **его**$_i$ накормила.*

[54] Здесь и далее, говоря о нецелевых обстоятельственных предложениях, мы будем приводить примеры не на все обстоятельственные значения.

Аналогично ведет себя местоимение *üzen* в обстоятельственном предложении причины с антецедентом в главной предикации в (6.467):

(6.467) ?[ätä-se **üzen**$_i$ čakɤr-gan-ga] ilnur$_i$ kil-de.
отец-3 **сам-3-OBL.ACC** звать-PFCT-CAUSE Ильнур приходить-PST
*Ильнур$_i$ пришел, потому что отец **его**$_i$ позвал.*

6.5.3. Нулевые анафорические средства

В системе анафорических средств мишарского диалекта существенное место занимают нулевые местоимения. Во-первых, это нулевое местоимение PRO, употребляющееся в конструкциях, где не может быть использована никакая другая именная группа. Во-вторых, это нулевое анафорическое местоимение *pro*, напротив, использующееся в тех же синтаксических позициях, где могут размещаться и полные именные группы, и фонологически выраженные анафорические средства.

6.5.3.1. Нулевое анафорическое средство или эллиптическое сокращение именной группы?

Нулевые анафорические средства следует отличать от эллиптического сокращения именных групп, так как эти явления подчиняются принципиально разным закономерностям. При эллиптическом сокращении необходимо дословное или почти дословное совпадение сокращаемого материала. В (6.468) показано эллиптическое сокращение именной группы *zefärne*, а в (6.469) — глагольной формы *kitte*:

(6.468) läjsän zefär-ne jarat-a,
Лейсан Зуфар-ACC любить-ST.IPFV

ä zexrä __ kür-ä al-m-ɤj.
а Зухра видеть-ST.IPFV брать-NEG-ST.IPFV
Лейсан любит Зуфара, а Зухра ненавидит.

(6.469) rišat kazan-ga __ renat čistaj-ga kit-te.
Ришат Казань-DAT Ренат Чистополь-DAT уходить-PST
Ришат поехал в Казань, а Ренат в Чистополь.

Как в (6.468), так и в (6.469) на месте эллиптического пробела можно легко, без ущерба для синтаксической структуры предложения, восстановить опущенные составляющие.

Существование нулевого анафорического местоимения *pro* в мишарском диалекте может быть показано через пример (6.470). В (6.470a) представлено *pro* в функции подлежащего главной предикации, имеющее так называемый «расщепленный антецедент» в зависимой предикации — подлежащее зависимой предикации *zefär* и дополнение *rišat*. Допустимость (6.470a) принципиально не может быть объяснена через сочинительное сокращение: при подставлении полных именных групп из зависимой предикации на место нуля (6.470b) грамматичной структуры не получается:

(6.470) a. [zefär$_i$ rišat-nɤ$_j$ čakɤr-gač] ∅$_{i+j}$ aš-a-dɤ-lar.
Зуфар Ришат-ACC звать-ANT есть-ST-PST-PL
*Когда Зуфар$_i$ позвал Ришата$_j$, (**они**$_{i+j}$) поели.* {a=b}

b. *[zefär rišat-nɤ čakɤr-gač] zefär rišat-nɤ aš-a-dɤ-lar.
Зуфар Ришат-ACC звать-ANT Зуфар Ришат-ACC есть-ST-PST-PL

Нулевое анафорическое местоимение подчиняется тем же универсальным закономерностям, что и всякое другое анафорическое местоимение. Нулевое местоимение не может иметь структурный приоритет (в смысле Reinhart 1976) над своим антецедентом. В (6.471) *pro* в функции подлежащего главной предикации имеет структурный приоритет над любым материалом внутри зависимой предикации и потому не может иметь в ней антецедента:

(6.471) ∅$_{k,*i,*j}$ rišat-nɤ [ätä-se$_i$ läjsän-ne$_j$ čakɤr-gač]
Ришат-ACC отец-3 Лейсан-ACC звать-ANT
aš-a-t-tɤ.
есть-ST-CAUS-PST
***Он(а)**$_{k,*i,*j}$), когда отец$_i$ позвал Лейсан$_j$, накормил Ришата.*

Реальность нулевого местоимения PRO подкрепляется примерами типа (6.472):

(6.472) ilnur$_i$ [∅$_i$ **üz** **üz-e-n**$_i$ aš-a-r-ga] tel-i.
Ильнур **сам** **сам-3-OBL.ACC** есть-ST-POT-INF хотеть-ST.IPFV
*Ильнур$_i$ хочет ∅$_i$ съесть **самого себя**$_i$.*

Поскольку антецедент из главной предикации заведомо не может контролировать сложный рефлексив в позиции дополнения зависимой предикации, единственная именная группа, которая может осуществлять контроль, — это нулевое местоимение.

6.5.3.2. Нулевое местоимение PRO

6.5.3.2.1. Нулевое местоимение PRO в позиции субъекта при инфинитиве. Основная синтаксическая позиция, требующая PRO, — это позиция субъекта при инфинитиве, употребляющемся в конструкциях с актантными и с целевыми предложениями (см. об этих конструкциях соответственно 6.3.1.3 и 6.1.1.4.1).

Как известно, контроль PRO при инфинитиве может быть устроен достаточно сложным образом (ср. Jackendoff 1972, Козинский 1985, см. также Тестелец 2001: 288-295). В целом можно сказать, что наибольший приоритет контроля PRO имеет прямое дополнение, промежуточный — косвенное дополнение, а наименьший — подлежащее, однако эта иерархия может иметь семантические ограничения. В мишарском диалекте, по-видимому, контролировать PRO при инфинитиве может только одушевленное дополнение.

Если синтаксическая вершина главной предикации не имеет одушевленного дополнения, то PRO при инфинитиве выбирает в качестве антецедента подлежащее главной предикации. В (6.473) нулевое местоимение при инфинитиве, оформляющем актантную предикацию при глаголе *teli* ‘хотеть’, имеет в качестве антецедента подлежащее главной предикации *ilnur*:

(6.473) ilnur$_i$ [∅$_i$ aš-a-r-ga] tel-i.
Ильнур есть-ST-POT-INF хотеть-ST.IPFV
Ильнур$_i$ хочет ∅$_i$ есть.

В (6.474) PRO при инфинитиве, оформляющем актантную предикацию при глаголе ɤšɤj ‘нравиться’, имеет в качестве антецедента дативное подлежащее-экспериенцер при том же глаголе:

(6.474) ilnur-ga$_i$ [∅$_i$ pečän čab-a-r-ga] ɤš-ɤj.
Ильнур-DAT сено косить-ST-POT-INF нравиться-ST.IPFV
Ильнуру$_i$ нравится ∅$_i$ косить сено.

В (6.475) PRO при целевом инфинитиве имеет в качестве антецедента подлежащее главной предикации *renat*:

(6.475) renat$_i$ [∅$_i$ eč-ä-r-gä] su al-ɤ-p kil-de.
Ренат пить-ST-POT-INF вода брать-ST-CONV приходить-PST
Ренат$_i$ принес воды, чтобы ∅$_i$ пить.

Если же в главной предикации представлено одушевленное прямое или косвенное дополнение, антецедентом нулевого анафорического местоимения будет это дополнение. Для конструкций с сентенциальными актантами такая конфигурация возникает у матричных глаголов со значениями типа ‘приказать’, ‘предложить’, а для конструкций с целевыми предложениями — у глаголов со значениями типа ‘позвать’ или ‘отвести’. В (6.476) нулевое местоимение при инфинитиве, оформляющем актантную предикацию, соотносится с косвенным дополнением главной предикации *gajlägä*, но не с подлежащим главной предикации *ätäse*:

(6.476) ätä-se$_i$ beten gajlä-gä$_j$ [∅$_{j,*i}$ ǯɤjɤl-ɤ-r-ga] bɤjɤr-dɤ.
отец-3 весь семья-DAT собираться-ST-POT-INF приказывать-PST
Отец$_i$ приказал всей семье$_j$ ∅$_{j,*i}$ собраться.

Аналогично, в (6.477) PRO при целевом инфинитиве имеет в качестве антецедента прямое дополнение главной предикации *rišatnɤ*, но не подлежащее *änäse*:

(6.477) änä-se$_i$ rišat-nɤ$_j$ [∅$_{j,*i}$ aš-a-r-ga] čakɤr-dɤ.
мать-3 Ришат-ACC есть-ST-POT-INF звать-PST
Мать$_i$ позвала Ришата$_j$ ∅$_{j,*i}$ есть.

6.5.3.2.2. Нулевое местоимение PRO в позиции субъекта целевых конструкций с послелогом *ečen*. В целевых конструкциях, оформленных при помощи причастия будущего времени на *-r* с послелогом *ečen*, нулевое местоимение не является единственно возможной именной группой. Однако при кореферентности подлежащих главной и зависимой предикаций нулевое местоимение здесь выступает как единственное анафорическое средство и не может варьировать с другими местоимениями. В (6.478a) нулевое местоимение в позиции подлежащего зависимой предикации имеет в качестве антецедента подлежащее главной предикации *renat*. Замена нулевого местоимения на анафорическое местоимение *ul* (6.478b) приводит к неграмматичности:

(6.478) a. renat$_i$ [∅$_i$ aš-a-r ečen] kil-de.
Ренат есть-ST-POT ради приходить-PST

Ренат$_i$ пришел, чтобы ∅$_i$ поесть. {a=b}

b. *renat [**ul** aš-a-r ečen] kil-de.
Ренат **он** есть-ST-POT ради приходить-PST

6.5.3.3. Нулевое анафорическое местоимение *pro*

Нулевое анафорическое местоимение *pro* в мишарском диалекте относится к местоимениям-прономиналам. Оно всегда ищет свой антецедент за пределами некоторой локальной области (в первом приближении — за пределами простой предикации) и, более того, допускает антецедент за пределами своего предложения, то есть может быть дискурсивным анафорическим средством. При этом для него характерны и некоторые локальные свойства: в тех случаях, когда нулевое местоимение в зависимой предикации «находит» антецедент внутри главной предикации предложения, этот антецедент для него наиболее предпочтителен. Наиболее характерно для мишарского нулевого местоимения употребление в сложноподчиненном предложении при совпадении подлежащих главной и зависимой предикаций.

6.5.3.3.1. Нулевое анафорическое местоимение *pro* в позиции субъекта зависимых предикаций. Нулевое анафорическое местоимение, кореферентное подлежащему главной предикации, употребляется в позиции субъекта актантных и обстоятельственных предложений. В этих случаях оно варьирует с другими анафорическими средствами (ср. разделы 6.5.2.4 и 6.5.4.2 о простом рефлексиве *üze* и анафорическом местоимении *ul*). В (6.479) *pro* в позиции субъекта зависимой актантной предикации, которая представляет собой номинализацию на *–gan*, соотносится с подлежащим главной предикации *ilnur*:

(6.479) [∅$_i$ läjsän-gä ülän-gän-e-n] ilnur$_i$ ɤnɤt-tɤ.
Лейсан-DAT жениться-PFCT-3-OBL.ACC Ильнур забывать-PST

Ильнур$_i$ забыл, что ∅$_i$ женился на Лейсан.

В (6.480) нулевое анафорическое местоимение в позиции подлежащего зависимой актантной предикации, присоединяемой союзом *di(je)p*, имеет в качестве антецедента подлежащее главной предикации *rišat*:

(6.480) rišat$_i$ [∅$_i$ ilnur-nɤ kit-ä-r-e-r]
Ришат Ильнур-ACC уходить-ST-CAUS-ST-POT

dip wägdä bir-ä.
SUB обещание давать-ST.IPFV

Ришат$_i$ обещает, что ∅$_i$ уведет Ильнура.

В (6.481) *pro* в позиции подлежащего обстоятельственного предложения времени соотносится с подлежащим главной предикации *renat*:

(6.481) [∅$_i$ kil-gäč] renat$_i$ aš-a-dɤ.
приходить-ANT Ренат есть-ST-PST

После того как ∅$_i$ пришел, Ренат$_i$ поел.

6.5.3.3.2. Нулевое анафорическое местоимение *pro* в несубъектной позиции зависимых предикаций. Нулевое анафорическое местоимение в функции дополнения в зависимой предикации, контролируемое субъектом главной предикации, также употребляется в придаточных предложениях различных типов. В (6.482) *pro* в позиции дополнения в обстоятельственном предложении времени кореферентно подлежащему главной предикации:

(6.482) zefär$_i$ [änä-se ∅$_i$ aš-a-t-kač] kit-te.
Зуфар мать-3 есть-ST-CAUS-ANT уходить-PST
*Зуфар$_i$ ушел, когда мать **его**$_i$ накормила.*

В (6.483) нулевое анафорическое местоимение в позиции дополнения в целевом обстоятельственном предложении соотносится с подлежащим главной предикации:

(6.483) [änä-se ∅$_i$ aš-a-t-sɤn ečen] renat$_i$
мать-3 есть-ST-CAUS-JUSS ради Ренат
estäl jan-ɤ-n-a utɤr-dɤ.
стол около-3-OBL-DAT садиться-PST
*Ренат$_i$ сел за стол, чтобы мать (**его**$_i$) накормила.*

В (6.484) *pro* в позиции дополнения в актантном предложении с номинализацией на *-gan* также имеет в качестве антецедента подлежащее главной предикации:

(6.484) [timur-nɤŋ ∅$_i$ suk-kan-ɤ-n] ilnur$_i$ ɤnɤt-tɤ.
Тимур-GEN бить-PFCT-3-OBL.ACC Ильнур забывать-PST
*Ильнур$_i$ забыл, что Тимур (**его**$_i$) ударил.*

6.5.3.3.3. Нулевое анафорическое местоимение *pro* в главной предикации. Нулевое местоимение в главной предикации может соотноситься с антецедентом в зависимой предикации, только если эта зависимая предикация является обстоятельственной нецелевой. В (6.485) нулевое местоимение в позиции подлежащего главной предикации соотносится с подлежащим обстоятельственного предложения времени:

(6.485) [rišat-nɤ änä-se$_i$ aš-a-t-kač] ∅$_i$ kit-te[55].
Ришат-ACC мать-3 есть-ST-CAUS-ANT уходить-PST
*Когда мать$_i$ накормила Ришата, (**она**$_i$) ушла.*

Антецедента в зависимой актантной или целевой предикации нулевое местоимение в главной предикации иметь не может. В (6.486) нулевое анафорическое местоимение в позиции подлежащего главной предикации не может соотноситься ни с субъектом, ни с дополнением зависимой актантной предикации:

(6.486) [timur-nɤŋ$_i$ rämil-gä$_j$ suk-kan-ɤ-n] ∅$_{k,*i,*j}$ ɤnɤt-tɤ.
Тимур-GEN Рамиль-DAT бить-PFCT-3-OBL.ACC забывать-PST
*(**Он**$_{k,*i,*j}$) забыл, что Тимур$_i$ ударил Рамиля$_j$.*

[55] Порядок слов в данном примере с вынесением дополнения вперед не является наиболее нейтральным; он использован для демонстрации того факта, что подлежащее *änäse* входит именно в зависимую предикацию.

В (6.487), аналогично, нулевое анафорическое местоимение в позиции подлежащего главной предикации не может соотноситься ни с субъектом, ни с дополнением обстоятельственного предложения цели:

(6.487) [renat$_i$ ilnur-nɤ$_j$ kür-m-ä-sen dip] Ø$_{k,*i,*j}$ ƺir-gä
Ренат Ильнур-ACC видеть-NEG-ST-JUSS SUB земля-DAT

jat-tɤ.
ложиться-PST

*(**Он**$_{k,*i,*j}$) лег на землю, чтобы Ренат$_i$ не видел Ильнура$_j$.*

6.5.3.3.4. Нулевое анафорическое местоимение *pro* и антецедент-подлежащее. Во всех случаях, где варьирующее с другими анафорическими средствами нулевое местоимение может соотноситься с подлежащим другой предикации, оно может соотноситься и с прочими именными группами. Однако в прагматически нейтральных контекстах предпочтительнее соотнесение нулевого местоимения с подлежащим другой предикации. В (6.488) нулевое местоимение в позиции дополнения в обстоятельственном предложении времени может соотноситься как с подлежащим, так и с дополнением главной предикации, однако первая интерпретация предпочтительнее:

(6.488) [änä-se Ø$_{i>j}$ aš-a-t-kač] zefär$_i$ läjsän-ne$_j$ čakɤr-dɤ.
мать-3 есть-ST-CAUS-ANT Зуфар Лейсан-ACC звать-PST

*Когда мать **его**$_i$ || **ее**$_j$ накормила, Зуфар$_i$ позвал Лейсан$_j$.*

Если сравнить с предложением (6.488) предложение (6.489), то в нем нулевое местоимение в позиции дополнения в таком же обстоятельственном предложении скорее всего соотносится с дополнением главной предикации, потому что здесь такая интерпретация прагматически более ожидаема:

(6.489) [ätä-se Ø$_j$ čakɤr-gač] änä-se rišat-nɤ$_j$ aš-a-t-tɤ.
отец-3 звать-ANT мать-3 Ришат-ACC есть-ST-CAUS-PST

*Когда отец **его**$_j$ позвал, мать накормила Ришата$_j$.*

В (6.490) представлена аналогичная примеру (6.488) кореферентность нулевого местоимения в целевом обстоятельственном предложении подлежащему и дополнению главной предикации; опять же первая интерпретация предпочтительна:

(6.490) änä-se$_i$ ilnur-nɤ$_j$ [läjsän Ø$_{i>j}$ kür-m-ä-sen dip]
мать-3 Ильнур-ACC Лейсан видеть-NEG-ST-JUSS SUB

al-ɤ-p kit-te.
брать-ST-CONV уходить-PST

*Мать$_i$ увела Ильнура$_j$, чтобы Лейсан (**ее**$_i$ || **его**$_j$) не видела.*

Предложение (6.491) представляет собой аналогичный пример с нулевым местоимением в актантном предложении:

(6.491) zefär$_i$ ilnur-ga$_j$ [läjsän-neŋ Ø$_{i>j}$ jarat-u-ɤ-n] ät-te.
Зуфар Ильнур-DAT Лейсан-GEN любить-NMN-3-OBL.ACC говорить-PST

*Зуфар$_i$ сказал Ильнуру$_j$, что Лейсан (**его**$_{i>j}$) любит.*

6.5.4. Анафорическое местоимение *ul*

Мишарское анафорическое местоимение *ul* — характерный пример местоимения-прономинала по Chomsky 1981. В любом контексте оно может быть дискурсивным анафорическим средством, то есть соотноситься с антецедентом, находящимся на любом расстоянии за пределами своего предложения. При этом местоимение *ul* играет существенную роль также и в системе синтаксической анафоры.

6.5.4.1. Местоимение *ul*: дискурсивная анафора vs. синтаксическая анафора

В ряде синтаксических позиций употребление местоимения *ul* в качестве синтаксического анафорического средства с антецедентом внутри своего предложения затруднено и предпочтительнее его интерпретация как дискурсивного анафорического средства.

Во-первых, как и другие анафорические средства, *ul* не может соотноситься с именной группой в зависимой предикации любого типа, линейно ей предшествуя. В (6.492) местоимение *anarga*, дополнение главной предикации, не допускает в качестве антецедента подлежащее зависимой предикации *rišat*:

(6.492) ilnur **anar-ga**$_{k,*i}$ [rišat$_i$ mɤ-n-nan
Ильнур **он.OBL-DAT** Ришат этот-OBL-ABL

kit-m-ä-s dip] wägdä bir-ä.
уходить-NEG-ST-POT SUB обещание давать-ST.IPFV

*Ильнур **ему**$_{k,*i}$ обещает, что Ришат$_i$ отсюда не уйдет.*

Во-вторых, существуют контексты, где антецедент в том же предложении для местоимения *ul* допустим, но соотнесение с антецедентом из другого предложения приоритетнее. Так обстоит дело, в частности, если местоимение предшествует своему потенциальному антецеденту. В (6.493) местоимение *anɤ*, дополнение в обстоятельственном предложении времени, предшествующее подлежащему и дополнению главной предикации, допускает кореферентность с ними, но первый выбор носителей — референт за пределами предложения:

(6.493) [änä-se **a-nɤ**$_{k>i,j}$ aš-a-t-kač] zefär$_i$ läjsän-ne$_j$ čakɤr-dɤ.
мать-3 **он-ACC** есть-ST-CAUS-ANT Зуфар Лейсан-ACC звать-PST

*Когда мать **его** || **ее**$_{k>i,j}$ накормила, Зуфар$_i$ позвал Лейсан$_j$.*

Аналогично, в (6.494) затруднено соотнесение местоимения *anarga*, дополнения в актантном предложении, со стоящим линейно справа от него подлежащим главной предикации:

(6.494) [timur-nɤŋ **anar-ga**$_{k>i}$ suk-kan-ɤ-n] ilnur$_i$ ɤnɤt-tɤ.
Тимур-GEN **он.OBL-DAT** бить-PFCT-3-OBL.ACC Ильнур забывать-PST

*Ильнур$_i$ забыл, что Тимур **его**$_{k>i}$ ударил.*

Помимо этого, «дискурсивная» интерпретация предпочтительнее, если местоимение оказывается подлежащим. Так происходит в (6.495), где местоимение *ul* занимает позицию подлежащего зависимой предикации:

(6.495) zefär$_i$ rišat-nɤ$_j$ [**ul**$_{k>i,j}$ xat jaz-gač] čakɤr-dɤ.
Зуфар Ришат-ACC **он** письмо писать-ANT звать-PST
*Зуфар$_i$ позвал Ришата$_j$, когда **он**$_{k>i,j}$ написал письмо.*

В описанных контекстах речь идет о предпочтениях, но не о строгих запретах. Предпочтения меняются, если контекст делает кореферентность в своем предложении прагматически более вероятной. Например, в (6.496) естественно соотнести местоимение *ul* в позиции дополнения зависимой предикации с линейно следующим за ним подлежащим главной предикации *zefär*:

(6.496) [änä-se **a-nɤ**$_i$ čakɤr-gač] zefär$_i$ kil-de.
мать-3 **он-ACC** звать-ANT Зуфар приходить-PST
*Когда мать **его**$_i$ позвала, Зуфар$_i$ пришел.*

В (6.497) местоимение *ul* в позиции подлежащего зависимой предикации также соотносится с антецедентом внутри своего предложения:

(6.497) änä-se rišat-nɤ$_i$ [**ul**$_i$ ar-ɤ-gan-ga] aš-a-t-tɤ.
мать-3 Ришат-ACC **он** уставать-ST-PFCT-CAUSE есть-ST-CAUS-PST
*Мать накормила Ришата$_i$, потому что **он**$_i$ устал.*

6.5.4.2. Местоимение *ul* в позиции субъекта с антецедентом-подлежащим

Местоимение *ul* употребляется как в актантных, так и в обстоятельственных предложениях, но в обстоятельственных предложениях сфера его употребления шире. Так, местоимение *ul* не может употребляться при кореферентности субъектов главной и зависимой актантной предикаций. В (6.498) местоимение *ul* в позиции подлежащего финитной актантной предикации, а в (6.499) местоимение *anɤŋ* в позиции субъекта нефинитной актантной предикации не может соотноситься с подлежащим главной предикации:

(6.498) ilnur$_i$ [**ul**$_{k,*i}$ kil-e-r dip] wägdä bir-ä.
Ильнур **он** приходить-ST-POT SUB обещание давать-ST.IPFV
*Ильнур$_i$ обещает, что **он**$_{k,*i}$ придет.*

(6.499) ilnur$_i$ [**a-nɤŋ**$_{k,*i}$ läjsän-gä üläп-gän-e-n] ɤnɤt-tɤ.
Ильнур **он-GEN** Лейсан-DAT жениться-PFCT-3-OBL.ACC забывать-PST
*Ильнур$_i$ забыл, что **он**$_{k,*i}$ женился на Лейсан.*

В (6.500), с другой стороны, местоимение *ul* в позиции подлежащего главной предикации не может соотноситься с субъектом актантной предикации с номинализацией на *–gan*.

При кореферентности субъектов главной и зависимой обстоятельственной предикаций употребление *ul* в принципе возможно[56]. Допустима такая интерпретация предложения

[56] В целевых обстоятельственных предложениях при кореферентности субъектов главной и зависимой предикации употребление местоимения *ul* невозможно в силу устройства единственно используемой в этом случае конструкции: это либо инфинитивная конструкция, либо конструкция, состоящая из футурального деепричастия и послелога *ečen*; как было сказано выше, обе конструкции требуют в роли подлежащего нулевое местоимение PRO.

(6.501), чтобы местоимение *ul*, находящееся в позиции подлежащего обстоятельственного предложения причины, было кореферентно подлежащему главной предикации *rišat*:

(6.500) [timur-nɤŋ$_i$ aš-a-gan-ɤ-n] **ul**$_{k,*i}$ ɤnɤt-tɤ.
Тимур-GEN есть-ST-PFCT-3-OBL.ACC **он** забывать-PST
Он$_{k,*i}$ *забыл, что Тимур*$_i$ *поел.*

(6.501) rišat$_i$ [**ul**$_i$ ar-ɤ-gan-ga] kil-de.
Ришат **он** уставать-ST-PFCT-CAUSE приходить-PST
Ришат$_i$ *пришел, потому что* ***он***$_i$ *устал.*

6.5.4.3. Местоимение *ul* и кореферентность подлежащего с не-подлежащим

Во всех прочих случаях употребление *ul* в любой синтаксической позиции как в главной, так и в зависимой предикации любого типа возможно. Это местоимение может употребляться как в позиции субъекта, так и в несубъектной позиции, имея в качестве антецедента как субъект, так и не-субъект. При этом если *ul* употребляется в синтаксической позиции субъекта, то для него предпочтителен в качестве антецедента не-субъект другой предикации. В (6.502) местоимение *ul* в позиции подлежащего обстоятельственного предложения времени легче соотносится с дополнением главной предикации, чем с ее подлежащим, хотя обе интерпретации возможны:

(6.502) zefär$_i$ rišat-nɤ$_j$ [**ul**$_{j>i}$ kil-gäč] tɤŋl-a-dɤ.
Зуфар Ришат-ACC **он** приходить-ANT слушать-ST-PST
Зуфар$_i$ *послушал Ришата*$_j$*, когда* ***он***$_{j>i}$ *пришел.*

Напротив, если *ul* употребляется в несубъектной позиции, то для него предпочтителен субъект другой предикации в качестве антецедента. В (6.503) местоимение *anɤ* в позиции дополнения в актантной предикации легче соотносится с подлежащим главной предикации, чем с дополнением:

(6.503) zefär$_i$ ilnur-ga$_j$ [läjsän-neŋ **a-nɤ**$_{i>j}$ jarat-u-ɤ-n] ät-te.
Зуфар Ильнур-DAT Лейсан-GEN **он-ACC** любить-NMN-3-OBL.ACC говорить-PST
Зуфар$_i$ *сказал Ильнуру*$_j$*, что Лейсан* ***его***$_{i>j}$ *любит.*

В тех контекстах, когда это прагматически наиболее вероятно, синтаксически менее предпочтительный вариант может доминировать. Для (6.504) наиболее естественна интерпретация с кореферентностью местоимения *anɤ* в позиции дополнения зависимой предикации дополнению главной предикации:

(6.504) änä-se rišat-nɤ$_i$ [ätä-se **a-nɤ**$_i$ čakɤr-gač] aš-a-t-tɤ.
мать-3 Ришат-ACC отец-3 **он-ACC** звать-ANT есть-ST-CAUS-PST
Мать накормила Ришата$_i$*, когда отец* ***его***$_i$ *позвал.*

6.5.5. Личные местоимения в логофорических контекстах

Логофорические контексты — это контексты, которые имеют следующие две характеристики. Во-первых, они описывают две ситуации: одна из них — ситуация речи или мысли,

а другая — содержание речи или мысли. Во-вторых, субъект речи или мысли совпадает с одним из участников ее содержания. В языках мира существуют различные способы выражения кореферентности в логофорических контекстах — это могут быть и рефлексивные местоимения, и прономиналы, и специальные логофорические местоимения. В мишарском диалекте некоторые функции логофорического местоимения берут на себя личные местоимения, см. 6.3.2.

Как обсуждается в 6.3.2, одна из стратегий оформления сентенциальных актантов и целевых обстоятельственных предложениях — это стратегия с союзом *di(je)p*. С исторической точки зрения это слово представляет собой деепричастие глагола *di* ‘говорить’. *di(je)p* может оформлять сентенциальные актанты в том случае, если сказуемым главной предикации выступает глагол со значением речи или мысли. Таким образом, перед нами логофорический контекст. Как было продемонстрировано выше, для обозначения кореферентности в таких контекстах могут использоваться и рефлексивное местоимение *üz*, и анафорические местоимения *pro* и *ul*. Однако в этих же контекстах в случае кореферентности одной из именных групп подлежащему главной предикации может употребляться и личное местоимение *min*. Если это местоимение является подлежащим зависимой предикации, сказуемое зависимой предикации допускает согласование по первому лицу. В (6.505) показано такое употребление местоимения *min* в позиции подлежащего зависимой предикации, а в (6.506) — в позиции дополнения:

(6.505) rišat$_i$ [**min**$_i$ kil-ɐ-r-men dip] wägdä bir-ä.
Ришат **я** приходить-ST-POT-1SG SUB обещание давать-ST.IPFV
*Ришат$_i$ обещает, что **он**$_i$ придет* [= **я** приду].

(6.506) ilnur$_i$ [läjsän **mine**$_i$ aš-a-t-ɤ-r dip] kil-de.
Ильнур Лейсан **я.ACC** есть-ST-CAUS-ST-POT SUB приходить-PST
*Ильнур$_i$ пришел, чтобы Лейсан **его**$_i$* [= **меня**] *накормила.*

Если участнику ситуации, описываемой зависимой предикацией, соответствует группа референтов и один из этих референтов совпадает с подлежащим главной предикации, используется местоимение *bez* ‘мы’. Так, в (6.507) местоимение *bez* в позиции подлежащего зависимой предикации частично соотносится с подлежащим главной предикации:

(6.507) renat$_i$ [**bez**$_{i+j+...}$ kil-ɐ-r-bez dip] wägdä bir-ä.
Ренат **мы** приходить-ST-POT-1PL SUB обещание давать-ST.IPFV
*Ренат$_i$ обещает, что **они**$_{i+j+...}$ придут* [= **мы** придём].

Более подробно о дистрибуции личных местоимений в логофорических контекстах см. 6.3.2.2.

6.5.6. Заключение

Мы рассмотрели способы выражения анафорических отношений в конструкциях с актантными и обстоятельственными предложениями в мишарском диалекте. Перечислим те языковые факты, которые в какой-то степени являются нетривиальными и представляют интерес для общей синтаксической теории.

В мишарском диалекте засвидетельствовано употребление сложного рефлексивного местоимения *üz üzen* в зависимой предикации с антецедентом в главной предикации, что противоречит ожиданию о том, что сложные рефлексивные местоимения должны быть предельно локальными. В мишарском диалекте, таким образом, оба рефлексивных местоимения — и *üz üzen*, и *üze* — имеют очень широкий набор синтаксических позиций, в которых возможно их употребление.

Практически одинаково, с точки зрения способов выражения синтаксических отношений, ведут себя актантные и целевые зависимые предикации. Основное свойство, отделяющее их от нецелевых обстоятельственных предложений, — это допустимость в них простого рефлексивного местоимения *üze*.

Нулевое анафорическое местоимение *pro* допускается в различных синтаксических контекстах, однако тяготеет к употреблению при кореферентности субъектов главной и зависимой предикаций. Анафорическое местоимение *ul*, которое также допускается в различных синтаксических контекстах, напротив, предпочитает употребление при кореферентности субъекта главной предикации не-субъекту зависимой предикации или наоборот.

Личные местоимения 1 лица, употребляясь в логофорических контекстах, также маркируют анафорические отношения, будучи кореферентны субъекту главной предикации.

6.6. Проблема сочинения и подчинения[57]

Этот раздел посвящен проблемам, возникающим при разграничении синтаксического сочинения (т.е. такого соединения двух или более элементов, при котором они равноправны) и синтаксического подчинения (т.е. такого соединения двух элементов, когда один из них синтаксически зависит от другого). Эти проблемы будут рассмотрены на материале полипредикативных конструкций чистопольского говора мишарского диалекта (с. Татарский Елтан).

Имеется три разных плана, в которых языковые единицы могут быть либо равноправными, либо неравноправными (с выделением главного и зависимого): семантический план, синтаксический и морфологический. Семантическая равноправность — это равноправность по смыслу. Морфологическая равноправность означает одинаковое оформление всех участвующих в отношении элементов: при ее отсутствии один элемент будет помечен как главный, а остальные — как зависимые (при этом либо главный элемент, либо зависимый могут получать и нулевое маркирование, в зависимости от языка). Синтаксическая равноправность (синтаксическое сочинение) означает, что единицы ведут себя одинаково по отношению к синтаксическим преобразованиям. Синтаксическая неравноправность (синтаксическое подчинение) означает, что один из элементов является синтаксически главным, т.е. способен выступать представителем всей комбинации элементов в синтаксических операциях. Таким образом, синтаксическое сочинение и подчинение можно выявить путем специальных синтаксических операций (тестов), о которых будет сказано ниже.

[57] Этот раздел представляет собой переработанную и дополненную версию Пазельская 2007.

Обычно в области выражения сочинения и подчинения в языке наблюдаются две корреляции:

К о р р е л я ц и я 1. Морфологически равноправные единицы оказываются равноправными также семантически и соединяются синтаксически сочинительными средствами, а формально неравноправные единицы неравноправны также и по семантике и связаны синтаксически подчинительными средствами;

К о р р е л я ц и я 2. Каждый конкретный элемент с синтаксической точки зрения либо с т а б и л ь н о с о ч и н и т е л е н, либо с т а б и л ь н о п о д ч и н и т е л е н, т.е. разные синтаксические тесты дают один и тот же результат.

Так, например, в русском языке синтаксически сочинительный союз *и* ставится между сочиняемыми элементами и не принадлежит ни одному из них, делая их, таким образом, равноправными с формальной точки зрения, и используется обычно для соединения семантически равноценных единиц (ср. *Петя читает книгу и ест суп* и *Петя ест суп и читает книгу*). С другой стороны, синтаксически подчинительный союз *когда* ставится в начале зависимого элемента и используется для связи семантически неравноправных единиц (ср. *Когда мама придёт, мы будем обедать* и *Мы будем обедать, когда мама придёт*).

Когда речь идёт о конструкциях, в которых семантически равноценные элементы равноправны также и по форме, или же в которых единицы, подчинённые по смыслу одна другой, неравноправны и с формальной точки зрения, то обычно предполагается, что на синтаксическом уровне будет наблюдаться то же, что и на формальном и на семантическом: сочинение в первом случае и подчинение во втором. Проблема разграничения синтаксического сочинения и подчинения возникает в конструкциях, в которых «план выражения» и «план содержания» не соответствуют друг другу: например, когда семантически равноправные предикации оформляются неравноправными глагольными формами; иными словами, когда нарушается Корреляция 1 и, возможно, Корреляция 2.

В мишарском диалекте есть примеры нарушения как первой, так и второй корреляции.

6.6.1. Расхождения между семантикой и формальным выражением

6.6.1.1. Симметричная семантика — асимметричная форма: деепричастные полипредикативные конструкции

Мишарский диалект (как и литературный татарский язык) широко использует так называемую а л т а й с к у ю с т р а т е г и ю оформления полипредикативных конструкций: финитной оказывается только последняя предикация, а сказуемые остальных представляют собой деепричастные формы, выражающие различные типы отношений: временные, причинные, условные и т.д. (см. 6.1). Деепричастными формами выражаются в том числе и семантически «сочинительные» отношения, то есть такие, члены которых в принципе равноправны, — например, отношения одновременности:

(6.508) läjsän **ǯɤrl-a-gan-da** zefär a-nɤ tɤŋl-ɤj.
Лейсан **петь-ST-PFCT-SIM** Зуфар он-ACC слушать-ST.IPFV

*1. Лейсан **поёт**, а Зуфар её слушает.*
*2. **Когда** Лейсан **поёт**, Зуфар её слушает.*

Мишарское предложение (6.508) можно перевести на русский язык как сложносочиненным предложением с союзом *а*, так и сложноподчинённым с союзом *когда*. В то же время ясно, что по форме выражения мишарские деепричастные конструкции являются однозначно подчинительными: деепричастный аффикс, маркирующий связь предикаций, присоединяется к глаголу зависимой предикации. На синтаксическом уровне во многих языках левого ветвления такие конструкции демонстрируют сочинительные свойства; в частности, эти явления исследовались в цахурском языке (Казенин, Тестелец 1999) и в корейском языке (Рудницкая 1997)[58]; см. также Haspelmath 1995 о разграничении сочинения и подчинения в деепричастных конструкциях[59].

Существует несколько стандартных тестов, позволяющих выявить синтаксическую структуру в подобных случаях. Все эти тесты так или иначе направлены на исследование симметрии конструкции: сочинительное отношение симметрично, подчинительное — нет; поэтому если предложение допускает то или иное нарушение симметрии, то конструкция оказывается подчинительной, если не допускает — сочинительной. Для исследования проблемы сочинения в мишарском диалекте использовались два основных теста:

- тест на линейное вложение: зависимая предикация может вкладываться в главную, а одна из сочиненных в другую не может;
- тесты на релятивизацию и воздействие матричного глагола[60]: сложноподчинённую конструкцию можно преобразовать в относительное предложение или сделать сентенциальным актантом, присоединив показатель связи к её вершине (тест на преобразование в сентенциальный актант был впервые предложен в работе Зализняк, Падучева 1975); для сложносочиненной такое невозможно.

Деепричастные конструкции мишарского диалекта по всем этим тестам демонстрируют подчинительные свойства. Например, подчинительными являются полипредикативные конструкции с деепричастиями на *-gač*.

Во-первых, в таких конструкциях допускается линейное вложение предикаций:

(6.509) zefär, [min **kil-gäč**], kit-te.
Зуфар я **приходить-ANT** уходить-PST
*Зуфар, **когда** я **пришёл**, ушёл.*

В этом предложении зависимая предикация *min kilgäč* ‘когда я пришёл’ линейно вложена внутрь главной *zefär kitte* ‘Зуфар ушёл’.

[58] Существует значительное количество работ, в которых подобная асимметрия исследуется на уровне именной группы — так называемые комитативные конструкции с сочинительными свойствами. См. о таких конструкциях в испанском языке Camacho 1996, в языке навахо Hale 1975, в русском McNally 1993, в каталанском Rigau 1989, 1990, в турецком Kornfilt 1990 и типологически Stassen 2000, Архипов 2009.

[59] О проблемах синтаксического сочинения и подчинения в русском языке см. обзор в Тестелец 2001: 255-265; там же подробно разбираются различные тесты на синтаксическое сочинение и подчинение.

[60] Тест на релятивизацию в принципе является более сильным, чем тест на воздействие матричного глагола, так как он направлен не только на исследование симметрии конструкции, но и на выявление островных ограничений (о которых см. подробнее Ross 1967 / 1986); однако для целей настоящего исследования этим можно пренебречь.

Во-вторых, всю конструкцию можно преобразовать в относительное предложение, как показывает (6.510).

(6.510) min [rišat **kit-käč** kil-ü-če] zefär-ne kür-de-m.
я Ришат **уходить-ANT** приходить-NMN-PART Зуфар-ACC видеть-PST-1SG
*Я видел Зуфара, который пришёл, **когда** Ришат **ушёл**.*

В этом предложении полипредикативная конструкция *rišat kitkäč zefär kilde* ‘Зуфар пришёл, когда Ришат ушёл’ превращена в относительное придаточное предложение (выделенное в примере квадратными скобками), зависящее от слова *zefär* ‘Зуфар’ в предложении *min zefärne kürdem* ‘я видел Зуфара’.

Другие мишарские деепричастия ведут себя аналогично.

6.6.1.2. Асимметричная семантика — симметричная форма: причинные обстоятельственные предложения с союзом *čenki*

В мишарском диалекте существует несколько способов выражения причинных отношений (см. 6.1.1.3). В (6.511) представлен обычный способ оформления причины, деепричастный, характерный для языков с левым ветвлением, — при помощи специальной формы на *-gan-ga*.

(6.511) min ilnur kazan-ga **kit-kän-gä** čistaj-ga bar-dɤ-m.
я Ильнур Казань-DAT **уходить-PFCT-DAT** Чистополь-DAT идти-PST-1SG
*Я поехал в Чистополь, **потому что** Ильнур **уехал** в Казань.*

Предложение (6.512) демонстрирует более маргинальный способ оформления придаточного причины (очень, однако, частотный при переводе с русского — из-за параллелизма с русскими конструкциями), характерный для языков с правым ветвлением — при помощи союза *čenki*, соединяющего две финитные предикации.

(6.512) min čistaj-ga bar-dɤ-m,
я Чистополь-DAT идти-PST-1SG

čenki ilnur kazan-ga **kit-te**.
потому.что Ильнур Казань-DAT **уходить-PST**
*Я поехал в Чистополь, **потому что** Ильнур **уехал** в Казань.*

Следует отметить, что при оформлении причины союзом *čenki* порядок предикаций достаточно необычен для языка, в котором в большинстве случаев зависимое размещается перед главным. Здесь, напротив, сначала расположена предикация, обозначающая следствие (которая в сложных предложениях причины обычно оказывается главной), а потом — предикация, описывающая причину (обычно подчинённая в сложноподчинённых предложениях причины). Точно так же чаще всего происходит, например, в русском языке (ср. мишарские предложения в примерах (6.511) и (6.512) и их русские переводы). Две предикации, связанные союзом *čenki*, равноправны по форме в том смысле, что в них употребляются одни и те же финитные глагольные формы.

В тестах, аналогичных использованным для деепричастий и перечисленных в 6.6.1.1, конструкция с *čenki* ведёт себя как синтаксически сочинительная.

Во-первых, линейное вложение не допускается:

(6.513) a. * marat, [**čenki** kibet-tä äpäj **juk**], a-nɤ
Марат **потому.что** магазин-LOC хлеб **не.быть** он-ACC

al-m-a-dɤ.
брать-NEG-ST-PST

*Марат не купил хлеба, **потому что** в магазине его **не было**.* {a=b}

b. * marat äpäj, [**čenki** kibet-tä ul **juk**], al-m-a-dɤ.
Марат хлеб **потому.что** магазин-LOC он **не.быть** брать-NEG-ST-PST

Более того, вторую предикацию даже нельзя поставить перед первой, хотя, казалось бы, такой порядок (сначала зависимое, потом главное) для татарского языка более естественен:

(6.514) *[**čenki** kibet-tä äpäj **juk**], marat a-nɤ al-m-a-dɤ.
потому.что магазин-LOC хлеб не.быть Марат он-ACC брать-NEG-ST-PST

*Марат не купил хлеба, **потому что** в магазине его **не было**.*

Во-вторых, конструкцию с *čenki* нельзя преобразовать в относительное предложение, как видно из аномальности (6.515).

(6.515) * min äpäj al-m-a-gan [**čenki** kibet-tä ul **juk**]
я хлеб брать-NEG-ST-PFCT **потому.что** магазин-LOC он **не.быть**

marat-nɤ kür-ä-m.
Марат-ACC видеть-ST.IPFV

*Я вижу Марата, который не купил хлеба, **потому что** в магазине его **не было**.*

В пользу анализа предложений с *čenki* как сочинительных говорит и преобразование этой конструкции в сентенциальный актант. Этот критерий предполагает, что вся конструкция возможна в качестве сентенциального актанта при некотором матричном глаголе. Матричный глагол как вершина получившегося сложного предложения будет размещаться в самом его конце. При этом вершинный предикат тестируемой конструкции преобразуется в ту форму, которой требует управление этого глагола — см., например, предложение (6.510), иллюстрирующее конструкцию с временным деепричастием на *-gač*. Такое преобразование невозможно в конструкциях с *čenki*, как видно из (6.516a), хотя и допускается при деепричастной стратегии оформления причины в (6.516b):

(6.516) a. *[sineŋ čaškɤ-ŋ bul-m-a-gan-ɤ-n, **čenki** sin
ты.GEN чашка-2SG быть-NEG-ST-PFCT-3-OBL.ACC **потому.что** ты

a-nɤ **wat-tɤ-ŋ**] bel-ä-m.
он-ACC **ломать-PST-2SG** знать-ST.IPFV-1SG

*Я знаю, что твоей чашки нет, **потому что** ты её **разбил**.* {a=b}

b. [sin üze-ŋ-neŋ čaškɤ-ŋ **wat-kan-ga** a-nɤŋ
ты сам-2SG-GEN чашка-2SG **ломать-PFCT-DAT** он-GEN

bul-m-a-gan-ɤ-n] bel-ä-m.
быть-NEG-ST-PFCT-3-OBL.ACC знать-ST.IPFV-1SG

Конструкция с *čenki* в принципе сочетается с матричным глаголом *belä* ‘знать’, но по таким правилам, что это сочетание нельзя считать преобразованием всей исследуемой конструкции в сентенциальный актант, как того требует тест. Это иллюстрируется предложениями (6.517) и (6.518):

(6.517) a. [sineŋ čaškɤ-ŋ bul-m-a-gan-ɤ-n] bel-ä-m,
ты.GEN чашка-2SG быть-NEG-ST-PFCT-3-OBL.ACC знать-ST.IPFV-1SG

čenki sin a-nɤ **wat-tɤ-ŋ**.
потому.что ты он-ACC **ломать-PST-2SG**

*Я знаю, что твоей чашки нет, **потому что** ты её **разбил**.*

b. [sineŋ čaškɤ-ŋ bul-m-a-gan-ɤ-n] bel-ä-m.
ты.GEN чашка-2SG быть-NEG-ST-PFCT-3-OBL.ACC знать-ST.IPFV-1SG

Я знаю, что твоей чашки нет.

В (6.517a) глагол *belä* ‘знать’ стоит сразу после первой предикации (выделенной квадратными скобками), сказуемое которой преобразовано в номинализацию. Предложение (6.517a) оформлено так, как если бы это было просто предложение типа (6.517b), к которому при помощи *čenki* присоединена равноправная с ним предикация *čenki sin anɤ wattɤŋ* ‘потому что ты её разбил’; таким образом, преобразованию здесь подвергается не вся конструкция, а отдельно первая её предикация.

Кроме того, не совсем понятно, к чему в (6.517a) семантически относится предикация *čenki sin anɤ wattɤŋ* ‘потому что ты её разбил’: значит ли это предложение ‘чашки нет, потому что ты её разбил, и я об этом знаю’, или же ‘ты разбил чашку, и поэтому я знаю, что её нет’.

Рассмотрим, далее, еще один способ выражения того же смысла (6.518a-c):

(6.518) a. min bel-ä-m: [sineŋ čaškɤ-ŋ juk, **čenki** sin
я знать-ST.IPFV-1SG ты.GEN чашка-2SG не.быть **потому.что** ты

a-nɤ **wat-tɤ-ŋ**].
он-ACC **ломать-PST-2SG**

*Я знаю: твоей чашки нет, **потому что** ты её **разбил**.*

b. min bel-ä-m: [sez äpäj al-m-a-dɤ-gɤz, **čenki**
я знать-ST.IPFV-1SG вы хлеб брать-NEG-ST-PST-2PL **потому.что**

kibet-tä ul **juk**].
магазин-LOC он **не.быть**

*Я знаю: вы не купили хлеба, **потому что** в магазине его **не было**.*

c. sineŋ čaškɤ-ŋ juk, **čenki** sin a-nɤ **wat-tɤ-ŋ**.
ты.GEN чашка-2SG не.быть **потому.что** ты он-ACC **ломать-PST-2SG**

*Твоей чашки нет, **потому что** ты её **разбил**.*

В предложениях (6.518a-b) глагол *belä* ‘знать’ стоит перед всей конструкцией, и оба сказуемых остаются финитными. Таким образом, ни одна из частей исследуемой полипредикативной конструкции не подвергается преобразованию: она оформляется так, как если бы это было независимое предложение, как в (6.518c).

Кроме того, в (6.518a-b) конструкция стоит после матричного глагола, что является дополнительным свидетельством того, что на самом деле конструкция от него не зависит, так как в татарском языке как в языке левого ветвления зависимое обычно ставится перед главным.

Итак, в обоих случаях получившееся предложение не будет в строгом смысле результатом преобразования всей исследуемой конструкции в сентенциальный актант. Возникающая конструкция очень напоминает, например, русскую прямую речь, причем для татарского языка такая стратегия оформления прямой речи крайне нехарактерна.

Таким образом, конструкция с *čenki* в основном ведет себя как симметричная, т.е. сочинительная.

Существует также несколько дополнительных свидетельств того, что союз *čenki* маркирует сочинительную связь.

Во-первых, это тест на референцию личных местоимений, неприменимый в других случаях из-за того, что зависимое всегда предшествует главному (явление, лежащее в основе этого теста, было подробно описано в работах Langacker 1969 и Reinhart 1983). В Казенин, Тестелец 1999 он сформулирован следующим образом: «Простое анафорическое (нерефлексивное) местоимение в роли подлежащего главной предикации не может быть кореферентно никакому актанту, выраженному полной именной группой зависимой предикации, если зависимая предикация следует за главной». То есть, если окажется, что подлежащное местоимение в первой предикации может быть кореферентно полной именной группе в позиции актанта во второй предикации, то вторая предикация не является зависимой по отношению к первой. Ровно такая ситуация наблюдается в конструкциях с *čenki*[61]:

(6.519) ul$_{i,j}$ kil-m-ä-de, **čenki** läjsän$_i$ **awɤr-dɤ**.
он приходить-NEG-ST-PST **потому.что** Лейсан **болеть-PST**

*1. Лейсан не пришла, **потому что заболела**.*
*2. Он$_j$ не пришёл, **потому что** Лейсан$_i$ **заболела**.*

Во-вторых, конструкции с *čenki* ведут себя аналогично сочинительным конструкциям по отношению к возможности сокращения совпадающего материала. Ср. (6.520) с *čenki* и (6.521) с сочинительным союзом *ä* ‘а’:

(6.520) a. min alma al-a-m, **čenki** apa ___ jarat-a.
я яблоко брать-ST.IPFV-1SG **потому.что** сестра любить-ST.IPFV

*Я покупаю яблоки, **потому что** сестра (их) любит.* {a=b}

b. ? min ___ al-a-m, **čenki** apa alma jarat-a.
я брать-ST.IPFV-1SG **потому.что** сестра яблоко любить-ST.IPFV

[61] Следует отметить, что такая кореферентность в принципе необычна для сочинительных конструкций, однако иногда встречается с асимметричными двойными союзами, типа англ. *so… that*:

(i) She$_i$ was **so** tired, **that** I suggested Mary$_i$ my help.
Она$_i$ была такой уставшей, что я предложил Мэри$_i$ помощь.

(6.521) a. läjsän zefär-ne jarat-a, **ä** zexrä __ kür-ä
Лейсан Зуфар-ACC любить-ST.IPFV **а** Зухра видеть-ST.IPFV
al-m-ɤj.
брать-NEG-ST.IPFV
*Лейсан любит Зуфара, **а** Зухра (его) ненавидит. {a=b}*

b. ? läjsän __ jarat-a, **ä** zexrä zefär-ne kür-ä
Лейсан любить-ST.IPFV **а** Зухра Зуфар-ACC видеть-ST.IPFV
al-m-ɤj.
брать-NEG-ST.IPFV

В (6.520) показано, что если две предикации, соединенные *čenki*, имеют референтный актант, то предпочтительно его сокращение во второй предикации, как в (6.520a), но не в первой, как в (6.520b). Пример (6.521) демонстрирует, что такое же поведение характерно для предикаций, соединенных при помощи союза *ä* ‘а’.

Правда, имеется по крайней мере одно косвенное свидетельство против сочинительных свойств конструкции с *čenki*: по отношению к сокращению глагола, сохраняющему все его зависимые (так называемый g a p p i n g — см. van Oirsouw 1987, Johnson 2014, среди многих других), конструкции с *čenki* ведут себя как подчинительные: такое сокращение в них запрещено, что иллюстрируется в (6.522).

(6.522) a. *min čistaj-ga kit-te-m, **čenki** marat kazan-ga ___.
я Чистополь-DAT уезжать-PST-1SG **потому.что** Марат Казань-DAT
*Я уехал в Чистополь, **потому что** Марат (уехал) в Казань.* {a=b}

b. min čistaj-ga kit-te-m, **ä** marat kazan-ga ___.
я Чистополь-DAT уезжать-PST-1SG **а** Марат Казань-DAT
*Я уехал в Чистополь, **а** Марат (уехал) в Казань.*

Предложение (6.522a) с союзом *čenki* и сокращением глагола во второй предикации неграмматично, в отличие от аналогичного предложения (6.522b) с сочинительным союзом *ä* ‘а’.

Данный критерий получил распространение благодаря тому, что в английском языке, действительно, такое сокращение возможно в сочинительных конструкциях, аналогичных (6.523a), и невозможно в подчинительных конструкциях типа (6.523b):

(6.523) a. John played piano, **and** Max sax.
*Джон играл на рояле, **а** Макс — на саксофоне.*

b. *John played piano, **whenever** Max sax.
*Джон играл на рояле **всякий раз, когда** Макс — на саксофоне.*

Однако остается неясным, насколько этот критерий универсален. Возможно, он неприменим именно в языках левого ветвления по причине того, что при таком сокращении единственный финитный глагол в предложении оказывается не в конце, а в середине. Возможно также, что запрет на сокращение здесь объясняется семантически: подобное сокращение подразумевает противопоставление двух ситуаций, что плохо сочетается со значением причины.

Тем самым, причинные конструкции с *čenki* следует признать синтаксически сочинительными.

А.Г. Пазельская. Село Татарский Елтан, 1999 год.

6.6.2. Расхождения между разными критериями синтаксического сочинения / подчинения

Выше было сказано, что одним из тестов на сочинительную структуру может быть возможность преобразовать конструкцию в сентенциальный актант. Однако, как показывают некоторые данные, это утверждение нуждается в уточнении.

Один из способов оформления сентенциальных актантов — стратегия с союзом *di(je)p*, исторически восходящим к деепричастию от глагола *di* ‘говорить’ (см. подробнее 6.3.1.1). Этот союз ставится после вершины зависимой предикации; сама предикация, как видно из (6.524), при этом остается финитной.

(6.524) [[ilnur kitap uk-ɤ-dɤ] **dip]** min šatlan-a-m.
Ильнур книга читать-ST-PST **SUB** я радоваться-ST.IPFV-1SG
Я радуюсь, что Ильнур прочитал книгу.

Интересно, что при помощи такой стратегии можно преобразовать в сентенциальный актант конструкции, которые в других случаях проявляют синтаксически сочинительные свойства; при этом, однако, они не должны быть равноправными по смыслу (чаще всего первое событие интерпретируется как причина второго).

Такую возможность допускает, в частности, конструкция с союзом *хәм* ‘и’:

(6.525) min [[zefär kil-e-r **xäm** läjsän kit-ä-r] dip]
я Зуфар приходить-ST-POT **и** Лейсан уходить-ST-POT SUB

kurk-a-m.
бояться-ST.IPFV-1SG

*Я боюсь, что придёт Зуфар **и** Лейсан (из-за этого) уйдёт.*

Аналогичное поведение обнаруживает конструкция с эмфатической частицей *da* в значении ‘и, также’:

(6.526) min [[zefär kil-e-r **dä** läjsän kit-ä-r] dip]
я Зуфар приходить-ST-POT **EMPH** Лейсан уходить-ST-POT SUB

kurk-a-m.
бояться-ST.IPFV-1SG

*Я боюсь, что придёт Зуфар **и** Лейсан (из-за этого) уйдёт.*

Никаких других причин считать данные конструкции подчинительными нет: в них запрещены линейное вложение (6.527) и релятивизация (6.528)[62]:

(6.527) a. * läjsän [zefär kil-e-r **dä**] kit-ä-r.
Лейсан Зуфа приходить-ST-POT **EMPH** уходить-ST-POT

*Зуфар придёт, **и** Лейсан уйдёт.* {a=b}

b. * läjsän [zefär kil-e-r **xäm**] kit-ä-r.
Лейсан Зуфар приходить-ST-POT **и** уходить-ST-POT

(6.528) a. * min [zefär kil-de **dä** kit-kän] läjsän-ne
я Зуфар приходить-PST **EMPH** уходить-PFCT Лейсан-ACC

kür-de-m.
видеть-PST-1SG

*Я видел Лейсан, которая ушла, **и** || **когда** || **потому что** Зуфар пришёл.* {a=b}

b. * min [zefär kil-de, **xäm** kit-kän] läjsän-ne
я Зуфар приходить-PST **и** уходить-PFCT Лейсан-ACC

kür-de-m.
видеть-PST-1SG

Если речь идёт о двух несвязанных событиях, которые не допускают причинной интерпретации, употребить *xäm* или *da* при *di(je)p* нельзя[63]:

(6.529) a. *[ilnur kitap uk-ɤ-dɤ **xäm** zefär läjsän-gä kil-de dip]
Ильнур книга читать-ST-PST **и** Зуфар Лейсан-DAT приходить-PST SUB

[62] По мнению ряда носителей других говоров, такое употребление, как в (6.527a), ограниченно возможно. Это позволяет предположить, что в таких говорах частица *da* проявляет более подчинительные свойства, чем в исследованном нами чистопольском говоре (с. Татарский Елтан).

[63] Носители других говоров, признающие предложение (6.527a), склонны признавать допустимыми в разговорной речи и предложение (6.529b), и даже (6.529a). Это также говорит о том, что в таких говорах частица *da* и даже союз *häm* имеют подчинительные, а не сочинительные свойства.

min šatlan-a-m.
я радоваться-ST.IPFV-1SG

*Я радуюсь, что Ильнур прочитал книгу **и** Зуфар пришёл к Лейсан.* {a=b}

b. *[ilnur kitap uk-ɤ-dɤ **da** zefär läjsän-gä kil-de dip]
Ильнур книга читать-ST-PST **EMPH** Зуфар Лейсан-DAT приходить-PST SUB

min šatlan-a-m.
я радоваться-ST.IPFV-1SG

Удивительным образом, сходный набор свойств (за исключением релятивизации) имеет конструкция английского языка, описанная в Culicover, Jackendoff 1997. Авторы выделяют особый тип союза *and* — левоподчинительное $_{LS}$*and* (LS — от англ. left subordinating), как в (6.530):

(6.530) One more can of beer $_{LS}$**and** I'm leaving.
Ещё одна банка пива, и я ухожу.

Конструкции с таким союзом ведут себя как сочинительные в одних случаях и как подчинительные в других. Авторы статьи объясняют эти факты тем, что в конструкциях с левоподчинительным *and* имеет место несовпадение синтаксической и семантической (или концептуальной) структуры: на семантическом уровне конструкция оказывается подчинительной, на синтаксическом — сочинительной. При этом тесты, в которых конструкция ведёт себя как подчинительная, ориентированы на семантическую структуру, а те, в которых она проявляет сочинительные свойства, — на синтаксическую.

Нетрудно заметить, что в мишарском диалекте наблюдается сходная ситуация: конструкция с сочинительным синтаксическим средством употребляется в контекстах, в которых могут употребляться только подчинительные конструкции, и приобретает при этом интерпретацию, также характерную для подчинительных конструкций. Тогда возможность образования сентенциального актанта с *di(je)p* — тест на подчинительность семантической, но не синтаксической структуры.

Этот факт достаточно нетривиален с точки зрения проблематики разграничения синтаксического сочинения и подчинения, так как, насколько нам известно, это единственный зафиксированный случай, когда преобразование в сентенциальный актант при таком глаголе, как 'знать', не требует обязательной синтаксической подчинительности конструкции. Обычно считается, что формально выраженное преобразование в сентенциальный актант — это синтаксический процесс, который достаточно сильно затрагивает преобразуемую конструкцию и, следовательно, предъявляет к ней довольно строгие требования, в том числе и в плане её структуры. Однако, как мы видим, это не всегда так.

Из этого следует, что не существует сочинения и подчинения как таковых, а существуют отдельно синтаксическое и отдельно семантическое сочинение и подчинение. Поэтому критерии сочинения и подчинения (особенно такие, которые связаны с какими-либо другими синтаксическими конструкциями, например, с преобразованием в сентенциальный актант) в каждом конкретном языке нужно проверять на бесспорно сочинительных и бесспорно подчинительных конструкциях и лишь потом применять их к сложным случаям. При этом, если нас интересует именно синтаксическое сочинение, то тестами, ориентированными на семантическую структуру, пользоваться нельзя.

6.6.3. Заключение

Мы рассмотрели два типа конструкций мишарского диалекта, нетривиальных с точки зрения соотношения морфологического, синтаксического и семантического устройства: обстоятельственные предложения причины с союзом *čenki* и полипредикативные конструкции с частицей *da* и союзом *xäm* в контексте подчинительного союза *di(je)p*.

Выяснилось, что конструкции с *čenki*, несмотря на подчинительную семантику, синтаксически ведут себя практически как сочинительные. Действительно, они не допускают линейного вложения составляющих, преобразования в сентенциальный актант и в относительное предложение. На синтаксически сочинительную природу этих конструкций указывает также их поведение по отношению к сочинительному сокращению и референции личных местоимений. В пользу подчинения говорит только то, что в них запрещён так называемый gapping, однако этот критерий не считается достаточно надежным.

Что касается полипредикативных конструкций с частицей *da* и союзом *xäm*, то они, проявляя однозначно сочинительные свойства, тем не менее допускают преобразование в сентенциальный актант, возглавляемый союзом *di(je)p*. Это говорит о том, что разные критерии сочинения и подчинения не всегда согласуются между собой, и часть из них может оказаться неприемлемыми.

Вышеизложенный материал показывает, что, говоря о сочинении и подчинении, крайне важно различать по крайней мере три уровня рассмотрения конструкции: формальный (морфологические и лексические показатели), семантический (значение конструкции) и промежуточный, синтаксический уровень, поведение конструкции на котором может быть подобно её поведению на семантическом или морфологическом уровнях, а может и демонстрировать некоторые отклонения от ожидаемой однородности.

6.7. Сумма наблюдений

В мишарском диалекте, как и в татарском литературном языке, имеется множество специализированных средств оформления сентенциальных обстоятельств (о б с т о я т е л ь с т в е н н ы х п р и д а т о ч н ы х) с различными значениями: временным (с различением предшествования, одновременности и следования), причинным, уступительным, условным, сравнительным, целевым и локативным. В основном это деепричастия, однако встречаются также союзные, инфинитивные, послеложные конфигурации, а также относительные предложения, модифицирующие абстрактные существительные. Отдельно выделяются два деепричастия с недоспецифицированным обстоятельственным значением, которые тяготеют к односубъектности — совпадению субъектов главной и зависимой предикаций.

О т н о с и т е л ь н ы е п р е д л о ж е н и я (сентенциальные определения) оформляются по большей части причастной стратегией, а там, где она невозможна (в частности, для аргументов послелогов), используется стратегия с финитным предложением, содержащим союзное слово *kajsɤ* ‘который’. Также в мишарском диалекте представлены безвершинные относительные предикации и коррелятивные конструкции.

С е н т е н ц и а л ь н ы е д о п о л н е н и я (придаточные изъяснительные) имеют несколько стратегий оформления, распределенных в зависимости от модели управления матричного глагола. Возможно как финитное оформление сентенциальных дополнений, так и нефинитное — при помощи инфинитивов, номинализаций, деепричастий. Глаголы со значением желания оформляют свои дополнения особыми глагольными формами — инфинитивом 2 и дезидеративом, а также облигативом.

Особое место занимают ф и н и т н ы е с е н т е н ц и а л ь н ы е д о п о л н е н и я с союзом *di(je)p*, который диахронически представляет собой деепричастие глагола ‘говорить’. Подлежащее в таких клаузах может оформляться как номинативом, так и аккузативом, и во втором случае возникает вопрос о его синтаксической позиции — в главной или зависимой предикации. Исследование дистрибуции таких именных групп указывает на позицию в спецификаторе комплементайзера как на наиболее вероятную возможность. Нулевые личные местоимения 1-2 лица в придаточных этого типа могут претерпевать индексикальный сдвиг, т.е. интерпретироваться не исходя из координат речевого акта, а с точки зрения субъекта пропозициональной установки.

Еще две частотные стратегии оформления зависимых предложений, как актантных, так и обстоятельственных, — н о м и н а л и з а ц и и на *-и* и на *-gan*. С точки зрения внутреннего синтаксиса они сохраняют значительную часть глагольных свойств: возможность оформления аргументов как в независимой предикации, сочетаемость с обстоятельствами, возможность модификации глагольной основы показателями отрицания, актантных дериваций, синтетическими и аналитическими акциональными модификаторами. С точки зрения внешнего синтаксиса, они ведут себя как полноправные существительные: присоединяют падежные и числовые показатели, могут быть аргументом послелога, сочетаются с прилагательными и кванторными словами (в определенных синтаксических конфигурациях).

А н а ф о р и ч е с к и е о т н о ш е н и я в сложных предложениях с актантными и обстоятельственными зависимыми демонстрируют весь ожидаемый спектр анафорических средств — от сложного и простого рефлексивов и до анафоров, включая нулевые местоимения PRO и *pro*. При этом, однако, простые и сложные рефлексивы имеют неожиданно широкий набор употреблений. Сложный рефлексив, например, может употребляться в зависимой предикации при наличии антецедента в главной. Обстоятельственные предложения со значением цели с точки зрения выражения анафоры сближаются с актантными предложениями. В обоих видах зависимых употребляются простые рефлексивные местоимения, невозможные в других типах обстоятельственных придаточных.

При соположении двух предикаций, которое всякий раз наблюдается в сложном предложении, возникает вопрос об их синтаксической равноправности, или, иными словами, вопрос о разграничении с о ч и н е н и я и п о д ч и н е н и я. Мишарский материал демонстрирует необходимость рассматривать эту проблему независимо на каждом из трех уровней: семантическом, синтаксическом и морфологическом.

ТЕКСТЫ

ТЕКСТЫ

Представленные в этом разделе тексты записаны в 1999-2000 годах и представляют чистопольский говор мишарского диалекта (с. Татарский Елтан). Тексты сгруппированы по тематическому принципу:

Исторические нарративы:	1. История Елтана; 2. Другая история Елтана; 3. Воспоминание;
Бытовые рассказы:	4. Ограбление сада; 5. Поставь стучалку; 6. Лето;
Анекдоты:	7. Трактор и искра; 8. Сенокос; 9. Женитьба; 10. Неудачная женитьба; 11. Заткни трубу!; 12. Овечка;
Сказки:	13. Падчерица; 14. Петух и лиса; 15. Зеленые иголки; 16. Зухра на луне;
Литературные произведения:	17. Письмо дочери; 18. Стихотворение.

Окончательная редакция текстов подготовлена к публикации Е.В. Моргуновой, А.Г. Пазельской и С.Г. Татевосовым.

Исторические нарративы

1. История Елтана

Рассказала Венера Толгатовна Галиуллина, июль 1999 г.
Записал и разобрал К.И. Казенин, июль 1999 г.

(0) tatar jaltan-ɤ awɤl-ɤ tarix-ɤ
татарин Елтан-3 деревня-3 история-3

История села Татарский Елтан

(1) bez-neŋ tatar jaltan-ɤ awɤl-ɤ čɤn-lɤk-ta služiloje jaltan dip
мы-GEN татарин Елтан-3 деревня-3 истинный-NOMIN-LOC Служилое Елтан SUB

at-a-l-gan.
называть-ST-PASS-PFCT

Наше село Татарский Елтан на самом деле [= в правде] *называлось Служилое Елтан.*

(2) mɤ-n-nan jez ille – ike jez jɤl-lar elek keše-lär
этот-OBL-ABL сто пятьдесят два сто год-PL раньше человек-PL

patša-ga služit$_j$ it-kän-e ečen patša-dan ʒir al-a
царь-DAT служить делать-PFCT-3 ради царь-ABL земля брать-ST.IPFV

tʏr-gan bul-gan-nar.
стоять-PFCT AUX2-PFCT-PL

150–200 лет назад [= раньше этого] *люди за то, что служили* [= служить делали] *царю, брали* [= беря, стояли] *от царя землю.*

(3) jez ʒitmeš jʏl-lar elek ber jaltan isem-le jeget-kä patša
сто семьдесят год-PL раньше один Елтан имя-ATR парень-DAT царь

xäzer bez jäš-i tʏr-gan ʒir-lär-ne büläk it-te.
сейчас мы жить-ST.IPFV стоять-PFCT земля-PL-ACC подарок делать-PST

170 лет назад царь подарил одному парню по имени Елтан земли, на которых мы сейчас живем [= живя, стоим].

(4) bu ʒir-lär terle balʏk-lʏ jʏlga kül-lär-gä, ʒiläk-le,
этот земля-PL разный рыба-ATR река озеро-PL-DAT ягода-ATR

tezeleš-kä jaraklʏ agač-lar-ga baj bul-gan urman-nar-ga,
строительство-DAT годный дерево-PL-DAT богатый быть-PFCT лес-PL-DAT

uŋdʏrʏš-lʏ kiŋ kʏr-lar-ga, jäšel bʏlʏn-nar-ga bik baj
плодородие-ATR широкий поле-PL-DAT зеленый луг-PL-DAT очень богатый

bul-a.
быть-ST.IPFV

Эти земли были очень богаты реками (и) озерами с разной рыбой, ягодными и богатыми строительной древесиной [= пригодными для строительства деревьями] *лесами, широкими плодородными полями, зелеными лугами.*

(5) šʏndʏj baj ʒir-gä jaltan kil-e-p urnaš-a
такой богатый земля-DAT Елтан приходить-ST-CONV располагаться-ST.IPFV

da inde.
EMPH уже

В такое богатое место [= землю] *Елтан пришел* [= придя] *и расположился (там)* [уже].

(6) čʏgʏš-ʏ jag-ʏ-n-nan ul üz-e kasʏjm tatar-lar-ʏ-n-nan.
происхождение-3 сторона-3-OBL-ABL он сам-3 касимовский татарин-PL-3-OBL-ABL

Сам он по происхождению (был) из касимовских татар.

(7) äkerenläp a-nʏŋ jan-ʏ-n-a keše-lär kil-ä, awʏl
постепенно он-GEN около-3-OBL-DAT человек-PL приходить-ST.IPFV село

barlʏk-ka kil-ä.
наличие-DAT приходить-ST.IPFV

Постепенно к нему приходили люди, образовалось [= пришло в наличие] *село.*

(8) patša xekümät-e tatar-lar, bergä ʒʏj-ʏ-l-ʏ-š-ʏ-p, baš
царь правительство-3 татарин-PL вместе собирать-ST-PASS-ST-REC-ST-CONV голова

kütär-m-ä-sen-när ečen, älege ʒir-lär-gä urʏs-lar-nʏ,
поднимать-NEG-ST-JUSS-PL ради тот.самый земля-PL-DAT русский-PL-ACC

čuaš-lar-nɤ küč-e-r-e-p utɤr-t-a.
чуваш-PL-ACC передвигаться-ST-CAUS-ST-CONV сидеть-CAUS-ST.IPFV

Чтобы татары, собравшись вместе, не восстали [= голову не подняли], *царское правительство на тех же землях селило* [= передвинув, сажало] *русских (и) чувашей.*

(9) jaltan-nɤŋ ʒir-lär-e-n-ä küč-e-p kil-gän bu
Елтан-GEN земля-PL-3-OBL-DAT передвигаться-ST-CONV приходить-PFCT этот

xalɤk awɤl–awɤl bul-ɤ-p urnaš-ɤ-p kal-a.
народ деревня–деревня быть-ST-CONV располагаться-ST-CONV оставаться-ST.IPFV

Этот народ, переселившийся [= передвинувшись, пришедший] *на земли Елтана, устроился* [= расположившись, остался] *(отдельными) селами* [будучи].

(10) šulaj it-e-p urɤs jaltan-ɤ, čuaš jaltan-ɤ di-gän
так делать-ST-CONV русский Елтан-3 чуваш Елтан-3 говорить-PFCT

awɤl-lar barlɤk-ka kil-ä.
деревня-PL наличие-DAT приходить-ST.IPFV

Таким образом [= так сделав,] *появились* [= пришли в наличие] *села под названиями Русский Елтан, Чувашский Елтан.*

(11) ä mɤna un-sigez-enče gasɤr-da tatar-lar-nɤ
а вот десять-восемь-ORD век-LOC татарин-PL-ACC

čukɤn-dɤr-gač a-lar tatar jaltan-ɤ-n-nan ajɤr-ɤ-l-ɤ-p
креститься-CAUS-ANT он-PL татарин Елтан-3-OBL-ABL разделять-ST-PASS-ST-CONV

keräš-jaltan-ɤ di-gän awɤl-da jäš-i bašl-ɤj-lar.
Кряш-Елтан-3 говорить-PFCT деревня-LOC жить-ST.IPFV начинать-ST.IPFV-PL

А вот в XVIII веке, после того как татар крестили, они {т.е. крещеные татары}, *отделившись от Татарского Елтана, стали жить в селе, называемом Кряш-Елтан* [= Крещеный Елтан].

(12) mɤna šulaj jaltan ʒir-lär-e-n-dä dürt terle
вот так Елтан земля-PL-3-OBL-LOC четыре разный

xalɤk jäš-ä-gän awɤl-lar barlɤk-ka kil-ä.
народ жить-ST-PFCT деревня-PL наличие-DAT приходить-ST.IPFV

Вот так на елтанской земле появились села, в которых жили четыре разных народа.

2. Другая история Елтана

Рассказал Рафаил Галимов, июль 1999 г.
Записал С.Г. Татевосов, июль 1999 г.
Разобрали Е.А. Лютикова и Д.О. Иванов, июль 1999 г.

(1) bez-neŋ awɤl-nɤŋ isem-e jaltan dip at-a-l-a.
мы-GEN деревня-GEN имя-3 Елтан SUB называть-ST-PASS-ST.IPFV

Наша деревня [= нашей деревни имя] *называется Елтан.*

(2) jaltan di-gän süz tapkɤr, kɤju, ʒitez di-gän
Елтан говорить-PFCT слово находчивый бойкий проворный говорить-PFCT

mägnä-ne aŋn-a-t-a.
значение-ACC понимать-ST-CAUS-ST.IPFV

Слово[, которое говорится] *«Елтан»*[,] *означает* [= каузирует понимать значение, которое говорится] *«находчивый, бойкий, проворный».*

(3) niček kil-e-p čɤk-kan sɤŋ bez-neŋ awɤl, kajan
как приходить-ST-CONV выходить-PFCT же мы-GEN деревня откуда

kil-e-p čɤk-kan?
приходить-ST-CONV выходить-PFCT

Как же произошла [= придя, вышла] *наша деревня, (и) откуда* [произошла]*?*

(4) nižnij nowgɤrɤd jan-ɤ-n-da sergač rajon-ɤ-n-da meskäü-neŋ ber
Нижний Новгород около-3-OBL-LOC Сергач район-3-OBL-LOC Москва-GEN один

činownig-ɤ at-lar-ɤ belän saz-ga ker-e-p bat-kan
чиновник-3 лошадь-PL-3 с болото-DAT входить-ST-CONV тонуть-PFCT

di riwajät$_j$ bujɤnča.
говорить.IPFV предание согласно

По преданию[, говорят]*, один московский чиновник со своими лошадьми застрял в болоте близ Нижнего Новгорода в Сергачском районе.*

(5) a-nɤ eč keše kɤtkar-gan-nar di.
он-ACC три человек спасать-PFCT-PL говорить.IPFV

Говорят, его спасли три человека.

(6) šɤ-n-nan sɤŋ činownik ät-kän:
это-OBL-ABL после чиновник говорить-PFCT

sez-gä nästä bir-i-m, nindi büläk bir-i-m, di.
вы-DAT что давать-HORT-1SG какой подарок давать-HORT-1SG говорить.IPFV

После этого чиновник сказал: «Что вам дать, что подарить [= подарок дать]*?»* [— говорит.]

(7) a-lar, bez-gä büläg-eŋ kiräk-m-i, ǯir bir
он-PL мы-DAT подарок-2SG быть.нужным-NEG-ST.IPFV земля давать.IMP

bez-gä, di-gän-när.
мы-DAT говорить-PFCT-PL

Они сказали: «Нам твоего подарка не нужно, дай нам земли».

(8) jar-a-r, di-gän.
подходить-ST-POT говорить-PFCT

«Ладно [= подойдет]*», — сказал.*

(9) bɤ-lar-nɤŋ isem-när-e-n jaz-ɤ-p al-gan da,
этот-PL-GEN имя-PL-3-OBL.ACC писать-ST-CONV брать-PFCT EMPH

ǯir tap-kač bar-ɤ-r-sɤz minem jan-ga, di-gän.
земля находить-ANT идти-ST-POT-2PL я.GEN около-DAT говорить-PFCT

(А потом) записал их имена [= записав, взял] *и сказал: «Когда найдете землю, придете ко мне».*

(10) bɤ-lar at-lar-ga atlan-ɤ-p eč jɤl
этот-PL лошадь-PL-DAT садиться.на.лошадь-ST-CONV три год

buj-ɤ ǯir ezl-ä-gän-när.
длина-3 земля искать-ST-PFCT-PL

Они, сев на коней, в течение трех лет искали землю.

(11) xäm menä a-lar bu ǯir-ne tab-ɤ-p al-gan-nar.
и вот он-PL этот земля-ACC находить-ST-CONV брать-PFCT-PL

И вот они нашли [= найдя, взяли] *эту землю.*

(12) menä bez-neŋ awɤl-nɤŋ kenbatɤš jag-ɤ-n-da
вот мы-GEN деревня-GEN запад сторона-3-OBL-LOC

iske zɤjrat bar.
старый кладбище быть

Вот к западу [= с западной стороны] *от нашей деревни есть старое кладбище.*

(13) šɤ-n-da kil-e-p urnaš-kan-nar.
этот-OBL-LOC приходить-ST-CONV располагаться-PFCT-PL

Они пришли (и) поселились здесь.

(14) eč jɤrt.
три двор

Три двора.

(15) ǯir-ne tap-kač a-lar činownik jan-ɤ-n-a kit-kän-när.
земля-ACC находить-ANT он-PL чиновник около-3-OBL-DAT уходить-PFCT-PL

Найдя землю, они отправились к чиновнику.

(16) činownik bɤ-lar-nɤ tan-ɤ-gan da jarlɤk jaz-ɤ-p bir-gän.
чиновник этот-PL-ACC узнавать-ST-PFCT EMPH ярлык писать-ST-CONV давать-PFCT

Чиновник их узнал и выписал [= написав дал] *ярлык.*

(17) ber čäč-e-n ez-e-p al-gan da jarlɤk-ka
один волос-3-OBL.ACC вырывать-ST-CONV брать-PFCT EMPH ярлык-DAT

jabɤš-tɤr-ɤ-p surguč-l-a-p kuj-gan.
липнуть-CAUS-ST-CONV сургуч-VRB-ST-CONV ставить-PFCT

Вырвал [= вырвав, взял] *один волос и, прикрепив к ярлыку, запечатал сургучом* [= засургучив, поставил].

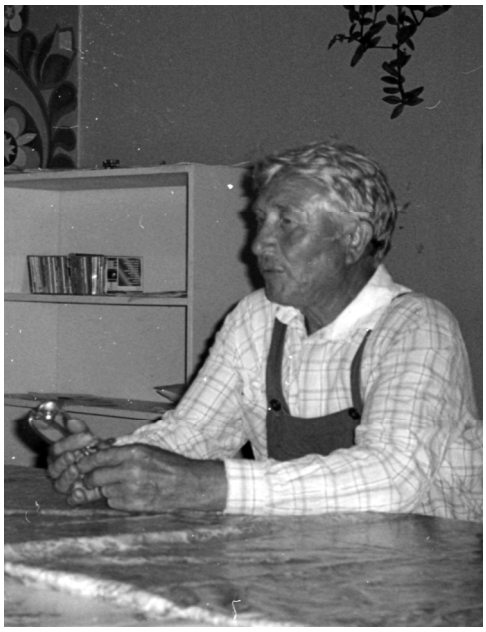
(18) awɤl-nɤŋ isem-e-n služiwɤj jaltan bul-ɤ-r, di-gän.
деревня-GEN имя-3-OBL.ACC Служивый Елтан быть-ST-POT говорить-PFCT

(Он) сказал: «Название деревни будет Служивый Елтан».

(19) služɤwɤj di-gän süz patša-ga xezmät
служивый говорить-PFCT слово царь-DAT служба

it-ü di-gän süz i-kän.
делать-NMN говорить-PFCT слово быть-PFCT

Слово «служивый» означало «состоящий на царской службе» [= Слово, которое говорилось «служивый», было словом, которое говорилось «делать службу царю»].

Рафаил Галимов. Село Татарский Елтан, 2000 год.

(20) a-lar üz-lär-e-neŋ at-lar-ɤ belän patša-ga
он-PL сам-PL-3-GEN лошадь-PL-3 с царь-DAT

xezmät it-e-p jer-gän-när.
служба делать-ST-CONV ходить-PFCT-PL

Они, (разъезжая) на своих лошадях, служили [= службу делая, ходили] *царю.*

(21) a-lar saldat-ka keše bir-m-ä-gän-när, alpawɤt-lar-ɤ
он-PL солдат-DAT человек давать-NEG-ST-PFCT-PL помещик-PL-3

bul-m-a-gan.
быть-NEG-ST-PFCT

Они людей в солдаты не отдавали, (у них) помещиков не было.

(22) menä šɤ-n-da kil-e-p urnaš-kan-nar da jäš-i
вот этот-OBL-LOC приходить-ST-CONV располагаться-PFCT-PL EMPH жить-ST.IPFV

bašl-a-gan-nar.
начинать-ST-PFCT-PL

Вот там (они) обустроились [= придя, поселились] *и стали жить.*

(23) xäzer-ge urɤn elek-ke-se-n-nän dürt kilometr
сейчас-ATR место раньше-ATR-3-OBL-ABL четыре километр

jɤrag-ɤrak bul-ɤ-p čɤk-kan.
далеко-COMP быть-ST-CONV выходить-PFCT

Современное место оказалось [= будучи, вышло] *на четыре километра дальше от прежнего.*

(24) bez-neŋ awɤl-da gɤmär batɤr di-gän keše bul-gan.
мы-GEN деревня-LOC Гумер богатырь говорить-PFCT человек быть-PFCT
В нашей деревне жил [= был] *человек по имени* [= который говорился] *Гумер-силач.*

(25) ul iwan poddubnɤj belän berničä märtäbä keräš-e-p
он Иван Поддубный с несколько раз бороться-ST-CONV
kar-a-gan läkin ber-se-n ber-se ǯiŋ-ä
смотреть-ST-PFCT но один-3-OBL.ACC один-3 побеждать-ST.IPFV
al-m-a-gan-nar.
брать-NEG-ST-PFCT-PL
Он несколько раз пытался бороться с Иваном Поддубным, но (они) друг друга победить не могли.

(26) bu keše terkijä-lär-dä dä bul-gan i-kän, mädräsä-lär-dä dä
этот человек Турция-PL-LOC EMPH быть-PFCT быть-PFCT медресе-PL-LOC EMPH
uk-ɤ-gan.
учиться-ST-PFCT
Этот человек и в мусульманских странах [= в Турциях] *бывал, и в (нескольких) медресе учился.*

(27) iwan poddubnɤj francija-gä keräš-e-r-gä kit-ä,
Иван Поддубный Франция-DAT бороться-ST-POT-INF уходить-ST.IPFV
läkin gɤmär batɤr-nɤ ǯibär-m-i-lär.
но Гумер богатырь-ACC отпускать-NEG-ST.IPFV-PL
Иван Поддубный уехал бороться во Францию, а Гумера-силача не пустили.

(28) ul sɤŋɤnnan baš-ɤ-n-a sug-a a-nɤŋ.
он потом голова-3-OBL-DAT бить-ST.IPFV он-GEN
(И) после этого ударило ему в голову {т.е. Гумер начал пить}.

(29) a-nɤŋ jan-ɤ-n-da trener bul-m-a-gan-ga kürä ul
он-GEN около-3-OBL-LOC тренер быть-NEG-ST-PFCT-DAT поскольку он
a-nɤŋ baš-ɤ-n-a keč-le it-e-p sug-a.
он-GEN голова-3-OBL-DAT сила-ATR делать-ST-CONV бить-ST.IPFV
Поскольку тренера при нем не было, это (дело) сильно [= с силой сделав] *ему в голову ударило.*

(30) xäm šulaj it-e-p ul balnica-da ül-ä.
и так делать-ST-CONV он больница-LOC умирать-ST.IPFV
И когда так случилось [= сделало]*, он умер в больнице.*

(31) ber wakɤt mɤ-nɤŋ belän ber kɤzɤk xäl bul-gan.
один время этот-GEN с один смешной случай быть-PFCT
Однажды с ним был один смешной случай.

(32) ber wakɤt at-ka utɤn tij-ä-p urman-nan
один время лошадь-DAT дрова грузить-ST-CONV лес-ABL
katʲ-kan-da änä klup-nɤŋ tübän jag-ɤ-n-da
возвращаться-PFCT-SIM вон клуб-GEN низкий сторона-3-OBL-LOC

bɤlɤn-ga teš-e-p at bat-a saz-ga.
луг-DAT спускаться-ST-CONV лошадь тонуть-ST.IPFV болото-DAT

Однажды, когда он, погрузив на лошадь дрова, возвращался из леса, вон (там) снизу от клуба, как спускаться [= спускаясь] *к лужайке, лошадь завязла в болоте.*

(33) at-nɤ ku-a–ku-a läkin at čɤg-a
лошадь-ACC гнать-ST.IPFV–гнать-ST.IPFV но лошадь выходить-ST.IPFV

al-m-ɤj.
брать-NEG-ST.IPFV

Он гонит-гонит лошадь, но лошадь не может выйти.

(34) at-nɤ tuar-ɤ-p al-a da arba-nɤ
лошадь-ACC распрягать-ST-CONV брать-ST.IPFV EMPH телега-ACC

tart-ɤ-p čɤg-a-r-a da, ii xajwan, di.
тянуть-ST-CONV выходить-ST-CAUS-ST.IPFV EMPH эх зверь говорить.IPFV

Он распряг [= распрягши, взял] *лошадь, вытащил телегу* [= потянув, вывел] *и сказал: «Эх, скотина!*

(35) ällä kajčan šulaj ešl-ä-r-gä bul-gan, üz-em genä
INDEF когда так делать-ST-POT-INF AUX2-PFCT сам-1SG FOC

a-p katʲ-kan bul-sa-m jaxšɤ-rak
брать-CONV приходить-PFCT AUX2-COND-1SG хорошо-COMP

bul-a i-de bu ak utɤn-nɤ di gɤmär batɤr.
быть-ST.IPFV AUX1-PST этот белый дрова-ACC говорить.IPFV Гумер Батыр

Надо было давно [= когда-то] *так сделать, лучше было бы, если бы я сам привез* [= взяв, пришел] *эти белые дрова!» — сказал Гумер-силач.*

3. Воспоминание

Рассказала Миннегаян Харисовна Камалова, июль 2000 г..
Записал П.К. Воляк, июль 2000 г.
Разобрали А.Б. Шлуинский, Д.О. Иванов, А.Г. Пазельская, июль 2000 г.

(1) bez-neŋ jäš čag-ɤbɤz-da, bez jäš kɤz-lar kalxoz-lar-da
мы-GEN молодой время-1PL-LOC мы молодой девочка-PL колхоз-PL-LOC

ešl-ä-p jer-gän čak-ta, bez-neŋ dus bul-ɤ-p
работать-ST-CONV ходить-PFCT время-LOC мы-GEN друг быть-ST-CONV

jäš-ä-gän germanijä bez-gä sugɤš ut učag-ɤ ač-tɤ.
жить-ST-PFCT Германия мы-DAT война огонь костер-3 открывать-PST

Когда мы были молодыми [= в наше молодое время], [во время,] *когда мы, молодые девочки, в колхозах работали* [= работая ходили], *жившая с нами в дружбе Германия напала на нас* [= открыла нам огненный костер войны].

(2) bez kɤrɤk ber – kɤrɤk ike-nče jɤl-nɤŋ ǯäj-e-n-dä kalxoz-da,
мы сорок один сорок два-ORD год-GEN лето-3-OBL-LOC колхоз-LOC

bez jäš kɤz-lar ešl-ä-p jer-de-k.
мы молодой девочка-PL работать-ST-CONV ходить-PST-1PL

Летом сорок первого – сорок второго года мы, молодые девочки, в колхозе работали [= работая ходили].

(3) a-n-nan bez-ne rajon-ga čakɤr-dɤ-lar kamisijä-gä di-p.
он-OBL-ABL мы-ACC район-DAT звать-PST-PL комиссия-DAT говорить-CONV

Оттуда нас вызвали в район[, сказав, (что)] *на комиссию.*

(4) kamisijä-ne bar-ɤ-p üt-te-k tugɤz-ɤnčɤ najaber$_j$-dä.
комиссия-ACC идти-ST-CONV проходить-PST-1SG девять-ORD ноябрь-LOC

Комиссию мы[, придя,] *прошли девятого ноября.*

(5) undürt-enče najaber$_j$ ken-ne bez-ne ɤzat-tɤ-lar nɤrlat-ka.
четырнадцать-ORD ноябрь день-ACC мы-ACC провожать-PST-PL Нурлатово-DAT

[В день] *четырнадцатого ноября нас проводили на (станцию) Нурлатово.*

(6) eč ken nɤrlat-ka bar-dɤ-k at belän.
три день Нурлатово-DAT идти-PST-1PL лошадь с

Три дня (мы) ехали в Нурлатово на лошади.

(7) nɤrlat-tan tawarnɤj wagon belän al-ɤ-p kit-te-lär, v$_j$erbofš$_j$ik
Нурлатово-ABL товарный вагон с брать-ST-CONV уходить-PST-PL вербовщик

kil-gän i-de, kemerawa-ga eč ken bar-a-sɤ jul-nɤ, bez
приходить-PFCT AUX1-PST Кемерово-DAT три дня идти-ST-OBG дорога-ACC мы

ike atna bar-dɤ-k, bar-ɤ-p ǯit-te-k.
два неделя идти-PST-1PL идти-ST-CONV достигать-PST-1PL

Из Нурлатова нас увезли [= взяв ушли] *в товарных вагонах, вербовщик (за этим) приезжал, до Кемерово три дня* [ехать] *дорога, (а) мы две недели ехали, (но) доехали* [= идя достигли].

(8) bez-ne apšežeti-lär-gä urnaš-tɤr-dɤ-lar.
мы-ACC общежитие-PL-DAT располагаться-CAUS-PST-PL

Нас устроили в общежития.

(9) deres, jaxšɤ bul-dɤ a-n-da.
правда хорошо быть-PST он-OBL-LOC

Правда, там было хорошо.

(10) räxmät, xekümät ber kila äpäj bir-ä i-de.
спасибо правительство один кило хлеб давать-ST.IPFV AUX1-PST

Спасибо, государство килограмм хлеба давало.

(11) ike stalowɤj, akča-nɤ jaxšɤ tül-ä-de-lär.
два столовая деньги-ACC хорошо платить-ST-PST-PL

Два (раза мы ели в) столовой, деньги платили хорошо.

(12) xäzer bez-ne cex-lär-gä bül-de-lär.
сейчас мы-ACC цех-PL-DAT делить-PST-PL

Тогда [= сейчас] *нас разделили по цехам.*

(13) kemerawa-da un-ɤnčɤ cex-tä ešl-ä-de-m min.
Кемерово-LOC десять-ORD цех-LOC работать-ST-PST-1SG я

В Кемерове в десятом цеху я работала.

(14) mine a-n-da kuj-dɤ-lar.
я.ACC он-OBL-LOC ставить-PST-PL

Меня туда [= там] *поставили.*

(15) a-n-da ɤsmala razgonkɤ-da.
он-OBL-LOC смола разгонка-LOC

Там, на смолоразгонке.

(16) a-n-da min pomaparačik i-de-m.
он-OBL-LOC я помощник.аппаратчика быть-PST-1SG

Там я была помощником аппаратчика [= помаппаратчиком].

(17) aparačig-ɤm tože bik jäxšɤ i-de.
аппаратчик-1SG тоже очень хороший быть-PST

У меня [= мой] *аппаратчик тоже очень хороший был.*

(18) xäzer min ešl-i-m äle paka jɤrt-ta.
сейчас я работать-ST.IPFV-1SG еще пока двор-LOC

Сначала [= сейчас] *я еще* [пока] *работала на дворе.*

(19) xäzer brigadir čakɤr-t-a da mine, vot, di, sine,
сейчас бригадир звать-CAUS-ST.IPFV EMPH я.ACC вот говорить.IPFV ты.ACC

di, galʲa, di, sine, di, pomaparačik
говорить.IPFV Галя говорить.IPFV ты.ACC говорить.IPFV помощник.аппаратчика

it-ter-e-p kuj-a-bɤz, di.
делать-CAUS-ST-CONV ставить-ST.IPFV-1PL говорить.IPFV

И тут [= сейчас] *вызывает* [= велит позвать] *бригадир меня, вот, говорит, тебя, говорит, Галя, говорит, тебя, говорит, помаппаратчиком сделаем* [= каузировав сделать поставим], *говорит.*

(20) min tɤtɤn-dɤ-m jɤl-a-r-ga, ber awɤz rus-ča
я приниматься-PST-1SG плакать-ST-POT-INF один рот русский-ADV

bel-m-i-m, äti, äni di-gän süz-ne genä tolʲkɤ
знать-NEG-ST.IPFV-1SG папа мама говорить-PFCT слова-ACC FOC только

bel-ä-m, bütän juk.
знать-ST.IPFV-1SG другой нет

Я принялась плакать, ни слова [= одного рта] *по-русски не знаю, слова* [которые говорятся] *«папа» и «мама» только знаю, другие нет.*

(21) jar-a-r, wajennɤj vremʲe, di,
подходить-ST-POT военное время говорить.IPFV

jar-a-m-ɤj, di,
подходить-ST-NEG-ST.IPFV говорить.IPFV

it-ä-r-gä, di, karʏš-ʏ-r-ga, di.
делать-ST-POT-INF говорить.IPFV сопротивляться-ST-POT-INF говорить.IPFV

Ладно [= пойдет], *военное время, говорит (бригадир), нельзя* [= не подходит], *говорит, (ничего) поделать, говорит, (нельзя) сопротивляться, говорит.*

(22) šʏ-n-nan min tʏtʏn-dʏ-m akrʏn genä ešl-ä-r-gä inde,
этот-OBL-ABL я приниматься-PST-1SG медленно FOC работать-ST-POT-INF уже

aparačig-ʏm üz-em-ä kür-ä ejrät-te, bik äjbet i-de.
аппаратчик-1SG сам-1SG-DAT видеть-ST.IPFV учить-PST очень хороший быть-PST

Потом (только) я начала потихоньку работать уже, [мой] *аппаратчик, видя мои старания* [= меня самое], *научил, (он) очень хорошим был.*

(23) mine ejrät-te, šʏ-n-nan sʏŋ min ike jʏl jarʏm sugʏš
я.ACC учить-PST этот-OBL-ABL после я два год половина война

däwer-e-n-dä pomaparačik bul-ʏ-p ešl-ä-de-m.
период-3-OBL-LOC помощник.аппаратчика быть-ST-CONV работать-ST-PST-1SG

(Он) меня научил, после этого я два с половиной года во время войны помаппаратчиком [будучи] *работала.*

(24) xäzer küräseŋ šul xezmät-eŋ-ä kürä xermät-e
сейчас видимо этот труд-2SG-DAT сообразно уважение-3

di bʏrʏn-gʏ kart-lar.
говорить.IPFV встарь-ATR старый-PL

Тогда [= сейчас], *видно, по* [этому твоему] *труду (было) уважение, (как) говорили* [старинные] *старики.*

(25) min, deres, üz-em kečkenä genä bul-sa-m da, bik
я правда сам-1SG маленький FOC быть-COND-1SG EMPH очень

tʏrʏš-ʏ-p ešl-i i-de-m, keše ara-sʏ-n-da
стараться-ST-CONV работать-ST.IPFV AUX1-PST-1SG человек среди-3-OBL-LOC

xurlʏk-ka kal-m-ʏj-m dip, beten jeräg-em belän
позор-DAT оставаться-NEG-HORT-1SG SUB весь сердце-1SG с

ešl-ä-de-m min xär ǯir-dä dä.
работать-ST-PST-1SG я каждый земля-LOC EMPH

Я, правда, хотя сама была маленькой, очень старательно работала, чтобы среди людей не остаться в позоре, всем сердцем я везде [= в каждой земле] *работала.*

(26) šʏ-n-nan ike jʏl jarʏm sugʏš däwer-e-n-dä ešl-ä-de-m.
этот-OBL-ABL два год половина война период-3-OBL-LOC работать-ST-PST-1SG

[Потом] *я два с половиной года во время войны работала.*

(27) annarʏ sʏŋ ber jʏl sugʏš bet-käč.
потом после один год война кончаться-ANT

А после (еще) один год, когда война закончилась.

(28) bez-gä sugʏš bet-käč tä gʏjnwar aj-ʏ-n-da iŋ
мы-DAT война кончаться-ANT EMPH январь месяц-3-OBL-LOC самый

ber-enče bez-neŋ brigada-ga medal-lar bir-de-lär.
один-ORD мы-GEN бригада-DAT медаль-PL давать-PST-PL

Нам, когда война кончилась, в январе месяце нашей бригаде самой первой вручили медали.

(29) pomaparačig-ɤm belän bez ike-bez-gä medal-lar al-dɤ-k
помощник.аппаратчика-1SG с мы два-2SG-DAT медаль-PL брать-PST-1PL

jaxšɤ ešl-ä-gän ečen.
хороший работать-ST-PFCT ради

Мы вдвоем с помаппаратчиком получили [= взяли] *медали за хорошую работу.*

(30) a-n-nan uže kɤrɤk altɤ-nčɤ jɤl-nɤ ijun aj-ɤ-n-da miŋa
он-OBL-ABL уже сорок шесть-ORD год-ACC июнь месяц-3-OBL-LOC я.DAT

otpɤskɤ bir-de-lär, eč jɤl tul-dɤ bit inde.
отпуск давать-PST-PL три года исполняться-PST ведь уже

После уже в сорок шестом году в июне месяце мне дали отпуск, три года ведь уже прошло.

(31) šɤ-n-nan min otpɤskɤ-ga katⱼ-tɤ-m, a-n-nan sɤŋ da
этот-OBL-ABL я отпуск-DAT возвращаться-PST-1SG он-OBL-ABL после EMPH

min bar-m-a-gač kɤz-lar miŋa xat jaz-a-lar.
я идти-NEG-ST-ANT девочка-PL я.DAT письмо писать-ST.IPFV-PL

Потом я приехала в отпуск (домой), (и), когда после этого я (обратно) не поехала, девушки мне написали письмо.

(32) kil, načalⱼnik cex: kil-sen galimɤwa (ul wakɤt-ta minem
приходить.IMP начальник цеха приходить-JUSS Галимова этот время-LOC я.GEN

kɤz familij-em šɤlaj i-de), üz urɤn-ɤ-n-a eš-kä
девочка фамилия-1SG такой быть-PST сам место-3-OBL-DAT работа-DAT

kuj-a-bɤz, kil-sen, dip.
ставить-ST.IPFV-1PL приходить-JUSS SUB.

Приезжай, начальник цеха (сказал): «Пусть приедет Галимова (в то время у меня девичья фамилия такая была), на свое место (ее) на работу поставим, пусть приедет».

(33) bernärsä dä bul-m-ɤj, kil-sen.
ничто EMPH быть-NEG-ST.IPFV приходить-JUSS

Ничего даже не будет {за то, что опоздала из отпуска}*, пусть приедет.*

(34) min šɤ-n-nan sɤŋ inde bar-m-a-dɤ-m, mɤ-n-da awɤl-da
я этот-OBL-ABL после уже идти-NEG-ST-PST-1SG этот-OBL-LOC деревня-LOC

ešl-ä-de-m kalxoz-da.
работать-ST-PST-1SG колхоз-LOC

Я уже (обратно) [после этого] *не поехала, здесь, в деревне в колхозе работала.*

(35) annarɤ tɤrmɤš-ka čɤk-tɤ-m.
потом жизнь-DAT выходить-PST-1SG

Потом замуж [= в жизнь] *вышла.*

(36) šɤlaj it-e-p, alla-ga šeker, sugɤš bet-te,
так делать-ST-CONV бог-DAT слава война кончаться-PST

kinän-de-k, šatlan-dɤ-k.
радоваться-PST-1PL радоваться-PST-1PL
Таким образом [= так сделав], *слава богу, война закончилась, мы радовались, веселились.*

(37) no min a-n-da jɤl-a-u-dan kala bernäršä dä
но я он-OBL-LOC плакать-ST-NMN-ABL кроме ничего EMPH

bel-m-ä-de-m.
знать-NEG-ST-PST-1SG
Но я там {т.е. в Кемерово} *кроме плача ничего ведь не знала.*

(38) rus-ča načar bel-ä-m.
русский-ADV плохо знать-ST.IPFV-1SG
По-русски плохо знаю.

(39) eš-em jaxšɤ alla-ga šeker i-de, räxmät it-ä-lär i-de.
работа-1SG хороший бог-DAT слава быть-PST спасибо делать-ST.IPFV-PL AUX1-PST
Работа моя, слава богу, хорошей была, спасибо говорили [= делали].

(40) gel staxanofčɤ i-de-m, aj sajɤn premija al-ɤ-p
всегда стахановец быть-PST-1SG месяц каждый премия брать-ST-CONV

ešl-ä-de-m, aj sajɤn äni-em-när-ne dä kar-a-p
работать-ST-PST-1SG месяц каждый мама-1SG-PL-ACC EMPH смотреть-ST-CONV

tɤr-a i-de-m.
стоять-ST.IPFV AUX1-PST-1SG
Всегда была стахановцем, работала, каждый месяц получая премию, каждый месяц и родным [= мамам] *помогала* [= смотрела].

(41) ber seŋel-em, kečkenä genä ber ene-m kal-dɤ.
один младшая.сестра-1SG маленький FOC один младший.брат-1SG оставаться-PST
У меня младшая сестра и маленький младший брат остались.

(42) äti ül-e-p kal-dɤ.
папа умирать-ST-CONV оставаться-PST
Папа погиб [= умерев остался].

(43) šɤ-n-nan min gel äni-lär-gä bul-ɤ-š-ɤ-p jäš-ä-de-m.
этот-OBL-ABL я всегда мама-PL-DAT быть-ST-REC-ST-CONV жить-ST-PST-1SG
И [= потом] *я всегда маме с ребятами* [= мамам] *помогала* [= жила, помогая].

(44) a-lar-ga es-lär-e–baš-lar-ɤ ul wakɤt-ta sälämä, xäjerče, ač.
он-PL-DAT убор-PL-3–голова-PL-3 тот время-LOC худой нищий голодный
У них одежда (была) в то время худая, нищенская, бедная.

(45) min šul ɤn-nar al-ɤ-p kat$_j$-ɤ-p čistaj-dan
я вот мука-PL брать-ST-CONV возвращаться-ST-CONV Чистополь-ABL

akča-lar-ɤm-nɤ sal-ɤ-p tɤr-ɤ-p äni-lär-gä, šɤlaj
деньги-PL-1SG-ACC класть-ST-CONV стоять-ST-CONV мама-PL-DAT так

it-e-p, alla-ga šeker, a-lar-nɤ da tuk it-te-m
делать-ST-CONV бог-DAT слава он-PL-ACC EMPH сытый делать-PST-1SG

sugɤš wakɤt-ɤ-n-da.
войны время-3-OBL-LOC

Вот я муку из Чистополя привозила [= взяв возвращалась], *деньги маме и ребятам* [= мамам] *(на книжку) вкладывала* [= вложив стояла], *таким образом* [= так сделав], *слава богу, их тоже сытыми во время войны держала* [= делала].

(46) kaja bar-sa-m da xezmät-eŋ xak-ɤ-n-da xermät bir-ä-lär
где идти-COND-1SG EMPH труд-2SG из.за-3-OBL-LOC уважение давать-ST.IPFV-PL

i-kän üz-em-ne bik xermät-l-ä-de-lär.
AUX1-PFCT сам-1SG-ACC очень уважение-VRB-ST-PST-PL

Где бы ни была [= куда бы ни пошла], *за* [твой] *труд, оказывается, уважают* [= уважение дают], *меня очень уважали.*

(47) räxmät zawot-ta-gɤ načalʲnik-lar-ga da üz-ebez-neŋ persidätel-lär-gä
спасибо завод-LOC-ATR начальник-PL-DAT EMPH сам-1PL-GEN председатель-PL-DAT

dä, brigadir-lar-ga da.
EMPH бригадир-PL-DAT EMPH

Спасибо и заводским начальникам, и нашим председателям, и бригадирам.

(48) minem bet-te šɤ-n-nɤŋ belän.
я.GEN кончаться-PST этот-OBL-GEN с

Я это (речь) закончила [= у меня с этим закончилось].

Бытовые рассказы

4. Ограбление сада

Рассказала Гюльнара Галимова, июль 2000 года
Записала и разобрала О.В. Ханина, июль 2000 года

(0) bakča bas-u
сад грабить-NMN

Ограбление сада

(1) min balačag-ɤm-nɤ sagɤn-ɤ-p is-kä al-a-m, čenki
я детство-1SG-ACC грустить-ST-CONV память-DAT брать-ST.IPFV-1SG потому.что

balačak belän iŋ jaktɤ xatirä-lär-em bäjl-ä-n-gän.
детство с самый светлый воспоминание-PL-1SG связывать-ST-PASS-PFCT

Я вспоминаю [= в память беру] *детство с грустью* [= грустя], *потому что с детством связаны мои самые светлые воспоминания.*

(2) balačak dus-lar-ɤm belän xäzer ɤčr-a-š-kač ta
детство друг-PL-1SG с сейчас встречаться-ST-REC-ANT EMPH

ul xäl-lär-ne sagɤn-ɤ-p is-kä al-a-bɤz.
этот дело-PL-ACC грустить-ST-CONV память-DAT брать-ST.IPFV-1PL

Когда мы [сейчас] *встречаемся с друзьями детства, мы с грустью вспоминаем эти случаи.*

(3) a-lar-nɤ is-kä teš-e-r-ä kal-sa-ŋ,
он-PL-ACC память-DAT спускаться-ST-CAUS-ST.IPFV оставаться-COND-2SG

ber ten-dä ǯit-m-ä-s i-de, a-lar šɤndɤj küp xäm jaktɤ.
один ночь-DAT хватать-NEG-ST-POT AUX1-PST он-PL такой много и светлый

Если продолжить [= продолжишь] *их вспоминать* [= в память спускать], *то (и)* [одной] *ночи не хватило бы, их так много, и (они такие) светлые.*

(4) ujl-a-n-ɤ-p utɤr-gan-da kina kadɤr-lar-ɤ kebek
думать-ST-DEPAT-ST-CONV сидеть-PFCT-SIM кино кадр-PL-3 как

küz ald-ɤ-n-a kil-ä-lär.
глаз перед-3-OBL-DAT приходить-ST.IPFV-PL

Когда задумаешься [= думая, сидишь], *(они) проходят перед глазами, как кадры кино.*

(5) balačak dij-ü-gä minem küz ald-ɤ-n-a iŋ ber-enče
детство говорить-NMN-DAT я.GEN глаз перед-3-OBL-DAT самый один-ORD

kürše malaj-ɤ ilwart kil-e-p bas-a.
сосед мальчик-3 Ильварт приходить-ST-CONV вставать-ST.IPFV

Как только заговариваю о детстве, перед моими глазами [самым] *первым* [приходя] *встает соседский мальчик Ильварт.*

(6) min a-nɤ üz-em-ne bel-gän-em bašl-a-p
я он-ACC сам-1SG-ACC знать-PFCT-1SG начинать-ST-CONV

bel-ä-m xäm a-nɤŋ belän minem bik küp kɤzɤk-lɤ
знать-ST.IPFV-1SG и он-GEN с я.GEN очень много интересный-ATR

wakɤjga-lar-ɤm bäjl-ä-n-gän.
событие-PL-1SG связывать-ST-PASS-PFCT

Я его знаю с тех пор, как я себя начала помнить [= как себя знание началось], *и с ним у меня связано очень много интересных событий.*

(7) bez-neŋ kürše-dä fäjmä isem-le ber äbi tɤr-a i-de.
мы-GEN сосед-LOC Файма имя-ATR один бабушка жить-ST.IPFV AUX1-PST

У нас по соседству жила одна бабушка по имени Файма.

(8) a-nɤŋ bakča-sɤ-n-da bik täm-le kitajkɤ šɤmɤrt xäm
он-GEN сад-3-OBL-LOC очень вкус-ATR китайка черемуха и

viktorijä üs-ä i-de.
виктория расти-ST.IPFV AUX1-PST

У нее в саду росли очень вкусные китайки {сорт яблок}, *черемуха и виктория* {сорт клубники}.

(9) ber wakɤt bez ilwart belän sel-ä-š-te-k tä fäjmä
один время мы Ильварт с говорить-ST-REC-PST-1PL EMPH Файма

äbi-neŋ viktorija-lär-e-n bas-a-r-ga bul-dɤ-k.
бабушка-GEN виктория-PL-3-OBL.ACC грабить-ST-POT-INF AUX2-PST-1PL

Однажды мы с Ильвартом договорились и у бабушки Файмы решили украсть викторию.

(10) iŋ baš-ta fäjmä äbi-neŋ ü-e-n-nän čɤg-ɤ-p
самый голова-LOC Файма бабушка-GEN дом-3-OBL-ABL выходить-ST-CONV

kibet-kä taba kit-kän-e-n jaxšɤlap kar-a-p
магазин-DAT к уходить-PFCT-3-OBL.ACC как.следует смотреть-ST-CONV

tɤr-dɤ-k.
стоять-PST-1PL

С самого начала [= в самой голове] *(мы) как следует посмотрели* [= посмотрев, постояли] {т.е. убедились}, *что бабушка Файма вышла из дома и пошла в сторону магазина.*

(11) bez-neŋ ü-dä dä keše juk i-de.
мы-GEN дом-LOC EMPH человек нет AUX1-PST

У нас тоже дома никого [= человека] *не было.*

(12) šɤn-nan sɤŋ bez-neŋ jɤrt jag-ɤ-n-nan kil-e-p
тот-ABL после мы-GEN двор сторона-3-OBL-ABL приходить-ST-CONV

fäjmä äbi-neŋ bakča-sɤ-nɤŋ kirtä-lär-e-n
Файма бабушка-GEN сад-3-GEN жердь.забора-PL-3-OBL.ACC

ike-se-n ike jak-ka ajɤr-dɤ-k, ta bakča eč-e-n-ä
два-3-OBL.ACC два строна-DAT разделять-PST-1PL EMPH сад в-3-OBL-DAT

kɤčɤtkän xäm malina ara-sɤ-n-a ker-e-p čum-dɤ-k.
крапива и малина между-3-OBL-DAT входить-ST-CONV нырять-PST-1PL

Потом [= после этого], *подойдя со стороны нашего двора, мы раздвинули* [= разделили] *две жерди забора сада бабушки Файмы в разные* [= в две] *стороны и, пройдя* [= войдя] *сквозь малину и крапиву, нырнули в сад.*

(13) akrɤn genä viktorija tütäl-e jan-ɤ-n-a kil-e-p
тихо FOC виктория грядка-3 около-3-OBL-DAT приходить-ST-CONV

čɤk-tɤ-k xäm zur–zur kɤzɤl viktorijä-lär-ne
выходить-PST-1PL и большой–большой красный виктория-PL-ACC

ilwart – čalbar kesä-se-n-ä, min – külmäk itäg-e-n-ä
Ильварт брюки карман-3-OBL-DAT я платье подол-3-OBL-DAT

čüpl-i bašl-a-dɤ-k.
собирать-ST.IPFV начинать-ST-PST-1PL

(Мы) потихоньку [придя] *вышли к грядке виктории и стали собирать большие-большие красные (ягоды) виктории: Ильварт — в карманы брюк, а я — в подол платья.*

(14) kesä-lär-ne tutɤr-gač ber-ber-ebez-ne sat-m-a-s-ka
карман-PL-ACC наполнять-ANT один-один-1PL-ACC продавать-NEG-ST-POT-INF

süz kuj-ɤ-š-ɤ-p ajɤr-ɤ-l-ɤ-š-tɤ-k.
слово ставить-ST-REC-ST-CONV разделять-ST-PASS-ST-REC-PST-1PL

Наполнив карманы, договорившись [= слово поставив] *не продавать друг друга, разошлись* [= разделились].

(15) tik bakča-da bez-neŋ jɤrt-ka taba kil-ä tɤr-gan ez-lär
но сад-LOC мы-GEN двор-DAT к приходить-ST.IPFV стоять-PFCT следы-PL

kal-gan-ɤ-n bez-neŋ kečkenä baš-ɤbɤz ujl-a-m-a-gan.
оставаться-PFCT-3-OBL.ACC мы-GEN маленький голова-1PL думать-ST-NEG-ST-PFCT

Но наши маленькие головы не подумали, что в саду остались следы, которые ведут [= приходя, стоят] *к нашему двору.*

(16) šɤ-n-nan sɤŋ fäjmä äbi-ebez kibet-tän kat_j-tɤ xäm
тот-OBL-ABL после Файма бабушка-1PL магазин-ABL возвращаться-PST и

iŋ ber-enče bul-ɤ-p bez-gä ker-de.
самый один-ORD быть-ST-CONV мы-DAT входить-PST

После этого наша бабушка Файма вернулась из магазина и первым делом [= самое первое будучи] *зашла к нам.*

(17) min kurk-u-ɤm-nan ilwart al-ɤ-p ker-de dip
я бояться-NMN-1SG-ABL Ильварт брать-ST-CONV входить-PST SUB

ät-te-m.
говорить-PST-1SG

Я с испугу сказала, что (меня) привел [= взяв, вошел] *Ильварт.*

(18) äbij-em mine bik ɤrɤš-tɤ xäm baška alaj
бабушка-1SG я.ACC очень ругать-PST и другой так

it-ä-r-gä jar-a-m-a-gan-lɤg-ɤ-n ät-te.
делать-ST-POT-INF подходить-ST-NEG-ST-PFCT-NOMIN-3-OBL.ACC говорить-PST

Моя бабушка меня очень ругала и сказала, что в другой (раз) так делать не годится.

(19) annarɤ ul ilwart jan-ɤ-n-a ker-gän xäm a-nɤ
потом он Ильварт около-3-OBL-DAT входить-PFCT и он-ACC

da ɤrɤš-kan.
EMPH ругать-PFCT

Потом она зашла к Ильварту и его тоже поругала.

(20) šɤ-n-nan sɤŋ bez ilwart belän ɤrɤš-ɤ-š-ɤ-p al-dɤ-k
тот-OBL-ABL после мы Ильварт с ругать-ST-REC-ST-CONV брать-PST-1PL

tik ɤzak-ka tügel.
но долго-DAT не

После этого мы с Ильвартом поругались [= поругавшись, взяли], *но ненадолго.*

(21) bu bez-neŋ ber-enče märtäbä bakča bas-u-ɤbɤz i-de.
этот мы-GEN один-ORD раз сад грабить-NMN-1PL быть-PST

Это было наше первое ограбление сада.

5. Поставь стучалку

Рассказала Разина Нагимова, июль 2000 г.
Записала и разобрала А.Г. Пазельская, июль 2000 г.

(0) šɤk-ɤ kuj-u ujɤn-ɤ
тук-NOMIN ставить-NMN игра-3

Игра «поставь [= поставление] *стучалку»*

(1) bez mäktäp-tä uk-ɤ-gan-da terle ujɤn-nar ujn-ɤj i-de-k.
мы школа-LOC учиться-ST-PFCT-SIM разный игра-PL играть-ST.IPFV AUX1-PST-1PL

Когда мы учились в школе, (мы) играли в разные игры.

(2) mäsäläп, at karag-ɤ, šɤk-ɤ kuj-u ujɤn-ɤ.
например лошадь вор-3 тук-NOMIN ставить-NMN игра-3
Например, игры «конокрад» (и) «поставь стучалку».

(3) ber-wakɤt bez ǯɤj-ɤ-l-dɤ-k ta, kɤz-lar jeget-lär šɤk-ɤ
INDEF-время мы собирать-ST-PASS-PST-1PL EMPH девочка-PL парень-PL тук-NOMIN
kuj-a-r-ga bul-dɤ-k.
ставить-ST-POT-INF AUX2-PST-1PL
Однажды мы собрались, девушки и парни, (и) решили поставить стучалку.

(4) jep beläп šɤrɤp al-dɤ-k ta šɤk-ɤ jas-a-dɤ-k.
нитка с шуруп брать-PST-1PL EMPH тук-NOMIN делать-ST-PST-1PL
Взяли нитку и шуруп и сделали стучалку.

(5) iŋ ber-enče bul-ɤ-p batʲka-lar-ga kuj-a-r-ga ujl-a-dɤ-k.
самый один-ORD быть-ST-CONV Батька-PL-DAT ставить-ST-POT-INF думать-ST-PST-1PL
Первым делом [= самое первое будучи] *решили* [= подумали] *поставить Батьке в дом* [= Батькам].

(6) baš-ta jɤkl-ɤj-lar-mɤ juk-mɤ dip tikšer-e-p čɤk-tɤ-k.
голова-LOC спать-ST.IPFV-PL-Q нет-Q SUB проверять-ST-CONV выходить-PST-1PL
Сначала [= в голове] *проверили* [= проверив вышли]*, спят они или нет.*

(7) a-n-nan sɤŋ jeget-lär šɤk-ɤ-nɤ täräzä-gä el-de-lär.
он-OBL-ABL после парень-PL тук-NOMIN-ACC окно-DAT вешать-PST-PL
После этого парни повесили на окно стучалку.

(8) üz-ebez jɤrak-ka-rak bar-ɤ-p utɤr-dɤ-k ta akrɤn
сам-1PL далеко-DAT-COMP идти-ST-CONV садиться-PST-1PL EMPH медленно
genä šɤkɤld-a-t-a bašl-a-dɤ-k.
FOC стучать-ST-CAUS-ST.IPFV начинать-ST-PST-1PL
Сами подальше [отойдя] *сели и потихоньку* [= медленно] *начали стучать* [= заставлять стучать].

(9) berničä tapkɤr šɤkɤld-a-t-kač batʲka-lar-da ut kab-ɤ-n-dɤ.
несколько раз стучать-ST-CAUS-ANT Батька-PL-LOC свет загораться-ST-DEPAT-PST
Когда несколько раз постучали, у Батьки загорелся свет.

(10) bez terle-bez terle jak-ka čap-tɤ-k.
мы разный-1PL разный сторона-DAT бежать-PST-1PL
Мы [= разные мы] *побежали в разные стороны.*

(11) batʲka-nɤŋ xatɤn-ɤ xamidä bez-ne ɤrɤš-a bašl-a-dɤ.
Батька-GEN жена-3 Хамида мы-ACC ругать-ST.IPFV начинать-ST-PST
Батькина жена Хамида начала нас ругать.

(12) tawɤš-lar išet-e-l-m-i bašl-a-gač jaŋa-dan ber-gä
голос-PL слышать-ST-PASS-NEG-ST.IPFV начинать-ST-ANT новый-ABL один-DAT
ǯɤj-ɤ-l-dɤ-k.
собирать-ST-PASS-PST-1PL
Когда голоса стали не слышны, мы опять собрались вместе.

(13) xäzer kaja bar-a-bɤz dip ujl-a-p utɤr-gan-da, kajsɤ-dɤr
сейчас куда идти-ST.IPFV-1PL SUB думать-ST-CONV сидеть-PFCT-SIM который-DYR

xamidä kil-ä dip kɤčkɤr-dɤ.
Хамида приходить-ST.IPFV SUB кричать-PST

Когда мы раздумывали [= думая сидели]*, куда теперь пойдем, кто-то крикнул: «Хамида идет».*

(14) bez jaŋa-dan čab-ɤ-š-tɤ-k.
мы новый-ABL бежать-ST-REC-PST-1PL

Мы снова разбежались.

(15) min iŋ ber-enče bul-ɤ-p čab-ɤ-p kit-kän i-de-m,
я самый один-ORD быть-ST-CONV бежать-ST-CONV уходить-PFCT AUX1-PST-1SG

iŋ art-ka kal-dɤ-m.
самый зад-DAT оставаться-PST-1SG

Я побежала [= побежав ушла] *самая первая* [будучи]*, (но) оказалась* [= осталась] *самая последняя.*

(16) mine barɤ-sɤ da uz-ɤ-p kit-te.
я.ACC все-3 EMPH обгонять-ST-CONV уходить-PST

Меня все обогнали [= обогнав, ушли].

(17) ilnur jurɤj kač-ɤ-p kal-gan da, bez-ne
Ильнур нарочно прятаться-ST-CONV оставаться-PFCT EMPH мы-ACC

kurk-ɤ-t-ɤ-r ečen kul-ɤ-n-a palka tɤt-ɤ-p bez-neŋ
бояться-ST-CAUS-ST-POT ради рука-3-OBL-DAT палка держать-ST-CONV мы-GEN

art-tan čab-a.
зад-ABL бежать-ST.IPFV

Ильнур нарочно спрятался [= спрятавшись, остался] *и (теперь), чтобы нас напугать, бежал за нами с палкой в руке* [= палку в руку взяв].

(18) minem äl-em bet-te.
я.GEN сила-1SG кончаться-PST

У меня силы кончились.

(19) juk, bütän čab-a al-m-ɤj-m, äj tɤt-sa-lar
нет больше бежать-ST.IPFV брать-NEG-ST.IPFV-1SG так ловить-COND-PL

tɤt-sɤn-nar, di-de-m dä telke-lär turɤ-sɤ-n-a
ловить-JUSS-PL говорить-PST-1SG EMPH Телке-PL напротив-3-OBL-DAT

utɤr-dɤ-m.
садиться-PST-1SG

«Нет, больше не могу бежать; поймают, так поймают [= если так поймают, пусть поймают]*», — сказала я и села (на скамейку) у (дома) Телке.*

(20) ägär mine kɤjn-ɤj bašl-a-sa: min bit šɤk-ɤ
если я.ACC бить-ST.IPFV начинать-ST-COND я ведь тук-NOMIN

kuj-m-a-dɤ-m, min inde mɤ-n-da küptän-nän birle utɤr-a-m,
ставить-NEG-ST-PST-1SG я уже этот-OBL-LOC давно-ABL с сидеть-ST.IPFV-1SG

dip ät-e-r-men, dip ujl-a-p utɤr-gan-da, palka
SUB говорить-ST-POT-1SG SUB думать-ST-CONV сидеть-PFCT-SIM палка

tɤt-ɤ-p kil-ü-če ilnur-nɤ tan-ɤ-p al-dɤ-m.
держать-ST-CONV приходить-NMN-PART Ильнур-ACC узнавать-ST-CONV брать-PST-1SG

Когда я сидела и думала: «Если меня начнут бить, то скажу: “Я [ведь] *вам стучалку не ставила, я уже давно здесь сижу”», — я вдруг узнала* [= узнав, взяла] *Ильнура, подошедшего с палкой* [= палку держа].

(21) ilnur i-kän-e-n bel-gäč šat-l-a-n-ɤ-p
Ильнур быть-PFCT-3-OBL.ACC знать-ANT радостный-VERB-ST-PASS-ST-CONV

kit-te-m.
уходить-PST-1SG

Когда узнала, что (это) Ильнур, я обрадовалась [= обрадовавшись, ушла].

(22) šɤ-n-nan sɤŋ bar-ɤbɤz da mɤrtazin bakča-sɤ-n-a ker-de-k
этот-OBL-ABL после все-1PL EMPH Мортазин сад-3-OBL-DAT входить-PST-1PL

tä, kel-ä–kel-ä šul minut-ta kem närsä
EMPH смеяться-ST.IPFV–смеяться-ST.IPFV этот минута-LOC кто что

kičer-gän-leg-e turɤnda sel-ä-de-k.
переживать-PFCT-NOMIN-3 о говорить-ST-PST-1PL

Потом мы все зашли в сад Мортазина и, смеясь, рассказали о том, кто что пережил в ту минуту.

(23) bez uk-ɤ-gan wakɤt-ta mɤna šɤndɤj ujɤn-nar ujn-ɤj
мы учиться-ST-PFCT время-LOC вот такой игра-PL играть-ST.IPFV

i-de-k.
AUX1-PST-1PL

[Во время,] *когда мы учились, в такие вот игры играли.*

6. Лето

Рассказала Лилия Ирековна Закирова, июль 2000 г.
Записал и разобрал А.Б. Шлуинский, июль 2000 г.

(0) ǯäj
лето

Лето

(1) mɤna tugan jag-ɤm-a ǯäj kil-e-p ǯit-te.
вот родной сторона-1SG-DAT лето приходить-ST-CONV достигать-PST

Вот в мой родной край пришло [= придя, достигло] *лето.*

(2) ǯäj üz eč-e-n-ä ijun$_j$ ijul$_j$ awgust aj-lar-ɤ-n al-a.
лето сам в-3-OBL-DAT июнь июль август месяц-PL-3-OBL.ACC брать-ST.IPFV

Лето включает [= берет] *в себя месяцы июнь, июль и август.*

(3) ʒäj-neŋ räxät-leg-e-n sel-ä-p
лето-GEN наслаждение-NOMIN-3-OBL.ACC говорить-ST-CONV

tɤr-a-sɤ da juk inde.
стоять-ST-OBG EMPH нет уже

О том, как хорошо летом, и не расскажешь [= говоря, стояния нет] [уже].

(4) ken bujɤ kɤjaš kɤz-dɤr-a ä kajber ken-ne
день в.течение солнце накаляться-CAUS-ST.IPFV а некоторый день-ACC

jäšen jäšenn-ä-p, kük kükr-ä-p jaŋgɤr jaw-a.
молния сверкать-ST-CONV гром греметь-ST-CONV дождь падать-ST.IPFV

Целый день светит солнце, а иногда [= некоторые дни] *сверкают молнии, гремит гром и идет дождь.*

(5) bala–čaga su buj-ɤ-n-nan kat$_j$-ɤ-p ta ker-m-i.
детвора вода около-3-OBL-ABL возвращаться-ST-CONV EMPH входить-NEG-ST.IPFV

Дети с речки вообще не приходят [= возвращаясь, не входят].

(6) mɤna tizdän jiläk kürläk elger-e-r.
вот скоро ягода малина поспевать-ST-POT

Вот скоро созреет земляника [= ягода] *и малина.*

(7) urman-nar-ga kil-e-p ker-sä-ŋ, xuš is-lär-dän
лес-PL-DAT приходить-ST-CONV входить-COND-2SG приятный запах-PL-ABL

baš-ɤŋ älän-ä, ä kɤš-lar sajr-a-u-ɤ iskitärlek.
голова-2SG крутиться-ST.IPFV а птица-PL щебетать-ST-NMN-3 удивительный

Если придешь [= придя войдешь] *в лес, от приятных запахов у тебя закружится голова, а пение птиц удивительное.*

(8) šɤ-lar-ga tɤtaš-ɤ-p pečän dä elger-e-r.
этот-PL-DAT соединяться-ST-CONV сено EMPH поспевать-ST-POT

Вслед [= соединяясь] *за ними* {т.е. земляникой и малиной} *поспеет и сено.*

(9) awɤl xalɤg-ɤ-n-a ʒäj bujɤ eš bet-m-i
деревня народ-3-OBL-DAT лето в.течение работа кончаться-NEG-ST.IPFV

baš-ta bäräŋge-se tizdän pečän-e tɤtɤn-ɤ-r.
голова-LOC картошка-3 скоро сено-3 приниматься-ST-POT

У жителей деревни все лето работа не кончается: сначала [= в голове] *картошка, потом* [= скоро] *сено начнется* [= примется].

(10) xär jɤrt-ka ɤlau–ɤlau pečän kat$_j$-a bašl-a-r.
каждый дом-DAT обоз–обоз сено возвращаться-ST.IPFV начинать-ST-POT

В каждый двор принесут много обозов сена [= обозы-обозы сена начнут возвращаться].

(11) šäxär bala-lar-ɤ äbi–baba-lar-ɤ-n-a, tugan-nar-ɤ-n-a
город ребенок-PL-3 бабушка–дедушка-PL-3-OBL-DAT родной-PL-3-OBL-DAT

kunak-ka kat$_j$-tɤ-lar.
гость-DAT возвращаться-PST-PL

Городские дети приехали [= вернулись] *в гости к бабушкам и дедушкам, к родным.*

(12) awɤl kičkɤrɤn mäš kil-e-p tɤr-a.
деревня вечером суета приходить-ST-CONV стоять-ST.IPFV
Вечером деревня суетится [= суета придя, стоит].

(13) kil-äčäk ǯäj-lär dä šɤndɤj keŋelle, matur,
приходить-FUT лето-PL EMPH так весело красивый
bälä–kaza-sɤz gɤna üt-sen!
несчастье-CAR FOC проходить-JUSS
Пусть пройдет и будущее лето [= лета] *так весело, красиво, без бедствий!*

7. Трактор и искра

Рассказала Рамзия Рашитовна Хуснуллина, июль 2000 г.
Записал и разобрал Д.О. Иванов, июль 2000 г.

(0) sugɤš-tan sɤŋ kɤr-da-gɤ ber wakɤjga
война-ABL после поле-LOC-ATR один событие
Один случай в поле после войны

(1) bu äl sugɤš-tan sɤŋ bul-a.
этот случай война-ABL после быть-ST.IPFV
Этот случай был после войны.

(2) ir-lär äle sugɤš-tan kat$_j$-m-a-gan.
мужчина-PL еще война-ABL возвращаться-NEG-ST-PFCT
Мужики еще не вернулись с войны.

(3) xatɤn-kɤz-lar gɤna kɤr-da traktɤrčɤ bul-ɤ-p
женщина-девочка-PL FOC поле-LOC тракторист быть-ST-CONV
ešl-i-lär, ä a-lar-ga jäš jeget-lär bul-ɤ-š-a-lar.
работать-ST.IPFV-PL а он-PL-DAT молодой парень-PL быть-ST-REC-ST.IPFV-PL
В поле трактористами [будучи] *работали только женщины* [= женщины-девочки]*, а помогали им молодые парни.*

(4) xadičä apa belän zäjtünä apa xäm paškɤ kušamat-lɤ
Хадича тетя с Зайтуна тетя и Пашка прозвище-ATR
ber jeget a-lar-ga bul-ɤ-š-ɤ-p traktɤr-da ešl-i-lär.
один парень он-PL-DAT быть-ST-REC-ST-CONV трактор-LOC работать-ST.IPFV-PL
Зайтуна-апа и Хадича-апа, а также один парень по прозвищу Пашка, который им помогал [= им помогая]*, работали на тракторе.*

(5) ešl-i–ešl-i traktɤr-lar-ɤ sün-ä.
работать-ST.IPFV–работать-ST.IPFV трактор-PL-3 гаснуть-ST.IPFV
Их трактор работал-работал, и заглох.

(6) paškɤ a-lar-dan: zäjtünä apa, nišl-ä-p bez-neŋ traktɤr
Пашка он-PL-ABL Зайтуна тетя что.делать-ST-CONV мы-GEN трактор

sün-de? dip sɤr-ɤj.
гаснуть-PST SUB спрашивать-ST.IPFV

Пашка у них спросил: «Зайтуна-апа, почему [= что сделав] *у нас заглох трактор?»*

(7) iskɤra-sɤ juk traktɤr-nɤŋ, dip anar-ga zäjtünä apa ǯawap bir-ä.
искра-3 нет трактор-GEN SUB он.OBL-DAT Зайтуна тетя ответ давать-ST.IPFV

«Нет искры у трактора», — ответила ему Зайтуна-апа.

(8) kaja kit-tɤ i-kän sɤŋ bu iskɤra? dip ät-ä paškɤ.
куда уходить-PST AUX1-PFCT же этот искра SUB говорить-ST.IPFV Пашка

«Куда же подевалась эта искра?» — сказал Пашка.

(9) bel-m-i-m šul, ällä teš-e-p kal-gan inde,
знать-NEG-ST.IPFV-1SG этот может.быть спускаться-ST-CONV оставаться-PFCT уже

di-lär.
говорить.IPFV-PL

«Не знаю [этого]*, может быть,* [уже] *потерялась* [= спустившись осталась]*», — сказали (они).*

(10) jar-a-r atu, min iskɤra-nɤ ezl-ä-p kit-i-m äle kɤr
подходить-ST-POT ну я искра-ACC искать-ST-CONV уходить-HORT-1SG еще поле

bujlap, dip paškɤ burazna bujlap iskɤra ezl-ä-p kit-ä.
по SUB Пашка борозда по искра искать-ST-CONV уходить-ST.IPFV

«Ну ладно, пойду-ка я поищу искру [еще] *по полю», — сказал Пашка и пошел по борозде искать искру* [= ища, ушел].

(11) xadičä apa belän zäjtünä apa anar-dan eč-lär-e kat-kan-čɤ
Хадича тетя с Зайтуна тетя он.OBL-ABL желудок-PL-3 твердеть-PFCT-POST

kel-ä-lär.
смеяться-ST.IPFV-PL

Зайтуна-апа и Хадича-апа смеялись над ним до колик [= пока желудки не отвердели].

(12) beraz wakɤt üt-ä paškɤ küp kɤr-nɤ äläп-e-p
немного время проходить-ST.IPFV Пашка много поле-ACC крутиться-ST-CONV

kil-ä.
приходить-ST.IPFV

Прошло немного времени, (и) пришел Пашка, обойдя [= сделав круг] *большую часть* [= много] *поля.*

(13) paškɤ kil-gäč, anar-dan: tap-tɤ-ŋ-mɤ, paškɤ, iskɤra-nɤ?
Пашка приходить-ANT он.OBL-ABL находить-PST-2SG-Q Пашка искра-ACC

dip sɤr-ɤj-lar.
SUB спрашивать-ST.IPFV-PL

Когда Пашка пришел, (они) у него спросили: «Нашел, Пашка, искру?»

(14) beten kɤr-nɤ bet-e-r-de-m, ber ǯir-dä dä juk bit,
весь поле-ACC кончаться-ST-CAUS-PST-1SG один земля-LOC EMPH нет ведь

dip a-lar-ga paškɤ kɤjusɤzlan-ɤ-p kɤna äjt-ä.
SUB он-PL-DAT Пашка робеть-ST-CONV FOC говорить-ST.IPFV

«Я обошел [= закончил] *все поле — нигде* [= и на одной земле] [ведь] *нет», — робко* [= оробев,] *сказал им Пашка.*

(15) šɤ-n-nan inde paškɤ-nɤŋ, menä bu jeget keše bul-ɤ-p, traktɤr
этот-OBL-ABL уже Пашка-GEN вот этот парень человек быть-ST-CONV трактор

ser-e-n dä bel-m-ä-ü-e-n-nän
тайна-3-OBL.ACC EMPH знать-NEG-ST-NMN-3-OBL-ABL

tagɤ ečäüläp kel-ä-lär.
опять втроем смеяться-ST.IPFV-PL

Потом уже они втроем [опять] *смеялись над тем, что Пашка, будучи мужчиной* [= вот этим мужским человеком]*, не знал, как работает трактор* [= тайну трактора].

8. Сенокос

Рассказала Ландыш Шагитовна Галимова, июль 1999 г.
Записал Д.О. Иванов, июль 1999 г.
Разобрал С.Г. Татевосов, июль 1999 г.

(0) pečän est-e
сено пора-3

Сенокос [= пора сена]

(1) ǯäj ken-e.
лето день-3

Летний день.

(2) awɤl-da pečän čab-a-r-ga wakɤt ǯit-ä.
деревня-LOC сено косить-ST-POT-INF время достигать-ST.IPFV

В деревне пришло [= достигло] *время косить сено.*

(3) xisam sufijä-se-neŋ zaprafkɤ-da ešl-i tɤr-gan čag-ɤ.
Хисам Суфия-3-GEN заправка-LOC работать-ST.IPFV стоять-PFCT пора-3

(Пришла) очередь Суфии Хисамовой работать [= работая, стоять] *на заправке.*

(4) niček pečän čab-a-r-ga bar-ɤj-m? dip
как сено косить-ST-POT-INF идти-HORT-1SG SUB

kajgɤr-ɤ-p tɤr-gan-da, šadra fäüzijä: tenä amu: kelänče
горевать-ST-CONV стоять-PFCT-SIM Рябая Фаузия вчера Аму Келянче

urman-ɤ-n-a mataj belän bar-a-m, di-gän i-de.
лес-3-OBL-DAT мотоцикл с идти-ST.IPFV-1SG говорить-PFCT AUX1-PST

«Как бы мне пойти косить сено?» — горевала [когда, горюя, стояла] *(Суфия), (а) Шадра Фаузия (говорит): «Вчера Аму говорил: “Поеду* [= пойду] *на мотоцикле в лес Келянче.”*

(5) jul-ga čɤk-sa-ŋ irtük anar-ga da iptäš
дорога-DAT выходить-COND-2SG рано он.OBL-DAT EMPH товарищ

bul-ɤ-r-sɤŋ, kurkɤnɤč ta bul-m-a-s.
быть-ST-POT-2SG опасный EMPH быть-NEG-ST-POT
Если на дорогу выйдешь рано, [и] *составишь ему компанию* [= будешь товарищем]*, и будет безопасно* [= опасно не будет].

(6) alajsa kaban duŋgɤz-lar-ɤ kür-e-n-ä di.
тогда кабан свинья-PL-3 видеть-ST-DEPAT-ST.IPFV говорить.IPFV
А то, говорят, (там) встречаются [= видятся] *дикие кабаны* [= кабаньи свиньи]*».*

(7) šulaj it-e-p sufijä apa irtä jul-ga čɤg-a da
так делать-ST-CONV Суфия тетя утро дорога-DAT выходить-ST.IPFV EMPH

ket-ä–ket-ä amu-nɤ, urman jan-ɤ-n-a bar-ɤ-p
ждать-ST.IPFV–ждать-ST.IPFV Аму-ACC лес около-3-OBL-DAT идти-ST-CONV

ǯit-kän-e-ne siz-m-i dä kal-a.
достигать-PFCT-3-OBL.ACC чувствовать-NEG-ST.IPFV EMPH оставаться-ST.IPFV
И вот [= так сделав] *Суфия-апа вышла утром на дорогу* [= на утреннюю дорогу]*, ждала-ждала Аму и не заметила* [= не почувствовав, осталась]*, как дошла* [= идя, достигла] *до леса.*

(8) kurk-sa da čalgɤ-sɤ-n kajr-ɤj da pečän
бояться-COND EMPH коса-3-OBL.ACC точить-ST.IPFV EMPH сено

čab-a-r-ga kereš-ä.
косить-ST-POT-INF начинать-ST.IPFV
Хоть и побаивалась, (она) наточила свою косу и начала косить сено.

(9) üz-e-n-nän jɤrak tügel francus rafail-e-neŋ pečän
сам-3-OBL-ABL далекий не Француз Рафаил-3-GEN сено

čap-kan-ɤ-n kür-gäč, šatlan-ɤ-p kit-ä.
косить-PFCT-3-OBL.ACC видеть-ANT радоваться-ST-CONV уходить-ST.IPFV
(А) когда увидела, что недалеко от нее Рафаил-француз косит сено, она обрадовалась [= радуясь, ушла].

(10) irtän-ge kɤš-lar sajr-a-u-ɤ-n tɤŋn-a-p pečän
утром-ATR птица-PL щебетать-ST-NMN-3-OBL.ACC слушать-ST-CONV сено

čap-kan-da ber tawɤš išet-ä.
косить-PFCT-SIM один звук слышать-ST.IPFV
Когда она, слушая щебетание утренних птиц, косила сено, услышала какой-то [= один] *звук.*

(11) šɤmnan-a, kurk-ɤ-p kit-ä, kaban duŋgɤz-ɤ-nɤŋ
тревожиться-ST.IPFV бояться-ST-CONV уходить-ST.IPFV кабан свинья-3-GEN

tawɤš-ɤ čɤg-a, tagɤn katɤ-rak kabatl-a-n-a tawɤš.
звук-3 выходить-ST.IPFV снова громкий-COMP повторять-ST-PASS-ST.IPFV звук
(Суфия) насторожилась и испугалась [= пугаясь, ушла]*: прозвучал производимый кабаном звук* [= вышел звук кабана]*, (а потом) звук повторился снова, (еще) громче.*

(12) šɤ-n-nan sufijä apa čalgɤ-sɤ-n bär-ä dä, al-nɤ art-nɤ
этот-OBL-ABL Суфия тетя коса-3-OBL.ACC бросать-ST.IPFV EMPH перед-ACC зад-ACC

kar-a-m-ɤj-ča, francus rafail-e jan-ɤ-n-a čab-a.
смотреть-ST-NEG-ST-CONV Француз Рафаил-3 около-3-OBL-DAT бежать-ST.IPFV

Тогда Суфия-апа бросила косу, и, не глядя (ни) вперед, (ни) назад, побежала к Рафаилу-французу.

(13) rafail, rafail, a-n-da kaban duŋgɤz-ɤ, di.
Рафаил Рафаил он-OBL-LOC кабан свинья-3 говорить

«Рафаил, Рафаил, там кабан!» — говорит.

(14) rafail čalgɤ-sɤ-n al-ɤ-p sufijä kil-gän jak-ka
Рафаил коса-3-OBL.ACC брать-ST-CONV Суфия приходить-PFCT сторона-DAT

kar-a-sa — awɤz-ɤ-n jɤr-ɤ-p šarkɤld-a-p
смотреть-ST-COND рот-3-OBL.ACC рыть-ST-CONV хохотать-ST-CONV

kel-e-p amu kil-e-p čɤg-a.
смеяться-ST-CONV Аму приходить-ST-CONV выходить-ST.IPFV

Рафаил взял свою косу и [если] *посмотрел в сторону, откуда пришла Суфия, — (а оттуда,) улыбаясь во весь рот* [= разрывая рот]*, хохоча и смеясь,* [придя] *вышел Аму.*

(15) sufijä apa bik kurk-kan bul-a, tel-sez kal-a.
Суфия тетя очень бояться-PFCT AUX2-ST.IPFV язык-CAR оставаться-ST.IPFV

Суфия-апа очень испугалась, (аж) онемела [= осталась без языка].

(16) amu-nɤ ɤrɤš-ɤ-r-lɤk rät-e kal-m-ɤj.
Аму-ACC ругать-ST-POT-NOMIN возможность-3 оставаться-NEG-ST.IPFV

У нее не осталось сил, чтобы ругать Аму.

(17) ä amu taŋ-nan uk kil-e-p pečän čab-a-r-ga
а Аму рассвет-ABL же приходить-ST-CONV сено косить-ST-POT-INF

tɤtɤn-gan bul-a.
приниматься-PFCT AUX2-ST.IPFV

А Аму-то с рассвета пришел и принялся косить сено.

(18) äxisam sufija-sɤ-nɤŋ jalgɤz urman-ga šɤ-n-nan
а Хисам Суфия-3-GEN одинокий лес-DAT этот-OBL-ABL

birle bar-gan-ɤ juk di.
с идти-PFCT-3 нет говорить.IPFV

А Суфия Хисамова, говорят, с тех (пор) в лес одна не ходила [= одиноких походов не было].

9. Женитьба

Рассказала Ландыш Шагитовна Галимова, июль 1999 г.
Записала Н.А. Антонова, июль 1999 г.
Разобрали Н.А. Антонова и С.Г. Татевосов, июль 1999 г.

(1) bez bala wakɤt-ta awɤl-da kɤtan maksum-ɤ di-gän
мы ребенок время-LOC деревня-LOC Кытан Максум-3 говорить-PFCT

ber jeget bar i-de.
один парень быть AUX1-PST

Когда мы были маленькими, в деревне был один парень по кличке Кытан Максум.

(2) a-nɤŋ gäüdä-se kečkenä ajak-lar-ɤ kɤska i-de.
он-GEN туловище-3 маленький нога-PL-3 короткий быть-PST

Рост [= тело] *у него (был) невысокий, (а) ноги были короткие.*

(3) berničä kɤz art-ɤ-n-nan bar-sa da ber-se dä
несколько девочка за-3-OBL-ABL идти-COND EMPH один-3 EMPH

jer-m-i i-de.
ходить-NEG-ST.IPFV AUX1-PST

Хоть он и ухаживал [= ходил] *за несколькими девочками, ни одна (с ним) не ходила.*

(4) šɤ-n-nan sɤŋ awɤl-nɤŋ pretsedatel-e abzunijä apa belän
этот-OBL-ABL после деревня-GEN председатель-3 Абзуния тетя вместе

kara marjam ber kɤz tab-a-lar da
Кара Марьям один девочка находить-ST.IPFV-PL EMPH

mɤnar-ga dimn-i-lär.
этот.OBL-DAT сватать-ST.IPFV-PL

И тогда [= после этого] *председательница деревни Абзуния-апа и Кара Марьям нашли одну девушку и засватали ему.*

(5) kɤz-nɤŋ ätä-lär-e bel-m-i.
девочка-GEN отец-PL-3 знать-NEG-ST.IPFV

Родители [= отцы] *девушки не знали (об этом).*

(6) sajmä belän maksum-nɤ bikäč-kä jap-kač, a-lar-nɤŋ tɤŋ-ɤ-n
Сайма с Максум-ACC новобрачный-DAT запирать-ANT он-PL-GEN шорох-3-OBL.ACC

tɤŋn-a-r-ga täräzä teb-e-n-ä bar-gɤ-lar-ɤ kel-i.
слушать-ST-POT-INF окно под-ST-OBL-DAT идти-ATR-PL-3 хотеть-ST.IPFV

Когда Сайму и Максума закрыли в доме на первую брачную ночь [= в новобрачную], *им* {т.е. Кара Марьям и Абзуния-апа} *захотелось пойти послушать* [их шорох] *под окном.*

(7) xäm pärdä-ne kɤr-gan bul-sa da sajma-nɤŋ
и занавеска-ACC закрывать-PFCT AUX2-COND EMPH Сайма-GEN

šat-lɤk-lɤ tawɤš-ɤ išet-e-l-ä.
радостный-NOMIN-ATR голос-3 слышать-ST-PASS-ST.IPFV

Хотя занавеска и была закрыта, радостный голос Саймы было слышно.

(8) ufa – čiläbe, peš-ä kura ǯiläg-e.
Уфа Челябинск зреть-ST.IPFV малина ягода-3

Уфа — Челябинск, поспела малина-ягода. {Строка припева популярной народной песенки; здесь обозначает пропуск или умолчание о нескольких событиях нарратива и переход к следующему его сегменту.}

(9) menä šulaj it-e-p tɤr-ɤ-p kit-ä-lär xäm
вот так делать-ST-CONV стоять-ST-CONV уходить-ST.IPFV-PL и

bik matur tɤrmɤš kɤr-ɤ-p dürt bala
очень красивый жизнь создавать-ST-CONV четыре ребенок

üs-ter-ä-lär a-lar.
расти-CAUS-ST.IPFV-PL он-PL

И вот таким образом [= так сделав] *они начали* [= встав, ушли] *(жить) и, прожив очень красивую жизнь, вырастили четверых детей.*

10. Неудачная женитьба

Рассказала Ландыш Шагитовна Галимова, июль 1999 г.
Записал П.К. Воляк, июль 1999 г.
Разобрала Е.А. Лютикова, июль 1999 г.

(0) ejlän-ü
жениться-NMN
Женитьба

(1) bez-neŋ kürše-dä kapitan äxät di-gän jeget bar.
мы-GEN сосед-LOC капитан Ахат говорить-PFCT парень быть

У нас по соседству есть парень по прозванию капитан Ахат.

(2) a-nɤŋ gadänijä di-gän kɤz-ga küz-e teš-ä
он-GEN Гадания говорить-PFCT девочка-DAT глаз-3 спускаться-ST.IPFV

dä ɤrl-a-p kat$_j$-ɤ-r-ga ǯɤj-ɤ-n-a.
EMPH красть-ST-CONV возвращаться-ST-POT-INF собирать-ST-DEPAT-ST.IPFV

Ему понравилась [= его глаз упал] *девушка по имени Гадания, и он собрался ее украсть* [= украв, вернуться].

(3) kičkɤrɤn klup-tan čɤk-kan-da ike jeget eläk-ter-ä-lär dä
вечером клуб-ABL выходить-PFCT-LOC два парень попадаться-CAUS-ST.IPFV-PL EMPH

at-ka tun belän kapl-a-p sal-a-lar.
лошадь-DAT шуба с укрывать-ST-CONV класть-ST.IPFV-PL

Под вечер, когда (все) выходили из клуба, два парня поймали (ее) и, укрыв шубой, положили на лошадь.

(4) kürše-lär-gä a-p kajt-a-lar da nik$_j$ax
сосед-PL-DAT брать-CONV возвращаться-ST.IPFV-PL EMPH никах

uk-ɤ-t-mak-čɤ bul-a-lar, tik kɤz bülmä-dän
читать-ST-CAUS-DESID-PART быть-ST.IPFV-PL но девочка комната-ABL

pɤčak al-a da: kem jan-ɤm-a kil-ä,
нож брать-ST.IPFV EMPH кто около-1SG-DAT приходить-ST.IPFV

suj-a-m, di.
резать-ST.IPFV-1SG говорить.IPFV

(Ее) привезли [= взяв, вернулись] *к соседям и собрались прочитать никах* {т.е. совершить брачный обряд}*, но девушка схватила из кухни нож и сказала: «Кто ко мне подойдет, зарежу!»*

(5) šɤ-n-nan sɤŋ ätä-lär-e kil-e-p a-p kit-ä-lär
этот-OBL-ABL после отец-PL-3 приходить-ST-CONV брать-CONV уходить-ST.IPFV-PL

kɤz-nɤ.
девочка-ACC

После этого ее родители, придя, забрали [= взяв, ушли] *девушку.*

(6) ä kürše äbi: kapitan xätle kapitan-ga čɤk-m-a-gač,
а сосед бабушка капитан даже капитан-DAT выходить-NEG-ST-ANT

kem kiräk i-kän anar-ga? di.
кто быть.нужным быть-PFCT он.OBL-DAT говорить.IPFV

А соседская бабушка сказала: «Если за капитана, даже за капитана не вышла, кто же ей нужен?»

(7) ä kɤz-ɤ ät-ä äbi-neŋ: äni, ul bit kɤrɤ
а девочка-3 говорить-ST.IPFV бабушка-GEN мама он ведь сухой

žir kapitan-ɤ gɤna! di.
земля капитан-3 FOC говорить.IPFV

А бабушкина дочка сказала: «Мама, он ведь сухопутный [= только сухой земли] *капитан!»*

11. Заткни трубу!

Рассказала Ландыш Шагитовна Галимова, июль 1999 г.
Записала и разобрала Е.А. Лютикова, июль 1999 г.

(0) ešer-ü mɤrža-nɤ!
затыкать-NMN труба-ACC

Заткни трубу!

(1) minem kilen-em bez-gä mamadɤš jagɤn-nan teš-te.
я.GEN сноха-1SG мы-DAT Мамадыш край-ABL спускаться-PST

Моя сноха приехала [= упала[1]] *к нам из Мамадышского района.*

(2) šulaj ber ken-ne pič jak-kač, kɤz-ɤm, mɤrža-nɤ tɤk äle,
так один день-ACC печь топить-ANT девочка-1SG труба-ACC затыкать.IMP же

di-de-m.
говорить-PST-1SG

[Так] *однажды, когда истопили печь, я сказала: «Дочь, заткни-ка трубу* {т.е. закрой дымоход}*».*

(3) närsä tɤg-ɤj-m, kaja tɤg-ɤj-m? di.
что затыкать-HORT-1SG куда затыкать-HORT-1SG говорить.IPFV

«Что затыкать [= пусть заткну]*, куда затыкать* [= пусть заткну]*?» — говорит.*

[1] Устойчивое выражение; говорится, по-видимому, только про женщину, вышедшую замуж в другой район.

(4) annarɤ min kür-sät-te-m.
потом я видеть-CAUS-PST-1SG

Потом я показала.

(5) bez-gä bit mɤrǯa-nɤ ešer-ü[2] dip ät-ä-lär, di.
мы-DAT ведь труба-ACC совокупляться-NMN SUB говорить-ST.IPFV-PL говорить.IPFV

«У нас ведь “трахни трубу” говорят»,— сказала (невестка).

12. Овечка

Рассказала Ландыш Шагитовна Галимова, июль 1999 г.
Записал П.К. Воляк, июль 1999 г.
Разобрал К.И. Казенин, июль 1999 г.

(1) awɤl-nɤŋ kara marjam-ɤ xär jɤl-nɤ uborka
село-GEN Черная Марьям-3 каждый год-ACC уборка

wakɤt-ɤ-n-da zawtuk i-de.
время-3-OBL-LOC заведующий.током быть-PST

Кара Марьям из (нашего) села каждый год во время уборки была заведующей током.

(2) ber ken-ne a-nɤŋ eč-e bɤr-a bašl-ɤj.
один день-ACC он-GEN живот-3 воротить-ST.IPFV начинать-ST.IPFV

Однажды у нее начало воротить живот.

(3) ubornɤj-ga bar-sa, keše bar, šɤ-n-nan kit-te
уборная-DAT идти-COND человек быть этот-OBL-ABL уходить-PST

kelät-lär art-ɤ-n-a.
амбар-PL за-3-OBL-DAT

Пошла в уборную — (там) кто-то [= человек] *есть, тогда пошла за амбары.*

(4) ä a-nɤŋ kaja kit-kän-e-n pränkä rafig-ɤ
а он-GEN куда уходить-PFCT-3-OBL.ACC Пряник Рафик-3

kür-e-p kal-a.
видеть-ST-CONV оставаться-ST.IPFV

А Рафик-пряник видел [= увидев, остался]*, куда она пошла.*

(5) šɤ-n-nan bu: azat, bar äle, änä tege-n-dä
этот-OBL-ABL этот Азат идти.IMP же вон тот-OBL-LOC

ber sarɤk bäränn-i al-m-ɤj, it-m-ä-sä
один овца ягниться-ST.IPFV брать-NEG-ST.IPFV делать-NEG-ST-COND

suj-a-r-sɤn, jep tä al-ɤ-p bar, di.
резать-ST-POT-2SG веревка EMPH брать-ST-CONV идти.IMP говорить.IPFV

Тогда он сказал: «Азат, пойди-ка, вон там одна овечка не может поягниться, если что [= если не сделает] *— зарежешь, и веревку возьми* [= взяв, иди]*».*

[2] Этот глагол в литературном языке имеет значение ‘затыкать, задвигать’; в данной местности – ‘совокупляться’ <кто: NOM; с кем: ACC>.

(6) azat čab-a-čab-a pɤčak, jep al-ɤ-p
Азат бежать-ST-бежать-ST нож веревка брать-ST-CONV

ašɤg-a–ašɤg-a elger-i-m dip kil-ä.
торопиться-ST.IPFV–торопиться-ST.IPFV успевать-HORT-1SG SUB приходить-ST.IPFV

Азат пошел бегом, торопясь, чтобы успеть, , взяв нож и веревку.

(7) kar-a-sa marjam apa üz eš-e belän
смотреть-ST-COND Марьям тетя сам дело-3 с

azaplan-a, ä pränkä rafig-ɤ kɤtɤr–kɤtɤr
мучиться-ST.IPFV а Пряник Рафик-3 гы–гы

kel-ä, bäränn-ä-de-me sarɤk, di.
смеяться-ST.IPFV ягниться-ST-PST-Q овца говорить.IPFV

Смотрит — Марьям-апа там мучается со своим делом, а Рафик-пряник смеется, «гы-гы-гы», и говорит: «Поягнилась овечка?»

Сказки

13. Падчерица

Рассказала Венера Толгатовна Галиуллина, июль 2000 г.
Записал П.К. Воляк, июль 2000 г.
Разобрали П.К. Воляк, А.Э. Измайлова, М.М. Богданкевич, Д.О. Иванов, июль 2000 г.

(0) ügi kɤz
чужой девочка

Падчерица [= чужая дочь]

(1) bɤrɤn-bɤrɤn zaman-da, äle sin dä tu-m-a-gan-da,
встарь-встарь время-LOC еще ты EMPH рождаться-NEG-ST-PFCT-SIM

äle min dä tu-m-a-gan-da, äbi-baba-ŋ da
еще я EMPH рождаться-NEG-ST-PFCT-SIM бабушка-дедушка-2SG EMPH

bul-m-a-gan-da tiräse kara urman-nar, basu–kɤr-lar
быть-NEG-ST-PFCT-SIM вокруг черный лес-PL пашня–поле-PL

belän äländer-e-p al-ɤ-n-gan ber awɤl-da ber
с окружать-ST-CONV брать-ST-PASS-PFCT один деревня-LOC один

semja jäš-ä-gän.
семья жить-ST-PFCT

В давнее-давнее время, когда и ты еще не родился, когда и я еще не родился, когда и бабушки с дедушкой твоих не было, в одной деревне, окруженной [= окружив, взятой] *полями и черными лесами, жила одна семья.*

(2) a-lar-nɤŋ ber-dän ber kɤz-lar-ɤ bul-gan.
он-PL-GEN один-ABL один девочка-PL-3 быть-PFCT

У них была единственная [= из одной одна] *дочь.*

(3) aj üs-ä-sen ken üs-e-p kɤz un–ike – un–eč jäš-kä
месяц расти-ST-JUSS день расти-ST-CONV девочка десять–два десять–три возраст-DAT

jit-kän.
достигать-PFCT

Не по дням, а по часам росла [= вместо того чтобы расти по месяцу, по дню вырастая], *(и) достигла возраста 12 – 13 лет.*

(4) ul čig-ä-r-gä, bäjl-ä-r-gä, teg-ä-r-gä jarat-kan,
он вышивать-ST-POT-INF вязать-ST-POT-INF шить-ST-POT-INF любить-PFCT

bik uŋgan bulgan kɤz bul-a, kul-ɤ-n-nan
очень умелый способный девочка быть-ST.IPFV рука-3-OBL-ABL

beten eš tä kil-gän.
весь работа EMPH приходить-PFCT

Она любила вышивать, вязать, шить, была очень умелой и способной девушкой, у нее работа (так) и спорилась [= из рук приходила].

(5) ätä-änä-se šatlan-ɤ-p bet-ä al-m-a-gan-nar,
отец-мать-3 радоваться-ST-CONV кончаться-ST.IPFV брать-NEG-ST-PFCT-PL

kɤz-lar-ɤ belän gɤrurlan-a tɤr-gan bul-gan-nar.
девочка-PL-3 с гордиться-ST.IPFV стоять-PFCT AUX2-PFCT-PL

Родители не могли нарадоваться [= радуясь, закончить], *они гордились* [= гордясь, стояли] *своей дочкой.*

(6) ket-m-ä-gän-dä ujl-a-m-a-gan-da
ждать-NEG-ST-PFCT-SIM думать-ST-NEG-ST-PFCT-SIM

änä-lär-e ül-e-p kit-te.
мать-PL-3 умирать-ST-CONV уходить-PST

Нежданно-негаданно [= когда не ждали, когда не думали] *у них умерла* [= умерев, ушла] *мать.*

(7) äti keše ü-gä jaŋa äni al-ɤ-p kat$_j$-a.
папа человек дом-DAT новый мама брать-ST-CONV возвращаться-ST.IPFV

(Тогда) отец [= отчий человек] *взял* [= взяв, вернулся] *в дом новую мать.*

(8) ul xatɤn-nɤŋ jämsez genä ber kɤz-ɤ bul-a,
этот женщина-GEN некрасивый FOC один девочка-3 быть-ST.IPFV

bernärsä dä ešl-i bel-m-i xätta čäč-e-n
ничего EMPH работать-ST.IPFV знать-NEG-ST.IPFV даже волос-3-OBL.ACC

dä änä-se-n-nän ür-der-ä.
EMPH мать-3-OBL-ABL плести-CAUS-ST.IPFV

У этой женщины была только некрасивая [одна] *дочь, (которая) делать ничего не умела* [= работая, не знала], *даже и волосы ей мать заплетала.*

(9) ügi kɤz-nɤŋ uŋgan-lɤg-ɤ-n-nan kennäš-e-p ügi änä
чужой девочка-GEN умелый-NOMIN-3-OBL-ABL завидовать-ST-CONV чужой мать

ir-e-n-ä, bar, küz-em-ä kür-sät-m-ä
мужчина-3-OBL-DAT идти.IMP глаз-1SG-DAT видеть-CAUS-NEG-ST.IMP

kɤz-ɤŋ-nɤ tel-ä-sä kaja it-e-p ɤlak-tɤr,
девочка-2SG-ACC хотеть-ST-COND куда делать-ST-CONV пропадать-CAUS.IMP

di-p gel jan-ɤ-n kɤjn-a-p tɤr-a.
говорить-CONV всегда бок-3-OBL.ACC бить-ST-CONV стоять-ST.IPFV

Завидуя умелости падчерицы, мачеха всегда терзала [= избивая, стояла] *душу* [= бок] *своему мужу, говоря: «Иди, сделай так, чтобы глаза мои больше не видели твою дочь, отведи* [сделав] *ее куда хочешь (и) дай пропасть».*

(10) äti kešе-gä bu süz-lär-ne išet-ü bik awɤr bul-sa
папа человек-DAT этот слово-PL-ACC слышать-NMN очень трудно быть-COND

da, nišl-i-seŋ bit, xatɤn süz-e zakon, kɤz-ɤ-n
EMPH что.делать-ST.IPFV-2SG ведь жена слово-3 закон девочка-3-OBL.ACC

adaš-tɤr-ɤ-r-ga ujl-ɤj.
заблудиться-CAUS-ST-POT-INF думать-ST.IPFV

Хотя отцу было очень тяжело слышать эти слова, но что поделаешь: слово жены — закон, и решил он избавиться от девочки [= заблудить девочку].

(11) ǯäj-ge matur ber irtä-dä kɤz-ɤ-n-a kärzin
лето-ATR красивый один утро-LOC девочка-3-OBL-DAT корзина

tɤt-tɤr-a da urman-ga kit-ä-lär bu-lar at belän.
держать-CAUS-ST.IPFV EMPH лес-DAT уходить-ST.IPFV-PL этот-PL конь с

Одним прекрасным летним утром (он) дал дочке корзину, и они отправились в лес на коне.

(12) kil-e-p ǯit-ä-lär ätä-se at-ɤ-n agač-ka
приходить-ST-CONV достигать-ST.IPFV-PL отец-3 конь-3-OBL.ACC дерево-DAT

bäjl-ä-p kuj-a da urman ečen-dä-ge
вязать-ST-CONV ставить-ST.IPFV EMPH лес внутри-LOC-ATR

alan-ga ker-e-p kit-ä-lär.
поляна-DAT входить-ST-CONV уходить-ST.IPFV-PL

Приехали [= придя, достигли]*, отец привязал* [= привязав, поставил] *коня к дереву, и (они) зашли* [= войдя, ушли] *на поляну, (находившуюся) среди леса.*

(13) kɤz-ɤm, sin ǯiläk ǯɤj, ä min utɤn kis-ä-m,
девочка-1SG ты ягода собирать.IMP а я дрова рубить-ST.IPFV-1SG

di-gän.
говорить-PFCT

(И) сказал: «Дочь моя, ты собирай ягоды, а я буду рубить [= рублю] *дрова.*

(14) kurk-m-a, balta tawɤš-ɤ išet-e-l-e-p
бояться-NEG-ST.IMP топор звук-3 слышать-ST-PASS-ST-CONV

tɤr-sa mine šɤnda dip ujl-a.
стоять-COND я.ACC здесь SUB думать-ST.IMP

Не бойся, пока слышатся [= слышась, стоят] *удары топора, знай* [= думай]*, что я здесь».*

(15) kɤz tɤrɤš-a–tɤrɤš-a ǯiläk ǯɤj-a-r-ga
девочка стараться-ST.IPFV–стараться-ST.IPFV ягода собирать-ST-POT-INF

kereš-ä, ä ätä-se eč-kä-räk ker-ä dä, šɤkɤldawɤk
начинать-ST.IPFV а отец-3 в-DAT-COMP входить-ST.IPFV EMPH трещотка

jas-ɤj, a-nɤ agač-ka bäjl-ä-p kuj-a i ul ǯil
делать-ST.IPFV он-ACC дерево-DAT вязать-ST-CONV ставить-ST.IPFV и он ветер

is-kän sajɤn balta čap-kan tawɤš čɤg-a-r-a
дуть-PFCT каждый.раз топор рубить-PFCT звук выходить-ST-CAUS-ST.IPFV

tɤr-gan bul-a.
стоять-PFCT AUX2-ST.IPFV

Девочка старательно [= стараясь-стараясь] *принялась собирать ягоды, а отец ушел глубже и сделал трещотку, привязал* [= привязав, поставил] *ее на дерево, и каждый раз, когда дул ветер, она издавала* [= выводила] *звук рубящего топора* [= топор рубящий звук].

(16) ǯɤj-ɤ-n-a da tiz genä, at-ɤ-n-a
собирать-ST-DEPAT-ST.IPFV EMPH быстро FOC конь-3-OBL-DAT

utɤr-ɤ-p kat$_j$-i-p kit-ä.
садиться-ST-CONV возвращаться-ST-CONV уходить-ST.IPFV.

(Отец) очень быстро собрался и, сев на коня, уехал [= возвращаясь, ушел].

(17) kɤz ǯɤj-a da ǯɤj-a, kärzin-e dä
девочка собирать-ST.IPFV EMPH собирать-ST.IPFV корзина-3 EMPH

tul-a, jawlɤk-ka da ǯɤj-a.
наполняться-ST.IPFV платок-DAT EMPH собирать-ST.IPFV

Девочка собирала и собирала, и корзина наполнилась; и (стала) собирать в платок.

(18) äj, äti xaman utɤn kis-ä i-kän äle,
эй папа все.еще дрова рубить-ST.IPFV AUX1-PFCT еще

di-p tagɤn ǯɤj-u-ɤ-n däwam it-ä.
говорить-CONV снова собирать-NMN-3-OBL.ACC продолжение делать-ST.IPFV

«Ага, я вижу, папа все еще рубит дрова [еще]*»,* — [сказав,] *(и) продолжала* [= продолжение сделала] *снова собирать.*

(19) kič ǯit-ä bašl-ɤj, kɤz ätä-se
вечер достигать-ST.IPFV начинать-ST.IPFV девочка отец-3

kal-gan ǯir-gä kil-ä, kil-sä tege
оставаться-PFCT земля-DAT приходить-ST.IPFV приходить-COND тот

šakɤldawɤk kɤna, ätä-se-n-nän ǯil-lär is-kän.
трещотка FOC отец-3-OBL-ABL ветер-PL дуть-PFCT

Стало вечереть [= вечер начал достигать]*; девочка пришла на место* [= землю]*, где оставался отец, пришла, (а там) только* [та] *трещотка, отца как ветром сдуло* [= от отца ветры подули].

(20) i jɤl-ɤj kɤz, i jɤl-ɤj.
и плакать-ST.IPFV девочка и плакать-ST.IPFV

И плакала девочка, и плакала.

(21) šul čak jugarɤ-dan mɤ-nɤŋ kul-ɤ-n-a ber jɤmgak
этот время высоко-ABL этот-GEN рука-3-OBL-DAT один клубок

kil-e-p teš-ä dä tägär-ä-p kit-e-p
приходить-ST-CONV спускаться-ST.IPFV EMPH катиться-ST-CONV уходить-ST-CONV

bar-a.
идти-ST.IPFV

В этот момент сверху ей в руки упал [= придя, спустился] [один] *клубок и покатился* [= катясь, уходя пошел].

(22) kɤz üz-e dä siz-m-ä-s-tän šul jɤmgak
девочка сам-3 EMPH чувствовать-NEG-ST-POT-ABL этот клубок

art-ɤ-n-nan kit-ä: jɤmgak tägär-i, kɤz bar-a.
за-3-OBL-ABL уходить-ST.IPFV клубок катиться-ST.IPFV девочка идти-ST.IPFV

Девочка невольно [= и сама не чувствуя] *пошла за этим клубком: клубок катится, (а) девочка идет.*

(23) urman-nan čɤg-ɤ-p jɤlga buj-ɤ-n-da-gɤ
лес-ABL выходить-ST-CONV река длина-3-OBL-LOC-ATR

ber ketülek-kä kil-e-p čɤg-a-lar.
один пастбище-DAT приходить-ST-CONV выходить-ST.IPFV-PL

(Они) вышли [= придя, вышли] *из лесу к одному пастбищу(, расположенному) вдоль реки.*

(24) mɤ-n-da kaz ket-ä-lär i-kän, ketüče
этот-OBL-LOC гусь пасти-ST.IPFV-PL AUX1-PFCT пастух

jan-ɤ-n-a ǯit-kän-dä jɤmgak juk bul-a.
около-3-OBL-DAT достигать-PFCT-SIM клубок нет быть-ST.IPFV

Там пасли гусей, (но) когда (она) дошла до пастухов, клубка не было.

(25) kɤz sɤr-ɤj: tägär-i kit-te
девочка спрашивать-ST.IPFV катиться-ST.IPFV уходить-PST

jɤmgag-ɤm, kür-m-ä-de-gez-me abɤj-lar?
клубок-1SG видеть-NEG-ST-PST-2PL-Q старший.брат-PL

Девочка спросила: «Укатился [= катясь, ушел] *мой клубок, вы не видели, уважаемые* [= старшие братья]*?»*

(26) bez-gä ber ken ketü ket-e-š-sä-ŋ,
мы-DAT один день стадо пасти-ST-REC-COND-2SG

ät-e-r-bez kaja kit-kän-e-n, di-lär.
говорить-ST-POT-1PL куда уходить-PFCT-3-OBL.ACC говорить-PL

«Если поможешь нам один день пасти стадо, скажем, куда укатился [= пошел]*», — сказали (они).*

(27) kɤz bik tel-ä-p rizalaš-a ber ken
девочка очень хотеть-ST-CONV соглашаться-ST.IPFV один день

ketü ket-ä dä ketüče-lär ät-ä
стадо пасти-ST.IPFV EMPH пастух-PL говорить-ST.IPFV

aŋa: tege jul bujlap tegär-ä-de jɤmgag-ɤŋ, di-lär.
он.DAT тот дорога по катиться-ST-PST клубок-2SG говорить-PL

Девочка с удовольствием [= очень хотя] *согласилась, пасла один день стадо, и, пастухи ей сказали: «По той дороге покатился твой клубок»*[, — сказали].

(28) kɤz tagɤn kit-ä bu julɤ-sɤ jɤmgak sarɤk
девочка снова уходить-ST.IPFV этот раз-3 клубок овца

ketüče-lär jan-ɤ-n-a kil-e-p
пастух-PL около-3-OBL-DAT приходить-ST-CONV

čɤg-a kɤz a-lar-ga da šul uk süz-lär-ne
выходить-ST.IPFV девочка он-PL-DAT EMPH этот же слово-PL-ACC

kabatl-ɤj a-lar-ga da ketü ket-e-š-ä.
повторять-ST.IPFV он-PL-DAT EMPH стадо пасти-ST-REC-ST.IPFV

Девочка снова пошла, на этот раз клубок прикатился [= придя, вышел] *к пастухам овец, девочка и им повторила те же слова и помогла* [им] *пасти стадо.*

(29) tagɤn jul-ɤ-n däwam it-ä.
снова дорога-3-OBL.ACC продолжение делать-ST.IPFV

(И) снова продолжила [= продолжение сделала] *свою дорогу.*

(30) bu julɤ-sɤ käǯä ketüče-lär jan-ɤ-n-a
этот раз-3 коза пастух-PL около-3-OBL-DAT

kil-e-p čɤg-a a-lar-ga da ket-e-š-ä.
приходить-ST-CONV выходить-ST.IPFV он-PL-DAT EMPH пасти-ST-REC-ST.IPFV

На этот раз к пастухам коз пришла [= придя, вышла] *(и) им тоже помогла пасти.*

(31) jul-da at ketüče-lär-e ɤčr-ɤj a-lar-ga
дорога-LOC конь пастух-PL-3 встречаться-ST.IPFV он-PL-DAT

da bul-ɤ-š-a.
EMPH быть-ST-REC-ST.IPFV

На дороге встретились пастухи лошадей, им (она) тоже помогла.

(32) ä jɤmgak xaman tägär-i dä tägär-i.
а клубок всё.еще катиться-ST.IPFV EMPH катиться-ST.IPFV

А клубок все катился и катился.

(33) jɤrak-ta ber genä täräzä-le jɤrt kür-e-n-ä,
далеко-LOC один FOC окно-ATR дом видеть-ST-DEPAT-ST.IPFV

täräzä-dä ut jan-a.
окно-LOC огонь гореть-ST.IPFV

Вдали стал виден дом с единственным [= только одним] *окном, в окне горел свет.*

(34) jɤmgak šul jɤrt-ka ker-e-p kit-ä.
клубок этот дом-DAT входить-ST-CONV уходить-ST.IPFV

Клубок закатился [= заходя ушел] *в этот дом.*

(35) kɤz äkren genä ɤzba-nɤŋ išeg-e-n ač-a da
девочка медленно FOC дом-GEN дверь-3-OBL.ACC открывать-ST.IPFV EMPH

jɤmšak kɤna sɤr-ɤj: tägär-i kit-te jɤmgag-ɤm,
мягко FOC спрашивать-ST.IPFV катиться-ST.IPFV уходить-PST клубок-1SG

kür-ü-če bul-m-a-dɤ-mɤ? ǯawap išet-e-l-m-i.
видеть-NMN-PART быть-NEG-ST-PST-Q ответ слышать-ST-PASS-NEG-ST.IPFV

Девочка очень медленно открыла дверь дома и очень приветливо [= мягко] *спросила: «Укатился* [= катясь, ушел] *мой клубок, не видел ли кто* [= не было ли видящего]*?» — (но) ответа не было слышно.*

(36) ečkä-räk ker-ä xäm ni kür-sen, estäl
внутренний-COMP входить-ST.IPFV и что видеть-JUSS стол

jan-ɤ-n-da bekere ju-ɤ-n-m-a-gan, sälämä
около-3-OBL-LOC горбатый мыть-ST-DEPAT-NEG-ST-PFCT лохмотья

kij-e-n-gän, jämsez genä ber hälsez karčɤk utɤr-a.
надевать-ST-DEPAT-PFCT некрасивый FOC один бессильный старуха сидеть-ST.IPFV

Зашла (она) подальше внутрь [= внутреннее] *и что увидела: около стола сидит* [одна] *горбатая, немытая, одетая в лохмотья, уродливая немощная старуха.*

(37) äbi kɤz-ga däš-ä: ägär mine kar-a-sa-ŋ
бабушка девочка-DAT молвить-ST.IPFV если я.ACC смотреть-ST-COND-2SG

min siŋa jɤmgag-ɤŋ-nɤ bir-e-r-men, di,
я ты.DAT клубок-2SG-ACC давать-ST-POT-1SG говорить.IPFV

kɤz rizalaš-a.
девочка соглашаться-ST.IPFV

Бабушка обратилась к девушке: «Если будешь за мной ухаживать [= смотреть]*, я тебе отдам твой клубок», —* [сказала]*, (и) девочка согласилась.*

(38) šul ken-nän bašl-a-p ügi kɤz äbi belän tɤr-a
этот день-ABL начинать-ST-CONV чужой девочка бабушка с стоять-ST.IPFV

bašl-ɤj
начинать-ST.IPFV

Начиная с этого дня падчерица стала жить с бабушкой.

(39) ju-a, ǯɤj-a, bäjl-i, čig-ä, su
мыть-ST.IPFV убирать-ST.IPFV вязать-ST.IPFV вышивать-ST.IPFV вода

kit-e-r-ä, utɤn taš-ɤj, äbi-ne
уходить-ST-CAUS-ST.IPFV дрова таскать-ST.IPFV бабушка-ACC

ju-ɤ-n-dɤr-a, čäč-lär-e-n tar-a-p
мыть-ST-DEPAT-CAUS-ST.IPFV волос-PL-3-OBL.ACC расчесывать-ST-CONV

ür-ä, beten ǯir-ne tärtip-kä sal-a.
сплетать-ST.IPFV весь земля-ACC порядок-DAT класть-ST.IPFV

Мыла, убирала, вязала, вышивала, приносила воду, дрова таскала, бабушку мыла, волосы ей расчесывала и заплетала, весь дом [= землю] *в порядок приводила* [= клала].

(40) ä äbi mɤ-nɤ gel küzät-e-p tɤr-a.
а бабушка этот-ACC всегда наблюдать-ST-CONV стоять-ST.IPFV

А бабушка за этим все время наблюдала [= наблюдая, стояла].

(41) ber ken-ne äbi kɤz-ga munča jag-a-r-ga kuš-a.
один день-ACC бабушка девочка-DAT баня топить-ST-POT-INF велеть-ST.IPFV
Однажды [= один день] *бабушка велела девушке затопить баню.*

(42) kɤz su taš-ɤ-p jɤlga-dan jag-a, minek parl-ɤj.
девочка вода таскать-ST-CONV река-ABL топить-ST.IPFV веник парить-ST.IPFV
Девушка, принеся воду из речки, затопила, веник распарила.

(43) äbi-gä ät-ä: min bit sine küter-e-p bar-a
бабушка-DAT говорить-ST.IPFV я ведь ты.ACC поднимать-ST-CONV идти-ST.IPFV
al-m-ɤj-m, nišl-i-m inde, di.
брать-NEG-ST.IPFV-1SG что.делать-ST.IPFV-1SG уже говорить.IPFV
(Она) бабушке сказала: «Я ведь тебя нести [= подняв идти] *не могу, что же делать* [= делаю]*?»* [— сказала].

(44) ɤzba-dan ester-ä-p čɤg-a-r-sɤŋ, art-ɤm-a
изба-ABL тащить-ST-CONV выходить-ST-POT-2SG за-1SG-DAT
tib-ä-tib-ä a-p bar-ɤ-sɤŋ, čäč-em-ne
пинать-ST.IPFV-пинать-ST.IPFV брать-CONV идти-ST.IPFV-2SG волос-1SG-ACC
sür-ä-p pul-ga men-gez-e-r-seŋ, di.
стянуть-ST-CONV парильник-DAT подниматься-CAUS-ST-POT-2SG говорить.IPFV
«Из избы вытащишь [= таща, выведешь]*, сзади пиная, поведешь* [= взяв, пойдешь]*, за волосы потянув, на парильник поднимешь,» — сказала.*

(45) juk inde äbi sin bit kart keše, alaj
нет уж бабушка ты ведь старый человек так
jar-a-m-ɤj, di kɤz.
подходить-ST-NEG-ST.IPFV говорить.IPFV девочка.
«Нет уж, бабушка, ты же старый человек, так не пойдет», — сказала девочка.

(46) kul-ɤ-n-nan tɤt-ɤ-p al-ɤ-p bar-a,
рука-3-OBL-ABL держать-ST-CONV брать-ST-CONV идти-ST.IPFV
kütär-e-p men-gez-ä, čäč-lär-e-n
поднимать-ST-CONV подниматься-CAUS-ST.IPFV волос-PL-3-OBL.ACC
jaxšɤlap ju-a, minek belän akrɤn genä
как.следует мыть-ST.IPFV веник с медленно FOC
čab-a, munčala belän arka-sɤ-n ɤšk-ɤj,
парить-ST.IPFV мочалка с спина-3-OBL.ACC тереть-ST.IPFV
kütär-e-p teš-e-r-ä dä
поднимать-ST-CONV спускаться-ST-CAUS-IPFV EMPH
al-ɤ-p kat$_{j}$-a.
брать-ST-CONV возвращаться-ST.IPFV
За руки (в баню) отвела [= от ее руки держа, взяв, пошла]*, (там)* [подняв] *подняла, волосы как следует вымыла, веником потихонечку парила, мочалкой спину натерла, помогла спуститься* [= подняв спустила] *и привела обратно* [= взяв вернулась].

(47) kat$_j$-kač mätrüškä belän čäj eč-e-r-ä.
возвращаться-ANT душица с чай пить-ST-CAUS-ST.IPFV
Когда вернулись, напоила (бабушку) чаем с душицей.

(48) äbi niček-ter jäšär-e-p, ǯiŋeläj-e-p kit-ä.
бабушка как-DYR молодеть-ST-CONV легчать-ST-CONV уходить-ST.IPFV
Бабушка как-то помолодела, (ей) стало легче [= полегчав, ушла].

(49) irtä belän tɤr-gač äbi kɤz-ga ät-ä:
утро с вставать-ANT бабушка девочка-DAT говорить-ST.IPFV
sin bik mixerban-lɤ bala i-kän-seŋ, min
ты очень великодушие-ATR ребенок быть-PFCT-2SG я
sine ü-eŋ-ä jibär-e-m, änä sandɤk-lar,
ты.ACC дом-2SG-DAT отпускать-ST.IPFV-1SG вот сундук-PL
tel-ä-gän-eŋ-ne sajl-a-p al, di.
хотеть-ST-PFCT-2SG-ACC выбирать-ST-CONV брать.IMP говорить.IPFV
Когда утром встала, бабушка девочке сказала: «Ты, я вижу, очень великодушный ребенок, я отпускаю тебя домой; вот сундуки, выбирай [= выбрав, возьми] *какой хочешь»*[, — сказала].

(50) čɤn-nan da äbi-neŋ ü-e-n-dä nüeš-tä
истинный-ABL EMPH бабушка-GEN дом-3-OBL-LOC угол-LOC
bik küp terle sandɤk-lar bul-a.
очень много разный сундук-PL быть-ST.IPFV
И вправду, в бабушкином доме в углу было очень много разных сундуков.

(51) kɤz šɤ-lar-nɤŋ iŋ kečkenä-se-n
девочка этот-PL-GEN самый маленький-3-OBL.ACC
sail-a-p al-a.
выбирать-ST-CONV брать-ST.IPFV
Девочка выбрала [= выбрав, взяла] *самый маленький из них.*

(52) äbi tarantas-lɤ at kit-e-r-te dä
бабушка тарантас-ATR лошадь уходить-ST-CAUS-PST EMPH
kɤz-nɤ ɤzat-ɤ-p kal-a.
девочка-ACC провожать-ST-CONV оставаться-ST.IPFV
Бабушка привела лошадь с повозкой и проводила [= проводив, осталась] *девочку.*

(53) bu sandɤk-nɤ jul-da ač-m-a, kat$_j$-ɤ-p
этот сундук-ACC дорога-LOC открывать-NEG-ST.IMP приходить-ST-CONV
ǯit-käč kenä ač-a-r-sɤŋ, di.
достигать-ANT FOC открывать-ST-POT-2SG говорить.IPFV
Этот сундук по дороге не открывай, откроешь (его), только когда дойдешь [= придя достигнешь] *(до дома), говорит (бабушка).*

(54) jul-da kɤz-ga tege ketüče-lär ɤčr-ɤj,
дорога-LOC девочка-DAT тот пастух-PL встречаться-ST.IPFV

xär-ber-se ber at, käžä, sarɤk, kaz bir-e-p jibär-ä-lär.
каждый-один-3 один лошадь коза овца гусь давать-ST-CONV отпускать-ST.IPFV-PL
По дороге девочке (опять) встретились те (же) пастухи, каждый из них дал [= дав, отпустил] *(ей) одну лошадь, козу, овцу, гуся.*

(55) at-lar awɤl-ga jakɤnlaš-a, kɤčɤk-lar
лошадь-PL деревня-DAT приближаться-ST.IPFV собака-PL

er-ä bašl-ɤj, šul tawɤš-ka xalɤk ǯɤj-ɤ-l-a.
лаять-ST.IPFV начинать-ST.IPFV этот звук-DAT народ собирать-ST-PASS-ST.IPFV.
Лошади приблизились к деревне, собаки начали лаять, на этот звук собрался народ.

(56) ügi kɤz jɤrt-lar-ɤ jan-ɤ-n-a kil-e-p
чужой девочка дом-PL-3 около-3-OBL-DAT приходить-ST-CONV

tukt-ɤj, bar-sɤ-nɤŋ da küz-e dürt bul-a
останавливаться-ST.IPFV весь-3-GEN EMPH глаз-3 четыре быть-ST.IPFV

kɤz isän kat$_j$-kan-ga.
девочка здоровый возвращаться-PFCT-CAUSE
Падчерица у своего дома [придя] *остановилась, у всех расширились от удивления глаза* [= стало четыре глаза]*, потому что девочка жива-здорова* [= здоровая] *вернулась.*

(57) sandɤk-nɤ al-a da ač-ɤ-p jibär-ä,
сундук-ACC брать-ST.IPFV EMPH открывать-ST-CONV отпускать-ST.IPFV

ä anda närsä-lär genä juk: altɤn kemeš beläzek-lär, alka-lar,
а там что-PL FOC нет золото серебро браслет-PL серьга-PL

mujɤnsa-lar čulpɤ-lar, es-baš kijem-när-e – parča-dan,
бусы-PL накосник-PL убор-голова одежда-PL-3 парча-ABL

jefäk-tän, ajak kijem-när-e – čitek-lär čüäk-lär; sɤj nigmät-lär.
шелк-ABL нога одежда-PL-3 ичиги-PL чувяки-PL угощение яства-PL
(Девочка) открыла [= взяла и, открыв, отпустила] *сундук, а там чего только нет: золотые, серебряные браслеты, серьги, ожерелья, накосники, головные уборы, одежда из парчи и шелка, обувь: ичиги, чувяки, лакомства* [= угощения-яства].

(58) bu tɤlsɤm-lɤ sandɤk bul-ɤ-p čɤg-a.
этот волшебство-ATR сундук быть-ST-CONV выходить-ST.IPFV
Это оказался [= будучи, вышел] *волшебный сундук.*

(59) ügi äni-neŋ šul xätle baj-lɤk-nɤ kür-e-p
чужой мама-GEN этот до богатый-NOMIN-ACC видеть-ST-CONV

küz-lär-e kamaš-a, üz kɤz-ɤ-n da šulaj
глаз-PL-3 слепнуть-ST.IPFV сам девочка-3-OBL.ACC EMPH так

baj kür-ä-se kel-i.
богатый видеть-ST-OBG хотеть-ST.IPFV
(Когда) мачеха [= чужая мать] *увидела такие богатства, глаза (ее) ослепли (от жадности), она* [= сама] *захотела увидеть и свою дочь такой (же) богатой.*

(60) ügi kɤz-dan niček baj-u-ɤ-n a-n-nan – mɤ-n-nan
чужой девочка-ABL как богатеть-NMN-3-OBL.ACC он-OBL-ABL этот-OBL-ABL

gɤna sɤr-a-š-ɤ-p, üz kɤz-ɤ-n da
FOC спрашивать-ST-REC-ST-CONV сам девочка-3-OBL.ACC EMPH

urman-ga jibär-ä.
лес-DAT отпускать-ST.IPFV.

Расспросив хорошенько [= оттуда-отсюда] *падчерицу, как (та) разбогатела, она* [= сама] *отпустила (свою) дочь в лес.*

(61) kɤz kil-ä, ǯiläk ǯɤj-a-sɤ urɤŋ-ga
девочка приходить-ST.IPFV ягода собирать-ST-OBG место-DAT

jat-ɤ-p jɤkl-ɤj.
ложиться-ST-CONV спать-ST.IPFV

Девочка пришла, (и) вместо (того, чтобы) собирать ягоды, легла и заснула.

(62) mɤnar-ga da es-tän jɤmgak teš-ä.
этот.OBL-DAT EMPH верх-ABL клубок спускаться-ST.IPFV

К ней тоже сверху упал клубок.

(63) kit-ä bu jɤmgak art-ɤ-n-nan esteräl-e-p.
уходить-ST.IPFV этот клубок за-3-OBL-ABL тащиться-ST-CONV

Потащилась [= ушла, потащившись] *за этим клубком.*

(64) kaz ketüče-lär-e jan-ɤ-n-a kil-e-p čɤg-a.
гусь пастух-PL-3 около-3-OBL-DAT приходить-ST-CONV выходить-ST.IPFV

Пришла [= придя, вышла] *к пастухам гусей.*

(65) äj, ketüče kisɤg-e, kaja minem jɤmgak?
эй пастух обрезок-3 где я.GEN клубок

«Эй, недопасок [= обрезок пастуха]*, где мой клубок?*

(66) kit-e-r-e-gez xäzer juk, alajsa... dip ketüče-lär-gä akɤr-a.
уходить-ST-CAUS-ST.IMP-2PL сейчас нет тогда SUB пастух-PL-DAT орать-ST.IPFV

Отдайте [= дайте уйти] *сейчас (же), (а) нет — тогда...» — кричит (она) пастухам.*

(67) tege-lär-e: ber ken ketü ket-e-š, ät-ä-bez, di-lär.
тот-PL-3 один день стадо пасти-ST-REC.IMP говорить-ST.IPFV-1PL говорить.IPFV-PL

Те говорят: «Паси с нами стадо один день, (тогда) скажем [= говорим]*».*

(68) xäzer, šul gɤna ǯit-m-ä-gän, sez-gä ketü
сейчас этот FOC хватать-NEG-ST-CONV вы-DAT стадо

ket-e-p jat-a-r-ga, di dä, jul-ɤ-n
пасти-ST-CONV ложиться-ST-POT-INF говорить.IPFV EMPH дорога-3-OBL.ACC

däwam it-ä, čenki jɤmgak
продолжение делать-ST.IPFV потому.что клубок

üz-e-n-nän üz-e kil-e-p čɤg-a.
сам-3-OBL-ABL сам-3 приходить-ST-CONV выходить-ST.IPFV

«Сейчас этого только не хвало — пасти [= лежать, пася] *вам стадо», — сказала (она) и продолжила* [= продолжение сделала] *свой путь, поскольку клубок появился* [= придя, вышел] *сам по себе.*

(69) bütän ketüče-lär belän dä šɤlaj dɤrfa
другой пастух-PL с EMPH так грубо

sel-ä-š-ä, bul-ɤ-š-m-ɤj.
говорить-ST-REC-ST.IPFV AUX2-ST-REC-NEG-ST.IPFV

И с другими пастухами так же грубо разговаривала (и) не помогала.

(70) tege jɤrt-ka ker-ä, äbi-ne kür-gäč
тот дом-DAT входить-ST.IPFV бабушка-ACC видеть-ANT

ǯirän-e-p jibär-ä, ujl-a-m-a-gan
брезговать-ST-CONV отпускать-ST.IPFV думать-ST-NEG-ST-PFCT

bul-a šɤndɤj äbi kür-e-r-men dip.
AUX2-ST.IPFV такой бабушка видеть-ST-POT-1SG SUB

(Она) зашла в тот дом, когда увидела бабушку, (ей) стало противно [= брезгуя, отпустила]*, (она) не думала, что увидит такую бабушку.*

(71) äbi kɤz-ga üz-e-n-dä kal-ɤ-r-ga
бабушка девочка-DAT сам-3-OBL-LOC оставаться-ST-POT-INF

kuš-a, tege-se rizalaš-a.
велеть-ST.IPFV тот-3 соглашаться-ST.IPFV

Бабушка велела девочке у нее остаться, та согласилась.

(72) gel jɤkl-ɤj, ju-m-ɤj, ǯɤ-m-ɤj,
всегда спать-ST.IPFV мыть-NEG-ST.IPFV убирать-NEG-ST.IPFV

peš-e-r-m-i.
вариться-ST-CAUS-NEG-ST.IPFV

(Девочка) все время спала, не стирала, не убирала, не готовила.

(73) äbi munča jag-a-r-ga kuš-a.
бабушка баня топить-ST-POT-INF велеть-ST.IPFV

Бабушка велела истопить баню.

(74) jakɤn aklɤ pɤčrak kül-dän su taš-ɤj, a-n-nan – mɤ-n-nan
близкий белесый грязь озеро-ABL вода таскать-ST.IPFV он-OBL-ABL этот-OBL-ABL

gɤna jag-a da äbi-gä ät-ä:
FOC топить-ST.IPFV EMPH бабушка-DAT говорить-ST.IPFV

munča äzer bar, kɤrtka, di.
баня готовый быть старуха говорить.IPFV

(Девочка) принесла воду из ближнего мутного грязного озера, кое-как [= оттуда-отсюда] *истопила и сказала бабушке: «Баня готова, старуха»*[, — сказала].

(75) äbi: min bit bar-al-m-ɤj-m, mine ester-ä-p
бабушка я ведь идти-брать-NEG-ST.IPFV-1SG я.ACC тащить-ST-CONV

čɤg-a-r, tib-ä – tib-ä a-p bar,
выходить-ST-CAUS.IMP пинать-ST.IPFV-пинать-ST.IPFV брать-CONV идти.IMP

čäč-em-nän ester-ä-p meŋgez pul-ga, di.
волос-1PL-ABL тащить-ST-CONV поднять.IMP парильник-DAT говорить.IPFV

Бабушка (говорит): «Я ведь не могу идти, вытащи [= таща, выведи] *меня и пинками отведи* [= пиная-пиная, взяв, иди], [таща,] *подними за волосы на полку».*

(76) kɤz äbi ät-kän-čä ešl-i dä.
девочка бабушка говорить-PFCT-ADV работать-ST.IPFV EMPH

И девочка сделала, (как) бабушка сказала.

(77) äle munča-da timer munčala belän ɤšk-ɤj, minek dip
еще баня-LOC железо мочалка с тереть-ST.IPFV веник SUB

bel-e-p metla ečen jas-a-l-gan kajɤš
знать-ST-CONV веник ради делать-ST-PASS-PFCT ремень

bäjläm-e belän čab-a.
связка-3 с парить-ST.IPFV

Еще, в бане терла железной мочалкой, думая [= зная], *что это веник, парила связкой ремней, сделанных для метлы.*

(78) äbi xälsezlän-e-p jɤg-ɤ-l-a.
бабушка слабеть-ST-CONV падать-ST-PASS-ST.IPFV

Бабушка упала без сил [= ослабев, упала].

(79) ike-nče ken-ne ü-e-n-ä kat$_j$-ɤ-r-ga
два-ORD день-ACC дом-3-OBL-DAT возвращаться-ST-POT-INF

riza-lɤk bir-ä.
согласный-NOMIN давать-ST.IPFV.

На второй день (она) согласилась [= дала согласие], *(чтобы девочка) вернулась домой.*

(80) äbi sandɤk sajl-a-p al-ɤ-r-ga kuš-a.
бабушка сундук выбирать-ST-CONV брать-ST-POT-INF велеть-ST.IPFV

Бабушка велела (девочке) выбрать [= выбрав взять] *сундук.*

(81) tege kɤz šatlan-a–šatlan-a
тот девочка радоваться-ST.IPFV-радоваться-ST.IPFV

iŋ zur sandɤk-nɤ al-a.
самый большой сундук-ACC брать-ST.IPFV

[Та] *девочка очень обрадовалась* [= радовалась-радовалась] *(и) взяла самый большой из сундуков.*

(82) sälämä genä at ǯig-e-p kɤz-nɤ
худой FOC лошадь запрягать-ST-CONV девочка-ACC

ɤzat-ɤ-p jibär-ä.
провожать-ST-CONV отпускать-ST.IPFV

Запрягши худенькую лошаденку, (бабушка) проводила [= проводив, отпустила] *девочку.*

(83) sandɤk-nɤ kat$_j$-kač kɤna ač-a-r-ga kuš-a.
сундук-ACC возвращаться-ANT FOC открывать-ST-POT-INF велеть-ST.IPFV

(Бабушка) велела открыть сундук, только когда (девочка) вернется (домой).

(84) jul-da ɤčr-a-gač ketüče-lär kɤz-ga
дорога-LOC встречаться-ST-ANT пастух-PL девочка-DAT

älän-ɤ-p tä kar-a-m-i-lar, üz
крутиться-ST-CONV EMPH смотреть-ST-NEG-ST.IPFV-PL сам

eš-lär-e-n dä bul-a-lar.
работа-PL-3-OBL.ACC EMPH быть-ST.IPFV-PL

Когда на дороге встретились, пастухи от девочки отвернулись и не смотрели (на нее), (они) были (заняты) своими делами.

(85) at sürel-e-p kenä awɤl-ga jakɤnlaš-a.
лошадь ослабевать-ST-CONV FOC деревня-DAT приближаться-ST.IPFV

Ослабев, лошадь приблизилась к деревне.

(86) kɤčɤk-lar ul-a-p–ul-a-p er-gäŋ-gä
собака-PL выть-ST-CONV–выть-ST-CONV лаять-PFCT-CAUSE

xalɤk ǯɤj-ɤ-l-a.
народ собирать-ST-PASS-ST.IPFV.

Поскольку собаки выли (и) лаяли [= воя-воя, лаяли]*, собрался народ.*

(87) kɤz kɤzu–kɤzu teš-ä dä arba-dan
девочка быстро-быстро спускаться-ST.IPFV EMPH телега-ABL

ašɤk–pɤšɤk sandɤk-nɤ al-a bašl-ɤj.
торопливо сундук-ACC брать-ST.IPFV начинать-ST.IPFV

Девочка очень быстро [= быстро-быстро] *спустилась с телеги (и) торопливо достала* [= начала брать] *сундук.*

(88) änä-se makt-a-n-ɤ-p jan-ɤ-n-da bas-ɤ-p
мать-3 хвалить-ST-DEPAT-ST-CONV около-3-OBL-LOC вставать-ST-CONV

tɤr-a.
стоять-ST.IPFV

Ее мать, похваляясь, встала [= встав, стояла] *подле.*

(89) kɤz-nɤŋ sandɤk-nɤ ač-u-ɤ bul-a a-n-nan
девочка-GEN сундук-ACC открывать-NMN-3 быть-ST.IPFV он-OBL-ABL

tugɤz baš-lɤ aždaxa kil-e-p čɤg-a
девять голова-ATR дракон приходить-ST-CONV выходить-ST.IPFV

da kɤz-nɤ bu-ɤ-p bär-ä.
EMPH девочка-ACC душить-ST-CONV бросать-ST.IPFV

Открыли [= открытие было] *девочкин сундук, (и) оттуда вышел* [= придя, вышел] *девятиголовый дракон и задушил* [= задушив, бросил] *девочку.*

(90) änä-se-neŋ jeräg-e jar-ɤ-l-ɤ-p šunda uk ül-ä.
мать-3-GEN сердце-3 раскалывать-ST-PASS-ST-CONV там же умирать-ST.IPFV

Материнское сердце разорвалось, (и она) тут же умерла.

(91) ike-se dä ül-ü-gä kel-gä älän-e-p
два-3 EMPH умирать-NMN-DAT зола-DAT крутиться-ST-CONV

kük-kä ɤč-a-lar.
небо-DAT летать-ST.IPFV-PL

Обе, умерев, превратились [= превратившись] *в золу (и) улетели на небо.*

(92) ä tege ügi kɤz ätä-se belän bügen dä jäš-ä-p
а тот чужой девочка отец-3 с сегодня EMPH жить-ST-CONV

jat-a di.
ложиться-ST.IPFV говорить.IPFV

А [та] *падчерица с отцом, говорят, и по сей день живы* [= живя, лежат].

(93) mɤna siŋa jaxšɤ-lɤk-ka – jaxšɤ-lɤk,
этот.DAT ты.DAT хорошо-NOMIN-DAT хорошо-NOMIN

načar-lɤk-ka – načar-lɤk.
плохо-NOMIN-DAT плохо-NOMIN

Вот тебе (мораль): добру — добро, (а) злу — зло.

14. Петух и лиса

Рассказала Лейсан Рахматуллина, июль 2000 г.
Записала и разобрала Н.В. Влодавская, июль 2000 г.

(0) ätäč belän telke
петух с лиса

Петух и лиса

(1) ber ken-ne ätäč awɤl kɤrɤj-ɤ-n-a čɤk-kan i-meš.
один день-ACC петух деревня край-3-OBL-DAT выходить-PFCT AUX1-MEŠ

Однажды петух вышел на край деревни.

(2) a-n-da ber räšätkä-gä men-e-p arɤ-bire
он-OBL-LOC один решетка-DAT взбираться-ST-CONV туда-сюда

kar-a-n-ɤ-p denʲjä-neŋ irken-leg-e-n-nän
смотреть-ST-DEPAT-ST-CONV мир-GEN широкий-NOMIN-3-OBL-ABL

käjef-e kil-e-p kanat-lar-ɤ-n
удовольствие-3 приходить-ST-CONV крыло-PL-3-OBL.ACC

kag-ɤ-p ǯibär-gän.
хлопать-ST-CONV посылать-PFCT

Там он взобрался на решетку, посмотрел туда-сюда, пришел в хорошее настроение оттого, что мир вокруг широк [= от широты мира удовольствие пришло]*, и захлопал крыльями* [= хлопая послал].

(3) šɤ-n-da ber telke jer-i i-kän.
тот-OBL-LOC один лиса ходить-ST.IPFV AUX1-PFCT

Там (же) прогуливалась лиса.

(4) ätäč-neŋ tawɤš-ɤ-n išet-e-p
петух-GEN голос-3-OBL.ACC слышать-ST-CONV

telke räšätkä jan-ɤ-n-a kil-gän.
лиса решетка около-3-OBL-DAT приходить-PFCT

Услышав голос петуха, лиса подошла к решетке.

(5) ätäč mɤ-nɤ kür-e-p ät-kän: siŋa närsä kiräk, ni
петух этот-ACC видеть-ST-CONV говорить-PFCT ты.DAT что быть.нужным какой

jɤmɤš-ɤ bar? di-gän.
дело-3 быть говорить-PFCT

Петух, ее увидев, сказал: «Что тебе надо, какое (у тебя) дело [есть]*?»*

(6) telke ät-kän: min šäxär-dän kat$_j$-ɤ-p kil-ä-m
лиса говорить-PFCT я город-ABL возвращаться-ST-CONV приходить-ST.IPFV-1SG

sineŋ matur tawɤš-ɤŋ-nɤ išet-e-p, jan-ɤŋ-a kil-de-m.
ты.GEN красивый звук-2SG-ACC слышать-ST-CONV около-2SG-DAT приходить-PST-1SG

Лиса ответила: «Я возвращаюсь [= возвращаясь, иду] *из города, услышала твой красивый голос, подошла к тебе.*

(7) šäxär-dä ber jaŋa xäbär išet-te-m šɤ-nɤ siŋa da
город-LOC один новый новость слышать-PST-1SG это-ACC ты.DAT EMPH

ät-ä-se-m kel-ä-de.
говорить-ST-OBG-1SG хотеть-ST-PST

В городе услышала одну свежую новость, хотела и тебе ее сообщить».

(8) ätäč: ul nindi xäbär sel-ä min dä
петух этот какой новость говорить-ST.IMP я EMPH

išet-i-m, di-gäč,
слышать-HORT-1SG говорить-ANT

telke ät-kän: šul ken-när-dä patša ukaz čɤg-a-r-gan,
лиса говорить-PFCT тот день-PL-LOC царь указ выходить-ST-CAUS-PFCT

minem kul ast-ɤ-n-da-gɤ bar xalɤk ber–ber-se belän dus
я.GEN рука под-3-OBL-LOC-ATR весь народ один–один-3 с друг

bul-sɤn-nar tatu jäš-ä-sen-när küŋel-lär-e-n-nän
быть-JUSS-PL мирный жить-ST-JUSS-PL душа-PL-3-OBL-ABL

usal-lɤk-lar-ɤ-n čɤg-a-r-sɤn-nar.
злой-NOMIN-PL-3-OBL.ACC выходить-ST-CAUS-JUSS-PL

«Это что (за) новость, говори, я тоже хочу услышать [= пусть я тоже слышу]*,»* — [когда] *сказал петух, (а) лиса ответила: «На* [этих] *днях царь издал указ: все* [= весь народ]*, кто (находится) под моей властью* [= рукой]*, пусть дружат друг с другом, пусть живут в мире, пусть прогонят из души ненависть.*

(9) šɤlaj bul-gač bez-neŋ ara-da da dɤšman-lɤk bul-m-a-sɤn.
такой быть-ANT мы-GEN между-LOC EMPH враг-NOMIN быть-NEG-ST-JUSS

В таком случае [= когда так есть]*, пусть и между нами не будет вражды.*

(10) ätäč dus, sin räšätkä est-e-n-nän teš-e-p, minem
петух друг ты решетка на-3-OBL-ABL спускаться-ST-CONV я.GEN

jan-ga kil, ike dus ber-gä kɤčakl-a-š-ɤ-p
около-DAT приходить.IMP два друг один-DAT обнимать-ST-REC-ST-CONV

jer-i-k, patša ukaz-ɤ-n ǯir-e-n-ä
ходить-HORT-1PL царь указ-3-OBL.ACC земля-3-OBL-DAT

ǯit-ker-gän-če il-gä kür-sät-i-k, di-gän.
достигать-CAUS-PFCT-POST мир-DAT видеть-CAUS-HORT-1PL говорить-PFCT

Друг петух, ты слезай с решетки, подойди ко мне, давай два друга будем вместе ходить в обнимку, давай будем показывать миру царский указ, пока (он) не достигнет (всей) земли».

(11) ätäč telke-neŋ süz-lär-e-n-ä igtibar it-m-i-čä räšätkä-neŋ
петух лиса-GEN слово-PL-3-OBL-DAT внимание делать-NEG-ST-CONV решетка-GEN

ike-nče jag-ɤ-n-a kar-a-p tɤr-a i-kän.
два-ORD сторона-3-OBL-DAT смотреть-ST-CONV стоять-ST.IPFV AUX-PFCT

(А) петух, не обращая внимания на слова лисы, смотрел [= смотря, стоял] *на другую сторону решетки.*

(12) telke ät-kän: ätäč dus, sineŋ patša ukaz-ɤ-n
лиса говорить-PFCT петух друг ты.GEN царь указ-3-OBL.ACC

üt-ä-se-ŋ kel-ä-m-i axrɤ, ike-nče jak-ka
исполнять-ST-OBG-2SG хотеть-ST-NEG-ST.IPFV наверное два-ORD сторона-DAT

kar-a-p tɤr-a-sɤŋ.
смотреть-ST-CONV стоять-ST.IPFV-2SG

Лиса сказала: «Друг петух, ты, кажется, не хочешь исполнять царский указ, смотришь [= смотря, стоишь] *на другую сторону».*

(13) ätäč ǯawap bir-e-p ät-kän: tukta, ällä, awɤl
петух ответ давать-ST-CONV говорить-PFCT ждать.IMP INDEF деревня

jag-ɤ-n-nan zur kɤlak-lɤ ɤzɤn kurjɤk-lɤ ber xajwan bu
сторона-3-OBL-ABL большой ухо-ATR длинный хвост-ATR один зверь этот

jak-ka taba čab-ɤ-p kil-ä.
сторона-DAT к бежать-ST-CONV приходить-ST.IPFV

Петух ответил [= ответ дав, сказал]*: «Подожди-ка, со стороны деревни в эту сторону бежит* [бежа, приходит] *какой-то зверь с большими ушами, с длинным хвостом.*

(14) šul nindi xajwan i-kän dip kar-a-p tɤr-a-m.
тот какой зверь быть-PFCT SUB смотреть-ST-CONV стоять-ST.IPFV-1SG

Я смотрю [= смотря, стою]*, что это за зверь».*

(15) telke dä mɤ-nɤ išet-käč, ätäč kajgɤ-sɤ kal-m-ɤj,
лиса EMPH этот-ACC слышать-ANT петух забота-3 оставаться-NEG-ST.IPFV

ul üz-e-n-ä kač-ɤ-r-ga urɤn ezl-i bašl-ɤj.
он сам-3-OBL-DAT прятаться-ST-POT-INF место искать-ST.IPFV начинать-ST.IPFV

Услышав это, лиса забыла о петухе [= заботы петуха не осталось]*, она начала искать себе место, (где) спрятаться.*

(16) ätäč: nik tɤnɤčsɤz-l-a-n-a bašl-a-dɤ-ŋ, tukta,
петух почему беспокойный-VRB-ST-PASS-ST.IPFV начинать-ST-PST-2SG ждать.IMP

mɤ-n-da kil-sen, a-nɤŋ nindi xajwan i-kän-e-n
этот-OBL-LOC приходить-JUSS он-GEN какой зверь быть-PFCT-3-OBL.ACC

kür-i-k, di-gän.
видеть-HORT-1PL говорить-PFCT

«Почему ты забеспокоилась? Подожди, пусть сюда придет, давай увидим, что он за зверь», — сказал петух.

(17) süz-eŋ-ä karaganda kɤčɤk-ka ɤxš-ɤj, kil-e-p
слово-2SG-DAT по.сравнению.с собака-DAT походить-ST.IPFV приходить-ST-CONV

mine kür-sä tun-ɤm-nɤ jɤrt-ɤ-r, di-gän telke.
я.ACC видеть-COND шуба-1SG-ACC рвать-ST-POT говорить-PFCT лиса

«По твоим словам, похож на собаку; если, (сюда) придя, меня увидит, разорвет мою шубу», — сказала лиса.

(18) ätäč ät-kän: sin närsä sel-i-seŋ? patša xajwan-nar-ga
петух говорить-PFCT ты что говорить-ST.IPFV-2SG царь зверь-PL-DAT

ber–ber-se-n-ä tij-m-ä-sen di-gän ukaz
один–один-3-OBL-DAT трогать-NEG-ST-JUSS говорить-PFCT указ

čɤg-a-r-gan di-de-ŋ bit.
выходить-ST-CAUS-PFCT говорить-PST-2SG ведь

Петух сказал: «Что ты говоришь? Ты же сказала, что царь издал указ, чтобы звери не трогали друг друга.

(19) šɤlaj bul-gač kɤčɤk nik tij-sen?
такой быть-ANT собака почему трогать-JUSS

В таком случае [= когда так есть]*, зачем собаке (тебя) трогать?»*

(20) telke ät-kän: šɤlaj bul-sa da anar-ga
лиса говорить-PFCT такой быть-COND EMPH он.OBL-DAT

kür-e-n-m-ä-sä-m jaxšɤ-rak bul-ɤ-r.
видеть-ST-PASS-NEG-ST-COND-1SG хорошо-COMP быть-ST-POT

Лиса сказала: «Даже если так, лучше будет, если я ей не покажусь [= не увижусь]*».*

15. Зеленые иголки

Рассказала Айнур Марсовна Хуснуллина, июль 2000 г.
Записала и разобрала О.В. Ханина, июль 2000 г.

(0) jäšel enä-lär
зеленый иголка-PL

Зеленые иголки

(1) kerpe bala-sɤ ber wakɤt urman-da čɤršɤ-ga ɤčr-a-gan.
еж ребенок-3 один время лес-LOC елка-DAT встречаться-ST-PFCT

Однажды в лесу маленький ежик [= ребенок ежа] *встретил елку* [= встретился елке].

(2) a-nɤ älän-e-p čɤk-kan.
он-ACC крутиться-ST-CONV выходить-PFCT

Он обошел вокруг [сделав круг, вышел].

(3) art ajak-lar-ɤ-n-a bas-ɤ-p čɤršɤ-nɤŋ
зад нога-PL-3-OBL-DAT вставать-ST-CONV елка-GEN

ɤč-ɤ-n-a kar-a-gan, enä-lär-e-n ezl-ä-gän.
конец-3-OBL-DAT смотреть-ST-PFCT игла-PL-3-OBL.ACC искать-ST-PFCT

Встав на задние лапы, посмотрел на кончик елки, (и) поискал ее иголки.

(4) bu bik zur kerpe i-kän, bɤrɤn-ɤ-n
этот очень большой еж быть-PFCT нос-3-OBL.ACC

kük-kä kütär-gän, ajak-lar-ɤ-n jäšer-gän, di-gän.
небо-DAT поднимать-PFCT нога-PL-3-OBL.ACC прятать-PFCT говорить-PFCT

«Оказывается, это очень большой ежик, поднявший в небо нос (и) спрятавший ноги», — сказал (он).

(5) šɤ-n-nan da ul tagɤn kar-a-p kar-a-p tɤr-gan
тот-OBL-ABL EMPH он снова смотреть-ST-CONV смотреть-ST-CONV стоять-PFCT

da menä kɤzɤk enä-lär-e jäp–jäšel, di-gän, zur
EMPH вот интересный иголка-PL-3 развилка–зеленый говорить-PFCT большой

üs-käč min dä šɤlaj jäšel tun kij-ä-r-men, dip ujl-a-gan.
расти-ANT я EMPH такой зеленый шуба надевать-ST-POT-1SG SUB думать-PFCT

После этого он еще пару раз посмотрел [= посмотрев, посмотрев, постоял] *и сказал: «Вот интересно, иголки радвоенные, зеленые». (Потом) подумал: «Когда вырасту большой, я тоже надену такую зеленую шубу».*

(6) annarɤ ul čɤršɤ bäjräm-e-n-dä biz-ä-l-gän jolka-nɤ
потом он елка праздник-3-OBL-DAT украшать-ST-PASS-PFCT елка-ACC

kür-gän.
видеть-PFCT

Потом он на празднике Нового года [= елки] *увидел украшенную елку.*

(7) kür-de-gez-me, di-gän ul aju bala-sɤ-n-a,
видеть-PST-2PL-Q говорить-PFCT он медведь ребенок-3-OBL-DAT

beten ʒänlek-lär zur kerpe tiräli älän-e-p bij-e-de-lär,
весь зверь-PL большой еж вокруг крутиться-ST-CONV танцевать-ST-PST-PL

jɤr jɤrl-a-dɤ-lar, di-gän.
песня петь-ST-PST-PL говорить-PFCT

«Видели? — сказал он медвежонку, — все звери [кружась] *танцевали вокруг большого ежа, песни пели».*

(8) aju bala-sɤ kel-gän: bu bit kerpe tügel, čɤršɤ! di-gän.
медведь ребенок-3 смеяться-PFCT этот ведь ежик не елка говорить-PFCT

Медвежонок засмеялся и говорит: «Это же не ежик, (а) елка!»

(9) kerpe bala-sɤ-nɤŋ ɤšan-a-sɤ kil-m-ä-gän.
еж ребенок-3-GEN верить-ST-OBG хотеть-NEG-ST-PFCT
Ежик не хотел верить.

(10) čɤršɤ bul-sa da, ul barɤber zur kerpe, di-gän.
елка быть-COND EMPH этот все.равно большой еж говорить-PFCT
«Хоть (это) и елка, все равно это большой еж», — сказал (он).

16. Зухра на луне[3]

Рассказала Венера Талгатовна Галиуллина, июль 1999 г.
Записал и разобрал С. Г. Татевосов, июль 1999 г.

(0) aj-da-gɤ zexrä kɤz turɤnda äkijät
луна-LOC-ATR Зухра девушка о сказка
Сказка про девушку Зухру, которая (живет) на луне

(1) bɤrɤn-bɤrɤn zaman-da, käǯä kamanda, sajɤskan sotnik, baka
древний-древний время-LOC коза командир сорока сотник лягушка

plotnik, ürdäk urädnik bul-gan zaman-da jäš-ä-gän di
плотник утка урядник быть-PFCT время-LOC жить-ST-PFCT говорить.IPFV

ber awɤl-da čibär genä zifa buj-lɤ matur kɤz.
один деревня-LOC прекрасный FOC стройный рост-ATR красивый девушка
Давным-давно [= в давнее-давнее время]*,* [в то время,] *когда коза была командиром, сорока сотником, лягушка плотником, а утка урядником, жила(-была), говорят, в одном селе прекрасная, стройная, рослая, красивая девушка.*

(2) ul kečkenä-dän ük bik uŋgan bala bul-ɤ-p
он маленький-ABL уже очень умелая ребенок быть-ST-CONV

üs-kän, beten eš-lär-ne dä ešl-i bel-gän.
расти-PFCT всякий дело-PL-ACC EMPH работать-ST.IPFV знать-PFCT
Уже с малых (лет) она росла [будучи] *очень умелой девочкой, и всякую работу умела делать.*

(3) ket-mä-gän-dä zexrä-neŋ änä-se ül-e-p kit-ä,
ждать-NEG-PFCT-LOC Зухра-GEN мать-3 умерла-ST-CONV уходить-ST.IPFV

kɤz ätä-se belän genä kal-a.
девушка отец-3 с FOC оставаться-ST.IPFV
Нежданно [= когда не ждали] *мать Зухры умерла* [= умерев, ушла]*, (и) девушка осталась только с отцом.*

(4) ɤzakl-a-m-ɤj ätä-se ü-gä jaŋa äni — ügi ana
медлить-ST-NEG-ST.IPFV отец-3 дом-DAT новый мать чужой мать

[3] Этот текст воспроизводит с незначительными уточнениями публикацию из Лютикова и др. 2007.

al-ɤ-p kat$_j$-a.
брать-ST-CONV приходить-ST.IPFV

Вскоре [= не медля] *отец привел* [= взяв, пришел] *в дом новую маму — мачеху* [= чужую мать].

(5) ügi änä zexrä-neŋ matur-lɤg-ɤ-n, alsu jez-le
чужой мать зухра-GEN красивый-NOMIN-3-OBL.ACC румяный лицо-ATR

bul-u-ɤ-n kür-e-p kenn-ä-š-ä
быть-NMN-3-OBL.ACC видеть-ST-CONV завидовать-ST-REC-ST.IPFV

bašl-ɤj, čenki üz-e ällä nindi-lär-dän bul-m-ɤj.
начинать-ST.IPFV потому.что сама-3 особо такой-PL-ABL быть-NEG-ST.IPFV

Мачеха увидела красоту Зухры (и) ее румяное лицо [= бытие с румяным лицом] *(и) стала завидовать, потому что сама была не из таких.*

(6) ul zexrä-neŋ ar-u–tal-u-dan sul-gan
он Зухра-GEN уставать-NMN–утомляться-NMN-ABL вянуть-PFCT

jez-e-n kür-ge-se kel-ä-p anar-ga nindi
лицо-3-OBL.ACC видеть-ATR-3 хотеть-ST-CONV он.OBL-DAT какой

genä eš-lär ujl-a-p tap-m-ɤj,
FOC работа-PL думать-ST-CONV находить-NEG-ST.IPFV

tik zexrä bar-sɤ-n da ešl-ä-r-gä elger-ä.
но Зухра все-3-OBL.ACC EMPH работать-ST-POT-INF успевать-ST.IPFV

Она, захотев увидеть лицо Зухры увядшим от усталости [= от уставания-утомления]*, какую только работу для нее ни придумывала* [= подумав, не находила]*, но Зухра все успевала сделать.*

(7) šɤ-n-nan sɤŋ ügi änä zexrä-gä xär ten-ne kɤš ta
этот-OBL-ABL после чужой мать Зухра-DAT каждый ночь-ACC зима EMPH

jaz da kez dä ƶäj dä tep-sez bučkɤ-ga jɤrak čišmä-dän
весна EMPH осень EMPH лето EMPH дно-CAR бочка-DAT далеко родник-ABL

su taš-ɤ-r-ga kuš-a.
вода таскать-ST-POT-INF велеть-ST.IPFV

И тогда [= после этого] *мачеха велела Зухре каждую ночь и зимой, и весной, и осенью, и летом носить воду из дальнего родника в бездонную бочку.*

(8) mɤna bu eš zexrä ečen ƶäza bul-ɤ-r! dip ujl-ɤj ul.
вот это работа Зухра для наказание быть-ST-POT SUB думать-ST.IPFV он.

«Вот эта работа Зухре (настоящим) наказанием будет», — думала она.

(9) tik zexrä genä kurk-ɤ-p kal-m-ɤj xär ten-ne
но Зухра FOC бояться-ST-CONV оставаться-NEG-ST.IPFV каждый ночь-ACC

su taš-u-ɤ-n däwam it-ä.
вода таскать-NMN-3-OBL.ACC продолжение делать-ST.IPFV

Но только Зухра не побоялась [= испугавшись, не осталась]*, (и) каждую ночь продолжала* [= продолжение делала] *носить воду.*

(10) ӂäj-neŋ matur ber ten-e-n-dä bala-itäk-le külmäg-e-n,
лето-GEN красивый один ночь-3-OBL-LOC ребенок-юбка-ATR платье-3-OBL.ACC

čik-kän aljapkɤč-ɤ-n, kalfag-ɤ-n, safjan čitek-lär-e-n
вышивать-PFCT передник-3-OBL.ACC калфак-3-OBL.ACC сафьян сапог-PL-3-OBL.ACC

kij-e-p, tɤlɤm-nar-ɤ-n čulpɤ-lar belän ür-e-p,
надевать-ST-CONV коса-PL-3-OBL.ACC чулпа-PL с заплетать-ST-CONV

ӂilkä-se-n-ä čiläk-kejäntä-lär-e-n as-ɤ-p, zexrä
плечо-3-OBL-DAT ведро-коромысло-PL-3-OBL.ACC вешать-ST-CONV Зухра

su-ga kit-ä.
вода-DAT уходить-ST.IPFV

(И вот) в одну красивую летнюю ночь Зухра надела платье с оборками [= ребенок-юбка]*, вышитый передник, калфак, сафьяновые сапожки, вплела в косы чулпы, повесила на плечо коромысло с ведрами и пошла за водой.*

(11) aj-nɤŋ näk tul-gan wakɤt-ɤ bul-a.
луна-GEN как.раз наполняться-PFCT время-3 быть-ST.IPFV

Как раз было полнолуние [= луны наполненное время].

(12) zexrä aj-ga kara-p, aj-ɤm jɤldɤz-ɤm, al
Зухра луна-DAT смотреть-CONV луна-1SG звезда-1SG брать.IMP

mi-ne üz-eŋ-ä! di.
я-ACC сам-2SG-DAT говорить

Зухра посмотрела на луну и сказала: «Луна моя, звезда моя, возьми меня к себе!»

(13) ket-mä-gän-dä mɤgӂiza bul-a: aj-dan
ждать-NEG-PFCT-LOC чудо быть-ST.IPFV луна-ABL

zexrä bas-ɤ-p tɤr-gan ӂir-gä nur teš-ä,
Зухра вступать-ST-CONV стоять-PFCT земля-DAT свет падать-ST.IPFV

xäm zexrä šul nur bujlap aj-ga men-e-p
и Зухра этот свет по луна-DAT подниматься-ST-CONV

kit-ä mäŋgelek-kä.
уходить-ST.IPFV вечность-DAT

Внезапно [= когда не ждали] *случилось чудо: с луны к тому месту* [= земле]*, где стояла* [= вступив, встала] *Зухра, протянулся луч, и Зухра по этому лучу поднялась* [= поднявшись, ушла] *на луну (и осталась там) навсегда.*

(14) ägär tul-gan aj-ga kara-sa-ŋ, čiläk-kejäntä-le
если наполняться-PFCT луна-DAT смотреть-COND-2SG ведро-коромысло-ATR

su-ga bar-u-čɤ zexrä-ne xäzer dä kür-e-p
вода-DAT идти-NMN-PART Зухра-ACC сейчас EMPH видеть-ST-CONV

bul-a di-lär.
быть-ST.IPFV говорить-PL

Если посмотришь на полную луну, то и сейчас, говорят, можно увидеть Зухру, идущую за водой с ведром (и) коромыслом.

Литературные произведения

17. Письмо дочери

Рассказала Венера Толгатовна Галиуллина, июль 2000 г.
Записал Д.О. Иванов, июль 2000 г.
Разобрали А.Б. Шлуинский и А.Г. Пазельская, июль 2000 г.

(0) kɤz-ɤm-a xat
девочка-1SG-DAT письмо
Письмо моей дочери

(1) agɤjdel-neŋ ak taš-ɤ, sagɤnɤčlɤ xat baš-ɤ; sin dä
Агидель-GEN белый камень-3 долгожданный письмо голова-3 ты EMPH

jaz-a-r-sɤŋ karšɤ.
писать-ST-POT-2SG навстречу
Белый камень Агидели, (это) начало [= голова] *долгожданного письма; и ты напиши* [= напишешь] *в ответ* [= навстречу].

(2) irtä is-kän taŋ ǯil-lär-e belän üz-e-neŋ čuktɤnčuk
утро дуть-PFCT рассвет ветер-PL-3 с сам-3-GEN бессчетный

saläm-när-eŋ siŋa jibär-e-p kal-u-čɤ gaziz änä-ŋ
привет-PL-2SG ты.DAT отпускать-ST-CONV оставаться-NMN-PART дорогой мать-2SG

dip bel-e-r-seŋ.
SUB знать-ST-POT-2SG
Ты узнаешь, что тот, кто шлет [= пустив остающийся] *тебе свои бессчетные приветы с утренними* [= утром веющими] *рассветными ветрами — твоя дорогая мать.*

(3) üz-eŋ-nän xat ket-te-m–ket-te-m dä kil-m-ä-gäč
сам-2SG-ABL письмо ждать-PST-1SG–ждать-PST-1SG EMPH приходить-NEG-ST-ANT

üz-em jaz-a-r-ga bul-dɤ-m.
сам-1SG писать-ST-POT-INF AUX2-PST-1SG
Я твоего письмо ждала-ждала и, когда (оно) не пришло, решила написать сама.

(4) minem äl-lär-gä kil-gän-dä šeker genä ber kej-e
я.GEN дело-PL-DAT приходить-PFCT-SIM слава FOC один подрядок

jäš-ä-p jat-a-m.
жить-ST-CONV ложиться-ST.IPFV-1SG
Что касается меня [= приходя к моим делам]*, живу* [= живя, лежу] *потихонечку* [= в одном порядке]*, слава (Богу).*

(5) jɤrt–jir terlek–tuar isän.
дом–земля домашнее.животное–скот здоровый
Дом и огород [= дом-земля] *(в порядке), скот жив-здоров.*

(6) tege sargɤlt tawɤg-ɤm kürše čɤmaj-lar-ga ker-e-p
тот желтенький курица-1SG сосед Чымай-PL-DAT входить-ST-CONV

ergä-lär-e-n-dä-ge ɤja-lar-ɤ-n-a jɤmɤrka-sɤ-n sal-a,
завалинка-PL-3-OBL-LOC-ATR щель-PL-3-OBL-DAT яйцо-3-OBL.ACC класть-ST.IPFV

čukɤnčɤk, tenä genä äle ajag-ɤ-n čatanla-t-ɤ-p
проклятый вчера FOC еще нога-3-OBL.ACC хромать-ST-CAUS-ST-CONV

kat$_j$-tɤ, mur kɤrgɤr-ɤ.
возвращаться-PST мор погибель-3

Та моя желтенькая курица к соседу Чымаю [Чымаям] *заходит, яйца в щели его завалинки кладет, проклятая, вот вчера еще на (одну) ногу захромала* [= каузировав захромать, вернулась], *холера* [= моровая погибель].

(7) šɤfan jɤn-nɤ kart sarɤg-ɤm bɤjɤl da ike bärän
шифон шерсть-ATR старый овца-1SG этот.год EMPH два ягненок

bärän-n-ä-de: ber-se ala, ber-se kɤla.
ягненок-VRB-ST-PST один-3 пегий один-3 буланый.

Моя старая овца с шифоновой шерстью в этом году принесла [= ягнилась] *двух ягнят: один пегий, а другой буланый.*

(8) guliwer tawɤk-lar-ɤ al-dɤ-m, üs-e-p kil-ä-lär,
гулливер курица-PL-3 брать-PST-1SG расти-ST-CONV приходить-ST.IPFV-PL

nu, kɤz-ɤm, ber tukt-a-m-ɤj aš-a-r-ga
но девочка-1SG один переставать-ST-NEG-ST.IPFV есть-ST-POT-INF

sɤr-ɤj-lar, gel jan-ɤm-nɤ kɤjn-a-p tɤr-a-lar,
спрашивать-ST.IPFV-PL всегда бок-1SG-ACC бить-ST-CONV стоять-ST.IPFV-PL

üt-kän ten-ne sukɤr gabbas kijäü-e kit-e-r-gän
проходить-PFCT ночь-ACC слепой Габбас зять-3 уходить-ST-CAUS-PFCT

bɤdaj-ɤm bik ɤzak-ka ǯit-m-ä-s megajen,
пшеница-1SG очень долго-DAT хватать-NEG-ST-POT наверное

bek küp aš-ɤj-lar.
очень много есть-ST.IPFV-PL

Купила бройлерных [= гулливеровских] *куриц, (они) подрастают* [= растя, приходят], *но, доченька, без остановки есть просят, все время душу выматывают* [= бок бия, стоят]*; пшеницы, которую прошлой ночью мне принес сват слепого Габбаса, надолго, наверное, не хватит, (они) очень много едят.*

(9) munča-nɤ tübän ɤč-ta-gɤ kɤrmaj rinat-lar-ɤ-n-da ker-ä-m,
баня-ACC нижний конец-LOC-ATR Кырмай Ринат-PL-3-OBL-LOC входить-ST.IPFV-1SG

munča-lar-ɤ kara, nu šäp, par-ɤ jaxšɤ čɤg-a,
баня-PL-3 черный но замечательный пар-3 хорошо выходить-ST.IPFV

ber sägät-ne – ex tä di-m-i-m, räxätlänep ker-ä-m.
один час-ACC эх EMPH говорить-NEG-ST.IPFV-1SG приятно входить-ST.IPFV-1SG

Хожу в баню на (улице) Нижний Конец к Ринату Кырмаю, баня [= бани] *у них черная, но отличная, пар выходит хорошо, один час (там провести) для меня ничто* [= и не говорю], *приятно (туда) ходить.*

(10) bɤjɤl bixisap minek xästär-l-ä-de-m, kat$_j$,
в.этом.году очень.много веник приготовление-VRB-ST-PST-1SG возвращаться.IMP

kɤz-ɤm, čab-ɤ-r-mɤn üz-eŋ-ne, beten xästä-lär-eŋ bet-ä-r.
девочка-1SG парить-ST-POT-1SG сам-2SG-ACC весь болезнь-PL-2SG кончаться-ST-POT

В этом году очень много веников наготовила, приезжай, доченька, парить тебя буду, все болезни твои кончатся.

(11) awɤl-da andɤj-mɤndɤj jaŋa-lɤk-lar juk, gel
деревня-LOC такой-сякой новый-NOMIN-PL нет всегда

elekke-čä: taŋ at-a da kič bul-a.
прежний-ADV рассвет стрелять-ST.IPFV EMPH вечер быть-ST.IPFV

В деревне особенных [= таких-сяких] *новостей нет, все по-прежнему: рассветает* [= рассвет стреляет] *и вечереет* [= вечер бывает].

(12) safxuz-da uborka-ga xästär-l-ä-n-ä-lär, rajon-nan ike
совхоз-LOC уборка-DAT приготовление-VRB-ST-PASS-ST.IPFV-PL район-ABL два

kambajɤn jibär-gän-när, pumɤš-ka dip.
комбайн посылать-PFCT-PL помощь-DAT SUB

В совхозе готовятся к уборке, из района прислали два комбайна для помощи.

(13) uborka bɤjɤl jaxšɤ bul-ɤ-r-ga tɤr-a.
уборка этот.год хороший быть-ST-POT-INF стоять-ST.IPFV

Уборка в этом году обещает [= стоит] *быть хорошей.*

(14) jä jarɤj, kɤz-ɤm, üz xäl-lär-eŋ niček?
ну ладно девочка-1SG сам дело-PL-2SG как

Ну ладно, доченька, твои дела как?

(15) niček jäš-i-seŋ?
как жить-ST.IPFV-2SG

Как живешь?

(16) aš-a-u, eč-ü ʒit-ä-me?
есть-ST-NMN пить-NMN хватать-ST.IPFV-Q

Еды, питья хватает?

(17) ešl-i-seŋ-me?
работать-ST.IPFV-2SG-Q

Работаешь?

(18) akča bir-ä-l-i-lär-me?
деньги платить-ST-PASS-ST.IPFV-PL-Q

Деньги платят?

(19) ej, ɤnɤt-kan-mɤn, xekümät baba-ŋ pinse-m-ne jez
ой забывать-PFCT-1SG правительство дедушка-2SG пенсия-1SG-ACC сто

täŋkä-gä arttɤr-dɤ, alla-nɤŋ räxmät-e jaw-sɤn
рубль-DAT повышать-PST Аллах-GEN благодать-3 падать-JUSS

baš-lar-ɤ-n-a, sau-lɤk, gakɤl bir-sen.
голова-PL-3-OBL-DAT здоровый-NOM ум давать-JUSS

Ой, забыла: дорогое правительство [= дедушка-правительство] *повысило мне пенсию на 100 рублей, да снизойдет* [= прольется дождем] *благодать Аллаха на их головы, да даст (им Аллах) здоровья и ума.*

(20) kat$_j$-ɤ-p kil inde, bäbkä-m, bik sagɤn-dɤ-m
возвращаться-ST-CONV приходить.IMP уж гусенок-1SG очень тосковать-PST-1SG

bit sine, küz nur-ɤm-nɤ!
ведь ты.ACC глаз луч-1SG-ACC

Приезжай [= вернувшись приходи] *уж, моя милая* [= мой гусенок], *(я) ведь так соскучилась по тебе, свету очей моих* [= лучу глаза моего]*!*

(21) jar-a-r, jeräk maj-ɤm, xuš.
подходить-ST-POT сердце масло-1SG до.свидания

Ладно, дорогая моя [= масло сердца], *до свидания.*

(22) isän bul.
здоровый быть.IMP

Будь здорова.

(23) dürt küz belän sin-nän xat ket-e-p kal-u-čɤ, änä-ŋ.
четыре глаз с ты-ABL письмо ждать-ST-CONV оставаться-NMN-PART мать-2SG

С нетерпением [= в четыре глаза] *ожидающая* [= ожидая остающаяся] *от тебя письма, твоя мама.*

18. Стихотворение

Рассказала Венера Толгатовна Галиуллина, июль 1999 г.
Записал А.Н. Скобелкин, июль 1999 г.
Разобрали А.Н. Скобелкин и П.К. Воляк, июль 1999 г.

(1) räsäj-neŋ baš kala-sɤ-n-nan
Россия-GEN голова город-3-OBL-ABL

Из столицы [= головного города] *России*

(2) kil-de-lär bez-gä rus-lar:
приходить-PST-PL мы-DAT русский-PL

к нам приехали русские:

(3) praf$_j$esɤr-lar, dacent-lar
профессор-PL доцент-PL

профессора, доценты

(4) xäm gadi student-lar.
и простой студент-PL

и простые студенты.

(5) ber-se sɤr-ɤj isem-när,
один-3 спрашивать-ST.IPFV имя-PL

Один [из них] *спрашивает существительные,*

(6) ike-nče-se almašlɤk.
два-ORD-3 местоимение

другой [= второй из них] *местоимения*

(7) almašlɤk-tan isem jas-a-p
местоимение-ABL имя делать-ST-CONV
Из местоимения делая имя существительное

(8) utɤr-a-bɤz baš kaš-ɤ-p.
сидеть-ST.IPFV-1PL голова чесать-ST-CONV
сидим и чешем голову [= голову почесывая].

(9) ällä nindi bez bel-m-ä-gän
INDEF какой мы знать-NEG-ST-PFCT
Какие-то, которые мы не знаем [= нами не знаемые],

(10) ǯemlä-lär tez-e-t-ä-lär.
предложение-PL строить-ST-CAUS-ST.IPFV-PL
предложения заставляют (нас) строить.

(11) mišär tel-e-n-dä bul-m-a-gan
мишарин язык-3-OBL-LOC быть-NEG-ST-PFCT
Которых в мишарском языке нет [= в мишарском языке не имеющиеся],

(12) süz-lär-ne ezl-ä-t-ä-lär.
слово-PL-ACC искать-ST-CAUS-ST.IPFV-PL
слова заставляют искать.

(13) urɤs-ča-dan mišär-čä-gä
русский-ADV-ABL мишарин-ADV-DAT
С русского на мишарский

(14) süz-lär-ne kat$_j$-ɤ-r-a-bɤz.
слово-PL-ACC возвращаться-ST-CAUS-ST.IPFV-1PL
слова переводим [= заставляем возвращаться].

(15) tɤnɤč uz-gan wakɤt-lar-nɤ
тихий проходить-PFCT время-PL-ACC
По тихим прежним временам,

(16) aj–xaj, jɤš sagɤn-a-bɤz.
ой–ой часто тосковать-ST.IPFV-1PL
ой-ой, часто грустим.

(17) bik tɤrɤš-lar student-lar
очень старательный-PL студент-PL
Очень старательные студенты

(18) sɤz-a-lar da bɤz-a-lar,
подчеркивать-ST.IPFV-PL EMPH портить-ST.IPFV-PL
подчеркивают и зачеркивают [= портят],

(19) mišär-čä ejr-ä-n-ä-lär bit.
мишарин-ADV учить-ST-DEPAT-ST.IPFV-PL ведь
по-мишарски [ведь] *учатся.*

(20) nišl-ä-sen-när sɤŋ a-larʔ
что.делать-ST-JUSS-PL же он-PL
Что же им делать?

(21) jaltan mišär-lär-e šul bez
елтан мишарин-PL-3 этот мы
Елтанские мишары — это мы

(22) ftaraja maskwa.
вторая Москва
вторая Москва.

(23) mišär bit ul šɤndɤj xalɤk
мишарин ведь он такой народ
Мишары ведь (он) такой народ,

(24) beten eš-tä ǯaj tab-a.
весь дело-LOC возможность находить-ST.IPFV
в каждом деле находят пользу.

(25) šušɤ jaltan awɤl-ɤ-n-da
этот Елтан деревня-3-OBL-LOC
В этой деревне Елтан

(26) üt-te sez-neŋ ken-när dä.
проходить-PST вы-GEN день-PL EMPH
прошли и ваши дни.

(27) ber-enče mäskäü-gä kat$_j$-kač
один-ORD Москва-DAT возвращаться-ANT
Когда вернетесь в первую Москву,

(28) is-kä al-ɤgɤz bez-ne dä.
память-DAT брать.IMP-2PL мы-ACC EMPH
вспоминайте [= в память берите] *и нас.*

(29) sez-gä bez-dän šɤndɤj teläk:
вы-DAT мы-ABL такой пожелание
Вам от нас такое пожелание:

(30) ɤčr-a-š-ɤ-š-kal-a-š-ɤj-k,
встречаться-ST-REC-ST-REC-FREQ-ST-REC-HORT-1PL
пусть мы будем встречаться друг с другом хоть иногда, но почаще,

(31) dus-l-a-š-ɤ-š-ɤ-p tugan-l-a-š-ɤ-p
друг-VRB-ST-REC-ST-REC-ST-CONV родной-VRB-ST-REC-ST-CONV
подружившись, породнившись,

(32) bu den$_j$ä-dä bez jäš-i-k.
этот мир-LOC мы жить-HORT-1PL
в этом мире пусть (будем) жить.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллина Р.С. (1988). *Развитие значений и стилистические особенности временных форм татарского глагола.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1988.

Азер А.А. (1955). *Категория залога в современном азербайджанском языке.* Баку, 1955.

Аминова А.А. (1993). *Производный глагол в сопоставительном аспекте*. Казань, 1993.

Аминова А.А. (1995). *Внутриглагольная деривация в русском и татарском языках.* Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1995.

Апресян Ю.Д. (1974). *Лексическая семантика*, М., 1974.

Апресян Ю.Д. (2006). Фундаментальная классификация предикатов // Апресян Ю.Д. (ред.) *Языковая картина мира и системная лексикография.* М., 2006.

Арсланов Л.Ш. (1966). *Татарские говоры правобережных районов татарской и Чувашской АССР.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1966.

Архипов А.В. (2009). *Типология комитативных конструкций.* М., 2009.

Асылгараев Ш.Н. (1968). *Синтагматическое деление татарской речи.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1968.

Ахатов Г.Х. (1977). *Татарская диалектология.* Т. 1. Уфа, 1977.

Ахатов Г.Х. (1979). *Татарская диалектология.* Т. 2. Уфа, 1979.

Ахатов Г.Х. (1980). *Мишарский диалект татарского языка.* Уфа, 1980.

Ахметзянова Г.Р. (1997). *Сопоставительное исследование сложносуффиксального словообразования в английском и татарском языках.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1997.

Ахунзянов Э.М. (1987). *Контрастивная грамматика: морфология русского и тюркских языков.* Казань, 1987.

Баскаков Н.А. (1951). *Залоги в каракалпакском языке*. Ташкент, 1951.

Баширова Н.З. (1994). *Морфонологические процессы, сопровождающие словообразование в английском и татарском языках.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1994.

Баязитова Ф.С. (1986). *Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении.* М., 1986.

Баязитова Ф.С. (2003). *Духовное наследие татар-мишарей: семейно-бытовая, обрядовая терминология и фольклор*. Саранск, 2003.

Бонч-Осмоловская А.А. (2007). Семантика актантных дериваций // Лютикова Е.А., Казенин К.И., Соловьев В.Д., Татевосов С.Г. (ред.) *Мишарский диалект татарского языка: очерки по синтаксису и семантике.* Казань, 2007.

Бонч-Осмоловская А.А., Лютикова Е.А. (2002). Каузативы в языке, словаре и грамматике // *Труды казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2002*. Казань, 2002.

Булыгина Т.В. (1982). К построению типологии предикатов в русском языке // Селиверстова О.Н. (ред.) *Семантические типы предикатов.* М., 1982

Бурганова Н.Б., Махмутова Л.Т. (1963). О диалектном членении татарского языка // *Вопросы диалектологии тюркских языков.* Т.3. Баку, 1963.

Валеева Г.Т. (1988). *Немецкие полупрефиксальные глаголы и их семантические эквиваленты в татарском языке.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1988.

Валиуллина З.М. (1983). *Сопоставительная грамматика русского и татарского языков: Словообразование и морфология*. Казань, 1983.

Вильданова Н.Г., Гарипов Т.М. (1988). Один нулевой падеж или нулевые формы разных падежей? // *Советская тюркология,* №4, 1988.

Волкова Л.Б. (1988). *Сравнительная типология категории модальности немецкого и татарского языков.* Казань, 1988.

ВТЯ (1971). *Вопросы татарского языкознания. Ученые записки Казанского гос. пед. ин-та.* Вып. 95. Казань, 1971.

Гаджиев Э.Н. (2002). *Видо-временные формы глагола в кумыкском и турецком языках в сравнительном освещении.* Дисс. … канд. филол. наук. Махачкала, 2002.

Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А. (1986). *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис*. М., 1986.

Газизов Р.С. (1966). *Сопоставительная грамматика татарского и русского языков.* Казань, 1966.

Галямов Ф.Г. (1983). *Лексико-грамматичекие особенности повторов в современном татарском языке.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1983.

Ганиев Ф.А. (1963). *Видовая характеристика глаголов татарского языка: Проблема глагольного вида в татарском языке.* Казань, 1963.

Ганиев Ф.А. (1973). *Фонетическое словообразование в татарском языке.* Казань, 1973.

Ганиев Ф.А. (1974). *Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке.* Казань, 1974.

Ганиев Ф.А. (1976). *Суффиксальное образование глаголов в современном татарском литературном языке.* Казань, 1976.

Ганиев Ф.А. (1977). *Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке.* Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Казань, 1977.

Ганиев Ф.А. (1980). *Вопросы морфологии татарского языка.* Казань, 1977.

Ганиев Ф.А. (1982). *Образование сложных слов в татарском языке.* М., 1982.

Ганиев Ф.А. (1985). *Конверсия в татарском языке.* Казань, 1985.

Ганиев Ф.А. (2003). *Способы действия глаголов в татарском языке.* Казань, 2003.

Гарданов Х.Ш. (1969). *Повелительное наклонение и его стилистическое употребление в современном татарском языке.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 1969.

Гарифуллин С.П. (1990). *Послелоги татарского языка.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1990.

Грайс Г.П. (1985). Логика и речевое общение. *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XVI. М., 1985.

Гращенков П.В. (1999). Опыт описания тюркской именной группы: существующие проблемы и возможные пути их решения // *Труды математического ценра им. Лобачевского.* Том 4. Компьютерная лингвистика. Казань, 1999.

Гращенков П.В. (2000). *Тюркская именная группа: тысяча и одна загадка*. Рукопись.

Гращенков П.В. (2007). Изафетная конструкция: многофакторный анализ // Лютикова Е.А., Казенин К.И., Соловьев В.Д., Татевосов С.Г. (ред.) *Мишарский диалект татарского языка: очерки по синтаксису и семантике*. Казань, 2007.

Гращенков П.В. (2009). Синтаксис конструкций с плавающими кванторами в тубаларском // Татевосов С.Г. (ред.) *Тубаларские этюды*. М., 2009.

Гращенков П.В. (2011). Подлежащее в деепричастных конструкциях тюркских языков // *Вестник ТГГПУ,* №4, 2011.

Гращенков П.В. (2012). Тюркские конструкции со вспомогательным глаголом и деепричастием на *-п* // *Урало-алтайские исследования*, №1, 2012.

Гращенков П.В. (2015a). Комитатив и каритив в тюркских и монгольских языках, их функции и возможная эволюция // *Урало-алтайские исследования,* №4, 2015.

Гращенков П.В. (2015b). *Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация*. М., 2015.

Грунина Э.А. (2002). Огузские языки: Глагол // Тенишев Э.Р (ред.) *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции.* М., 2002.

Гусев В.Ю. (2007). Эвиденциальность в нганасанском языке // Храковский В.С. (ред.) *Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой.* СПб, 2007.

Джанмавов Ю.Д. (1967). *Деепричастия в кумыкском литературном языке.* М., 1967.

Дмитриев Н.К. (1960). *Турецкий язык*. М., 1960.

Дмитриев Н.К. (1962). *Строй тюркских языков.* М., 1962.

Добрушина Н.Р. (2007a). Оптатив или императив? // Лютикова Е.А., Казенин К.И., Соловьев В.Д., Татевосов С.Г. (ред.) *Мишарский диалект татарского языка: очерки по синтаксису и семантике.* Казань, 2007.

Добрушина Н.Р. (2007b). О семантике одной тюркской модальной категории // Лютикова Е.А., Казенин К.И., Соловьев В.Д., Татевосов С.Г. (ред.) *Мишарский диалект татарского языка: очерки по синтаксису и семантике.* Казань, 2007.

Закамулина М.Н. (1987). *Сопоставительный анализ средств выражения способов действия во французском и татарском языках.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987.

Закамулина М.Н. (1999). *Аспектуальность в татарском и французском языках.* Казань, 1999.

Закиев М.З. (1963). *Синтаксический строй татарского языка.* Казань, 1963.

Закиев М.З. (1972). Некоторые вопросы формирования сложноподчиненного предложения. *Советская тюркология,* №2, 1972.

Закиев М.З. (1986). *Проблемы языка и происхождения волжских татар.* Казань, 1986.

Закиев М.З. (1995). *Татары: проблемы истории и языка.* Казань, 1995.

Закиев М.З. (1997). Татарский язык // Тенишев Э.Р. (ред.) *Языки мира. Тюркские языки.* М., 1997.

Закиев М.З. (ред.). (1986). *Вопросы структуры татарского языка.* Казань, 1986.

Закиев М.З., Гарипова Ю.В. (ред.). (1998). *Проблемы функционирования, диалектологии и истории языка.* Казань, 1998.

Закиев М.З., Зиннатуллина К.З. (ред.). (1980). *Проблемы типологии татарского и русского языков.* Казань, 1980.

Закиев М.З., Сафиуллина Ф.С. (1977). *Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков.* Казань, 1977.

Закиев М.З., Курбатов Х.Р. (1971). *Современный татарский литературный язык: Синтаксис*. М., 1977.

Зализняк А.А. (2002). К типологии относительного предложения // Зализняк А.А. *«Русское именное словоизменение» с приложением избр. работ по современному русскому языку и общему языкознанию.* М., 2002.

Зализняк А.А., Падучева Е.В. (1975). К типологии относительного предложения // *Семиотика и информатика,* №6, 1975.

Зализняк А.А., Шмелев А.Д. (2000). *Введение в русскую аспектологию.* М., 2000.

Зиннатуллина К.З. (1968). *Залоги глагола в современном татарском литературном языке.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1968.

Зиннатуллина К.З. (1969). *Залоги глагола в современном татарском литературном языке.* Казань, 1969.

Ибрагимова М.Ю. (1975). *Реальная модальность и средство ее передачи в татарском языке.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1975.

Иванов Д.О., Пазельская А.Г., Татевосов С.Г., Ханина О.В., Шлуинский А.Б. (2007). Приложение // Лютикова Е.А., Казенин К.И., Соловьев В.Д., Татевосов С.Г. (ред.) *Мишарский диалект татарского языка: очерки по синтаксису и семантике.* Казань, 2007.

Ирисов Н.И. (1983). *Генитив в современном татарском литературном языке (к проблеме взаимодействия морфологии и синтаксиса).* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань.

Исхакова Х.Ф. (1972). *Исследования в области формальной морфологии тюркских языков.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1972.

Исхакова Х.Ф. (1981). Диатезы и залоги в татарском языке // Храковский В.С. (ред.) *Залоговые конструкции в разноструктурных языках.* Л., 1981.

Казенин К.И., Тестелец Я.Г. (1999). Структура составляющих // Кибрик А.Е. (ред.) *Элементы цахурского языка в типологическом освещении.* М., 1999.

Калинина Е.Ю. (2001). *Нефинитные сказуемые в независимом предложении.* М., 2001.

Кибрик А.Е. (1977). *Опыт структурного описания арчинского языка.* Том 3. *Динамическая грамматика.* М., 1977.

Кибрик А.А. (1987). Механизмы устранения референциального конфликта // Кибрик А.Е., Нариньяни А.С. (ред.) *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах.* М., 1987.

Кибрик А.Е. (1992). *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания.* М., 1992.

Кирьянов Д.П. (2011). Башкирское прилагательное в «негативе» (не-позитиве), а также немного подробностей о компаративах. Экспедиционный хэндаут. Рахметово, 2011.

Коваль П.А. (2013). Синтаксис производных прилагательных на *-le* в мишарском диалекте татарского языка // *Материалы конференции «Ломоносов-2013».* Москва, 2013.

Ковальчук Н.Г. (1974). *Атрибутивно-субстантивные словосочетания с зависимыми существительными в английском языке и их соответствия в татарском.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1974.

Козинский И.Ш. (1985). Кореферентные связи инфинитивных оборотов в русском языке // Храковский В.С. (ред.) *Типология конструкций с предикатными актантами*. Л., 1985.

Кононов А.Н. (1956). *Грамматика современного турецкого литературного языка.* М.—Л., 1956.

Кормушин И.В. (1966). О грамматическом и лексическом в глагольных каузативах // *Тюркологический сборник.* М., 1966.

Кормушин И.В. (1976). О пассивном значении каузативных глаголов // *Turcologica*. М., 1976.

Кормушин И.В. (1984). *Системы времен глагола в алтайских языках.* М., 1984.

Корнилов Г.Е., Холодович А.А., Храковский В.С. (1969). Каузативы и антикаузативы в чувашском языке // Холодович А.А. (ред.) *Типология каузативных конструкций.* Л., 1969.

Красногор Е.Ш. (1979). *Способы выражения длительных и предельных значений в современном английском языке (в сопоставлении с татарским языком).* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979.

Курбатов Х.Р., Асильгараев Ш.Н., Махмутова Л.Т. (ред.). (1986). *Исследование по лексике и грамматике татарского языка.* Казань, 1986.

Курилович Е. (1962). Проблема классификации падежей // Курилович Е.. *Очерки по лингвистике*. М., 1962.

Кустова Г.И. (1996). О коммуникативной структуре значения глаголов с событийным каузатором // *Московский лингвистический журнал*. Том 2. М., 1996.

Латышева А.Н. (1982). О семантике условных, причинных и уступительных союзов в русском языке // *Вестник МГУ*. Сер. 9. Филология, №5, 1982.

Лютикова Е.А. (1997). Рефлексивы и эмфаза // *Вопросы языкознания*, № 6, 1997.

Лютикова Е.А. (2002). *Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы.* М., 2002.

Лютикова Е.А. (2009). Относительные предложения с союзным словом *который*: общая характеристика и свойства передвижения // Киселева К.Л., Плунгян В.А., Рахилина Е.В., Татевосов С.Г. (ред.). *Корпусные исследования по русской грамматике.* М., 2009.

Лютикова Е.А. (2014). Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова*. Серия «Филологические науки», №4, 2014.

Лютикова Е.А. (2015). *Относительные предложения.* М.: МГУ, рукопись.

Лютикова Е.А. (2017). *Формальные теории падежа: теории и приложения.* М., 2017.

Лютикова Е.А. (2018). *Структура именной группы в безартиклевом языке.* М., 2018.

Лютикова Е.А., Гращенков П.В. (2008). Номинализация и семантико-синтаксический интерфейс. // Плунгян В.А., Татевосов С.Г. (ред.) *Исследования по глагольной деривации.* М., 2008.

Лютикова Е.А., Ибатуллина Д.Р. (2015). Case theory and case variation in Tatar // Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В., Коношенко М.Б. (ред.) *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции "ТМП-2015".* Вып. 2. М., 2015.

Лютикова Е.А., Казенин К.И., Соловьев В.Д., Татевосов С.Г. (ред.) (2007). *Мишарский диалект татарского языка: очерки по синтаксису и семантике.* Казань, 2007.

Лютикова Е.А., Татевосов С.Г., Иванов М.Ю., Шлуинский А.Б., Пазельская А.Г. (2006). *Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке.* М., 2006.

Майсак Т.А., Татевосов С.Г. (2000). Пространство говорящего в категориях грамматики // *Вопросы языкознания,* №5, 2000.

Малютина С.А. (2011). *Именная группа в мишарском диалекте*. Технический отчет 11-08, МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2011.

Мардиева М.Б. (1974). *Перифрастические формы татарского глагола в сравнении с узбекскими и турецкими формами.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1974.

Маслов Ю.С. (1984). *Очерки по аспектологии.* Л., 1984.

Махмутова Л.Т. (1962). Основные характерные черты мишарских говоров на территории Пензенской области // *Материалы по татарской диалектологии*. Вып.2. Казань., 1962.

Махмутова Л.Т. (1966). Краткие заметки о хвалынском говоре мишарского диалекта татарского языка // *Вопросы диалектологии тюркских языков*. Баку, 1966.

Махмутова Л.Т. (1976). Формы прошедшего времени в мишарском диалекте татарского языка. *Советская тюркология*, №3, 1976.

Махмутова Л.Т. (1978). *Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка.* М., 1978.

Махмутова Л.Т. (ред.). (1979). *Исследования по исторической диалектологии татарского языка.* Казань, 1979.

Махмутова Л.Т. (ред.). (1984). *Исследования по татарскому языкознанию.* Казань, 1984.

Махмутова Л.Т. (1989). Краткий обзор истории изучения среднего и мишарского диалектов татарского языка. // *Материалы по татарской диалектологии*. Вып. 7. Казань, 1989.

Мельчук И.А. (1974*). Опыт теории лингвистических моделей «Смысл-текст».* М., 1974.

Мельчук И.А., Холодович А.А. (1970). К теории грамматического залога // *Народы Азии и Африки,* №4, 1970.

Митренина О.В. (2008). Синтаксис коррелятивных конструкций русского языка с позиции генеративной грамматики // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии.* Вып. 7. М., 2008.

Насилов Д.М. (1989). *Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность.* Л., 1989.

Недялков В.П. (1978). Заметки по типологии рефлексивных деагентивных конструкций (опыт исчисления) // Храковский В.С. (ред.) *Проблемы теории грамматического залога.* Л., 1978.

Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. (1969). Типология морфологического и лексических каузативов // Холодович А.А. (ред.) *Типология каузативных конструкций.* Л., 1969.

Недялков В.П., Яхонтов С.Е. (1983). Типология результативных конструкций // Недялков В.П. (ред.) *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект).* Л., 1983.

Падучева Е.В. (1985). *Высказывание и его соотнесенность с действительностью.* М., 1985.

Падучева Е.В. (1996). *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива.* М., 1996.

Падучева Е.В. (2001). Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке // *Русский язык в научном освещении,* №1, 2001.

Падучева Е.В. (2009). *Статьи разных лет*. М., 2009.

Пазельская А.Г. (2007). Проблема сочинения и подчинения // Лютикова Е.А., Казенин К.И., Соловьев В.Д., Татевосов С.Г. (ред.) *Мишарский диалект татарского языка: очерки по синтаксису и семантике.* Казань, 2009.

Пазельская А.Г., Шлуинский А.Б. (2007). Обстоятельственные предложения // Лютикова Е.А., Казенин К.И., Соловьев В.Д., Татевосов С.Г. (ред.) *Мишарский диалект татарского языка: очерки по синтаксису и семантике.* Казань, 2009.

Паневова Я. (1978). Критерии для установления облигаторных партиципантов глагола // Храковский В.С. (ред.) *Проблемы теории грамматического залога*. Л., 1978.

Плунгян В.А. (2000). *Общая морфология.* М., 2000.

Подлесская В.И. (1993). *Сложное предложение в современном японском языке. Материалы к типологии полипредикативности.* М., 1993.

Подлесская В.И. (1999). Условные конструкции: стратегии кодирования и функциональная мотивация // Рахилина Е.В., Тестелец Я.Г. (ред.) *Типология и теория языка: от описания к объяснению.* М., 1999.

Рамазанова Д.Б. (1970). *Говоры татар среднего Прикамья.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1970.

Рамазанова Д.Б. (1991). Мишарский, средний, восточный…: Диалекты и говоры татарского языка // *Татарстан*, №11, 1991.

Рамазанова Д.Б., Закиев М.З. (ред.). (1990). *Материалы по татарской диалектологии*. Казань, 1990.

Рахилина Е.В. (2008). *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость.* М., 2008.

РТС (2001). Ганиев Ф.А. (ред.). *Русско-татарский словарь. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное*. Казань, 2001.

Рудницкая Е.Л. (1997). Алтайское сочинение в корейском языке // *Вопросы языкознания,* №6, 1997.

Сай С.С., Баранова В.В., Сердобольская Н.В. (2009). Исследования по грамматике калмыцкого языка *// Acta Linguistics Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, V (2). СПб: Наука.

Салехова Н.Х. (1975). *Грамматическая категория времени татарского глагола и темпоральность.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1975.

Салехова Н.Х. (1984). *Сравнительная типология временной системы немецкого и татарского языков: курс лекций.* Казань, 1984.

Салихова Д.Б. (1986). *Морфонологическая система современного татарского литературного языка.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1986.

Саурбаев Р.Ж. (2011). Функции полупредикативных конструкции в газетном стиле в рамках прадигматического синтаксиса (на материале английского и татарского языков) // *Мир науки, культуры, образования,* №5, 2011.

Сафиуллина Ф.С. (1976). *Порядок слов в современном татарском литературном языке.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1976.

Сафиуллина Ф.С. (1978). *Синтаксис татарской разговорной речи.* Казань, 1978.

Севортян Э.В. (1956). *Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков.* Часть 2. *Морфология*. М., 1956.

Севортян Э.В. (1962). *Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования.* М., 1962.

Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. (2012). Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Кузнецова А.И. (ред.) *Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. М., 2012.

Серебренников Б.А. (1958). Проблема глагольного вида в тюркских языках // Гаджиева Н.З. и др. (ред.). *Вопросы грамматики тюркских языков.* Материалы координационного совещания по проблемам глагольного вида и сложноподчиненного предлождения в тюркских языках. Алма-Ата, 1958.

Сибагатов Р.Г. (1970). *Некоторые синтаксические вопросы перевода с русского языка на татарский.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 1970.

Соловьев В.Д. (2001). Маркировка каузируемого и проблема идентификации синтаксических позиций // *Обработка текста и когнитивные технологии.* Вып. 6. Казань, 2001.

СТЛЯ (1969). Бурганова Н.Б., Закиев М.З., Курбатов Х.Р. (ред.) *Современный татарский литературный язык*. М., 1969.

Сулейманов Д.Ш. (1996a). К вопросу о числе татарских падежей // Бухараев Р.Г. (ред.) *Исследования в лингвистике*. Казань, 1996.

Сулейманов Д.Ш. (1996b). К описанию татарских падежей через структурно-функциональную модель морфем // *Proceedings of the LP'96 Conference on Language Typology.* Prague, 1996.

Сулейманов Д.Ш. (1997). Татарский язык: его регулярность и типы нарушений // *Сборник трудов межд. конференции «Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность».* Том 1. М., 1997.

Сулейманов Д.Ш., Гатиатуллин А.Р. (2003). *Структурно-функциональная компьютерная модель татарских морфем.* Казань, 2001.

Сулейманов Д.Ш., Гатиатуллин А.Р. (2012a). Модель многословных конструкций татарского языка: аналитические формы // *Казанская наука,* №12, 2012.

Сулейманов Д.Ш., Гатиатуллин А.Р. (2012b). Семантические универсалии в система описания значений морфем // В.В. Голенков (ред.) *Материалы II Международной научно-технической конференции OSTIS-2012*. Минск, 201.

Сулейманов Д.Ш., Гатиатуллин А.Р., Карабаева С.Ж. (2013). К разработке функционально-структурной модели аффиксальных морфем языков тюркской группы (на примере киргизского и татарского языков) // *Казанская наука,* №6, 2013.

Сулейманов Д.Ш., Гатиатуллин А.Р., Альменова А.Б., Баширов А.М. (2017). Многофункциональная модель тюркской морфемы // *Сборник материалов I форума гуманитарных наук «Великая степь».* Астана, 2017

Тазранова А.Р. (2005). *Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке.* Новосибирск, 2005.

Татарско-русский словарь ИЯЛИ. (1966). (40 тыс. слов) Казань, 1966.

Татевосов С.Г. (2007a). Вид и акциональность // Лютикова Е.А., Казенин К.И., Соловьев В.Д., Татевосов С.Г. (ред.) *Мишарский диалект татарского языка: очерки по синтаксису и семантике.* Казань: Магариф.

Татевосов С.Г. (2007b). Эвиденциальность и адмиратив в багвалинском языке // Храковский В.С. (ред.) *Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой.* СПб., 2007.

Татевосов С.Г. (2009). Аспектуальная композиция // Татевосов С.Г. (ред.) *Тубаларские этюды.* М., 2009.

Татевосов С.Г. (2013). Семантика события как эмпирическая проблема // Куслий П.С. (ред.) *Философия языка и формальная семантика.* М., 2013.

Татевосов С.Г. (2014). От имени к глаголу и обратно: наблюдения типолога над акциональной композицией // *Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований.* Том 10. №3, 2014.

Татевосов С.Г. (2015). *Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события.* М., 2015.

Татевосов С.Г. (2016). *Глагольные классы и типология акциональности.* М., 2016.

Татевосов С.Г. (2018). Одинарный, двойной и фальшивый каузатив в мишарском диалекте тататрского языка // *Вопросы языкознания,* №1, 2018.

Татевосов С.Г. (ред.) (2009). *Тубаларские этюды*. М., 2009.

ТГ (1992). Закиев М.З., Ганиев Ф.А. (ред.) *Татарская грамматика.* Том 3. *Синтаксис.* Казань, 1992.

ТГ (1993). Закиев М.З., Ганиев Ф.А., Зиннатуллина К.З. (ред.) *Татарская грамматика.* Том 2. *Морфология.* Казань, 1993.

ТГ (1995). Закиев М.З., Ганиев Ф.А., Зиннатуллина К.З. (ред.) *Татарская грамматика.* Том 1. *Фонетика.* Казань, 1995.

Текуев М.М. (1979). *О глагольном словосложении в карачаево-балкарском языке.* Нальчик, 1979.

Тестелец Я.Г. (2001). *Введение в общий синтаксис*. М., 2001.

Тестелец Я.Г. (ред). (2009). *Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка.* М., 2009.

Тугушева Л.Ю. (1969). *Порядок слов в определительных конструкциях.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1969.

Тумашева Д.Г. (1986). *Татарский глагол. Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий. Учебное пособие*. Казань, 1986.

Тумашева Д.Г. (ред.) (1984). *Татарский язык: лексическая и грамматическая семантика.* Казань, 1984.

Тумашева Д.Г., Ирисов Н.И. (1989). К вопросу о падежном характере аффиксов *-дагы* и *-ныкы* // *Советская тюркология,* №6, 1989.

Тумашева Д.Г., Нуриева А.Х. (ред.). (1982). *Структура и история татарского языка.* Казань, 1982.

Тумашева Д.Г., Хаков В.Х. (ред.). (1977). *Исследования по татарскому языку.* Казань, 1977.

Тыбыкова А.Т. (1966). *Сложные глаголы в алтайском языке*. Горно-Алтайск, 1966.

Убрятова Е.И. (ред.) (1962). *Исследования по синтаксису тюркских языков.* М., 1962.

Фарисова Р.М. (2009). Придаточные предложения, подчиненные главному при помощи падежных аффиксов (на материале татарского языка) // *Вестник ЧГУ,* №3, 2009.

Фатхутдинова В.Г. (1988). *Татарские эквиваленты русских префиксальных глаголов (на материале глаголов с префиксом «на-»).* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1988.

Фатыхов А.Х. (1956). *Категории залога в башкирском языке.* Уфа, 1956.

Фердаус С.А. (1953). *Категория залога в узбекском языке.* Ташкент, 1953.

Ханина О.В. (2007). Конструкции с грамматикализованным конвербом глагола речи // Лютикова Е.А., Казенин К.И., Соловьев В.Д., Татевосов С.Г. (ред.) *Мишарский диалект татарского языка: очерки по синтаксису и семантике.* Казань, 2007.

Харитонов Л.Н. (1963). *Залоговые формы глагола в якутском языке.* М. —Л., 1963.

Хисамова Ф.М. (1970). *Причастия в современном татарском литературном языке.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1970.

Хисамова В.Н. (2005). *Глагольная система татарского языка в сравнении с английским языком.* Дисс. … канд. филол. наук. Казань, 2005.

Хисамова В.Н. (2006) Некоторые типологические особенности английского и татарского языков // *Вестник ТГГПУ,* №5, 2006.

Храковский В.С. (1989). Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Храковский В. С. (ред.) *Типология итеративных конструкций.* Л.: Наука.

Храковский В.С. (1998). Теоретический анализ условных конструкций // Храковский В.С. (ред.) *Типология условных конструкций (семантика, исчисление, типология).* СПб.

Храковский В.С. (ред.) (2007). *Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой.* СПб., 2007.

Чарыяров Б. (1955). *Категория залога в современном туркменском языке.* Ашхабад, 1955.

Черемисина М.И. (ред.) (1980). *Полипредикативные конструкции и их морфологическая база.* Новосибирск, 1980.

Чумакина М.Э. (2001). *Когнитивная и формальная структура конструкций обусловленности.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001.

Шайхайдарова Д.Ш. (1980). *Грамматическая категория лица татарского глагола и персональность.* Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1980.

Шамина Л.А. (1987). *Временные полипредикативные конструкции тувинского языка.* Новосибирск, 1987.

Шлуинский А.Б. (2006). Акциональность и аспектуальный показатель: Конструкция со вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке // *Вестник Московского университета.* Серия 9. *Филология,* №1, 2006.

Шлуинский А.Б. (2007). Анафорические отношения в сложном предложении // Лютикова Е.А., Казенин К.И., Соловьев В.Д., Татевосов С.Г. (ред.) *Мишарский диалект татарского языка: очерки по синтаксису и семантике.* Казань, 2007.

Шлуинский А.Б. (2009). Бивербальные конструкции в тубаларском диалекте и их лексические ограничения // Татевосов С.Г. (ред.) *Тубаларские этюды.* М., 2009.

Щербак А.М. (1981). *Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков.* М., 1981.

Юдахин К.К. (1985). *Киргизско-русский словарь.* Фрунзе, 1985.

Юлдашев А.А. (1972). *Принципы составления тюркско-русских словарей*. М., 1972.
Юлдашев А.А. (1977). *Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках*. М., 1977.
Юсупов Ф.Ю. (1985). *Неличные формы глагола в диалектах татарского языка.* Казань, 1985.
Юсупов Ф.Ю. (1988). *Татарский глагол в ареальном освещении.* Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Алма-ата, 1988.
Якупова Г.К. (1988). *Библиография по татарскому языкознанию (1778-1980)*. Казань, 1988.

Abbott B. (2004). Definiteness and Indefiniteness // Horn L., Ward G. (eds.) *Handbook of Pragmatics,* 2004.
Abush D. (2005). Causatives and Mixed Aspectual Types // Carlson G.N., Pelletier F. J. (eds.) *Reference and Quantification. The Partee Effect*. Stanford, 2006.
Aikhenvald A.Y. (2003). Evidentiality in Tariana // *Typological Studies in Language,* vol. 54, 2003.
Aikhenvald A.Y. (2004). *Evidentiality*. Oxford, 2004.
Aikhenvald A.Y. (2012). The Essence of Mirativity // *Linguistic Typology,* vol. 16, №3, 2012.
Aissen J. (1974). *The Syntax of Causative Constructions*. Ph.D. dissertation. Harvard University, 1974.
Aissen J. (2003). Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy // *Natural Language & Linguistic Theory,* vol. 21, №3, 2003.
Akatsuka N. (1985). Conditionals and the Epistemic Scale // *Language,* vol. 61, №3, 1985.
Aksu-Koç A., Slobin D.I. (1986). A Psychological Account of the Development and Use of Evidentials in Turkish // Chafe W.L., Nichols J. (eds.) *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology*. Ablex, 1986.
Alexiadou A. (2001). *Functional Structure in Nominals: Nominalization and ergativity*. Amsterdam, 2001.
Alexiadou A., Anagnostopoulou E., Schäfer F. (2006). The Properties of Anticausatives Cross-linguistically // Frascarelli M. (ed.) *Phases of Interpretation*. Berlin, 2006.
Alexiadou A., Chioaia G.I., Soare E. (2010). Number/Aspect Interactions in the Syntax of Nominalizations: A Distributed Morphology Approach // *Journal of Linguistics,* vol. 46, №3, 2010.
Alexiadou A., Rathert M. (eds.) (2010). *The Syntax of Nominalizations Across Languages and Frameworks*. Berlin, 2010.
Alsina A. (1992). On the Argument Structure of Causatives // *Linguistic Inquiry,* vol. 23, №4, 1992.
Altshuler D.G. (2013). There is No Neutral Aspect // *Semantics and Linguistic Theory,* vol. 23, 2013.
Altshuler D.G. (2014). A Typology of Partitive Aspectual Operators // *Natural Language and Linguistic Theory,* vol. 32, №3, 2014.
Anand P. (2006). *De de se*. Ph.D. dissertation. Massachusetts Institute of Technology, 2006.

Anand P., Nevins A. (2004). Shifty Operators in Changing Contexts // *Semantics and Linguistic Theory,* vol. 14, 2004.

Anderson L.B. (1986). Evidentials, Paths of Change, and Mental Maps: Typologically Regular Asymmetries // Chafe W.L., Nichols J. (eds.) *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology*. Ablex, 1986.

Anderson G.D.S. (2004). *Auxiliary Verb Constructions in Altai-Sayan Turkic.* Wiesbaden, 2004.

Aydemir Y. (2004). Are Turkish Preverbal Bare Nouns Syntactic Arguments? // *Linguistic Inquiry,* vol. 35, №3, 2004.

Azarina A., Hartman J. (2011). Genitive Subject Licensing in Uyghur Subordinate Clauses // *Proceedings of the 7th Workshop on Altaic in Formal Linguistics.* Cambridge, 2011.

Babby L. (1985). Prepositional Quantifiers and the Direct Case Condition // Flier M., Brecht R. (eds.) *Issues in Russian Morphosyntax*. Columbus, 1985.

Babyonyshev M. (1996). *Structural Connections in Syntax and Processing: Studies in Russian and Japanese.* Ph.D. dissertation. Massachusetts Institute of Technology, 1996.

Bacanli E. (2009). Phase Marking on Initiontransformative Verbs in Altai Turkic // *Turkic Languages,* vol. 12, 2009.

Bailyn J.F. (2004). The Case of Q // *Proceedings of FASL.* Vol. 12. Ann Arbor, 2004.

Baker M. (1985). The Mirror Principle and Morphosyntactic Explanation // *Linguistic Inquiry,* vol. 16, №3, 1985.

Baker M. (1988). *Incorporation: A Theory of Grammatical Function Changing*. Chicago, 1988.

Baker M. (1997). Thematic Roles and Syntactic Structure // Haegeman L. (ed.) *Elements of Grammar*. Dordrecht, 1997.

Baker M. (2009). Is Head Movement Still Needed for Noun Incorporation? The Case of Mapudungun // *Lingua* 119-2.

Baker M. (2011). *On the Syntax of Surface-Adjacency: The Case of Pseudo Noun Incorporation.* Ms., Rutgers University, 2011.

Baker M., Vinokurova N. (2010). Two Modalities of Case Assignment: Case in Sakha // *Natural Language and Linguistic Theory,* vol. 28, 2010.

Bar-el L., Davis H., Matthewson L. (2005). On Non-culminating Accomplishments // *Proceedings of NELS 25.* Vol. 1. 2005.

Bartos H. (2001). Object Agreement in Hungarian — a Case for Minimalism // Alexandrova G.M., Arnaudova O. (eds.) *The Minimalist Parameter*. Amsterdam, 2001.

Beck S. (2001). Reciprocals are Definites // *Natural Language Semantics,* vol. 9, №1, 2001.

Beck S., Oda T., Sugisaki K. (2004). Parametric Variation in the Semantics of Comparison: Japanese vs. English // *Journal of East Asian Linguistics,* vol. 13, 2004.

Beck S., Snyder W. (2001). Complex Predicates and Goal PP's: Evidence for a Semantic Parameter // *Proceedings of the 25th Boston University Conference on Language Development.* Vol. 1. 2001.

Belletti A. (1988). The Case of Unaccusatives // *Linguistic Inquiry,* vol. 19, №1, 1988.

Belletti A. (ed.) (2004). *Structures and Beyond: The Cartography of Syntactic Structures.* Vol. 3. Oxford, 2004.

Bergelson M., Kibrik A. (1995). The system of switch-reference in Tuva // Haspelmath M., König E. (eds.) *Converbs in cross-linguistic perspective.* Berlin, N. Y., 1995.

Bertinetto P.M., Squartini M. (1995). An Attempt at Defining the Class of "Gradual Completion" Verbs // Bertinetto P.M., Bianchi V., Higginbotham J., Squartini M. (eds.) *Temporal Reference, Aspect and Actionality*. Vol. 1. *Semantic and Syntactic Perspectives.* Torino, 1995.

Bhatt R. (2003). Locality in Correlatives // *Natural Language and Linguistic Theory,* vol. 21, 2003.

Bhatt R., Takahashi S. (2007). Direct Comparisons: Resurrecting the Direct Analysis of Phrasal Comparatives // Friedman T., Gibson M. (eds.) *Proceedings of SALT*. Vol. 17. 2007.

Bianchi V. (2002). Headed Relative Clauses in Generative Syntax — Part I // *Glot International,* vol. 6, №7, 2002.

Bittner M., Hale K. (1996). The Structural Determination of Case and Agreement // *Linguistic Inquiry,* vol. 27, 1996.

Bjerre T. (2001). Causation, Event Structure and Process Specifying Adverbials // *Nordic Journal of Linguistics,* vol. 24, 1996.

Blacher P.S. (1996). *Grammaire Descriptive de Turkmene à l'Usage des Francophones.* Paris, 1996.

Bobaljik J.D. (2008). Where's Phi? Agreement as a Postsyntactic Operation // Harbour D., Adger D., Béjar S. (eds.) *Phi Theory: Phi-features Across Modules and Interfaces*. Oxford, 2008.

Bobaljik J.D., Wurmbrand S. (2005). The Domain of Agreement // *Natural Language and Linguistic Theory* 23.

Bobaljik J.D., Wurmbrand S. (2008). Case in GB / Minimalism // Malchukov A., Spencer A. (eds.) *Handbook of Case*. Oxford, 2008.

Bošković Ž. (1997). *The Syntax of Nonfinite Complementation: An Economy Approach*. Cambridge, 1997.

Bošković Ž. (2007). On the Locality and Motivation of Move and Agree: An Even More Minimal Theory // *Linguistic Inquiry,* vol. 38, №4, 2007.

Bossong G. (1985). *Differentielle Objektmarkierung in den Neuiranischen Sprachen.* Tübingen, 1985.

Bresnan J. (1975). Comparative Deletion and Constraints on Transformations // *Linguistic Analysis* vol. 1, 1975.

Bruening B. (2007). Wh-in-situ Does Not Correlate with Wh-indefinites or Question Particles // *Linguistic Inquiry,* vol. 38, №1, 2007.

Brunetti L. (2003). 'Information' Focus Movement in Italian and Contextual Constraints on Ellipsis // *Proceedings of 22nd West Conference on Formal Linguistics.* Somerville, 2003.

Burzio L. (1986) *Italian Syntax: A Government and Binding Approach.* Dodrecht, 1986.

Bybee J.L. (1985). *Morphology. A Study of the Relation between Meaning and Form*. Amsterdam, 1985.

Bybee J.L., Dahl Ö. (1989). The Creation of Tense and Aspect Systems in the Languages of the World. *Studies in Language,* vol. 13, 1989.

Camacho J. (1996). Comitative coordination in Spanish // Parodi C., Quicoli C., Saltarelli M., Zubizarreta M.L. (eds.) *Aspects of Romance linguistics: Selected papers from the Linguistics Symposium of Romance Languages XXIV*. Washington, 1996.

Cardinaletti A., Giusti G. (1992). Partitive *ne* and the QP-hypothesis. A Case Study // Fava E. (ed.) *Proceedings of the XVII Meeting of Generative Grammar*. Turin, 1992.

Carlson G. (1977). *Reference to Kinds in English.* Ph.D. dissertation. University of Massachussetts, Amherst, 1977.

Chafe W.L. (1976). Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View // Li Ch. (ed.) *Subject and Topic.* N. Y., 1976.

Chierchia G. (1998a). Reference to Kinds Across Languages // *Natural Language Semantics*, vol. 6, №4, 1998.

Chierchia G. (1998b). Plurality of Mass Nouns and the Notion of "Semantic Parameter" // Rothstein S. (ed.) *Events and Grammar.* Dordrecht, 1998.

Chomsky N. (1970). Remarks on Nominalization // Jacobs R., Rosenbaum P. (eds.) *Readings in English Transformational Grammar.* Waltham, 1970.

Chomsky N. (1980). On Binding // *Linguistic Inquiry,* vol. 11, 1980.

Chomsky N. (1981). *Lectures on Government and Binding*. Dordrecht, 1981.

Chomsky N. (1993). A Minimalist Program for Linguistic Theory // Hale K.L., Keyser S.J. (eds.) *The View From Building 20: Essays in Linguistics in Honor of Sylvain Bromberger.* Cambridge, 1993.

Chomsky N. (1995). *The Minimalist Program.* Cambridge, 1995.

Chomsky N. (2001). Derivation by Phase // Kenstowicz M. (ed.) *Ken Hale: A Life in Language.* Cambridge, 2001.

Chomsky N. (2008). On Phases // Freidin R., Otero C.P., Zubizarreta M.L. (eds.) *Foundational Issues in Linguistic Theory*. Cambridge, 2008.

Cinque G. (1999). *Adverbs and Functional Heads.* N. Y., 1999.

Cinque G. (2004). 'Restructuring' and Functional Structure // Belletti A. (ed.) *Structures and Beyond.* N. Y., 2004.

Comrie B. (1976). The Syntax of Causative Constructions: Cross-language Similarities and Divergences // Shibatani M. (ed.) *The Grammar of Causative Constructions.* N. Y., 1976.

Comrie B. (1985). Causative Verb Formation and Other Verb-deriving Morphology // Shopen T. (ed.) *Language Typology and Syntactic Description.* Vol. 3. Cambridge, 1985.

Comrie B. (1997). Turkic Languages and Linguistic Typology // *Turkic Languages,* vol. 1, №1, 1997.

Comrie B. (1998). Rethinking the Typology of Relative Clauses // *Language Design,* vol. 1, 1998.

Comrie B., Kuteva T. (2005). Relativization Strategies // Haspelmath M., Dryer M.S., Gil D., Comrie B. (eds.) *World Atlas of Language Structures.* Oxford, 2005.

Comrie B., Thompson S. (1985). Lexical Nominalizations // Shopen T. (ed.) *Language Typology and Syntactic Description.* Vol. 3. Cambridge, 1985.

Cooper W.E., Paccia-Cooper J. (1980). *Syntax and Speech.* Cambridge, 1980.

Copley B. (2009). *The Semantics of the Future.* Routledge, 2009.

Copley B. (2014). Causal Chains for Futurates // De Brabanter Ph., Kissine M., Sharifzadeh S. (eds.) *Future Times, Future Tenses.* Oxford, 2014.

Croft W. (1991). *Syntactic Categories and Grammatical Relations: the Cognitive Organization of Information*. Chicago, London, 1991.

Cruse D.A. (1972). A Note on English Causatives // *Linguistic Inquiry,* vol. 3, №4, 1972.

Csató É.Á. (2000). Turkish *miş*- and *imiş*-items. Dimensions of a Functional Analysis // Johanson L., Utas B. (eds.) *Evidentials: Turkic, Iranian and Neighbouring Languages*. Berlin, 2000.

Csató É.Á., Uchturpani M.A. (2010). On Uyghur Relative Clauses // *Turkic Languages,* vol. 14, 2010.

Culicover P.W. (1997). *Principles and Parameters: An Introduction to Syntactic Theory*. N. Y., 1997.

Culicover P.W., Jackendoff R. (1997). Semantic Subordination Despite Syntactic Coordination // *Linguistic Inquiry,* vol. 28, №2, 1997.

Çetinoğlu O., Butt M. (2008). Turkish Non-canonical Objects // Butt M., King T.H. (eds.) *Proceedings of the LFG08 Conference*. Stanford, 2008.

Dahl Ö. (1985). *Tense and Aspect Systems*. Oxford, 1985.

Dahl Ö. (2000). The Grammar of Future Time Reference in European Languages // Dahl Ö. (ed.) *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, 2000.

Dahl Ö. (ed.) (2000). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Walter de Gruyter.

Dalrymple M., Kanazawa M., Kim Y., Mchombo S., Peters S. (1998). Reciprocal Expressions and the Concept of Reciprocity // *Linguistics and Philosophy*, vol. 21, №2, 1998.

Danon G. (2006). Caseless Nominals and the Projection of DP // *Natural Language and Linguistic Theory,* vol. 24, 2006.

Davidson D. (1967). The Logical Form of Action Sentences // Reshcer N. (ed.) *The Logic of Decision and Action*. Pittsburgh, 1967.

Davis Ch., Potts Ch., Speas M. (2007). The Pragmatic Values of Evidential Sentences // Gibson M., Friedman T. (eds.) *Proceedings of SALT 17*. Ithaca, 2007.

Dayal V. (2003). A Semantics for Pseudo-incorporation. Ms., Rutgers University, 2003.

Dayal V. (2011). Hindi Pseudo-incorporation // *Natural Language and Linguistic Theory,* vol. 29, №1, 2011.

DeLancey S. (1997). Mirativity: The Grammatical Marking of Unexpected Information // *Linguistic Typology,* vol. 1, №3, 1997.

DeLancey S. (2001). The Mirative and Evidentiality // *Journal of Pragmatics,* vol. 33, №3, 2001.

DeLancey S. (2012). Still Mirative After All These Years // *Linguistic Typology*, vol. 16, №3, 2012.

Diesing M. (1992). *Indefinites*. Cambridge, 1992.

Dimitriadis A. (2008). Irreducible Symmetry in Reciprocal Constructions // König E., Gast V. (eds.) *Reciprocals and Reflexives: Theoretical and Typological Explorations*. Berlin, 2008.

Dixon R.M.W. (2000). A Typology of Causatives: Form, Syntax and Meaning // Dixon R.M.W., Aikhenvald A. (eds.) *Changing Valency*. Cambridge, 2000.

Dixon R.M.W. (2008). Comparative Constructions. A Cross-linguistic Typology // *Studies in Language,* vol. 32, №4, 2008.

Dowd A. (2010). More on Instrumental Denominal Verbs // *Snippets,* vol. 21, 2010.

Dowty D.R. (1977). Toward a Semantic Analysis of Verb Aspect and the English 'Imperfective' Progressive // *Linguistics and Philosophy,* vol. 1, №1, 1977.

Dowty D.R. (1979). *Word Meaning and Montague Grammar: The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ*. Dordrecht, 1979.

Dowty D.R. (1991). Thematic Proto-roles and Argument Selection // *Language,* vol. 67, №3, 1991.

Dubinsky S., Lloret M., Newman P. (1988). Lexical and Syntactic Causatives in Oromo // *Language,* vol. 64, №3, 1988.

Duchet J.-L., Përnaska R. (1996). L'admiratif albanais: recherche d'un invariant sémantique // Guentchéva Z. (éd.) *L'énonciation médiatisée.* Paris — Louvain, 1996.

Embick D., Noyer R. (2007). Distributed Morphology and the Syntax / Morphology Interface // Ramchand G., Reiss C. (eds.) *The Oxford Handbook of Linguistic Interfaces*. Oxford, 2007.

Enç M. (1991). The Semantics of Specifity // *Linguistic Inquiry,* vol. 22, №1, 1991.

Epstein S. (1991). *Traces and Their Antecedents*. Oxford, 1991.

Erdal M. (2004). *A Grammar of Old Turkic.* Vol. 3. Leiden, 2004.

Falk Y. (1991). Causativization // *Journal of Linguistics,* vol. 27, №1, 1991.

Faller M. (2002). *Semantics and Pragmatics of Evidentials in Cuzco Quechua.* Ph.D. dissertation. Stanford University, 2002.

Farkas D.F., de Swart H. (2003). *The Semantics of Incorporation: From Argument Structure to Discourse Transparency.* Stanford, 2003.

Ferreira F. (1988). *Planning and Timing in Sentence Production: The Syntax-to-Phonology Conversion.* Ph.D. dissertation. University of Massachusetts, Amherst, 1988.

Filip H. (1999). *Aspect, Eventuality Types and Nominal Reference.* N. Y., 1999.

Fillmore C.J. (1968). The Case for Case // Bach E., Harms R.T. (eds.) *Universals in Linguistic Theory*. — русс. пер. «Дело о падеже» // *Новое в зарубежной лингвистике*, вып.10, пер. Саввина Е.Н. М., 1981.

von Fintel K. (2000). Whatever // *Proceedings of SALT 10.* Ithaca, 2000.

Folli R. (2002). *Constructing Telicity in English and Italian.* Ph.D. dissertation. University of Oxford.

Folli R., Harley H. (2004). On Obligatory Obligation: The Composition of Italian Causatives // Castro A., Hacquard V., Salanova A.P. (eds.) *Collected Papers on Romance Syntax.* Cambridge, 2004.

Folli R., Harley H. (2007). Causation, Obligation and Argument Structure: on the Nature of Little *v* // *Linguistic Inquiry,* vol. 38, №2, 2007.

Folli R., Harley H., Karimi S. (2005). Determinants of Event Structure in Persian Complex Predicates // *Lingua,* vol. 115, 2005.

Franks S. (1994). Parametric Properties of Numeral Phrases in Slavic // *Natural Language and Linguistic Theory,* vol. 12, 1994.

Frazier L., Clifton C. (1996). *Construal*. Cambridge, 1996.

Fukuda Sh. (2012). Aspectual Verbs as Functional Heads: Evidence from Japanese Aspectual Verbs // *Natural Language and Linguistic Theory,* vol. 30, №4, 2012.

Fults S. (2006). The Structure of Comparison: An Investigation of Gradable Adjectives. Ph.D. dissertation. University of Maryland.

Galieva A., Nevzorova O., Suleymanov D. (2015). Distribution of Some Grammatical Categories of the Tatar Language over Corpus Data // *Proceedings of the International Conference "Turkic Languages Processing" (TurkLang-2015).* Kazan, 2015.

van Geenhoven V. (1998). *Semantic Incorporation and Indefinite Descriptions: Semantic and Syntactic Aspects of Noun Incorporation in West Greenlandic.* Stanford, 1998.

Ginzburg J., Sag I. (2000). *Interrogative Investigations: The Form, Meaning and Use of English Interrogatives.* Stanford, 2000.

Giusti G. (1995). Heads and Modifiers among Determiners: Evidence from Rumanian // Cinque G., Giusti G. (eds.) *Advances in Roumanian Linguistics*. Amsterdam, 1995.

Giusti G. (1997). The Categorial Status of Determiners // Haegeman L. (ed.) *The New Comparative Syntax*. London, 1997.

Givón T. (1983). *Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-language Study*. Vol. 3. John Benjamins Publishing.

Givón T. (1984). *Syntax: A Functional-Typological Introduction*. Vol. 1. Amsterdam, 1984.

Givón T. (1990). *Syntax: A Functional-Typological Introduction.* Vol. 2. Amsterdam, 1990.

Givón T. (1995). *Functionalism and Grammar.* Amsterdam, 1995.

Grashchenkov P. (2005). Small *n* Hypothesis — Evidence from Turkic // *Proceedings of the 2nd Workshop on Altaic in Formal Linguistics*. Cambridge, 2005.

Grashchenkov P. (2007). Floating Quantifiers in Tatar // *Proceedings of the 3d Workshop on Altaic in Formal Linguistics*. Cambridge, 2007.

Greed T. (2014). The Expression of Knowledge in Tatar // Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W. (eds.) *The Grammar of Knowledge: A Cross-linguistic Typology*. Oxford, 2014.

Grice H.P. (1975). Logic and Conversation // Cole P., Morgan J.L. (eds.) *Syntax and Semantics.* Vol. 3. N. Y., 1975. — рус. пер. «Логика и речевое общение» // *Новое в зарубежной лингвистике*. вып. 16, пер. Туровский В.В.. М., 1985.

Grimshaw J. (1990). *Argument Structure.* Cambridge, 1990.

de Groot C., Tommola H. (eds.) (1984). *Aspect Bound.* Dordrecht, 1984.

Grosu A., Landman F. (1998). Strange Relatives of the Third Kind // *Natural Language Semantics,* vol. 6, 1998.

Grosz P.G. (2012). *On the Grammar of Optative Constructions.* Amsterdam, 2012.

Hagman R. (1973). *Nama Hottentot Grammar.* Ph.D. dissertation. Columbia University, 1973.

Haig G. (1998). *Relative Constructions in Turkish.* Wiesbaden, 1998.

Hale K. (1975). Counterexamples and Explanations in Navajo Linguistics: Syntax // *Navajo Language Review,* vol. 2, №1, 1975.

Hale K.L., Keyser S.J. (1993). On Argument Structure and the Lexical Expression of Syntactic Relations // Hale K., Keyser S.J. (eds.) *The view from building 20.* Cambridge, 1993.

Hale K.L., Keyser S.J. (2002). *Prolegomenon to a Theory of Argument Structure*. Cambridge, 2002.

Hamblin C.L. (1973). Questions in Montague English // *Foundations of Language,* vol. 10, №1, 1973.

Harley H. (1995). *Subjects, Events and Licensing.* Ph.D. dissertation. MIT, 1995.

Harley H. (1996). Sase Bizarre: the Japanese Causative and Structural Case // Koskinen P. (ed.) *Proceedings of the 1995 Canadian Linguistics Society Meeting.* Toronto, 1996.

Harley H. (2005) How Do Verbs Get Their Names? Denominal Verbs, Manner Incorporation, and the Ontology of Verb Roots in English // Erteschik-Shir N., Rapoport T. (eds.) *The syntax of aspect*. Oxford, 2005.

Harley H. (2006). *English Words: A Linguistic Introduction*. London, 2006.

Harley H. (2008). On Causative Construction // Miyagawa S., Saito M. (eds.) *The Oxford Handbook of Japanese Linguistics.* Oxford, 2008.

Harley H., Haugen J.D. (2007). Are There Really Two Different Classes of Instrumental Denominal Verbs in English? // *Snippets,* vol. 16, 2007.

Harves S.A. (2002). *Unaccusative Syntax in Russian, General and Slavic Linguistics*. Ph.D. dissertation. Princeton University, 2002.

Haspelmath M. (1990). The Grammaticization of Passive Morphology // *Studies in Language,* vol. 14, №1, 1990.

Haspelmath M. (1993). More on the Typology of Inchoative / Causative Verb Alternations // Comrie B., Polinsky M. (eds.) *Causatives and Transitivity*. Amsterdam, 1993.

Haspelmath M. (1995). The Converb as a Cross-linguistically Valid Category // Haspelmath M., König E. (eds.) *Converbs in Cross-linguistic Perspective*. Berlin, N. Y., 1995.

Haspelmath M. (2004). Coordinating Constructions: An Overview // Haspelmath M. (ed.) *Coordinating Constructions*. Amsterdam, Philadelphia, 2004.

Hatcher A.G. (1956). Syntax and the Sentence // *Word,* vol. 12, №2, 1956.

Haugen J. (2009). Hyponymous Objects and Late Insertion // *Lingua,* vol. 119, 2009.

Hawkins J.A. (1988). On Explaining Some Left-Right Asymmetries in Syntactic and Morphological Universals // Hammond M., Moravcsik E.A., Wirth J.R. (eds.) *Studies in Syntactic Typology*. Amsterdam, 1988.

Hawkins J.A. (1990). A Parsing Theory of Word Order Universals // *Linguistic Inquiry,* vol. 21, №2, 1990.

Hawkins J.A. (1994). *A Performance Theory of Order and Constituency*. Cambridge, 1994.

Hay J., Kennedy C., Levin B. (1999). Scalar Structure Underlies Telicity in Degree Achievements // Matthews T., Strolovitch D. (eds.) *Proceedings of SALT* 9. Ithaca, 1999.

Heim I., Kratzer A. (1998). *Semantics in Generative Grammar*. Oxford, 1998.

Heine B., Miyashita H. (2008). The Intersection between Reflexives and Reciprocals: A Grammaticalization Perspective // König E., Gast V. (eds.) *Reciprocals and Reflexives: Theoretical and Typological Explorations*. Berlin, 2008.

von Heusinger K., Klein U., de Swart P. (2008). Variation in Differential Object Marking. Paper presented at the *Workshop on Case Variation*, Stuttgart, 2008.

von Heusinger K., Kornfilt J. (2005). The Case of the Direct Object in Turkish: Semantics, Syntax and Morphology // *Turkic Languages,* vol. 9, 2005.

Hofstetter S. (2009). Comparison in Turkish: A Rediscovery of the Phrasal Comparative // Riester A., Solstad T. (eds.) *Proceedings of Sinn und Bedeutung 13*. Stuttgart, 2009.

Hofstetter S. (2011). Comparatives in the Turkish Language: A Revision of Phrasal Comparison. Paper presented at the *Workshop on Degree Semantics and Its Interfaces* satellite to the 16th Sinn und Bedeutung meeting, Utrecht, 2011.

de Hoop H. (1992). *Case Configuration and Noun Phrase Interpretation*. Ph.D. dissertation. Groningen University.

de Hoop H., Malchukov A.L. (2007). On Fluid Differential Case Marking: A Bidirectional OT Approach // *Lingua,* vol. 117, 2007.

Hopper P.J., Thompson S.A. (1980). Transitivity in Grammar and Discourse // *Language,* vol. 56, 1980.

Horn L.R. (1985). Metalinguistic Negation and Linguistic Ambiguity // *Language,* vol. 61, 1985.

Hyman L.M. (2003). Suffix Ordering in Bantu: A Morphocentric Approach // Booij G., van Marle J. (eds.) *Yearbook of Morphology 2002*. Dordrecht, 2003.

Iatridou S. (2000). The Grammatical Ingredients of Counterfactuality // *Linguistic Inquiry,* vol. 31, №2, 2000.

Izvorski R. (1997). The Present Perfect as an Epistemic Modal // Lawson A. (ed.) *Proceedings of SALT 7.* Stanford, 1997.

Jackendoff R.S. (1972). *Semantic Interpretation in Generative Grammar.* Cambridge, 1972.

Jackendoff R. S. (2002). *Foundations of Language*. Oxford, 2002.

Jendraschek G. (2014). Future Tense, Prospective Aspect, and Irrealis Mood as Part of the Situation Perspective: Insights from Basque, Turkish, and Papuan // De Brabanter P., Kissine M., Sharifzadeh S. (eds.) *Future Times, Future Tenses*. Oxford, 2014.

Jespersen O. (1924/1992). *The Philosophy of Grammar.* Chicago, 1992.

Johanson L. (1971). Aspekt im Türkischen // *Vorstudien zu einer Beschreibung des Türkeitürkischen Aspektsystem* (Acta universitatis upsaliensis. Studia Turcica I). Uppsala, 1971.

Johanson L. (1995). On Turkic Converb Clauses // Haspelmath M., König E. (eds.) *Converbs in Cross-linguistic Perspective.* Berlin, 1995.

Johanson L. (1996). Terminality Operators and Their Hierarchical Status // Devriendt B., Goossens L., van der Auwera J. (eds.) *Complex Structures: A Functionalist Perspective*. Berlin, N. Y., 1996.

Johanson L. (1999a). Grenzbezogenheit in Aspekt und Lexik am Beispiel turkischer Postverbialkonstruktionen // Breu W. (ed.) *Probleme der Interaktion von Lexik und Aspekt (ILA)*. Tubingen, 1999.

Johanson L. (1999b). Typological Notes on Aspect and Actionality in Kipchak Turkic // Abraham W., Kulikov L. (eds.) *Tense-Aspect, Transitivity, and Causativity: Essays in Honor of Vladimir Nedjalkov.* Amsterdam, 1999..

Johanson L. (2000a). Viewpoint Operators in European Languages // Dahl Ö. (ed.) *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, N. Y., 2000.

Johanson L. (2000b). Turkic Indirectives // Johanson L., Utas B. (eds.) *Evidentials: Turkic, Iranian and Neighbouring Languages.* Berlin, 2000.

Johanson L. (2001a). On Three Dimensions of Aspectual Terminality // Bisang W. (ed.) *Aspects of Typology and Universals.* (Studia Typologica, 1). Berlin, 2001.

Johanson L. (2001b). The Aspectually Neutral Situation Type. // Ebert K.H., Zuniga F. (eds.) *Aktionsart and Aspectotemporality in Non-European Languages.* Zurich, 2001.

Johanson L. (2003). Evidentiality in Turkic // Aikhenvald A. Y., Dixon R.M.W. (eds.) *The Grammar of Knowledge: A Cross-linguistic Typology.* Oxford, 2003.

Johanson L., Csató Johanson É.Á. (2015). *The Turkic Languages.* N. Y., 2015.

Johnson K. (2014). Gapping // Evereart M., van Reimsdijk H.C., Goedemans R., Holledbrandse B. (eds.) *The Blackwell Companion to Syntax.* London, 2014.

Kamali B. (2008). Phases of Incorporation and a Three-way Distinction for Direct Objects (in Turkish). Paper presented at the *5th Workshop on Altaic Formal Linguistics*, SOAS, London, 2008.

Kaplan D. (1977/1989). Demonstratives: An essay on the Semantics, Logic, Metaphysics, and Epistemology of Demonstratives and Other Indexicals // Almog J., Perry J., Wettstein H. (eds.) *Themes from Kaplan.* Oxford, 1989.

Karakoç B. (2005). *Das finite Verbalsystem im Nogaischen.* Munchen, 2005.

Karimi S. (1997). Persian Complex Verbs: Idiomatic or Compositional // *Lexicology,* vol. 3, №2, 1997.

Karttunen L. (1977). Syntax and Semantics of Questions // *Linguistics and Philosophy,* vol. 1, №1, 1977.

Keenan E.L., Comrie B. (1977). Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar // *Linguistic Inquiry,* vol. 8, №1, 1977.

Kemmer S. (1993). *The Middle Voice*. Amsterdam, Philadelphia, 1993.

Kennedy C. (2005). Semantics of Comparatives // Brown K. (ed.*) Encyclopedia of Language and Linguistics*. 2nd Edition. Oxford, 2005.

Kennedy C. (2009). Modes of Comparison // Elliott M., Kirby J., Sawada O., Staraki E., Yoon S. (eds.) *Proceedings of CLS 43*. Chicago, 2004.

Kennedy C., Levin B. (2002). Telicity Corresponds to Degree of Change. Ms., Northwestern University and Stanford University.

Kennedy C., McNally L. (2005). Scale Structure, Degree Modification, and the Semantics of Gradable Predicates // *Language,* vol. 81, №2, 2005.

Kibrik A.A. (1999). Cognitive Inferences from Discourse Observations: Reference and Working Memory // van Hoek K., Kibrik A.A., Noordman L. (eds.) *Discourse Studies in Cognitive Linguistics. Proceedings of the 5th International Cognitive Linguistics Conference.* Amsterdam, 1999.

Kiparsky P. (1997). Remarks on Denominal Verbs // Alsina A., Bresnan J., Sells P. (eds.) *Complex Predicates*. Stanford, 1997.

Kiparsky P. (1998). Partitive Case and Aspect // Butt M., Geuder W. (eds.) *The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*. Stanford, 1998.

Kirchner R. (1993). Turkish Vowel Disharmony in Optimality Theory // *Rutgers Optimality Workshop*. Vol. 1.

Kirchner M. (1998). *Turkish Vowel Harmony and Disharmony: An Optimality Theoretic Account.* Paper presented at Rutgers Optimality Workshop I (ROW I), New Brunswick, 1998.

Kiss K.E. (1998). Identification Focus and Information Focus // *Language,* vol. 74, 1998.

Kitagawa Y. (1986). *Subjects in Japanese and English*. Ph.D. dissertation. University of Massachusetts, Amherst.

Klein W. (1994). *Time in language*. London, N. Y., 1994.

Klein W. (1995). A Time-relational Analysis of Russian Aspect // *Language,* vol. 71, 1995.

Knecht L. (1986). *Subject and Object in Turkish.* Ph.D. dissertation, Massachusetts Institute of Technology, 1986.

Ko H, Sohn D. (2015). Decomposing Complex Serialization: The Role of *v* // *Korean Linguistics,* vol. 17, №1, 2015.

Koev T. (2011). Evidentiality and Temporal Distance Learning // Chereches A., Ashton N., Lutz D. (eds.) *Proceedings of SALT 21*. Ithaca, 2011.

König E., Vezzosi L. (2004). The Role of Predicate Meaning in the Development of Reflexivity // Bisang W., Himmelmann N.P., Wiemer B. (eds.) *What Makes Grammaticalization? A Look from Its Fringes and Its Components*. Berlin, 2004.

Koenig J.P., Muansuwan N. (2000). How to End Without Ever Finishing: Thai Semi-perfectivity // *Journal of Semantics,* vol. 17, №2, 2000.

Koontz-Garboden A. (2009). Anticausativization // *Natural Language and Linguistic Theory,* vol. 27, №1, 2009.
Koopman H., Sportiche D. (1991). The Position of Subjects // *Lingua,* vol. 85, 1991.
Koptjevskaja-Tamm M. (1993). *Nominalizations.* London, 1993.
Koptjevskaja-Tamm M. (2003). Possessive Noun Phrase in the Languages of Europe // Plank F. (ed.) *Noun Phrase Structure in the Languages of Europe.* Berlin, 2003.
Kornfilt J. (1977). A Note on Subject Raising // *Linguistic Inquiry,* vol. 8, 1977.
Kornfilt J. (1990). Remarks on Headless Partitives and Case in Turkish // Mascaro J., Nespor M. (eds.) *Grammar in Progress: GLOW Essays for Henk van Riemsdijk.* Berlin, 1990.
Kornfilt J. (1997). *Turkish.* London, 1997.
Kornfilt J. (2001). Local and Long-distance Reflexives in Turkish // Cole P., Hermon G., Huang C.-T. J. (eds.) *Long-distance Reflexives.* San Diego, 2001.
Kornfilt J. (2003). Scrambling, Subscrambling, and Case in Turkish // Karimi S. (ed.) *Word Order and Scrambling*. Oxford, 2003.
Kornfilt J. (2005). Free Relatives as Light-headed Relatives in Turkish // Broekhuis H., Corver N., Huybregts R., Kleinhenz U., Koster J. (eds.) *Organizing Grammar: Studies in Honor of Henk van Riemsdijk*. Berlin, N. Y., 2005.
Kornfilt J. (2008). DOM and Two Types of DSM in Turkish // de Hoop H., de Swart P. (eds.) *Differential Subject Marking*. Dordrecht, 2008.
Kornfilt J., von Heusinger K. (2009). Specificity and Partitivity in Some Altaic Languages // Shibagaki R., Vermeulen R. (eds.) *Proceedings of the 5th Workshop on Formal Altaic Linguistics (WAFL 5)*. Cambridge, 2009.
Kortmann B. (1998). Adverbial Subordinators in the Languages of Europe // van der Auwera J., Baoill D.P. (eds.) *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin, 1988.
Kratzer A. (1996). Severing the External Argument from Its Verb // Rooryck J., Zaring L. (eds.) *Phrase Structure and the Lexicon.* Dodrecht, 1996.
Kratzer A. (2005). Building Resultatives // Maienborn C., Wöllstein A. (eds.) *Event Arguments: Foundations and Applications.* Berlin, 2005.
Kratzer A. (2012). *Modals and Conditionals: New and Revised Perspectives.* Oxford, 2012.
Krifka M. (1989). Nominal Reference, Temporal Constitution and Quantification in Event Semantics // Bartsch R., van Benthem J., van Emde Boas P. (eds.) *Semantics and Contextual Expression*. Dordrecht, 1989.
Krifka M. (1992). Thematic Relations as Links between Nominal Reference and Temporal Consitution // Sag I., Szabolcsi A. (eds.) *Lexical Matters*. Stanford, 1992.
Krifka M. (1998). The Origins of Telicity // Rothstein S. (ed.) *Events and Grammar*. Dordrecht, 1998.
Krifka M., Pelletier F.J., Carlson G.N., ter Meulen A., Link G., Chierchia G. (1995). Genericity: An Introduction // Carlson G.N., Pelletier F.J. (eds.) *The generic book*. Chicago, 1995.
Kulikov L. (1999). Split Causativity // Abraham W., Kulikov L. (eds.) *Tense-Aspect, Transitivity and Causativity: Essays in Honour of Vladimir Nedjalkov*. Amsterdam, 1999.
Kulikov L. (2001). Causatives // Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. (eds.) *Language Typology and Language Universals. An International Handbook*. Vol. 2. Berlin, 2001.
Kuno S. (1973). *The Structure of the Japanese Language*. Cambridge, 1973.

Kuroda Y. (1988). Whether We Agree or Not // *Lingvisticae Investigationes,* vol. 12, №1, 1988.
Kuroda Y. (1993). Lexical and Productive Causatives in Japanese: an Examination of the Theory of Paradigmatic Structure // *Journal of Japanese Linguitics,* vol. 15, 1993.
Labelle M., Doron E. (2010). Anticausative Derivations (and Other Valency Alternations) in French // *Probus,* vol. 22, 2010.
Labov W. (1972). *Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular*. Philadelphia, 1972.
Labov W., Waletzky J. (1967). Narrative Analysis // Helm J. (ed.) *Essays on the Verbal and Visual Arts*. Seattle, 1967. Reprinted in *Journal of Narrative and Life History,* vol. 7.
Langacker R. (1969). On Pronominalization and the Chain of Command // Reibel D., Shane S. (eds.) *Modern Studies in English*. Englewood Cliffs, 1969.
Larson R.K. (1988). On the Double Object Construction // *Linguistic Inquiry,* vol. 19, 1988.
Lasnik H. (2008). On the Development of Case Theory: Triumphs and Challenges // Freidin R., Otero C.P., Zubizarreta M.L. (eds.) *Foundational Issues in Linguistic Theory. Essays in Honor of Jean-Roger Vergnaud*. Cambridge, 2008.
Lasnik H., Freidin R. (1981). Core Grammar, Case Theory, and Markedness // Belletti A., Brandi L., Rizzi L. (eds.) *Theory of Markediness in Generative Grammar. Proceedings of the 1979 GLOW Conference*. Pisa, 1981.
Lazard G. (1999). Mirativity, Evidentiality, Mediativity, or Other // *Linguistic Typology,* vol. 3, №1, 1999.
Legate J.A. (2008). Morphological and Abstract Case // *Linguistic Inquiry,* vol. 39, №1, 2008.
Lehmann C. (1984). *Der Relativsatz. Typologie seiner Strukturen, Theorie seiner Funktionen, Kompendium seiner Grammatik*. Tübingen, 1984.
Lehmann C. (1986). On the Typology of Relative Clauses // *Linguistics,* vol. 24, 1986.
Letuchiy A. (2006). Case Marking, Possession and Syntactic Hierarchies in Causative Constructions in Comparison with Other Turkic Languages // Kulikov L., Malchukov A., de Swart P. (eds.) *Case, Valency and Transitivity*. Amsterdam, 2006.
Levin Th., Preminger O. (2015). *Case in Sakha: Are Two Modalities Really Necessary?* // *Natural Language and Linguistic Theory*, vol. 33, №1, 2015.
Lewis D. (1973). Causation // *Journal of Philosophy,* vol. 70, 1973.
Lidz J. (1999). Causativity, Late Insertion and the Projection of *v*P // *MIT Working Papers in Linguistics*. Vol. 35. Cambridge, 1999.
Lidz J. (2004). Causation and Reflexivity in Kannada // Dayal V., Mahajan A. (eds.) *Clause Structure in South Asian Languages*. Dordrecht, 2004.
Lima A. (2006). A Minimalist View on Differential Object Marking for Specificity. Paper presented at *the 36th Annual Meeting of the Michigan Linguistics Society*. Oakland University, 2006.
Lipták A. (2009). The Landscape of Correlatives: An Empirical and Analytical Survey // Lipták A. (ed.) *Correlatives Cross-linguistically*. Amsterdam, 2009.
Lyutikova E., Ibatullina D. (2015). How Many Modalities of Case Assignment Are There in Tatar? // *Proceedings of the International Conference "Turkic Languages Processing: TurkLang-2015"*. Kazan, 2015.
Lyutikova E., Pereltsvaig A. (2015). Differential Object Marking in Tatar and the Functional Architecture of the Noun Phrase // Joseph A., Predolac E. (eds.) *Proceedings of the 9th Workshop on Altaic Formal Linguistics*. Cambridge, 2015.

Lyutikova E., Pereltsvaig A. (2015). The Tatar DP // *Canadian Journal of Linguistics,* vol. 60, №3, 2015.

Lyutikova E., Tatevosov S. (2005). Event Structure and Binding // *Lisbon Binding Workshop on Binding Theory and Invariants in Anaphoric Relations: Workshop Notes.* Lisbon, 2005.

Lyutikova E., Tatevosov S. (2010). Atelicity and Anticausativization // Duguine M., Huidobro S., Madariaga N. (eds.) *Argument Structure and Syntactic Relations. A Cross-linguistic Perspective*. Amsterdam, 2010.

Lyutikova E., Tatevosov S. (2012). A Finer Look at Predicate Decomposition: Evidence from Causativization // Piñón C. (ed.) *Empirical Issues in Syntax and Semantics.* Vol. 9. Paris, 2012.

Lyutikova E., Tatevosov S. (2014). Causativization and Event Structure // Copley B., Martin F. (eds.) *Causation in Grammatical Structures.* Oxford, 2014.

Malchukov A., de Swart P. (2008). Differential Case Marking and Actancy Variation // Malchukov A., Spencer A. (eds.) *Handbook of Case*. Oxford, 2008.

Marantz A. (1991). Case and Licensing // Westphal G., Ao B., Chae H.-R. (eds.) *Proceedings of ESCOL 91*. Ithaca, 1991.

Marantz A. (1997). No Escape from Syntax: Don't Try Morphological Analysis in the Privacy of Your Own Lexicon // *University of Pennsylvania working papers in linguistics,* vol. 4, №2, 1997.

Marantz A. (2008). Phases and Words // Sook-Hee Ch. (ed.) *Phases in the Theory of Grammar.* Seoul, 2008.

Martin F. (2015). Explaining the Link between Agentivity and Non-culminating Causation // *Proceedings of SALT* 25. Ithaca, 2015.

Martin F., Schäfer F. (2012). The Modality of 'Offer' and Other Defeasible Causative Verbs // Arnett N., Bennett R. (eds.) *Proceedings of WCCFL 30*. Sommerville, 2012.

Martin F., Schäfer F. (2017). Sublexical Modality in Defeasible Causative Verbs // Arregui A., Rivero M.-L., Salanova A. (eds.) *Modality across Syntactic Categories*. Oxford, 2017.

Maslova E. (2003). *A Grammar of Kolyma Yukaghir.* Berlin, 2003.

Massam D. (2001). Pseudo Noun Incorporation in Niuean // *Natural Language and Linguistic Theory,* vol. 19, 2001.

Massam D. (2009). Noun Incorporation: Essentials and Extentions // *Language and linguistics compass,* vol. 3, №4, 2009.

Matthewson L., Davis H., Rullmann H. (2007). Evidentials as Epistemic Modals: Evidence from St'át'imcets // *Linguistic Variation Yearbook,* vol. 7, 2007.

McCarthy J. (2008). *Doing Optimality Theory: Applying Theory to Data.* Oxford, 2008.

McCarthy J., Prince A. (1998). Faithfulness and Identity in Prosodic Morphology // Kager R., van der Hulst H., Zonneveld W. (eds.) *The Prosody-Morphology Interface.* Cambridge, 1998.

McCawley N.A. (1976). On Experiencer Causatives // Shibatani M. (ed.) *The Grammar of Causative Constructions.* N. Y., 1976.

McCready E., Ogata N. (2008). Evidentiality, Modality and Probability // *Linguistics and Philosophy,* vol. 30, 2008.

McFadden D. (2004). *The Position of Morphological Case in the Derivation: A Study of the Syntax-Morphology Interface*. Ph.D. dissertation. University of Pennsylvania.

McIntyre A. (2015). Denominal Verbs // Müller P., Ohnheiser I., Olsen S., Rainer F. (eds.) *Word-Formation: An International Hanbook of the Languages of Europe*. Berlin, 2015.

McNally L. (1993). Comitative Coordination: A Case Study in Group Formation // *Natural Language and Linguistic Theory,* vol. 11, №2, 1993.

McPherson L., Paster M. (2009). Evidence for the Mirror Principle and Morphological Templates in Luganda Affix Ordering // Ojo A., Moshi L. (eds.) *Selected Proceedings of the 39th Annual Conference on African Linguistics*. Somerville, 2009.

Megerdoomian K. (2008). *Some Bare Nouns Are More Equal Than Others.* Paper presented at the USC Student Workshop 2008, Los Angeles, 2008.

Merchant J. (2004). Fragments and Ellipsis // *Linguistics and Philosophy,* vol. 27, №6, 2004.

Merchant J. (2013). Voice and Ellipsis // *Linguistic Inquiry,* vol. 44, №1, 2013.

Merchant J., Frazier L., Clifton Jr C., Weskott T. (2013). Fragment Answers to Questions: A Case of Inaudible Syntax // Goldstein L. (ed.) *Brevity*. Oxford, 2013.

Meydan M. (1996) Les emplois médiatifs de *-miş* en turc // Guentchéva Z. (éd.) *L'énonciation médiatisée*. Paris — Louvain, 1996.

Minor S. (2011). *Complex Indices and a Blocking Account of the Sequence of Tenses.* Ms., CASTL, University of Tromsø, 2011.

Mithun M. (1984). The Evolution of Noun Incorporation // *Language,* vol. 60, №4, 1984.

Miyagawa S. (1984). Blocking and Japanese Causatives // *Lingua,* vol. 64, №2, 1984.

Miyagawa S. (1998). (S)ase as an Elsewhere Causative and the Syntactic Nature of Words // *Journal of Japanese Linguistics,* vol. 16, 1988.

Miyagawa S. (2011). Blocking and Causatives: Unexpected Competition across Derivations // *Coyote Papers: Working Papers in Linguistics, Linguistic Theory at the University of Arizona*.

Miyagawa S. (2012). Agreements That Only Occur in the Main Clause // Aelbrecht L., Haegeman L., Nye R. (eds.) *Main Clause Phenomena: New Horizons.* John Benjamins Publishing.

Miyagawa, S. (2012). Blocking and Causatives: Unexpected Competition across Derivations // Miyagawa, S. *Case, Argument Structure, and Word Order*.

Moltmann F. (2006). Unbound Anaphoric Pronouns: E-Type, Dynamic and Structured-Propositions Approaches // *Synthese*, vol. 153, №2, 2006.

Moyne J.A. (1970). *The Structure of Verbal Constructions in Persian*. Ph.D. dissertation. Harvard University.

Mukhamedova R. (2015). *Kazakh: A Comprehensive Grammar*. N. Y., 2015.

Murasugi K. (1991). *Noun Phrases in Japanese and English: A Study in Syntax, Learnability and Acquisition*. Ph.D. dissertation. University of Connecticut.

Muro A. (2009). *Noun Incorporation: A New Theoretical Perspective*. Ph.D. dissertation. Università degli Studi di Padova.

Murray S.E. (2010). *Evidentiality and the Structure of Speech Acts.* Ph.D. dissertation. Rutgers University.

Muysken P. (1981). Halfway between Quechua and Spanish: The Case for Reflexification // Highfield A.R., Valdman A. (eds.) *Historicity and Variation in Creole Studies*. Ann Arbor, 1981.

Nakipoğlu M. (2009). The Semantics of the Turkish Accusative Marked Definites and the Relation between Prosodic Structure and Information Structure // *Lingua,* vol. 119, №9, 2009.

Nedjalkov V.P. (1995). Some Typological Parameters of Converbs // Haspelmath M., König E. (eds.) *Converbs in Cross-linguistic Perspective*. Berlin, N. Y., 1995.

Nedjalkov V.P. (2006). Reciprocal Constructions of Turkic Languages in the Typological Perspective // *Turkic Languages,* vol. 10, 2006.

Nedjalkov V.P. (2007a) Overview of Research. Definitions of Terms, Framework, and Related Issues // Nedjalkov V.P. (ed.) *Reciprocal Constructions.* Amsterdam, 2007.

Nedjalkov V.P. (2007b) Polysemy of Reciprocal Markers // Nedjalkov V.P. (ed.) *Reciprocal Constructions.* Amsterdam, 2007.

Nedyalkov V.P., Silnitsky G.G. (1973). The Typology of Morphological and Lexical Causatives // Keifer F. (ed.) *Trends in Soviet Theoretical Linguistics.* Dordrecht, 1973.

Nevins A. (2005). Derivations Without the Activity Condition // McGinnis M., Richards N. (eds.) *Perspectives on Phases.* (MIT Working Papers in Linguistics. Vol. 49). Cambridge, 2005.

Nikolaeva I. (2002). The Hungarian External Possessor in European Perspective. // Hasselblat C., Blokland R. (eds.) *Finno-Ugrians and Indo-Europeans: Linguistic and Literary Contacts.* Maastricht, 2002.

Nikolaeva I. (2007) Reciprocals and Sociatives in Udehe // Nedjalkov V.P. (ed.) *Reciprocal Constructions.* Amsterdam, 2005.

Nilsson B. (1978). Definiteness and Reference in Relation to the Turkish Accusative // *Orientalia Suecana*, vol. 27-28. — рус. пер. «Определенность и референтность в связи с аккузативом в турецком языке» // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 19, пер. Филянкова Е.В. М., 1987.

van Oirsouw R. (1987). *The Syntax of Coordination.* London, 1987.

Öztürk B. (2005). *Case, Referentiality and Phrase Structure*. Amsterdam, 2005.

Pancheva R., von Stechow A. (2004). On the Present Perfect Puzzle // Moulton K. Wolf M. (eds.) *Proceedings of NELS 34*. Vol. 22. Amherst, 2004.

Partee B. (2004). *Compositionality in Formal Semantics: Selected Papers by Barbara H. Partee.* Oxford, 2004.

Partee B.H., Borschev V. (2004). The Semantics of Russian Genitive of Negation: The Nature and Role of Perspectival Structure // Young R.B. (ed.) *Proceedings of SALT 14*. Ithaca 2004.

Paul I. (2009). Bare Nouns, Incorporation, and Scope // Hsieh H. (ed.) *Proceedings of Austronesian Formal Linguistics Association.* Vol. XVI. Canberra, 2009.

Pereltsvaig A. (2006). Small Nominals // *Natural Language and Linguistic Theory,* vol. 24, №2, 2006.

Pesetsky D. (1982). *Paths and Categories*. Ph.D. dissertation. MIT, 1982.

Pesetsky D., Torrego E. (2001). T-to-C Movement: Causes and Consequences // Kenstowicz M. (ed.) *Ken Hale: a Life in Language*. Cambridge, 2001.

Pesetsky D., Torrego E. (2004). Tense, Case, and the Nature of Syntactic Categories // Guéron J., Lecarme J. (eds.) *The Syntax of Time*. Cambridge, 2004.

Piñón C. (2008). Aspectual Composition with Degrees // McNally L., Kennedy C. (eds.) *Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics, and Discourse*. Oxford, 2008.

Plungian V.A. (1995). *Dogon*. München, 1995.

Polinsky M. (2007). Object Control in Korean: Obligatory vs. Non-obligatory Control // Stiebels B. (ed.) *ZAS Papers in Linguistics.* Vol. 47. Berlin, 2007.

Poppe N. (1968). *Tatar Manual. Descriptive Grammar and Texts with a Tatar-English Glossary*. Bloomington, 1968.

Portner P. (2003). The (Temporal) Semantics and (Modal) Pragmatics of the Perfect // *Linguistics and Philosophy,* vol. 26, №4, 2003.
Portner P. (2009). *Modality*. N. Y., 2009.
Preminger O. (2011). *Agreement as a Fallible Operation*. Ph.D. dissertation. MIT, 2011.
Prince A., Smolensky P. (2004). *Optimality Theory: Constraint Interaction in Generative Grammar*. Cambridge, 2004.
Pylkkänen L. (1999). Causation and External Arguments // Pylkkänen L., van Hout A., Harley H. (eds.) *Papers from the UPenn/MIT Roundtable on the Lexicon*. Cambridge, 1999.
Pylkkänen L. (2002). *Introducing Arguments*. Ph.D. disertation. MIT, 2002.
Radford A. (2004). *Minimalist Syntax: Exploring the Structure of English*. N. Y., 2004.
Ramchand G.C. (2008). *Verb Meaning And The Lexicon*. Cambridge, 2008.
Rappaport Hovav M., Levin B. (1998). Building Verb Meanings // Butt M., Geuder W. (eds.) *The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*. Stanford, 1998.
Reinhart T.M. (1976). *The Syntactic Domain of Anaphora*. Ph.D. dissertation. MIT, 1976.
Reinhart T. (1983). *Anaphora and Semantic Interpretation*. London, 1983.
Rentzch J. (2006). Actionality Operators in Uyghur // *Turkic Languages,* vol. 10, 2006.
Rigau G. (1989). Connexity Established by Emphatic Pronouns // Conte M., Petöfi J., Sözer E. (eds.) *Text and Discourse Connectedness*. Amsterdam, 1989.
Rigau G. (1990). The Semantic Nature of Some Romance // Mascaró J., Nespor M. (eds.) *Grammar in Progress: GLOW essays for Henk van Riemsdijk*. Dordrecht, 1990.
Ritter E., Rosen S.T. (1993). Deriving Causation // *Natural Language and Linguistic Theory*, vol. 11, №3, 1993.
Rizzi L. (1978). A Restructuring Rule in Italian Syntax // Keyser S.J. (ed.) *Recent Transformational Studies in European Languages*. Cambridge, 1978.
Roca F. (1996). Artículo versus demonstrativo en español. Paper presented at the VI Colloquium on Generative Grammar, Valencia, 1996.
Rochemont M.S. (1986). *Focus in Generative Grammar*. Amsterdam, 1986.
Rodríguez-Mondoñedo M. (2007). *The Syntax of Objects: Agree and Differential Object Marking*. Ph.D. dissertation. University of Connecticut.
Rooth M. (1985). *Association with Focus*. Ph.D. dissertation. University of Massachusetts, Amherst.
Ross J.R. (1967). *Constraints on Variables in Syntax*. Ph.D. dissertation. MIT.
Ross J.R. (1986) *Infinite Syntax!* Norwood, 1986.
Rothstein S. (2004). *Structuring Events*. Oxford, 2004.
Rosenbaum P. (1967). *The Grammar of English Predicate Complement Constructions*. Cambridge, 1967.
Saksena A. (1982). Contact in Causation // *Language,* vol. 58, №4, 1982.
Sauerland U. (2003). Unpronounced Heads in Relative Clauses // Schwabe K., Winkler S. (eds.) *The Interfaces: Deriving and Interpreting Omitted Structures*. Amsterdam, 2003.
Sauerland U. (2009). Decomposing Questions Acts // *Snippets,* vol. 15, 2009.
Sauerland U., Anderssen J., Yatsushiro K. (2005). The Plural is Semantically Unmarked // Kepser S., Reis, M. (eds.) *Linguistic Evidence: Empirical, Theoretical and Computational Perspectives*. Berlin, 2005.

Sauerland U., Schenner M. (2007). Embedded Evidentials in Bulgarian // Puig-Waldmüller E. (ed.) *Proceedings of Sinn und Bedeutung* 11. Barcelona, 2007.

Schlenker Ph. (2003). A Plea for Monsters // *Linguistics and Philosophy,* vol. 26, 2003.

Schönig C. (1984). *Hilfsverben im Tatarischen: Untersuchungen zur Funktionsweise einiger Hilfsverbverbindungen*. Wiesbaden, 1984.

Schönig C. (2008). Notizen zu türksprachigen Gerundialformen (Konverbialformen) als verbale Kerne von Rollenprädikaten // Schroeder Ch., Hentschel G., Boeder W. (eds.) *Secondary predicates in Eastern European languages and beyond.* Oldenburg, 2008.

Shibatani M. (1973). Semantics of Japanese Causativization // *Foundations of Language,* vol. 9, 1973.

Shibatani M. (1976). The Grammar of Causative Constructions: A Conspectus // Shibatani M. (ed.) *The Grammar of Causative Constructions.* N. Y., 1976.

Shibatani M. (2008). Relativization in Sasak and Sumbawa, Eastern Indonesia // *Language and Linguistics,* vol. 9, №4, 2008.

Shibatani M., Pardeshi P. (2002). The Causative Continuum // Shibatani M. (ed.) *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation.* Amsterdam, 2002.

Shibatani M. (1985) Passives and Related Constructions: A Prototype Analysis // *Language,* vol. 61, №4, 1985.

Shklovsky K., Sudo Y. (2010). No Case Licensing: Evidence from Uyghur. Paper presented at Penn Linguistics Colloquium 34, Philadelphia, 2010.

Shklovsky K., Sudo Y. (2014). Indexical Shifting in Uyghur and the Syntax of Monsters // *Linguistic Inquiry,* vol. 45, 2014.

Sigurðsson H.A. (2009). Minimalist C/case // *Linguistic Inquiry*, vol. 43, №2, 2012.

Silverstein M. (1976). Hierarchy of Features and Ergativity // Dixon R.M.W. (ed.) *Grammatical Categories in Australian Languages.* Canberra, 1976.

Slioussar N. (2011). *Grammar and Information Structure: A Novel View Based on Russian Data*. Ms., Utrecht institute of Linguistics and St. Petersburg State University.

Slobin D.I., Aksu A.A. (1982). Tense, Aspect and Modality in the Use of the Turkish Evidential // Hopper P. J. (ed.) *Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics.* Amsterdam, 1982.

Speas M. (2010). Evidentials as Generalized Functional Heads // Di Sciullo A.M., Hill V. (eds.) *Edges, Heads, and Projections: Interface Properties.* Amsterdam, 2010.

Speas M., Tenny C. (2003). Configurational Properties of Point of View Roles // Di Sciullo A.M. (ed.) *Asymmetry in Grammar.* Vol. 1. Amsterdam, 2003.

Spencer A. (2008). Case as a Morphological Phenomenon // Malchukov A., Spencer A. (eds.) *Handbook of Case*. Oxford, 2008.

Squartini M. (1999). On the Semantics of the Pluperfect: Evidence from Germanic and Romance // *Linguistic Typology,* vol. 3, №1, 1999.

Starke M. (2010). Nanosyntax: A Short Primer to a New Approach to Language // *Nordlyd,* vol. 36, №1, 2010.

Stassen L. (1985). *Comparison and Universal Grammar*. Oxford, 1985.

Stassen L. (2000). And-languages and With-languages // *Linguistic Typology,* vol. 4, №1, 2000.

von Stechow A. (2008). *Syntax and Semantics. An Overview.* Ms. University of Tübingen, 2008.

von Stechow A. (2009). Tenses in Compositional Semantics // Klein W., Li P. (eds.) *The Expression of Time.* Berlin, 2009.

Stepanov A. (2007). Morphological Case and the Inverse Case Filter // *Linguistische Berichte,* vol.211, 2007.

Sudo Y. (2009). Invisible Degree Nominals in Japanese Clausal Comparatives // Vermeulen R., Shibagaki R. (eds.) *Proceedings of the 5th Workshop on Altaic in Formal Linguistics*. Cambridge, 2009.

Sudo Y. (2012). *On the Semantics of Phi-features on Pronouns.* Ph.D. dissertation. Massachusetts Institute of Technology.

Suleymanov D.Sh. (2010). Natural Cognitive Mechanisms in the Tatar language // Trappel R. (ed.) *Collection of the Vienna Proceedings of the Twentieth European Meeting in Cybernetics and Systems Research.* Vienna, 2010.

Suleymanov D., Nevzorova O., Gatiatullin A., Gilmullin R., Khakimov B. (2013). National Corpus of the Tatar language "Tugan Tel": Grammatical Annotation and Implementation // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, vol. 95, 2013.

de Swart H., Farkas D. (2010). The Semantics and Pragmatics of Plurals // *Semantics and Pragmatics,* vol.3, 2010.

Szabolcsi A. (1994). The Noun Phrase // Kiefer F., Kiss K.E. (eds.) *The Syntactic Structure of Hungarian.* (Syntax and Semantics. Vol. 27). San Diego, 1994.

Şener N. (2011). *Semantics and Pragmatics of Evidentials in Turkish.* Ph.D. dissertation. University of Connecticut, 2011.

Şener N., Şener S. (2011). Null Subjects and Indexicality in Turkish and Uyghur // Simpson A. (ed.) *Proceedings of the 7th Workshop on Altaic Formal Linguistics.* Cambridge, 2011.

Takashi T. (2001) Head-to-Spec Movement // Alexandrova G.M., Arnaudova O. (eds.) *The Minimalist Parameter*. Amsterdam, 2011.

Tatevosov S. (2001). From Resultatives to Evidentials: Multiple Uses of the Perfect in Nakh-Daghestanian Languages // *Journal of Pragmatics,* vol. 33, №3, 2001.

Tatevosov S. (2002). Inferred Evidence: Language-specific Properties and Universal Constraints // Jaszczolt K.M., Turner K. (eds.) Meaning through Language Contrast. Vol. 1. Amsterdam, 2002.

Tatevosov S. (2007). Evidentiality and Mirativity in the Mishar Dialect of Tatar // Guentchéva Z., Landaburu J. (eds.) *L'énonciation médiatisée II: Le traitement épistémologique de l'information.* Leuven, 2007.

Tatevosov S. (2011). Detelicization and Argument Suppression: Evidence from Godoberi // *Linguistics,* vol. 49, №3, 2011.

Tatevosov S. (2013a). Decomposing Event Structure: Evidence from Denominal Verbs in Tatar // Ozge U. (ed.) *Proceedings of the 8th Workshop on Altaic Formal Linguistics.* Cambridge, 2013.

Tatevosov S. (2013b). Telicity, Measures, and Enpoints // Guevara A.A., Chernilovskaya A., Nouwen R. (eds.) *Proceedings of Sinn und Bedeutung 16.* Cambridge, 2013.

Tatevosov S., Ivanov M. (2009). Event Structure of Non-culminating Accomplishments // Hogeweg L., de Hoop H., Malchukov A. (eds.) *Cross-linguistic Semantics of Tense, Aspect, and Modality*. Amsterdam, 2009.

Tenny C.L. (1994). *Aspectual Roles and the Syntax-Semantics Interface.* Dordrecht, 1994.

Testelets Y. (2010). Case Deficient Elements and the Direct Case Condition in Russian // *Язык и речевая деятельность*, №9, 2010.

Thompson S., Longacre R. (1985). Adverbial Clauses // Shopen T. (ed.) *Language Typology and Syntactic Description.* Vol. 2. Cambridge, 1985.

Tsunoda T. (1988). Antipassives in Warrungu and Other Australian Languages // Shibatani M. (ed.) *Passive and Voice*. Amsterdam, 1988.

Tubino Blanco M. (2011). *Causatives in Minimalism.* Amsterdam, 2011

Vendler Z. (1957). Verbs and Times // *The Philosophical Review,* vol. LXVI, 1957.

Vendler Z. (1967). *Linguistics in Philosophy*. Cornell, 1967.

Vet C. (1994). Future Tense and Discourse Representation // Vet C., Vetters C. (eds.) *Tense and Aspect in Discourse*. Berlin — N.Y., 1994.

de Vries M. (2001). Patterns of Relative Clauses // van der Wouden T., Broekhuis H. (eds.) *Linguistics in the Netherlands.* Vol. 18. Amsterdam, 2001.

de Vries M. (2002). *The Syntax of Relativization.* Utrecht, 2001.

Willett T. (1988). A Cross-linguistic Survey of the Grammaticization of Evidentiality // *Studies in Language,* vol. 12, №1, 1988.

Wurmbrand S. (2001). *Infinitives: Restructuring and Clause Structure.* Berlin — N. Y., 2001.

Wurmbrand S. (2004). Two Types of Restructuring — Lexical vs. functional // *Lingua,* vol. 114, 2004.

Yang I.S. (1976). Semantics of Korean Causation // *Foundations of Language,* vol. 14, №1, 1976.

Zaenen A., Maling J., Thráinsson H. (1985). Case and Grammatical Functions: The Icelandic Passive // *Natural Language and Linguistic Theory,* vol. 3, 1985.

Zimmer K. (1976). Some Constraints on Turkish Causativization // Shibatani M. (ed.) *The Grammar of Causative Constructions.* N. Y., 1976.

Zubizarreta M.L. (1998). *Prosody, Focus, and Word Order*. Cambridge, 1998.

Zukoff S. (2016). The Mirror Alignment Principle: Morpheme Ordering at the Morphosyntax-Phonology Interface. Paper presented at MIT Ling Lunch, Cambrige, 2016.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

В настоящем указателе использованы следующие условные обозначения: ‘$\alpha \subset \beta$’ — β является гиперонимом по отношению к α; ‘$\alpha \cap \beta$’ — понятия α и β имеют зону содержательного пересечения.

Полужирным шрифтом обозначаются входы статей, *курсивом* — отсылки к другим статьям.

абдукция 129–132, 136, 138, 141
абстракции степенной параметр 454–456
агенс — см. ***роль семантическая*** *агенс*
агентивное дополнение — см. ***дополнение*** *агентивное*
агентивный глагол — см. ***глагол*** *агентивный*
адмиратив 56, 124, 137, 142–143, 144, 146, 151–152
~ в будущем 24, 57, 125, 127, 143, 144–145
~ в настоящем 24, 57, 125–127, 137, 141–142–143
~ в прошедшем 24, 27, 29, 56–57, 125–127, 133–138, 141-142
адъюнкт 22, 331, 369, 374, 379, 452, 454, 464, 521–522, 531, 591
актант сентенциальный (∩ ***предложение*** *актантное*, ∩ ***предикация*** *зависимая актантная*) 18, 379, 470, 471, 491, 504, 525, 533, 547–551, 555, 559, 567, 570, 585, 591, 620, 622, 625–626, 629, 636, 639, 641–643, 645, 647–648
актантная деривация — см. ***деривация актантная***
актантная предикация — см. ***предикация*** *зависимая актантная*
актантное предложение — см. ***предложение*** *актантное*
актуально-длительное значение — см. ***значение*** *актуально-длительное*
акциональная композиция — см. ***композиция акциональная***
акциональная модификация — см. ***модификация акциональная***
акциональная характеристика — см. ***характеристика акциональная***
акциональное значение — см. ***значение*** *акциональное*
акциональность (∩ **значение** акциональное, ∩ **характеристика акциональная**) 56, 90, 154, 187–188, 196, 268
акциональный класс — см. ***класс*** *акциональный*
анафор (⊂ **средство** анафорическое) 470, 649
анафора 397–400, 410, 470, 574, 619, 633
~ дискурсивная 397, 399–400, 410, 633
~ синтаксическая 398, 619, 633
анафорические отношения — см. ***отношение*** *анафорическое*
анафорическое местоимение — см. ***местоимение*** *анафорическое*
анафорическое средство — см. ***средство*** *анафорическое*
антецедент 56, 146, 152, 153, 179, 302–303, 350, 397, 400–401, 410, 470, 522, 552, 564, 580, 620, 621, 623–624, 626–635, 637, 649
аподосис (∩ **предложение** обстоятельственное условия) 68, 478, 482–485
аппликатив 210–212, 216–217
аргумент
~ инкрементальный (∩ ***тема инкрементальная***) 121
~ квантованный 109, 112–114, 121
~ кумулятивный 112–114

ассистив (⊂ ***деривация актантная***) 159–160, 190–191, 197–200, 203–210, 212, 214, 216–217, 225, 251, 281
~ная конструкция — см. ***конструкция*** ассистивная
ассистивное значение каузатива — см. ***каузатива*** *ассистивное значение*
ассоциатив (⊂ ***деривация актантная***, ∩ ***конструкция*** *ассоциативная*) 195, 198, 221
бенефактив — см. ***роль семантическая*** *бенефактив*
беспритяжательное склонение — см. ***склонение*** *беспритяжательное*
будущее
~ в прошедшем 24, 27–29, 57, 482–485
~ время — см. ***время*** *будущее*
~ интенциональное 72, 76, 81
~ предиктивное 72–76, 80
вариативное маркирование — см. ***маркирование вариативное***
вербализатор (∩ глаголы производные) 38, 249, 281
вершина
~ лексическая 405, 417, 421, 423
~ синтаксическая 161, 232, 628
~ функциональная 417, 419, 569–570
ветвление 254, 338, 381, 398–399, 639–640, 643–644
~ левое 254, 381, 639–640, 643–644
~ правое 254, 640
вид 10, 56, 60–67
видовое значение — см. ***значение*** *видовое*
вложение линейное 473, 485, 487, 513–514, 639–640, 646–648
возвратное местоимение — см. ***местоимение*** *рефлексивное*
время
~ будущее 35, 56, 67, 70, 71–73, 80, 82, 84, 87, 125, 483–484, 490–493, 528, 589, 629
~ настоящее 56, 58, 60, 67, 69, 72, 74, 76, 86, 142, 376, 384, 464, 528, 550,
~ прошедшее 29–30, 56, 59, 68–69, 85–86, 125, 155, 384, 479, 528–529, 543
вхождения в процесс значение (⊂ *значение акциональное*) 90–94, 96, 102–104, 117, 272–273, 617
вхождения в состояние значение (⊂ ***значение*** *акциональное*) 90–92, 94–96, 98–100, 103–106, 108–109, 113, 117, 120–122, 268–270, 273, 503, 614, 617
выделение фокусное 285, 339–340, 354, 370, 389, 610
гармония гласных — см. ***сингармонизм***
главная предикация — см. ***предикация*** *главная*
глагол
~ агентивный 108, 164–165, 176, 181, 191, 210, 212, 222–223
~ вспомогательный 19, 24–28, 31, 55, 57–59, 85, 101, 107, 117, 122, 125, 147, 153–155, 373–374, 376–379, 417, 419–421, 423–430, 432–433. 435–441, 443–447, 479–485, 504, 553–555, 557
~ двухместный (∩ *переходный*) 95, 182, 204, 223, 443, 608
~ матричный (∩ ***предикат*** *матричный*) 418, 420, 426, 430, 550, 564, 566, 570–571, 584, 629, 639, 641–643, 649
~ непереходный (∩ *одноместный*) 163, 165, 169, 172, 180, 188, 230, 249–250, 268, 278, 387, 396, 426, 432, 444, 489, 601, 607
~ одноместный (∩ *непереходный*) 95, 163–165, 176, 181–182, 200, 204, 210, 212, 222–223, 444, 608
~ пациентивный 163–164, 186, 200, 210
~ переходный (∩ *двухместный*) 163–165, 167, 170, 171–174, 176, 180, 182, 196, 230–231, 233–234, 235, 249, 251, 256, 264–265, 274, 278, 279, 388, 396, 405, 413, 415, 423–424, 426, 431–432, 439, 445, 490, 600
~ перцептивный 182
~ сериализатор (⊂~ *вспомогательный*) 26, 28, 378–379, 417–418, 420–425, 427–428, 430, 432–440, 442–443, 446–447, 464–465
~ смысловой *(=лексический*) 24–29, 59, 107, 373, 418, 421, 423, 426–427, 429–430, 435, 436, 438–439, 441–443, 446, 481–483, 485, 527
~ фазовый 103, 419, 551, 554, 556
~ экспериенциальный 166–167, 170
~ эмотивный 167–170
~ы двупредельные (⊂ ***класс*** *акциональный*) 96, 104

~ы ингресивно-непредельные (⊂ ***класс*** *акциональный*) 96, 102–104, 107–108
~ы инцептивно-стативные (⊂ ***класс*** *акциональный*) 96, 98–102, 105–107, 122–123, 154, 502, 614
~ы мультипликативные (⊂ ***класс*** *акциональный*) 95–96, 103–104, 106, 188
~ы непредельные (⊂ ***класс*** *акциональный*) 101, 198, 250, 502–503, 599
~ы предельные (⊂ ***класс*** *акциональный*) 95, 97–98, 103, 108, 187, 198, 250, 503, 598–599, 616
~ы производные
~ ~ инструментальные 263–266, 269, 274, 276–278, 280
~ ~ отадъективные 280
~ ~ отыменные 159–160, 249, 251–253, 255–256, 259–261, 265, 268–269, 273–274, 276–277, 279–280
~ы пунктивные (⊂ ***класс акциональный***) 96, 98–99, 107, 123, 154
~ы речи — см. ***речи глаголы***
~ы стативные (⊂ ***класс акциональный***) 107, 123, 154, 200, 502
гласных гармония — см. ***сингармонизм***
гортатив 4, 10, 13, 16–17, 20–21, 493, 506
группа
~ именная
~ ~ беспадежная 393, 401–403, 406–408, 416, 464
~ ~ нереферентная (∩ ***нереферентность***) 305, 307, 309, 321, 322–323, 392–393
~ ~ определенная (∩ ***определенность***) 303, 305–307, 309–312, 315, 318–323, 388, 391, 392, 400, 406
~ ~ референтная неопределенная (∩ ***референтность***) 305–307, 309–310, 312, 315, 319–320, 322–323, 388, 391–392, 394, 403, 407
~ расщепленная 338, 389–393, 403–404
дативное подлежащее-экспериенцер — см. ***подлежащее-****экспериенцер дативное*
дативный субъект — см. ***подлежащее-****экспериенцер дативное*
двупредельные глаголы — см. ***глаголы*** *двупредельные*
двухместный глагол — см. ***глагол*** *двухместный*
деепричастие *(∩* ***конструкция*** *деепричастная, ∩* ***предикация*** *деепричастная*)
~ одновременности (∩ ***предложение*** *обстоятельственное одновременности*) 10–12, 16, 20–21, 476, 494, 504
~ предшествования (∩ ***предложение*** *обстоятельственное предшествования*) 10, 16, 20–21, 475, 494, 498
~ редуплицированное 22, 469, 472, 497–498, 504–508, 524
~ следования (∩ ***предложение*** *обстоятельственное следования*) 6, 10, 11, 16, 20–21, 477
~ специализированное 472, 474, 494–495, 497–498
~ условия — см. ***кондиционалис***
деепричастная конструкция — см. ***конструкция*** *деепричастная*
деепричастная предикация — см. ***предикация*** *деепричастная*
дезидератив 10, 13, 16, 19–20, 30–31, 548, 557–560, 649
декаузатив (⊂ ***деривация актантная***) 179, 184, 196, 209, 252, 276–280, 431
декомпозиция радикальная предикатная 233–235, 281
денотативная структурная зона — см. ***зона структурная*** денотативная
депациентив (⊂ ***деривация актантная***) 10, 14, 16, 31, 95, 159–160, 184–185, 187–190, 195–196, 198, 223–225, 251, 281, 590
деривация актантная (∩ ***залог***) 31, 159–162, 169, 179–180, 197–199, 204, 206, 209–210, 212, 221, 225, 281, 427, 465, 590, 619, 649
дискурсивная анафора — см. ***анафора*** *дискурсивная*
дискурсивная приоритетность — см. ***приоритетность дискурсивная***
дискурсивный конверб — см. ***деепричастие*** *дискурсивное*
дифтонг 4, 6, 51
дополнение
~ агентивное (∩ ***роль семантическая*** *агенс*) 179–180, 182, 184
~ косвенное 163, 167–169, 186, 380, 492, 531–532, 552, 628–629
~ прямое 109–110, 113–114, 163, 165, 167, 169, 171, 175–177, 179, 185–187, 191, 193,

218, 223–225, 231, 259, 267, 271, 324–325, 373, 380–382, 387–388, 391–397, 399–400, 402–404, 407–408, 410, 412–416, 464, 490, 492, 527–532, 539, 563, 568, 573, 594, 599–600, 610–611, 619, 621, 625, 629
~ ~ неоформленное — см. ***объекта вариативное маркирование***
~ сентенциальное 469, 547–548, 560–561, 563, 571, 573, 575–576, 581, 649
доступности иерархия 469, 531, 533, 535, 545
зависимая предикация — см. ***предикация*** *зависимая*
зависимое предложение — см. ***предложение*** *зависимое*
зависимый предикат — см. ***предикат*** *зависимый*
залог (∩ ***деривация актантная***) 162, 193, 197, 232, 281, 414, 529
~ возвратный 190
~ страдательный 528
засвидетельствованность (⊂ **эвиденциальность**)
~ прямая 124, 137, 141–143
~ косвенная 124–125, 127, 138–139, 153, 155
зеркальности принцип 206, 214–216, 332
значение
~ актуально-длительное (⊂ ~ *видовое*) 60–61, 63, 65, 67, 98–99
~ акциональное (∩ ***акциональность***, ∩ ***характеристика акциональная***) 62, 90–92, 94–95, 101, 104–105, 108, 113, 503, 618
~ видовое 60–62, 65
~ вхождения в процесс — см. ***вхождения в процесс значение***
~ вхождения в состояние — см. ***вхождения в состояние значение***
~ мультипликативного процесса — см. ***мультипликативного процесса значение***
~ перфективное (⊂ ~ *видовое*) 61–63, 65–67, 89, 94
~ процесса — см. ***процесса значение***
~ состояния — см. ***состояния значение***
~ хабитуальное (⊂ *видовое*, ∩ ***интерпретация*** *хабитуальная*) 61, 63–64, 66–67, 89
зияние 8, 12
зона структурная 285, 330, 539
~ денотативная 331, 539
~ объектообразующая — см. *денотативная*
~ рекурсивная 331, 539
~ референциально-квантификационная 285, 539
идиома клаузальная 567–569
иерархия
~ доступности — см. ***доступности иерархия***
~ одушевленности — см. ***одушевленности иерархия***
изафетная конструкция — см. ***конструкция*** *изафетная*
именная группа — см. ***группа*** *именная*
императив (⊂ *наклонение*) 10–11, 16–17, 20–21, 150–151, 498–499, 505, 548–549, 586
имперсональное значение пассива — см. ***пассива*** *имперсональное значение*
имперсональный каузатив — *см.* ***каузатив*** *имперсональный*
имперфект 24–29, 56–57, 59, 65, 67–68, 474,
имя действия 8, 10, 12, 16, 18, 20–21, 24, 48, 475–476, 489, 548–550, 585, 588–591, 596–597, 599, 601–603, 612, 618, 620
инвертированный падежный фильтр — см. ***фильтр падежный инвертированный***
ингресивно-непредельные глаголы — см. ***глаголы*** *ингресивно-непредельные*
индексикальный сдвиг — см. ***сдвиг индексикальный***
индикатив (⊂ *наклонение*) 124, 548
инкорпорация 260–261, 271, 274, 280, 397–400, 402
инкрементальная тема — см. ***тема инкрементальная***
инкрементальное отношение — см. ***отношение*** *инкрементальное*
инкрементальное свойство — см. ***свойство*** *инкрементальное*
инкрементальность (∩ ***аргумент*** *инкрементальный*, ∩ ***путь*** *инкрементальный*, ∩ ***свойство*** *инкрементальное*, ∩ ***тема инкрементальная***) 111, 114
инкрементальный аргумент — см. ***аргумент*** *инкрементальный*
инкрементальный путь — см. ***путь инкрементальный***
интерпретация
~ последовательная (⊂ ~ *таксисная*) 500, 502–503

~ таксисная 501, 508, 525
~ фоновая (⊂ ~ *таксисная*) 500, 502–503
~ хабитуальная (∩ ***значение*** *хабитуальное*) 60, 64, 66, 69
инферентивность (⊂ **засвидетельствованность** косвенная) 124, 127–128, 136, 143
~ экспериенциальная 128
инфинитив 10–11, 13–16, 20–21, 30–31, 35–37, 378–379, 419–420, 426, 489–490, 525, 548, 553, 557, 559–560, 585–586, 620, 628–629, 649
инцептивно-стативные глаголы — см. ***глаголы*** *инцептивно-стативные*
каузатив (⊂ ***деривация актантная***) 8, 10, 13, 16, 32–35, 95, 159–167, 169–176, 178–179, 189, 196, 198–199, 204–209, 212, 214, 216–217, 227–235, 237–238, 240–249, 251, 281, 374, 421, 427, 441–443, 446–447, 556, 590, 607–608
~ двойной 159, 227, 229–231, 240–241, 244
~ имперсональный 172, 175, 607
~ фальшивый 159, 227, 231–233, 241–248
~а ассистивное значение 159, 171
~а непрямое значение 164–166, 171–172, 175, 234
~а пассивное значение 174–175, 196
~а пермиссивное значение 171, 174–175
~а прямое значение 164, 171–172, 234
~а рогативное значение 171
каузативизация 33–34, 159, 163–165, 167, 169, 172, 175, 177, 196, 227–228, 230–235, 237–238, 241, 248, 281, 373, 396, 413, 441, 443, 445, 447, 625
каузативный пассив — см. ***каузатива*** *пассивное значение*
каузативное отношение — см. ***отношение*** *каузативное*
каузатор — см. ***роль семантическая*** *каузатор*
каузируемый — см. ***роль семантическая каузируемый***
квантованность (∩ ***аргумент*** *квантованный*, ∩ ***предикат*** *квантованный*) 91–92, 111–113, 115, 121, 270–271
квантованный аргумент — см. ***аргумент*** *квантованный*
квантованный предикат — см. ***предикат*** *квантованный*
квантор 73, 87–88, 236, 331–332, 335, 337–338, 341, 362, 369, 390, 392, 401, 406–407, 410, 413, 415, 419, 429, 470, 544, 546, 591, 596, 598–599, 619
~ исчерпывающий 390, 407
класс акциональный 56, 90, 95, 117, 120, 122–123, 154, 188, 198, 250, 501–502, 508, 525
клауза — см. ***предикация***
клаузальная идиома — см. ***идиома клаузальная***
коллективное значение ассоциатива — см. ***ассоциатива*** *коллективное значение*
компаратив — см. ***сравнение***
~ фразовый 453, 458–460, 463–464
композиция акциональная 56, 109, 112–113, 117, 120–122, 270–271
конверб — см. ***деепричастие***
кондиционалис (⊂ *наклонение*) 10, 13, 16–17, 20–21, 152–153, 479–486, 494, 499, 525, 542
конструкция
~ ассистивная (∩ ***ассистив***) 191, 198–199, 201, 203–204, 212
~ ассоциативная (∩ ***ассоциатив***) 194, 220–223
~ деепричастная (∩ ***деепричастие***) 471, 517, 525, 638–639
~ изафетная (∩ ***посессивность***) 285, 287, 290, 296–310, 312–329, 331–338, 341, 345, 352–354, 369–370, 390, 392–394, 399, 404, 475, 518–521, 539, 584–585
~ коррелятивная 495, 525, 539, 541–542, 544, 648
~ нумеративная 285, 297, 328–329, 370
~ подчинительная (∩ ***подчинение*** *синтаксическое*) 473, 487, 504, 644, 647
~ полипредикативная (∩ ***предложение*** *сложное*) 31, 230, 379, 473, 498, 524, 556, 637–638, 640, 642, 648
~ со вспомогательным глаголом (=КВГ) 26, 28–29, 55, 101, 117, 122, 378–379, 417–421, 426–427, 430–432, 438–439, 445–447, 464–465, 557
~ сочинительная (∩ ***сочинение*** *синтаксическое*) 473, 487, 643–644
~ сравнительная 374, 448–449, 453–454, 459, 464–465, 497
контекст логофорический 635–637

контекстное деепричастие — см. ***деепричастие*** *контекстное*
контролер релятивизации — см. ***релятивизации*** *контролер*
кореферентность (∩ ***отношения анафорические***) 175, 183–184, 489–490, 493, 508, 564, 573–574, 629, 632–637, 643
косвенное дополнение — см. ***дополнение*** *косвенное*
коэффициент составляющая / словоформа — см. ***составляющая*** / словоформа коэффициент
кумулятивность (∩ ***аргумент*** *кумулятивный*, ∩ ***предикат*** *кумулятивный*) 90–92, 111–113, 115, 271
кумулятивный аргумент — см. ***аргумент*** *кумулятивный*
кумулятивный предикат — см. ***предикат*** *кумулятивный*
левое ветвление — см. ***ветвление*** *левое*
лексическая реструктурирование — см. ***реструктурирование*** *лексическая*
линейное вложение — см. ***вложение линейное***
лично-числовое согласование — см. ***согласование*** *лично-числовое*
лично-числовые показатели — см. ***показатели*** *лично-числовые*
логофорический контекст — см. ***контекст*** *логофорический*
маркер рефлексивный — см. ***местоимение*** *рефлексивное*
маркирование вариативное 164, 175–177, 205, 217, 224, 231, 373, 380, 385–389, 392–393, 403, 410, 416, 443–444
~ каузируемого — 175, 177, 205, 231, 444
~ объекта — см. ***объекта*** *вариативное маркирование*
матричный глагол — см. ***глагол*** *матричный*
матричный предикат — см. ***предикат*** *матричный*
медиальное значение пассива — см. ***пассива*** *медиальное значение*
медиативность (∩ ***адмиратив***, ∩ ***эвиденциальность***) 57, 60, 124–125, 127, 133, 141, 149, 153
местоимение
~ анафорическое — см. ***средство*** *анафорическое*
~ возвратное — см. ~ *рефлексивное*
~ вопросительное 44–47, 51, 383, 390, 406, 495, 542, 585
~ личное 43, 286, 288, 290–291, 312, 390, 392, 470, 519, 536, 549, 561, 571–573, 575–576, 578–580, 635–637, 643, 648-649
~ неопределенное 44-45, 51, 291, 301, 390
~ нулевое (⊂ ***средство*** *анафорическое*) 380, 523, 561, 572–585, 619–620, 623, 627–632, 634, 637, 649
~ ~ PRO 420, 522–523, 551–553, 555–556, 620, 627–629, 634, 649
~ ~ *pro* 523–524, 571, 573–580, 582-584, 627–628, 630–632, 636–637, 649
~ относительное 406, 527, 530, 535–536, 544–546
~ отрицательной полярности 453
~ резумптивное 382, 532, 535–536, 544–547
~ рефлексивное (⊂ ***средство*** *анафорическое*) 619, 622–623, 625–626, 636–637, 649
~ ~ простое 470, 619, 621–623, 630, 636, 649
~ ~ сложное 470, 619–621, 628, 636. 649
~ реципрокальное (⊂ ***средство*** *анафорическое*) 218, 220
~ указательное 42–44, 51, 113, 291–292, 300–301, 315, 331, 333, 335, 344, 369, 390. 392, 398, 407, 495, 537–538, 541, 542, 596–597, 619
миратив — см. ***адмиратив***
мишень релятивизации — см. ***релятивизации*** *мишень*
модель управления — см. ***управления модель***
модификатор
~ косвеннопадежный 329
~ приименной 285, 290`–292, 296, 329, 369, 536–537, 539
~ распространенный 294
~ степенной 448
~ов порядок — см. ***зависимых порядок***
модификация акциональная 56, 90, 107,188, 418, 465
мультипликативного процесса значение (⊂ **значение** акциональное) 91, 93, 94
мультипликативное значение ассоциатива — см. ***ассоциатива*** *мультипликативное значение*
мультипликативные глаголы — см. ***глаголы*** *мультипликативные*
наносинтаксис 243

нарративное деепричастие — см. ***деепричастие*** *нарративное*
нарративный конверб — см. ***деепричастие*** *нарративное*
настоящее время — см. ***время*** *настоящее*
неопределенность (∩ *статус референциальный*) 315, 325, 394, 401
неоформленное прямое дополнение — см. ***объекта вариативное маркирование***
непереходный глагол — см. ***глагол*** *непереходный*
непосредственное предшествование — см. ***предшествование*** *непосредственное*
непредельность (∩ ***значение*** *непредельное*) 93, 109, 114, 120
непредельные глаголы — см. ***глаголы*** *непредельные*
непрямое значение каузатива — см. ***каузатива*** *непрямое значение*
нереферентная именная группа — см. ***группа именная*** *нереферентная*
нереферентность (∩ ***группа именная*** *нереферентная*, ∩ ***статус референциальный***) 320, 394, 400–401
нефинитная предикация — см. ***предикация*** *нефинитная*
номинализация — см. ***имя действия***
~ актантная 591, 593, 598, 603–605, 607, 610, 613, 649
~ припослеложная 593, 601, 603–604, 606–607, 610, 613, 618
~ сирконстантная 470, 591, 593, 598, 601, 603–604, 606–607, 610, 614, 618
нулевое анафорическое местоимение — см. ***местоимение*** *нулевое pro*
нулевое анафорическое средство — см. ***местоимение*** *нулевое*
облигатив 10, 14, 16, 20, 30, 548, 557, 559, 586, 649
обстоятельственная предикация — см. ***предикация*** *зависимая обстоятельственная*
обстоятельственное предложение — см. ***предложение*** *обстоятельственное*
объекта вариативное маркирование 373, 380, 385–389, 392, 403, 410, 416, 443
объектообразующая структурная зона — см. ***зона структурная*** *денотативная*
одновременная интепретация — см. ***интерпретация*** *фоновая*
одновременность (⊂ ***таксис***, ∩ ***предложение*** *обстоятельственное одновременности*) 249, 475–477, 498, 501, 505, 524, 528, 615–616, 638, 648
одноместный глагол — см. ***глагол*** *одноместный*
одушевленности иерархия 311–312, 386, 519
оператор-монстр 576–578, 581–5.84
определенная именная группа — см. ***группа*** *именная определенная*
определенность (∩ ***группа*** *именная определенная*, ∩ ***статус референциальный***) 300, 303, 306–307, 309–312, 315, 317–321, 325, 387, 391
основа
~ глагольная 3, 10–11, 15, 28, 160, 204, 206–207, 249, 281
~ ~ вокалическая 11–15
~ ~ исходная 9–16, 28, 31–33, 35, 51, 159, 164, 227, 256, 259, 264, 281
~ ~ консонантная 10, 12, 15, 35, 41
~ ~ производная 9–11, 13–14, 16–17, 33–35, 37, 51, 586
~ именная 10, 12, 38–41, 43, 51, 264, 301, 397
относительное предложение — см. ***предложение*** *относительное*
отношение
~ анафорическое (∩ ***кореферентность***) 302, 305, 470, 474, 619, 636–637
~ инкрементальное 111–112, 114–115, 236, 245–247, 270–271, 281
отрицание 9, 16, 51, 164, 198, 203–204, 206–210, 212, 214, 230, 340, 346, 348–351, 361, 363, 373, 384–385, 387, 393, 410, 419, 422–423, 427–430, 447, 453, 464–465, 487, 500, 508, 525, 563–566, 572, 590–591, 619, 649
падеж
~ абстрактный 402–403, 406, 409–410, 414–417
~ дефолтный 388, 402
~ морфологический 388, 402, 410, 414, 416–417
~ структурный 387, 401–403, 408–409, 416–417, 555
параметр степенной абстракции — см. ***абстракции степенной параметр***
параметрическое свойство — см. ***свойство*** *параметрическое*

пассив (∩ ***деривация актантная***)
~ имперсональный 181–182, 196, 431, 438–439
~ каузативный — см. *каузатива пассивное значение*
~а декаузативное значение 179, 183, 431
~а имперсональное значение 182
~а медиальное значение 183–184, 196, 431
~а потенциальное значение 181–182, 196, 431
пассивизация 277, 420, 431, 570
пассивное значение каузатива — см. ***каузатива*** *пассивное значение*
пациенс — см. ***роль семантическая*** *пациенс*
пациентивный глагол — см. ***глагол*** *пациентивный*
пациентивный аргумент — см. ***аргумент*** *пациентивный*
передвижение
~ коммуникативное (∩ ***скрэмблинг***) 400
~ скрытое 414–415
~ фразовое 217, 274
пересказывательность (⊂ **засвидетельствованность** косвенная) 124, 127
переходный глагол — см. ***глагол*** *переходный*
пермиссивное значение каузатива — см. ***каузатива*** *пермиссивное значение*
перфект 10–11, 15–22, 24–25, 28, 56–59, 64, 124–139, 141–143, 145, 147, 149, 151, 153–155, 480–481, 484–485, 527, 553
перфективное значение — см. ***значение*** *перфективное*
перфективное причастие — см. ***причастие*** *перфективное*
перцептивный глагол — см. ***глагол*** *перцептивный*
плюсквамперфект 24–29, 56–59, 64–69, 89, 154
повелительное наклонение — см. ***императив***
подлежащее (∩ ***субъект***) 17, 153, 161, 163, 165, 167–169, 172–173, 175, 179, 181–182, 191, 193, 205, 210, 212, 222, 230, 244, 274–275, 318, 324, 337, 348, 375, 377–382, 394-402, 404, 408–409, 425, 431, 438, 444–446, 451, 469–470, 508–511, 513, 515–518, 522–524, 528–531, 533, 539–540, 549, 552–553, 555–556, 561–57, 573–578, 581–582, 595, 596, 600–603, 605–607, 610-613, 618, 620 – 621, 623–636, 649
~ дативное 168–169, 606, 620, 624, 629
~ аккузативное 470, 561–562, 564–565, 567, 621
подсобытие
~ ассистивное 203–204, 206, 210, 212
~ каузируемое 164, 178, 238, 281
~ каузирующее 159, 164, 178, 206, 208, 212, 231–234, 238, 241, 243, 254, 281, 445
подчинение
~ синтаксическое (∩ ***конструкция*** *подчинительная*) 472, 637–639, 645, 647
~я и сочинения разграничение — см. ***сочинения*** *и подчинения разграничение*
подчинительная конструкция — см. ***конструкция*** *подчинительная*
подынтервала свойство — см. ***свойство*** *подынтервала*
показатель
~ посессивный (= показатель посессивности; ∩ ***посессивность***) 12, 37, 38, 42, 48, 51, 285–290, 326, 328–329, 336–337, 369–370, 403, 475–476, 520, 551
~и лично-числовые 17, 19–20, 51, 378, 399, 473, 479–480
полипредикативная конструкция — см. ***конструкция*** *полипредикативная*
полная именная группа — см. ***группа*** *именная полная*
посессивность 12, 37–38, 42, 48, 51, 285–290, 326, 328–329, 369–370, 475–476
посессивный показатель — см. ***показатель*** *посессивный*
последовательная интерпретация — см. ***интерпретация*** *последовательная*
послелог 3, 9, 22, 24, 48–51, 93, 109, 179, 254, 290, 337, 374, 449, 451, 456, 463–465, 477, 488–491, 493, 496–497, 525, 530, 534–536, 545, 585, 591–593, 598, 603–604, 613, 615–619, 629, 634, 648–649
потенциальное значение пассива — см. ***пассива*** *потенциальное значение*
правое ветвление — см. ***ветвление*** *правое*
предельность (∩ ***значение*** *предельное*) 63, 90, 93, 97, 109, 111–112, 114–120, 123, 155, 268, 270–271, 273
предельный глагол — см. ***глагол*** *предельный*
предикат
~но-аргументное ядро — см. ***ядро предикатно-аргументное***

~ зависимый (∩ ***предикация*** *зависимая*, ∩ ***предложение*** *зависимое*) 551, 555, 558
~ интенсиональный 396
~ квантованный (∩ ***квантованность***) 112–113, 118, 271
~ кумулятивный (∩ ***кумулятивность***) 111–113
~ матричный (∩ ***глагол*** *матричный*) 420, 491, 552, 571
предикация
~ главная (∩ ***предложение*** *главное*) 455, 472–487, 489–490, 492, 494–497, 499, 501, 508–509, 511, 524, 556, 620–621, 623–637, 643, 648
~ деепричастная (∩ ***деепричастие***) 508
~ зависимая (∩ ***предложение*** *зависимое*, ∩ ***предикат*** *зависимый*) 470–486, 489–497, 500, 505, 509, 511, 524–525, 533, 548, 556, 585–586, 619–631, 633–637, 639, 643, 645, 648–649
~ ~ актантная (∩ ***актант сентенциальный***, ∩ ***предложение*** *актантное*) 470, 533, 619, 621–622, 625–626, 628–631, 634–635, 637
~ ~ обстоятельственная (∩ ***предложение*** *обстоятельственное*) 470, 619, 622, 634
~ матричная 457
~ нефинитная 533, 555, 620, 634
~ финитная 508, 590, 621, 634, 638, 640, 645
предложение
~ актантное (∩ ***актант сентенциальный***, ∩ ***предикация*** *зависимая актантная*, ⊂ *зависимое*) 491, 623, 625–626, 628, 630–634, 636, 649
~ вопросительное 146–148, 382–383, 542, 571, 611
~ зависимое (∩ ***предикация*** *зависимая*, ∩ ***предикат*** *зависимый*) 385, 456, 469, 649
~ обстоятельственное (∩ ***предикация*** *зависимая обстоятельственная*, ⊂ *зависимое*) 461, 469–488, 486–487, 489, 494–497, 524–525, 622, 625–627, 630–637, 640, 648–649
~ ~ времени 474–477, 524, 626, 630–633, 635
~ ~ места 495–496
~ ~ одновременности (⊂ ~ *времени*, ∩ ***деепричастие*** *одновременности*) 474, 476, 524, 648
~ ~ предшествования (⊂ ~ времени, ∩ **деепричастие** предшествования) 475, 524, 648
~ ~ причины 486–487, 525, 627, 635, 640, 648
~ ~ следования (⊂ ~ времени, ∩ **деепричастие** следования) 475, 477, 525, 648
~ ~ сравнения (∩ **союз** сравнительный) 496, 525
~ ~ условия (= условное; ∩ **кондиционалис**, ∩ **условие**) 478, 525
~ ~ ~ гипотетическое 479–482, 525
~ ~ ~ контрфактивное 479, 481–482, 525
~ ~ ~ реальное 478–480, 485–486, 525
~ ~ уступки 494, 525
~ ~ цели 489, 525, 625, 632, 649
~ относительное (⊂ ~ *зависимое*, ∩ ***релятивизация***) 285, 290–291, 331, 344, 354–355, 357–358, 360–361, 368–369, 458–464, 469, 471, 473, 477–478, 496, 517, 521, 524–531, 534, 536–537, 539–547, 639–641, 648
~ ~ безвершинное 460, 525, 539, 541–544, 546, 648
~ ~ рестриктивное 525–526
~ сложное (∩ ***конструкция*** *полипредикативная*) 374, 469–470, 525–526, 561, 619, 640–641, 649
~ сложноподчинённое (⊂ ~ *сложное*) 630, 640
~ сложносочинённое (⊂ ~ *сложное*) 375, 639
предшествование (∩***таксис***, ∩ ***предложение*** *обстоятельственное предшествования*) 475, 484–485, 498–501, 504, 603, 615–616, 648
~ непосредственное 475, 603, 615–616
презенс 4, 10, 14–18, 20–23, 25–26, 28–29, 35, 37, 56–59, 61, 65, 67, 69–71, 81–84, 89, 94–95, 97, 99–107, 124, 126, 141, 154, 474, 481, 501, 585
претерит 10–11, 15–17, 20–25, 28, 56–59, 62, 64–68, 91, 94–95, 97–109, 112, 124, 127, 133, 146, 250, 376, 474, 479, 481, 483, 501, 541, 543, 553, 582
приименной модификатор — см. ***модификатор*** *приименной*
прилагательное
~ непроизводное 285, 290, 293–295, 331, 341, 345, 347, 349–351, 356–357, 359–360, 394, 537, 596

~ производное 285, 290, 292–294, 331, 341, 345, 358–361, 394, 537
приложение 326–328, 370
принцип зеркальности — см. ***зеркальности принцип***
приоритет структурный (= c-command) 217, 402, 410, 522–523, 552, 567, 570, 576–577, 578, 580, 628
приоритетность дискурсивная 309–311, 319–321, 519
притяжательное склонение — см. ***склонение*** *притяжательное*
причастие
~ перфективное 18, 22, 24–25, 27, 57–60, 125, 476, 480–483, 485–486, 488, 491, 496, 550, 589
~ футуральное 22, 24–25, 27, 85, 127, 550
прономинал (⊂ ***средство*** *анафорическое*) 523, 536, 619, 630, 633, 636
пропозициональная установка — см. ***установка пропозициональная***
простое рефлексивное местоимение — см. ***местоимение*** *рефлексивное простое*
протасис (∩ ***предложение*** *обстоятельственное условия*) 151–152, 154, 478, 482–485
процесса значение (⊂ ***значение*** *акциональное*) 60, 91–94, 96, 101, 105, 109, 115, 117, 120, 502–503
прошедшее время — см. ***время*** *прошедшее*
прямая речь — см. ***речь прямая***
прямое дополнение — см. ***дополнение*** *прямое*
прямое значение каузатива — см. ***каузатива*** *прямое значение*
псевдоинкорпорация (∩ ***инкорпорация***) 400–402, 410
пунктивные глаголы — см. ***глаголы*** *пунктивные*
путь инкрементальный (∩ ***инкрементальность***) 115–121
равносубъектность 473, 512
разносубъектность 469, 473, 509–513
радикальная предикатная декомпозиция — см. ***декомпозиция радикальная предикатная***
разграничение сочинения и подчинения — см. ***сочинения*** *и подчинения разграниче-ние*
рекурсивная структурная зона — см. ***зона структурная*** *рекурсивная*
релятивизация (∩ ***предложение*** *относительное*) 469, 473, 525–536, 545–547, 639, 646–647
~и контролер 526
~и мишень 473, 526, 528–529
репортатив
~ в будущем 125, 127, 145–146
~ в настоящем 125–127, 145
~ в прошедшем 125–128, 138–140, 145
реструктуризрование 418–421, 423, 426–427, 465
~ лексическое 420, 426–427
~ функциональное 423, 426–427
референтная неопределенная именная группа — см. ***группа именная*** *референтная неопределенная*
референтность (∩ ***группа именная*** *референтная неопределенная*, ∩ ***статус референциальный***) 300, 303, 307, 320, 387
референциально-квантификационная структурная зона — см. ***зона структурная*** *референциально-квантификационная*
референциальный статус — см. ***статус референциальный***
рефлексив — см. ***местоимение*** *рефлексивное*
рефлексивное местоимение — см. ***местоимение*** *рефлексивное*
реципрок — см. ***местоимение*** *реципрокальное*
реципрокальная деривация — см. ***деривация*** *реципрокальная*
реципрокальное значение ассоциатива — см. ***ассоциатива*** *реципрокальное значение*
реципрокальное местоимение — см. ***местоимение*** *реципрокальное*
речи глаголы — см. ***глаголы*** *речи*
речь прямая 491, 493, 571–572, 574, 643
рогативное значение каузатива — см. ***каузатива*** *рогативное значение*
роль семантическая 160–161, 164, 167–168, 171, 183, 198–203, 206, 212, 218–221, 224–225, 228–229, 287, 420, 528, 561–562, 567–570, 585
~ агенс 49, 64, 72–73, 75, 77, 95, 97, 109, 114, 116, 130–132, 144, 149, 161, 167, 169–171, 180–185, 188–198, 194–195, 197–200, 202–203, 212, 220–222, 227–229, 231–236, 238, 246–247, 249, 263, 279–280, 420, 595

~ бенефактив 200–201, 212, 219
~ каузатор 163–175, 177, 205–206, 227–229, 231–233, 243–248, 250–251, 254, 426, 431, 433–434, 440, 444–446, 607–608
~ каузируемый 163, 165–169, 171–179, 199, 205–206, 208–209, 214–217, 229, 230–231, 235–236, 244, 246–248, 264, 396–397, 399, 410, 412–413, 415–416, 443–446, 607–608, 613, 625
~ ~ого вариативное маркирование — см. ***маркирование вариативное*** *каузируемого*
~ пациенс 95, 112, 115, 130, 164–165, 167, 169–172, 174–175, 179–180, 182–186, 189, 198, 200, 202, 218, 220, 224–225, 236, 270, 279, 387, 594
~ стимул 95, 167–169, 183, 198, 200, 218–219, 224
~ тема 198, 218, 567, 569–570
~ цель 198, 200, 218, 219–220, 224–225
~ экспериенцер 95, 167–169, 182–183, 198, 200, 219, 224, 380, 558–559, 605–607, 613, 620, 624, 629
~ эффектор 202–203, 280, 607

свойство
~ инкрементальное (∩ ***инкрементальность***) 117–122
~ параметрическое 56, 117, 272–273, 448–450, 455–459, 463
~ подынтервала 429

связывание 230, 419, 454, 457–458, 564, 566, 573, 579–580
~я индекс 580
~я теория 564, 573

сдвиг индексикальный 470, 561, 572–576, 581–582, 584–585, 649

семантическая односубъектность — см. ***односубъектность*** *семантическая*

семантическая роль — см. ***роль*** *семантическая*

сентенциальный актант — см. ***актант*** *сентенциальный*

сентенциальный сирконстант — см. ***предложение*** *обстоятельственное*

сериализация — см. ***конструкция*** *со вспомогательным глаголом*

сильные предельные глаголы — см. ***глаголы*** *предельные сильные*

сингармонизм 4

синтаксическая анафора — см. ***анафора*** *синтаксическая*

синтаксическая вершина — см. ***вершина*** *синтаксическая*

синтаксическое передвижение — см. ***передвижение*** *синтаксическое*

синтаксическое подчинение — см. ***подчинение*** *синтаксическое*

синтаксическое сочинение — см. ***сочинение*** *синтаксическое*

сирконстант сентенциальный — см. ***предложение*** *обстоятельственное*

сказуемое 374–384, 395, 464, 489–490, 497, 508, 561, 581, 624–625, 636, 638, 642
~ глагольное 374–375, 377–380
~ ~ простое 375
~ ~ сложное 375
~ именное 374, 376–380, 384, 464

склонение 3, 18, 22, 36–42, 45–46, 93, 476, 551
~ притяжательное 3, 18, 36–38, 40–42, 46
~ беспритяжательное 3, 38–39, 45

скрэмблинг 400–401, 406, 413–415, 419, 562–563

слабые предельные глаголы — см. ***глаголы*** *предельные слабые*

следование (⊂ ***таксис***, ∩ ***предложение*** *обстоятельственное следования*) 236, 322, 475, 477–478, 524, 648

слово союзное 648

слог 3, 7–8, 12, 33–34, 36, 51
~овая граница — см. *граница слоговая*

сложное предложение — см. ***предложение*** *сложное*

сложное рефлексивное местоимение — см. ***местоимение*** *рефлексивное сложное*

сложноподчинённое предложение — см. ***предложение*** *сложноподчинённое*

сложносочинённое предложение — см. ***предложение*** *сложносочинённое*

согласование лично-числовое 3, 375, 378, 551, 559

сокращение 627, 643–644, 648
~ глагола с сохранением его зависимых (= gapping) 644
~ эллиптическое 627

составляющая 39, 110, 178–179, 237, 285, 292–297, 315–317, 332–333, 335–337, 340–

341, 343–344, 347–351, 354–355, 357–359, 363, 366, 370, 383, 399–401, 403, 405, 407–408, 410, 416–417, 451, 460, 464, 471, 486, 516, 521–522, 537, 542, 552, 554–555, 558–559, 566, 572–573, 597, 599, 613, 627, 648
~ / словоформа коэффициент 295–296
~ DP 186, 211, 213, 229, 232, 234, 238, 240–242, 248, 254, 266–267, 269–270, 275–276, 285, 331, 337–338, 342, 370, 373, 402–407, 414–416, 422–423, 427, 464, 516–518, 521–522, 544, 566, 578
~ N 254–256, 259–261, 266, 268–270, 274–276, 297, 301, 330, 332, 338, 345, 403, 405, 414, 580
~ NP 30, 215–216, 260, 285, 301, 317–318, 332, 335, 338, 370, 373, 402–404, 407, 409–410, 414–417, 464, 610
~ NumP 285, 331–332, 335–336, 338, 370, 373, 403–404, 407, 410, 414–416, 464
~ непосредственная 317
~ фокусируемая 340–341, 343, 347–348, 351, 370, 383
состояния значение (⊂ ***значение*** *акциональное*) 90–91, 94–96
сочинение 395, 397, 470, 473, 637–639, 645, 647–649
~ синтаксическое (∩ ***конструкция*** *сочинительная*) 470, 645, 647
~я и подчинения разграничение 470, 473, 637–639, 647, 649
сочинительная конструкция — см. ***конструкция*** *сочинительная*
союз 221, 469–472, 480, 485–487, 490–491, 493, 495–496, 525, 548, 561–562, 566, 620–622, 625–626, 630, 636, 640, 642, 644–649
~ подчинительный 487, 491, 525, 561, 566, 648
~ сравнительный (∩ ***предложение*** *обстоятельственное сравнения*) 496–497
~ факультативный 480, 485, 487, 490
союзное слово — см. ***слово союзное***
союзное средство — см. ***средство*** *союзное*
специализированное деепричастие — см. ***деепричастие*** *специализированное*
сравнение
~я стандарт 272–273, 374, 440, 448–465
сравнительная степень — см. ***степень сравнительная***
сравнительная конструкция — см. ***конструкция*** *сравнительная*
средство
~ анафорическое 230, 470, 552, 619–620, 625, 627, 629–633, 649
~ союзное 525, 548–549, 585–586
стандарт
~ оценки — см. ***сравнения*** *стандарт*
~ сравнения — см. ***сравнения*** *стандарт*
стативные глаголы — см. ***глаголы*** *стативные*
статус референциальный 190, 224, 300, 303, 305, 307, 309, 318–321, 323, 325, 387, 392, 519
степенной модификатор — см. ***модификатор*** *степенной*
степень сравнительная 48, 374, 448–450, 452, 454
стимул — см. ***роль семантическая*** *стимул*
стопа 8, 33–34
стратегия
~ инфинитивная 472, 585–586, 620, 622
~ оформления обстоятельственного предложения 469, 472–473, 636
~ оформления относительного предложения 469, 525, 527, 530–531, 535–536, 545–547, 648
~ оформления сентенциального актанта 549, 585–586, 622, 626, 636, 645, 649
~ союзная 469, 472, 586, 622, 626, 636, 645
~ финитная 469, 530, 532–533, 535–536, 546, 586, 648
структурный приоритет — см. ***приоритет*** *структурный*
субкомпаратив 455–456
субъект (∩ ***подлежащее***) 168, 380, 434, 440, 443–446, 450, 460–461, 464, 469–470, 473, 475–476, 488–493, 496, 499, 507–524, 528, 540–541, 553, 558–560, 571–575, 583–584, 602, 620–621, 623–626, 628–632, 634–635, 637, 648–649
~ дативный — см. ***подлежащее****-экспериенцер дативное*
таксисная интерпретация — см. ***интерпретация*** *таксисная*
тема — см. ***роль семантическая*** *тема*
тема инкрементальная (∩ ***аргумент*** *инкрементальный*) 111–116, 119, 123, 155, 270
теория связывания — см. ***связывания теория***

транзитивизация (⊂ ***деривация актантная***) 163, 169
трехместный глагол — см. ***глагол*** *трехместный*
ударение 3, 7, 51
управления модель 160
условное наклонение — см. ***кондиционалис***
условное предложение — см. ***предложение*** *условное*
установка пропозициональная 470, 561, 566–567, 569–571, 576, 583, 649
фальшивый каузатив — см. ***каузатив*** *фальшивый*
фильтр падежный инвертированный 408–409, 416–417
финитная предикация — см. ***предикация*** *финитная*
фокус
~ вопроса 349, 351, 353, 356–359, 362–365, 383, 464
~ широкий 347–348, 351–353, 357–367, 369
~ узкий 347–353, 355–369, 383
~ эмпатии 289
фокусная клитика — см. ***частица фокусная***
фокусная частица — см. ***частица фокусная***
фокусное выделение — см. ***выделение фокусное***
функциональная реструктуризация — см. ***реструктуризация*** *функциональная*
футуроид 74, 76, 79–81
футурум 6, 10–17, 20–22, 25, 28, 35–36, 56–57, 59, 65, 67, 70–71, 74, 76, 79, 81–89, 124–125, 127, 143, 145, 154, 376, 474, 483, 491, 501, 528, 550
хабитуальная интерпретация — см. ***интерпретация*** *хабитуальная*
хабитуальное значение — см. ***значение*** *хабитуальное*
характеристика акциональная (∩ ***акциональность***, ∩ ***значение*** *акциональное*) 63, 90, 102–105, 109–110, 187–188, 268, 503, 613
цель — см. ***роль семантическая*** *цель*
цоканье 6, 51
частица фокусная 44, 286, 340–341, 344–347, 351–352, 362–363, 366, 368, 394, 579
эвиденциальность 56, 124–125, 154
экспериенцер — см. ***роль семантическая*** ***экспериенцер***
экспериенциальная инферентивность — см. ***инферентивность экспериенциальная***
экспериенциальный глагол — см. ***глагол*** *экспериенциальный*
эллипсис 178–179, 230, 348, 351–352, 356, 365, 367, 497
эмотивный глагол — см. ***глагол*** *эмотивный*
энклитика 3, 9
эпистемическая возможность — см. ***возможность*** *эпистемическая*
эпистемическая оценка — см. ***оценка эпистемическая***
эффектор — см. ***роль семантическая*** *эффектор*
юссив (⊂ *наклонение*) 10, 13, 16–17, 20–21, 493, 499–500, 505

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ..... **v**
1. Об истории этого издания v
2. О мишарском диалекте v
3. О жанровом своеобразии vi
4. О содержании книги ix
5. Об авторах и редакторах xii

БЛАГОДАРНОСТИ ..... **xiii**

РУКОВОДСТВО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ ..... **xv**
1. Компоненты книги xv
2. Представление примеров xv
3. Структура примеров xvii
4. Ситуационный контекст xix
5. Фонологическая транскрипционная запись xix
6. Подстрочный поморфемный перевод xxi
7. Литературный перевод и толкование xxv
8. Список условных обозначений и орфографические соглашения xxvi

Глава 1. ФОНОЛОГИЯ И МОРФОЛОГИЯ **3**

Раздел 1.1. Фонология 3
1.1.1. Гласные 3
1.1.2. Согласные 5
1.1.3. Структура слога и ударение 7
1.1.4. Энклитики 9

Раздел 1.2. Морфология 9
1.2.1. Глагольная морфология и парадигмы 9
1.2.1.1. Структура глагольной словоформы 9
1.2.1.2. Классы глаголов 10
1.2.1.3. Глагольные основы и глагольные формы 11
1.2.1.4. Образование отрицательных форм 15
1.2.1.5. Лично-числовые показатели 17
1.2.1.6. Парадигма синтетических личных форм, причастий и деепричастий 19
1.2.1.7. Неоднозначность синтаксического класса 19
1.2.1.8. Аналитические формы 24

1.2.1.9. Сериализованные предикаты,
или конструкции со вспомогательными глаголами 26
1.2.1.10. Прочие аналитические образования 30
1.2.1.11. Деривационные показатели....31
1.2.1.12. Замечания о составе глагольной парадигмы 36
1.2.2. Именная морфология и парадигмы....38
1.2.2.1. Имя существительное....38
1.2.2.2. Местоимение 43
1.2.2.3. Имя прилагательное....48
1.2.3. Послелог 48
1.2.4. Другие лексические классы....50

Раздел 1.3. Сумма наблюдений....50

Глава 2. СИСТЕМА ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ....53

Раздел 2.1. Глагольная система, вид, время 56
2.1.1. Ядро глагольной парадигмы 56
2.1.2. Вид....60
2.1.2.1. Видовые интерпретации....60
2.1.2.2. Аспектуальные значения основных видо-временных форм....65
2.1.3. Время....67
2.1.3.1. Прошлое и настоящее....67
2.1.3.2. Будущее 70
2.1.4. Заключение....89

Раздел 2.2. Акциональность 90
2.2.1. Акциональные значения и акциональные характеристики 90
2.2.2. Акциональные классы....95
2.2.2.1. Сильные и слабые предельные глаголы 95
2.2.2.2. Пунктивные глаголы....98
2.2.2.3. Инцептивно-стативные глаголы 99
2.2.2.4. Непредельные глаголы....101
2.2.2.5. Ингрессивно-непредельные глаголы 102
2.2.2.6. Мультипликативные глаголы....103
2.2.2.7. Малые классы
и глаголы с уникальными акциональными свойствами 104
2.2.3. Акциональная модификация....107
2.2.4. Акциональная композиция....109
2.2.4.1. Аргумент предиката как источник предельности / непредельности 109
2.2.4.2. Композициональная теория предельности....111
2.2.4.3. Предикаты с инкрементальным путем....115
2.2.4.4. Предикаты с инкрементальным параметрическим свойством....117
2.2.4.5. Некоторые сходства и различия....121
2.2.5. Заключение....122
Приложение: глагольная выборка 123

Раздел 2.3. Перфект, эвиденциальность и адмиратив 124
2.3.1. Система медиативных форм 124
2.3.2. Медиативность и временная референция к прошлому 127
2.3.2.1. Синтетический Перфект 127
2.3.2.2. Адмиратив в прошедшем 133
2.3.2.3. Репортатив в прошедшем 138
2.3.3. Адмиративность и репортативность в настоящем и будущем 141
2.3.3.1. Адмиратив в настоящем 141
2.3.3.2. Адмиратив в будущем 143
2.3.3.3. Репортатив в настоящем и Репортатив в будущем 145
2.3.4. Адмиратив в контекстах снятой утвердительности 146
2.3.4.1. Адмиратив в вопросах 146
2.3.4.2. Адмиратив в протасисе условного предложения 151
2.3.4.3. Адмиратив в оптативных высказываниях 152
2.3.5. Заключение 153

Раздел 2.4. Сумма наблюдений 154

Глава 3. АКТАНТНАЯ СТРУКТУРА И АКТАНТНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ 157

Раздел 3.1. Аргументная структура и актантные деривации 160
3.1.1. Актантная (аргументная) структура и операции с ней 160
3.1.2. Каузатив 163
3.1.2.1. Каузативы от одноместных пациентивных глаголов 164
3.1.2.2. Каузативы от одноместных агентивных глаголов 165
3.1.2.3. Каузативы экспериенциальных глаголов 166
3.1.2.4. Каузативы эмотивных предикатов 167
3.1.2.5. Каузатив как маркер переходности 169
3.1.2.6. Каузативы переходных глаголов 170
3.1.2.7. Каузативы от «квазипереходных» глаголов 171
3.1.2.8. Имперсональный каузатив 172
3.1.2.9. Каузативный пассив 174
3.1.2.10. Вариативное маркирование каузируемого 175
3.1.3. Пассив 179
3.1.3.1. Собственно пассив 179
3.1.3.2. Декаузатив 179
3.1.3.3. Имперсональный пассив. Потенциальный пассив 181
3.1.3.4. Пассивная деривация перцептивных предикатов 182
3.1.3.5. Медиальное значение пассива 183
3.1.4. Депациентив 184
3.1.4.1. Семантика депациентива 184
3.1.4.2. Депациентив и акциональность 187
3.1.4.3. Медиальные значения депациентива 189
3.1.5. Реципрокальная и ассистивная деривация 190
3.1.5.1. Ассистивная конструкция 191
3.1.5.2. Реципрокальная конструкция 192

3.1.5.3. Ассоциативная конструкция 194
3.1.5.4. Депациентивная конструкция 195
3.1.6. Некоторые обобщения 196

Раздел 3.2. Синтаксис и семантика ассистива 197
3.2.1. Показатель *-š* 197
3.2.2. Ассистивное значение морфемы *-š* 198
3.2.2.1. Ассистивная конструкция 198
3.2.2.2. Аргументы ассистивного деривата 201
3.2.2.3. Ассистивная ситуация. Семантика ассистива 203
3.2.2.4. Деривационный потенциал ассистивов 204
3.2.2.5. Анализ ассистива 209
3.2.2.6. Ассистив, каузатив и принцип зеркальности 214
3.2.3. Другие значения морфемы *-š* 217
3.2.3.1. Реципрок 217
3.2.3.2. Ассоциатив 221
3.2.3.3. Депациентив 223
3.2.4. Заключение 225
Приложение. Глагольная выборка 226

Раздел 3.3. Одинарный, двойной и фальшивый каузатив 227
3.3.1. Три каузатива 227
3.3.2. Каузативизация: событийный анализ 228
3.3.3. Два анализа 231
3.3.4. Радикальная предикатная декомпозиция 233
3.3.5. Отношения между подсобытиями 234
3.3.6. Лексические спецификации и структура каузативов 237
3.3.7. Семантика фальшивого каузатива 244
3.3.8. Отношения между подсобытиями 245

Раздел 3.4. Событийная структура некоторых отыменных глаголов 249
3.4.1. Глаголы на *-la* 249
3.4.2. Дериваты на *-la* от существительных 253
3.4.3. Инструментальные глаголы 263
3.4.4. Глаголы от прилагательных 267
3.4.5. Предельность отыменных глаголов 268

Раздел 3.5. Сумма наблюдений 281

Глава 4. СИНТАКСИС ИМЕННОЙ ГРУППЫ 283

Раздел 4.1. Базовая структура именной группы 286
4.1.1. Грамматические категории имени и их функционирование в составе ИГ 286
4.1.2. Функции показателя посессивности 287
4.1.2.1. Типы посессивных конструкций и их функциональное распределение 287
4.1.2.2. Показатели посессивности в контексте зависимого существительного 289
4.1.2.3. Показатели посессивности в составе послелогов 290

4.1.3. Приименные модификаторы 290
4.1.3.1. Базовый порядок модификаторов 291
4.1.3.2. Левостороннее расположение распространенных составляющих 294

Раздел 4.2. Существительное в функции приименного модификатора 296
4.2.1. Семантические отношения между существительными в конструкциях разных типов 296
4.2.2. Изафетная конструкция 299
4.2.2.1. Исходные гипотезы 299
4.2.2.2. Выбор между ИК3 и ИК2: семантика, прагматика, структура 303
4.2.2.3. Многофакторный анализ 319
4.2.2.4. Параллели в функционировании маркеров генитива и аккузатива 324
4.2.3. ИК1: аппозитивное определение 325
4.2.4. Проблема приложения 326
4.2.5. Нумеративная конструкция 328
4.2.6. Косвеннопадежные модификаторы имени 329

Раздел 4.3. Иерархическая структура именной группы 330

Раздел 4.4. Фокусное выделение в именной группе 339
4.4.1. Фокусные частицы и фокусируемые составляющие 340
4.4.1.1. Взаиморасположение фокусных и фокусируемых элементов 340
4.4.1.2. Преобладающая дистрибуция 341
4.4.2. Клитика *gʏna* ‘только, именно’ 346
4.4.2.1. Применяемые тесты и интерпретация результатов 347
4.4.2.2. Изафетные конструкции 352
4.4.2.3. Относительное предложение и одиночное причастие 354
4.4.2.4. Производные прилагательные 358
4.4.2.5. Детерминаторы, кванторы и числительные 362
4.4.2.6. Обобщения 368

Раздел 4.5. Сумма наблюдений 369

Глава 5. СИНТАКСИС ПРЕДИКАЦИИ 371

Раздел 5.1. Синтаксис простого предложения 374
5.1.1. Глагольное сказуемое 375
5.1.2. Именные сказуемые 376
5.1.3. Конструкции с глаголами-сериализаторами 378
5.1.4. Аргументы и адъюнкты 379
5.1.5. Вопросительные предложения 382
5.1.6. Отрицательные предложения 384

Раздел 5.2. Вариативное маркирование объекта и проблемы падежа 385
5.2.1. Вариативное маркирование объекта 385
5.2.2. Идиом с. Кутлушкино: падеж и структура именной группы 389
5.2.2.1. Дистрибуция DOM 389
5.2.2.2. Свойства неоформленных прямых дополнений 394

5.2.2.3. Анализ 403
5.2.3. Сергачский говор (идиом с. Рыбушкино): морфологический и синтаксический падеж 410
5.2.4. Заключение 416

Раздел 5.3. Конструкции со вспомогательными глаголами (КВГ) 417
5.3.1. Ограничения на взаимодействие сериального и лексического глаголов 418
5.3.1.1. Возможные подходы к анализу КВГ 418
5.3.1.2. КВГ и композициональность синтаксической структуры клаузы 421
5.3.1.3. *v*P 425
5.3.2. Структура КВГ 427
5.3.2.1. Сочетаемость с показателем отрицания 427
5.3.2.2. Пассивизация 431
5.3.2.3. Каузативизация 441
5.3.3. Основные обобщения 447

Раздел 5.4. Сравнительные конструкции 448
5.4.1. Основные факты 448
5.4.2. Нулевое и эксплицитное маркирование сравнительной степени 449
5.4.2.1. Эквивалентность нулевого и эксплицитного маркирования 449
5.4.2.2. Предпочтительное употребление *-rak* 450
5.4.2.3. Обязательное употребление *-rak* 451
5.4.3. Особенности выражения стандарта сравнения 451
5.4.4. Связывание степенных переменных и фразовое сравнение 454
5.4.4.1. Параметр степенной абстракции 454
5.4.4.2. Анализ компаративов 457
5.4.4.3. Фразовые компаративы 460
5.4.5. Заключение 464

Раздел 5.5. Сумма наблюдений 464

Глава 6. СИНТАКСИС СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ 467

Раздел 6.1. Обстоятельственные предложения 471
6.1.1. Специализированные обстоятельственные предложения 474
6.1.1.1. Обстоятельственные предложения времени 474
6.1.1.2. Обстоятельственные предложения условия 478
6.1.1.3. Обстоятельственные предложения причины 486
6.1.1.4. Обстоятельственные предложения цели 489
6.1.1.5. Обстоятельственные предложения уступки 494
6.1.1.6. Обстоятельственные предложения места 495
6.1.1.7. Обстоятельственные предложения сравнения 496
6.1.2. Обстоятельственные предложения с деепричастием на *-p* и редуплицированным деепричастием на гласную 497
6.1.2.1. Деепричастие на *-p* 497
6.1.2.2. Редуплицированное имперфективное деепричастие 504

6.1.2.3. Деепричастие на *-р*
и редуплицированное деепричастие на гласную
как особый тип деепричастий 506
6.1.2.4. Деепричастие на *-р* как деепричастие с переменным субъектом 508
6.1.3. Заключение 524

Раздел 6.2. Относительное предложение 525
6.2.1. Образование относительного предложения 527
6.2.1.1 Основная стратегия 527
6.2.1.2 Вторичная (финитная) стратегия 530
6.2.2. Иерархия доступности 531
6.2.2.1. Возможные позиции мишени релятивизации 531
6.2.2.2 Способы преодоления ограничений на релятивизацию 535
6.2.3. Линейное взаиморасположение относительного предложения
и других приименных модификаторов 536
6.2.4. Безвершинные относительные предложения
и коррелятивные конструкции 539
6.2.5. Мишарские относительные предложения на типологическом фоне 544
6.2.6. Заключение 547

Раздел 6.3. Сентенциальные дополнения 547
6.3.1. Общая характеристика 547
6.3.1.1. Финитные сентенциальные дополнения в комбинации
с союзным средством *di(je)p* 548
6.3.1.2. Номинализация 549
6.3.1.3. Инфинитив 551
6.3.1.4. Деепричастия 556
6.3.1.5. Инфинитив 2, дезидеративы и облигатив 557
6.3.2. Финитные сентенциальные дополнения 560
6.3.2.1. Синтаксис финитных сентенциальных дополнений 561
6.3.2.2. Интерпретация личных местоимений первого и второго лица 571
6.3.3. Приложение. Словарь глагольного управления 585

Раздел 6.4. Номинализация на *-и* 588
6.4.1. Имена действия на *-и* 590
6.4.2. Внешний синтаксис. Именные свойства 591
6.4.2.1. Синтаксические позиции номинализации:
актантная, сирконстантная, аргумент послелога 591
6.4.2.2. Изменение по числу 593
6.4.2.3. Сочетаемость с числительными и количественными словами 595
6.4.2.4. Сочетаемость с прилагательными,
указательными местоимениями и кванторами 596
6.4.2.5. Некоторые обобщения 598
6.4.3. Внутренний синтаксис 600
6.4.3.1. Падежное оформление аргументов
и согласование номинализации с подлежащим 600

6.4.3.2. Сочетаемость с наречиями и другими обстоятельствами ... 609
6.4.3.3. Порядок слов ... 610
6.4.3.4. Некоторые обобщения ... 612
6.4.4. Семантика ... 613
6.4.4.1. Темпоральные, видовые и акциональные характеристики актантных номинализаций ... 613
6.4.4.2. Падежные значения сирконстантной номинализации ... 614
6.4.4.3. Номинализации в позиции аргумента временных послелогов ... 615
6.4.4.4. Некоторые обобщения ... 618
6.4.5. Заключение ... 618

Раздел 6.5. Анафорические отношения в сложном предложении ... 619
6.5.1. Сложный рефлексив *üz üzen* ... 619
6.5.1.1. Местоимение *üz üzen* в позиции субъекта зависимой предикации ... 620
6.5.1.2. Местоимение *üz üzen* в несубъектной позиции в зависимой предикации ... 621
6.5.1.3. Местоимение *üz üzen* в финитной зависимой предикации ... 621
6.5.2. Простой рефлексив *üze* ... 622
6.5.2.1. Два употребления местоимения *üze*: рефлексивный маркер и интенсификатор ... 622
6.5.2.2. Местоимение *üze* с антецедентом — подлежащим главной предикации ... 623
6.5.2.3. Местоимение *üze* с антецедентом — дополнением главной предикации при каузативном глаголе ... 624
6.5.2.4. Местоимение *üze* в позиции субъекта ... 625
6.5.2.5. Местоимение *üze* в несубъектной позиции ... 626
6.5.2.6. Местоимение *üze* в нецелевых обстоятельственных зависимых ... 626
6.5.3. Нулевые анафорические средства ... 627
6.5.3.1. Нулевое анафорическое средство или эллиптическое сокращение именной группы? ... 627
6.5.3.2. Нулевое местоимение PRO ... 628
6.5.3.3. Нулевое анафорическое местоимение *pro* ... 630
6.5.4. Анафорическое местоимение *ul* ... 633
6.5.4.1. Местоимение *ul*: дискурсивная анафора vs. синтаксическая анафора ... 633
6.5.4.2. Местоимение *ul* в позиции субъекта с антецедентом-подлежащим ... 634
6.5.4.3. Местоимение *ul* и кореферентность подлежащего с не-подлежащим ... 635
6.5.5. Личные местоимения в логофорических контекстах ... 635
6.5.6. Заключение ... 636

Раздел 6.6. Проблема сочинения и подчинения ... 637
6.6.1. Расхождения между семантикой и формальным выражением ... 638
6.6.1.1. Симметричная семантика — асимметричная форма: деепричастные полипредикативные конструкции ... 638

6.6.1.2. Асимметричная семантика — симметричная форма: причинные обстоятельственные предложения с союзом *čenki* 640
6.6.2. Расхождения между разными критериями синтаксического сочинения / подчинения 645
6.6.3. Заключение 648

Раздел 6.7. Сумма наблюдений 648

ТЕКСТЫ **651**

Исторические нарративы 653
1. История Елтана 653
2. Другая история Елтана 655
3. Воспоминание 660

Бытовые рассказы 666
4. Ограбление сада 666
5. Поставь стучалку 669
6. Лето 672
7. Трактор и искра 674
8. Сенокос 676
9. Женитьба 678
10. Неудачная женитьба 680
11. Заткни трубу! 681
12. Овечка 682

Сказки 683
13. Падчерица 683
14. Петух и лиса 697
15. Зеленые иголки 700
16. Зухра на луне 702

Литературные произведения 705
17. Письмо дочери 705
18. Стихотворение 708

ЛИТЕРАТУРА **711**

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ **740**

Технический редактор
Е. В. Моргунова

Оригинал-макет и художественное оформление переплёта
Кс. П. Семёновой

.Подписано в печать 15.12.2017. Формат 70x100 1/16.
Гарнитура Times. Печ. л. 49,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 9797.

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
115093, г. Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58, стр. 3, пом. 11
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com